84(2Рос=Рус)1
Д 706

Собрание сочинений

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

БѢСЫ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ПОДРОСТОКЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1885

БѢСЫ

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вмѣсто введенія: нѣсколько подробностей изъ біографіи многочтимаго Степана Трофимовича Верховенскаго.

I.

Приступая къ описанію недавнихъ и столь странныхъ событій, происшедшихъ въ нашемъ, доселѣ ничѣмъ не отличавшемся городѣ, я принужденъ, по неумѣнію моему, начать нѣсколько издалека, а именно нѣкоторыми біографическими подробностями о талантливомъ и многочтимомъ Степанѣ Трофимовичѣ Верховенскомъ. Пусть эти подробности послужатъ лишь введеніемъ къ предлагаемой хроникѣ, а самая исторія, которую я намѣренъ описывать, еще впереди.

Скажу прямо: Степанъ Трофимовичъ постоянно игралъ между нами нѣкоторую особую и, такъ сказать, гражданскую роль и любилъ эту роль до страсти, — такъ даже, что, мнѣ кажется, безъ нея и прожить не могъ. Не то чтобъ ужь я его приравнивалъ къ актеру на театрѣ: сохрани Боже, тѣмъ болѣе, что самъ его уважаю. Тутъ все могло быть дѣломъ привычки или, лучше сказать, безпрерывной и благородной склонности, съ дѣтскихъ лѣтъ, къ пріятной мечтѣ о красивой гражданской своей постановкѣ. Онъ, напримѣръ, чрезвычайно любилъ свое положеніе «гонимаго» и, такъ сказать, «ссыльнаго». Въ этихъ обоихъ словечкахъ есть своего рода классическій блескъ, соблазнившій его разъ навсегда, и, возвышая его потомъ постепенно въ собственномъ мнѣніи, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, довелъ его, наконецъ, до нѣкотораго весьма высокаго и пріятнаго для самолюбія пьедестала. Въ одномъ сатирическомъ англійскомъ романѣ прошлаго столѣтія, нѣкто Гулливеръ, возвратясь изъ страны лиллипутовъ, гдѣ люди были всего въ какіе нибудь два вершка росту, до того пріучился считать себя между ними великаномъ, что и ходя по улицамъ Лондона, невольно кричалъ прохожимъ и экипажамъ, чтобъ они предъ нимъ сворачивали и остерегались чтобъ онъ какъ нибудь ихъ не раздавилъ, воображая, что онъ все еще великанъ, а они маленькіе. За это смѣялись надъ нимъ и бранили его, а грубые кучера даже стегали великана кнутьями: но справедливо-ли? Чего не можетъ сдѣлать привычка? Привычка привела почти къ тому-же и Степана Трофимовича, но еще въ болѣе невинномъ и безобидномъ видѣ, если можно такъ выразиться, потому что прекраснѣйшій былъ человѣкъ.

Я даже такъ думаю, что подъ конецъ его всѣ и вездѣ позабыли; но уже никакъ вѣдь нельзя сказать, что и прежде совсѣмъ не знали. Безспорно, что и онъ нѣкоторое

стоятельствъ». А если говорить всю правду, то настоящею причиной перемѣны карьеры было еще прежнее и снова возобновившееся деликатнѣйшее предложеніе ему отъ Варвары Петровны Ставрогиной, супруги генералъ-лейтенанта и значительной богачки, принять на себя воспитаніе и все умственное развитіе ея единственнаго сына, въ качествѣ высшаго педагога и друга, не говоря уже о блистательномъ вознагражденіи. Предложеніе это было сдѣлано ему въ первый разъ еще въ Берлинѣ, и именно въ то самое время, когда онъ въ первый разъ овдовѣлъ. Первою супругой его была одна легкомысленная дѣвица изъ нашей губерніи, на которой онъ женился въ самой первой и еще безразсудной своей молодости, и, кажется, вынесъ съ этою, привлекательною, впрочемъ, особой много горя, за недостаткомъ средствъ къ ея содержанію, и сверхъ того, по другимъ, отчасти уже деликатнымъ причинамъ. Она скончалась въ Парижѣ, бывъ съ нимъ послѣдніе три года въ разлукѣ и оставивъ ему пятилѣтняго сына, «плодъ первой, радостной и еще неомраченной любви», какъ вырвалось разъ при мнѣ у грустившаго Степана Трофимовича. Птенца еще съ самаго начала переслали въ Россію, гдѣ онъ и воспитывался все время на рукахъ какихъ-то отдаленныхъ тетокъ, гдѣ-то въ глуши. Степанъ Трофимовичъ отклонилъ тогдашнее предложеніе Варвары Петровны и быстро женился опять, даже раньше году, на одной неразговорчивой берлинской нѣмочкѣ, и, главное, безъ всякой особенной надобности. Но кромѣ этой, оказались и другія причины отказа отъ мѣста воспитателя: его соблазняла гремѣвшая въ то время слава одного незабвеннаго профессора, и онъ, въ свою очередь, полетѣлъ на каѳедру, къ которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиныя крылья. И вотъ теперь, уже съ опаленными крыльями, онъ естественно вспомнилъ о предложеніи, которое еще и прежде колебало его рѣшеніе. Внезапная же смерть и второй супруги, не прожившей съ нимъ и году, устроила все окончательно. Скажу прямо: все разрѣшилось пламеннымъ участіемъ и драгоцѣнною, такъ сказать, классическою дружбой къ нему Варвары Петровны, если только такъ можно о дружбѣ выразиться. Онъ бросился въ объятія этой дружбы, и дѣло закрѣпилось слишкомъ на двадцать лѣтъ. Я употребилъ выраженіе «бросился въ объятія», но сохрани Богъ кого нибудь подумать о чемъ нибудь лишнемъ и праздномъ; эти объятія надо разумѣть въ одномъ лишь самомъ высоконравственномъ смыслѣ. Самая тонкая и самая деликатнѣйшая связь соединила эти два столь замѣчательныя существа на вѣки.

Мѣсто воспитателя было принято еще и потому, что и имѣньице, оставшееся послѣ первой супруги Степана Трофимовича, — очень маленькое, — приходилось совершенно рядомъ со Скворешниками, великолѣпнымъ подгороднымъ имѣніемъ Ставрогиныхъ въ нашей губерніи. Къ тому-же всегда возможно было, въ тиши кабинета и уже не отвлекаясь огромностью университетскихъ занятій, посвятить себя дѣлу науки и обогатить отечественную словесность глубочайшими изслѣдованіями. Изслѣдованій не оказалось; но зато оказалось возможнымъ простоять всю остальную жизнь, болѣе двадцати лѣтъ, такъ сказать, «воплощенной укоризной» предъ отчизной, по выраженію народнаго поэта:

Воплощенной укоризною
. . . . . .
Ты стоялъ передъ отчизною
Либералъ-идеалистъ.

Но то лицо, о которомъ выразился народный поэтъ, можетъ быть, и имѣло право всю жизнь позировать въ этомъ смыслѣ, если-бы того захотѣло, хотя это и скучно. Нашъ-же Степанъ Трофимовичъ, по правдѣ, былъ только подражателемъ сравнительно съ подобными лицами, да и стоять уставалъ и частенько полеживалъ на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и въ лежачемъ положеніи, — надо отдать справедливость, — тѣмъ болѣе, что для губерніи было и того достаточно. Посмотрѣли-бы вы на него у насъ въ клубѣ, когда онъ садился за карты. Весь видъ его говорилъ: «Карты! Я сажусь съ вами въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно? Кто-жь отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ

ералашъ? Э, погибай Россія!» и онъ осанисто козырялъ съ червей.

А по правдѣ, ужасно любилъ сразиться въ карточки, за что̀, и особенно въ послѣднее время, имѣлъ частыя и непріятныя стычки съ Варварой Петровной, тѣмъ болѣе что постоянно проигрывалъ. Но объ этомъ послѣ. Замѣчу лишь, что это былъ человѣкъ даже совѣстливый (то есть иногда), а потому часто грустилъ. Въ продолженіе всей двадцатилѣтней дружбы съ Варварой Петровной, онъ раза по три и по четыре въ годъ регулярно впадалъ въ такъ называемую между нами «гражданскую скорбь», то есть просто въ хандру, но словечко это нравилось многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ. Впослѣдствіи, кромѣ гражданской скорби, онъ сталъ впадать и въ шампанское; но чуткая Варвара Петровна всю жизнь охраняла его отъ всѣхъ тривіальныхъ наклонностей. Да онъ и нуждался въ нянькѣ, потому что становился иногда очень страненъ: въ срединѣ самой возвышенной скорби, онъ вдругъ зачиналъ смѣяться самымъ простонароднѣйшимъ образомъ. Находили минуты, что даже о самомъ себѣ начиналъ выражаться въ юмористическомъ смыслѣ. Но ничего такъ не боялась Варвара Петровна какъ юмористическаго смысла. Это была женщина-классикъ, женщина-меценатка, дѣйствовавшая въ видахъ однихъ лишь высшихъ соображеній. Капитально было двадцатилѣтнее вліяніе этой высшей дамы на ея бѣднаго друга. О ней надо-бы поговорить особенно, что̀ я и сдѣлаю.

III.

Есть дружбы странныя: оба друга одинъ другаго почти съѣсть хотятъ, всю жизнь такъ живутъ, а между тѣмъ разстаться не могутъ. Разстаться даже никакъ нельзя: раскапризившійся и разорвавшій связь другъ первый-же заболѣетъ и, пожалуй, умретъ, если это случится. Я положительно знаю, что Степанъ Трофимовичъ нѣсколько разъ, и иногда послѣ самыхъ интимныхъ изліяній глазъ на глазъ съ Варварой Петровной, по уходѣ ея, вдругъ вскакивалъ съ дивана и начиналъ колотить кулаками въ стѣну.

Происходило это безъ малѣйшей аллегоріи, такъ даже, что однажды отбилъ отъ стѣны штукатурку. Можетъ быть, спросятъ: какъ могъ я узнать такую тонкую подробность? А что̀ если я самъ бывалъ свидѣтелемъ? Что̀ если самъ Степанъ Трофимовичъ неоднократно рыдалъ на моемъ плечѣ, въ яркихъ краскахъ рисуя предо мной всю свою подноготную? (И ужъ чего-чего при этомъ не говорилъ!) Но вотъ что̀ случалось почти всегда послѣ этихъ рыданій: на завтра онъ уже готовъ былъ распять самого себя за неблагодарность; поспѣшно призывалъ меня къ себѣ или прибѣгалъ ко мнѣ самъ, единственно чтобы возвѣстить мнѣ, что Варвара Петровна «ангелъ чести и деликатности, а онъ совершенно противоположное». Онъ не только ко мнѣ прибѣгалъ, но неоднократно описывалъ все это ей самой въ краснорѣчивѣйшихъ письмахъ и признавался ей, за своею полною подписью, что не далѣе какъ, напримѣръ, вчера, онъ разсказывалъ постороннему лицу, что она держитъ его изъ тщеславія, завидуетъ его учености и талантамъ; ненавидитъ его и боится только выказать свою ненависть явно, въ страхѣ чтобъ онъ не ушелъ отъ нея и тѣмъ не повредилъ ея литературной репутаціи; что вслѣдствіе этого онъ себя презираетъ и рѣшился погибнуть насильственною смертью; а отъ нея ждетъ послѣдняго слова, которое все рѣшитъ, и проч., и проч., все въ этомъ родѣ. Можно представить послѣ этого, до какой истерики доходили иногда нервные взрывы этого невиннѣйшаго изъ всѣхъ пятидесятилѣтнихъ младенцевъ! Я самъ однажды читалъ одно изъ таковыхъ его писемъ, послѣ какой-то между ними ссоры, изъ-за ничтожной причины, но ядовитой по выполненію. Я ужаснулся и умолялъ не посылать письма.

— Нельзя... честнѣе... долгъ... я умру, если не признаюсь ей во всемъ, во всемъ! отвѣчалъ онъ чуть не въ горячкѣ, и послалъ таки письмо.

Въ томъ-то и была разница между ними, что Варвара Петровна никогда-бы не послала такого письма. Правда, онъ писать лю

билъ безъ памяти, писалъ къ ней даже живя въ одномъ съ нею домѣ, а въ истерическихъ случаяхъ и по два письма въ день. Я знаю навѣрное, что она всегда внимательнѣйшимъ образомъ эти письма прочитывала, даже въ случаѣ и двухъ писемъ въ день, и прочитавъ, складывала въ особый ящичекъ, помѣченныя и разсортированныя; кромѣ того слагала ихъ въ сердцѣ своемъ. Затѣмъ, выдержавъ своего друга весь день безъ отвѣта, встрѣчалась съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало, будто ровно ничего вчера особеннаго не случилось. Мало по малу она такъ его вымуштровала, что онъ уже и самъ не смѣлъ напоминать о вчерашнемъ, а только заглядывалъ ей нѣкоторое время въ глаза. Но она ничего не забывала, а онъ забывалъ иногда слишкомъ ужь скоро и, ободренный ея-же спокойствіемъ, нерѣдко въ тотъ-же день смѣялся и школьничалъ за шампанскимъ, если приходили пріятели. Съ какимъ, должно быть, ядомъ она смотрѣла на него въ тѣ минуты, а онъ ничего-то не примѣчалъ! Развѣ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, или даже черезъ полгода, въ какую нибудь особую минуту, нечаянно вспомнивъ какое нибудь выраженіе изъ такого письма, а затѣмъ и все письмо, со всѣми обстоятельствами, онъ вдругъ сгоралъ отъ стыда и до того, бывало, мучился, что заболѣвалъ своими припадками холерины. Эти особенные съ нимъ припадки, въ родѣ холерины, бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыкновеннымъ исходомъ его нервныхъ потрясеній и представляли собою нѣкоторый любопытный въ своемъ родѣ курьезъ въ его тѣлосложеніи.

Дѣйствительно, Варвара Петровна навѣрно и весьма часто его ненавидѣла; но онъ одного только въ ней не примѣтилъ до самаго конца, того, что сталъ, наконецъ, для нея сыномъ, ея созданіемъ, даже можно сказать ея изобрѣтеніемъ; сталъ плотью отъ плоти ея, и что она держитъ и содержитъ его вовсе не изъ одной только «зависти къ его талантамъ». И какъ, должно быть, она была оскорбляема такими предположеніями! Въ ней таилась какая-то нестерпимая любовь къ нему, среди безпрерывной ненависти, ревности и презрѣнія. Она охраняла его отъ каждой пылинки, нянчилась съ нимъ двадцать два года, не спала-бы цѣлыхъ ночей отъ заботы, если-бы дѣло коснулось до его репутаціи поэта, ученаго, гражданскаго дѣятеля. Она его выдумала, и въ свою выдумку сама-же первая и увѣровала. Онъ былъ нѣчто въ родѣ какой-то ея мечты... Но она требовала отъ него за это дѣйствительно многаго, иногда даже рабства. Злопамятна-же была до невѣроятности. Кстати ужь разскажу два анекдота.

IV.

Однажды, еще при первыхъ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ, когда вся Россія вдругъ взликовала и готовилась вся возродиться, посѣтилъ Варвару Петровну одинъ проѣзжій петербургскій баронъ, человѣкъ съ самыми высокими связями и стоявшій весьма близко у дѣла. Варвара Петровна чрезвычайно цѣнила подобныя посѣщенія, потому что связи ея въ обществѣ высшемъ, по смерти ея супруга, все болѣе и болѣе ослабѣвали, подъ конецъ и совсѣмъ прекратились. Баронъ просидѣлъ у нея часъ и кушалъ чай. Никого другихъ не было, но Степана Трофимовича Варвара Петровна пригласила и выставила. Баронъ о немъ кое-что даже слышалъ и прежде, или сдѣлалъ видъ что слышалъ, но за чаемъ мало къ нему обращался. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ въ грязь себя ударить не могъ, да и манеры его были самыя изящныя. Хотя происхожденія онъ былъ, кажется, не высокаго, но случилось такъ, что воспитанъ былъ съ самаго малолѣтства въ одномъ знатномъ домѣ въ Москвѣ и, стало быть, прилично; по французски говорилъ какъ парижанинъ. Такимъ образомъ баронъ съ перваго взгляда долженъ былъ понять, какими людьми Варвара Петровна окружаетъ себя, хотя-бы и въ губернскомъ уединеніи. Вышло, однако, не такъ. Когда баронъ подтвердилъ положительно совершенную достовѣрность только что разнесшихся тогда первыхъ слуховъ о великой реформѣ, Степанъ Трофимовичъ вдругъ не вытерпѣлъ и крикнулъ *ура!* и даже сдѣ-

лалъ рукой какой-то жестъ, изображавшій восторгъ. Крикнулъ онъ не громко и даже изящно; даже, можетъ быть, восторгъ былъ преднамѣренный, а жестъ нарочно заученъ предъ зеркаломъ, за полчаса предъ чаемъ; но должно быть у него что нибудь тутъ не вышло, такъ что баронъ позволилъ себѣ чуть-чуть улыбнуться, хотя тотчасъ-же необыкновенно вѣжливо ввернулъ фразу о всеобщемъ и надлежащемъ умиленіи всѣхъ русскихъ сердецъ въ виду великаго событія. Затѣмъ скоро уѣхалъ и уѣзжая не забылъ протянуть и Степану Трофимовичу два пальца. Возвратясь въ гостиную, Варвара Петровна сначала молчала минуты три, что-то какъ-бы отыскивая на столѣ; но вдругъ обернулась къ Степану Трофимовичу, и блѣдная, со сверкающими глазами, процѣдила шепотомъ:

— Я вамъ этого никогда не забуду!

На другой день она встрѣтилась со своимъ другомъ какъ ни въ чемъ не бывало; о случившемся никогда не поминала. Но тринадцать лѣтъ спустя, въ одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его, и такъ-же точно поблѣднѣла какъ и тринадцать лѣтъ назадъ, когда въ первый разъ попрекала. Только два раза во всю свою жизнь сказала она ему: «я вамъ этого никогда не забуду!» Случай съ барономъ былъ уже второй случай; но и первый случай въ свою очередь такъ характеренъ и, кажется, такъ много означалъ въ судьбѣ Степана Трофимовича, что я рѣшаюсь и о немъ упомянуть.

Это было въ пятьдесятъ пятомъ году, весной, въ маѣ мѣсяцѣ, именно послѣ того какъ въ Скворешникахъ получилось извѣстіе о кончинѣ генералъ-лейтенанта Ставрогина, старца легкомысленнаго, скончавшагося отъ разстройства въ желудкѣ, по дорогѣ въ Крымъ, куда онъ спѣшилъ по назначенію въ дѣйствующую армію. Варвара Петровна осталась вдовой и облеклась въ полный трауръ. Правда, не могла она горевать очень много; ибо въ послѣдніе четыре года жила съ мужемъ въ совершенной разлукѣ, по несходству характеровъ, и производила ему пенсіонъ. (У самого генералъ-лейтенанта было всего только полтораста душъ и жалованье, кромѣ того знатность и связи; а все богатство и Скворешники принадлежали Варварѣ Петровнѣ, единственной дочери одного очень богатаго откупщика). Тѣмъ не менѣе она была потрясена неожиданностію извѣстія и удалилась въ полное уединеніе. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ находился при ней безотлучно.

Май былъ въ полномъ расцвѣтѣ; вечера стояли удивительные. Зацвѣла черемуха. Оба друга сходились каждый вечеръ въ саду и просиживали до ночи въ бесѣдкѣ, изливая другъ предъ другомъ свои чувства и мысли. Минуты бывали поэтическія. Варвара Петровна подъ впечатлѣніемъ перемѣны въ судьбѣ своей говорила больше обыкновеннаго. Она какъ-бы льнула къ сердцу своего друга и такъ продолжалось нѣсколько вечеровъ. Одна странная мысль вдругъ осѣнила Степана Трофимовича: «не разсчитываетъ-ли неутѣшная вдова на него и не ждетъ-ли, въ концѣ траурнаго года, предложенія съ его стороны?» Мысль циническая; но вѣдь возвышенность организаціи даже иногда способствуетъ наклонности къ циническимъ мыслямъ, уже по одной только многосторонности развитія. Онъ сталъ вникать и нашелъ, что походило на то. Онъ задумался: «Состояніе огромное, правда, но»... Дѣйствительно, Варвара Петровна не совсѣмъ походила на красавицу: это была высокая, желтая, костлявая женщина, съ чрезмѣрно длиннымъ лицомъ, напоминавшимъ что-то лошадиное. Все болѣе и болѣе колебался Степанъ Трофимовичъ, мучился сомнѣніями, даже всплакнулъ раза два отъ нерѣшимости (плакалъ онъ довольно часто). По вечерамъ-же, то есть въ бесѣдкѣ, лицо его какъ-то невольно стало выражать нѣчто капризное и насмѣшливое, нѣчто кокетливое и въ тоже время высокомѣрное. Это какъ-то нечаянно, невольно дѣлается, и даже чѣмъ благороднѣе человѣкъ, тѣмъ оно и замѣтнѣе. Богъ знаетъ какъ тутъ судить, но вѣроятнѣе, что ничего и не начиналось въ сердцѣ Варвары Петровны такого, что̀ могло-бы оправдать вполнѣ подозрѣнія Степана Трофимовича. Да и не промѣняла-бы она своего имени Ставрогиной на его имя, хотя-бы и столь славное. Можетъ быть, была всего только одна лишь

женственная игра съ ея стороны, проявленіе безсознательной женской потребности, столь натуральной въ иныхъ чрезвычайныхъ женскихъ случаяхъ. Впрочемъ, не поручусь; неизслѣдима глубина женскаго сердца даже и до сегодня! Но продолжаю.

Надо думать, что она скоро про себя разгадала странное выраженіе лица своего друга; она была чутка и приглядчива, онъже слишкомъ иногда невиненъ. Но вечера шли по прежнему, и разговоры были также поэтичны и интересны. И вотъ однажды, съ наступленіемъ ночи, послѣ самаго оживленнаго и поэтическаго разговора, они дружески разстались, горячо пожавъ другъ другу руки у крыльца флигеля, въ которомъ квартировалъ Степанъ Трофимовичъ. Каждое лѣто онъ перебирался въ этотъ флигелекъ, стоявшій почти въ саду, изъ огромнаго барскаго дома Скворешниковъ. Только что онъ вошелъ къ себѣ и, въ хлопотливомъ раздумьи, взявъ сигару и еще не успѣвъ ее закурить, остановился, усталый, неподвижно предъ раскрытымъ окномъ, приглядываясь къ легкимъ какъ пухъ бѣлымъ облачкамъ, скользившимъ вокругъ яснаго мѣсяца, какъ вдругъ легкій шорохъ заставилъ его вздрогнуть и обернуться. Предъ нимъ опять стояла Варвара Петровна, которую онъ оставилъ всего только четыре минуты назадъ. Желтое лицо ея почти посинѣло, губы были сжаты и вздрагивали по краямъ. Секундъ десять полныхъ смотрѣла она ему въ глаза молча, твердымъ, неумолимымъ взглядомъ, и вдругъ прошептала скороговоркой:

— Я никогда вамъ этого не забуду!

Когда Степанъ Трофимовичъ, уже десять лѣтъ спустя, передавалъ мнѣ эту грустную повѣсть шепотомъ, заперевъ сначала двери, то клялся мнѣ, что онъ до того остолбенѣлъ тогда на мѣстѣ, что не слышалъ и не видѣлъ какъ Варвара Петровна исчезла. Такъ какъ она никогда ни разу потомъ не намекала ему на происшедшее, и все пошло какъ ни въ чемъ не бывало, то онъ всю жизнь наклоненъ былъ къ мысли, что все это была одна галлюцинація предъ болѣзнію, тѣмъ болѣе, что въ ту-же ночь онъ и вправду заболѣлъ на цѣлыхъ двѣ недѣли, что̀, кстати, прекратило и свиданія въ бесѣдкѣ.

Но не смотря на мечту о галлюцинаціи, онъ каждый день, всю свою жизнь, какъбы ждалъ продолженія и, такъ сказать, развязки этого событія. Онъ не вѣрилъ, что оно такъ и кончилось! А если такъ, то странно-же онъ долженъ былъ иногда поглядывать на своего друга.

V.

Она сама сочинила ему даже костюмъ, въ которомъ онъ и проходилъ всю свою жизнь. Костюмъ былъ изященъ и характеренъ: длиннополый, черный сюртукъ, почти до верху застегнутый, но щегольски сидѣвшій; мягкая шляпа (лѣтомъ соломенная) съ широкими полями; галстукъ бѣлый, батистовый, съ большимъ узломъ и висячими концами; трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, при этомъ волосы до плечъ. Онъ былъ темнорусъ и волосы его только въ послѣднее время начали немного сѣдѣть. Усы и бороду онъ брилъ. Говорятъ, въ молодости онъ былъ чрезвычайно красивъ собой. Но, по моему, и въ старости былъ необыкновенно внушителенъ. Да и какая-же старость въ пятьдесятъ три года? Но по нѣкоторому гражданскому кокетству, онъ не только не молодился, но какъ-бы и щеголялъ солидностію лѣтъ своихъ, и въ костюмѣ своемъ, высокій, сухощавый, съ волосами до плечъ, походилъ какъ-бы на патріарха или, еще вѣрнѣе, на портретъ поэта Кукольника, литографированный въ тридцатыхъ годахъ при какомъто изданіи, особенно когда сидѣлъ лѣтомъ въ саду, на лавкѣ, подъ кустомъ расцвѣтшей сирени, опершись обѣими руками на трость, съ раскрытою книгой подлѣ и поэтически задумавшись надъ закатомъ солнца. На счетъ книгъ замѣчу, что подъ конецъ онъ сталъ какъ-то удаляться отъ чтенія. Впрочемъ, это ужь подъ самый конецъ. Газеты и журналы, выписываемые Варварой Петровной во множествѣ, онъ читалъ постоянно. Успѣхами русской литературы тоже постоянно интересовался, хотя и нисколько не теряя своего достоин-

ства. Увлекся было когда-то изученіемъ высшей современной политики нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, но вскорѣ, махнувъ рукой, оставилъ предпріятіе. Бывало и то: возьметъ съ собою въ садъ Токевиля, а въ кармашкѣ несетъ спрятаннаго Поль-де-Кока. Но, впрочемъ, это пустяки.

Замѣчу въ скобкахъ и о портретѣ Кукольника: попалась эта картинка Варварѣ Петровнѣ въ первый разъ, когда она находилась, еще дѣвочкой, въ благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ. Она тотчасъ-же влюбилась въ портретъ, по обыкновенію всѣхъ дѣвочекъ въ пансіонахъ, влюбляющихся во что ни попало, а вмѣстѣ и въ своихъ учителей, преимущественно чистописанія и рисованія. Но любопытны въ этомъ не свойства дѣвочки, а то, что даже и въ пятьдесятъ лѣтъ Варвара Петровна сохраняла эту картинку въ числѣ самыхъ интимныхъ своихъ драгоцѣнностей, такъ что и Степану Трофимовичу, можетъ быть, только поэтому сочинила нѣсколько похожій на изображенный на картинкѣ костюмъ. Но и это, конечно, мелочь.

Въ первые годы или, точнѣе, въ первую половину пребыванія у Варвары Петровны, Степанъ Трофимовичъ все еще помышлялъ о какомъ-то сочиненіи и каждый день серіозно собирался его писать. Но во вторую половину онъ, должно быть, и зады позабылъ. Все чаще и чаще онъ говаривалъ намъ: «Кажется, готовъ къ труду, матеріалы собраны, и вотъ не работается! Ничего не дѣлается!» и опускалъ голову въ унынiи. Безъ сомнѣнія, это-то и должно было придать ему еще больше величія въ нашихъ глазахъ, какъ страдальцу науки; но самому ему хотѣлось чего-то другаго. «Забыли меня, никому я не нуженъ!» вырывалось у него не разъ. Эта усиленная хандра особенно овладѣла имъ въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Варвара Петровна поняла, наконецъ, что дѣло серіозное. Да и не могла она перенести мысли о томъ, что другъ ея забытъ и не нуженъ. Чтобы развлечь его, а вмѣстѣ для подновленія славы, она свозила его тогда въ Москву, гдѣ у ней было нѣсколько изящныхъ литературныхъ и ученыхъ знакомствъ; но оказалось, что и Москва неудовлетворительна.

Тогда было время особенное; наступило что-то новое, очень ужь не похожее на прежнюю тишину, и что-то очень ужь странное, но вездѣ ощущаемое, даже въ Скворешникахъ. Доходили разные слухи. Факты были вообще извѣстны болѣе или менѣе, но очевидно было, что кромѣ фактовъ явились и какія-то сопровождавшія ихъ идеи, и, главное, въ чрезмѣрномъ количествѣ. А это-то и смущало: никакъ невозможно было примѣниться и въ точности узнать, что̀ именно означали эти идеи? Варвара Петровна, вслѣдствіе женскаго устройства натуры своей, непремѣнно хотѣла подразумѣвать въ нихъ секретъ. Она принялась было сама читать газеты и журналы, заграничныя запрещенныя изданія и даже начавшіяся тогда прокламаціи (все это ей доставлялось); но у ней только голова закружилась. Принялась она писать письма; отвѣчали ей мало, и чѣмъ далѣе, тѣмъ непонятнѣе. Степанъ Трофимовичъ торжественно приглашенъ былъ объяснить ей «всѣ эти идеи» разъ навсегда; но объясненіями его она осталась положительно недовольна. Взглядъ Степана Трофимовича на всеобщее движеніе былъ въ высшей степени высокомѣрный; у него все сводилось на то, что онъ самъ забытъ и никому не нуженъ. Наконецъ, и о немъ вспомянули, сначала въ заграничныхъ изданіяхъ, какъ о ссыльномъ страдальцѣ, и потомъ тотчасъ-же въ Петербургѣ, какъ о бывшей звѣздѣ въ извѣстномъ созвѣздіи; даже сравнивали его почему-то съ Радищевымъ. Затѣмъ кто-то напечаталъ, что онъ уже умеръ и обѣщалъ его некрологъ. Степанъ Трофимовичъ мигомъ воскресъ и сильно пріосанился. Все высокомѣріе его взгляда на современниковъ разомъ соскочило, и въ немъ загорѣлась мечта: примкнуть къ движенію и показать свои силы. Варвара Петровна тотчасъ-же вновь и во все увѣровала и ужасно засуетилась. Рѣшено было ѣхать въ Петербургъ безъ малѣйшаго отлагательства, разузнать все на дѣлѣ, вникнуть лично и, если возможно, войдти въ новую дѣятельность всецѣло и нераздѣльно. Между прочимъ она объявила, что готова основать

свой журналъ и посвятить ему отнынѣ всю свою жизнь. Увидавъ, что дошло до этого, Степанъ Трофимовичъ сталъ еще высокомѣрнѣе, въ дорогѣ-же началъ относиться къ Варварѣ Петровнѣ почти покровительственно,—что̀ она тотчасъ-же сложила въ сердцѣ своемъ. Впрочемъ, у ней была и другая весьма важная причина къ поѣздкѣ, именно возобновленіе высшихъ связей. Надо было, по возможности, напомнить о себѣ въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, попытаться. Гласнымъ-же предлогомъ къ путешествію было свиданіе съ единственнымъ сыномъ, оканчивавшимъ тогда курсъ наукъ въ петербургскомъ лицеѣ.

VI.

Они съѣздили и прожили въ Петербургѣ почти весь зимній сезонъ. Все, однако, къ Великому посту лопнуло какъ радужный мыльный пузырь. Мечты разлетѣлись, а сумбуръ не только не выяснился, но сталъ еще отвратительнѣе. Во первыхъ, высшія связи почти не удались, развѣ въ самомъ микроскопическомъ видѣ и съ унизительными натяжками. Оскорбленная Варвара Петровна бросилась было всецѣло въ «новыя идеи» и открыла у себя вечера. Она позвала литераторовъ, и къ ней ихъ тотчасъ-же привели во множествѣ. Потомъ уже приходили и сами, безъ приглашенія; одинъ приводилъ другаго. Никогда еще она не видывала такихъ литераторовъ. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, какъ-бы тѣмъ исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не всѣ) являлись даже пьяные, но какъ-бы сознавая въ этомъ особенную, вчера только открытую красоту. Всѣ они чѣмъ-то гордились до странности. На всѣхъ лицахъ было написано, что они сейчасъ только открыли какой-то чрезвычайно важный секретъ. Они бранились, вмѣняя себѣ это въ честь. Довольно трудно было узнать, что̀ именно они написали; но тутъ были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители. Степанъ Трофимовичъ проникъ даже въ самый высшій ихъ кругъ, туда откуда управляли движеніемъ. До управляющихъ было до невѣроятности высоко, но его они встрѣтили радушно, хотя, конечно, никто изъ нихъ ничего о немъ не зналъ и не слыхивалъ кромѣ того, что онъ «представляетъ идею». Онъ до того маневрировалъ около нихъ, что и ихъ зазвалъ раза два въ салонъ Варвары Петровны, не смотря на все ихъ олимпійство. Эти были очень серіозны и очень вѣжливы; держали себя хорошо; остальные видимо ихъ боялись; но очевидно было, что имъ некогда. Явились и двѣ—три прежнія литературныя знаменитости, случившіяся тогда въ Петербургѣ и съ которыми Варвара Петровна давно уже поддерживала самыя изящныя отношенія. Но, къ удивленію ея, эти дѣйствительныя и уже несомнѣнныя знаменитости были тише воды, ниже травы, а иныя изъ нихъ просто льнули ко всему этому новому сброду и позорно у него заискивали. Сначала Степану Трофимовичу повезло; за него ухватились и стали его выставлять на публичныхъ литературныхъ собраніяхъ. Когда онъ вышелъ въ первый разъ на эстраду, въ одномъ изъ публичныхъ литературныхъ чтеній, въ числѣ читавшихъ, раздались неистовыя рукоплесканія, не умолкавшія минутъ пять. Онъ со слезами вспоминалъ объ этомъ девять лѣтъ спустя,—впрочемъ, скорѣе по художественности своей натуры, чѣмъ изъ благодарности. «Клянусь-же вамъ и пари держу», говорилъ онъ мнѣ самъ (но только мнѣ и по секрету), «что никто-то изо всей этой публики знать не зналъ о мнѣ ровнешенько ничего!» Признаніе замѣчательное: стало быть, былъ-же въ немъ острый умъ, если онъ тогда-же, на эстрадѣ, могъ такъ ясно понять свое положеніе, не смотря на все свое упоеніе; и, стало быть, не было въ немъ остраго ума, если онъ даже девять лѣтъ спустя не могъ вспомнить о томъ безъ ощущенія обиды. Его заставили подписаться подъ двумя или тремя коллективными протестами (противъ чего онъ и самъ не зналъ); онъ подписался. Варвару Петровну тоже заставили подписаться подъ какимъ-то «безобразнымъ поступкомъ», и та подписалась. Впрочемъ, большинство этихъ новыхъ людей хоть и посѣщали Варвару Петровну, но считали себя почему-то обязанными смотрѣть на нее съ презрѣніемъ и

съ нескрываемою насмѣшкой. Степанъ Трофимовичъ намекалъ мнѣ потомъ, въ горькія минуты, что она съ тѣхъ-то поръ ему и позавидовала. Она, конечно, понимала, что ей нельзя водиться съ этими людьми, но всетаки принимала ихъ съ жадностію, со всѣмъ женскимъ истерическимъ нетерпѣніемъ и, главное, все чего-то ждала. На вечерахъ она говорила мало, хотя и моглабы говорить; но она больше вслушивалась. Говорили объ уничтоженіи цензуры и буквы ѣ, о замѣненіи русскихъ буквъ латинскими, о вчерашней ссылкѣ такого-то, о какомъ-то скандалѣ въ пассажѣ, о полезности раздробленія Россіи по народностямъ съ вольною федеративною связью, объ уничтоженіи арміи и флота, о возстановленіи Польши по Днѣпръ, о крестьянской реформѣ и прокламаціяхъ, объ уничтоженіи наслѣдства, семейства, дѣтей и священниковъ, о правахъ женщины, о домѣ Краевскаго, котораго никто и никогда не могъ простить господину Краевскому, и пр., и пр. Ясно было, что въ этомъ сбродѣ новыхъ людей много мошенниковъ, но несомнѣнно было, что много и честныхъ, весьма даже привлекательныхъ лицъ, не смотря на нѣкоторые всетаки удивительные оттѣнки. Честные были гораздо непонятнѣе безчестныхъ и грубыхъ; но неизвѣстно было кто у кого въ рукахъ. Когда Варвара Петровна объявила свою мысль объ изданіи журнала, то къ ней хлынуло еще больше народу, но тотчасъ-же посыпались въ глаза обвиненія, что она капиталистка и эксплоатируетъ трудъ. Безцеремонность обвиненій равнялась только ихъ неожиданности. Престарѣлый генералъ Иванъ Ивановичъ Дроздовъ, прежній другъ и сослуживецъ покойнаго генерала Ставрогина, человѣкъ достойнѣйшій (но въ своемъ родѣ) и котораго всѣ мы здѣсь знаемъ, до крайности строптивый и раздражительный, ужасно много ѣвшій и ужасно боявшійся атеизма, заспорилъ на одномъ изъ вечеровъ Варвары Петровны съ однимъ знаменитымъ юношей. Тотъ ему первымъ словомъ: «Вы, стало быть, генералъ, если такъ говорите», то есть въ томъ смыслѣ, что уже хуже генерала онъ и брани не могъ найдти. Иванъ Ивановичъ вспылилъ чрезвычайно: «Да, сударь, я генералъ и генералъ-лейтенантъ и служилъ государю моему, а ты, сударь, мальчишка и безбожникъ!» Произошелъ скандалъ непозволительный. На другой день случай былъ обличенъ въ печати, и начала собираться коллективная подписка противъ «безобразнаго поступка» Варвары Петровны, не захотѣвшей тотчасъ-же прогнать генерала. Въ иллюстрированномъ журналѣ явилась каррикатура, въ которой язвительно скопировали Варвару Петровну, генерала и Степана Трофимовича на одной картинкѣ, въ видѣ трехъ ретроградныхъ друзей; къ картинкѣ приложены были и стихи, написанные народнымъ поэтомъ единственно для этого случая. Замѣчу отъ себя, что дѣйствительно у многихъ особъ въ генеральскихъ чинахъ есть привычка смѣшно говорить: «Я служилъ государю моему»... то есть точно у нихъ не тотъ-же государь, какъ и у насъ, простыхъ государевыхъ подданныхъ, а особенный, ихній.

Оставаться долѣе въ Петербургѣ было, разумѣется, невозможно, тѣмъ болѣе, что и Степана Трофимовича постигло окончательное fiasco. Онъ не выдержалъ и сталъ заявлять о правахъ искусства, а надъ нимъ стали еще громче смѣяться. На послѣднемъ чтеніи своемъ онъ задумалъ подѣйствовать гражданскимъ краснорѣчіемъ, воображая тронуть сердца и разсчитывая на почтеніе къ своему «изгнанію». Онъ безспорно согласился въ безполезности и комичности слова «отечество»; согласился и съ мыслію о вредѣ религіи, но громко и твердо заявилъ, что сапоги ниже Пушкина и даже гораздо. Его безжалостно освистали, такъ что онъ тутъ-же, публично, не сойдя съ эстрады, расплакался. Варвара Петровна привезла его домой едва живаго. «On m'a traité comme un vieux bonnet de coton!» лепеталъ онъ безсмысленно. Она ходила за нимъ всю ночь, давала ему лавровишневыхъ капель и до разсвѣта повторяла ему: «Вы еще полезны; вы еще явитесь; васъ оцѣнятъ... въ другомъ мѣстѣ».

На другой-же день, рано утромъ, явились къ Варварѣ Петровнѣ пять литераторовъ, изъ нихъ трое совсѣмъ незнакомыхъ, которыхъ она никогда и не видывала. Со

строгимъ видомъ они объявили ей, что разсмотрѣли дѣло о ея журналѣ и принесли по этому дѣлу рѣшеніе. Варвара Петровна рѣшительно никогда и никому не поручала разсматривать и рѣшать что нибудь о ея журналѣ. Рѣшеніе состояло въ томъ, чтобъ она, основавъ журналъ, тотчасъ-же передала его имъ вмѣстѣ съ капиталами, на правахъ свободной ассоціаціи; сама-же чтобъ уѣзжала въ Скворешники, не забывъ захватить съ собою Степана Трофимовича, «который устарѣлъ». Изъ деликатности они соглашались признавать за нею права собственности и высылать ей ежегодно одну шестую чистаго барыша. Всего трогательнѣе было то, что изъ этихъ пяти человѣкъ навѣрное четверо не имѣли при этомъ никакой стяжательной цѣли, а хлопотали только во имя «общаго дѣла».

— Мы выѣхали какъ одурѣлые, разсказывалъ Степанъ Трофимовичъ,— я ничего не могъ сообразить и, помню, все лепеталъ подъ стукъ вагона:

«Вѣкъ и Вѣкъ, и Левъ Камбекъ,
Левъ Камбекъ, и Вѣкъ и Вѣкъ»...

и чортъ знаетъ что̀ еще такое, вплоть до самой Москвы. Только въ Москвѣ опомнился—какъ будто и въ самомъ дѣлѣ что нибудь другое въ ней могъ найдти? О, друзья мои! иногда восклицалъ онъ намъ во вдохновеніи, — вы представить не можете, какая грусть и злость охватываетъ всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватятъ неумѣлые и вытащутъ къ такимъ-же дуракамъ, какъ и сами, на улицу, и вы вдругъ встрѣчаете ее уже на толкучемъ, неузнаваемую, въ грязи, поставленную нелѣпо, угломъ, безъ пропорціи, безъ гармоніи, игрушкой у глупыхъ ребятъ! Нѣтъ! Въ наше время было не такъ, и мы не къ тому стремились. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не къ тому. Я не узнаю ничего... Наше время настанетъ опять и опять направитъ на твердый путь все шатающееся, теперешнее. Иначе что̀-же будетъ?..

VII.

Тотчасъ-же по возвращеніи изъ Петербурга, Варвара Петровна отправила друга своего за границу: «отдохнуть»; да и надо было имъ разстаться на время, она это чувствовала. Степанъ Трофимовичъ поѣхалъ съ восторгомъ: «Тамъ я воскресну!» восклицалъ онъ, «тамъ, наконецъ, примусь за науку!» Но съ первыхъ-же писемъ изъ Берлина онъ затянулъ свою всегдашнюю ноту: «Сердце разбито», писалъ онъ Варварѣ Петровнѣ, «не могу забыть ничего! Здѣсь, въ Берлинѣ, все напомнило мнѣ мое старое, прошлое, первые восторги и первыя муки. Гдѣ она? Гдѣ теперь онѣ обѣ? Гдѣ вы, два ангела, которыхъ я никогда не стоилъ? Гдѣ сынъ мой, возлюбленный сынъ мой? Гдѣ, наконецъ, я, я самъ, прежній я, стальной по силѣ и непоколебимый какъ утесъ, когда теперь какой нибудь Andrejeff, un православный шутъ съ бородой, peut briser mon existence en deux» и т. д. и т. д. Что̀ касается до сына Степана Трофимовича, то онъ видѣлъ его всего два раза въ своей жизни, въ первый разъ когда тотъ родился, и во второй—недавно въ Петербургѣ, гдѣ молодой человѣкъ готовился поступить въ университетъ. Всю-же свою жизнь мальчикъ, какъ уже и сказано было, воспитывался у тетокъ въ О—ской губерніи (на иждивеніи Варвары Петровны) за семьсотъ верстъ отъ Скворешниковъ. Что̀-же касается до Andrejeff, то есть Андреева, то это былъ просто за просто нашъ здѣшній купецъ, лавочникъ, большой чудакъ, археологъ-самоучка, страстный собиратель русскихъ древностей, иногда пикировавшійся со Степаномъ Трофимовичемъ познаніями, а, главное, въ направленіи. Этотъ почтенный купецъ, съ сѣдою бородой и въ большихъ серебряныхъ очкахъ, не доплатилъ Степану Трофимовичу четырехсотъ рублей за купленныя въ его имѣньицѣ (рядомъ со Скворешниками) нѣсколько десятинъ лѣсу на срубъ. Хотя Варвара Петровна и роскошно надѣлила своего друга средствами, отправляя его въ Берлинъ, но на эти четыреста рублей Степанъ Трофимовичъ, предъ поѣздкой, особо разсчитывалъ, вѣроятно на секретные свои

расходы, и чуть не заплакалъ, когда Andrejeff попросилъ повременить одинъ мѣсяцъ, имѣя, впрочемъ, и право на такую отсрочку, ибо первые взносы денегъ произвелъ всѣ впередъ чуть не за полгода, по особенной тогдашней нуждѣ Степана Трофимовича. Варвара Петровна съ жадностію прочла это первое письмо и, подчеркнувъ карандашомъ восклицаніе: «гдѣ вы обѣ?» помѣтила числомъ и заперла въ шкатулку. Онъ, конечно, вспоминалъ о своихъ обѣихъ покойницахъ-женахъ. Во второмъ, полученномъ изъ Берлина, письмѣ пѣсня варьировалась: «Работаю по двѣнадцати часовъ въ сутки (хоть-бы по одиннадцати, проворчала Варвара Петровна), роюсь въ библіотекахъ, свѣряюсь, выписываю, бѣгаю; былъ у профессоровъ. Возобновилъ знакомство съ превосходнымъ семействомъ Дундасовыхъ. Какая прелесть Надежда Николаевна даже до сихъ поръ! Вамъ кланяется. Молодой ея мужъ и всѣ три племянника въ Берлинѣ. По вечерамъ съ молодежью бесѣдуемъ до разсвѣта и у насъ чуть не аѳинскіе вечера, но единственно по тонкости и изяществу; все благородное: много музыки, испанскіе мотивы, мечты всечеловѣческаго обновленія, идея вѣчной красоты, Сикстинская Мадонна, свѣтъ съ прорѣзами тьмы, но и въ солнцѣ пятна! О, другъ мой, благородный, вѣрный другъ! Я сердцемъ съ вами и вашъ; съ одной всегда, en tout pays, и хотя-бы даже dans le pays de Makar et de ses veaux, о которомъ, помните, такъ часто мы, трепеща, говорили въ Петербургѣ предъ отъѣздомъ. Вспоминаю съ улыбкой. Переѣхавъ границу, ощутилъ себя безопаснымъ, ощущеніе странное, новое, впервые послѣ столь долгихъ лѣтъ»... и т. д. и т. д.

— Ну, все вздоръ! рѣшила Варвара Петровна, складывая и это письмо, — коль до разсвѣта аѳинскіе вечера, такъ не сидитъ-же по двѣнадцати часовъ за книгами. Съ пьяну что-ль написалъ? Эта Дундасова какъ смѣетъ мнѣ посылать поклоны? Впрочемъ, пусть его погуляетъ...

Фраза «dans le pays de Makar et de ses veaux» означала: «куда Макаръ телятъ не гонялъ». Степанъ Трофимовичъ нарочно глупѣйшимъ образомъ переводилъ иногда русскія пословицы и коренныя поговорки на французскій языкъ, безъ сомнѣнія, умѣя и понять, и перевести лучше; но это онъ дѣлывалъ изъ особаго рода шику и находилъ его остроумнымъ.

Но погулялъ онъ немного, четырехъ мѣсяцевъ не выдержалъ и примчался въ Скворешники. Послѣднія письма его состояли изъ однихъ лишь изліяній самой чувствительной любви къ своему отсутствующему другу и буквально были смочены слезами разлуки. Есть натуры чрезвычайно приживающіяся къ дому, точно комнатныя собачки. Свиданіе друзей было восторженное. Черезъ два дня все пошло по старому и даже скучнѣе стараго. «Другъ мой», говорилъ мнѣ Степанъ Трофимовичъ черезъ двѣ недѣли, подъ величайшимъ секретомъ, «другъ мой, я открылъ ужасную для меня... новость: Je suis un простой приживальщикъ et rien de plus! Mais r-r-rien de plus!»

VIII.

Затѣмъ у насъ наступило затишье и тянулось почти сплошь всѣ эти девять лѣтъ. Истерическіе взрывы и рыданія на моемъ плечѣ, продолжавшіеся регулярно, нисколько не мѣшали нашему благоденствію. Удивляюсь, какъ Степанъ Трофимовичъ не растолстѣлъ за это время. Покраснѣлъ лишь немного его носъ и прибавилось благодушія. Мало по малу около него утвердился кружокъ пріятелей, впрочемъ, постоянно небольшой. Варвара Петровна хоть и мало касалась кружка, но всѣ мы признавали ее нашею патронессой. Послѣ петербургскаго урока она поселилась въ нашемъ городѣ окончательно; зимой жила въ городскомъ своемъ домѣ, а лѣтомъ въ подгородномъ своемъ имѣніи. Никогда она не имѣла столько значенія и вліянія, какъ въ послѣднія семь лѣтъ, въ нашемъ губернскомъ обществѣ, то есть вплоть до назначенія къ намъ нашего теперешняго губернатора. Прежній губернаторъ нашъ, незабвенный и мягкій Иванъ Осиповичъ, приходился ей близкимъ родственникомъ и былъ когда-то ею облагодѣтельствованъ. Супруга его трепе-

тала при одной мысли не угодить Варварѣ Петровнѣ, а поклоненіе губернскаго общества дошло до того, что напоминало даже нѣчто грѣховное. Было, стало быть, хорошо и Степану Трофимовичу. Онъ былъ членомъ клуба, осанисто проигрывалъ и заслужилъ почетъ, хотя многіе смотрѣли на него только какъ на «ученаго». Впослѣдствіи, когда Варвара Петровна позволила ему жить въ другомъ домѣ, намъ стало еще свободнѣе. Мы собирались у него раза по два въ недѣлю; бывало весело, особенно когда онъ не жалѣлъ шампанскаго. Вино забиралось въ лавкѣ того-же Андреева. Расплачивалась по счету Варвара Петровна каждые полгода, и день расплаты почти всегда бывалъ днемъ холерины.

Старинѣйшимъ членомъ кружка былъ Липутинъ, губернскій чиновникъ, человѣкъ уже не молодой, большой либералъ и въ городѣ слывшій атеистомъ. Женатъ онъ былъ во второй разъ на молоденькой и хорошенькой, взялъ за ней приданое и кромѣ того имѣлъ трехъ подросшихъ дочерей. Всю семью держалъ въ страхѣ Божіемъ и взаперти, былъ чрезмѣрно скупъ и службой скопилъ себѣ домикъ и капиталъ. Человѣкъ былъ безпокойный, при томъ въ маленькомъ чинѣ; въ городѣ его мало уважали, а въ высшемъ кругѣ не принимали. Къ тому-же онъ былъ явный и не разъ уже наказанный сплетникъ, и наказанный больно, разъ однимъ офицеромъ, а въ другой разъ почтеннымъ отцомъ семейства, помѣщикомъ. Но мы любили его острый умъ, любознательность, его особенную злую веселость. Варвара Петровна не любила его, но онъ всегда какъ-то умѣлъ къ ней поддѣлаться.

Не любила она и Шатова, всего только въ послѣдній годъ ставшаго членомъ кружка. Шатовъ былъ прежде студентомъ и былъ исключенъ, послѣ одной студентской исторіи, изъ университета; въ дѣтствѣ-же былъ ученикомъ Степана Трофимовича, а родился крѣпостнымъ Варвары Петровны, отъ покойнаго камердинера ея Павла Ѳедорова, и былъ ею облагодѣтельствованъ. Не любила она его за гордость и неблагодарность и никакъ не могла простить ему, что онъ по изгнаніи изъ университета не пріѣхалъ къ ней тотчасъ-же; напротивъ, даже на тогдашнее нарочное письмо ея къ нему ничего не отвѣтилъ и предпочелъ закабалиться къ какому-то цивилизованному купцу учить дѣтей. Вмѣстѣ съ семьей этого купца онъ выѣхалъ за границу, скорѣе въ качествѣ дядьки чѣмъ гувернера; но ужь очень хотѣлось ему тогда за границу. При дѣтяхъ находилась еще и гувернантка, бойкая русская барышня, поступившая въ домъ тоже передъ самымъ выѣздомъ и принятая болѣе за дешевизну. Мѣсяца черезъ два купецъ ее выгналъ «за вольныя мысли». Поплелся за нею и Шатовъ, и въ скорости обвѣнчался съ нею въ Женевѣ. Прожили они вдвоемъ недѣли съ три, а потомъ разстались какъ вольные и ничѣмъ не связанные люди, конечно, тоже и по бѣдности. Долго потомъ скитался онъ одинъ по Европѣ, жилъ Богъ знаетъ чѣмъ; говорятъ, чистилъ на улицахъ сапоги и въ какомъ-то портѣ былъ носильщикомъ. Наконецъ, съ годъ тому назадъ вернулся къ намъ въ родное гнѣздо и поселился со старухой теткой, которую и схоронилъ черезъ мѣсяцъ. Съ сестрой своею Дашей, тоже воспитанницей Варвары Петровны, жившею у ней фавориткой на самой благородной ногѣ, онъ имѣлъ самыя рѣдкія и отдаленныя сношенія. Между нами былъ постоянно угрюмъ и неразговорчивъ; но изрѣдка, когда затрогивали его убѣжденія, раздражался болѣзненно и былъ очень невоздержанъ на языкъ. «Шатова надо сначала связать, а потомъ ужь съ нимъ разсуждать», шутилъ иногда Степанъ Трофимовичъ; но онъ любилъ его. За границей Шатовъ радикально измѣнилъ нѣкоторыя изъ прежнихъ соціалистическихъ своихъ убѣжденій и перескочилъ въ противоположную крайность. Это было одно изъ тѣхъ идеальныхъ русскихъ существъ, которыхъ вдругъ поразитъ какая нибудь сильная идея и тутъ-же разомъ точно придавитъ ихъ собою, иногда даже на вѣки. Справиться съ нею они никогда не въ силахъ, а увѣруютъ страстно, и вотъ вся жизнь ихъ проходитъ потомъ какъ-бы въ послѣднихъ корчахъ подъ свалившимся на нихъ и на половину совсѣмъ уже раздавившимъ ихъ камнемъ.

Наружностью Шатовъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своимъ убѣжденіямъ: онъ былъ неуклюжъ, бѣлокуръ, косматъ, низкаго роста, съ широкими плечами, толстыми губами, съ очень густыми, нависшими бѣлобрысыми бровями, съ нахмуреннымъ лбомъ, съ непривѣтливымъ, упорно потупленнымъ и какъ-бы чего-то стыдящимся взглядомъ. На волосахъ его вѣчно оставался одинъ такой вихоръ, который ни за что не хотѣлъ пригладиться и стоялъ торчкомъ. Лѣтъ ему было двадцать семь или двадцать восемь. «Я не удивляюсь болѣе, что жена отъ него сбѣжала», отнеслась Варвара Петровна однажды, пристально къ нему приглядѣвшись. Старался онъ одѣваться чистенько, не смотря на чрезвычайную свою бѣдность. Къ Варварѣ Петровнѣ опять не обратился за помощію, а пробивался чѣмъ Богъ пошлетъ; занимался и у купцовъ. Разъ сидѣлъ въ лавкѣ, потомъ совсѣмъ было уѣхалъ на пароходѣ съ товаромъ, прикащичьимъ помощникомъ, но заболѣлъ предъ самою отправкой. Трудно представить себѣ, какую нищету способенъ онъ былъ переносить, даже и не думая о ней вовсе. Варвара Петровна послѣ его болѣзни переслала ему секретно и анонимно сто рублей. Онъ разузналъ, однако-же, секретъ, подумалъ, деньги принялъ и пришелъ къ Варварѣ Петровнѣ поблагодарить. Та съ жаромъ приняла его, но онъ и тутъ постыдно обманулъ ея ожиданія: просидѣлъ всего пять минутъ, молча, тупо уставившись въ землю и глупо улыбаясь, и вдругъ, не дослушавъ ея и на самомъ интересномъ мѣстѣ разговора, всталъ, поклонился какъ-то бокомъ, косолапо, застыдился въ прахъ, кстати ужь задѣлъ и грохнулъ объ полъ ея дорогой, наборный рабочій столикъ, разбилъ его и вышелъ едва живой отъ позора. Липутинъ очень укорялъ его потомъ за то, что онъ не отвергнулъ тогда съ презрѣніемъ эти сто рублей, какъ отъ бывшей его деспотки-помѣщицы, и не только принялъ, а еще благодарить потащился. Жилъ онъ уединенно, на краю города, и не любилъ, если кто нибудь даже изъ насъ заходилъ къ нему. На вечера къ Степану Трофимовичу являлся постоянно и бралъ у него читать газеты и книги.

Являлся [illegible] вечера и еще одинъ молодой человѣкъ, [illegible]кто Виргинскій, здѣшній чиновникъ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ Шатовымъ, хотя, повидимому, и совершенно противоположный ему во всѣхъ отношеніяхъ; но это тоже былъ «семьянинъ». Жалкій и чрезвычайно тихій молодой человѣкъ, впрочемъ, лѣтъ уже тридцати, съ значительнымъ образованіемъ, но больше самоучка. Онъ былъ бѣденъ, женатъ, служилъ и содержалъ тетку и сестру своей жены. Супруга его, да и всѣ дамы были самыхъ послѣднихъ убѣжденій, но все это выходило у нихъ нѣсколько грубовато, именно тутъ была «идея попавшая на улицу», какъ выразился когда-то Степанъ Трофимовичъ по другому поводу. Онѣ все брали изъ книжекъ, и по первому даже слуху изъ столичныхъ прогрессивныхъ уголковъ нашихъ, готовы были выбросить за окно все что̀ угодно, лишь-бы только совѣтовали выбрасывать. M-me Виргинская занималась у насъ въ городѣ повивальною профессіей; въ дѣвицахъ она долго жила въ Петербургѣ. Самъ Виргинскій былъ человѣкъ рѣдкой чистоты сердца, и рѣдко я встрѣчалъ болѣе честный душевный огонь. «Я никогда, никогда не отстану отъ этихъ свѣтлыхъ надеждъ», говаривалъ онъ мнѣ съ сіяющими глазами. О «свѣтлыхъ надеждахъ» онъ говорилъ всегда тихо, съ сладостію, полушепотомъ, какъ-бы секретно. Онъ былъ довольно высокаго роста, но чрезвычайно тонокъ и узокъ въ плечахъ, съ необыкновенно жиденькими, рыжеватаго оттѣнка волосиками. Всѣ высокомѣрныя насмѣшки Степана Трофимовича надъ нѣкоторыми изъ его мнѣній онъ принималъ кротко, возражалъ-же ему иногда очень серіозно и во многомъ ставилъ его въ тупикъ. Степанъ Трофимовичъ обращался съ нимъ ласково, да и вообще ко всѣмъ намъ относился отечески.

— Всѣ вы изъ «недосиженныхъ», шутливо замѣчалъ онъ Виргинскому,—всѣ подобные вамъ, хотя въ васъ, Виргинскій, я и не замѣчалъ той огра-ни-чен-ности, какую встрѣчалъ въ Петербургѣ chez ces séminairistes, но, всетаки, вы «недосиженные». Шатову очень хотѣлось-бы высидѣться, но и онъ недосиженный.

— А я? спрашивалъ Липутинъ.

— А вы просто золотая середина, которая вездѣ уживется... по своему.

Липутинъ обижался.

Разсказывали про Виргинскаго и, къ сожалѣнію, весьма достовѣрно, что супруга его, не пробывъ съ нимъ и году въ законномъ бракѣ, вдругъ объявила ему, что онъ отставленъ и что она предпочитаетъ Лебядкина. Этотъ Лебядкинъ какой-то заѣзжій, оказался потомъ лицомъ весьма подозрительнымъ и вовсе даже не былъ отставнымъ штабсъ-капитаномъ, какъ самъ титуловалъ себя. Онъ только умѣлъ крутить усы, пить и болтать самый неловкій вздоръ, какой только можно вообразить себѣ. Этотъ человѣкъ пренеделикатно тотчасъ-же къ нимъ переѣхалъ, обрадовавшись чужому хлѣбу, ѣлъ и спалъ у нихъ, и сталъ, наконецъ, третировать хозяина свысока. Увѣряли, что Виргинскій, при объявленіи ему женой отставки, сказалъ ей: «Другъ мой, до сихъ поръ я только любилъ тебя, теперь уважаю», но врядъ-ли въ самомъ дѣлѣ произнесено было такое древне-римское изреченіе; напротивъ, говорятъ, навзрыдъ плакалъ. Однажды, недѣли двѣ послѣ отставки, всѣ они, всѣмъ «семействомъ», отправились за городъ, въ рощу, кушать чай вмѣстѣ съ знакомыми. Виргинскій былъ какъ-то лихорадочно-весело настроенъ и участвовалъ въ танцахъ; но вдругъ и безъ всякой предварительной ссоры схватилъ гиганта Лебядкина, канканировавшаго соло, обѣими руками за волосы, нагнулъ и началъ таскать его съ визгами, криками и слезами. Гигантъ до того струсилъ, что даже не защищался и все время какъ его таскали почти не прерывалъ молчанія; но послѣ таски обидѣлся со всѣмъ пыломъ благороднаго человѣка. Виргинскій всю ночь на колѣняхъ умолялъ жену о прощеніи; но прощенія не вымолилъ, потому что, всетаки, не согласился пойдти извиниться предъ Лебядкинымъ; кромѣ того былъ обличенъ въ скудости убѣжденій и въ глупости; послѣднее потому, что, объясняясь съ женщиной, стоялъ на колѣняхъ. Штабсъ-капитанъ вскорѣ скрылся и явился опять въ нашемъ городѣ только въ самое послѣднее время, съ своею сестрой и съ новыми цѣлями; но о немъ впереди. Немудрено, что бѣдный «семьянинъ» отводилъ у насъ душу и нуждался въ нашемъ обществѣ. О домашнихъ дѣлахъ своихъ онъ никогда, впрочемъ, у насъ не высказывался. Однажды только, возвращаясь со мною отъ Степана Трофимовича, заговорилъ было отдаленно о своемъ положеніи, но тутъ-же, схвативъ меня за руку, пламенно воскликнулъ:

— Это ничего; это только частный случай; это нисколько, нисколько не помѣшаетъ «общему дѣлу»!

Являлись къ намъ въ кружокъ и случайные гости; ходилъ жидокъ Лямшинъ, ходилъ капитанъ Картузовъ. Бывалъ нѣкоторое время одинъ любознательный старичокъ, но померъ. Привелъ было Липутинъ ссыльнаго ксендза Слоньцевскаго, и нѣкоторое время его принимали по принципу, но потомъ и принимать не стали.

IX.

Одно время въ городѣ передавали о насъ, что кружокъ нашъ разсадникъ вольнодумства, разврата и безбожія; да и всегда крѣпился этотъ слухъ. А между тѣмъ у насъ была одна самая невинная, милая, вполнѣ русская веселенькая либеральная болтовня. «Высшій либерализмъ» и «высшій либералъ», то есть либералъ безъ всякой цѣли, возможны только въ одной Россіи. Степану Трофимовичу, какъ и всякому остроумному человѣку, необходимъ былъ слушатель, и кромѣ того необходимо было сознаніе о томъ, что онъ исполняетъ высшій долгъ пропаганды идей. А, наконецъ, надобно-же было съ кѣмъ нибудь выпить шампанскаго и обмѣняться за виномъ извѣстнаго сорта веселенькими мыслями о Россіи и «русскомъ духѣ», о Богѣ вообще и о «русскомъ Богѣ» въ особенности; повторить въ сотый разъ всѣмъ извѣстные и всѣми натверженные русскіе скандалезные анекдотцы. Не прочь мы были и отъ городскихъ сплетень, причемъ доходили иногда до строгихъ высоко-нравственныхъ приговоровъ. Впадали и въ общечеловѣческое, строго разсуждали о будущей судьбѣ Европы и человѣчества; докторально пред-

сказывали, что Франція послѣ цезаризма разомъ ниспадетъ на степень второстепеннаго государства, и совершенно были увѣрены, что это ужасно скоро и легко можетъ сдѣлаться. Папѣ давнымъ давно предсказали мы роль простаго митрополита въ объединенной Италіи, и были совершенно убѣждены, что весь этотъ тысячелѣтній вопросъ, въ нашъ вѣкъ гуманности, промышленности и желѣзныхъ дорогъ, одно только плевое дѣло. Но вѣдь «высшій русскій либерализмъ» иначе и не относится къ дѣлу. Степанъ Трофимовичъ говаривалъ иногда объ искусствѣ, и весьма хорошо, но нѣсколько отвлеченно. Вспоминалъ иногда о друзьяхъ своей молодости,—все о лицахъ намѣченныхъ въ исторіи нашего развитія,— вспоминалъ съ умиленіемъ и благоговѣніемъ, но нѣсколько какъ-бы съ завистью. Если ужь очень становилось скучно, то жидокъ Лямшинъ (маленькій почтамтскій чиновникъ), мастеръ на фортепіано, садился играть, а въ антрактахъ представлялъ свинью, грозу, роды съ первымъ крикомъ ребенка, и пр., и пр.; для того только и приглашался. Если ужь очень подпивали,—а это случалось, хотя и не часто,— то приходилъ въ восторгъ, и даже разъ хоромъ, подъ аккомпаниментъ Лямшина, пропѣли *Марсельезу*, только не знаю, хорошо-ли вышло. Великій день девятнадцатаго февраля мы встрѣтили восторженно, и задолго еще начали осушать въ честь его тосты. Это было еще давно-давно, тогда еще не было ни Шатова, ни Виргинскаго, и Степанъ Трофимовичъ еще жилъ въ одномъ домѣ съ Варварой Петровной. За нѣсколько времени до великаго дня, Степанъ Трофимовичъ повадился было бормотать про себя извѣстные, хотя нѣсколько неестественные стихи, должно быть сочиненные какимъ нибудь прежнимъ либеральнымъ помѣщикомъ:

«Идутъ мужики и несутъ топоры,
Что-то страшное будетъ».

Кажется, что-то въ этомъ родѣ, буквально не помню. Варвара Петровна разъ подслушала и крикнула ему: «вздоръ, вздоръ!» и вышла во гнѣвѣ. Липутинъ, при этомъ случившійся, язвительно замѣтилъ Степану Трофимовичу:

— А жаль, если господамъ помѣщикамъ бывшіе ихъ крѣпостные и въ самомъ дѣлѣ нанесутъ на радостяхъ нѣкоторую непріятность.

И онъ черкнулъ указательнымъ пальцемъ вокругъ своей шеи.

— Cher ami, благодушно замѣтилъ ему Степанъ Трофимовичъ,—повѣрьте, что *это* (онъ повторилъ жестъ вокругъ шеи) нисколько не принесетъ пользы ни нашимъ помѣщикамъ, ни всѣмъ намъ вообще. Мы и безъ головъ ничего не съумѣемъ устроить, не смотря на то, что наши головы всего болѣе и мѣшаютъ намъ понимать.

Замѣчу, что у насъ многіе полагали, что въ день манифеста будетъ нѣчто необычайное, въ томъ родѣ какъ предсказывалъ Липутинъ, и все вѣдь такъ называемые знатоки народа и государства. Кажется, и Степанъ Трофимовичъ раздѣлялъ эти мысли, и до того даже, что почти наканунѣ великаго дня сталъ вдругъ проситься у Варвары Петровны за границу; однимъ словомъ, сталъ безпокоиться. Но прошелъ великій день, прошло и еще нѣкоторое время, и высокомѣрная улыбка появилась опять на устахъ Степана Трофимовича. Онъ высказалъ предъ нами нѣсколько замѣчательныхъ мыслей о характерѣ русскаго человѣка вообще и русскаго мужичка въ особенности.

— Мы, какъ торопливые люди, слишкомъ поспѣшили съ нашими мужичками, заключилъ онъ свой рядъ замѣчательныхъ мыслей;—мы ихъ ввели въ моду, и цѣлый отдѣлъ литературы, нѣсколько лѣтъ сряду, носился съ ними, какъ съ новооткрытою драгоцѣнностью. Мы надѣвали лавровые вѣнки на вшивыя головы. Русская деревня, за всю тысячу лѣтъ, дала намъ лишь одного камаринскаго. Замѣчательный русскій поэтъ, не лишенный притомъ остроумія, увидѣвъ въ первый разъ на сценѣ великую Рашель, воскликнулъ въ восторгѣ: «не промѣняю Рашель на мужика!» Я готовъ пойдти дальше: я и всѣхъ русскихъ мужичковъ отдамъ въ обмѣнъ за одну Рашель. Пора взглянуть трезвѣе и не смѣшивать нашего роднаго сиволапаго дегтя съ bouquet de l'impératrice.

Липутинъ тотчасъ-же согласился, но за-

мѣтилъ, что покривить душой и похвалить мужичковъ всетаки было тогда необходимо для направленія; что даже дамы высшаго общества заливались слезами, читая *Антона Горемыку*, а нѣкоторыя изъ нихъ такъ даже изъ Парижа написали въ Россію своимъ управляющимъ, чтобъ отъ сей поры обращаться съ крестьянами какъ можно гуманнѣе.

Случилось, и какъ нарочно сейчасъ послѣ слуховъ объ Антонѣ Петровѣ, что и въ нашей губерніи, и всего-то въ пятнадцати верстахъ отъ Скворешниковъ, произошло нѣкоторое недоразумѣніе,—такъ что сгоряча послали команду. Въ этотъ разъ Степанъ Трофимовичъ до того взволновался, что даже и насъ напугалъ. Онъ кричалъ въ клубѣ, что войска надо больше, чтобы призвали изъ другаго уѣзда по телеграфу; бѣгалъ къ губернатору и увѣрялъ его, что онъ тутъ ни при чемъ; просилъ, чтобы не замѣшали его какъ нибудь, по старой памяти, въ дѣло и предлагалъ немедленно написать о его заявленіи въ Петербургъ, кому слѣдуетъ. Хорошо, что все это скоро прошло и разрѣшилось ничѣмъ; но только я подивился тогда на Степана Трофимовича.

Года черезъ три, какъ извѣстно, заговорили о національности и зародилось «общественное мнѣніе». Степанъ Трофимовичъ очень смѣялся.

— Друзья мои, училъ онъ насъ,—наша національность, если и въ самомъ дѣлѣ «зародилась», какъ они тамъ теперь увѣряютъ въ газетахъ, — то сидитъ еще въ школѣ, въ нѣмецкой какой нибудь петершулѣ, за нѣмецкою книжкой и твердитъ свой вѣчный нѣмецкій урокъ, а нѣмецъ учитель ставитъ ее на колѣни, когда понадобится. За учителя нѣмца хвалю; но вѣроятнѣе всего, что ничего не случилось и ничего такого не зародилось, а идетъ все какъ прежде шло, то есть подъ покровительствомъ Божіимъ. По моему, и довольно-бы для Россіи, pour notre sainte Russie. Притомъ-же всѣ эти всеславянства и національности — все это слишкомъ старо, чтобы быть новымъ. Національность, если хотите, никогда и не являлась у насъ иначе какъ въ видѣ клубной барской затѣи, и въ добавокъ еще московской. Я, разумѣется, не про Игорево время говорю. И, наконецъ, все отъ праздности. У насъ все отъ праздности, и доброе и хорошее. Все отъ нашей барской, милой, образованной, прихотливой праздности! Я тридцать тысячъ лѣтъ про это твержу. Мы своимъ трудомъ жить не умѣемъ. И что они тамъ развозились теперь съ какимъ-то «зародившимся» у насъ общественнымъ мнѣніемъ,—такъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, съ неба соскочило? Неужто не понимаютъ, что для пріобрѣтенія мнѣнія первѣе всего надобенъ трудъ, собственный трудъ, собственный починъ въ дѣлѣ, собственная практика! Даромъ никогда ничего не достанется. Будемъ трудиться, будемъ и свое мнѣніе имѣть. А такъ какъ мы никогда не будемъ трудиться, то и мнѣніе имѣть за насъ будутъ тѣ, кто вмѣсто насъ до сихъ поръ работалъ, то есть все та-же Европа, все тѣ-же нѣмцы,—двухсотлѣтніе учителя наши. Къ тому-же Россія есть слишкомъ великое недоразумѣніе, чтобы намъ однимъ его разрѣшить, безъ нѣмцевъ и безъ труда. Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ я бью въ набатъ и зову къ труду! Я отдалъ жизнь на этотъ призывъ и, безумецъ, вѣровалъ! Теперь уже не вѣрую, но звоню и буду звонить до конца, до могилы; буду дергать веревку, пока не зазвонятъ къ моей панихидѣ!

Увы! мы только поддакивали. Мы апплодировали учителю нашему, да съ какимъ еще жаромъ! А что, господа, не раздается-ли и теперь, подъ часъ сплошь да рядомъ, такого-же «милаго», «умнаго», «либеральнаго», стараго русскаго вздора?

Въ Бога учитель нашъ вѣровалъ. — Не понимаю, почему меня всѣ здѣсь выставляютъ безбожникомъ? говаривалъ онъ иногда, — я въ Бога вѣрую, mais distinguons, я вѣрую какъ въ Существо Себя лишь во мнѣ сознающее. Не могу-же я вѣровать, какъ моя Настасья (служанка), или какъ какой нибудь баринъ, вѣрующій «на всякій случай»,—или какъ нашъ милый Шатовъ, — впрочемъ, нѣтъ, Шатовъ не въ счетъ, Шатовъ вѣруетъ *насильно*, какъ московскій славянофилъ. Что-же касается до христіанства, то при всемъ моемъ искреннемъ къ

нему уваженіи, я — не христіанинъ. Я скорѣе древній язычникъ, какъ великій Гёте, или какъ древній грекъ. И одно уже то, что христіанство не поняло женщину, — что̀ такъ великолѣпно развила Жоржъ-Зандъ, въ одномъ изъ своихъ геніальныхъ романовъ. На счетъ-же поклоненій, постовъ и всего прочаго, то, не понимаю, кому какое до меня дѣло? Какъ-бы ни хлопотали здѣсь наши доносчики, а іезуитомъ я быть не желаю. Въ сорокъ седьмомъ году, Бѣлинскій, будучи за границей, послалъ къ Гоголю извѣстное свое письмо, и въ немъ горячо укорялъ того, что тотъ вѣруетъ «въ какого-то Бога». Entre nous soit dit, ничего не могу вообразить себѣ комичнѣе того мгновенія, когда Гоголь (тогдашній Гоголь!) прочелъ это выраженіе и... все письмо! Но откинувъ смѣшное и такъ какъ я всетаки съ сущностію дѣла согласенъ, то скажу и укажу: вотъ были люди! Съумѣли-же они любить свой народъ, съумѣли-же пострадать за него, съумѣли-же пожертвовать для него всѣмъ и съумѣли-же въ тоже время не сходиться съ нимъ когда надо, не потворствовать ему въ извѣстныхъ понятіяхъ. Не могъ-же, въ самомъ дѣлѣ, Бѣлинскій искать спасенія въ постномъ маслѣ или въ рѣдькѣ съ горохомъ!..

Но тутъ вступался Шатовъ.

— Никогда эти ваши люди не любили народа, не страдали за него и ничѣмъ для него не пожертвовали, какъ-бы ни воображали это сами, себѣ въ утѣху! угрюмо проворчалъ онъ, потупившись и нетерпѣливо повернувшись на стулѣ.

— Это они-то не любили народа! завопилъ Степанъ Трофимовичъ, — о, какъ они любили Россію!

— Ни Россію, ни народа, завопилъ и Шатовъ, сверкая глазами; — нельзя любить то, чего не знаешь, а они ничего въ русскомъ народѣ не смыслили! Всѣ они, и вы вмѣстѣ съ ними, просмотрѣли русскій народъ сквозь пальцы, а Бѣлинскій особенно; ужь изъ того самаго письма его къ Гоголю это видно. Бѣлинскій, точь въ точь какъ Крылова *Любопытный*, не примѣтилъ слона въ кунсткамерѣ, а все вниманіе свое устремилъ на французскихъ соціальныхъ букашекъ; такъ и покончилъ на нихъ. А вѣдь онъ еще, пожалуй, всѣхъ васъ умнѣе былъ! Вы мало того, что просмотрѣли народъ, — вы съ омерзительнымъ презрѣніемъ къ нему относились, ужь по тому одному, что подъ народомъ вы воображали себѣ одинъ только французскій народъ, да и то однихъ парижанъ, и стыдились, что русскій народъ не таковъ. И это голая правда! А у кого нѣтъ народа, у того нѣтъ и Бога! Знайте навѣрно, что всѣ тѣ, которые перестаютъ понимать свой народъ и теряютъ съ нимъ свои связи, тотчасъ-же, по мѣрѣ того, теряютъ и вѣру отеческую, становятся или атеистами или равнодушными. Вѣрно говорю! Это фактъ, который оправдается. Вотъ почему и вы всѣ, и мы всѣ теперь — или гнусные атеисты, или равнодушная, развратная дрянь и ничего больше! И вы тоже, Степанъ Трофимовичъ, я васъ нисколько не исключаю, даже на вашъ счетъ и говорилъ, знайте это!

Обыкновенно, проговоривъ подобный монологъ (а съ нимъ это часто случалось) Шатовъ схватывалъ свой картузъ и бросался къ дверямъ, въ полной увѣренности, что ужь теперь все кончено и что онъ совершенно и на вѣки порвалъ свои дружескія отношенія къ Степану Трофимовичу. Но тотъ всегда успѣвалъ остановить его вò-время.

— А не помириться-ль намъ, Шатовъ, послѣ всѣхъ этихъ милыхъ словечекъ? говаривалъ онъ, благодушно протягивая ему съ кресель руку.

Неуклюжій, но стыдливый Шатовъ нѣжностей не любилъ. Снаружи человѣкъ былъ грубый, но про себя, кажется, деликатнѣйшій. Хоть и терялъ часто мѣру, но первый страдалъ отъ того самъ. Проворчавъ что нибудь подъ носъ на призывныя слова Степана Трофимовича и потоптавшись, какъ медвѣдь, на мѣстѣ, онъ вдругъ неожиданно ухмылялся, откладывалъ свой картузъ и садился на прежній стулъ, упорно смотря въ землю. Разумѣется, приносилось вино, и Степанъ Трофимовичъ провозглашалъ какой нибудь подходящій тостъ, напримѣръ, хоть въ память котораго нибудь изъ прошедшихъ дѣятелей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Принцъ Гарри. Сватовство.

I.

На землѣ существовало еще одно лицо, къ которому Варвара Петровна была привязана не менѣе какъ къ Степану Трофимовичу,—единственный сынъ ея, Николай Всеволодовичъ Ставрогинъ. Для него-то и приглашенъ былъ Степанъ Трофимовичъ въ воспитатели. Мальчику было тогда лѣтъ восемь, а легкомысленный генералъ Ставрогинъ, отецъ его, жилъ въ то время уже въ разлукѣ съ его мамашей, такъ что ребенокъ возросъ подъ однимъ только ея попеченіемъ. Надо отдать справедливость Степану Трофимовичу, онъ умѣлъ привязать къ себѣ своего воспитанника. Весь секретъ его заключался въ томъ, что онъ и самъ былъ ребенокъ. Меня тогда еще не было, а въ истинномъ другѣ онъ постоянно нуждался. Онъ не задумался сдѣлать своимъ другомъ такое маленькое существо, едва лишь оно капельку подросло. Какъ-то такъ естественно сошлось, что между ними не оказалось ни малѣйшаго разстоянія. Онъ не разъ пробуждалъ своего десяти или одиннадцатилѣтняго друга ночью, единственно чтобъ излить предъ нимъ въ слезахъ свои оскорбленныя чувства, или открыть ему какой нибудь домашній секретъ, не замѣчая, что это совсѣмъ уже непозволительно. Они бросались другъ другу въ объятія и плакали. Мальчикъ зналъ про свою мать, что она его очень любитъ, но врядъ-ли очень любилъ ее самъ. Она мало съ нимъ говорила, рѣдко въ чемъ его очень стѣсняла, но пристально слѣдящій за нимъ ея взглядъ онъ всегда какъ-то болѣзненно ощущалъ на себѣ. Впрочемъ, во всемъ дѣлѣ обученія и нравственнаго развитія мать вполнѣ довѣряла Степану Трофимовичу. Тогда еще она вполнѣ въ него вѣровала. Надо думать, что педагогъ нѣсколько разстроилъ нервы своего воспитанника. Когда его, по шестнадцатому году, повезли въ лицей, то онъ былъ тщедушенъ и блѣденъ, странно тихъ и задумчивъ. (Впослѣдствіи онъ отличался чрезвычайною физическою силой). Надо полагать тоже, что друзья плакали, бросаясь ночью взаимно въ объятія, не все объ однихъ какихъ нибудь домашнихъ анекдотцахъ. Степанъ Трофимовичъ съумѣлъ дотронуться въ сердцѣ своего друга до глубочайшихъ струнъ и вызвать въ немъ первое, еще неопредѣленное ощущеніе той вѣковѣчной священной тоски, которую иная избранная душа, разъ вкусивъ и познавъ, уже не промѣняетъ потомъ никогда на дешевое удовлетвореніе. (Есть и такіе любители, которые тоской этой дорожатъ болѣе самаго радикальнаго удовлетворенія, если-бъ даже таковое и было возможно). Но во всякомъ случаѣ хорошо было, что птенца и наставника, хоть и поздно, а развели въ разныя стороны.

Изъ лицея молодой человѣкъ въ первые два года пріѣзжалъ на вакацію. Во время поѣздки въ Петербургъ Варвары Петровны и Степана Трофимовича, онъ присутствовалъ иногда на литературныхъ вечерахъ, бывавшихъ у мамаши, слушалъ и наблюдалъ. Говорилъ мало и все по прежнему былъ тихъ и застѣнчивъ. Къ Степану Трофимовичу относился съ прежнимъ нѣжнымъ вниманіемъ, но уже какъ-то сдержаннѣе: о высокихъ предметахъ и о воспоминаніяхъ прошлаго видимо удалялся съ нимъ заговаривать. Кончивъ курсъ, онъ, по желанію мамаши, поступилъ въ военную службу и вскорѣ былъ зачисленъ въ одинъ изъ самыхъ видныхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Показаться мамашѣ въ мундирѣ онъ не пріѣхалъ и рѣдко сталъ писать изъ Петербурга. Денегъ Варвара Петровна посылала ему не жалѣя, не смотря на то, что послѣ реформы доходъ съ ея имѣній упалъ до того, что въ первое время она и половины прежняго дохода не получала. У ней, впрочемъ, накопленъ былъ долгою экономіей нѣкоторый, не совсѣмъ маленькій капиталъ. Ее очень интересовали успѣхи сына въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Что не удалось ей, то удалось молодому офицеру, богатому и съ надеждами. Онъ возобновилъ такія знакомства, о которыхъ она и мечтать уже не могла, и вездѣ былъ принятъ съ большимъ удовольствіемъ. Но очень скоро начали доходить къ Варва-

рѣ Петровнѣ довольно странные слухи: молодой человѣкъ какъ-то безумно и вдругъ закутилъ. Не то чтобъ онъ игралъ или очень пилъ; разсказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленныхъ рысаками людяхъ, о звѣрскомъ поступкѣ съ одною дамой хорошаго общества, съ которою онъ былъ въ связи, а потомъ оскорбилъ ее публично. Что-то даже слишкомъ ужь откровенно грязное было въ этомъ дѣлѣ. Прибавляли сверхъ того, что онъ какой-то бретеръ, привязывается и оскорбляетъ изъ удовольствія оскорбить. Варвара Петровна волновалась и тосковала. Степанъ Трофимовичъ увѣрялъ ее, что это только первые, буйные порывы слишкомъ богатой организаціи, что море уляжется и что все это похоже на юность принца Гарри, кутившаго съ Фальстафомъ, Пойнсомъ и мистрисъ Квикли, описанную у Шекспира. Варвара Петровна на этотъ разъ не крикнула: «вздоръ, вздоръ!» какъ повадилась въ послѣднее время покрикивать очень часто на Степана Трофимовича, а, напротивъ, очень прислушалась, велѣла растолковать себѣ подробнѣе, сама взяла Шекспира и съ чрезвычайнымъ вниманіемъ прочла безсмертную хронику. Но хроника ее не успокоила, да и сходства она не такъ много нашла. Она лихорадочно ждала отвѣтовъ на нѣсколько своихъ писемъ. Отвѣты не замедлили; скоро было получено роковое извѣстіе, что принцъ Гарри имѣлъ почти разомъ двѣ дуэли, кругомъ былъ виноватъ въ обѣихъ, убилъ одного изъ своихъ противниковъ наповалъ, а другаго искалѣчилъ и, вслѣдствіе таковыхъ дѣяній, былъ отданъ подъ судъ. Дѣло кончилось разжалованіемъ въ солдаты, съ лишеніемъ правъ и ссылкой на службу въ одинъ изъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, да и то еще по особенной милости.

Въ шестьдесятъ третьемъ году ему какъ-то удалось отличиться; ему дали крестикъ и произвели въ унтеръ-офицеры, а затѣмъ какъ-то ужь скоро и въ офицеры. Во все это время Варвара Петровна отправила, можетъ быть, до сотни писемъ въ столицу съ просьбами и мольбами. Она позволила себѣ нѣсколько унизиться въ такомъ необычайномъ случаѣ. Послѣ производства молодой человѣкъ вдругъ вышелъ въ отставку, въ Скворешники опять не пріѣхалъ, а къ матери совсѣмъ уже пересталъ писать. Узнали, наконецъ, посторонними путями, что онъ опять въ Петербургѣ, но что въ прежнемъ обществѣ его уже не встрѣчали вовсе; онъ куда-то какъ-бы спрятался. Доискались, что онъ живетъ въ какой-то странной компаніи, связался съ какимъ-то отребьемъ петербургскаго населенія, съ какими-то безсапожными чиновниками, отставными военными благородно-просящими милостыню, пьяницами, посѣщаетъ ихъ грязныя семейства, дни и ночи проводитъ въ темныхъ трущобахъ и Богъ знаетъ въ какихъ закоулкахъ, опустился, оборвался и что, стало быть, это ему нравится. Денегъ у матери онъ не просилъ; у него было свое имѣньице,— бывшая деревенька генерала Ставрогина, которое хоть что нибудь да давало-же доходу и которое, по слухамъ, онъ сдалъ въ аренду одному саксонскому нѣмцу. Наконецъ, мать умолила его къ ней пріѣхать, и принцъ Гарри появился въ нашемъ городѣ. Тутъ-то я въ первый разъ и разглядѣлъ его, а дотолѣ никогда не видывалъ.

Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти и, признаюсь, поразилъ меня. Я ждалъ встрѣтить какого нибудь грязнаго оборванца, испитаго отъ разврата и отдающаго водкой. Напротивъ, это былъ самый изящный джентльменъ изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось видѣть, чрезвычайно хорошо одѣтый, державшій себя такъ, какъ могъ держать себя только господинъ, привыкшій къ самому утонченному благообразію. Не я одинъ былъ удивленъ: удивлялся и весь городъ, которому, конечно, была уже извѣстна вся біографія господина Ставрогина и даже съ такими подробностями, что невозможно было представить, откуда онѣ могли получиться и, что̀ всего удивительнѣе, изъ которыхъ половина оказалась вѣрною. Всѣ наши дамы были безъ ума отъ новаго гостя. Онѣ рѣзко раздѣлились на двѣ стороны,— въ одной обожали его, а въ другой ненавидѣли до кровомщенія; но безъ ума были и тѣ и другія. Однѣхъ особенно прельщало, что на душѣ его есть, можетъ быть,

какая нибудь роковая тайна; другимъ положительно нравилось, что онъ убійца. Оказалось тоже, что онъ былъ весьма порядочно образованъ; даже съ нѣкоторыми познаніями. Познаній, конечно, не много требовалось чтобы насъ удивить; но онъ могъ судить и о насущныхъ, весьма интересныхъ темахъ и, что̀ всего драгоцѣннѣе, съ замѣчательною разсудительностію. Упомяну какъ странность: всѣ у насъ, чуть не съ перваго дня, нашли его чрезвычайно разсудительнымъ человѣкомъ. Онъ былъ не очень разговорчивъ, изященъ безъ изысканности, удивительно скроменъ и въ тоже время смѣлъ и самоувѣренъ какъ у насъ никто. Наши франты смотрѣли на него съ завистью и совершенно предъ нимъ стушевывались. Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то ужь очень черны, свѣтлые глаза его что-то ужь очень спокойны и ясны, цвѣтъ лица что-то ужь очень нѣженъ и бѣлъ, румянецъ что-то ужь слишкомъ ярокъ и чистъ, зубы какъ жемчужины, губы какъ коралловыя,— казалось-бы писаный красавецъ, а въ тоже время какъ будто и отвратителенъ. Говорили, что лицо его напоминаетъ маску; впрочемъ, многое говорили, между прочимъ, и о чрезвычайной тѣлесной его силѣ. Росту онъ былъ почти высокаго. Варвара Петровна смотрѣла на него съ гордостію, но постоянно съ безпокойствомъ. Онъ прожилъ у насъ съ полгода — вяло, тихо, довольно угрюмо; являлся въ обществѣ и съ неуклоннымъ вниманіемъ исполнялъ весь нашъ губернскій этикетъ. Губернатору, по отцу, онъ былъ сродни и въ домѣ его принятъ былъ какъ близкій родственникъ. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ звѣрь показалъ свои когти.

Кстати, замѣчу въ скобкахъ, что милый, мягкій нашъ Иванъ Осиповичъ, бывшій нашъ губернаторъ, былъ нѣсколько похожъ на бабу, но хорошей фамиліи и со связями,—чѣмъ и объясняется то, что онъ просидѣлъ у насъ столько лѣтъ, постоянно отмахиваясь руками отъ всякаго дѣла. По хлѣбосольству его и гостепріимству, ему-бы слѣдовало быть предводителемъ дворянства стараго добраго времени, а не губернаторомъ въ такое хлопотливое время какъ наше. Въ городѣ постоянно говорили, что управляетъ губерніей не онъ, а Варвара Петровна. Конечно, это было ѣдко сказано, но, однако-же,—рѣшительная ложь. Да и мало-ли было на этотъ счетъ потрачено у насъ остроумія. Напротивъ, Варвара Петровна, въ послѣдніе годы, особенно и сознательно устранила себя отъ всякаго высшаго назначенія, не смотря на чрезвычайное уваженіе къ ней всего общества, и добровольно заключилась въ строгіе предѣлы, ею самою себѣ поставленные. Вмѣсто высшихъ назначеній, она вдругъ начала заниматься хозяйствомъ, и въ два — три года подняла доходность своего имѣнія чуть не на прежнюю степень. Вмѣсто прежнихъ поэтическихъ порывовъ (поѣздки въ Петербургъ, намѣренія издавать журналъ и проч.), она стала копить и скупиться. Даже Степана Трофимовича отдалила отъ себя, позволивъ ему нанимать квартиру въ другомъ домѣ (о чемъ тотъ давно уже приставалъ къ ней самъ подъ разными предлогами). Мало по малу Степанъ Трофимовичъ сталъ называть ее прозаическою женщиной или еще шутливѣе: «своимъ прозаическимъ другомъ». Разумѣется, эти шутки онъ позволялъ себѣ не иначе какъ въ чрезвычайно почтительномъ видѣ и долго выбирая удобную минуту.

Всѣ мы, близкіе, понимали,— а Степанъ Трофимовичъ чувствительнѣе всѣхъ насъ,— что сынъ явился предъ нею теперь какъ-бы въ видѣ новой надежды и даже въ видѣ какой-то новой мечты. Страсть ея къ сыну началась со времени удачъ его въ петербургскомъ обществѣ и особенно усилилась съ той минуты, когда получено было извѣстіе о разжалованіи его въ солдаты. А между тѣмъ она очевидно боялась его и казалась предъ нимъ словно рабой. Замѣтно было, что она боялась чего-то неопредѣленнаго, таинственнаго, чего и сама не могла-бы высказать, и много разъ непримѣтно и пристально приглядывалась къ Nicolas, что-то соображая и разгадывая... и вотъ — звѣрь вдругъ выпустилъ свои когти.

II.

Нашъ принцъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сдѣлалъ двѣ—три невозможныя дерзости разнымъ лицамъ, то есть главное именно въ томъ состояло, что дерзости эти совсѣмъ неслыханныя, совершенно ни на что не похожія, совсѣмъ не такія, какія въ обыкновенномъ употребленіи, совсѣмъ дрянныя и мальчишническія, и чортъ знаетъ для чего, совершенно безъ всякаго повода. Одинъ изъ почтеннѣйшихъ старшинъ нашего клуба, Петръ Павловичъ Гагановъ, человѣкъ пожилой и даже заслуженный, взялъ невинную привычку ко всякому слову съ азартомъ приговаривать: «Нѣтъ-съ, меня не проведутъ за носъ!» Оно и пусть-бы. Но однажды въ клубѣ, когда онъ, по какому-то горячему поводу, проговорилъ этотъ афоризмъ собравшейся около него кучкѣ клубныхъ посѣтителей (и все людей не послѣднихъ), Николай Всеволодовичъ, стоявшій въ сторонѣ одинъ и къ которому никто и не обращался, вдругъ подошелъ къ Петру Павловичу, неожиданно, но крѣпко ухватилъ его за носъ двумя пальцами и успѣлъ протянуть за собою по залѣ два — три шага. Злобы онъ не могъ имѣть никакой на господина Гаганова. Можно было подумать, что это чистое школьничество, разумѣется, непростительнѣйшее; и, однако-же, разсказывали потомъ, что онъ въ самое мгновеніе операціи былъ почти задумчивъ, «точно какъ-бы съума сошелъ», но это уже долго спустя припомнили и сообразили. Сгоряча всѣ сначала запомнили только второе мгновеніе, когда онъ уже навѣрно все понималъ въ настоящемъ видѣ и не только не смутился, но, напротивъ, улыбался злобно и весело, «безъ малѣйшаго раскаянія». Шумъ поднялся ужаснѣйшій; его окружили. Николай Всеволодовичъ повертывался и посматривалъ кругомъ, не отвѣчая никому и съ любопытствомъ приглядываясь къ восклицавшимъ лицамъ. Наконецъ, вдругъ какъ будто задумался опять, — такъ, по крайней мѣрѣ, передавали, — нахмурился, твердо подошелъ къ оскорбленному Петру Павловичу, и скороговоркой, съ видимою досадой, пробормоталъ:

— Вы, конечно, извините... Я, право, не знаю какъ мнѣ вдругъ захотѣлось... глупость...

Небрежность извиненія равнялась новому оскорбленію. Крикъ поднялся еще пуще. Николай Всеволодовичъ пожалъ плечами и вышелъ.

Все это было очень глупо, не говоря уже о безобразіи — безобразіи разсчитанномъ и умышленномъ, какъ казалось съ перваго взгляда, а, стало быть, составлявшемъ умышленное, до послѣдней степени наглое оскорбленіе всему нашему обществу. Такъ и было это всѣми понято. Начали съ того, что немедленно и единодушно исключили господина Ставрогина изъ числа членовъ клуба; затѣмъ порѣшили отъ лица всего клуба обратиться къ губернатору и просить его немедленно (не дожидаясь, пока дѣло начнется формально судомъ) обуздать вреднаго буяна, столичнаго «бретера, ввѣренною ему административною властію, и тѣмъ оградить спокойствіе всего порядочнаго круга нашего города отъ вредныхъ посягновеній». Съ злобною невинностію прибавляли при этомъ, что, «можетъ быть, и на господина Ставрогина найдется какой нибудь законъ». Именно эту фразу приготовляли губернатору, чтобъ уколоть его за Варвару Петровну. Размазывали съ наслажденіемъ. Губернатора, какъ нарочно, не случилось тогда въ городѣ; онъ уѣхалъ неподалеку крестить ребенка у одной интересной и недавней вдовы, оставшейся послѣ мужа въ интересномъ положеніи; но знали, что онъ скоро воротится. Въ ожиданіи-же устроили почтенному и обиженному Петру Павловичу цѣлую овацію: обнимали и цѣловали его; весь городъ перебывалъ у него съ визитомъ. Проэктировали даже въ честь его по подпискѣ обѣдъ, и только по усиленной его-же просьбѣ оставили эту мысль, — можетъ быть, смекнувъ, наконецъ, что человѣка всетаки протащили за носъ и что, стало быть, очень-то ужь торжествовать нечего.

И, однако, какъ-же это случилось? Какъ могло это случиться? Замѣчательно именно то обстоятельство, что никто у насъ, въ цѣломъ городѣ, не приписалъ этого дикаго поступка съумасшествію. Значитъ, отъ Ни-

колая Всеволодовича, и отъ умнаго, наклонны были ожидать такихъ-же поступковъ. Съ своей стороны, я даже до сихъ поръ не знаю, какъ объяснить, не смотря даже на вскорѣ послѣдовавшее событіе, казалось-бы все объяснившее и всѣхъ, повидимому, умиротворившее. Прибавлю тоже, что четыре года спустя, Николай Всеволодовичъ, на мой осторожный вопросъ на счетъ этого прошедшаго случая въ клубѣ, отвѣтилъ нахмурившись: «Да, я былъ тогда не совсѣмъ здоровъ». Но забѣгать впередъ нечего.

Любопытенъ былъ для меня и тотъ взрывъ всеобщей ненависти, съ которою всѣ у насъ накинулись тогда на «буяна и столичнаго бретера». Непремѣнно хотѣли видѣть наглый умыселъ и разсчитанное намѣреніе разомъ оскорбить все общество. Подлинно не угодилъ человѣкъ никому и, напротивъ, всѣхъ вооружилъ, — а чѣмъ-бы, кажется? До послѣдняго случая онъ ни разу ни съ кѣмъ не поссорился и никого не оскорбилъ, а ужь вѣжливъ былъ такъ, какъ кавалеръ съ модной картинки, если-бы только тотъ могъ заговорить. Полагаю, что за гордость его ненавидѣли. Даже наши дамы, начавшія обожаніемъ, вопили теперь противъ него еще пуще мужчинъ.

Варвара Петровна была ужасно поражена. Она призналась потомъ Степану Трофимовичу, что все это она давно предугадывала, всѣ эти полгода каждый день, и даже именно въ «этомъ самомъ родѣ», признаніе замѣчательное со стороны родной матери. — «Началось!» подумала она, содрогаясь. На другое утро, послѣ роковаго вечера въ клубѣ, она приступила, осторожно, но рѣшительно, къ объясненію съ сыномъ, а, между тѣмъ, вся такъ и трепетала, бѣдная, не смотря на рѣшимость. Она всю ночь не спала и даже ходила рано утромъ совѣщаться къ Степану Трофимовичу и у него заплакала, чего никогда еще съ нею при людяхъ не случалось. Ей хотѣлось, чтобы Nicolas, по крайней мѣрѣ, хоть что нибудь ей сказалъ, хоть объясниться-бы удостоилъ. Nicolas, всегда столь вѣжливый и почтительный съ матерью, слушалъ ее нѣкоторое время насупившись, но очень серіозно; вдругъ всталъ, не отвѣтивъ ни слова, поцѣловалъ у ней ручку и вышелъ. А въ тотъ же день, вечеромъ, какъ нарочно подоспѣлъ и другой скандалъ, хотя и гораздо послабѣе и пообыкновеннѣе перваго, но тѣмъ не менѣе, благодаря всеобщему настроенію, весьма усилившій городскіе вопли.

Именно подвернулся нашъ пріятель Липутинъ. Онъ явился къ Николаю Всеволодовичу тотчасъ послѣ объясненія того съ мамашей и убѣдительно просилъ его сдѣлать честь пожаловать къ нему въ тотъ-же день на вечеринку, по поводу дня рожденія его жены. Варвара Петровна уже давно съ содроганіемъ смотрѣла на такое низкое направленіе знакомствъ Николая Всеволодовича, но замѣтить ему ничего не смѣла на этотъ счетъ. Онъ уже и кромѣ того завелъ нѣсколько знакомствъ въ этомъ третьестепенномъ слоѣ нашего общества и даже еще ниже, — но ужь такую имѣлъ наклонность. У Липутина-же въ домѣ до сихъ поръ еще не былъ, хотя съ нимъ самимъ и встрѣчался. Онъ угадалъ, что Липутинъ зоветъ его теперь вслѣдствіе вчерашняго скандала въ клубѣ и что онъ, какъ мѣстный либералъ, отъ этого скандала въ восторгѣ, искренно думаетъ, что такъ и надо поступать съ клубными старшинами, и что это очень хорошо. Николай Всеволодовичъ разсмѣялся и обѣщалъ пріѣхать.

Гостей набралось множество; народъ былъ не казистый, но разбитной. Самолюбивый и завистливый Липутинъ всего только два раза въ годъ созывалъ гостей, но ужь въ эти разы не скупился. Самый почетнѣйшій гость Степанъ Трофимовичъ, по болѣзни, не пріѣхалъ. Подавали чай, стояла обильная закуска и водка; играли на трехъ столахъ, а молодежь, въ ожиданіи ужина, затѣяла подъ фортепіано танцы. Николай Всеволодовичъ поднялъ мадамъ Липутину — чрезвычайно хорошенькую дамочку, ужасно предъ нимъ робѣвшую, — сдѣлалъ съ нею два тура, усѣлся подлѣ, разговорилъ, разсмѣшилъ ее. Замѣтивъ, наконецъ, какая она хорошенькая когда смѣется, онъ вдругъ, при всѣхъ гостяхъ, обхватилъ ее за талію и поцѣловалъ въ губы, раза три сряду, въ полную сласть. Испуганная бѣдная женщина упала въ обморокъ. Николай Всеволодовичъ взялъ шляпу, подошелъ къ оторопѣвшему среди все-

общаго смятенія супругу, глядя на него сконфузился и самъ и, пробормотавъ ему наскоро: «не сердитесь», вышелъ. Липутинъ побѣжалъ за нимъ въ переднюю, собственноручно подалъ ему шубу и съ поклонами проводилъ съ лѣстницы. Но завтраже, какъ разъ, подоспѣло довольно забавное прибавленіе къ этой въ сущности невинной исторіи, говоря сравнительно, — прибавленіе доставившее съ тѣхъ поръ Липутину нѣкоторый даже почетъ, которымъ онъ и съумѣетъ воспользоваться въ полную свою выгоду.

Часовъ въ десять утра, въ домѣ госпожи Ставрогиной явилась работница Липутина, Агаѳья, развязная, бойкая и румяная бабенка, лѣтъ тридцати, посланная имъ съ порученіемъ къ Николаю Всеволодовичу и непремѣнно желавшая «повидать ихъ самихъ-съ». У него очень болѣла голова, но онъ вышелъ. Варварѣ Петровнѣ удалось присутствовать при передачѣ порученія.

— Сергѣй Васильичъ (то есть Липутинъ), бойко затораторила Агаѳья, — перво-наперво приказали вамъ очень кланяться и о здоровьи спросить-съ, какъ послѣ вчерашняго изволили почивать и какъ изволите теперь себя чувствовать, послѣ вчерашняго-съ?

Николай Всеволодовичъ усмѣхнулся.

— Кланяйся и благодари, да скажи ты своему барину, отъ меня Агаѳья, что онъ самый умный человѣкъ во всемъ городѣ.

— А они противъ этого приказали вамъ отвѣчать-съ, еще бойчѣе подхватила Агаѳья, — что они и безъ васъ про то знаютъ и вамъ того-же желаютъ.

— Вотъ! Да какъ онъ могъ узнать про то, что̀ я тебѣ скажу?

— Ужь не знаю какимъ это манеромъ узнали-съ, а когда я вышла и ужь весь проулокъ прошла, слышу они меня догоняютъ безъ картуза-съ: «Ты, говорятъ, Агаѳьюшка, если, по отчаяніи, прикажутъ тебѣ: «Скажи, дескать, своему барину, что онъ умнѣй во всемъ городѣ», такъ ты имъ тотчасъ на то не забудь: «Сами очинно хорошо про то знаемъ-съ и вамъ того-же самаго желаемъ-съ»...

III.

Наконецъ, произошло объясненіе и съ губернаторомъ. Милый, мягкій нашъ Иванъ Осиповичъ только-что воротился и только что успѣлъ выслушать горячую клубную жалобу. Безъ сомнѣнія, надо было что нибудь сдѣлать, но онъ смутился. Гостепріимный нашъ старичокъ тоже какъ будто побаивался своего молодаго родственника. Онъ рѣшился, однако, склонить его извиниться предъ клубомъ и предъ обиженнымъ, но въ удовлетворительномъ видѣ и, если потребуется, то и письменно; а затѣмъ мягко уговорить его насъ оставить, уѣхавъ, напримѣръ, для любознательности въ Италію, и вообще куда нибудь за границу. Въ залѣ, куда вышелъ онъ принять на этотъ разъ Николая Всеволодовича (въ другіе разы прогуливавшагося, на правахъ родственника, по всему дому невозбранно), воспитанный Алеша Телятниковъ, чиновникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и домашній у губернатора человѣкъ, распечатывалъ въ углу у стола пакеты; а въ слѣдующей комнатѣ, у ближайшаго къ дверямъ залы окна, помѣстился одинъ заѣзжій, толстый и здоровый полковникъ, другъ и бывшій сослуживецъ Ивана Осиповича, и читалъ «Голосъ» разумѣется, не обращая никакого вниманія на то, что̀ происходило въ залѣ; даже и сидѣлъ спиной. Иванъ Осиповичъ заговорилъ отдаленно, почти шепотомъ, но все нѣсколько путался. Nicolas смотрѣлъ очень нелюбезно, совсѣмъ не по родственному, былъ блѣденъ, сидѣлъ потупившись и слушалъ сдвинувъ брови, какъ будто преодолѣвая сильную боль.

— Сердце у васъ доброе, Nicolas, и благородное, включилъ, между прочимъ, старичокъ, — человѣкъ вы образованнѣйшій, вращались въ кругу высшемъ, да и здѣсь доселѣ держали себя образцомъ и тѣмъ успокоили сердце дорогой намъ всѣмъ матушки вашей... И вотъ теперь все опять является въ такомъ загадочномъ и опасномъ для всѣхъ колоритѣ! Говорю какъ другъ вашего дома, какъ искренно любящій васъ пожилой и вамъ родной человѣкъ, отъ котораго нельзя обижаться... Скажите, что̀ побуждаетъ васъ къ такимъ необузданнымъ

поступкамъ, внѣ всякихъ принятыхъ условій и мѣръ? Что могутъ означать такія выходки, подобно какъ въ бреду?

Nicolas слушалъ съ досадой и съ нетерпѣніемъ. Вдругъ какъ-бы что-то хитрое и насмѣшливое промелькнуло въ его взглядѣ.

— Я вамъ, пожалуй, скажу, что побуждаетъ, угрюмо проговорилъ онъ и, оглядѣвшись, наклонился къ уху Ивана Осиповича. Воспитанный Алеша Телятниковъ отдалился еще шага на три къ окну, а полковникъ кашлянулъ за «Голосомъ». Бѣдный Иванъ Осиповичъ поспѣшно и довѣрчиво протянулъ свое ухо; онъ до крайности былъ любопытенъ. И вотъ тутъ-то и произошло нѣчто совершенно невозможное, а съ другой стороны и слишкомъ ясное въ одномъ отношеніи. Старичокъ вдругъ почувствовалъ, что Nicolas, вмѣсто того чтобы прошептать ему какой нибудь интересный секретъ, вдругъ прихватилъ зубами и довольно крѣпко стиснулъ въ нихъ верхнюю часть его уха. Онъ задрожалъ, и духъ его прервался.

— Nicolas, что за шутки! простоналъ онъ машинально, не своимъ голосомъ.

Алеша и полковникъ еще не успѣли ничего понять, да имъ и не видно было и до конца казалось, что тѣ шепчутся; а между тѣмъ отчаянное лицо старика ихъ тревожило. Они смотрѣли выпуча глаза другъ на друга, не зная, броситься-ли имъ на помощь, какъ было условлено, или еще подождать. Nicolas замѣтилъ, можетъ быть, это и притиснулъ ухо побольнѣе.

— Nicolas, Nicolas! простонала опять жертва,— ну... пошутилъ и довольно...

Еще мгновеніе и, конечно, бѣдный умеръ-бы отъ испуга; но извергъ помиловалъ и выпустилъ ухо. Весь этотъ смертный страхъ продолжался съ полную минуту, и со старикомъ послѣ того приключился какой-то припадокъ. Но черезъ полчаса Nicolas былъ арестованъ и отведенъ, покамѣстъ, на гауптвахту, гдѣ и запертъ въ особую каморку, съ особымъ часовымъ у дверей. Рѣшеніе было рѣзкое, но нашъ мягкій начальникъ до того разсердился, что рѣшился взять на себя отвѣтственность даже предъ самой Варварой Петровной. Ко всеобщему изумленію, этой дамѣ, поспѣшно и въ раздраженіи прибывшей къ губернатору для немедленныхъ объясненій, было отказано у крыльца въ пріемѣ; съ тѣмъ она и отправилась, не выходя изъ кареты, обратно домой, не вѣря самой себѣ.

И наконецъ-то все объяснилось! Въ два часа пополуночи, арестантъ, дотолѣ удивительно спокойный и даже заснувшій, вдругъ зашумѣлъ, сталъ неистово бить кулаками въ дверь, съ неестественною силой оторвалъ отъ оконца въ дверяхъ желѣзную рѣшетку, разбилъ стекло и изрѣзалъ себѣ руки. Когда караульный офицеръ прибѣжалъ съ командой и ключами и велѣлъ отпереть казематъ, чтобы броситься на взбѣсившагося и связать его, то оказалось, что тотъ былъ въ сильнѣйшей бѣлой горячкѣ; его перевезли домой къ мамашѣ. Все разомъ объяснилось. Всѣ три наши доктора дали мнѣніе, что и за три дня предъ симъ больной могъ уже быть какъ въ бреду, и хотя и владѣлъ, повидимому, сознаніемъ и хитростію, но уже не здравымъ разсудкомъ и волей, что, впрочемъ, подтверждалось и фактами. Выходило такимъ образомъ, что Липутинъ раньше всѣхъ догадался. Иванъ Осиповичъ, человѣкъ деликатный и чувствительный, очень сконфузился; но любопытно, что и онъ считалъ, стало быть, Николая Всеволодовича способнымъ на всякій съумасшедшій поступокъ въ полномъ разсудкѣ. Въ клубѣ тоже устыдились и недоумѣвали, какъ это они всѣ слона не примѣтили и упустили единственное возможное объясненіе всѣмъ чудесамъ. Явились, разумѣется, и скептики, но продержались недолго.

Nicolas пролежалъ слишкомъ два мѣсяца. Изъ Москвы былъ выписанъ извѣстный врачъ для консиліума; весь городъ посѣтилъ Варвару Петровну. Она простила. Когда, къ веснѣ, Nicolas совсѣмъ уже выздоровѣлъ и, безъ всякаго возраженія, согласился на предложеніе мамаши съѣздить въ Италію, то она-же и упросила его сдѣлать всѣмъ у насъ прощальные визиты и при этомъ, сколько возможно и гдѣ надо, извиниться. Nicolas согласился съ большою охотой. Въ клубѣ извѣстно было, что онъ имѣлъ съ Петромъ Павловичемъ Гагановымъ деликатнѣйшее объясненіе у того въ

домѣ, которымъ тотъ остался совершенно доволенъ. Разъѣзжая по визитамъ, Nicolas былъ очень серіозенъ и нѣсколько даже мраченъ. Всѣ приняли его, повидимому, съ полнымъ участіемъ, но всѣ почему-то конфузились и рады были тому, что онъ уѣзжаетъ въ Италію. Иванъ Осиповичъ даже прослезился, но почему-то не рѣшился обнять его даже и при послѣднемъ прощаніи. Право, нѣкоторые у насъ такъ и остались въ увѣренности, что негодяй просто насмѣялся надъ всѣми, а болѣзнь — это что нибудь такъ. Заѣхалъ онъ и къ Липутину.

— Скажите, спросилъ онъ его, — какимъ образомъ вы могли заранѣе угадать то, что̀ я скажу о вашемъ умѣ, и снабдить Агаѳью отвѣтомъ?

— А такимъ образомъ, засмѣялся Липутинъ, — что вѣдь и я васъ за умнаго человѣка почитаю, а потому и отвѣтъ вашъ заранѣе могъ предузнать.

— Всетаки замѣчательное совпаденіе. Но, однако, позвольте: вы, стало быть, за умнаго-же человѣка меня почитали, когда присылали Агаѳью, а не за съумасшедшаго?

— За умнѣйшаго и за разсудительнѣйшаго, а только видъ такой подалъ, будто вѣрю про то, что вы не въ разсудкѣ... Да и сами вы о моихъ мысляхъ немедленно тогда догадались и мнѣ, чрезъ Агаѳью, патентъ на остроуміе выслали.

— Ну, тутъ вы немного ошибаетесь; я въ самомъ дѣлѣ... былъ нездоровъ... пробормоталъ Николай Всеволодовичъ, нахмурившись, — ба! вскричалъ онъ, — да неужели вы и въ самомъ дѣлѣ думаете, что я способенъ бросаться на людей въ полномъ разсудкѣ? Да для чего-же бы это?

Липутинъ скрючился и не съумѣлъ отвѣтить. Nicolas нѣсколько поблѣднѣлъ, или такъ только показалось Липутину.

— Во всякомъ случаѣ у васъ очень забавное настроеніе мыслей, продолжалъ Nicolas, — а про Агаѳью я, разумѣется, понимаю, что вы ее обругать меня присылали.

— Не на дуэль-же было васъ вызывать-съ?

— Ахъ, да, бишь! Я вѣдь слышалъ что-то, что вы дуэли не любите...

— Что̀ съ французскаго-то переводить! опять скрючился Липутинъ.

— Народности придержива етесь?

Липутинъ еще болѣе скрючился.

— Ба-ба! Что я вижу! вскричалъ Nicolas, вдругъ, замѣтивъ на самомъ видномъ мѣстѣ, на столѣ, томъ Консидерана, — да ужь не фурьеристъ-ли вы? Вѣдь чего добраго! Такъ развѣ это не тотъ-же переводъ съ французскаго? засмѣялся онъ, стуча пальцами въ книгу.

— Нѣтъ, это не съ французскаго переводъ! съ какою-то даже злобой привскочилъ Липутинъ, — это со всемірно-человѣческаго языка будетъ переводъ-съ, а не съ одного только французскаго! Съ языка всемірно-человѣческой соціальной республики и гармоніи, вотъ что-съ! А не съ французскаго одного!..

— Фу, чортъ, да такого и языка совсѣмъ нѣтъ! продолжалъ смѣяться Nicolas.

Иногда даже мелочь поражаетъ исключительно и надолго вниманіе. О господинѣ Ставрогинѣ вся главная рѣчь впереди; но теперь отмѣчу, ради курьеза, что изъ всѣхъ впечатлѣній его, за все время проведенное имъ въ нашемъ городѣ, всего рѣзче отпечаталась въ его памяти невзрачная и чуть не подленькая фигурка губернскаго чиновничишка, ревнивца и семейнаго грубаго деспота, скряги и процентщика, запиравшаго остатки отъ обѣда и огарки на ключъ и въ тоже время яростнаго сектатора Богъ знаетъ какой будущей «соціальной гармоніи», упивавшагося по ночамъ восторгами предъ фантастическими картинами будущей фаланстеры, въ ближайшее осуществленіе которой въ Россіи и въ нашей губерніи онъ вѣрилъ какъ въ свое собственное существованіе. И это тамъ, гдѣ самъ-же онъ скопилъ себѣ «домишко», гдѣ во второй разъ женился и взялъ за женой деньжонки, гдѣ, можетъ быть, на сто верстъ кругомъ не было ни одного человѣка, начиная съ него перваго, хоть-бы съ виду только похожаго на будущаго члена «всемірно-общечеловѣческой соціальной республики и гармоніи».

«Богъ знаетъ, какъ эти люди дѣлаются!» думалъ Nicolas въ недоумѣніи, припоминая иногда неожиданнаго фурьериста.

IV.

Нашъ принцъ путешествовалъ три года слишкомъ, такъ что въ городѣ почти о немъ позабыли. Намъ-же извѣстно было, чрезъ Степана Трофимовича, что онъ изъѣздилъ всю Европу, былъ даже въ Египтѣ и заѣзжалъ въ Іерусалимъ; потомъ примазался гдѣ-то къ какой-то ученой экспедиціи въ Исландію и дѣйствительно побывалъ въ Исландіи. Передавали тоже, что онъ одну зиму слушалъ лекціи въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ. Онъ мало писалъ къ матери,—разъ въ полгода и даже рѣже; но Варвара Петровна не сердилась и не обижалась. Разъ установившіяся отношенія съ сыномъ она приняла безропотно и съ покорностію, тосковала и мечтала о своемъ Nicolas непрерывно. Ни мечтаній, ни жалобъ своихъ не сообщала никому. Даже отъ Степана Трофимовича, повидимому, нѣсколько отдалилась. Она создавала какіе-то планы про себя и, кажется, сдѣлалась еще скупѣе чѣмъ прежде, и еще пуще стала копить и сердиться за карточные проигрыши Степана Трофимовича.

Наконецъ, въ апрѣлѣ нынѣшняго года, она получила письмо изъ Парижа, отъ генеральши Прасковьи Ивановны Дроздовой, подруги своего дѣтства. Въ письмѣ своемъ Прасковья Ивановна,—съ которою Варвара Петровна не видалась и не переписывалась лѣтъ уже восемь,—увѣдомляла ее, что Николай Всеволодовичъ коротко сошелся съ ихъ домомъ и подружился съ Лизой (единственною ея дочерью) и намѣренъ сопровождать ихъ лѣтомъ въ Швейцарію, въ Vernex-Montreux, несмотря на то, что въ семействѣ графа К.... (весьма вліятельнаго въ Петербургѣ лица), пребывающаго теперь въ Парижѣ, принятъ какъ родной сынъ, такъ что почти живетъ у графа. Письмо было краткое и обнаруживало ясно свою цѣль, хотя кромѣ вышеозначенныхъ фактовъ никакихъ выводовъ не заключало. Варвара Петровна долго не думала, мигомъ рѣшилась и собралась, захватила съ собою свою воспитанницу Дашу (сестру Шатова) и въ половинѣ апрѣля покатила въ Парижъ и потомъ въ Швейцарію. Воротилась она въ іюлѣ одна, оставивъ Дашу у Дроздовыхъ; сами-же Дроздовы, по привезенному ею извѣстію, обѣщали явиться къ намъ въ концѣ августа.

Дроздовы были тоже помѣщики нашей губерніи, но служба генерала Ивана Ивановича (бывшаго пріятеля Варвары Петровны и сослуживца ея мужа) постоянно мѣшала имъ навѣстить когда нибудь ихъ великолѣпное помѣстье. По смерти-же генерала, приключившейся въ прошломъ году, неутѣшная Прасковья Ивановна отправилась съ дочерью за границу, между прочимъ и съ намѣреніемъ употребить виноградное лѣченіе, которое и располагала совершить въ Vernex-Montreux во вторую половину лѣта. По возвращеніи-же въ отечество намѣревалась поселиться въ нашей губерніи навсегда. Въ городѣ у нея былъ большой домъ, много уже лѣтъ стоявшій пустымъ, съ заколоченными окнами. Люди были богатые. Прасковья Ивановна, въ первомъ супружествѣ госпожа Тушина, была, какъ и пансіонская подруга ея Варвара Петровна, тоже дочерью откупщика прошедшаго времени и тоже вышла замужъ съ большимъ приданымъ. Отставной штабсъ-ротмистръ Тушинъ и самъ былъ человѣкъ со средствами и съ нѣкоторыми способностями. Умирая онъ завѣщалъ своей семилѣтней и единственной дочери Лизѣ хорошій капиталъ. Теперь, когда Лизаветѣ Николаевнѣ было уже около двадцати двухъ лѣтъ, за нею смѣло можно было считать до двухсотъ тысячъ рублей однихъ ея собственныхъ денегъ, не говоря уже о состояніи, которое должно было ей достаться современемъ послѣ матери, не имѣвшей дѣтей во второмъ супружествѣ. Варвара Петровна была, повидимому, весьма довольна своею поѣздкой. По ея мнѣнію, она успѣла сговориться съ Прасковьей Ивановной удовлетворительно и тотчасъ-же по пріѣздѣ сообщила все Степану Трофимовичу; даже была съ нимъ весьма экспансивна, что̀ давно уже съ нею не случалось.

— Ура! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ и прищелкнулъ пальцами.

Онъ былъ въ полномъ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что все время разлуки съ своимъ другомъ провелъ въ крайнемъ унынiи. Уѣзжая за границу, она даже съ нимъ не прости-

лась какъ слѣдуетъ и ничего не сообщила изъ своихъ плановъ «этой бабѣ», опасаясь, можетъ быть, чтобъ онъ чего не разболталъ. Она сердилась на него тогда за значительный карточный проигрышъ, внезапно обнаружившійся. Но еще въ Швейцаріи почувствовала сердцемъ своимъ, что брошеннаго друга надо, по возвращеніи, вознаградить, тѣмъ болѣе, что давно уже сурово съ нимъ обходилась. Быстрая и таинственная разлука поразила и истерзала робкое сердце Степана Трофимовича, и, какъ нарочно, разомъ подошли и другія недоумѣнія. Его мучило одно весьма значительное и давнишнее денежное обязательство, которое безъ помощи Варвары Петровны никакъ не могло быть удовлетворено. Кромѣ того, въ маѣ нынѣшняго года, окончилось, наконецъ, губернаторствованіе нашего добраго, мягкаго Ивана Осиповича; его смѣнили, и даже съ непріятностями. Затѣмъ, въ отсутствіе Варвары Петровны, произошелъ и въѣздъ нашего новаго начальника, Андрея Антоновича фонъ-Лембке; вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ-же началось и замѣтное измѣненіе въ отношеніяхъ почти всего нашего губернскаго общества къ Варварѣ Петровнѣ, а, стало быть, и къ Степану Трофимовичу. По крайней мѣрѣ, онъ уже успѣлъ собрать нѣсколько непріятныхъ, хотя и драгоцѣнныхъ наблюденій и, кажется, очень оробѣлъ одинъ безъ Варвары Петровны. Онъ съ волненіемъ подозрѣвалъ, что о немъ уже донесли новому губернатору какъ о человѣкѣ опасномъ. Онъ узналъ положительно, что нѣкоторыя изъ нашихъ дамъ намѣревались прекратить къ Варварѣ Петровнѣ визиты. О будущей губернаторшѣ (которую ждали у насъ только къ осени) повторяли, что она хотя, слышно, и гордячка, но за то уже настоящая аристократка, а не то, что «какая нибудь наша несчастная Варвара Петровна». Всѣмъ откудова-то было достовѣрно извѣстно съ подробностями, что новая губернаторша и Варвара Петровна уже встрѣчались нѣкогда въ свѣтѣ и разстались враждебно, такъ что одно уже напоминаніе о г-жѣ фонъ-Лембке производитъ, будто-бы, на Варвару Петровну впечатлѣніе болѣзненное. Бодрый и побѣдоносный видъ Варвары Петровны, презрительное равнодушіе, съ которымъ она выслушала о мнѣніяхъ нашихъ дамъ и о волненіи общества, воскресили упавшій духъ робѣвшаго Степана Трофимовича и мигомъ развеселили его. Съ особеннымъ, радостно-угодливымъ юморомъ, сталъ было онъ ей росписывать про въѣздъ новаго губернатора.

— Вамъ, excellente amie, безъ всякаго сомнѣнія извѣстно, говорилъ онъ, кокетничая и щегольски растягивая слова,— что̀ такое значитъ русскій администраторъ, говоря вообще, и что значитъ русскій администраторъ вновѣ, то есть нововыпеченный, новопоставленный... Ces interminables mots russes!.. Но врядъ-ли могли вы узнать практически, что̀ такое значитъ административный восторгъ и какая именно это штука?

— Административный восторгъ? Не знаю что̀ такое.

— То есть... Vous savez, chez nous... En un mot, поставьте какую нибудь самую послѣднюю ничтожность у продажи какихъ нибудь дрянныхъ билетовъ на желѣзную дорогу, и эта ничтожность тотчасъ-же сочтетъ себя въ правѣ смотрѣть на васъ Юпитеромъ, когда вы пойдете взять билетъ, pour vous montrer son pouvoir. «Дай-ка, дескать, я покажу надъ тобою мою власть»... И это въ нихъ до административнаго восторга доходитъ... En un mot, я вотъ прочелъ, что какой-то дьячокъ, въ одной изъ нашихъ заграничныхъ церквей,— mais c'est très curieux,— выгналъ, то есть выгналъ буквально изъ церкви одно замѣчательное англійское семейство, les dames charmantes, предъ самымъ началомъ великопостнаго богослуженія,— vous savez ces chants et le livre de Job... единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что «шататься иностранцамъ по русскимъ церквамъ есть непорядокъ, и чтобы приходили въ показанное время»... и довелъ до обморока... Этотъ дьячокъ былъ въ припадкѣ административнаго восторга et il a montré son pouvoir...

— Сократите, если можете, Степанъ Трофимовичъ.

— Господинъ фонъ-Лембке поѣхалъ теперь по губерніи. En un mot, этотъ Андрей Антоновичъ, хотя и русскій нѣмецъ православнаго исповѣданія, и даже,— уступлю

ему это,—замѣчательно красивый мужчина, изъ сорокалѣтнихъ...

— Съ чего вы взяли, что красивый мужчина? У него бараньи глаза.

— Въ высшей степени. Но ужь я уступаю, такъ и быть, мнѣнію нашихъ дамъ...

— Перейдемте, Степанъ Трофимовичъ, прошу васъ! Кстати, вы носите красные галстуки, давно-ли?

— Это я... я только сегодня...

— А дѣлаете-ли вашъ моціонъ? Ходите-ли ежедневно по шести верстъ прогуливаться, какъ вамъ предписано докторомъ?

— Не... не всегда.

— Такъ я и знала! Я въ Швейцаріи еще это предчувствовала! раздражительно вскричала она,— теперь вы будете не по шести, а по десяти верстъ ходить! Вы ужасно опустились, ужасно, уж-жасно! Вы не то, что постарѣли, вы одряхлѣли... вы поразили меня, когда я васъ увидѣла давеча, не смотря на вашъ красный галстукъ... quelle idée rouge! Продолжайте о фонъ-Лембке, если въ самомъ дѣлѣ есть что̀ сказать и кончите когда нибудь, прошу васъ; я устала.

— En un mot, я только вѣдь хотѣлъ сказать, что это одинъ изъ тѣхъ начинающихъ въ сорокъ лѣтъ администраторовъ, которые до сорока лѣтъ прозябаютъ въ ничтожествѣ и потомъ вдругъ выходятъ въ люди, посредствомъ внезапно пріобрѣтенной супруги, или какимъ нибудь другимъ, не менѣе отчаяннымъ средствомъ... То есть онъ теперь уѣхалъ... то есть я хочу сказать, что про меня тотчасъ-же нашептали въ оба уха, что я развратитель молодежи и разсадникъ губернскаго атеизма... Онъ тотчасъ-же началъ справляться.

— Да правда-ли?

— Я даже мѣ́ры принялъ. Когда про васъ «до-ло-жили», что вы «управляли губерніей», vous savez,— онъ позволилъ себѣ выразиться, что «подобнаго болѣе не будетъ».

— Такъ и сказалъ?

— Что «подобнаго болѣе не будетъ», и avec cette morgue... Супругу, Юлію Михайловну, мы узримъ здѣсь въ концѣ августа, прямо изъ Петербурга.

— Изъ-за границы. Мы тамъ встрѣтились.

— Vraiment?

— Въ Парижѣ и въ Швейцаріи. Она Дроздовымъ родня.

— Родня? Какое замѣчательное совпаденіе! Говорятъ, честолюбива и... съ большими, будто-бы, связями?

— Вздоръ, связишки! До сорока пяти лѣтъ просидѣла въ дѣвкахъ безъ копѣйки, а теперь выскочила за своего фонъ-Лембке и, конечно, вся ея цѣль теперь его въ люди вытащить. Оба интриганы.

— И, говорятъ, двумя годами старше его?

— Пятью. Мать ея въ Москвѣ хвостъ обшлепала у меня на порогѣ; на балы ко мнѣ, при Всеволодѣ Николаевичѣ, какъ изъ милости напрашивалась. А эта, бывало, всю ночь одна въ углу сидитъ безъ танцевъ, со своею бирюзовою мухой на лбу, такъ что я ужь въ третьемъ часу, только изъ жалости, ей перваго кавалера посылаю. Ей тогда двадцать пять лѣтъ уже было, а ее все какъ дѣвчонку въ коротенькомъ платьицѣ вывозили. Ихъ пускать къ себѣ стало неприлично.

— Эту муху я точно вижу.

— Я вамъ говорю, я пріѣхала и прямо на интригу наткнулась. Вы вѣдь читали сейчасъ письмо Дроздовой, что̀ могло быть яснѣе? Что-же застаю? Сама-же эта дура Дроздова,— она всегда только дурой была,— вдругъ смотритъ вопросительно: зачѣмъ, дескать, я пріѣхала? Можете представить, какъ я была удивлена! Гляжу, а тутъ финтитъ эта Лембке и при ней этотъ кузенъ, старика Дроздова племянникъ—все ясно! Разумѣется, я мигомъ все передѣлала, и Прасковья опять на моей сторонѣ, но интрига, интрига!

— Которую вы, однако-же, побѣдили. О, вы Бисмаркъ!

— Не будучи Бисмаркомъ, я способна, однако-же, разсмотрѣть фальшь и глупость гдѣ встрѣчу. Лембке, это—фальшь, а Прасковья — глупость. Рѣдко я встрѣчала болѣе раскисшую женщину, и въ добавокъ ноги распухли, и въ добавокъ добра. Что можетъ быть глупѣе глупаго добряка?

— Злой дуракъ, ma bonne amie, злой ду-

ракъ еще глупѣе, благородно оппонировалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Вы, можетъ быть, и правы, вы вѣдь Лизу помните?

— Charmante enfant!

— Но теперь уже не enfant, а женщина, и женщина съ характеромъ. Благородная и пылкая, и люблю въ ней, что матери не спускаетъ, довѣрчивой дурѣ. Тутъ изъ-за этого кузена чуть не вышла исторія.

— Ба, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ Лизаветѣ Николаевнѣ совсѣмъ не родня... Виды что-ли имѣетъ?

— Видите, это молодой офицеръ, очень неразговорчивый, даже скромный. Я всегда желаю быть справедливою. Мнѣ кажется, онъ самъ противъ всей этой интриги и ничего не желаетъ, а финтила только Лембке. Очень уважалъ Nicolas. Вы понимаете, все дѣло зависитъ отъ Лизы, но я ее въ превосходныхъ отношеніяхъ къ Nicolas оставила, и онъ самъ обѣщался мнѣ непремѣнно пріѣхать къ намъ въ ноябрѣ. Стало быть, интригуетъ тутъ одна Лембке, а Прасковья только слѣпая женщина. Вдругъ говоритъ мнѣ, что всѣ мои подозрѣнія — фантазія; я въ глаза ей отвѣчаю, что она дура. Я на страшномъ судѣ готова подтвердить. И если-бы не просьбы Nicolas, чтобъ я оставила до времени, то я-бы не уѣхала оттуда не обнаруживъ эту фальшивую женщину. Она у графа К. чрезъ Nicolas заискивала, она сына съ матерью хотѣла раздѣлить. Но Лиза на нашей сторонѣ, а съ Прасковьей я сговорилась. Вы знаете, ей Кармазиновъ родственникъ?

— Какъ? Родственникъ мадамъ фонъ-Лембке!

— Ну да, ей. Дальній.

— Кармазиновъ, нувеллистъ?

— Ну да, писатель, чего вы удивляетесь? Конечно, онъ самъ себя почитаетъ великимъ. Надутая тварь! Она съ нимъ вмѣстѣ пріѣдетъ, а теперь тамъ съ нимъ носится. Она намѣрена что-то завести здѣсь, литературныя собранія какія-то. Онъ на мѣсяцъ пріѣдетъ, послѣднее имѣніе продавать здѣсь хочетъ. Я чуть было не встрѣтилась съ нимъ въ Швейцаріи и очень того не желала. Впрочемъ, надѣюсь, что меня-то онъ удостоитъ узнать. Въ старину ко мнѣ письма писалъ, въ домѣ бывалъ. Я-бы желала чтобы вы получше одѣвались, Степанъ Трофимовичъ; вы съ каждымъ днемъ становитесь такъ неряшливы... О, какъ вы меня мучаете! Что вы теперь читаете.

— Я... я...

— Понимаю. По прежнему пріятели, по прежнему попойки, клубъ и карты, и репутація атеиста. Мнѣ эта репутація не нравится, Степанъ Трофимовичъ. Я-бы не желала, чтобы васъ называли атеистомъ, особенно теперь не желала-бы. Я и прежде не желала, потому что вѣдь все это одна только пустая болтовня. Надо-же, наконецъ, сказать.

— Mais, ma chère...

— Слушайте, Степанъ Трофимовичъ, во всемъ ученомъ я, конечно, предъ вами невѣжда, но я ѣхала сюда и много о васъ думала. Я пришла къ одному убѣжденію.

— Къ какому-же?

— Къ такому, что не мы одни съ вами умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, а есть и умнѣе насъ.

— И остроумно, и мѣтко. Есть умнѣе, значитъ, есть и правѣе насъ, стало быть, и мы можемъ ошибаться, не такъ-ли? Mais ma bonne amie, положимъ, я ошибусь, но вѣдь имѣю-же я мое всечеловѣческое, всегдашнее, верховное право свободной совѣсти? Имѣю-же я право не быть ханжой и изувѣромъ, если того хочу, а за это естественно буду разными господами ненавидимъ до скончанія вѣка. Et puis, comme on trouve toujours plus de moines que de raison и такъ какъ я совершенно съ этимъ согласенъ...

— Какъ, какъ вы сказали?

— Я сказалъ: on trouve toujours plus de moines que de raison, и такъ какъ я съ этимъ...

— Это вѣрно не ваше; вы вѣрно откудова нибудь взяли?

— Это Паскаль сказалъ.

— Такъ я и думала... что не вы! Почему вы сами никогда такъ не скажете, такъ коротко и мѣтко, а всегда такъ длинно тянете? Это гораздо лучше чѣмъ давеча про административный восторгъ...

— Ma foi chère... почему? Во первыхъ, потому, вѣроятно, что я всетаки не Пас-

каль et puis... во вторыхъ, мы, русскіе, ничего не умѣемъ на своемъ языкѣ сказать... По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ничего еще не сказали...

— Гм! Это, можетъ быть, и неправда. По крайней мѣрѣ, вы-бы записывали и запоминали такія слова, знаете, въ случаѣ разговора... Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, я съ вами серіозно, серіозно ѣхала говорить.

— Chère, chère amie!

— Теперь когда всѣ эти Лембки, всѣ эти Кармазиновы... О, Боже, какъ вы опустились! О, какъ вы меня мучаете!.. Я-бы желала, чтобъ эти люди чувствовали къ вамъ уваженіе, потому что они пальца вашего, вашего мизинца не стоятъ, а вы какъ себя держите! Что они увидятъ? Что я имъ покажу? Вмѣсто того чтобы благородно стоять свидѣтельствомъ, продолжать собою примѣръ, вы окружаете себя какою-то сволочью, вы пріобрѣли какія-то невозможныя привычки, вы одряхлѣли, вы не можете обойдтись безъ вина и безъ картъ, вы читаете одного только Поль-де-Кока и ничего не пишете, тогда какъ всѣ они тамъ пишутъ; все ваше время уходитъ на болтовню. Можно-ли, позволительно-ли дружиться съ такою сволочью, какъ вашъ неразлучный Липутинъ?

— Почему-же онъ *мой* и *неразлучный?* робко протестовалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Гдѣ онъ теперь? строго и рѣзко продолжала Варвара Петровна.

— Онъ... онъ васъ безпредѣльно уважаетъ и уѣхалъ въ С—къ, послѣ матери получить наслѣдство.

— Онъ, кажется, только и дѣлаетъ что деньги получаетъ. Что Шатовъ? Все тоже?

— Irascible, mais bon.

— Терпѣть не могу вашего Шатова; и золъ, и о себѣ много думаетъ!

— Какъ здоровье Дарьи Павловны?

— Вы это про Дашу? Что это вамъ вздумалось? любопытно поглядѣла на него Варвара Петровна. — Здорова, у Дроздовыхъ оставила... Я въ Швейцаріи что-то про вашего сына слышала, дурное, а не хорошее.

— Oh, c'est une histoire bien bête! Je vous attendais, ma bonne amie, pour vous raconter...

— Довольно, Степанъ Трофимовичъ, дайте покой; измучилась. Успѣемъ наговориться, особенно про дурное. Вы начинаете брызгаться, когда засмѣетесь, это уже дряхлость какая-то! И какъ странно вы теперь стали смѣяться... Боже, сколько у васъ накопилось дурныхъ привычекъ! Кармазиновъ къ вамъ не поѣдетъ! А тутъ и безъ того всему рады... Вы всего себя теперь обнаружили. Ну, довольно, довольно, устала! Можно-же, наконецъ, пощадить человѣка!

Степанъ Трофимовичъ «пощадилъ человѣка», но удалился въ смущеніи.

V.

Дурныхъ привычекъ, дѣйствительно, завелось у нашего друга не мало, особенно въ самое послѣднее время. Онъ видимо и быстро опустился, и это правда, что онъ сталъ неряшливъ. Пилъ больше, сталъ слезливѣе и слабѣе нервами; сталъ ужь слишкомъ чутокъ къ изящному. Лицо его получило странную способность измѣняться необыкновенно быстро, съ самаго, напримѣръ, торжественнаго выраженія на самое смѣшное и даже глупое. Не выносилъ одиночества и безпрерывно жаждалъ, чтобъ его поскорѣе развлекли. Надо было непремѣнно разсказать ему какую нибудь сплетню, городской анекдотъ и притомъ ежедневно новое. Если-же долго никто не приходилъ, то онъ тоскливо бродилъ по комнатамъ, подходилъ къ окну, въ задумчивости жевалъ губами, вздыхалъ глубоко, а подъ конецъ чуть не хныкалъ. Онъ все что-то предчувствовалъ, боялся чего-то неожиданнаго, неминуемаго; сталъ пугливъ; сталъ большое вниманіе обращать на сны.

Весь день этотъ и вечеръ провелъ онъ чрезвычайно грустно, послалъ за мной, очень волновался, долго говорилъ, долго разсказывалъ, но все довольно безсвязно. Варвара Петровна давно уже знала, что онъ отъ меня ничего не скрываетъ. Мнѣ показалось, наконецъ, что его заботитъ что-то особенное и такое чего, пожалуй, онъ и самъ не можетъ представить себѣ. Обыкновенно прежде, когда мы сходились наединѣ и онъ начиналъ мнѣ жаловаться, то

всегда почти, послѣ нѣкотораго времени, приносилась бутылочка и становилось гораздо утѣшнѣе. Въ этотъ разъ вина не было, и онъ видимо подавлялъ въ себѣ неоднократное желаніе послать за нимъ.

— И чего она все сердится! жаловался онъ поминутно, какъ ребенокъ. — Tous les hommes de génie et de progrès en Russie étaient, sont et seront toujours des картежники et des пьяницы, qui boivent en zapoï... а я еще вовсе не такой картежникъ и не такой пьяница... Укоряетъ, зачѣмъ я ничего не пишу? Странная мысль!.. Зачѣмъ я лежу? Вы, говоритъ, должны стоять «примѣромъ и укоризной». Mais entre nous soit dit, что-же и дѣлать человѣку, которому предназначено стоять «укоризной», какъ не лежать, — знаетъ-ли она это?

И, наконецъ, разъяснилась мнѣ та главная, особенная тоска, которая такъ неотвязчиво въ этотъ разъ его мучила. Много разъ въ этотъ вечеръ подходилъ онъ къ зеркалу и подолгу предъ нимъ останавливался. Наконецъ, повернулся отъ зеркала ко мнѣ и съ какимъ-то страннымъ отчаяніемъ проговорилъ:

— Mon cher, je suis un опустившійся человѣкъ!

Да, дѣйствительно, до сихъ поръ, до самаго этого дня, онъ въ одномъ только оставался постоянно увѣреннымъ, не смотря на всѣ «новые взгляды» и на всѣ «перемѣны идей» Варвары Петровны, именно въ томъ, что онъ все еще обворожителенъ для ея женскаго сердца, то есть не только какъ изгнанникъ, или какъ славный ученый, но и какъ красивый мужчина. Двадцать лѣтъ коренилось въ немъ это льстивое и успокоительное убѣжденіе и, можетъ быть, изъ всѣхъ его убѣжденій, ему всего тяжелѣе было-бы разстаться съ этимъ. Предчувствовалъ-ли онъ въ тотъ вечеръ, какое колоссальное испытаніе готовилось ему въ такомъ близкомъ будущемъ?

VI.

Приступлю теперь къ описанію того, отчасти забавнаго, случая, съ котораго, по настоящему, и начинается моя хроника.

Въ самомъ концѣ августа возвратились, наконецъ, и Дроздовы. Появленіе ихъ немногимъ предшествовало пріѣзду давно ожидаемой всѣмъ городомъ родственницы ихъ, нашей новой губернаторши, и вообще произвело замѣчательное впечатлѣніе въ обществѣ. Но обо всѣхъ этихъ любопытныхъ событіяхъ скажу послѣ; теперь-же ограничусь лишь тѣмъ, что Прасковья Ивановна привезла такъ нетерпѣливо ожидавшей ее Варварѣ Петровнѣ одну самую хлопотливую загадку: Nicolas разстался съ ними еще въ іюлѣ и, встрѣтивъ на Рейнѣ графа К., отправился съ нимъ и съ семействомъ его въ Петербургъ. (NB. У графа всѣ три дочери невѣсты).

— Отъ Лизаветы, по гордости и по строптивости ея, я ничего не добилась, заключила Прасковья Ивановна,— но видѣла своими глазами, что у ней съ Николаемъ Всеволодовичемъ что-то произошло. Не знаю причинъ, но, кажется, придется вамъ, другъ мой Варвара Петровна, спросить о причинахъ вашу Дарью Павловну. По моему, такъ Лиза была обижена. Рада радешенька, что привезла вамъ, наконецъ, вашу фаворитку и сдаю съ рукъ на руки: съ плечъ долой.

Произнесены были эти ядовитыя слова съ замѣчательнымъ раздраженіемъ. Видно было, что «раскисшая женщина» заранѣе ихъ приготовила и впередъ наслаждалась ихъ эффектомъ. Но не Варвару Петровну можно было озадачивать сентиментальными эффектами и загадками. Она строго потребовала самыхъ точныхъ и удовлетворительныхъ объясненій. Прасковья Ивановно немедленно понизила тонъ и даже кончила тѣмъ, что расплакалась и пустилась въ самыя дружескія изліянія. Эта раздражительная, но сентиментальная дама, тоже какъ и Степанъ Трофимовичъ, безпрерывно нуждалась въ истинной дружбѣ, и главнѣйшая ея жалоба на дочь ея, Лизавету Николаевну, состояла именно въ томъ, что «дочь ей не другъ».

Но изъ всѣхъ ея объясненій и изліяній оказалось точнымъ лишь одно то, что дѣйствительно между Лизой и Nicolas произошла какая-то размолвка, но какого рода была эта размолвка — о томъ Прасковья Ивановна, очевидно, не съумѣла составить

себѣ опредѣленнаго понятія. Отъ обвиненій-же взводимыхъ на Дарью Павловну она не только совсѣмъ, подъ конецъ, отказалась, но даже особенно просила не давать давешнимъ словамъ ея никакого значенія, потому что сказала она ихъ «въ раздраженіи». Однимъ словомъ, все выходило очень неясно, даже подозрительно. По разсказамъ ея, размолвка началась отъ «строптиваго и насмѣшливаго» характера Лизы; «гордый-же Николай Всеволодовичъ, хоть и сильно былъ влюбленъ, но не могъ насмѣшекъ перенести, и самъ сталъ насмѣшливъ». Вскорѣ затѣмъ познакомились мы съ однимъ молодымъ человѣкомъ, кажется, вашего «профессора» племянникъ, да и фамилія та-же...

— Сынъ, а не племянникъ, поправила Варвара Петровна. Прасковья Ивановна и прежде никогда не могла упомнить фамиліи Степана Трофимовича и всегда называла его «профессоромъ».

— Ну, сынъ такъ сынъ, тѣмъ лучше, а мнѣ вѣдь и все равно. Обыкновенный молодой человѣкъ, очень живой и свободный, но ничего такого въ немъ нѣтъ. Ну, тутъ ужь сама Лиза поступила нехорошо, молодаго человѣка къ себѣ приблизила изъ видовъ, чтобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ ревность возбудить. Не осуждаю я этого очень-то: дѣло дѣвичье, обыкновенное, даже милое. Только Николай Всеволодовичъ вмѣсто того чтобы приревновать, напротивъ, самъ съ молодымъ человѣкомъ подружился, точно и не видитъ ничего, али какъ будто ему все равно. Лизу-то это и взорвало. Молодой человѣкъ въ скорости уѣхалъ (спѣшилъ очень куда-то), а Лиза стала при всякомъ удобномъ случаѣ къ Николаю Всеволодовичу придираться. Замѣтила она, что тотъ съ Дашей иногда говоритъ, ну и стала бѣситься, тутъ ужь и мнѣ, матушка, житья не стало. Раздражаться мнѣ доктора запретили, и такъ это хваленое озеро ихнее мнѣ надоѣло, только зубы отъ него разболѣлись, такой ревматизмъ получила. Печатаютъ даже про то, что отъ Женевскаго озера зубы болятъ; свойство такое. А тутъ Николай Всеволодовичъ вдругъ отъ графини письмо получилъ и тотчасъ-же отъ насъ и уѣхалъ, въ одинъ день собрался. Простились-то они по дружески, да и Лиза, провожая его, стала очень весела и легкомысленна и много хохотала. Только напускное все это. Уѣхалъ онъ,—стала очень задумчива, да и поминать о немъ совсѣмъ перестала и мнѣ не давала. Да и вамъ-бы я совѣтовала, милая Варвара Петровна, ничего теперь съ Лизой на счетъ этого предмета не начинать, только дѣлу повредите. А будете молчать, она первая сама съ вами заговоритъ; тогда болѣе узнаете. По моему, опять сойдутся, если только Николай Всеволодовичъ не замедлитъ пріѣхать какъ обѣщалъ.

— Напишу ему тотчасъ-же. Коли все было такъ, то пустая размолвка; все вздоръ! Да и Дарью я слишкомъ знаю; вздоръ.

— Про Дашеньку я, покаюсь,— согрѣшила. Одни только обыкновенные были разговоры, да и то вслухъ. Да ужь очень меня, матушка, все это тогда разстроило. Да и Лиза, видѣла я, сама-же съ нею опять сошлась съ прежнею лаской...

Варвара Петровна въ тотъ-же день написала къ Nicolas и умоляла его хоть однимъ мѣсяцемъ пріѣхать раньше положеннаго имъ срока. Но всетаки оставалось тутъ для нея нѣчто неясное и неизвѣстное. Она продумала весь вечеръ и всю ночь. Мнѣніе «Прасковьи» казалось ей слишкомъ невиннымъ и сентиментальнымъ. «Прасковья всю жизнь была слишкомъ чувствительна съ самаго еще пансіона», думала она, «не таковъ Nicolas, чтобъ убѣжать изъ-за насмѣшекъ дѣвчонки. Тутъ другая причина, если точно размолвка была. Офицеръ этотъ, однако, здѣсь, съ собой привезли, и въ домѣ у нихъ какъ родственникъ поселился. Да и на счетъ Дарьи, Прасковья слишкомъ ужь скоро повинилась: вѣрно что нибудь про себя оставила, чего не хотѣла сказать»...

Къ утру у Варвары Петровны созрѣлъ проэктъ разомъ покончить, по крайней мѣрѣ, хоть съ однимъ недоумѣніемъ—проэктъ замѣчательный по своей неожиданности. Что было въ сердцѣ ея, когда она создала его?—трудно рѣшить, да и не возьмусь я растолковывать заранѣе всѣ противорѣчія, изъ которыхъ онъ состоялъ. Какъ хроникеръ, я ограничиваюсь лишь тѣмъ, что

представляю событія въ точномъ видѣ, точно такъ, какъ они произошли, и не виноватъ, если они покажутся невѣроятными. Но, однако, долженъ еще разъ засвидѣтельствовать, что подозрѣній на Дашу у ней, къ утру, никакихъ не осталось, а по правдѣ никогда и не начиналось; слишкомъ она была въ ней увѣрена. Да и мысли она не могла допустить, чтобъ ея Nicolas могъ увлечься ея... «Дарьей». Утромъ, когда Дарья Павловна за чайнымъ столикомъ разливала чай, Варвара Петровна долго и пристально въ нее всматривалась и, можетъ быть, въ двадцатый разъ со вчерашняго дня, съ увѣренностію произнесла про себя:

— Все вздоръ!

Замѣтила только, что у Даши какой-то усталый видъ и что она еще тише прежняго, еще апатичнѣе. Послѣ чаю, по заведенному разъ навсегда обычаю, обѣ сѣли за рукодѣлье. Варвара Петровна велѣла ей дать себѣ полный отчетъ о ея заграничныхъ впечатлѣніяхъ, преимущественно о природѣ, жителяхъ, городахъ, обычаяхъ, ихъ искусствѣ, промышленности, — обо всемъ, что̀ успѣла замѣтить. Ни одного вопроса о Дроздовыхъ и о жизни съ Дроздовыми. Даша, сидѣвшая подлѣ нея за рабочимъ столикомъ и помогавшая ей вышивать, разсказывала уже съ полчаса своимъ ровнымъ, однообразнымъ, но нѣсколько слабымъ голосомъ.

— Дарья, — прервала ее вдругъ Варвара Петровна, — ничего у тебя нѣтъ такого особеннаго, о чемъ хотѣла-бы ты сообщить?

— Нѣтъ, ничего, капельку подумала Даша и взглянула на Варвару Петровну своими свѣтлыми глазами.

— На душѣ, на сердцѣ, на совѣсти?

— Ничего, тихо, но съ какою-то угрюмою твердостію повторила Даша.

— Такъ я и знала! Знай, Дарья, что я никогда не усомнюсь въ тебѣ. Теперь сиди и слушай. Перейди на этотъ стулъ, садись напротивъ, я хочу всю тебя видѣть. Вотъ такъ. Слушай,—хочешь замужъ?

Даша отвѣчала вопросительнымъ длиннымъ взглядомъ, не слишкомъ, впрочемъ, удивленнымъ.

— Стой; молчи. Во первыхъ, есть разница въ лѣтахъ, большая очень; но вѣдь ты лучше всѣхъ знаешь, какой это вздоръ, Ты разсудительна, и въ твоей жизни не должно быть ошибокъ. Впрочемъ, онъ еще красивый мужчина... Однимъ словомъ, Степанъ Трофимовичъ, котораго ты всегда уважала. Ну?

Даша посмотрѣла еще вопросительнѣе и на этотъ разъ не только съ удивленіемъ, но и замѣтно покраснѣла.

— Стой, молчи; не спѣши! Хоть у тебя и есть деньги, по моему завѣщанію, но умри я, что̀ съ тобой будетъ, хотя-бы и съ деньгами? Тебя обманутъ и деньги отнимутъ, ну, и погибла. А за нимъ ты жена извѣстнаго человѣка. Смотри теперь съ другой стороны: умри я сейчасъ, — хоть я и обезпечу его, — что̀ съ нимъ будетъ? А на тебя-то ужь я понадѣюсь. Стой, я не договорила: онъ легкомысленъ, мямля, жестокъ, эгоистъ, низкія привычки, но ты его цѣни, во первыхъ, ужь потому, что есть и гораздо хуже. Вѣдь не за мерзавца-же какого я тебя сбыть съ рукъ хочу, ты ужь не подумала-ли чего? А, главное, потому что я прошу, потому и будешь цѣнить, оборвала она вдругъ раздражительно, — слышишь? Что̀-же ты уперлась?

Даша все молчала и слушала.

— Стой, подожди еще. Онъ баба — но вѣдь тебѣ-же лучше. Жалкая, впрочемъ, баба; его совсѣмъ не стоило-бы любить женщинѣ. Но его стоитъ за беззащитность его любить, и ты люби его за беззащитность. Ты вѣдь меня понимаешь? Понимаешь?

Даша кивнула головой утвердительно.

— Я такъ и знала, меньше не ждала отъ тебя. Онъ тебя любить будетъ, потому что долженъ, долженъ; онъ обожать тебя долженъ! какъ-то особенно раздражительно взвизгнула Варвара Петровна, — а, впрочемъ, онъ и безъ долгу въ тебя влюбится, я вѣдь знаю его. Къ тому-же я сама буду тутъ. Не безпокойся, я всегда буду тутъ. Онъ станетъ на тебя жаловаться, онъ клеветать на тебя начнетъ, шептаться будетъ о тебѣ съ первымъ встрѣчнымъ, будетъ ныть, вѣчно ныть; письма тебѣ будетъ писать изъ одной комнаты въ другую, въ

день по два письма, но безъ тебя всетаки не проживетъ, а въ этомъ и главное. Заставь слушаться; не съумѣешь заставить — дура будешь. Повѣситься захочетъ, грозить будетъ — не вѣрь; одинъ только вздоръ! Не вѣрь, а всетаки держи ухо востро, не ровенъ часъ и повѣсится; съ этакими-то и бываетъ; не отъ силы, а отъ слабости вѣшаются; а потому никогда не доводи до послѣдней черты, — и это первое правило въ супружествѣ. Помни тоже, что онъ поэтъ. Слушай, Дарья: нѣтъ выше счастья какъ собою пожертвовать. И къ тому-же ты мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, а это главное. Ты не думай, что я по глупости сейчасъ сбрендила; я понимаю что говорю. Я эгоистка, будь и ты эгоисткой. Я вѣдь не неволю; все въ твоей волѣ, какъ скажешь, такъ и будетъ. Ну, что-жь усѣлась, говори что нибудь!

— Мнѣ вѣдь все равно, Варвара Петровна, если ужь непремѣнно надобно замужъ выйдти, твердо проговорила Даша.

— Непремѣнно? Ты на что это намекаешь? строго и пристально посмотрѣла Варвара Петровна.

Даша молчала, ковыряя въ пяльцахъ иголкой.

— Ты хоть и умна, но ты сбрендила. Это хоть и правда, что я непремѣнно теперь тебя вздумала замужъ выдать, но это не по необходимости, а потому только, что мнѣ такъ придумалось, и за одного только Степана Трофимовича. Не будь Степана Трофимовича, я-бы и не подумала тебя сейчасъ выдавать, хоть тебѣ ужь и двадцать лѣтъ... Ну?

— Я какъ вамъ угодно, Варвара Петровна.

— Значитъ, согласна! Стой, молчи, куда торопишься, я не договорила: по завѣщанію тебѣ отъ меня пятнадцать тысячъ рублей положено. Я ихъ теперь-же тебѣ выдамъ, послѣ вѣнца. Изъ нихъ восемь тысячъ ты ему отдашь, то есть не ему, а мнѣ. У него есть долгъ въ восемь тысячъ; я и уплачу, но надо, чтобъ онъ зналъ, что твоими деньгами. Семь тысячъ останутся у тебя въ рукахъ, отнюдь ему не давай ни рубля никогда. Долговъ его не плати никогда. Разъ заплатишь — потомъ не обберешься. Впрочемъ, я всегда буду тутъ. Вы будете получать отъ меня ежегодно по тысячѣ двѣсти рублей содержанія, а съ экстренными тысячу пятьсотъ, кромѣ квартиры и стола, которые тоже отъ меня будутъ, точно такъ, какъ и теперь онъ пользуется. Прислугу только свою заведите. Годовыя деньги я тебѣ буду всѣ разомъ выдавать, прямо тебѣ на руки. Но будь и добра; иногда выдай и ему что нибудь, и пріятелямъ ходить позволяй, разъ въ недѣлю, а если чаще, то гони. Но я сама буду тутъ. А коли умру, пенсіонъ вашъ не прекратится до самой его смерти, слышишь до *его* только смерти, потому, это его пенсіонъ, а не твой. А тебѣ, кромѣ теперешнихъ семи тысячъ, которыя у тебя останутся въ цѣлости, если не будешь сама глупа, еще восемь тысячъ въ завѣщаніи оставлю. И больше тебѣ отъ меня ничего не будетъ, надо чтобы ты знала. Ну, согласна, что-ли? Скажешь-ли, наконецъ, что нибудь?

— Я уже сказала, Варвара Петровна.

— Вспомни, что твоя полная воля, какъ захочешь, такъ и будетъ.

— Только позвольте, Варвара Петровна, развѣ Степанъ Трофимовичъ вамъ уже говорилъ что нибудь?

— Нѣтъ, онъ ничего не говорилъ и не знаетъ, но... онъ сейчасъ заговоритъ!

Она мигомъ вскочила и набросила на себя свою черную шаль. Даша опять немного покраснѣла и вопросительнымъ взглядомъ слѣдила за нею. Варвара Петровна вдругъ обернулась къ ней съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ:

— Дура ты! накинулась она на нее какъ ястребъ, — дура неблагодарная! Что у тебя на умѣ? Неужто ты думаешь, что я скомпрометтирую тебя хоть чѣмъ нибудь, хоть на столько вотъ! Да онъ самъ на колѣнкахъ будетъ ползать просить, онъ долженъ отъ счастья умереть, вотъ какъ это будетъ устроено! Ты вѣдь знаешь-же, что я тебя въ обиду не дамъ! Или ты думаешь, что онъ тебя за эти восемь тысячъ возьметъ, а я бѣгу теперь тебя продавать? Дура, дура, всѣ вы дуры неблагодарныя! Подай зонтикъ!

И она полетѣла пѣшкомъ, по мокрымъ

кирпичнымъ тротуарамъ и по деревяннымъ мосткамъ, къ Степану Трофимовичу.

VII.

Это правда, что «Дарью» она не дала-бы въ обиду; напротивъ, теперь-то и считала себя ея благодѣтельницей. Самое благородное и безупречное негодованіе загорѣлось въ душѣ ея, когда, надѣвая шаль, она поймала на себѣ смущенный и недовѣрчивый взглядъ своей воспитанницы. Она искренно любила ее съ самаго ея дѣтства. Прасковья Ивановна справедливо назвала Дарью Павловну ея фавориткой. Давно уже Варвара Петровна рѣшила разъ навсегда, что «Дарьинъ характеръ не похожъ на братнинъ» (то есть на характеръ брата ея, Ивана Шатова), что она тиха и кротка, способна къ большому самопожертвованію, отличается преданностію, необыкновенною скромностію, рѣдкою разсудительностію и, главное, благодарностію. До сихъ поръ, повидимому, Даша оправдывала всѣ ея ожиданія. «Въ этой жизни не будетъ ошибокъ», сказала Варвара Петровна, когда дѣвочкѣ было еще двѣнадцать лѣтъ, и такъ какъ она имѣла свойство привязываться упрямо и страстно къ каждой плѣнившей ее мечтѣ, къ каждому своему новому предначертанію, къ каждой мысли своей, показавшейся ей свѣтлою, то тотчасъ-же и рѣшила воспитывать Дашу, какъ родную дочь. Она немедленно отложила ей капиталъ и пригласила въ домъ гувернантку, миссъ Кригсъ, которая и прожила у нихъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитанницы, но ей вдругъ, почему-то, было отказано. Ходили учителя изъ гимназіи, между ними одинъ настоящій французъ, который и обучилъ Дашу по французски. Этому тоже было отказано вдругъ, точно прогнали. Одна бѣдная, заѣзжая дама, вдова изъ благородныхъ, обучала на фортепіяно. Но главнымъ педагогомъ былъ всетаки Степанъ Трофимовичъ. По настоящему, онъ первый и открылъ Дашу: онъ сталъ обучать тихаго ребенка еще тогда, когда Варвара Петровна о ней и не думала. Опять повторю: удивительно какъ къ нему привязывались дѣти! Лизавета Николаевна Тушина училась у него съ восьми лѣтъ до одиннадцати (разумѣется, Степанъ Трофимовичъ училъ ее безъ вознагражденія и ни за что-бы не взялъ его отъ Дроздовыхъ). Но онъ самъ влюбился въ прелестнаго ребенка и разсказывалъ ей какія-то поэмы объ устройствѣ міра, земли, объ исторіи человѣчества. Лекціи о первобытныхъ народахъ и о первобытномъ человѣкѣ были занимательнѣе арабскихъ сказокъ. Лиза, которая млѣла за этими разсказами, чрезвычайно смѣшно передразнивала у себя дома Степана Трофимовича. Тотъ узналъ про это и разъ подглядѣлъ ее врасплохъ. Сконфуженная Лиза бросилась къ нему въ объятія и заплакала, Степанъ Трофимовичъ тоже, отъ восторга. Но Лиза скоро уѣхала, и осталась одна Даша. Когда къ Дашѣ стали ходить учителя, то Степанъ Трофимовичъ оставилъ съ нею свои занятія и мало по малу совсѣмъ пересталъ обращать на нее вниманіе. Такъ продолжалось долгое время. Разъ, когда уже ей было семнадцать лѣтъ, онъ былъ вдругъ пораженъ ея миловидностію. Это случилось за столомъ у Варвары Петровны. Онъ заговорилъ съ молодою дѣвушкой, былъ очень доволенъ ея отвѣтами и кончилъ предложеніемъ прочесть ей серіозный и обширный курсъ исторіи русской литературы. Варвара Петровна похвалила и поблагодарила его за прекрасную мысль, а Даша была въ восторгѣ. Степанъ Трофимовичъ сталъ особенно приготовляться къ лекціямъ, и, наконецъ, онѣ наступили. Начали съ древнѣйшаго періода; первая лекція прошла увлекательно; Варвара Петровна присутствовала. Когда Степанъ Трофимовичъ кончилъ и, уходя, объявилъ ученицѣ, что въ слѣдующій разъ приступитъ къ разбору *Слова о полку Игоревѣ*, Варвара Петровна вдругъ встала и объявила, что лекцій больше не будетъ. Степанъ Трофимовичъ покоробился, но смолчалъ, Даша вспыхнула; тѣмъ и кончилась, однако-же, затѣя. Произошло это ровно за три года до теперешней неожиданной фантазіи Варвары Петровны.

Бѣдный Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ одинъ и ничего не предчувствовалъ. Въ грустномъ раздумьи давно уже погляды-

валъ онъ въ окно, не подойдетъ-ли кто изъ знакомыхъ. Но никто не хотѣлъ подходить. На дворѣ моросило, становилось холодно; надо было протопить печку; онъ вздохнулъ. Вдругъ страшное видѣніе предстало его очамъ: Варвара Петровна въ такую погоду и въ такой неурочный часъ къ нему! И пѣшкомъ! Онъ до того былъ пораженъ, что забылъ перемѣнить костюмъ и принялъ ее какъ былъ: въ своей всегдашней, розовой ватной фуфайкѣ.

— Ma bonne amie!.. слабо крикнулъ онъ ей на встрѣчу.

— Вы одни, я рада; терпѣть не могу вашихъ друзей! Какъ вы всегда накурите; Господи, что̀ за воздухъ! Вы и чай не допили, а на дворѣ двѣнадцатый часъ! Ваше блаженство — безпорядокъ! Ваше наслажденіе — соръ! Что̀ это за разорванныя бумажки на полу? Настасья, Настасья! Что̀ дѣлаетъ ваша Настасья? Отвори, матушка, окна, форточки, двери, все настежь. А мы въ залу пойдемте; я къ вамъ за дѣломъ. Да подмети ты хоть разъ въ жизни, матушка!

— Сорятъ-съ! раздражительно-жалобнымъ голоскомъ пропищала Настасья.

— А ты мети, пятнадцать разъ въ день мети! Дрянная у васъ зала (когда вышли въ залу). Затворите крѣпче двери, она станетъ подслушивать. Непремѣнно надо обои перемѣнить. Я вѣдь вамъ присылала обойщика съ обращиками, что̀-же вы не выбрали? Садитесь и слушайте. Садитесь-же, наконецъ, прошу васъ. Куда-же вы? Куда-же вы? Куда-же вы!

— Я... сейчасъ, крикнулъ изъ другой комнаты Степанъ Трофимовичъ, — вотъ я и опять!

— А, вы перемѣнили костюмъ! насмѣшливо оглядѣла она его. (Онъ накинулъ сюртукъ сверхъ фуфайки). Этакъ дѣйствительно будетъ болѣе подходить... къ нашей рѣчи. Садитесь-же, наконецъ, прошу васъ.

Она объяснила ему все сразу, рѣзко и убѣдительно. Намекнула и о восьми тысячахъ, которыя были ему до зарѣзу нужны. Подробно разсказала о приданомъ. Степанъ Трофимовичъ таращилъ глаза и трепеталъ. Слышалъ все, но ясно не могъ сообразить. Хотѣлъ заговорить, но все обрывался голосъ. Зналъ только, что все такъ и будетъ, какъ она говоритъ, что возражать и не соглашаться дѣло пустое, а онъ женатый человѣкъ безвозвратно.

— Mais, ma bonne amie, въ третій разъ и въ моихъ лѣтахъ... и съ такимъ ребенкомъ! проговорилъ онъ, наконецъ. — Mais, c'est une enfant!

— Ребенокъ, которому двадцать лѣтъ, слава Богу! Не вертите, пожалуйста, зрачками, прошу васъ, вы не на театрѣ. Вы очень умны и учены, но ничего не понимаете въ жизни, за вами постоянно должна нянька ходить. Я умру, и что̀ съ вами будетъ? А она будетъ вамъ хорошею нянькой; это дѣвушка скромная, твердая, разсудительная; къ тому-же я сама буду тутъ, не сейчасъ-же умру. Она домосѣдка, она ангелъ кротости. Эта счастливая мысль мнѣ еще въ Швейцаріи приходила. Понимаете-ли вы, если я сама вамъ говорю, что она ангелъ кротости! вдругъ яростно вскричала она. — У васъ соръ, она заведетъ чистоту, порядокъ, все будетъ какъ зеркало... Э, да неужто-же вы мечтаете, что я еще кланяться вамъ должна съ такимъ сокровищемъ, исчислять всѣ выгоды, сватать! Да вы должны-бы на колѣняхъ... О, пустой, пустой, малодушный человѣкъ!

— Но... я уже старикъ!

— Что̀ значатъ ваши пятьдесятъ три года! Пятьдесятъ лѣтъ не конецъ, а половина жизни. Вы красивый мужчина, и сами это знаете. Вы знаете тоже, какъ она васъ уважаетъ. Умри я, что̀ съ нею будетъ? А за вами она спокойна, и я спокойна. У васъ значеніе, имя, любящее сердце; вы получаете пенсіонъ, который я считаю своею обязанностію. Вы, можетъ быть, спасете ее, спасете! Во всякомъ случаѣ честь доставите. Вы сформируете ее къ жизни, разовьете ея сердце, направите мысли. Нынче сколько погибаютъ оттого, что дурно направлены мысли! Къ тому времени поспѣетъ ваше сочиненіе, и вы разомъ о себѣ напомните.

— Я именно, пробормоталъ онъ уже польщенный ловкою лестью Варвары Петровны, — я именно собираюсь теперь присѣсть за мои *Разсказы изъ испанской исторіи*...

— Ну, вотъ видите, какъ разъ и сошлось.

— Но... она? Вы ей говорили?

— О ней не безпокойтесь, да и нечего вамъ любопытствовать. Конечно, вы должны ее сами просить, умолять сдѣлать вамъ честь, понимаете? Но не безпокойтесь, я сама буду тутъ. Къ тому-же вы ее любите.

У Степана Трофимовича закружилась голова; стѣны пошли кругомъ. Тутъ была одна страшная идея, съ которою онъ никакъ не могъ сладить.

— Excellente amie! задрожалъ вдругъ его голосъ, — я... я никогда не могъ вообразить, что вы рѣшитесь выдать меня... за другую... женщину!

— Вы не дѣвица, Степанъ Трофимовичъ; только дѣвицъ выдаютъ, а вы сами женитесь, ядовито прошипѣла Варвара Петровна.

— Oui, j'ai pris un mot pour un autre. Mais... c'est égal, уставился онъ на нее съ потерянным видомъ.

— Вижу, что c'est égal, презрительно процѣдила она, — Господи! да съ нимъ обморокъ! Настасья, Настасья! Воды!

Но до воды не дошло. Онъ очнулся. Варвара Петровна взяла свой зонтикъ.

— Я вижу, что съ вами теперь нечего говорить...

— Oui, oui, je suis incapable.

— Но къ завтраму вы отдохнете и обдумаете. Сидите дома, если что̀ случится, дайте знать, хотя-бы ночью. Писемъ не пишите, и читать не буду. Завтра-же въ это время приду сама, одна, за окончательнымъ отвѣтомъ, и надѣюсь, что онъ будетъ удовлетворителенъ. Постарайтесь, чтобы никого не было и чтобы сору не было, а это на что̀ похоже? Настасья, Настасья!

Разумѣется, на завтра онъ согласился; да и не могъ не согласиться. Тутъ было одно особое обстоятельство...

VIII.

Такъ называемое у насъ имѣніе Степана Трофимовича (душъ пятьдесятъ по старинному счету, и смежное со Скворешниками) было вовсе не его, а принадлежало первой его супругѣ, а, стало быть, теперь ихъ сыну, Петру Степановичу Верховенскому. Степанъ Трофимовичъ только опекунствовалъ, а потому, когда птенецъ оперился, дѣйствовалъ по формальной отъ него довѣренности на управленіе имѣніемъ. Сдѣлка для молодаго человѣка была выгодная: онъ получалъ съ отца въ годъ до тысячи рублей въ видѣ дохода съ имѣнія, тогда какъ оно при новыхъ порядкахъ не давало и пятисотъ (а, можетъ быть, и того менѣе). Богъ знаетъ какъ установились подобныя отношенія. Впрочемъ, всю эту тысячу цѣликомъ высылала Варвара Петровна, а Степанъ Трофимовичъ ни единымъ рублемъ въ ней не участвовалъ. Напротивъ, весь доходъ съ землицы оставлялъ у себя въ карманѣ, и, кромѣ того, разорилъ ее въ конецъ, сдавъ ее въ аренду какому-то промышленнику и, тихонько отъ Варвары Петровны, продавъ на срубъ рощу, то есть главную ея цѣнность. Эту рощицу онъ уже давно продавалъ урывками. Вся она стоила, по крайней мѣрѣ, тысячъ восемь, а онъ взялъ за нее только пять. Но онъ иногда слишкомъ много проигрывалъ въ клубѣ, а просить у Варвары Петровны боялся. Она скрежетала зубами, когда, наконецъ, обо всемъ узнала. И вдругъ теперь сынокъ извѣщалъ, что пріѣдетъ самъ продать свои владѣнія во что̀-бы то ни стало, а отцу поручалъ неотлагательно позаботиться о продажѣ. Ясное дѣло, что при благородствѣ и безкорыстіи Степана Трофимовича, ему стало совѣстно предъ ce cher enfant (котораго онъ въ послѣдній разъ видѣлъ цѣлыхъ девять лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ, студентомъ). Первоначально все имѣніе могло стоить тысячъ тринадцать или четырнадцать, теперь врядъ-ли кто-бы далъ за него и пять. Безъ сомнѣнія, Степанъ Трофимовичъ имѣлъ полное право, по смыслу формальной довѣренности, продать лѣсъ и, поставивъ въ счетъ тысячерублевый невозможный ежегодный доходъ, столько лѣтъ высылавшійся аккуратно, сильно оградить себя при разсчетѣ. Но Степанъ Трофимовичъ былъ благороденъ, со стремленіями высшими. Въ головѣ его мелькнула одна удивительно-красивая мысль: когда пріѣдетъ Петруша, вдругъ благородно выложить на столъ самый высшій maximum цѣны, то есть даже пятнадцать тысячъ, безъ малѣйшаго намека на высылавшіяся до

сихъ поръ суммы, и крѣпко-крѣпко, со слезами, прижать къ груди ce cher fils, чѣмъ и покончить всѣ счеты. Отдаленно и осторожно началъ онъ развертывать эту картинку предъ Варварой Петровной. Онъ намекалъ, что это даже придастъ какой-то особый, благородный оттѣнокъ ихъ дружеской связи... ихъ «идеѣ». Это выставилобы въ такомъ безкорыстномъ и великодушномъ видѣ прежнихъ отцовъ и вообще прежнихъ людей, сравнительно съ новою легкомысленною и соціальною молодежью. Много еще онъ говорилъ, но Варвара Петровна все отмалчивалась. Наконецъ, сухо объявила ему, что согласна купить ихъ землю и дастъ за нее maximum цѣны, то есть тысячъ шесть—семь (и за четыре можно было купить). Объ остальныхъ-же восьми тысячахъ, улетѣвшихъ съ рощей, не сказала ни сл ва.

Это случилось за мѣсяцъ до сватовства. Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ и началъ задумываться. Прежде еще могла быть надежда, что сынокъ, пожалуй, и совсѣмъ не пріѣдетъ, — то есть надежда судя со стороны, по мнѣнію кого нибудь посторонняго. Степанъ-же Трофимовичъ, какъ отецъ, съ негодованіемъ отвергъ-бы самую мысль о подобной надеждѣ. Какъ-бы тамъ ни было, но до сихъ поръ о Петрушѣ доходили къ намъ все такіе странные слухи. Сначала, кончивъ курсъ въ университетѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, онъ слонялся въ Петербургѣ безъ дѣла. Вдругъ получилось у насъ извѣстіе, что онъ участвовалъ въ составленіи какой-то подметной прокламаціи и притянутъ къ дѣлу. Потомъ, что онъ очутился вдругъ за границей, въ Швейцаріи, въ Женевѣ, — бѣжалъ, чего добраго.

— Удивительно мнѣ это, проповѣдывалъ намъ тогда Степанъ Трофимовичъ, сильно сконфузившійся, — Петруша c'est une si pauvre tête! Онъ добръ, благороденъ, очень чувствителенъ, и я такъ тогда, въ Петербургѣ, порадовался, сравнивъ его съ современною молодежью, но c'est un pauvre sire tout de même... И, знаете, все отъ той-же недосиженности, сентиментальности! Ихъ плѣняетъ не реализмъ, а чувствительная, идеальная сторона соціализма, такъ сказать, религіозный оттѣнокъ его, поэзія его... съ чужаго голоса, разумѣется. И, однако, мнѣ-то, мнѣ каково! У меня здѣсь столько враговъ, *тамъ* еще болѣе, припишутъ вліянію отца... Боже! Петруша двигателемъ! Въ какія времена мы живемъ!

Петруша выслалъ, впрочемъ, очень скоро свой точный адресъ изъ Швейцаріи, для обычной ему высылки денегъ: стало быть, не совсѣмъ-же былъ эмигрантомъ. И вотъ теперь, пробывъ за границей года четыре, вдругъ появляется опять въ своемъ отечествѣ и извѣщаетъ о скоромъ своемъ прибытіи: стало быть, ни въ чемъ не обвиненъ. Мало того, даже какъ будто кто-то принималъ въ немъ участіе и покровительствовалъ ему. Онъ писалъ теперь съ юга Россіи, гдѣ находился по чьему-то частному, но важному порученію и объ чемъ-то тамъ хлопоталъ. Все это было прекрасно, но, однако, гдѣ-же взять остальныя семь—восемь тысячъ, чтобы составить приличный maximum цѣны за имѣніе? А что, если подымется крикъ, и вмѣсто величественной картины дойдетъ до процесса? Что-то говорило Степану Трофимовичу, что чувствительный Петруша не отступится отъ своихъ интересовъ. «Почему это, я замѣтилъ», шепнулъ мнѣ разъ тогда Степанъ Трофимовичъ, «почему это всѣ эти отчаянные соціалисты и коммунисты въ тоже время и такіе неимовѣрные скряги, пріобрѣтатели, собственники, и даже такъ, что чѣмъ больше онъ соціалистъ, чѣмъ дальше пошелъ, тѣмъ сильнѣе и собственникъ... почему это? Неужели тоже отъ сентиментальности?» Я не знаю, есть-ли правда въ этомъ замѣчаніи Степана Трофимовича; я знаю только, что Петруша имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о продажѣ рощи и о прочемъ, а Степанъ Трофимовичъ зналъ, что тотъ имѣетъ эти свѣдѣнія. Мнѣ случалось тоже читать и Петрушины письма къ отцу: писалъ онъ до крайности рѣдко, разъ въ годъ и еще рѣже. Только въ послѣднее время, увѣдомляя о близкомъ своемъ пріѣздѣ, прислалъ два письма, почти одно за другимъ. Всѣ письма его были коротенькія, сухія, состояли изъ однихъ лишь распоряженій, и такъ какъ отецъ съ сыномъ еще съ самаго Петербурга были по модному, на

ты, то и письма Петруши рѣшительно имѣли видъ тѣхъ старинныхъ предписаній прежнихъ помѣщиковъ изъ столицъ ихъ дворовымъ людямъ, поставленнымъ ими въ управляющіе ихъ имѣній. И вдругъ теперь эти восемь тысячъ, разрѣшающія дѣло, вылетаютъ изъ предложенія Варвары Петровны, и при этомъ она даетъ ясно почувствовать, что они ни откуда болѣе и не могутъ вылетѣть. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ согласился.

Онъ тотчасъ-же по ея уходѣ прислалъ за мной, а отъ всѣхъ другихъ заперся на весь день. Конечно, поплакалъ, много и хорошо говорилъ, много и сильно сбивался, сказалъ случайно каламбуръ и остался имъ доволенъ, потомъ была легкая холерина,— однимъ словомъ, все произошло въ порядкѣ. Послѣ чего онъ вытащилъ портретъ своей, уже двадцать лѣтъ тому назадъ скончавшейся нѣмочки, и жалобно началъ взывать: «Простишь-ли ты меня?» Вообще онъ былъ какъ-то сбитъ съ толку. Съ горя мы немножко и выпили. Впрочемъ, онъ скоро и сладко заснулъ. На утро мастерски повязалъ себѣ галстукъ, тщательно одѣлся и часто подходилъ смотрѣться въ зеркало. Платокъ спрыснулъ духами, впрочемъ, лишь чуть-чуть, и только завидѣлъ Варвару Петровну въ окно, поскорѣй взялъ другой платокъ, а надушенный спряталъ подъ подушку.

— И прекрасно! похвалила Варвара Петровна, выслушавъ его согласіе. — Во первыхъ, благородная рѣшимость, а во вторыхъ, вы вняли голосу разсудка, которому вы такъ рѣдко внимаете въ вашихъ частныхъ дѣлахъ. Спѣшить, впрочемъ, нечего, прибавила она, разглядывая узелъ его бѣлаго галстука,— покамѣстъ, молчите, и я буду молчать. Скоро день вашего рожденія; я буду у васъ вмѣстѣ съ нею. Сдѣлайте вечерній чай, и пожалуйста безъ вина и безъ закусокъ; впрочемъ, я сама все устрою. Пригласите вашихъ друзей, — впрочемъ, мы вмѣстѣ сдѣлаемъ выборъ. Наканунѣ вы съ нею переговорите, если надо будетъ; а на вашемъ вечерѣ мы не то что объявимъ, или тамъ сговоръ какой нибудь сдѣлаемъ, а только такъ намекнемъ или дадимъ знать, безо всякой торжественности. А тамъ недѣли черезъ двѣ и свадьба, по возможности безъ всякаго шума... Даже обоимъ вамъ можно-бы и уѣхать на время, тотчасъ изъ-подъ вѣнца, хоть въ Москву, напримѣръ. Я тоже, можетъ быть, съ вами поѣду... А, главное, до тѣхъ поръ молчите.

Степанъ Трофимовичъ былъ удивленъ. Онъ заикнулся было, что невозможно-же ему такъ, что надо-же переговорить съ невѣстой, но Варвара Петровна раздражительно на него накинулась:

— Это зачѣмъ? Во первыхъ, ничего еще, можетъ быть, и не будетъ...

— Какъ не будетъ! пробормоталъ женихъ, совсѣмъ уже ошеломленный.

— Такъ. Я еще посмотрю... А, впрочемъ, все такъ будетъ, какъ я сказала, и не безпокойтесь, я сама ее приготовлю. Вамъ совсѣмъ незачѣмъ. Все нужное будетъ сказано и сдѣлано, а вамъ туда незачѣмъ. Для чего? Для какой роли? И сами не ходите и писемъ не пишите. И ни слуху, ни духу, прошу васъ. Я тоже буду молчать.

Она рѣшительно не хотѣла объясняться и ушла, видимо разстроенная. Кажется, чрезмѣрная готовность Степана Трофимовича поразила ее. Увы, онъ рѣшительно не понималъ своего положенія и вопросъ еще не представился ему съ нѣкоторыхъ другихъ точекъ зрѣнія. Напротивъ, явился какой-то новый тонъ, что-то побѣдоносное и легкомысленное. Онъ куражился:

— Это мнѣ нравится! восклицалъ онъ, останавливаясь предо мной и разводя руками, — вы слышали? Она хочетъ довести до того, чтобъ я, наконецъ, не захотѣлъ. Вѣдь я тоже могу терпѣніе потерять и... не захотѣть! «Сидите и нечего вамъ туда ходить», но почему я, наконецъ, непремѣнно долженъ жениться? Потому только, что у ней явилась смѣшная фантазія? Но я человѣкъ серіозный, и могу не захотѣть подчиняться праздным фантазіямъ взбалмошной женщины! У меня есть обязанности къ моему сыну и... и къ самому себѣ! Я жертву приношу — понимаетъ-ли она это? Я, можетъ быть, потому согласился, что мнѣ наскучила жизнь и мнѣ все равно. Но она можетъ меня раздражить, и тогда мнѣ будетъ уже не все равно; я обижусь и откажусь. Et enfin le ridicule... Что скажутъ

въ клубѣ? Что̀ скажетъ... Липутинъ? «Можетъ, ничего еще и не будетъ» — каково! Но вѣдь это верхъ! Это ужь... это что̀-же такое?—Je suis un forçat, un Badinguet, un припертый къ стѣнѣ человѣкъ!..

И въ тоже время какое-то капризное самодовольствіе, что-то легкомысленно-игривое проглядывало среди всѣхъ этихъ жалобныхъ восклицаній. Вечеромъ мы опять выпили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чужіе грѣхи.

I.

Прошло съ недѣлю, и дѣло начало нѣсколько раздвигаться.

Замѣчу вскользь, что въ эту несчастную недѣлю я вынесъ много тоски,—оставаясь почти безотлучно подлѣ бѣднаго сосватаннаго друга моего, въ качествѣ ближайшаго его конфидента. Тяготилъ его, главное, стыдъ, хотя мы въ эту недѣлю никого не видали и все сидѣли одни; но онъ стыдился даже и меня, и до того, что чѣмъ болѣе самъ открывалъ мнѣ, тѣмъ болѣе и досадовалъ на меня за это. По мнительности-же подозрѣвалъ, что все уже всѣмъ извѣстно, всему городу, и не только въ клубѣ, но даже въ своемъ кружкѣ боялся показаться. Даже гулять выходилъ, для необходимаго моціону, только въ полныя сумерки, когда уже совершенно темнѣло.

Прошла недѣля, а онъ все еще не зналъ, женихъ онъ или нѣтъ, и никакъ не могъ узнать объ этомъ навѣрно, какъ ни бился. Съ невѣстой онъ еще не видался, даже не зналъ, невѣста-ли она ему; даже не зналъ, есть-ли тутъ во всемъ этомъ хоть что нибудь серіозное! Къ себѣ почему-то Варвара Петровна рѣшительно не хотѣла его допустить. На одно изъ первоначальныхъ писемъ его (а онъ написалъ ихъ къ ней множество) она прямо отвѣтила ему просьбой избавить ее на время отъ всякихъ съ нимъ сношеній, потому что она занята, а имѣя и сама сообщить ему много очень важнаго, нарочно ждетъ для этого болѣе свободной, чѣмъ теперь, минуты, и сама дастъ ему *современемъ* знать, когда къ ней можно будетъ придти. Письма-же обѣщала присылать обратно нераспечатанными, потому что это «одно только баловство». Эту записку я самъ читалъ; онъ-же мнѣ и показывалъ.

И, однако, всѣ эти грубости и неопредѣленности, все это было ничто въ сравненіи съ главною его заботой. Эта забота мучила его чрезвычайно, неотступно; отъ нея онъ худѣлъ и падалъ духомъ. Это было нѣчто такое, чего онъ уже болѣе всего стыдился и о чемъ никакъ не хотѣлъ заговорить даже со мной; напротивъ, при случаѣ лгалъ и вилялъ предо мной какъ маленькій мальчикъ; а между тѣмъ самъ-же посылалъ за мною ежедневно, двухъ часовъ безъ меня пробыть немогъ, нуждаясь во мнѣ какъ въ водѣ или въ воздухѣ.

Такое поведеніе оскорбляло нѣсколько мое самолюбіе. Само собою разумѣется, что я давно уже угадалъ про себя эту главную тайну его и видѣлъ все насквозь. По глубочайшему тогдашнему моему убѣжденію, обнаруженіе этой тайны, этой главной заботы Степана Трофимовича, не прибавилобы ему чести, и потому я, какъ человѣкъ еще молодой, нѣсколько негодовалъ на грубость чувствъ его и на некрасивость нѣкоторыхъ его подозрѣній. Сгоряча,—и, признаюсь, отъ скуки быть конфидентомъ,—я, можетъ быть, слишкомъ обвинялъ его. По жестокости моей, я добивался его собственнаго признанія предо мною во всемъ, хотя, впрочемъ, и допускалъ, что признаваться въ иныхъ вещахъ, пожалуй, и затруднительно. Онъ тоже меня насквозь понималъ, то есть ясно видѣлъ, что я понимаю его насквозь и даже злюсь на него, и самъ злился на меня за то, что я злюсь на него и понимаю его насквозь. Пожалуй, раздраженіе мое было мелко и глупо; но взаимное уединеніе чрезвычайно иногда вредитъ истинной дружбѣ. Съ извѣстной точки онъ вѣрно понималъ нѣкоторыя стороны своего положенія и даже весьма тонко опредѣлялъ его въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ таиться не находилъ нужнымъ.

— О, такова-ли она была тогда! проговаривался онъ иногда мнѣ о Варварѣ Петровнѣ.—Такова-ли она была прежде, ког-

да мы съ нею говорили... Знаете-ли вы, что тогда она умѣла еще говорить? Можете-ли вы повѣрить, что у нея тогда были мысли, свои мысли. Теперь все перемѣнилось! Она говоритъ, что все это одна только старинная болтовня! Она презираетъ прежнее... Теперь она какой-то прикащикъ, экономъ, ожесточенный человѣкъ, и все сердится...

— За что-же ей теперь сердиться, когда вы исполнили ея требованіе? возразилъ я ему.

Онъ тонко посмотрѣлъ на меня.

— Cher ami, если-бъ я не согласился, она-бы разсердилась ужасно, ужа-а-сно! Но всетаки менѣе чѣмъ теперь, когда я согласился.

Этимъ словечкомъ своимъ онъ остался доволенъ, и мы роспили въ тотъ вечеръ бутылочку. Но это было только мгновеніе; на другой день онъ былъ ужаснѣе и угрюмѣе чѣмъ когда либо.

Но всего болѣе досадовалъ я на него за то, что онъ не рѣшался даже пойдти сдѣлать необходимый визитъ пріѣхавшимъ Дроздовымъ, для возобновленія знакомства, чего, какъ слышно, они и сами желали, такъ какъ спрашивали уже о немъ, о чемъ и онъ тосковалъ каждодневно. О Лизаветѣ Николаевнѣ онъ говорилъ съ какимъ-то непонятнымъ для меня восторгомъ. Безъ сомнѣнія, онъ вспоминалъ въ ней ребенка, котораго такъ когда-то любилъ; но кромѣ того онъ, неизвѣстно почему, воображалъ, что тотчасъ-же найдетъ подлѣ нея облегченіе всѣмъ своимъ настоящимъ мукамъ и даже разрѣшитъ свои важнѣйшія сомнѣнія. Въ Лизаветѣ Николаевнѣ онъ предполагалъ встрѣтить какое-то необычайное существо. И всетаки къ ней не шелъ, хотя и каждый день собирался. Главное было въ томъ, что мнѣ самому ужасно хотѣлось тогда быть ей представленнымъ и отрекомендованнымъ, въ чемъ могъ я разсчитывать единственно на одного лишь Степана Трофимовича. Чрезвычайное впечатлѣніе производили на меня тогда частыя встрѣчи мои съ нею, разумѣется, на улицѣ,—когда она выѣзжала прогуливаться верхомъ, въ амазонкѣ и на прекрасномъ конѣ, въ сопровожденіи такъ называемаго родственника ея, красиваго офицера, племянника покойнаго генерала Дроздова. Ослѣпленіе мое продолжалось одно лишь мгновеніе, и я самъ очень скоро потомъ сознадъ всю невозможность моей мечты,—но хоть мгновеніе, а оно существовало дѣйствительно, а потому можно себѣ представить, какъ негодовалъ я иногда въ то время на бѣднаго друга моего за его упорное затворничество.

Всѣ наши еще съ самаго начала были оффиціально предувѣдомлены о томъ, что Степанъ Трофимовичъ нѣкоторое время принимать не будетъ и проситъ оставить его въ совершенномъ покоѣ. Онъ настоялъ на циркулярномъ предувѣдомленіи, хотя я и отсовѣтывалъ. Я-же и обошелъ всѣхъ, по его просьбѣ, и всѣмъ наговорилъ, что Варвара Петровна поручила нашему «старику» (такъ всѣ мы между собою звали Степана Трофимовича) какую-то экстренную работу, привести въ порядокъ какую-то переписку за нѣсколько лѣтъ; что онъ заперся, а я ему помогаю и проч., и проч. Къ одному только Липутину я не успѣлъ зайдти и все откладывалъ,—а вѣрнѣе сказать, я боялся зайдти. Я зналъ впередъ, что онъ ни одному слову моему не повѣритъ, непремѣнно вообразитъ себѣ, что тутъ секретъ, который собственно отъ него одного хотятъ скрыть, и только что я выйду отъ него, тотчасъ-же пустится по всему городу разузнавать и сплетничать. Пока я все это себѣ представлялъ, случилось такъ, что я нечаянно столкнулся съ нимъ на улицѣ. Оказалось, что онъ уже обо всемъ узналъ отъ нашихъ, мною только что предувѣдомленныхъ. Но, странное дѣло, онъ не только не любопытствовалъ и не разспрашивалъ о Степанѣ Трофимовичѣ, а, напротивъ, самъ еще прервалъ меня, когда я сталъ было извиняться, что не зашелъ къ нему раньше, и тотчасъ-же перескочилъ на другой предметъ. Правда, у него накопилось что разсказать; онъ былъ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи духа и обрадовался тому, что поймалъ во мнѣ слушателя. Онъ сталъ говорить о городскихъ новостяхъ, о пріѣздѣ губернаторши «съ новыми разговорами», объ образовавшейся уже въ клубѣ оппозиціи, о томъ, что всѣ кричатъ о новыхъ идеяхъ, и какъ это ко всѣмъ пристало, и проч., и проч. Онъ про-

говорилъ съ четверть часа, и такъ забавно, что я не могъ оторваться. Хотя я терпѣть его не могъ, но, сознаюсь, что у него былъ даръ заставить себя слушать и особенно когда онъ очень на что нибудь злился. Человѣкъ этотъ, по моему, былъ настоящій и прирожденный шпіонъ. Онъ зналъ во всякую минуту всѣ самыя послѣднія новости и всю подноготную нашего города, преимущественно по части мерзостей, и дивиться надо было, до какой степени онъ принималъ къ сердцу вещи, иногда совершенно до него не касавшіяся. Мнѣ всегда казалось, что главною чертой его характера была зависть. Когда я, въ тотъ-же вечеръ, передалъ Степану Трофимовичу о встрѣчѣ утромъ съ Липутинымъ и о нашемъ разговорѣ,—тотъ, къ удивленію моему, чрезвычайно взволновался и задалъ мнѣ дикій вопросъ: «знаетъ Липутинъ или нѣтъ». Я сталъ ему доказывать, что возможности не было узнать такъ скоро, да и не отъ кого; но Степанъ Трофимовичъ стоялъ на своемъ:

— Вотъ вѣрьте или нѣтъ,— заключилъ онъ подъ конецъ неожиданно,— а я убѣжденъ, что ему не только уже извѣстно все со всѣми подробностями о *нашемъ* положеніи, но что онъ и еще что нибудь сверхъ того знаетъ, что нибудь такое, чего ни вы, ни я еще не знаемъ, а, можетъ быть, никогда и не узнаемъ, или узнаемъ, когда уже будетъ поздно, когда уже нѣтъ возврата!..

Я промолчалъ, но слова эти на многое намекали. Послѣ того, цѣлыхъ пять дней мы ни слова не упоминали о Липутинѣ; мнѣ ясно было, что Степанъ Трофимовичъ очень жалѣлъ о томъ, что обнаружилъ предо мною такія подозрѣнія и проговорился.

II.

Однажды по утру,— то есть на седьмой или восьмой день послѣ того какъ Степанъ Трофимовичъ согласился стать женихомъ,— часовъ около одиннадцати, когда я спѣшилъ, по обыкновенію, къ моему скорбному другу, дорогой произошло со мной приключеніе.

Я встрѣтилъ Кармазинова, «великаго писателя», какъ величалъ его Липутинъ. Кармазинова я читалъ съ дѣтства. Его повѣсти и разсказы извѣстны всему прошлому и даже нашему поколѣнію; я-же упивался ими; онѣ были наслажденіемъ моего отрочества и моей молодости. Потомъ я нѣсколько охладѣлъ къ его перу; повѣсти съ направленіемъ, которыя онъ все писалъ въ послѣднее время, мнѣ уже не такъ понравились, какъ первыя, первоначальныя его созданія, въ которыхъ было столько непосредственной поэзіи; а самыя послѣднія сочиненія его такъ даже вовсе мнѣ не нравились.

Вообще говоря, если осмѣлюсь выразить и мое мнѣніе въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, всѣ эти наши господа таланты средней руки, принимаемые по обыкновенію при жизни ихъ чуть не за геніевъ,—не только исчезаютъ чуть не безслѣдно и какъ-то вдругъ изъ памяти людей, когда умираютъ, но случается, что даже и при жизни ихъ, чуть лишь подростетъ новое поколѣніе, смѣняющее то, при которомъ они дѣйствовали,—забываются и пренебрегаются всѣми непостижимо скоро. Какъ-то это вдругъ у насъ происходитъ, точно перемѣна декораціи на театрѣ. О, тутъ совсѣмъ не то, что съ Пушкиными, Гоголями, Мольерами, Вольтерами, со всѣми этими дѣятелями, приходившими сказать свое новое слово! Правда и то, что и сами эти господа таланты средней руки, на склонѣ почтенныхъ лѣтъ своихъ, обыкновенно самымъ жалкимъ образомъ у насъ исписываются, совсѣмъ даже и не замѣчая того. Нерѣдко оказывается, что писатель, которому долго приписывали чрезвычайную глубину идей и отъ котораго ждали чрезвычайнаго и серіознаго вліянія на движеніе общества, обнаруживаетъ подъ конецъ такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки, что никто даже и не жалѣетъ о томъ, что онъ такъ скоро умѣлъ исписаться. Но сѣдые старички не замѣчаютъ того и сердятся. Самолюбіе ихъ, именно подъ конецъ ихъ поприща, принимаетъ иногда размѣры, достойные удивленія. Богъ знаетъ за кого они начинаютъ принимать себя,—по крайней мѣрѣ, за боговъ. Про Кармазинова разсказывали, что онъ дорожитъ связями своими съ сильны-

ми людьми и съ обществомъ высшимъ чуть не больше души своей. Разсказывали, что онъ васъ встрѣтитъ, обласкаетъ, прельститъ, обворожитъ своимъ простодушіемъ, особенно если вы ему почему нибудь нужны и, ужь разумѣется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первомъ князѣ, при первой графинѣ, при первомъ человѣкѣ, котораго онъ боится, онъ почтетъ священнѣйшимъ долгомъ забыть васъ съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, какъ щепку, какъ муху, тутъ-же, когда вы еще не успѣли отъ него выйдти; онъ серіозно считаетъ это самымъ высокимъ и прекраснымъ тономъ. Не смотря на полную выдержку и совершенное знаніе хорошихъ манеръ, онъ до того, говорятъ, самолюбивъ, до такой истерики, что никакъ не можетъ скрыть своей авторской раздражительности даже и въ тѣхъ кругахъ общества, гдѣ мало интересуются литературой. Если-же случайно кто нибудь озадачивалъ его своимъ равнодушіемъ, то онъ обижался болѣзненно и старался отмстить.

Съ годъ тому назадъ я читалъ въ журналѣ статью его, написанную съ страшною претензіей на самую наивную поэзію и при этомъ на психологію. Онъ описывалъ гибель одного парохода гдѣ-то у англійскаго берега, чему самъ былъ свидѣтелемъ и видѣлъ, какъ спасали погибавшихъ и вытаскивали утопленниковъ. Вся статья эта, довольно длинная и многорѣчивая, написана была единственно съ цѣлію выставить себя самого. Такъ и читалось между строками: «Интересуйтесь мною, смотрите, каковъ я былъ въ эти минуты. Зачѣмъ вамъ это море, буря, скалы, разбитыя щепки корабля? Я вѣдь достаточно описалъ вамъ все это моимъ могучимъ перомъ. Чего вы смотрите на эту утопленницу съ мертвымъ ребенкомъ въ мертвыхъ рукахъ? Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спиной; вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ; я жмурю глаза — не правда-ли, какъ это интересно?» Когда я передалъ мое мнѣніе о статьѣ Кармазинова Степану Трофимовичу, онъ со мной согласился.

Когда пошли у насъ недавніе слухи, что пріѣдетъ Кармазиновъ, я, разумѣется, ужасно пожелалъ его увидать и, если возможно, съ нимъ познакомиться. Я зналъ, что могъ-бы это сдѣлать чрезъ Степана Трофимовича; они когда-то были друзьями. И вотъ вдругъ я встрѣчаюсь съ нимъ на перекресткѣ. Я тотчасъ узналъ его; мнѣ уже его показали дня три тому назадъ, когда онъ проѣзжалъ въ коляскѣ съ губернаторшей.

Это былъ очень не высокій, чопорный старичокъ, лѣтъ, впрочемъ, не болѣе пятидесяти пяти, съ довольно румянымъ личикомъ, съ густыми сѣденькими локончиками, выбившимися изъ подъ круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около чистенькихъ, розовенькихъ, маленькихъ ушковъ его. Чистенькое личико его было не совсѣмъ красиво, съ тонкими, длинными, хитро сложенными губами, съ нѣсколько мясистымъ носомъ и съ востренькими, умными, маленькими глазками. Онъ былъ одѣтъ какъ-то ветхо, въ какомъто плащѣ въ накидку, какой, напримѣръ, носили-бы въ этотъ сезонъ гдѣ нибудь въ Швейцаріи или въ Сѣверной Италіи. Но, по крайней мѣрѣ, всѣ мелкія вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговки, черепаховый лорнетъ на черной тоненькой ленточкѣ, перстенекъ, непремѣнно были такія-же, какъ и у людей безукоризненно хорошаго тона. Я увѣренъ, что лѣтомъ онъ ходитъ непремѣнно въ какихъ нибудь цвѣтныхъ, плюнелевыхъ ботиночкахъ съ перламутровыми пуговками съ боку. Когда мы столкнулись, онъ пріостановился на поворотѣ улицы и осматривался со вниманіемъ. Замѣтивъ, что я любопытно смотрю на него, онъ медовымъ, хотя нѣсколько крикливымъ голоскомъ спросилъ меня:

— Позвольте узнать, какъ мнѣ ближе выйдти на Быкову улицу?

— На Быкову улицу? Да это здѣсь, сейчасъ-же, вскричалъ я въ необыкновенномъ волненіи.—Все прямо по этой улицѣ и потомъ второй поворотъ налѣво.

— Очень вамъ благодаренъ.

Проклятіе на эту минуту: я, кажется, оробѣлъ и смотрѣлъ подобострастно! Онъ мигомъ все это замѣтилъ и, конечно, тот-

часъ-же все узналъ, то есть узналъ, что мнѣ уже извѣстно, кто онъ такой, что я его читалъ и благоговѣлъ предъ нимъ съ самаго дѣтства, что я теперь оробѣлъ и смотрю подобострастно. Онъ улыбнулся, кивнулъ еще разъ головой и пошелъ прямо, какъ я указалъ ему. Не знаю для чего я поворотилъ за нимъ назадъ; не знаю для чего я пробѣжалъ подлѣ него десять шаговъ. Онъ вдругъ опять остановился.

— А не могли-бы вы мнѣ указать, гдѣ здѣсь всего ближе стоятъ извощики? прокричалъ онъ мнѣ опять.

Скверный крикъ; скверный голосъ!

— Извощики? Извощики всего ближе отсюда... у собора стоятъ, тамъ всегда стоятъ,— и вотъ я чуть было не повернулся бѣжать за извощикомъ. Я подозрѣваю, что онъ именно этого и ждалъ отъ меня. Разумѣется, я тотчасъ-же опомнился и остановился, но движеніе мое онъ замѣтилъ очень хорошо и слѣдилъ за мною все съ тою-же скверною улыбкой. Тутъ случилось то, чего я никогда не забуду.

Онъ вдругъ уронилъ крошечный сакъ, который держалъ въ своей лѣвой рукѣ. Впрочемъ, это былъ не сакъ, а какая-то коробочка, или, вѣрнѣе, какой-то портфельчикъ, или еще лучше, ридикюльчикъ, въ родѣ старинныхъ дамскихъ ридикюлей, впрочемъ, не знаю что̀ это было, но знаю только̀, что я, кажется, бросился его поднимать.

Я совершенно убѣжденъ, что я его не поднялъ, но первое движеніе, сдѣланное мною, было неоспоримо; скрыть его я уже не могъ и покраснѣлъ какъ дуракъ. Хитрецъ тотчасъ-же извлекъ изъ обстоятельства все, что̀ ему можно было извлечь.

— Не безпокойтесь, я самъ, очаровательно проговорилъ онъ, то есть когда уже вполнѣ замѣтилъ, что я не подниму ему ридикюль, поднялъ его, какъ будто предупреждая меня, кивнулъ еще разъ головой и отправился своею дорогой, оставивъ меня въ дуракахъ. Было все равно какъ-бы я самъ поднялъ. Минутъ съ пять я считалъ себя вполнѣ и на вѣки опозореннымъ; но подойдя къ дому Степана Трофимовича, я вдругъ расхохотался. Встрѣча показалась мнѣ такъ забавною, что я немедленно рѣшилъ потѣшить разсказомъ Степана Трофимовича и изобразить ему всю сцену даже въ лицахъ.

III.

Но на этотъ разъ, къ удивленію моему, я засталъ его въ чрезвычайной перемѣнѣ. Онъ, правда, съ какой-то жадностію набросился на меня только-что я вошелъ и сталъ меня слушать, но съ такимъ растеряннымъ видомъ, что сначала видимо не понималъ моихъ словъ. Но только что я произнесъ имя Кармазинова, онъ совершенно вдругъ вышелъ изъ себя.

— Не говорите мнѣ, не произносите! воскликнулъ онъ чуть не въ бѣшенствѣ,— вотъ, вотъ смотрите, читайте! Читайте!

Онъ выдвинулъ ящикъ и выбросилъ на столъ три небольшіе клочка бумаги, писанные наскоро карандашомъ, всѣ отъ Варвары Петровны. Первая записка была отъ третьяго дня, вторая отъ вчерашняго, а послѣдняя пришла сегодня, всего часъ назадъ; содержанія самаго пустаго, всѣ о Кармазиновѣ и обличали суетное и честолюбивое волненіе Варвары Петровны отъ страха, что Кармазиновъ забудетъ ей сдѣлать визитъ. Вотъ первая, отъ третьяго дня (вѣроятно, была и отъ четвертаго дня, а, можетъ быть, и отъ пятаго):

«Если онъ, наконецъ, удостоитъ васъ сегодня, то обо мнѣ прошу ни слова. Ни малѣйшаго намека. Не заговаривайте и не напоминайте.

«В. С.»

Вчерашняя:

«Если онъ рѣшится, наконецъ, сегодня утромъ вамъ сдѣлать визитъ, всего благороднѣе, я думаю, совсѣмъ не принять его. Такъ по моему, не знаю какъ по вашему.

«В. С.»

Сегодняшняя, послѣдняя:

«Я убѣждена, что у васъ сору цѣлый возъ и дымъ столбомъ отъ табаку. Я вамъ пришлю Марью и Ѳомушку; они въ полчаса приберутъ. А вы не мѣшайте и посидите въ кухнѣ, пока прибираютъ. Посылаю бухарскій коверъ и двѣ китайскія вазы, давно сбиралась вамъ подарить, и сверхъ того моего Теньера (на время). Вазы мож-

но поставить на окошко, а Теньера повѣсьте справа подъ портретомъ Гете, тамъ виднѣе и по утрамъ всегда свѣтъ. Если онъ, наконецъ, появится, примите утонченно вѣжливо, но постарайтесь говорить о пустякахъ, объ чемъ нибудь ученомъ, и съ такимъ видомъ, какъ будто вы вчера только разстались. Обо мнѣ ни слова. Можетъ быть, зайду взглянуть у васъ вечеромъ».

«В. С.»

«P. S. Если и сегодня не пріѣдетъ, то совсѣмъ не пріѣдетъ».

Я прочелъ и удивился, что онъ въ такомъ волненіи отъ такихъ пустяковъ. Взглянувъ на него вопросительно, я вдругъ замѣтилъ, что онъ, пока я читалъ, успѣлъ перемѣнить свой всегдашній бѣлый галстукъ на красный. Шляпа и палка его лежали на столѣ. Самъ-же былъ блѣденъ и даже руки его дрожали.

— Я знать не хочу ея волненій! изступленно вскричалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ.—Je m'en fiche! Она имѣетъ духъ волноваться о Кармазиновѣ, а мнѣ на мои письма не отвѣчаетъ! Вотъ, вотъ нераспечатанное письмо мое, которое она вчера воротила мнѣ, вотъ тутъ на столѣ, подъ книгой, подъ *L'Homme qui rit*. Какое мнѣ дѣло, что она убивается о Нико-ленькѣ! Je m'en fiche et je proclame ma liberté. Au diable le Karmazinoff! Au diable la Lembke. Я вазы спряталъ въ переднюю, а Теньера въ комодъ, а отъ нея потребовалъ, чтобъ она сейчасъ-же приняла меня. Слышите: потребовалъ! Я послалъ ей такой-же клочокъ бумаги, карандашомъ, незапечатанный, съ Настасьей, и жду. Я хочу, чтобы Дарья Павловна сама объявила мнѣ изъ своихъ устъ и передъ лицомъ неба, или, по крайней мѣрѣ, предъ вами. Vous me séconderez, n'est-ce pas, comme ami et témoin. Я не хочу краснѣть, я не хочу лгать, я не хочу тайнъ, я не допущу тайнъ въ этомъ дѣлѣ! Пусть мнѣ въ всемъ признаются, откровенно, простодушно, благородно, и тогда... тогда я, можетъ быть, удивлю все поколѣніе великодушіемъ!.. Подлецъ я или нѣтъ, милостивый государь? заключилъ онъ вдругъ, грозно смотря на меня, какъ будто я-то и считалъ его подлецомъ.

Я попросилъ его выпить воды; я еще не видалъ его въ такомъ видѣ. Все время, пока говорилъ, онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, но вдругъ остановился предо мной въ какой-то необычайной позѣ.

— Неужели вы думаете, началъ онъ опять съ болѣзненнымъ высокомѣріемъ, оглядывая меня съ ногъ до головы,—неужели вы можете предположить, что я, Степанъ Верховенскій, не найду въ себѣ столько нравственной силы, чтобы, взявъ мою коробку, — нищенскую коробку мою! — и, взваливъ ее на слабыя плечи, выйдти за ворота и исчезнуть отсюда на вѣки, когда того потребуетъ честь и великій принципъ независимости? Степану Верховенскому не въ первый разъ отражать деспотизмъ великодушіемъ, хотя-бы и деспотизмъ сумасшедшей женщины, то есть самый обидный и жестокій деспотизмъ, какой только можетъ осуществиться на свѣтѣ, не смотря на то, что вы сейчасъ, кажется, позволили себѣ усмѣхнуться словамъ моимъ, милостивый государь мой! О, вы не вѣрите, что я смогу найдти въ себѣ столько великодушія, чтобы съумѣть кончить жизнь у купца гувернеромъ или умереть съ голоду подъ заборомъ! Отвѣчайте, отвѣчайте немедленно: вѣрите вы или не вѣрите?

Но я смолчалъ нарочно. Я даже сдѣлалъ видъ, что не рѣшаюсь обидѣть его отвѣтомъ отрицательнымъ, но не могу отвѣчать утвердительно. Во всемъ этомъ раздраженіи было нѣчто такое, что рѣшительно обижало меня, и не лично, о, нѣтъ! Но... я потомъ объяснюсь.

Онъ даже поблѣднѣлъ.

— Можетъ быть, вамъ скучно со мной, Г—въ (это моя фамилія), и вы-бы желали... не приходить ко мнѣ вовсе? проговорилъ онъ тѣмъ тономъ блѣднаго спокойствія, который обыкновенно предшествуетъ какому нибудь необычайному взрыву. Я вскочилъ въ испугѣ; въ тоже мгновеніе вошла Настасья и молча протянула Степану Трофимовичу бумажку, на которой написано было что-то карандашомъ. Онъ взглянулъ и перебросилъ мнѣ. На бумажкѣ рукой Варвары Петровны написаны были всего только два слова: «сидите дома».

Степанъ Трофимовичъ молча схватилъ

шляпу и палку и быстро пошелъ изъ комнаты; я машинально за нимъ. Вдругъ голоса и шумъ чьихъ-то скорыхъ шаговъ послышались въ корридорѣ. Онъ остановился какъ пораженный громомъ.

— Это Липутинъ, и я пропалъ! прошепталъ онъ, схвативъ меня за руку.

Въ ту-же минуту въ комнату вошелъ Липутинъ.

IV.

Почему-бы онъ пропалъ отъ Липутина, я не зналъ, да и цѣны не придавалъ слову; я все приписывалъ нервамъ. Но, все-таки, испугъ его былъ необычайный, и я рѣшился пристально наблюдать.

Ужь одинъ видъ входившаго Липутина заявлялъ, что на этотъ разъ онъ имѣетъ особенное право войдти, не смотря на всѣ запрещенія. Онъ велъ за собою одного неизвѣстнаго господина, должно быть, пріѣзжаго. Въ отвѣтъ на безсмысленный взглядъ остолбенѣвшаго Степана Трофимовича, онъ тотчасъ-же и громко воскликнулъ:

— Гостя веду, и особеннаго! Осмѣливаюсь нарушить уединеніе. Господинъ Кириловъ, замѣчательнѣйшій инженеръ-строитель. А, главное, сынка вашего знаютъ, многоуважаемаго Петра Степановича; очень коротко-съ; и порученіе отъ нихъ имѣютъ. Вотъ только-что пожаловали.

— О порученіи вы прибавили, рѣзко замѣтилъ гость, — порученія совсѣмъ не бывало, а Верховенскаго я, вправдѣ, знаю. Оставилъ въ Х — ской губерніи, десять дней предъ нами.

Степанъ Трофимовичъ машинально подалъ руку и указалъ садиться; посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ на Липутина, и вдругъ, какъ-бы опомнившись, поскорѣе сѣлъ самъ, но все еще держа въ рукѣ шляпу и палку и не замѣчая того.

— Ба, да вы сами на выходѣ! А мнѣ-то вѣдь сказали, что вы совсѣмъ прихворнули отъ занятій.

— Да, я боленъ, и вотъ теперь хотѣлъ гулять, я... Степанъ Трофимовичъ остановился, быстро откинулъ на диванъ шляпу и палку, и — покраснѣлъ.

Я между тѣмъ наскоро разсматривалъ гостя. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ около двадцати семи, прилично одѣтый, стройный и сухощавый брюнетъ, съ блѣднымъ, нѣсколько грязноватаго оттѣнка лицомъ и съ черными глазами безъ блеску. Онъ казался нѣсколько задумчивымъ и разсѣяннымъ, говорилъ отрывисто и какъ-то не грамматически, какъ-то странно переставлялъ слова и путался, если приходилось составить фразу подлиннѣе. Липутинъ совершенно замѣтилъ чрезвычайный испугъ Степана Трофимовича и, видимо, былъ доволенъ. Онъ усѣлся на плетеномъ стулѣ, который вытащилъ чуть не на средину комнаты, чтобы находиться въ одинаковомъ разстояніи между хозяиномъ и гостемъ, размѣстившимися одинъ противъ другаго на двухъ противоположныхъ диванахъ. Вострые глаза его съ любопытствомъ шныряли по всѣмъ угламъ.

— Я... давно уже не видалъ Петрушу... Вы за границей встрѣтились? пробормоталъ кое-какъ Степанъ Трофимовичъ гостю.

— И здѣсь и за границей.

— Алексѣй Нилычъ сами только что изъ-за границы, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, подхватилъ Липутинъ; — ѣздили для усовершенствованія себя въ своей спеціальности, и къ намъ прибыли, имѣя основаніе надѣяться получить мѣсто при постройкѣ нашего желѣзнодорожнаго моста, и теперь отвѣта ожидаютъ. Они съ господами Дроздовыми, съ Лизаветой Николаевной знакомы чрезъ Петра Степановича.

Инженеръ сидѣлъ какъ будто нахохлившись и прислушивался съ неловкимъ нетерпѣніемъ. Мнѣ показалось, что онъ былъ на что-то сердитъ.

— Они и съ Николаемъ Всеволодовичемъ знакомы-съ.

— Знаете и Николая Всеволодовича? освѣдомился Степанъ Трофимовичъ.

— Знаю и этого.

— Я... я чрезвычайно давно уже не видалъ Петрушу и... такъ мало нахожу себя въ правѣ называться отцомъ... c'est le mot; я... какъ-же вы его оставили?

— Да такъ и оставилъ... онъ самъ пріѣдетъ, опять поспѣшилъ отдѣлаться господинъ Кириловъ. Рѣшительно онъ сердился.

— Пріѣдетъ! Наконецъ-то я... видители, я слишкомъ давно уже не видалъ Петрушу! завязъ на этой фразѣ Степанъ Трофимовичъ; — жду теперь моего бѣднаго мальчика, предъ которымъ... о, предъ которымъ я такъ виноватъ! То есть, я собственно хочу сказать, что, оставляя его тогда въ Петербургѣ, я... однимъ словомъ, я считалъ его за ничто, quelque chose dans ce genre. Мальчикъ, знаете, нервный, очень чувствительный и... боязливый. Ложась спать, клалъ земные поклоны и крестилъ подушку, чтобы ночью не умереть... je m'en souviens. Enfin, чувства изящнаго никакого, то есть чего нибудь высшаго, основнаго, какого нибудь зародыша будущей идеи... c'était comme un petit idiot. Впрочемъ, я самъ, кажется, спутался, извините, я... вы меня застали...

— Вы серіозно, что онъ подушку крестилъ? съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ вдругъ освѣдомился инженеръ.

— Да, крестилъ...

— Нѣтъ, я такъ; продолжайте.

Степанъ Трофимовичъ вопросительно поглядѣлъ на Липутина.

— Я очень вамъ благодаренъ за ваше посѣщеніе, но, признаюсь, я теперь... не въ состояніи... Позвольте, однако, узнать, гдѣ квартируете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Ахъ, это тамъ-же, гдѣ Шатовъ живетъ, замѣтилъ я невольно.

— Именно, въ томъ-же самомъ домѣ, воскликнулъ Липутинъ, — только Шатовъ наверху стоитъ, въ мезонинѣ, а они внизу помѣстились у капитана Лебядкина. Они и Шатова знаютъ, и супругу Шатова знаютъ. Очень близко съ нею за границей встрѣчались.

— Comment! Такъ неужели вы что нибудь знаете объ этомъ несчастномъ супружествѣ de ce pauvre ami и эту женщину? воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ, вдругъ увлекшись чувствомъ, — васъ перваго человѣка встрѣчаю, лично знающаго; и если только...

— Какой вздоръ! отрѣзалъ инженеръ, весь вспыхнувъ, — какъ вы, Липутинъ, прибавляете! Ни какъ я не видалъ жену Шатова; разъ только издали, а вовсе не близко... Шатова знаю. Зачѣмъ-же вы прибавляете разныя вещи?

Онъ круто повернулся на диванѣ, захватилъ свою шляпу, потомъ опять отложилъ и, снова усѣвшись по прежнему, съ какимъ-то вызовомъ уставился своими черными вспыхнувшими глазами на Степана Трофимовича. Я никакъ не могъ понять такой странной раздражительности.

— Извините меня, внушительно замѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, — я понимаю, что это дѣло можетъ быть деликатнѣйшимъ...

— Никакого тутъ деликатнѣйшаго дѣла нѣтъ и даже это стыдно, а я не вамъ кричалъ, что «вздоръ», а Липутину, зачѣмъ онъ прибавляетъ. Извините меня, если на свое имя приняли. Я Шатова знаю, а жену его совсѣмъ не знаю... совсѣмъ не знаю!

— Я понялъ, понялъ, и если настаивалъ, то потому лишь, что очень люблю нашего бѣднаго друга, notre irascible ami, и всегда интересовался... Человѣкъ этотъ слишкомъ круто измѣнилъ, на мой взглядъ, свои прежнія, можетъ быть, слишкомъ молодыя, но всетаки правильныя мысли. И до того кричитъ теперь объ notre sainte Russie разныя вещи, что я давно уже приписываю этотъ переломъ въ его организмѣ — иначе назвать не хочу — какому нибудь сильному семейному потрясенію и именно неудачной его женитьбѣ. Я, который изучилъ мою бѣдную Россію какъ два мои пальца, а русскому народу отдалъ всю мою жизнь, я могу васъ завѣрить, что онъ русскаго народа не знаетъ, и вдобавокъ...

— Я тоже совсѣмъ не знаю русскаго народа и... вовсе нѣтъ времени изучать! отрѣзалъ опять инженеръ и опять круто повернулся на диванѣ. Степанъ Трофимовичъ осѣкся на половинѣ рѣчи.

— Они изучаютъ, изучаютъ, подхватилъ Липутинъ, — они уже начали изученіе и составляютъ любопытнѣйшую статью о причинахъ участившихся случаевъ самоубійства въ Россіи и вообще о причинахъ учащающихъ или задерживающихъ распространеніе самоубійства въ обществѣ. Дошли до удивительныхъ результатовъ.

Инженеръ страшно взволновался.

— Это вы вовсе не имѣете права, гнѣвно забормоталъ онъ, — я вовсе не статью. Я не стану глупостей. Я васъ конфиденціально спросилъ, совсѣмъ нечаянно. Тутъ не статья вовсе; я не публикую, а вы не имѣете права...

Липутинъ видимо наслаждался.

— Виноватъ-съ, можетъ быть, и ошибся, называя вашъ литературный трудъ статьей. Они только наблюденія собираютъ, а до сущности вопроса или, такъ сказать, до нравственной его стороны совсѣмъ не прикасаются, и даже самую нравственность совсѣмъ отвергаютъ, а держатся новѣйшаго принципа всеобщаго разрушенія для добрыхъ окончательныхъ цѣлей. Они уже больше чѣмъ сто милліоновъ головъ требуютъ, для водворенія здраваго разсудка въ Европѣ, гораздо больше чѣмъ на послѣднемъ конгрессѣ мира потребовали. Въ этомъ смыслѣ Алексѣй Нилычъ дальше всѣхъ пошли.

Инженеръ слушалъ съ презрительною и и блѣдною улыбкой. Съ полминуты всѣ помолчали.

— Все это глупо, Липутинъ, проговорилъ, наконецъ, господинъ Кириловъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ. — Если я нечаянно сказалъ вамъ нѣсколько пунктовъ, а вы подхватили, то какъ хотите. Но вы не имѣете права, потому что я никогда никому не говорю. Я презираю, чтобы говорить... Если есть убѣжденія, то для меня ясно... а это вы глупо сдѣлали. Я не разсуждаю объ тѣхъ пунктахъ, гдѣ совсѣмъ кончено. Я терпѣть не могу разсуждать. Я никогда не хочу разсуждать...

— И, можетъ быть, прекрасно дѣлаете, не утерпѣлъ Степанъ Трофимовичъ.

— Я вамъ извиняюсь, но я здѣсь ни на кого не сержусь, продолжалъ гость горячею скороговоркой; — я четыре года видѣлъ мало людей... Я мало четыре года разговаривалъ и старался не встрѣчать, для моихъ цѣлей, до которыхъ нѣтъ дѣла, четыре года. Липутинъ это нашелъ и смѣется. Я понимаю и не смотрю. Я не обидливъ, а только досадно на его свободу. А если я съ вами не излагаю мыслей, заключилъ онъ неожиданно и обводя всѣхъ насъ твердымъ взглядомъ, — то вовсе не съ тѣмъ, что боюсь отъ васъ доноса правительству; это нѣтъ; пожалуйста, не подумайте пустяковъ въ этомъ смыслѣ...

На эти слова уже никто ничего не отвѣтилъ, а только переглянулись. Даже самъ Липутинъ позабылъ хихикнуть.

— Господа, мнѣ очень жаль, съ рѣшимостью поднялся съ дивана Степанъ Трофимовичъ, — но я чувствую себя нездоровымъ и разстроеннымъ. Извините.

— Ахъ, это чтобъ уходить, спохватился господинъ Кириловъ, схватывая картузъ, — это хорошо, что сказали, а то я забывчивъ.

Онъ всталъ и съ простодушнымъ видомъ подошелъ съ протянутою рукой къ Степану Трофимовичу.

— Жаль, что вы нездоровы, а я пришелъ.

— Желаю вамъ всякаго у насъ успѣха, отвѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, доброжелательно и неторопливо пожимая его руку. — Понимаю, что если вы, по вашимъ словамъ, такъ долго прожили за границей, чуждаясь для своихъ цѣлей людей и — забыли Россію, то, конечно, вы на насъ, коренныхъ Русаковъ, по неволѣ должны смотрѣть съ удивленіемъ, а мы равномѣрно на васъ. Mais cela passera. Въ одномъ только я затрудняюсь: вы хотите строить нашъ мостъ и въ тоже время объявляете, что стоите за принципъ всеобщаго разрушенія. Не дадутъ вамъ строить нашъ мостъ!

— Какъ? Какъ это вы сказали... ахъ, чортъ! воскликнулъ пораженный Кириловъ и вдругъ разсмѣялся самымъ веселымъ и яснымъ смѣхомъ. На мгновеніе лицо его приняло самое дѣтское выраженіе и, мнѣ показалось, очень къ нему идущее. Липутинъ потиралъ руки въ восторгѣ отъ удачнаго словца Степана Трофимовича. А я все дивился про себя: чего Степанъ Трофимовичъ такъ испугался Липутина и почему вскричалъ: «я пропалъ», услыхавъ его.

V.

Мы всѣ стояли на порогѣ въ дверяхъ. Былъ тотъ мигъ, когда хозяева и гости обмѣниваются наскоро послѣдними и самыми любезными словечками, а затѣмъ благополучно расходятся.

— Это все оттого они такъ угрюмы сегодня, ввернулъ вдругъ Липутинъ, совсѣмъ уже выходя изъ комнаты и, такъ сказать, на лету, — оттого, что съ капитаномъ Лебядкинымъ шумъ у нихъ давеча вышелъ изъ-за сестрицы. Капитанъ Лебядкинъ ежедневно свою прекрасную сестрицу, помѣшанную, ногайкой стегаетъ, настоящей казацкой-съ, по утрамъ и по вечерамъ. Такъ Алексѣй Нилычъ въ томъ-же домѣ флигель даже заняли, чтобы не участвовать. Ну-съ, до свиданья.

— Сестру? Больную? Ногайкой? такъ и вскрикнулъ Степанъ Трофимовичъ, — точно его самого вдругъ охлестнули ногайкой, — какую сестру? Какой Лебядкинъ?

Давешній испугъ воротился въ одно мгновеніе.

— Лебядкинъ! А это отставной капитанъ; прежде онъ только штабсъ-капитаномъ себя называлъ...

— Э, какое мнѣ дѣло до чина? Какую сестру? Боже мой... вы говорите, Лебядкинъ? Но вѣдь у насъ былъ Лебядкинъ...

— Тотъ самый и есть, *нашъ* Лебядкинъ, вотъ, помните, у Виргинскаго?

— Но вѣдь тотъ съ фальшивыми бумажками попался?

— А вотъ и воротился, ужь почти три недѣли и при самыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

— Да вѣдь это негодяй?

— Точно у насъ и не можетъ быть негодяя? осклабился вдругъ Липутинъ, какъ-бы ощупывая своими вороватенькими глазками Степана Трофимовича.

— Ахъ, Боже мой, я совсѣмъ не про то... хотя, впрочемъ, о негодяѣ съ вами совершенно согласенъ, именно съ вами. Но что-жь дальше, дальше? Что вы хотѣли этимъ сказать? Вѣдь вы непремѣнно что-то хотите этимъ сказать!

— Да все это такіе пустяки-съ... то есть этотъ капитанъ, по всѣмъ видимостямъ, уѣзжалъ отъ насъ тогда не для фальшивыхъ бумажекъ, а единственно затѣмъ только, чтобъ эту сестрицу свою розыскать, а та будто-бы отъ него пряталась въ неизвѣстномъ мѣстѣ; ну, а теперь привезъ, вотъ и вся исторія. Чего вы точно испугались, Степанъ Трофимовичъ? Впрочемъ, я все съ его-же пьяной болтовни говорю, а трезвый онъ и самъ объ этомъ прималчиваетъ. Человѣкъ раздражительный и, какъ-бы, такъ сказать, военно-эстетическій, но дурнаго только вкуса. А сестрица эта не только съумасшедшая, но даже хромоногая. Была будто-бы кѣмъ-то обольщена въ своей чести, и за это вотъ господинъ Лебядкинъ, уже многіе годы, будто-бы съ обольстителя ежегодную дань беретъ, въ вознагражденіе благородной обиды, такъ, по крайней мѣрѣ, изъ его болтовни выходитъ — а по моему, пьяныя только слова-съ. Просто хвастается. Да и дѣлается это гораздо дешевле. А что суммы у него есть, такъ это совершенно ужь вѣрно; полторы недѣли назадъ на босу ногу ходилъ, а теперь, самъ видѣлъ, сотни въ рукахъ. У сестрицы припадки какіе-то ежедневные, визжитъ она, а онъ-то ее «въ порядокъ приводитъ» ногайкой. Въ женщину, говоритъ, надо вселять уваженіе. Вотъ не пойму, какъ еще Шатовъ надъ ними уживается. Алексѣй Нилычъ только три денька и простояли съ ними, еще съ Петербурга были знакомы, а теперь флигелекъ отъ безпокойства занимаютъ.

— Это все правда? обратился Степанъ Трофимовичъ къ инженеру.

— Вы очень болтаете, Липутинъ, пробормоталъ тотъ гнѣвно.

— Тайны, секреты! Откуда у насъ вдругъ столько тайнъ и секретовъ явилось! не сдерживая себя, восклицалъ Степанъ Трофимовичъ.

Инженеръ нахмурился, покраснѣлъ, вскинулъ плечами и пошелъ было изъ комнаты.

— Алексѣй Нилычъ даже ногайку вырвали-съ, изломали и въ окошко выбросили и очень поссорились, прибавилъ Липутинъ.

— Зачѣмъ вы болтаете, Липутинъ, это глупо, зачѣмъ? мигомъ повернулся опять Алексѣй Нилычъ.

— Зачѣмъ-же скрывать, изъ скромности, благороднѣйшія движенія своей души, то есть вашей души-съ, я не про свою говорю.

— Какъ это глупо... и совсѣмъ не нужно... Лебядкинъ глупъ и совершенно пу-

стой—и для дѣйствія безполезный и... совершенно вредный. Зачѣмъ вы болтаете разныя вещи? Я ухожу.

— Ахъ, какъ жаль, воскликнулъ Липутинъ съ ясною улыбкою,—а то-бы я васъ, Степанъ Трофимовичъ, еще однимъ анекдотцемъ насмѣшилъ-съ. Даже и шелъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сообщить, хотя вы, впрочемъ, навѣрно ужь и сами слышали. Ну, да ужь въ другой разъ, Алексѣй Нилычъ такъ торопятся... До свиданья-съ. Съ Варварой Петровной анекдотикъ-то вышелъ, насмѣшила она меня третьяго дня, нарочно за мной посылала, просто умора. До свиданья-съ.

Но ужь тутъ Степанъ Трофимовичъ такъ и вцѣпился въ него: онъ схватилъ его за плечи, круто повернулъ назадъ въ комнату и посадилъ на стулъ. Липутинъ даже струсилъ.

— Да какъ-же-съ, началъ онъ самъ, осторожно смотря на Степана Трофимовича съ своего стула,— вдругъ призвали меня и спрашиваютъ «конфиденціально», какъ я думаю въ собственномъ мнѣніи: помѣшанъли Николай Всеволодовичъ или въ своемъ умѣ? Какъ-же не удивительно?

— Вы съ ума сошли! пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ, и вдругъ точно вышелъ изъ себя:

— Липутинъ, вы слишкомъ хорошо знаете, что только затѣмъ и пришли, чтобы сообщить какую нибудь мерзость въ этомъ родѣ и... еще что нибудь хуже!

Въ одинъ мигъ припомнилась мнѣ его догадка о томъ, что Липутинъ знаетъ въ нашемъ дѣлѣ не только больше нашего, но и еще что нибудь, чего мы сами никогда не узнаемъ.

— Помилуйте, Степанъ Трофимовичъ! бормоталъ Липутинъ будто-бы въ ужасномъ испугѣ,—помилуйте...

— Молчите и начинайте! Я васъ очень прошу, господинъ Кириловъ, тоже, воротиться и присутствовать, очень прошу! Садитесь. А вы, Липутинъ, начинайте прямо, просто... и безъ малѣйшихъ отговорокъ!

— Зналъ-бы только, что это васъ такъ фрапируетъ, такъ я бы совсѣмъ и не началъ-съ... А я-то вѣдь думалъ, что вамъ уже все извѣстно отъ самой Варвары Петровны!

— Совсѣмъ вы этого не думали! Начинайте, начинайте-же, говорятъ вамъ!

— Только сдѣлайте одолженіе, присядьте ужь и сами, а то что-же я буду сидѣть, а вы въ такомъ волненіи будете передо мною... бѣгать. Не складно выйдетъ-съ.

Степанъ Трофимовичъ сдержалъ себя и внушительно опустился въ кресло. Инженеръ пасмурно наставился въ землю. Липутинъ съ неистовымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Да что-же начинать... такъ сконфузили...

VI.

— Вдругъ, третьяго дня, присылаютъ ко мнѣ своего человѣка: просятъ, дескать, побывать васъ завтра въ двѣнадцать часовъ. Можете представить? Я дѣло бросилъ, и вчера ровнешенько въ полдень звоню. Вводятъ меня прямо въ гостиную; подождалъ съ минутку—вышли; посадили, сами напротивъ сѣли. Сижу и вѣрить отказываюсь; сами знаете, какъ она меня всегда третировала! Начинаютъ прямо безъ изворотовъ, по ихъ всегдашней манерѣ. Вы помните, говорятъ, что четыре года назадъ Николай Всеволодовичъ, будучи въ болѣзни, сдѣлалъ нѣсколько странныхъ поступковъ, такъ что недоумѣвалъ весь городъ, пока все объяснилось. Одинъ изъ этихъ поступковъ касался васъ лично. Николай Всеволодовичъ тогда къ вамъ заѣзжалъ по выздоровленіи и по моей просьбѣ. Мнѣ извѣстно тоже, что онъ и прежде нѣсколько разъ съ вами разговаривалъ. Скажите откровенно и прямодушно, какъ вы... (тутъ замялись немного)—какъ вы находили тогда Николая Всеволодовича... Какъ вы смотрѣли на него вообще... какое мнѣніе о немъ могли составить и... теперь имѣете?..

Тутъ ужь совершенно замялись, такъ что даже переждали полную минутку и вдругъ покраснѣли. Я перепугался. Начинаютъ опять не то чтобы трогательнымъ, къ нимъ это нейдетъ, а такимъ внушительнымъ очень тономъ:

— «Я желаю, говоритъ, чтобы вы меня хорошо и безошибочно, говоритъ, поняли. Я

послала теперь за вами, потому что считаю васъ прозорливымъ и остроумнымъ человѣкомъ, способнымъ составить вѣрное наблюденіе (каковы комплименты!). Вы, говоритъ, поймете, конечно, и то, что съ вами говоритъ мать... Николай Всеволодовичъ испыталъ въ жизни нѣкоторыя несчастія и многіе перевороты. Все это, говоритъ могло повліять на настроеніе ума его. Разумѣется, говоритъ, я не говорю про помѣшательство, этого никогда быть не можетъ! (твердо и съ гордостію высказано). Но могло быть нѣчто странное, особенное, нѣкоторый оборотъ мыслей, наклонность къ нѣкоторому особому воззрѣнію (все это точныя слова ихъ, и я подивился, Степанъ Трофимовичъ, съ какою точностію Варвара Петровна умѣетъ объяснить дѣло. Высокаго ума дама!). По крайней мѣрѣ, говоритъ, я сама замѣтила въ немъ нѣкоторое постоянное безпокойство и стремленіе къ особеннымъ наклонностямъ. Но я мать, а вы человѣкъ посторонній, значитъ, способны, при вашемъ умѣ, составить болѣе независимое мнѣніе. Умоляю васъ, наконецъ (такъ и было выговорено: умоляю), сказать мнѣ всю правду, безо всякихъ ужимокъ, и если вы при этомъ дадите мнѣ обѣщаніе не забыть потомъ никогда, что я говорила съ вами конфиденціально, то можете ожидать моей совершенной и впредь всегдашней готовности отблагодарить васъ при всякой возможности. Ну-съ, каково-съ!

— Вы... вы такъ фрапировали меня... пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ,—что я вамъ не вѣрю...

— Нѣтъ, замѣтьте, замѣтьте, подхватилъ Липутинъ, какъ-бы и не слыхавъ Степана Трофимовича,— каково-же должно быть волненіе и безпокойство, когда съ такимъ вопросомъ обращаются съ такой высоты къ такому человѣку, какъ я, да еще снисходятъ до того, что сами просятъ секрета. Это что-же-съ? Ужь не получили-ли извѣстій какихъ нибудь о Николаѣ Всеволодовичѣ неожиданныхъ?

— Я не знаю... извѣстій никакихъ... я нѣсколько дней не видался, но... но замѣчу вамъ... лепеталъ Степанъ Трофимовичъ, видимо едва справляясь со своими мыслями,—но замѣчу вамъ, Липутинъ, что если вамъ передано конфиденціально, а вы теперь при всѣхъ...

— Совершенно конфиденціально! Да разрази меня Богъ, если я... А коли здѣсь... такъ вѣдь что-же-съ? Развѣ мы чужіе, взять даже хоть-бы и Алексѣя Нилыча?

— Я такого воззрѣнія не раздѣляю; безъ сомнѣнія, мы здѣсь трое сохранимъ секретъ, но васъ, четвертаго, я боюсь и не вѣрю вамъ ни въ чемъ!

— Да что вы это-съ? Да я пуще всѣхъ заинтересованъ, вѣдь мнѣ вѣчная благодарность обѣщана! А вотъ я именно хотѣлъ, по сему-же поводу, на чрезвычайно странный случай одинъ указать, болѣе, такъ сказать, психологическій, чѣмъ просто странный. Вчера вечеромъ, подъ вліяніемъ разговора у Варвары Петровны (сами можете представить какое впечатлѣніе на меня произвело), обратился я къ Алексѣю Нилычу съ отдаленнымъ вопросомъ: вы, говорю, и за границей, и въ Петербургѣ еще прежде знали Николая Всеволодовича; какъ вы, говорю, его находите относительно ума и способностей? Они и отвѣчаютъ этакъ лаконически, по ихъ манерѣ, что, дескать, тонкаго ума и со здравымъ сужденіемъ, говорятъ, человѣкъ. А не замѣтили-ли вы, въ теченіи лѣтъ, говорю, нѣкотораго, говорю, какъ-бы уклоненія идей, или особеннаго оборота мыслей, или нѣкотораго, говорю, какъ-бы, такъ сказать, помѣшательства? Однимъ словомъ, повторяю вопросъ самой Варвары Петровны. Представьте-же себѣ: Алексѣй Нилычъ вдругъ задумались и сморщились вотъ точно такъ, какъ теперь: «Да, говорятъ, мнѣ иногда казалось нѣчто странное». Замѣтьте при этомъ, что если ужь Алексѣю Нилычу могло показаться нѣчто странное, то что-же на самомъ дѣлѣ можетъ оказаться, а?

— Правда это? обратился Степанъ Трофимовичъ къ Алексѣю Нилычу.

— Я желалъ-бы не говорить объ этомъ, отвѣчалъ Алексѣй Нилычъ, вдругъ подымая голову и сверкая глазами,—я хочу оспорить ваше право, Липутинъ. Вы никакого не имѣете права на этотъ случай про меня. Я вовсе не говорилъ моего всего мнѣнія. Я хоть и знакомъ былъ въ Петербургѣ, но это давно, а теперь хоть и встрѣтилъ,

но мало очень знаю Николая Ставрогина. Прошу васъ меня устранить и... все это похоже на сплетню.

Липутинъ развелъ руками въ видѣ угнетенной невинности.

— Сплетникъ! Да ужь не шпіонъ-ли? Хорошо вамъ, Алексѣй Нилычъ, критиковать, когда вы во всемъ себя устраняете. А вы вотъ не повѣрите, Степанъ Трофимовичъ, чего ужь, кажется-съ, капитанъ Лебядкинъ, вѣдь ужь кажется глупъ какъ... то есть стыдно только сказать какъ глупъ; есть такое одно русское сравненіе, означающее степень; а вѣдь и онъ себя отъ Николая Всеволодовича обиженнымъ почитаетъ, хотя и преклоняется предъ его остроуміемъ: «Пораженъ, говоритъ, этимъ человѣкомъ: премудрый змій» (собственныя слова). А я ему (все подъ тѣмъ-же вчерашнимъ вліяніемъ и уже послѣ разговора съ Алексѣемъ Нилычемъ): а что, говорю, капитанъ, какъ вы полагаете съ своей стороны: помѣшанъ вашъ премудрый змій или нѣтъ? Такъ, вѣрите-ли, точно я его вдругъ сзади кнутомъ охлестнулъ, безъ его позволенія; просто привскочилъ съ мѣста: «Да, говоритъ... да, говоритъ, только это, говоритъ, не можетъ повліять»... на что повліять,— не досказалъ; да такъ потомъ горестно задумался, такъ задумался, что и хмѣль соскочилъ. Мы въ Филипповомъ трактирѣ сидѣли-съ. И только черезъ полчаса развѣ ударилъ вдругъ кулакомъ по столу: «да, говоритъ, пожалуй, и помѣшанъ, только это не можетъ повліять»... и опять не досказалъ, на что повліять. Я вамъ, разумѣется, только экстрактъ разговора передаю, но вѣдь мысль-то понятна: кого ни спроси, всѣмъ одна мысль приходитъ, хотя-бы прежде никому и въ голову не входила: «да, говорятъ, помѣшанъ; очень уменъ, но, можетъ быть, и помѣшанъ».

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ въ задумчивости и усиленно соображалъ.

— А почему Лебядкинъ знаетъ?

— А объ этомъ не угодно-ли у Алексѣя Нилыча справиться, который меня сейчасъ здѣсь шпіономъ обозвалъ. Я шпіонъ и—не знаю, а Алексѣй Нилычъ знаютъ всю подноготную и молчатъ-съ.

— Я ничего не знаю, или мало, съ тѣмъ-же раздраженіемъ отвѣчалъ инженеръ, — вы Лебядкина пьянымъ поите, чтобъ узнавать. Вы и меня сюда привели, чтобъ узнать и чтобъ я сказалъ. Стало быть, вы шпіонъ!

— Я еще его не поилъ-съ, да и денегъ такихъ онъ не стоитъ, со всѣми его тайнами, вотъ что онѣ для меня значатъ, не знаю какъ для васъ. Напротивъ, это онъ деньгами сыплетъ, тогда какъ двѣнадцать дней назадъ ко мнѣ приходилъ пятнадцать копѣекъ выпрашивать, и это онъ меня шампанскимъ поитъ, а не я его. Но вы мнѣ мысль подаете, и коли надо будетъ, то и я его напою, и именно чтобы разузнать, и, можетъ, и разузнаю-съ... секретики всѣ ваши-съ, злобно отгрызнулся Липутинъ.

Степанъ Трофимовичъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на обоихъ спорщиковъ. Оба сами себя выдавали и, главное, не церемонились. Мнѣ подумалось, что Липутилъ привелъ къ намъ этого Алексѣя Нилыча именно съ цѣлью втянуть его въ нужный разговоръ чрезъ третье лицо, — любимый его маневръ.

— Алексѣй Нилычъ слишкомъ хорошо знаютъ Николая Всеволодовича, раздражительно продолжалъ онъ, — но только скрываютъ-съ. А что вы спрашиваете про капитана Лебядкина, то тотъ раньше всѣхъ насъ съ нимъ познакомился въ Петербургѣ, лѣтъ пять или шесть тому, въ ту малоизвѣстную, если можно такъ выразиться, эпоху жизни Николая Всеволодовича, когда еще онъ и не думалъ насъ здѣсь пріѣздомъ своимъ осчастливить. Нашъ принцъ, надо заключить, довольно странный тогда выборъ знакомства въ Петербургѣ около себя завелъ. Тогда вотъ и съ Алексѣемъ Нилычемъ, кажется, познакомились.

— Берегитесь, Липутинъ, предупреждаю васъ, что Николай Всеволодовичъ скоро самъ сюда хотѣлъ быть, а онъ умѣетъ за себя постоять.

— Такъ меня-то за что-же-съ? Я первый кричу, что тончайшаго и изящнѣйшаго ума человѣкъ, и Варвару Петровну вчера въ этомъ смыслѣ совсѣмъ успокоилъ. «Вотъ въ характерѣ его, говорю ей, не

могу поручиться». Лебядкинъ тоже въ одно слово вчера: «отъ характера его, говоритъ, пострадалъ». Эхъ, Степанъ Трофимовичъ, хорошо вамъ кричать, что сплетни да шпіонство, и, замѣтьте, когда уже сами отъ меня все выпытали, да еще съ такимъ чрезмѣрнымъ любопытствомъ. А вотъ Варвара Петровна — такъ та прямо вчера въ самую точку: «вы, говоритъ, лично заинтересованы были въ дѣлѣ, потому къ вамъ и обращаюсь». Да еще-же-бы нѣтъ-съ! Какія ужь тутъ цѣли, когда я личную обиду при всемъ обществѣ отъ его превосходительства скушалъ! Кажется, имѣю причины и не для однѣхъ сплетень поинтересоваться. Сегодня жметъ вамъ руку, а завтра ни съ того, ни съ сего, за хлѣбъ-соль вашу, васъ-же бьетъ по щекамъ при всемъ честномъ обществѣ, какъ только ему полюбится. Съ жиру-съ! А, главное, у нихъ женскій полъ: мотыльки и храбрые пѣтушки! Помѣщики съ крылушками, какъ у древнихъ амуровъ, Печорины-сердцеѣды! Вамъ хорошо, Степанъ Трофимовичъ, холостяку завзятому, такъ говорить и за его превосходительство меня сплетникомъ называть. А вотъ женились-бы, такъ какъ вы и теперь еще такой молодецъ изъ себя, на хорошенькой да на молоденькой, такъ, пожалуй, отъ нашего принца двери крючкомъ заложите, да баррикады въ своемъ-же домѣ выстроите! Да чего ужь тутъ: вотъ только будь эта m-lle Лебядкина, которую сѣкутъ кнутьями, не съумасшедшая и не кривоногая, такъ ей Богу подумалъ-бы, что она-то и есть жертва страстей нашего генерала, и что отъ этого самаго и пострадалъ капитанъ Лебядкинъ «въ своемъ фамильномъ достоинствѣ», какъ онъ самъ выражается. Только развѣ вкусу ихъ изящному противорѣчитъ, да для нихъ и то не бѣда. Всякая ягодка въ ходъ идетъ, только чтобы попалась подъ извѣстное ихъ настроеніе. Вы вотъ про сплетни, а развѣ я это кричу, когда ужь весь городъ стучитъ, а я только слушаю да поддакиваю: поддакивать-то не запрещено-съ.

— Городъ кричитъ? Объ чемъ-же кричитъ городъ.

— То есть это капитанъ Лебядкинъ кричитъ въ пьяномъ видѣ на весь городъ, ну, а вѣдь это не все-ли равно, что вся площадь кричитъ? Чѣмъ-же я виноватъ? Я интересуюсь только между друзей-съ, потому что я всетаки здѣсь считаю себя между друзей-съ,— съ невиннымъ видомъ обвелъ онъ насъ глазами.—Тутъ случай вышелъ-съ, сообразите-ка: выходитъ, что его превосходительство будто-бы выслали еще изъ Швейцаріи съ одною наиблагороднѣйшею дѣвицей, и, такъ сказать, скромною сиротой, которую я имѣю честь знать, триста рублей для передачи капитану Лебядкину. А Лебядкинъ немного спустя получилъ точнѣйшее извѣстіе, отъ кого не скажу, но тоже отъ наиблагороднѣйшаго лица, а, стало быть, достовѣрнѣйшаго, что не триста рублей, а тысяча была выслана!.. Стало быть, кричитъ Лебядкинъ, дѣвица семьсотъ рублей у меня утащила, и вытребовать хочетъ чуть не полицейскимъ порядкомъ, по крайней мѣрѣ, угрожаетъ и на весь городъ стучитъ...

— Это подло, подло отъ васъ! вскочилъ вдругъ инженеръ со стула.

— Да вѣдь вы сами-же и есть это наиблагороднѣйшее лицо, которое подтвердило Лебядкину отъ имени Николая Всеволодовича, что не триста, а тысяча рублей были высланы. Вѣдь мнѣ самъ капитанъ сообщилъ въ пьяномъ видѣ.

— Это... это несчастное недоумѣніе. Кто нибудь ошибся и вышло... Это вздоръ, а вы подло!..

— Да и я хочу вѣрить, что вздоръ и съ прискорбіемъ слушаю, потому что, какъ хотите, наиблагороднѣйшая дѣвушка замѣшана, во первыхъ, въ семистахъ рубляхъ, а во вторыхъ, въ очевидныхъ интимностяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Да вѣдь его превосходительству что̀ сто̀итъ дѣвушку благороднѣйшую осрамить или чужую жену обезславить, подобно тому какъ тогда со мной казусъ вышелъ-съ? Подвернется имъ полный великодушія человѣкъ, они и заставятъ его прикрыть своимъ честнымъ именемъ чужіе грѣхи. Такъ точно и я вѣдь вынесъ-съ; я про себя говорю-съ...

— Берегитесь, Липутинъ! привсталъ съ кресель Степанъ Трофимовичъ и поблѣднѣлъ.

— Не вѣрьте, не вѣрьте! Кто нибудь ошибся, а Лебядкинъ пьянъ... восклицалъ инженеръ въ невыразимомъ волненіи, — все объяснится, а я больше не могу... и считаю низостью... и довольно, довольно!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Такъ что-же вы? Да вѣдь и я съ вами! — всполохнулся Липутинъ, вскочилъ и побѣжалъ вслѣдъ за Алексѣемъ Нилычемъ.

VII.

Степанъ Трофимовичъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, какъ-то не глядя посмотрѣлъ на меня, взялъ свою шляпу, палку и тихо пошелъ изъ комнаты. Я опять за нимъ, какъ и давеча. Выходя изъ воротъ, онъ, замѣтивъ, что я провожаю его, сказалъ:

— Ахъ, да, вы можете служить свидѣтелемъ... de l'accident. Vous m'accompagnerez, n'est-ce pas?

— Степанъ Трофимовичъ, неужели вы опять туда? Подумайте, что можетъ выйдти?

Съ жалкою и потерянною улыбкой, — улыбкой стыда и совершеннаго отчаянія, и въ тоже время какого-то страннаго восторга, прошепталъ онъ мнѣ, на мигъ пріостанавливаясь:

— Не могу-же я жениться на «чужихъ грѣхахъ»!

Я только и ждалъ этого слова. Наконецъ-то это завѣтное, скрываемое отъ меня словцо, было произнесено послѣ цѣлой недѣли виляній и ужимокъ. Я рѣшительно вышелъ изъ себя.

— И такая грязная, такая... низкая мысль могла появиться у васъ, у Степана Верховенскаго, въ вашемъ свѣтломъ умѣ, въ вашемъ добромъ сердцѣ и... еще до Липутина!

Онъ посмотрѣлъ на меня, не отвѣтилъ и пошелъ тою-же дорогой. Я не хотѣлъ отставать. Я хотѣлъ свидѣтельствовать передъ Варварой Петровной. Я-бы простилъ ему, если-бъ онъ повѣрилъ только Липутину, по бабьему малодушію своему, но теперь уже ясно было, что онъ самъ все выдумалъ еще гораздо прежде Липутина, а Липутинъ только теперь подтвердилъ его подозрѣнія и подлилъ масла въ огонь. Онъ не задумался заподозрить дѣвушку съ самаго перваго дня, еще не имѣя никакихъ основаній, даже Липутинскихъ. Деспотическія дѣйствія Варвары Петровны онъ объяснилъ себѣ только отчаяннымъ желаніемъ ея поскорѣе замазать свадьбой съ почтеннымъ человѣкомъ дворянскіе грѣшки ея безцѣннаго Nicolas! Мнѣ непремѣнно хотѣлось, чтобъ онъ былъ наказанъ за это.

— O! Dieu, qui est si grand et si bon! О, кто меня успокоитъ! воскликнулъ онъ, пройдя еще шаговъ сотню и вдругъ остановившись.

— Пойдемте сейчасъ домой, и я вамъ все объясню! вскричалъ я, силой поворачивая его къ дому.

— Это онъ! Степанъ Трофимовичъ, это вы? Вы? раздался свѣжій, рѣзвый, юный голосъ, какъ какая-то музыка подлѣ насъ.

Мы ничего не видали, а подлѣ насъ вдругъ появилась наѣздница, Лизавета Николаевна, со своимъ всегдашнимъ провожатымъ. Она остановила коня.

— Идите, идите-же скорѣе! звала она громко и весело, — я двѣнадцать лѣтъ не видала его и узнала, а онъ... Неужто не узнаете меня?

Степанъ Трофимовичъ схватилъ ея руку, протянутую къ нему, и благоговѣйно поцѣловалъ ее. Онъ глядѣлъ на нее какъ-бы съ молитвой и не могъ выговорить слова.

— Узналъ и радъ! Маврикій Николаевичъ, онъ въ восторгѣ, что видитъ меня! Что-же вы не шли всѣ двѣ недѣли? Тетя убѣждала, что вы больны и что васъ нельзя потревожить; но вѣдь я знаю, тетя лжетъ. Я все топала ногами и васъ бранила, но я непремѣнно, непремѣнно хотѣла, чтобы вы сами первый пришли, потому и не посылала. Боже, да онъ нисколько не перемѣнился! разсматривала она его, наклоняясь съ сѣдла, — онъ до смѣшнаго не перемѣнился! Ахъ нѣтъ, есть морщинки, много морщинокъ у глазъ и на щекахъ, и сѣдые волосы есть, но глаза тѣ-же! А я перемѣнилась? Перемѣнилась? Но что-же вы все молчите?

Мнѣ вспомнился въ это мгновеніе разсказъ о томъ, что она была чуть не боль-

на, когда ее увезли одиннадцати лѣтъ въ Петербургъ; въ болѣзни будто-бы плакала и спрашивала Степана Трофимовича:

— Вы... я... лепеталъ онъ теперь обрывавшимся отъ радости голосомъ, — я сейчасъ вскричалъ: «кто успокоитъ меня!» и раздался вашъ голосъ... Я считаю это чудомъ et je commence à croire.

— En Dieu? En Dieu, qui est là haut et qui est si grand et si bon? Видите, я всѣ ваши лекціи наизустъ помню. Маврикій Николаевичъ, какую онъ мнѣ тогда вѣру преподавалъ en Dieu, qui est si grand et si bon! А помните ваши разсказы о томъ, какъ Колумбъ открывалъ Америку, и какъ всѣ закричали: земля, земля! Няня Алена Фроловна говоритъ, что я послѣ того ночью бредила и во снѣ кричала: земля, земля! А помните, какъ вы мнѣ исторію принца Гамлета разсказывали? А помните, какъ вы мнѣ описывали, какъ изъ Европы въ Америку бѣдныхъ эмигрантовъ перевозятъ? И все-то неправда, я потомъ все узнала, какъ перевозятъ, но какъ онъ мнѣ хорошо лгалъ тогда, Маврикій Николаевичъ, почти лучше правды! Чего вы такъ смотрите на Маврикія Николаевича? Это самый лучшій и самый вѣрный человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, и вы его непремѣнно должны полюбить какъ меня! Il fait tout ce que je veux. Но, голубчикъ Степанъ Трофимовичъ, стало быть, вы опять несчастны, коли среди улицы кричите о томъ, кто васъ успокоитъ? Несчастны, вѣдь такъ? Такъ?

— Теперь счастливъ...

— Тетя обижаетъ? — продолжала она, не слушая, — все та-же злая, несправедливая и вѣчно намъ безцѣнная тетя! А помните, какъ вы бросались ко мнѣ въ объятія въ саду, а я васъ утѣшала и плакала, — да не бойтесь-же Маврикія Николаевича; онъ про васъ все, все знаетъ, давно, вы можете плакать на его плечѣ сколько угодно, и онъ сколько угодно будетъ стоять!.. Приподнимите шляпу, снимите совсѣмъ на минутку, протяните голову, станьте на цыпочки, я васъ сейчасъ поцѣлую въ лобъ, какъ въ послѣдній разъ поцѣловала, когда мы прощались. Видите, та барышня изъ окна на насъ любуется... Ну ближе, ближе! Боже, какъ онъ посѣдѣлъ!

И она, принагнувшись въ сѣдлѣ, поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, теперь къ вамъ домой! Я знаю гдѣ вы живете. Я сейчасъ, сію минуту буду у васъ. Я вамъ, упрямцу, сдѣлаю первый визитъ и потомъ на цѣлый день васъ къ себѣ затащу. Ступайте-же, приготовьтесь встрѣчать меня.

И она ускакала съ своимъ кавалеромъ. Мы воротились. Степанъ Трофимовичъ сѣлъ на диванъ и заплакалъ.

— Dieu, Dieu! восклицалъ онъ, — enfin une minute de bonheur!

Не болѣе какъ черезъ десять минутъ она явилась по обѣщанію, въ сопровожденіи своего Маврикія Николаевича.

— Vous et le bonheur, vous arrivez en même temps! поднялся онъ ей на встрѣчу.

— Вотъ вамъ букетъ; сейчасъ ѣздила къ М-me Шевалье, у ней всю зиму для именинницъ букеты будутъ. Вотъ вамъ и Маврикій Николаевичъ, прошу познакомиться. Я хотѣла было пирогъ вмѣсто букета; но Маврикій Николаевичъ увѣряетъ, что это не въ русскомъ духѣ.

Этотъ Маврикій Николаевичъ былъ артиллерійскій капитанъ, лѣтъ тридцати трехъ, высокаго роста господинъ, красивой и безукоризненно порядочной наружности, съ внушительною и на первый взглядъ даже строгою физіономіей, не смотря на его удивительную и деликатнѣйшую доброту, о которой всякій получалъ понятіе чуть не съ первой минуты своего съ нимъ знакомства. Онъ, впрочемъ, былъ молчаливъ, казался очень хладнокровенъ и на дружбу не напрашивался. Говорили потомъ у насъ многіе, что онъ не далекъ: это было не совсѣмъ справедливо.

Я не стану описывать красоту Лизаветы Николаевны. Весь городъ уже кричалъ объ ея красотѣ, хотя нѣкоторыя наши дамы и дѣвицы съ негодованіемъ не соглашались съ кричавшими. Были изъ нихъ и такія, которыя уже возненавидѣли Лизавету Николаевну, и во первыхъ, за гордость: Дроздовы почти еще не начинали дѣлать визитовъ, что̀ оскорбляло, хотя виной задержки дѣйствительно было болѣзненное состояніе Прасковьи Ивановны. Во вторыхъ, ненавидѣли ее за то, что она родственница гу-

бернаторши; въ третьихъ, за то, что она ежедневно прогуливается верхомъ. У насъ до сихъ поръ никогда еще не бывало амазонокъ; естественно, что появленіе Лизаветы Николаевны, прогуливавшейся верхомъ и еще не сдѣлавшей визитовъ, должно было оскорблять общество. Впрочемъ, всѣ уже знали, что она ѣздитъ верхомъ по приказанію докторовъ и при этомъ ѣдко говорили объ ея болѣзненности. Она дѣйствительно была больна. Что̀ выдавалось въ ней съ перваго взгляда — это ея болѣзненное, нервное, безпрерывное безпокойство. Увы! Бѣдняжка очень страдала, и все объяснилось впослѣдствіи. Теперь, вспоминая прошедшее, я уже не скажу, что она была красавица, какою казалась мнѣ тогда. Можетъ быть, она была даже и совсѣмъ нехороша собой. Высокая, тоненькая, но гибкая и сильная, она даже поражала неправильностью линій своего лица. Глаза ея были поставлены какъ-то по калмыцки, криво; была блѣдна, скулиста, смугла и худа лицомъ; но было-же нѣчто въ этомъ лицѣ побѣждающее и привлекающее! Какое-то могущество сказывалось въ горящемъ взглядѣ ея темныхъ глазъ, она являлась «какъ побѣдительница и чтобы побѣдить». Она казалась гордою, а иногда даже дерзкою; не знаю, удавалось-ли ей быть доброю; но я знаю, что она ужасно хотѣла и мучилась тѣмъ, чтобы заставить себя быть нѣсколько доброю. Въ этой натурѣ, конечно, было много прекрасныхъ стремленій и самыхъ справедливыхъ начинаній; но все въ ней какъ-бы вѣчно искало своего уровня и не находило его, все было въ хаосѣ, въ волненіи, въ безпокойствѣ. Можетъ быть, она уже со слишкомъ строгими требованіями относилась къ себѣ, никогда не находя въ себѣ силы удовлетворить этимъ требованіямъ.

Она сѣла на диванъ и оглядывала комнату.

— Почему мнѣ въ этакія минуты всегда становится грустно, разгадайте, ученый человѣкъ? Я всю жизнь думала, что и Богъ знаетъ какъ буду рада, когда васъ увижу и все припомню, и вотъ совсѣмъ какъ будто не рада, не смотря на то, что васъ люблю... Ахъ, Боже, у него виситъ мой портретъ! Дайте сюда, я его помню, помню!

Превосходный миніатюрный портретъ акварелью двѣнадцатилѣтней Лизы былъ высланъ Дроздовыми Степану Трофимовичу изъ Петербурга еще лѣтъ девять назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно висѣлъ у него на стѣнѣ.

— Неужто я была такимъ хорошенькимъ ребенкомъ? Неужто это мое лицо.

Она встала и съ портретомъ въ рукахъ посмотрѣлась въ зеркало.

— Поскорѣй, возьмите! воскликнула она, отдавая портретъ, — не вѣшайте теперь, послѣ, не хочу и смотрѣть на него. — Она сѣла опять на диванъ. — Одна жизнь прошла, началась другая, потомъ другая прошла — началась третья, и все безъ конца. Всѣ концы точно какъ ножницами обрѣзываютъ. Видите, какія я старыя вещи разсказываю, а вѣдь сколько правды!

Она усмѣхнувшись посмотрѣла на меня; уже нѣсколько разъ она на меня взглядывала, но Степанъ Трофимовичъ въ своемъ волненіи и забылъ, что обѣщалъ меня представить.

— А зачѣмъ мой портретъ виситъ у васъ подъ кинжалами? И зачѣмъ у васъ столько кинжаловъ и сабель?

У него, дѣйствительно, висѣли на стѣнѣ, не знаю для чего, два ятагана на крестъ, а надъ ними настоящая черкесская шашка. Спрашивая, она такъ прямо на меня посмотрѣла, что я хотѣлъ было что-то отвѣтить, но осѣкся. Степанъ Трофимовичъ догадался, наконецъ, и меня представилъ.

— Знаю, знаю, сказала она, — я очень рада. Мама̀ объ васъ тоже много слышала. Познакомьтесь и съ Маврикіемъ Николаевичемъ, это прекрасный человѣкъ. Я объ васъ уже составила смѣшное понятіе: вѣдь вы конфидентъ Степана Трофимовича?

Я покраснѣлъ.

— Ахъ, простите пожалуйста, я совсѣмъ не то слово сказала; вовсе не смѣшное, а такъ... (Она покраснѣла и сконфузилась). — Впрочемъ, что̀-же стыдиться того, что вы прекрасный человѣкъ? Ну, пора намъ, Маврикій Николаевичъ! Степанъ Трофимовичъ, черезъ полчаса чтобы вы у насъ были. Боже, сколько мы будемъ говорить! Те-

перь ужь я вашъ конфидентъ, и обо всемъ, *обо всемъ*, понимаете?

Степанъ Трофимовичъ тотчасъ-же испугался.

— О, Маврикій Николаевичъ все знаетъ, его не конфузьтесь!

— Что-же знаетъ?

— Да чего вы! вскричала она въ изумленіи. — Ба, да вѣдь и правда что они скрываютъ! Я вѣрить не хотѣла. Дашу тоже скрываютъ. Тетя давеча меня не пустила къ Дашѣ, говоритъ, что у ней голова болитъ.

— Но... но какъ вы узнали?

— Ахъ, Боже, такъ-же какъ и всѣ. Эка мудрость!

— Да развѣ всѣ?..

— Ну да какъ-же? Мамаша, правда, сначала узнала черезъ Алену Фроловну, мою няню; ей ваша Настасья прибѣжала сказать. Вѣдь вы говорили-же Настасьѣ? Она говоритъ, что вы ей сами говорили.

— Я... я говорилъ однажды... пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ, весь покраснѣвъ, — но... я лишь намекнулъ... j'étais si nerveux et malade et puis...

Она захохотала.

— А конфидента подъ рукой не случилось, а Настасья подвернулась, — ну и довольно! А у той цѣлый городъ кумушекъ! Ну да полноте, вѣдь это все равно; ну пусть знаютъ, даже лучше. Скорѣе-же приходите, мы обѣдаемъ рано... Да, забыла, усѣлась она опять, — слушайте, что̀ такое Шатовъ?

— Шатовъ? Это братъ Дарьи Павловны...

— Знаю, что братъ, какой вы, право, перебила она въ нетерпѣніи. — Я хочу знать, что̀ онъ такое, какой человѣкъ?

— C'est un pense-creux d'ici. C'est le meilleur et le plus irascible homme du monde.

— Я сама слышала, что онъ какой-то странный. Впрочемъ, не о томъ. Я слышала, что онъ знаетъ три языка, и англійскій, и можетъ литературною работой заниматься. Въ такомъ случаѣ, у меня для него много работы; мнѣ нуженъ помощникъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Возьметъ онъ работу или нѣтъ? Мнѣ его рекомендовали...

— О, непремѣнно, et vous feirez un bienfait...

— Я вовсе не для bienfait, мнѣ самой нуженъ помощникъ.

— Я довольно хорошо знаю Шатова, сказалъ я, — и если вы мнѣ поручите передать ему, то я сію минуту схожу.

— Передайте ему, чтобъ онъ завтра утромъ пришелъ въ двѣнадцать часовъ. Чудесно! Благодарю васъ. Маврикій Николаевичъ, готовы?

Они уѣхали. Я, разумѣется, тотчасъ-же побѣжалъ къ Шатову.

— Mon ami! догналъ меня на крыльцѣ Степанъ Трофимовичъ, — непремѣнно будьте у меня въ десять или въ одиннадцать часовъ, когда я вернусь. О, я слишкомъ, слишкомъ виноватъ предъ вами и... предъ всѣми, предъ всѣми.

VIII.

Шатова я не засталъ дома; забѣжалъ черезъ два часа — опять нѣтъ. Наконецъ, уже въ восьмомъ часу я направился къ нему, чтобъ или застать его, или оставить записку; опять не засталъ. Квартира его была заперта, а онъ жилъ одинъ, безо всякой прислуги. Мнѣ было подумалось, не толкнуться-ли внизъ къ капитану Лебядкину, чтобы спросить о Шатовѣ; но тутъ было тоже заперто и ни слуху, ни свѣту оттуда, точно пустое мѣсто. Я съ любопытствомъ прошелъ мимо дверей Лебядкина, подъ вліяніемъ давешнихъ разсказовъ. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ зайдти завтра пораньше. Да и на записку, правда, я не очень надѣялся. Шатовъ могъ пренебречь, онъ былъ такой упрямый, застѣнчивый. Проклиная неудачу и уже выходя изъ воротъ, я вдругъ наткнулся на господина Кирилова; онъ входилъ въ домъ и первый узналъ меня. Такъ какъ онъ самъ началъ разспрашивать, то я и разсказалъ ему все въ главныхъ чертахъ и что у меня есть записка.

— Пойдемте, сказалъ онъ, — я все сдѣлаю.

Я вспомнилъ, что онъ, по словамъ Липутина, занялъ съ утра деревянный флигель на дворѣ. Въ этомъ флигелѣ, слишкомъ для него просторномъ, квартировала съ нимъ вмѣстѣ какая-то старая, глухая баба, ко-

торая ему и прислуживала. Хозяинъ дома въ другомъ новомъ домѣ своемъ и въ другой улицѣ содержалъ трактиръ, а эта старуха, кажется, родственница его, осталась смотрѣть за всѣмъ старымъ домомъ. Комнаты во флигелѣ были довольно чисты, но обои грязны. Въ той, куда мы вошли, мебель была сборная, разнокалиберная и совершенный бракъ: два ломберныхъ стола, комодъ ольховаго дерева, большой тесовый столъ изъ какой нибудь избы или кухни, стулья и диванъ съ рѣшетчатыми спинками и съ твердыми кожаными подушками. Въ углу помѣщался старинный образъ, предъ которымъ баба еще до насъ затеплила лампадку, а на стѣнахъ висѣли два большихъ, тусклыхъ масляныхъ портрета, одинъ покойнаго императора Николая Павловича, снятый, судя по виду, еще въ двадцатыхъ годахъ столѣтія; другой изображалъ какого-то архіерея.

Господинъ Кириловъ, войдя, засвѣтилъ свѣчу, и изъ своего чемодана, стоявшаго въ углу и еще не разобраннаго, досталъ конвертъ, сургучъ и хрустальную печатку.

— Запечатайте вашу записку и надпишите конвертъ.

Я было возразилъ, что не надо, но онъ настоялъ. Надписавъ конвертъ, я взялъ фуражку.

— А я думалъ, вы чаю, сказалъ онъ,— я чай купилъ. Хотите?

Я не отказался. Баба скоро внесла чай, то есть большущій чайникъ горячей воды, маленькій чайникъ съ обильно завареннымъ чаемъ, двѣ большія каменныя, грубо разрисованныя чашки, калачъ и цѣлую глубокую тарелку колотаго сахару.

— Я чай люблю, сказалъ онъ,— ночью; много, хожу и пью; до разсвѣта. За границей чай ночью неудобно.

— Вы ложитесь на разсвѣтѣ?

— Всегда; давно. Я мало ѣмъ; все чай. Липутинъ хитеръ, но нетерпѣливъ.

Меня удивило, что онъ хотѣлъ разговаривать; я рѣшился воспользоваться минутой.

— Давеча вышли непріятныя недоразумѣнія, замѣтилъ я.

Онъ очень нахмурился.

— Это глупость; это большіе пустяки. Тутъ все пустяки, потому что Лебядкинъ пьянъ. Я Липутину не говорилъ, а только объяснилъ пустяки; потому что тотъ перевралъ. У Липутина много фантазіи, вмѣсто пустяковъ горы выстроилъ. Я вчера Липутину вѣрилъ.

— А сегодня мнѣ? засмѣялся я.

— Да вѣдь вы уже про все знаете давеча. Липутинъ или слабъ, или нетерпѣливъ, или вреденъ, или... завидуетъ.

Послѣднее словцо меня поразило.

— Впрочемъ, вы столько категорій наставили, не мудрено что подъ которую нибудь и подойдетъ.

— Или ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Да, и это правда. Липутинъ — это хаосъ! Правда, онъ вралъ давеча, что вы хотите какое-то сочиненіе писать?

— Почему-же вралъ? нахмурился онъ опять, уставившись въ землю.

Я извинился и сталъ увѣрять, что не выпытываю. Онъ покраснѣлъ.

— Онъ правду говорилъ; я пишу. Только это все равно.

Съ минуту помолчали; онъ вдругъ улыбнулся давешнею дѣтскою улыбкой.

— Онъ это про головы самъ выдумалъ изъ книги и самъ сначала мнѣ говорилъ, и понимаетъ худо, а я только ищу причины, почему люди не смѣютъ убить себя; вотъ и все. И это все равно.

— Какъ не смѣютъ? Развѣ мало самоубійствъ?

— Очень мало.

— Неужели вы такъ находите?

Онъ не отвѣтилъ, всталъ и въ задумчивости началъ ходить взадъ и впередъ.

— Что-же удерживаетъ людей, по вашему, отъ самоубійства? спросилъ я.

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ, какъ-бы припоминая, объ чемъ мы говорили.

— Я... я еще мало знаю... два предразсудка удерживаютъ, двѣ вещи; только двѣ; одна очень маленькая, другая очень большая. Но и маленькая тоже очень большая.

— Какая-же маленькая-то?

— Боль.

— Боль? Неужто это такъ важно... въ этомъ случаѣ?

— Самое первое. Есть два рода: тѣ которые убиваютъ себя или съ большой грус-

ти, или со злости, или съумасшедшіе, или тамъ все равно... тѣ вдругъ. Тѣ мало о боли думаютъ, а вдругъ. А которые съ разсудка — тѣ много думаютъ.

— Да развѣ есть такіе, что съ разсудка?

— Очень много. Если-бъ предразсудка не было, было-бы больше; очень много; всѣ.

— Ну ужь и всѣ?

Онъ промолчалъ.

— Да развѣ нѣтъ способовъ умирать безъ боли?

— Представьте, остановился онъ предо мною,— представьте камень такой величины какъ съ большой домъ; онъ виситъ, а вы подъ нимъ; если онъ упадетъ на васъ, на голову — будетъ вамъ больно?

— Камень съ домъ? Конечно страшно.

— Я не про страхъ; будетъ больно?

— Камень съ гору, милліонъ пудовъ? Разумѣется, ничего не больно.

— А станьте вправду, и пока виситъ, вы будете очень бояться, что больно. Всякій первый ученый, первый докторъ, всѣ, всѣ будутъ очень бояться. Всякій будетъ знать, что не больно, и всякій будетъ очень бояться, что больно.

— Ну, а вторая причина, большая-то?

— Тотъ свѣтъ.

— То есть наказаніе?

— Это все равно. Тотъ свѣтъ; одинъ тотъ свѣтъ.

— Развѣ нѣтъ такихъ атеистовъ, что совсѣмъ не вѣрятъ въ тотъ свѣтъ.

Опять онъ промолчалъ.

— Вы, можетъ быть, по себѣ судите?

— Всякій не можетъ судить какъ по себѣ, проговорилъ онъ, покраснѣвъ.— Вся свобода будетъ тогда, когда будетъ все равно жить или не жить. Вотъ всему цѣль.

— Цѣль? Да тогда никто, можетъ, и не захочетъ жить?

— Никто, произнесъ онъ рѣшительно.

— Человѣкъ смерти боится, потому что жизнь любитъ, вотъ какъ я понимаю, замѣтилъ я,— и такъ природа велѣла.

— Это подло и тутъ весь обманъ! глаза его засверкали.— Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ. Теперь все боль и страхъ. Теперь человѣкъ жизнь любитъ, потому что боль и страхъ любитъ. И такъ сдѣлали. Жизнь дается теперь за боль и страхъ, и тутъ весь обманъ. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ богъ будетъ. А тотъ Богъ не будетъ.

— Стало быть, тотъ Богъ есть-же, по вашему?

— Его нѣтъ, но Онъ есть. Въ камнѣ боли нѣтъ, но въ страхѣ отъ камня есть боль. Богъ есть боль страха смерти. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ станетъ богъ. Тогда новая жизнь, тогда новый человѣкъ, все новое... Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ гориллы до уничтоженія Бога, и отъ уничтоженія Бога до...

— До гориллы?..

— ...до перемѣны земли и человѣка физически. Будетъ богомъ человѣкъ и перемѣнится физически. И міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли и всѣ чувства. Какъ вы думаете, перемѣнится тогда человѣкъ физически?

— Если будетъ все равно жить или не жить, то всѣ убьютъ себя, и вотъ въ чемъ, можетъ быть, перемѣна будетъ?

— Это все равно. Обманъ убьютъ. Всякій, кто хочетъ главной свободы, тотъ долженъ смѣть убить себя. Кто смѣетъ убить себя, тотъ тайну обмана узналъ. Дальше нѣтъ свободы; тутъ все, а дальше нѣтъ ничего. Кто смѣетъ убить себя, тотъ богъ. Теперь всякій можетъ сдѣлать, что Бога не будетъ и ничего не будетъ. Но никто еще ни разу не сдѣлалъ.

— Самоубійцъ милліоны были.

— Но все не за тѣмъ, все со страхомъ и не для того. Не для того, чтобы страхъ убить. Кто убьетъ себя только для того, чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ.

— Не успѣетъ, можетъ быть, замѣтилъ я.

— Это все равно, отвѣтилъ онъ тихо, съ покойною гордостью, чуть не съ презрѣніемъ.— Мнѣ жаль, что вы какъ будто смѣетесь, прибавилъ онъ черезъ полминуты.

— А мнѣ странно, что вы давеча были такъ раздражительны, а теперь такъ спокойны, хотя и горячо говорите.

— Давеча? Давеча было смѣшно, отвѣ-

тилъ онъ съ улыбкой; — я не люблю бранить и никогда не смѣюсь, прибавилъ онъ грустно.

— Да, не весело вы проводите ваши ночи за чаемъ.— Я всталъ и взялъ фуражку.

— Вы думаете? улыбнулся онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ,—почему-же? Нѣтъ, я... я не знаю, смѣшался онъ вдругъ,—не знаю, какъ у другихъ, и я такъ чувствую, что не могу какъ всякій. Всякій думаетъ и потомъ сейчасъ о другомъ думаетъ. Я не могу о другомъ, я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучилъ, заключилъ онъ вдругъ съ удивительною экспансивностью.

— А скажите, если позволите, почему вы не такъ правильно по русски говорите? Неужели за границей въ пять лѣтъ разучились?

— Развѣ я неправильно? Не знаю. Нѣтъ, не потому, что за границей. Я такъ всю жизнь говорилъ... мнѣ все равно.

— Еще вопросъ болѣе деликатный: я совершенно вамъ вѣрю, что вы не склонны встрѣчаться съ людьми и мало съ людьми говорите. Почему вы со мной теперь разговорились?

— Съ вами? Вы давеча хорошо сидѣли и вы... впрочемъ, все равно... вы на моего брата очень похожи, много, чрезвычайно, проговорилъ онъ, покраснѣвъ; — онъ семь лѣтъ умеръ; старшій, очень, очень много.

— Должно быть, имѣлъ большое вліяніе на вашъ образъ мыслей.

— Н-нѣтъ, онъ мало говорилъ; онъ ничего не говорилъ. Я вашу записку отдамъ.

Онъ проводилъ меня съ фонаремъ до воротъ, чтобы запереть за мной. «Разумѣется, помѣшанный», рѣшилъ я про себя. Въ воротахъ произошла новая встрѣча.

IX.

Только что я занесъ ногу за высокій порогъ калитки, вдругъ чья-то сильная рука схватила меня за грудь.

— Кто сей?—заревѣлъ чей-то голосъ,— другъ или недругъ? Кайся!

— Это нашъ, нашъ! завизжалъ подлѣ голосокъ Липутина,—это господинъ Г—въ, классическаго воспитанія и въ связяхъ съ самымъ высшимъ обществомъ молодой человѣкъ.

— Люблю коли съ обществомъ, кла-ссичес... значитъ, о-бра-зо-о-ваннѣйшій... отставной капитанъ Игнатъ Лебядкинъ, къ услугамъ міра и друзей... если вѣрны, если вѣрны, подлецы!

Капитанъ Лебядкинъ, вершковъ десяти росту, толстый, мясистый, курчавый, красный и чрезвычайно пьяный, едва стоялъ предо мной и съ трудомъ выговаривалъ слова. Я, впрочемъ, его и прежде видалъ издали.

— А, и этотъ! взревѣлъ онъ опять, замѣтивъ Кирилова, который все еще не уходилъ съ своимъ фонаремъ; онъ поднялъ было кулакъ, но тотчасъ опустилъ его.

— Прощаю за ученость! Игнатъ Лебядкинъ—образо-о-ваннѣйшій...

Любви пылающей граната
Лопнула въ груди Игната.
И вновь заплакалъ горькой мукой
По Севастополю безрукій.

— Хоть въ Севастополѣ не былъ и даже не безрукій, но каковы-же риѳмы! лѣзъ онъ ко мнѣ съ своею пьяною рожей.

— Имъ некогда, некогда, они домой пойдутъ, уговаривалъ Липутинъ,—они завтра Лизаветѣ Николаевнѣ перескажутъ.

— Лизаветѣ!.. завопилъ онъ опять,— стой-нейди! Варьянтъ:

И порхаетъ звѣзда на конѣ
Въ хороводѣ другихъ амазонокъ;
Улыбается съ лошади мнѣ
Ари-сто-кратическій ребенокъ.

«Звѣздѣ-амазонкѣ».

— Да вѣдь это-же гимнъ! Это гимнъ, если ты не оселъ! Бездѣльники не понимаютъ! Стой! уцѣпился онъ за мое пальто, хотя я рвался изо всѣхъ силъ въ калитку,—передай, что я рыцарь чести, а Дашка... Дашку я двумя пальцами... крѣпостная раба и не смѣетъ...

Тутъ онъ упалъ, потому что я съ силой вырвался у него изъ рукъ и побѣжалъ по улицѣ. Липутинъ увязался за мной.

— Его Алексѣй Нилычъ подымутъ. Знаете-ли, что я сейчасъ отъ него узналъ? болталъ онъ впопыхахъ,—стишки-то слышали? Ну, вотъ онъ эти самые стихи къ «Звѣздѣ-амазонкѣ» запечаталъ и завтра

посылаетъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ за своею полною подписью. Каковъ!

— Бьюсь объ закладъ, что вы его сами подговорили.

— Проиграете! захохоталъ Липутинъ,— влюбленъ, влюбленъ какъ кошка, а знаете-ли, что началось вѣдь съ ненависти. Онъ до того сперва возненавидѣлъ Лизавету Николаевну за то, что она ѣздитъ верхомъ, что чуть не ругалъ ее вслухъ на улицѣ; да и ругалъ-же! Еще третьяго дня выругалъ, когда она проѣзжала; — къ счастью, не разслышала, и вдругъ сегодня стихи! Знаете-ли, что онъ хочетъ рискнуть предложеніе? Серіозно, серіозно!

— Я вамъ удивляюсь, Липутинъ, вездѣ-то вы вотъ, гдѣ только этакая дрянь заведется, вездѣ-то вы тутъ руководите! проговорилъ я въ ярости.

— Однако-же, вы далеко заходите, господинъ Г—въ; не сердчишко-ли у васъ ёкнуло испугавшись соперника,—а?

— Что-о-о? закричалъ я, останавливаясь.

— А вотъ-же вамъ въ наказаніе и ничего не скажу дальше! А вѣдь какъ-бы вамъ хотѣлось услышать? Ужь одно то, что этотъ дуралей теперь не простой капитанъ, а помѣщикъ нашей губерніи, да еще довольно значительный, потому что Николай Всеволодовичъ ему все свое помѣстье, бывшія свои двѣсти душъ на дняхъ продали, и вотъ-же вамъ Богъ не лгу! Сейчасъ узналъ, но зато изъ наивѣрнѣйшаго источника. Ну, а теперь дощупывайтесь-ка сами; больше ничего не скажу; до свиданья-съ!

X.

Степанъ Трофимовичъ ждалъ меня въ истерическомъ нетерпѣніи. Уже съ часъ какъ онъ воротился. Я засталъ его какъ-бы пьянаго; первыя пять минутъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ, что онъ пьянъ. Увы, визитъ къ Дроздовымъ сбилъ его съ послѣдняго толку.

— Mon ami, я совсѣмъ потерялъ мою нитку... Lise... я люблю и уважаю этого ангела по прежнему; именно по прежнему; но, мнѣ кажется, онѣ ждали меня объ единственно чтобы кое-что вывѣдать, то есть по просту вытянуть изъ меня, а тамъ и ступай себѣ съ Богомъ... Это такъ.

— Какъ вамъ не стыдно! вскричалъ я, не вытерпѣвъ.

— Другъ мой, я теперь совершенно одинъ. Enfin c'est ridicule. Представьте, что и тамъ все это напичкано тайнами. Такъ на меня и накинулись объ этихъ носахъ и ушахъ и еще о какихъ-то петербургскихъ тайнахъ. Онѣ вѣдь объ только здѣсь въ первый разъ провѣдали объ этихъ здѣшнихъ исторіяхъ съ Nicolas четыре года назадъ: «Вы тутъ были, вы видѣли, правда-ли, что онъ съумасшедшій?» И откуда эта идея вышла, не понимаю. Почему Прасковьѣ непремѣнно такъ хочется, чтобы Nicolas оказался съумасшедшимъ? Хочется этой женщинѣ, хочется! Ce Maurice, или, какъ его, Маврикій Николаевичъ, brave homme tout de même, но неужели въ его пользу, и послѣ того какъ сама-же первая писала изъ Парижа къ cette pauvre amie... Enfin, эта Прасковья, какъ называетъ ее cette chère amie, это типъ, это безсмертной памяти Гоголева Коробочка, но только злая Коробочка, задорная Коробочка и въ безконечно увеличенномъ видѣ.

— Да вѣдь это сундукъ выйдетъ; ужь и въ увеличенномъ?

— Ну, въ уменьшенномъ, все равно, только не перебивайте, потому что у меня все это вертится. Тамъ онѣ совсѣмъ расплевались; кромѣ Lise; та все еще: «Тётя, тётя», но Lise хитра и, тутъ еще что-то есть. Тайны. Но со старухой разссорились. Cette pauvre тетя, правда, всѣхъ деспотируетъ... а тутъ и губернаторша и непочтительность общества и «непочтительность» Кармазинова; а тутъ вдругъ эта мысль о помѣшательствѣ, ce Lipoutine, ce que je ne comprends pas... и-и, говорятъ, голову уксусомъ обмочила, а тутъ и мы съ вами, съ нашими жалобами и съ нашими письмами... О, какъ я мучилъ ее и въ такое время! Je suis un ingrat! Вообразите, возвращаюсь и нахожу отъ нея письмо; читайте, читайте! О, какъ неблагородно было съ моей стороны.

Онъ подалъ мнѣ только что полученное письмо отъ Варвары Петровны. Она, ка-

жется, раскаялась въ утрешнемъ своемъ: «сидите дома». Письмецо было вѣжливое, но всетаки рѣшительное и немногословное. Послѣ завтра, въ воскресенье, она просила къ себѣ Степана Трофимовича ровно въ двѣнадцать часовъ и совѣтовала привести съ собой кого нибудь изъ друзей своихъ (въ скобкахъ стояло мое имя). Съ своей стороны, обѣщалась позвать Шатова, какъ брата Дарьи Павловны. «Вы можете получить отъ нея окончательный отвѣтъ: довольно-ли съ васъ будетъ? Этой-ли формальности вы такъ добивались?

— Замѣтьте эту раздражительную фразу въ концѣ о формальности. Бѣдная, бѣдная, другъ всей моей жизни! Признаюсь, это *внезапное* рѣшеніе судьбы меня точно придавило... Я, признаюсь, все еще надѣялся, а теперь, tout est dit, я ужь знаю, что кончено; c'est terrible. О, кабы не было совсѣмъ этого воскресенья, а все по старому: вы-бы ходили, а я-бы тутъ...

— Васъ сбили съ толку всѣ эти давешнія Липутинскія мерзости, сплетни.

— Другъ мой, вы сейчасъ попали въ другое больное мѣсто, вашимъ дружескимъ пальцемъ. Эти дружескіе пальцы вообще безжалостны, а иногда безтолковы, pardon, но, вотъ вѣрите-ли, а я почти забылъ обо всемъ этомъ, о мерзостяхъ-то, то есть я вовсе не забылъ, но я, по глупости моей, все время, пока былъ у Lise, старался быть счастливымъ и увѣрялъ себя, что я счастливъ. Но теперь... о, теперь я про эту великодушную, гуманную, терпѣливую къ моимъ подлымъ недостаткамъ женщину,— то есть хоть и не совсѣмъ терпѣливую, но вѣдь и самъ-то я каковъ, съ моимъ пустымъ, скернымъ характеромъ! Вѣдь я блажной ребенокъ, со всѣмъ эгоизмомъ ребенка, но безъ его невинности. Она двадцать лѣтъ ходила за мной какъ нянька, cette pauvre тётя, какъ граціозно называетъ ее Lise... И вдругъ, послѣ двадцати лѣтъ, ребенокъ захотѣлъ жениться, жени да жени, письмо за письмомъ, а у ней голова къ уксусѣ и... и, вотъ и достигъ, въ воскресенье женатый человѣкъ, шутка сказать... И чего самъ настаивалъ, ну, зачѣмъ я письма писалъ? Да, забылъ: Lise боготворитъ Дарью Павловну, говоритъ, по крайней мѣрѣ; говоритъ про нее: «c'est un ange, но только нѣсколько скрытный». Объ совѣтовали, даже Прасковья... впрочемъ, Прасковья не совѣтовала. О, сколько яду заперто въ этой коробочкѣ! Да и Lise собственно не совѣтовала: «къ чему вамъ жениться; довольно съ васъ и ученыхъ наслажденій». Хохочетъ. Я ей простилъ ея хохотъ, потому что у ней у самой скребетъ на сердцѣ. Вамъ, однако, говорятъ онѣ, безъ женщины невозможно. Приближаются ваши немощи, а она васъ укроетъ, или какъ тамъ... Ma foi я и самъ, все это время съ вами сидя, думалъ про себя, что Провидѣніе посылаетъ ее на склонѣ бурныхъ дней моихъ, и что она меня укроетъ или какъ тамъ... enfin понадобится въ хозяйствѣ. Вонъ у меня такой соръ, вонъ смотрите, все это валяется, давеча велѣлъ прибрать, и книга на полу. La pauvre amie все сердилась, что у меня соръ... О, теперь ужь не будетъ раздаваться голосъ ея! Vingt ans! И-и у нихъ, кажется, анонимныя письма, вообразите, Nicolas продалъ, будто-бы, Лебядкину имѣніе. C'est un monstre; et enfin кто такой Лебядкинъ? Lise слушаетъ, слушаетъ, ухъ какъ она слушаетъ! Я простилъ ей ея хохотъ, я видѣлъ съ какимъ лицомъ она слушала, и се Maurice... я-бы не желалъ быть въ его теперешней роли, brave homme tout de même, но нѣсколько застѣнчивъ; впрочемъ, Богъ съ нимъ...

Онъ замолчалъ; онъ усталъ и сбился и сидѣлъ, понуривъ голову, смотря неподвижно въ полъ усталыми глазами. Я воспользовался промежуткомъ и разсказалъ о моемъ посѣщеніи дома Филиппова, при чемъ рѣзко и сухо выразилъ мое мнѣніе, что дѣйствительно сестра Лебядкина (которую я не видалъ) могла быть когда-то какой нибудь жертвой Nicolas, въ загадочную пору его жизни, какъ выражался Липутинъ, и что очень можетъ быть, что Лебядкинъ почему нибудь получаетъ съ Nicolas деньги, но вотъ и все. На счетъ-же сплетень о Дарьѣ Павловнѣ, то все это вздоръ, все это натяжки мерзавца Липутина, и что такъ, по крайней мѣрѣ, съ жаромъ утверждаетъ Алексѣй Нилычъ, которому нѣтъ основаній не вѣрить. Степанъ Трофимовичъ прослушалъ мои увѣренія съ

разсѣяннымъ видомъ, какъ будто до него не касалось. Я, кстати, упомянулъ и о разговорѣ моемъ съ Кириловымъ и прибавилъ, что Кириловъ, можетъ быть, съумасшедшій.

— Онъ не съумасшедшій, но это люди съ коротенькими мыслями, — вяло и какъ-бы нехотя промямлилъ онъ. — Ces gens-là supposent la nature et la societé humaine autres que Dieu ne les a faites et qu'elles ne sont réellement. Съ ними заигрываютъ, но, по крайней мѣрѣ, не Степанъ Верховенскій. Я видѣлъ ихъ тогда въ Петербургѣ, avec cette chère amie (о, какъ я тогда оскорблялъ ее!) и не только ихъ ругательствъ, — я даже ихъ похвалъ не испугался. Не испугаюсь и теперь, mais parlons d'autre chose... я, кажется, ужасныхъ вещей надѣлалъ; вообразите, я отослалъ Дарьѣ Павловнѣ вчера письмо и... какъ я кляну себя за это!

— О чемъ-же вы писали?

— О, другъ мой, повѣрьте, что все это съ такимъ благородствомъ. Я увѣдомилъ ее, что я написалъ къ Nicolas, еще дней пять назадъ и тоже съ благородствомъ.

— Понимаю теперь! вскричалъ я съ жаромъ, — и какое право имѣли вы ихъ такъ сопоставить?

— Но, mon cher, не давите-же меня окончательно, не кричите на меня; я и то весь раздавленъ какъ... какъ тараканъ, и, наконецъ, я думаю, что все это такъ благородно. Предположите, что тамъ что нибудь дѣйствительно было... en Suisse... или начиналось. Долженъ-же я спросить сердца ихъ предварительно, чтобы... enfin, чтобы непомѣшать сердцамъ и не стать столбомъ на ихъ дорогѣ... Я единственно изъ благородства.

— О, Боже, какъ вы глупо сдѣлали! невольно сорвалось у меня.

— Глупо, глупо, подхватилъ онъ даже съ жадностью; никогда ничего не сказали вы умнѣе, c'était bête, mais que faire, tout est dit. Все равно женюсь, хоть и на «чужихъ грѣхахъ», такъ къ чему-же было и писать? Не правда-ли?

— Вы опять за тоже!

— О, теперь меня не испугаете вашимъ крикомъ, теперь предъ вами уже не тотъ Степанъ Верховенскій; тотъ похороненъ; enfin tout est dit. Да и чего кричите вы? Единственно потому, что не сами женитесь и не вамъ придется носить извѣстное головное украшеніе. Опять васъ коробитъ? Бѣдный другъ мой, вы не знаете женщину, а я только и дѣлалъ, что изучалъ ее. «Если хочешь побѣдить весь міръ, побѣди себя», единственно что̀ удалось хорошо сказать другому такому-же какъ и вы романтику, Шатову, братцу супруги моей. Охотно у него заимствую его изрѣченіе. Ну, вотъ и я готовъ побѣдить себя, и женюсь, а между тѣмъ что̀ завоюю, вмѣсто цѣлаго-то міра? О, другъ мой, бракъ — это нравственная смерть всякой гордой души, всякой независимости. Брачная жизнь развратитъ меня, отниметъ энергію, мужество въ служеніи дѣлу, пойдутъ дѣти, еще, пожалуй, не мои, — то есть, разумѣется, не мои: мудрый не боится заглянуть въ лицо истинѣ... Липутинъ предлагалъ давеча спастись отъ Nicolas баррикадами; онъ глупъ, Липутинъ. Женщина обманетъ само всевидящее око. Le bon Dieu, создавая женщину, ужь конечно, зналъ чему подвергался, но я увѣренъ, что она сама помѣшала Ему и сама заставила себя создать въ такомъ видѣ и... съ такими аттрибутами; иначе кто-же захотѣлъ-бы наживать себѣ такія хлопоты даромъ? Настасья, я знаю, можетъ и разсердится на меня за вольнодумство, но... Enfin tout est dit.

Онъ не былъ-бы самъ собою, если-бы обошелся безъ дешевенькаго, каламбурнаго вольнодумства, такъ процвѣтавшаго въ его время, по крайней мѣрѣ, теперь утѣшилъ себя каламбурчикомъ, но не надолго.

— О, почему-бы совсѣмъ не быть этому послѣ-завтра, этому воскресенью! воскликнулъ онъ вдругъ, но уже въ совершенномъ отчаяніи, — почему-бы не быть хоть одной этой недѣлѣ безъ воскресенья — si le miracle existe? Ну что̀-бы стоило Провидѣнію вычеркнуть изъ календаря хоть одно воскресенье, ну хоть для того, чтобы доказать атеисту свое могущество et que tout soit dit! О, какъ я любилъ ее! Двадцать лѣтъ, всѣ двадцать лѣтъ, и никогда-то она не понимала меня!

— Но про кого вы говорите? — и я васъ не понимаю! спросилъ я съ удивленіемъ.

— Vingt ans! И ни разу не поняла меня, о, это жестоко! И неужели она думаетъ, что я женюсь изъ страха, изъ нужды? О, позоръ! Тётя, тётя, я для тебя!.. О, пусть узнаетъ она, эта тётя, что она единственная женщина, которую я обожалъ двадцать лѣтъ! Она должна узнать это, иначе не будетъ, иначе только силой потащутъ меня подъ этотъ ce qu'on appelle le вѣнецъ!

Я въ первый разъ слышалъ это признаніе и такъ энергически высказанное. Не скрою, что мнѣ ужасно хотѣлось засмѣяться. Я былъ не правъ.

— Одинъ, одинъ онъ мнѣ остался теперь, одна надежда моя! всплеснулъ онъ вдругъ руками, какъ-бы внезапно пораженный новою мыслію, — теперь одинъ только онъ, мой бѣдный мальчикъ спасетъ меня и, — о, что̀-же онъ не ѣдетъ! О, сынъ мой, о, мой Петруша... и хоть я недостоинъ названія отца, а скорѣе тигра, но... laissez moi, mon ami, я немножко полежу, чтобы собраться съ мыслями. Я такъ усталъ, такъ усталъ, да и вамъ, я думаю, пора спать, voyez vous, двѣнадцать часовъ...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хромоножка.

I.

Шатовъ не заупрямился и, по запискѣ моей, явился въ полдень къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Мы вошли почти вмѣстѣ; я тоже явился сдѣлать мой первый визитъ. Они всѣ, то есть Лиза, мама̀ и Маврикій Николаевичъ, сидѣли въ большой залѣ и спорили. Мама̀ требовала, чтобы Лиза съиграла ей какой-то вальсъ на фортепіано, и когда та начала требуемый вальсъ, то стала увѣрять, что вальсъ не тотъ. Маврикій Николаевичъ, по простотѣ своей, заступился за Лизу и сталъ увѣрять, что вальсъ тотъ самый; старуха со злости расплакалась. Она была больна и съ трудомъ даже ходила. У ней распухли ноги, и вотъ уже нѣсколько дней только и дѣлала, что капризничала и ко всѣмъ придиралась, не смотря на то, что Лизу всегда побаивалась. Приходу нашему обрадовались. Лиза покраснѣла отъ удовольствія и, проговоривъ мнѣ mercі, конечно, за Шатова, пошла къ нему, любопытно его разсматривая.

Шатовъ неуклюже остановился въ дверяхъ. Поблагодаривъ его за приходъ, она подвела его къ мама̀.

— Это господинъ Шатовъ, про котораго я вамъ говорила, а это вотъ господинъ Г—въ, большой другъ мнѣ и Степану Трофимовичу. Маврикій Николаевичъ вчера тоже познакомился.

— А который профессоръ?

— А профессора вовсе и нѣтъ, мама̀.

— Нѣтъ есть, ты сама говорила, что будетъ профессоръ; вѣрно вотъ этотъ, она брезгливо указала на Шатова.

— Вовсе никогда я вамъ не говорила, что будетъ профессоръ. Господинъ Г—въ служитъ, а господинъ Шатовъ — бывшій студентъ.

— Студентъ, профессоръ, все одно изъ университета. Тебѣ только-бы спорить. А швейцарскій былъ въ усахъ и съ бородкой.

— Это мама̀ сына Степана Трофимовича все профессоромъ называетъ, сказала Лиза и увела Шатова на другой конецъ залы, на диванъ.

— Когда у ней ноги распухнутъ, она всегда такая, вы понимаете, больная, шепнула она Шатову, продолжая разсматривать его все съ тѣмъ-же чрезвычайнымъ любопытствомъ и особенно его вихоръ на головѣ.

— Вы военный? обратилась ко мнѣ старуха, съ которою меня такъ безжалостно бросила Лиза.

— Нѣтъ-съ, я служу...

— Господинъ Г—въ большой другъ Степана Трофимовича, отозвалась тотчасъ-же Лиза.

— Служите у Степана Трофимовича? Да вѣдь и онъ профессоръ?

— Ахъ, мама̀, вамъ вѣрно и ночью снятся профессора, съ досадой крикнула Лиза.

— Слишкомъ довольно и на яву. А ты вѣчно чтобы матери противорѣчить. Вы здѣсь, когда Николай Всеволодовичъ пріѣзжалъ, были, четыре года назадъ?

Я отвѣчалъ, что былъ.

— А англичанинъ тутъ былъ какой нибудь вмѣстѣ съ вами?

— Нѣтъ, не былъ.

Лиза засмѣялась.

— А видишь, что и не было совсѣмъ англичанина, стало быть, враки. И Варвара Петровна, и Степанъ Трофимовичъ оба врутъ. Да и всѣ врутъ.

— Это тётя и вчера Степанъ Трофимовичъ нашли будто-бы сходство у Николая Всеволодовича съ принцемъ Гарри, у Шекспира въ Генрихѣ IV, и мама на это говоритъ, что не было англичанина, объяснила намъ Лиза.

— Коли Гарри не было, такъ и англичанина не было. Одинъ Николай Всеволодовичъ куролесилъ.

— Увѣряю васъ, что это мама нарочно, нашла нужнымъ объяснить Шатову Лиза,—она очень хорошо про Шекспира знаетъ. Я ей сама первый актъ *Отелло* читала; но она теперь очень страдаетъ. Мама, слышите, двѣнадцать часовъ бьетъ, вамъ лѣкарство принимать пора.

— Докторъ пріѣхалъ, появилась въ дверяхъ горничная.

Старуха привстала и начала звать собачку: «Земирка, Земирка, пойдемъ хоть ты со мной».

Скверная, старая, маленькая собачонка Земирка не слушалась и залѣзла подъ диванъ, гдѣ сидѣла Лиза.

— Не хочешь? Такъ и я тебя не хочу. Прощайте, батюшка, не знаю вашего имени-отчества, обратилась она ко мнѣ.

— Антонъ Лаврентьевичъ...

— Ну, все равно, у меня въ одно ухо вошло, въ другое вышло. Не провожайте меня, Маврикій Николаевичъ, я только Земирку звала. Слава Богу еще и сама хожу, а завтра гулять поѣду.

Она сердито вышла изъ залы.

— Антонъ Лаврентьевичъ, вы тѣмъ временемъ поговорите съ Маврикіемъ Николаевичемъ; увѣряю васъ, что вы оба выиграете, если поближе познакомитесь, сказала Лиза и дружески усмѣхнулась Маврикію Николаевичу, который такъ весь и просіялъ отъ ея взгляда. Я, нечего дѣлать, остался говорить съ Маврикіемъ Николаевичемъ.

II.

Дѣло у Лизаветы Николаевны до Шатова, къ удивленію моему, оказалось въ самомъ дѣлѣ только литературнымъ. Не знаю почему, но мнѣ все думалось, что она звала его за чѣмъ-то другимъ. Мы, то есть я съ Маврикіемъ Николаевичемъ, видя, что отъ насъ не таятся и говорятъ очень громко, стали прислушиваться; потомъ и насъ пригласили въ совѣтъ. Все состояло въ томъ, что Лизавета Николаевна давно уже задумала изданіе одной полезной, по ея мнѣнію, книги, но, по совершенной неопытности, нуждалась въ сотрудникѣ. Серіозность, съ которою она принялась объяснять Шатову свой планъ, даже меня изумила. «Должно быть, изъ новыхъ, подумалъ я, не даромъ въ Швейцаріи побывала». Шатовъ слушалъ со вниманіемъ, уткнувъ глаза въ землю, и безъ малѣйшаго удивленія тому, что свѣтская, разсѣянная барышня берется за такія, казалось-бы, не подходящія ей дѣла.

Литературное предпріятіе было такого рода. Издается въ Россіи множество столичныхъ и провинціальныхъ газетъ и другихъ журналовъ, и въ нихъ ежедневно сообщается о множествѣ происшествій. Годъ отходитъ, газеты повсемѣстно складываются въ шкапы, или сорятся, рвутся, идутъ на обертки и колпаки. Многіе опубликованные факты производятъ впечатлѣніе и остаются въ памяти публики, но потомъ съ годами забываются. Многіе желали-бы потомъ справиться, но какой-же трудъ розыскивать въ этомъ морѣ листовъ, часто не зная ни дня, ни мѣста, ни даже года случившагося происшествія? А между тѣмъ если-бы совокупить всѣ эти факты за цѣлый годъ въ одну книгу, по извѣстному плану и по извѣстной мысли, съ оглавленіями, указаніями, съ разрядомъ по мѣсяцамъ и числамъ, то такая совокупность въ одно цѣлое могла-бы обрисовать всю характеристику русской жизни за весь годъ, не смотря даже на то, что фактовъ публикуется чрезвычайно малая доля въ сравненіи со всѣми случившимися.

— Вмѣсто множества листовъ выйдетъ

нѣсколько толстыхъ книгъ, вотъ и все, замѣтилъ Шатовъ.

Но Лизавета Николаевна горячо отстаивала свой замыселъ, не смотря на трудность и неумѣлость высказаться. Книга должна быть одна, даже не очень толстая— увѣряла она. Но, положимъ, хоть и толстая, но ясная, потому что главное въ планѣ и въ характерѣ представленія фактовъ. Конечно, не все собирать и перепечатывать. Указы, дѣйствія правительства, мѣстныя распоряженія, законы, все это хоть и слишкомъ важные факты, но въ предполагаемомъ изданіи этого рода факты можно совсѣмъ выпустить. Можно многое выпустить и ограничиться лишь выборомъ происшествій болѣе или менѣе выражающихъ нравственную личную жизнь народа, личность русскаго народа въ данный моментъ. Конечно, все можетъ войдти: курьезы, пожары, пожертвованія, всякія добрыя и дурныя дѣла, всякія слова и рѣчи, пожалуй, даже извѣстія о разливахъ рѣкъ, пожалуй, даже и нѣкоторые указы правительства, но изо всего выбирать только то, что̀ рисуетъ эпоху; все войдетъ съ извѣстнымъ взглядомъ, съ указаніемъ, съ намѣреніемъ, съ мыслію, освѣщающею все цѣлое, всю совокупность. И, наконецъ, книга должна быть любопытна даже для легкаго чтенія, не говоря уже о томъ, что необходима для справокъ! Это была-бы, такъ сказать, картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. «Нужно, чтобы всѣ покупали, нужно, чтобы книга обратилась въ настольную», утверждала Лиза, — «я понимаю, что все дѣло въ планѣ, а потому къ вамъ и обращаюсь», заключила она. Она очень разгорячилась и, не смотря на то, что объяснялась темно и не полно, Шатовъ сталъ понимать.

— Значитъ, выйдетъ нѣчто съ направленіемъ, подборъ фактовъ подъ извѣстное направленіе, пробормоталъ онъ все еще не поднимая головы.

— Отнюдь нѣтъ, не надо подбирать подъ направленіе, и никакого направленія не надо. Одно безпристрастіе, вотъ направленіе.

— Да направленіе и не бѣда, зашевелился Шатовъ,—да и нельзя его избѣжать чуть лишь обнаружится хоть какой нибудь подборъ. Въ подборѣ фактовъ и будетъ указаніе какъ ихъ понимать. Ваша идея недурна.

— Такъ возможна, стало быть, такая книга? обрадовалась Лиза.

— Надо посмотрѣть и сообразить. Дѣло это — огромное. Сразу ничего не выдумаешь. Опытъ нуженъ. Да и когда издадимъ книгу, врядъ-ли еще научимся какъ ее издавать. Развѣ послѣ многихъ опытовъ; но мысль наклевывается. Мысль полезная.

Онъ поднялъ, наконецъ, глаза, и они даже засіяли отъ удовольствія, такъ онъ былъ заинтересованъ.

— Это вы сами выдумали? ласково и какъ-бы стыдливо спросилъ онъ у Лизы.

— Да вѣдь выдумать не бѣда, планъ бѣда, улыбалась Лиза, — я мало понимаю и не очень умна и преслѣдую только то, что̀ мнѣ самой ясно...

— Преслѣдуете?

— Вѣроятно не то слово? быстро освѣдомилась Лиза.

— Можно и это слово; я ничего.

— Мнѣ показалось еще за границей, что можно и мнѣ быть чѣмъ нибудь полезною. Деньги у меня свои и даромъ лежатъ, почему-же и мнѣ не поработать для общаго дѣла? Къ тому-же мысль какъ-то сама собой вдругъ пришла; я нисколько ее не выдумывала и очень ей обрадовалась; но сейчасъ увидала, что нельзя безъ сотрудника, потому что ничего сама не умѣю. Сотрудникъ, разумѣется, станетъ и соиздателемъ книги. Мы пополамъ: вашъ планъ и работа, моя первоначальная мысль и средства къ изданію. Вѣдь окупится книга!

— Если откопаемъ вѣрный планъ, то книга пойдетъ.

— Предупреждаю васъ, что я не для барышей, но очень желаю расходу книги и буду горда барышами.

— Ну, а я тутъ при чемъ?

— Да вѣдь я-же васъ и зову въ сотрудники... пополамъ. Вы планъ выдумаете.

— Почемъ-же вы знаете, что я въ состояніи планъ выдумать?

— Мнѣ о васъ говорили, и здѣсь я слышала... я знаю, что вы очень умны и... занимаетесь дѣломъ и... думаете много; мнѣ о васъ Петръ Степановичъ Верховенскій въ

Швейцаріи говорилъ, торопливо прибавила она. — Онъ очень умный человѣкъ, неправда-ли?

Шатовъ мгновеннымъ, едва скользнувшимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, но тотчасъ-же опустилъ глаза.

— Мнѣ и Николай Всеволодовичъ о васъ тоже много говорилъ.

Шатовъ вдругъ покраснѣлъ.

— Впрочемъ, вотъ газеты, торопливо схватила Лиза со стула приготовленную и перевязанную пачку газетъ, — я здѣсь попробовала на выборъ отмѣтить факты, подборъ сдѣлать и нумера поставила... вы увидите.

Шатовъ взялъ свертокъ.

— Возьмите домой, посмотрите, вы вѣдь гдѣ живете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Я знаю. Тамъ тоже, говорятъ, кажется, какой-то капитанъ живетъ подлѣ васъ, господинъ Лебядкинъ? все по прежнему торопилась Лиза.

Шатовъ съ пачкой въ рукѣ, на отлетѣ какъ взялъ, такъ и просидѣлъ цѣлую минуту безъ отвѣта, смотря въ землю.

— На эти дѣла вы-бы выбрали другаго, а я вамъ вовсе не годенъ буду, проговорилъ онъ, наконецъ, какъ-то ужасно странно понизивъ голосъ, почти шепотомъ.

Лиза вспыхнула.

— Про какія дѣла вы говорите? Маврикій Николаевичъ! крикнула она, — пожалуйте сюда давешнее письмо.

Я тоже за Маврикіемъ Николаевичемъ подошелъ къ столу.

— Посмотрите это, обратилась она вдругъ ко мнѣ, въ большомъ волненіи развертывая письмо. — Видали-ли вы когда что нибудь похожее? Пожалуйста, прочтите вслухъ; мнѣ надо, чтобъ и господинъ Шатовъ слышалъ.

Съ немалымъ изумленіемъ прочелъ я вслухъ слѣдующее посланіе:

«*Совершенству дѣвицы Тушиной.*

«Милостивая государыня

«Елизавета Николаевна!

«О, какъ мила она,
«Елизавета Тушина,
«Когда съ родственникомъ на дамскомъ сѣдлѣ летаетъ,
«А лóконъ ея съ вѣтрами играетъ,
«Или когда съ матерью въ церкви падаетъ ницъ,
«И зрится румянецъ благоговѣйныхъ лицъ!
«Тогда брачныхъ и законныхъ наслажденій желаю
«И вслѣдъ ей, вмѣстѣ съ матерью, слезу посылаю.

«*Составилъ неученый за спором.*

«Милостивая государыня!

«Всѣхъ болѣе жалѣю себя, что въ Севастополѣ не лишился руки для славы, не бывъ тамъ вовсе, а служилъ всю кампанію по сдачѣ подлаго провіанта, считая низостью. Вы богиня въ древности, а я ничто и догадался о безпредѣльности. Смотрите, какъ на стихи, но не болѣе, ибо стихи всетаки вздоръ и оправдываютъ то, что въ прозѣ считается дерзостью. Можетъ-ли солнце разсердиться на инфузорію, если та сочинитъ ему изъ капли воды, гдѣ ихъ множество, если въ микроскопъ? Даже самый клубъ человѣколюбія къ крупнымъ скотамъ въ Петербургѣ при высшемъ обществѣ, сострадая по праву собакѣ и лошади, презираетъ краткую инфузорію, не упоминая о ней вовсе, потому что не доросла. Не доросъ и я. Мысль о бракѣ показалась-бы уморительною; но скоро буду имѣть бывшія двѣсти душъ чрезъ человѣконенавистника, котораго презирайте. Могу многое сообщить и вызываюсь по документамъ даже въ Сибирь. Не презирайте предложенія. Письмо отъ инфузоріи разумѣть въ стихахъ.

«Капитанъ Лебядкинъ, покорнѣйшій другъ и имѣетъ досугъ».

— Это писалъ человѣкъ въ пьяномъ видѣ и негодяй! вскричалъ я въ негодованіи, — я его знаю!

— Это письмо я получила вчера, покраснѣвъ и торопясь стала объяснять намъ Лиза, — я тотчасъ-же и сама поняла, что отъ какого нибудь глупца, и до сихъ поръ еще не показала maman, чтобы не разстроить ее еще болѣе. Но если онъ будетъ опять продолжать, то я не знаю, какъ сдѣлать. Маврикій Николаевичъ хочетъ сходить запретить ему. Такъ какъ я на васъ смотрѣла, какъ на сотрудника, обратилась она къ Шатову, — и такъ какъ вы тамъ живете, то я и хотѣла васъ разспросить, чтобы судить чего еще отъ него ожидать можно.

— Пьяный человѣкъ и негодяй, пробормоталъ какъ-бы нехотя Шатовъ.

— Что-жь, онъ все такой глупый?

— И, нѣтъ, онъ не глупый совсѣмъ, когда не пьяный.

— Я зналъ одного генерала, который писалъ точь въ точь такіе стихи, замѣтилъ я, смѣясь.

— Даже и по этому письму видно, что себѣ на умѣ, неожиданно ввернулъ молчаливый Маврикій Николаевичъ.

— Онъ, говорятъ, съ какой-то сестрой? спросила Лиза.

— Да, съ сестрой.

— Онъ, говорятъ, ее тиранитъ, правда это?

Шатовъ опять поглядѣлъ на Лизу, насупился, и проворчавъ: «какое мнѣ дѣло!» подвинулся къ дверямъ.

— Ахъ, постойте, тревожно вскричала Лиза, — куда-же вы? Намъ такъ много еще остается переговорить...

— О чемъ-же говорить? Я завтра дамъ знать...

— Да о самомъ главномъ, о типографіи! Повѣрьте-же, что я не въ шутку, а серіозно хочу дѣло дѣлать, увѣряла Лиза все въ возрастающей тревогѣ. Если рѣшимъ издавать, то гдѣ-же печатать? Вѣдь это самый важный вопросъ, потому что въ Москву мы для этого не поѣдемъ, а въ здѣшней типографіи невозможно для такого изданія. Я давно рѣшилась завести свою типографію, на ваше хоть имя, и мама, я знаю, позволитъ, если только на ваше имя...

— Почему-же вы знаете, что я могу быть типографщикомъ? угрюмо спросилъ Шатовъ.

— Да мнѣ еще Петръ Степановичъ въ Швейцаріи именно на васъ указалъ, что вы можете вести типографію и знакомы съ дѣломъ. Даже записку хотѣлъ отъ себя къ вамъ дать, да я забыла.

Шатовъ, какъ припоминаю теперь, измѣнился въ лицѣ. Онъ постоялъ еще нѣсколько секундъ и вдругъ вышелъ изъ комнаты.

Лиза разсердилась.

— Онъ всегда такъ выходитъ? повернулась она ко мнѣ.

Я пожалъ было плечами, но Шатовъ вдругъ воротился, прямо подошелъ къ столу и положилъ взятый имъ свертокъ газетъ:

— Я не буду сотрудникомъ, не имѣю времени...

— Почему-же, почему-же? Вы, кажется, разсердились? огорченнымъ и умоляющимъ голосомъ спрашивала Лиза.

Звукъ ея голоса какъ будто поразилъ его; нѣсколько мгновеній онъ пристально въ нее всматривался, точно желая проникнуть въ самую ея душу.

— Все равно, пробормоталъ онъ тихо, — я не хочу...

И ушелъ совсѣмъ. Лиза была совершенно поражена, даже какъ-то совсѣмъ и не въ мѣру; такъ показалось мнѣ.

— Удивительно странный человѣкъ! громко замѣтилъ Маврикій Николаевичъ.

III.

Конечно, «странный», но во всемъ этомъ было чрезвычайно много неяснаго. Тутъ что-то подразумѣвалось. Я рѣшительно не вѣрилъ этому изданію; потомъ это глупое письмо, но въ которомъ слишкомъ ясно предлагался какой-то доносъ «по документамъ» и о чемъ всѣ они промолчали, а говорили совсѣмъ о другомъ, наконецъ, эта типографія и внезапный уходъ Шатова именно потому, что заговорили о типографіи. Все это навело меня на мысль, что тутъ еще прежде меня что-то произошло и о чемъ я не знаю; что, стало быть, я лишній и что все это не мое дѣло. Да и пора было уходить, довольно было для перваго визита. Я подошелъ откланяться Лизаветѣ Николаевнѣ.

Она, кажется, и забыла, что я въ комнатѣ, и стояла все на томъ-же мѣстѣ у стола, очень задумавшись, склонивъ голову и неподвижно смотря въ одну выбранную на коврѣ точку.

— Ахъ, и вы, до свиданія, пролепетала она привычно-ласковымъ тономъ. — Передайте мой поклонъ Степану Трофимовичу и уговорите его придти ко мнѣ поскорѣй. Маврикій Николаевичъ, Антонъ Лаврентьевичъ уходитъ. Извините, мама не можетъ выйдти съ вами проститься...

Я вышелъ и даже сошелъ уже съ лѣст-

ницы, какъ вдругъ лакей догналъ меня на крыльцѣ:

— Барыня очень просили воротиться...

— Барыня или Лизавета Николаевна?

— Онѣ-съ.

Я нашелъ Лизу уже не въ той большой залѣ, гдѣ мы сидѣли, а въ ближайшей пріемной комнатѣ. Въ ту залу, въ которой остался теперь Маврикій Николаевичъ одинъ, дверь была притворена на-глухо.

Лиза улыбнулась мнѣ, но была блѣдна. Она стояла посреди комнаты въ видимой нерѣшимости, въ видимой борьбѣ; но вдругъ взяла меня за руку и молча, быстро подвела къ окну.

— Я немедленно хочу *ее* видѣть, прошептала она, устремивъ на меня горячій, сильный, нетерпѣливый взглядъ, недопускающій и тѣни противорѣчія; — я должна *ее* видѣть собственными глазами и прошу вашей помощи.

Она была въ совершенномъ изступленіи и — въ отчаяніи.

— Кого вы желаете видѣть, Лизавета Николаевна? освѣдомился я въ испугѣ.

— Эту Лебядкину, эту хромую... Правда, что она хромая?

Я былъ пораженъ.

— Я никогда не видалъ ея, но я слышалъ, что она хромая, вчера еще слышалъ, лепеталъ я съ торопливою готовностію и тоже шепотомъ.

— Я должна ее видѣть непремѣнно. Могли-бы вы это устроить сегодня-же?

Мнѣ стало ужасно ее жалко.

— Это невозможно и къ тому-же я совершенно не понималъ-бы какъ это сдѣлать, началъ было я уговаривать, — я пойду къ Шатову...

— Если вы не устроите къ завтраму, то я сама къ ней пойду, одна, потому что Маврикій Николаевичъ отказался. Я надѣюсь только на васъ и больше у меня нѣтъ никого; я глупо говорила съ Шатовымъ... Я увѣрена, что вы совершенно честный и, можетъ быть, преданный мнѣ человѣкъ, только устройте.

У меня явилось страстное желаніе помочь ей во всемъ.

— Вотъ что я сдѣлаю, подумалъ я капельку, — я пойду самъ и сегодня навѣрно, *навѣрно* ее увижу! Я такъ сдѣлаю, что увижу, даю вамъ честное слово; но только — позвольте мнѣ ввѣриться Шатову.

— Скажите ему, что у меня такое желаніе и что я больше ждать не могу, но что я его сейчасъ не обманывала. Онъ, можетъ быть, ушелъ потому, что онъ очень честный и ему не понравилось, что я какъ будто обманывала. Я не обманывала, я въ самомъ дѣлѣ хочу издавать и основать типографію...

— Онъ честный, честный, подтверждалъ я съ жаромъ.

— Впрочемъ, если къ завтраму не устроится, то я сама пойду, что-бы ни вышло и хотя-бы всѣ узнали.

— Я раньше какъ къ тремъ часамъ не могу у васъ завтра быть, замѣтилъ я нѣсколько опомнившись.

— Стало быть, въ три часа. Стало быть, правду я предположила вчера у Степана Трофимовича, что вы — нѣсколько преданный мнѣ человѣкъ? улыбнулась она, торопливо пожимая мнѣ на прощаньи руку и спѣша къ оставленному Маврикію Николаевичу.

Я вышелъ подавленный моимъ обѣщаніемъ и непонималъ, что такое произошло. Я видѣлъ женщину въ настоящемъ отчаяніи, не побоявшуюся скомпрометтировать себя довѣренностію почти къ незнакомому ей человѣку. Ея женственная улыбка въ такую трудную для нея минуту и намекъ, что она уже замѣтила вчера мои чувства, точно рѣзнулъ меня по сердцу; но мнѣ было жалко, жалко, — вотъ и все! Секреты ея стали для меня вдругъ чѣмъ-то священнымъ и если-бы даже мнѣ стали открывать ихъ теперь, то я-бы, кажется, заткнулъ уши и не захотѣлъ слушать ничего дальше. Я только нѣчто предчувствовалъ... И, однако-жь, я совершенно не понималъ какимъ образомъ я что нибудь туть устрою. Мало того, я всетаки и теперь не зналъ, что именно надо устроить: свиданье, но какое свиданье? Да и какъ ихъ свести? Вся надежда была на Шатова, хотя я и могъ знать заранѣе, что онъ ни въ чемъ не поможетъ. Но я всетаки бросился къ нему.

IV.

Только вечеромъ, уже въ восьмомъ часу, я засталъ его дома. Къ удивленію моему, у него сидѣли гости — Алексѣй Нилычъ и еще одинъ полузнакомый мнѣ господинъ, нѣкто Шигалевъ, родной братъ жены Виргинскаго.

Этотъ Шигалевъ, должно быть, уже мѣсяца два какъ гостилъ у насъ въ городѣ; не знаю откуда пріѣхалъ; я слышалъ про него только, что онъ напечаталъ въ одномъ прогрессивномъ петербургскомъ журналѣ какую-то статью. Виргинскій познакомилъ меня съ нимъ случайно, на улицѣ. Въ жизнь мою я не видалъ въ лицѣ человѣка такой мрачности, нахмуренности и пасмурности. Онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто ждалъ разрушенія міра, и не то чтобы когда нибудь, по пророчествамъ, которыя могли-бы и не состояться, а совершенно опредѣленно, такъ этакъ послѣ завтра утромъ, ровно въ двадцать пять минутъ одиннадцатаго. Мы, впрочемъ, тогда почти ни слова и не сказали, а только пожали другъ другу руки съ видомъ двухъ заговорщиковъ. Всего болѣе поразили меня его уши неестественной величины, длинныя, широкія и толстыя, какъ-то особенно врознь торчавшія. Движенія его были неуклюжи и медленны. Если Липутинъ и мечталъ когда нибудь что фаланстера могла-бы осуществиться въ нашей губерніи, то этотъ навѣрное зналъ день и часъ когда это сбудется. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе зловѣщее; встрѣтивъ-же его у Шатова теперь, я подивился, тѣмъ болѣе, что Шатовъ и вообще былъ до гостей не охотникъ.

Еще съ лѣстницы слышно было, что они разговариваютъ очень громко, всѣ трое разомъ, и, кажется, спорятъ; но только что я появился, всѣ замолчали. Они спорили стоя, а теперь вдругъ всѣ сѣли, такъ что и я долженъ былъ сѣсть. Глупое молчаніе не нарушалось минуты три полныхъ. Шигалевъ хотя и узналъ меня, но сдѣлалъ видъ что не знаетъ, и навѣрно не по враждѣ, а такъ. Съ Алексѣемъ Нилычемъ мы слегка раскланялись, но молча и почему-то не пожали другъ другу руки. Шигалевъ началъ, наконецъ, смотрѣть на меня строго и нахмуренно, съ самою наивною увѣренностію, что я вдругъ встану и уйду. Наконецъ, Шатовъ привсталъ со стула, и всѣ тоже вдругъ вскочили. Они вышли не прощаясь, только Шигалевъ уже въ дверяхъ сказалъ провожавшему Шатову:

— Помните, что вы обязаны отчетомъ.

— Наплевать на ваши отчеты и никакому чорту я не обязанъ, проводилъ его Шатовъ и заперъ дверь на крюкъ.

— Кулики! сказалъ онъ, поглядѣвъ на меня и какъ-то криво усмѣхнувшись.

Лицо у него было сердитое, и странно мнѣ было, что онъ самъ заговорилъ. Обыкновенно случалось прежде, всегда, когда я заходилъ къ нему (впрочемъ, очень рѣдко), что онъ нахмуренно садился въ уголъ, сердито отвѣчалъ и только послѣ долгаго времени совершенно оживлялся и начиналъ говорить съ удовольствіемъ. Зато, прощаясь, опять, всякій разъ, непремѣнно нахмуривался и выпускалъ васъ точно выживалъ отъ себя своего личнаго непріятеля.

— Я у этого Алексѣя Нилыча вчера чай пилъ, замѣтилъ я; — онъ, кажется, помѣшанъ на атеизмѣ.

— Русскій атеизмъ никогда дальше каламбура не заходилъ, проворчалъ Шатовъ, вставляя новую свѣчку вмѣсто прежняго огарка.

— Нѣтъ, этотъ, мнѣ показалось, не каламбурщикъ, онъ и просто говорить, кажется, не умѣетъ, не то что каламбурить.

— Люди изъ бумажки; отъ лакейства мысли все это, спокойно замѣтилъ Шатовъ, присѣвъ въ углу на стулѣ и упершись обѣими ладонями въ колѣни.

— Ненависть тоже тутъ есть, произнесъ онъ, помолчавъ съ минуту; — они первые были-бы страшно несчастливы, если-бы Россія какъ нибудь вдругъ перестроилась, хотя-бы даже на ихъ ладъ, и какъ нибудь вдругъ стала безмѣрно богата и счастлива. Некого было-бы имъ тогда ненавидѣть, не на кого плевать, не надъ чѣмъ издѣваться! Тутъ одна только животная, безконечная ненависть къ Россіи, въ организмъ въѣвшаяся... И никакихъ невидимыхъ міру слезъ изъ-подъ видимаго смѣха тутъ нѣту! Никогда еще не было сказано на Руси болѣе фальшиваго слова, какъ про эти

незримыя слезы! вскричалъ онъ почти съ яростью.

— Ну ужь это вы Богъ знаетъ что! засмѣялся я.

— А вы — «умѣренный либералъ», усмѣхнулся и Шатовъ.— Знаете, подхватилъ онъ вдругъ, — я, можетъ, и сморозилъ про «лакейство мысли»; вы вѣрно мнѣ тотчасъ-же скажете: «Это ты родился отъ лакея, а я не лакей».

— Вовсе я не хотѣлъ сказать... что вы!

— Да вы не извиняйтесь, я васъ не боюсь. Тогда я только отъ лакея родился, а теперь и самъ сталъ лакеемъ, такимъ-же, какъ и вы. Нашъ русскій либералъ прежде всего лакей и только и смотритъ, какъ-бы кому нибудь сапоги вычистить.

— Какіе сапоги? Что за аллегорія!

— Какая тутъ аллегорія! Вы, я вижу, смѣетесь... Степанъ Трофимовичъ правду сказалъ, что я подъ камнемъ лежу, раздавленъ, да не задавленъ и только корчусь; это онъ хорошо сравнилъ.

— Степанъ Трофимовичъ увѣряетъ, что вы помѣшались на нѣмцахъ, смѣялся я,— мы съ нѣмцевъ все-же что нибудь да стащили себѣ въ карманъ.

— Двугривенный взяли, а сто рублей своихъ отдали.

Съ минуту мы помолчали.

— А это онъ въ Америкѣ себѣ належалъ.

— Кто? Что належалъ?

— Я про Кирилова. Мы съ нимъ тамъ четыре мѣсяца въ избѣ на полу пролежали.

— Да развѣ вы ѣздили въ Америку? удивился я;—вы никогда не говорили.

— Чего разсказывать. Третьяго года мы отправились втроемъ на эмигрантскомъ пароходѣ въ Американскіе Штаты на послѣднія деньжишки, «чтобы испробовать на себѣ жизнь американскаго рабочаго и такимъ образомъ *личнымъ* опытомъ провѣрить на себѣ состояніе человѣка въ самомъ тяжеломъ его общественномъ положеніи». Вотъ съ какою цѣлью мы отправились.

— Господи! засмѣялся я, — да вы-бы лучше для этого куда нибудь въ губернію нашу отправились въ страдную пору, «чтобъ испытать личнымъ опытомъ», а то понесло въ Америку!

— Мы тамъ нанялись въ работники къ одному эксплуататору; всѣхъ насъ русскихъ собралось у него человѣкъ шесть,— студенты, даже помѣщики изъ своихъ помѣстій, даже офицеры были, и все съ тою-же величественною цѣлью. Ну и работали, мокли, мучились, уставали, наконецъ, я и Кириловъ ушли—заболѣли, не выдержали. Эксплуататоръ-хозяинъ насъ при разсчетѣ обсчиталъ, вмѣсто тридцати долларовъ по условію, заплатилъ мнѣ восемь, а ему пятнадцать; тоже и бивали насъ тамъ не разъ. Ну тутъ-то безъ работы мы и пролежали съ Кириловымъ въ городишкѣ на полу четыре мѣсяца рядомъ; онъ объ одномъ думалъ, а я о другомъ.

— Неужто хозяинъ васъ билъ, это въ Америкѣ-то? Ну, какъ, должно быть, вы ругали его!

— Ничуть. Мы, напротивъ, тотчасъ рѣшили съ Кириловымъ, что «мы, русскіе, предъ американцами маленькіе ребятишки, и нужно родиться въ Америкѣ или, по крайней мѣрѣ, сжиться долгими годами съ американцами, чтобы стать съ ними въ уровень». Да что: когда съ насъ за копѣечную вещь спрашивали по доллару, то мы платили не только съ удовольствіемъ, но даже съ увлеченіемъ. Мы все хвалили: спиритизмъ, законъ Линча, револьверы, бродягъ. Разъ мы ѣдемъ, а человѣкъ полѣзъ въ мой карманъ, вынулъ мою головную щетку и сталъ причесываться; мы только переглянулись съ Кириловымъ и рѣшили, что это хорошо и что это намъ очень нравится...

— Странно, что это у насъ не только заходитъ въ голову, но и исполняется, замѣтилъ я.

— Люди изъ бумажки, повторилъ Шатовъ.

— Но, однако-жь, переплывать океанъ на эмигрантскомъ пароходѣ, въ неизвѣстную землю, хотя-бы и съ цѣлью «узнать личнымъ опытомъ» и т. д. — въ этомъ ей Богу есть какъ будто какая-то великодушная твердость... Да какъ-же вы оттуда выбрались?

— Я къ одному человѣку въ Европу написалъ, и онъ мнѣ прислалъ сто рублей.

Шатовъ, разговаривая, все время, по

обычаю своему, упорно смотрѣлъ въ землю, даже когда и горячился. Тутъ-же вдругъ поднялъ голову:

— А хотите знать имя человѣка?

— Кто-же таковъ?

— Николай Ставрогинъ.

Онъ вдругъ всталъ, повернулся къ своему липовому письменному столу и началъ на немъ что-то шарить. У насъ ходилъ неясный, но достовѣрный слухъ, что жена его нѣкоторое время находилась въ связи съ Николаемъ Ставрогинымъ въ Парижѣ и именно года два тому назадъ, значитъ, когда Шатовъ былъ въ Америкѣ,—правда, уже давно послѣ того какъ оставила его въ Женевѣ. «Если такъ, то зачѣмъ-же его дернуло теперь съ именемъ вызваться и размазывать?» подумалось мнѣ.

— Я еще ему до сихъ поръ не отдалъ, оборотился онъ ко мнѣ вдругъ опять и, поглядѣвъ на меня пристально, усѣлся на прежнее мѣсто въ углу и отрывисто спросилъ совсѣмъ уже другимъ голосомъ:

— Вы, конечно, зачѣмъ-то пришли; что̀ вамъ надо?

Я тотчасъ-же разсказалъ все, въ точномъ историческомъ порядкѣ, и прибавилъ, что хоть я теперь и успѣлъ одуматься послѣ давешней горячки, но еще болѣе спутался: понялъ, что тутъ что-то очень важное для Лизаветы Николаевны, крѣпко желалъ-бы помочь, но вся бѣда въ томъ, что не только не знаю, какъ сдержать данное ей обѣщаніе, но даже не понимаю теперь, что именно ей обѣщалъ. Затѣмъ внушительно подтвердилъ ему еще разъ, что она не хотѣла и не думала его обманывать, что тутъ вышло какое-то недоразумѣніе и что она очень огорчена его необыкновеннымъ давешнимъ уходомъ.

Онъ очень внимательно выслушалъ.

— Можетъ быть, я, по моему обыкновенію, дѣйствительно давеча глупость сдѣлалъ... Ну, если она сама не поняла, отчего я такъ ушелъ, такъ... ей-же лучше.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и сталъ слушать на лѣстницу.

— Вы желаете эту особу сами увидѣть?

— Этого-то и надо, да какъ это сдѣлать? вскочилъ я, обрадовавшись.

— А просто пойдемте, пока одна сидитъ. Онъ придетъ, такъ изобьетъ ее, коли узнаетъ, что мы приходили. Я часто хожу потихоньку. Я его давеча прибилъ, когда онъ опять ее бить началъ.

— Что̀ вы это?

— Именно; за волосы отъ нея отволокъ; онъ было хотѣлъ меня за это отколотить, да я испугалъ его, тѣмъ и кончилось. Боюсь, пьяный воротится, припомнитъ — крѣпко ее за то исколотитъ.

Мы тотчасъ-же сошли внизъ.

V.

Дверь къ Лебядкинымъ была только притворена, а не заперта, и мы вошли свободно. Все помѣщеніе ихъ состояло изъ двухъ гаденькихъ небольшихъ комнатокъ, съ закоптѣлыми стѣнами, на которыхъ буквально висѣли клочьями грязные обои. Тутъ когда-то нѣсколько лѣтъ содержалась харчевня, пока хозяинъ Филипповъ не перенесъ ее въ новый домъ. Остальныя, бывшія подъ харчевней комнаты, были теперь заперты, а эти двѣ достались Лебядкину. Мебель состояла изъ простыхъ лавокъ и тесовыхъ столовъ, кромѣ одного лишь стараго кресла безъ ручки. Во второй комнатѣ, въ углу, стояла кровать подъ ситцевымъ одѣяломъ, принадлежавшая m-lle Лебядкиной, самъ-же капитанъ, ложась на ночь, валился каждый разъ на полъ, нерѣдко въ чемъ былъ. Вездѣ было накрошено, насорено, намочено; большая, толстая, вся мокрая тряпка лежала въ первой комнатѣ посреди пола и тутъ-же въ той-же лужѣ старый истоптанный башмакъ. Видно было, что тутъ никто ничѣмъ не занимается; печи не топятся, кушанье не готовится; самовара даже у нихъ не было, какъ подробнѣе разсказалъ Шатовъ. Капитанъ пріѣхалъ съ сестрой совершенно нищимъ и, какъ говорилъ Липутинъ, дѣйствительно сначала ходилъ по инымъ домамъ побираться; но, получивъ неожиданно деньги, тотчасъ-же запилъ и совсѣмъ ошалѣлъ отъ вина, такъ что ему было уже не до хозяйства.

М-lle Лебядкина, которую я такъ желалъ видѣть, смирно и не слышно сидѣла

во второй комнатѣ въ углу, за тесовымъ кухоннымъ столомъ, на лавкѣ. Она насъ не окликнула когда мы отворяли дверь, не двинулась даже съ мѣста. Шатовъ говорилъ, что у нихъ и дверь не запирается, а однажды такъ настежь въ сѣни всю ночь и простояла. При свѣтѣ тусклой тоненькой свѣчки въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, я разглядѣлъ женщину лѣтъ, можетъ быть, тридцати, болѣзненно худощавую, одѣтую въ темное старенькое ситцевое платье, съ ничѣмъ не прикрытою длинною шеей и съ жиденькими темными волосами, свернутыми на затылкѣ въ узелокъ, толщиной въ кулачокъ двухлѣтняго ребенка. Она посмотрѣла на насъ довольно весело; кромѣ подсвѣчника, предъ нею на столѣ находилось маленькое деревенское зеркальце, старая колода картъ, истрепанная книжка какого-то пѣсенника и нѣмецкая бѣлая булочка, отъ которой было уже разъ или два откушено. Замѣтно было, что m-lle Лебядкина бѣлится и румянится и губы чѣмъ-то мажетъ. Сурмитъ тоже брови и безъ того длинныя, тонкія и темныя. На узкомъ и высокомъ лбу ея, не смотря на бѣлила, довольно рѣзко обозначались три длинныя морщинки. Я уже зналъ, что она хромая, но въ этотъ разъ при насъ она не вставала и не ходила. Когда нибудь, въ первой молодости, это исхудавшее лицо могло быть и не дурнымъ; но тихіе, ласковые, сѣрые глаза ея были и теперь еще замѣчательны; что-то мечтательное и искреннее свѣтилось въ ея тихомъ, почти радостномъ взглядѣ. Эта тихая, спокойная радость, выражавшаяся и въ улыбкѣ ея, удивила меня послѣ всего, что я слышалъ о казацкой ногайкѣ и о всѣхъ безчинствахъ братца. Странно, что вмѣсто тяжелаго и даже боязливаго отвращенія, ощущаемаго обыкновенно въ присутствіи всѣхъ подобныхъ, наказанныхъ Богомъ существъ—мнѣ стало почти пріятно смотрѣть на нее, съ первой-же минуты, и только развѣ жалость, но отнюдь не отвращеніе, овладѣла мною потомъ.

— Вотъ такъ и сидитъ, и буквально по цѣлымъ днямъ одна одинешенька, и не двинется, гадаетъ или въ зеркальце смотрится, — указалъ мнѣ на нее съ порога Шатовъ,—онъ вѣдь ея и не кормитъ. Старуха изъ флигеля принесетъ иной разъ чего нибудь Христа ради; какъ это со свѣчой ее одну оставляютъ!

Къ удивленію моему, Шатовъ говорилъ громко, точно-бы ея и не было въ комнатѣ.

— Здравствуй, Шатушка! привѣтливо проговорила m-lle Лебядкина.

— Я тебѣ, Марья Тимоѳеевна, гостя привелъ, сказалъ Шатовъ.

— Ну, гостю честь и будетъ. Не знаю, кого ты привелъ, что-то не помню этакого, поглядѣла она на меня пристально изъ-за свѣчки и тотчасъ-же опять обратилась къ Шатову (а мною уже больше совсѣмъ не занималась во все время разговора, точно-бы меня и не было подлѣ нея).

— Соскучилось, что̀-ли, одному по свѣтелкѣ шагать? засмѣялась она, при чемъ открылись два ряда превосходныхъ зубовъ ея.

— И соскучилось, и тебя навѣстить захотѣлось.

Шатовъ подвинулъ къ столу скамейку, сѣлъ и меня посадилъ съ собой рядомъ.

— Разговору я всегда рада, только, все-таки, смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, точно ты монахъ. Когда ты чесался-то? Дай я тебя еще причешу, вынула она изъ кармана гребешокъ,— небось съ того раза, какъ я причесала, и не притронулся?

— Да у меня и гребенки-то нѣтъ, засмѣялся Шатовъ.

— Вправду? Такъ я тебѣ свою подарю, не эту, а другую, только напомни.

Съ самымъ серіознымъ видомъ принялась она его причесывать, провела даже сбоку проборъ, откинулась немножко назадъ, поглядѣла хорошо-ли, и положила гребенку опять въ карманъ.

— Знаешь что̀, Шатушка, покачала она головой,— человѣкъ ты, пожалуй, и разсудительный, а скучаешь. Странно мнѣ на всѣхъ васъ смотрѣть; не понимаю я, какъ это люди скучаютъ. Тоска не скука. Мнѣ весело.

— И съ братцемъ весело?

— Это ты про Лебядкина? Онъ мой лакей. И совсѣмъ мнѣ все равно, тутъ онъ, или нѣтъ. Я ему крикну: Лебядкинъ, при-

неси воды, Лебядкинъ, подавай башмаки, онъ и бѣжитъ; иной разъ согрѣшишь, смѣшно на него станетъ.

— И это точь въ точь такъ, опять громко и безъ церемоніи обратился ко мнѣ Шатовъ;— она его третируетъ совсѣмъ какъ лакея; самъ я слышалъ, какъ она кричала ему: «Лебядкинъ, подай воды» и при этомъ хохотала; въ томъ только разница, что онъ не бѣжитъ за водой, а бьетъ ее за это; но она нисколько его не боится. У ней какіе-то припадки нервные, чуть не ежедневные, и ей память отбиваютъ, такъ что она послѣ нихъ все забываетъ, что̀ сейчасъ было, и всегда время перепутываетъ. Вы думаете, она помнитъ какъ мы вошли; можетъ, и помнитъ, но ужь навѣрно передѣлала все по своему и насъ принимаетъ теперь за какихъ нибудь иныхъ, чѣмъ мы есть, хоть и помнитъ, что я Шатушка. Это ничего, что я громко говорю; тѣхъ, которые съ нею говорятъ, она тотчасъ-же перестаетъ слушать и тотчасъ-же бросается мечтать про себя; именно бросается. Мечтательница чрезвычайная; по восьми часовъ, по цѣлому дню сидитъ на мѣстѣ. Вотъ булка лежитъ, она ее, можетъ, съ утра только разъ закусила, а докончитъ завтра. Вотъ въ карты теперь гадать начала...

— Гадаю-то я гадаю, Шатушка, да не то какъ-то выходитъ, подхватила вдругъ Марья Тимоѳеевна, разслышавъ послѣднее словцо и не глядя протянула лѣвую руку къ булкѣ (тоже, вѣроятно, разслышавъ и про булку). Булочку она, наконецъ, захватила, но, продержавъ нѣсколько времени въ лѣвой рукѣ и увлекшись возникшимъ вновь разговоромъ, положила, не примѣчая, опять на столъ, не откусивъ ни разу.

— Все одно выходитъ: дорога, злой человѣкъ, чье-то коварство, смертная постеля, откудова-то письмо, нечаянное извѣстіе — враки все это я думаю, Шатушка, какъ по твоему? Коли люди врутъ, почему картамъ не врать? смѣшала она вдругъ карты.—Это самое я матери Прасковьѣ разъ говорю, почтенная она женщина, забѣгала ко мнѣ все въ келью въ карты погадать, потихоньку отъ мать-игуменьи. Да и не одна она забѣгала. Ахаютъ онѣ, качаютъ головами, судятъ-рядятъ, а я-то смѣюсь: «ну гдѣ вамъ, говорю, мать Прасковья, письмо получить, коли двѣнадцать лѣтъ оно не приходило?» Дочь у ней куда-то въ Турцію мужъ завезъ, и двѣнадцать лѣтъ ни слуху ни духу. Только сижу я это на завтра вечеромъ за чаемъ у мать-игуменьи (княжескаго рода она у насъ), сидитъ у ней какая-то тоже барыня заѣзжая, большая мечтательница, и сидитъ одинъ захожій монашекъ аѳонскій, довольно смѣшной человѣкъ, по моему мнѣнію. Что-жь ты думаешь, Шатушка, этотъ самый монашекъ, въ то самое утро, матери Прасковьѣ изъ Турціи отъ дочери письмо принесъ,—вотъ тебѣ и валетъ бубновый — нечаянное-то извѣстіе! Пьемъ мы это чай, а монашекъ аѳонскій и говоритъ мать-игуменьѣ: «всего болѣе, благословенная мать-игуменья, благословилъ Господь вашу обитель тѣмъ, что такое драгоцѣнное, говоритъ, сокровище сохраняете въ нѣдрахъ ея»,—«Какое это сокровище?» спрашиваетъ мать-игуменья.— «А мать-Лизавету блаженную». А Лизавета эта блаженная въ оградѣ у насъ вдѣлана въ стѣну, въ клѣтку въ сажень длины и въ два аршина высоты, и сидитъ она тамъ за желѣзною рѣшеткой семнадцатый годъ, зиму и лѣто въ одной посконной рубахѣ и все аль соломинкой, али прутикомъ какимъ ни на есть въ рубашку свою, въ холстину тычетъ, и ничего не говоритъ и не чешется и не моется семнадцать лѣтъ. Зимой тулупчикъ просунутъ ей, да каждый день корочку хлѣбца и кружку воды. Богомольцы смотрятъ, ахаютъ, воздыхаютъ, деньги кладутъ. «Вотъ нашли сокровище, отвѣчаетъ мать-игуменья (разсердилась; страхъ не любила Лизавету): Лизавета съ одной только злобы сидитъ, изъ одного своего упрямства, и все одно притворство». Не понравилось мнѣ это; сама я хотѣла тогда затвориться: «А по моему, говорю, Богъ и природа есть все одно». Они мнѣ всѣ въ одинъ голосъ: «вотъ на!» Игуменья разсмѣялась, зашепталась о чемъ-то съ барыней, подозвала меня, приласкала, а барыня мнѣ бантикъ розовый подарила, хочешь покажу? Ну, а монашекъ сталъ мнѣ тутъ-же говорить поученіе, да такъ это ласково и смиренно говорилъ и съ такимъ, надо быть, умомъ; сижу я и слушаю. «Поняла-

ли?» спрашиваетъ. «Нѣтъ, говорю, ничего я не поняла, и оставьте, говорю, меня въ полномъ покоѣ». Вотъ съ тѣхъ поръ они меня одну въ полномъ покоѣ оставили, Шатушка. А тѣмъ временемъ и шепни мнѣ, изъ церкви выходя, одна наша старица, на покаяніи у насъ жила за пророчество: «Богородица что̀ есть, какъ мнишь?» «Великая мать, отвѣчаю, упованіе рода человѣческаго». «Такъ, говоритъ, Богородица — великая мать сыра земля есть, и великая въ томъ для человѣка заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная — радость намъ есть; а какъ напоишь слезами своими подъ собой землю на полъаршина въ глубину, то тотчасъ-же о всемъ и возрадуешься. И никакой, никакой, говоритъ, горести твоей больше не будетъ, таково, говоритъ, есть пророчество». Запало мнѣ тогда это слово. Стала я съ тѣхъ поръ на молитвѣ, творя земной поклонъ, каждый разъ землю цѣловать, сама цѣлую и плачу. И вотъ я тебѣ скажу, Шатушка: ничего-то нѣтъ въ этихъ слезахъ дурнаго; и хотя-бы и горя у тебя никакого не было, все равно слезы твои отъ одной радости побѣгутъ. Сами слезы бѣгутъ, это вѣрно. Уйду я, бывало, на берегъ къ озеру: съ одной стороны нашъ монастырь, а съ другой — наша острая гора, такъ и зовутъ ей горой Острою. Взойду я на эту гору, обращусь я лицомъ къ востоку, припаду къ землѣ, плачу, плачу и не помню, сколько времени плачу, и не помню я тогда и не знаю я тогда ничего. Встану потомъ, обращусь назадъ, а солнце заходитъ, да такое большое, да пышное, да славное,— любишь ты на солнце смотрѣть, Шатушка? Хорошо да грустно. Повернусь я опять назадъ къ востоку, а тѣнь-то, тѣнь-то отъ нашей горы далеко по озеру какъ стрѣла бѣжитъ, узкая, длинная-длинная и на версту дальше, до самаго на озерѣ острова, и тотъ каменный островъ совсѣмъ какъ есть пополамъ его перерѣжетъ, и какъ перерѣжетъ пополамъ, тутъ и солнце совсѣмъ зайдетъ и все вдругъ погаснетъ. Тутъ и я начну совсѣмъ тосковать, тутъ вдругъ и память придетъ, боюсь сумраку, Шатушка. И все больше о своемъ ребеночкѣ плачу...

— А развѣ былъ? подтолкнулъ меня локтемъ Шатовъ, все время чрезвычайно прилежно слушавшій.

— А какже: маленькій, розовенькій, съ крошечными такими ноготочками, и только вся моя тоска въ томъ, что не помню я, мальчикъ аль дѣвочка. То мальчикъ вспомнится, то дѣвочка. И какъ родила я тогда его, прямо въ батистъ да въ кружево завернула, розовыми его ленточками обвязала, цвѣточками обсыпала, снарядила, молитву надъ нимъ сотворила, некрещенаго понесла, и несу это я его черезъ лѣсъ, и боюсь я лѣсу и страшно мнѣ, и всего больше я плачу о томъ, что родила я его, а мужа не знаю.

— А, можетъ, и былъ? осторожно спросилъ Шатовъ.

— Смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, съ своимъ разсужденіемъ. Былъ-то, можетъ, и былъ, да что̀ въ томъ что былъ, коли его все равно что и не было? Вотъ тебѣ и загадка не трудная, отгадай-ка! усмѣхнулась она.

— Куда-же ребенка-то снесла?

— Въ прудъ снесла, вздохнула она.

Шатовъ опять подтолкнулъ меня локтемъ.

— А что коли и ребенка у тебя совсѣмъ не было и все это одинъ только бредъ, а?

— Трудный ты вопросъ задаешь мнѣ, Шатушка, раздумчиво и безо всякаго удивленія такому вопросу отвѣтила она,— на этотъ счетъ я тебѣ ничего не скажу, можетъ, и не было; по моему, одно только твое любопытство; я вѣдь все равно о немъ плакать не перестану, не во снѣ-же я видѣла? И крупныя слезы засвѣтились въ ея глазахъ.—Шатушка, Шатушка, а правда, что жена отъ тебя сбѣжала? положила она ему вдругъ обѣ руки на плечи и жалостливо посмотрѣла на него.— Да ты не сердись, мнѣ вѣдь и самой тошно. Знаешь, Шатушка, я сонъ какой видѣла: приходитъ онъ опять ко мнѣ, манитъ меня, выкликаетъ: «кошечка, говоритъ, моя, кошечка, выйди ко мнѣ!» Вотъ я «кошечкѣ»-то пуще всего и обрадовалась: любитъ, думаю.

— Можетъ, и на яву придетъ, вполголоса пробормоталъ Шатовъ.

— Нѣтъ, Шатушка, это ужь сонъ... не придти ему на яву. Знаешь пѣсню:

Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ,
Я останусь въ этой келейкѣ,
Ужь я стану жить-спасатися,
За тебя Богу молитися.

Охъ, Шатушка, Шатушка, дорогой ты мой, что̀ ты никогда меня ни о чемъ не спросишь?

— Да вѣдь не скажешь, оттого и не спрашиваю.

— Не скажу, не скажу, хоть зарѣжь меня, не скажу, быстро подхватила она, — жги меня, не скажу. И сколько-бы я ни терпѣла, ничего не скажу, не узнаютъ люди!

— Ну, вотъ видишь, всякому, значитъ, свое, еще тише проговорилъ Шатовъ, все больше и больше наклоняя голову.

— А попросилъ-бы, можетъ, и сказала-бы; можетъ и сказала-бы! восторженно повторила она.—Почему не попросишь? Попроси, попроси меня хорошенько, Шатушка, можетъ, я и тебѣ скажу; умоли меня, Шатушка, такъ, чтобъ я сама согласилась... Шатушка, Шатушка!

Но Шатушка молчалъ; съ минуту продолжалось общее молчаніе. Слезы тихо текли по ея набѣленнымъ щекамъ; она сидѣла, забывъ свои обѣ руки на плечахъ Шатова, но уже не смотря на него.

— Э, что̀ мнѣ до тебя, да и грѣхъ, поднялся вдругъ со скамьи Шатовъ.—Привстаньте-ка! сердито дернулъ онъ изъ подъ меня скамью, и, взявъ, поставилъ ее на прежнее мѣсто.

— Придетъ, такъ чтобъ не догадался; а намъ пора.

— Ахъ, ты все про лакея моего! засмѣялась вдругъ Марья Тимоѳеевна,—боишься! Ну, прощайте, добрые гости; а послушай одну минутку что̀ я скажу. Давеча пришелъ это сюда этотъ Нилычъ съ Филипповымъ, съ хозяиномъ, рыжая бородища, а мой-то на ту пору на меня налетѣлъ. Какъ хозяинъ-то схватитъ его, какъ дернетъ по комнатѣ, а мой-то кричитъ: «Не виноватъ, за чужую вину терплю!» Такъ вѣришь-ли, всѣ мы какъ были, такъ и покатились со смѣху...

— Эхъ, Тимоѳеевна, да вѣдь это я былъ замѣсто рыжей-то бороды, вѣдь это я его давеча за волосы отъ тебя отволокъ; а хозяинъ къ вамъ третьяго дня приходилъ, браниться съ вами, ты и смѣшала.

— Постой, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ смѣшала, можетъ, и ты. Ну, чего спорить о пустякахъ: не все-ли ему равно кто его оттаскаетъ, засмѣялась она.

— Пойдемте, вдругъ дернулъ меня Шатовъ,—ворота заскрипѣли; застанетъ насъ, изобьетъ ее.

И не успѣли мы еще вбѣжать на лѣстницу, какъ раздался въ воротахъ пьяный крикъ и посыпались ругательства. Шатовъ, впустивъ меня къ себѣ, заперъ дверь на замокъ...

— Посидѣть вамъ придется съ минуту, если не хотите исторіи. Вишь кричитъ какъ поросенокъ, должно быть, опять за порогъ зацѣпился; каждый-то разъ растянется.

Безъ исторіи, однако, не обошлось.

VI.

Шатовъ стоялъ у запертой своей двери и прислушивался на лѣстницу; вдругъ отскочилъ.

— Сюда идетъ, я такъ и зналъ! яростно прошепталъ онъ,—пожалуй, до полночи теперь не отвяжется.

Раздалось нѣсколько сильныхъ ударовъ кулакомъ въ двери.

— Шатовъ, Шатовъ, отопри! завопилъ капитанъ,—Шатовъ, другъ!..

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Р-разсказать что солнце встало.
Что оно гор-р-рьячимъ свѣтомъ
По... лѣсамъ... затр-р-репетало.
Разсказать тебѣ что я проснулся, чортъ тебя дери,
Весь пр-роснулся подъ... вѣтвями...

Точно подъ розгами, ха-ха!

Каждая птичка... проситъ жажды.
Разсказать что пить я буду,
Пить... не знаю пить что буду.

Ну да и чортъ побери съ глупымъ любопытствомъ! Шатовъ, понимаешь-ли ты, какъ хорошо жить на свѣтѣ!

— Не отвѣчайте, шепнулъ мнѣ опять Шатовъ.

— Отвори-же! Понимаешь-ли ты, что есть нѣчто высшее чѣмъ драка... между человѣчествомъ; есть минуты блага-а-роднаго лица... Шатовъ, я добръ; я прощу тебя... Шатовъ, къ чорту прокламаціи, а?

Молчаніе.

— Понимаешь-ли ты, оселъ, что я влюбленъ, я фракъ купилъ, посмотри, фракъ любви, пятнадцать цѣлковыхъ; капитанская любовь требуетъ свѣтскихъ приличій... Отвори! дико заревѣлъ онъ вдругъ и неистово застучалъ опять кулаками.

— Убирайся къ чорту! заревѣлъ вдругъ и Шатовъ.

— Р-р-рабъ! Рабъ крѣпостной, и сестра твоя раба и рабыня... вор-ровка!

— А ты свою сестру продалъ.

— Врешь! Терплю напраслину, когда могу однимъ объясненіемъ... понимаешь-ли, кто она такова?

— Кто? съ любопытствомъ подошелъ вдругъ къ дверямъ Шатовъ.

— Да ты понимаешь-ли?

— Да ужь пойму, ты скажи кто?

— Я смѣю сказать! Я всегда все смѣю въ публикѣ сказать!..

— Ну наврядъ смѣешь, поддразнилъ Шатовъ и кивнулъ мнѣ головой, чтобъ я слушалъ.

— Не смѣю?

— По моему, не смѣешь.

— Не смѣю?

— Да ты говори, если барскихъ розогъ не боишься... Ты вѣдь трусъ, а еще капитанъ!

— Я... я... она... она есть... залепеталъ капитанъ дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Ну? подставилъ ухо Шатовъ.

Наступило молчаніе, по крайней мѣрѣ, на полминуты.

— Па-а-адлецъ! раздалось, наконецъ, за дверью, и капитанъ быстро отретировался внизъ, пыхтя какъ самоваръ, съ шумомъ оступаясь на каждой ступени.

— Нѣтъ, онъ хитеръ, и пьяный не проговорится, отошелъ отъ двери Шатовъ.

— Что-же это такое? спросилъ я.

Шатовъ махнулъ рукой, отперъ дверь и сталъ опять слушать на лѣстницу; долго слушалъ, даже сошелъ внизъ потихоньку нѣсколько ступеней. Наконецъ, воротился.

— Не слыхать ничего, не дрался; значитъ, прямо повалился дрыхнуть. Вамъ пора идти.

— Послушайте, Шатовъ, что-же мнѣ теперь заключить изо всего этого?

— Э, заключайте что хотите! отвѣтилъ онъ усталымъ и брезгливымъ голосомъ, и сѣлъ за свой письменный столъ.

Я ушелъ. Одна невѣроятная мысль все болѣе и болѣе укрѣплялась въ моемъ воображеніи. Съ тоской думалъ я о завтрашнемъ днѣ...

VII.

Этотъ «завтрашній день», то есть то самое воскресенье, въ которое должна была уже безвозвратно рѣшиться участь Степана Трофимовича, былъ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ дней въ моей хроникѣ. Это былъ день неожиданностей, день развязокъ прежняго и завязокъ новаго, рѣзкихъ разъясненій и еще пущей путаницы. Утромъ, какъ уже извѣстно читателю, я обязанъ былъ сопровождать моего друга къ Варварѣ Петровнѣ, по ея собственному назначенію а въ три часа пополудни я уже долженъ былъ быть у Лизаветы Николаевны, чтобы разсказать ей—я самъ не зналъ о чемъ, и способствовать ей—самъ не зналъ въ чемъ. И между тѣмъ все разрѣшилось такъ, какъ никто-бы не предположилъ. Однимъ словомъ, это былъ день удивительно сошедшихся случайностей.

Началось съ того, что мы со Степаномъ Трофимовичемъ, явившись къ Варварѣ Петровнѣ ровно въ двѣнадцать часовъ, какъ она назначила, не застали ее дома; она еще не возвращалась отъ обѣдни. Бѣдный другъ мой былъ такъ настроенъ или, лучше сказать, такъ разстроенъ, что это обстоятельство тотчасъ-же сразило его; почти въ безсиліи опустился онъ на кресло въ гостиной. Я предложилъ ему стаканъ воды; но не смотря на блѣдность свою и даже на дрожь въ рукахъ, онъ съ достоинствомъ отказался. Кстати костюмъ его отличался на этотъ разъ необыкновенною изысканностію: почти бальное, батистовое съ вышивкой бѣлье, бѣлый галстукъ, новая шляпа въ рукахъ, свѣжія соломеннаго цвѣта перчатки и даже, чуть-чуть, духи. Только что мы усѣлись, вошелъ Шатовъ, введенный камердинеромъ, ясное дѣло, тоже по оффиціальному приглашенію. Степанъ

Трофимовичъ привсталъ было протянуть ему руку, но Шатовъ, посмотрѣвъ на насъ обоихъ внимательно, поворотилъ въ уголъ, усѣлся тамъ и даже не кивнулъ намъ головой. Степанъ Трофимовичъ опять испуганно поглядѣлъ на меня.

Такъ просидѣли мы еще нѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи. Степанъ Трофимовичъ началъ было вдругъ мнѣ что-то очень скоро шептать, но я не разслушалъ; да и самъ онъ отъ волненія не докончилъ и бросилъ. Вошелъ еще разъ камердинеръ поправить что-то на столѣ; а вѣрнѣе— поглядѣть на насъ. Шатовъ вдругъ обратился къ нему съ громкимъ вопросомъ:

— Алексѣй Егорычъ, не знаете, Дарья Павловна съ ней отправилась?

— Варвара Петровна изволили поѣхать въ соборъ однѣ-съ, а Дарья Павловна изволили остаться у себя на верху, и не такъ здоровы-съ, назидательно и чинно доложилъ Алексѣй Егорычъ.

Бѣдный другъ мой опять бѣгло и тревожно со мной переглянулся, такъ что я, наконецъ, сталъ отъ него отворачиваться. Вдругъ у подъѣзда прогремѣла карета и нѣкоторое отдаленное движеніе въ домѣ возвѣстило намъ, что хозяйка воротилась. Всѣ мы привскочили съ креселъ, но опять неожиданность: послышался шумъ многихъ шаговъ, значило, что хозяйка возвратилась не одна, а это дѣйствительно было уже нѣсколько странно, такъ какъ сама она назначила намъ этотъ часъ. Послышалось, наконецъ, что кто-то входилъ до странности скоро, точно бѣжалъ, а такъ не могла входить Варвара Петровна. И вдругъ она почти влетѣла въ комнату запыхавшись и въ чрезвычайномъ волненіи. За нею, нѣсколько пріотставъ и гораздо тише, вошла Лизавета Николаевна, а съ Лизаветой Николаевной рука въ руку — Марья Тимоѳеевна Лебядкина! Если-бъ я увидѣлъ это во снѣ, то и тогда-бы не повѣрилъ.

Чтобъ объяснить эту совершенную неожиданность, необходимо взять часомъ назадъ и разсказать подробнѣе о необыкновенномъ приключеніи, происшедшемъ съ Варварой Петровной въ соборѣ.

Во первыхъ, къ обѣднѣ собрался почти весь городъ, то есть, разумѣя высшій слой нашего общества. Знали, что пожалуетъ губернаторша, въ первый разъ послѣ своего къ намъ прибытія. Замѣчу, что у насъ уже пошли слухи о томъ, что она вольнодумка и «новыхъ правилъ». Всѣмъ дамамъ извѣстно было тоже, что она великолѣпно и съ необыкновеннымъ изяществомъ будетъ одѣта; а потому наряды нашихъ дамъ отличались на этотъ разъ изысканностью и пышностью. Одна лишь Варвара Петровна была скромно и по всегдашнему одѣта во все черное; такъ безсмѣнно одѣвалась она въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Прибывъ въ соборъ, она помѣстилась на обычномъ своемъ мѣстѣ, налѣво, въ первомъ ряду, и ливрейный лакей положилъ предъ нею бархатную подушку для колѣнопреклоненій, однимъ словомъ, все по обыкновенному. Но замѣтили тоже, что на этотъ разъ она, во все продолженіе службы, какъ-то чрезвычайно усердно молилась; увѣряли даже потомъ, когда все припомнили, что даже слезы стояли въ глазахъ ея. Кончилась, наконецъ, обѣдня, и нашъ протоіерей, отецъ Павелъ, вышелъ сказать торжественную проповѣдь. У насъ любили его проповѣди и цѣнили ихъ высоко; уговаривали его даже напечатать, но онъ все не рѣшался. На этотъ разъ проповѣдь вышла какъ-то особенно длинна.

И вотъ, во время уже проповѣди подкатила къ собору одна дама на легковыхъ извощичьихъ дрожкахъ прежняго фасона, то есть на которыхъ дамы могли сидѣть только сбоку, придерживаясь за кушакъ извощика и колыхаясь отъ толчковъ экипажа какъ полевая былинка отъ вѣтра. Эти ваньки въ нашемъ городѣ до сихъ поръ еще разъѣзжаютъ. Остановясь у угла собора, — ибо у вратъ стояло множество экипажей и даже жандармы, — дама соскочила съ дрожекъ и подала ванькѣ четыре копѣйки серебромъ.

— Что-жь, мало развѣ, Ваня! вскрикнула она, увидавъ его гримасу, — у меня все что̀ есть, прибавила она жалобно.

— Ну, да Богъ съ тобой, не рядясь садилъ, махнулъ рукой ванька и поглядѣлъ на нее какъ-бы думая: «Да и грѣхъ тебя обижать-то»; затѣмъ, сунувъ за пазуху ко-

жаный кошель, тронулъ лошадь и укатилъ, напутствуемый насмѣшками близь стоявшихъ извощиковъ. Насмѣшки и даже удивленіе сопровождали и даму все время, пока она пробиралась къ соборнымъ вратамъ между экипажами и ожидавшимъ скораго выхода господъ лакействомъ. Да и дѣйствительно было что-то необыкновенное и неожиданное для всѣхъ въ появленіи такой особы вдругъ откуда-то на улицѣ среди народа. Она была болѣзненно худа и прихрамывала, крѣпко набѣлена и нарумянена, съ совершенно оголенною длинною шеей, безъ платка, безъ бурнуса, въ одномъ только старенькомъ, темномъ платьѣ, не смотря на холодный и вѣтреный, хотя и ясный сентябрьскій день; съ совершенно открытою головой, съ волосами, подвязанными въ крошечный узелокъ на затылкѣ, въ которые съ праваго боку воткнута была одна только искусственная роза, изъ такихъ, которыми украшаютъ вербныхъ херувимовъ. Такого вербнаго херувима въ вѣнкѣ изъ бумажныхъ розъ я именно замѣтилъ вчера въ углу, подъ образами, когда сидѣлъ у Марьи Тимоѳеевны. Къ довершенію всего, дама шла, хоть и скромно опустивъ глаза, но въ тоже время весело и лукаво улыбаясь. Если-бъ она еще капельку промедлила, то ее-бы, можетъ быть, и не пропустили въ соборъ... Но она успѣла проскользнуть, а войдя во храмъ, протиснулась незамѣтно впередъ.

Хотя проповѣдь была на половинѣ, и вся сплошная толпа, наполнявшая храмъ, слушала ее съ полнымъ и беззвучнымъ вниманіемъ, но всетаки нѣсколько глазъ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ покосились на вошедшую. Она упала на церковный помостъ, склонивъ на него свое набѣленое лицо, лежала долго и, повидимому, плакала; но, поднявъ опять голову и привставъ съ колѣнъ, очень скоро оправилась и развлеклась. Весело, съ видимымъ чрезвычайнымъ удовольствіемъ, стала скользить она глазами по лицамъ, по стѣнамъ собора; съ особеннымъ любопытствомъ вглядывалась въ иныхъ дамъ, приподымаясь для этого даже на цыпочки, и даже раза два засмѣялась, какъ-то странно при этомъ хихикая. Но проповѣдь кончилась и вынесли крестъ. Губернаторша пошла къ кресту первая, но, не дойдя двухъ шаговъ, пріостановилась, видимо желая уступить дорогу Варварѣ Петровнѣ, съ своей стороны подходившей слишкомъ ужь прямо и какъ-бы не замѣчая никого впереди себя. Необычайная учтивость губернаторши, безъ сомнѣнія, заключала въ себѣ явную и остроумную въ своемъ родѣ колкость; такъ всѣ поняли; такъ поняла, должно быть, и Варвара Петровна; но по прежнему никого не замѣчая и съ самымъ непоколебимымъ видомъ достоинства приложилась она ко кресту и тотчасъ-же направилась къ выходу. Ливрейный лакей расчищалъ предъ ней дорогу, хотя и безъ того всѣ разступались. Но у самаго выхода, на паперти, тѣсно сбившаяся кучка людей на мгновеніе загородила путь. Варвара Петровна пріостановилась и, вдругъ странное, необыкновенное существо, женщина съ бумажной розой на головѣ, притиснувшись между людей, опустилась предъ нею на колѣни. Варвара Петровна, которую трудно было чѣмъ нибудь озадачить, особенно въ публикѣ, поглядѣла важно и строго.

Поспѣшу замѣтить здѣсь, по возможности вкратцѣ, что Варвара Петровна, хотя и стала въ послѣдніе годы излишне, какъ говорили, разсчетлива и даже скупенька, но иногда не жалѣла денегъ, собственно на благотворительность. Она состояла членомъ одного благотворительнаго общества въ столицѣ. Въ недавній голодный годъ, она отослала въ Петербургъ, въ главный комитетъ для пріема пособій потерпѣвшимъ, пятьсотъ рублей, и объ этомъ у насъ говорили. Наконецъ, въ самое послѣднее время, предъ назначеніемъ новаго губернатора, она было совсѣмъ уже основала мѣстный дамскій комитетъ для пособія самымъ бѣднѣйшимъ родильницамъ въ городѣ и въ губерніи. У насъ сильно упрекали ее въ честолюбіи; но извѣстная стремительность характера Варвары Петровны и въ тоже время настойчивость чуть не восторжествовали надъ препятствіями; общество почти уже устроилось, а первоначальная мысль все шире и шире развивалась въ восхищенномъ умѣ основательницы: она уже мечтала объ основаніи такого-же

комитета въ Москвѣ, о постепенномъ распространеніи его дѣйствій по всѣмъ губерніямъ. И вотъ, съ внезапною перемѣной губернатора, все пріостановилось; а новая губернаторша, говорятъ, уже успѣла высказать въ обществѣ нѣсколько колкихъ и, главное, мѣткихъ и дѣльныхъ возраженій на счетъ будто-бы непрактичности основной мысли подобнаго комитета, что̀, разумѣется, съ прикрасами, было уже передано Варварѣ Петровнѣ. Одинъ Богъ знаетъ глубину сердецъ, но полагаю, что Варвара Петровна даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ пріостановилась теперь въ самыхъ соборныхъ вратахъ, зная, что мимо должна сейчасъ-же пройдти губернаторша, а затѣмъ и всѣ, и «пусть сама увидитъ, какъ мнѣ все равно, что̀-бы она тамъ ни подумала и что̀-бы ни съострила еще на счетъ тщеславія моей благотворительности. Вотъ-же вамъ всѣмъ!»

— Что̀ вы, милая, о чемъ вы просите? внимательнѣе всмотрѣлась Варвара Петровна въ колѣнопреклоненную предъ нею просительницу. Та глядѣла на нее ужасно оробѣвшимъ, застыдившимся, но почти благоговѣйнымъ взглядомъ и вдругъ усмѣхнулась съ тѣмъ-же страннымъ хихиканьемъ.

— Что̀ она? Кто она?—Варвара Петровна обвела кругомъ присутствующихъ повелительнымъ и вопросительнымъ взглядомъ. Всѣ молчали.

— Вы несчастны? Вы нуждаетесь въ вспоможеніи?

— Я нуждаюсь... я пріѣхала... лепетала «несчастная» прерывавшимся отъ волненія голосомъ. Я пріѣхала только, чтобы вашу ручку поцѣловать... и опять хихикнула. Съ самымъ дѣтскимъ взглядомъ, съ какимъ дѣти ласкаются, что̀ нибудь выпрашивая, потянулась она схватить ручку Варвары Петровны, но какъ-бы испугавшись, вдругъ отдернула свои руки назадъ.

— Только за этимъ и прибыли? улыбнулась Варвара Петровна съ сострадательною улыбкой, но тотчасъ-же быстро вынула изъ кармана свой перламутровый портмоне, а изъ него десятирублевую бумажку и подала незнакомкѣ. Та взяла. Варвара Петровна была очень заинтересована и видимо не считала незнакомку какою нибудь простонародною просительницей.

— Вишь, десять рублей дала, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Ручку-то пожалуйте, лепетала «несчастная», крѣпко прихвативъ пальцами лѣвой руки за уголокъ полученную десятирублевую бумажку, которую свивало вѣтромъ. Варвара Петровна почему-то немного нахмурилась и съ серіознымъ, почти строгимъ видомъ протянула руку; та съ благоговѣніемъ поцѣловала ее. Благодарный взглядъ ея заблисталъ какимъ-то даже восторгомъ. Вотъ въ это-то самое время подошла губернаторша и прихлынула цѣлая толпа нашихъ дамъ и старшихъ сановниковъ. Губернаторша поневолѣ должна была на минутку пріостановиться въ тѣснотѣ; многіе остановились.

— Вы дрожите, вамъ холодно? замѣтила вдругъ Варвара Петровна и, сбросивъ съ себя свой бурнусъ, на лету подхваченный лакеемъ, сняла съ плечъ свою черную (очень не дешевую) шаль и собственными руками окутала обнаженную шею все еще стоявшей на колѣняхъ просительницы.

— Да встаньте-же, встаньте съ колѣнъ, прошу васъ! — Та встала.

— Гдѣ вы живете? Неужели никто наконецъ не знаетъ, гдѣ она живетъ? снова нетерпѣливо оглянулась кругомъ Варвара Петровна. Но прежней кучки уже не было: виднѣлись все знакомыя, свѣтскія лица, разглядывавшія сцену, одни съ строгимъ удивленіемъ, другіе съ лукавымъ любопытствомъ и въ тоже время съ невинною жаждой скандальчика, а третьи начинали даже посмѣиваться.

— Кажется, это Лебядкиныхъ-съ, выискался, наконецъ, одинъ добрый человѣкъ съ отвѣтомъ на запросъ Варвары Петровны, нашъ почтенный и многими уважаемый купецъ Андреевъ, въ очкахъ, съ сѣдою бородой, въ русскомъ платьѣ и съ круглою цилиндрическою шляпой, которую держалъ теперь въ рукахъ; — они у Филипповыхъ въ домѣ проживаютъ, въ Богоявленской улицѣ.

— Лебядкинъ? Домъ Филиппова? Я что-то слышала... благодарю васъ, Никонъ Семенычъ, но кто этотъ Лебядкинъ?

— Капитаномъ прозывается, человѣкъ, надо-бы такъ сказать, неосторожный. А это ужь завѣрное ихъ сестрица. Она, полагать надо, изъ-подъ надзору теперь ушла, сбавивъ голосъ, проговорилъ Никонъ Семеновичъ и значительно взглянулъ на Варвару Петровну.

— Понимаю васъ; благодарю, Никонъ Семенычъ. Вы, милая моя, госпожа Лебядкина?

— Нѣтъ, я не Лебядкина.

— Такъ, можетъ быть, вашъ братъ Лебядкинъ?

— Братъ мой Лебядкинъ.

— Вотъ что̀ я сдѣлаю, я васъ теперь, моя милая, съ собой возьму, а отъ меня васъ уже отвезутъ къ вашему семейству; хотите ѣхать со мной?

— Ахъ, хочу! сплеснула ладошками госпожа Лебядкина.

— Тётя, тётя? Возьмите и меня съ собой къ вамъ! раздался голосъ Лизаветы Николаевны. Замѣчу, что Лизавета Николаевна прибыла къ обѣднѣ вмѣстѣ съ губернаторшей, а Прасковья Ивановна, по предписанію доктора, поѣхала тѣмъ временемъ покататься въ каретѣ, а для развлеченія увезла съ собой и Маврикія Николаевича. Лиза вдругъ оставила губернаторшу и подскочила къ Варварѣ Петровнѣ.

— Милая моя, ты знаешь, я всегда тебѣ рада, но что̀ скажетъ твоя мать? начала было осанисто Варвара Петровна, но вдругъ смутилась, замѣтивъ необычайное волненіе Лизы.

— Тётя, тётя, непремѣнно теперь съ вами,— умоляла Лиза, цѣлуя Варвару Петровну.

— Mais qu'avez vous donc, Lise! съ выразительнымъ удивленіемъ проговорила губернаторша.

— Ахъ, простите, голубчикъ, chère cousine, я къ тётѣ,— на лету повернулась Лиза къ непріятно-удивленной своей chère cousine и поцѣловала ее два раза.

— И maman тоже скажите, чтобы сейчасъ-же пріѣзжала за мной къ тётѣ; maman непремѣнно, непремѣнно хотѣла заѣхать, она давеча сама говорила, я забыла васъ предувѣдомить,—трещала Лиза,— виновата, не сердитесь, Julie... chère cousine... тётя, я готова!

— Если вы, тётя, меня не возьмете, то я за вашею каретой побѣгу и закричу,— быстро и отчаянно прошептала она совсѣмъ на ухо Варварѣ Петровнѣ; хорошо еще, что никто не слыхалъ. Варвара Петровна даже на шагъ отшатнулась и пронзительнымъ взглядомъ посмотрѣла на съумасшедшую дѣвушку. Этотъ взглядъ все рѣшилъ: она непремѣнно положила взять съ собой Лизу!

— Этому надо положить конецъ, вырвалось у ней.—Хорошо, я съ удовольствіемъ беру тебя, Лиза, тотчасъ-же громко прибавила она,—разумѣется, если Юлія Михайловна согласится тебя отпустить, съ открытымъ видомъ и съ прямодушнымъ достоинствомъ повернулась она прямо къ губернаторшѣ.

— О, безъ сомнѣнія, я не захочу лишить ее этого удовольствія, тѣмъ болѣе, что я сама... съ удивительною любезностью залепетала вдругъ Юлія Михайловна, — я сама... хорошо знаю, какая на нашихъ плечикахъ фантастическая всевластная головка (Юлія Михайловна очаровательно улыбнулась)...

— Благодарю васъ чрезвычайно,— отблагодарила вѣжливымъ и осанистымъ поклономъ Варвара Петровна.

— И мнѣ тѣмъ болѣе пріятно,— почти уже съ восторгомъ продолжала свой лепетъ Юлія Михайловна, даже вся покраснѣвъ отъ пріятнаго волненія,— что кромѣ удовольствія быть у васъ, Лизу увлекаетъ теперь такое прекрасное, такое, могу сказать, высокое чувство... состраданіе... (она взглянула на «несчастную»)... и... и на самой паперти храма...

— Такой взглядъ дѣлаетъ вамъ честь, великолѣпно одобрила Варвара Петровна. Юлія Михайловна стремительно протянула свою руку, и Варвара Петровна съ полною готовностью дотронулась до нея своими пальцами. Всеобщее впечатлѣніе было прекрасное, лица нѣкоторыхъ присутствующихъ просіяли удовольствіемъ, показалось нѣсколько сладкихъ и заискивающихъ улыбокъ.

Однимъ словомъ, всему городу вдругъ ясно открылось, что это не Юлія Михайловна пренебрегала до сихъ поръ Варварой Петровной и не сдѣлала ей визита, а сама

Варвара Петровна напротивъ «держала въ границахъ Юлію Михайловну, тогда какъ та пѣшкомъ-бы, можетъ, побѣжала къ ней съ визитомъ, если-бы только была увѣрена, что Варвара Петровна ея не прогонитъ». Авторитетъ Варвары Петровны поднялся до чрезвычайности.

— Садитесь-же, милая, указала Варвара Петровна m-lle Лебядкиной на подъѣхавшую карету; «несчастная» радостно побѣжала къ дверцамъ, у которыхъ подхватилъ ее лакей.

— Какъ! Вы хромаете! вскричала Варвара Петровна совершенно какъ въ испугѣ, и поблѣднѣла. (Всѣ тогда это замѣтили, но не поняли)...

Карета покатилась. Домъ Варвары Петровны находился очень близко отъ собора. Лиза сказывала мнѣ потомъ, что Лебядкина смѣялась истерически всѣ эти три минуты переѣзда, а Варвара Петровна сидѣла «какъ будто въ какомъ-то магнетическомъ снѣ», собственное выраженіе Лизы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Премудрый змій.

I.

Варвара Петровна позвонила въ колокольчикъ и бросилась въ кресла у окна.

— Сядьте здѣсь, моя милая, указала она Марьѣ Тимоѳеевнѣ мѣсто, посреди комнаты, у большаго круглаго стола; — Степанъ Трофимовичъ, что это такое? Вотъ, вотъ, смотрите на эту женщину, что это такое?

— Я...я...залепеталъ было Степанъ Трофимовичъ...

Но явился лакей.

— Чашку кофею, сейчасъ, особенно и какъ можно скорѣе! Карету не откладывать.

— Mais chère et excellente amie, dans quelle inquiétude... замирающимъ голосомъ воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ! по французски, по французски! Сейчасъ видно что высшій свѣтъ! хлопнула въ ладоши Марья Тимоѳеевна, въ упоеніи приготовляясь послушать разговоръ по французски. Варвара Петровна уставилась на нее почти въ испугѣ.

Всѣ мы молчали и ждали какой нибудь развязки. Шатовъ не поднималъ головы, а Степанъ Трофимовичъ былъ въ смятеніи, какъ будто во всемъ виноватый; потъ выступилъ на его вискахъ. Я взглянулъ на Лизу (она сидѣла въ углу, почти рядомъ съ Шатовымъ). Ея глаза зорко перебѣгали отъ Варвары Петровны къ хромой женщинѣ и обратно; на губахъ ея кривилась улыбка, но нехорошая. Варвара Петровна видѣла эту улыбку. А между тѣмъ, Марья Тимоѳеевна увлеклась совершенно: она съ наслажденіемъ и ни мало не конфузясь разсматривала прекрасную гостиную Варвары Петровны,—меблировку, ковры, картины на стѣнахъ, старинный росписной потолокъ, большое бронзовое Распятіе въ углу, фарфоровую лампу, альбомы, вещицы на столѣ.

— Такъ и ты тутъ, Шатушка! воскликнула она вдругъ,—представь, я давно тебя вижу, да думаю: не онъ! Какъ онъ сюда проѣдетъ!—и весело разсмѣялась.

— Вы знаете эту женщину? тотчасъ обернулась къ нему Варвара Петровна.

— Знаю-съ, пробормоталъ Шатовъ, тронулся было на стулѣ, но остался сидѣть.

— Что-же вы знаете? Пожалуйста, поскорѣй!

— Да что... ухмыльнулся онъ ненужной улыбкой и запнулся... сами видите.

— Что вижу? Да ну-же, говорите что нибудь!

— Живетъ въ томъ домѣ, гдѣ я... съ братомъ... офицеръ одинъ.

— Ну?

Шатовъ запнулся опять.

— Говорить не стоитъ... промычалъ онъ и рѣшительно смолкъ. Даже покраснѣлъ отъ своей рѣшимости.

— Конечно, отъ васъ нечего больше ждать! съ негодованіемъ оборвала Варвара Петровна. Ей ясно было теперь, что всѣ что-то знаютъ и между тѣмъ всѣ чего-то трусятъ и уклоняются предъ ея вопросами, хотятъ что-то скрыть отъ нея.

Вошелъ лакей и поднесъ ей на маленькомъ серебряномъ подносѣ заказанную особо чашку кофе, но тотчасъ-же, по ея ма-

новенію, направился къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ.

— Вы, моя милая, очень озябли давеча, выпейте поскорѣй и согрѣйтесь.

— Mercі,— взяла чашку Марья Тимоѳеевна и вдругъ прыснула со смѣху надъ тѣмъ, что сказала лакею mercі. Но, встрѣтивъ грозный взглядъ Варвары Петровны, оробѣла и поставила чашку на столъ.

— Тётя, да ужь вы не сердитесь-ли? пролепетала она съ какою-то легкомысленною игривостью.

— Что-о-о? вспрянула и выпрямилась въ креслахъ Варвара Петровна,— какая я вамъ тётя? Что вы подразумѣвали?

Марья Тимоѳеевна, не ожидавшая такого гнѣва, такъ и задрожала вся мелкою конвульсивною дрожью, точно въ припадкѣ, и отшатнулась на спинку креселъ.

— Я... я думала такъ надо, пролепетала она, смотря во всѣ глаза на Варвару Петровну,— такъ васъ Лиза звала.

— Какая еще Лиза?

— А вотъ эта барышня, указала пальчикомъ Марья Тимоѳеевна.

— Такъ вамъ она уже Лизой стала?

— Вы такъ сами ее давеча звали, ободрилась нѣсколько Марья Тимоѳеевна. — А во снѣ я точно такую-же красавицу видѣла, усмѣхнулась она какъ-бы нечаянно.

Варвара Петровна сообразила и нѣсколько успокоилась; даже чуть-чуть улыбнулась послѣднему словцу Марьи Тимоѳеевны. Та, поймавъ улыбку, встала съ креселъ и, хромая, робко подошла къ ней.

— Возьмите, забыла отдать, не сердитесь за неучтивость, сняла она вдругъ съ плечъ своихъ черную шаль, надѣтую на нее давеча Варварой Петровной.

— Надѣньте ее сейчасъ-же опять и оставьте навсегда при себѣ. Ступайте и сядьте, пейте вашъ кофе и, пожалуйста, не бойтесь меня, моя милая, успокойтесь. Я начинаю васъ понимать.

— Chère amie... позволилъ было себѣ опять Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, тутъ и безъ васъ всякій толкъ потеряешь, пощадите хоть вы... Пожалуйста, позвоните вотъ въ этотъ звонокъ, подлѣ васъ, въ дѣвичью.

Наступило молчаніе. Взглядъ ея подозрительно и раздражительно скользилъ по всѣмъ нашимъ лицамъ. Явилась Агаша, любимая ея горничная.

— Клѣтчатый мнѣ платокъ, который я въ Женевѣ купила. Что дѣлаетъ Дарья Павловна?

— Онѣ-съ не совсѣмъ здоровы-съ.

— Сходи и попроси сюда. Прибавь, что очень прошу, хотя-бы и нездорова.

Въ это мгновеніе изъ сосѣднихъ комнатъ опять послышался какой-то необычный шумъ шаговъ и голосовъ, подобный давешнему, и вдругъ на порогѣ показалась запыхавшаяся и «разстроенная» Прасковья Ивановна. Маврикій Николаевичъ поддерживалъ ее подъ руку.

— Охъ, батюшки, насилу доплелась; Лиза, что ты, съумасшедшая, съ матерью дѣлаешь! взвизгнула она, кладя въ этотъ взвизгъ, по обыкновенію всѣхъ слабыхъ, но очень раздражительныхъ особъ, все что накопилось раздраженія.

— Матушка, Варвара Петровна, я къ вамъ за дочерью!

Варвара Петровна взглянула на нее изъподлобья, полупривстала на встрѣчу и, едва скрывая досаду, проговорила:

— Здравствуй, Прасковья Ивановна, сдѣлай одолженіе садись. Я такъ и знала вѣдь, что пріѣдешь.

II.

Для Прасковьи Ивановны въ такомъ пріемѣ не могло заключаться ничего неожиданнаго. Варвара Петровна и всегда, съ самаго дѣтства, третировала свою бывшую пансіонскую подругу деспотически и, подъ видомъ дружбы, чуть не съ презрѣніемъ. Но въ настоящемъ случаѣ и положеніе дѣлъ было особенное. Въ послѣдніе дни между обоими домами пошло на совершенный разрывъ, о чемъ уже и было мною вскользь упомянуто. Причины начинающагося разрыва покамѣстъ были еще для Варвары Петровны таинственны, а, стало быть, еще пуще обидны; но главное въ томъ, что Прасковья Ивановна успѣла принять предъ нею какое-то необычайно высокомѣрное положеніе. Варвара Петровна, разумѣется,

была уязвлена, а между тѣмъ и до нея уже стали доходить нѣкоторые странные слухи, тоже чрезмѣрно ея раздражавшіе и именно своею неопредѣленностью. Характеръ Варвары Петровны былъ прямой и гордо-открытый, съ наскокомъ, если такъ позволительно выразиться. Пуще всего она не могла выносить тайныхъ, прячущихся обвиненій и всегда предпочитала войну открытую. Какъ-бы то ни было, но вотъ уже пять дней какъ обѣ дамы не видѣлись. Послѣдній визитъ былъ со стороны Варвары Петровны, которая и уѣхала «отъ Дроздихи» обиженная и смущенная. Я безъ ошибки могу сказать, что Прасковья Ивановна вошла теперь въ наивномъ убѣжденіи, что Варвара Петровна почему-то должна предъ нею струсить; это видно было уже по выраженію лица ея. Но видно тогда-то и овладѣвалъ Варварой Петровной бѣсъ самой заносчивой гордости, когда она чуть-чуть лишь могла заподозрить, что ее почему либо считаютъ униженною. Прасковья-же Ивановна, какъ и многія слабыя особы, сами долго позволяющія себя обижать безъ протеста, отличалась необыкновеннымъ азартомъ нападенія при первомъ выгодномъ для себя оборотѣ дѣла. Правда, теперь она была нездорова, а въ болѣзни становилась всегда раздражительнѣе. Прибавлю, наконецъ, что всѣ мы, находившіеся въ гостиной, не могли особенно стѣснить нашимъ присутствіемъ обѣихъ подругъ дѣтства, если-бы между ними возгорѣлась ссора; мы считались людьми своими и чуть не подчиненными. Я не безъ страха сообразилъ это тогда-же. Степанъ Трофимовичъ, не садившійся съ самаго прибытія Варвары Петровны, въ изнеможеніи опустился на стулъ, услыхавъ взвизгъ Прасковьи Ивановны, и съ отчаяніемъ сталъ ловить мой взглядъ. Шатовъ круто повернулся на стулѣ и что-то даже промычалъ про себя. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ встать и уйдти. Лиза чуть-чуть было привстала, но тотчасъ-же опять опустилась на мѣсто, даже не обративъ должнаго вниманія на взвизгъ своей матери, но не отъ «строптивости характера», а потому что, очевидно, вся была подъ властію какого-то другаго могучаго впечатлѣнія. Она смотрѣла теперь куда-то въ воздухъ, почти разсѣянно и даже на Марью Тимоѳеевну перестала обращать прежнее вниманіе.

III.

— Охъ, сюда! указала Прасковья Ивановна на кресло у стола и тяжело въ него опустилась съ помощію Мавракія Николаевича; — не сѣла-бъ у васъ, матушка, если-бы не ноги! прибавила она надрывнымъ голосомъ.

Варвара Петровна приподняла немного голову, съ болѣзненнымъ видомъ прижимая пальцы правой руки къ правому виску и видимо ощущая въ немъ сильную боль (tic douloureux).

— Что такъ, Прасковья Ивановна, почему-бы тебѣ и не сѣсть у меня? Я отъ покойнаго мужа твоего всю жизнь искреннею пріязнію пользовалась, а мы съ тобой еще дѣвчонками вмѣстѣ въ куклы въ пансіонѣ играли.

Прасковья Ивановна замахала руками.

— Ужь такъ и знала! Вѣчно про пансіонъ начнете, когда попрекать собираетесь, — уловка ваша. А по моему, одно краснорѣчіе. Терпѣть не могу этого вашего пансіона.

— Ты, кажется, слишкомъ ужь въ дурномъ расположеніи пріѣхала; что твои ноги? Вотъ тебѣ кофе несутъ, милости просимъ, кушай и не сердись.

— Матушка, Варвара Петровна, вы со мной точно съ маленькою дѣвочкой. Не хочу я кофею, вотъ!

И она задирчиво махнула рукой подносившему ей кофей слугѣ. (Отъ кофею, впрочемъ, и другіе отказались, кромѣ меня и Мавракія Николаевича. Степанъ Трофимовичъ взялъ было, но отставилъ чашку на столъ. Марьѣ Тимоѳеевнѣ хоть и очень хотѣлось взять другую чашку, она ужь и руку протянула, но одумалась и чинно отказалась, видимо довольная за это собой).

Варвара Петровна криво улыбнулась.

— Знаешь что, другъ мой Прасковья Ивановна, ты вѣрно опять что нибудь вообразила себѣ, съ тѣмъ вошла сюда. Ты всю жизнь однимъ воображеніемъ жила. Ты вотъ

про пансіонъ разозлилась; а помнишь, какъ ты пріѣхала и весь классъ увѣрила, что за тебя гусаръ Шаблыкинъ посватался, и какъ m-me Lefebure тебя тутъ-же изобличила во лжи. А вѣдь ты и не лгала, просто навоображала себѣ для утѣхи. Ну, говори: съ чѣмъ ты теперь? Что̀ еще вообразила, чѣмъ недовольна?

— А вы въ пансіонѣ въ попа влюбились, что̀ Законъ Божій преподавалъ, — вотъ вамъ, коли до сихъ поръ въ васъ такая злопамятность! — ха-ха-ха!

Она желчно расхохоталась и раскашлялась.

— А-а, ты не забыла про попа... ненавистно глянула на нее Варвара Петровна.

Лицо ея позеленѣло. Прасковья Ивановна вдругъ пріосанилась.

— Мнѣ, матушка, теперь не до смѣху; зачѣмъ вы мою дочь при всемъ городѣ въ вашъ скандалъ замѣшали, вотъ зачѣмъ я пріѣхала?

— Въ мой скандалъ? грозно выпрямилась вдругъ Варвара Петровна.

— Мама, я васъ тоже очень прошу быть умѣреннѣе, проговорила вдругъ Лизавета Николаевна.

— Какъ ты сказала? приготовилась было опять взвизгнуть мамаша, но вдругъ осѣла предъ засверкавшимъ взглядомъ дочки.

— Какъ вы могли, мама, сказать про скандалъ? вспыхнула Лиза; — я поѣхала сама, съ позволенія Юліи Михайловны, потому что хотѣла узнать исторію этой несчастной, чтобы быть ей полезною.

— «Исторію этой несчастной!» со злобнымъ смѣхомъ протянула Прасковья Ивановна; — да стать-ли тебѣ мѣшаться въ такія «исторіи?» Охъ, матушка! Довольно намъ вашего деспотизма! бѣшено повернулась она къ Варварѣ Петровнѣ. — Говорятъ, правда-ли, нѣтъ-ли, весь городъ здѣшній замуштровали, да видно пришла и на васъ пора!

Варвара Петровна сидѣла выпрямившись какъ стрѣла, готовая выскочить изъ лука. Секундъ десять строго и неподвижно смотрѣла она на Прасковью Ивановну.

— Ну, моли Бога, Прасковья, что всѣ здѣсь свои, выговорила она, наконецъ, съ зловѣщимъ спокойствіемъ, — много ты сказала лишняго.

— А я, мать моя, свѣтскаго мнѣнія не такъ боюсь, какъ иныя; это вы, подъ видомъ гордости, предъ мнѣніемъ свѣта трепещете. А что тутъ свои люди, такъ для васъ-же лучше, чѣмъ если-бы чужіе слышали.

— Поумнѣла ты, что̀-ль, въ эту недѣлю?

— Не поумнѣла я въ эту недѣлю, а видно правда наружу вышла въ эту недѣлю.

— Какая правда наружу вышла въ эту недѣлю? Слушай, Прасковья Ивановна, не раздражай ты меня, объяснись сію минуту, прошу тебя честью: какая правда наружу вышла и что̀ ты подъ этимъ подразумѣваешь?

— Да вотъ она вся-то правда сидитъ! указала вдругъ Прасковья Ивановна пальцемъ на Марью Тимоѳеевну, съ тою отчаянною рѣшимостію, которая уже не заботится о послѣдствіяхъ, только чтобы теперь поразить. Марья Тимоѳеевна, все время смотрѣвшая на нее съ веселымъ любопытствомъ, радостно засмѣялась при видѣ устремленнаго на нее пальца гнѣвливой гостьи и весело зашевелилась въ креслахъ.

— Господи Іисусе Христе, рехнулись они всѣ, что̀-ли! воскликнула Варвара Петровна и, поблѣднѣвъ, откинулась на спинку кресла.

Она такъ поблѣднѣла, что произошло даже смятеніе. Степанъ Трофимовичъ бросился къ ней первый; я тоже приблизился; даже Лиза встала съ мѣста, хотя и осталась у своего кресла; но всѣхъ болѣе испугалась сама Прасковья Ивановна: она вскрикнула, какъ могла приподнялась и почти завопила плачевнымъ голосомъ:

— Матушка, Варвара Петровна, простите вы мою злобную дурость! Да воды-то хоть подайте ей кто нибудь!

— Не хнычь, пожалуйста, Прасковья Ивановна, прошу тебя и отстранитесь, господа, сдѣлайте одолженіе, не надо воды! твердо, хоть и не громко выговорила поблѣднѣвшими губами Варвара Петровна.

— Матушка! продолжала Прасковья Ивановна, капельку успокоившись, — другъ вы мой, Варвара Петровна, я хоть и виновата въ неосторожныхъ словахъ, да ужь раздражили меня пуще всего безъименныя

письма эти, которыми меня какіе-то людишки бомбардируютъ; ну и писали-бы къ вамъ, коли про васъ-же пишутъ, а у меня, матушка, дочь!

Варвара Петровна безмолвно смотрѣла на нее широко-открытыми глазами и слушала съ удивленіемъ. Въ это мгновеніе неслышно отворилась въ углу боковая дверь и появилась Дарья Павловна. Она пріостановилась и оглядѣлась кругомъ; ее поразило наше смятеніе. Должно быть, она не сейчасъ различила и Марью Тимоѳеевну, о которой никто ее непредувѣдомилъ. Степанъ Трофимовичъ первый замѣтилъ ее, сдѣлалъ быстрое движеніе, покраснѣлъ и громко для чего-то возгласилъ: «Дарья Павловна!» такъ что всѣ глаза разомъ обратились на вошедшую.

— Какъ, такъ это-то ваша Дарья Павловна! воскликнула Марья Тимоѳеевна, — ну, Шатушка, не похожа на тебя твоя сестрица! Какъ-же мой-то этакую прелесть крѣпостною дѣвкой Дашкой зоветъ!

Дарья Павловна межъ тѣмъ приблизилась уже къ Варварѣ Петровнѣ; но пораженная восклицаніемъ Марьи Тимоѳеевны, быстро обернулась и такъ и осталась предъ своимъ стуломъ, смотря на юродивую длиннымъ, приковавшимся взглядомъ.

— Садись, Даша, проговорила Варвара Петровна съ ужасающимъ спокойствіемъ; — ближе, вотъ такъ; ты можешь и сидя видѣть эту женщину. Знаешь ты ее?

— Я никогда ее не видала, тихо отвѣтила Даша и, помолчавъ, тотчасъ прибавила: — должно быть, это больная сестра одного господина Лебядкина.

— И я васъ, душа моя, въ первый только разъ теперь увидала, хотя давно уже съ любопытствомъ желала познакомиться, потому что въ каждомъ жестѣ вашемъ вижу воспитаніе, съ увлеченіемъ прокричала Марья Тимоѳеевна. — А что мой лакей бранится, такъ вѣдь возможно-ли, чтобы вы у него деньги взяли, такая воспитанная и милая? Потому что вы милая, милая, милая, это я вамъ отъ себя говорю! съ восторгомъ заключила она, махая предъ собою своею ручкой.

— Понимаешь ты что нибудь? съ гордымъ достоинствомъ спросила Варвара Петровна.

— Я все понимаю-съ...

— Про деньги слышала?

— Это вѣрно тѣ самыя деньги, которыя я, по просьбѣ Николая Всеволодовича, еще въ Швейцаріи, взялась передать этому господину Лебядкину, ея брату.

Послѣдовало молчаніе.

— Тебя Николай Всеволодовичъ самъ просилъ передать?

— Ему очень хотѣлось переслать эти деньги, всего триста рублей, господину Лебядкину. А такъ какъ онъ не зналъ его адреса, а зналъ лишь, что онъ прибудетъ къ намъ въ городъ, то и поручилъ мнѣ передать, на случай если господинъ Лебядкинъ пріѣдетъ.

— Какія-же деньги... пропали? Про что эта женщина сейчасъ говорила?

— Этого ужь я не знаю-съ; до меня тоже доходило, что господинъ Лебядкинъ говорилъ про меня вслухъ, будто я не все ему доставила; но я этихъ словъ не понимаю. Было триста рублей, я и переслала триста рублей.

Дарья Павловна почти совсѣмъ уже успокоилась. И вообще замѣчу, трудно было чѣмъ нибудь надолго изумить эту дѣвушку и сбить ее съ толку, — что-бы она тамъ про себя ни чувствовала. Проговорила она теперь всѣ свои отвѣты не торопясь, тотчасъ-же отвѣчала на каждый вопросъ съ точностію, тихо, ровно, безо всякаго слѣда первоначальнаго внезапнаго своего волненія и безъ малѣйшаго смущенія, которое могло-бы свидѣтельствовать о сознаніи хотя-бы какой нибудь за собою вины. Взглядъ Варвары Петровны не отрывался отъ нея все время, пока она говорила. Съ минуту Варвара Петровна подумала:

— Если, произнесла она, наконецъ, съ твердостію и видимо къ зрителямъ, хотя и глядѣла на одну Дашу, — если Николай Всеволодовичъ не обратился со своимъ порученіемъ даже ко мнѣ, а просилъ тебя, то, конечно, имѣлъ свои причины такъ поступить. Не считаю себя въ правѣ о нихъ любопытствовать, если изъ нихъ дѣлаютъ для меня секретъ. Но уже одно твое участіе въ этомъ дѣлѣ совершенно меня за нихъ успокоиваетъ, знай это, Дарья, прежде всего. Но видишь-ли, другъ мой, ты и съ чистою

совѣстью могла, по незнанію свѣта, сдѣлать какую нибудь неосторожность; и сдѣлала ее, принявъ на себя сношенія съ какимъ-то мерзавцемъ. Слухи, распущенные этимъ негодяемъ, подтверждаютъ твою ошибку. Но я разузнаю о немъ, и такъ какъ защитница твоя я, то съумѣю за тебя заступиться. А теперь это все надо кончить

— Лучше всего, когда онъ къ вамъ придетъ, подхватила вдругъ Марья Тимоѳеевна, высовываясь изъ своего кресла, — то пошлите его въ лакейскую. Пусть онъ тамъ на залавкѣ въ свои козыри съ ними поиграетъ, а мы будемъ здѣсь сидѣть кофей пить. Чашку-то кофею еще можно ему послать, но я глубоко его презираю.

И она выразительно мотнула головой.

— Это надо кончить, повторила Варвара Петровна, тщательно выслушавъ Марью Тимоѳеевну;—прошу васъ, позвоните, Степанъ Трофимовичъ.

Степанъ Трофимовичъ позвонилъ и вдругъ выступилъ впередъ, весь въ волненіи.

— Если... если я... залепеталъ онъ въ жару, краснѣя, обрываясь и заикаясь, — если я тоже слышалъ самую отвратительную повѣсть или, лучше сказать, клевету, то... въ совершенномъ негодованіи... enfin c'est un homme perdu et quelque chose comme un forçat evadé...

Онъ оборвалъ и не докончилъ; Варвара Петровна, прищурившись, оглядѣла его съ ногъ до головы. Вошелъ чинный Алексѣй Егоровичъ.

— Карету, приказала Варвара Петровна,—а ты, Алексѣй Егорычъ, приготовься отвезти госпожу Лебядкину домой, куда она тебѣ сама укажетъ.

— Господинъ Лебядкинъ нѣкоторое время сами ихъ внизу ожидаютъ-съ и очень просили о себѣ доложить-съ.

— Это невозможно, Варвара Петровна, съ безпокойствомъ выступилъ вдругъ все время невозмутимо молчавшій Маврикій Николаевичъ: — если позволите, это не такой человѣкъ, который можетъ войдти въ общество, это... это.. это невозможный человѣкъ, Варвара Петровна.

— Повременить, обратилась Варвара Петровна къ Алексѣю Егорычу и тотъ скрылся.

— C'est un homme malhônnete et je crois même, que c'est un forçat evadé, ou quelque chose dans ce genre, пробормоталъ опять Степанъ Трофимовичъ, опять покраснѣлъ и опять оборвался.

— Лиза, ѣхать пора, брезгливо возгласила Прасковья Ивановна и приподнялась съ мѣста. — Ей, кажется, жаль уже стало, что она давеча, въ испугѣ, сама себя обозвала дурой. Когда говорила Дарья Павловна, она уже слушала съ высокомѣрною складкой на губахъ. Но всего болѣе поразилъ меня видъ Лизаветы Николаевны съ тѣхъ поръ, какъ вошла Дарья Павловна: въ ея глазахъ засверкали ненависть и презрѣніе, слишкомъ ужь нескрываемыя.

— Повремени одну минутку, Прасковья Ивановна, прошу тебя, остановила Варвара Петровна, все съ тѣмъ-же чрезмѣрнымъ спокойствіемъ, — сдѣлай одолженіе, присядь, я намѣрена все высказать, а у тебя ноги болятъ. Вотъ такъ, благодарю тебя. Давеча я вышла изъ себя и сказала тебѣ нѣсколько нетерпѣливыхъ словъ. Сдѣлай одолженіе, прости меня: я сдѣлала глупо и первая каюсь, потому что во всемъ люблю справедливость. Конечно, тоже изъ себя выйдя, ты упомянула о какомъ-то анонимѣ. Всякій анонимный извѣтъ достоинъ презрѣнія уже потому, что онъ не подписанъ. Если ты понимаешь иначе, я тебѣ не завидую. Во всякомъ случаѣ, я-бы не полѣзла на твоемъ мѣстѣ за такою дрянью въ карманъ, я не стала-бы мараться. А ты вымаралась. Но такъ какъ ты уже начала сама, то скажу тебѣ, что и я получила дней шесть тому назадъ тоже анонимное, шутовское письмо. Въ немъ какой-то негодяй увѣряетъ меня, что Николай Всеволодовичъ сошелъ съ ума и что мнѣ надо бояться какой-то хромой женщины, которая «будетъ играть въ судьбѣ моей чрезвычайную роль», я запомнила выраженіе. Сообразивъ и зная, что у Николая Всеволодовича чрезвычайно много враговъ, я тотчасъ-же послала за однимъ здѣсь человѣкомъ, за однимъ тайнымъ и самымъ мстительнымъ и презрѣннымъ изъ всѣхъ враговъ его, и изъ разговоровъ съ нимъ мигомъ убѣдилась въ презрѣнномъ происхожденіи анонима. Если и тебя, моя бѣдная Прасковья Ивановна, безпокоили *изъ-за меня* такими-же

презрѣнными письмами и, какъ ты выразилась, «бомбардировали», то, конечно, первая жалѣю, что послужила невинною причиной. Вотъ и все, что̀ я хотѣла тебѣ сказать въ объясненіе. Съ сожалѣніемъ вижу, что ты такъ устала и теперь внѣ себя. Къ тому-же, я непремѣнно рѣшилась *впустить* сейчасъ этого подозрительнаго человѣка, про котораго Маврикій Николаевичъ выразился не совсѣмъ идущимъ словомъ: что его невозможно *принять*. Особенно Лизѣ тутъ нечего будетъ дѣлать. Подойди ко мнѣ, Лиза, другъ мой, и дай мнѣ еще разъ поцѣловать тебя.

Лиза перешла комнату и молча остановилась предъ Варварой Петровной. Та поцѣловала ее, взяла за руки, отдалила немного отъ себя, съ чувствомъ на нее посмотрѣла, потомъ перекрестила и опять поцѣловала ее.

— Ну, прощай, Лиза (въ голосѣ Варвары Петровны послышались почти слезы),— вѣрь, что не перестану любить тебя, что̀-бы ни сулила тебѣ судьба отнынѣ... Богъ съ тобою. Я всегда благословляла святую десницу Его...

Она что-то хотѣла еще прибавить, но скрѣпила себя и смолкла. Лиза пошла было къ своему мѣсту, все въ томъ-же молчаніи и какъ-бы въ задумчивости, но вдругъ остановилась предъ мамашей.

— Я, мама, еще не поѣду, а останусь на время у тёти, проговорила она тихимъ голосомъ, но въ этихъ тихихъ словахъ прозвучала желѣзная рѣшимость.

— Богъ ты мой, что̀ такое! возопила Прасковья Ивановна, безсильно сплеснувъ руками. Но Лиза не отвѣтила и какъ-бы даже не слышала; она сѣла въ прежній уголъ и опять стала смотрѣть куда-то въ воздухъ.

Что̀-то побѣдоносное и гордое засвѣтилось въ лицѣ Варвары Петровны.

— Маврикій Николаевичъ, я къ вамъ съ чрезвычайною просьбой, сдѣлайте мнѣ одолженіе, сходите взглянуть на этого человѣка внизу, и если есть хоть какая нибудь возможность его *впустить*, то приведите его сюда.

Маврикій Николаевичъ поклонился и вышелъ. Черезъ минуту онъ привелъ господина Лебядкина.

IV.

Я какъ-то говорилъ о наружности этого господина: высокій, курчавый, плотный парень, лѣтъ сорока, съ багровымъ, нѣсколько опухшимъ и обрюзглымъ лицомъ, со вздрагивающими при каждомъ движеніи головы щеками, съ маленькими, кровяными, иногда довольно хитрыми глазками, въ усахъ, въ бакенбардахъ и съ зарождающимся мясистымъ кадыкомъ, довольно непріятнаго вида. Но всего болѣе поражало въ немъ то, что онъ явился теперь во фракѣ и въ чистомъ бѣльѣ. «Есть люди которымъ чистое бѣлье даже неприлично-съ», какъ возразилъ разъ когда-то Липутинъ на шутливый упрекъ ему Степана Трофимовича въ неряшествѣ. У капитана были и перчатки черныя, изъ которыхъ правую, еще ненадѣванную, онъ держалъ въ рукѣ, а лѣвая, туго напяленная и не застегнувшаяся, до половины прикрывала его мясистую, лѣвую лапу, въ которой онъ держалъ совершенно новую, глянцовитую и навѣрно въ первый еще разъ служившую круглую шляпу. Выходило, стало быть, что вчерашній «фракъ любви», о которомъ онъ кричалъ Шатову, существовалъ дѣйствительно. Все это, то есть и фракъ, и бѣлье, было припасено (какъ узналъ я послѣ) по совѣту Липутина, для какихъ-то таинственныхъ цѣлей. Сомнѣнія не было, что и пріѣхалъ онъ теперь (въ извощичьей каретѣ) непремѣнно тоже по постороннему наущенію и съ чьею нибудь помощью; одинъ онъ не успѣлъ-бы догадаться, а равно одѣться, собраться и рѣшиться въ какія нибудь три четверти часа, предполагая даже, что сцена на соборной паперти стала ему тотчасъ извѣстною. Онъ былъ не пьянъ, но въ томъ тяжеломъ, грузномъ, дымномъ состояніи человѣка, вдругъ проснувшагося послѣ многочисленныхъ дней запоя. Кажется, стоило-бы только покачнуть его раза два рукой за плечо, и онъ тотчасъ-бы опять охмѣлѣлъ.

Онъ было разлетѣлся въ гостиную, но вдругъ споткнулся въ дверяхъ о коверъ. Марья Тимоѳеевна такъ и померла со смѣху. Онъ звѣрски поглядѣлъ на нее, и вдругъ

сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ Варварѣ Петровнѣ.

— Я пріѣхалъ, сударыня... прогремѣлъ было онъ какъ въ трубу.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, милостивый государь, выпрямилась Варвара Петровна, — возьмите мѣсто вотъ тамъ, на томъ стулѣ. Я васъ услышу и оттуда, а мнѣ отсюда виднѣе будетъ на васъ смотрѣть.

Капитанъ остановился, тупо глядя передъ собой, но, однако, повернулся и сѣлъ на указанное мѣсто, у самыхъ дверей. Сильная въ себѣ неувѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ наглость и какая-то безпрерывная раздражительность сказывались въ выраженіи его физіономіи. Онъ трусилъ ужасно, это было видно, но страдало и его самолюбіе, и можно было угадать, что изъ раздраженнаго самолюбія, онъ можетъ рѣшиться, не смотря на трусость, даже на всякую наглость, при случаѣ. Онъ видимо боялся за каждое движеніе своего неуклюжаго тѣла. Извѣстно, что самое главное страданіе всѣхъ подобныхъ господъ, когда они какимъ нибудь чуднымъ случаемъ появляются въ обществѣ, составляютъ ихъ собственныя руки и ежеминутно сознаваемая невозможность куда нибудь прилично дѣваться съ ними. Капитанъ замеръ на стулѣ съ своею шляпой и перчатками въ рукахъ и не сводя безсмысленнаго взгляда своего со строгаго лица Варвары Петровны. Ему, можетъ быть, и хотѣлось-бы внимательнѣе осмотрѣться кругомъ, но онъ пока еще не рѣшался. Марья Тимоѳеевна, вѣроятно найдя фигуру его опять ужасно смѣшною, захохотала снова, но онъ не шевельнулся. Варвара Петровна безжалостно долго, цѣлую минуту выдержала его въ такомъ положеніи, безпощадно его разглядывая.

— Сначала позвольте узнать ваше имя отъ васъ самихъ? мѣрно и выразительно произнесла она.

— Капитанъ Лебядкинъ, прогремѣлъ капитанъ, — я пріѣхалъ, сударыня... шевельнулся было онъ опять.

— Позвольте! опять остановила Варвара Петровна, — эта жалкая особа, которая такъ заинтересовала меня, дѣйствительно ваша сестра?

— Сестра, сударыня, ускользнувшая изъ-подъ надзора, ибо она въ такомъ положеніи...

Онъ вдругъ запнулся и побагровѣлъ.

— Не примите превратно, сударыня, сбился онъ ужасно, — родной братъ не станетъ марать... въ такомъ положеніи, это значитъ не въ такомъ положеніи... въ смыслѣ пятнающемъ репутацію... на послѣднихъ порахъ...

Онъ вдругъ оборвалъ.

— Милостивый государь! подняла голову Варвара Петровна.

— Вотъ въ какомъ положеніи! внезапно заключилъ онъ, ткнувъ себя пальцемъ въ средину лба. Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— И давно она этимъ страдаетъ? протянула нѣсколько Варвара Петровна.

— Сударыня, я пріѣхалъ отблагодарить за выказанное на паперти великодушіе по русски, по братски...

— По братски?

— То есть не по братски, а единственно въ томъ смыслѣ, что я братъ моей сестрѣ, сударыня, и повѣрьте, сударыня, зачастилъ онъ, опять побагровѣвъ, — что я не такъ необразованъ, какъ могу показаться съ перваго взгляда въ вашей гостиной. Мы съ сестрой ничто, сударыня, сравнительно съ пышностію, которую здѣсь замѣчаемъ. Имѣя къ тому-же клеветниковъ. Но до репутаціи Лебядкинъ гордъ, сударыня, и... и... я пріѣхалъ отблагодарить... Вотъ деньги, сударыня!

Тутъ онъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ, рванулъ изъ него пачку кредитокъ и сталъ перебирать ихъ дрожащими пальцами въ неистовомъ припадкѣ нетерпѣнія. Видно было, что ему хотѣлось поскорѣе что-то разъяснить, да и очень надо было; но вѣроятно чувствуя самъ, что возня съ деньгами придаетъ ему еще болѣе глупый видъ, онъ потерялъ послѣднее самообладаніе: деньги никакъ не хотѣли сосчитаться, пальцы путались, и къ довершенію срама, одна зеленая депозитка, выскользнувъ изъ бумажника, полетѣла зигзагами на коверъ.

— Двадцать рублей, сударыня, вскочилъ онъ вдругъ съ пачкой въ рукахъ и со вспо-

тѣвшимъ отъ страданія лицомъ; замѣтивъ на полу вылетѣвшую бумажку, онъ нагнулся было поднять ее, но почему-то устыдившись, махнулъ рукой.

— Вашимъ людямъ, сударыня, лакею, который подберетъ; пусть помнитъ Лебядкину!

— Я этого никакъ не могу позволить, торопливо и съ нѣкоторымъ испугомъ проговорила Варвара Петровна.

— Въ такомъ случаѣ...

Онъ нагнулся, поднялъ, побагровѣлъ и, вдругъ приблизясь къ Варварѣ Петровнѣ, протянулъ ей отсчитанныя деньги.

— Что это? Совсѣмъ уже, наконецъ, испугалась она и даже попятилась въ креслахъ. Маврикій Николаевичъ, я и Степанъ Трофимовичъ шагнули каждый впередъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, я не съумасшедшій, ей Богу не съумасшедшій! въ волненіи увѣрялъ капитанъ на всѣ стороны.

— Нѣтъ, милостивый государь, вы съ ума сошли.

— Сударыня, это все не то, что вы думаете! Я, конечно, ничтожное звено... О, сударыня, богаты чертоги ваши, но бѣдны они у Маріи Неизвѣстной, сестры моей, урожденной Лебядкиной, но которую назовемъ пока Маріей Неизвѣстной, пока сударыня, только *пока*, ибо навѣчно не допуститъ самъ Богъ! Сударыня, вы дали ей десять рублей, и она приняла, но потому, что отъ *васъ*, сударыня! Слышите, сударыня! Ни отъ кого въ мірѣ не возьметъ эта Неизвѣстная Марія, иначе содрогнется во гробѣ штабъ-офицеръ, ея дѣдъ, убитый на Кавказѣ, на глазахъ самого Ермолова, но отъ васъ, сударыня, отъ васъ все возьметъ. Но одною рукой возьметъ, а другою протянетъ вамъ уже двадцать рублей, въ видѣ пожертвованія въ одинъ изъ столичныхъ комитетовъ благотворительности, гдѣ вы, сударыня, состоите членомъ... такъ какъ и сами вы, сударыня, публиковались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» что у васъ состоитъ здѣшняя, по нашему городу, книга благотворительнаго общества, въ которую всякій можетъ подписываться...

Капитанъ вдругъ оборвалъ; онъ дышалъ тяжело какъ послѣ какого-то труднаго подвига. Все это на счетъ комитета благотворительности, вѣроятно, было заранѣе подготовлено, можетъ быть, также подъ редакціей Липутина. Онъ еще пуще вспотѣлъ; буквально капли пота выступали у него на вискахъ. Варвара Петровна пронзительно въ него всматривалась.

— Эта книга, строго проговорила она,— находится всегда внизу у швейцара моего дома, тамъ вы можете подписать ваше пожертвованіе, если захотите. А потому прошу васъ спрятать теперь ваши деньги и не махать ими по воздуху. Вотъ такъ. Прошу васъ тоже занять ваше прежнее мѣсто. Вотъ такъ. Очень жалѣю, милостивый государь, что я ошиблась на счетъ вашей сестры и подала ей на бѣдность, когда она такъ богата. Не понимаю одного только, почему отъ меня одной она можетъ взять, а отъ другихъ ни за что не захочетъ. Вы такъ на этомъ настаивали, что я желаю совершенно точнаго объясненія.

— Сударыня, это тайна, которая можетъ быть похоронена лишь во гробѣ! отвѣчалъ капитанъ.

— Почему-же? какъ-то не такъ уже твердо спросила Варвара Петровна.

— Сударыня, сударыня!..

Онъ мрачно примолкъ, смотря въ землю и приложивъ правую руку къ сердцу. Варвара Петровна ждала, не сводя съ него глазъ.

— Сударыня! взревѣлъ онъ вдругъ,— позволите-ли сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, только одинъ, но открыто, прямо, по русски, отъ души?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Страдали вы, сударыня, въ жизни?

— Вы просто хотите сказать, что отъ кого нибудь страдали или страдаете.

— Сударыня, сударыня! вскочилъ онъ вдругъ опять, вѣроятно и не замѣчая того и ударяя себя въ грудь,— здѣсь, въ этомъ сердцѣ накипѣло столько, столько, что удивится Самъ Богъ, когда обнаружится на страшномъ судѣ!

— Гм! сильно сказано.

— Сударыня, я, можетъ быть, говорю языкомъ раздражительнымъ...

— Не безпокойтесь, я сама знаю, когда васъ надо будетъ остановить.

— Могу-ли предложить вамъ еще вопросъ, сударыня?

— Предложите еще вопросъ.

— Можно-ли умереть единственно отъ благородства своей души?

— Не знаю, не задавала себѣ такого вопроса.

— Не знаете! Не задавали себѣ такого вопроса!! прокричалъ онъ съ патетическою ироніей,— а коли такъ, коли такъ —

«Молчи безнадежное сердце!»

и онъ неистово стукнулъ себя въ грудь.

Онъ уже опять заходилъ по комнатѣ. Признакъ этихъ людей—совершенное безсиліе сдержать въ себѣ свои желанія; напротивъ, неудержимое стремленіе тотчасъ-же ихъ обнаружить, со всею даже неопрятностью, чуть только они зародятся. Попавъ не въ свое общество, такой господинъ обыкновенно начинаетъ робко, но уступите ему на волосокъ, и онъ тотчасъ-же перескочитъ на дерзости. Капитанъ уже горячился, ходилъ, махалъ руками, не слушалъ вопросовъ, говорилъ о себѣ шибко-шибко, такъ что языкъ его иногда подвертывался, и, не договоривъ, онъ перескакивалъ на другую фразу. Правда, едва-ли онъ былъ совсѣмъ трезвъ; тутъ сидѣла тоже Лизавета Николаевна, на которую онъ не взглянулъ ни разу, но присутствіе которой, кажется, страшно кружило его. Впрочемъ, это только уже предположеніе. Существовала-же, стало быть, причина, по которой Варвара Петровна, преодолѣвая отвращеніе, рѣшилась выслушивать такого человѣка. Прасковья Ивановна просто тряслась отъ страха, правда не совсѣмъ, кажется, понимая, въ чемъ дѣло. Степанъ Трофимовичъ дрожалъ тоже, но, напротивъ, потому, что наклоненъ былъ всегда понимать съ излишкомъ. Маврикій Николаевичъ стоялъ въ позѣ всеобщаго оберегателя. Лиза была блѣденька и не отрываясь смотрѣла широко раскрытыми глазами на дикаго капитана. Шатовъ сидѣлъ въ прежней позѣ; но что̀ страннѣе всего, Марья Тимоѳеевна не только перестала смѣяться, но сдѣлалась ужасно грустна. Она облокотилась правою рукой на столъ и длиннымъ грустнымъ взглядомъ слѣдила за декламировавшимъ братцемъ своимъ. Одна лишь Дарья Павловна казалась мнѣ спокойною.

— Все это вздорныя аллегоріи, разсердилась, наконецъ, Варвара Петровна,—вы не отвѣтили на мой вопросъ: «почему?» Я настоятельно жду отвѣта.

— Не отвѣтилъ «почему?» Ждете отвѣта на «почему?» переговорилъ капитанъ, подмигивая;—это маленькое словечко «почему» разлито во всей вселенной съ самаго перваго дня міросозданія, сударыня, и вся природа ежеминутно кричитъ своему Творцу: «почему?» и вотъ уже семь тысячъ лѣтъ не получаетъ отвѣта. Неужто отвѣчать одному капитану Лебядкину, и справедливо-ли выйдетъ, сударыня?

— Это все вздоръ и не то! гнѣвалась и теряла терпѣніе Варвара Петровна, — это аллегоріи; кромѣ того вы слишкомъ пышно изволите говорить, милостивый государь, что̀ я считаю дерзостью.

— Сударыня, не слушалъ капитанъ,— я, можетъ быть, желалъ-бы называться Эрнестомъ, а между тѣмъ принужденъ носить грубое имя Игната,—почему это, какъ вы думаете? Я желалъ-бы называться княземъ де-Монбаромъ, а между тѣмъ я только Лебядкинъ, отъ лебедя,—почему это? Я поэтъ, сударыня, поэтъ въ душѣ, и могъ-бы получать тысячу рублей отъ издателя, а между тѣмъ принужденъ жить въ лахани, почему, почему? Сударыня! По моему, Россія есть игра природы, не болѣе!

— Вы рѣшительно ничего не можете сказать опредѣленнѣе?

— Я могу вамъ прочесть піесу *Тараканъ*, сударыня!

— Что-о-о?

— Сударыня, я еще не помѣшанъ! Я буду помѣшанъ, буду, навѣрно, но я еще не помѣшанъ! Сударыня, одинъ мой пріятель—бла-го-роднѣйшее лицо,— написалъ одну басню Крылова, подъ названіемъ *Тараканъ*,—могу я прочесть ее?

— Вы хотите прочесть какую-то басню Крылова?

— Нѣтъ, не басню Крылова хочу я прочесть, а мою басню, собственную, мое сочиненіе! Повѣрьте-же, сударыня, безъ обиды себѣ, что я не до такой степени уже необразованъ и развращенъ, чтобы не по-

нимать, что Россія обладаетъ великимъ баснописцемъ Крыловымъ, которому министромъ просвѣщенія воздвигнутъ памятникъ въ Лѣтнемъ Саду, для игры въ дѣтскомъ возрастѣ. Вы вотъ спрашиваете, сударыня: «почему?» Отвѣтъ на днѣ этой басни, огненными литерами!

— Прочтите вашу басню.

—Жилъ на свѣтѣ тараканъ,
Тараканъ отъ дѣтства,
И потомъ попалъ въ стаканъ
Полный мухоѣдства...

— Господи, что̀ такое? воскликнула Варвара Петровна.

— То есть когда лѣтомъ, заторопился капитанъ, ужасно махая руками, съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ автора, которому мѣшаютъ читать, когда лѣтомъ въ стаканъ налѣзутъ мухи, то происходитъ мухоѣдство, всякій дуракъ пойметъ, не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы увидите... (онъ все махалъ руками).

Мѣсто занялъ тараканъ,
Мухи возроптали,
Полонъ очень нашъ стаканъ,
Къ Юпитеру закричали.

Но пока у нихъ шелъ крикъ,
Подошелъ Никифоръ,
Бла-го-роднѣйшій старикъ...

Тутъ у меня еще не докончено, но все равно, словами! трещалъ капитанъ,—Никифоръ беретъ стаканъ и, не смотря на крикъ, выплескиваетъ въ лоханъ всю комедію, и мухъ и таракана, что̀ давно надо было сдѣлать. Но замѣтьте, замѣтьте, сударыня, тараканъ не ропщетъ! Вотъ отвѣтъ на вашъ вопросъ: «почему?» вскричалъ онъ, торжествуя: «Та-ра-канъ не ропщетъ!» —Что̀-же касается до Никифора, то онъ изображаетъ природу, прибавилъ онъ скороговоркой и самодовольно заходилъ по комнатѣ.

Варвара Петровна разсердилась ужасно.

— А въ какихъ деньгахъ, позвольте васъ спросить, полученныхъ будто-бы отъ Николая Всеволодовича и будто-бы вамъ не доданныхъ, вы осмѣлились обвинить одно лицо, принадлежащее къ моему дому?

— Клевета! взревѣлъ Лебядкинъ, трагически поднявъ правую руку.

— Нѣтъ, не клевета.

— Сударыня, есть обстоятельства, заставляющія сносить скорѣе фамильный позоръ, чѣмъ провозгласить громко истину. Не проговорится Лебядкинъ, сударыня!

Онъ точно ослѣпъ; онъ былъ во вдохновеніи; онъ чувствовалъ свою значительность; ему навѣрно что̀-то такое представлялось. Ему уже хотѣлось обидѣть, какъ нибудь нагадить, показать свою власть.

— Позвоните, пожалуйста, Степанъ Трофимовичъ, попросила Варвара Петровна.

— Лебядкинъ хитеръ, сударыня! подмигнулъ онъ со скверною улыбкой, — хитеръ, но есть и у него препона, есть и у него преддверіе страстей! И это преддверіе — старая боевая гусарская бутылка, воспѣтая Денисомъ Давыдовымъ. Вотъ когда онъ въ этомъ преддверіи, сударыня, тутъ и случается, что онъ отправитъ письмо въ стихахъ, вели-колѣпнѣйшее,—но которое желалъ-бы потомъ возвратить обратно слезами всей своей жизни, ибо нарушается чувство прекраснаго. Но вылетѣла птичка, не поймаешь за хвостъ! Вотъ въ этомъ-то преддверіи, сударыня, Лебядкинъ могъ проговорить на счетъ и благородной дѣвицы, въ видѣ благороднаго негодованія возмущенной обидами души, чѣмъ и воспользовались клеветники его. Но хитеръ Лебядкинъ, сударыня! И напрасно сидитъ надъ нимъ зловѣщій волкъ, ежеминутно подливая и ожидая конца: не проговорится Лебядкинъ, и на днѣ бутылки, вмѣсто ожидаемаго, оказывается каждый разъ — хитрость Лебядкина! Но довольно, о, довольно! Сударыня, ваши великолѣпные чертоги могли-бы принадлежать благороднѣйшему изъ лицъ, но тараканъ не ропщетъ! Замѣтьте-же, замѣтьте, наконецъ, что не ропщетъ, и познайте великій духъ!

Въ это мгновеніе снизу изъ швейцарской раздался звонокъ, и почти тотчасъ-же появился, нѣсколько замѣшкавшій на звонъ Степана Трофимовича, Алексѣй Егорычъ. Старый чинный слуга былъ въ какомъ-то необыкновенно возбужденномъ состояніи.

— Николай Всеволодовичъ изволили сію минуту прибыть и идутъ сюда-съ, произнесъ онъ въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Варвары Петровны.

Я особенно припоминаю ее въ то мгно-

веніе: сперва она поблѣднѣла, но вдругъ глаза ея засверкали. Она выпрямилась въ креслахъ, съ видомъ необычной рѣшимости. Да и всѣ были поражены. Совершенно неожиданный пріѣздъ Николая Всеволодовича, котораго ждали у насъ развѣ что черезъ мѣсяцъ, былъ страненъ не одною своею неожиданностью, а именно роковымъ какимъ-то совпаденіемъ съ настоящею минутой. Даже капитанъ остановился какъ столбъ среди комнаты, разинувъ ротъ и съ ужасно глупымъ видомъ смотря на дверь.

И вотъ изъ сосѣдней залы, длинной и большой комнаты, раздались скорые приближающіеся шаги, маленькіе шаги, чрезвычайно частые; кто-то какъ будто катился, и вдругъ влетѣлъ въ гостиную — совсѣмъ не Николай Всеволодовичъ, а совершенно незнакомый никому молодой человѣкъ.

V.

Позволю себѣ пріостановиться и хотя нѣсколько бѣглыми штрихами очертить это внезапно появляющееся лицо.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи или около, немного повыше средняго роста, съ жидкими бѣлокурыми, довольно длинными волосами и съ клочковатыми, едва обозначавшимися усами и бородкой. Одѣтый чисто и даже по модѣ, но не щегольски; какъ будто съ перваго взгляда сутуловатый и мѣшковатый, но однако-жь совсѣмъ не сутуловатый и даже развязный. Какъ будто какой-то чудакъ, и однако-же всѣ у насъ находили потомъ его манеры весьма приличными, а разговоръ всегда идущимъ къ дѣлу.

Никто не скажетъ, что онъ дуренъ собой, но лицо его никому не нравится. Голова его удлиннена къ затылку и какъ-бы сплюснута съ боковъ, такъ что лицо его кажется вострымъ. Лобъ его высокъ и узокъ, но черты лица мелки; глазъ острый, носикъ маленькій и востренькій, губы длинныя и тонкія. Выраженіе лица словно болѣзненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щекахъ и около скулъ, что̀ придаетъ ему видъ какъ-бы выздоравливающаго послѣ тяжкой болѣзни. И однако-же, онъ совершенно здоровъ, силенъ и даже никогда не былъ боленъ.

Онъ ходитъ и движется очень торопливо, но никуда не торопится. Кажется, ничего не можетъ привести его въ смущеніе; при всякихъ обстоятельствахъ и въ какомъ угодно обществѣ онъ останется тотъ-же. Въ немъ большое самодовольство, но самъ онъ его въ себѣ не примѣчаетъ нисколько.

Говоритъ онъ скоро, торопливо; но въ тоже время самоувѣренно, и не лѣзетъ за словомъ въ карманъ. Его мысли спокойны, не смотря на торопливый видъ, отчетливы и окончательны, — и это особенно выдается. Выговоръ у него удивительно ясенъ; слова его сыплются какъ ровныя, крупныя зернушки, всегда подобранныя и всегда готовыя къ вашимъ услугамъ. Сначала это вамъ и нравится, но потомъ станетъ противно, и именно отъ этого слишкомъ уже яснаго выговора, отъ этого бисера вѣчно готовыхъ словъ. Вамъ какъ-то начинаетъ представляться, что языкъ у него во рту, должно быть, какой нибудь особенной формы, какой нибудь необыкновенно длинный и тонкій, ужасно красный и съ чрезвычайно вострымъ, безпрерывно и невольно вертящимся кончикомъ.

Ну вотъ этотъ-то молодой человѣкъ и влетѣлъ теперь въ гостиную, и, право, мнѣ до сихъ поръ кажется, что онъ заговорилъ еще изъ сосѣдней залы и такъ и вошелъ говоря. Онъ мигомъ очутился предъ Варварой Петровной.

— ...Представьте-же, Варвара Петровна, сыпалъ онъ какъ бисеромъ, — я вхожу и думаю застать его здѣсь уже съ четверть часа; онъ полтора часа какъ пріѣхалъ; мы сошлись у Кирилова; онъ отправился, полчаса тому, прямо сюда и велѣлъ мнѣ тоже сюда приходить черезъ четверть часа...

— Да кто? Кто велѣлъ вамъ сюда приходить? допрашивала Варвара Петровна.

— Да Николай-же Всеволодовичъ! Такъ неужели вы въ самомъ дѣлѣ только сію минуту узнаете? Но багажъ-же его, по крайней мѣрѣ, долженъ давно прибыть, какъ-же вамъ не сказали? Стало быть, я первый

и возвѣщаю. За нимъ можно было-бы, однако, послать куда нибудь, а впрочемъ, навѣрно онъ самъ сейчасъ явится и, кажется, именно въ то самое время, которое какъ разъ отвѣтствуетъ нѣкоторымъ его ожиданіямъ и, сколько я, по крайней мѣрѣ, могу судить, его нѣкоторымъ разсчетамъ. Тутъ онъ обвелъ глазами комнату и особенно внимательно остановилъ ихъ на капитанѣ. — Ахъ, Лизавета Николаевна, какъ я радъ, что встрѣчаю васъ съ перваго-же шагу, очень радъ пожать вашу руку, быстро подлетѣлъ онъ къ ней, чтобы подхватить протянувшуюся къ нему ручку весело улыбнувшейся Лизы; — и, сколько замѣчаю, многоуважаемая Прасковья Ивановна тоже не забыла, кажется, своего «профессора» и даже на него не сердится, какъ всегда сердилась въ Швейцаріи. Но какъ, однако-жь, здѣсь ваши ноги, Прасковья Ивановна, и справедливо-ли приговорилъ вамъ швейцарскій консиліумъ климатъ родины?.. Какъ-съ? Примочки? Это очень должно быть полезно. Но какъ я жалѣлъ, Варвара Петровна (быстро повернулся онъ опять), что не успѣлъ васъ застать тогда за границей и засвидѣтельствовать вамъ лично мое уваженіе, при томъ-же такъ много имѣлъ сообщить... Я увѣдомлялъ сюда моего старика, но онъ, по своему обыкновенію, кажется...

— Петруша! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ мгновенно выходя изъ оцѣпенѣнія; онъ сплеснулъ руками и бросился къ сыну. — Pierre, mon enfant, а вѣдь я не узналъ тебя! сжалъ онъ его въ объятіяхъ, и слезы покатились изъ глазъ его.

— Ну, не шали, не шали, безъ жестовъ, ну и довольно, довольно, прошу тебя, торопливо бормоталъ Петруша, стараясь освободиться изъ объятій.

— Я всегда, всегда былъ виноватъ предъ тобой!

— Ну, и довольно; объ этомъ мы послѣ. Такъ вѣдь и зналъ, что зашалишь. Ну, будь-же немного потрезвѣе, прошу тебя.

— Но вѣдь я не видалъ тебя десять лѣтъ!

— Тѣмъ менѣе причинъ къ изліяніямъ...

— Mon enfant.

— Ну вѣрю, вѣрю, что любишь, убери свои руки. Вѣдь ты мѣшаешь другимъ... Ахъ, вотъ и Николай Всеволодовичъ, да не шали-же, прошу тебя, наконецъ!

Николай Всеволодовичъ дѣйствительно былъ уже въ комнатѣ; онъ вошелъ очень тихо и на мгновеніе остановился въ дверяхъ, тихимъ взглядомъ окидывая собраніе.

Какъ и четыре года назадъ, когда въ первый разъ я увидалъ его, такъ точно и теперь, я былъ пораженъ съ перваго на него взгляда. Я ни мало не забылъ его; но, кажется, есть такія физіономіи, которыя всегда, каждый разъ, когда появляются, какъ-бы приносятъ съ собой нѣчто новое, еще не примѣченное въ нихъ вами, хотябы вы сто разъ прежде встрѣчались. Повидимому, онъ былъ все тотъ-же какъ и четыре года назадъ: такъ-же изященъ, такъ-же важенъ, такъ-же важно входилъ, какъ и тогда, даже почти такъ-же молодъ. Легкая улыбка его была такъ-же оффиціально ласкова и такъ-же самодовольна; взглядъ такъ-же строгъ, вдумчивъ и какъ-бы разсѣянъ. Однимъ словомъ, казалось, мы вчера только разстались. Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его красавцемъ, но лицо его дѣйствительно «походило на маску», какъ выражались нѣкоторыя изъ злоязычныхъ дамъ нашего общества. Теперь же, — теперь-же, не знаю почему, онъ съ перваго-же взгляда показался мнѣ рѣшительнымъ, неоспоримымъ красавцемъ, такъ что уже никакъ нельзя было сказать, что лицо его походитъ на маску. Не оттого-ли, что онъ сталъ чуть-чуть блѣднѣе чѣмъ прежде, и, кажется, нѣсколько похудѣлъ? Или, можетъ быть, какая нибудь новая мысль свѣтилась теперь въ его взглядѣ?

— Николай Всеволодовичъ! вскричала, вся выпрямившись и не сходя съ креселъ, Варвара Петровна, останавливая его повелительнымъ жестомъ, — остановись на одну минуту!

Но чтобъ объяснить тотъ ужасный вопросъ, который вдругъ послѣдовалъ за этимъ жестомъ и восклицаніемъ, — вопросъ, возможности котораго я даже и въ самой Варварѣ Петровнѣ не могъ-бы предположить, — я попрошу читателя вспомнить, что̀ такое былъ характеръ Варвары Петровны во всю ея жизнь и необыкновенную стремитель-

ность его въ иныя чрезвычайныя минуты. Прошу тоже сообразить, что, не смотря на необыкновенную твердость души и на значительную долю разсудка и практическаго, такъ сказать, даже хозяйственнаго такта, которыми она обладала, всетаки въ ея жизни не переводились такія мгновенія, которымъ она отдавалась вдругъ вся, всецѣло и, если позволительно такъ выразиться, совершенно безъ удержу. Прошу взять, наконецъ, во вниманіе, что настоящая минута дѣйствительно могла быть для нея изъ такихъ, въ которыхъ вдругъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается вся сущность жизни, — всего прожитаго, всего настоящаго и, пожалуй, будущаго. Напомню еще вскользь и о полученномъ ею анонимномъ письмѣ, о которомъ она давеча такъ раздражительно проговорилась Прасковьѣ Ивановнѣ, причемъ, кажется, умолчала о дальнѣйшемъ содержаніи письма; а въ немъ-то, можетъ быть, и заключалась разгадка возможности того ужаснаго вопроса, съ которымъ она вдругъ обратилась къ сыну.

— Николай Всеволодовичъ, — повторила она, отчеканивая слова твердымъ голосомъ, въ которомъ зазвучалъ грозный вызовъ, — прошу васъ, скажите сейчасъ-же, не сходя съ этого мѣста, правда-ли, что эта несчастная, хромая женщина, — вотъ она, вонъ тамъ, смотрите на нее! Правда-ли, что она... законная жена ваша?

Я слишкомъ помню это мгновеніе; онъ не смигнулъ даже глазомъ и пристально смотрѣлъ на мать; ни малѣйшаго измѣненія въ лицѣ его не послѣдовало. Наконецъ, онъ медленно улыбнулся какой-то снисходящей улыбкой и, не отвѣтивъ ни слова, тихо подошелъ къ мамашѣ, взялъ ея руку, почтительно поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ. И до того было сильно всегдашнее, неодолимое вліяніе его на мать, что она и тутъ не посмѣла отдернуть руки. Она только смотрѣла на него, вся обратясь въ вопросъ, и весь видъ ея говорилъ, что еще одинъ мигъ, и она не вынесетъ неизвѣстности.

Но онъ продолжалъ молчать. Поцѣловавъ руку, онъ еще разъ окинулъ взглядомъ всю комнату и по прежнему не спѣша направился прямо къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ. Очень трудно описывать физіономіи людей въ нѣкоторыя мгновенія. Мнѣ, напримѣръ, запомнилось, что Марья Тимоѳеевна, вся замирая отъ испуга, поднялась къ нему на встрѣчу и сложила, какъ-бы умоляя его, предъ собою руки; а вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминается и восторгъ въ ея взглядѣ, какой-то безумный восторгъ, почти исказившій ея черты — восторгъ, который трудно людьми выносится. Можетъ, было и то и другое, и испугъ, и восторгъ; но, помню, что я быстро къ ней придвинулся (я стоялъ почти подлѣ), мнѣ показалось, что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ.

— Вамъ нельзя быть здѣсь, — проговорилъ ей Николай Всеволодовичъ ласковымъ, мелодическимъ голосомъ, и въ глазахъ его засвѣтилась необыкновенная нѣжность. Онъ стоялъ предъ нею въ самой почтительной позѣ, и въ каждомъ движеніи его сказывалось самое искреннее уваженіе. Бѣдняжка стремительнымъ полушепотомъ, задыхаясь, пролепетала ему:

— А мнѣ можно... сейчасъ... стать предъ вами на колѣни?

— Нѣтъ, этого никакъ нельзя, — великолѣпно улыбнулся онъ ей, такъ что и она вдругъ радостно усмѣхнулась. Тѣмъ-же мелодическимъ голосомъ и нѣжно уговаривая ее, точно ребенка, онъ съ важностію прибавилъ:

— Подумайте о томъ, что вы дѣвушка, а я хоть и самый преданный другъ вашъ, но все-же вамъ посторонній человѣкъ, не мужъ, не отецъ, не женихъ. Дайте-же руку вашу и пойдемте; я провожу васъ до кареты и, если позволите, самъ отвезу васъ въ вашъ домъ.

Она выслушала и какъ-бы въ раздумьи склонила голову.

— Пойдемте, сказала она, вздохнувъ и подавая ему руку.

Но тутъ съ нею случилось маленькое несчастіе. Должно быть, она неосторожно какъ нибудь повернулась и ступила на свою больную, короткую ногу, — словомъ, она упала всѣмъ бокомъ на кресло, и не будь этихъ креселъ, полетѣла-бы на полъ. Онъ мигомъ подхватилъ ее и поддержалъ, крѣпко взялъ подъ руку и, съ участіемъ, осторожно повелъ къ дверямъ. Она видимо

была огорчена своимъ паденіемъ, смутилась, покраснѣла и ужасно застыдилась. Молча смотря въ землю, глубоко прихрамывая, она заковыляла за нимъ, почти повиснувъ на его рукѣ. Такъ они и вышли. Лиза, я видѣлъ, для чего-то вдругъ привскочила съ кресла, пока они выходили, и неподвижнымъ взглядомъ прослѣдила ихъ до самыхъ дверей. Потомъ молча сѣла опять, но въ лицѣ ея было какое-то судорожное движеніе, какъ будто она дотронулась до какого-то гада.

Пока шла вся эта сцена между Николаемъ Всеволодовичемъ и Марьей Тимоѳеевной, всѣ молчали въ изумленіи; муху-бы можно услышать; но только что они вышли, всѣ вдругъ заговорили.

VI.

Говорили, впрочемъ, мало, а болѣе восклицали. Я немножко забылъ теперь, какъ это все происходило тогда по порядку, потому что вышла сумятица. Воскликнулъ что-то Степанъ Трофимовичъ по французски и сплеснулъ руками, но Варварѣ Петровнѣ было не до него. Даже пробормоталъ что-то отрывисто и скоро Маврикій Николаевичъ. Но всѣхъ болѣе горячился Петръ Степановичъ; онъ въ чемъ-то отчаянно убѣждалъ Варвару Петровну, съ большими жестами, но я долго не могъ понять. Обращался и къ Прасковьѣ Ивановнѣ и къ Лизаветѣ Николаевнѣ, даже мелькомъ сгоряча крикнулъ что-то отцу, — однимъ словомъ, очень вертѣлся по комнатѣ. Варвара Петровна, вся раскраснѣвшись, вскочила было съ мѣста и крикнула Прасковьѣ Ивановнѣ: «Слышала, слышала ты, что онъ здѣсь ей сейчасъ говорилъ?» Но та ужь и отвѣчать не могла, а только пробормотала что-то, махнувъ рукой. У бѣдной была своя забота: она поминутно поворачивала голову къ Лизѣ и смотрѣла на нее въ безотчетномъ страхѣ, а встать и уѣхать и думать уже не смѣла, пока не подымется дочь. Тѣмъ временемъ капитанъ навѣрно хотѣлъ улизнуть. Это я подмѣтилъ. Онъ былъ въ сильномъ и несомнѣнномъ испугѣ, съ самаго того мгновенія, какъ появился Николай Всеволодовичъ; но Петръ Степановичъ схватилъ его за руку и не далъ уйдти.

— Это необходимо, необходимо, — сыпалъ онъ своимъ бисеромъ Варварѣ Петровнѣ, все продолжая ее убѣждать. Онъ стоялъ предъ нею, а она уже опять сидѣла въ креслахъ, и, помню, съ жадностію его слушала; онъ таки добился того и завладѣлъ ея вниманіемъ.

— Это необходимо. Вы сами видите, Варвара Петровна, что тутъ недоразумѣніе, и на видъ много чуднаго, а между тѣмъ дѣло ясное какъ свѣчка и простое какъ палецъ. Я слишкомъ понимаю, что никѣмъ не уполномоченъ разсказывать и имѣю, пожалуй, смѣшной видъ, самъ напрашиваясь. Но, во первыхъ, самъ Николай Всеволодовичъ не придаетъ этому дѣлу никакого значенія, и, наконецъ, все-же есть случаи, въ которыхъ трудно человѣку рѣшиться на личное объясненіе самому, а надо непремѣнно, чтобы взялось за это третье лицо, которому легче высказать нѣкоторыя деликатныя вещи. Повѣрьте, Варвара Петровна, что Николай Всеволодовичъ нисколько не виноватъ, не отвѣтивъ на вашъ давешній вопросъ тотчасъ-же, радикальнымъ объясненіемъ, не смотря на то, что дѣло плевое; я знаю его еще съ Петербурга. Къ тому-же весь анекдотъ дѣлаетъ только честь Николаю Всеволодовичу, если ужь непремѣнно надо употребить это неопредѣленное слово «честь»...

— Вы хотите сказать, что вы были свидѣтелемъ какого-то случая, отъ котораго произошло... это недоумѣніе? спросила Варвара Петровна.

— Свидѣтелемъ и участникомъ, — поспѣшно подтвердилъ Петръ Степановичъ.

— Если вы дадите мнѣ слово, что это не обидитъ деликатности Николая Всеволодовича, въ извѣстныхъ мнѣ чувствахъ его ко мнѣ, отъ которой онъ ни-че-го не скрываетъ... и если вы такъ притомъ увѣрены, что этимъ даже сдѣлаете ему удовольствіе...

— Непремѣнно удовольствіе, потому-то и самъ вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе. Я убѣжденъ, что онъ самъ-бы меня просилъ.

Довольно странно было и внѣ обыкно-

венныхъ пріемовъ это навязчивое желаніе этого вдругъ упавшаго съ неба господина разсказывать чужіе анекдоты. Но онъ поймалъ Варвару Петровну на удочку, дотронувшись до слишкомъ наболѣвшаго мѣста. Я еще не зналъ тогда характера этого человѣка вполнѣ, а ужь тѣмъ болѣе его намѣреній.

— Васъ слушаютъ, сдержанно и осторожно возвѣстила Варвара Петровна, нѣсколько страдая отъ своего снисхожденія.

— Вещь короткая; даже, если хотите, по настоящему это и не анекдотъ, — посыпался бисеръ. — Впрочемъ, романистъ отъ бездѣлья могъ-бы испечь романъ. Довольно интересная вещица, Прасковья Ивановна, и я увѣренъ, что Лизавета Николаевна съ любопытствомъ выслушаетъ, потому что тутъ много если не чудныхъ, то причудливыхъ вещей. Лѣтъ пять тому, въ Петербургѣ, Николай Всеволодовичъ узналъ этого господина, — вотъ этого самаго господина Лебядкина, который стоитъ разиня ротъ и, кажется, собирался сейчасъ улизнуть. Извините, Варвара Петровна. Я вамъ, впрочемъ, не совѣтую улепетывать, господинъ отставной чиновникъ бывшаго провіантскаго вѣдомства (видите, я отлично васъ помню). И мнѣ и Николаю Всеволодовичу слишкомъ извѣстны ваши здѣшнія продѣлки, въ которыхъ, не забудьте это, вы должны будете дать отчетъ. Еще разъ прошу извиненія, Варвара Петровна. Николай Всеволодовичъ называлъ тогда этого господина своимъ Фальстафомъ; это, должно быть (пояснилъ онъ вдругъ), какой нибудь бывшій характеръ, burlesque, надъ которымъ всѣ смѣются и который самъ позволяетъ надъ собою всѣмъ смѣяться, лишьбы платили деньги. Николай Всеволодовичъ велъ тогда въ Петербургѣ жизнь, такъ сказать, насмѣшливую, — другимъ словомъ не могу опредѣлить ее, потому что въ разочарованіе этотъ человѣкъ не впадетъ, а дѣломъ онъ и самъ тогда пренебрегалъ заниматься. Я говорю про одно лишь тогдашнее время, Варвара Петровна. У Лебядкина этого была сестра, вотъ эта самая, что сейчасъ здѣсь сидѣла. Братецъ и сестрица не имѣли своего угла и скитались по чужимъ. Онъ бродилъ подъ арками Гостинаго Двора, непремѣнно въ бывшемъ мундирѣ, и останавливалъ прохожихъ съ виду почище, а что̀ наберетъ — пропивалъ. Сестрица-же кормилась какъ птица небесная. Она тамъ въ углахъ помогала и за нужду прислуживала. Содомъ былъ ужаснѣйшій; я миную картину этой угловой жизни, — жизни, которой изъ чудачества предавался тогда и Николай Всеволодовичъ. Я только про тогдашнее время, Варвара Петровна; а что касается до «чудачества», то это его собственное выраженіе. Онъ многое отъ меня не скрываетъ. M-lle Лебядкина, которой одно время слишкомъ часто пришлось встрѣчать Николая Всеволодовича, была поражена его наружностью. Это былъ, такъ сказать, брилліантъ на грязномъ фонѣ ея жизни. Я плохой описатель чувствъ, а потому пройду мимо; но ее тотчасъ-же подняли дрянные людишки на смѣхъ, и она загрустила. Тамъ вообще надъ нею смѣялись, но прежде она вовсе не замѣчала того. Голова ея уже и тогда была не въ порядкѣ, но тогда всетаки не такъ какъ теперь. Есть основаніе предположить, что въ дѣтствѣ, черезъ какую-то благодѣтельницу, она чуть было не получила воспитанія. Николай Всеволодовичъ никогда не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и игралъ больше въ старыя замасленныя карты по четверть копѣйки въ преферансъ съ чиновниками. Но разъ, когда ее обижали, онъ (не спрашивая причины) схватилъ одного чиновника за шиворотъ и спустилъ изъ втораго этажа въ окно. Никакихъ рыцарскихъ негодованій въ пользу оскорбленной невинности тутъ не было: вся операція произошла при общемъ смѣхѣ, и смѣялся всѣхъ больше Николай Всеволодовичъ самъ; когда-же все кончилось благополучно, то помирились и стали пить пуншъ. Но угнетенная невинность сама про то не забыла. Разумѣется, кончилось окончательнымъ сотрясеніемъ ея умственныхъ способностей. Повторяю, я плохой описатель чувствъ, но тутъ главное мечта. А Николай Всеволодовичъ, какъ нарочно, еще болѣе раздражалъ мечту: вмѣсто того чтобы разсмѣяться, онъ вдругъ сталъ обращаться къ m-lle Лебядкиной съ неожиданнымъ уваженіемъ. Кириловъ, тутъ бывшій (чрезвы-

чайный оригиналъ, Варвара Петровна, и чрезвычайно отрывистый человѣкъ; вы, можетъ быть, когда нибудь его увидите, онъ теперь здѣсь), ну, такъ вотъ этотъ Кириловъ, который по обыкновенію все молчитъ, а тутъ вдругъ разгорячился, замѣтилъ, я помню, Николаю Всеволодовичу, что тотъ третируетъ эту госпожу какъ маркизу и тѣмъ окончательно ее добиваетъ. Прибавлю, что Николай Всеволодовичъ нѣсколько уважалъ этого Кирилова. Что-жь, вы думаете, онъ ему отвѣтилъ: «Вы полагаете, господинъ Кириловъ, что я смѣюсь надъ нею; разувѣрьтесь, я въ самомъ дѣлѣ ее уважаю, потому что она всѣхъ насъ лучше». И, знаете, такимъ серіознымъ тономъ сказалъ. Между тѣмъ въ эти два—три мѣсяца, онъ кромѣ *здравствуйте*, да *прощайте*, въ сущности не проговорилъ съ ней ни слова. Я, тутъ бывшій, навѣрно помню, что она до того уже, наконецъ, дошла, что считала его чѣмъ-то въ родѣ жениха своего, не смѣющаго ее «похитить» единственно потому, что у него много враговъ и семейныхъ препятствій, или что-то въ этомъ родѣ. Много тутъ было смѣху! Кончилось тѣмъ, что когда Николаю Всеволодовичу пришлось тогда отправляться сюда, онъ, уѣзжая, распорядился о ея содержаніи и, кажется, довольно значительномъ ежегодномъ пенсіонѣ, рублей въ триста, по крайней мѣрѣ, если не болѣе. Однимъ словомъ, положимъ, все это съ его стороны баловство, фантазія преждевременно уставшаго человѣка, — пусть даже, наконецъ, какъ говорилъ Кириловъ, это былъ новый этюдъ пресыщеннаго человѣка съ цѣлью узнать, до чего можно довести съумасшедшую калѣку. «Вы, говоритъ, нарочно выбрали самое послѣднее существо, калѣку, покрытую вѣчнымъ позоромъ и побоями,—и вдобавокъ, зная, что это существо умираетъ къ вамъ отъ комической любви своей, и вдругъ, вы нарочно принимаетесь ее морочить, единственно для того, чтобы посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ!» Чѣмъ, наконецъ, такъ особенно виноватъ человѣкъ въ фантазіяхъ съумасшедшей женщины, съ которой, замѣтьте, онъ врядъ-ли двѣ фразы во все время выговорилъ! Есть вещи, Варвара Петровна, о которыхъ не только нельзя умно говорить, но о которыхъ и начинать-то говорить не умно. Ну, пусть, наконецъ, чудачество — но вѣдь болѣе-то ужь ничего нельзя сказать; а между тѣмъ теперь вотъ изъ этого сдѣлали исторію... Мнѣ отчасти извѣстно, Варвара Петровна, о томъ, что̀ здѣсь происходитъ.

Разскащикъ вдругъ оборвалъ и повернулся было къ Лебядкину, но Варвара Петровна остановила его; она была въ сильнѣйшей экзальтаціи.

— Вы кончили? спросила она.

— Нѣтъ еще; для полноты мнѣ надо-бы, если позволите, допросить тутъ кое въ чемъ вотъ этого господина... Вы сейчасъ увидите въ чемъ дѣло, Варвара Петровна.

— Довольно, послѣ, остановитесь на минуту, прошу васъ. О, какъ я хорошо сдѣлала, что допустила васъ говорить!

— И замѣтьте, Варвара Петровна, встрепенулся Петръ Степановичъ, — ну, могъ-ли Николай Всеволодовичъ самъ объяснить вамъ это все давеча, въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, — можетъ быть, слишкомъ ужь категорическій?

— О да, слишкомъ!

— И не правъ-ли я былъ, говоря, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ третьему человѣку гораздо легче объяснить, чѣмъ самому заинтересованному!

— Да, да... Но въ одномъ вы ошиблись, и, съ сожалѣніемъ вижу, продолжаете ошибаться.

— Неужели? Въ чемъ это?

— Видите... А впрочемъ, если-бы вы сѣли, Петръ Степановичъ.

— О, какъ вамъ угодно, я и самъ усталъ, благодарю васъ.

Онъ мигомъ выдвинулъ кресло и повернулъ его такъ, что очутился между Варварой Петровной, съ одной стороны, Прасковьей Ивановной у стола съ другой и лицомъ къ господину Лебядкину, съ котораго онъ ни на минутку не спускалъ своихъ глазъ.

— Вы ошибаетесь въ томъ, что называете это «чудачествомъ»...

— О, если только это...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, подождите, остановила Варвара Петровна, очевидно приготовляясь много и съ упоеніемъ говорить.

Петръ Степановичъ лишь только замѣтилъ это, весь обратился во вниманіе.

— Нѣтъ, это было нѣчто высшее чудачества, и, увѣряю васъ, нѣчто даже святое! Человѣкъ гордый и рано оскорбленный, дошедшій до той «насмѣшливости», о которой вы такъ мѣтко упомянули,—однимъ словомъ, принцъ Гарри, какъ великолѣпно сравнилъ тогда Степанъ Трофимовичъ и что̀ было-бы совершенно вѣрно, если-бъ онъ не походилъ еще болѣе на Гамлета, по крайней мѣрѣ, по моему взгляду.

— Et vous avez raison, съ чувствомъ и вѣско отозвался Степанъ Трофимовичъ.

— Благодарю васъ, Степанъ Трофимовичъ, васъ я особенно благодарю и именно за вашу всегдашнюю вѣру въ Nicolas, въ высокость его души и призванія. Эту вѣру вы даже во мнѣ подкрѣпляли, когда я падала духомъ.

— Chère, chère... Степанъ Трофимовичъ шагнулъ было уже впередъ, но пріостановился, разсудивъ, что прерывать опасно.

— И если-бы всегда подлѣ Nicolas (отчасти пѣла уже Варвара Петровна) находился тихій, великій въ смиреніи своемъ Гораціо,— другое прекрасное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ,—то, можетъ быть, онъ давно уже былъ-бы спасенъ отъ грустнаго и «внезапнаго демона ироніи», который всю жизнь терзалъ его. (О демонѣ ироніи, опять удивительное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ). Но у Nicolas никогда не было ни Гораціо, ни Офеліи. У него была лишь одна его мать, но что̀-же можетъ сдѣлать мать одна и въ такихъ обстоятельствахъ? Знаете, Петръ Степановичъ, мнѣ становится даже чрезвычайно понятнымъ, что такое существо какъ Nicolas могъ являться даже и въ такихъ грязныхъ трущобахъ, про которыя вы разсказывали. Мнѣ такъ ясно представляется теперь эта «насмѣшливость» жизни (удивительно мѣткое выраженіе ваше!), эта ненасытимая жажда контраста, этотъ мрачный фонъ картины, на которомъ онъ является какъ брилліантъ, по вашему-же опять сравненію, Петръ Степановичъ. И вотъ онъ встрѣчаетъ тамъ всѣми обиженное существо, калѣку и полупомѣшанную, и въ тоже время, можетъ быть, съ благороднѣйшими чувствами!..

— Гм... да, положимъ.

— И вамъ послѣ этого непонятно, что онъ не смѣется надъ нею какъ всѣ! О, люди! Вамъ непонятно, что онъ защищаетъ ее отъ обидчиковъ, окружаетъ ее уваженіемъ «какъ маркизу» (этотъ Кириловъ, должно быть, необыкновенно глубоко понимаетъ людей, хотя и онъ не понялъ Nicolas!). Если хотите, тутъ именно черезъ этотъ контрастъ и вышла бѣда; если-бы несчастная была въ другой обстановкѣ, то, можетъ быть, и не дошла-бы до такой умоизступленной мечты. Женщина, женщина только можетъ понять это, Петръ Степановичъ, и какъ жаль, что вы... то есть не то, что вы не женщина, а, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, чтобы понять!

— То есть въ томъ смыслѣ, что чѣмъ хуже тѣмъ лучше, я понимаю, понимаю, Варвара Петровна. Это въ родѣ какъ въ религіи: чѣмъ хуже человѣку жить или чѣмъ забитѣе или бѣднѣе весь народъ, тѣмъ упрямѣе мечтаетъ онъ о вознагражденіи въ раю, а если при этомъ хлопочетъ еще сто тысячъ священниковъ, разжигая мечту и на нее спекулируя, то... я понимаю васъ, Варвара Петровна, будьте покойны.

— Это, положимъ, не совсѣмъ такъ, но скажите, неужели Nicolas, чтобы погасить эту мечту въ этомъ несчастномъ организмѣ (для чего Варвара Петровна тутъ употребила слово организмъ, я не могъ понять): неужели онъ долженъ былъ самъ надъ нею смѣяться и съ нею обращаться какъ другіе чиновники? Неужели вы отвергаете то высокое состраданіе, ту благородную дрожь всего организма, съ которую Nicolas вдругъ строго отвѣчаетъ Кирилову: «Я не смѣюсь надъ нею». Высокій, святой отвѣтъ!

— Sublime, пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ.

— И замѣтьте, онъ вовсе не такъ богатъ, какъ вы думаете; богата я, а не онъ, а онъ у меня тогда почти вовсе не бралъ.

— Я понимаю, понимаю все это, Варвара Петровна, нѣсколько уже нетерпѣливо шевелился Петръ Степановичъ.

— О, это мой характеръ! Я узнаю себя въ Nicolas. Я узнаю эту молодость, эту воз-

можность бурныхъ, грозныхъ порывовъ... И если мы когда нибудь сблизимся съ вами, Петръ Степановичъ, чего я съ моей стороны желаю такъ искренно, тѣмъ болѣе что вамъ уже такъ обязана, то вы, можетъ быть, поймете тогда...

— О, повѣрьте, я желаю, съ моей стороны, отрывисто пробормоталъ Петръ Степановичъ.

— Вы поймете тогда тотъ порывъ, по которому въ этой слѣпотѣ благородства вдругъ берутъ человѣка даже недостойнаго себя во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка глубоко непонимающаго васъ, готоваго васъ измучить при всякой первой возможности, и такого-то человѣка, наперекоръ всему, воплощаютъ вдругъ въ какой-то идеалъ, въ свою мечту, совокупляютъ на немъ всѣ надежды свои, преклоняются предъ нимъ, любятъ его всю жизнь, совершенно не зная за что̀,— можетъ быть, именно за то, что онъ недостоинъ того... О, какъ я страдала всю жизнь, Петръ Степановичъ!

Степанъ Трофимовичъ съ болѣзненнымъ видомъ сталъ ловить мой взглядъ; но я вовремя увернулся.

— ...И еще недавно, недавно—о, какъ я виновата предъ Nicolas!.. Вы не повѣрите, они измучили меня со всѣхъ сторонъ, всѣ, всѣ, и враги, и людишки, и друзья; друзья, можетъ быть, больше враговъ. Когда мнѣ прислали первое презрѣнное, анонимное письмо, Петръ Степановичъ, то вы не повѣрите этому, у меня не достало, наконецъ, презрѣнія въ отвѣтъ на всю эту злость... Никогда, никогда не прощу себѣ моего малодушія!

— Я уже слышалъ кое-что вообще о здѣшнихъ анонимныхъ письмахъ, оживился вдругъ Петръ Степановичъ,— и я вамъ ихъ розыщу, будьте покойны.

— Но вы не можете вообразить, какія здѣсь начались интриги!— они измучили даже нашу бѣдную Прасковью Ивановну— а ее-то ужь по какой причинѣ? Я, можетъ быть, слишкомъ виновата предъ тобой сегодня, моя милая Прасковья Ивановна, прибавила она въ великодушномъ порывѣ умиленія, но не безъ нѣкоторой побѣдоносной иронiи.

— Полноте, матушка, пробормотала та нехотя,— а по моему, это-бы все надо кончить; слишкомъ говорено... и она опять робко поглядѣла на Лизу, но та смотрѣла на Петра Степановича.

— А это бѣдное, это несчастное существо, эту безумную, утратившую все и сохранившую одно сердце, я намѣрена теперь сама усыновить, вдругъ воскликнула Варвара Петровна,—это долгъ, который я намѣрена свято исполнить. Съ этого-же дня беру ее подъ мою защиту!

— И это даже будетъ очень хорошо-съ, въ нѣкоторомъ смыслѣ! совершенно оживился Петръ Степановичъ.— Извините, я давеча не докончилъ. Я именно о покровительствѣ. Можете представить, что когда уѣхалъ тогда Николай Всеволодовичъ (я начинаю съ того именно мѣста, гдѣ остановился, Варвара Петровна), этотъ господинъ, вотъ этотъ самый господинъ Лебядкинъ мигомъ вообразилъ себя въ правѣ распорядиться пенсіономъ, назначеннымъ его сестрицѣ, безъ остатка; и распорядился. Я не знаю въ точности, какъ это было тогда устроено Николаемъ Всеволодовичемъ, но черезъ годъ, ужь изъ-за границы, онъ, узнавъ о происходившемъ, принужденъ былъ распорядиться иначе. Опять не знаю подробностей, онъ ихъ самъ разскажетъ, но знаю только, что интересную особу помѣстили гдѣ-то въ отдаленномъ монастырѣ, весьма даже комфортно, но подъ дружескимъ присмотромъ—понимаете? На что̀-же, вы думаете, рѣшается господинъ Лебядкинъ? Онъ употребляетъ сперва всѣ усилія, чтобы розыскать, гдѣ скрываютъ отъ него оброчную статью, то есть сестрицу, недавно только достигаетъ цѣли, беретъ ее изъ монастыря, предъявивъ какое-то на нее право, и привозитъ ее прямо сюда. Здѣсь онъ ее не кормитъ, бьетъ, тиранитъ, наконецъ, получаетъ какимъ-то путемъ отъ Николая Всеволодовича значительную сумму, тотчасъ-же пускается пьянствовать, а вмѣсто благодарности, кончаетъ дерзкимъ вызовомъ Николаю Всеволодовичу, безсмысленными требованіями, угрожая, въ случаѣ неплатежа пенсіона впредь ему прямо въ руки, судомъ. Такимъ образомъ добровольный даръ Николая Всеволодовича онъ принимаетъ за дань,— можете себѣ предста-

вить? Господинъ Лебядкинъ, правда-ли *все* то что я здѣсь сейчасъ говорилъ?

Капитанъ, до сихъ поръ стоявшій молча и потупивъ глаза, быстро шагнулъ два шага впередъ и весь побагровѣлъ.

— Петръ Степановичъ, вы жестоко со мной поступили, проговорилъ онъ точно оборвалъ.

— Какъ это жестоко, и почему-съ? Но позвольте, мы о жестокости или о мягкости послѣ, а теперь я прошу васъ только отвѣтить на первый вопросъ: правда-ли *все* то, что я говорилъ, или нѣтъ? Если вы находите, что неправда, то вы можете немедленно сдѣлать свое заявленіе.

— Я... вы сами знаете, Петръ Степановичъ... пробормоталъ капитанъ, осѣкся и замолчалъ. Надо замѣтить, что Петръ Степановичъ сидѣлъ въ креслахъ, заложивъ ногу на ногу, а капитанъ стоялъ предъ нимъ въ самой почтительной позѣ.

Колебанія господина Лебядкина, кажется, очень не понравились Петру Степановичу: лицо его передернулось какой-то злобной судорогой.

— Да вы уже въ самомъ дѣлѣ не хотите-ли что нибудь заявить? тонко поглядѣлъ онъ на капитана,—въ такомъ случаѣ сдѣлайте одолженіе, васъ ждутъ.

— Вы знаете сами, Петръ Степановичъ, что я не могу ничего заявлять.

— Нѣтъ, я этого не знаю, въ первый разъ даже слышу; почему такъ вы не можете заявлять?

Капитанъ молчалъ, опустивъ глаза въ землю.

— Позвольте мнѣ уйдти, Петръ Степановичъ, проговорилъ онъ рѣшительно.

— Но не ранѣе того какъ вы дадите какой нибудь отвѣтъ на мой первый вопросъ: правда *все*, что я говорилъ?

— Правда-съ, глухо проговорилъ Лебядкинъ и вскинулъ глазами на мучителя. Даже потъ выступилъ на вискахъ его.

— *Все* правда?

— Все правда-съ.

— Не найдете-ли вы что нибудь прибавить, замѣтить? Если чувствуете, что мы несправедливы, то заявите это; протестуйте, заявляйте вслухъ ваше неудовольствіе.

— Нѣтъ, ничего не нахожу.

— Угрожали вы недавно Николаю Всеволодовичу?

— Это... это, тутъ было больше вино, Петръ Степановичъ. (Онъ поднялъ вдругъ голову).— Петръ Степановичъ! Если фамильная честь и незаслуженный сердцемъ позоръ возопіютъ межъ людей, то тогда — неужели и тогда виноватъ человѣкъ? взревѣлъ онъ, вдругъ забывшись по давешнему.

— А вы теперь трезвы, господинъ Лебядкинъ? пронзительно поглядѣлъ на него Петръ Степановичъ.

— Я... трезвъ.

— Что это такое значитъ фамильная честь и незаслуженный сердцемъ позоръ?

— Это я про никого, я никого не хотѣлъ. Я про себя... провалился опять капитанъ.

— Вы, кажется, очень обидѣлись моими выраженіями про васъ и ваше поведеніе? Вы очень раздражительны, господинъ Лебядкинъ. Но позвольте, я вѣдь еще ничего не начиналъ про ваше поведеніе, въ его настоящемъ видѣ. Я начну говорить про ваше поведеніе, въ его настоящемъ видѣ. Я начну говорить, это очень можетъ случиться, но я вѣдь еще не начиналъ въ *настоящемъ* видѣ.

Лебядкинъ вздрогнулъ и дико уставился на Петра Степановича.

— Петръ Степановичъ, я теперь лишь начинаю просыпаться!

— Гм! И это я васъ разбудилъ?

— Да, это вы меня разбудили, Петръ Степановичъ, а я спалъ четыре года подъ висѣвшей тучей. Могу я, наконецъ, удалиться, Петръ Степановичъ?

— Теперь можете, если только сама Варвара Петровна не найдетъ необходимымъ...

Но та замахала руками.

Капитанъ поклонился, шагнулъ два шага къ дверямъ, вдругъ остановился, приложилъ руку къ сердцу, хотѣлъ было что-то сказать, не сказалъ, и быстро побѣжалъ вонъ. Но въ дверяхъ какъ разъ столкнулся съ Николаемъ Всеволодовичемъ; тотъ посторонился; капитанъ какъ-то весь вдругъ съежился предъ нимъ и такъ и замеръ на мѣстѣ, не отрывая отъ него глазъ, какъ кроликъ отъ удава. Подождавъ немного,

Николай Всеволодовичъ слегка отстранилъ его рукой и вошелъ въ гостиную.

VII.

Онъ былъ веселъ и спокоенъ. Можетъ, что нибудь съ нимъ случилось сейчасъ очень хорошее, еще намъ неизвѣстное; но онъ, казалось, былъ даже чѣмъ-то особенно доволенъ.

— Простишь-ли ты меня, Nicolas? не утерпѣла Варвара Петровна и поспѣшно встала ему на встрѣчу.

Но Nicolas рѣшительно разсмѣялся.

— Такъ и есть! воскликнулъ онъ добродушно и шутливо,—вижу, что вамъ уже все извѣстно. А я какъ вышелъ отсюда и задумался въ каретѣ: «по крайней мѣрѣ, надо было хоть анекдотъ разсказать, а то кто-же такъ уходитъ?»—Но какъ вспомнилъ, что у васъ остается Петръ Степановичъ, то и забота соскочила.

Говоря, онъ бѣгло осматривался кругомъ.

— Петръ Степановичъ разсказалъ намъ одну древнюю петербургскую исторію изъ жизни одного причудника, восторженно подхватила Варвара Петровна,—одного капризнаго и съумасшедшаго человѣка, но всегда высокаго въ своихъ чувствахъ, всегда рыцарски благороднаго...

— Рыцарски? Неужто у васъ до того дошло? смѣялся Nicolas.—Впрочемъ, я очень благодаренъ Петру Степановичу на этотъ разъ за его торопливость (тутъ онъ обмѣнялся съ нимъ мгновеннымъ взглядомъ). Надобно вамъ узнать, maman, что Петръ Степановичъ—всеобщій примиритель; это его роль, болѣзнь, конекъ, и я особенно рекомендую его вамъ съ этой точки. Догадываюсь, о чемъ онъ вамъ тутъ настрочилъ. Онъ именно строчитъ, когда разсказываетъ; въ головѣ у него канцелярія. Замѣтьте, что, въ качествѣ реалиста, онъ не можетъ солгать и что истина ему дороже успѣха... разумѣется, кромѣ тѣхъ особенныхъ случаевъ, когда успѣхъ дороже истины. (Говоря это, онъ все осматривался). Такимъ образомъ, вы видите ясно, maman, что не вамъ у меня прощенія просить и что если есть тутъ гдѣ нибудь съумасшествіе, то, конечно, прежде всего съ моей стороны, и значитъ, въ концѣ концовъ, я всетаки помѣшанный, — надо-же поддержать свою здѣшнюю репутацію...

Тутъ онъ нѣжно обнялъ мать.

— Во всякомъ случаѣ, дѣло это теперь кончено и разсказано, а, стало быть, можно и перестать о немъ, прибавилъ онъ, и какая-то сухая, твердая нотка прозвучала въ его голосѣ. Варвара Петровна поняла эту нотку; но экзальтація ея не проходила, даже напротивъ.

— Я никакъ не ждала тебя раньше какъ черезъ мѣсяцъ, Nicolas!

— Я, разумѣется, вамъ все объясню, maman, а теперь...

И онъ направился къ Прасковьѣ Ивановнѣ.

Но та едва повернула къ нему голову, не смотря на то, что съ полчаса назадъ была ошеломлена при первомъ его появленіи. Теперь-же у ней были новыя хлопоты: съ самаго того мгновенія какъ вышелъ капитанъ и столкнулся въ дверяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ, Лиза вдругъ принялась смѣяться, — сначала тихо, порывисто, но смѣхъ разростался все болѣе и болѣе, громче и явственнѣе. Она раскраснѣлась. Контрастъ съ ея недавнимъ мрачнымъ видомъ былъ чрезвычайный. Пока Николай Всеволодовичъ разговаривалъ съ Варварой Петровной, она раза два поманила къ себѣ Мавркія Николаевича, будто желая ему что-то шепнуть; но лишь только тотъ наклонялся къ ней, мигомъ заливалась смѣхомъ; можно было заключить, что она именно надъ бѣднымъ Мавркіемъ Николаевичемъ и смѣется. Она, впрочемъ, видимо старалась скрѣпиться и прикладывала платокъ къ губамъ. Николай Всеволодовичъ съ самымъ невиннымъ и простодушнымъ видомъ обратился къ ней съ привѣтствіемъ.

— Вы, пожалуйста, извините меня, отвѣтила она скороговоркой, — вы... вы, конечно, видѣли Мавркія Николаевича... Боже, какъ вы непозволительно высоки ростомъ, Мавркій Николаевичъ!

И опять смѣхъ. Мавркій Николаевичъ былъ роста высокаго, но вовсе не такъ ужь непозволительно.

— Вы... давно пріѣхали? пробормотала она опять сдерживаясь, даже конфузясь, но со сверкающими глазами.

— Часа два слишкомъ, отвѣтилъ Nicolas, пристально къ ней присматриваясь. Замѣчу, что онъ былъ необыкновенно сдержанъ и вѣжливъ, но, откинувъ вѣжливость, имѣлъ совершенно равнодушный видъ, даже вялый.

— А гдѣ будете жить?

— Здѣсь.

Варвара Петровна тоже слѣдила за Лизой, но ее вдругъ поразила одна мысль.

— Гдѣ-же ты былъ, Nicolas, до сихъ поръ всѣ эти два часа слишкомъ? подошла она; — поѣздъ приходитъ въ десять часовъ.

— Я сначала завезъ Петра Степановича къ Кирилову. А Петра Степановича я встрѣтилъ въ Матвѣевѣ (за три станціи), въ одномъ вагонѣ и доѣхали.

— Я съ разсвѣта въ Матвѣевѣ ждалъ, подхватилъ Петръ Степановичъ, — у насъ задніе вагоны соскочили ночью съ рельсовъ, чуть ногъ не поломали.

— Ноги сломали! вскричала Лиза,— мама, мама, а мы съ вами хотѣли ѣхать на прошлой недѣлѣ въ Матвѣево, вотъ-бы тоже ноги сломали!

— Господи помилуй! перекрестилась Прасковья Ивановна.

— Мама, мама, милая ма, вы не пугайтесь, если я въ самомъ дѣлѣ обѣ ноги сломаю; со мной это такъ можетъ случиться, сами-же говорите, что я каждый день скачу верхомъ сломя голову. Маврикій Николаевичъ, будете меня водить хромую? захохотала она опять. — Если это случится, я никому не дамъ себя водить кромѣ васъ, смѣло разсчитывайте. Ну, положимъ, что я только одну ногу сломаю... Ну, будьте-же любезны, скажите, что почтете за счастье.

— Что ужь за счастье съ одною ногой? серіозно нахмурился Маврикій Николаевичъ.

— Зато вы будете водить, одинъ вы, никому больше!

— Вы и тогда меня водить будете, Лизавета Николаевна, еще серіознѣе проворчалъ Маврикій Николаевичъ.

— Боже, да вѣдь онъ хотѣлъ сказать каламбуръ! почти въ ужасѣ воскликнула Лиза.— Маврикій Николаевичъ, не смѣйте никогда пускаться на этотъ путь! Но только до какой-же степени вы эгоистъ! Я убѣждена, къ чести вашей, что вы сами на себя теперь клевещете; напротивъ: вы съ утра до ночи будете меня тогда увѣрять, что я стала безъ ноги интереснѣе! Одно непоправимо — вы безмѣрно высоки ростомъ, а безъ ноги я стану премаленькая: какъ-же вы меня поведете подъ руку, мы будемъ не пара!

И она болѣзненно разсмѣялась. Остроты и намеки были плоски, но ей очевидно было не до славы.

— Истерика! шепнулъ мнѣ Петръ Степановичъ,— поскорѣе-бы воды стаканъ.

Онъ угадалъ; черезъ минуту всѣ суетились, принесли воды. Лиза обнимала свою мама, горячо цѣловала ее, плакала на ея плечѣ, и тутъ-же, опять откинувшись и засматривая ей въ лицо, принималась хохотать. Захныкала, наконецъ, и мама. Варвара Петровна увела ихъ обѣихъ поскорѣе къ себѣ, въ ту самую дверь, изъ которой вышла къ намъ давеча Дарья Павловна. Но пробыли онѣ тамъ не долго, минуты четыре не болѣе...

Я стараюсь припомнить теперь каждую черту этихъ послѣднихъ мгновеній этого достопамятнаго утра. Помню, что когда мы остались одни, безъ дамъ (кромѣ одной Дарьи Павловны, не тронувшейся съ мѣста), Николай Всеволодовичъ обошелъ насъ и перездоровался съ каждымъ, кромѣ Шатова, продолжавшаго сидѣть въ своемъ углу, и еще больше чѣмъ давеча наклонившагося въ землю. Степанъ Трофимовичъ началъ было съ Николаемъ Всеволодовичемъ о чемъ-то чрезвычайно остроумномъ, но тотъ поспѣшно направился къ Дарьѣ Павловнѣ. Но на дорогѣ почти силой перехватилъ его Петръ Степановичъ и утащилъ къ окну, гдѣ и началъ о чемъ-то быстро шептать ему, повидимому объ очень важномъ, судя по выраженію лица и по жестамъ, сопровождавшимъ шепотъ. Николай-же Всеволодовичъ слушалъ очень лѣниво и разсѣянно, съ своей оффиціальною усмѣшкой, а подъ конецъ даже и нетерпѣливо, и все

какъ-бы порывался уйдти. Онъ ушелъ отъ окна именно когда воротились наши дамы; Лизу Варвара Петровна усадила на прежнее мѣсто, увѣряя, что имъ минутъ хоть десять надо непремѣнно повременить и отдохнуть, и что свѣжій воздухъ врядъ-ли будетъ сейчасъ полезенъ на больные нервы. Очень ужь она ухаживала за Лизой и сама сѣла съ ней рядомъ. Къ нимъ немедленно подскочилъ освободившійся Петръ Степановичъ и началъ быстрый и веселый разговоръ. Вотъ тутъ-то Николай Всеволодовичъ и подошелъ, наконецъ, къ Дарьѣ Павловнѣ неспѣшною походкой своей; Даша такъ и заколыхалась на мѣстѣ при его приближеніи и быстро привскочила въ видимомъ смущеніи и съ румянцемъ во все лицо.

— Васъ, кажется, можно поздравить... или еще нѣтъ? проговорилъ онъ съ какою-то особенною складкой въ лицѣ.

Даша что-то ему отвѣтила, но трудно было разслышать.

— Простите за нескромность, возвысилъ онъ голосъ,— но вѣдь вы знаете, я былъ нарочно извѣщенъ. Знаете вы объ этомъ?

— Да, я знаю, что вы были нарочно извѣщены.

— Надѣюсь, однако, что я не помѣшалъ ничему моимъ поздравленіемъ, засмѣялся онъ, и если Степанъ Трофимовичъ...

— Съ чѣмъ, съ чѣмъ поздравить? подскочилъ вдругъ Петръ Степановичъ,— съ чѣмъ васъ поздравить, Дарья Павловна? Ба? Да ужь не съ тѣмъ-ли самымъ? Краска ваша свидѣтельствуетъ, что я угадалъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ чѣмъ-же и поздравлять нашихъ прекрасныхъ и благонравныхъ дѣвицъ и отъ какихъ поздравленій онѣ всего больше краснѣютъ? Ну-съ, примите и отъ меня, если я угадалъ, и заплатите пари: помните, въ Швейцаріи бились объ закладъ, что никогда не выйдете замужъ... Ахъ, да, по поводу Швейцаріи — что-жь это я? Представьте, на половину затѣмъ и ѣхалъ, а чуть не забылъ: скажи ты мнѣ, быстро повернулся онъ къ Степану Трофимовичу,— ты-то когда-же въ Швейцарію?

— Я... въ Швейцарію? удивился и смутился Степанъ Трофимовичъ.

— Какъ? Развѣ не ѣдешь? Да вѣдь ты тоже женишься... ты писалъ?

— Pierre! воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Да что Pierre... Видишь, если тебѣ это пріятно, то я летѣлъ заявить тебѣ, что я вовсе не противъ, такъ какъ ты непремѣнно желалъ моего мнѣнія какъ можно скорѣе; если-же (сыпалъ онъ) тебя надо «спасать», какъ ты тутъ-же пишешь и умоляешь, въ томъ-же самомъ письмѣ, то опять таки я къ твоимъ услугамъ. Правда, что онъ женится, Варвара Петровна? быстро повернулся онъ къ ней.— Надѣюсь, что я не нескромничаю; самъ-же пишетъ, что весь городъ знаетъ и всѣ поздравляютъ, такъ что онъ, чтобъ избѣжать, выходитъ лишь по ночамъ. Письмо у меня въ карманѣ. Но повѣрите-ли, Варвара Петровна, что я ничего въ немъ не понимаю! Ты мнѣ только одно скажи, Степанъ Трофимовичъ, поздравлять тебя надо или «спасать?» Вы не повѣрите, рядомъ съ самыми счастливыми строками у него отчаяннѣйшія. Во первыхъ, проситъ у меня прощенія; ну, положимъ, это въ ихъ нравахъ... А, впрочемъ, нельзя не сказать: вообразите, человѣкъ въ жизни видѣлъ меня два раза, да и то нечаянно, и вдругъ теперь, вступая въ третій бракъ, воображаетъ, что нарушаетъ этимъ ко мнѣ какія-то родительскія обязанности, умоляетъ меня за тысячу верстъ, чтобъ я не сердился и разрѣшилъ ему! Ты, пожалуйста, не обижайся, Степанъ Трофимовичъ, черта времени, я широко смотрю и не осуждаю, и это, положимъ, тебѣ дѣлаетъ честь и т. д., и т. д., но опять-таки главное въ томъ, что главнаго-то не понимаю. Тутъ что-то о какихъ-то «грѣхахъ въ Швейцаріи». Женюсь, дескать, по грѣхамъ или изъ-за чужихъ грѣховъ, или какъ у него тамъ,— однимъ словомъ, «грѣхи». «Дѣвушка, говоритъ, перлъ и алмазъ», ну и разумѣется «онъ недостоинъ» — ихъ слогъ; но изъ-за какихъ-то тамъ грѣховъ или обстоятельствъ «принужденъ идти къ вѣнцу и ѣхать въ Швейцарію», а потому «бросай все и лети спасать». Понимаете-ли вы что нибудь послѣ этого? А, впрочемъ... а, впрочемъ, я по выраженію лицъ замѣчаю (повертывался онъ съ письмомъ въ рукахъ, съ невинною улыбкой всматриваясь въ лица), что, по моему

обыкновенію, я, кажется, въ чемъ-то далъ маху... по глупой моей откровенности, или, какъ Николай Всеволодовичъ говоритъ, торопливости. Я вѣдь думалъ, что мы тутъ свои, то есть твои свои, Степанъ Трофимовичъ, твои свои, а я-то въ сущности чужой, и вижу... и вижу, что всѣ что-то знаютъ, а я-то вотъ именно чего-то и не знаю.

Онъ все продолжалъ осматриваться.

— Степанъ Трофимовичъ такъ и написалъ вамъ, что женится на «чужихъ грѣхахъ, совершенныхъ въ Швейцаріи», и чтобы вы летѣли «спасать его», этими самыми выраженіями? подошла вдругъ Варвара Петровна, вся желтая, съ искривившимся лицомъ, со вздрагивающими губами.

— То есть видите-ли-съ, если тутъ чего нибудь я не понялъ, какъ-бы испугался и еще пуще заторопился Петръ Степановичъ, — то виноватъ, разумѣется, онъ, что такъ пишетъ. Вотъ письмо. Знаете, Варвара Петровна, письма безконечныя и безпрерывныя, а въ послѣдніе два—три мѣсяца, просто письмо за письмомъ, и, признаюсь, я, наконецъ, иногда не дочитывалъ. Ты меня прости, Степанъ Трофимовичъ, за мое глупое признаніе, но вѣдь согласись, пожалуйста, что хоть ты и ко мнѣ адресовалъ, а писалъ вѣдь болѣе для потомства, такъ что тебѣ вѣдь и все равно... Ну-ну, не обижайся; мы-то съ тобой всетаки свои! Но это письмо, Варвара Петровна, это письмо я дочиталъ. Эти «грѣхи»-съ— эти «чужіе грѣхи» — это навѣрно какіе нибудь наши собственные грѣшки, и объ закладъ бьюсь, самые невиннѣйшіе, но изъ-за которыхъ вдругъ намъ вздумалось поднять ужасную исторію съ благороднымъ оттѣнкомъ — именно ради благороднаго оттѣнка и подняли. Тутъ, видите-ли, что нибудь по счетной части у насъ прихрамываетъ — надо-же, наконецъ, сознаться. Мы, знаете, въ карточки очень повадливы... а, впрочемъ, это лишнее, это совсѣмъ уже лишнее, виноватъ, я слишкомъ болтливъ, но ей Богу, Варвара Петровна, онъ меня напугалъ, и я дѣйствительно приготовился отчасти «спасать» его. Мнѣ, наконецъ, и самому совѣстно. Что я, съ ножомъ къ горлу что-ли лѣзу къ нему? Кредиторъ неумолимый я, что-ли? Онъ что-то пишетъ тутъ о приданомъ... А, впрочемъ, ужь женишься-ли ты полно, Степанъ Трофимовичъ? Вѣдь и это станется, вѣдь мы наговоримъ-наговоримъ а болѣе для слога... Ахъ, Варвара Петровна, я вѣдь вотъ увѣренъ, что вы, пожалуй, осуждаете меня теперь, и именно тоже за слогъ-съ...

— Напротивъ, напротивъ, я вижу что вы выведены изъ терпѣнія, и, ужь конечно, имѣли на то причины, злобно подхватила Варвара Петровна.

Она со злобнымъ наслажденіемъ выслушала всѣ «правдивыя» словоизверженія Петра Степановича, очевидно игравшаго роль (какую — не зналъ я тогда, но роль была очевидная, даже слишкомъ ужь грубовато сыгранная).

— Напротивъ, продолжала она, — я вамъ слишкомъ благодарна, что вы заговорили; безъ васъ я-бы такъ и не узнала. Въ первый разъ въ двадцать лѣтъ я раскрываю глаза. Николай Всеволодовичъ, вы сказали сейчасъ, что и вы были нарочно извѣщены: ужь не писалъ-ли и къ вамъ Степанъ Трофимовичъ въ этомъ-же родѣ?

— Я получилъ отъ него невиннѣйшее и... и... очень благородное письмо...

— Вы затрудняетесь, ищете словъ — довольно! Степанъ Трофимовичъ, я ожидаю отъ васъ чрезвычайнаго одолженія, вдругъ обратилась она къ нему съ засверкавшими глазами, — сдѣлайте мнѣ милость, оставьте насъ сейчасъ-же, а впредь не переступайте черезъ порогъ моего дома.

Прошу припомнить недавнюю «экзальтацію», еще и теперь не прошедшую. Правда, и виноватъ-же былъ Степанъ Трофимовичъ! Но вотъ что рѣшительно изумило меня тогда, то, что онъ съ удивительнымъ достоинствомъ выстоялъ и подъ «обличеніями» Петруши, не думая прерывать ихъ, и подъ «проклятіемъ» Варвары Петровны. Откудова взялось у него столько духа? Я узналъ только одно, что онъ несомнѣнно и глубоко оскорбленъ былъ давешнею первою встрѣчей съ Петрушей, именно давешними объятіями. Это было глубокое и *настоящее* уже горе, по крайней мѣрѣ, на его глаза, его сердцу. Было у него и другое горе въ ту минуту, а именно язвительное собственное сознаніе въ томъ, что онъ

сподличалъ; въ этомъ онъ мнѣ самъ потомъ признавался со всею откровенностью. А вѣдь *настоящее*, несомнѣнное горе даже феноменально легкомысленнаго человѣка способно иногда сдѣлать солиднымъ и стойкимъ, ну хоть на малое время; мало того, отъ истиннаго, настоящаго горя даже дураки иногда умнѣли, тоже, разумѣется, на время; это ужь свойство такое горя. А если такъ, то что-же могло произойдти съ такимъ человѣкомъ какъ Степанъ Трофимовичъ? Цѣлый переворотъ, — конечно, тоже на время.

Онъ съ достоинствомъ поклонился Варварѣ Петровнѣ и не вымолвилъ слова (правда, ему ничего и не оставалось болѣе). Онъ такъ и хотѣлъ было совсѣмъ уже выйдти, но не утерпѣлъ и подошелъ къ Дарьѣ Павловнѣ. Та, кажется, это предчувствовала, потому что тотчасъ-же сама, вся въ испугѣ, начала говорить, какъ-бы спѣша предупредить его:

— Пожалуйста, Степанъ Трофимовичъ, ради Бога, ничего не говорите, начала она горячею скороговоркой, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица и поспѣшно протягивая ему руку: — будьте увѣрены, что я васъ все такъ-же уважаю... и все такъ-же цѣню и... думайте обо мнѣ тоже хорошо, Степанъ Трофимовичъ, и я буду очень, очень это цѣнить...

Степанъ Трофимовичъ низко-низко ей поклонился.

— Воля твоя, Дарья Павловна, ты знаешь, что во всемъ этомъ дѣлѣ твоя полная воля! Была и есть, и теперь и впредь, вѣско заключила Варвара Петровна.

— Ба! Да и я теперь все понимаю! ударилъ себя по лбу Петръ Степановичъ. — Но... но въ какое-же положеніе я былъ поставленъ послѣ этого? Дарья Павловна, пожалуйста, извините меня!.. Что ты надѣлалъ со мной послѣ этого, а? обратился онъ къ отцу.

— Pierre, ты-бы могъ со мной выражаться иначе, не правда-ли, другъ мой? совсѣмъ даже тихо промолвилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Не кричи, пожалуйста, замахалъ Pierre руками, — повѣрь, что все это старые, больные нервы, и кричать ни къ чему не послужитъ. Скажи ты мнѣ лучше, вѣдь ты могъ-бы предположить, что я съ перваго шага заговорю: какъ-же было не предувѣдомить.

Степанъ Трофимовичъ проницательно посмотрѣлъ на него.

— Pierre, ты, который такъ много знаешь изъ того, что здѣсь происходитъ, неужели ты и въ правду объ этомъ дѣлѣ такъ-таки ничего не зналъ, ничего не слыхалъ?

— Что-о-о! Вотъ люди! Такъ мы мало того что старыя дѣти, мы еще злыя дѣти? Варвара Петровна, вы слышали что онъ говоритъ?

Поднялся шумъ; но тутъ разразилось вдругъ такое приключеніе, котораго ужь никто не могъ ожидать.

VIII.

Прежде всего упомяну, что въ послѣднія двѣ—три минуты Лизаветой Николаевной овладѣло какое-то новое движеніе; она быстро шепталась о чемъ-то съ мама и съ наклонившимся къ ней Мавракіемъ Николаевичемъ. Лицо ея было тревожно, но въ тоже время выражало рѣшимость. Наконецъ, встала съ мѣста, видимо торопясь уѣхать и торопя мама, которую началъ приподымать съ креселъ Мавракій Николаевичъ. Но видно не суждено имъ было уѣхать, не досмотрѣвъ всего до конца.

Шатовъ, совершенно всѣми забытый въ своемъ углу (неподалеку отъ Лизаветы Николаевны) и, повидимому, самъ не знавшій, для чего онъ сидѣлъ и не уходилъ, вдругъ поднялся со стула и черезъ всю комнату, неспѣшнымъ, но твердымъ шагомъ направился къ Николаю Всеволодовичу, прямо смотря ему въ лицо. Тотъ еще издали замѣтилъ его приближеніе и чуть-чуть усмѣхнулся; но когда Шатовъ подошелъ къ нему вплоть, то пересталъ усмѣхаться.

Когда Шатовъ молча передъ нимъ остановился, не спуская съ него глазъ, всѣ вдругъ это замѣтили и затихли, позже всѣхъ Петръ Степановичъ; Лиза и мама остановились посреди комнаты. Такъ прошло секундъ пять; выраженіе дерзкаго недоумѣнія смѣнилось въ лицѣ Николая Всеволо-

довича гнѣвомъ, онъ нахмурилъ брови и вдругъ...

И вдругъ Шатовъ размахнулся своею длинною, тяжелою рукою и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Николай Всеволодовичъ сильно качнулся на мѣстѣ.

Шатовъ и ударилъ-то по особенному, вовсе не такъ, какъ обыкновенно принято давать пощечины (если только можно такъ выразиться), не ладонью, а всѣмъ кулакомъ, а кулакъ у него былъ большой, вѣсскій, костлявый, съ рыжимъ пухомъ и съ веснушками. Если-бъ ударъ пришелся по носу, то раздробилъ-бы носъ. Но пришелся онъ по щекѣ, задѣвъ лѣвый край губы и верхнихъ зубовъ, изъ которыхъ тотчасъ-же потекла кровь.

Кажется, раздался мгновенный крикъ, можетъ быть, вскрикнула Варвара Петровна — этого не припомню, потому что все тотчасъ-же опять какъ-бы замерло. Впрочемъ, вся сцена продолжалась не болѣе какихъ нибудь десяти секундъ.

Тѣмъ не менѣе въ эти десять секундъ произошло ужасно много.

Напомню опять читателю, что Николай Всеволодовичъ принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя страха не вѣдаютъ. На дуэли онъ могъ стоять подъ выстрѣломъ противника хладнокровно, самъ цѣлить и убивать до звѣрства спокойно. Если-бы кто ударилъ его по щекѣ, то, какъ мнѣ кажется, онъ-бы и на дуэль не вызвалъ, а тутъ-же, тотчасъ-же убилъ-бы обидчика; онъ именно былъ изъ такихъ, и убилъ-бы съ полнымъ сознаніемъ, а вовсе не внѣ себя. Мнѣ кажется даже, что онъ никогда и не зналъ тѣхъ ослѣпляющихъ порывовъ гнѣва, при которыхъ уже нельзя разсуждать. При безконечной злобѣ, овладѣвавшей имъ иногда, онъ всетаки всегда могъ сохранять полную власть надъ собой, а, стало быть, и понимать, что за убійство не на дуэли его непремѣнно сошлютъ въ каторгу; тѣмъ не менѣе онъ всетаки убилъ-бы обидчика и безъ малѣйшаго колебанія.

Николая Всеволодовича я изучалъ все послѣднее время и, по особымъ обстоятельствамъ, знаю о немъ теперь, когда пишу это, очень много фактовъ. Я, пожалуй, сравнилъ-бы его съ иными прошедшими господами, о которыхъ уцѣлѣли теперь въ нашемъ обществѣ нѣкоторыя легендарныя воспоминанія. Разсказывали, напримѣръ, про декабриста Л—на, что онъ всю жизнь нарочно искалъ опасности, упивался ощущеніемъ ея, обратилъ его въ потребность своей природы; въ молодости выходилъ на дуэль ни за что; въ Сибири, съ однимъ ножомъ ходилъ на медвѣдя, любилъ встрѣчаться въ сибирскихъ лѣсахъ съ бѣглыми каторжниками, которые, замѣчу мимоходомъ, страшнѣе медвѣдя. Сомнѣнія нѣтъ, что эти легендарные господа способны были ощущать, и даже, можетъ быть, въ сильной степени, чувство страха,— иначе были-бы гораздо спокойнѣе, и ощущеніе опасности не обратили-бы въ потребность своей природы. Но побѣждать въ себѣ трусость — вотъ что, разумѣется, ихъ прельщало. Безпрерывное упоеніе побѣдой и сознаніе, что нѣтъ надъ тобой побѣдителя— вотъ что ихъ увлекало. Этотъ Л—нъ еще прежде ссылки нѣкоторое время боролся съ голодомъ и тяжкимъ трудомъ добывалъ себѣ хлѣбъ, единственно изъ-за того, что ни за что не хотѣлъ подчиниться требованіямъ своего богатаго отца, которыя находилъ несправедливыми. Стало быть, многосторонне понималъ борьбу; не съ медвѣдями только и не на однѣхъ дуэляхъ цѣнилъ въ себѣ стойкость и силу характера.

Но всетаки съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и нервозная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени даже и вовсе не допускаетъ теперь потребности тѣхъ непосредственныхъ и цѣльныхъ ощущеній, которыхъ такъ искали тогда иные, безпокойные въ своей дѣятельности, господа добраго стараго времени. Николай Всеволодовичъ, можетъ быть, отнесся-бы къ Л—ну свысока, даже назвалъ-бы его вѣчно храбрящимся трусомъ, пѣтушкомъ,—правда, не сталъ-бы высказываться вслухъ. Онъ-бы и на дуэли застрѣлилъ противника и на медвѣдя сходилъ-бы, если-бы только надо было, и отъ разбойника отбился-бы въ лѣсу — такъ-же успѣшно и такъ-же безстрашно, какъ и Л—нъ, но за то ужь безо всякаго ощущенія наслажденія, а единственно по непріятной необходимости, вяло, лѣниво, даже со скукой. Въ

злобѣ, разумѣется, выходилъ прогрессъ противъ Л—на, даже противъ Лермонтова. Злобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ было, можетъ быть, больше чѣмъ въ тѣхъ обоихъ вмѣстѣ, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно такъ выразиться—*разумная*, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая можетъ быть. Еще разъ повторяю: я и тогда считалъ его и теперь считаю (когда уже все кончено) именно такимъ человѣкомъ, который, еслибы получилъ ударъ въ лицо или подобную равносильную обиду, то немедленно убилъ-бы своего противника, тотчасъ-же, тутъ-же на мѣстѣ и безъ вызова на дуэль.

И однако-же въ настоящемъ случаѣ произошло нѣчто иное и чудное.

Едва только онъ выпрямился послѣ того какъ такъ позорно качнулся на бокъ, чуть не на цѣлую половину роста, отъ полученной пощечины; и не затихъ еще, казалось, въ комнатѣ подлый, какъ-бы мокрый какой-то звукъ отъ удара кулака по лицу, какъ тотчасъ-же онъ схватилъ Шатова обѣими руками за плечи; но тотчасъ-же, въ тотъ-же почти мигъ, отдернулъ свои обѣ руки назадъ и скрестилъ ихъ у себя за спиной. Онъ молчалъ, смотрѣлъ на Шатова и блѣднѣлъ какъ рубашка. Но, странно, взоръ его какъ-бы погасалъ. Черезъ десять секундъ, глаза его смотрѣли холодно и—я убѣжденъ что не лгу — спокойно. Только блѣденъ онъ былъ ужасно. Разумѣется, я не знаю, что было внутри человѣка, я видѣлъ снаружи. Мнѣ кажется, если-бы былъ такой человѣкъ, который схватилъ-бы, напримѣръ, раскаленную до-красна желѣзную полосу и зажалъ въ рукѣ, съ цѣлію измѣрить свою твердость, и затѣмъ, въ продолженіи десяти секундъ, побѣждалъ-бы нестерпимую боль и кончилъ тѣмъ, что ее побѣдилъ, то человѣкъ этотъ, кажется мнѣ, вынесъ-бы нѣчто похожее на то, что̀ испыталъ теперь, въ эти десять секундъ, Николай Всеволодовичъ.

Первый изъ нихъ опустилъ глаза Шатовъ и видимо потому, что принужденъ былъ опустить. Затѣмъ медленно повернулся и пошелъ изъ комнаты, но вовсе ужь не тою походкой, которою подходилъ давеча. Онъ уходилъ тихо, какъ-то особенно неуклюже приподнявъ сзади плечи, понуривъ голову и какъ-бы разсуждая о чемъ-то самъ съ собой. Кажется, онъ что-то шепталъ. До двери дошелъ осторожно, ни за что̀ не зацѣпивъ и ничего не опрокинувъ, дверь-же пріотворилъ на маленькую щелочку, такъ что пролѣзъ въ отверзтіе почти бокомъ. Когда пролѣзалъ, то вихоръ его волосъ, стоявшій торчкомъ на затылкѣ, былъ особенно замѣтенъ.

Затѣмъ, прежде всѣхъ криковъ, раздался одинъ страшный крикъ. Я видѣлъ, какъ Лизавета Николаевна схватила было свою мама̀ за плечо, а Маврикія Николаевича за руку и раза два—три рванула ихъ за собой, увлекая изъ комнаты, но вдругъ вскрикнула и со всего росту упала на полъ въ обморокѣ. До сихъ поръ я какъ будто еще слышу, какъ стукнулась она о коверъ затылкомъ.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ночь.

I.

Прошло восемь дней. Теперь, когда уже все прошло, и я пишу хронику, мы уже знаемъ въ чемъ дѣло; но тогда мы еще ничего не знали, и естественно, что намъ представлялись странными разныя вещи. По крайней мѣрѣ, мы со Степаномъ Трофимовичемъ въ первое время заперлись и съ испугомъ наблюдали издали. Я-то кой-куда еще выходилъ и по прежнему приносилъ ему разныя вѣсти, безъ чего онъ и пробыть не могъ.

Нечего и говорить, что по городу пошли самые разнообразные слухи, то есть насчетъ пощечины, обморока Лизаветы Николаевны и прочаго случившагося въ то воскресенье. Но удивительно намъ было то: черезъ кого это все могло такъ скоро и точно выйдти наружу? Ни одно изъ присутствовавшихъ тогда лицъ не имѣло-бы, кажется, ни нужды, ни выгоды нарушить секретъ происшедшаго. Прислуги тогда не было; одинъ Лебядкинъ могъ-бы что нибудь разболтать, не столько по злобѣ, потому что вышелъ тогда въ крайнемъ испугѣ (а страхъ къ врагу уничтожаетъ и злобу къ нему), а единственно по невоздержности. Но Лебядкинъ, вмѣстѣ съ сестрицей, на другой-же день пропалъ безъ вѣсти; въ домѣ Филиппова его не оказалось, онъ переѣхалъ неизвѣстно куда и точно сгинулъ. Шатовъ, у котораго я хотѣлъ было справиться о Марьѣ Тимоѳеевнѣ, заперся и, кажется, всѣ эти восемь дней просидѣлъ у себя на квартирѣ, даже прервавъ свои занятія въ городѣ. Меня онъ не принялъ. Я было зашелъ къ нему во вторникъ и стукнулъ въ дверь. Отвѣта не получилъ, но увѣренный, по несомнѣннымъ даннымъ, что онъ дома, постучался въ другой разъ. Тогда онъ, соскочивъ, повидимому, съ постели, подошелъ крупными шагами къ дверямъ и крикнулъ мнѣ во весь голосъ: «Шатова дома нѣтъ». Я съ тѣмъ и ушелъ.

Мы со Степаномъ Трофимовичемъ, не безъ страха за смѣлость предположенія, но обоюдно ободряя другъ друга, остановились, наконецъ, на одной мысли: мы рѣшили, что виновникомъ разошедшихся слуховъ могъ быть одинъ только Петръ Степановичъ, хотя самъ онъ, нѣкоторое время спустя, въ разговорѣ съ отцомъ, увѣрялъ, что засталъ уже исторію во всѣхъ устахъ, преимущественно въ клубѣ, и совершенно извѣстною до мельчайшихъ подробностей губернаторшѣ и ея супругу. Вотъ что̀ еще замѣчательно: на второй-же день, въ понедѣльникъ въ вечеру, я встрѣтилъ Липутина, и онъ уже зналъ все до послѣдняго слова, стало быть, несомнѣнно узналъ изъ первыхъ.

Многія изъ дамъ (и изъ самыхъ свѣт-

скихъ) любопытствовали и о «загадочной хромоножкѣ», такъ называли Марью Тимоѳеевну. Нашлись даже пожелавшія непремѣнно увидать ее лично и познакомиться, такъ что господа, поспѣшившіе припрятать Лебядкиныхъ, очевидно поступили и кстати. Но на первомъ планѣ всетаки стоялъ обморокъ Лизаветы Николаевны и этимъ интересовался «весь свѣтъ», уже потому одному, что дѣло прямо касалось Юліи Михайловны, какъ родственницы Лизаветы Николаевны и ея покровительницы. И чего-чего не болтали! Болтовнѣ способствовала и таинственность обстановки: оба дома были заперты наглухо; Лизавета Николаевна, какъ разсказывали, лежала въ бѣлой горячкѣ; то-же утверждали и о Николаѣ Всеволодовичѣ, съ отвратительными подробностями о выбитомъ будто-бы зубѣ и о распухшей отъ флюса щекѣ его. Говорили даже по уголкамъ, что у насъ, можетъ быть, будетъ убійство, что Ставрогинъ не таковъ, чтобы снести такую обиду, и убьетъ Шатова, но таинственно, какъ въ корсиканской вендеттѣ. Мысль эта нравилась; но большинство нашей свѣтской молодежи выслушивало все это съ презрѣніемъ и съ видомъ самаго пренебрежительнаго равнодушія, разумѣется, напускнаго. Вообще древняя враждебность нашего общества къ Николаю Всеволодовичу обозначилась ярко. Даже солидные люди стремились обвинить его, хотя и сами не знали въ чемъ. Шепотомъ разсказывали, что будто-бы онъ погубилъ честь Лизаветы Николаевны и что между ними была интрига въ Швейцаріи. Конечно, осторожные люди сдерживались, но всѣ, однако-же, слушали съ аппетитомъ. Были и другіе разговоры, но не общіе, а частные, рѣдкіе и почти закрытые, чрезвычайно странные и о существованіи которыхъ я упоминаю лишь для предупрежденія читателей, единственно въ виду дальнѣйшихъ событій моего разсказа. Именно: говорили иные, хмуря брови и Богъ знаетъ на какомъ основаніи, что Николай Всеволодовичъ имѣетъ какое-то особенное дѣло въ нашей губерніи, что онъ черезъ графа К. вошелъ въ Петербургѣ въ какія-то высшія отношенія, что онъ даже, можетъ быть, служитъ и чуть-ли не снабженъ отъ кого-то какими-то порученіями. Когда очень ужь солидные и сдержанные люди на этотъ слухъ улыбались, благоразумно замѣчая, что человѣкъ, живущій скандалами и начинающій у насъ съ флюса, не похожъ на чиновника, то имъ шепотомъ замѣчали, что служитъ онъ не то чтобъ оффиціально, а, такъ сказать, конфиденціально, и что въ такомъ случаѣ самою службой требуется, чтобы служащій какъ можно менѣе походилъ на чиновника. Такое замѣчаніе производило эффектъ; у насъ извѣстно было, что на земство нашей губерніи смотрятъ въ столицѣ съ нѣкоторымъ особымъ вниманіемъ. Повторю, эти слухи только мелькнули и исчезли безслѣдно, до времени, при первомъ появленіи Николая Всеволодовича; но замѣчу, что причиной многихъ слуховъ было отчасти нѣсколько краткихъ, но злобныхъ словъ, неясно и отрывисто произнесенныхъ въ клубѣ, недавно возвратившимся изъ Петербурга отставнымъ капитаномъ гвардіи, Артеміемъ Павловичемъ Гагановымъ, весьма крупнымъ помѣщикомъ нашей губерніи и уѣзда, столичнымъ свѣтскимъ человѣкомъ и сыномъ покойнаго Павла Павловича Гаганова, того самаго почтеннаго старшины, съ которымъ Николай Всеволодовичъ имѣлъ, четыре слишкомъ года тому назадъ, то необычайное по своей грубости и внезапности столкновеніе, о которомъ я уже упоминалъ прежде, въ началѣ моего разсказа.

Всѣмъ тотчасъ-же стало извѣстно, что Юлія Михайловна сдѣлала Варварѣ Петровнѣ чрезвычайный визитъ и что у крыльца дома ей объявили, что «по нездоровью не могутъ принять». Также и то, что дня черезъ два послѣ своего визита, Юлія Михайловна посылала узнать о здоровьѣ Варвары Петровны нарочнаго. Наконецъ, принялась вездѣ «защищать» Варвару Петровну, конечно, лишь въ самомъ высшемъ смыслѣ, то есть по возможности въ самомъ неопредѣленномъ. Всѣ-же первоначальные торопливые намеки о воскресной исторіи выслушала строго и холодно, такъ что въ послѣдующіе дни, въ ея присутствіи, они уже не возобновлялись. Такимъ образомъ и укрѣпилась вездѣ мысль, что Юліи Михайловнѣ извѣстна не только вся эта таин-

ственная исторія, но и весь ея таинственный смыслъ до мельчайшихъ подробностей, и не какъ посторонней, а какъ соучастницѣ. Замѣчу кстати, что она начала уже пріобрѣтать у насъ, по маленьку, то высшее вліяніе, котораго такъ несомнѣнно добивалась и жаждала, и уже начинала видѣть себя «окруженною». Часть общества признала за нею практическій умъ и тактъ... но объ этомъ послѣ. Ея-же покровительствомъ объяснялись отчасти и весьма быстрые успѣхи Петра Степановича въ нашемъ обществѣ, — успѣхи, особенно поразившіе тогда Степана Трофимовича.

Мы съ нимъ, можетъ быть, и преувеличивали. Во первыхъ, Петръ Степановичъ перезнакомился почти мгновенно со всѣмъ городомъ, въ первые-же четыре дня послѣ своего появленія. Появился онъ въ воскресенье, а во вторникъ я уже встрѣтилъ его въ колескѣ съ Артеміемъ Павловичемъ Гагановымъ, человѣкомъ гордымъ, раздражительнымъ и заносчивымъ, не смотря на всю его свѣтскость, и съ которымъ, по характеру его, довольно трудно было ужиться. У губернатора Петръ Степановичъ былъ тоже принятъ прекрасно, до того, что тотчасъ-же сталъ въ положеніе близкаго или, такъ сказать, обласканнаго молодаго человѣка; обѣдалъ у Юліи Михайловны почти ежедневно. Познакомился онъ съ нею еще въ Швейцаріи, но въ быстромъ успѣхѣ его въ домѣ его превосходительства дѣйствительно заключалось нѣчто любопытное. Всетаки онъ слылъ-же когда-то заграничнымъ революціонеромъ, правда-ли, нѣтъ-ли, участвовалъ въ какихъ-то заграничныхъ изданіяхъ и конгрессахъ, «что можно даже изъ газетъ доказать», какъ злобно выразился мнѣ при встрѣчѣ Алеша Телятниковъ, теперь, увы, отставной чиновничекъ, а прежде тоже обласканный молодой человѣкъ въ домѣ стараго губернатора. Но тутъ стоялъ, однако-же, фактъ: бывшій революціонеръ явился въ любезномъ отечествѣ не только безъ всякаго безпокойства, но чуть-ли не съ поощреніями; стало быть, ничего, можетъ, и не было. Липутинъ шепнулъ мнѣ разъ, что, по слухамъ, Петръ Степановичъ будто-бы гдѣ-то принесъ покаяніе и получилъ отпущеніе, назвавъ нѣсколько прочихъ именъ, и, такимъ образомъ, можетъ, и успѣлъ уже заслужить вину, обѣщая и впредь быть полезнымъ отечеству. Я передалъ эту ядовитую фразу Степану Трофимовичу, и тотъ, не смотря на то, что былъ почти не въ состояніи соображать, сильно задумался. Впослѣдствіи обнаружилось, что Петръ Степановичъ пріѣхалъ къ намъ съ чрезвычайно почтенными рекомендательными письмами, по крайней мѣрѣ, привезъ одно къ губернаторшѣ отъ одной чрезвычайно важной петербургской старушки, мужъ которой былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ петербургскихъ старичковъ. Эта старушка, крестная мать Юліи Михайловны, упоминала въ письмѣ своемъ, что и графъ К. хорошо знаетъ Петра Степановича, черезъ Николая Всеволодовича, обласкалъ его и находитъ «достойнымъ молодымъ человѣкомъ, не смотря на бывшія заблужденія». Юлія Михайловна до крайности цѣнила свои скудныя и съ такимъ трудомъ поддерживаемыя связи съ «высшимъ міромъ», и, ужь конечно, была рада письму важной старушки; но всетаки оставалось тутъ нѣчто какъ-бы и особенное. Даже супруга своего поставила къ Петру Степановичу въ отношенія почти фамильярныя, такъ что г. фонъ-Лембке жаловался... но объ этомъ тоже послѣ. Замѣчу тоже для памяти, что и великій писатель весьма благосклонно отнесся къ Петру Степановичу и тотчасъ-же пригласилъ его къ себѣ. Такая поспѣшность такого надутаго собою человѣка кольнула Степана Трофимовича больнѣе всего; но я объяснилъ себѣ иначе, зазывая къ себѣ нигилиста, господинъ Кармазиновъ, ужь конечно, имѣлъ въ виду сношенія его съ прогрессивными юношами обѣихъ столицъ. Великій писатель болѣзненно трепеталъ предъ новѣйшею революціонною молодежью и, воображая, по незнанію дѣла, что въ рукахъ ея ключи русской будущности, унизительно къ нимъ подлизывался, главное, потому, что они не обращали на него никакого вниманія.

II.

Петръ Степановичъ забѣжалъ раза два и къ родителю и, къ несчастію моему, оба раза въ мое отсутствіе. Въ первый разъ посѣтилъ его въ среду, то есть на четвертый лишь день послѣ той первой встрѣчи, да и то по дѣлу. Кстати, разсчетъ по имѣнію окончился у нихъ какъ-то неслышно и невидно. Варвара Петровна взяла все на себя и все выплатила, разумѣется, пріобрѣтя землицу, а Степана Трофимовича только увѣдомила о томъ, что все кончено, и уполномоченный Варвары Петровны, камердинеръ ея Алексѣй Егоровичъ, поднесъ ему что-то подписать, что̀ онъ и исполнилъ молча и съ чрезвычайнымъ достоинствомъ. Замѣчу по поводу достоинства, что я почти не узнавалъ нашего прежняго старичка въ эти дни. Онъ держалъ себя какъ никогда прежде, сталъ удивительно молчаливъ, даже не написалъ ни одного письма Варварѣ Петровнѣ съ самаго воскресенья, что̀ я счелъ-бы чудомъ, а, главное, сталъ спокоенъ. Онъ укрѣпился на какой-то окончательной и чрезвычайной идеѣ, придававшей ему спокойствіе, это было видно. Онъ нашелъ эту идею, сидѣлъ и чего-то ждалъ. Сначала, впрочемъ, былъ боленъ, особенно въ понедѣльникъ; была холерина. Тоже и безъ вѣстей пробыть не могъ во все время; но лишь только я, оставляя факты, переходилъ къ сути дѣла и высказывалъ какія нибудь предположенія, то онъ тотчасъ-же начиналъ махать на меня руками, чтобъ я пересталъ. Но оба свиданія съ сынкомъ всетаки болѣзненно на него подѣйствовали, хотя и не поколебали. Въ оба эти дня, послѣ свиданій, онъ лежалъ на диванѣ, обмотавъ голову платкомъ, намоченнымъ въ уксусѣ; но въ высшемъ смыслѣ продолжалъ оставаться спокойнымъ.

Иногда, впрочемъ, онъ и не махалъ на меня руками. Иногда тоже казалось мнѣ, что принятая таинственная рѣшимость какъ-бы оставляла его, и что онъ начиналъ бороться съ какимъ-то новымъ соблазнительнымъ наплывомъ идей. Это было мгновеніями, но я отмѣчаю ихъ. Я подозрѣвалъ, что ему очень бы хотѣлось опять заявить себя, выйдти изъ уединенія, предложить борьбу, задать послѣднюю битву.

— Cher, я-бы ихъ разгромилъ! вырвалось у него въ четвергъ вечеромъ, послѣ втораго свиданія съ Петромъ Степановичемъ, когда онъ лежалъ, протянувшись на диванѣ, съ головой, обернутою полотенцемъ.

До этой минуты онъ во весь день еще ни слова не сказалъ со мной.

— «Fils, fils chéri» и такъ далѣе, я согласенъ, что всѣ эти выраженія вздоръ, кухарочный словарь, да и пусть ихъ, я самъ теперь вижу. Я его не кормилъ и не поилъ, я отослалъ его изъ Берлина въ —скую губернію, груднаго ребенка, по почтѣ, ну и такъ далѣе, я согласенъ... «Ты, говоритъ, меня не поилъ и по почтѣ выслалъ, да еще здѣсь ограбилъ». Но, несчастный, кричу ему, вѣдь болѣлъ-же я за тебя сердцемъ всю мою жизнь, хотя и по почтѣ! Il rit. Но я согласенъ, согласенъ... пусть по почтѣ, закончилъ онъ какъ въ бреду.

— Passons, началъ онъ опять черезъ пять минутъ.—Я не понимаю Тургенева. У него Базаровъ это какое-то фиктивное лицо, несуществующее вовсе; они-же первые и отвергли его тогда, какъ ни на что̀ не похожее. Этотъ Базаровъ это какая-то неясная смѣсь Ноздрева съ Байрономъ, c'est le mot! Посмотрите на нихъ внимательно: они кувыркаются и визжатъ отъ радости, какъ щенки на солнцѣ, они счастливы, они побѣдители! Какой тутъ Байронъ!.. И притомъ какія будни! Какая кухарочная раздражительность самолюбія, какая пошленькая жаждишка faire du bruit autour de son nom, не замѣчая, что son nom... О, карикатура! Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого какъ есть людямъ взамѣнъ Христа предложить желаешь? Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop. У него какая-то странная улыбка. У его матери не было такой улыбки. Il rit toujours.

Опять наступило молчаніе.

— Они хитры; въ воскресенье они сговорились... брякнулъ онъ вдругъ...

— О, безъ сомнѣнія, вскричалъ я, навостривъ уши,— все это стачка и сшито бѣлыми нитками, и такъ дурно разыграно.

— Я не про то. Знаете-ли, что все это

было нарочно сшито бѣлыми нитками, чтобы замѣтили тѣ... кому надо. Понимаете это?

— Нѣтъ, не понимаю.

— Tant mieux. Passons. Я очень раздраженъ сегодня.

— Да зачѣмъ-же вы съ нимъ спорили, Степанъ Трофимовичъ? проговорилъ я укоризненно.

— Je voulais convertir. Конечно смѣйтесь. Cette pauvre тётя, elle entendra de belles choses! О, другъ мой, повѣрите-ли, что я давеча ощутилъ себя патріотомъ! Впрочемъ, я всегда сознавалъ себя Русскимъ... да настоящій Русскій и не можетъ быть иначе какъ мы съ вами. Il y a là dedans quelque chose d'aveugle et de louche.

— Непремѣнно, отвѣтилъ я.

— Другъ мой, настоящая правда всегда неправдоподобна, знаете-ли вы это? Чтобы сдѣлать правду правдоподобнѣе, нужно непремѣнно подмѣшать къ ней лжи. Люди всегда такъ и поступали. Можетъ быть, тутъ есть, чего мы не понимаемъ. Какъ вы думаете, есть тутъ чего мы не понимаемъ въ этомъ побѣдоносномъ визгѣ? Я-бы желалъ, чтобы было. Я-бы желалъ.

Я промолчалъ. Онъ тоже очень долго молчалъ.

— Говорятъ, французскій умъ... залепеталъ онъ вдругъ точно въ жару, — это ложь, это всегда такъ и было. Зачѣмъ клеветать на французскій умъ? Тутъ просто русская лѣнь, наше унизительное безсиліе произвести идею, наше отвратительное паразитство въ ряду народовъ. Ils sont tout simplement des paresseux, а не французскій умъ. О, русскіе должны-бы быть истреблены для блага человѣчества, какъ вредные паразиты! Мы вовсе, вовсе не къ тому стремились; я ничего не понимаю. Я пересталъ понимать! Да понимаешь-ли, кричу ему, понимаешь-ли, что если у васъ гильйотина на первомъ планѣ и съ такимъ восторгомъ, то это единственно потому, что рубить головы всего легче, а имѣть идею всего труднѣе! Vous êtes des paresseux! Votre drapeau est une guénille, une impuissance. Эти телѣги, или какъ тамъ: «стукъ телѣгъ, подвозящихъ хлѣбъ человѣчеству», полезнѣе Сикстинской Мадонны, или какъ у нихъ тамъ... une bêtise dans ce genre. Но понимаешь-ли, кричу ему, понимаешь-ли ты, что человѣку кромѣ счастья также точно и совершенно во столько-же необходимо и несчастіе! Il rit. Ты, говоритъ, здѣсь бонмо отпускаешь «нѣжа свои члены (онъ пакостнѣе выразился) на бархатномъ диванѣ»... И замѣтьте, эта наша привычка на *ты* отца съ сыномъ: хорошо когда оба согласны, ну, а если ругаются?

Съ минуту опять помолчали.

— Cher, заключилъ онъ вдругъ, быстро приподнявшись, — знаете-ли, что это непремѣнно чѣмъ нибудь кончится?

— Ужь конечно, сказалъ я.

— Vous ne comprenez pas. Passons. Но... обыкновенно на свѣтѣ кончается ничѣмъ, но здѣсь будетъ конецъ, непремѣнно, непремѣнно!

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ въ сильнѣйшемъ волненіи и, дойдя опять до дивана, безсильно повалился на него.

Въ пятницу утромъ Петръ Степановичъ уѣхалъ куда-то въ уѣздъ и пробылъ до понедѣльника. Объ отъѣздѣ его я узналъ отъ Липутина, и тутъ-же, какъ-то къ разговору, узналъ отъ него, что Лебядкины, братецъ и сестрица, оба гдѣ-то за рѣкой въ Горшечной слободкѣ. «Я-же и перевозилъ», прибавилъ Липутинъ, и, прервавъ о Лебядкиныхъ, вдругъ возвѣстилъ мнѣ, что Лизавета Николаевна выходитъ за Маврикія Николаевича, и хоть это и не объявлено, но помолвка была и дѣло покончено. На завтра я встрѣтилъ Лизавету Николаевну верхомъ въ сопровожденіи Маврикія Николаевича, выѣхавшую въ первый разъ послѣ болѣзни. Она сверкнула на меня издали глазами, засмѣялась и очень дружески кивнула головой. Все это я передалъ Степану Трофимовичу; онъ обратилъ нѣкоторое вниманіе лишь на извѣстіе о Лебядкиныхъ.

А теперь, описавъ наше загадочное положеніе въ продолженіи этихъ восьми дней, когда мы еще ничего не знали, приступлю къ описанію послѣдующихъ событій моей хроники, и уже, такъ сказать, съ знаніемъ дѣла, въ томъ видѣ, какъ все это открылось и объяснилось теперь. Начну именно съ восьмаго дня послѣ того воскресенья, то есть съ понедѣльника вечеромъ — потому

что въ сущности съ этого вечера и началась «новая исторія».

III.

Было семь часовъ вечера. Николай Всеволодовичъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, — комнатѣ имъ еще прежде излюбленной, высокой, устланной коврами, уставленной нѣсколько тяжелою, стариннаго фасона мебелью. Онъ сидѣлъ въ углу на диванѣ, одѣтый какъ-бы для выхода, но, казалось, никуда не собирался. На столѣ предъ нимъ стояла лампа съ абажуромъ. Бока и углы большой комнаты оставались въ тѣни. Взглядъ его былъ задумчивъ и сосредоточенъ, не совсѣмъ спокоенъ; лицо усталое и нѣсколько похудѣвшее. Боленъ онъ былъ дѣйствительно флюсомъ; но слухъ о выбитомъ зубѣ былъ преувеличенъ. Зубъ только шатался, но теперь снова окрѣпъ; была тоже разсѣчена изнутри верхняя губа, но и это зажило. Флюсъ-же не проходилъ всю недѣлю лишь потому, что больной не хотѣлъ принять доктора и вò-время дать разрѣзать опухоль, а ждалъ, пока нарывъ самъ прорвется. Онъ не только доктора, но и мать едва допускалъ къ себѣ, и то на минуту, одинъ разъ на дню и непремѣнно въ сумерки, когда уже становилось темно, а огня еще не подавали. Не принималъ онъ тоже и Петра Степановича, который, однако-же, по два и по три раза въ день забѣгалъ къ Варварѣ Петровнѣ, пока оставался въ городѣ. И вотъ, наконецъ, въ понедѣльникъ, возвратясь по утру послѣ своей трехдневной отлучки, обѣгавъ весь городъ и отобѣдавъ у Юліи Михайловны, Петръ Степановичъ къ вечеру явился, наконецъ, къ нетерпѣливо ожидавшей его Варварѣ Петровнѣ. Запретъ былъ снятъ, Николай Всеволодовичъ принималъ. Варвара Петровна сама подвела гостя къ дверямъ кабинета; она давно желала ихъ свиданья, а Петръ Степановичъ далъ ей слово забѣжать къ ней отъ Nicolas и пересказать. Робко постучалась она къ Николаю Всеволодовичу и, не получая отвѣта, осмѣлилась пріотворить дверь вершка на два.

— Nicolas, могу я ввести къ тебѣ Петра Степановича? тихо и сдержанно спросила она, стараясь разглядѣть Николая Всеволодовича изъ-за лампы.

— Можно, можно, конечно, можно! — громко и весело крикнулъ самъ Петръ Степановичъ, отворилъ дверь своею рукою и вошелъ.

Николай Всеволодовичъ не слыхалъ стука въ дверь, а разслышалъ лишь только робкій вопросъ мамаши, но не успѣлъ на него отвѣтить. Предъ нимъ въ эту минуту лежало только что прочитанное имъ письмо, надъ которымъ онъ сильно задумался. Онъ вздрогнулъ, заслышавъ внезапный окрикъ Петра Степановича, и поскорѣе накрылъ письмо попавшимся подъ руку преспапье, но не совсѣмъ удалось: уголъ письма и почти весь конвертъ выглядывали наружу.

— Я нарочно крикнулъ изо всей силы, чтобы вы успѣли приготовиться, торопливо съ удивительною наивностью прошепталъ Петръ Степановичъ, подбѣгая къ столу, и мигомъ уставился на преспапье и на уголъ письма.

— И, конечно, успѣли подглядѣть, какъ я пряталъ отъ васъ подъ преспапье только что полученное мною письмо, спокойно проговорилъ Николай Всеволодовичъ, не трогаясь съ мѣста.

— Письмо? Богъ съ вами и съ вашимъ письмомъ, мнѣ чтò! воскликнулъ гость, но... главное, зашепталъ онъ опять, обертываясь къ двери, уже запертой, и кивая въ ту сторону головой.

— Она никогда не подслушиваетъ, холодно замѣтилъ Николай Всеволодовичъ.

— То есть если-бъ и подслушивала! мигомъ подхватилъ, весело возвышая голосъ и усаживаясь въ кресло, Петръ Степановичъ. — Я ничего противъ этого, я только теперь бѣжалъ поговорить наединѣ... Ну, наконецъ-то я къ вамъ добился! Прежде всего какъ здоровье? Вижу, что прекрасно и завтра, можетъ быть, вы явитесь, — а?

— Можетъ быть.

— Разрѣшите ихъ, наконецъ, разрѣшите меня! неистово зажестикулировалъ онъ съ шутливымъ и пріятнымъ видомъ.—Если-бъ вы знали чтò я долженъ былъ имъ на-

болтать. А, впрочемъ, вы знаете. Онъ засмѣялся.

— Всего не знаю. Я слышалъ только отъ матери, что вы очень... двигались.

— То есть я вѣдь ничего опредѣленнаго, вскинулся вдругъ Петръ Степановичъ, какъ-бы защищаясь отъ ужаснаго нападенія,—знаете, я пустилъ въ ходъ жену Шатова, то есть слухи о вашихъ связяхъ въ Парижѣ, чѣмъ и объяснялся, конечно, тотъ случай въ воскресенье... вы не сердитесь?

— Убѣжденъ, что вы очень старались.

— Ну, я только этого и боялся. А, впрочемъ, что-жь это значитъ: «очень старались»? Это вѣдь упрекъ. Впрочемъ, вы прямо ставите, я всего больше боялся идя сюда, что вы не захотите прямо поставить.

— Я ничего и не хочу прямо ставить, проговорилъ Николай Всеволодовичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, но тотчасъ-же усмѣхнулся.

— Я не про то; не про то, не ошибитесь, не про то! замахалъ руками Петръ Степановичъ, сыпля словами какъ горохомъ и тотчасъ-же обрадовавшись раздражительности хозяина. — Я не стану васъ раздражать *нашимъ* дѣломъ, особенно въ вашемъ теперешнемъ положеніи. Я прибѣжалъ только о воскресномъ случаѣ, и то въ самую необходимую мѣру, потому нельзя-же вѣдь. Я съ самыми открытыми объясненіями, въ которыхъ нуждаюсь главное я, а не вы, — это для вашего самолюбія, но въ тоже время это и правда. Я пришелъ, чтобы быть съ этихъ поръ всегда откровеннымъ.

— Стало быть, прежде были неоткровенны?

— И вы это знаете сами. Я хитрилъ много разъ... Вы улыбнулись; очень радъ улыбкѣ какъ предлогу для разъясненія; я вѣдь нарочно вызвалъ улыбку хвастливымъ словомъ «хитрилъ», для того, чтобы вы тотчасъ-же и разсердились: какъ это я смѣлъ подумать, что могу хитрить, а мнѣ чтобы сейчасъ-же объясниться. Видите, видите, какъ я сталъ теперь откровененъ! Ну-съ, угодно вамъ выслушать?

Въ выраженіи лица Николая Всеволодовича, презрительно спокойномъ и даже насмѣшливомъ, не смотря на все очевидное желаніе гостя раздражить хозяина нахальностію своихъ заранѣе наготовленныхъ и съ намѣреніемъ грубыхъ наивностей, — выразилось, наконецъ, нѣсколько тревожное любопытство.

— Слушайте-же, завертѣлся Петръ Степановичъ пуще прежняго: — Отправляясь сюда, то есть вообще сюда, въ этотъ городъ, десять дней назадъ, я, конечно, рѣшился взять роль. Самое-бы лучшее совсѣмъ безъ роли, свое собственное лицо, не такъ-ли? Ничего нѣтъ хитрѣе, какъ собственное лицо, потому что никто не повѣритъ. Я, признаться, хотѣлъ было взять дурачка, потому что дурачокъ легче чѣмъ собственное лицо; но такъ какъ дурачокъ всетаки крайность, а крайность возбуждаетъ любопытство, то я и остановился на собственномъ лицѣ окончательно. Ну-съ, какое-же мое собственное лицо? Золотая средина: ни глупъ, ни уменъ, довольно бездаренъ и съ луны соскочилъ, какъ говорятъ здѣсь благоразумные люди, не такъ-ли?

— Что-жь, можетъ быть, и такъ, чуть-чуть улыбнулся Николай Всеволодовичъ.

— А, вы согласны—очень радъ; я зналъ впередъ, что это ваши собственныя мысли... Не безпокойтесь, не безпокойтесь, я не сержусь и вовсе не для того опредѣлилъ себя въ такомъ видѣ, чтобы вызвать ваши обратныя похвалы: «нѣтъ, дескать, вы не бездарны, нѣтъ, дескать, вы умны»... А, вы опять улыбаетесь!.. Я опять попался. Вы не сказали-бы: «вы умны», ну, и положимъ; я все допускаю. Passons, какъ говоритъ папаша, и, въ скобкахъ, не сердитесь на мое многословіе. Кстати, вотъ и примѣръ: я всегда говорю много, то есть много словъ, и тороплюсь, и у меня всегда не выходитъ. А почему я говорю много словъ и у меня не выходитъ? Потому что говорить не умѣю. Тѣ, которые умѣютъ хорошо говорить, тѣ коротко говорятъ. Вотъ, стало быть, у меня и бездарность, — не правда-ли? Но такъ какъ этотъ даръ бездарности у меня уже есть натуральный, такъ почему мнѣ имъ не воспользоваться искусственно. Я и пользуюсь. Правда, собираясь сюда, я бы-

ло подумалъ сначала молчать; но вѣдь молчать—большой талантъ, и, стало быть, мнѣ неприлично, а, во вторыхъ, молчать всетаки вѣдь опасно; ну, я и рѣшилъ окончательно, что лучше всего говорить, но именно по бездарному, то есть много, много, много, очень торопиться доказывать и подъ конецъ всегда спутаться въ своихъ собственныхъ доказательствахъ такъ, чтобы слушатель отошелъ отъ васъ безъ конца, разведя руки, а всего-бы лучше плюнувъ. Выйдетъ, во первыхъ, что вы увѣрили въ своемъ простодушіи, очень надоѣли и были непоняты — всѣ три выгоды разомъ! Помилуйте, кто послѣ этого станетъ васъ подозрѣвать въ таинственныхъ замыслахъ? Да всякій изъ нихъ лично обидится на того, кто скажетъ, что я съ тайными замыслами. А я къ тому-же иногда разсмѣшу, — а это ужь драгоцѣнно. Да они мнѣ теперь все простятъ уже за то одно, что мудрецъ, издававшій тамъ прокламаціи, оказался здѣсь глупѣе ихъ самихъ, не такъ-ли? По вашей улыбкѣ вижу, что одобряете.

Николай Всеволодовичъ вовсе, впрочемъ, не улыбался, а, напротивъ, слушалъ нахмуренно и нѣсколько нетерпѣливо.

— А? Что? Вы, кажется, сказали: «все равно»? затрещалъ Петръ Степановичъ (Николай Всеволодовичъ вовсе ничего не говорилъ). Конечно, конечно; увѣряю васъ, что я вовсе не для того, чтобы васъ товариществомъ компрометтировать. А, знаете, вы ужасно сегодня вскидчивы; я къ вамъ прибѣжалъ съ открытою и веселою душой, а вы каждое мое словцо въ лыко ставите; увѣряю-же васъ, что сегодня ни о чемъ щекотливомъ не заговорю, слово даю, и на всѣ ваши условія заранѣе согласенъ!

Николай Всеволодовичъ упорно молчалъ.

— А? Что? Вы что-то сказали? Вижу, вижу, что я опять, кажется, сморозилъ; вы не предлагали условій, да и не предложите; вѣрю, вѣрю, ну, успокойтесь; я и самъ вѣдь знаю, что мнѣ не стоитъ ихъ предлагать, такъ-ли? Я за васъ впередъ отвѣчаю и, — ужь конечно, отъ бездарности; бездарность и бездарность... Вы смѣетесь? А? Что?

— Ничего, усмѣхнулся, наконецъ, Николай Всеволодовичъ, — я припомнилъ сейчасъ, что дѣйствительно обозвалъ васъ какъ-то бездарнымъ, но васъ тогда не было, значитъ, вамъ передали... Я-бы васъ просилъ поскорѣе къ дѣлу.

— Да я вѣдь у дѣла и есть, я именно по поводу воскресенья! залепеталъ Петръ Степановичъ, — ну чѣмъ, чѣмъ я былъ въ воскресенье, какъ по вашему? Именно торопливою срединною бездарностію, и я самымъ бездарнѣйшимъ образомъ овладѣлъ разговоромъ силой. Но мнѣ все простили, потому что я, во первыхъ, съ луны, это, кажется, здѣсь теперь у всѣхъ рѣшено; а, во вторыхъ, потому, что милую исторійку разсказалъ и всѣхъ васъ выручилъ, такъ-ли, такъ-ли?

— То есть именно такъ разсказали, чтобъ оставить сомнѣніе и выказать нашу стачку и подтасовку, тогда какъ стачки не было и я васъ ровно ни о чемъ не просилъ.

— Именно, именно! — какъ-бы въ восторгѣ подхватилъ Петръ Степановичъ. — Я именно такъ и дѣлалъ, чтобы вы всю пружину эту замѣтили; я вѣдь для васъ, главное, и ломался, потому что васъ ловилъ и хотѣлъ компрометтировать. Я, главное, хотѣлъ узнать, въ какой степени вы боитесь.

— Любопытно, почему вы такъ теперь откровенны!

— Не сердитесь, не сердитесь, не сверкайте глазами... Впрочемъ, вы не сверкаете. Вамъ любопытно, почему я такъ откровененъ? Да именно потому, что все теперь перемѣнилось, кончено, прошло и пескомъ заросло. Я вдругъ перемѣнилъ объ васъ свои мысли. Старый путь конченъ совсѣмъ; теперь я уже никогда не стану васъ компрометтировать старымъ путемъ, теперь новымъ путемъ.

— Перемѣнили тактику?

— Тактики нѣтъ. Теперь во всемъ ваша полная воля, то есть хотите сказать *да*, а хотите скажете *нѣтъ*. Вотъ вамъ моя новая тактика. А *о нашемъ* дѣлѣ не заикнусь до тѣхъ самыхъ поръ, пока сами не прикажете. Вы смѣетесь? На здоровье; я и самъ смѣюсь. Но я теперь серіозно, серіоз-

но, серіозно, хотя тотъ, кто такъ торопится, конечно, бездаренъ, не правда-ли? Все равно, пусть бездаренъ, а я серіозно, серіозно.

Онъ дѣйствительно проговорилъ серіозно, совсѣмъ другимъ тономъ и въ какомъ-то особенномъ волненіи, такъ что Николай Всеволодовичъ поглядѣлъ на него съ любопытствомъ.

— Вы говорите, что обо мнѣ мысли перемѣнили? спросилъ онъ.

— Я перемѣнилъ объ васъ мысли въ ту минуту, какъ вы послѣ Шатова взяли руки назадъ, и довольно, довольно, пожалуйста безъ вопросовъ, больше ничего теперь не скажу.

Онъ было вскочилъ, махая руками, точно отмахиваясь отъ вопросовъ; но такъ какъ вопросовъ не было, а уходить было не зачѣмъ, то онъ и опустился опять въ кресла, нѣсколько успокоившись.

— Кстати, въ скобкахъ, затараторилъ онъ тотчасъ-же, — здѣсь одни болтаютъ, будто вы его убьете, и пари держатъ, такъ что Лембке думалъ даже тронуть полицію, но Юлія Михайловна запретила... Довольно, довольно объ этомъ, я только чтобъ извѣстить. Кстати опять: я Лебядкиныхъ въ тотъ-же день переправилъ, вы знаете; получили мою записку съ ихъ адресомъ?

— Получилъ тогда-же.

— Это ужь я не по «бездарности», это я искренно, отъ готовности. Если вышло бездарно, то зато было искренно.

— Да ничего, можетъ, такъ и надо...— раздумчиво промолвилъ Николай Всеволодовичъ; — только записокъ больше ко мнѣ не пишите, прошу васъ.

— Невозможно было, всего одну.

— Такъ Липутинъ знаетъ?

— Невозможно было; но Липутинъ, сами знаете, не смѣетъ... Кстати надо-бы къ нашимъ сходить, то есть къ нимъ, а не къ *нашимъ*, а то вы опять лыко въ строку. Да не безпокойтесь, не сейчасъ, а когда нибудь. Сейчасъ дождь идетъ. Я имъ дамъ знать, они соберутся, и мы вечеромъ. Они такъ и ждутъ разиня рты, какъ галчаты въ гнѣздѣ, какого мы имъ привезли гостинцу? Горячій народъ. Книжки вынули, спорить собираются. Виргинскій — общечеловѣкъ, Липутинъ — фурьеристъ, при большой наклонности къ полицейскимъ дѣламъ; человѣкъ, я вамъ скажу, дорогой въ одномъ отношеніи, но требующій во всѣхъ другихъ строгости; и, наконецъ, тотъ съ длинными ушами, тотъ свою собственную систему прочитаетъ. И, знаете, они обижены, что я къ нимъ небрежно и водой ихъ окачиваю, хе-хе! А сходить надо непремѣнно.

— Вы тамъ какимъ нибудь шефомъ меня представили? — какъ можно небрежнѣе выпустилъ Николай Всеволодовичъ. Петръ Степановичъ быстро посмотрѣлъ на него.

— Кстати, подхватилъ онъ, какъ-бы не разслышавъ и поскорѣй заминая,— я вѣдь по два, по три раза являлся къ многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ и тоже много принужденъ былъ говорить.

— Воображаю.

— Нѣтъ, не воображайте, я просто говорилъ, что вы не убьете, ну, и тамъ прочія сладкія вещи. И, вообразите: она на другой день уже знала, что я Марью Тимоѳеевну за рѣку переправилъ; это вы ей сказали?

— Не думалъ.

— Такъ и зналъ, что не вы. Кто-жь-бы могъ кромѣ васъ? Интересно.

— Липутинъ, разумѣется.

— Н-нѣтъ, не Липутинъ, пробормоталъ, нахмурясь, Петръ Степановичъ; — это я узнаю кто. Тутъ похоже на Шатова... Впрочемъ, вздоръ, оставимъ это! Это, впрочемъ, ужасно важно... Кстати, я все ждалъ, что ваша матушка такъ вдругъ и брякнетъ мнѣ главный вопросъ... Ахъ, да, всѣ дни сначала она была страшно угрюма, а вдругъ сегодня пріѣзжаю—вся такъ и сіяетъ. Это что-же?

— Это она потому, что я сегодня ей слово далъ черезъ пять дней къ Лизаветѣ Николаевнѣ посвататься, проговорилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ съ неожиданною откровенностію.

— А, ну... да, конечно, пролепеталъ Петръ Степановичъ, какъ-бы замявшись;— тамъ слухи о помолвкѣ, вы знаете? Вѣрно, однако. Но вы правы, она изъ-подъ вѣнца прибѣжитъ, стоитъ вамъ только кликнуть. Вы не сердитесь, что я такъ?

— Нѣтъ, не сержусь.

— Я замѣчаю, что васъ сегодня ужасно трудно разсердить и начинаю васъ бояться. Мнѣ ужасно любопытно, какъ вы завтра явитесь. Вы навѣрно много штукъ приготовили. Вы не сердитесь на меня, что я такъ?

Николай Всеволодовичъ совсѣмъ не отвѣтилъ, что̀ совсѣмъ уже раздражило Петра Степановича.

— Кстати, это вы серіозно мамашѣ на счетъ Лизаветы Николаевны? — спросилъ онъ.

Николай Всеволодовичъ пристально и холодно посмотрѣлъ на него.

— А, понимаю, чтобы только успокоить, ну да.

— А если-бы серіозно? твердо спросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Что-жь, и съ Богомъ, какъ въ этихъ случаяхъ говорится, дѣлу не повредитъ (видите, я не сказалъ, нашему дѣлу, вы словцо *наше* не любите), а я... а я что-жь, я къ вашимъ услугамъ, сами знаете.

— Вы думаете?

— Я ничего, ничего не думаю, заторопился, смѣясь, Петръ Степановичъ,—потому что знаю, вы о своихъ дѣлахъ сами напередъ обдумали и что у васъ все придумано. Я только про то, что я серіозно къ вашимъ услугамъ, всегда и вездѣ и во всякомъ случаѣ, то есть во всякомъ, понимаете это?

Николай Всеволодовичъ зѣвнулъ.

— Надоѣлъ я вамъ, вскочилъ вдругъ Петръ Степановичъ, схватывая свою круглую, совсѣмъ новую шляпу и какъ-бы уходя, а между тѣмъ все еще оставаясь и продолжая говорить безпрерывно, хотя и стоя, иногда шагая по комнатѣ и въ одушевленныхъ мѣстахъ разговора ударяя себя шляпой по колѣнкѣ.

— Я думалъ еще повеселить васъ Лембками, весело вскричалъ онъ.

— Нѣтъ ужь, послѣ-бы. Какъ, однако, здоровье Юліи Михайловны?

— Какой это у васъ у всѣхъ, однако, свѣтскій пріемъ: вамъ до ея здоровья все равно, что до здоровья сѣрой кошки, а между тѣмъ спрашиваете. Я это хвалю. Здорова и васъ уважаетъ до суевѣрія, до суевѣрія многаго отъ васъ ожидаетъ. О воскресномъ случаѣ молчитъ и увѣрена, что вы все сами побѣдите однимъ появленіемъ. Ей Богу она воображаетъ, что вы ужь Богъ знаетъ что̀ можете. Впрочемъ, вы теперь загадочное и романическое лицо, пуще чѣмъ когда нибудь — чрезвычайно выгодное положеніе. Всѣ васъ ждутъ до невѣроятности. Я вотъ уѣхалъ — было горячо, а теперь еще пуще. Кстати, спасибо еще разъ за письмо. Они всѣ графа К. боятся. Знаете, они считаютъ васъ, кажется, за шпіона? Я поддакиваю, вы не сердитесь?

— Ничего.

— Это ничего; это въ дальнѣйшемъ необходимо. У нихъ здѣсь свои порядки. Я, конечно, поощряю; Юлія Михайловна во главѣ, Гагановъ тоже... Вы смѣетесь? Да вѣдь я съ тактикой; я вру, вру, а вдругъ и умное слово скажу, именно тогда, когда они всѣ его ищутъ. Они окружатъ меня, а я опять начну врать. На меня уже всѣ махнули: «со способностями, говорятъ, но съ луны соскочилъ». Лембке меня въ службу зоветъ, чтобъ я выправился. Знаете, я его ужасно третирую, то есть компрометтирую, такъ и лупитъ глаза. Юлія Михайловна поощряетъ. Да, кстати, Гагановъ на васъ ужасно сердится. Вчера въ Духовѣ говорилъ мнѣ о васъ прескверно. Я ему тотчасъ-же всю правду, то есть, разумѣется, не всю правду. Я у него цѣлый день въ Духовѣ прожилъ. Славное имѣніе, хорошій домъ.

— Такъ онъ развѣ и теперь въ Духовѣ? вдругъ вскинулся Николай Всеволодовичъ, почти вскочивъ и сдѣлавъ сильное движеніе впередъ.

— Нѣтъ, меня-же и привезъ сюда давеча утромъ, мы вмѣстѣ воротились, проговорилъ Петръ Степановичъ, какъ-бы совсѣмъ не замѣтивъ мгновеннаго волненія Николая Всеволодовича.—Что̀ это, я книгу уронилъ, нагнулся онъ поднять задѣтый имъ кипсекъ. Женщины Бальзака, съ картинками, развернулъ онъ вдругъ,—не читалъ. Лембке тоже романы пишетъ.

— Да? спросилъ Николай Всеволодовичъ какъ-бы заинтересовавшись.

— На русскомъ языкѣ, потихоньку, разумѣется. Юлія Михайловна знаетъ и поз-

воляетъ. Колпакъ; впрочемъ, съ пріемами; у нихъ это выработано. Экая строгость формъ, экая выдержанность! Вотъ-бы намъ что нибудь въ этомъ родѣ.

— Вы хвалите администрацію?

— Да еще-же-бы нѣтъ! Единственно что̀ въ Россіи есть натуральнаго и достигнутаго... не буду, не буду, вскинулся онъ вдругъ,—я не про то, о деликатномъ ни слова. Однако, прощайте, вы какой-то зеленый.

— Лихорадка у меня.

— Можно повѣрить, ложитесь-ка. Кстати: здѣсь скопцы есть въ уѣздѣ, любопытный народъ... Впрочемъ, потомъ. А, впрочемъ, вотъ еще анекдотикъ: тутъ по уѣзду пѣхотный полкъ. Въ пятницу вечеромъ я въ Б—цахъ съ офицерами пилъ. Тамъ вѣдь у насъ три пріятеля, vous comprenez? Объ атеизмѣ говорили и, ужь разумѣется, Бога раскассировали. Рады, визжатъ. Кстати, Шатовъ увѣряетъ, что если въ Россіи бунтъ начинать, то чтобы непремѣнно начать съ атеизма. Можетъ, и правда. Одинъ сѣдой бурбонъ капитанъ сидѣлъ, сидѣлъ, все молчалъ, ни слова не говорилъ, вдругъ становится среди комнаты и, знаете, громко такъ какъ-бы самъ съ собой: «Если Бога нѣтъ, то какой-же я послѣ того капитанъ?» Взялъ фуражку, развелъ руки и вышелъ.

— Довольно цѣльную мысль выразилъ, зѣвнулъ въ третій разъ Николай Всеволодовичъ.

— Да? Я не понялъ; васъ хотѣлъ спросить. Ну что̀-бы вамъ еще: интересная фабрика Шпигулиныхъ; тутъ, какъ вы знаете, пятьсотъ рабочихъ, разсадникъ холеры, не чистятъ пятнадцать лѣтъ и фабричныхъ усчитываютъ; купцы милліонеры. Увѣряю васъ, что между рабочими иные объ Internationale имѣютъ понятіе. Что̀, вы улыбнулись? Сами увидите, дайте мнѣ только самый, самый маленькій срокъ! Я уже просилъ у васъ срока, а теперь еще прошу, и тогда... а, впрочемъ, виноватъ, не буду, не буду, я не про то, не морщитесь. Однако, прощайте. Что̀-жь я? воротился онъ вдругъ съ дороги, совсѣмъ забылъ, самое главное: мнѣ сейчасъ говорили, что нашъ ящикъ изъ Петербурга пришелъ.

— То есть? посмотрѣлъ Николай Всеволодовичъ, не понимая.

— То есть вашъ ящикъ, ваши вещи, съ фраками, панталонами и бѣльемъ, пришелъ? Правда?

— Да, мнѣ что-то давеча говорили.

— Ахъ, такъ нельзя-ли сейчасъ!..

— Спросите у Алексѣя.

— Ну, завтра, завтра? Тамъ вѣдь съ вашими вещами и мой пиджакъ, фракъ и трое панталонъ, отъ Шармера, по вашей рекомендаціи, помните?

— Я слышалъ, что вы здѣсь, говорятъ, джентльменничаете? усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.—Правда, что вы у берейтора верхомъ хотите учиться?

Петръ Степановичъ улыбнулся искривленною улыбкой.

— Знаете, заторопился онъ вдругъ чрезмѣрно, какимъ-то вздрагивающимъ и пресѣкающимся голосомъ,— знаете, Николай Всеволодовичъ, мы оставимъ на счетъ личностей, не такъ-ли, разъ навсегда? Вы, разумѣется, можете меня презирать сколько угодно, если вамъ такъ смѣшно, но всетаки-бы лучше безъ личностей нѣсколько времени, такъ-ли?

— Хорошо, я больше не буду, промолвилъ Николай Всеволодовичъ. Петръ Степановичъ усмѣхнулся, стукнулъ по колѣнкѣ шляпой, ступилъ съ одной ноги на другую и принялъ прежній видъ.

— Здѣсь иные считаютъ меня даже вашимъ соперникомъ у Лизаветы Николаевны, какъ-же мнѣ о наружности не заботиться? засмѣялся онъ. Это кто-же, однако, вамъ доноситъ? Гм. Ровно восемь часовъ; ну, я въ путь; я къ Варварѣ Петровнѣ обѣщалъ зайдти, но спасую, а вы ложитесь и завтра будете бодрѣе. На дворѣ дождь и темень, у меня, впрочемъ, извощикъ, потому что на улицахъ здѣсь по ночамъ не спокойно... Ахъ, какъ кстати: здѣсь въ городѣ и около бродитъ теперь одинъ Ѳедька-каторжный, бѣглый изъ Сибири, представьте, мой бывшій дворовый человѣкъ, котораго папаша лѣтъ пятнадцать тому въ солдаты упекъ и деньги взялъ. Очень замѣчательная личность.

— Вы... съ нимъ говорили? вскинулъ глазами Николай Всеволодовичъ.

— Говорилъ. Отъ меня не прячется. На все готовая личность, на все; за деньги, разумѣется, но есть и убѣжденія, въ своемъ родѣ, конечно. Ахъ, да, вотъ и опять кстати: если вы давеча серіезно о томъ замыслѣ, помните, на счетъ Лизаветы Николаевны, то возобновляю вамъ еще разъ, что и я тоже на все готовая личность, во всѣхъ родахъ, какихъ угодно, и совершенно къ вашимъ услугамъ... Что это, вы за палку хватаетесь? Ахъ, нѣтъ, вы не за палку... Представьте, мнѣ показалось, что вы палку ищете?

Николай Всеволодовичъ ничего не искалъ и ничего не говорилъ, но, дѣйствительно, онъ привсталъ какъ-то вдругъ, съ какимъ-то страннымъ движеніемъ въ лицѣ.

— Если вамъ тоже понадобится что нибудь на счетъ господина Гаганова, брякнулъ вдругъ Петръ Степановичъ, ужь прямехонько кивая на преспанье,—то, разумѣется, я могу все устроить и убѣжденъ, вы меня не обойдете.

Онъ вдругъ вышелъ, не дожидаясь отвѣта, но высунулъ еще разъ голову изъ-за двери:

— Я потому такъ, прокричалъ онъ скороговоркой,—что вѣдь Шатовъ, напримѣръ, тоже не имѣлъ права рисковать тогда жизнью въ воскресенье, когда къ вамъ подошелъ, такъ-ли? Я-бы желалъ, чтобы вы это замѣтили.

Онъ исчезъ опять, не дожидаясь отвѣта.

IV.

Можетъ быть, онъ думалъ, исчезая, что Николай Всеволодовичъ, оставшись одинъ, начнетъ колотить кулаками въ стѣну, и, ужь конечно-бы, радъ былъ подсмотрѣть, еслибъ это было возможно. Но онъ очень-бы обманулся: Николай Всеволодовичъ оставался спокоенъ. Минуты двѣ онъ простоялъ у стола въ томъ-же положеніи, повидимому, очень задумавшись; но вскорѣ вялая, холодная улыбка выдавилась на его губахъ. Онъ медленно усѣлся на диванъ, на свое прежнее мѣсто въ углу, и закрылъ глаза, какъ-бы отъ усталости. Уголокъ письма по прежнему выглядывалъ изъ подъ преспанье, но онъ и не пошевелился поправить.

Скоро онъ забылся совсѣмъ. Варвара Петровна, измучившая себя въ эти дни заботами, не вытерпѣла, и по уходѣ Петра Степановича, обѣщавшаго къ ней зайдти и не сдержавшаго обѣщанія, рискнула сама навѣстить Nicolas, не смотря на неуказанное время. Ей все мерещилось: не скажетъ-ли онъ, наконецъ, чего нибудь окончательно? Тихо, какъ и давеча, постучалась она въ дверь, и опять не получая отвѣта отворила сама. Увидавъ, что Nicolas сидитъ что-то слишкомъ ужь неподвижно, она, съ бьющимся сердцемъ, осторожно приблизилась сама къ дивану. Ее какъ-бы поразило, что онъ такъ скоро заснулъ и что можетъ такъ спать, такъ прямо сидя и такъ неподвижно; даже дыханія почти нельзя было замѣтить. Лицо было блѣдное и суровое, но совсѣмъ какъ-бы застывшее, недвижимое; брови немного сдвинуты и нахмурены; рѣшительно онъ походилъ на бездушную восковую фигуру. Она простояла надъ нимъ минуты три, едва переводя дыханіе, и вдругъ ее объялъ страхъ; она вышла на цыпочкахъ, пріостановилась въ дверяхъ, на-скоро перекрестила его и удалилась незамѣченная, съ новымъ тяжелымъ ощущеніемъ и съ новою тоской.

Проспалъ онъ долго, болѣе часу, и все въ такомъ-же оцѣпенѣніи: ни одинъ мускулъ лица его не двинулся, ни малѣйшаго движенія во всемъ тѣлѣ не выказалось; брови были все такъ-же сурово сдвинуты. Если-бы Варвара Петровна осталась еще на три минуты, то навѣрно-бы не вынесла подавляющаго ощущенія этой летаргической неподвижности и разбудила его. Но онъ вдругъ самъ открылъ глаза и, по прежнему не шевелясь, просидѣлъ еще минутъ десять, какъ-бы упорно и любопытно всматриваясь въ какой-то поразившій его предметъ въ углу комнаты, хотя тамъ ничего не было ни новаго, ни особеннаго.

Наконецъ, раздался тихій, густой звукъ большихъ стѣнныхъ часовъ, пробившихъ одинъ разъ. Съ нѣкоторымъ безпокойствомъ повернулъ онъ голову взглянуть на циферблатъ, но почти въ ту-же минуту отворилась задняя дверь, выходившая въ корри-

доръ, и показался камердинеръ Алексѣй Егоровичъ. Онъ несъ въ одной рукѣ теплое пальто, шарфъ и шляпу, а въ другой серебряную тарелочку, на которой лежала записка.

— Половина десятаго, возгласилъ онъ тихимъ голосомъ и, сложивъ принесенное платье въ углу на стулѣ, поднесъ на тарелкѣ записку, маленькую бумажку, незапечатанную, съ двумя строчками карандашомъ. Пробѣжавъ эти строки, Николай Всеволодовичъ тоже взялъ со стола карандашъ, черкнулъ въ концѣ записки два слова и положилъ обратно на тарелку.

— Передать тотчасъ-же какъ я выйду, и одѣваться, сказалъ онъ, вставая съ дивана.

Замѣтивъ, что на немъ легкій, бархатный пиджакъ, онъ подумалъ и велѣлъ подать себѣ другой, суконный сюртукъ, употреблявшійся для болѣе церемонныхъ вечернихъ визитовъ. Наконецъ, одѣвшись совсѣмъ и надѣвъ шляпу, онъ заперъ дверь, въ которую входила къ нему Варвара Петровна, и, вынувъ изъ подъ преспанье спрятанное письмо, молча вышелъ въ корридоръ, въ сопровожденіи Алексѣя Егоровича. Изъ корридора вышли на узкую каменную заднюю лѣстницу и спустились въ сѣни, выходившія прямо въ садъ. Въ углу въ сѣняхъ стояли припасенные фонарикъ и большой зонтикъ.

— По чрезвычайному дождю грязь по здѣшнимъ улицамъ нестерпимая, доложилъ Алексѣй Егоровичъ въ видѣ отдаленной попытки въ послѣдній разъ отклонить барина отъ путешествія. Но баринъ, развернувъ зонтикъ, молча вышелъ въ темный какъ погребъ, отсырѣлый и мокрый старый садъ. Вѣтеръ шумѣлъ и качалъ вершинами полуобнаженныхъ деревьевъ, узенькія песочныя дорожки были топки и скользки. Алексѣй Егоровичъ шелъ, какъ былъ, во фракѣ и безъ шляпы, освѣщая путь шага на три впередъ фонарикомъ.

— Не замѣтно-ли будетъ? спросилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Изъ окошекъ замѣтно не будетъ, окромя того, что заранѣе все предусмотрѣно, тихо и размѣренно отвѣтилъ слуга.

— Матушка почиваетъ?

— Заперлись, по обыкновенію послѣднихъ дней ровно въ девять часовъ и узнать теперь для нихъ ничего невозможно. Въ какомъ часу васъ прикажете ожидать? прибавилъ онъ, осмѣливаясь сдѣлать вопросъ.

— Въ часъ, въ половинѣ втораго, не позже двухъ.

— Слушаю-съ.

Обойдя извилистыми дорожками весь садъ, который оба знали наизусть, они дошли до каменной садовой ограды и тутъ въ самомъ углу стѣны отыскали маленькую дверцу, выводившую въ тѣсный и глухой переулокъ, почти всегда запертую, но ключъ отъ которой оказался теперь въ рукахъ Алексѣя Егоровича.

— Не заскрипѣла-бы дверь? освѣдомился опять Николай Всеволодовичъ.

Но Алексѣй Егоровичъ доложилъ, что вчера еще смазана масломъ, «равно и сегодня». Онъ весь уже успѣлъ измокнуть. Отперевъ дверцу, онъ подалъ ключъ Николаю Всеволодовичу.

— Если изволили предпринять путь отдаленный, то докладываю, будучи неувѣренъ въ здѣшнемъ народишкѣ, въ особенности по глухимъ переулкамъ, а паче всего за рѣкой, не утерпѣлъ онъ еще разъ. Это былъ старый слуга, бывшій дядька Николая Всеволодовича, когда-то нянчившій его на рукахъ, человѣкъ серіозный и строгій, любившій послушать и почитать отъ божественнаго.

— Не безпокойся, Алексѣй Егорычъ.

— Благослови васъ Богъ, сударь, но при начинаніи лишь добрыхъ дѣлъ.

— Какъ? остановился Николай Всеволодовичъ, уже перешагнувъ въ переулокъ.

Алексѣй Егоровичъ твердо повторилъ свое желаніе; никогда прежде онъ не рѣшился-бы его выразить въ такихъ словахъ вслухъ предъ своимъ господиномъ.

Николай Всеволодовичъ заперъ дверь, положилъ ключъ въ карманъ и пошелъ по проулку, увязая съ каждымъ шагомъ вершка на три въ грязь. Онъ вышелъ, наконецъ, въ длинную и пустынную улицу на мостовую. Городъ былъ извѣстенъ ему какъ пять пальцевъ; но Богоявленская улица была все еще далеко. Было болѣе десяти часовъ, когда онъ остановился, наконецъ, предъ за-

пертыми воротами темнаго стараго дома Филипповыхъ. Нижній этажъ теперь, съ выѣздомъ Лебядкиныхъ, стоялъ совсѣмъ пустой, съ заколоченными окнами, но въ мезонинѣ у Шатова свѣтился огонь. Такъ какъ не было колокольчика, то онъ началъ бить въ ворота рукой. Отворилось оконце, и Шатовъ выглянулъ на улицу; темень была страшная и разглядѣть было мудрено; Шатовъ разглядывалъ долго, съ минуту.

— Это вы? спросилъ онъ вдругъ.

— Я, отвѣтилъ незваный гость.

Шатовъ захлопнулъ окно, сошелъ внизъ и отперъ ворота. Николай Всеволодовичъ переступилъ черезъ высокій порогъ и, не сказавъ ни слова, прошелъ мимо, прямо во флигель къ Кирилову.

V.

Тутъ все было отперто и даже не притворено. Сѣни и первыя двѣ комнаты были темны, но въ послѣдней, въ которой Кириловъ жилъ и пилъ чай, сіялъ свѣтъ и слышался смѣхъ и какія-то странныя вскрикиванія. Николай Всеволодовичъ пошелъ на свѣтъ, но, не входя, остановился на порогѣ. Чай былъ на столѣ. Среди комнаты стояла старуха, хозяйская родственница, простоволосая, въ одной юбкѣ, въ башмакахъ на босу ногу и въ заячьей куцавейкѣ. На рукахъ у ней былъ полуторагодовой ребенокъ, въ одной рубашонкѣ, съ голыми ножками, съ разгорѣвшимися щечками, съ бѣлыми всклоченными волосками, только-что изъ колыбели. Онъ, должно быть, недавно расплакался; слезки стояли еще подъ глазами; но въ эту минуту тянулся ручонками, хлопалъ въ ладошки и хохоталъ, какъ хохочутъ маленькія дѣти, съ захлипомъ. Предъ нимъ Кириловъ бросалъ о полъ большой резиновый красный мячъ; мячъ отпрыгивалъ до потолка, падалъ опять, ребенокъ кричалъ: «мя, мя!» Кириловъ ловилъ «мя» и подавалъ ему, тотъ бросалъ уже самъ своими неловкими ручонками, а Кириловъ бѣжалъ опять подымать. Наконецъ, «мя» закатился подъ шкафъ. «Мя, мя!» кричалъ ребенокъ. Кириловъ припалъ къ полу и протянулся, стараясь изъ-подъ шкафа достать «мя» рукой. Николай Всеволодовичъ вошелъ въ комнату; ребенокъ, увидѣвъ его, припалъ къ старухѣ и закатился долгимъ, дѣтскимъ плачемъ; та тотчасъ-же его вынесла.

— Ставрогинъ? сказалъ Кириловъ, приподымаясь съ полу съ мячомъ въ рукахъ, безъ малѣйшаго удивленія къ неожиданному визиту, — хотите чаю?

Онъ приподнялся совсѣмъ.

— Очень, не откажусь, если теплый, сказалъ Николай Всеволодовичъ; — я весь промокъ.

— Теплый, горячій даже, съ удовольствіемъ подтвердилъ Кириловъ: — садитесь: вы грязны, ничего; полъ я потомъ мокрою тряпкой.

Николай Всеволодовичъ усѣлся и почти залпомъ выпилъ налитую чашку.

— Еще? спросилъ Кириловъ.

— Благодарю.

Кириловъ, до сихъ поръ не садившійся, тотчасъ-же сѣлъ напротивъ и спросилъ:

— Вы что̀ пришли?

— По дѣлу. Вотъ прочтите это письмо, отъ Гаганова; помните, я вамъ говорилъ въ Петербургѣ.

Кириловъ взялъ письмо, прочелъ, положилъ на столъ и смотрѣлъ въ ожиданіи.

— Этого Гаганова, началъ объяснять Николай Всеволодовичъ, — какъ вы знаете, я встрѣтилъ мѣсяцъ тому, въ Петербургѣ, въ первый разъ въ жизни. Мы столкнулись раза три въ людяхъ. Не знакомясь со мной и не заговаривая, онъ нашелъ таки возможность быть очень дерзкимъ. Я вамъ тогда говорилъ; но вотъ чего вы не знаете: уѣзжая тогда изъ Петербурга раньше меня, онъ вдругъ прислалъ мнѣ письмо, хотя и не такое какъ это, но, однако, неприличное въ высшей степени и уже тѣмъ странное, что въ немъ совсѣмъ не объяснено было повода, по которому оно писано. Я отвѣтилъ ему тотчасъ-же, тоже письмомъ, и совершенно откровенно высказалъ, что, вѣроятно, онъ на меня сердится за происшествіе съ его отцомъ, четыре года назадъ, здѣсь въ клубѣ, и что я съ моей стороны готовъ принести ему всевозможныя извиненія, на томъ основаніи, что поступокъ мой былъ неумышленный и про-

изошелъ въ болѣзни. Я просилъ его взять мои извиненія въ соображеніе. Онъ не отвѣтилъ и уѣхалъ; но вотъ теперь я застаю его здѣсь уже совсѣмъ въ бѣшенствѣ. Мнѣ передали нѣсколько публичныхъ отзывовъ его обо мнѣ, совершенно ругательныхъ и съ удивительными обвиненіями. Наконецъ, сегодня приходитъ это письмо, какого вѣрно никто никогда не получалъ, съ ругательствами и съ выраженіями: «ваша битая рожа». Я пришелъ, надѣясь, что вы не откажетесь въ секунданты.

— Вы сказали, письма никто не получалъ, замѣтилъ Кириловъ: — въ бѣшенствѣ можно; пишутъ не разъ. Пушкинъ Гекерну написалъ. Хорошо, пойду. Говорите какъ?

Николай Всеволодовичъ объяснилъ, что желаетъ завтра-же, и чтобы непремѣнно начать съ возобновленія извиненій и даже съ обѣщанія вторичнаго письма съ извиненіями, но съ тѣмъ, однако, что и Гагановъ, съ своей стороны, обѣщалъ-бы не писать болѣе писемъ. Полученное-же письмо будетъ считаться какъ не бывшее вовсе.

— Слишкомъ много уступокъ, не согласится, проговорилъ Кириловъ.

— Я прежде всего пришелъ узнать, согласитесь-ли вы понести туда такія условія?

— Я понесу. Ваше дѣло. Но онъ не согласится.

— Знаю, что не согласится.

— Онъ драться хочетъ. Говорите, какъ драться.

— Въ томъ и дѣло, что я хотѣлъ-бы завтра непремѣнно все кончить. Часовъ въ девять утра вы у него. Онъ выслушаетъ и не согласится, но сведетъ васъ съ своимъ секундантомъ, — положимъ, часовъ около одиннадцати. Вы съ тѣмъ порѣшите, и затѣмъ въ часъ или въ два чтобы быть всѣмъ на мѣстѣ. Пожалуйста, постарайтесь такъ сдѣлать. Оружіе, конечно, пистолеты, и особенно васъ прошу устроить такъ: опредѣлить барьеръ въ десять шаговъ; затѣмъ вы ставите насъ каждаго въ десяти шагахъ отъ барьера, и по данному знаку мы сходимся. Каждый долженъ непремѣнно дойдти до своего барьера, но выстрѣлить можетъ и раньше, на ходу. Вотъ и все, я думаю.

— Десять шаговъ между барьерами близко, замѣтилъ Кириловъ.

— Ну, двѣнадцать, только не больше, вы понимаете, что онъ хочетъ драться серіозно. Умѣете вы зарядить пистолетъ?

— Умѣю. У меня есть пистолеты; я дамъ слово, что вы изъ нихъ не стрѣляли. Его секундантъ тоже слово про свои; двѣ пары, и мы сдѣлаемъ четъ и нечетъ, его или нашу?

— Прекрасно.

— Хотите посмотрѣть пистолеты?

— Пожалуй.

Кириловъ присѣлъ на корточки предъ своимъ чемоданомъ въ углу, все еще не разобраннымъ, но изъ котораго вытаскивались вещи по мѣрѣ надобности. Онъ вытащилъ со дна ящикъ пальмоваго дерева, внутри отдѣланный краснымъ бархатомъ, и изъ него вынулъ пару щегольскихъ, чрезвычайно дорогихъ пистолетовъ.

— Есть все: порохъ, пули, патроны. У меня еще револьверъ; постойте.

Онъ полѣзъ опять въ чемоданъ и вытащилъ другой ящикъ съ шестиствольнымъ американскимъ револьверомъ.

— У васъ довольно оружія, и очень дорогаго.

— Очень. Чрезвычайно.

Бѣдный, почти нищій, Кириловъ, никогда, впрочемъ, и не замѣчавшій своей нищеты, видимо съ похвальбой показывалъ теперь свои оружейныя драгоцѣнности, безъ сомнѣнія пріобрѣтенныя съ чрезвычайными пожертвованіями.

— Вы все еще въ тѣхъ-же мысляхъ? спросилъ Ставрогинъ послѣ минутнаго молчанія и съ нѣкоторою осторожностію.

— Въ тѣхъ-же, коротко отвѣтилъ Кириловъ, тотчасъ-же по голосу угадавъ о чемъ спрашиваютъ, и сталъ убирать со стола оружіе.

— Когда-же? еще осторожнѣе спросилъ Николай Всеволодовичъ опять послѣ нѣкотораго молчанія.

Кириловъ между тѣмъ уложилъ оба ящика въ чемоданъ и усѣлся на прежнее мѣсто.

— Это не отъ меня, какъ знаете; когда скажутъ, пробормоталъ онъ, какъ-бы нѣсколько тяготясь вопросомъ, но въ то-же время съ видимою готовностію отвѣчать на

всѣ другіе вопросы. На Ставрогина онъ смотрѣлъ не отрываясь, своими черными глазами безъ блеску, съ какимъ-то спокойнымъ, но добрымъ и привѣтливымъ чувствомъ.

— Я, конечно, понимаю застрѣлиться, началъ опять нѣсколько нахмурившись Николай Всеволодовичъ, послѣ долгаго, трехминутнаго задумчиваго молчанія; — я иногда самъ представлялъ, и тутъ всегда какая-то новая мысль: если-бы сдѣлать злодѣйство, или, главное, стыдъ, то есть позоръ, только очень подлый и... смѣшной, такъ что запомнятъ люди на тысячу лѣтъ и плевать будутъ тысячу лѣтъ, и вдругъ мысль: «одинъ ударъ въ високъ и ничего не будетъ». Какое дѣло тогда до людей и что они будутъ плевать тысячу лѣтъ, не такъ-ли?

— Вы называете, что это новая мысль? проговорилъ Кириловъ, подумавъ.

— Я... не называю... когда я подумалъ однажды, то почувствовалъ совсѣмъ новую мысль.

— «Мысль почувствовали?» переговорилъ Кириловъ, — это хорошо. Есть много мыслей, которыя всегда и которыя вдругъ станутъ новыя. Это вѣрно. Я много теперь какъ въ первый разъ вижу.

— Положимъ, вы жили на лунѣ, перебилъ Ставрогинъ, не слушая и продолжая свою мысль, — вы тамъ, положимъ, сдѣлали всѣ эти смѣшныя пакости... Вы знаете навѣрно отсюда, что тамъ будутъ смѣяться и плевать на ваше имя тысячу лѣтъ, вѣчно, во всю луну. Но теперь вы здѣсь и смотрите на луну отсюда: какое вамъ дѣло здѣсь до всего того, что вы тамъ надѣлали, и что тамошніе будутъ плевать на васъ тысячу лѣтъ, не правда-ли?

— Не знаю, отвѣтилъ Кириловъ, — я на лунѣ не былъ, прибавилъ онъ безъ всякой ироніи, единственно для обозначенія факта.

— Чей это давеча ребенокъ?

— Старухина свекровь пріѣхала; нѣтъ, сноха... все равно. Три дня. Лежитъ больная, съ ребенкомъ; по ночамъ кричитъ очень, животъ. Мать спитъ, а старуха приноситъ; я мячомъ. Мячъ изъ Гамбурга. Я въ Гамбургѣ купилъ, чтобы бросать и ловить; укрѣпляетъ спину. Дѣвочка.

— Вы любите дѣтей?

— Люблю, отозвался Кириловъ довольно, впрочемъ, равнодушно.

— Стало быть, и жизнь любите?

— Да, люблю и жизнь, а что?

— Если рѣшились застрѣлиться.

— Что-же? Почему вмѣстѣ? Жизнь особо, а то особо. Жизнь есть, а смерти нѣтъ совсѣмъ.

— Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?

— Нѣтъ, не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную. Есть минуты, вы доходите до минутъ, и время вдругъ останавливается и будетъ вѣчно.

— Вы надѣетесь дойдти до такой минуты?

— Да.

— Это врядъ-ли въ наше время возможно, тоже безъ всякой ироніи отозвался Николай Всеволодовичъ, медленно и какъ-бы задумчиво. — Въ Апокалипсисѣ ангелъ клянется, что времени больше не будетъ.

— Знаю. Это очень тамъ вѣрно; отчетливо и точно. Когда весь человѣкъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ, потому что не надо. Очень вѣрная мысль.

— Куда-жь его спрячутъ?

— Никуда не спрячутъ. Время не предметъ, а идея. Погаснетъ въ умѣ.

— Старыя философскія мѣста, однѣ и тѣ-же съ начала вѣковъ, съ какимъ-то брезгливымъ сожалѣніемъ пробормоталъ Ставрогинъ.

— Однѣ и тѣ-же! Однѣ и тѣ-же съ начала вѣковъ, и никакихъ другихъ никогда! подхватилъ Кириловъ съ сверкающимъ взглядомъ, какъ будто въ этой идеѣ заключалась чуть не побѣда.

— Вы, кажется, очень счастливы, Кириловъ?

— Да, очень счастливъ, отвѣтилъ тотъ, какъ-бы давая самый обыкновенный отвѣтъ.

— Но вы такъ недавно еще огорчались, сердились на Липутина?

— Гм... я теперь не браню. Я еще не зналъ тогда, что былъ счастливъ. Видали вы листъ, съ дерева листъ?

— Видалъ.

— Я видѣлъ недавно желтый, немного

зеленаго, съ краевъ подгнилъ. Вѣтромъ носило. Когда мнѣ было десять лѣтъ, я зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ листъ зеленый, яркій съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому что очень хорошо, и опять закрывалъ.

— Это что-же, аллегорія?

— Н-нѣтъ... зачѣмъ? Я не аллегорію, я просто листъ, одинъ листъ. Листъ хорошъ. Все хорошо.

— Все?

— Все. Человѣкъ несчастливъ потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому. Это все, все! Кто узнаетъ, тотчасъ сейчасъ станетъ счастливъ, сію минуту. Эта свекровь умретъ, а дѣвочка останется — все хорошо. Я вдругъ открылъ.

— А кто съ голоду умретъ, а кто обидитъ и обезчеститъ дѣвочку — это хорошо?

— Хорошо. И кто размозжитъ голову за ребенка, и то хорошо; и кто не размозжитъ, и то хорошо. Все хорошо, все. Всѣмъ тѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошо. Если-бъ они знали, что имъ хорошо, то имъ былобы хорошо, но пока они не знаютъ, что имъ хорошо, то имъ будетъ нехорошо. Вотъ вся мысль, вся, больше нѣтъ никакой!

— Когда-же вы узнали, что вы такъ счастливы?

— На прошлой недѣлѣ во вторникъ, нѣтъ въ среду, потому что уже была среда, ночью.

— По какому-же поводу?

— Не помню, такъ; ходилъ по комнатѣ... все равно. Я часы остановилъ, было тридцать семь минутъ третьяго.

— Въ эмблему того, что время должно остановиться?

Кириловъ промолчалъ.

— Они не хороши, началъ онъ вдругъ опять, — потому что не знаютъ, что они хороши. Когда узнаютъ, то не будутъ насиловать дѣвочку. Надо имъ узнать, что они хороши, и всѣ тотчасъ-же станутъ хороши, всѣ до единаго.

— Вотъ вы узнали-же, стало быть, вы хороши?

— Я хорошъ.

— Съ этимъ я, впрочемъ, согласенъ, нахмуренно пробормоталъ Ставрогинъ.

— Кто научитъ, что всѣ хороши, тотъ міръ закончитъ.

— Кто училъ, Того распяли.

— Онъ придетъ и имя ему человѣкобогъ.

— Богочеловѣкъ?

— Человѣкобогъ, въ этомъ разница.

— Ужь не вы-ли и лампадку зажигаете?

— Да, это я зажегъ.

— Увѣровали?

— Старуха любитъ, чтобы лампадку... а ей сегодня некогда, пробормоталъ Кириловъ.

— А сами еще не молитесь?

— Я всему молюсь. Видите, паукъ ползетъ по стѣнѣ, я смотрю и благодаренъ ему за то, что ползетъ.

Глаза его опять загорѣлись. Онъ все смотрѣлъ прямо на Ставрогина, взглядомъ твердымъ и неуклоннымъ. Ставрогинъ нахмуренно и брезгливо слѣдилъ за нимъ, но насмѣшки въ его взглядѣ не было.

— Бьюсь объ закладъ, что когда я опять приду, то вы ужь и въ Бога увѣруете, проговорилъ онъ, вставая и захватывая шляпу.

— Почему? привсталъ и Кириловъ.

— Если-бы вы узнали, что вы въ Бога вѣруете, то вы-бы и вѣровали; но такъ какъ вы еще не знаете, что вы въ Бога вѣруете, то вы и не вѣруете, усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.

— Это не то, обдумалъ Кириловъ, — перевернули мысль. Свѣтская шутка. Вспомните, что вы значили въ моей жизни, Ставрогинъ.

— Прощайте, Кириловъ.

— Приходите ночью; когда?

— Да ужь вы не забыли-ли про завтрашнее?

— Ахъ, забылъ, будьте покойны, не просплю; въ девять часовъ. Я умѣю просыпаться, когда хочу. Я ложусь и говорю: въ семь часовъ, и проснусь въ семь часовъ; въ десять часовъ — и проснусь въ десять часовъ.

— Замѣчательныя у васъ свойства, поглядѣлъ на его блѣдное лицо Николай Всеволодовичъ.

— Я пойду отопру ворота.

— Не безпокойтесь, мнѣ отопретъ Шатовъ.

— А, Шатовъ. Хорошо, прощайте.

VI.

Крыльцо пустаго дома, въ которомъ квартировалъ Шатовъ, было не заперто; но, взобравшись въ сѣни, Ставрогинъ очутился въ совершенномъ мракѣ и сталъ искать рукой лѣстницу въ мезонинъ. Вдругъ сверху отворилась дверь и показался свѣтъ; Шатовъ самъ не вышелъ, а только свою дверь отворилъ. Когда Николай Всеволодовичъ сталъ на порогѣ его комнаты, то разглядѣлъ его въ углу, у стола, стоящаго въ ожиданіи.

— Вы примете меня по дѣлу? спросилъ онъ съ порога.

— Войдите и садитесь, отвѣчалъ Шатовъ, — заприте дверь; постойте, я самъ.

Онъ заперъ дверь на ключъ, воротился къ столу и сѣлъ напротивъ Николая Всеволодовича. Въ эту недѣлю онъ похудѣлъ, а теперь, казалось, былъ въ жару.

— Вы меня измучили, проговорилъ онъ, потупясь, тихимъ полушепотомъ, — зачѣмъ вы не приходили?

— Вы такъ увѣрены были, что я приду?

— Да, постойте, я бредилъ... можетъ, и теперь брежу... Постойте.

Онъ привсталъ и на верхней изъ своихъ трехъ полокъ съ книгами, съ краю, захватилъ какую-то вещь. Это былъ револьверъ.

— Въ одну ночь я бредилъ, что вы придете меня убивать, и утромъ рано у бездѣльника Лямшина купилъ револьверъ на послѣднія деньги; я не хотѣлъ вамъ даваться. Потомъ я пришелъ въ себя... У меня ни пороху, ни пуль; съ тѣхъ поръ такъ и лежитъ на полкѣ. Постойте...

Онъ привсталъ и отворилъ было форточку.

— Не выкидывайте, зачѣмъ? остановилъ Николай Всеволодовичъ; — онъ денегъ стоитъ, а завтра люди начнутъ говорить, что у Шатова подъ окномъ валяются револьверы. Положите опять, вотъ такъ, садитесь. Скажите, зачѣмъ вы точно каетесь предо мной въ вашей мысли, что я приду васъ убить? Я и теперь не мириться пришелъ, а говорить о необходимомъ. Разъясните мнѣ, во первыхъ, вы меня ударили не за связь мою съ вашею женой?

— Вы сами знаете что нѣтъ? опять потупился Шатовъ.

— И не потому, что повѣрили глупой сплетнѣ на счетъ Дарьи Павловны?

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно, нѣтъ! Глупость! Сестра мнѣ съ самаго начала сказала... Съ нетерпѣніемъ и рѣзко проговорилъ Шатовъ, чуть-чуть даже топнувъ ногой.

— Стало быть, и я угадалъ, и вы угадали, спокойнымъ тономъ продолжалъ Ставрогинъ, — вы правы: Марья Тимоѳеевна Лебядкина, моя законная, обвѣнчанная со мною жена, въ Петербургѣ, года четыре съ половиной назадъ. Вѣдь вы меня за нее ударили?

Шатовъ, совсѣмъ пораженный, слушалъ и молчалъ.

— Я угадалъ и не вѣрилъ, пробормоталъ онъ, наконецъ, странно смотря на Ставрогина.

— И ударили?

Шатовъ вспыхнулъ и забормоталъ почти безъ связи:

— Я за ваше паденіе... за ложь. Я не для того подходилъ, чтобы васъ наказать; когда я подходилъ, я не зналъ что ударю... Я за то, что вы такъ много значили въ моей жизни... Я...

— Понимаю, понимаю, берегите слова. Мнѣ жаль, что вы въ жару; у меня самое необходимое дѣло.

— Я слишкомъ долго васъ ждалъ, какъ-то весь чуть не затрясся Шатовъ и привсталъ было съ мѣста; — говорите ваше дѣло, я тоже скажу... потомъ...

Онъ сѣлъ.

— Это дѣло не изъ той категоріи, началъ Николай Всеволодовичъ, приглядываясь къ нему съ любопытствомъ; — по нѣкоторымъ обстоятельствамъ я принужденъ былъ сегодня-же выбрать такой часъ и идти къ вамъ предупредить, что, можетъ быть, васъ убьютъ.

Шатовъ дико смотрѣлъ на него.

— Я знаю, что мнѣ могла-бы угрожать опасность, проговорилъ онъ размѣренно, — но вамъ, вамъ-то почему это можетъ быть извѣстно?

— Потому что я тоже принадлежу къ нимъ, какъ и вы, и такой-же членъ ихъ общества, какъ и вы.

— Вы... вы членъ общества?

— Я по глазамъ вашимъ вижу, что вы

всего отъ меня ожидали, только не этого, чуть-чуть усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ, — но позвольте, стало быть, вы уже знали, что на васъ покушаются?

— И не думалъ. И теперь не думаю, не смотря на ваши слова, хотя... хотя кто-жь тутъ съ этими дураками можетъ въ чемъ нибудь заручиться! вдругъ вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, ударивъ кулакомъ по столу. — Я ихъ не боюсь! Я съ ними разорвалъ. Этотъ забѣгалъ ко мнѣ четыре раза и говорилъ, что можно... но, посмотрѣлъ онъ на Ставрогина, — что-жъ собственно вамъ тутъ извѣстно?

— Не безпокойтесь, я васъ не обманываю, довольно холодно продолжалъ Ставрогинъ, съ видомъ человѣка, исполняющаго только обязанность. — Вы экзаменуете, что мнѣ извѣстно? Мнѣ извѣстно, что вы вступили въ это общество за границей, два года тому назадъ, и еще при старой его организаціи, какъ разъ предъ вашею поѣздкой въ Америку и, кажется, тотчасъ-же послѣ нашего послѣдняго разговора, о которомъ вы такъ много написали мнѣ изъ Америки въ вашемъ письмѣ. Кстати, извините, что я не отвѣтилъ вамъ тоже письмомъ, а ограничился...

— Высылкой денегъ; подождите, остановилъ Шатовъ, поспѣшно выдвинулъ изъ стола ящикъ и вынулъ изъ-подъ бумагъ радужный кредитный билетъ; — вотъ возьмите, сто рублей, которые вы мнѣ выслали; безъ васъ я-бы тамъ погибъ. Я долгобы не отдалъ, если-бы не ваша матушка: эти сто рублей подарила она мнѣ девять мѣсяцевъ назадъ на бѣдность, послѣ моей болѣзни. Но продолжайте, пожалуйста...

Онъ задыхался.

— Въ Америкѣ вы перемѣнили ваши мысли и, возвратясь въ Швейцарію, хотѣли отказаться. Они вамъ ничего не отвѣтили, но поручили принять здѣсь, въ Россіи, отъ кого-то какую-то типографію и хранить ее до сдачи лицу, которое къ вамъ отъ нихъ явится. Я не знаю всего въ полной точности, но вѣдь въ главномъ, кажется, такъ? Вы-же, въ надеждѣ или подъ условіемъ, что это будетъ послѣднимъ ихъ требованіемъ и что васъ послѣ того отпустятъ совсѣмъ, взялись. Все это такъ-ли, нѣтъ-ли, узналъ я не отъ нихъ, а совсѣмъ случайно. Но вотъ чего вы, кажется, до сихъ поръ не знаете; эти господа вовсе не намѣрены съ вами разстаться.

— Это нелѣпость! завопилъ Шатовъ, — я объявилъ честно, что я расхожусь съ ними во всемъ! Это мое право, право совѣсти и мысли... Я не потерплю! Нѣтъ силы, которая-бы могла...

— Знаете, вы не кричите, очень серіозно остановилъ его Николай Всеволодовичъ, — этотъ Верховенскій такой человѣчекъ, что, можетъ быть, насъ теперь подслушиваетъ, своимъ или чужимъ ухомъ, въ вашихъ-же сѣняхъ, пожалуй. Даже пьяница Лебядкинъ чуть-ли не обязанъ былъ за вами слѣдить, а вы, можетъ быть, за нимъ, не такъ-ли? Скажите лучше: согласился теперь Верховенскій на ваши аргументы или нѣтъ?

— Онъ согласился; онъ сказалъ, что можно и что я имѣю право...

— Ну, такъ онъ васъ обманываетъ. Я знаю, что даже Кириловъ, который къ нимъ почти вовсе не принадлежитъ, доставилъ объ васъ свѣдѣнія; а агентовъ у нихъ много, даже такихъ, которые и не знаютъ, что служатъ обществу. За вами всегда надсматривали. Петръ Верховенскій, между прочимъ, пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы порѣшить ваше дѣло совсѣмъ, и имѣетъ на то полномочіе, а именно: истребить васъ въ удобную минуту какъ слишкомъ много знающаго и могущаго донести. Повторяю вамъ, что это навѣрно; и позвольте прибавить, что они почему-то совершенно убѣждены, что вы шпіонъ и если еще не донесли, то донесете. Правда это?

Шатовъ скривилъ ротъ, услыхавъ такой вопросъ, высказанный такимъ обыкновеннымъ тономъ.

— Если-бъ я и былъ шпіонъ, то кому доносить? злобно проговорилъ онъ, не отвѣчая прямо. — Нѣтъ, оставьте меня, къ чорту меня! вскричалъ онъ, вдругъ схватываясь за первоначальную, слишкомъ потрясшую его мысль, по всѣмъ признакамъ несравненно сильнѣе, чѣмъ извѣстіе о собственной опасности: — Вы, вы, Ставрогинъ, какъ могли вы затереть себя въ такую безстыдную, бездарную лакейскую нелѣпость!

Вы членъ ихъ общества! Это-ли подвигъ Николая Ставрогина! вскричалъ онъ чуть не въ отчаяніи.

Онъ даже сплеснулъ руками, точно ничего не могло быть для него горше и безотраднѣе такого открытія.

— Извините, дѣйствительно удивился Николай Всеволодовичъ,—но вы, кажется, смотрите на меня какъ на какое-то солнце, а на себя какъ на какую-то букашку сравнительно со мной. Я замѣтилъ это даже по вашему письму изъ Америки.

— Вы... вы знаете... Ахъ, бросимъ лучше обо мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ! оборвалъ вдругъ Шатовъ.—Если можете что нибудь объяснить о себѣ, то объясните... На мой вопросъ! повторялъ онъ въ жару.

— Съ удовольствіемъ. Вы спрашиваете: какъ могъ я затереться въ такую трущобу? Послѣ моего сообщенія я вамъ даже обязанъ нѣкоторою откровенностію по этому дѣлу. Видите, въ строгомъ смыслѣ я къ этому обществу совсѣмъ не принадлежу, не принадлежалъ и прежде и гораздо болѣе васъ имѣю права ихъ оставить, потому что и не поступалъ. Напротивъ, съ самаго начала заявилъ, что я имъ не товарищъ, а если и помогалъ случайно, то только такъ, какъ праздный человѣкъ. Я отчасти участвовалъ въ переорганизаціи общества по новому плану, и только. Но они теперь одумались и рѣшили про себя, что и меня отпустить опасно и, кажется, я тоже приговоренъ.

— О, у нихъ все смертная казнь и все на предписаніяхъ, на бумагахъ съ печатями, три съ половиной человѣка подписываютъ. И вы вѣрите, что они въ состояніи!

— Тутъ отчасти вы правы, отчасти нѣтъ, продолжалъ съ прежнимъ равнодушіемъ, даже вяло Ставрогинъ. — Сомнѣнія нѣтъ, что много фантазіи, какъ и всегда въ этихъ случаяхъ: кучка преувеличиваетъ свой ростъ и значеніе. Если хотите, то, по моему, ихъ всего и есть одинъ Петръ Верховенскій, и ужь онъ слишкомъ добръ, что почитаетъ себя только агентомъ своего общества. Впрочемъ, основная идея не глупѣе другихъ въ этомъ родѣ. У нихъ связи съ Internationale; они съумѣли завести агентовъ въ Россіи, даже наткнулись на довольно оригинальный пріемъ... но, разумѣется, только теоретически. Что-же касается до ихъ здѣшнихъ намѣреній, то вѣдь движеніе нашей русской организаціи такое дѣло темное и почти всегда такое неожиданное, что дѣйствительно у насъ все можно попробовать. Замѣтьте, что Верховенскій человѣкъ упорный.

— Этотъ клопъ, невѣжда, дуралей, не понимающій ничего въ Россіи! злобно вскричалъ Шатовъ.

— Вы его мало знаете. Это правда, что вообще всѣ они мало понимаютъ въ Россіи, но вѣдь развѣ только немножко меньше чѣмъ мы съ вами; и притомъ Верховенскій энтузіастъ.

— Верховенскій энтузіастъ?

— О, да. Есть такая точка, гдѣ онъ перестаетъ быть шутомъ и обращается въ... полупомѣшаннаго. Попрошу васъ припомнить одно собственное выраженіе ваше: «Знаете-ли, какъ можетъ быть силенъ одинъ человѣкъ?» Пожалуйста не смѣйтесь, онъ очень въ состояніи спустить курокъ. Они увѣрены, что я тоже шпіонъ. Всѣ они, отъ неумѣнья вести дѣло, ужасно любятъ обвинять въ шпіонствѣ.

— Но вѣдь вы не боитесь?

— Н-нѣтъ... Я не очень боюсь... Но ваше дѣло совсѣмъ другое. Я васъ предупредилъ, чтобы вы всетаки имѣли въ виду. По моему, тутъ ужь нечего обижаться, что опасность грозитъ отъ дураковъ; дѣло не въ ихъ умѣ: и не на такихъ, какъ мы съ вами, у нихъ подымалась рука. А, впрочемъ, четверть двѣнадцатаго,—посмотрѣлъ онъ на часы и всталъ со стула;— мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать вамъ одинъ совсѣмъ посторонній вопросъ.

— Ради Бога! воскликнулъ Шатовъ, стремительно вскакивая съ мѣста.

— То есть? вопросительно посмотрѣлъ Николай Всеволодовичъ.

— Дѣлайте, дѣлайте вашъ вопросъ, ради Бога, въ невыразимомъ волненіи повторялъ Шатовъ,— но съ тѣмъ, что и я вамъ сдѣлаю вопросъ. Я умоляю, что вы позволите... я не могу... дѣлайте вашъ вопросъ!

Ставрогинъ подождалъ немного и началъ:

— Я слышалъ, что вы имѣли здѣсь нѣкоторое вліяніе на Марью Тимоѳеевну и что она любила васъ видѣть и слушать. Такъ-ли это?

— Да... слушала... смутился нѣсколько Шатовъ.

— Я имѣю намѣреніе на этихъ дняхъ публично объявить здѣсь въ городѣ о бракѣ моемъ съ нею.

— Развѣ это возможно? прошепталъ чуть не въ ужасѣ Шатовъ.

— То есть въ какомъ-же смыслѣ? Тутъ нѣтъ никакихъ затрудненій; свидѣтели брака здѣсь. Все это произошло тогда въ Петербургѣ совершенно законнымъ и спокойнымъ образомъ, а если не обнаруживалось до сихъ поръ, то потому только, что двое единственныхъ свидѣтелей брака, Кириловъ и Петръ Верховенскій, и, наконецъ, самъ Лебядкинъ (котораго я имѣю удовольствіе считать теперь моимъ родственникомъ) дали тогда слово молчать.

— Я не про то... Вы говорите такъ спокойно... но продолжайте! Послушайте, васъ вѣдь не силой принудили къ этому браку, вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ, меня никто не принуждалъ силой, улыбнулся Николай Всеволодовичъ на задорную поспѣшность Шатова.

— А что она тамъ про ребенка своего толкуетъ? торопился въ горячкѣ и безъ связи Шатовъ.

— Про ребенка своего толкуетъ? Ба! Я не зналъ, въ первый разъ слышу. У ней не было ребенка и быть не могло: Марья Тимоѳеевна дѣвица.

— А! Такъ я и думалъ! Слушайте!

— Что съ вами, Шатовъ?

Шатовъ закрылъ лицо руками, повернулся, но вдругъ крѣпко схватилъ за плечо Ставрогина.

— Знаете-ли, знаете-ли вы, по крайней мѣрѣ, прокричалъ онъ, — для чего вы все это надѣлали и для чего рѣшаетесь на такую кару теперь?

— Вашъ вопросъ уменъ и язвителенъ, но я васъ тоже намѣренъ удивить: да, я почти знаю, для чего я тогда женился и для чего рѣшаюсь на такую «кару» теперь, какъ вы выразились.

— Оставимъ это... объ этомъ послѣ, подождите говорить; будемъ о главномъ, о главномъ: я васъ ждалъ два года.

— Да?

— Я васъ слишкомъ давно ждалъ, я безпрерывно думалъ о васъ. Вы единый человѣкъ, который-бы могъ... Я еще изъ Америки вамъ писалъ объ этомъ.

— Я очень помню ваше длинное письмо.

— Длинное чтобы быть прочитаннымъ? Согласенъ; шесть почтовыхъ листовъ. Молчите, молчите! Скажите: можете вы удѣлить мнѣ еще десять минутъ, но теперьже, сейчасъ-же... Я слишкомъ долго васъ ждалъ!

— Извольте, удѣлю полчаса, но только не болѣе, если это для васъ возможно.

— И съ тѣмъ, однако, подхватилъ яростно Шатовъ, чтобы вы перемѣнили вашъ тонъ. Слышите, я требую, тогда какъ долженъ молить... Понимаете-ли вы, что значитъ требовать, тогда какъ должно молить?

— Понимаю, что такимъ образомъ вы возноситесь надъ всѣмъ обыкновеннымъ, для болѣе высшихъ цѣлей, чуть-чуть усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ; — я съ прискорбіемъ тоже вижу, что вы въ лихорадкѣ.

— Я уваженія прошу къ себѣ, требую! кричалъ Шатовъ, — не къ моей личности, — къ чорту ее, — а къ другому, на это только время, для нѣсколькихъ словъ... Мы два существа и сошлись въ безпредѣльности... въ послѣдній разъ въ мірѣ. Оставьте вашъ тонъ и возьмите человѣческій! Заговорите хоть разъ въ жизни голосомъ человѣческимъ. Я не для себя, а для васъ. Понимаете-ли, что вы должны простить мнѣ этотъ ударъ по лицу уже по тому одному, что я далъ вамъ случай познать при этомъ вашу безпредѣльную силу... Опять вы улыбаетесь вашею брезгливою свѣтскою улыбкой. О, когда вы поймете меня! Прочь барича! Поймите-же, что я этого требую, требую, иначе не хочу говорить, не стану ни за что!

Изступленіе его доходило до бреду; Николай Всеволодовичъ нахмурился и какъ-бы сталъ осторожнѣе.

— Если я ужь остался на полчаса, внушительно и серіозно промолвилъ онъ, — тог-

да какъ мнѣ время такъ дорого, то, повѣрьте, что намѣренъ слушать васъ, по крайней мѣрѣ, съ интересомъ и... и убѣжденъ, что услышу отъ васъ много новаго.

Онъ сѣлъ на стулъ.

— Садитесь! крикнулъ Шатовъ и какъ-то вдругъ сѣлъ и самъ.

— Позвольте, однако, напомнить, спохватился еще разъ Ставрогинъ, что я началъ было цѣлую къ вамъ просьбу на счетъ Марьи Тимоѳеевны, для нея, по крайней мѣрѣ, очень важную...

— Ну? нахмурился вдругъ Шатовъ, съ видомъ человѣка, котораго вдругъ перебили на самомъ важномъ мѣстѣ и который, хоть и глядитъ на васъ, но не успѣлъ еще понять вашего вопроса.

— И вы мнѣ не дали докончить, договорилъ съ улыбкой Николай Всеволодовичъ.

— Э, ну, вздоръ, потомъ! брезгливо отмахнулся рукой Шатовъ, осмысливъ, наконецъ, претензію, и прямо перешелъ къ своей главной темѣ.

VII.

— Знаете-ли вы, началъ онъ почти грозно, пригнувшись впередъ на стулѣ, сверкая взглядомъ и поднявъ перстъ правой руки вверхъ предъ собою (очевидно не примѣчая этого самъ), — знаете-ли вы, кто теперь на всей землѣ единственный народъ «богоносецъ», грядущій обновить и спасти міръ именемъ новаго бога и кому единому даны ключи жизни и новаго слова... Знаете-ли вы, кто этотъ народъ и какъ ему имя?

— По вашему пріему я необходимо долженъ заключить, и, кажется, какъ можно скорѣе, что это народъ русскій...

— И вы уже смѣетесь, о, племя! рванулся было Шатовъ.

— Успокойтесь, прошу васъ; напротивъ, я именно ждалъ чего нибудь въ этомъ родѣ.

— Ждали въ этомъ родѣ? А самому вамъ не знакомы эти слова?

— Очень знакомы; я слишкомъ предвижу, къ чему вы клоните. Вся ваша фраза и даже выраженіе народъ «богоносецъ» есть только заключеніе нашего съ вами разговора, происходившаго слишкомъ два года назадъ, за границей, не задолго предъ вашимъ отъѣздомъ въ Америку... По крайней мѣрѣ, сколько я могу теперь припомнить.

— Это ваша фраза цѣликомъ, а не моя. Ваша собственная, а не одно только заключеніе нашего разговора. «Нашего» разговора совсѣмъ и не было: былъ учитель, вѣщавшій огромныя слова, и былъ ученикъ, воскресшій изъ мертвыхъ. Я тотъ ученикъ, а вы учитель.

— Но если припомнить, вы именно послѣ словъ моихъ какъ разъ и вошли въ то общество и только потомъ уѣхали въ Америку.

— Да, и я вамъ писалъ о томъ изъ Америки; я вамъ обо всемъ писалъ. Да, я не могъ тотчасъ-же оторваться съ кровью отъ того, къ чему приросъ съ дѣтства, на что пошли всѣ восторги моихъ надеждъ и всѣ слезы моей ненависти... Трудно мѣнять боговъ. Я не повѣрилъ вамъ тогда, потому что не хотѣлъ вѣрить, и уцѣпился въ послѣдній разъ за этотъ помойный клоакъ... Но сѣмя осталось и возросло. Серіозно, скажите серіозно, не дочитали письма моего изъ Америки? Можетъ быть, не читали вовсе?

— Я прочелъ изъ него три страницы, двѣ первыя и послѣднюю и кромѣ того бѣгло переглядѣлъ средину. Впрочемъ, я все собирался...

— Э, все равно, бросьте, къ чорту! — махнулъ рукой Шатовъ.—Если вы отступились теперь отъ тогдашнихъ словъ про народъ, то какъ могли вы ихъ тогда выговорить?.. Вотъ что давитъ меня теперь.

— Не шутилъ-же я съ вами и тогда; убѣждая васъ, я, можетъ, еще больше хлопоталъ о себѣ, чѣмъ о васъ, загадочно произнесъ Ставрогинъ.

— Не шутили! Въ Америкѣ я лежалъ три мѣсяца на соломѣ, рядомъ съ однимъ... несчастнымъ и узналъ отъ него, что въ тоже самое время когда вы насаждали въ моемъ сердцѣ Бога и родину, въ тоже самое время, даже, можетъ быть, въ тѣ-же самые дни, вы отравили сердце этого

несчастнаго, этого маньяка, Кирилова, ядомъ... Вы утверждали въ немъ ложь и клевету и довели разумъ его до изступленія... Подите, взгляните на него теперь, это ваше созданіе... Впрочемъ, вы видѣли.

— Во первыхъ, замѣчу вамъ, что самъ Кириловъ сейчасъ только сказалъ мнѣ, что онъ счастливъ и что онъ прекрасенъ. Ваше предположеніе о томъ, что все это произошло въ одно и тоже время почти вѣрно, ну, и что-же изъ всего этого? Повторяю, я васъ ни того, ни другаго не обманывалъ.

— Вы атеистъ? Теперь атеистъ?

— Да.

— А тогда?

— Точно такъ-же какъ и тогда.

— Я не къ себѣ просилъ у васъ уваженія, начиная разговоръ; съ вашимъ умомъ, вы-бы могли понять это, въ негодованіи пробормоталъ Шатовъ.

— Я не всталъ съ перваго вашего слова, не закрылъ разговора, не ушелъ отъ васъ, а сижу до сихъ поръ и смирно отвѣчаю на ваши вопросы и... крики, стало быть, не нарушилъ еще къ вамъ уваженія.

Шатовъ прервалъ, махнувъ рукой:

— Вы помните выраженіе ваше: «атеистъ не можетъ быть Русскимъ», «атеистъ тотчасъ-же перестаетъ быть Русскимъ», помните это?

— Да? какъ-бы переспросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Вы спрашиваете? Вы забыли? А между тѣмъ это одно изъ самыхъ точнѣйшихъ указаній на одну изъ главнѣйшихъ особенностей русскаго духа, вами угаданную. Не могли вы этого забыть! Я напомню вамъ больше, — вы сказали тогда-же: «не православный не можетъ быть Русскимъ».

— Я полагаю, что это славянофильская мысль.

— Нѣтъ, нынѣшніе славянофилы отъ нея откажутся. Нынче народъ поумнѣлъ. Но вы еще дальше шли: вы вѣровали, что римскій католицизмъ уже не есть христіанство; вы утверждали, что Римъ провозгласилъ Христа, поддавшагося на третье дьяволово искушеніе, и что, возвѣстивъ всему свѣту, что Христосъ безъ царства земнаго на землѣ устоять не можетъ, католичество тѣмъ самымъ провозгласило антихриста и тѣмъ погубило весь западный міръ. Вы именно указывали, что если мучается Франція, то единственно по винѣ католичества, ибо отвергла смраднаго бога римскаго, а новаго не сыскала. Вотъ что̀ вы тогда могли говорить! Я помню наши разговоры.

— Если-бъ я вѣровалъ, то, безъ сомнѣнія, повторилъ-бы это и теперь; я не лгалъ, говоря какъ вѣрующій, очень серіозно произнесъ Николай Всеволодовичъ. — Но увѣряю васъ, что на меня производитъ слишкомъ непріятное впечатлѣніе это повтореніе прошлыхъ мыслей моихъ. Не можете-ли вы перестать?

— Если-бы вѣровали? вскричалъ Шатовъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на просьбу. — Но не вы-ли говорили мнѣ, что если-бы математически доказали вамъ, что истина внѣ Христа, то вы-бы согласились лучше остаться со Христомъ, нежели съ истиной? Говорили вы это? Говорили?

— Но позвольте-же и мнѣ, наконецъ, спросить, возвысилъ голосъ Ставрогинъ,— къ чему ведетъ весь этотъ нетерпѣливый и... злобный экзаменъ?

— Этотъ экзаменъ пройдетъ на вѣки и никогда больше не напомнится вамъ.

— Вы все настаиваете, что мы внѣ пространства и времени...

— Молчите! вдругъ крикнулъ Шатовъ,— я глупъ и неловокъ, но погибай мое имя въ смѣшномъ! Дозволите-ли вы мнѣ повторить предъ вами всю главную вашу тогдашнюю мысль... О, только десять строкъ, одно заключеніе.

— Повторите, если только одно заключеніе...

Ставрогинъ сдѣлалъ было движеніе взглянуть на часы, но удержался и не взглянулъ.

Шатовъ принагнулся опять на стулѣ и, на мгновеніе, даже опять было поднялъ палецъ.

— Ни одинъ народъ, началъ онъ, какъ-бы читая по строкамъ и въ тоже время продолжая грозно смотрѣть на Ставрогина,— ни одинъ народъ еще не устраивался на началахъ науки и разума; не было ни разу

такого примѣра, развѣ на одну минуту, по глупости. Соціализмъ по существу своему уже долженъ быть атеизмомъ, ибо именно провозгласилъ, съ самой первой строки, что онъ установленіе атеистическое и намѣренъ устроиться на началахъ науки и разума исключительно. Разумъ и наука въ жизни народовъ всегда, теперь и съ начала вѣковъ, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; такъ и будутъ исполнять до конца вѣковъ. Народы слагаются и движутся силой иною, повелѣвающею и господствующею, но происхожденіе которой неизвѣстно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимаго желанія дойдти до конца и въ тоже время конецъ отрицающая. Это есть сила безпрерывнаго и неустаннаго подтвержденія своего бытія и отрицанія смерти. Духъ жизни, какъ говоритъ писаніе, «рѣки воды живой», изсякновеніемъ которыхъ такъ угрожаетъ Апокалипсисъ. Начало эстетическое, какъ говорятъ философы, начало нравственное, какъ отождествляютъ они-же. «Исканіе Бога», какъ называю я всего проще. Цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ него какъ въ единаго истиннаго. Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Никогда еще не было, чтобъ у всѣхъ или у многихъ народовъ былъ одинъ общій Богъ, но всегда и у каждаго былъ особый. Признакъ уничтоженія народностей, когда боги начинаютъ становиться общими. Когда боги становятся общими, то умираютъ боги и вѣра въ нихъ вмѣстѣ съ самими народами. Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ особливѣе его богъ. Никогда не было еще народа безъ религіи, то есть безъ понятія о злѣ и добрѣ. У всякаго народа свое собственное понятіе о злѣ и добрѣ и свое собственное зло и добро. Когда начинаютъ у многихъ народовъ становиться общими понятія о злѣ и добрѣ, тогда вымираютъ народы, и тогда самое различіе между зломъ и добромъ начинаетъ стираться и исчезать. Никогда разумъ не въ силахъ былъ опредѣлить зло и добро, или даже отдѣлить зло отъ добра, хотя приблизительно; напротивъ, всегда позорно и жалко смѣшивалъ; наука-же давала разрѣшенія кулачныя. Въ особенности этимъ отличалась полунаука, самый страшный бичъ человѣчества, хуже мора, голода и войны, неизвѣстный до нынѣшняго столѣтія. Полунаука — это деспотъ, какихъ еще не приходило до сихъ поръ никогда. Деспотъ, имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ, предъ которымъ все преклонилось съ любовью и съ суевѣріемъ, до сихъ поръ немыслимымъ, предъ которымъ трепещетъ даже сама наука и постыдно потакаетъ ему. Все это ваши собственныя слова, Ставрогинъ, кромѣ только словъ о полунаукѣ; эти мои, потому что я самъ только полунаука, а, стало быть, особенно ненавижу ее. Въ вашихъ-же мысляхъ и даже въ самыхъ словахъ я не измѣнилъ ничего, ни единаго слова.

— Не думаю, чтобы не измѣнили, осторожно замѣтилъ Ставрогинъ;—вы пламенно приняли и пламенно переиначили, не замѣчая того. Ужь одно то, что вы Бога низводите до простаго аттрибута народности...

Онъ съ усиленнымъ и особливымъ вниманіемъ началъ вдругъ слѣдить за Шатовымъ, и не столько за словами его, сколько за нимъ самимъ.

— Низвожу Бога до аттрибута народности? вскричалъ Шатовъ, — напротивъ, народъ возношу до Бога. Да и было-ли когда нибудь иначе? Народъ—это тѣло Божіе. Всякій народъ до тѣхъ только поръ и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безо всякаго примиренія; пока вѣруетъ въ то, что своимъ богомъ побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ. Такъ вѣровали всѣ съ начала вѣковъ, всѣ великіе народы, по крайней мѣрѣ, всѣ сколько нибудь отмѣченные, всѣ стоявшіе во главѣ человѣчества. Противъ факта идти нельзя. Евреи жили лишь для того, чтобы дождаться Бога истиннаго и оставили міру Бога истиннаго. Греки боготворили природу и завѣщали міру свою религію, то есть философію и искусство. Римъ обоготворилъ народъ въ государствѣ и завѣщалъ народамъ государство. Франція въ продолженіе

всей своей длинной исторіи была однимъ лишь воплощеніемъ и развитіемъ идеи римскаго бога, и если сбросила, наконецъ, въ бездну своего римскаго бога и ударилась въ атеизмъ, который называется у нихъ, покамѣстъ, соціализмомъ, то единственно потому лишь, что атеизмъ всетаки здоровѣе римскаго католичества. Если великій народъ не вѣруетъ, что въ немъ одномъ истина (именно въ одномъ и именно исключительно), если не вѣруетъ, что онъ одинъ способенъ и призванъ всѣхъ воскресить и спасти своею истиной, то онъ тотчасъ-же обращается въ этнографическій матеріалъ, а не въ великій народъ. Истинный великій народъ никогда не можетъ примириться со второстепенною ролью въ человѣчествѣ, или даже съ первостепенною, а непремѣнно и исключительно съ первою. Кто теряетъ эту вѣру, тотъ уже не народъ. Но истина одна, а, стало быть, только единый изъ народовъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя-бы остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и великихъ боговъ. Единый народъ «богоносецъ» — это русскій народъ и... и... и неужели, неужели вы меня почитаете за такого дурака, Ставрогинъ, неистово возопилъ онъ вдругъ, — который ужь и различить не умѣетъ, что слова его въ эту минуту или старая, дряхлая дребедень, перемолотая на всѣхъ московскихъ славянофильскихъ мельницахъ, или совершенно новое слово, послѣднее слово, единственное слово обновленія и воскресенія и... и какое мнѣ дѣло до вашего смѣха въ эту минуту! Какое мнѣ дѣло до того, что вы не понимаете меня совершенно, совершенно, ни слова, ни звука!.. О, какъ я презираю вашъ гордый смѣхъ и взглядъ въ эту минуту!

Онъ вскочилъ съ мѣста; даже пѣна показалась на губахъ его.

— Напротивъ, Шатовъ, напротивъ, — необыкновенно серіозно и сдержанно проговорилъ Ставрогинъ, не подымаясь съ мѣста, — напротивъ, вы горячими словами вашими воскресили во мнѣ много чрезвычайно сильныхъ воспоминаній. Въ вашихъ словахъ я признаю мое собственное настроеніе два года назадъ, и теперь уже я не скажу вамъ, какъ давеча, что вы мои тогдашнія мысли преувеличили. Мнѣ кажется, даже, что онѣ были еще исключительнѣе, еще самовластнѣе, и увѣряю васъ въ третій разъ, что я очень желалъ-бы подтвердить все, что̀ вы теперь говорили, даже до послѣдняго слова, но...

— Но вамъ надо зайца?

— Что-о?

— Ваше-же подлое выраженіе, злобно засмѣялся Шатовъ, усаживаясь опять: — «чтобы сдѣлать соусъ изъ зайца — надо зайца, чтобы увѣровать въ Бога — надо Бога», это вы въ Петербургѣ, говорятъ, приговаривали, какъ Ноздревъ, который хотѣлъ поймать зайца за заднія ноги.

— Нѣтъ, тотъ именно хвалился, что ужь поймалъ его. Кстати, позвольте, однако-же, и васъ обезпокоить вопросомъ, тѣмъ болѣе, что я, мнѣ кажется, имѣю на него теперь полное право. Скажите мнѣ: вашъ-то заяцъ пойманъ-ли, аль еще бѣгаетъ?

— Не смѣйте меня спрашивать такими словами, спрашивайте другими, другими! весь вдругъ задрожалъ Шатовъ.

— Извольте, другими, сурово посмотрѣлъ на него Николай Всеволодовичъ; — я хотѣлъ лишь узнать: вѣруете вы сами въ Бога или нѣтъ?

— Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе... Я вѣрую въ тѣло Христово... Я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи... Я вѣрую... залепеталъ въ изступленіи Шатовъ.

— А въ Бога? Въ Бога?

— Я... я буду вѣровать въ Бога.

Ни одинъ мускулъ не двинулся въ лицѣ Ставрогина. Шатовъ пламенно, съ вызовомъ, смотрѣлъ на него, точно сжечь хотѣлъ его своимъ взглядомъ.

— Я вѣдь не сказалъ-же вамъ, что не вѣрую вовсе! вскричалъ онъ, наконецъ; — я только лишь знать даю, что я несчастная, скучная книга и болѣе ничего покамѣстъ, покамѣстъ... Но погибай мое имя! Дѣло въ васъ, а не во мнѣ... Я человѣкъ безъ таланта и могу только отдать свою кровь и ничего больше, какъ всякій человѣкъ безъ таланта. Погибай-же и моя кровь! Я объ васъ говорю, я васъ два года здѣсь ожидалъ... Я для васъ теперь полчаса пляшу нагишомъ. Вы, вы одни могли-бы поднять это знамя!..

Онъ не договорилъ и какъ-бы въ отчаяніи, облокотившись на столъ, подперъ обѣими руками голову.

— Я вамъ только кстати замѣчу, какъ странность, перебилъ вдругъ Ставрогинъ: — почему это мнѣ всѣ навязываютъ какое-то знамя? Петръ Верховенскій тоже убѣжденъ, что я могъ-бы «поднять у нихъ знамя», по крайней мѣрѣ, мнѣ передавали его слова. Онъ задался мыслію, что я могъ-бы съиграть для нихъ роль Стеньки Разина «по необыкновенной способности къ преступленію», — тоже его слова.

— Какъ? спросилъ Шатовъ, «по необыкновенной способности къ преступленію?»

— Именно.

— Гм. А правда-ли, что вы, — злобно ухмыльнулся онъ, — правда-ли, что вы принадлежали въ Петербургѣ къ скотскому сладострастному секретному обществу. Правда-ли, что маркизъ де-Садъ могъ-бы у васъ поучиться? Правда-ли, что вы заманивали и развращали дѣтей? Говорите, не смѣйте лгать, вскричалъ онъ, совсѣмъ выходя изъ себя, — Николай Ставрогинъ не можетъ лгать предъ Шатовымъ, бившимъ его по лицу! Говорите все, и если правда, я васъ тотчасъ-же, сейчасъ-же убью, тутъ-же на мѣстѣ!

— Я эти слова говорилъ, но дѣтей не я обижалъ, произнесъ Ставрогинъ, но только послѣ слишкомъ долгаго молчанія. Онъ поблѣднѣлъ и глаза его вспыхнули.

— Но вы говорили! властно продолжалъ Шатовъ, не сводя съ него сверкающихъ глазъ. — Правда-ли, будто вы увѣряли, что не знаете различія въ красотѣ между какою нибудь сладострастною, звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя-бы даже жертвой жизнію для человѣчества? Правда-ли, что вы въ обоихъ полюсахъ нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія?

— Такъ отвѣчать невозможно... я не хочу отвѣчать, пробормоталъ Ставрогинъ, который очень-бы могъ встать и уйдти, но не вставалъ и не уходилъ.

— Я тоже не знаю, почему зло скверно, а добро прекрасно, но я знаю, почему ощущеніе этого различія стирается и теряется у такихъ господъ, какъ Ставрогины, не оставалъ весь дрожавшій Шатовъ, — знаете-ли, почему вы тогда женились, такъ позорно и подло? Именно потому, что тутъ позоръ и безсмыслица доходили до геніальности! О, вы не бродите съ краю, а смѣло летите внизъ головой. Вы женились по страсти къ мучительству, по страсти къ угрызеніямъ совѣсти, по сладострастію нравственному. Тутъ былъ нервный надрывъ... Вызовъ здравому смыслу былъ ужь слишкомъ прельстителенъ! Ставрогинъ и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка! Когда вы прикусили ухо губернатору, чувствовали вы сладострастіе? Чувствовали? Праздный шатающійся барченокъ, чувствовали?

— Вы психологъ, — блѣднѣлъ все больше и больше Ставрогинъ, — хотя въ причинахъ моего брака вы отчасти ошиблись... Кто-бы, впрочемъ, могъ вамъ доставить всѣ эти свѣдѣнія, усмѣхнулся онъ черезъ силу, — неужто Кириловъ? Но онъ не участвовалъ...

— Вы блѣднѣете?

— Чего, однако-же, вы хотите? возвысилъ, наконецъ, голосъ Николай Всеволодовичъ, — я полчаса просидѣлъ подъ вашимъ кнутомъ и, по крайней мѣрѣ, вы-бы могли отпустить меня вѣжливо... если въ самомъ дѣлѣ не имѣете никакой разумной цѣли поступать со мной такимъ образомъ.

— Разумной цѣли?

— Безъ сомнѣнія. Въ вашей обязанности, по крайней мѣрѣ, было объявить мнѣ, наконецъ, вашу цѣль. Я все ждалъ, что вы это сдѣлаете, но нашелъ одну только изступленную злость. Прошу васъ, отворите мнѣ ворота.

Онъ всталъ со стула. Шатовъ неистово бросился вслѣдъ за нимъ.

— Цѣлуйте землю, облейте слезами, просите прощенія! вскричалъ онъ, схватывая его за плечо.

— Я, однако, васъ не убилъ... въ то утро... а взялъ обѣ руки назадъ... почти съ болью проговорилъ Ставрогинъ, потупивъ глаза.

— Договаривайте, договаривайте! Вы пришли предупредить меня объ опасности, вы допустили меня говорить, вы завтра хотите объявить о вашемъ бракѣ публично!..

Развѣ я не вижу по лицу вашему, что васъ боретъ какая-то грозная новая мысль... Ставрогинъ, для чего я осужденъ въ васъ вѣрить во вѣки вѣковъ? Развѣ могъ-бы я такъ говорить съ другимъ? Я цѣломудріе имѣю, но я не побоялся моего нагиша, потому что со Ставрогинымъ говорилъ. Я не боялся окаррикатурить великую мысль прикосновеніемъ моимъ, потому что Ставрогинъ слушалъ меня... Развѣ я не буду цѣловать слѣдовъ вашихъ ногъ, когда вы уйдете? Я не могу васъ вырвать изъ моего сердца, Николай Ставрогинъ!

— Мнѣ жаль, что я не могу васъ любить, Шатовъ, холодно проговорилъ Николай Всеволодовичъ.

— Знаю, что не можете, и знаю, что не лжете. Слушайте, я все поправить могу: я достану вамъ зайца!

Ставрогинъ молчалъ.

— Вы атеистъ, потому что вы баричъ, послѣдній баричъ. Вы потеряли различіе зла и добра, потому что перестали свой народъ узнавать... Идетъ новое поколѣніе, прямо изъ сердца народнаго, и не узнаете его вовсе, ни вы, ни Верховенскіе, сынъ и отецъ, ни я, потому что я тоже баричъ, я, сынъ вашего крѣпостнаго лакея Пашки... Слушайте, добудьте Бога трудомъ; вся суть въ этомъ, или исчезнете какъ подлая плѣсень; трудомъ добудьте.

— Бога трудомъ? Какимъ трудомъ?

— Мужицкимъ. Идите, бросьте ваши богатства... А! вы смѣетесь, вы боитесь, что выйдетъ кунштикъ?

Но Ставрогинъ не смѣялся.

— Вы полагаете, что Бога можно добыть трудомъ, и именно мужицкимъ? переговорилъ онъ, подумавъ, какъ будто дѣйствительно встрѣтилъ что-то новое и серіозное, что̀ стоило обдумать. —Кстати, перешелъ онъ вдругъ къ новой мысли, — вы мнѣ сейчасъ напомнили: знаете-ли, что я вовсе не богатъ, такъ что нечего и бросать? Я почти не въ состояніи обезпечить даже будущность Марьи Тимоѳеевны... Вотъ что̀ еще: я пришелъ было васъ просить, если можно вамъ, не оставить и впредь Марью Тимоѳеевну, такъ какъ вы одни могли-бы имѣть нѣкоторое вліяніе на ея бѣдный умъ. Я на всякій случай говорю.

— Хорошо, хорошо, вы про Марью Тимоѳеевну, замахалъ рукой Шатовъ, держа въ другой свѣчу, — хорошо, потомъ само собой... Слушайте, сходите къ Тихону.

— Къ кому?

— Къ Тихону. Тихонъ, бывшій архіерей, по болѣзни живетъ на покоѣ, здѣсь въ городѣ, въ чертѣ города, въ нашемъ Ефимьевскомъ Богородскомъ монастырѣ.

— Это что̀-же такое?

— Ничего. Къ нему ѣздятъ и ходятъ. Сходите; чего вамъ? Ну, чего вамъ?

— Въ первый разъ слышу и... никогда еще не видывалъ этого сорта людей. Благодарю васъ, схожу.

— Сюда, свѣтилъ Шатовъ по лѣстницѣ, — ступайте, распахнулъ онъ калитку на улицу.

— Я къ вамъ больше не приду, Шатовъ, тихо проговорилъ Ставрогинъ, шагая чрезъ калитку.

Темень и дождь продолжались по прежнему.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ночь (продолженіе).

I.

Онъ прошелъ всю Богоявленскую улицу; наконецъ, пошло подъ гору, ноги ѣхали въ грязи, и вдругъ открылось широкое, туманное, какъ-бы пустое пространство — рѣка. Дома обратились въ лачужки, улица пропала во множествѣ безпорядочныхъ закоулковъ. Николай Всеволодовичъ долго пробирался около заборовъ, не отдаляясь отъ берега, но твердо находя свою дорогу и даже врядъ-ли много о ней думая. Онъ занятъ былъ совсѣмъ другимъ и съ удивленіемъ осмотрѣлся, когда вдругъ, очнувшись отъ глубокаго раздумья, увидалъ себя чуть не на срединѣ нашего длиннаго, мокраго, плашкотнаго моста. Ни души кругомъ, такъ что странно показалось ему, когда внезапно, почти подъ самымъ локтемъ у него, раздался вѣжливо-фамильярный, довольно, впрочемъ, пріятный голосъ, съ тѣмъ услащенно-скандирован-

нымъ акцентомъ, которымъ щеголяютъ у насъ слишкомъ цивилизованные мѣщане или молодые кудрявые прикащики изъ Гостиннаго ряда.

— Не позволите-ли, милостивый господинъ, зонтикомъ вашимъ заодно позаимствоваться?

Въ самомъ дѣлѣ, какая-то фигура пролѣзла, или хотѣла показать только видъ, что пролѣзла подъ его зонтикъ. Бродяга шелъ съ нимъ рядомъ, почти «чувствуя его локтемъ»,— какъ выражаются солдатики. Убавивъ шагу, Николай Всеволодовичъ пригнулся разсмотрѣть, насколько это возможно было въ темнотѣ: человѣкъ росту невысокаго и въ родѣ какъ-бы загулявшаго мѣщанинишки; одѣтъ не тепло и неприглядно; на лохматой курчавой головѣ торчалъ суконный мокрый картузъ, съ полуоторваннымъ козырькомъ. Казалось, это былъ сильный брюнетъ, сухощавый и смуглый; глаза были большіе, непремѣнно черные, съ сильнымъ блескомъ и съ желтымъ отливомъ, какъ у цыганъ; это и въ темнотѣ угадывалось. Лѣтъ, должно быть, сорока, и не пьянъ.

— Ты меня знаешь? спросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Господинъ Ставрогинъ, Николай Всеволодовичъ; мнѣ васъ на станціи, едва лишь машина остановилась, въ запрошлое воскресенье показывали. Окромя того что прежде были наслышаны.

— Отъ Петра Степановича? Ты... ты Ѳедька Каторжный?

— Крестили Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ; доселѣ природную родительницу нашу имѣемъ въ здѣшнихъ краяхъ-съ, старушку Божію, къ землѣ ростетъ, за насъ ежедневно день и нощь Бога молитъ, чтобы такимъ образомъ своего старушечьяго времени даромъ на печи не терять.

— Ты бѣглый съ каторги?

— Перемѣнилъ участь. Сдалъ книги и колокола и церковныя дѣла, потому я былъ рѣшенъ вдоль по каторгѣ-съ, такъ оченно долго ужь сроку приходилось дожидаться.

— Что здѣсь дѣлаешь?

— Да вотъ день да ночь—сутки прочь. Дяденька тоже нашъ на прошлой недѣлѣ въ острогѣ здѣшнемъ по фальшивымъ деньгамъ скончались, такъ я, по немъ поминки справляя, два десятка камней собакамъ раскидалъ,— вотъ только и дѣла нашего было пока. Окромя того Петръ Степановичъ паспортомъ по всей Расеѣ, чтобы, примѣрно, купеческимъ, облагонадеживаютъ, такъ тоже вотъ ожидаю ихъ милости. Потому, говорятъ, папаша тебя въ клубѣ аглицкомъ въ карты тогда проигралъ; такъ я, говорятъ, несправедливымъ сіе безчеловѣчіе нахожу. Вы-бы мнѣ, сударь, согрѣться, на чаекъ, три цѣлковыхъ соблаговолили?

— Значитъ, ты меня здѣсь стережешь; я этого не люблю. По чьему приказанію?

— Чтобы по приказанію, то этого не было-съ ничьего, а я единственно человѣколюбіе ваше знамши, всему свѣту извѣстное. Наши доходишки, сами знаете, либо сѣна клокъ, либо вилы въ бокъ. Я вонъ въ пятницу натрескался пирога, какъ Мартынъ мыла, да съ тѣхъ поръ день не ѣлъ, другой погодилъ, а на третій опять не ѣлъ. Воды въ рѣкѣ сколько хошь, въ брюхѣ карасей развелъ... Такъ вотъ не будетъ-ли вашей милости отъ щедротъ; а у меня тутъ какъ разъ неподалеку кума поджидаетъ, только къ ней безъ рублей не являйся.

— Тебѣ что-же Петръ Степановичъ отъ меня обѣщалъ?

— Они не то чтобы пообѣщали-съ, а говорили на словахъ-съ, что могу, пожалуй, вашей милости пригодиться, если полоса такая примѣрно выйдетъ, но въ чемъ собственно, того не объяснили, чтобы въ точности, потому Петръ Степановичъ меня, примѣромъ, въ терпѣніи казацкомъ испытываютъ и довѣренности ко мнѣ никакой не питаютъ.

— Почему-же?

— Петръ Степанычъ — астроломъ и всѣ Божіи планиды узналъ, а и онъ критикѣ подверженъ. Я предъ вами, сударь, какъ предъ Истиннымъ, потому объ васъ многимъ наслышаны. Петръ Степановичъ— одно, а вы, сударь, пожалуй, что и другое. У того коли сказано про человѣка: подлецъ, такъ ужь кромѣ подлеца онъ про него ничего и не вѣдаетъ. Али сказано — дуракъ, такъ ужь кромѣ дурака у него тому человѣку и званія нѣтъ. А я, можетъ, по вторникамъ да по средамъ только дуракъ,

а въ четвергъ и умнѣе его. Вотъ онъ знаетъ теперь про меня, что я очинно паспортомъ скучаю, — потому въ Расеѣ никакъ нельзя безъ докуме́нта, — такъ ужь и думаетъ, что онъ мою душу заполонилъ. Петру Степановичу, я вамъ скажу, сударь, очинно легко жить на свѣтѣ, потому онъ человѣка самъ представитъ себѣ, да съ такимъ и живетъ. Окромя того больно скупъ. Они въ томъ мнѣніи, что я помимо ихъ не посмѣю васъ безпокоить, а я предъ вами, сударь, какъ предъ Истиннымъ, — вотъ уже четвертую ночь вашей милости на семъ мосту поджидаю, въ томъ предметѣ, что и кромѣ нихъ могу тихими стопами свой собственный путь найдти. Лучше, думаю, я ужь сапогу поклонюсь, а не лаптю.

— А кто тебѣ сказалъ, что я ночью по мосту пойду?

— А ужь это, признаться, стороной вышло, больше по глупости капитана Лебядкина, потому они никакъ чтобъ удержать въ себѣ не умѣютъ... Такъ три-то цѣлковыхъ съ вашей милости, примѣромъ, за три дня и три ночи, за скуку придутся. А что̀ одежи промокло, такъ мы ужь, изъ обиды одной, молчимъ.

— Мнѣ налѣво, тебѣ направо; мостъ конченъ. Слушай, Ѳедоръ, я люблю, чтобы мое слово понимали разъ навсегда: не дамъ тебѣ ни копѣйки, впередъ мнѣ ни на мосту и нигдѣ не встрѣчайся, нужды въ тебѣ не имѣю и не буду имѣть, а если ты не послушаешься — свяжу и въ полицію. Маршъ!

— Эхма, за компанію, по крайности, набросьте, веселѣе было идти-съ.

— Пошелъ!

— Да вы дорогу-то здѣшнюю знаете-ли-съ? Вѣдь тутъ такіе проулки пойдутъ... я-бы могъ руководствовать, потому, здѣшній городъ — это все равно, что чортъ въ корзинѣ несъ, да растресъ.

— Эй, свяжу! грозно обернулся Николай Всеволодовичъ.

— Разсу́дите, можетъ быть, сударь; сироту долго-ли изобидѣть.

— Нѣтъ, ты видно увѣренъ въ себѣ!

— Я, сударь, въ васъ увѣренъ, а не то чтобъ очинно въ себѣ.

— Не нуженъ ты мнѣ совсѣмъ, я сказалъ!

— Да вы-то мнѣ нужны, сударь, вотъ что-съ. Подожду васъ на обратномъ пути, такъ ужь и быть.

— Честное слово даю: коли встрѣчу — свяжу.

— Такъ я ужь и кушачекъ приготовлю-съ. Счастливаго пути, сударь, все подъ зонтикомъ сироту обогрѣли, на одномъ этомъ по гробъ жизни благодарны будемъ.

Онъ отсталъ. Николай Всеволодовичъ дошелъ до мѣста озабоченный. Этотъ съ неба упавшій человѣкъ совершенно былъ убѣжденъ въ своей для него необходимости и слишкомъ нагло спѣшилъ заявить объ этомъ. Вообще съ нимъ не церемонились. Но могло быть и то, что бродяга не все лгалъ и напрашивался на службу въ самомъ дѣлѣ только отъ себя, и именно потихоньку отъ Петра Степановича; а ужь это было всего любопытнѣе.

II.

Домъ, до котораго дошелъ Николай Всеволодовичъ, стоялъ въ пустынномъ закоулкѣ между заборами, за которыми тянулись огороды, буквально на самомъ краю города. Это былъ совсѣмъ уединенный небольшой деревянный домикъ, только что отстроенный и еще не обшитый тесомъ. Въ одномъ изъ окошекъ ставни были нарочно не заперты, и на подоконникѣ стояла свѣча — видимо съ цѣлью служить маякомъ ожидаемому на сегодня позднему гостю. Шаговъ еще за тридцать, Николай Всеволодовичъ отличилъ стоявшую на крылечкѣ фигуру высокаго ростомъ человѣка, вѣроятно, хозяина помѣщенія, вышедшаго въ нетерпѣніи посмотрѣть на дорогу. Послышался и голосъ его, нетерпѣливый и какъ-бы робкій:

— Это вы-съ? Вы-съ?

— Я, отозвался Николай Всеволодовичъ, не раньше какъ совсѣмъ дойдя до крыльца и свертывая зонтикъ.

— Наконецъ-то-съ! затоптался и засуетился капитанъ Лебядкинъ, — это былъ онъ, — пожалуйте зонтичекъ; очень мокро-съ; я его разверну здѣсь на полу въ уголку; милости просимъ, милости просимъ.

Дверь изъ сѣней въ освѣщенную двумя свѣчами комнату была отворена настежь.

— Если-бы только не ваше слово о несомнѣнномъ прибытіи, то пересталъ-бы вѣрить.

— Три четверти перваго, посмотрѣлъ на часы Николай Всеволодовичъ, вступая въ комнату.

— И при этомъ дождь и такое интересное разстояніе... Часовъ у меня нѣтъ, а изъ окна одни огороды, такъ что... отстаешь отъ событій... но собственно не въ ропотъ, потому и не смѣю, не смѣю, а единственно лишь отъ нетерпѣнія, снѣдаемаго всю недѣлю, чтобы, наконецъ... разрѣшиться.

— Какъ?

— Судьбу свою услыхать, Николай Всеволодовичъ. Милости просимъ.

Онъ склонился, указывая на мѣсто у столика предъ диваномъ.

Николай Всеволодовичъ осмотрѣлся; комната была крошечная, низенькая; мебель самая необходимая, стулья и диванъ деревянные, тоже совсѣмъ новой подѣлки, безъ обивки и безъ подушекъ, два липовые столика, одинъ у дивана, а другой въ углу, накрытый скатертью, чѣмъ-то весь заставленный и прикрытый сверху чистѣйшею салфеткой. Да и вся комната содержалась, повидимому, въ большой чистотѣ. Капитанъ Лебядкинъ дней уже восемь не былъ пьянъ; лицо его какъ-то отекло и пожелтѣло, взглядъ былъ безпокойный, любопытный и очевидно недоумѣвающій: слишкомъ замѣтно было, что онъ еще самъ не знаетъ, какимъ тономъ ему можно заговорить и въ какой всего выгоднѣе было-бы прямо попасть.

— Вотъ-съ, указалъ онъ кругомъ,— живу Зосимой. Трезвость, уединеніе и нищета — обѣтъ древнихъ рыцарей.

— Вы полагаете, что древніе рыцари давали такіе обѣты?

— Можетъ быть, сбился? Увы, мнѣ нѣтъ развитія! Все погубилъ! Вѣрите-ли, Николай Всеволодовичъ, здѣсь впервые очнулся отъ постыдныхъ пристрастій,— ни рюмки, ни капли! Имѣю уголъ и шесть дней ощущаю благоденствіе совѣсти. Даже стѣны пахнутъ смолой, напоминая природу. А что я былъ, чѣмъ я былъ?

«Ночью дую безъ ночлега,
Днемъ-же, высунувъ языкъ»,

по геніальному выраженію поэта! Но... вы такъ обмокли... Не угодно-ли будетъ чаю?

— Не безпокойтесь.

— Самоваръ кипѣлъ съ восьмаго часу, но... потухъ... какъ и все въ мірѣ. И солнце, говорятъ, потухнетъ въ свою очередь... Впрочемъ, если надо, я сочиню. Агафья не спитъ.

— Скажите, Марья Тимоѳеевна...

— Здѣсь, здѣсь, тотчасъ-же подхватилъ Лебядкинъ шепотомъ, — угодно будетъ взглянуть? указалъ онъ на припертую дверь въ другую комнату.

— Не спитъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ, возможно-ли? Напротивъ, еще съ самаго вечера ожидаетъ, и какъ только узнала давеча, тотчасъ-же сдѣлала туалетъ,—скривилъ было онъ ротъ въ шутливую улыбочку, но мигомъ осѣкся.

— Какъ она вообще? нахмурясь, спросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Вообще? Сами изволите знать (онъ сожалительно вскинулъ плечами), а теперь... теперь сидитъ въ карты гадаетъ...

— Хорошо, потомъ; сначала надо кончить съ вами.

Николай Всеволодовичъ усѣлся на стулъ.

Капитанъ не посмѣлъ уже сѣсть на диванѣ, а тотчасъ-же придвинулъ себѣ другой стулъ, и въ трепетномъ ожиданіи пригнулся слушать.

— Это что-жь у васъ тамъ въ углу подъ скатертью? вдругъ обратилъ вниманіе Николай Всеволодовичъ.

— Это-съ? повернулся тоже и Лебядкинъ, — это отъ вашихъ-же щедротъ, въ видѣ, такъ сказать, новоселья, взявъ тоже во вниманіе дальнѣйшій путь и естественную усталость, умилительно подхихикнулъ онъ, затѣмъ всталъ съ мѣста и на цыпочкахъ, почтительно и осторожно снялъ со столика въ углу скатерть. Подъ нею оказалась приготовленная закуска: ветчина, телятина, сардины, сыръ, маленькій зеленоватый графинчикъ и длинная бутылка бордо; все было улажено чисто, съ знаніемъ дѣла и почти щегольски.

— Это вы хлопотали?

— Я-съ. Еще со вчерашняго дня и все

что̀ могъ чтобы сдѣлать честь... Марья-же Тимоѳеевна на этотъ счетъ, сами знаете, равнодушна. А главное, отъ вашихъ щедротъ, ваше собственное, такъ какъ вы здѣсь хозяинъ, а не я, а я, такъ сказать, въ видѣ только вашего прикащика, ибо всетаки, всетаки, Николай Всеволодовичъ, всетаки духомъ я независимъ! Не отнимете-же вы это послѣднее достояніе мое! докончилъ онъ умилительно.

— Гм!.. вы-бы сѣли опять.

— Блага-а-даренъ, благодаренъ и независимъ! (Онъ сѣлъ). Ахъ, Николай Всеволодовичъ, въ этомъ сердцѣ накипѣло столько, что я не зналъ, какъ васъ и дождаться! Вотъ вы теперь разрѣшите судьбу мою и... той несчастной, а тамъ... тамъ, какъ бывало прежде, въ старину, изолью предъ вами все, какъ четыре года назадъ! Удостоивали-же вы меня тогда слушать, читали строфы... Пусть меня тогда называли вашимъ Фальстафомъ изъ Шекспира, но вы значили столько въ судьбѣ моей!.. Я-же имѣю теперь великіе страхи, и отъ васъ одного только и жду и совѣта, и свѣта. Петръ Степановичъ ужасно поступаетъ со мной!

Николай Всеволодовичъ любопытно слушалъ и пристально вглядывался. Очевидно, капитанъ Лебядкинъ хоть и пересталъ пьянствовать, но всетаки находился далеко не въ гармоническомъ состояніи. Въ подобныхъ многолѣтнихъ пьяницахъ утверждается подъ конецъ навсегда нѣчто нескладное, чадное, что-то какъ-бы поврежденное и безумное, хотя, впрочемъ, они надуваютъ, хитрятъ и плутуютъ почти не хуже другихъ, если надо.

— Я вижу, что вы вовсе не перемѣнились, капитанъ, въ эти слишкомъ четыре года, проговорилъ какъ-бы нѣсколько ласковѣе Николай Всеволодовичъ. — Видно, правда, что вся вторая половина человѣческой жизни составляется обыкновенно изъ однихъ только накопленныхъ въ первую половину привычекъ.

— Высокія слова! Вы разрѣшаете загадку жизни! вскричалъ капитанъ, на половину плутуя, а на половину дѣйствительно въ неподдѣльномъ восторгѣ, потому что былъ большой любитель словечекъ. — Изъ всѣхъ вашихъ словъ, Николай Всеволодовичъ, я запомнилъ одно по преимуществу, вы еще въ Петербургѣ его высказали: «Нужно быть дѣйствительно великимъ человѣкомъ, чтобы съумѣть устоять даже противъ здраваго смысла». Вотъ-съ!

— Ну, равно и дуракомъ.

— Такъ-съ, пусть и дуракомъ, но вы всю жизнь вашу сыпали остроуміемъ, а они? Пусть Липутинъ, пусть Петръ Степановичъ хоть что нибудь подобное изрекутъ! О, какъ жестоко поступалъ со мной Петръ Степановичъ!..

— Но вѣдь и вы, однако-же, капитанъ, какъ сами-то вы вели себя?

— Пьяный видъ и къ тому-же бездна враговъ моихъ! Но теперь все, все проѣхало, и я обновляюсь какъ змѣй. Николай Всеволодовичъ, знаете-ли, что я пишу мое завѣщаніе и что я уже написалъ его?

— Любопытно. Что̀-же вы оставляете и кому?

— Отечеству, человѣчеству и студентамъ. Николай Всеволодовичъ, я прочелъ въ газетахъ біографію объ одномъ американцѣ. Онъ оставилъ все свое огромное состояніе на фабрики и на положительныя науки, свой скелетъ студентамъ, въ тамошнюю академію, а свою кожу на барабанъ съ тѣмъ, чтобы денно и нощно выбивать на немъ американскій національный гимнъ. Увы, мы пигмеи сравнительно съ полетомъ мысли Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; Россія есть игра природы, но не ума. Попробуй я завѣщать мою кожу на барабанъ, примѣрно, въ Акмолинскій пѣхотный полкъ, въ которомъ имѣлъ честь начать службу, съ тѣмъ, чтобы каждый день выбивать на немъ предъ полкомъ русскій національный гимнъ, сочтутъ за либерализмъ, запретятъ мою кожу... и потому ограничился одними студентами. Хочу завѣщать мой скелетъ въ академію, но съ тѣмъ, съ тѣмъ, однако, чтобы на лбу его былъ наклеенъ на вѣки вѣковъ ярлыкъ со словами: «раскаявшійся вольнодумецъ». Вотъ-съ!

Капитанъ говорилъ горячо и уже, разумѣется, вѣрилъ въ красоту американскаго завѣщанія, но онъ былъ и плутъ, и ему очень хотѣлось тоже разсмѣшить Николая Всеволодовича, у котораго онъ прежде долгое время состоялъ въ качествѣ шута. Но

тотъ и не усмѣхнулся, а, напротивъ, какъ-то подозрительно спросилъ:

— Вы, стало быть, намѣрены опубликовать ваше завѣщаніе при жизни и получить за него награду?

— А хоть-бы и такъ, Николай Всеволодовичъ, хоть-бы и такъ? осторожно вглядѣлся Лебядкинъ. — Вѣдь судьба-то моя какова! Даже стихи пересталъ писать, а когда-то и вы забавлялись моими стишками, Николай Всеволодовичъ, помните, за бутылкой? Но конецъ перу. Написалъ только одно стихотвореніе, какъ Гоголь *Послѣднюю Повѣсть*, помните, еще онъ возвѣщалъ Россіи, что она «выпѣлась» изъ груди его. Такъ и я, пропѣлъ и баста.

— Какое-же стихотвореніе?

— «Въ случаѣ если-бъ она сломала ногу!»

— Что-о?

Того только и ждалъ капитанъ. Стихотворенія свои онъ уважалъ и цѣнилъ безмѣрно, но тоже, по нѣкоторой плутовской двойственности души, ему нравилось и то, что Николай Всеволодовичъ всегда, бывало, веселился его стишками и хохоталъ надъ ними иногда схватясь за бока. Такимъ образомъ достигались двѣ цѣли — и поэтическая, и служебная; но теперь была и третья, особенная и весьма щекотливая цѣль: капитанъ, выдвигая на сцену стихи, думалъ оправдать себя въ одномъ пунктѣ, котораго почему-то всего болѣе для себя опасался и въ которомъ всего болѣе ощущалъ себя провинившимся.

— «Въ случаѣ, если-бъ она сломала ногу», то есть въ случаѣ верховой ѣзды. Фантазія, Николай Всеволодовичъ, бредъ, но бредъ поэта: однажды былъ пораженъ, проходя, при встрѣчѣ съ наѣздницей и задалъ матеріальный вопросъ: «что-бы тогда было?» — то есть въ случаѣ. Дѣло ясное: всѣ искатели на попятный, всѣ женихи прочь, моргенъ фри, носъ утри, одинъ поэтъ остался-бы вѣренъ съ раздавленнымъ въ груди сердцемъ. Николай Всеволодовичъ, даже вошь и та могла-бы быть влюблена и той не запрещено законами. И, однако-же, особа была обижена и письмомъ, и стихами. Даже вы, говорятъ, разсердились, такъ-ли-съ? Это скорбно; не хотѣлъ даже вѣрить. Ну, кому-бы я могъ повредить однимъ воображеніемъ? Къ тому-же, честью клянусь, тутъ Липутинъ: «пошли да пошли, всякій человѣкъ достоинъ права переписки», я и послалъ.

— Вы, кажется, предлагали себя въ женихи?

— Враги, враги и враги!

— Скажите стихи! сурово перебилъ Николай Всеволодовичъ.

— Бредъ, бредъ прежде всего.

Однако-же, онъ выпрямился, протянулъ руку и началъ:

— Краса красотъ сломала членъ,
И интереснѣй вдвое стала,
И вдвое сдѣлался влюбленъ
Влюбленный ужь не мало.

— Ну, довольно, махнулъ рукой Николай Всеволодовичъ.

— Мечтаю о Питерѣ, перескочилъ поскорѣе Лебядкинъ, какъ будто и не было никогда стиховъ, — мечтаю о возрожденіи... Благодѣтель! Могу-ли разсчитывать, что не откажете въ средствахъ къ поѣздкѣ? Я какъ солнца ожидалъ васъ всю недѣлю.

— Ну, нѣтъ, ужь извините, у меня совсѣмъ почти не осталось средствъ, да и зачѣмъ мнѣ вамъ деньги давать?..

Николай Всеволодовичъ какъ будто вдругъ разсердился. Сухо и кратко перечислилъ онъ всѣ преступленія капитана: пьянство, вранье, трату денегъ, назначавшихся Марьѣ Тимоѳеевнѣ, то, что ее взяли изъ монастыря, дерзкія письма съ угрозами опубликовать тайну, поступокъ съ Дарьей Павловной и пр., и пр. Капитанъ колыхался, жестикулировалъ, начиналъ возражать, но Николай Всеволодовичъ каждый разъ повелительно его останавливалъ.

— И позвольте, замѣтилъ онъ, наконецъ, — вы все пишете о «фамильномъ позорѣ». Какой-же позоръ для васъ въ томъ, что ваша сестра въ законномъ бракѣ со Ставрогинымъ?

— Но бракъ подъ спудомъ, Николай Всеволодовичъ, бракъ подъ спудомъ, роковая тайна. Я получаю отъ васъ деньги и вдругъ мнѣ задаютъ вопросъ: за что эти деньги? Я связанъ и не могу отвѣчать, во вредъ сестрѣ, во вредъ фамильному достоинству.

Капитанъ повысилъ тонъ: онъ любилъ

эту тему и крѣпко на нее разсчитывалъ. Увы, онъ и не предчувствовалъ, какъ его огорошатъ. Спокойно и точно, какъ будто дѣло шло о самомъ обыденномъ домашнемъ распоряженіи, Николай Всеволодовичъ сообщилъ ему, что на дняхъ, можетъ быть, даже завтра или послѣ завтра, онъ намѣренъ свой бракъ сдѣлать повсемѣстно извѣстнымъ, «какъ полиціи, такъ и обществу», а, стало быть, кончится самъ собою и вопросъ о фамильномъ достоинствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о субсидіяхъ. Капитанъ вытаращилъ глаза: онъ даже и не понялъ; надо было растолковать ему.

— Но вѣдь она... полоумная?

— Я сдѣлаю такія распоряженія.

— Но... какъ-же ваша родительница?

— Ну, ужь это какъ хочетъ.

— Но вѣдь вы введете-же вашу супругу въ вашъ домъ?

— Можетъ быть, и да. Впрочемъ, это въ полномъ смыслѣ не ваше дѣло и до васъ совсѣмъ не относится.

— Какъ не относится! вскричалъ капитанъ; — а я-то какъ-же?

— Ну, разумѣется, вы не войдете въ домъ.

— Да вѣдь я-же родственникъ.

— Отъ такихъ родственниковъ бѣгутъ. Зачѣмъ мнѣ давать вамъ тогда деньги, разсудите сами?

— Николай Всеволодовичъ, Николай Всеволодовичъ, этого быть не можетъ, вы, можетъ быть, еще разсудите, вы не захотите наложить руки... что подумаютъ, что скажутъ въ свѣтѣ?

— Очень я боюсь вашего свѣта. Женился-же я тогда на вашей сестрѣ, когда захотѣлъ, послѣ пьянаго обѣда, изъ-за пари на вино, а теперь вслухъ опубликую объ этомъ... если это меня теперь тѣшитъ?

Онъ произнесъ это какъ-то особенно раздражительно, такъ что Лебядкинъ съ ужасомъ началъ вѣрить.

— Но вѣдь я, я-то какъ, главное вѣдь тутъ я!.. Вы, можетъ быть, шутите-съ, Николай Всеволодовичъ?

— Нѣтъ, не шучу.

— Воля ваша, Николай Всеволодовичъ, а я вамъ не вѣрю... тогда я просьбу подамъ.

— Вы ужасно глупы, капитанъ.

— Пусть, но вѣдь это все что мнѣ остается! сбился совсѣмъ капитанъ, — прежде за ея службу тамъ въ углахъ, по крайней мѣрѣ, намъ квартиру давали, а теперь что-же будетъ, если вы меня совсѣмъ бросите?

— Вѣдь хотите-же вы ѣхать въ Петербургъ перемѣнять карьеру. Кстати, правда, я слышалъ, что вы намѣрены ѣхать съ доносомъ, въ надеждѣ получить прощеніе, объявивъ всѣхъ другихъ?

Капитанъ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и не отвѣчалъ.

— Слушайте, капитанъ, чрезвычайно серіозно заговорилъ вдругъ Ставрогинъ, пригнувшись къ столу. До сихъ поръ онъ говорилъ какъ-то двусмысленно, такъ что Лебядкинъ, искусившійся въ роли шута, до послѣдняго мгновенія всетаки былъ капельку неувѣренъ: сердится-ли его баринъ въ самомъ дѣлѣ или только подшучиваетъ, имѣетъ-ли въ самомъ дѣлѣ дикую мысль объявить о бракѣ, или только играетъ? Теперь-же необыкновенно строгій видъ Николая Всеволодовича до того былъ убѣдителенъ, что даже ознобъ пробѣжалъ по спинѣ капитана.— Слушайте и говорите правду, Лебядкинъ: донесли вы о чемъ нибудь или еще нѣтъ? Успѣли вы что нибудь въ самомъ дѣлѣ сдѣлать? Не послали-ли какого нибудь письма по глупости?

— Нѣтъ-съ, ничего не успѣлъ и... не думалъ, неподвижно смотрѣлъ капитанъ.

— Ну, вы лжете, что не думали. Вы въ Петербургъ для того и проситесь. Если не писали, то не сболтнули-ли чего нибудь кому нибудь здѣсь? Говорите правду, я кое-что слышалъ.

— Въ пьяномъ видѣ Липутину. Липутинъ измѣнникъ. Я открылъ ему сердце, прошепталъ бѣдный капитанъ.

— Сердце сердцемъ, но не надо-же быть и дуралеемъ. Если у васъ была мысль, то держали-бы про себя: нынче умные люди молчатъ, а не разговариваютъ.

— Николай Всеволодовичъ! задрожалъ капитанъ; — вѣдь вы сами ни въ чемъ не участвовали, вѣдь я не на васъ...

— Да ужь на дойную свою корову выбы не посмѣли доносить.

— Николай Всеволодовичъ, посудите,

посудите!.. и въ отчаяніи, въ слезахъ, капитанъ началъ торопливо излагать свою повѣсть за всѣ четыре года. Это была глупѣйшая повѣсть о дуракѣ, втянувшемся не въ свое дѣло и почти не понимавшемъ его важности до самой послѣдней минуты, за пьянствомъ и за гульбой. Онъ разсказалъ, что еще въ Петербургѣ «увлекся спервоначалу, просто по дружбѣ, какъ вѣрный студентъ, хотя и не будучи студентомъ», и не зная ничего, «ни въ чемъ неповинный», разбрасывалъ разныя бумажки на лѣстницахъ, оставлялъ десятками у дверей, у звонковъ, засовывалъ вмѣсто газетъ, въ театръ проносилъ, въ шляпы совалъ, въ карманы пропускалъ. А потомъ и деньги сталъ отъ нихъ получать, «потому что средства-то, средства-то мои каковы-съ!» Въ двухъ губерніяхъ по уѣздамъ разбрасывалъ «всякую дрянь». О, Николай Всеволодовичъ, восклицалъ онъ, — всего болѣе возмущало меня, что это совершенно противно гражданскимъ и преимущественно отечественнымъ законамъ! Напечатано вдругъ, чтобы выходили съ вилами и чтобы помнили, что кто выйдетъ по утру бѣднымъ, можетъ вечеромъ воротиться домой богатымъ, — подумайте-съ! Самого содроганіе беретъ, а разбрасываю. Или вдругъ пять—шесть строкъ ко всей Россіи, ни съ того, ни съ сего: «запирайте скорѣе церкви, уничтожайте Бога, нарушайте браки, уничтожайте права наслѣдства, берите ножи», и только, и чортъ знаетъ что̀ дальше. Вотъ съ этою бумажкой, съ пятистрочною-то, я чуть не попался, въ полку офицеры поколотили, да дай Богъ здоровья, выпустили. А тамъ прошлаго года чуть не захватили, какъ я пятидесяти рублевыя французской поддѣлки Короваеву передалъ; да слава Богу, Короваевъ какъ разъ пьяный въ пруду утонулъ къ тому времени, и меня не успѣли изобличить. Здѣсь у Виргинскаго провозглашалъ свободу соціальной жены. Въ іюнѣ мѣсяцѣ опять въ —скомъ уѣздѣ разбрасывалъ. Говорятъ, еще заставятъ... Петръ Степановичъ вдругъ даетъ знать, что я долженъ слушаться; давно уже угрожаетъ. Вѣдь какъ онъ въ воскресенье тогда поступилъ со мной! Николай Всеволодовичъ, я рабъ, я червь, но не Богъ, тѣмъ только и отличаюсь отъ Державина. Но вѣдь средства-то, средства-то мои каковы!

Николай Всеволодовичъ прослушалъ все любопытно.

— Многаго я вовсе не зналъ, сказалъ онъ; — разумѣется, съ вами все могло случиться... Слушайте, сказалъ онъ, подумавъ, — если хотите, скажите имъ, ну, тамъ кому знаете, что Липутинъ совралъ, и что вы только меня попугать доносомъ собирались, полагая, что я тоже скомпрометтированъ и чтобы съ меня такимъ образомъ больше денегъ взыскать... Понимаете?

— Николай Всеволодовичъ, голубчикъ, неужто-же мнѣ угрожаетъ такая опасность? Я только васъ и ждалъ, чтобы васъ спросить.

Николай Всеволодовичъ усмѣхнулся.

— Въ Петербургъ васъ, конечно, не пустятъ, хотя-бъ я вамъ и далъ денегъ на поѣздку... а, впрочемъ, къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ пора, — и онъ всталъ со стула.

— Николай Всеволодовичъ, — а какъ-же съ Марьей-то Тимоѳеевной?

— Да такъ, какъ я сказывалъ.

— Неужто и это правда?

— Вы все не вѣрите?

— Неужели вы меня такъ и сбросите, какъ старый изношенный сапогъ?

— Я посмотрю, засмѣялся Николай Всеволодовичъ, — ну, пустите.

— Не прикажете-ли я на крылечкѣ постою-съ... чтобы какъ нибудь невзначай чего не подслушать... потому что комнатки крошечныя.

— Это дѣло; постойте на крыльцѣ. Возьмите зонтикъ.

— Зонтикъ, вашъ... сто̀итъ-ли для меня-съ? пересластилъ капитанъ.

— Зонтика всякій стоитъ.

— Разомъ опредѣляете minimum правъ человѣческихъ...

Но онъ уже лепеталъ машинально; онъ слишкомъ былъ подавленъ извѣстіями и сбился съ послѣдняго толку. И однако-же, почти тотчасъ-же какъ вышелъ на крыльцо и распустилъ надъ собой зонтикъ, стала наклевываться въ легкомысленной и плутоватой головѣ его опять всегдашняя успокоительная мысль, что съ нимъ хит-

рятъ и ему лгутъ, а коли такъ, то не ему бояться, а его боятся.

«Если лгутъ и хитрятъ, то въ чемъ тутъ именно штука?» скреблось въ его головѣ. Провозглашеніе брака ему казалось нелѣпостью: «Правда, съ такимъ чудотворцемъ все сдѣется; для зла людямъ живетъ. Ну, а если самъ боится, съ воскреснаго-то афронта, да еще такъ какъ никогда? Вотъ и прибѣжалъ увѣрять, что самъ провозгласитъ, отъ страха, чтобъ я не провозгласилъ. Эй, не промахнись, Лебядкинъ! И къ чему приходить ночью, крадучись, когда самъ желаетъ сгласки? А если боится, то, значитъ, теперь боится, именно сейчасъ, именно за эти нѣсколько дней... Эй, не сверпись, Лебядкинъ!..

«Пугаетъ Петромъ Степановичемъ. Ой, жутко, ой, жутко; нѣтъ, вотъ тутъ такъ жутко! И дернуло меня сболтнуть Липутину. Чортъ знаетъ что̀ затѣваютъ эти черти, никогда не могъ разобрать. Опять заворочались, какъ пять лѣтъ назадъ. Правда, кому-бы я донесъ? «Не написали-ли кому по глупости?» Гм! Стало быть, можно написать, подъ видомъ какъ-бы глупости? Ужь не совѣтъ-ли даетъ? «Вы въ Петербургъ затѣмъ ѣдете». Мошенникъ, мнѣ только приснилось, а ужь онъ и сонъ отгадалъ! Точно самъ подталкиваетъ ѣхать. Тутъ двѣ штуки навѣрно, одна аль другая: или опять таки самъ боится, потому что накуралесилъ, или... или ничего не боится самъ, а только подталкиваетъ, чтобъ я на нихъ всѣхъ донесъ! Охъ, жутко, Лебядкинъ, охъ, какъ-бы не промахнуться!..»

Онъ до того задумался, что позабылъ и подслушивать. Впрочемъ, подслушать было трудно; дверь была толстая, одностворчатая, а говорили очень не громко; доносились какіе-то неясные звуки. Капитанъ даже плюнулъ и вышелъ опять, въ задумчивости, посвистать на крыльцо.

III.

Комната Марьи Тимоѳеевны была вдвое болѣе той, которую занималъ капитанъ, и меблирована такою-же топорною мебелью; но столъ предъ диваномъ былъ накрытъ цвѣтною нарядною скатертью; на немъ горѣла лампа; по всему полу былъ разостланъ прекрасный коверъ; кровать была отдѣлена длинною, во всю комнату, зеленою занавѣсью, и кромѣ того у стола находилось одно большое мягкое кресло, въ которое, однако, Марья Тимоѳеевна не садилась. Въ углу, какъ и въ прежней квартирѣ, помѣщался образъ, съ зажженною предъ нимъ лампадкой, а на столѣ разложены были все тѣ-же необходимыя вещицы: колода картъ, зеркальце, пѣсенникъ, даже сдобная булочка. Сверхъ того явились двѣ книжки съ раскрашенными картинками, одна — выдержки изъ одного популярнаго путешествія, приспособленныя для отроческаго возраста, другая — сборникъ легонькихъ, нравоучительныхъ и большею частію рыцарскихъ разсказовъ, предназначенный для елокъ и институтовъ. Былъ еще альбомъ разныхъ фотографій. Марья Тимоѳеевна, конечно, ждала гостя, какъ и предварилъ капитанъ; но когда Николай Всеволодовичъ къ ней вошелъ, она спала, полулежа на диванѣ, склонившись на гарусную подушку. Гость неслышно притворилъ за собою дверь и, не сходя съ мѣста, сталъ разсматривать спящую.

Капитанъ прилгнулъ, сообщая о томъ, что она сдѣлала туалетъ. Она была въ томъ-же темненькомъ платьѣ, какъ и въ воскресенье у Варвары Петровны. Точно такъ-же были завязаны ея волосы въ крошечный узелокъ на затылкѣ; точно такъ-же обнажена длинная и сухая шея. Подаренная Варварой Петровной черная шаль лежала, бережно сложенная, на диванѣ. По прежнему была она грубо набѣлена и нарумянена. Николай Всеволодовичъ не простоялъ и минуты, она вдругъ проснулась, точно почувствовавъ его взглядъ надъ собою, открыла глаза и быстро выпрямилась. Но, должно быть, что-то странное произошло и съ гостемъ: онъ продолжалъ стоять на томъ-же мѣстѣ у дверей; неподвижно и пронзительнымъ взглядомъ, безмолвно и упорно всматривался въ ея лицо. Можетъ быть, этотъ взглядъ былъ излишне суровъ, можетъ быть, въ немъ выразилось отвращеніе, даже злорадное наслажденіе ея испугомъ — если только не померещилось

такъ со сна Марьѣ Тимоѳеевнѣ; но только вдругъ, послѣ минутнаго почти ожиданія, въ лицѣ бѣдной женщины выразился совершенный ужасъ; по немъ пробѣжали судороги, она подняла, сотрясая ихъ, руки и вдругъ заплакала, точь въ точь какъ испугавшійся ребенокъ; еще мгновеніе, и она-бы закричала. Но гость опомнился; въ одинъ мигъ измѣнилось его лицо, и онъ подошелъ къ столу съ самою привѣтливою и ласковою улыбкой:

— Виноватъ, напугалъ я васъ, Марья Тимоѳеевна, нечаяннымъ приходомъ, со сна, проговорилъ онъ, протягивая ей руку.

Звуки ласковыхъ словъ произвели свое дѣйствіе, испугъ исчезъ, хотя все еще она смотрѣла съ боязнію, видимо усиливаясь что-то понять. Боязливо протянула и руку. Наконецъ, улыбка робко шевельнулась на ея губахъ.

— Здравствуйте, князь, прошептала она, какъ-то странно въ него вглядываясь.

— Должно быть, сонъ дурной видѣли? продолжалъ онъ все привѣтливѣе и ласковѣе улыбаться.

— А вы почему узнали, что я *про это* сонъ видѣла?..

И вдругъ она опять задрожала и отшатнулась назадъ, подымая предъ собой, какъ-бы въ защиту, руку и приготовляясь опять заплакать.

— Оправьтесь, полноте, чего бояться, неужто вы меня не узнали? уговаривалъ Николай Всеволодовичъ, но на этотъ разъ долго не могъ уговорить; она молча смотрѣла на него, все съ тѣмъ-же мучительнымъ недоумѣніемъ, съ тяжелою мыслію въ своей бѣдной головѣ и все такъ-же усиливаясь до чего-то додуматься. То потупляла глаза, то вдругъ окидывала его быстрымъ, обхватывающимъ взглядомъ. Наконецъ, не то что успокоилась, а какъ-бы рѣшилась.

— Садитесь, прошу васъ, подлѣ меня, чтобы можно было мнѣ потомъ васъ разглядѣть, произнесла она довольно твердо, съ явною и какою-то новою цѣлью.—А теперь не безпокойтесь, я и сама не буду глядѣть на васъ, а буду внизъ смотрѣть. Не глядите и вы на меня до тѣхъ поръ, пока я васъ сама не попрошу. Садитесь-же, прибавила она даже съ нетерпѣніемъ.

Новое ощущеніе видимо овладѣвало ею все болѣе и болѣе.

Николай Всеволодовичъ усѣлся и ждалъ; наступило довольно долгое молчаніе.

— Гм! Странно мнѣ это все, пробормотала она вдругъ чуть не брезгливо;—меня, конечно, дурные сны одолѣли; только вытo зачѣмъ въ этомъ самомъ видѣ приснились?

— Ну, оставимъ сны, нетерпѣливо проговорилъ онъ, поворачиваясь къ ней, не смотря на запрещеніе, и, можетъ быть, опять давешнее выраженіе мелькнуло въ его глазахъ. Онъ видѣлъ, что ей нѣсколько разъ хотѣлось, и очень-бы, взглянуть на него, но что она упорно крѣпилась и смотрѣла внизъ.

— Слушайте, князь, возвысила она вдругъ голосъ,—слушайте, князь...

— Зачѣмъ вы отвернулись, зачѣмъ на меня не смотрите, къ чему эта комедія? вскричалъ онъ, не утерпѣвъ.

Но она какъ-бы и не слыхала вовсе.

— Слушайте, князь, повторила она въ третій разъ твердымъ голосомъ, съ непріятною, хлопотливою миной въ лицѣ:—Какъ сказали вы мнѣ тогда въ каретѣ, что бракъ будетъ объявленъ, я тогда-же испугалась, что тайна кончится. Теперь ужь и не знаю; все думала и ясно вижу, что совсѣмъ не гожусь. Нарядиться съумѣю, принять тоже, пожалуй, могу: эка бѣда на чашку чая пригласить, особенно коли есть лакеи. Но вѣдь всетаки какъ посмотрятъ со стороны. Я тогда, въ воскресенье, многое въ томъ домѣ утромъ разглядѣла. Эта барышня хорошенькая на меня все время глядѣла, особенно когда вы вошли. Вѣдь это вы тогда вошли, а? Мать ея просто смѣшная свѣтская старушонка. Мой Лебядкинъ тоже отличился; я чтобы не разсмѣяться, все въ потолокъ смотрѣла, хорошо тамъ потолокъ расписанъ. Матери *его* игуменьей-бы только быть; боюсь я ея, хоть и подарила черную шаль. Должно быть, всѣ онѣ аттестовали тогда меня съ неожиданной стороны; я не сержусь, только сижу я тогда и думаю: какая я имъ родня? Конечно, съ графини требуются только душевныя качества,—потому что для хозяйственныхъ у ней много лакеевъ,—да еще какое нибудь

свѣтское кокетство, чтобъ умѣть принять иностранныхъ путешественниковъ. Но все-таки тогда, въ воскресенье, онѣ смотрѣли на меня съ безнадежностью. Одна Даша ангелъ. Очень я боюсь, чтобъ онѣ не огорчили *его* какъ нибудь неосторожнымъ отзывомъ на мой счетъ.

— Не бойтесь и не тревожьтесь, скривилъ ротъ Николай Всеволодовичъ.

— Впрочемъ, ничего мнѣ это не составитъ, если ему и стыдно за меня будетъ немножко, потому тутъ всегда больше жалости, чѣмъ стыда, судя по человѣку, конечно. Вѣдь онъ знаетъ, что скорѣй мнѣ ихъ жалѣть, а не имъ меня.

— Вы, кажется, очень обидѣлись на нихъ, Марья Тимоѳеевна?

— Кто, я? Нѣтъ, простодушно усмѣхнулась она. — Совсѣмъ таки нѣтъ. Посмотрѣла я на васъ всѣхъ тогда: всѣ-то вы сердитесь, всѣ-то вы перессорились; сойдутся и посмѣяться по душѣ не умѣютъ. Столько богатства и такъ мало веселья — гнусно мнѣ это все. Мнѣ, впрочемъ, теперь никого не жалко, кромѣ себя самой.

— Я слышалъ, вамъ съ братомъ худо было жить безъ меня?

— Это кто вамъ сказалъ? Вздоръ; теперь хуже гораздо; теперь сны не хороши, а сны не хороши стали потому, что вы пріѣхали, Вы-то, спрашивается, зачѣмъ появились, скажите пожалуйста?

— А не хотите-ли опять въ монастырь?

— Ну, я такъ и предчувствовала, что они опять монастырь предложатъ! Эка невидаль мнѣ вашъ монастырь! Да и зачѣмъ я въ него пойду, съ чѣмъ теперь войду? Теперь ужь одна одинешенька! Поздно мнѣ третью жизнь начинать.

— Вы за что-то очень сердитесь, ужь не боитесь-ли, что я васъ разлюбилъ?

— Объ васъ я и совсѣмъ не забочусь. Я сама боюсь, чтобы кого очень не разлюбить.

Она презрительно усмѣхнулась.

— Виновата я, должно быть, предъ *нимъ* въ чемъ нибудь очень большомъ, — прибавила она вдругъ какъ-бы про себя, — вотъ не знаю только, въ чемъ виновата, вся въ этомъ бѣда моя ввѣкъ. Всегда-то всегда, всѣ эти пять лѣтъ, я боялась день и ночь, что предъ нимъ въ чемъ-то я виновата. Молюсь я, бывало, молюсь и все думаю про вину мою великую предъ нимъ. Анъ вотъ и вышло, что правда была.

— Да что вышло-то!

— Боюсь только, нѣтъ-ли тутъ чего съ *его* стороны, продолжала она, не отвѣчая на вопросъ, даже вовсе его не разслышавъ. — Опять таки не могъ-же онъ сойдтись съ такими людишками. Графиня съѣсть меня рада, хоть и въ карету съ собой посадила. Всѣ въ заговорѣ — неужто и онъ? Неужто и онъ измѣнилъ? (Подбородокъ и губы ея задрожали). Слушайте вы: читали вы про Гришку Отрепьева, что на семи соборахъ былъ проклятъ?

Николай Всеволодовичъ промолчалъ.

— А, впрочемъ, я теперь поворочусь къ вамъ и буду на васъ смотрѣть, какъ-бы рѣшилась она вдругъ; — поворотитесь и вы ко мнѣ и поглядите на меня, только пристальнѣе. Я въ послѣдній разъ хочу удостовѣриться.

— Я смотрю на васъ уже давно.

— Гм! — проговорила Марья Тимоѳеевна, сильно всматриваясь, — потолстѣли вы очень...

Она хотѣла было еще что-то сказать, но вдругъ опять, въ третій разъ, давешній испугъ мгновенно исказилъ лицо ея, и опять она отшатнулась, подымая предъ собою руку.

— Да что съ вами? вскричалъ Николай Всеволодовичъ почти въ бѣшенствѣ.

Но испугъ продолжался только одно мгновеніе; лицо ея перекосилось какою-то странною улыбкой, подозрительною, непріятною:

— Я прошу васъ, князь, встаньте и войдите, произнесла она вдругъ твердымъ и настойчивымъ голосомъ.

— Какъ войдите? Куда я войду?

— Я всѣ пять лѣтъ только и представляла себѣ, какъ *онъ* войдетъ. Встаньте сейчасъ и уйдите за дверь, въ ту комнату. Я буду сидѣть, какъ будто ничего не ожидая, и возьму въ руки книжку, и вдругъ вы войдите послѣ пяти лѣтъ путешествія. Я хочу посмотрѣть, какъ это будетъ.

Николай Всеволодовичъ проскрежеталъ

про себя зубами и проворчалъ что-то неразборчивое.

— Довольно, сказалъ онъ, ударяя ладонью по столу.—Прошу васъ, Марья Тимоѳеевна, меня выслушать. Сдѣлайте одолженіе, соберите, если можете, все ваше вниманіе. Не совсѣмъ-же вѣдь вы съумасшедшая! прорвался онъ въ нетерпѣніи.— Завтра я объявляю нашъ бракъ. Вы никогда не будете жить въ палатахъ, разувѣрьтесь. Хотите жить со мною всю жизнь, но только очень отсюда далеко? Это въ горахъ, въ Швейцаріи, тамъ есть одно мѣсто... Не безпокойтесь, я никогда васъ не брошу и въ съумасшедшій домъ не отдамъ. Денегъ у меня достанетъ чтобы жить не прося. У васъ будетъ служанка; вы не будете исполнять никакой работы. Все, что̀ пожелаете изъ возможнаго, будетъ вамъ доставлено. Вы будете молиться, ходить куда угодно и дѣлать что̀ вамъ угодно. Я васъ не трону. Я тоже съ моего мѣста всю жизнь никуда не сойду. Хотите всю жизнь не буду говорить съ вами, хотите разсказывайте мнѣ каждый вечеръ, какъ тогда въ Петербургѣ, въ углахъ, ваши повѣсти. Буду вамъ книги читать, если пожелаете. Но зато такъ всю жизнь, на одномъ мѣстѣ, а мѣсто это угрюмое. Хотите? Рѣшаетесь? Не будете раскаяваться, терзать меня слезами, проклятіями?

Она прослушала съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и долго молчала и думала.

— Невѣроятно мнѣ это все, проговорила она, наконецъ, насмѣшливо и брезгливо. — Этакъ я, пожалуй, сорокъ лѣтъ проживу въ тѣхъ горахъ. Она разсмѣялась.

— Что-жь, и сорокъ лѣтъ проживемъ, очень нахмурился Николай Всеволодовичъ.

— Гм. Ни за что̀ не поѣду.

— Даже и со мной?

— А вы что̀ такое, чтобъ я съ вами ѣхала? Сорокъ лѣтъ сряду съ нимъ на горѣ сиди — ишь подъѣхалъ. И какіе, право, люди нынче терпѣливые начались! Нѣтъ, не можетъ того быть, чтобы соколъ филиномъ сталъ. Не таковъ мой князь! гордо и торжественно подняла она голову.

Его будто осѣнило:

— Съ чего вы меня княземъ зовете и... за кого принимаете? быстро спросилъ онъ.

— Какъ? Развѣ вы не князь?

— Никогда имъ и не былъ.

— Такъ вы сами, сами, такъ-таки прямо въ лицо, признаетесь, что вы не князь!

— Говорю, никогда не былъ.

— Господи! всплеснула она руками, всего отъ враговъ *его* ожидала, но такой дерзости — никогда! Живъ-ли онъ? вскричала она въ изступленіи, надвигаясь на Николая Всеволодовича, — убилъ ты его или нѣтъ, признавайся!

— За кого ты меня принимаешь? вскочилъ онъ съ мѣста съ исказившимся лицомъ; но ее уже было трудно испугать, она торжествовала:

— А кто тебя знаетъ, кто ты таковъ и откуда ты выскочилъ! Только сердце мое, сердце чуяло, всѣ пять лѣтъ, всю интригу! А я-то сижу, дивлюсь: что̀ за сова слѣпая подъѣхала? Нѣтъ, голубчикъ, плохой ты актеръ, хуже даже Лебядкина. Поклонись отъ меня графинѣ пониже, да скажи, чтобы присылала почище тебя. Наняла она тебя, говори? У ней при милости на кухнѣ состоишь! Весь вашъ обманъ насквозь вижу, всѣхъ васъ, до одного, понимаю!

Онъ схватилъ ее крѣпко, выше локтя, за руку; она хохотала ему въ лицо:

— Похожъ-то ты очень похожъ, можетъ, и родственникъ ему будешь,— хитрый народъ! Только мой — ясный соколъ и князь, а ты — сычъ и купчишка! Мой-то и Богу, захочетъ, поклонится, а захочетъ и нѣтъ, а тебя Шатушка (милый онъ, родимый, голубчикъ мой) по щекамъ отхлесталъ, мой Лебядкинъ разсказывалъ. И чего ты тогда струсилъ вошелъ-то? Кто тебя тогда напугалъ? Какъ увидала я твое низкое лицо, когда упала, а ты меня подхватилъ,—точно червь ко мнѣ въ сердце заползъ: не *онъ*, думаю, не *онъ!* Не постыдился-бы соколъ мой меня никогда предъ свѣтской барышней! О, Господи! Да я ужь тѣмъ только была счастлива, всѣ пять лѣтъ, что соколъ мой гдѣ-то тамъ, за горами, живетъ и летаетъ, на солнце взираетъ... Говори, самозванецъ, много-ли взялъ? За большія-ли деньги согласился? Я-бы гроша тебѣ не дала. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..

— У, идіотка! проскрежеталъ Николай Всеволодовичъ, все еще крѣпко держа ее за руку.

— Прочь, самозванецъ! повелительно вскричала она, я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!

— Ножа!

— Да, ножа! У тебя ножъ въ карманѣ. Ты думалъ я спала, а я видѣла: ты какъ вошелъ давеча, ножъ вынималъ!

— Что ты сказала, несчастная, какіе сны тебѣ снятся! возопилъ онъ и изо всей силы оттолкнулъ ее отъ себя, такъ что она даже больно ударилась плечами и головой о диванъ. Онъ бросился бѣжать; но она тотчасъ-же вскочила за нимъ, хромая и прискакивая, въ догонку, и уже съ крыльца, удерживаемая изо всѣхъ силъ перепугавшимся Лебядкинымъ, успѣла ему еще прокричать, съ визгомъ и съ хохотомъ, во слѣдъ въ темноту:

— Гришка От-репь-евъ а-на-ѳе-ма!

IV.

«Ножъ, ножъ!» повторялъ онъ въ неутолимой злобѣ, широко шагая по грязи и лужамъ, не разбирая дороги. Правда, минутами ему ужасно хотѣлось захохотать, громко, бѣшено; но онъ почему-то крѣпился и сдерживалъ смѣхъ. Онъ опомнился лишь на мосту, какъ разъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ давеча ему встрѣтился Ѳедька; тотъ-же самый Ѳедька ждалъ его тутъ и теперь и, завидѣвъ его, снялъ фуражку, весело оскалилъ зубы и тотчасъ-же началъ о чемъ-то бойко и весело растабарывать. Николай Всеволодовичъ сначала прошелъ не останавливаясь, нѣкоторое время даже совсѣмъ и не слушалъ опять увязавшагося за нимъ бродягу. Его вдругъ поразила мысль, что онъ совершенно забылъ про него и забылъ именно въ то время, когда самъ ежеминутно повторялъ про себя: «ножъ, ножъ». Онъ схватилъ бродягу за шиворотъ и, со всею накопившеюся злобой, изъ всей силы ударилъ его объ мостъ. Одно мгновеніе тотъ думалъ было бороться, но почти тотчасъ-же догадавшись, что онъ предъ своимъ противникомъ, напавшимъ къ тому-же нечаянно, — нѣчто въ родѣ соломинки, затихъ и примолкъ, даже нисколько не сопротивляясь. Стоя на колѣняхъ, придавленный къ землѣ, съ вывернутыми на спину локтями, хитрый бродяга спокойно ожидалъ развязки, совершенно, кажется, не вѣря въ опасность.

Онъ не ошибся. Николай Всеволодовичъ уже снялъ было съ себя, лѣвою рукой, теплый шарфъ, чтобы скрутить своему плѣннику руки; но вдругъ, почему-то, бросилъ его и оттолкнулъ отъ себя. Тотъ мигомъ вскочилъ на ноги, обернулся, и короткій, широкій сапожный ножъ, мгновенно откуда-то взявшійся, блеснулъ въ его рукѣ.

— Долой ножъ, спрячь, спрячь сейчасъ! *приказалъ* съ нетерпѣливымъ жестомъ Николай Всеволодовичъ, и ножъ исчезъ также мгновенно, какъ появился.

Николай Всеволодовичъ опять молча и не оборачиваясь пошелъ своею дорогой; но упрямый негодяй, всетаки, не отсталъ отъ него, правда, теперь уже не растабарывая и даже почтительно наблюдая дистанцію на цѣлый шагъ позади. Оба прошли такимъ образомъ мостъ и вышли на берегъ, на этотъ разъ повернувъ налѣво, тоже въ длинный и глухой переулокъ, но которымъ короче было пройдти въ центръ города, чѣмъ давешнимъ путемъ по Богоявленской улицѣ.

— Правда, говорятъ, ты церковь гдѣ-то здѣсь въ уѣздѣ на дняхъ обокралъ? спросилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Я, то есть собственно, помолиться спервоначалу зашелъ-съ, степенно и учтиво, какъ будто ничего и не произошло, отвѣчалъ бродяга; даже не то, что степенно, а почти съ достоинствомъ. Давешней «дружеской» фамильярности не было и въ поминѣ. Видно было человѣка дѣловаго и серіознаго, правда, напрасно обиженнаго, но умѣющаго забывать и обиды.

— Да какъ завелъ меня туда Господь, продолжалъ онъ, — эхъ, благодать небесная, думаю! По сиротству моему произошло это дѣло, такъ какъ въ нашей судьбѣ совсѣмъ нельзя безъ вспомоществованія. И вотъ, вѣрьте Богу, сударь, себѣ въ убытокъ, наказалъ Господь за грѣхи: за махальницу да за хлопотницу, да за дьяконовъ через-

сѣдельникъ всего только двѣнадцать рублевъ пріобрѣлъ. Николая Угодника подбородникъ, чистый серебряный, задаромъ пошелъ: семилеровый, говорятъ.

— Сторожа зарѣзалъ?

— То есть мы вмѣстѣ и прибирали-съ съ тѣмъ сторожемъ, да ужь потомъ, подъ утро, у рѣчки, у насъ взаимный споръ вышелъ, кому мѣшокъ нести. Согрѣшилъ, облегчилъ его маненечко.

— Рѣжь еще, обокради еще.

— То-же самое и Петръ Степановичъ, какъ есть въ одно слово съ вами, совѣтуютъ-съ, потому что они чрезвычайно скупой и жестокосердый на счетъ вспомоществованія человѣкъ-съ. Окромя того, что уже въ Творца Небеснаго, насъ изъ персти земной создавшаго, ни на грошъ не вѣруютъ-съ, а говорятъ, что все одна природа устроила, даже до послѣдняго будто-бы звѣря; они и не понимаютъ сверхъ того, что по нашей судьбѣ намъ чтобы безъ благодѣтельнаго вспомоществованія совершенно никакъ нельзя-съ. Станешь ему толковать, смотритъ какъ баранъ на воду, дивишься на него только. Вонъ повѣрители-съ, у капитана Лебядкина-съ, гдѣ сейчасъ изволили посѣщать-съ, когда еще они до васъ проживали у Филиппова-съ, такъ иной разъ дверь всю ночь настежь не запертая стоитъ-съ, самъ спитъ пьянъ мертвецки, а деньги у него изо всѣхъ кармановъ на полъ сыплются. Своими глазами наблюдать приходилось, потому по нашему обороту, чтобы безъ вспомоществованія, этого никакъ нельзя-съ...

— Какъ своими глазами? Заходилъ, что-ли, ночью?

— Можетъ и заходилъ, только это никому неизвѣстно.

— Что-жь не зарѣзалъ?

— Прикинувъ на счетахъ, остепенилъ себя-съ. Потому, разъ узнамши доподлинно, что сотни полторы рублевъ всегда могу вынуть, какъ-же мнѣ пускаться на то, когда и всѣ полторы тысячи могу вынуть, если только пообождавъ? Потому капитанъ Лебядкинъ (своими ушами слышалъ-съ) всегда на васъ очинна надѣялись въ пьяномъ видѣ-съ, и нѣтъ здѣсь такого трактирнаго заведенія, даже послѣдняго кабака, гдѣ-бы они не объявляли о томъ въ семъ самомъ видѣ-съ. Такъ что слышамши про то изъ многихъ устъ, я тоже на ваше сіятельство всю мою надежду сталъ возлагать. Я, сударь, вамъ какъ отцу али родному брату, потому Петръ Степанычъ никогда того отъ меня не узнаютъ и даже ни единая душа. Такъ три-то рублика, ваше сіятельство, соблаговолите аль нѣтъ-съ? Развязали-бы вы меня, сударь, чтобъ я, то есть, зналъ правду истинную, потому намъ чтобы безъ вспомоществованія никакъ нельзя-съ.

Николай Всеволодовичъ громко захохоталъ и, вынувъ изъ кармана портмоне, въ которомъ было рублей до пятидесяти мелкими кредитками, выбросилъ ему одну бумажку изъ пачки, затѣмъ другую, третью, четвертую. Ѳедька подхватывалъ на лету, кидался, бумажки сыпались въ грязь, Ѳедька ловилъ и прикрикивалъ: «эхъ, эхъ!» Николай Всеволодовичъ кинулъ въ него, наконецъ, всею пачкой и, продолжая хохотать, пустился по переулку на этотъ разъ уже одинъ. Бродяга остался искать, ерзая на колѣнкахъ въ грязи, разлетѣвшіяся по вѣтру и потонувшія въ лужахъ кредитки, и цѣлый часъ еще можно было слышать въ темнотѣ его отрывистыя вскрикиванія: «эхъ, эхъ!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Поединокъ.

I.

На другой день, въ два часа пополудни, предположенная дуэль состоялась. Быстрому исходу дѣла способствовало неукротимое желаніе Артемія Павловича Гаганова драться во что-бы то ни стало. Онъ не понималъ поведенія своего противника и былъ въ бѣшенствѣ. Цѣлый уже мѣсяцъ онъ оскорблялъ его безнаказанно и все еще не могъ вывести изъ терпѣнія. Вызовъ ему былъ необходимъ со стороны самого Николая Всеволодовича, такъ какъ самъ онъ не имѣлъ прямаго предлога къ вызову. Въ тайныхъ-же побужденіяхъ своихъ, то есть про-

сто.въ болѣзненной ненависти къ Ставрогину, за фамильное оскорбленіе четыре года назадъ, онъ почему-то совѣстился сознаться. Да и самъ считалъ такой предлогъ невозможнымъ, особенно въ виду смиренныхъ извиненій, уже два раза предложенныхъ Николаемъ Всеволодовичемъ. Онъ положилъ про себя, что тотъ безстыдный трусъ; понять не могъ, какъ тотъ могъ снести пощечину отъ Шатова; такимъ образомъ и рѣшился, наконецъ, послать то необычайное по грубости своей письмо, которое побудило, наконецъ, самого Николая Всеволодовича предложить встрѣчу. Отправивъ наканунѣ это письмо и въ лихорадочномъ нетерпѣніи ожидая вызова, болѣзненно разсчитывая шансы къ тому, то надѣясь, то отчаяваясь, онъ на всякій случай еще съ вечера припасъ себѣ секунданта, а именно Маврикія Николаевича Дроздова, своего пріятеля, школьнаго товарища и особенно уважаемаго имъ человѣка. Такимъ образомъ Кириловъ, явившійся на другой день по утру въ девять часовъ съ своимъ порученіемъ, нашелъ уже почву совсѣмъ готовую. Всѣ извиненія и неслыханныя уступки Николая Всеволодовича были тотчасъ-же съ перваго слова и съ необыкновеннымъ азартомъ отвергнуты. Маврикій Николаевичъ, наканунѣ лишь узнавшій о ходѣ дѣла, при такихъ неслыханныхъ предложеніяхъ открылъ было ротъ отъ удивленія и хотѣлъ тутъ-же настаивать на примиреніи, но, замѣтивъ, что Артемій Павловичъ, предугадавшій его намѣренія, почти затрясся на своемъ стулѣ, смолчалъ и не произнесъ ничего. Если-бы не слово, данное товарищу, онъ ушелъ-бы немедленно; остался-же въ единственной надеждѣ помочь хоть чѣмъ нибудь при самомъ исходѣ дѣла. Кириловъ передалъ вызовъ; всѣ условія встрѣчи, обозначенныя Ставрогинымъ, были приняты тотчасъ-же буквально, безъ малѣйшаго возраженія. Сдѣлана была только одна прибавка, впрочемъ, очень жестокая, именно: если съ первыхъ выстрѣловъ не произойдетъ ничего рѣшительнаго, то сходиться въ другой разъ; если не кончится ничѣмъ и въ другой, сходиться въ третій. Кириловъ нахмурился, поторговался на счетъ третьяго раза, но не выторговавъ ничего, согласился, съ тѣмъ, однако-жь, что «три раза можно, а четыре никакъ нельзя». Въ этомъ уступили. Такимъ образомъ въ два часа пополудни и состоялась встрѣча въ Брыковѣ, то есть въ подгорной маленькой рощицѣ между Скворешниками съ одной стороны и фабрикой Шпигулиныхъ съ другой. Вчерашній дождь пересталъ совсѣмъ, но было мокро, сыро и вѣтрено. Низкія, мутныя разорванныя облака быстро неслись по холодному небу; деревья густо и перекатно шумѣли вершинами и скрипѣли на корняхъ своихъ; очень было грустное утро.

Гагановъ съ Маврикіемъ Николаевичемъ прибыли на мѣсто въ щегольскомъ шарабанѣ парой, которымъ правилъ Артемій Павловичъ; при нихъ находился слуга. Почти въ ту-же минуту явились и Николай Всеволодовичъ съ Кириловымъ, но не въ экипажѣ, а верхами и тоже въ сопровожденіи верховаго слуги. Кириловъ, никогда не садившійся на коня, держался въ сѣдлѣ смѣло и прямо, прихватывая правою рукой тяжелый ящикъ съ пистолетами, который не хотѣлъ довѣрить слугѣ, а лѣвою, по неумѣнью, безпрерывно крутя и дергая поводья, отчего лошадь мотала головой и обнаруживала желаніе стать на дыбы, что, впрочемъ, нисколько не пугало всадника. Мнительный, быстро и глубоко оскорблявшійся Гагановъ почелъ прибытіе верховыхъ за новое себѣ оскорбленіе, въ томъ смыслѣ, что враги слишкомъ, стало быть, надѣялись на успѣхъ, коли не предполагали даже нужды въ экипажѣ на случай отвоза раненаго. Онъ вышелъ изъ своего шарабана весь желтый отъ злости и почувствовалъ, что у него дрожатъ руки, о чемъ и сообщилъ Маврикію Николаевичу. На поклонъ Николая Всеволодовича не отвѣтилъ совсѣмъ и отвернулся. Секунданты бросили жребій: вышло пистолетамъ Кирилова. Барьеръ отмѣрили, противниковъ разставили, экипажъ и лошадей съ лакеями отослали шаговъ на триста назадъ. Оружіе было заряжено и вручено противникамъ.

Жаль, что надо вести разсказъ быстрѣе и некогда описывать; но нельзя и совсѣмъ безъ отмѣтокъ. Маврикій Николаевичъ былъ грустенъ и озабоченъ. Зато Кириловъ былъ

совершенно спокоенъ и безразличенъ, очень точенъ въ подробностяхъ принятой на себя обязанности, но безъ малѣйшей суетливости и почти безъ любопытства къ роковому и столь близкому исходу дѣла. Николай Всеволодовичъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, одѣтъ довольно легко, въ пальто и бѣлой пуховой шляпѣ. Онъ казался очень усталымъ, изрѣдка хмурился и нисколько не находилъ нужнымъ скрывать свое непріятное расположеніе духа. Но Артемій Павловичъ былъ въ сію минуту всѣхъ замѣчательнѣе, такъ что никакъ нельзя не сказать объ немъ нѣсколькихъ словъ совсѣмъ особенно.

II.

Намъ не случилось до сихъ поръ упомянуть о его наружности. Это былъ человѣкъ большаго роста, бѣлый, сытый, какъ говоритъ простонародье, почти жирный, съ бѣлокурыми жидкими волосами, лѣтъ тридцати трехъ и, пожалуй, даже съ красивыми чертами лица. Онъ вышелъ въ отставку полковникомъ, и если-бы дослужился до генерала, то въ генеральскомъ чинѣ былъ-бы еще внушительнѣе и очень можетъ быть, что вышелъ-бы хорошимъ боевымъ генераломъ.

Нельзя пропустить, для характеристики лица, что главнымъ поводомъ къ его отставкѣ послужила столь долго и мучительно преслѣдовавшая его мысль о срамѣ фамиліи, послѣ обиды, нанесенной отцу его въ клубѣ, четыре года тому назадъ, Николаемъ Ставрогинымъ. Онъ считалъ по совѣсти безчестнымъ продолжать службу и увѣренъ былъ про себя, что мараетъ собою полкъ и товарищей, хотя никто изъ нихъ и не зналъ о происшествіи. Правда, онъ и прежде хотѣлъ выйдти однажды изъ службы, давно уже, задолго до обиды и совсѣмъ по другому поводу, но до сихъ поръ колебался. Какъ ни странно написать, но этотъ первоначальный поводъ или, лучше сказать, позывъ къ выходу въ отставку—былъ манифестъ 19-го февраля объ освобожденіи крестьянъ. Артемій Павловичъ, богатѣйшій помѣщикъ нашей губерніи, даже не такъ много и потерявшій послѣ манифеста, мало того, самъ способный убѣдиться въ гуманности мѣры и почти понять экономическія выгоды реформы, вдругъ почувствовалъ себя, съ появленія манифеста, какъ-бы лично обиженнымъ. Это было что-то безсознательное, въ родѣ какого-то чувства, но тѣмъ сильнѣе, чѣмъ безотчетнѣе. До смерти отца своего онъ, впрочемъ, не рѣшался предпринять что нибудь рѣшительное; но въ Петербургѣ сталъ извѣстенъ «благороднымъ» образомъ своихъ мыслей многимъ замѣчательнымъ лицамъ, съ которыми усердно поддерживалъ связи. Это былъ человѣкъ уходящій въ себя, закрывающійся. Еще черта: онъ принадлежалъ къ тѣмъ страннымъ, но еще уцѣлѣвшимъ на Руси дворянамъ, которые чрезвычайно дорожатъ древностью и чистотой своего дворянскаго рода и слишкомъ серіозно этимъ интересуются. Вмѣстѣ съ этимъ онъ терпѣть не могъ русской исторіи, да и вообще весь русскій обычай считалъ отчасти свинствомъ. Еще въ дѣтствѣ его, въ той спеціальной военной школѣ для болѣе знатныхъ и богатыхъ воспитанниковъ, въ которой онъ имѣлъ честь начать и кончить свое образованіе, укоренились въ немъ нѣкоторыя поэтическія воззрѣнія: ему понравились замки, средневѣковая жизнь, вся оперная часть ея, рыцарство; онъ чуть не плакалъ уже тогда отъ стыда, что русскаго боярина временъ Московскаго царства царь могъ наказывать тѣлесно, и краснѣлъ отъ сравненій. Этотъ тугой, чрезвычайно строгій человѣкъ, замѣчательно хорошо знавшій свою службу и исполнявшій свои обязанности, въ душѣ своей былъ мечтателемъ. Утверждали, что онъ могъ-бы говорить въ собраніяхъ и что имѣетъ даръ слова; но, однако, онъ всѣ свои тридцать три года промолчалъ про себя. Даже въ той важной петербургской средѣ, въ которой онъ вращался въ послѣднее время, держалъ себя необыкновенно надменно. Встрѣча въ Петербургѣ съ воротившимся изъ-за границы Николаемъ Всеволодовичемъ чуть не свела его съума. Въ настоящій моментъ, стоя на барьерѣ, онъ находился въ страшномъ безпокойствѣ. Ему все казалось, что еще какъ нибудь не состоится дѣло, малѣйшее про-

медленіе бросало его въ трепетъ. Болѣзненное впечатлѣніе выразилось въ его лицѣ, когда Кириловъ, вмѣсто того, чтобы подать знакъ для битвы, началъ вдругъ говорить, правда для проформы, о чемъ самъ заявилъ во всеуслышаніе:

— Я только для проформы; теперь, когда уже пистолеты въ рукахъ и надо командовать, не угодно-ли въ послѣдній разъ помириться? Обязанность секунданта.

Какъ нарочно Маврикій Николаевичъ, до сихъ поръ молчавшій, но съ самаго вчерашняго дня страдавшій про себя за свою уступчивость и потворство, вдругъ подхватилъ мысль Кирилова и тоже заговорилъ:

— Я совершенно присоединяюсь къ словамъ господина Кирилова... эта мысль, что нельзя мириться на барьерѣ — есть предразсудокъ, годный для французовъ... Да я и не понимаю обиды, воля ваша, я давно хотѣлъ сказать... потому что вѣдь предлагаются всякія извиненія, не такъ-ли?

Онъ весь покраснѣлъ. Рѣдко случалось ему говорить такъ много и съ такимъ волненіемъ.

— Я опять подтверждаю мое предложеніе представить всевозможныя извиненія, съ чрезвычайною поспѣшностію подхватилъ Николай Всеволодовичъ.

— Развѣ это возможно? неистово вскричалъ Гагановъ, обращаясь къ Маврикію Николаевичу и въ изступленіи топнувъ ногой; — объясните вы этому человѣку, если вы секундантъ, а не врагъ мой, Маврикій Николаевичъ (онъ ткнулъ пистолетомъ въ сторону Николая Всеволодовича), — что такія уступки только усиленіе обиды! Онъ не находитъ возможнымъ отъ меня обидѣться!.. Онъ позора не находитъ уйдти отъ меня съ барьера! За кого-же онъ принимаетъ меня послѣ этого, въ вашихъ глазахъ... а вы еще мой секундантъ! Вы только меня раздражаете, чтобъ я не попалъ. Онъ топнулъ опять ногой, слюна брызгала съ его губъ.

— Переговоры кончены. Прошу слушать команду! изо всей силы вскричалъ Кириловъ. — Разъ! Два! Три!

Со словомъ *три*, противники направились другъ на друга. Гагановъ тотчасъ-же поднялъ пистолетъ и на пятомъ или шестомъ шагѣ выстрѣлилъ. На секунду пріостановился и, увѣрившись, что далъ промахъ, быстро подошелъ къ барьеру. Подошелъ и Николай Всеволодовичъ, поднялъ пистолетъ, но какъ-то очень высоко и выстрѣлилъ совсѣмъ почти не цѣлясь. Затѣмъ вынулъ платокъ и замоталъ въ него мизинецъ правой руки. Тутъ только увидѣли, что Артемій Павловичъ не совсѣмъ промахнулся, но пуля его только скользнула по пальцу, по суставной мякоти, не тронувъ кости; вышла ничтожная царапина. Кириловъ тотчасъ-же заявилъ, что дуэль, если противники не удовлетворены, продолжается.

— Я заявляю, прохрипѣлъ Гагановъ (у него пересохло въ горлѣ), опять обращаясь къ Маврикію Николаевичу, — что этотъ человѣкъ (онъ ткнулъ опять въ сторону Ставрогина), выстрѣлилъ нарочно на воздухъ... умышленно... Это опять обида! Онъ хочетъ сдѣлать дуэль невозможною!

— Я имѣю право стрѣлять какъ хочу, лишь-бы происходило по правиламъ, — твердо заявилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ, не имѣетъ! Растолкуйте ему, растолкуйте! кричалъ Гагановъ.

— Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію Николая Всеволодовича, возгласилъ Кириловъ.

— Для чего онъ щадитъ меня? бѣсновался Гагановъ, не слушая. — Я презираю его пощаду... Я плюю... Я...

— Даю слово, что я вовсе не хотѣлъ васъ оскорблять, съ нетерпѣніемъ проговорилъ Николай Всеволодовичъ, — я выстрѣлилъ вверхъ потому, что не хочу болѣе никого убивать, васъ-ли, другаго-ли, лично до васъ не касается. Правда, себя я не считаю обиженнымъ, и мнѣ жаль, что васъ это сердитъ. Но не позволю никому вмѣшиваться въ мое право.

— Если онъ такъ боится крови, то спросите, зачѣмъ меня вызывалъ? вопилъ Гагановъ, все обращаясь къ Маврикію Николаевичу.

— Какъ-же васъ было не вызвать? ввязался Кириловъ, — вы ничего не хотѣли слушать, какъ-же отъ васъ отвязаться!

— Замѣчу только одно, произнесъ Маврикій Николаевичъ, съ усиліемъ и со страданіемъ обсуждавшій дѣло: — если против-

никъ заранѣе объявляетъ, что стрѣлять будетъ вверхъ, то поединокъ дѣйствительно продолжаться не можетъ... по причинамъ деликатнымъ и... яснымъ.

— Я вовсе не объявлялъ, что каждый разъ буду вверхъ стрѣлять! вскричалъ Ставрогинъ, уже совсѣмъ теряя терпѣніе.—Вы вовсе не знаете, что̀ у меня на умѣ и какъ я опять сейчасъ выстрѣлю... я ничѣмъ не стѣсняю дуэли.

— Коли такъ, встрѣча можетъ продолжаться, обратился Маврикій Николаевичъ къ Гаганову.

— Господа, займите ваши мѣста! скомандовалъ Кириловъ.

Опять сошлись, опять промахъ у Гаганова и опять выстрѣлъ вверхъ у Ставрогина. Про эти выстрѣлы вверхъ можно было-бы и поспорить: Николай Всеволодовичъ могъ прямо утверждать, что онъ стрѣляетъ какъ слѣдуетъ, если-бы самъ не сознался въ умышленномъ промахѣ. Онъ наводилъ пистолетъ не прямо въ небо или въ дерево, а всетаки какъ-бы мѣтилъ въ противника, хотя, впрочемъ, бралъ на аршинъ поверхъ его шляпы. Въ этотъ второй разъ прицѣлъ былъ даже еще ниже, еще правдоподобнѣе; но уже Гаганова нельзя было разувѣрить.

— Опять! проскрежеталъ онъ зубами;— все равно! Я вызванъ и пользуюсь правомъ. Я хочу стрѣлять въ третій разъ... во что-бы ни стало.

— Имѣете полное право, отрубилъ Кириловъ. Маврикій Николаевичъ не сказалъ ничего. Разставили въ третій разъ, скомандовали; въ этотъ разъ Гагановъ дошелъ до самаго барьера, и съ барьера, съ двѣнадцати шаговъ, сталъ прицѣливаться. Руки его слишкомъ дрожали для правильнаго выстрѣла. Ставрогинъ стоялъ съ пистолетомъ, опущеннымъ внизъ и неподвижно ожидалъ его выстрѣла.

— Слишкомъ долго, слишкомъ долго прицѣлъ! стремительно прокричалъ Кириловъ; — стрѣляйте! Стрѣ-ляйте! Но выстрѣлъ раздался, и на этотъ разъ бѣлая пуховая шляпа слетѣла съ Николая Всеволодовича. Выстрѣлъ былъ довольно мѣтокъ, тулья шляпы была пробита очень низко; четверть вершка ниже, и все-бы было кончено. Кириловъ подхватилъ и подалъ шляпу Николаю Всеволодовичу.

— Стрѣляйте, не держите противника! прокричалъ въ чрезвычайномъ волненіи Маврикій Николаевичъ, видя, что Ставрогинъ какъ-бы забылъ о выстрѣлѣ, разсматривая съ Кириловымъ шляпу. Ставрогинъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на Гаганова, отвернулся и уже безо всякой на этотъ разъ деликатности выстрѣлилъ въ сторону, въ рощу. Дуэль кончилась. Гагановъ стоялъ какъ придавленный.Маврикій Николаевичъ подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить, но тотъ какъ будто не понималъ. Кириловъ, уходя, снялъ шляпу и кивнулъ Маврикію Николаевичу головой; но Ставрогинъ забылъ прежнюю вѣжливость; сдѣлавъ выстрѣлъ въ рощу, онъ даже и не повернулся къ барьеру, сунулъ свой пистолетъ Кирилову и поспѣшно направился къ лошадямъ. Лицо его выражало злобу, онъ молчалъ. Молчалъ и Кириловъ. Сѣли на лошадей и поскакали въ галопъ.

III.

— Что̀ вы молчите? нетерпѣливо окликнулъ онъ Кирилова уже неподалеку отъ дому.

— Что̀ вамъ надо? отвѣтилъ тотъ, чуть не съерзнувъ съ лошади, вскочившей на дыбы.

Ставрогинъ сдержалъ себя.

— Я не хотѣлъ обидѣть этого... дурака, а обидѣлъ опять, проговорилъ онъ тихо.

— Да, вы обидѣли опять, отрубилъ Кириловъ; — и притомъ онъ не дуракъ.

— Я сдѣлалъ, однако, все, что̀ могъ.

— Нѣтъ.

— Что̀-же надо было сдѣлать.

— Не вызывать.

— Еще снести битье по лицу?

— Да, снести и битье.

— Я начинаю ничего не понимать! злобно проговорилъ Ставрогинъ, — почему всѣ ждутъ отъ меня чего-то, чего отъ другихъ не ждутъ? Къ чему мнѣ переносить то, чего никто не переноситъ, и напрашиваться на бремена, которыхъ никто не можетъ снести?

— Я думалъ, вы сами ищете бремени.
— Я ищу бремени?
— Да.
— Вы... это видѣли?
— Да.
— Это такъ замѣтно?
— Да.

Помолчали съ минуту. Ставрогинъ имѣлъ очень озабоченный видъ, былъ почти пораженъ.

— Я потому не стрѣлялъ, что не хотѣлъ убивать, и больше ничего не было, увѣряю васъ, сказалъ онъ торопливо и тревожно, какъ-бы оправдываясь.

— Не надо было обижать.
— Какъ-же надо было сдѣлать?
— Надо было убить.
— Вамъ жаль, что я его не убилъ?

— Мнѣ ничего не жаль. Я думалъ, вы хотѣли убить въ самомъ дѣлѣ. Не знаете, чего ищете.

— Ищу бремени, засмѣялся Ставрогинъ.

— Не хотѣли сами крови, зачѣмъ ему давали убивать?

— Если-бъ я не вызвалъ его, онъ-бы убилъ меня такъ, безъ дуэли.

— Не ваше дѣло. Можетъ, и не убилъ-бы.
— А только прибилъ?

— Не ваше дѣло. Несите бремя. А то нѣтъ заслуги.

— Наплевать на вашу заслугу, я ни у кого не ищу ея!

— Я думалъ ищете, ужасно хладнокровно заключилъ Кириловъ.

Въѣхали во дворъ дома.

— Хотите ко мнѣ? предложилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ, я дома, прощайте. Онъ всталъ съ лошади и взялъ свой ящикъ подъ мышку.

— По крайней мѣрѣ, вы-то на меня не сердитесь? протянулъ ему руку Ставрогинъ.

— Нисколько! воротился Кириловъ, чтобы пожать руку; — если мнѣ легко бремя, потому что отъ природы, то, можетъ быть, вамъ труднѣе бремя, потому что такая природа. Очень нечего стыдиться, а только немного.

— Я знаю, что я ничтожный характеръ, но я и не лѣзу въ сильные.

— И не лѣзьте; вы не сильный человѣкъ. Приходите пить чай.

Николай Всеволодовичъ вошелъ къ себѣ сильно смущенный.

IV.

Онъ тотчасъ-же узналъ отъ Алексѣя Егоровича, что Варвара Петровна, весьма довольная выѣздомъ Николая Всеволодовича—первымъ выѣздомъ послѣ восьми дней болѣзни—верхомъ на прогулку, велѣла заложить карету и отправилась одна «по примѣру прежнихъ дней, подышать чистымъ воздухомъ, ибо восемь дней какъ уже забыли, что означаетъ дышать чистымъ воздухомъ».

— Одна поѣхала или съ Дарьей Павловной? быстрымъ вопросомъ перебилъ старика Николай Всеволодовичъ и крѣпко нахмурился, услышавъ, что Дарья Павловна «отказались по нездоровью сопутствовать и находятся теперь въ своихъ комнатахъ».

— Слушай, старикъ, проговорилъ онъ, какъ-бы вдругъ рѣшаясь, — стереги ее сегодня весь день и если замѣтишь, что она идетъ ко мнѣ, тотчасъ-же останови и передай ей, что нѣсколько дней, по крайней мѣрѣ, я ее принять не могу... что я такъ ее самъ прошу... а когда придетъ время, самъ позову,—слышишь?

— Передамъ-съ, проговорилъ Алексѣй Егоровичъ съ тоской въ голосѣ, опустивъ глаза внизъ.

— Не раньше, однако-же, какъ если ясно увидишь, что она ко мнѣ идетъ сама.

— Не извольте безпокоиться, ошибки не будетъ. Черезъ меня до сихъ поръ и происходили посѣщенія; всегда къ содѣйствію моему обращались.

— Знаю. Однако-же, не раньше какъ если сама пойдетъ. Принеси мнѣ чаю, если можешь, скорѣе.

Только что старикъ вышелъ, какъ почти въ ту-же минуту отворилась та-же дверь и на порогѣ показалась Дарья Павловна. Взглядъ ея былъ спокоенъ, но лицо блѣдное.

— Откуда вы? воскликнулъ Ставрогинъ.

— Я стояла тутъ-же и ждала когда онъ выйдетъ, чтобы къ вамъ войдти. Я слышала, о чемъ вы ему наказывали, а когда онъ сейчасъ вышелъ, я спряталась направо за выступъ, и онъ меня не замѣтилъ.

— Я давно хотѣлъ прервать съ вами, Даша... пока... это время. Я васъ не могъ принять нынче ночью, не смотря на вашу записку. Я хотѣлъ вамъ самъ написать, но я писать не умѣю, прибавилъ онъ съ досадой, даже какъ будто съ гадливостью.

— Я сама думала, что надо прервать. Варвара Петровна слишкомъ подозрѣваетъ о нашихъ сношеніяхъ.

— Ну и пусть ее.

— Не надо чтобъ она безпокоилась. И такъ теперь до конца?

— Вы все еще непремѣнно ждете конца?

— Да, я увѣрена.

— На свѣтѣ ничего не кончается.

— Тутъ будетъ конецъ. Тогда кликните меня, я приду. Теперь прощайте.

— А какой будетъ конецъ? усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.

— Вы не ранены и... не пролили крови? спросила она, не отвѣчая на вопросъ о концѣ.

— Было глупо; я не убилъ никого, не безпокойтесь. Впрочемъ, вы обо всемъ услышите сегодня-же ото всѣхъ. Я нездоровъ немного.

— Я уйду. Объявленія о бракѣ сегодня не будетъ? прибавила она съ нерѣшимостью.

— Сегодня не будетъ; завтра не будетъ; послѣ завтра, не знаю, можетъ быть, всѣ помремъ, и тѣмъ лучше. Оставьте меня, оставьте меня, наконецъ.

— Вы не погубите другую... безумную?

— Безумныхъ не погублю, ни той, ни другой, но разумную, кажется, погублю: я такъ подлъ и гадокъ, Даша, что, кажется, васъ въ самомъ дѣлѣ кликну «въ послѣдній конецъ», какъ вы говорите, а вы, не смотря на вашъ разумъ, придете. Зачѣмъ вы сами себя губите?

— Я знаю, что въ концѣ концовъ съ вами останусь одна я и... жду того.

— А если я въ концѣ концовъ васъ не кликну и убѣгу отъ васъ?

— Этого быть не можетъ, вы кликнете.

— Тутъ много ко мнѣ презрѣнія.

— Вы знаете, что не одного презрѣнія.

— Стало быть, презрѣнье всетаки есть?

— Я не такъ выразилась. Богъ свидѣтель, я чрезвычайно желала-бы, чтобы вы никогда во мнѣ не нуждались.

— Одна фраза стоитъ другой. Я тоже желалъ-бы васъ не губить.

— Никогда, ничѣмъ вы меня не можете погубить, и сами это знаете лучше всѣхъ, быстро и съ твердостью проговорила Дарья Павловна. — Если не къ вамъ, то я пойду въ сестры милосердія, въ сидѣлки, ходить за больными, или въ книгоноши, Евангеліе продавать. Я такъ рѣшила. Я не могу быть ничьею женой; я не могу жить и въ такихъ домахъ, какъ этотъ. Я не того хочу... Вы все знаете.

— Нѣтъ, я никогда не могъ узнать, чего вы хотите; мнѣ кажется, что вы интересуетесь мною какъ иныя устарѣлыя сидѣлки интересуются почему либо однимъ какимъ нибудь больнымъ сравнительно предъ прочими, или, еще лучше, какъ иныя богомольныя старушонки, шатающіяся по похоронамъ, предпочитаютъ иные трупики попригляднѣе предъ другими. Что вы на меня такъ странно смотрите?

— Вы очень больны? съ участіемъ спросила она, какъ-то особенно въ него вглядываясь.—Боже! И этотъ человѣкъ хочетъ обойдтись безъ меня!

— Слушайте, Даша, я теперь все вижу привидѣнія. Одинъ бѣсенокъ предлагалъ мнѣ вчера на мосту зарѣзать Лебядкина и Марью Тимоѳеевну, чтобы порѣшить съ моимъ законнымъ бракомъ, и концы чтобы въ воду. Задатку просилъ три цѣлковыхъ, но далъ ясно знать, что вся операція стоитъ будетъ не меньше какъ полторы тысячи. Вотъ это такъ разсчетливый бѣсъ! Бухгалтеръ! Ха-ха!

— Но вы твердо увѣрены, что это было привидѣніе?

— О, нѣтъ, совсѣмъ ужь не привидѣніе! Это просто былъ Ѳедька-каторжный, разбойникъ, бѣжавшій изъ каторги. Но дѣло не въ томъ; какъ вы думаете, что я сдѣлалъ? Я отдалъ ему всѣ мои деньги изъ

портмоне, и онъ теперь совершенно увѣренъ, что я ему выдалъ задатокъ!

— Вы встрѣтили его ночью, и онъ сдѣлалъ вамъ такое предложеніе? Да неужто вы не видите, что вы кругомъ оплетены ихъ сѣтью!

— Ну, пусть ихъ. А знаете, у васъ вертится одинъ вопросъ, я по глазамъ вашимъ вижу, прибавилъ онъ съ злобною и раздражительною улыбкой.

Даша испугалась.

— Вопроса вовсе нѣтъ и сомнѣній вовсе нѣтъ никакихъ, молчите лучше! вскричала она тревожно, какъ-бы отмахиваясь отъ вопроса.

— То есть вы увѣрены, что я не пойду къ Ѳедькѣ въ лавочку?

— О, Боже! всплеснула она руками,— за что̀ вы меня такъ мучаете?

— Ну, простите мнѣ мою глупую шутку, должно быть, я перенимаю отъ нихъ дурныя манеры. Знаете, мнѣ со вчерашней ночи ужасно хочется смѣяться, все смѣяться, безпрерывно, долго, много. Я точно заряженъ смѣхомъ... Чу! Мать пріѣхала; я узнаю по стуку когда карета ея останавливается у крыльца.

Даша схватила его руку.

— Да сохранитъ васъ Богъ отъ вашего демона и... позовите, позовите меня скорѣй!

— О, какой мой демонъ! Это просто маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся. А вѣдь вы, Даша, опять не смѣете говорить чего-то?

Она поглядѣла на него съ болью и укоромъ и повернулась къ дверямъ.

— Слушайте, вскричалъ онъ ей вслѣдъ, съ злобною, искривленною улыбкой. — Если... ну, тамъ, однимъ словомъ, *если*... понимаете, ну, если-бы даже и въ лавочку, и потомъ я-бы васъ кликнулъ, — пришли-бы вы послѣ-то лавочки?

Она вышла не оборачиваясь и не отвѣчая, закрывъ руками лицо.

— Придетъ и послѣ лавочки! прошепталъ онъ, подумавъ, и брезгливое презрѣніе выразилось въ лицѣ его: — Сидѣлка! Гм!.. А, впрочемъ, мнѣ, можетъ, того-то и надо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всѣ въ ожиданіи.

I.

Впечатлѣніе, произведенное во всемъ нашемъ обществѣ быстро огласившеюся исторіей поединка, было особенно замѣчательно тѣмъ единодушіемъ, съ которымъ всѣ поспѣшили заявить себя безусловно за Николая Всеволодовича. Многіе изъ бывшихъ враговъ его рѣшительно объявили себя его друзьями. Главною причиной такого неожиданнаго переворота въ общественномъ мнѣніи было нѣсколько словъ необыкновенно мѣтко высказанныхъ вслухъ одною особой, доселѣ не высказывавшеюся, и разомъ придавшихъ событію значеніе, чрезвычайно заинтересовавшее наше крупное большинство. Случилось это такъ: какъ разъ на другой-же день послѣ событія, у супруги предводителя дворянства нашей губерніи, въ тотъ день имянинницы, собрался весь городъ. Присутствовала или, вѣрнѣе, первенствовала и Юлія Михайловна, прибывшая съ Лизаветой Николаевной, сіявшею красотой и особенною веселостью, что̀ многимъ изъ нашихъ дамъ, на этотъ разъ, тотчасъ-же показалось особенно подозрительнымъ. Кстати сказать: въ помолвкѣ ея съ Маврикіемъ Николаевичемъ не могло уже быть никакого сомнѣнія. На шутливый вопросъ одного отставнаго, но важнаго генерала, о которомъ рѣчь ниже, Лизавета Николаевна сама прямо въ тотъ вечеръ отвѣтила, что она невѣста. И что̀же? Ни одна рѣшительно изъ нашихъ дамъ этой помолвкѣ не хотѣла вѣрить. Всѣ упорно продолжали предполагать какой-то романъ, какую-то роковую семейную тайну, совершившуюся въ Швейцаріи, и почему-то съ непремѣннымъ участіемъ Юліи Михайловны. Трудно сказать, почему такъ упорно держались всѣ эти слухи, или, такъ сказать, даже мечты, и почему именно такъ непремѣнно приплетали тутъ Юлію Михайловну. Только что она вошла, всѣ обратились къ ней со странными взглядами, преисполненными ожиданій. Надо замѣтить, что по недавности событія и по нѣкото-

рымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ его, на вечерѣ о немъ говорили еще съ нѣкоторою осторожностію, не вслухъ. Къ тому-же ничего еще не знали о распоряженіяхъ власти. Оба дуэлиста, сколько извѣстно, обезпокоены не были. Всѣ знали, напримѣръ, что Артемій Павловичъ рано утромъ отправился къ себѣ въ Духово, безъ всякой помѣхи. Между тѣмъ всѣ, разумѣется, жаждали, чтобы кто нибудь заговорилъ вслухъ первый и тѣмъ отворилъ-бы дверь общественному нетерпѣнію. Именно надѣялись на вышеупомянутаго генерала, и не ошиблись.

Этотъ генералъ, одинъ изъ самыхъ осанистыхъ членовъ нашего клуба, помѣщикъ не очень богатый, но съ безподобнѣйшимъ образомъ мыслей, старомодный волокита за барышнями, чрезвычайно любилъ, между прочимъ, въ большихъ собраніяхъ заговаривать вслухъ, съ генеральскою вѣскостью, именно о томъ, о чемъ всѣ еще говорили осторожнымъ шепотомъ. Въ этомъ состояла его, какъ-бы такъ сказать, спеціальная роль въ нашемъ обществѣ. При этомъ онъ особенно растягивалъ и сладко выговаривалъ слова, вѣроятно заимствовавъ эту привычку у путешествующихъ за границей русскихъ, или у тѣхъ прежде богатыхъ русскихъ помѣщиковъ, которые наиболѣе разорились послѣ крестьянской роформы. Степанъ Трофимовичъ даже замѣтилъ однажды, что чѣмъ болѣе помѣщикъ разорился, тѣмъ слаще онъ подсюсюкиваетъ и растягиваетъ слова. Онъ и самъ, впрочемъ, сладко растягивалъ и подсюсюкивалъ, но не замѣчалъ этого за собою.

Генералъ заговорилъ какъ человѣкъ компетентный. Кромѣ того что съ Артеміемъ Павловичемъ онъ состоялъ какъ-то въ дальней роднѣ, хотя въ ссорѣ и даже въ тяжбѣ, онъ сверхъ того, когда-то, самъ имѣлъ два поединка и даже за одинъ изъ нихъ сосланъ былъ на Кавказъ въ рядовые. Кто-то упомянулъ о Варварѣ Петровнѣ, начавшей уже второй день выѣзжать «послѣ болѣзни», и не собственно о ней, а о превосходномъ подборѣ ея каретной сѣрой четверни, собственнаго Ставрогинскаго завода. Генералъ вдругъ замѣтилъ, что онъ встрѣтилъ сегодня «молодаго Ставрогина» верхомъ... Всѣ тотчасъ смолкли. Генералъ почмокалъ губами и вдругъ провозгласилъ, вертя между пальцами золотую, жалованную табакерку:

— Сожалѣю, что меня не было тутъ нѣсколько лѣтъ назадъ... то есть я былъ въ Карлсбадѣ... Гм. Меня очень интересуетъ этотъ молодой человѣкъ, о которомъ я такъ много засталъ тогда всякихъ слуховъ. Гм. А что, правда, что онъ помѣшанъ? Тогда кто-то говорилъ. Вдругъ слышу, что его оскорбляетъ здѣсь какой-то студентъ, въ присутствіи кузинъ, и онъ полѣзъ отъ него подъ столъ; а вчера слышу отъ Степана Высоцкаго, что Ставрогинъ дрался съ этимъ... Гагановымъ. И единственно съ галантною цѣлью подставить свой лобъ человѣку взбѣсившемуся, чтобы только отъ него отвязаться. Гм. Это въ нравахъ гвардіи двадцатыхъ годовъ. Бываетъ онъ здѣсь у кого нибудь?

Генералъ замолчалъ какъ-бы ожидая отвѣта. Дверь общественному нетерпѣнію была отперта.

— Чего-же проще? возвысила вдругъ голосъ Юлія Михайловна, раздраженная тѣмъ, что всѣ вдругъ, точно по командѣ, обратили на нее свои взгляды.—Развѣ возможно удивленіе, что Ставрогинъ дрался съ Гагановымъ и не отвѣчалъ студенту? Не могъ-же онъ вызвать на поединокъ бывшаго крѣпостнаго своего человѣка!

Слова знаменательныя! Простая и ясная мысль, но никому, однако, не приходившая до сихъ поръ въ голову. Слова, имѣвшія необыкновенныя послѣдствія. Все скандальное и сплетническое, все мелкое и анекдотическое разомъ отодвинуто было на задній планъ; выдвигалось другое значеніе. Объявлялось лицо новое, въ которомъ всѣ ошиблись, лицо почти съ идеальною строгостью понятій. Оскорбленный на смерть студентомъ, то есть человѣкомъ образованнымъ и уже не крѣпостнымъ, онъ презираетъ обиду, потому что оскорбитель,— бывшій крѣпостной его человѣкъ. Въ обществѣ шумъ и сплетни; легкомысленное общество съ презрѣніемъ смотритъ на человѣка битаго по лицу; онъ презираетъ мнѣніемъ общества, не доросшаго до

настоящихъ понятій, а между тѣмъ о нихъ толкующаго.

— А между тѣмъ мы съ вами, Иванъ Александровичъ, сидимъ и толкуемъ о правыхъ понятіяхъ-съ, съ благороднымъ азартомъ самообличенія замѣчаетъ одинъ клубный старичокъ другому.

— Да-съ, Петръ Михайловичъ, да-съ, съ наслажденіемъ поддакиваетъ другой; — вотъ и говорите про молодежь.

— Тутъ не молодежь, Иванъ Александровичъ, замѣчаетъ подвернувшійся третій, — тутъ не о молодежи вопросъ; тутъ звѣзда-съ, а не какой нибудь одинъ изъ молодежи; вотъ какъ понимать это надо.

— А намъ того и надобно; оскудѣли въ людяхъ.

Тутъ главное состояло въ томъ, что «новый человѣкъ», кромѣ того, что оказался «несомнѣннымъ дворяниномъ», былъ вдобавокъ и богатѣйшимъ землевладѣльцемъ губерніи, а, стало быть, не могъ не явиться подмогой и дѣятелемъ. Я, впрочемъ, упоминалъ и прежде вскользь о настроеніи нашихъ землевладѣльцевъ.

Входили даже въ азартъ:

— Онъ мало того что не вызвалъ студента, онъ взялъ руки назадъ, замѣтьте это особенно, ваше превосходительство, выставлялъ одинъ.

— И въ новый судъ его не потащилъ-съ, подбавлялъ другой.

— Не смотря на то, что въ новомъ судѣ ему за дворянскую *личную* обиду пятнадцать рублей присудили-бы-съ, хе-хе-хе!

— Нѣтъ, это я вамъ скажу тайну новыхъ судовъ, приходилъ въ изступленіе третій: — если кто своровалъ или смошенничалъ, явно пойманъ и уличенъ — бѣги скорѣй домой, пока время, и убей свою мать. Мигомъ во всемъ оправдаютъ и дамы съ эстрады будутъ махать батистовыми платочками; несомнѣнная истина!

— Истина, истина!

Нельзя было и безъ анекдотовъ. Вспомнили о связяхъ Николая Всеволодовича съ графомъ К. Строгія, уединенныя мнѣнія графа К. на счетъ послѣднихъ реформъ были извѣстны. Извѣстна была и его замѣчательная дѣятельность, нѣсколько пріостановленная въ самое послѣднее время. И вотъ вдругъ стало всѣмъ несомнѣнно, что Николай Всеволодовичъ помолвленъ съ одною изъ дочерей графа К., хотя ничто не подавало точнаго повода къ такому слуху. А что̀ касается до какихъ-то чудесныхъ швейцарскихъ приключеній и Лизаветы Николаевны, то даже дамы перестали о нихъ упоминать. Упомянемъ кстати, что Дроздовы какъ разъ къ этому времени успѣли сдѣлать всѣ доселѣ упущенные ими визиты. Лизавету Николаевну уже несомнѣнно всѣ нашли самою обыкновенною дѣвушкой, «франтящею», своими больными нервами. Обморокъ ея въ день пріѣзда Николая Всеволодовича объяснили теперь просто испугомъ, при безобразномъ поступкѣ студента. Даже усиливали прозаичность того самаго, чему прежде такъ стремились придать какой-то фантастическій колоритъ; а объ какой-то хромоножкѣ забыли окончательно: стыдились и помнить. «Да хотьбы и сто хромоножекъ, — кто молодъ не былъ!» Ставили на видъ почтительность Николая Всеволодовича къ матери, подыскивали ему разныя добродѣтели, съ благодушіемъ говорили объ его учености, пріобрѣтенной въ четыре года по нѣмецкимъ университетамъ. Поступокъ Артемія Павловича окончательно объявили безтактнымъ: «своя своихъ не познаша»; за Юліей-же Михайловной окончательно признали высшую проницательность.

Такимъ образомъ, когда, наконецъ, появился самъ Николай Всеволодовичъ, всѣ встрѣтили его съ самою наивною серіозностью, во всѣхъ глазахъ на него устремленныхъ читались самыя нетерпѣливыя ожиданія. Николай Всеволодовичъ тотчасъ-же заключился въ самое строгое молчаніе, чѣмъ, разумѣется, удовлетворилъ всѣхъ гораздо болѣе, чѣмъ если-бы наговорилъ съ три короба. Однимъ словомъ, все ему удавалось, онъ былъ въ модѣ. Въ обществѣ губернскомъ, если кто разъ появился, то ужь спрятаться никакъ нельзя. Николай Всеволодовичъ сталъ по прежнему исполнять всѣ губернскіе порядки до утонченности. Веселымъ его не находили: «человѣкъ претерпѣлъ, человѣкъ не то что̀ другіе; есть о чемъ и задуматься». Даже гордость и та брезгливая неприступность, за которую

такъ ненавидѣли его у насъ четыре года назадъ, теперь уважались и нравились.

Всѣхъ болѣе торжествовала Варвара Петровна. Не могу сказать, очень-ли тужила она о разрушившихся мечтахъ на счетъ Лизаветы Николаевны. Тутъ помогла, конечно, и фамильная гордость. Странно одно: Варвара Петровна въ высшей степени вдругъ увѣровала, что Nicolas дѣйствительно «выбралъ» у графа К., но, и что̀ страннѣе всего, увѣровала по слухамъ, пришедшимъ къ ней, какъ и ко всѣмъ, по вѣтру; сама-же боялась прямо спросить Николая Всеволодовича. Раза два — три, однако, не утерпѣла и весело изподтишка попрекнула его, что онъ съ нею не такъ откровененъ; Николай Всеволодовичъ улыбался и продолжалъ молчать. Молчаніе принимаемо было за знакъ согласія. И что̀-же: при всемъ этомъ она никогда не забывала о хромоножкѣ. Мысль о ней лежала на ея сердцѣ камнемъ, кошмаромъ, мучила ее странными привидѣніями и гаданіями, и все это совмѣстно и одновременно съ мечтами о дочеряхъ графа К. Но объ этомъ еще рѣчь впереди. Разумѣется, въ обществѣ къ Варварѣ Петровнѣ стали вновь относиться съ чрезвычайнымъ и предупредительнымъ почтеніемъ, но она мало имъ пользовалась и выѣзжала чрезвычайно рѣдко.

Она сдѣлала, однако, торжественный визитъ губернаторшѣ. Разумѣется, никто болѣе ея не былъ плѣненъ и очарованъ вышеприведенными знаменательными словами Юліи Михайловны на вечерѣ у предводительши: они много сняли тоски съ ея сердца и разомъ разрѣшили многое изъ того, что̀ такъ мучило ее съ того несчастнаго воскресенья. «Я не понимала эту женщину!» изрекла она и прямо, съ свойственною ей стремительностью, объявила Юліи Михайловнѣ, что пріѣхала ее *благодарить*. Юлія Михайловна была польщена, но выдержала себя независимо. Она въ ту пору уже очень начала себѣ чувствовать цѣну, даже, можетъ быть, немного и слишкомъ. Она объявила, напримѣръ, среди разговора, что никогда ничего не слыхивала о дѣятельности и учености Степана Трофимовича.

— Я, конечно, принимаю и ласкаю молодаго Верховенскаго. Онъ безразсуденъ, но онъ еще молодъ; впрочемъ, съ солидными знаніями. Но все-же это не какой нибудь отставной бывшій критикъ.

Варвара Петровна тотчасъ-же поспѣшила замѣтить, что Степанъ Трофимовичъ вовсе никогда не былъ критикомъ, а, напротивъ, всю жизнь прожилъ въ ея домѣ. Знаменитъ-же обстоятельствами первоначальной своей карьеры «слишкомъ извѣстными всему свѣту», а въ самое послѣднее время, своими трудами по испанской исторіи, хочетъ тоже писать о положеніи теперешнихъ нѣмецкихъ университетовъ и, кажется, еще что-то о дрезденской Мадоннѣ. Однимъ словомъ, Варвара Петровна не захотѣла уступить Юліи Михайловнѣ Степана Трофимовича.

— О дрезденской Мадоннѣ? Это о Сикстинской? Chère Варвара Петровна, я просидѣла два часа предъ этою картиной и ушла разочарованная. Я ничего не поняла и была въ большомъ удивленіи. Кармазиновъ тоже говоритъ, что трудно понять. Теперь всѣ ничего не находятъ, и русскіе, и англичане. Всю эту славу старики прокричали.

— Новая мода, значитъ?

— А я такъ думаю, что не надо пренебрегать и нашею молодежью. Кричатъ, что они коммунисты, а по моему, надо щадить ихъ и дорожить ими. Я читаю теперь все — всѣ газеты, коммуны, естественныя науки, — все получаю, потому что надо-же, наконецъ, знать гдѣ живешь и съ кѣмъ имѣешь дѣло. Нельзя-же всю жизнь прожить на верхахъ своей фантазіи. Я сдѣлала выводъ и приняла за правило ласкать молодежь и тѣмъ самымъ удерживать ее на краю. Повѣрьте, Варвара Петровна, что только мы, общество, благотворнымъ вліяніемъ и именно лаской можемъ удержать ихъ у бездны, въ которую толкаетъ ихъ нетерпимость всѣхъ этихъ старикашекъ. Впрочемъ, я рада, что узнала отъ васъ о Степанѣ Трофимовичѣ. Вы подаете мнѣ мысль: онъ можетъ быть полезенъ на нашемъ литературномъ чтеніи. Я, знаете, устраиваю цѣлый день увеселеній, по подпискѣ, въ пользу бѣдныхъ гувернантокъ изъ нашей

губерніи. Онѣ разсѣяны по Россіи; ихъ насчитываютъ до шести изъ одного нашего уѣзда; кромѣ того, двѣ телеграфистки, двѣ учатся въ академіи, остальныя желали-бы, но не имѣютъ средствъ. Жребій русской женщины ужасенъ, Варвара Петровна! Изъ этого дѣлаютъ теперь университетскій вопросъ и даже было засѣданіе государственнаго совѣта. Въ нашей странной Россіи можно дѣлать все что̀ угодно. А потому опять таки лишь одною лаской и непосредственнымъ теплымъ участіемъ всего общества мы могли-бы направить это великое общее дѣло на истинный путь. О, Боже, много-ли у насъ свѣтлыхъ личностей! Конечно, есть, но онѣ разсѣяны. Сомкнемтесь-же и будемъ сильнѣе. Однимъ словомъ, у меня будетъ сначала литературное утро, потомъ легкій завтракъ, потомъ перерывъ, и въ тотъ-же день вечеромъ балъ. Мы хотѣли начать вечеръ живыми картинами, но, кажется, много издержекъ, и потому, для публики, будутъ одна или двѣ кадрили въ маскахъ и характерныхъ костюмахъ, изображающихъ извѣстныя литературныя направленія. Эту шутливую мысль предложилъ Кармазиновъ; онъ много мнѣ помогаетъ. Знаете, онъ прочтетъ у насъ свою послѣднюю вещь, еще никому неизвѣстную. Онъ бросаетъ перо и болѣе писать не будетъ; эта послѣдняя статья есть его прощаніе съ публикой. Прелестная вещица подъ названіемъ: «Mercі». Названіе французское, но онъ находитъ это шутливѣе и даже тоньше. Я тоже, даже я и присовѣтовала. Я думаю, Степанъ Трофимовичъ могъ-бы тоже прочесть, если покороче и... не такъ чтобъ очень ученое. Кажется, Петръ Степановичъ и еще кто-то что-то такое прочтутъ. Петръ Степановичъ къ вамъ забѣжитъ и сообщитъ программу; или, лучше, позвольте мнѣ самой завезти къ вамъ.

— А вы позвольте и мнѣ подписаться на вашемъ листѣ. Я передамъ Степану Трофимовичу и сама буду просить его.

Варвара Петровна воротилась домой окончательно привороженная; она стояла горой за Юлію Михайловну и почему-то уже совсѣмъ разсердилась на Степана Трофимовича; а тотъ бѣдный и не зналъ ничего сидя дома.

— Я влюблена въ нее, я не понимаю, какъ я могла такъ ошибаться въ этой женщинѣ, говорила она Николаю Всеволодовичу и забѣжавшему къ вечеру Петру Степановичу.

— А всетаки вамъ надо помириться со старикомъ, доложилъ Петръ Степановичъ; — онъ въ отчаяніи. Вы его совсѣмъ сослали на кухню. Вчера онъ встрѣтилъ вашу коляску, поклонился, а вы отвернулись. Знаете, мы его выдвинемъ; у меня на него кой-какіе разсчеты, и онъ еще можетъ быть полезенъ.

— О, онъ будетъ читать.

— Я не про одно это. А я и самъ хотѣлъ къ нему сегодня забѣжать. Такъ сообщить ему?

— Если хотите. Не знаю, впрочемъ, какъ вы это устроите, проговорила она въ нерѣшимости. — Я была намѣрена сама объясниться съ нимъ и хотѣла назначить день и мѣсто. Она сильно нахмурилась.

— Ну, ужь назначать день не сто̀итъ. Я просто передамъ.

— Пожалуй, передайте. Впрочемъ, прибавьте, что я непремѣнно назначу ему день. Непремѣнно прибавьте.

Петръ Степановичъ побѣжалъ ухмыляясь. Вообще, сколько припомню, онъ въ это время былъ какъ-то особенно золъ и даже позволялъ себѣ чрезвычайно нетерпѣливыя выходки чуть не со всѣми. Странно, что ему какъ-то всѣ прощали. Вообще установилось мнѣніе, что смотрѣть на него надо какъ-то особенно. Замѣчу, что онъ съ чрезвычайною злобой отнесся къ поединку Николая Всеволодовича. Его это застало въ расплохъ; онъ даже позеленѣлъ, когда ему разсказали. Тутъ, можетъ быть, страдало его самолюбіе: онъ узналъ на другой лишь день, когда всѣмъ было извѣстно.

— А вѣдь вы не имѣли права драться, шепнулъ онъ Ставрогину на пятый уже день, случайно встрѣтясь съ нимъ въ клубѣ. Замѣчательно, что въ эти пять дней они нигдѣ не встрѣчались, хотя къ Варварѣ Петровнѣ Петръ Степановичъ забѣгалъ почти ежедневно.

Николай Всеволодовичъ молча поглядѣлъ на него съ разсѣяннымъ видомъ, какъ-бы не понимая въ чемъ дѣло, и про-

шелъ не останавливаясь. Онъ проходилъ чрезъ большую залу клуба въ буфетъ.

— Вы и къ Шатову заходили... вы Марью Тимоѳеевну хотите опубликовать, бѣжалъ онъ за нимъ и какъ-то въ разсѣянности ухватился за его плечо.

Николай Всеволодовичъ вдругъ стрясъ съ себя его руку и быстро къ нему оборотился, грозно нахмурившись. Петръ Степановичъ поглядѣлъ на него, улыбаясь странною, длинною улыбкой. Все продолжалось одно мгновеніе. Николай Всеволодовичъ прошелъ далѣе.

II.

Къ старику онъ забѣжалъ тотчасъ-же отъ Варвары Петровны, и если такъ поспѣшилъ, то единственно изъ злобы, чтобъ отмстить за одну прежнюю обиду, о которой я доселѣ не имѣлъ понятія. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее ихъ свиданіе, именно на прошлой недѣлѣ въ четвергъ, Степанъ Трофимовичъ, самъ, впрочемъ, начавшій споръ, кончилъ тѣмъ, что выгналъ Петра Степановича палкой. Фактъ этотъ онъ отъ меня тогда утаилъ; но теперь, только что вбѣжалъ Петръ Степановичъ, съ своею всегдашнею усмѣшкой, столь наивно высокомѣрною, и съ непріятно любопытнымъ, шныряющимъ по угламъ взглядомъ, какъ тотчасъ-же Степанъ Трофимовичъ сдѣлалъ мнѣ тайный знакъ, чтобъ я не оставлялъ комнату. Такимъ образомъ и обнаружились предо мною ихъ настоящія отношенія, ибо на этотъ разъ прослушалъ весь разговоръ.

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ, протянувшись на кушеткѣ. Съ того четверга онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ. Петръ Степановичъ съ самымъ фамильярнымъ видомъ усѣлся подлѣ него, безцеремонно поджавъ подъ себя ноги, и занялъ на кушеткѣ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ сколько требовало уваженіе къ отцу. Степанъ Трофимовичъ молча и съ достоинствомъ посторонился.

На столѣ лежала раскрытая книга. Это былъ романъ *Что дѣлать*. Увы, я долженъ признаться въ одномъ странномъ малодушіи нашего друга: мечта о томъ, что ему слѣдуетъ выйдти изъ уединенія и задать послѣднюю битву все болѣе и болѣе одерживала верхъ въ его соблазненномъ воображеніи. Я догадался, что онъ досталъ и *изучаетъ* романъ единственно съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ несомнѣннаго столкновенія съ «визжавшими» знать заранѣе ихъ пріемы и аргументы по самому ихъ «катехизису» и, такимъ образомъ приготовившись, торжественно ихъ всѣхъ опровергнуть въ *ея глазахъ*. О, какъ мучила его эта книга! Онъ бросалъ иногда ее въ отчаяніи и, вскочивъ съ мѣста, шагалъ по комнатѣ почти въ изступленіи:

— Я согласенъ, что основная идея автора вѣрна, говорилъ онъ мнѣ въ лихорадкѣ, — но вѣдь тѣмъ ужаснѣе! Та-же наша идея, именно наша; мы, мы первые насадили ее, возростили, приготовили, — да и что-бы они могли сказать сами новаго, послѣ насъ! Но, Боже, какъ все это выражено, искажено, исковеркано! восклицалъ онъ, стуча пальцами по книгѣ. — Къ такимъ-ли выводамъ мы устремлялись? Кто можетъ узнать тутъ первоначальную мысль?

— Просвѣщаешься? ухмыльнулся Петръ Степановичъ, взявъ книгу со стола и прочтя заглавіе. — Давно пора. Я тебѣ и получше принесу, если хочешь.

Степанъ Трофимовичъ снова и съ достоинствомъ промолчалъ. Я сидѣлъ въ углу на диванѣ.

Петръ Степановичъ быстро объяснилъ причину своего прибытія. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ не въ мѣру и слушалъ въ испугѣ, смѣшанномъ съ чрезвычайнымъ негодованіемъ.

— И эта Юлія Михайловна разсчитываетъ, что я приду къ ней читать!

— То есть они вѣдь вовсе въ тебѣ не такъ нуждаются. Напротивъ, это чтобы тебя обласкать и тѣмъ подлизаться къ Варварѣ Петровнѣ. Но ужь само собою ты не посмѣешь отказаться читать. Да и самому-то, я думаю, хочется, ухмыльнулся онъ; — у васъ у всѣхъ, у старичья, адская амбиція. Но, послушай, однако, надо, чтобы не такъ скучно. У тебя тамъ что, испанская исторія, что-ли? Ты мнѣ дня за три дай просмотрѣть, а то вѣдь усыпишь пожалуй.

Торопливая и слишкомъ обнаженная грубость этихъ колкостей была явно предна-

мѣренная. Дѣлался видъ, что со Степаномъ Трофимовичемъ какъ будто и нельзя говорить другимъ болѣе тонкимъ языкомъ и понятіями. Степанъ Трофимовичъ твердо продолжалъ не замѣчать оскорбленій. Но сообщаемыя событія производили на него все болѣе и болѣе потрясающее впечатлѣніе.

— И она сама, *сама* велѣла передать это мнѣ черезъ... *васъ?* спросилъ онъ, блѣднѣя.

— То есть видишь-ли, она хочетъ назначить тебѣ день и мѣсто для взаимнаго объясненія; остатки вашего сентиментальничанья. Ты съ нею двадцать лѣтъ кокетничалъ и пріучилъ ее къ самымъ смѣшнымъ пріемамъ. Но не безпокойся, теперь ужь совсѣмъ не то; она сама поминутно говоритъ, что теперь только начала «прозирать». Я ей прямо растолковалъ, что вся эта ваша дружба — есть одно только взаимное изліяніе помой. Она мнѣ много, братъ, разсказала; фу, какую лакейскую должность исполнялъ ты все время. Даже я краснѣлъ за тебя.

— Я исполнялъ лакейскую должность? не выдержалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Хуже, ты былъ приживальщикомъ, то есть лакеемъ добровольнымъ. Лѣнь трудиться, а на денежки-то у насъ аппетитъ. Все это и она теперь понимаетъ; по крайней мѣрѣ, ужасъ что про тебя разсказала. Ну, братъ, какъ я хохоталъ надъ твоими письмами къ ней; совѣстно и гадко. Но вѣдь вы такъ развращены, такъ развращены! Въ милостынѣ есть нѣчто навсегда развращающее — ты явный примѣръ!

— Она тебѣ показывала мои письма!

— Всѣ. То есть, конечно, гдѣ-же ихъ прочитать? Фу, сколько ты исписалъ бумаги, я думаю, тамъ болѣе двухъ тысячъ писемъ... А знаешь, старикъ, я думаю, у васъ было одно мгновеніе, когда она готова была-бы за тебя выйдти? Глупѣйшимъ ты образомъ упустилъ! Я, конечно, говорю съ твоей точки зрѣнія, но всетаки-жь лучше чѣмъ теперь, когда чуть не сосватали на «чужихъ грѣхахъ», какъ шута для потѣхи, за деньги.

— За деньги! Она, она говоритъ, что за деньги! болѣзненно возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— А то какъ-же? Да что ты, я-же тебя и защищалъ. Вѣдь это единственный твой путь оправданія. Она сама поняла, что тебѣ денегъ надо было, какъ и всякому, и что ты съ этой точки, пожалуй, и правъ. Я ей доказалъ какъ дважды два, что вы жили на взаимныхъ выгодахъ: она капиталисткой, а ты при ней сентиментальнымъ шутомъ. Впрочемъ, за деньги она не сердится, хоть ты ее и доилъ какъ козу. Ее только злоба беретъ, что она тебѣ двадцать лѣтъ вѣрила, что ты ее такъ облапошилъ на благородствѣ и заставилъ такъ долго лгать. Въ томъ, что сама лгала, она никогда не сознается, но за это-то тебѣ и достанется вдвое. Не понимаю, какъ ты не догадался, что тебѣ придется когда нибудь разсчитаться. Вѣдь былъ-же у тебя хоть какой нибудь умъ. Я вчера посовѣтовалъ ей отдать тебя въ богадѣльню, успокойся, въ приличную, обидно не будетъ; она, кажется, такъ и сдѣлаетъ. Помнишь послѣднее письмо твое ко мнѣ въ Х—скую губернію, три недѣли назадъ?

— Неужели ты ей показалъ? въ ужасѣ вскочилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ну еще-же-бы нѣтъ! Первымъ дѣломъ. То самое, въ которомъ ты увѣдомлялъ, что она тебя эксплуатируетъ, завидуя твоему таланту, ну и тамъ объ «чужихъ грѣхахъ». Ну, братъ, кстати, какое однако, у тебя самолюбіе! Я такъ хохоталъ. Вообще твои письма прескучныя; у тебя ужасный слогъ. Я ихъ часто совсѣмъ не читалъ, а одно такъ и теперь валяется у меня нераспечатаннымъ; я тебѣ завтра пришлю. Но это, это послѣднее твое письмо — это верхъ совершенства! Какъ я хохоталъ, какъ хохоталъ!

— Извергъ, извергъ! возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Фу, чортъ, да съ тобой нельзя разговаривать. Послушай, ты опять обижаешься какъ въ прошлый четвергъ?

Степанъ Трофимовичъ грозно выпрямился:

— Какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ языкомъ!

— Какимъ это языкомъ? Простымъ и яснымъ?

— Но скажи-же мнѣ, наконецъ, извергъ, сынъ-ли ты мой или нѣтъ?

— Объ этомъ тебѣ лучше знать. Конечно, всякій отецъ склоненъ въ этомъ случаѣ къ ослѣпленію...

— Молчи, молчи! весь затрясся Степанъ Трофимовичъ.

— Видишь-ли, ты кричишь и бранишься какъ и въ прошлый четвергъ, ты свою палку хотѣлъ поднять, а вѣдь я документъ-то тогда отыскалъ. Изъ любопытства весь вечеръ въ чемоданѣ прошарилъ. Правда, ничего нѣтъ точнаго, можешь утѣшиться. Это только записка моей матери къ тому полячку. Но судя по ея характеру...

— Еще слово, и я надаю тебѣ пощечинъ.

— Вотъ люди! обратился вдругъ ко мнѣ Петръ Степановичъ.— Видите, это здѣсь у насъ уже съ прошлаго четверга. Я радъ, что нынче, по крайней мѣрѣ, вы здѣсь, и разсудите. Сначала фактъ: онъ упрекаетъ, что я говорю такъ о матери, но не онъ-ли меня натолкнулъ на то-же самое? Въ Петербургѣ, когда я былъ еще гимназистомъ, не онъ-ли будилъ меня по два раза въ ночь, обнималъ меня и плакалъ какъ баба, и какъ вы думаете, что̀ разсказывалъ мнѣ по ночамъ-то? Вотъ тѣ-же скоромные анекдоты про мою мать! Отъ него я отъ перваго и услыхалъ.

— О, я тогда это въ высшемъ смыслѣ! О, ты не понялъ меня. Ничего, ничего ты не понялъ.

— Но всетаки у тебя подлѣе чѣмъ у меня, вѣдь подлѣе, признайся. Вѣдь видишь-ли, если хочешь, мнѣ все равно. Я съ твоей точки. Съ моей точки зрѣнія, не безпокойся: я мать не виню; ты такъ ты, полякъ такъ полякъ, мнѣ все равно. Я не виноватъ, что у васъ въ Берлинѣ вышло такъ глупо. Да и могло-ли у васъ выйдти что нибудь умнѣй. Ну не смѣшные-ли вы люди послѣ всего! И не все-ли тебѣ равно, твой-ли я сынъ или нѣтъ? Послушайте, обратился онъ ко мнѣ опять,— онъ рубля на меня не истратилъ всю жизнь, до шестнадцати лѣтъ меня не зналъ совсѣмъ, потомъ здѣсь ограбилъ, а теперь кричитъ, что болѣлъ обо мнѣ сердцемъ всю жизнь и ломается предо мной какъ актеръ. Да вѣдь я-же не Варвара Петровна, помилуй!

Онъ всталъ и взялъ шляпу.

— Проклинаю тебя отсель моимъ именемъ! протянулъ надъ нимъ руку Степанъ Трофимовичъ весь блѣдный какъ смерть.

— Экъ вѣдь въ какую глупость человѣкъ въѣдетъ! даже удивился Петръ Степановичъ; — ну, прощай, старина, никогда не приду къ тебѣ больше. Статью доставь раньше, не забудь, и постарайся, если можешь, безъ вздоровъ: факты, факты и факты, а, главное, короче. Прощай.

III.

Впрочемъ, тутъ вліяли и посторонніе поводы. У Петра Степановича дѣйствительно были нѣкоторые замыслы на родителя. По моему, онъ разсчитывалъ довести старика до отчаянія и тѣмъ натолкнуть его на какой нибудь явный скандалъ, въ извѣстномъ родѣ. Это нужно было ему для цѣлей дальнѣйшихъ, постороннихъ, о которыхъ еще рѣчь впереди. Подобныхъ разныхъ разсчетовъ и предначертаній въ ту пору накопилось у него чрезвычайное множество,— конечно, почти все фантастическихъ. Былъ у него въ виду и другой мученикъ, кромѣ Степана Трофимовича. Вообще, мучениковъ было у него не мало, какъ и оказалось впослѣдствіи; но на этого онъ особенно разсчитывалъ, и это былъ самъ господинъ фонъ-Лембке.

Андрей Антоновичъ фонъ-Лембке принадлежалъ къ тому фаворизованному (природой) племени, котораго въ Россіи числится по календарю нѣсколько сотъ тысячъ и которое, можетъ, и само не знаетъ, что составляетъ въ ней всею своею массой одинъ строго организованный союзъ. И ужь, разумѣется, союзъ не предумышленный и не выдуманный, а существующій въ цѣломъ племени самъ по себѣ, безъ словъ и безъ договору, какъ нѣчто нравственно обязательное, и состоящій во взаимной поддержкѣ всѣхъ членовъ этого племени одного другимъ всегда, вездѣ и при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ. Андрей Антоновичъ имѣлъ честь воспитываться въ одномъ изъ тѣхъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній, которыя наполняются юношествомъ изъ болѣе одаренныхъ связями или богатствомъ семействъ. Воспитанники

этого заведенія, почти тотчасъ-же по окончаніи курса, назначались къ занятію довольно значительныхъ должностей по одному отдѣлу государственной службы. Андрей Антоновичъ имѣлъ одного дядю инженеръ-подполковника, а другаго булочника; но въ высшую школу протерся и встрѣтилъ въ ней довольно подобныхъ соплеменниковъ. Былъ онъ товарищъ веселый; учился довольно тупо, но его всѣ полюбили. И когда уже въ высшихъ классахъ, многіе изъ юношей, преимущественно русскихъ, научились толковать о весьма высокихъ современныхъ вопросахъ и съ такимъ видомъ, что вотъ только дождаться выпуска и они порѣшатъ всѣ дѣла, — Андрей Антоновичъ все еще продолжалъ заниматься самыми невинными школьничествами. Онъ всѣхъ смѣшилъ, правда, выходками весьма не хитрыми, развѣ лишь циническими, но поставилъ это себѣ цѣлью. То какъ нибудь удивительно высморкается когда преподаватель на лекціи обратится къ нему съ вопросомъ,— чѣмъ разсмѣшитъ и товарищей и преподавателя; то въ дортуарѣ изобразитъ изъ себя какую нибудь циническую живую картину, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ; то сыграетъ единственно на своемъ носу (и довольно искусно), увертюру изъ Фра-Діаволо. Отличался тоже умышленнымъ неряшествомъ, находя это почему-то остроумнымъ. Въ самый послѣдній годъ онъ сталъ пописывать русскіе стишки. Свой собственный племенной языкъ зналъ онъ весьма неграмматически, какъ и многіе въ Россіи этого племени. Эта наклонность къ стишкамъ свела его съ однимъ мрачнымъ и какъ-бы забитымъ чѣмъ-то товарищемъ, сыномъ какого-то бѣднаго генерала, изъ русскихъ, и который считался въ заведеніи великимъ будущимъ литераторомъ. Тотъ отнесся къ нему покровительственно. Но случилось такъ, что по выходѣ изъ заведенія, уже года три спустя, этотъ мрачный товарищъ, бросившій свое служебное поприще для русской литературы и вслѣдствіе того уже щеголявшій въ разорванныхъ сапогахъ и стучавшій зубами отъ холода, въ лѣтнемъ пальто въ глубокую осень, встрѣтилъ вдругъ случайно у Аничкова моста своего бывшаго protegé «Лембку», какъ всѣ, впрочемъ, называли того въ училищѣ. И что-же? Онъ даже не узналъ его съ перваго взгляда и остановился въ удивленіи. Предъ нимъ стоялъ безукоризненно одѣтый молодой человѣкъ, съ удивительно отдѣланными бакенбардами рыжеватаго отлива, съ пенсне, въ лакированныхъ сапогахъ, въ самыхъ свѣжихъ перчаткахъ, въ широкомъ шармеровскомъ пальто и съ портфелемъ подъ мышкой. Лембке обласкалъ товарища, сказалъ ему адресъ и позвалъ къ себѣ когда нибудь вечеркомъ. Оказалось тоже, что онъ уже не «Лембка», а фонъ-Лембке. Товарищъ къ нему, однако, отправился, можетъ быть, единственно изъ злобы. На лѣстницѣ, довольно некрасивой и совсѣмъ уже не парадной, но устланной краснымъ сукномъ, его встрѣтилъ и опросилъ швейцаръ. Звонко прозвенѣлъ на верхъ колоколъ. Но вмѣсто богатствъ, которыя посѣтитель ожидалъ встрѣтить, онъ нашелъ своего «Лембку» въ боковой очень маленькой комнаткѣ, имѣвшей темный и ветхій видъ, разгороженной на-двое большою темнозеленою занавѣсью, меблированной хоть и мягкою, но очень ветхою темнозеленою мебелью, съ темнозелеными сторами на узкихъ и высокихъ окнахъ. Фонъ-Лембке помѣщался у какого-то очень дальняго родственника, протежировавшаго его генерала. Онъ встрѣтилъ гостя привѣтливо, былъ серіозенъ и изящно вѣжливъ. Поговорили и о литературѣ, но въ приличныхъ предѣлахъ. Лакей въ бѣломъ галстукѣ принесъ жидковатаго чаю, съ маленькимъ, кругленькимъ сухимъ печеньемъ. Товарищъ изъ злобы попросилъ зельтерской воды. Ему подали, но съ нѣкоторыми задержками, причемъ Лембке какъ-бы сконфузился, призывая лишній разъ лакея и ему приказывая. Впрочемъ, самъ предложилъ, не хочетъ-ли гость чего закусить и видимо былъ доволенъ, когда тотъ отказался и, наконецъ, ушелъ. Просто за просто Лембке начиналъ свою карьеру, а у единоплеменнаго, но важнаго генерала приживалъ.

Онъ въ то время вздыхалъ по пятой дочкѣ генерала, и ему, кажется, отвѣчали взаимностью. Но Амалію, всетаки, выдали, когда пришло время, за одного стараго за-

водчика нѣмца, стараго товарища старому генералу. Андрей Антоновичъ не очень плакалъ, а склеилъ изъ бумаги театръ. Поднимался занавѣсъ, выходили актеры, дѣлали жесты руками; въ ложахъ сидѣла публика, оркестръ по машинкѣ водилъ смычками по скрипкамъ, капельмейстеръ махалъ палочкой, а въ партерѣ кавалеры и офицеры хлопали въ ладоши. Все было сдѣлано изъ бумаги, все выдумано и сработано самимъ фонъ-Лембке; онъ просидѣлъ надъ театромъ полгода. Генералъ устроилъ нарочно интимный вечерокъ, театръ вынесли на показъ, всѣ пять генеральскихъ дочекъ съ новобрачною Амаліей, ея заводчикъ и многія барышни и барыни со своими нѣмцами внимательно разсматривали и хвалили театръ; затѣмъ танцовали. Лембке былъ очень доволенъ и скоро утѣшился.

Прошли годы, и карьера его устроилась. Онъ все служилъ по виднымъ мѣстамъ и все подъ начальствомъ единоплеменниковъ, и дослужился, наконецъ, до весьма значительнаго, сравнительно съ его лѣтами, чина. Давно уже онъ желалъ жениться и давно уже осторожно высматривалъ. Втихомолку отъ начальства послалъ было повѣсть въ редакцію одного журнала, но ее не напечатали. Зато склеилъ цѣлый поѣздъ желѣзной дороги, и опять вышла преудачная вещица: публика выходила изъ вокзала, съ чемоданами и саками, съ дѣтьми и собачками, и входила въ вагоны. Кондукторы и служителя расхаживали, звенѣлъ колокольчикъ, давался сигналъ, и поѣздъ трогался въ путь. Надъ этою хитрою штукой онъ просидѣлъ цѣлый годъ. Но, все-таки, надо было жениться. Кругъ знакомствъ его былъ довольно обширенъ, все больше въ нѣмецкомъ мірѣ; но онъ вращался и въ русскихъ сферахъ, разумѣется, по начальству. Наконецъ, когда уже стукнуло ему тридцать восемь лѣтъ, онъ получилъ и наслѣдство. Умеръ его дядя, булочникъ, и оставилъ ему тринадцать тысячъ по завѣщанію. Дѣло стало за мѣстомъ. Господинъ фонъ-Лембке, не смотря на довольно высокій пошибъ своей служебной сферы, былъ человѣкъ очень скромный. Онъ очень-бы удовольствовался какимъ нибудь самостоятельнымъ казеннымъ мѣстечкомъ, съ зависящимъ отъ его распоряженій пріемомъ казенныхъ дровъ, или чѣмъ нибудь сладенькимъ въ этомъ родѣ, и такъ-бы на всю жизнь. Но тутъ, вмѣсто какой нибудь ожидаемой Минны или Эрнестины, подвернулась вдругъ Юлія Михайловна. Карьера его разомъ поднялась степенью виднѣе. Скромный и аккуратный фонъ-Лембке почувствовалъ, что и онъ можетъ быть самолюбивымъ.

У Юліи Михайловны, по старому счету, было двѣсти душъ, и кромѣ того съ ней являлась большая протекція. Съ другой стороны, фонъ-Лембке былъ красивъ, а ей уже за сорокъ. Замѣчательно, что онъ мало по малу влюбился въ нее и въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того какъ все болѣе и болѣе ощущалъ себя женихомъ. Въ день свадьбы утромъ послалъ ей стихи. Ей все это очень нравилось, даже стихи: сорокъ лѣтъ не шутка. Въ скорости онъ получилъ извѣстный чинъ и извѣстный орденъ, а затѣмъ назначенъ былъ въ нашу губернію.

Собираясь къ намъ, Юлія Михайловна старательно поработала надъ супругомъ. По ея мнѣнію, онъ былъ не безъ способностей, умѣлъ войдти и показаться, умѣлъ глубокомысленно выслушать и промолчать, схватилъ нѣсколько весьма приличныхъ осанокъ, даже могъ сказать рѣчь, даже имѣлъ нѣкоторые обрывки и кончики мыслей, схватилъ лоскъ новѣйшаго необходимаго либерализма. Но всетаки ее безпокоило, что онъ какъ-то ужь очень мало воспріимчивъ, и послѣ долгаго, вѣчнаго исканія карьеры, рѣшительно начиналъ ощущать потребность покоя. Ей хотѣлось перелить въ него свое честолюбіе, а онъ вдругъ началъ клеить кирку: пасторъ выходилъ говорить проповѣдь, молящіеся слушали, набожно сложивъ предъ собою руки, одна дама утирала платочкомъ слезы, одинъ старичокъ сморкался; подъ конецъ звенѣлъ органчикъ, который нарочно былъ заказанъ и уже выписанъ изъ Швейцаріи, не смотря на издержки. Юлія Михайловна даже съ какимъ-то испугомъ отобрала всю работу, только лишь узнала о ней, и заперла къ себѣ въ ящикъ; взамѣнъ того позволила ему писать романъ, но потихоньку. Съ тѣхъ поръ прямо стала разсчитывать

только на одну себя. Бѣда въ томъ, что тутъ было порядочное легкомысліе и мало мѣрки. Судьба слишкомъ уже долго продержала ее въ старыхъ дѣвахъ. Идея за идеей замелькали теперь въ ея честолюбивомъ и нѣсколько раздраженномъ умѣ. Она питала замыслы, она рѣшительно хотѣла управлять губерніей, мечтала быть сейчасъ-же окруженною, выбрала направленіе. Фонъ-Лембке даже нѣсколько испугался, хотя скоро догадался, съ своимъ чиновничьимъ тактомъ, что собственно губернаторства пугаться ему вовсе нечего. Первые два—три мѣсяца протекли даже весьма удовлетворительно. Но тутъ подвернулся Петръ Степановичъ и стало происходить нѣчто странное.

Дѣло въ томъ, что молодой Верховенскій съ перваго шагу обнаружилъ рѣшительную непочтительность къ Андрею Антоновичу и взялъ надъ нимъ какія-то странныя права, а Юлія Михайловна, всегда столь ревнивая къ значенію своего супруга, вовсе не хотѣла этого замѣчать; по крайней мѣрѣ, не придавала важности. Молодой человѣкъ сталъ ея фаворитомъ, ѣлъ, пилъ и почти спалъ въ домѣ. Фонъ-Лембке сталъ защищаться, называлъ его при людяхъ «молодымъ человѣкомъ», покровительственно трепалъ по плечу, но этимъ ничего не внушилъ: Петръ Степановичъ все какъ будто смѣялся ему въ глаза, даже разговаривая повидимому серіозно, а при людяхъ говорилъ ему самыя неожиданныя вещи. Однажды, возвратясь домой, онъ нашелъ молодаго человѣка у себя въ кабинетѣ, спящимъ на диванѣ безъ приглашенія. Тотъ объяснилъ, что зашелъ, но, не заставъ дома, «кстати выспался». Фонъ-Лембке былъ обиженъ и снова пожаловался супругѣ; осмѣявъ его раздражительность, та колко замѣтила, что онъ самъ видно не умѣетъ стать на настоящую ногу; по крайней мѣрѣ, съ ней «этотъ мальчикъ» никогда не позволяетъ себѣ фамильярностей, а, впрочемъ, «онъ наивенъ и свѣжъ, хотя и внѣ рамокъ общества». Фонъ-Лембке надулся. Въ тотъ разъ она ихъ помирила. Петръ Степановичъ не то чтобы попросилъ извиненія, а отдѣлался какою-то грубою шуткой, которую въ другой разъ можно было-бы принять за новое оскорбленіе, но въ настоящемъ случаѣ приняли за раскаяніе. Слабое мѣсто состояло въ томъ, что Андрей Антоновичъ далъ маху съ самаго начала, а именно сообщилъ ему свой романъ. Вообразивъ въ немъ пылкаго молодаго человѣка съ поэзіей и давно уже мечтая о слушателѣ, онъ еще въ первые дни знакомства прочелъ ему однажды вечеромъ двѣ главы. Тотъ выслушалъ, не скрывая скуки, невѣжливо зѣвалъ, ни разу не похвалилъ, но, уходя, выпросилъ себѣ рукопись, чтобы дома на досугѣ составить мнѣніе, а Андрей Антоновичъ отдалъ. Съ тѣхъ поръ онъ рукописи не возвращалъ, хотя и забѣгалъ ежедневно, а на вопросъ отвѣчалъ только смѣхомъ; подъ конецъ объявилъ, что потерялъ ее тогда-же на улицѣ. Узнавъ о томъ, Юлія Михайловна разсердилась на своего супруга ужасно.

— Ужь не сообщилъ-ли ты ему и о киркѣ? всполохнулась она чуть не въ испугѣ.

Фонъ-Лембке рѣшительно началъ задумываться, а задумываться ему было вредно и запрещено докторами. Кромѣ того, что оказывалось много хлопотъ по губерніи, о чемъ скажемъ ниже,— тутъ была особая матерія, даже страдало сердце, а не то, что одно начальническое самолюбіе. Вступая въ бракъ, Андрей Антоновичъ ни за что бы не предположилъ возможности семейныхъ раздоровъ и столкновеній въ будущемъ. Такъ всю жизнь воображалъ онъ, мечтая о Миннѣ и Эрнестинѣ. Онъ почувствовалъ, что не въ состояніи переносить семейныхъ громовъ. Юлія Михайловна объяснилась съ нимъ, наконецъ, откровенно.

— Сердиться ты на это не можешь, сказала она, — уже потому, что ты втрое его разсудительнѣе и неизмѣримо выше на общественной лѣстницѣ. Въ этомъ мальчикѣ еще много остатковъ прежнихъ вольнодумныхъ замашекъ, а, по моему, просто шалость; но вдругъ нельзя, а надо постепенно. Надо дорожить нашею молодежью; я дѣйствую лаской и удерживаю ихъ на краю.

— Но онъ чортъ знаетъ что говоритъ, возражалъ фонъ-Лембке.—Я не могу относиться толерантно, когда онъ при людяхъ и въ моемъ присутствіи утверждаетъ, что правительство нарочно опаиваетъ народъ

водкой, чтобъ его абрютировать и тѣмъ удержать отъ возстанія. Представь мою роль, когда я принужденъ при всѣхъ это слушать.

Говоря это, фонъ-Лембке припомнилъ недавній разговоръ свой съ Петромъ Степановичемъ. Съ невинною цѣлію обезоружить его либерализмомъ, онъ показалъ ему свою собственную интимную коллекцію всевозможныхъ прокламацій, русскихъ и изъ-за границы, которую онъ тщательно собиралъ съ пятьдесятъ девятаго года, не то что какъ любитель, а просто изъ полезнаго любопытства. Петръ Степановичъ, угадавъ его цѣль, грубо выразился, что въ одной строчкѣ иныхъ прокламацій болѣе смысла чѣмъ въ цѣлой какой нибудь канцеляріи, «не исключая, пожалуй, и вашей».

Лембке покоробило.

— Но это у насъ рано, слишкомъ рано, произнесъ онъ почти просительно, указывая на прокламаціи.

— Нѣтъ не рано; вотъ вы-же боитесь, стало быть, не рано.

— Но, однако-же, тутъ, напримѣръ, приглашеніе къ разрушенію церквей.

— Отчего-же и нѣтъ? Вѣдь вы-же умный человѣкъ и, конечно, сами не вѣруете, а слишкомъ хорошо понимаете, что вѣра вамъ нужна, чтобы народъ абрютировать. Правда честнѣе лжи.

— Согласенъ, согласенъ, я съ вами совершенно согласенъ, но это у насъ рано, рано... морщился фонъ-Лембке.

— Такъ какой-же вы послѣ этого чиновникъ правительства, если сами согласны ломать церкви и идти съ дрекольемъ на Петербургъ, а всю разницу ставите только въ срокѣ?

Такъ грубо пойманный Лембке былъ сильно пикированъ.

— Это не то, не то, увлекался онъ, все болѣе и болѣе раздражаясь въ своемъ самолюбіи;—вы, какъ молодой человѣкъ, и, главное, незнакомый съ нашими цѣлями, заблуждаетесь. Видите, милѣйшій Петръ Степановичъ, вы называете насъ чиновниками отъ правительства? Такъ. Самостоятельными чиновниками? Такъ. Но позвольте, какъ мы дѣйствуемъ? На насъ отвѣтственность, а въ результатѣ мы также служимъ общему дѣлу, какъ и вы. Мы только сдерживаемъ то, что̀ вы распатываете и то, что̀ безъ насъ расползлось-бы въ разныя стороны. Мы вамъ не враги, отнюдь нѣтъ, мы вамъ говоримъ: идите впередъ, прогрессируйте, даже распатывайте, то есть все старое, подлежащее передѣлкѣ; но мы васъ, когда надо, и сдержимъ въ необходимыхъ предѣлахъ и тѣмъ васъ-же спасемъ отъ самихъ себя, потому что безъ насъ вы-бы только расколыхали Россію, лишивъ ее приличнаго вида, а наша задача въ томъ и состоитъ, чтобы заботиться о приличномъ видѣ. Проникнитесь, что мы и вы взаимно другъ другу необходимы. Въ Англіи виги и торіи тоже взаимно другъ другу необходимы. Что̀же: мы торіи, а вы виги, я именно такъ понимаю.

Андрей Антоновичъ вошелъ даже въ паѳосъ. Онъ любилъ поговорить умно и либерально еще съ самаго Петербурга, а тутъ, главное, никто не подслушивалъ. Петръ Степановичъ молчалъ и держалъ себя какъ-то не по обычному серіозно. Это еще болѣе подзадорило оратора.

— Знаете-ли, что я, «хозяинъ губерніи», продолжалъ онъ, расхаживая по кабинету,— знаете-ли, что я по множеству обязанностей не могу исполнить ни одной, а съ другой стороны могу также вѣрно сказать, что мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Вся тайна въ томъ, что тутъ все зависитъ отъ взглядовъ правительства. Пусть правительство основываетъ тамъ хоть республику, ну тамъ изъ политики или для усмиренія страстей, а съ другой стороны, параллельно, пусть усилитъ губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотимъ республику; да что̀ республику: все что̀ хотите поглотимъ; я, по крайней мѣрѣ, чувствую, что готовъ... Однимъ словомъ, пусть правительство провозгласитъ мнѣ по телеграфу activité dévorante, и я даю activité dévorante. Я здѣсь прямо въ глаза сказалъ: «Милостивые государи, для уравновѣшенія и процвѣтанія всѣхъ губернскихъ учрежденій необходимо одно: усиленіе губернаторской власти». Видите, надо, чтобы всѣ эти учрежденія—земскія-ли, судебныя-ли — жили, такъ сказать, двойственною жизнью, то есть надобно, чтобы они были (я согласенъ, что это не-

обходимо), ну, а съ другой стороны, надо чтобъ ихъ и не было. Все судя по взгляду правительства. Выйдетъ такой стихъ, что вдругъ учрежденія окажутся необходимыми, и они тотчасъ-же у меня явятся на лицо. Пройдетъ необходимость, и ихъ никто у меня не отыщетъ. Вотъ какъ я понимаю activité dévorante, а ея не будетъ безъ усиленія губернаторской власти. Мы съ вами глазъ на глазъ говоримъ. Я, знаете, уже заявилъ въ Петербургѣ о необходимости особаго часоваго у дверей губернаторскаго дома. Жду отвѣта.

— Вамъ надо двухъ, проговорилъ Петръ Степановичъ.

— Для чего двухъ? остановился предъ нимъ фонъ-Лембке.

— Пожалуй, одного-то мало, чтобы васъ уважали. Вамъ надо непремѣнно двухъ.

Андрей Антоновичъ скривилъ лицо.

— Вы... вы Богъ знаетъ что позволяете себѣ, Петръ Степановичъ. Пользуясь моей добротой, вы говорите колкости и розыгрываете какого-то bourru bienfaisant...

— Ну, это какъ хотите, пробормоталъ Петръ Степановичъ, — а всетаки вы намъ прокладываете дорогу и приготовляете нашъ успѣхъ.

— То есть кому-же намъ и какой успѣхъ? въ удивленіи уставился на него фонъ-Лембке, но отвѣта не получилъ.

Юлія Михайловна, выслушавъ отчетъ о разговорѣ, была очень недовольна.

— Но не могу-же я, защищался фонъ-Лембке, — третировать начальнически твоего фаворита, да еще когда глазъ на глазъ... Я могъ проговориться... отъ добраго сердца.

— Отъ слишкомъ ужь добраго. Я не знала, что у тебя коллекція прокламацій, сдѣлай одолженіе, покажи.

— Но... но онъ ихъ выпросилъ къ себѣ на одинъ день.

— И вы опять дали! разсердилась Юлія Михайловна; — что за безтактность!

— Я сейчасъ пошлю къ нему взять.

— Онъ не отдастъ.

— Я потребую! вскипѣлъ фонъ-Лембке и вскочилъ даже съ мѣста. — Кто онъ, чтобы такъ его опасаться, и кто я, чтобы не смѣть ничего сдѣлать?

— Садитесь и успокойтесь, остановила Юлія Михайловна, — я отвѣчу на вашъ первый вопросъ: онъ отлично мнѣ зарекомендованъ, онъ со способностями и говоритъ иногда чрезвычайно умныя вещи. Кармазиновъ увѣрялъ меня, что онъ имѣетъ связи почти вездѣ и чрезвычайное вліяніе на столичную молодежь. А если я черезъ него привлеку ихъ всѣхъ и сгруппирую около себя, то я отвлеку ихъ отъ погибели, указавъ новую дорогу ихъ честолюбію. Онъ преданъ мнѣ всѣмъ сердцемъ и во всемъ меня слушается.

— Но вѣдь пока ихъ ласкать, они могутъ... чортъ знаетъ что сдѣлать. Конечно, это идея... смутно защищался фонъ-Лембке, — но... но вотъ я слышу въ —скомъ уѣздѣ появились какія-то прокламаціи.

— Но вѣдь этотъ слухъ былъ еще лѣтомъ, — прокламаціи, фальшивыя ассигнаціи, мало-ли что, однако, до сихъ поръ не доставили ни одной. Кто вамъ сказалъ?

— Я отъ фонъ-Блюмера слышалъ.

— Ахъ, избавьте меня отъ вашего Блюмера и никогда не смѣйте о немъ упоминать!

Юлія Михайловна вскипѣла и даже съ минуту не могла говорить. Фонъ-Блюмеръ былъ чиновникомъ при губернаторской канцеляріи, котораго она особенно ненавидѣла. Объ этомъ ниже.

— Пожалуйста не безпокойся о Верховенскомъ, заключила она разговоръ, — если-бъ онъ участвовалъ въ какихъ нибудь шалостяхъ, то не сталъ-бы такъ говорить какъ онъ съ тобою и со всѣми здѣсь говоритъ. Фразеры не опасны и даже я такъ скажу, случись что нибудь, я-же первая чрезъ него и узнаю. Онъ фанатически, фанатически преданъ мнѣ.

Замѣчу, предупреждая событія, что еслибы не самомнѣніе и честолюбіе Юліи Михайловны, то, пожалуй, и не было-бы всего того, что успѣли натворить у насъ эти дурные людишки. Тутъ она во многомъ отвѣтственна!

—

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Предъ праздникомъ.

I.

День праздника, задуманнаго Юліей Михайловной по подпискѣ въ пользу гувернантокъ нашей губерніи, уже нѣсколько разъ назначали впередъ и откладывали. Около нея вертѣлись безсмѣнно Петръ Степановичъ, состоявшій на побѣгушкахъ маленькій чиновникъ Лямшинъ, въ оно время посѣщавшій Степана Трофимовича и вдругъ попавшій въ милость въ губернаторскомъ домѣ за игру на фортепіано; отчасти Липутинъ, котораго Юлія Михайловна прочила въ редакторы будущей, независимой губернской газеты; нѣсколько дамъ и дѣвицъ и, наконецъ, даже Кармазиновъ, который хоть и не вертѣлся, но вслухъ и съ довольнымъ видомъ объявилъ, что пріятно изумитъ всѣхъ, когда начнется кадриль литературы. Подписчиковъ и жертвователей объявилось чрезвычайное множество, все избранное городское общество; но допускались и самые неизбранные, если только являлись съ деньгами. Юлія Михайловна замѣтила, что иногда даже должно допустить смѣшеніе сословій, «иначе кто-жь ихъ просвѣтитъ?» Образовался негласный домашній комитетъ, на которомъ порѣшено было, что праздникъ будетъ демократическій. Чрезмѣрная подписка манила на расходы; хотѣли сдѣлать что-то чудесное — вотъ почему и откладывалось. Все еще не рѣшались гдѣ устроить вечерній балъ: въ огромномъ-ли домѣ предводительши, который та уступала для этого дня, или у Варвары Петровны въ Скворешникахъ? Въ Скворешники было-бы далеконько, но многіе изъ комитета настаивали, что тамъ будетъ «вольнѣе». Самой Варварѣ Петровнѣ слишкомъ хотѣлось-бы, чтобы назначили у нея. Трудно рѣшить, почему эта гордая женщина почти заискивала у Юліи Михайловны. Ей вѣроятно нравилось, что та въ свою очередь почти принижается предъ Николаемъ Всеволодовичемъ и любезничаетъ съ нимъ, какъ ни съ кѣмъ. Повторю еще разъ: Петръ Степановичъ все время и постоянно, шепотомъ, продолжалъ укоренять въ губернаторскомъ домѣ одну пущенную еще прежде идею, что Николай Всеволодовичъ человѣкъ имѣющій самыя таинственныя связи въ самомъ таинственномъ мірѣ, и что навѣрно здѣсь съ какимъ нибудь порученіемъ.

Странное было тогда настроеніе умовъ. Особенно въ дамскомъ обществѣ обозначилось какое-то легкомысліе и нельзя сказать чтобы мало по малу. Какъ-бы по вѣтру было пущено нѣсколько чрезвычайно развязныхъ понятій. Наступило что-то развеселое, легкое, не скажу чтобы всегда пріятное. Въ модѣ былъ нѣкоторый безпорядокъ умовъ. Потомъ, когда все кончилось, обвиняли Юлію Михайловну, ея кругъ и вліяніе; но врядъ-ли все произошло отъ одной только Юліи Михайловны. Напротивъ, очень многіе сначала взапуски хвалили новую губернаторшу за то, что умѣетъ соединить общество и что стало вдругъ веселѣе. Произошло даже нѣсколько скандальныхъ случаевъ, въ которыхъ вовсе ужь была не виновата Юлія Михайловна; но всѣ тогда только хохотали и тѣшились, а останавливать было некому. Устояла, правда, въ сторонѣ довольно значительная кучка лицъ, съ своимъ особеннымъ взглядомъ на теченіе тогдашнихъ дѣлъ; но и эти еще тогда не ворчали; даже улыбались.

Я помню, образовался тогда какъ-то самъ собою довольно обширный кружокъ, центръ котораго, пожалуй, и вправду что находился въ гостиной Юліи Михайловны. Въ этомъ интимномъ кружкѣ, толпившемся около нея, конечно, между молодежью, позволялось и даже вошло въ правило дѣлать разныя шалости — дѣйствительно иногда довольно развязныя. Въ кружкѣ было нѣсколько даже очень милыхъ дамъ. Молодежь устраивала пикники, вечеринки, иногда разъѣзжали по городу цѣлою кавалькадой, въ экипажахъ и верхами. Искали приключеній, даже нарочно подсочиняли и составляли ихъ сами, единственно для веселаго анекдота. Городъ нашъ третировали они какъ какой нибудь городъ Глуповъ. Ихъ звали насмѣшниками или надсмѣшниками, потому что они мало чѣмъ брезгали. Случилось, напримѣръ, что жена одно-

го мѣстнаго поручика, очень еще молоденькая брюнеточка, хотя и испитая отъ дурнаго содержанія мужа, на одной вечеринкѣ, по легкомыслію, сѣла играть въ ералашъ по большой, въ надеждѣ выиграть себѣ на мантилью, и вмѣсто выигрыша проиграла пятнадцать рублей. Боясь мужа и не имѣя чѣмъ заплатить, она, припомнивъ прежнюю смѣлость, рѣшилась потихоньку попросить взаймы, тутъ-же на вечеринкѣ, у сына нашего городскаго головы, пресквернаго мальчишки, истаскавшагося не по лѣтамъ. Тотъ не только ей отказалъ, но еще пошелъ, хохоча вслухъ, сказать мужу. Поручикъ, дѣйствительно бѣдовавшій на одномъ только жалованьи, приведя домой супругу, натѣшился надъ нею до сыта, не смотря на вопли, крики и просьбы на колѣняхъ о прощеніи. Эта возмутительная исторія возбудила вездѣ въ городѣ только смѣхъ, и хотя бѣдная поручица и не принадлежала къ тому обществу, которое окружало Юлію Михайловну, но одна изъ дамъ этой «кавалькады», эксцентричная и бойкая личность, знавшая какъ-то поручицу, заѣхала къ ней и просто-за-просто увезла ее къ себѣ въ гости. Тутъ ее тотчасъ-же захватили наши шалуны, заласкали, задарили и продержали дня четыре, не возвращая мужу. Она жила у бойкой дамы и по цѣлымъ днямъ разъѣзжала съ нею и со всѣмъ разрѣзвившимся обществомъ въ прогулкахъ по городу, участвовала въ увеселеніяхъ, въ танцахъ. Ее все подбивали тащить мужа въ судъ, завести исторію. Увѣряли, что всѣ поддержатъ ее, пойдутъ свидѣтельствовать. Мужъ молчалъ, не осмѣливаясь бороться. Бѣдняжка смекнула, наконецъ, что закопалась въ бѣду, и еле живая отъ страха убѣжала на четвертый день въ сумерки отъ своихъ покровителей къ своему поручику. Неизвѣстно въ точности, что̀ произошло между супругами; но двѣ ставни низенькаго деревяннаго домика, въ которомъ поручикъ нанималъ квартиру, не отпирались двѣ недѣли. Юлія Михайловна посердилась на шалуновъ, когда обо всемъ узнала, и была очень недовольна поступкомъ бойкой дамы, хотя та представляла ей-же поручицу въ первый день ея похищенія. Впрочемъ, объ этомъ скоро забыли.

Въ другой разъ, у одного мелкаго чиновника, почтеннаго съ виду семьянина, заѣзжій изъ другаго уѣзда молодой человѣкъ, тоже мелкій чиновникъ, высваталъ дочку, семнадцатилѣтнюю дѣвочку, красотку, извѣстную въ городѣ всѣмъ. Но вдругъ узнали, что въ первую ночь брака молодой супругъ поступилъ съ красоткой весьма невѣжливо, мстя ей за свою поруганную честь. Лямшинъ, почти бывшій свидѣтелемъ дѣла, потому что на свадьбѣ запьянствовалъ и остался въ домѣ ночевать, чуть свѣтъ утромъ обѣжалъ всѣхъ съ веселымъ извѣстіемъ. Мигомъ образовалась компанія человѣкъ въ десять, всѣ до одного верхами, иные на наемныхъ казацкихъ лошадяхъ, какъ, напримѣръ, Петръ Степановичъ и Липутинъ, который, не смотря на свою сѣдину, участвовалъ тогда почти во всѣхъ скандальныхъ похожденіяхъ нашей вѣтреной молодежи. Когда молодые показались на улицѣ, на дрожкахъ парой, дѣлая визиты, узаконенные нашимъ обычаемъ непремѣнно на другой-же день послѣ вѣнца, не смотря ни на какія случайности, — вся эта кавалькада окружила дрожки съ веселымъ смѣхомъ и сопровождала ихъ цѣлое утро по городу. Правда, въ дома не входили, а ждали на коняхъ у воротъ; отъ особенныхъ оскорбленій жениху и невѣстѣ удержались, но всетаки произвели скандалъ. Весь городъ заговорилъ. Разумѣется, всѣ хохотали. Но тутъ разсердился фонъ-Лембке и имѣлъ съ Юліей Михайловной опять оживленную сцену. Та тоже разсердилась чрезвычайно и вознамѣрилась было отказать шалунамъ отъ дому. Но на другой-же день всѣмъ простила, вслѣдствіе увѣщаній Петра Степановича и нѣсколькихъ словъ Кармазинова. Тотъ нашелъ «шутку» довольно остроумною.

— Это въ здѣшнихъ нравахъ, сказалъ онъ, — по крайней мѣрѣ, характерно и... смѣло; и, смотрите, всѣ смѣются, а негодуете одна вы.

Но были шалости уже нестерпимыя, съ извѣстнымъ оттѣнкомъ.

Въ городѣ появилась книгоноша, продававшая Евангеліе, почтенная женщина, хотя и изъ мѣщанскаго званія. О ней заговорили, потому что о книгоношахъ только

что появились любопытные отзывы въ столичныхъ газетахъ. Опять тотъ-же плутъ Лямшинъ, съ помощью одного семинариста, праздношатавшагося въ ожиданіи учительскаго мѣста въ школѣ, подложилъ потихоньку книгоношѣ въ мѣшокъ, будто-бы покупая у нея книги, цѣлую пачку соблазнительныхъ мерзкихъ фотографій изъ-за границы, нарочно пожертвованныхъ для сего случая, какъ узнали потомъ, однимъ весьма почтеннымъ старичкомъ, фамилію котораго опускаю, съ важнымъ орденомъ на шеѣ и любившимъ, по его выраженію, «здоровый смѣхъ и веселую шутку». Когда бѣдная женщина стала вынимать святыя книги у насъ въ Гостиномъ Ряду, то посыпались и фотографіи. Поднялся смѣхъ, ропотъ; толпа стѣснилась, стали ругаться, дошло-бы и до побоевъ, если-бы не подоспѣла полиція. Книгоношу заперли въ каталашку, и только вечеромъ, стараніями Маврикія Николаевича, съ негодованіемъ узнавшаго интимныя подробности этой гадкой исторіи, освободили и выпроводили изъ города. Тутъ ужь Юлія Михайловна рѣшительно прогнала было Лямшина, но въ тотъ-же вечеръ наши цѣлою компаніей привели его къ ней, съ извѣстіемъ, что онъ выдумалъ новую особенную штучку на фортепьяно и уговорили ее лишь выслушать. Штучка въ самомъ дѣлѣ оказалась забавною, подъ смѣшнымъ названіемъ: «Франко-Прусская война». Начиналась она грозными звуками *Марсельезы:*

«Qu'un sang impur abreuve nos sillons!»

Слышался напыщенный вызовъ, упоеніе будущими побѣдами. Но вдругъ, вмѣстѣ съ мастерски варьированными тактами гимна, гдѣ-то сбоку, внизу, въ уголку, но очень близко, послышались гаденькіе звуки Mein lieber Augustin. Марсельеза не замѣчаетъ ихъ, Марсельеза на высшей точкѣ упоенія своимъ величіемъ; но Augustin укрѣпляется, Augustin все нахальнѣе, и вотъ такты Augustin какъ-то неожиданно начинаютъ совпадать съ тактами Марсельезы. Та начинаетъ какъ-бы сердиться; она замѣчаетъ, наконецъ, Augustin, она хочетъ сбросить ее, отогнать какъ навязчивую ничтожную муху, но Mein lieber Augustin уцѣпилась крѣпко; она весела и самоувѣренна; она радостна и нахальна; и Марсельеза какъ-то вдругъ ужасно глупѣетъ: она уже не скрываетъ, что раздражена и обижена; это вопли негодованія, это слезы и клятвы съ простертыми къ Провидѣнію руками:

Pas un pouce de notre terrain, pas une pierre de nos forteresses!

Но уже она принуждена пѣть съ Mein lieber Augustin въ одинъ тактъ. Ея звуки какъ-то глупѣйшимъ образомъ переходятъ въ Augustin, она склоняется, погасаетъ. Изрѣдка лишь, прорывомъ, послышится опять: «qu'un sang impur...» но тотчасъ-же преобидно перескочитъ въ гаденькій вальсъ. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавръ, рыдающій на груди у Бисмарка и отдающій все, все... Но тутъ уже свирѣпѣетъ и Augustin: слышатся сиплые звуки, чувствуется безмѣрно выпитое пиво, бѣшенство самохвальства, требованія милліардовъ, тонкихъ сигаръ, шампанскаго и заложниковъ; Augustin переходитъ въ неистовый ревъ... Франко-Прусская война оканчивается. Наши апплодируютъ, Юлія Михайловна улыбается и говоритъ: «ну какъ его прогнать?» Миръ заключенъ. У мерзавца дѣйствительно былъ талантикъ. Степанъ Трофимовичъ увѣрялъ меня однажды, что самые высокіе художественные таланты могутъ быть ужаснѣйшими мерзавцами и что одно другому не мѣшаетъ. Былъ потомъ слухъ, что Лямшинъ укралъ эту піеску у одного талантливаго и скромнаго молодаго человѣка, знакомаго ему проѣзжаго, который такъ и остался въ неизвѣстности; но это въ сторону. Этотъ негодяй, который нѣсколько лѣтъ вертѣлся предъ Степаномъ Трофимовичемъ, представляя на его вечеринкахъ, по востребованію, разныхъ жидковъ, исповѣдь глухой бабы или родины ребенка, теперь уморительно каррикатурилъ иногда у Юліи Михайловны, между прочимъ, и самого Степана Трофимовича, подъ названіемъ: «Либералъ сороковыхъ годовъ». Всѣ покатывались со смѣху, такъ что подъ конецъ его рѣшительно нельзя было прогнать: слишкомъ нужнымъ сталъ человѣкомъ. Къ тому-же онъ раболѣпно заискивалъ у Петра Степановича, который въ свою очередь пріобрѣлъ къ тому времени уже до стран-

ности сильное вліяніе на Юлію Михайловну...

Я не заговорилъ-бы объ этомъ мерзавцѣ особливо и не стоилъ-бы онъ того, чтобъ на немъ останавливаться; но тутъ произошла одна возмущающая исторія, въ которой онъ, какъ увѣряютъ, тоже участвовалъ, а исторіи этой я никакъ не могу обойдти въ моей хроникѣ.

Въ одно утро пронеслась по всему городу вѣсть объ одномъ безобразномъ и возмутительномъ кощунствѣ. При входѣ на нашу огромную рыночную площадь находится ветхая церковь Рождества Богородицы, составляющая замѣчательную древность въ нашемъ древнемъ городѣ. У вратъ ограды издавна помѣщалась большая икона Богоматери, вдѣланная за рѣшеткой въ стѣну. И вотъ икона была въ одну ночь ограблена, стекло кіота выбито, рѣшетка изломана и изъ вѣнца и ризы было вынуто нѣсколько камней и жемчужинъ, не знаю очень-ли драгоцѣнныхъ. Но главное въ томъ, что кромѣ кражи совершено было безсмысленное, глумительное кощунство: за разбитымъ стекломъ иконы нашли, говорятъ, утромъ живую мышь. Положительно извѣстно теперь, четыре мѣсяца спустя, что преступленіе совершено было каторжнымъ Ѳедькой, но почему-то прибавляютъ тутъ и участіе Лямшина. Тогда никто не говорилъ о Лямшинѣ и совсѣмъ не подозрѣвали его, а теперь всѣ утверждаютъ, что это онъ впустилъ тогда мышь. Помню, все наше начальство немного потерялось. Народъ толпился у мѣста преступленія съ утра. Постоянно стояла толпа, хоть не Богъ знаетъ какая, но всетаки человѣкъ во сто. Одни приходили, другіе уходили. Подходившіе крестились, прикладывались къ иконѣ; стали подавать, и явилось церковное блюдо, а у блюда монахъ, и только къ тремъ часамъ пополудни начальство догадалось, что можно народу приказать и не останавливаться толпой, а, помолившись, приложившись и пожертвовавъ, приходить мимо. На фонъ-Лембке этотъ несчастный случай произвелъ самое мрачное впечатлѣніе. Юлія Михайловна, какъ передавали мнѣ, выразилась потомъ, что съ этого зловѣщаго утра она стала замѣчать въ своемъ супругѣ то странное уныніе, которое не прекращалось у него потомъ вплоть до самаго выѣзда, два мѣсяца тому назадъ, по болѣзни, изъ нашего города, и кажется сопровождаетъ его теперь и въ Швейцаріи, гдѣ онъ продолжаетъ отдыхать послѣ краткаго своего поприща въ нашей губерніи.

Помню, въ первомъ часу пополудни я зашелъ тогда на площадь; толпа была молчалива и лица важно-угрюмыя. Подъѣхалъ на дрожкахъ купецъ жирный и желтый, вылѣзъ изъ экипажа, отдалъ земной поклонъ, приложился, пожертвовалъ рубль, охая взобрался на дрожки и опять уѣхалъ. Подъѣхала и коляска съ двумя нашими дамами въ сопровожденіи двухъ нашихъ шалуновъ. Молодые люди (изъ коихъ одинъ былъ уже не совсѣмъ молодой) вышли тоже изъ экипажа и протѣснились къ иконѣ, довольно небрежно отстраняя народъ. Оба шляпъ не скинули, а одинъ надвинулъ на носъ пенсне. Въ народѣ заропотали, правда, глухо, но непривѣтливо. Молодецъ въ пенсне вынулъ изъ портмоне, туго набитаго кредитками, мѣдную копѣйку и бросилъ на блюдо; оба, смѣясь и громко говоря, повернулись къ колескѣ. Въ эту минуту вдругъ подскакала въ сопровожденіи Маврикія Николаевича Лизавета Николаевна. Она соскочила съ лошади, бросила поводъ своему спутнику, оставшемуся по ея приказанію на конѣ, и подошла къ образу именно въ то время, когда брошена была копѣйка. Румянецъ негодованія залилъ ея щеки; она сняла свою круглую шляпу, перчатки, упала на колѣни предъ образомъ, прямо на грязный тротуаръ, и благоговѣйно положила три земныхъ поклона. Затѣмъ вынула свой портмоне, но такъ какъ въ немъ оказалось только нѣсколько гривенниковъ, то мигомъ сняла свои брилліантовыя серьги и положила на блюдо.

— Можно, можно? На украшеніе ризы? вся въ волненіи спросила она монаха.

— Позволительно, отвѣчалъ тотъ; — всякое даяніе благо.

Народъ молчалъ, не выказывая ни порицанія, ни одобренія; Лизавета Николаевна сѣла на коня въ загрязненномъ своемъ платьѣ и ускакала.

II.

Два дня спустя послѣ сейчасъ описаннаго случая, я встрѣтилъ ее въ многочисленной компаніи, отправлявшейся куда-то въ трехъ коляскахъ, окруженныхъ верховыми. Она поманила меня рукой, остановила коляску и настоятельно потребовала, чтобъ я присоединился къ ихъ обществу. Въ колескѣ нашлось мнѣ мѣсто, и она отрекомендовала меня, смѣясь, своимъ спутницамъ, пышнымъ дамамъ, а мнѣ пояснила, что всѣ отправляются въ чрезвычайно интересную экспедицію. Она хохотала и казалась что-то ужь не въ мѣру счастливою. Въ самое послѣднее время она стала весела какъ-то до рѣзвости. Дѣйствительно, предпріятіе было эксцентрическое: всѣ отправлялись за рѣку, въ домъ купца Севостьянова, у котораго во флигелѣ, вотъ ужь лѣтъ съ десять, проживалъ на покоѣ, въ довольствѣ и въ холѣ, извѣстный не только у насъ, но и по окрестнымъ губерніямъ и даже въ столицахъ Семенъ Яковлевичъ, нашъ блаженный и пророчествующій. Его всѣ посѣщали, особенно заѣзжіе, добиваясь юродиваго слова, поклоняясь и жертвуя. Пожертвованія, иногда значительныя, если не распоряжался ими тутъже самъ Семенъ Яковлевичъ, были набожно отправляемы въ храмъ Божій и по преимуществу въ нашъ Богородскій монастырь; отъ монастыря съ этою цѣлью постоянно дежурилъ при Семенѣ Яковлевичѣ монахъ. Всѣ ожидали большаго веселія. Никто изъ этого общества еще не видалъ Семена Яковлевича. Одинъ Лямшинъ былъ у него когда-то прежде и увѣрялъ теперь, что тотъ велѣлъ его прогнать метлой и пустилъ ему вслѣдъ собственною рукой двумя большими вареными картофелинами. Между верховыми я замѣтилъ и Петра Степановича, опять на наемной казацкой лошади, на которой онъ весьма скверно держался, и Николая Всеволодовича, тоже верхомъ. Этотъ не уклонялся иногда отъ всеобщихъ увеселеній и въ такихъ случаяхъ всегда имѣлъ прилично веселую мину, хотя по прежнему говорилъ мало и рѣдко. Когда экспедиція поровнялась, спускаясь къ мосту, съ городскою гостинницей, кто-то вдругъ объявилъ, что въ гостинницѣ, въ номерѣ, сейчасъ только нашли застрѣлившагося проѣзжаго и ждутъ полицію. Тотчасъ-же явилась мысль посмотрѣть на самоубійцу. Мысль поддержали: наши дамы никогда не видали самоубійцъ. Помню, одна изъ нихъ сказала тутъ-же вслухъ, что «все такъ ужь прискучило, что нечего церемониться съ развлеченіями, было-бы занимательно». Только немногіе остались ждать у крыльца; остальныя-же гурьбой вошли въ грязный корридоръ, и между прочими я, къ удивленію, увидалъ и Лизавету Николаевну. Номеръ застрѣлившагося былъ отпертъ, и, разумѣется, насъ не посмѣли не пропустить. Это былъ еще молоденькій мальчикъ, лѣтъ девятнадцати, никакъ не болѣе, очень, должно быть, хорошенькій собой, съ густыми бѣлокурыми волосами, съ правильнымъ овальнымъ обликомъ, съ чистымъ прекраснымъ лбомъ. Онъ уже окоченѣлъ, и бѣленькое личико его казалось какъ будто изъ мрамора. На столѣ лежала записка его рукой, чтобы не винили никого въ его смерти и что онъ застрѣлился потому, что «прокутилъ» четыреста рублей. Слово прокутилъ такъ и стояло въ запискѣ: въ четырехъ ея строчкахъ нашлось три грамматическихъ ошибки. Тутъ особенно охалъ надъ нимъ какой-то, повидимому, сосѣдъ его, толстый помѣщикъ, стоявшій въ другомъ номерѣ по своимъ дѣламъ. Изъ словъ того оказалось, что мальчикъ отправленъ былъ семействомъ, вдовою матерью, сестрами и тетками, изъ деревни ихъ въ городъ, чтобы, подъ руководствомъ проживавшей въ городѣ родственницы сдѣлать разныя покупки для приданаго старшей сестры, выходившей замужъ, и доставить ихъ домой. Ему ввѣрили эти четыреста рублей, накопленные десятилѣтіями, охая отъ страха и напутствуя его безконечными назиданіями, молитвами и крестами. Мальчикъ доселѣ былъ скроменъ и благонадеженъ. Пріѣхавъ три дня тому назадъ въ городъ, онъ къ родственницѣ не явился, остановился въ гостинницѣ и пошелъ прямо въ клубъ, въ надеждѣ отыскать гдѣ нибудь въ задней комнатѣ заѣзжаго банкомета или, по крайней мѣрѣ, стуколку. Но стуколки въ тотъ вечеръ не было, банкомета тоже.

Возвратясь въ нумеръ уже около полуночи, онъ потребовалъ шампанскаго, гаванскихъ сигаръ и заказалъ ужинъ изъ шести или семи блюдъ. Но отъ шампанскаго опьянѣлъ, отъ сигары его стошнило, такъ что до внесенныхъ кушаній и не притронулся, а улегся спать чуть не безъ памяти. Проснувшись на завтра, свѣжій какъ яблоко, тотчасъ-же отправился въ цыганскій таборъ, помѣщавшійся за рѣкой въ слободкѣ, о которомъ услыхалъ вчера въ клубѣ, и въ гостинницу не являлся два дня. Наконецъ, вчера, часамъ къ пяти пополудни, прибылъ хмѣльной, тотчасъ легъ спать и проспалъ до десяти часовъ вечера. Проснувшись, спросилъ котлетку, бутылку шато-д'икему и винограду, бумаги, чернилъ и счетъ. Никто не замѣтилъ въ немъ ничего особеннаго; онъ былъ спокоенъ, тихъ и ласковъ. Должно быть, онъ застрѣлился еще около полуночи, хотя странно, что никто не слыхалъ выстрѣла, а хватились только сегодня въ часъ пополудни и, не достучавшись, выломали дверь. Бутылка шато-д'икему была на половину опорожнена, винограду оставалось тоже съ полтарелки. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ трехствольнаго маленькаго револьвера прямо въ сердце. Крови вытекло очень мало; револьверъ выпалъ изъ рукъ на коверъ. Самъ юноша полулежалъ въ углу на диванѣ. Смерть, должно быть, произошла мгновенно; никакого смертнаго мученія не замѣчалось въ лицѣ; выраженіе было спокойное, почти счастливое, только-бы жить. Всѣ наши разсматривали съ жаднымъ любопытствомъ. Вообще въ каждомъ несчастіи ближняго есть всегда нѣчто веселящее посторонній глазъ — и даже кто-бы вы ни были. Наши дамы разсматривали молча, спутники-же отличались остротой ума и высшимъ присутствіемъ духа. Одинъ замѣтилъ, что это наилучшій исходъ и что умнѣе мальчикъ и не могъ ничего выдумать; другой заключилъ, что хоть мигъ да хорошо пожилъ. Третій вдругъ брякнулъ: почему у насъ такъ часто стали вѣшаться и застрѣливаться, — точно съ корней соскочили, точно полъ изъ подъ ногъ у всѣхъ выскользнулъ? На резонера неприв ѣтливо посмотрѣли. За то Лямшинъ, ставившій себѣ за честь роль шута, стянулъ съ тарелки кисточку винограду, за нимъ, смѣясь, другой, а третій протянулъ было руку и къ шато-д'икему. Но остановилъ прибывшій полицеймейстеръ, и даже попросилъ «очистить комнату». Такъ какъ всѣ уже наглядѣлись, то тотчасъ-же безъ спору и вышли, хотя Лямшинъ и присталъ было съ чѣмъ-то къ полицеймейстеру. Всеобщее веселье, смѣхъ и рѣзвый говоръ въ остальную половину дороги почти вдвое оживились.

Прибыли къ Семену Яковлевичу ровно въ часъ пополудни. Ворота довольно большаго купеческаго дома стояли настежъ и доступъ во флигель былъ открытъ. Тотчасъ-же узнали, что Семенъ Яковлевичъ изволитъ обѣдать, но принимаетъ. Вся наша толпа вошла разомъ. Комната, въ которой принималъ и обѣдалъ блаженный, была довольно просторная, въ три окна, и разгорожена поперегъ на двѣ равныя части деревянною рѣшеткой отъ стѣны до стѣны, по поясъ высотой. Обыкновенные посѣтители оставались за рѣшеткой, а счастливцы допускались, по указанію блаженнаго, чрезъ дверцы рѣшетки въ его половину, и онъ сажалъ ихъ, если хотѣлъ, на свои старыя кожаныя кресла и на диванъ; самъ-же засѣдалъ неизмѣнно въ старинныхъ истертыхъ вольтеровскихъ креслахъ. Это былъ довольно большой, одутловатый, желтый лицомъ человѣкъ, лѣтъ пятидесяти пяти, бѣлокурый и лысый, съ жидкими волосами, бривши бороду, съ раздутою правою щекой и какъ-бы нѣсколько перекосившимся ртомъ, съ большою бородавкой близь лѣвой ноздри, съ узенькими глазками и съ спокойнымъ, солиднымъ, заспаннымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ былъ по нѣмецки, въ черный сюртукъ, но безъ жилета и безъ галстука. Изъ подъ сюртука выглядывала довольно толстая, но бѣлая рубашка; ноги, кажется, больныя, держалъ въ туфляхъ. Я слышалъ, что когда-то онъ былъ чиновникомъ и имѣетъ чинъ. Онъ только-что откушалъ уху изъ легкой рыбки и принялся за второе свое кушанье — картофель въ мундирѣ съ солью. Другаго ничего и никогда не вкушалъ; пилъ только много чаю, котораго былъ любителемъ. Около него сновало человѣка три прислуги, со-

державшейся отъ купца; одинъ изъ слугъ былъ во фракѣ, другой похожъ на артельщика, третій на причетника. Былъ еще и мальчишка лѣтъ шестнадцати, весьма рѣзвый. Кромѣ прислуги присутствовалъ и почтенный сѣдой монахъ съ кружкой, немного слишкомъ полный. На одномъ изъ столовъ кипѣлъ огромнѣйшій самоваръ, и стоялъ подносъ чуть не съ двумя дюжинами стакановъ. На другомъ столѣ, противоположномъ, помѣщались приношенія: нѣсколько головъ и фунтиковъ сахару, фунта два чаю, пара вышитыхъ туфлей, фуляровый платокъ, отрѣзокъ сукна, штука холста и проч. Денежныя пожертвованія почти всѣ поступали въ кружку монаха. Въ комнатѣ было людно — человѣкъ до-дюжины однихъ посѣтителей, изъ коихъ двое сидѣли у Семена Яковлевича за рѣшеткой; то были сѣденькій старичокъ, богомолецъ, изъ «простыхъ», и одинъ маленькій, сухенькій захожій монашекъ, сидѣвшій чинно и потупивъ очи. Прочіе посѣтители всѣ стояли по сю сторону рѣшетки, все тоже больше изъ простыхъ, кромѣ одного толстаго купца, пріѣзжаго изъ уѣзднаго города, бородача одѣтаго по русски, но котораго знали за стотысячника; одной пожилой и убогой дворянки и одного помѣщика. Всѣ ждали своего счастія, не осмѣливаясь заговорить сами. Человѣка четыре стояли на колѣняхъ, но всѣхъ болѣе обращалъ на себя вниманіе помѣщикъ, человѣкъ толстый, лѣтъ сорока пяти, стоявшій на колѣняхъ у самой рѣшетки, ближе всѣхъ на виду и съ благоговѣніемъ ожидавшій благосклоннаго взгляда или слова Семена Яковлевича. Стоялъ онъ уже около часу, а тотъ все не замѣчалъ.

Наши дамы стѣснились у самой рѣшетки, весело и смѣшливо шушукая. Стоявшихъ на колѣняхъ и всѣхъ другихъ посѣтителей оттѣснили или заслонили, кромѣ помѣщика, который упорно остался на виду, ухватясь даже руками за рѣшетку. Веселые и жадно-любопытные взгляды устремились на Семена Яковлевича, равно какъ лорнеты, пенсне и даже бинокли; Лямшинъ, по крайней мѣрѣ, разсматривалъ въ бинокль. Семенъ Яковлевичъ спокойно и лѣниво окинулъ всѣхъ своими маленькими глазками.

— Миловзоры! Миловзоры! изволилъ онъ выговорить сиплымъ баскомъ и съ легкимъ восклицаніемъ.

Всѣ наши засмѣялись: «Что значитъ миловзоры?» Но Семенъ Яковлевичъ погрузился въ молчаніе и доѣдалъ свой картофель. Наконецъ, утерся салфеткой, и ему подали чаю.

Кушалъ онъ чай обыкновенно не одинъ, а наливалъ и посѣтителямъ, но далеко не всякому, обыкновенно указывая самъ кого изъ нихъ осчастливить. Распоряженія эти всегда поражали своею неожиданностью. Минуя богачей и сановниковъ, приказывалъ иногда подавать мужику или какой нибудь ветхой старушонкѣ; другой разъ, минуя нищую братію, подавалъ какому нибудь одному жирному купцу-богачу. Наливалось тоже разно, однимъ въ накладку, другимъ въ прикуску, а третьимъ и вовсе безъ сахара. На этотъ разъ осчастливлены были захожій монашекъ, стаканомъ въ накладку, и старичокъ богомолецъ, которому дали совсѣмъ безъ сахара. Толстому-же монаху съ кружкой изъ монастыря почему-то не поднесли вовсе, хотя тотъ, до сихъ поръ, каждый день получалъ свой стаканъ.

— Семенъ Яковлевичъ, скажите мнѣ что нибудь, я такъ давно желала съ вами познакомиться, пропѣла съ улыбкой и прищуриваясь та пышная дама изъ нашей коляски, которая замѣтила давеча, что съ развлеченіями нечего церемониться, былобы занимательно. Семенъ Яковлевичъ даже не поглядѣлъ на нее. Помѣщикъ, стоявшій на колѣняхъ, звучно и глубоко вздохнулъ, точно приподняли и опустили большіе мѣхи.

— Въ накладку! указалъ вдругъ Семенъ Яковлевичъ на купца стотысячника; тотъ выдвинулся впередъ и сталъ рядомъ съ помѣщикомъ.

— «Еще ему сахару!» приказалъ Семенъ Яковлевичъ, когда уже налили стаканъ; положили еще порцію. «Еще, еще ему!» положили еще въ третій разъ и, наконецъ, въ четвертый. Купецъ безпрекословно сталъ пить свой сиропъ.

— Господи! зашепталъ и закрестился народъ. Помѣщикъ опять звучно и глубоко вздохнулъ.

— Батюшка! Семенъ Яковлевичъ! раздался вдругъ горестный, но рѣзкій до того что трудно было и ожидать, голосъ убогой дамы, которую наши оттерли къ стѣнѣ.— Цѣлый часъ, родной, благодати ожидаю. Изреки ты мнѣ, разсуди меня сироту.

— Спроси, указалъ Семенъ Яковлевичъ слугѣ причетнику. Тотъ подошелъ къ рѣшеткѣ:

— Исполнили-ли то, что̀ приказалъ въ прошлый разъ Семенъ Яковлевичъ? спросилъ онъ вдову тихимъ и размѣреннымъ голосомъ.

— Какое, батюшка, Семенъ Яковлевичъ, исполнила, исполнишь съ ними! завопила вдова, — людоѣды, просьбу на меня въ окружной подаютъ, въ сенатъ грозятъ; это на родную-то мать!..

— Дать ей!.. указалъ Семенъ Яковлевичъ на голову сахару. Мальчишка подскочилъ, схватилъ голову и потащилъ ко вдовѣ.

— Охъ, батюшка, велика твоя милость. И куда мнѣ столько? завопила было вдовица.

— Еще, еще! награждалъ Семенъ Яковлевичъ.

Притащили еще голову. «Еще, еще», приказывалъ блаженный; принесли третью и, наконецъ, четвертую. Вдовицу обставили сахаромъ со всѣхъ сторонъ. Монахъ отъ монастыря вздохнулъ: все это-бы сегодняже могло попасть въ монастырь, по прежнимъ примѣрамъ.

— Да куда мнѣ столько? приниженно охала вдовица, — стошнитъ одну-то!.. Да ужь не пророчество-ли какое, батюшка?

— Такъ и есть, пророчество, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Еще ей фунтъ, еще! не унимался Семенъ Яковлевичъ.

На столѣ оставалась еще цѣлая голова, но Семенъ Яковлевичъ указалъ подать фунтъ, и вдовѣ подали фунтъ.

— Господи, Господи! вздыхалъ и крестился народъ.— Видимое пророчество!

— Усладите впередъ сердце ваше добротой и милостію и потомъ уже приходите жаловаться на родныхъ дѣтей, кость отъ костей своихъ, вотъ что̀, должно полагать, означаетъ эмблема сія, тихо, но самодовольно проговорилъ толстый, но обнесенный чаемъ монахъ отъ монастыря, въ припадкѣ раздраженнаго самолюбія взявъ на себя толкованіе.

— Да что̀ ты, батюшка, озлилась вдругъ вдовица,— да они меня на арканѣ въ огонь тащили, когда у Верхишиныхъ загорѣлось. Они мнѣ мертвую кошку въ укладку заперли, то есть всякое-то безчинство готовы...

— Гони, гони! вдругъ замахалъ руками Семенъ Яковлевичъ.

Причетникъ и мальчишка вырвались за рѣшетку. Причетникъ взялъ вдову подъ руку, и она, присмирѣвъ, потащилась къ дверямъ, озираясь на дареныя сахарныя головы, которыя за нею поволокъ мальчишка.

— Одну отнять, отними! приказалъ Семенъ Яковлевичъ остававшемуся при немъ артельщику. Тотъ бросился за уходившими, и всѣ трое слугъ воротились черезъ нѣсколько времени, неся обратно разъ подаренную и теперь отнятую у вдовицы одну голову сахару; она унесла, однако-же, три.

— Семенъ Яковлевичъ, раздался чей-то голосъ сзади у самыхъ дверей,— видѣлъ я во снѣ птицу, галку, вылетѣла изъ воды и полетѣла въ огонь. Что̀ сей сонъ значитъ?

— Къ морозу, произнесъ Семенъ Яковлевичъ.

— Семенъ Яковлевичъ, что̀-же вы мнѣто ничего не отвѣтили, я такъ давно вами интересуюсь, начала было опять наша дама.

— Спроси! указалъ вдругъ, не слушая ея, Семенъ Яковлевичъ на помѣщика стоявшаго на колѣняхъ.

Монахъ отъ монастыря, которому указано было спросить, степенно подошелъ къ помѣщику.

— Чѣмъ согрѣшили? И не велѣно-ль было чего исполнить?

— Не драться, рукамъ воли не давать, сипло отвѣчалъ помѣщикъ.

— Исполнили? спросилъ монахъ.

— Не могу выполнить, собственная сила одолѣваетъ.

— Гони, гони! Метлой его, метлой! замахалъ руками Семенъ Яковлевичъ. Помѣщикъ, не дожидаясь исполненія кары, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты.

— На мѣстѣ златницу оставили, провоз-

гласилъ монахъ, подымая съ полу полуимперіалъ.

— Вотъ кому? ткнулъ пальцемъ на стотысячника купца Семенъ Яковлевичъ. Стотысячникъ не посмѣлъ отказаться и взялъ.

— Злато къ злату, не утерпѣлъ монахъ отъ монастыря.

— А этому въ накладку, указалъ вдругъ Семенъ Яковлевичъ на Маврикія Николаевича. Слуга налилъ чаю и поднесъ было ошибкой франту въ пенсне.

— Длинному, длинному, поправилъ Семенъ Яковлевичъ.

Маврикій Николаевичъ взялъ стаканъ, отдалъ военный полупоклонъ и началъ пить. Не знаю почему всѣ наши такъ и покатились со смѣху.

— Маврикій Николаевичъ! обратилась къ нему вдругъ Лиза;—тотъ господинъ на колѣняхъ ушелъ, станьте на его мѣсто на колѣни.

Маврикій Николаевичъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее.

— Прошу васъ, вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе. Слушайте, Маврикій Николаевичъ, начала она вдругъ настойчивою, упрямою, горячею скороговоркой,— непремѣнно станьте, я хочу непремѣнно видѣть, какъ вы будете стоять. Если не станете— и не приходите ко мнѣ. Непремѣнно хочу, непремѣнно хочу!..

Я не знаю, что̀ она хотѣла этимъ сказать; но она требовала настойчиво, неумолимо, точно была въ припадкѣ. Маврикій Николаевичъ растолковывалъ, какъ увидимъ ниже, такіе капризные порывы ея, особенно частые въ послѣднее время, вспышками слѣпой къ нему ненависти, и не то чтобъ отъ злости,— напротивъ, она чтила, любила и уважала его, и онъ самъ это зналъ,— а отъ какой-то особенной безсознательной ненависти, съ которою она никакъ не могла справиться минутами.

Онъ молча передалъ чашку какой-то сзади него стоявшей старушонкѣ, отворилъ дверцу рѣшетки, безъ приглашенія шагнулъ въ интимную половину Семена Яковлевича и сталъ среди комнаты на колѣни, на виду у всѣхъ. Думаю, что онъ слишкомъ былъ потрясенъ въ деликатной и простой душѣ своей грубою, глумительною выходкой Лизы, въ виду всего общества. Можетъ быть, ему подумалось, что ей станетъ стыдно за себя, видя его униженіе, на которомъ она такъ настаивала. Конечно, никто не рѣшился-бы исправлять такимъ наивнымъ и рискованнымъ способомъ женщину кромѣ него. Онъ стоялъ на колѣняхъ съ своею невозмутимою важностью въ лицѣ, длинный, нескладный, смѣшной. Но наши не смѣялись; неожиданность поступка произвела болѣзненный эффектъ. Всѣ глядѣли на Лизу.

— Елей, елей! пробормоталъ Семенъ Яковлевичъ.

Лиза вдругъ поблѣднѣла, вскрикнула, ахнула и бросилась за рѣшетку. Тутъ произошла быстрая, истерическая сцена: она изо всѣхъ силъ стала подымать Маврикія Николаевича съ колѣнъ, дергая его обѣими руками за локоть.

— Вставайте, вставайте! вскрикивала она какъ безъ памяти,— встаньте сейчасъ, сейчасъ! Какъ вы смѣли стать!

Маврикій Николаевичъ приподнялся съ колѣнъ. Она стиснула своими руками его руки выше локтей и пристально смотрѣла ему въ лицо. Страхъ былъ въ ея взглядѣ.

— Миловзоры, миловзоры! повторилъ еще разъ Семенъ Яковлевичъ.

Она втащила, наконецъ, Маврикія Николаевича обратно за рѣшетку; во всей нашей толпѣ произошло сильное движеніе. Дама изъ нашей коляски, вѣроятно, желая перебить впечатлѣніе, въ третій разъ звонко и визгливо вопросила Семена Яковлевича, по прежнему съ жеманною улыбкой:

— Что̀-же, Семенъ Яковлевичъ, неужто не «изречете» и мнѣ чего нибудь? А я такъ много на васъ разсчитывала.

— Въ... тебя, въ... тебя!.. произнесъ вдругъ, обращаясь къ ней, Семенъ Яковлевичъ крайне нецензурное словцо. Слова сказаны были свирѣпо и съ ужасающею отчетливостью. Наши дамы взвизгнули и бросились стремглавъ бѣгомъ вонъ, кавалеры гомерически захохотали. Тѣмъ и кончилась наша поѣздка къ Семену Яковлевичу.

И, однако-же, тутъ, говорятъ, произошелъ еще одинъ чрезвычайно загадочный слу-

чай и, признаюсь, для него-то болѣе я и упомянулъ такъ подробно объ этой поѣздкѣ.

Говорятъ, что когда всѣ гурьбой бросились вонъ, то Лиза, поддерживаемая Мавpикіемъ Николаевичемъ, вдругъ столкнулась въ дверяхъ, въ тѣснотѣ, съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Надо сказать, со времени воскреснаго утра и обморока они оба хоть и встрѣчались не разъ, но другъ къ другу не подходили и ничего между собою не сказали. Я видѣлъ, какъ они столкнулись въ дверяхъ: мнѣ показалось, что они оба на мгновеніе пріостановились и какъ-то странно другъ на друга поглядѣли. Но я могъ худо видѣть въ толпѣ. Увѣряли, напротивъ, и совершенно серіозно, что Лиза, взглянувъ на Николая Всеволодовича, быстро подняла руку, такъ-таки вровень съ его лицомъ и навѣрно-бы ударила, если-бы тотъ не успѣлъ отстраниться. Можетъ быть, ей не понравилось выраженіе лица его или какая нибудь усмѣшка его, особенно сейчасъ, послѣ такого эпизода съ Мавpикіемъ Николаевичемъ. Признаюсь, я самъ не видѣлъ ничего, но зато всѣ увѣряли, что видѣли, хотя всѣ-то ужь никакъ не могли этого увидать за суматохой, а развѣ иные. Только я этому тогда не повѣрилъ. Помню, однако, что Николай Всеволодовичъ во всю обратную дорогу былъ нѣсколько блѣденъ.

III.

Почти въ тоже время и именно въ этотъ же самый день состоялось, наконецъ, и свиданіе Степана Трофимовича съ Варварой Петровной, которое та давно держала въ умѣ и давно уже возвѣстила о немъ своему бывшему другу, но почему-то до сихъ поръ все откладывала. Оно произошло въ Скворешникахъ. Варвара Петровна прибыла въ свой загородный домъ, вся въ хлопотахъ: наканунѣ опредѣлено было окончательно, что предстоящій праздникъ будетъ данъ у предводительши. Но Варвара Петровна тотчасъ-же смекнула въ своемъ быстромъ умѣ, что послѣ праздника никто не помѣшаетъ ей дать свой особый праздникъ, уже въ Скворешникахъ, и снова созвать весь городъ. Тогда всѣ могли-бы убѣдиться на дѣлѣ, чей домъ лучше и гдѣ умѣютъ лучше принять и съ бо́льшимъ вкусомъ дать балъ. Вообще ее узнать нельзя было. Казалось, она точно переродилась и изъ прежней недоступной «высшей дамы» (выраженіе Степана Трофимовича) обратилась въ самую обыкновенную, взбалмошную свѣтскую женщину. Впрочемъ, это только могло казаться.

Прибывъ въ пустой домъ, она обошла комнаты въ сопровожденіи вѣрнаго и стариннаго Алексѣя Егорыча и Ѳомушки, человѣка видавшаго виды и спеціалиста по декоративному дѣлу. Начались совѣты и соображенія: что̀ изъ мебели перенести изъ городскаго дома; какія вещи, картины; гдѣ ихъ разставить; какъ всего удобнѣе распорядиться оранжереей и цвѣтами; гдѣ сдѣлать новыя драпри, гдѣ устроить буфетъ, и одинъ или два? и проч., и проч. И вотъ, среди самыхъ горячихъ хлопотъ, ей вдругъ вздумалось послать карету за Степаномъ Трофимовичемъ.

Тотъ былъ уже давно извѣщенъ и готовъ, и каждый день ожидалъ именно такого внезапнаго приглашенія. Садясь въ карету, онъ перекрестился; рѣшалась судьба его. Онъ засталъ своего друга въ большой залѣ, на маленькомъ диванчикѣ въ нишѣ, предъ маленькимъ мраморнымъ столикомъ, съ карандашомъ и бумагой въ рукахъ: Ѳомушка вымѣривалъ аршиномъ высоту хоръ и оконъ, а Варвара Петровна сама записывала цифры и дѣлала на поляхъ отмѣтки. Не отрываясь отъ дѣла, она кивнула головой въ сторону Степана Трофимовича, и когда тотъ пробормоталъ какое-то привѣтствіе, подала ему наскоро руку и указала, не глядя, подлѣ себя мѣсто.

— Я сидѣлъ и ждалъ минутъ пять, «сдавивъ мое сердце», разсказывалъ онъ мнѣ потомъ.—Я видѣлъ не ту женщину, которую зналъ двадцать лѣтъ. Полнѣйшее убѣжденіе, что всему конецъ, придало мнѣ силы, изумившія даже ее. Клянусь, она была удивлена моею стойкостью въ этотъ послѣдній часъ.

Варвара Петровна вдругъ положила карандашъ на столикъ и быстро повернулась къ Степану Трофимовичу.

— Степанъ Трофимовичъ, намъ надо говорить о дѣлѣ. Я увѣрена, что вы приготовили всѣ ваши пышныя слова и разныя словечки, но лучше-бы къ дѣлу прямо, не такъ-ли?

Его передернуло. Она слишкомъ спѣшила заявить свой тонъ, что̀-же могло быть далѣе?

— Подождите, молчите, дайте мнѣ сказать, потомъ вы, хотя, право, не знаю, что̀бы вы могли мнѣ отвѣтить? продолжала она быстрою скороговоркой.—Тысячу двѣсти рублей вашего пенсіона я считаю моею священною обязанностью до конца вашей жизни; то есть зачѣмъ священною обязанностью, просто договоромъ, это будетъ гораздо реальнѣе, не такъ-ли? Если хотите, мы напишемъ. На случай моей смерти сдѣланы особыя распоряженія. Но вы получаете отъ меня теперь сверхъ того квартиру и прислугу и все содержаніе. Переведемъ это на деньги—будетъ тысяча пятьсотъ рублей, не такъ-ли? Кладу еще экстренныхъ триста рублей, и того полныхъ три тысячи. Довольно съ васъ въ годъ? Кажется, не мало? Въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, я, впрочемъ, буду набавлять. Итакъ, возьмите деньги, пришлите мнѣ моихъ людей и живите сами по себѣ, гдѣ хотите, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, за границей, или здѣсь, только не у меня. Слышите?

— Недавно также настойчиво и также быстро передано было мнѣ изъ тѣхъ-же устъ другое требованіе, медленно и съ грустною отчетливостью проговорилъ Степанъ Трофимовичъ.— Я смирился и... плясалъ казачка вамъ въ угоду. Oui, la comparaison peut être permise. C'était comme un petit cozak du Don, qui sautait sur sa propre tombe. Теперь...

— Остановитесь, Степанъ Трофимовичъ. Вы ужасно многорѣчивы. Вы не плясали, а вы вышли ко мнѣ въ новомъ галстукѣ, бѣльѣ, въ перчаткахъ, напомаженный и раздушенный. Увѣряю васъ, что вамъ очень хотѣлось самому жениться; это было на вашемъ лицѣ написано, и, повѣрьте, выраженіе самое неизящное. Если я не замѣтила вамъ тогда-же, то единственно изъ деликатности. Но вы желали, вы желали жениться, не смотря на мерзости, которыя вы писали интимно обо мнѣ и о вашей невѣстѣ. Теперь вовсе не то. И къ чему тутъ Cozak du Don надъ какою-то вашею могилой? Не понимаю, что̀ за сравненіе. Напротивъ, не умирайте, а живите; живите какъ можно больше, я очень буду рада.

— Въ богадѣльнѣ?

— Въ богадѣльнѣ? Въ богадѣльню нейдутъ съ тремя тысячами дохода. Ахъ, припоминаю, усмѣхнулась она; — въ самомъ дѣлѣ Петръ Степановичъ какъ-то расшутился разъ о богадѣльнѣ. Ба, это дѣйствительно особенная богадѣльня, о которой стоитъ подумать. Это для самыхъ почтенныхъ особъ, тамъ есть полковники, туда даже теперь хочетъ одинъ генералъ. Если вы поступите со всѣми вашими деньгами, то найдете покой, довольство, служителей. Вы тамъ будете заниматься науками и всегда можете составить партію въ преферансъ...

— Passons.

— Passons? покоробило Варвару Петровну. — Но въ такомъ случаѣ все; вы извѣщены, мы живемъ съ этихъ поръ совершенно порознь.

— И все? Все что̀ осталось отъ двадцати лѣтъ? Послѣднее прощаніе наше?

— Вы ужасно любите восклицать, Степанъ Трофимовичъ. Нынче это совсѣмъ не въ модѣ. Они говорятъ грубо, но просто. Дались вамъ наши двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ обоюднаго самолюбія и больше ничего. Каждое письмо ваше ко мнѣ писано не ко мнѣ, а для потомства. Вы стилистъ, а не другъ, а дружба — это только прославленное слово, въ сущности: взаимное изліяніе помой...

— Боже, сколько чужихъ словъ! Затверженные уроки! И на васъ уже надѣли они свой мундиръ! Вы тоже въ радости, вы тоже на солнцѣ; chère, chère за какое чечевичное варево продали вы имъ вашу свободу!

— Я не попугай, чтобы повторять чужія слова, вскипѣла Варвара Петровна. — Будьте увѣрены, что у меня свои слова накопились. Что̀ сдѣлали вы для меня въ эти двадцать лѣтъ? Вы отказывали мнѣ даже въ книгахъ, которыя я для васъ выписывала и которыя, если-бы не переплетчикъ,

остались-бы неразрѣзанными. Что̀ давали вы мнѣ читать, когда я, въ первые годы, просила васъ руководить меня? Все Капфигъ да Капфигъ. Вы ревновали даже къ моему развитію и брали мѣры. А между тѣмъ надъ вами-же всѣ смѣются. Признаюсь, я всегда васъ считала только за критика; вы литературный критикъ и ничего болѣе. Когда дорогой въ Петербургъ я вамъ объявила, что намѣрена издавать журналъ и посвятить ему всю мою жизнь, вы тотчасъ-же поглядѣли на меня иронически и стали вдругъ ужасно высокомѣрны.

— Это было не то, не то... мы тогда боялись преслѣдованій...

— Это было то самое, а преслѣдованій въ Петербургѣ вы ужь никакъ не могли бояться. Помните потомъ въ февралѣ, когда пронеслась вѣсть, вы вдругъ прибѣжали ко мнѣ перепуганный и стали требовать, чтобъ я тотчасъ-же дала вамъ удостовѣреніе, въ видѣ письма, что затѣваемый журналъ до васъ совсѣмъ не касается, что молодые люди ходятъ ко мнѣ, а не къ вамъ, а что вы только домашній учитель, который живетъ въ домѣ, потому что ему еще не додано жалованье, не такъ-ли? Помните это вы? Вы отмѣнно отличались всю вашу жизнь, Степанъ Трофимовичъ.

— Это была только одна минута малодушія, минута глазъ на глазъ, горестно воскликнулъ онъ,— но неужели, неужели-же все порвать изъ-за такихъ мелкихъ впечатлѣній? Неужели-же ничего болѣе не уцѣлѣло между нами за столь долгіе годы?

— Вы ужасно разсчетливы; вы все хотите такъ сдѣлать, чтобъ я еще оставалась въ долгу. Когда вы воротились изъ-за границы, вы смотрѣли предо мною свысока и не давали мнѣ выговорить слова, а когда я сама поѣхала и заговорила съ вами потомъ о впечатлѣніи послѣ Мадонны, вы не дослушали и высокомѣрно стали улыбаться въ свой галстукъ, точно я ужь не могла имѣть такихъ-же точно чувствъ какъ и вы.

— Это было не то, вѣроятно не то... J'ai oublié.

— Нѣтъ, это было то самое, да и хвалиться-то было нечѣмъ предо мною, потому что все это вздоръ и одна только ваша выдумка. Нынче никто, никто ужь Мадонной не восхищается и не теряетъ на это времени, кромѣ закоренѣлыхъ стариковъ. Это доказано.

— Ужь и доказано?

— Она совершенно ни къ чему не служитъ. Эта кружка полезна, потому что въ нее можно влить воды; этотъ карандашъ полезенъ, потому что имъ можно все записать, а тутъ женское лицо хуже всѣхъ другихъ лицъ въ натурѣ. Попробуйте нарисовать яблоко и положите тутъ-же рядомъ настоящее яблоко — которое вы возьмете? Небось не ошибетесь. Вотъ къ чему сводятся теперь всѣ ваши теоріи, только что озарилъ ихъ первый лучъ свободнаго изслѣдованія.

— Такъ, такъ.

— Вы усмѣхаетесь иронически. А что̀, напримѣръ, говорили вы мнѣ о милостынѣ? А между тѣмъ наслажденіе отъ милостыни есть наслажденіе надменное и безнравственное, наслажденіе богача своимъ богатствомъ, властію и сравненіемъ своего значенія съ значеніемъ нищаго. Милостыня развращаетъ и подающаго, и берущаго, и сверхъ того не достигаетъ цѣли, потому что только усиливаетъ нищенство. Лѣнтяи, не желающіе работать, толпятся около дающихъ, какъ игроки около игорнаго стола, надѣясь выиграть. А межъ тѣмъ жалкихъ грошей, которые имъ бросаютъ, не достаетъ и на сотую долю. Много-ль вы роздали въ вашу жизнь? Гривенъ восемь не болѣе, припомните-ка. Постарайтесь вспомнить, когда вы подавали въ послѣдній разъ; года два назадъ, а, пожалуй, четыре будетъ. Вы кричите и только дѣлу мѣшаете. Милостыня и въ теперешнемъ обществѣ должна быть закономъ запрещена. Въ новомъ устройствѣ совсѣмъ не будетъ бѣдныхъ.

— О, какое изверженіе чужихъ словъ! Такъ ужь и до новаго устройства дошло? Несчастная, помоги вамъ Богъ!

— Да, дошло, Степанъ Трофимовичъ; вы тщательно скрывали отъ меня всѣ новыя идеи, теперь всѣмъ уже извѣстныя, и дѣлали это единственно изъ ревности, чтобъ имѣть надо мною власть. Теперь даже эта Юлія на сто верстъ впереди меня. Но теперь и я прозрѣла. Я защищала васъ, Степанъ Трофимовичъ, сколько могла; васъ рѣшительно всѣ обвиняютъ.

— Довольно! поднялся было онъ съ мѣста, — довольно! И что̀ еще пожелаю вамъ, неужто раскаянія?

— Сядьте на минуту, Степанъ Трофимовичъ, мнѣ надо еще васъ спросить. Вамъ передано было приглашеніе читать на литературномъ утрѣ; это чрезъ меня устроилось. Скажите, что̀ именно вы прочтете?

— А вотъ именно объ этой царицѣ царицъ, объ этомъ идеалѣ человѣчества, Мадоннѣ Сикстинской, которая не сто̀итъ, по вашему, стакана или карандаша.

— Такъ вы не изъ исторіи? горестно изумилась Варвара Петровна. — Но васъ слушать не будутъ. Далась-же вамъ эта Мадонна! Ну что̀ за охота если вы всѣхъ усыпите? Будьте увѣрены, Степанъ Трофимовичъ, что я единственно въ вашемъ интересѣ говорю. То-ли дѣло, если-бы вы взяли какую нибудь коротенькую, но занимательную средневѣковую придворную исторійку, изъ испанской исторіи, или, лучше сказать, одинъ анекдотъ и наполнили-бы его еще анекдотами и острыми словечками отъ себя. Тамъ были пышные дворы, тамъ были такія дамы, отравленія. Кармазиновъ говоритъ, что странно будетъ, если ужь и изъ испанской исторіи не прочесть чего нибудь занимательнаго?

— Кармазиновъ, этотъ исписавшійся глупецъ, ищетъ для меня темы!

— Кармазиновъ, этотъ почти государственный умъ! Вы слишкомъ дерзки на языкъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Вашъ Кармазиновъ — это старая, исписавшаяся, обозленная баба! Chère, chère, давно-ли вы такъ поработились ими, о, Боже!

— Я и теперь его терпѣть не могу за важничаніе, но я отдаю справедливость его уму. Повторяю, я защищала васъ изо всѣхъ силъ, сколько могла. И къ чему непремѣнно заявлять себя смѣшнымъ и скучнымъ? Напротивъ, выйдите на эстраду съ почтенною улыбкой, какъ представитель прошедшаго вѣка, и разскажите три анекдота, со всѣмъ вашимъ остроуміемъ, такъ, какъ вы только умѣете иногда разсказать. Пусть вы старикъ, пусть вы отжившаго вѣка, пусть, наконецъ, отстали отъ нихъ; но вы сами съ улыбкой въ этомъ сознаетесь въ предисловіи, и всѣ увидятъ, что вы милый, добрый, остроумный обломокъ... Однимъ словомъ, человѣкъ старой соли и настолько передовой, что самъ способенъ оцѣнить во что̀ слѣдуетъ все безобразіе иныхъ понятій, которымъ до сихъ поръ онъ слѣдовалъ. Ну, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, я васъ прошу.

— Chère, довольно! Не просите, не могу. Я прочту о Мадоннѣ, но подыму бурю, которая или раздавитъ ихъ всѣхъ или поразитъ одного меня!

— Навѣрно одного васъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Таковъ мой жребій. Я разскажу о томъ подломъ рабѣ, о томъ вонючемъ и развратномъ лакеѣ, который первый взмостится на лѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала, во имя равенства, зависти и... пищеваренія. Пусть прогремитъ мое проклятіе, и тогда, тогда...

— Въ съумасшедшій домъ?

— Можетъ быть. Но во всякомъ случаѣ, останусь-ли я побѣжденнымъ или побѣдителемъ, я въ тотъ-же вечеръ возьму мою суму, нищенскую суму мою, оставлю всѣ мои пожитки, всѣ подарки ваши, всѣ пенсіоны и обѣщанія будущихъ благъ и уйду пѣшкомъ, чтобы кончить жизнь у купца гувернеромъ, либо умереть гдѣ нибудь съ голоду подъ заборомъ. Я сказалъ. Alea jacta est!

Онъ приподнялся снова.

— Я была увѣрена, поднялась, засверкавъ глазами, Варвара Петровна, — увѣрена уже годы, что вы именно на то только и живете, чтобы подъ конецъ опозорить меня и мой домъ клеветой! Что̀ вы хотите сказать вашимъ гувернерствомъ у купца, или смертью подъ заборомъ? Злость, клевета и ничего больше!

— Вы всегда презирали меня; но я кончу какъ рыцарь вѣрный моей дамѣ, ибо ваше мнѣніе было мнѣ всегда дороже всего. Съ этой минуты не принимаю ничего, а чту безкорыстно.

— Какъ это глупо!

— Вы всегда не уважали меня. Я могъ имѣть бездну слабостей. Да, я васъ объѣдалъ; я говорю языкомъ нигилизма; но

объѣдать никогда не было высшимъ принципомъ моихъ поступковъ. Это случилось такъ, само собою, я не знаю какъ... Я всегда думалъ, что между нами остается нѣчто высшее ѣды, и — никогда, никогда не былъ я подлецомъ! Итакъ, въ путь, чтобы поправить дѣло! Въ поздній путь, на дворѣ поздняя осень, туманъ лежитъ надъ полями, мёрзлый, старческій иней покрываетъ будущую дорогу мою, а вѣтеръ завываетъ о близкой могилѣ... Но въ путь, въ путь, въ новый путь:

«Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ»...

О, прощайте мечты мои! Двадцать лѣтъ! Alea jacta est.

Лицо его было обрызгано прорвавшимися вдругъ слезами; онъ взялъ свою шляпу.

— Я ничего не понимаю по латыни, проговорила Варвара Петровна, изо всѣхъ силъ скрѣпляя себя.

Кто знаетъ, можетъ быть, ей тоже хотѣлось заплакать, но негодованіе и капризъ еще разъ взяли верхъ:

— Я знаю только одно, именно что все это шалости. Никогда вы не въ состояніи исполнить вашихъ угрозъ, полныхъ эгоизма. Никуда вы не пойдете, ни къ какому купцу, а преспокойно кончите у меня на рукахъ, получая пенсіонъ и собирая вашихъ ни на что не похожихъ друзей по вторникамъ. Прощайте, Степанъ Трофимовичъ.

— Alea jacta est! глубоко поклонился онъ ей и воротился домой еле живой отъ волненія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Петръ Степановичъ въ хлопотахъ.

I.

День праздника былъ назначенъ окончательно, а фонъ-Лембке становился все грустнѣе и задумчивѣе. Онъ былъ полонъ странныхъ и зловѣщихъ предчувствій, и это сильно безпокоило Юлію Михайловну. Правда, не все обстояло благополучно. Прежній мягкій губернаторъ нашъ оставилъ управленіе не совсѣмъ въ порядкѣ; въ настоящую минуту надвигалась холера; въ иныхъ мѣстахъ объявился сильный скотскій падежъ; все лѣто свирѣпствовали по городамъ и селамъ пожары, а въ народѣ все сильнѣе и сильнѣе укоренялся глупый ропотъ о поджогахъ. Грабительство возросло вдвое противъ прежнихъ размѣровъ. Но все-бы это, разумѣется, было болѣе чѣмъ обыкновенно, если-бы при этомъ не было другихъ болѣе вѣскихъ причинъ, нарушавшихъ спокойствіе доселѣ счастливаго Андрея Антоновича.

Всего болѣе поражало Юлію Михайловну, что онъ съ каждымъ днемъ становился молчаливѣе и, странное дѣло, скрытнѣе. И чего-бы, кажется, ему было скрывать? Правда, онъ рѣдко ей возражалъ и большею частію совершенно повиновался. По ея настоянію были, напримѣръ, проведены двѣ или три мѣры, чрезвычайно рискованныя и чуть-ли не противозаконныя, въ видахъ усиленія губернаторской власти. Было сдѣлано нѣсколько зловѣщихъ потворствъ съ тою-же цѣлію; люди, напримѣръ, достойные суда и Сибири, единственно по ея настоянію, были представлены къ наградѣ. На нѣкоторыя жалобы и запросы положено было систематически не отвѣчать. Все это обнаружилось впослѣдствіи. Лембке не только все подписывалъ, но даже и не обсуждалъ вопроса о мѣрѣ участія своей супруги въ исполненіи его собственныхъ обязанностей. Зато вдругъ начиналъ временами дыбиться изъ-за «совершенныхъ пустяковъ» и удивлялъ Юлію Михайловну. Конечно, за дни послушанія онъ чувствовалъ потребность вознаградить себя маленькими минутами бунта. Къ сожалѣнію, Юлія Михайловна, не смотря на всю свою проницательность, не могла понять этой благородной тонкости въ благородномъ характерѣ. Увы! ей было не до того, и отъ этого произошло много недоумѣній.

Мнѣ не стать, да и не съумѣю я разсказывать объ иныхъ вещахъ. Объ административныхъ ошибкахъ разсуждать тоже не мое дѣло, да и всю эту административную сторону я устраняю совсѣмъ. Начавъ хронику, я задался другими задачами. Кромѣ того многое обнаружится назначеннымъ

теперь въ нашу губернію слѣдствіемъ, стоитъ только немножко подождать. Однако, всетаки нельзя миновать иныхъ разъясненій.

Но продолжаю о Юліи Михайловнѣ. Бѣдная дама (я очень сожалѣю о ней) могла достигнуть всего, что такъ влекло и манило ее (славы и прочаго) вовсе безъ такихъ сильныхъ и эксцентрическихъ движеній, какими она задалась у насъ съ самаго перваго шага. Но отъ избытка-ли поэзіи, отъ долгихъ-ли грустныхъ неудачъ первой молодости, она вдругъ, съ перемѣной судьбы, почувствовала себя какъ-то слишкомъ ужь особенно призванною, чутьли не помазанною, «надъ коей вспыхнулъ сей языкъ», а въ языкѣ-то этомъ и заключалась бѣда: всетаки вѣдь онъ не шиньонъ, который можетъ накрыть каждую женскую голову. Но въ этой истинѣ всего труднѣе увѣрить женщину; напротивъ, кто захочетъ поддакивать, тотъ и успѣетъ, а поддакивали ей взапуски. Бѣдняжка разомъ очутилась игралищемъ самыхъ различныхъ вліяній, въ тоже время вполнѣ воображая себя оригинальною. Многіе мастера погрѣли около нея руки и воспользовались ея простодушіемъ въ краткій срокъ ея губернаторства. И что за каша выходила тутъ подъ видомъ самостоятельности! Ей нравились и крупное землевладѣніе, и аристократическій элементъ, и усиленіе губернаторской власти, и демократическій элементъ, и новыя учрежденія, и порядокъ, и вольнодумство, и соціальныя идейки, и строгій тонъ аристократическаго салона, и развязность чуть не трактирная окружавшей её молодежи. Она мечтала *дать счастье* и примирить непримиримое, вѣрнѣе-же, соединить всѣхъ и все въ обожаніи собственной ея особы. Были у ней и любимцы; Петръ Степановичъ, дѣйствуя, между прочимъ, грубѣйшею лестью, ей очень нравился. Но онъ нравился ей и по другой причинѣ, самой диковинной и самой характерно-рисующей бѣдную даму: она все надѣялась, что онъ укажетъ ей цѣлый государственный заговоръ! Какъ ни трудно это представить, а это было такъ. Ей почему-то казалось, что въ губерніи непремѣнно укрывается государственный заговоръ. Петръ Степановичъ своимъ молчаніемъ въ однихъ случаяхъ и намеками въ другихъ способствовалъ укорененію ея странной идеи. Она-же воображала его въ связяхъ со всѣмъ, что есть въ Россіи революціоннаго, но въ тоже время ей преданнымъ до обожанія. Открытіе заговора, благодарность изъ Петербурга, карьера впереди, воздѣйствіе «лаской» на молодежь для удержанія ея на краю, — все это вполнѣ уживалось въ фантастической ея головѣ. Вѣдь спасла-же она, покорила-же она Петра Степановича (въ этомъ она была почему-то неотразимо увѣрена), спасетъ и другихъ. Никто, никто изъ нихъ не погибнетъ, она спасетъ ихъ всѣхъ; она ихъ разсортируетъ; она такъ о нихъ доложитъ; она поступитъ въ видахъ высшей справедливости, и даже, можетъ быть, исторія и весь русскій либерализмъ благословятъ ея имя; а заговоръ всетаки будетъ открытъ. Всѣ выгоды разомъ.

Но всетаки требовалось, чтобы хоть къ празднику Андрей Антоновичъ сталъ посвѣтлѣе. Надо было непремѣнно его развеселить и успокоить. Съ этою цѣлью она командировала къ нему Петра Степановича, въ надеждѣ повліять на его уныніе какимъ нибудь ему извѣстнымъ успокоительнымъ способомъ. Можетъ быть, даже какими нибудь сообщеніями, такъ сказать, прямо изъ первыхъ устъ. На его ловкость она вполнѣ надѣялась. Петръ Степановичъ уже давно не былъ въ кабинетѣ господина фонъ-Лембке. Онъ разлетѣлся къ нему именно въ ту самую минуту, когда паціентъ находился въ особенно тугомъ настроеніи.

II.

Произошла одна комбинація, которую господинъ фонъ-Лембке никакъ не могъ разрѣшить. Въ уѣздѣ (въ томъ самомъ, въ которомъ пировалъ недавно Петръ Степановичъ) одинъ подпоручикъ подвергся словесному выговору своего ближайшаго командира. Случилось это предъ всею ротой. Подпоручикъ былъ еще молодой человѣкъ, недавно изъ Петербурга, всегда молчали-

вый и угрюмый, важный съ виду, хотя въ тоже время маленькій, толстый и краснощекій. Онъ не вынесъ выговора и вдругъ бросился на командира съ какимъ-то неожиданнымъ взвизгомъ, удивившимъ всю роту, какъ-то дико наклонивъ голову; ударилъ и изо всей силы укусилъ его въ плечо, насилу могли оттащить. Сомнѣнія не было, что сошелъ съума, по крайней мѣрѣ, обнаружилось, что въ послѣднее время онъ замѣченъ былъ въ самыхъ невозможныхъ странностяхъ. Выбросилъ, напримѣръ, изъ квартиры своей два хозяйскіе образа и одинъ изъ нихъ изрубилъ топоромъ; въ своей-же комнатѣ разложилъ на подставкахъ, въ видѣ трехъ налоевъ, сочиненія Фохта, Молешота и Бюхнера, и предъ каждымъ налоемъ зажигалъ восковыя церковныя свѣчки. По количеству найденныхъ у него книгъ можно было заключить, что человѣкъ онъ начитанный. Если-бъ у него было пятьдесятъ тысячъ франковъ, то онъ уплылъ-бы, можетъ быть, на Маркизскіе острова, какъ тотъ «кадетъ», о которомъ упоминаетъ съ такимъ веселымъ юморомъ г. Герценъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Когда его взяли, то въ карманахъ его и въ квартирѣ нашли цѣлую пачку самыхъ отчаянныхъ прокламацій.

Прокламаціи сами по себѣ тоже дѣло пустое и, по моему, вовсе не хлопотливое. Мало-ли мы ихъ видали. Притомъ-же это были и не новыя прокламаціи: такія-же точно, какъ говорили потомъ, были недавно разсыпаны въ Х—ской губерніи, а Липутинъ, ѣздившій мѣсяца полтора назадъ въ уѣздъ и въ сосѣднюю губернію, увѣрялъ, что уже тогда видѣлъ тамъ такіе-же точно листки. Но поразило Андрея Антоновича главное то, что управляющій на Шпигулинской фабрикѣ доставилъ какъ разъ въ тоже время въ полицію двѣ или три пачки совершенно такихъ-же точно листочковъ, какъ и у подпоручика, подкинутыхъ ночью на фабрикѣ. Пачки были еще и не распакованы, и никто изъ рабочихъ не успѣлъ прочесть ни одной. Фактъ былъ глупенькій, но Андрей Антоновичъ усиленно задумался. Дѣло представлялось ему въ непріятно сложномъ видѣ.

Въ этой фабрикѣ Шпигулиныхъ только что началась тогда та самая «шпигулинская исторія», о которой такъ много у насъ прокричали и которая съ такими варіантами перешла и въ столичныя газеты. Недѣли съ три назадъ заболѣлъ тамъ и умеръ одинъ рабочій азіятскою холерой; потомъ заболѣло еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ въ городѣ струсили, потому что холера надвигалась изъ сосѣдней губерніи. Замѣчу, что у насъ были приняты по возможности удовлетворительныя санитарныя мѣры для встрѣчи непрошенной гостьи. Но фабрику Шпигулиныхъ, милліонеровъ и людей со связями, какъ-то просмотрѣли. И вотъ вдругъ всѣ стали вопить, что въ ней-то и таится корень и разсадникъ болѣзни, что на самой фабрикѣ и особенно въ помѣщеніяхъ рабочихъ такая закоренѣлая нечистота, что если-бъ и не было совсѣмъ холеры, то она должна была-бы тамъ сама зародиться. Мѣры, разумѣется, были тотчасъ-же приняты, и Андрей Антоновичъ энергически настоялъ на немедленномъ ихъ исполненіи. Фабрику очистили недѣли въ три, но Шпигулины неизвѣстно почему ее закрыли. Одинъ братъ Шпигулинъ постоянно проживалъ въ Петербургѣ, а другой, послѣ распоряженія начальства объ очисткѣ, уѣхалъ въ Москву. Управляющій приступилъ къ разсчету работниковъ и, какъ теперь оказывается, нагло мошенничалъ. Работники стали роптать, хотѣли разсчета справедливаго, по глупости ходили въ полицію, впрочемъ, безъ большаго крика и вовсе ужь не такъ волновались. Вотъ въ это-то время и доставлены были Андрею Антоновичу прокламаціи отъ управляющаго.

Петръ Степановичъ влетѣлъ въ кабинетъ не доложившись, какъ добрый другъ и свой человѣкъ, да и къ тому-же съ порученіемъ отъ Юліи Михайловны. Увидѣвъ его, фонъ-Лембке угрюмо нахмурился и непривѣтливо остановился у стола. До этого онъ расхаживалъ по кабинету и толковалъ о чемъ-то глазъ на глазъ съ чиновникомъ своей канцеляріи Блюмомъ, чрезвычайно неуклюжимъ и угрюмымъ нѣмцемъ, котораго привезъ съ собой изъ Петербурга, не смотря на сильнѣйшую оппозицію Юліи Ми-

хайловны. Чиновникъ при входѣ Петра Степановича отступилъ къ дверямъ, но не вышелъ. Петру Степановичу даже показалось, что онъ какъ-то знаменательно переглянулся съ своимъ начальникомъ.

— Ого, поймалъ таки васъ, скрытный градоначальникъ! возопилъ, смѣясь, Петръ Степановичъ и накрылъ ладонью лежавшую на столѣ прокламацію, — это умножитъ вашу коллекцію, а?

Андрей Антоновичъ вспыхнулъ. Что-то вдругъ какъ-бы перекосилось въ его лицѣ.

— Оставьте, оставьте сейчасъ! вскричалъ онъ, вздрогнувъ отъ гнѣва, — и не смѣйте... сударь...

— Чего вы такъ? Вы, кажется, сердитесь?

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, что я вовсе не намѣренъ отселѣ терпѣть вашего sans façon и прошу васъ припомнить...

— Фу, чортъ, да вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ!

— Молчите-же, молчите! затопалъ по ковру ногами фонъ-Лембке,—и не смѣйте...

Богъ знаетъ до чего-бы дошло. Увы, тутъ было еще одно обстоятельство помимо всего, совсѣмъ неизвѣстное ни Петру Степановичу, ни даже самой Юліи Михайловнѣ. Несчастный Андрей Антоновичъ дошелъ до такого разстройства, что, въ послѣдніе дни, про себя сталъ ревновать свою супругу къ Петру Степановичу. Въ уединеніи, особенно по ночамъ, онъ выносилъ непріятнѣйшія минуты.

— А я думалъ, если человѣкъ два дня сряду за полночь читаетъ вамъ наединѣ свой романъ и хочетъ вашего мнѣнія, то ужь самъ, по крайней мѣрѣ, вышелъ изъ этихъ оффиціальностей... Меня Юлія Михайловна принимаетъ на короткой ногѣ; какъ васъ тутъ распознаешь? съ нѣкоторымъ даже достоинствомъ произнесъ Петръ Степановичъ.—Вотъ вамъ кстати и вашъ романъ, положилъ онъ на столъ большую, вѣскую, свернутую въ трубку тетрадь, наглухо обернутую синею бумагой.

Лембке покраснѣлъ и замялся.

— Гдѣ-же вы отыскали? осторожно спросилъ онъ съ приливомъ радости, которую сдержать не могъ, но сдерживалъ, однако-жь, изо всѣхъ силъ.

— Вообразите, какъ была въ трубкѣ, такъ и скатилась за комодъ. Я, должно быть, какъ вошелъ, бросилъ ее тогда неловко на комодъ. Только третьяго дня отыскали, полы мыли, задали-же вы мнѣ, однако, работу!

Лембке строго опустилъ глаза.

— Двѣ ночи сряду не спалъ по вашей милости. Третьяго дня еще отыскали, а я удержалъ, все читалъ, днемъ-то некогда, такъ я по ночамъ. Ну-съ, и — недоволенъ: мысль не моя. Да наплевать, однако, критикомъ никогда не бывалъ, но — оторваться, батюшка, не могъ, хоть и недоволенъ! Четвертая и пятая главы это... это... это... чортъ знаетъ что̀ такое! И сколько юмору у васъ напихано, хохоталъ. Какъ вы, однако-жь, умѣете поднять на смѣхъ sans que cela paraisse! Ну, тамъ въ девятой, десятой, это все про любовь, не мое дѣло; эффектно, однако; за письмомъ Игренева чуть не занюнилъ, хотя вы его такъ тонко выставили... Знаете, оно чувствительно, а въ тоже время вы его какъ-бы фальшивымъ бокомъ хотите выставить, вѣдь такъ? Угадалъ я или нѣтъ? Ну, а за конецъ просто избилъ-бы васъ. Вѣдь вы что̀ проводите? Вѣдь это тоже прежнее обоготвореніе семейнаго счастія, пріумноженія дѣтей, капиталовъ, стали жить поживать да добра наживать, помилуйте! Читателя очаруете, потому что даже я оторваться не могъ, да вѣдь тѣмъ сквернѐе. Читатель глупъ по прежнему, слѣдовало-бы его умнымъ людямъ расталкивать, а вы... Ну да довольно, однако, прощайте. Не сердитесь въ другой разъ; я пришелъ было вамъ два словечка нужныхъ сказать; да вы какой-то такой...

Андрей Антоновичъ между тѣмъ взялъ свой романъ и заперъ на ключъ въ дубовый книжный шкафъ, успѣвъ, между прочимъ, мигнуть Блюму, чтобы тотъ стушевался. Тотъ исчезъ съ вытянутымъ и грустнымъ лицомъ.

— Я не какой-то такой, а я просто... все непріятности, пробормоталъ онъ, нахмурясь, но уже безъ гнѣва и подсаживаясь къ столу;— садитесь и скажите ваши два слова. Я васъ давно не видалъ,

Петръ Степановичъ, и только не влетайте вы впередъ съ вашею манерой... иногда при дѣлахъ оно...

— Манеры у меня одни...

— Знаю-съ и вѣрю, что вы безъ намѣренія, но иной разъ находишься въ хлопотахъ... Садитесь-же.

Петръ Степановичъ разлегся на диванѣ и мигомъ поджалъ подъ себя ноги.

III.

— Это въ какихъ-же вы хлопотахъ; неужто эти пустяки? кивнулъ онъ на прокламацію.—Я вамъ такихъ листковъ сколько угодно натаскаю, еще въ Х—ской губерніи познакомился.

— То есть въ то время, какъ вы тамъ проживали?

— Ну, разумѣется, не въ мое отсутствіе. Еще она съ виньеткой, топоръ наверху нарисованъ. Позвольте (онъ взялъ прокламацію); ну да, топоръ и тутъ; та самая, точнехонько.

— Да, топоръ. Видите топоръ.

— Что-жь, топора испугались?

— Я не топора-съ... и не испугался-съ; но дѣло это... дѣло такое, тутъ обстоятельства.

— Какія? Что съ фабрики-то принесли? Хе-хе. А знаете, у васъ на этой фабрикѣ сами рабочіе скоро будутъ писать прокламаціи.

— Какъ это? строго уставился фонъ-Лембке.

— Да такъ. Вы и смотрите на нихъ. Слишкомъ вы мягкій человѣкъ, Андрей Антоновичъ; романы пишете. А тутъ надобы по старинному.

— Что такое по старинному, что за совѣты? Фабрику вычистили; я велѣлъ, и вычистили.

— А между рабочими бунтъ. Перепороть ихъ сплошь, и дѣло съ концомъ.

— Бунтъ? Вздоръ это; я велѣлъ, и вычистили.

— Эхъ, Андрей Антоновичъ, мягкій вы человѣкъ!

— Я, во первыхъ, вовсе не такой ужь мягкій, а, во вторыхъ... укололся было опять фонъ-Лембке. Онъ разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ чрезъ силу, изъ любопытства, не скажетъ-ли тотъ чего новенькаго.

— А-а, опять старая знакомая! перебилъ Петръ Степановичъ, нацѣлившись на другую бумажку подъ преспанье, тоже въ родѣ прокламаціи, очевидно заграничной печати, но въ стихахъ; — ну, эту я наизусть знаю: *Свѣтлая Личность!* Посмотримъ; ну такъ, *Свѣтлая Личность* и есть. Знакомъ съ этой личностью еще съ заграницы. Гдѣ откопали?

— Вы говорите, что видѣли за границей? встрепенулся фонъ-Лембке.

— Еще-бы, четыре мѣсяца назадъ, или даже пять.

— Какъ много вы, однако, за границей видѣли, тонко посмотрѣлъ фонъ-Лембке. Петръ Степановичъ, не слушая, развернулъ бумажку и прочелъ вслухъ стихотвореніе:

Свѣтлая личность.

Онъ незнатной былъ породы,
Онъ возросъ среди народа,
Но, гонимый местью царской,
Злобной завистью боярской,
Онъ обрекъ себя страданью,
Казнямъ, пыткамъ, истязанью,
И пошелъ вѣщать народу
Братство, равенство, свободу.

И, возстанье начиная,
Онъ бѣжалъ въ чужіе краи
Изъ царева каземата,
Отъ кнута, щипцовъ и ката.
А народъ, возстать готовый
Изъ подъ участи суровой,
Отъ Смоленска до Ташкента
Съ нетерпѣньемъ ждалъ студента.

Ждалъ его онъ поголовно,
Чтобъ идти безпрекословно
Порѣшить въ концъ боярство.
Порѣшить совсѣмъ и царство,
Сдѣлать общими имѣнья
И предать на вѣки мщенью
Церкви, браки и семейство—
Міра стараго злодѣйство!

— Должно быть, у того офицера взяли, а? спросилъ Петръ Степановичъ.

— А вы и того офицера изволите знать?

— Еще-бы. Я тамъ съ нимъ два дня пировалъ. Ему такъ и надо было сойдти съума.

— Онъ, можетъ быть, и не сходилъ съума.

— Не потому-ли что кусаться началъ?

— Но, позвольте, если вы видѣли эти стихи за границей и потомъ оказывается здѣсь у того офицера...

— Что̀? Замысловато! Вы, Андрей Антоновичъ, меня, какъ вижу, экзаменуете? Видите-съ, началъ онъ вдругъ съ необыкновенною важностью.— О томъ, что̀ я видѣлъ за границей, я, возвратясь, уже кой-кому объяснилъ, и объясненія мои найдены удовлетворительными, иначе я не осчастливилъ-бы моимъ присутствіемъ здѣшняго города. Считаю, что дѣла мои въ этомъ смыслѣ покончены и никому не обязанъ отчетомъ. И не потому покончены, что я доносчикъ, а потому, что не могъ иначе поступить. Тѣ, которые писали Юліи Михайловнѣ, зная дѣло, писали обо мнѣ какъ о человѣкѣ честномъ... Ну, это все, однакоже, къ чорту, а я вамъ пришелъ сказать одну серіозную вещь, и хорошо, что вы этого трубочиста вашего выслали. Дѣло для меня важное, Андрей Антоновичъ; будетъ одна моя чрезвычайная просьба къ вамъ.

— Просьба? Гм... сдѣлайте одолженіе, я жду и, признаюсь, съ любопытствомъ. И вообще прибавлю, вы меня довольно удивляете, Петръ Степановичъ.

Фонъ-Лембке былъ въ нѣкоторомъ волненіи. Петръ Степановичъ закинулъ ногу за ногу.

— Въ Петербургѣ, началъ онъ,— я на счетъ многаго былъ откровененъ, но на счетъ чего нибудь или вотъ этого, напримѣръ (онъ стукнулъ пальцемъ по *Свѣтлой Личности*) я умолчалъ, во первыхъ, потому, что не стоило говорить, а, во вторыхъ, потому, что объявлялъ только о томъ, о чемъ спрашивали. Не люблю въ этомъ смыслѣ самъ впередъ забѣгать; въ этомъ и вижу разницу между подлецомъ и честнымъ человѣкомъ, котораго просто за прсто накрыли обстоятельства... Ну, однимъ словомъ, это въ сторону. Ну-съ, а теперь... теперь, когда эти дураки... ну, когда это вышло наружу и уже у васъ въ рукахъ, и отъ васъ, я вижу, не укроется,— потому что вы человѣкъ съ глазами, и васъ впередъ не распознаешь,— а эти глупцы между тѣмъ продолжаютъ, я... я... ну, да я, однимъ словомъ, пришелъ васъ просить спасти одного человѣка, одного тоже глупца, пожалуй съумасшедшаго, во имя его молодости, несчастій, во имя вашей гуманности... Не въ романахъ-же однихъ собственнаго издѣлія вы такъ гуманны! съ грубымъ сарказмомъ и въ нетерпѣніи оборвалъ онъ вдругъ рѣчь.

Однимъ словомъ, было видно человѣка прямаго, но неловкаго и неполитичнаго, отъ избытка гуманныхъ чувствъ и излишней, можетъ быть, щекотливости, главное, человѣка недалекаго, какъ тотчасъ-же съ чрезвычайною тонкостью оцѣнилъ фонъ-Лембке и какъ давно уже объ немъ полагалъ, особенно когда въ послѣднюю недѣлю, одинъ въ кабинетѣ, по ночамъ особенно, ругалъ его изо всѣхъ силъ про себя за необъяснимые успѣхи у Юліи Михайловны.

— За кого-же вы просите и что̀-же это все означаетъ? сановито освѣдомился онъ, стараясь скрыть свое любопытство.

— Это... это... чортъ... Я не виноватъ вѣдь, что въ васъ вѣрю! Чѣмъ-же я виноватъ, что почитаю васъ за благороднѣйшаго человѣка, и, главное, толковаго... способнаго, то есть, понять... чортъ...

Бѣдняжка, очевидно, не умѣлъ съ собой справиться.

— Вы, наконецъ, поймите, продолжалъ онъ,— поймите, что, называя вамъ его имя, я вамъ его вѣдь предаю; вѣдь предаю, не такъ-ли? Не такъ-ли?

— Но какъ-же, однако, я могу угадать, если вы не рѣшаетесь высказаться?

— То-то вотъ и есть, вы всегда подкосите вотъ этою вашею логикой, чортъ... ну, чортъ... эта «свѣтлая личность», этотъ «студентъ» — это Шатовъ... вотъ вамъ и все!

— Шатовъ? То есть какъ это Шатовъ?

— Шатовъ, это «студентъ», вотъ про котораго здѣсь упоминается. Онъ здѣсь живетъ; бывшій крѣпостной человѣкъ, ну, вотъ пощечину далъ.

— Знаю, знаю! прищурился Лембке,— но, позвольте, въ чемъ-же собственно онъ обвиняется и о чемъ вы-то, главнѣйше, ходатайствуете?

— Да спасти-же его прошу, понимаете! Вѣдь я его восемь лѣтъ тому еще зналъ, вѣдь я ему другомъ, можетъ быть, былъ, выходилъ изъ себя Петръ Степановичъ.—

Ну, да я вамъ не обязанъ отчетами въ прежней жизни, махнулъ онъ рукой, — все это ничтожно, все это три съ половиной человѣка, а съ заграничными и десяти не наберется, а главное — я понадѣялся на вашу гуманность, на умъ. Вы поймете, и сами покажете дѣло въ настоящемъ видѣ, а не какъ Богъ знаетъ что̀, какъ глупую мечту сумасброднаго человѣка... отъ несчастій, замѣтьте, отъ долгихъ несчастій, а не какъ чортъ знаетъ тамъ какой небывалый государственный заговоръ!..

Онъ почти задыхался.

— Гм. Вижу, что онъ виновенъ въ прокламаціяхъ съ топоромъ, почти величаво заключилъ Лембке; позвольте, однако-же, если-бъ одинъ, то какъ могъ онъ ихъ разбросать и здѣсь, и въ провинціяхъ, и даже въ Х— й губерніи и... наконецъ, главнѣйшее, гдѣ взялъ?

— Да говорю-же вамъ, что ихъ, очевидно, всего на все пять человѣкъ, ну, десять, почему я знаю?

— Вы не знаете?

— Да почему мнѣ знать, чортъ возьми?

— Но вотъ знали-же, однако, что Шатовъ одинъ изъ сообщниковъ?

— Эхъ! махнулъ рукой Петръ Степановичъ, какъ-бы отбиваясь отъ подавляющей прозорливости вопрошателя; — ну, слушайте, я вамъ всю правду скажу: о прокламаціяхъ ничего не знаю, то есть ровнешенько ничего, чортъ возьми, понимаете, что̀ значитъ ничего?.. Ну, конечно, тотъ подпоручикъ, да еще кто нибудь, да еще кто нибудь здѣсь... ну и, можетъ, Шатовъ, ну, и еще кто нибудь, ну, вотъ и всѣ, дрянь и мизеръ... Но я за Шатова пришелъ просить, его спасти надо, потому что это стихотвореніе — его, его собственное сочиненіе и за границей черезъ него отпечатано; вотъ что̀ я знаю навѣрно, а о прокламаціяхъ ровно ничего не знаю.

— Если стихи — его, то навѣрно и прокламаціи. Какія-же, однако, данныя заставляютъ васъ подозрѣвать господина Шатова?

Петръ Степановичъ, съ видомъ окончательно выведеннаго изъ терпѣнія человѣка, выхватилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ него записку.

— Вотъ данныя! крикнулъ онъ, бросивъ ее на столъ. Лембке развернулъ; оказалось, что записка писана, съ полгода назадъ, отсюда куда-то за границу, коротенькая въ двухъ словахъ:

«*Свѣтлую Личность* отпечатать здѣсь не могу, да и ничего не могу; печатайте за границей.

«Ив. Шатовъ».

Лембке пристально уставился на Петра Степановича. Варвара Петровна правду отнеслась, что у него былъ нѣсколько бараній взглядъ, иногда особенно.

— То есть это вотъ что̀, рванулся Петръ Степановичъ, — значитъ, что онъ написалъ здѣсь, полгода назадъ, эти стихи, но здѣсь не могъ отпечатать, ну, въ тайной типографіи какой нибудь — и потому проситъ напечатать за границей... Кажется, ясно?

— Да-съ, ясно, но кого-же онъ проситъ? Вотъ это еще не ясно? съ хитрѣйшею ироніей замѣтилъ Лембке.

— Да Кирилова-же, наконецъ; записка писана къ Кирилову за границу... Не знали, что̀ ли? Вѣдь что̀ досадно, что вы, можетъ быть, предо мною только прикидываетесь, а давнымъ давно уже сами знаете про эти стихи, и все! Какъ-же очутились они у васъ на столѣ? Съумѣли очутиться! За что̀-же вы меня истязуете, если такъ?

Онъ судорожно утеръ платкомъ потъ со лба.

— Мнѣ, можетъ, и извѣстно нѣчто... ловко уклонился Лембке; но кто-же этотъ Кириловъ?

— Ну да вотъ инженеръ пріѣзжій, былъ секундантомъ у Ставрогина, маньякъ, съумасшедшій; подпоручикъ вашъ, дѣйствительно, только, можетъ, въ бѣлой горячкѣ, ну, а этотъ ужь совсѣмъ съумасшедшій, — совсѣмъ, въ этомъ гарантирую. Эхъ, Андрей Антоновичъ, если-бы знало правительство, какіе это сплошь люди, такъ на нихъ-бы рука не поднялась. Всѣхъ какъ есть цѣликомъ на седьмую версту; я еще въ Швейцаріи да на конгрессахъ нагляделся.

— Тамъ, откуда управляютъ здѣшнимъ движеніемъ?

— Да кто управляетъ-то? Три человѣка съ полчеловѣкомъ. Вѣдь на нихъ глядя

только скука возьметъ. И какимъ это здѣшнимъ движеніемъ? Прокламаціями, что̀ ли? Да и кто навербованъ-то, подпоручики въ бѣлой горячкѣ, да два—три студента! Вы умный человѣкъ, вотъ вамъ вопросъ: отчего не вербуются къ нимъ люди значительнѣе, отчего все студенты да недоросли двадцати двухъ лѣтъ? Да и много-ли? Небось милліонъ собакъ ищетъ, а много-ль всего отыскали? Семь человѣкъ. Говорю вамъ, скука возьметъ.

Лембке выслушалъ со вниманіемъ, но съ выраженіемъ говорившимъ: «Соловья баснями не накормишь».

— Позвольте, однако-же, вотъ вы изволите утверждать, что записка адресована была за границу; но здѣсь адреса нѣтъ; почему-же вамъ стало извѣстно, что записка была адресована къ господину Кирилову, и, наконецъ, за границу и... и... что писана она дѣйствительно господиномъ Шатовымъ?

— Такъ достаньте сейчасъ руку Шатова, да и свѣрьте. У васъ въ канцеляріи непремѣнно должна отыскаться какая нибудь его подпись. А что къ Кирилову, такъ мнѣ самъ Кириловъ тогда-же и показалъ.

— Вы, стало быть, сами...

— Ну да, конечно, стало быть, самъ. Мало-ли что̀ мнѣ тамъ показывали. А что эти вотъ стихи, такъ это будто покойный Герценъ написалъ ихъ Шатову, когда еще тотъ за границей скитался, будто-бы на память встрѣчи, въ похвалу, въ рекомендацію, ну, чортъ... а Шатовъ и распространяетъ въ молодежи. Самого, дескать, Герцена обо мнѣ мнѣніе.

— Те-те-те, догадался, наконецъ, совсѣмъ Лембке,—то-то я думаю: прокламація—это понятно, а стихи зачѣмъ?

— Да какъ ужь вамъ не понять. И чортъ знаетъ для чего я вамъ разболталъ! Слушайте, мнѣ Шатова отдайте, а тамъ чортъ дери ихъ всѣхъ остальныхъ, даже съ Кириловымъ, который заперся теперь въ домѣ Филиппова, гдѣ и Шатовъ, и таится. Они меня не любятъ, потому что я воротился... но обѣщайте мнѣ Шатова, и я вамъ ихъ всѣхъ на одной тарелкѣ подамъ. Пригожусь, Андрей Антоновичъ! Я эту всю жалкую кучку полагаю человѣкъ—въ девять—въ десять. Я самъ за ними слѣжу, отъ себя-съ. Намъ ужь трое извѣстны: Шатовъ, Кириловъ и тотъ подпоручикъ. Остальныхъ я еще только *разглядываю*... впрочемъ, не совсѣмъ близорукъ. Это какъ въ Х—й губерніи: тамъ схвачено съ прокламаціями два студента, одинъ гимназистъ, два двадцатилѣтнихъ дворянина, одинъ учитель и одинъ отставной маіоръ, лѣтъ шестидесяти, одурѣвшій отъ пьянства, вотъ и все, и ужь повѣрьте, что все; даже удивились, что тутъ и все. Но надо шесть дней. Я уже смекнулъ на счетахъ; шесть дней и не раньше. Если хотите какого-нибудь результата—не шевелите ихъ еще шесть дней, и я вамъ ихъ въ одинъ узелъ свяжу; а пошевелите раньше—гнѣздо разлетится. Но дайте Шатова. Я за Шатова... А всего-бы лучше призвать его секретно и дружески, хоть сюда въ кабинетъ, и проэкзаменовать, поднявши предъ нимъ завѣсу... Да онъ навѣрно самъ вамъ въ ноги бросится и заплачетъ! Это человѣкъ нервный, несчастный; у него жена гуляетъ со Ставрогинымъ. Приголубьте его, и онъ все самъ откроетъ, но надо шесть дней... А главное, главное—ни полсловечка Юліи Михайловнѣ. Секретъ. Можете секретъ?

— Какъ? вытаращилъ глаза Лембке,—да развѣ вы Юліи Михайловнѣ ничего не... открывали?

— Ей? Да сохрани меня и помилуй. Э-эхъ, Андрей Антоновичъ! Видите-съ: я слишкомъ цѣню ея дружбу, и высоко уважаю... ну и тамъ все это.. но я не промахнусь. Я ей не противорѣчу, потому что ей противорѣчить, сами знаете, опасно. Я ей, можетъ, и закинулъ словечко, потому что она это любитъ, но чтобъ я выдалъ ей, какъ вамъ теперь, имена, или тамъ что нибудь, э-эхъ, батюшка! Вѣдь я почему обращаюсь теперь къ вамъ? Потому что вы все таки мужчина, человѣкъ серіозный, съ старинною твердою служебною опытностью. Вы видали виды. Вамъ каждый шагъ въ такихъ дѣлахъ, я думаю, наизусть извѣстенъ еще съ петербургскихъ примѣровъ. А скажи я ей эти два имени, напримѣръ, и она-бы такъ забарабанила... Вѣдь она отсюда хочетъ Петербургъ удивить. Нѣтъ-съ, горяча слишкомъ, вотъ что-съ.

— Да, въ ней есть нѣсколько этой фуги, не безъ удовольствія пробормоталъ Ан-

дрей Антоновичъ, въ тоже время ужасно жалѣя, что этотъ неучъ осмѣливается, кажется, выражаться объ Юліи Михайловнѣ немного ужь вольно. Петру-же Степановичу, вѣроятно, казалось, что этого еще мало и что надо еще поддать пару, чтобы польстить и совсѣмъ ужь покорить «Лембку».

— Именно фуги, поддакнулъ онъ, — пусть она женщина, можетъ быть, геніальная, литературная, но — воробьевъ она распугаетъ. Шести часовъ не выдержитъ, не то что шести дней. Э-эхъ, Андрей Антоновичъ, не налагайте на женщину срока въ шесть дней! Вѣдь признаете-же вы за мною нѣкоторую опытность, то есть въ этихъ дѣлахъ; вѣдь знаю-же я кое-что, и вы сами знаете, что я могу знать кое-что. Я у васъ не для баловства шести дней прошу, а для дѣла.

— Я слышалъ... не рѣшался высказать мысль свою Лембке, — я слышалъ, что вы, возвратясь изъ-за границы, гдѣ слѣдуетъ изъявили... въ родѣ раскаянія?

— Ну тамъ что-бы ни было.

— Да и я, разумѣется, не желаю входить... но мнѣ все казалось, вы здѣсь до сихъ поръ говорили совсѣмъ въ иномъ стилѣ, о христіанской вѣрѣ, напримѣръ, объ общественныхъ установленіяхъ и, наконецъ, о правительствѣ...

— Мало-ли что я говорилъ. Я и теперь тоже говорю, только не такъ эти мысли слѣдуетъ проводить, какъ тѣ дураки, вотъ въ чемъ дѣло. А то что въ томъ, что укусилъ въ плечо? Сами-же вы соглашались со мной, только говорили, что рано.

— Я не про то собственно соглашался и говорилъ, что рано.

— Однако-же, у васъ каждое слово на крюкъ привѣшено, хе-хе! Осторожный человѣкъ! весело замѣтилъ вдругъ Петръ Степановичъ. — Слушайте, отецъ родной, надо-же было съ вами познакомиться, ну вотъ потому я въ моемъ стилѣ и говорилъ. Я не съ однимъ съ вами, а со многими такъ знакомлюсь. Мнѣ, можетъ, вашъ характеръ надо было распознать.

— Для чего-бы вамъ мой характеръ?

— Ну почемъ я знаю для чего (онъ опять разсмѣялся). — Видите-ли, дорогой и многоуважаемый Андрей Антоновичъ, вы хитры, но до *этого* еще не дошло и навѣрно не дойдетъ, понимаете? Можетъ быть, и понимаете? Я хоть и далъ гдѣ слѣдуетъ объясненія, возвратясь изъ-за границы, и право не знаю, почему-бы человѣкъ извѣстныхъ убѣжденій не могъ дѣйствовать въ пользу искреннихъ своихъ убѣжденій... во мнѣ никто еще *тамъ* не заказывалъ вашего характера и никакихъ подобныхъ заказовъ *оттуда* я еще не бралъ на себя. Вникните сами: вѣдь могъ-бы я не вамъ открыть первому два-то имени, а прямо *туда* махнуть, то есть туда, гдѣ первоначальныя объясненія давалъ; и ужь если-бъ я старался изъ-за финансовъ, али тамъ изъ-за выгоды, то ужь, конечно, вышелъ-бы съ моей стороны не разсчетъ, потому что благодарны-то будутъ теперь вамъ, а не мнѣ. Я единственно за Шатова, съ благородствомъ прибавилъ Петръ Степановичъ, — за одного Шатова, по прежней дружбѣ... Ну, а тамъ, пожалуй, когда возьмете перо, чтобы *туда* отписать, ну похвалите меня, если хотите... противорѣчить не стану, хе-хе! Adieu, однако-же, засидѣлся, и не надо-бы столько болтать! прибавилъ онъ не безъ пріятности и всталъ съ дивана.

— Напротивъ, я очень радъ, что дѣло, такъ сказать, опредѣляется, всталъ и фонъ-Лембке, тоже съ любезнымъ видомъ, видимо подъ вліяніемъ послѣднихъ словъ. — Я съ признательностію принимаю ваши услуги и, будьте увѣрены, все, что можно съ моей стороны на счетъ отзыва о вашемъ усердіи...

— Шесть дней, главное, шесть дней сроку, и чтобы въ эти дни вы не шевелились, вотъ что мнѣ надо.

— Пусть.

— Разумѣется, я вамъ рукъ не связываю, да и не смѣю. Не можете-же вы не слѣдить; только не пугайте гнѣзда раньше времени, вотъ въ чемъ я надѣюсь на вашъ умъ и на опытность. А довольно у васъ, должно быть, своихъ-то гончихъ припасено, и всякихъ тамъ ищеекъ, хе-хе! весело и легкомысленно (какъ молодой человѣкъ) брякнулъ Петръ Степановичъ.

— Не совсѣмъ это такъ, пріятно уклонился Лембке. — Это — предразсудокъ молодости, что слишкомъ много припасено...

Но, кстати, позвольте одно словцо: вѣдь если этотъ Кириловъ былъ секундантомъ у Ставрогина, то и господинъ Ставрогинъ въ такомъ случаѣ...

— Что Ставрогинъ?

— То есть если они такіе друзья?

— Э, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вотъ тутъ маху дали, хоть вы и хитры. И даже меня удивляете. Я вѣдь думалъ, что вы на счетъ этого не безъ свѣдѣній... Гм... Ставрогинъ — это совершенно противоположное, то есть совершенно... Avis au lecteur.

— Неужели! И можетъ-ли быть? съ недовѣрчивостію произнесъ Лембке. — Мнѣ Юлія Михайловна сообщила, что, по ея свѣдѣніямъ изъ Петербурга, онъ человѣкъ съ нѣкоторыми, такъ сказать, наставленіями...

— Я ничего не знаю, ничего не знаю, совсѣмъ ничего. Adieu. Avis au lecteur! вдругъ и явно уклонился Петръ Степановичъ.

Онъ полетѣлъ къ дверямъ.

— Позвольте, Петръ Степановичъ, позвольте, крикнулъ Лембке,— еще одно крошечное дѣльце, и я васъ не задержу.

Онъ вынулъ изъ столоваго ящика конвертъ.

— Вотъ-съ одинъ экземплярчикъ по той-же категоріи, и я вамъ тѣмъ самымъ доказываю, что вамъ въ высшей степени довѣряю. Вотъ-съ, и каково ваше мнѣніе?

Въ конвертѣ лежало письмо, — письмо странное, анонимное, адресованное къ Лембке и вчера только имъ полученное. Петръ Степановичъ въ крайней досадѣ своей прочелъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство!

«Ибо по чину вы такъ. Симъ объявляю въ покушеніи на жизнь генеральскихъ особъ и отечества; ибо прямо ведетъ къ тому. Самъ разбрасывалъ непрерывно множество лѣтъ. Тоже и безбожіе. Приготовляется бунтъ, а прокламацій нѣсколько тысячъ, и за каждой побѣжитъ сто человѣкъ, высуня языкъ, если заранѣе не отобрать начальствомъ, ибо множество обѣщано въ награду, а простой народъ глупъ, да и водка. Народъ, почитая виновника, разоряетъ того и другаго, и боясь обѣихъ сторонъ, раскаялся въ чемъ не участвовалъ, ибо обстоятельства мои таковы. Если хотите, чтобы доносъ для спасенія отечества, а также церквей и иконъ, то я одинъ только могу. Но съ тѣмъ, чтобы мнѣ прощеніе изъ третьяго отдѣленія по телеграфу немедленно одному изъ всѣхъ, а другіе пусть отвѣчаютъ. На окошкѣ у швейцара для сигнала въ семь часовъ ставьте каждый вечеръ свѣчу. Увидавъ, повѣрю и приду облобызать милосердную длань изъ столицы, но съ тѣмъ, чтобы пенсіонъ, ибо чѣмъ-же я буду жить? Вы-же не раскаетесь, потому что вамъ выйдетъ звѣзда. Надо потихоньку, а не то свернутъ голову.

«Вашего превосходительства отчаянный человѣкъ.

«Припадаетъ къ стопамъ
«раскаявшійся вольнодумецъ
Incognito».

Фонъ-Лембке объяснилъ, что письмо очутилось вчера въ швейцарской, когда тамъ никого не было.

— Такъ вы какъ-же думаете? спросилъ чуть не грубо Петръ Степановичъ.

— Я-бы предположилъ, что это анонимный пашквиль, въ насмѣшку.

— Вѣроятнѣе всего, что такъ и есть. Васъ не надуешь.

— Я, главное, потому, что такъ глупо.

— А вы получали здѣсь еще какіе нибудь пашквили?

— Получалъ раза два, анонимные.

— Ну ужь, разумѣется, не подпишутъ. Разнымъ слогомъ? Разныхъ рукъ?

— Разнымъ слогомъ и разныхъ рукъ.

— И шутовскіе были, какъ это?

— Да, шутовскіе, и знаете... очень гадкіе.

— Ну, коли ужь были, такъ навѣрно и теперь тоже самое.

— А, главное, потому, что такъ глупо. Потому что тѣ люди образованные и навѣрно такъ глупо не напишутъ.

— Ну да, ну да.

— А что, если это и въ самомъ дѣлѣ кто нибудь хочетъ дѣйствительно донести?

— Невѣроятно, сухо отрѣзалъ Петръ Степановичъ. — Что значитъ телеграмма изъ третьяго отдѣленія и пенсіонъ? Пашквиль очевидный.

— Да, да, устыдился Лембке.

— Знаете что̀. Оставьте-ка это у меня. Я вамъ навѣрно розыщу. Раньше чѣмъ тѣхъ розыщу.

— Возьмите, согласился фонъ-Лембке, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, колебаніемъ.

— Вы кому нибудь показывали?

— Нѣтъ, какъ можно, никому.

— То есть Юліи Михайловнѣ?

— Ахъ, Боже сохрани, и ради Бога не показывайте ей сами! вскричалъ Лембке въ испугѣ.— Она будетъ такъ потрясена... и разсердится на меня ужасно.

— Да, вамъ-же первому и достанется, скажетъ, что сами заслужили, коли вамъ такъ пишутъ. Знаемъ мы женскую логику. Ну, прощайте. Я вамъ, можетъ, даже дня черезъ три этого сочинителя представлю. Главное, уговоръ!

IV.

Петръ Степановичъ былъ человѣкъ, можетъ быть, и не глупый, но Ѳедька-каторжный вѣрно выразился о немъ, что онъ «человѣка самъ сочинитъ, да съ нимъ и живетъ». Ушелъ онъ отъ фонъ-Лембке вполнѣ увѣренный, что, по крайней мѣрѣ, на шесть дней того успокоилъ, а срокъ этотъ былъ ему до крайности нуженъ. Но идея была ложная, и все основано было только на томъ, что онъ сочинилъ себѣ Андрея Антоновича, съ самаго начала, и разъ навсегда, совершеннѣйшимъ простачкомъ.

Какъ и каждый страдальчески-мнительный человѣкъ, Андрей Антоновичъ всякій разъ бывалъ чрезвычайно и радостно довѣрчивъ въ первую минуту выхода изъ неизвѣстности. Новый оборотъ вещей представился ему сначала въ довольно пріятномъ видѣ, не смотря на нѣкоторыя вновь наступавшія хлопотливыя сложности. По крайней мѣрѣ, старыя сомнѣнія падали въ прахъ. Къ тому-же онъ такъ усталъ за послѣдніе дни, чувствовалъ себя такимъ измученнымъ и безпомощнымъ, что душа его поневолѣ жаждала покоя. Но увы, онъ уже опять былъ неспокоенъ. Долгое житье въ Петербургѣ оставило въ душѣ его слѣды неизгладимые. Оффиціальная и даже секретная исторія «новаго поколѣнія» ему была довольно извѣстна,—человѣкъ былъ любопытный и прокламаціи собиралъ,—но никогда не понималъ онъ въ ней самаго перваго слова. Теперь-же былъ какъ въ лѣсу: онъ всѣми инстинктами своими предчувствовалъ, что въ словахъ Петра Степановича заключалось нѣчто совершенно несообразное, внѣ всякихъ формъ и условій,—«хотя вѣдь чортъ знаетъ что̀ можетъ случиться въ этомъ «новомъ поколѣніи» и чортъ знаетъ какъ это у нихъ тамъ совершается!» раздумывалъ онъ, теряясь въ соображеніяхъ.

А тутъ какъ нарочно снова просунулъ къ нему голову Блюмъ. Все время посѣщенія Петра Степановича онъ выжидалъ недалеко. Блюмъ этотъ приходился даже родственникомъ Андрею Антоновичу, дальнимъ, но всю жизнь тщательно и боязливо скрываемымъ. Прошу прощенія у читателя въ томъ, что этому ничтожному лицу отдѣлю здѣсь хоть нѣсколько словъ. Блюмъ былъ изъ страннаго рода «несчастныхъ» нѣмцевъ — и вовсе не по крайней своей бездарности, а именно неизвѣстно почему. «Несчастные» нѣмцы не миѳъ, а дѣйствительно существуютъ, даже въ Россіи, и имѣютъ свой собственный типъ. Андрей Антоновичъ всю жизнь питалъ къ нему самое трогательное сочувствіе и вездѣ, гдѣ только могъ, по мѣрѣ собственныхъ своихъ успѣховъ по службѣ, выдвигалъ его на подчиненное, подвѣдомственное ему мѣстечко; но тому нигдѣ не везло. То мѣсто оставлялось за штатомъ, то перемѣнялось начальство, то чуть не упекли его однажды съ другими подъ судъ. Былъ онъ аккуратенъ, но какъ-то слишкомъ безъ нужды и во вредъ себѣ мраченъ: рыжій, высокій, сгорбленный, унылый, даже чувствительный и, при всей своей приниженности, упрямый и настойчивый какъ волъ, хотя всегда невпопадъ. Къ Андрею Антоновичу питалъ онъ съ женой и съ многочисленными дѣтьми многолѣтнюю и благоговѣйную привязанность. Кромѣ Андрея Антоновича никто никогда не любилъ его. Юлія Михайловна сразу его забраковала, но одолѣть упорство своего супруга не могла. Это была ихъ первая супружеская ссора, и случилась она тотчасъ послѣ свадьбы, въ самые

первые медовые дни, когда вдругъ обнаружился предъ нею Блюмъ, до тѣхъ поръ тщательно отъ нея припрятанный, съ обидною тайной своего къ ней родства. Андрей Антоновичъ умолялъ сложа руки, чувствительно разсказалъ всю исторію Блюма и ихъ дружбы съ самаго дѣтства, но Юлія Михайловна считала себя опозоренною на вѣки и даже пустила въ ходъ обмороки. Фонъ-Лембке не уступилъ ей ни шагу и объявилъ, что не покинетъ Блюма ни за что на свѣтѣ и не отдалитъ отъ себя, такъ что она, наконецъ, удивилась и принуждена была позволить Блюма. Рѣшено было только, что родство будетъ скрываемо еще тщательнѣе чѣмъ до сихъ поръ, если только это возможно, и что даже имя и отчество Блюма будутъ измѣнены, потому что его тоже почему-то звали Андреемъ Антоновичемъ. Блюмъ у насъ ни съ кѣмъ не познакомился кромѣ одного только нѣмца аптекаря, никому не сдѣлалъ визитовъ и, по обычаю своему, зажилъ скупо и уединенно. Ему давно уже были извѣстны и литературные грѣшки Андрея Антоновича. Онъ преимущественно призывался выслушивать его романъ въ секретныхъ чтеніяхъ наединѣ, просиживалъ по шести часовъ сряду столбомъ; потѣлъ, напрягалъ всѣ свои силы, чтобы не заснуть и улыбаться; придя домой, стеналъ вмѣстѣ съ длинноногою и сухопарою женой о несчастной слабости ихъ благодѣтеля къ русской литературѣ.

Андрей Антоновичъ со страданіемъ посмотрѣлъ на вошедшаго Блюма.

— Я прошу тебя, Блюмъ, оставить меня въ покоѣ, началъ онъ тревожною скороговоркой, очевидно желая отклонить возобновленіе давешняго разговора, прерваннаго приходомъ Петра Степановича.

— И, однако-жь, это можетъ быть устроено деликатнѣйше, совершенно не гласно; вы-же имѣете всѣ полномочія, почтительно, но упорно настаивалъ на чемъ-то Блюмъ, сгорбивъ спину и придвигаясь все ближе и ближе мелкими шагами къ Андрею Антоновичу.

— Блюмъ, ты до такой степени преданъ мнѣ и услужливъ, что я всякій разъ смотрю на тебя внѣ себя отъ страха.

— Вы всегда говорите острыя вещи и въ удовольствіи отъ сказаннаго засыпаете спокойно, но тѣмъ самымъ себѣ повреждаете.

— Блюмъ, я сейчасъ убѣдился, что это вовсе не то, вовсе не то.

— Не изъ словъ-ли этого фальшиваго, порочнаго молодаго человѣка, котораго вы сами подозрѣваете? Онъ васъ побѣдилъ льстивыми похвалами вашему таланту въ литературѣ.

— Блюмъ, ты не смыслишь ничего; твой проектъ нелѣпость, говорю тебѣ. Мы не найдемъ ничего, а крикъ подымется страшный, затѣмъ смѣхъ, а затѣмъ Юлія Михайловна...

— Мы несомнѣнно найдемъ все, чего ищемъ, твердо шагнулъ къ нему Блюмъ, приставляя къ сердцу правую руку; — мы сдѣлаемъ осмотръ внезапно, рано по утру, соблюдая всю деликатность къ лицу и всю предписанную строгость формъ закона. Молодые люди, Лямшинъ и Телятниковъ, слишкомъ увѣряютъ, что мы найдемъ все желаемое. Они посѣщали тамъ многократно. Къ господину Верховенскому никто внимательно не расположенъ. Генеральша Ставрогина явно отказала ему въ своихъ благодѣяніяхъ, и всякій честный человѣкъ, если только есть таковой въ этомъ грубомъ городѣ, убѣжденъ, что тамъ всегда укрывался источникъ безвѣрія и соціальнаго ученія. У него хранятся всѣ запрещенныя книги, *Думы* Рылѣева, всѣ сочиненія Герцена... Я на всякій случай имѣю приблизительный каталогъ.

— О, Боже, эти книги есть у всякаго; какъ ты простъ, мой бѣдный Блюмъ!

— И многія прокламаціи, продолжалъ Блюмъ, не слушая замѣчаній. — Мы кончимъ тѣмъ, что непремѣнно нападемъ на слѣдъ настоящихъ здѣшнихъ прокламацій. Этотъ молодой Верховенскій мнѣ весьма и весьма подозрителенъ.

— Но ты смѣшиваешь отца съ сыномъ. Они не въ ладахъ; сынъ смѣется надъ отцомъ явно.

— Это одна только маска.

— Блюмъ, ты поклялся меня замучить! Подумай, онъ лицо всетаки здѣсь замѣтное. Онъ былъ профессоромъ, онъ чело-

вѣкъ извѣстный, онъ раскричится, и тотчасъ-же пойдутъ насмѣшки по городу, ну и все манкируемъ... и подумай, что̀ будетъ съ Юліей Михайловной!

Блюмъ лѣзъ впередъ и не слушалъ.

— Онъ былъ лишь доцентомъ, всего лишь доцентомъ, и по чину всего только коллежскій ассессоръ при отставкѣ, ударялъ онъ себя рукой въ грудь, — знаковъ отличія не имѣетъ, уволенъ изъ службы по подозрѣнію въ замыслахъ противъ правительства. Онъ состоялъ подъ тайнымъ надзоромъ и несомнѣнно еще состоитъ. И въ виду обнаружившихся теперь безпорядковъ вы несомнѣнно обязаны долгомъ. Вы-же, наоборотъ, упускаете ваше отличіе, потворствуя настоящему виновнику..

— Юлія Михайловна! Убиррайся, Блюмъ! вскричалъ вдругъ фонъ-Лембке, заслышавшій голосъ своей супруги въ сосѣдней комнатѣ.

Блюмъ вздрогнулъ, но не сдался.

— Дозвольте-же, дозвольте, приступалъ онъ, еще крѣпче прижимая обѣ руки къ груди.

— Убиррайся! проскрежеталъ Андрей Антоновичъ, — дѣлай что̀ хочешь... послѣ... О, Боже мой!

Поднялась портьера и появилась Юлія Михайловна. Она величественно остановилась при видѣ Блюма, высокомѣрно и обидчиво окинула его взглядомъ, какъ будто одно присутствіе этого человѣка здѣсь было ей оскорбленіемъ. Блюмъ молча и почтительно отдалъ ей глубокій поклонъ и, согбенный отъ почтенія, направился къ дверямъ на цыпочкахъ, разставивъ нѣсколько врозь свои руки.

Оттого-ли, что онъ и въ самомъ дѣлѣ понялъ послѣднее истерическое восклицаніе Андрея Антоновича за прямое дозволеніе поступить такъ, какъ онъ спрашивалъ, или покривилъ душой въ этомъ случаѣ для прямой пользы своего благодѣтеля, слишкомъ увѣренный, что конецъ увѣнчаетъ дѣло; но, какъ увидимъ ниже, изъ этого разговора начальника съ своимъ подчиненнымъ произошла одна самая неожиданная вещь, насмѣшившая многихъ, получившая огласку, возбудившая жестокій гнѣвъ Юліи Михайловны, и всѣмъ этимъ сбившая окончательно съ толку Андрея Антоновича, ввергнувъ его, въ самое горячее время, въ самую плачевную нерѣшительность.

V.

День для Петра Степановича выдался хлопотливый. Отъ фонъ-Лембке онъ поскорѣе побѣжалъ въ Богоявленскую улицу, но, проходя по Быковой улицѣ, мимо дома, въ которомъ квартировалъ Кармазиновъ, онъ вдругъ пріостановился, усмѣхнулся и вошелъ въ домъ. Ему отвѣтили: «ожидаютъ-съ», что̀ очень заинтересовало его, потому что онъ вовсе не предупреждалъ о своемъ прибытіи.

Но великій писатель дѣйствительно его ожидалъ и даже еще вчера и третьяго дня. Четвертаго дня онъ вручилъ ему свою рукопись «Merçi» (которую хотѣлъ прочесть на литературномъ утрѣ въ день праздника Юліи Михайловны) и сдѣлалъ это изъ любезности, вполнѣ увѣренный, что пріятно польститъ самолюбію человѣка, давъ ему узнать великую вещь заранѣе. Петръ Степановичъ давно уже примѣчалъ, что этотъ тщеславный, избалованный и оскорбительно-недоступный для неизбранныхъ господинъ, этотъ «почти государственный умъ», просто-за-просто въ немъ заискиваетъ и даже съ жадностію. Мнѣ кажется, молодой человѣкъ, наконецъ, догадался, что тотъ если и не считалъ его коноводомъ всего тайно-революціоннаго въ цѣлой Россіи, то по крайней мѣрѣ, однимъ изъ самыхъ посвященныхъ въ секреты русской революціи и имѣющимъ неоспоримое вліяніе на молодежь. Настроеніе мыслей «умнѣйшаго въ Россіи человѣка» интересовало Петра Степановича, но доселѣ онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, уклонялся отъ разъясненій.

Великій писатель квартировалъ въ домѣ своей сестры, жены камергера и помѣщицы; оба они, и мужъ, и жена, благоговѣли предъ знаменитымъ родственникомъ, но въ настоящій пріѣздъ его находились оба въ Москвѣ, къ великому ихъ сожалѣнію, такъ что принять его имѣла честь старушка, очень дальняя и бѣдная родственница камергера, проживавшая въ домѣ и давно уже

завѣдывавшая всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Весь домъ заходилъ на цыпочкахъ съ пріѣздомъ господина Кармазинова. Старушка извѣщала въ Москву чуть не каждый день о томъ, какъ онъ почивалъ и что̀ изволилъ скушать, а однажды отправила телеграмму съ извѣстіемъ, что онъ, послѣ званаго обѣда у градскаго головы, принужденъ былъ принять ложку одного лекарства. Въ комнату къ нему она осмѣливалась входить рѣдко, хотя онъ обращался съ нею вѣжливо, впрочемъ, сухо, и говорилъ съ нею только по какой нибудь надобности. Когда вошелъ Петръ Степановичъ, онъ кушалъ утреннюю свою котлетку съ полстаканомъ краснаго вина. Петръ Степановичъ уже и прежде бывалъ у него и всегда заставалъ его за этою утреннею котлеткой, которую тотъ и съѣдалъ въ его присутствіи, но ни разу его самого не попотчивалъ. Послѣ котлетки подавалась еще маленькая чашечка кофе. Лакей, внесшій кушанье, былъ во фракѣ, въ мягкихъ неслышныхъ сапогахъ и въ перчаткахъ.

— А-а! приподнялся Кармазиновъ съ дивана, утираясь салфеткой, и съ видомъ чистѣйшей радости полѣзъ лобызаться — характерная привычка русскихъ людей, если они слишкомъ ужь знамениты. Но Петръ Степановичъ помнилъ по бывшему уже опыту, что онъ лобызаться-то лѣзетъ, а самъ подставляетъ щеку и потому сдѣлалъ на сей разъ тоже самое; обѣ щеки встрѣтились. Кармазиновъ, не показывая виду, что замѣтилъ это, усѣлся на диванъ и съ пріятностію указалъ Петру Степановичу на кресло противъ себя, въ которомъ тотъ и развалился.

— Вы вѣдь не... Не желаете-ли завтракать? спросилъ хозяинъ, на этотъ разъ измѣняя привычкѣ, но съ такимъ, разумѣется, видомъ, которымъ ясно подсказывался вѣжливый отрицательный отвѣтъ. Петръ Степановичъ тотчасъ-же пожелалъ завтракать. Тѣнь обидчиваго изумленія омрачила лицо хозяина, но на одинъ только мигъ; онъ нервно позвонилъ слугу и, не смотря на все свое воспитаніе, брезгливо возвысилъ голосъ, приказывая подать другой завтракъ.

— Вамъ чего, котлетку или кофею? освѣдомился онъ еще разъ.

— И котлетку и кофею, и вина прикажите еще прибавить, я проголодался, отвѣчалъ Петръ Степановичъ, съ спокойнымъ вниманіемъ разсматривая костюмъ хозяина. Господинъ Кармазиновъ былъ въ какой-то домашней куцавеечкѣ на ватѣ, въ родѣ какъ-бы жакеточки, съ перламутровыми пуговками, но слишкомъ ужь коротенькой, что̀ вовсе и не шло къ его довольно сытенькому брюшку и къ плотно округленнымъ частямъ начала его ногъ; но вкусы бываютъ различны. На колѣняхъ его былъ развернутъ до полу шерстяной клѣтчатый плэдъ, хотя въ комнатѣ было тепло.

— Больны, что-ли? замѣтилъ Петръ Степановичъ.

— Нѣтъ, не боленъ, но боюсь стать больнымъ въ этомъ климатѣ, отвѣтилъ писатель своимъ крикливымъ голосомъ, впрочемъ, нѣжно скандируя каждое слово и пріятно, по барски, шепелявя; — я васъ ждалъ еще вчера.

— Почему-же? Я вѣдь не обѣщалъ.

— Да, но у васъ моя рукопись. Вы... прочли?

— Рукопись? Какая?

Кармазиновъ удивился ужасно.

— Но вы, однако, принесли ее съ собою? встревожился онъ вдругъ до того, что оставилъ даже кушать и смотрѣлъ на Петра Степановича съ испуганнымъ видомъ.

— Ахъ, это про эту «Bonjour», что-ли...

— «Merçi».

— Ну, пусть. Совсѣмъ забылъ и не читалъ, некогда. Право, не знаю, въ карманахъ нѣтъ... должно быть, у меня на столѣ. Не безпокойтесь, отыщется.

— Нѣтъ, ужь я лучше сейчасъ къ вамъ пошлю. Она можетъ пропасть и, наконецъ, украсть могутъ.

— Ну, кому надо! Да чего вы такъ испугались, вѣдь у васъ, Юлія Михайловна говорила, заготовляется всегда по нѣскольку списковъ, одинъ за границей у нотаріуса, а другой въ Петербургѣ, третій въ Москвѣ, потомъ въ банкъ, что-ли, отсылаете.

— Но вѣдь и Москва сгорѣть можетъ, а съ ней моя рукопись. Нѣтъ, я лучше сейчасъ пошлю.

— Стойте, вотъ она! вынулъ Петръ Сте-

пановичъ изъ задняго кармана пачку почтовыхъ листиковъ, — измялась немножко. Вообразите, какъ взялъ тогда у васъ, такъ и пролежала все время въ заднемъ карманѣ съ носовымъ платкомъ; забылъ.

Кармазиновъ съ жадностію схватилъ рукопись, бережно осмотрѣлъ ее, сосчиталъ листки и съ уваженіемъ положилъ покамѣстъ подлѣ себя, на особый столикъ, но такъ, чтобъ имѣть ее каждый мигъ на виду.

— Вы, кажется, не такъ много читаете? прошипѣлъ онъ не вытерпѣвъ.

— Нѣтъ, не такъ много.

— А ужь по части русской беллетристики — ничего?

— По части русской беллетристики? Позвольте, я что-то читалъ... «По пути»... или «Въ путь»... или «На перепутьи», что-ли, не помню. Давно читалъ, лѣтъ пять. Некогда.

Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— Я, какъ пріѣхалъ, увѣрилъ ихъ всѣхъ, что вы чрезвычайно умный человѣкъ и теперь, кажется, всѣ здѣсь отъ васъ безъ ума.

— Благодарю васъ, спокойно отозвался Петръ Степановичъ.

Принесли завтракъ. Петръ Степановичъ съ чрезвычайнымъ аппетитомъ набросился на котлетку, мигомъ съѣлъ ее, выпилъ вино и выхлебнулъ кофе.

«Этотъ неучъ», въ раздумьи оглядывалъ его искоса Кармазиновъ, доѣдая послѣдній кусочекъ и выпивая послѣдній глоточекъ, «этотъ неучъ вѣроятно понялъ сейчасъ всю колкость моей фразы... да и рукопись, конечно, прочиталъ съ жадностію, а только лжетъ изъ видовъ. Но можетъ быть и то, что не лжетъ, а совершенно искренно глупъ. Геніальнаго человѣка я люблю нѣсколько глупымъ. Ужь не геній-ли онъ какой у нихъ въ самомъ дѣлѣ, чортъ его, впрочемъ, дери».

Онъ всталъ съ дивана и началъ прохаживаться по комнатѣ изъ угла въ уголъ, для моціону, что̀ исполнялъ каждый разъ послѣ завтрака.

— Скоро отсюда? спросилъ Петръ Степановичъ съ креселъ, закуривъ папироску.

— Я собственно пріѣхалъ продать имѣніе и завишу теперь отъ моего управляющаго.

— Вы вѣдь, кажется, пріѣхали потому, что тамъ эпидеміи послѣ войны ожидали?

— Н-нѣтъ, не совсѣмъ потому, продолжалъ господинъ Кармазиновъ, благодушно скандируя свои фразы и при каждомъ оборотѣ изъ угла въ другой уголъ бодро дрыгая правою ножкой, впрочемъ, чуть-чуть. — Я дѣйствительно, усмѣхнулся онъ не безъ яду,—намѣреваюсь прожить какъ можно дольше. Въ русскомъ барствѣ есть нѣчто чрезвычайно быстро изнашивающееся, во всѣхъ отношеніяхъ. Но я хочу износиться какъ можно позже и теперь перебираюсь за границу совсѣмъ; тамъ и климатъ лучше и строеніе каменное и все крѣпче. На мой вѣкъ Европы хватитъ, я думаю. Какъ вы думаете?

— Я почемъ знаю.

— Гм. Если тамъ дѣйствительно рухнетъ Вавилонъ и паденіе его будетъ великое (въ чемъ я совершенно съ вами согласенъ, хотя и думаю, что на мой вѣкъ его хватитъ), то у насъ въ Россіи и рушиться нечему, сравнительно говоря. Упадутъ у насъ не камни, а все расплывется въ грязь. Святая Русь менѣе всего на свѣтѣ можетъ дать отпору чему-нибудь. Простой народъ еще держится кое-какъ Русскимъ Богомъ; но Русскій Богъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, весьма неблагонадеженъ и даже противъ крестьянской реформы едва устоялъ, по крайней мѣрѣ, сильно покачнулся. А тутъ желѣзныя дороги, а тутъ вы... ужь въ Русскаго-то Бога я совсѣмъ не вѣрую.

— А въ Европейскаго?

— Я ни въ какого не вѣрую. Меня оклеветали предъ русскою молодежью. Я всегда сочувствовалъ каждому движенію ея. Мнѣ показывали эти здѣшнія прокламаціи. На нихъ смотрятъ съ недоумѣніемъ, потому что всѣхъ пугаетъ форма, но всѣ, однако, увѣрены въ ихъ могуществѣ, хотя-бы и не сознавая того. Всѣ давно падаютъ и всѣ давно знаютъ, что не за что̀ ухватиться. Я уже потому убѣжденъ въ успѣхѣ этой таинственной пропаганды, что Россія есть теперь по преимуществу то мѣсто въ цѣломъ мірѣ, гдѣ все что̀ угодно можетъ произойдти безъ малѣйшаго отпору. Я понимаю слишкомъ хорошо, почему русскіе съ состояніемъ всѣ хлынули за границу и съ каждымъ годомъ больше и больше. Тутъ просто инстинктъ. Если кораблю потонуть, то крысы

первыя изъ него выселяются. Святая Русь страна деревянная, нищая и... опасная, страна тщеславныхъ нищихъ въ высшихъ слояхъ своихъ, а въ огромномъ большинствѣ живетъ въ избушкахъ на курьихъ ножкахъ. Она обрадуется всякому выходу, стоитъ только растолковать. Одно правительство еще хочетъ сопротивляться, но машетъ дубиной въ темнотѣ и бьетъ по своимъ. Тутъ все обречено и приговорено. Россія, какъ она есть, не имѣетъ будущности. Я сдѣлался нѣмцемъ и вмѣняю это себѣ въ честь.

— Нѣтъ, вы вотъ начали о прокламаціяхъ; скажите все, какъ вы на нихъ смотрите?

— Ихъ всѣ боятся, стало быть, онѣ могущественны. Онѣ открыто обличаютъ обманъ и доказываютъ, что у насъ не за что ухватиться и не на что опереться. Онѣ говорятъ громко, когда всѣ молчатъ. Въ нихъ всего побѣдительнѣе (не смотря на форму) эта неслыханная до сихъ поръ смѣлость засматривать прямо въ лицо истинѣ. Эта способность смотрѣть истинѣ прямо въ лицо принадлежитъ одному только русскому поколѣнію. Нѣтъ, въ Европѣ еще не такъ смѣлы: тамъ царство каменное, тамъ еще есть на чемъ опереться. Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революціонной идеи заключается въ отрицаніи чести. Мнѣ нравится, что это такъ смѣло и безбоязненно выражено. Нѣтъ, въ Европѣ еще этого не поймутъ, а у насъ именно на это-то и набросятся. Русскому человѣку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременемъ, во всю его исторію. Открытымъ «правомъ на безчестье» его скорѣй всего увлечь можно. Я поколѣнія стараго и, признаюсь, еще стою за честь, но вѣдь только по привычкѣ. Мнѣ лишь нравятся старыя формы, положимъ, по малодушію; нужно-же какъ нибудь дожить вѣкъ.

Онъ вдругъ пріостановился.

«Однако, я говорю-говорю», подумалъ онъ, — «а онъ все молчитъ и высматриваетъ. Онъ пришелъ за тѣмъ, чтобъ я задалъ ему прямой вопросъ. А я и задамъ».

— Юлія Михайловна просила меня какъ нибудь обманомъ у васъ выпытать, какой это сюрпризъ вы готовите къ балу послѣ завтра? вдругъ спросилъ Петръ Степановичъ.

— Да, это дѣйствительно будетъ сюрпризъ, и я дѣйствительно изумлю..: пріосанился Кармазиновъ, — но я не скажу вамъ въ чемъ секретъ.

Петръ Степановичъ не настаивалъ.

— Здѣсь есть какой-то Шатовъ, освѣдомился великій писатель,—и, вообразите, я его не видалъ.

— Очень хорошая личность. А что?

— Такъ, онъ про что-то тамъ говоритъ. Вѣдь это онъ по щекѣ ударилъ Ставрогина?

— Онъ.

— А о Ставрогинѣ какъ вы полагаете?

— Не знаю; волокита какой-то.

Кармазиновъ возненавидѣлъ Ставрогина, потому что тотъ взялъ привычку не замѣчать его вовсе.

— Этого волокиту, сказалъ онъ, хихикая, — если у васъ осуществится когда нибудь то, о чемъ проповѣдуютъ въ прокламаціяхъ, вѣроятно вздернутъ перваго на сукъ.

— Можетъ, и раньше, вдругъ сказалъ Петръ Степановичъ.

— Такъ и слѣдуетъ, уже не смѣясь и какъ-то слишкомъ серіозно поддакнулъ Кармазиновъ.

— А вы уже это разъ говорили и, знаете, я ему передалъ.

— Какъ, неужто передали? разсмѣялся опять Кармазиновъ.

— Онъ сказалъ, что если его на сукъ, то васъ довольно и высѣчь, но только не изъ чести, а больно, какъ мужика сѣкутъ.

Петръ Степановичъ взялъ шляпу и всталъ съ мѣста. Кармазиновъ протянулъ ему на прощаніе обѣ руки.

— А что, пропищалъ онъ вдругъ медовымъ голоскомъ и съ какою-то особенною интонаціей, все еще придерживая его руки въ своихъ, — что, если назначено осуществиться всему тому... о чемъ замышляютъ, то... когда это могло-бы произойдти?

— Почемъ я знаю, нѣсколько грубо отвѣтилъ Петръ Степановичъ. Оба пристально смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Примѣрно? Приблизительно? еще слаще пропищалъ Кармазиновъ.

— Продать имѣніе успѣете и убраться тоже успѣете, еще грубѣе пробормоталъ Петръ Степановичъ. Оба еще пристальнѣе смотрѣли другъ на друга.

Произошла минута молчанія.

— Къ началу будущаго мая начнется, а къ Покрову все кончится, вдругъ проговорилъ Петръ Степановичъ.

— Благодарю васъ искренно, проникнутымъ голосомъ произнесъ Кармазиновъ, сжавъ ему руки.

«Успѣешь, крыса, выселиться изъ корабля!» думалъ Петръ Степановичъ, выходя на улицу. Ну, коли ужь этотъ «почти государственный умъ» такъ увѣренно освѣдомляется о днѣ и часѣ и такъ почтительно благодаритъ за полученное свѣдѣніе, то ужь намъ-то въ себѣ нельзя послѣ того сомнѣваться. (Онъ усмѣхнулся). Гм. А онъ въ самомъ дѣлѣ у нихъ не глупъ и... всего только переселяющаяся крыса; такая не донесетъ!

Онъ побѣжалъ въ Богоявленскую улицу, въ домъ Филиппова.

VI.

Петръ Степановичъ прошелъ сперва къ Кирилову. Тотъ былъ по обыкновенію одинъ и въ этотъ разъ продѣлывалъ среди комнаты гимнастику, то есть, разставивъ ноги, вертѣлъ какимъ-то особеннымъ образомъ надъ собою руками. На полу лежалъ мячъ. На столѣ стоялъ не прибранный утренній чай, уже холодный. Петръ Степановичъ постоялъ съ минуту на порогѣ.

— Вы, однако-жь, о здоровьи своемъ сильно заботитесь, проговорилъ онъ громко и весело входя въ комнату; — какой славный, однако-же, мячъ, фу, какъ отскакиваетъ; онъ тоже для гимнастики?

Кириловъ надѣлъ сюртукъ.

— Да, тоже для здоровья, пробормоталъ онъ сухо; — садитесь.

— Я на минуту. А, впрочемъ, сяду. Здоровье здоровьемъ, но я пришелъ напомнить объ уговорѣ. Приближается «въ нѣкоторомъ смыслѣ» нашъ срокъ-съ, заключилъ онъ съ неловкимъ вывертомъ.

— Какой уговоръ?

— Какъ какой уговоръ? всполохнулся вдругъ Петръ Степановичъ, даже испугался.

— Это не уговоръ и не обязанность, я ничѣмъ не вязалъ себя, съ вашей стороны ошибка.

— Послушайте, что-же вы это дѣлаете? вскочилъ ужь совсѣмъ Петръ Степановичъ.

— Свою волю.

— Какую?

— Прежнюю.

— То есть какъ-же это понять? Значитъ-ли, что вы въ прежнихъ мысляхъ!

— Значитъ. Только уговору нѣтъ и не было, и я ничѣмъ не вязалъ. Была одна моя воля и теперь одна моя воля.

Кириловъ объяснялся рѣзко и брезгливо.

— Я согласенъ, согласенъ, пусть воля, лишь-бы эта воля не измѣнилась, усѣлся опять съ удовлетвореннымъ видомъ Петръ Степановичъ.—Вы сердитесь за слова. Вы что-то очень стали послѣднее время сердиты; я потому избѣгалъ посѣщать. Впрочемъ, былъ совершенно увѣренъ, что не измѣните.

— Я васъ очень не люблю; но совершенно увѣрены можете быть. Хоть и не признаю измѣны и неизмѣны.

— Однако, знаете, всполохнулся опять Петръ Степановичъ, — надо-бы опять поговорить толкомъ, чтобы не сбиться. Дѣло требуетъ точности, а вы меня ужасно какъ горошите. Позволяете поговорить?

— Говорите, отрѣзалъ Кириловъ, смотря въ уголъ.

— Вы давно уже положили лишить себя жизни... то есть у васъ такая была идея. Такъ, что-ли, я выразился? Нѣтъ-ли какой ошибки?

— У меня и теперь такая-же идея.

— Прекрасно. Замѣтьте при этомъ, что васъ никто не принуждалъ къ тому.

— Еще-бы; какъ вы говорите глупо.

— Пусть, пусть; я очень глупо выразился. Безъ сомнѣнія, было-бы очень глупо къ тому принуждать; я продолжаю: вы были членомъ общества еще при старой организаціи и открылись тогда-же одному изъ членовъ общества.

— Я не открывался, а просто сказалъ.

— Пусть. И смѣшно-бы было въ этомъ «открываться», что̀ за исповѣдь? Вы просто сказали, и прекрасно.

— Нѣтъ, не прекрасно, потому что вы очень мямлите. Я вамъ не обязанъ никакимъ отчетомъ, и мыслей моихъ вы не можете понимать. Я хочу лишить себя жизни потому, что такая у меня мысль, потому что я не хочу страха смерти, потому... потому что вамъ нечего тутъ знать... Чего вы? Чай хотите пить? Холодный. Дайте я вамъ другой стаканъ принесу.

Петръ Степановичъ дѣйствительно схватился было за чайникъ и искалъ порожней посудины. Кириловъ сходилъ въ шкафъ и принесъ чистый стаканъ.

— Я сейчасъ у Кармазинова завтракалъ; замѣтилъ гость, — потомъ слушалъ, какъ онъ говорилъ, и вспотѣлъ, а сюда бѣжалъ тоже вспотѣлъ, смерть хочется пить.

— Пейте. Чай холодный хорошо.

Кириловъ опять усѣлся на стулъ и опять уперся глазами въ уголъ.

— Въ обществѣ произошла мысль, продолжалъ онъ тѣмъ-же голосомъ, — что я могу быть тѣмъ полезенъ, если убью себя, и что когда вы что нибудь тутъ накутите, и будутъ виновныхъ искать, то я вдругъ застрѣлюсь и оставлю письмо, что это я все сдѣлалъ, такъ что васъ цѣлый годъ подозрѣвать не могутъ.

— Хоть нѣсколько дней; и день одинъ дорогъ.

— Хорошо. Въ этомъ смыслѣ мнѣ сказали, чтобъ я, если хочу, подождалъ. Я сказалъ, что подожду, пока скажутъ срокъ отъ общества, потому что мнѣ все равно.

— Да, но вспомните, что вы обязались, когда будете сочинять предсмертное письмо, то не иначе какъ вмѣстѣ со мной, и, прибывъ въ Россію, будете въ моемъ... ну, однимъ словомъ, въ моемъ распоряженіи, то есть на одинъ только этотъ случай, разумѣется, а во всѣхъ другихъ вы, конечно, свободны, почти съ любезностію прибавилъ Петръ Степановичъ.

— Я не обязался, а согласился, потому что мнѣ все равно.

— И прекрасно, прекрасно, я нисколько не имѣю намѣренія стѣснять ваше самолюбіе, но...

— Тутъ не самолюбіе.

— Но вспомните, что вамъ собрали сто двадцать талеровъ на дорогу, стало быть, вы брали деньги.

— Совсѣмъ нѣтъ, вспыхнулъ Кириловъ, — деньги не съ тѣмъ. За это не берутъ.

— Берутъ иногда.

— Врете вы. Я заявилъ письмомъ изъ Петербурга, а въ Петербургѣ заплатилъ вамъ сто двадцать талеровъ, вамъ въ руки... и они туда отосланы, если только вы не задержали у себя.

— Хорошо, хорошо, я ни въ чемъ не спорю, отосланы. Главное, что вы въ тѣхъ-же мысляхъ какъ прежде.

— Въ тѣхъ самыхъ. Когда вы придете и скажете: «пора», я все исполню. Что̀, очень скоро?

— Не такъ много дней... Но помните, записку мы сочиняемъ вмѣстѣ, въ ту-же ночь.

— Хоть и днемъ. Вы сказали, надо взять на себя прокламаціи?

— И кое-что̀ еще.

— Я не все возьму на себя.

— Чего-же не возьмете? всполохнулся опять Петръ Степановичъ.

— Чего не захочу; довольно. Я не хочу больше о томъ говорить.

Петръ Степановичъ скрѣпился и перемѣнилъ разговоръ.

— Я о другомъ, предупредилъ онъ, — будете вы сегодня вечеромъ у нашихъ? Виргинскій имянинникъ, подъ тѣмъ предлогомъ и соберутся.

— Не хочу.

— Сдѣлайте одолженіе будьте. Надо. Надо внушить и числомъ и лицомъ... У васъ лицо... ну, однимъ словомъ, у васъ лицо фатальное.

— Вы находите? разсмѣялся Кириловъ, — хорошо, приду; только не для лица. Когда?

— О, пораньше, въ половинѣ седьмаго. И, знаете, вы можете войдти, сѣсть и ни съ кѣмъ не говорить, сколько-бы тамъ ихъ ни было. Только, знаете, не забудьте захватить съ собою бумагу и карандашъ.

— Это зачѣмъ?

— Вѣдь вамъ все равно; а это моя особенная просьба. Вы только будете сидѣть

ни съ кѣмъ ровно не говоря, слушать и изрѣдка дѣлать какъ-бы отмѣтки; ну, хоть рисуйте что нибудь.

— Какой вздоръ, зачѣмъ?

— Ну, коли вамъ все равно; вѣдь вы все говорите, что вамъ все равно.

— Нѣтъ, зачѣмъ?

— А вотъ затѣмъ, что тотъ членъ отъ общества, ревизоръ, засѣлъ въ Москвѣ, а я тамъ кой-кому объявилъ, что, можетъ быть, посѣтитъ ревизоръ; и они будутъ думать, что вы-то и есть ревизоръ, а такъ какъ вы уже здѣсь три недѣли, то еще больше удивятся.

— Фокусы. Никакого ревизора у васъ нѣтъ въ Москвѣ.

— Ну, пусть нѣтъ, чортъ его и дери, вамъ-то какое дѣло и чѣмъ это васъ затруднитъ? Сами-же членъ общества.

— Скажите имъ, что я ревизоръ; я буду сидѣть и молчать, а бумагу и карандашъ не хочу.

— Да почему?

— Не хочу.

Петръ Степановичъ разозлился, даже позеленѣлъ, но опять скрѣпилъ себя, всталъ и взялъ шляпу.

— *Этотъ* у васъ? произнесъ онъ вдругъ вполголоса.

— У меня.

— Это хорошо. Я скоро его выведу, не безпокойтесь.

— Я не безпокоюсь. Онъ только ночуетъ. Старуха въ больницѣ, сноха померла; я два дня одинъ. Я ему показалъ мѣсто въ заборѣ, гдѣ доска вынимается; онъ пролѣзетъ, никто не видитъ.

— Я его скоро возьму.

— Онъ говорилъ, что у него много мѣстъ ночевать.

— Онъ вретъ, его ищутъ, а здѣсь пока незамѣтно. Развѣ вы съ нимъ пускаетесь въ разговоры?

— Да, всю ночь. Онъ васъ очень ругаетъ. Я ему ночью Апокалипсисъ читалъ, и чай. Очень слушалъ; даже очень, всю ночь.

— А, чортъ, да вы его въ христіанскую вѣру обратите!

— Онъ и то христіанской вѣры. Не безпокойтесь, зарѣжетъ. Кого вы хотите зарѣзать?

— Нѣтъ, онъ не для того у меня: онъ для другаго... А Шатовъ про Ѳедьку знаетъ?

— Я съ Шатовымъ ничего не говорю и не вижу.

— Злится, что-ли?

— Нѣтъ, не злимся, а только отворачиваемся. Слишкомъ долго вмѣстѣ въ Америкѣ пролежали.

— Я сейчасъ къ нему зайду.

— Какъ хотите.

— Мы со Ставрогинымъ къ вамъ тоже, можетъ, зайдемъ оттуда, этакъ часовъ въ десять.

— Приходите.

— Мнѣ съ нимъ надо поговорить о важномъ... Знаете, подарите-ка мнѣ вашъ мячъ; къ чему вамъ теперь? Я тоже для гимнастики. Я вамъ, пожалуй, заплачу деньги.

— Возьмите такъ.

Петръ Степановичъ положилъ мячъ въ задній карманъ.

— А я вамъ не дамъ ничего противъ Ставрогина, пробормоталъ вслѣдъ Кириловъ, выпуская гостя. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но не отвѣтилъ.

Послѣднія слова Кирилова смутили Петра Степановича чрезвычайно; онъ еще не успѣлъ ихъ осмыслить, но еще на лѣстницѣ къ Шатову постарался передѣлать свой недовольный видъ въ ласковую физіономію. Шатовъ былъ дома и немного боленъ. Онъ лежалъ на постели, впрочемъ, одѣтый.

— Вотъ неудача! вскричалъ Петръ Степановичъ съ порога;—серіозно больны?

Ласковое выраженіе его лица вдругъ исчезло; что-то злобное засверкало въ глазахъ.

— Нисколько, нервно привскочилъ Шатовъ,—я вовсе не боленъ, немного голова...

Онъ даже потерялся; внезапное появленіе такого гостя рѣшительно испугало его.

— Я именно по такому дѣлу, что хворать не слѣдуетъ, началъ Петръ Степановичъ быстро и какъ-бы властно;—позвольте сѣсть (онъ сѣлъ), а вы садитесь опять на вашу койку, вотъ такъ. Сегодня подъ видомъ дня рожденія Виргинскаго соберутся у него изъ нашихъ; другаго, впрочемъ, оттѣнка не будетъ вовсе, приняты мѣры.

Я приду съ Николаемъ Ставрогинымъ. Васъ-бы я, конечно, не потащилъ туда, зная вашъ теперешній образъ мыслей... то есть въ томъ смыслѣ, чтобы васъ тамъ не мучить, а не изъ того, что мы думаемъ, что вы донесете. Но вышло такъ, что вамъ придется идти. Вы тамъ встрѣтите тѣхъ самыхъ, съ которыми окончательно и порѣшимъ, какимъ образомъ вамъ оставить Общество и кому сдать, что̀ у васъ находится. Сдѣлаемъ непримѣтно; я васъ отведу куда нибудь въ уголъ; народу много, а всѣмъ незачѣмъ знать. Признаться, мнѣ пришлось таки изъ-за васъ языкъ поточить; но теперь, кажется, и они согласны, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы вы сдали типографію и всѣ бумаги. Тогда ступайте себѣ на всѣ четыре стороны.

Шатовъ выслушалъ нахмуренно и злобно. Нервный недавній испугъ оставилъ его совсѣмъ.

— Я не признаю никакой обязанности давать чортъ знаетъ кому отчетъ, проговорилъ онъ наотрѣзъ; — никто меня не можетъ отпускать на волю.

— Не совсѣмъ. Вамъ многое было довѣрено. Вы не имѣли права прямо разрывать. И, наконецъ, вы никогда не заявляли о томъ ясно, такъ что вводили ихъ въ двусмысленное положеніе.

— Я, какъ пріѣхалъ сюда, заявилъ ясно письмомъ.

— Нѣтъ, не ясно, спокойно оспаривалъ Петръ Степановичъ, — я вамъ прислалъ, напримѣръ, *Свѣтлую Личность*, чтобы здѣсь напечатать и экземпляры сложить до востребованія гдѣ нибудь тутъ у васъ; тоже двѣ прокламаціи. Вы воротили съ письмомъ двусмысленнымъ, ничего не обозначающимъ.

— Я прямо отказался печатать.

— Да, но не прямо. Вы написали: «не могу», но не объяснили по какой причинѣ. «Не могу» не значитъ «не хочу». Можно было подумать, что вы просто отъ матеріальныхъ причинъ не можете. Такъ это и поняли и сочли, что вы всетаки согласны продолжать связь съ Обществомъ, а, стало быть, могли опять вамъ что нибудь довѣрить, слѣдовательно себя компрометтировать. Здѣсь они говорятъ, что вы просто хотѣли обмануть, съ тѣмъ, чтобы, получивъ какое нибудь важное сообщеніе, донести. Я васъ защищалъ изо всѣхъ силъ и показалъ вашъ письменный отвѣтъ въ двѣ строки, какъ документъ въ вашу пользу. Но и самъ долженъ былъ сознаться, перечитавъ теперь, что эти двѣ строчки не ясны и вводятъ въ обманъ.

— А у васъ такъ тщательно сохранилось это письмо?

— Это ничего, что оно у меня сохранилось; оно и теперь у меня.

— Ну и пускай, чортъ!.. яростно вскричалъ Шатовъ.—Пускай ваши дураки считаютъ, что я донесъ, какое мнѣ дѣло! Я-бы желалъ посмотрѣть, что̀ вы мнѣ можете сдѣлать?

— Васъ-бы отмѣтили и при первомъ успѣхѣ революціи повѣсили.

— Это когда вы захватите верховную власть и покорите Россію?

— Вы не смѣйтесь. Повторяю, я васъ отстаивалъ. Такъ-ли, этакъ, а всетаки я вамъ явиться сегодня совѣтую. Къ чему напрасныя слова изъ-за какой-то фальшивой гордости? Не лучше-ли разстаться дружелюбно? Вѣдь ужь во всякомъ случаѣ вамъ придется сдавать станокъ и буквы и старыя бумажки, вотъ о томъ и поговоримъ.

— Приду, проворчалъ Шатовъ, въ раздумьи понуривъ голову. Петръ Степановичъ искоса разсматривалъ его съ своего мѣста.

— Ставрогинъ будетъ? спросилъ вдругъ Шатовъ, подымая голову.

— Будетъ непремѣнно.

— Хе-хе!

Опять съ минуту помолчали. Шатовъ брезгливо и раздражительно ухмылялся.

— А эта ваша подлая *Свѣтлая Личность*, которую я не хотѣлъ здѣсь печатать, напечатана?

— Напечатана.

— Гимназистовъ увѣрять, что вамъ самъ Герценъ въ альбомъ написалъ?

— Самъ Герценъ.

Опять помолчали минуты съ три. Шатовъ всталъ, наконецъ, съ постели:

— Ступайте вонъ отъ меня, я не хочу сидѣть вмѣстѣ съ вами.

— Иду, даже какъ-то весело проговорилъ Петръ Степановичъ, немедленно подымаясь, — одно только слово: Кириловъ, кажется, одинъ одинешенекъ теперь во флигелѣ, безъ служанки?

— Одинъ одинешенекъ. Ступайте, я не могу оставаться въ одной съ вами комнатѣ.

«Ну, хорошъ-же ты теперь!» весело обдумывалъ Петръ Степановичъ, выходя на улицу; «хорошъ будешь и вечеромъ, а мнѣ именно такого тебя теперь надо, и лучше желать нельзя, лучше желать нельзя! Самъ Русскій Богъ помогаетъ!»

VII.

Вѣроятно онъ очень много хлопоталъ въ этотъ день по разнымъ побѣгушкамъ; и, должно быть, успѣшно—что̀ и отозвалось въ самодовольномъ выраженіи его физіономіи, когда вечеромъ, ровно въ шесть часовъ, онъ явился къ Николаю Всеволодовичу. Но къ тому его не сейчасъ допустили; съ Николаемъ Всеволодовичемъ только что заперся въ кабинетѣ Маврикій Николаевичъ. Это извѣстіе мигомъ его озаботило. Онъ усѣлся у самыхъ дверей кабинета съ тѣмъ, чтобы ждать выхода гостя. Разговоръ былъ слышенъ, но словъ нельзя было уловить. Визитъ продолжался не долго; вскорѣ послышался шумъ, раздался чрезвычайно громкій и рѣзкій голосъ, вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и вышелъ Маврикій Николаевичъ съ совершенно блѣднымъ лицомъ. Онъ не замѣтилъ Петра Степановича и быстро прошелъ мимо. Петръ Степановичъ тотчасъ-же вбѣжалъ въ кабинетъ.

Не могу обойдти подробнаго отчета объ этомъ, чрезвычайно краткомъ свиданіи двухъ «соперниковъ»,—свиданіи, повидимому, невозможномъ при сложившихся обстоятельствахъ, но, однако-же, состоявшемся.

Произошло это такъ: Николай Всеволодовичъ дремалъ въ своемъ кабинетѣ послѣ обѣда на кушеткѣ, когда Алексѣй Егоровичъ доложилъ о приходѣ неожиданнаго гостя. Услышавъ возвѣщенное имя, онъ вскочилъ даже съ мѣста и не хотѣлъ вѣрить. Но вскорѣ улыбка сверкнула на губахъ его — улыбка высокомѣрнаго торжества и въ тоже время какого-то тупаго недовѣрчиваго изумленія. Вошедшій Маврикій Николаевичъ, кажется, былъ пораженъ выраженіемъ этой улыбки, по крайней мѣрѣ, вдругъ пріостановился среди комнаты, какъ-бы не рѣшаясь: идти-ли дальше или воротиться? Хозяинъ тотчасъ-же успѣлъ измѣнить свое лицо и съ видомъ серіознаго недоумѣнія шагнулъ ему на встрѣчу. Тотъ не взялъ протянутой ему руки, неловко придвинулъ стулъ и, не сказавъ ни слова, сѣлъ еще прежде хозяина, не дождавшись приглашенія. Николай Всеволодовичъ усѣлся наискось на кушеткѣ и, всматриваясь въ Маврикія Николаевича, молчалъ и ждалъ.

— Если можете, то женитесь на Лизаветѣ Николаевнѣ, подарилъ вдругъ Маврикій Николаевичъ, и что̀ было всего любопытнѣе — никакъ нельзя было узнать по интонаціи голоса, что̀ это такое: просьба, рекомендація, уступка или приказаніе.

Николай Всеволодовичъ продолжалъ молчать; но гость, очевидно, сказалъ уже все, для чего пришелъ, и глядѣлъ въ упоръ, ожидая отвѣта.

— Если не ошибаюсь (впрочемъ, это слишкомъ вѣрно), Лизавета Николаевна уже обручена съ вами, проговорилъ, наконецъ, Ставрогинъ.

— Помолвлена и обручилась, твердо и ясно подтвердилъ Маврикій Николаевичъ.

— Вы... поссорились?.. Извините меня, Маврикій Николаевичъ.

— Нѣтъ, она меня «любитъ и уважаетъ», ея слова. Ея слова драгоцѣннѣе всего.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Но знайте, что если она будетъ стоять у самаго налоя подъ вѣнцомъ, а вы ее кликнете, то она броситъ меня и всѣхъ и пойдетъ къ вамъ.

— Изъ подъ вѣнца.

— И послѣ вѣнца.

— Не ошибаетесь-ли?

— Нѣтъ. Изъ-подъ безпрерывной къ вамъ ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновеніе сверкаетъ любовь и... безуміе... самая искренняя и безмѣрная

любовь и—безуміе! Напротивъ, изъ-за любви, которую она ко мнѣ чувствуетъ, тоже искренно, каждое мгновеніе сверкаетъ ненависть,—самая великая! Я-бы никогда не могъ вообразить прежде всѣ эти... метаморфозы.

— Но я удивляюсь, какъ могли вы, однако, придти и располагать рукой Лизаветы Николаевны? Имѣете-ли вы на то право? Или она васъ уполномочила?

Маврикій Николаевичъ нахмурился и на минуту потупилъ голову.

— Вѣдь это только одни слова съ вашей стороны, проговорилъ онъ вдругъ,—мстительныя и торжествующія слова; я увѣренъ, вы понимаете недосказанное въ строкахъ, и неужели есть тутъ мѣсто мелкому тщеславію? Мало вамъ удовлетворенія? Неужели надо размазывать, ставить точки на і. Извольте, я поставлю точки, если вамъ такъ нужно мое униженіе: права я не имѣю, полномочіе невозможно; Лизавета Николаевна ни о чемъ не знаетъ, а женихъ ея потерялъ послѣдній умъ и достоинъ съумасшедшаго дома, и въ довершеніе самъ приходитъ вамъ объ этомъ рапортовать. На всемъ свѣтѣ только вы одни можете сдѣлать ее счастливою, и только я одинъ—несчастною. Вы ее оспариваете, вы ее преслѣдуете, но, не знаю почему, не женитесь. Если это любовная ссора, бывшая за границей, и, чтобы пресѣчь ее, надо принести меня въ жертву,—приносите. Она слишкомъ несчастна, и я не могу того вынести. Мои слова не позволеніе, не предписаніе, а потому и самолюбію вашему нѣтъ оскорбленія. Если-бы вы хотѣли взять мое мѣсто у налоя, то могли это сдѣлать безо всякаго позволенія съ моей стороны, и мнѣ, конечно, нечего было приходить къ вамъ съ безумiемъ. Тѣмъ болѣе, что и свадьба наша послѣ теперешняго моего шага уже никакъ невозможна. Не могу-же я вести ее къ алтарю подлецомъ? То, что я дѣлаю здѣсь, и то, что я предаю ее вамъ, можетъ быть, непримиримѣйшему ея врагу, на мой взглядъ такая подлость, которую я, разумѣется, не перенесу никогда.

— Застрѣлитесь, когда насъ будутъ вѣнчать?

— Нѣтъ, позже гораздо. Къ чему марать моею кровью ея брачную одежду. Можетъ, я и совсѣмъ не застрѣлюсь, ни теперь, ни позже.

— Говоря такъ, желаете, вѣроятно, меня успокоить?

— Васъ? Одинъ лишній брызгъ крови что для васъ можетъ значить?

Онъ поблѣднѣлъ и глаза его засверкали. Послѣдовало минутное молчаніе.

— Извините меня за предложенные вамъ вопросы, началъ вновь Ставрогинъ;—нѣкоторые изъ нихъ я не имѣлъ никакого права вамъ предлагать, но на одинъ изъ нихъ я имѣю, кажется, полное право: скажите мнѣ, какія данныя заставили васъ заключить о моихъ чувствахъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ? Я разумѣю о той степени этихъ чувствъ, увѣренность въ которой позволила вамъ придти ко мнѣ и... рискнуть такимъ предложеніемъ.

— Какъ? даже вздрогнулъ немного Маврикій Николаевичъ;—развѣ вы не домогались? Не домогаетесь и не хотите домогаться?

— Вообще о чувствахъ моихъ къ той или другой женщинѣ я не могу говорить вслухъ третьему лицу, да и кому-бы то ни было, кромѣ той одной женщины. Извините, такова ужь странность организма. Но взамѣнъ того я скажу вамъ всю остальную правду: я женатъ, и жениться или «домогаться» мнѣ уже невозможно.

Маврикій Николаевичъ былъ до того изумленъ, что отшатнулся на спинку кресла и нѣкоторое время смотрѣлъ неподвижно на лицо Ставрогина.

— Представьте, я никакъ этого не подумалъ, пробормоталъ онъ,—вы сказали тогда, въ то утро, что не женаты... я такъ и повѣрилъ, что не женаты...

Онъ ужасно блѣднѣлъ; вдругъ онъ ударилъ изо всей силы кулакомъ по столу.

— Если вы послѣ такого признанія не оставите Лизавету Николаевну и сдѣлаете ее несчастною сами, то я убью васъ палкой, какъ собаку подъ заборомъ!

Онъ вскочилъ и быстро вышелъ изъ комнаты. Вбѣжавшій Петръ Степановичъ засталъ хозяина въ самомъ неожиданномъ расположеніи духа.

— А, это вы! громко захохоталъ Став-

рогинъ; хохоталъ онъ, казалось, одной только фигурѣ Петра Степановича, вбѣжавшаго съ такимъ стремительнымъ любопытствомъ.

— Вы у дверей подслушивали? Постойте, съ чѣмъ это вы прибыли? Вѣдь я что-то вамъ обѣщалъ... А, ба! Помню: къ «нашимъ!» Идемъ, очень радъ, и ничего вы не могли придумать теперь болѣе кстати.

Онъ схватилъ шляпу, и оба немедля вышли изъ дому.

— Вы заранѣе смѣетесь, что увидите «нашихъ?» весело юлилъ Петръ Степановичъ, то стараясь шагать рядомъ съ своимъ спутникомъ, по узкому кирпичному тротуару, то сбѣгая даже на улицу въ самую грязь, потому что спутникъ совершенно не замѣчалъ, что идетъ одинъ по самой срединѣ тротуара, а, стало быть, занимаетъ его весь одною своею особой.

— Нисколько не смѣюсь, громко и весело отвѣчалъ Ставрогинъ, — напротивъ, убѣжденъ, что у васъ тамъ самый серіозный народъ.

— «Угрюмыя тупицы», какъ вы изволили разъ выразиться.

— Ничего нѣтъ веселѣе иной угрюмой тупицы.

— А, это вы про Маврикія Николаевича! Я убѣжденъ, что онъ вамъ сейчасъ невѣсту приходилъ уступать, а? Это я его подъуськалъ косвенно, можете себѣ представить. А не уступитъ, такъ мы у него сами возьмемъ—а?

Петръ Степановичъ, конечно, зналъ, что рискуетъ, пускаясь въ такіе выверты, но ужь когда онъ самъ бывалъ возбужденъ, то лучше желалъ рисковать хоть на все, чѣмъ оставлять себя въ неизвѣстности. Николай Всеволодовичъ только разсмѣялся.

— А вы все еще разсчитываете мнѣ помогать? спросилъ онъ.

— Если кликните. Но знаете, что есть одинъ самый лучшій путь?

— Знаю вашъ путь.

— Ну нѣтъ, это покамѣстъ секретъ. Только помните, что секретъ денегъ стоитъ.

— Знаю сколько и стоитъ, проворчалъ про себя Ставрогинъ, но удержался и замолчалъ.

— Сколько? Что̀ вы сказали? встрепенулся Петръ Степановичъ.

— Я сказалъ: ну васъ къ чорту и съ секретомъ! Скажите мнѣ лучше, кто у васъ тамъ? Я знаю, что мы на имянины идемъ, но кто тамъ именно?

— О, въ высшей степени всякая всячина! Даже Кириловъ будетъ.

— Все члены кружковъ?

— Чортъ возьми какъ вы торопитесь! Тутъ и одного кружка еще не состоялось.

— Какъ-же вы разбросали столько прокламацій?

— Тамъ, куда мы идемъ, членовъ кружка всего четверо. Остальные, въ ожиданіи, шпіонятъ другъ за другомъ взапуски, и мнѣ переносятъ. Народъ благонадежный. Все это матеріалъ, который надо организовать да и убираться. Впрочемъ, вы сами уставъ писали, вамъ нечего объяснять.

— Что̀-жь, трудно что̀-ли идетъ? Заколодило?

— Идетъ? Какъ не надо легче. Я васъ посмѣшу: первое что̀ ужасно дѣйствуетъ— это мундиръ. Нѣтъ ничего сильнѣе мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, предсѣдатели, регистраторы, ихъ товарищи—очень нравится и отлично принялось. Затѣмъ слѣдующая сила, разумѣется, сентиментальность. Знаете, соціализмъ у насъ распространяется преимущественно изъ сентиментальности. Но тутъ бѣда, вотъ эти кусающіеся подпоручики; нѣтъ-нѣтъ да и нарвешься. Затѣмъ слѣдуютъ чистые мошенники; ну, эти, пожалуй, хорошій народъ, иной разъ выгодны очень, но на нихъ много времени идетъ, неусыпный надзоръ требуется. Ну и, наконецъ, самая главная сила—цементъ все связующій—это стыдъ собственнаго мнѣнія. Вотъ это такъ сила! И кто это работалъ, кто этотъ «миленькій» трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого въ головѣ! За стыдъ почитаютъ.

— А коли такъ, изъ чего вы хлопочете?

— А коли лежитъ просто, ротъ разѣваетъ на всѣхъ, такъ какъ-же его не стибрить! Будто серіозно не вѣрите, что возможенъ успѣхъ? Эхъ, вѣра-то есть, да надо хо-

тѣнья. Да, именно съ этакими и возможенъ успѣхъ. Я вамъ говорю, онъ у меня въ огонь пойдетъ, стоитъ только прикрикнуть на него, что недостаточно либераленъ. Дураки попрекаютъ, что я всѣхъ здѣсь надулъ центральнымъ комитетомъ и «безчисленными развѣтвленіями». Вы сами разъ этимъ меня корили, а какое тутъ надуваніе: центральный комитетъ,—я да вы, а развѣтвленій будетъ сколько угодно.

— И все этакая-то сволочь!

— Матеріалъ. Пригодятся и эти.

— А вы на меня все еще разсчитываете?

— Вы начальникъ, вы сила; я у васъ только сбоку буду, секретаремъ. Мы, знаете, сядемъ въ ладью, веселки кленовыя, паруса шелковые, на кормѣ сидитъ красна дѣвица, свѣтъ Лизавета Николаевна... или какъ тамъ у нихъ, чортъ, поётся въ этой пѣснѣ...

— Запнулся, захохоталъ Ставрогинъ.— Нѣтъ, я вамъ скажу лучше присказку. Вы вотъ высчитываете по пальцамъ, изъ какихъ силъ кружки составляются? Все это чиновничество и сентиментальность—все это клейстеръ хорошій, но есть одна штука еще получше: подговорите четырехъ членовъ кружка укокошить пятаго, подъ видомъ того, что тотъ донесетъ, и тотчасъ-же вы ихъ всѣхъ, пролитою кровью, какъ однимъ узломъ свяжете. Рабами вашими станутъ, не посмѣютъ бунтовать и отчетовъ спрашивать. Ха-ха-ха!

«Однако-же, ты... однако-же, ты мнѣ эти слова долженъ выкупить», подумалъ про себя Петръ Степановичъ, «и даже сегодня-же вечеромъ. Слишкомъ ты много ужъ позволяешь себѣ».

Такъ или почти такъ долженъ былъ задуматься Петръ Степановичъ. Впрочемъ, ужъ подходили къ дому Виргинскаго.

— Вы, конечно, меня тамъ выставили какимъ нибудь членомъ изъ-за границы, въ связяхъ съ Internationale, ревизоромъ? спросилъ вдругъ Ставрогинъ.

— Нѣтъ, не ревизоромъ; ревизоромъ будете не вы; но вы членъ-учредитель изъ-за границы, которому извѣстны важнѣйшія тайны — вотъ ваша роль. Вы, конечно, станете говорить?

— Это съ чего вы взяли?

— Теперь обязаны говорить.

Ставрогинъ даже остановился въ удивленіи среди улицы, недалеко отъ фонаря. Петръ Степановичъ дерзко и спокойно выдержалъ его взглядъ. Ставрогинъ плюнулъ и пошелъ далѣе.

— А вы будете говорить? вдругъ спросилъ онъ Петра Степановича.

— Нѣтъ, ужь я васъ послушаю.

— Чортъ васъ возьми! Вы мнѣ въ самомъ дѣлѣ даете идею!

— Какую? выскочилъ Петръ Степановичъ.

— Тамъ-то я, пожалуй, поговорю, но зато потомъ васъ отколочу и, знаете — хорошо отколочу.

— Кстати, я давеча сказалъ про васъ Кармазинову, что будто вы говорили про него, что его надо высѣчь, да и не просто изъ чести, а какъ мужика сѣкутъ, больно.

— Да я этого никогда не говорилъ, ха-ха!

— Ничего. Se non e vero.

— Ну спасибо, искренно благодарю.

— Знаете еще что̀ говоритъ Кармазиновъ: что въ сущности наше ученіе есть отрицаніе чести, и что откровеннымъ правомъ на безчестье всего легче русскаго человѣка за собой увлечь можно.

— Превосходныя слова! Золотыя слова! вскричалъ Ставрогинъ; — прямо въ точку попалъ! Право на безчестье, — да это всѣ къ намъ прибѣгутъ, ни одного тамъ не останется! А слушайте, Верховенскій, вы не изъ высшей полиціи, а?

— Да вѣдь кто держитъ въ умѣ такіе вопросы, тотъ ихъ не выговариваетъ.

— Понимаю, да вѣдь мы у себя.

— Нѣтъ, покамѣстъ не изъ высшей полиціи. Довольно, пришли. Сочините-ка вашу физіономію, Ставрогинъ; я всегда сочиняю, когда къ нимъ вхожу. Побольше мрачности и только, больше ничего не надо; очень не хитрая вещь.

—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

У нашихъ.

I.

Виргинскій жилъ въ собственномъ домѣ, то есть въ домѣ своей жены, въ Муравьиной улицѣ. Домъ былъ деревянный, одноэтажный и постороннихъ жильцовъ въ немъ не было. Подъ видомъ дня рожденія хозяина собралось гостей человѣкъ до пятнадцати; но вечеринка совсѣмъ не походила на обыкновенную провинціальную имянинную вечеринку. Еще съ самаго начала своего сожитія, супруги Виргинскіе положили взаимно, разъ навсегда, что собирать гостей въ имянины совершенно глупо, да и «нечему вовсе радоваться». Въ нѣсколько лѣтъ они какъ-то успѣли совсѣмъ отдалить себя отъ общества. Онъ, хотя и человѣкъ со способностями и вовсе не «какой нибудь бѣдный», казался всѣмъ почему-то чудакомъ, полюбившимъ уединеніе и сверхъ того говорившимъ «надменно». Сама-же m-me Виргинская, занимавшаяся повивальною профессіей, уже тѣмъ однимъ стояла ниже всѣхъ на общественной лѣстницѣ; даже ниже попадьи, не смотря на офицерскій чинъ мужа. Соотвѣтственнаго-же ея званію смиренія не примѣчалось въ ней вовсе. А послѣ глупѣйшей и непростительно-откровенной связи ея, изъ принципа, съ какимъ-то мошенникомъ, капитаномъ Лебядкинымъ, даже самыя снисходительныя изъ нашихъ дамъ отвернулись отъ нея съ замѣчательнымъ пренебреженіемъ. Но m-me Виргинская приняла все такъ, какъ будто ей того и надо было. Замѣчательно, что тѣ-же самыя строгія дамы, въ случаяхъ интереснаго своего положенія, обращались по возможности къ Аринѣ Прохоровнѣ (то есть къ Виргинской), минуя остальныхъ трехъ акушерокъ нашего города. Присылали за нею даже изъ уѣзда къ помѣщицамъ—до того всѣ вѣровали въ ея знаніе, счастье и ловкость въ рѣшительныхъ случаяхъ. Кончилось тѣмъ, что она стала практиковать единственно только въ самыхъ богатыхъ домахъ; деньги-же любила до жадности. Ощутивъ вполнѣ свою силу, она подъ конецъ уже нисколько не стѣсняла себя въ характерѣ. Можетъ быть, даже нарочно, на практикѣ въ самыхъ знатныхъ домахъ, пугала слабонервныхъ родильницъ какимъ нибудь неслыханнымъ нигилистическимъ забвеніемъ приличій или, наконецъ, насмѣшками надъ «всѣмъ священнымъ» и именно въ тѣ минуты, когда «священное» наиболѣе могло бы пригодиться. Нашъ штабъ-лѣкарь Розановъ, онъ-же и акушеръ, положительно засвидѣтельствовалъ, что однажды, когда родильница въ мукахъ вопила и призывала всемогущее имя Божіе, именно одно изъ такихъ вольнодумствъ Арины Прохоровны, внезапныхъ «въ родѣ выстрѣла изъ ружья», подѣйствовавъ на больную испугомъ, способствовало быстрѣйшему ея разрѣшенію отъ бремени. Но хоть и нигилистка, а въ нужныхъ случаяхъ Арина Прохоровна вовсе не брезгала не только свѣтскими, но и стародавними, самыми предразсудочными обычаями, если таковые могли принести ей пользу. Ни за что не пропустила-бы она, напримѣръ, крестинъ повитаго ею младенца, причемъ являлась въ зеленомъ шелковомъ платьѣ со шлейфомъ, а шиньонъ расчесывала въ локоны и въ букли, тогда какъ во всякое другое время доходила до самоуслажденія въ своемъ неряшествѣ. И хотя во время совершенія таинства сохраняла всегда «самый наглый видъ», такъ что конфузила причтъ, но по совершеніи обряда шампанское непремѣнно выносила сама (для того и являлась и рядилась) и попробовали-бы вы, взявъ бокалъ, не положить ей «на кашу».

Собравшіеся на этотъ разъ къ Виргинскому гости (почти все мужчины) имѣли какой-то случайный и экстренный видъ. Не было ни закуски, ни картъ. Посреди большой гостиной комнаты, оклеенной отмѣнно старыми голубыми обоями, сдвинуты были два стола и покрыты большою скатертью, не совсѣмъ, впрочемъ, чистою, а на нихъ кипѣли два самовара. Огромный подносъ съ двадцатью пятью стаканами и корзина съ обыкновеннымъ французскимъ бѣлымъ хлѣбомъ, изрѣзаннымъ на множество ломтей, въ родѣ какъ въ благородныхъ мужскихъ и женскихъ пансіонахъ для воспитанниковъ, занимали конецъ стола. Чай

разливала тридцатилѣтняя дѣва, сестра хозяйки, безбровая и бѣлобрысая, существо молчаливое и ядовитое, но раздѣлявшее новые взгляды и которой ужасно боялся самъ Виргинскій въ домашнемъ быту. Всѣхъ дамъ въ комнатѣ было три: сама хозяйка, безбровая ея сестрица и родная сестра Виргинскаго, дѣвица Виргинская, какъ разъ только что прикатившая изъ Петербурга. Арина Прохоровна, видная дама лѣтъ двадцати семи, собою недурная, нѣсколько растрепанная, въ шерстяномъ непраздничномъ платьѣ зеленоватаго оттѣнка, сидѣла, обводя смѣлыми очами гостей и какъ-бы спѣша проговорить своимъ взглядомъ: «видите, какъ я совсѣмъ ничего не боюсь». Прибывшая дѣвица Виргинская, тоже недурная собой, студентка и нигилистка, сытенькая и плотненькая какъ шарикъ, съ очень красными щеками и низенькаго роста, помѣстилась подлѣ Арины Прохоровны, еще почти въ дорожномъ своемъ костюмѣ, съ какимъ-то сверткомъ бумагъ въ рукѣ, и разглядывала гостей нетерпѣливыми прыгающими глазами. Самъ Виргинскій въ этотъ вечеръ былъ нѣсколько нездоровъ, однако-же, вышелъ посидѣть въ креслахъ за чайнымъ столомъ. Всѣ гости тоже сидѣли, и въ этомъ чинномъ размѣщеніи на стульяхъ вокругъ стола предчувствовалось засѣданіе. Видимо всѣ чего-то ждали, а въ ожиданіи вели хотя и громкія, но какъ-бы постороннія рѣчи. Когда появились Ставрогинъ и Верховенскій все вдругъ затихло.

Но позволю себѣ сдѣлать нѣкоторое поясненіе для опредѣленности.

Я думаю, что всѣ эти господа дѣйствительно собрались тогда въ пріятной надеждѣ услышать что нибудь особенно любопытное и собрались предувѣдомленные. Они представляли собою цвѣтъ самаго яркокраснаго либерализма въ нашемъ древнемъ городѣ и были весьма тщательно подобраны Виргинскимъ для этого «засѣданія». Замѣчу еще, что нѣкоторые изъ нихъ (впрочемъ, очень немногіе) прежде совсѣмъ не посѣщали его. Конечно, большинство гостей не имѣло яснаго понятія, для чего ихъ предувѣдомляли. Правда, всѣ они принимали тогда Петра Степановича за пріѣхавшаго заграничнаго эмиссара, имѣющаго полномочія; эта идея какъ-то сразу укоренилась и натурально льстила. А, между тѣмъ, въ этой собравшейся кучкѣ гражданъ, подъ видомъ празднованія именинъ, уже находились нѣкоторые, которымъ были сдѣланы и опредѣленныя предложенія. Петръ Верховенскій успѣлъ слѣпить у насъ «пятерку», на подобіе той, которая уже была у него заведена въ Москвѣ и еще, какъ оказалось теперь, въ нашемъ уѣздѣ между офицерами. Говорятъ, тоже была одна у него и въ Х—ской губерніи. Эти пятеро избранныхъ сидѣли теперь за общимъ столомъ и весьма искусно умѣли придать себѣ видъ самыхъ обыкновенныхъ людей, такъ что никто ихъ не могъ узнать. То были,— такъ какъ теперь это не тайна,—во первыхъ, Липутинъ, затѣмъ самъ Виргинскій, длинноухій Шигалевъ, братъ г-жи Виргинской, Лямшинъ и, наконецъ, нѣкто Толкаченко,— странная личность, человѣкъ уже лѣтъ сорока и славившійся огромнымъ изученіемъ народа, преимущественно мошенниковъ и разбойниковъ, ходившій нарочно по кабакамъ (впрочемъ, не для одного изученія народнаго) и щеголявшій между нами дурнымъ платьемъ, смазными сапогами, прищуренно-хитрымъ видомъ и народными фразами съ завиткомъ. Разъ или два еще прежде Лямшинъ приводилъ его къ Степану Трофимовичу на вечера, гдѣ, впрочемъ, онъ особеннаго эффекта не произвелъ. Въ городѣ появлялся онъ временами, преимущественно когда бывалъ безъ мѣста, а служилъ по желѣзнымъ дорогамъ. Всѣ эти пятеро дѣятелей составили свою первую кучку съ теплою вѣрой, что она лишь единица между сотнями и тысячами такихъ-же пятерокъ, какъ и ихняя, разбросанныхъ по Россіи, и что всѣ зависятъ отъ какого-то центральнаго, огромнаго, но тайнаго мѣста, которое въ свою очередь связано органически съ европейскою всемірною революціей. Но, къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что между ними даже и въ то уже время началъ обнаруживаться разладъ. Дѣло въ томъ, что они хоть и ждали еще съ весны Петра Верховенскаго, возвѣщеннаго имъ сперва Толкаченкой, а потомъ пріѣхавшимъ Шигалевымъ; хоть и ждали отъ него чрезвычайныхъ чудесъ, и хоть и пошли тотчасъ-же

всѣ, безъ малѣйшей критики и по первому его зову, въ кружокъ, но только что составили пятерку, всѣ какъ-бы тотчасъ-же и обидѣлись, и именно, я полагаю, за быстроту своего согласія. Пошли они, разумѣется, изъ великодушнаго стыда, чтобы не сказали потомъ, что они не посмѣли пойдти; но всетаки Петръ Верховенскій долженъ-бы былъ оцѣнить ихъ благородный подвигъ и, по крайней мѣрѣ, разсказать имъ въ награжденіе какой нибудь самый главный анекдотъ. Но Верховенскій вовсе не хотѣлъ удовлетворить ихъ законнаго любопытства и лишняго ничего не разсказывалъ; вообще третировалъ ихъ съ замѣчательною строгостью и даже небрежностью. Это рѣшительно раздражило, и членъ Шигалевъ уже подбивалъ остальныхъ «потребовать отчета», но, разумѣется, не теперь у Виргинскаго, гдѣ собралось столько постороннихъ.

По поводу постороннихъ у меня тоже есть одна мысль, что вышеозначенные члены первой пятерки наклонны были подозрѣвать въ этотъ вечеръ въ числѣ гостей Виргинскаго еще членовъ какихъ нибудь имъ неизвѣстныхъ группъ, тоже заведенныхъ въ городѣ, по той-же тайной организаціи и тѣмъ-же самымъ Верховенскимъ, такъ что въ концѣ концовъ всѣ собравшіеся подозрѣвали другъ друга и одинъ предъ другимъ принимали разныя осанки, что и придавало всему собранію весьма сбивчивый и даже отчасти романическій видъ. Впрочемъ, тутъ были люди и внѣ всякаго подозрѣнія. Такъ, напримѣръ, одинъ служащій маіоръ, близкій родственникъ Виргинскаго, совершенно невинный человѣкъ, котораго и не приглашали, но который самъ пришелъ къ имянинику, такъ что никакъ нельзя было его не принять. Но имянинникъ всетаки былъ спокоенъ, потому что маіоръ «никакъ не могъ донести»; ибо, не смотря на всю свою глупость, всю жизнь любилъ сновать по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ водятся крайніе либералы; самъ не сочувствовалъ, но послушать очень любилъ. Мало того, былъ даже компрометтированъ: случилось такъ, что чрезъ его руки, въ молодости, прошли цѣлые склады *Колокола* и прокламацій, и хоть онъ ихъ даже развернуть боялся, но отказаться распространять ихъ почелъ-бы за совершенную подлость — и таковы иные русскіе люди даже и до сего дня. Остальные гости или представляли собою типъ придавленнаго до желчи благороднаго самолюбія, или типъ перваго благороднѣйшаго порыва пылкой молодости. То были два или три учителя, изъ которыхъ одинъ хромой, лѣтъ уже сорока пяти, преподаватель въ гимназіи, очень ядовитый и замѣчательно тщеславный человѣкъ, и два или три офицера. Изъ послѣднихъ одинъ очень молодой артиллеристъ, всего только на дняхъ пріѣхавшій изъ одного учебнаго военнаго заведенія, мальчикъ молчаливый и еще не успѣвшій составить знакомства, вдругъ очутился теперь у Виргинскаго съ карандашемъ въ рукахъ и, почти не участвуя въ разговорѣ, поминутно отмѣчалъ что-то въ своей записной книжкѣ. Всѣ это видѣли, но всѣ почему-то старались дѣлать видъ, что не примѣчаютъ. Былъ еще тутъ праздношатающійся семинаристъ, который съ Лямшинымъ подсунулъ книгоношѣ мерзостныя фотографіи, крупный парень, съ развязною, но въ тоже время недовѣрчивою манерой, съ безсмѣнно обличительною улыбкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со спокойнымъ видомъ торжествующаго совершенства, заключеннаго въ немъ самомъ. Былъ, не знаю для чего, и сынъ нашего городскаго головы, тотъ самый скверный мальчишка, истаскавшійся не по лѣтамъ и о которомъ я уже упоминалъ, разсказывая исторію маленькой поручицы. Этотъ весь вечеръ молчалъ. И, наконецъ, въ заключеніе одинъ гимназистъ, очень горячій и взъерошенный мальчикъ лѣтъ восемнадцати, сидѣвшій съ мрачнымъ видомъ оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ молодаго человѣка и видимо страдая за свои восемнадцать лѣтъ. Этотъ крошка былъ уже начальникомъ самостоятельной кучки заговорщиковъ, образовавшейся въ высшемъ классѣ гимназіи, что и обнаружилось, ко всеобщему удивленію, впослѣдствіи. Я не упомянулъ о Шатовѣ: онъ расположился тутъ-же въ заднемъ углу стола, нѣсколько выдвинувъ изъ ряду свой стулъ, смотрѣлъ въ землю, мрачно молчалъ, отъ чаю и хлѣ-

ба отказался и все время не выпускалъ изъ рукъ свой картузъ, какъ-бы желая тѣмъ заявить, что онъ не гость, а пришелъ по дѣлу, а когда захочетъ, встанетъ и уйдетъ. Недалеко отъ него помѣстился и Кириловъ, тоже очень молчаливый, но въ землю не смотрѣлъ, а, напротивъ, въ упоръ разсматривалъ каждаго говорившаго своимъ неподвижнымъ взглядомъ безъ блеску и выслушивалъ все безъ малѣйшаго волненія или удивленія. Нѣкоторые изъ гостей, никогда не видавшіе его прежде, разглядывали его задумчиво и украдкой. Неизвѣстно, знала-ли что нибудь сама m-me Виргинская о существовавшей пятеркѣ? Полагаю, что знала все и именно отъ супруга. Студентка-же, конечно, ни въ чемъ не участвовала, но у ней была своя забота; она намѣревалась прогостить всего только день или два, а затѣмъ отправиться дальше и дальше, по всѣмъ университетскимъ городамъ, чтобы «принять участіе въ страданіяхъ бѣдныхъ студентовъ и возбудить ихъ къ протесту». Она везла съ собою нѣсколько сотъ экземпляровъ литографированнаго воззванія и, кажется, собственнаго сочиненія. Замѣчательно, что гимназистъ возненавидѣлъ ее съ перваго взгляда почти до кровомщенія, хотя и видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни, а она равномѣрно его. Маіоръ приходился ей роднымъ дядей и встрѣтилъ ее сегодня въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ. Когда вошли Ставрогинъ и Верховенскій, щеки ея были красны какъ клюква: она только что разбранилась съ дядей за убѣжденія по женскому вопросу.

II.

Верховенскій замѣчательно небрежно развалился на стулѣ въ верхнемъ углу стола, почти ни съ кѣмъ не поздоровавшись. Видъ его былъ брезгливый и даже надменный. Ставрогинъ раскланялся вѣжливо, но не смотря на то, что всѣ только ихъ и ждали, всѣ какъ по командѣ сдѣлали видъ, что ихъ почти не примѣчаютъ. Хозяйка строго обратилась къ Ставрогину, только что онъ усѣлся.

— Ставрогинъ, хотите чаю?

— Дайте, отвѣтилъ тотъ.

— Ставрогину чаю, скомандовала она разливательницѣ,—а вы хотите? (это ужь къ Верховенскому).

— Давайте, конечно, кто-жь про это гостей спрашиваетъ? Да давайте и сливокъ, у васъ всегда такую мерзость даютъ вмѣсто чаю; а еще въ домѣ имянинникъ.

— Какъ, и вы признаете имянины? засмѣялась вдругъ студентка; — сейчасъ о томъ говорили.

— Старо, проворчалъ гимназистъ съ другаго конца стола.

— Что такое старо? Забывать предразсудки не старо, хотя-бы самые невинные, а, напротивъ, къ общему стыду, до сихъ поръ еще ново, мигомъ заявила студентка, такъ и дернувшись впередъ со стула.—Къ тому-же нѣтъ невинныхъ предразсудковъ, прибавила она съ ожесточеніемъ.

— Я только хотѣлъ заявить, заволновался гимназистъ ужасно,— что предразсудки хотя, конечно, старая вещь и надо истреблять, но на счетъ имянинъ всѣ уже знаютъ, что глупости и очень старо, чтобы терять драгоцѣнное время, и безъ того уже всѣмъ свѣтомъ потерянное, такъ что можно-бы употребить свое остроуміе на предметъ болѣе нуждающійся...

— Слишкомъ долго тянете, ничего не поймешь, прокричала студентка.

— Мнѣ кажется, что всякій имѣетъ право голоса наравнѣ съ другимъ, и если я желаю заявить мое мнѣніе, какъ и всякій другой, то...

— У васъ никто не отнимаетъ права вашего голоса, рѣзко оборвала уже сама хозяйка,—васъ только приглашаютъ не мямлить, потому что васъ никто не можетъ понять.

— Однако-же, позвольте замѣтить, что вы меня не уважаете; если я и не могъ докончить мысль, то это не оттого, что у меня нѣтъ мыслей, а скорѣе отъ избытка мыслей... чуть не въ отчаяніи пробормоталъ гимназистъ и окончательно спутался.

— Если не умѣете говорить, то молчите, хлопнула студентка.

Гимназистъ даже привскочилъ со стула.

— Я только хотѣлъ заявить, прокричалъ онъ, весь горя отъ стыда и боясь осмо-

трѣться вокругъ,— что вамъ только хотѣлось выскочить съ вашимъ умомъ потому что вошелъ господинъ Ставрогинъ — вотъ что!

— Ваша мысль грязна и безнравственна и означаетъ все ничтожество вашего развитія. Прошу болѣе ко мнѣ не относиться, протрещала студентка.

— Ставрогинъ, начала хозяйка, — до васъ тутъ кричали сейчасъ о правахъ семейства,—вотъ этотъ офицеръ (она кивнула на родственника своего, маіора). И ужь, конечно, не я стану васъ безпокоить такимъ старымъ вздоромъ, давно порѣшеннымъ. Но откуда, однако, могли взяться права и обязанности семейства въ смыслѣ того предразсудка, въ которомъ теперь представляются? Вотъ вопросъ. Ваше мнѣніе?

— Какъ откуда могли взяться? переспросилъ Ставрогинъ.

— То есть мы знаемъ, напримѣръ, что предразсудокъ о Богѣ произошелъ отъ грома и молніи, вдругъ рванулась опять студентка, чуть не вскакивая глазами на Ставрогина;— слишкомъ извѣстно, что первоначальное человѣчество, пугаясь грома и молніи, обоготворило невидимаго врага, чувствуя предъ нимъ свою слабость. Но откуда произошелъ предразсудокъ о семействѣ? Откуда могло взяться само семейство?

— Это не совсѣмъ тоже самое... хотѣла было остановить хозяйка.

— Я полагаю, что отвѣтъ на такой вопросъ нескроменъ, отвѣчалъ Ставрогинъ.

— Какъ такъ, дернулась впередъ студентка.

Но въ учительской группѣ послышалось хихиканье, которому тотчасъ-же отозвались съ другаго конца Лямшинъ и гимназистъ, а за ними сиплымъ хохотомъ и родственникъ маіоръ.

— Вамъ-бы писать водевили, замѣтила хозяйка Ставрогину.

— Слишкомъ не къ чести вашей относится, не знаю какъ васъ зовутъ, отрѣзала въ рѣшительномъ негодованіи студентка.

— А ты не выскакивай! брякнулъ маіоръ, — ты барышня, тебѣ должно скромно держать себя, а ты ровно на иголку сѣла.

— Извольте молчать и не смѣйте обращаться ко мнѣ фамильярно съ вашими паскостными сравненіями. Я васъ въ первый разъ вижу и знать вашего родства не хочу.

— Да вѣдь я-жь тебѣ дядя; я тебя на рукахъ еще груднаго ребенка таскалъ!

— Какое мнѣ дѣло, что-бы вы тамъ ни таскали. Я васъ тогда не просила таскать, значитъ вамъ, господинъ неучтивый офицеръ, самому тогда доставляло удовольствіе. И позвольте мнѣ замѣтить, что вы не смѣете говорить мнѣ *ты*, если не отъ гражданства, и я вамъ разъ навсегда запрещаю.

— Вотъ всѣ онѣ такъ! стукнулъ маіоръ кулакомъ по столу, обращаясь къ сидѣвшему напротивъ Ставрогину. — Нѣтъ-съ, позвольте, я либерализмъ и современность люблю и люблю послушать умные разговоры, но предупреждаю — отъ мужчинъ. Но отъ женщинъ, но вотъ отъ современныхъ этихъ разлетаекъ — нѣтъ-съ, это боль моя! Ты не вертись! крикнулъ онъ студенткѣ, которая порывалась со стула, — нѣтъ, я тоже слова прошу, я обиженъ-съ.

— Вы только мѣшаете другимъ, а сами ничего не умѣете сказать, съ негодованіемъ проворчала хозяйка.

— Нѣтъ, ужь я выскажу, горячился маіоръ, обращаясь къ Ставрогину.— Я на васъ, господинъ Ставрогинъ, какъ на новаго вошедшаго человѣка разсчитываю, хотя и не имѣю чести васъ знать. Безъ мужчинъ онѣ пропадутъ какъ мухи — вотъ мое мнѣніе. Весь ихъ женскій вопросъ это — одинъ только недостатокъ оригинальности. Увѣряю-же васъ, что женскій этотъ весь вопросъ выдумали имъ мужчины, съ дуру, сами на свою шею, — слава только Богу, что я не женатъ! Ни малѣйшаго разнообразія-съ, узора простаго не выдумаютъ; и узоры за нихъ мужчины выдумываютъ! Вотъ-съ, я ее на рукахъ носилъ, съ ней десятилѣтней мазурку танцовалъ, сегодня она пріѣхала, натурально лечу обнять, а она мнѣ со втораго слова объявляетъ, что Бога нѣтъ. Да хоть-бы съ третьяго, а не со втораго слова, а то спѣшитъ! Ну, положимъ, умные люди не вѣруютъ, такъ вѣдь это отъ ума, а ты-то, говорю, пузырь, ты что въ Богѣ понимаешь? Вѣдь тебя студентъ научилъ, а научилъ-бы лампадки зажигать, ты-бы и зажигала.

— Вы все лжете, вы очень злой чело-

вѣкъ, а я давеча доказательно выразила вамъ вашу несостоятельность, отвѣтила студентка съ пренебреженіемъ и какъ-бы презирая много объясняться съ такимъ человѣкомъ. — Я вамъ именно говорила давеча, что насъ всѣхъ учили по катехизису: «Если будешь почитать своего отца и своихъ родителей, то будешь долголѣтнимъ и тебѣ дано будетъ богатство». Это въ десяти заповѣдяхъ. Если Богъ нашелъ необходимымъ за любовь предлагать награду, стало быть, вашъ Богъ безнравственъ. Вотъ въ какихъ словахъ я вамъ давеча доказала, и не со втораго слова, а потому что вы заявили права свои. Кто-жь виноватъ, что вы тупы и до сихъ поръ не понимаете. Вамъ обидно и вы злитесь — вотъ вся разгадка вашего поколѣнія.

— Дурында! проговорилъ маіоръ.

— А вы дуракъ.

— Ругайся!

— Но позвольте, Капитонъ Максимовичъ, вѣдь вы сами-же говорили мнѣ, что въ Бога не вѣруете, пропищалъ съ конца стола Липутинъ.

— Что-жь что я говорилъ, я—другое дѣло! Я, можетъ, и вѣрую, но только не совсѣмъ. Я хоть и не вѣрую вполнѣ, но все-таки не скажу, что Бога разстрѣлять надо. Я еще въ гусарахъ служа на счетъ Бога задумывался. Во всѣхъ стихахъ принято, что гусаръ пьетъ и кутитъ; такъ-съ, я, можетъ, и пилъ, но, вѣрите-ли, вскочишь ночью съ постели въ однихъ носкахъ и давай кресты крестить предъ образомъ, чтобы Богъ вѣру послалъ, потому что я и тогда не могъ быть спокойнымъ: есть Богъ или нѣтъ? До того оно мнѣ солоно доставалось! Утромъ, конечно, развлечешься, и опять вѣра какъ будто пропадетъ, да и вообще я замѣтилъ, что днемъ всегда вѣра нѣсколько пропадаетъ.

— А не будетъ-ли у васъ картъ? зѣвнулъ во весь ротъ Верховенскій, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Я слишкомъ, слишкомъ сочувствую вашему вопросу! рванулась студентка, рдѣя въ негодованіи отъ словъ маіора.

— Теряется золотое время, слушая глупые разговоры, отрѣзала хозяйка и взыскательно посмотрѣла на мужа.

Студентка подобралась:

— Я хотѣла заявить собранію о страданіи и о протестѣ студентовъ, а такъ какъ время тратится въ безнравственныхъ разговорахъ...

— Ничего нѣтъ ни нравственнаго, ни безнравственнаго! тотчасъ-же не вытерпѣлъ гимназистъ, какъ только начала студентка.

— Это я знала, господинъ гимназистъ, гораздо прежде чѣмъ васъ тому научили.

— А я утверждаю, остервенился тотъ,— что вы — пріѣхавшій изъ Петербурга ребенокъ съ тѣмъ, чтобы насъ всѣхъ просвѣтить, тогда какъ мы и сами знаемъ. О заповѣди: «Чти отца твоего и матерь твою», которую вы не умѣли прочесть, и что она безнравственна — уже съ Бѣлинскаго всѣмъ въ Россіи извѣстно.

— Кончится-ли это когда нибудь? рѣшительно проговорила m-me Виргинская мужу. Какъ хозяйка, она краснѣла за ничтожество разговоровъ, особенно замѣтивъ нѣсколько улыбокъ и даже недоумѣніе между новопозванными гостями.

— Господа, возвысилъ вдругъ голосъ Виргинскій, — если-бы кто пожелалъ начать о чемъ нибудь болѣе идущемъ къ дѣлу, или имѣетъ что заявить, то я предлагаю приступить, не теряя времени.

— Осмѣлюсь сдѣлать одинъ вопросъ, мягко проговорилъ доселѣ молчавшій и особенно чинно сидѣвшій хромой учитель: — я желалъ-бы знать, составляемъ-ли мы здѣсь, теперь, какое нибудь засѣданіе, или, просто, мы собраніе обыкновенныхъ смертныхъ, пришедшихъ въ гости? Спрашиваю болѣе для порядку и чтобы не находиться въ невѣдѣніи.

«Хитрый» вопросъ произвелъ впечатлѣніе; всѣ переглянулись, каждый какъ-бы ожидая одинъ отъ другаго отвѣта и, вдругъ всѣ, какъ по командѣ, обратили взгляды на Верховенскаго и Ставрогина.

— Я просто предлагаю вотировать отвѣтъ на вопросъ: «засѣданіе мы или нѣтъ?» проговорила m-me Виргинская.

— Совершенно присоединяюсь къ предложенію, отозвался Липутинъ, — хотя оно и нѣсколько неопредѣленно.

— И я присоединяюсь, и я, послышались голоса.

— И мнѣ кажется, дѣйствительно, будетъ болѣе порядку, скрѣпилъ Виргинскій.

— Итакъ на голоса! объявила хозяйка.— Лямшинъ, прошу васъ, сядьте за фортепьяно: вы и оттуда можете подать вашъ голосъ, когда начнутъ вотировать!

— Опять! крикнулъ Лямшинъ; — довольно я вамъ барабанилъ.

— Я васъ прошу настойчиво, сядьте играть; вы не хотите быть полезнымъ дѣлу?

— Да увѣряю-же васъ, Арина Прохоровна, что никто не подслушиваетъ. Одна ваша фантазія. Да и окна высоки, да и кто тутъ пойметъ что нибудь, если-бъ и подслушивалъ.

— Мы и сами-то не понимаемъ въ чемъ дѣло, проворчалъ чей-то голосъ.

— А я вамъ говорю, что предосторожность всегда необходима. Я на случай, если-бы шпіоны, обратилась она съ толкованіемъ къ Верховенскому, — пусть услышатъ съ улицы, что у насъ имянины и музыка.

— Э, чортъ! выругался Лямшинъ, сѣлъ на фортепіано и началъ барабанить вальсъ, зря и чуть не кулаками стуча по клавишамъ.

— Тѣмъ, кто желаетъ, чтобы было засѣданіе, я предлагаю поднять правую руку вверхъ, предложила m-me Виргинская.

Одни подняли, другіе нѣтъ. Были и такіе, что подняли и опять взяли назадъ. Взяли назадъ и опять подняли.

— Фу, чортъ! Я ничего не понялъ, крикнулъ одинъ офицеръ.

— И я не понимаю, крикнулъ другой.

— Нѣтъ, я понимаю, крикнулъ третій,— если *да*, то руку вверхъ.

— Да что *да*-то значитъ?

— Значитъ, засѣданіе.

— Нѣтъ, не засѣданіе.

— Я вотировалъ засѣданіе, крикнулъ гимназистъ, обращаясь къ m-me Виргинской.

— Такъ зачѣмъ-же вы руку не подняли?

— Я все на васъ смотрѣлъ, вы не подняли, такъ и я не поднялъ.

— Какъ глупо, я потому что я предлагала, потому и не подняла. Господа, предлагаю вновь обратно: кто хочетъ засѣданіе пусть сидитъ и не подымаетъ руки, а кто не хочетъ, тотъ пусть подыметъ правую руку.

— Кто не хочетъ? переспросилъ гимназистъ.

— Да вы это нарочно что-ли? крикнула въ гнѣвѣ m-me Виргинская.

— Нѣтъ-съ, позвольте, кто хочетъ или кто не хочетъ, потому что это надо точнѣе опредѣлить? раздались два—три голоса.

— Кто не хочетъ, *не* хочетъ.

— Ну да, но что̀ надо дѣлать, подымать или не подымать, если *не* хочетъ? крикнулъ офицеръ.

— Эхъ, къ конституціи-то мы еще не привыкли! замѣтилъ маіоръ.

— Господинъ Лямшинъ, сдѣлайте одолженіе, вы такъ стучите, никто не можетъ разслышать, замѣтилъ хромой учитель.

— Да ей Богу-же, Арина Прохоровна, никто не подслушиваетъ, вскочилъ Лямшинъ.— Да не хочу-же играть! Я къ вамъ въ гости пришелъ, а не барабанить!

— Господа, предложилъ Виргинскій,— отвѣчайте всѣ голосомъ: засѣданіе мы или нѣтъ?

— Засѣданіе, засѣданіе! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А если такъ, то нечего и вотировать довольно. Довольны-ли вы, господа, надоли еще вотировать?

— Не надо, не надо, поняли!

— Можетъ быть, кто не хочетъ засѣданія?

— Нѣтъ, нѣтъ, всѣ хотимъ.

— Да что̀ такое засѣданіе? крикнулъ голосъ. Ему не отвѣтили.

— Надо выбрать президента, крикнули съ разныхъ сторонъ.

— Хозяина, разумѣется, хозяина!

— Господа, коли такъ, началъ выбранный Виргинскій,— то я предлагаю давешнее первоначальное мое предложеніе: еслибы кто пожелалъ начать о чемъ нибудь болѣе идущемъ къ дѣлу, или имѣетъ что̀ заявить, то пусть приступитъ не теряя времени.

Общее молчаніе. Взгляды всѣхъ вновь обратились на Ставрогина и Верховенскаго.

— Верховенскій, вы не имѣете ничего заявить? прямо спросила хозяйка.

— Ровно ничего, потянулся онъ, зѣвая

на стулѣ.—Я, впрочемъ, желалъ-бы рюмку коньяку.

— Ставрогинъ, вы не желаете?

— Благодарю, я не пью.

— Я говорю, желаете вы говорить или нѣтъ, а не про коньякъ?

— Говорить, объ чемъ? Нѣтъ, не желаю.

— Вамъ принесутъ коньяку, отвѣтила она Верховенскому.

Поднялась студентка. Она уже нѣсколько разъ подвскакивала.

— Я пріѣхала заявить о страданіяхъ несчастныхъ студентовъ и о возбужденіи ихъ повсемѣстно къ протесту...

Но она осѣклась; на другомъ концѣ стола явился уже другой конкуррентъ и всѣ взоры обратились къ нему. Длинноухій Шигалевъ съ мрачнымъ и угрюмымъ видомъ медленно поднялся съ своего мѣста и меланхолически положилъ толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь на столъ. Онъ не садился и молчалъ. Многіе съ замѣшательствомъ смотрѣли на тетрадь, но Липутинъ, Виргинскій и хромой учитель были, казалось, чѣмъ-то довольны.

— Прошу слова, угрюмо, но твердо заявилъ Шигалевъ.

— Имѣете, разрѣшилъ Виргинскій.

Ораторъ сѣлъ, помолчалъ съ полминуты и произнесъ важнымъ голосомъ:

— Господа!..

— Вотъ коньякъ! брезгливо и презрительно отрубила родственница, разливавшая чай, уходившая за коньякомъ, и ставя его теперь передъ Верховенскимъ вмѣстѣ съ рюмкой, которую принесла въ пальцахъ, безъ подноса и безъ тарелки.

Прерванный ораторъ съ достоинствомъ пріостановился.

— Ничего, продолжайте, я не слушаю, крикнулъ Верховенскій, наливая себѣ рюмку.

— Господа, обращаясь къ вашему вниманію, началъ вновь Шигалевъ, — и, какъ увидите ниже, испрашивая вашей помощи въ пунктѣ первостепенной важности, я долженъ произнести предисловіе.

— Арина Прохоровна, нѣтъ у васъ ножницъ? спросилъ вдругъ Петръ Степановичъ.

— Зачѣмъ вамъ ножницъ? выпучила та на него глаза.

— Забылъ ногти обстричь, три дня собираюсь, промолвилъ онъ, безмятежно разсматривая свои длинные и нечистые ногти.

Арина Прохоровна вспыхнула, но дѣвицѣ Виргинской какъ-бы что-то понравилось.

— Кажется, я ихъ здѣсь, на окнѣ давеча видѣла, встала она изъ-за стола, пошла, отыскала ножницы и тотчасъ-же принесла съ собой. Петръ Степановичъ даже не посмотрѣлъ на нее, взялъ ножницы и началъ возиться съ ними. Арина Прохоровна поняла, что это реальный пріемъ и устыдилась своей обидчивости. Собраніе переглядывалось молча. Хромой учитель злобно и завистливо наблюдалъ Верховенскаго. Шигалевъ сталъ продолжать:

— Посвятивъ мою энергію на изученіе вопроса о соціальномъ устройствѣ будущаго общества, которымъ замѣнится настоящее, я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ созидатели соціальныхъ системъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противорѣчившіе себѣ, ничего ровно не понимавшіе въ естественной наукѣ и въ томъ странномъ животномъ, которое называется человѣкомъ. Платонъ, Руссо, Фурье, колонны изъ аллюминія, все это годится развѣ для воробьевъ, а не для общества человѣческаго. Но такъ какъ будущая общественная форма необходима именно теперь, когда всѣ мы, наконецъ, собираемся дѣйствовать, чтобъ уже болѣе не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства міра. Вотъ она! стукнулъ онъ по тетради. — Я хотѣлъ изложить собранію мою книгу по возможности въ сокращенномъ видѣ; но вижу, что потребуется еще прибавить множество изустныхъ разъясненій, а потому все изложеніе потребуетъ, по крайней мѣрѣ, десяти вечеровъ, по числу главъ моей книги. (Послышался смѣхъ). Кромѣ того объявляю заранѣе, что система моя не окончена. (Смѣхъ опять). Я запутался въ собственныхъ данныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противорѣчіи съ первоначальной идеей, изъ которой я выхожу. Выходя изъ безграничной свободы, я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ. Прибавлю, однако-жь, что кромѣ мо-

его разрѣшенія общественной формулы не можетъ быть никакого.

Смѣхъ разростался сильнѣй и сильнѣй, но смѣялись болѣе молодые и, такъ сказать, мало посвященные гости. На лицахъ хозяйки, Липутина и хромаго учителя выразилась нѣкоторая досада.

— Если вы сами не съумѣли слѣпить свою систему и пришли къ отчаянію, то намъ-то тутъ чего дѣлать? осторожно замѣтилъ одинъ офицеръ.

— Вы правы, господинъ служащій офицеръ, рѣзко оборотился къ нему Шигалевъ, — и всего болѣе тѣмъ, что употребили слово отчаяніе. Да, я приходилъ къ отчаянію; тѣмъ не менѣе все, что̀ изложено въ моей книгѣ, — незамѣнимо и другаго выхода нѣтъ; никто ничего не выдумаетъ. И потому спѣшу, не теряя времени, пригласить все общество, по выслушаніи моей книги въ продолженіи десяти вечеровъ, заявить свое мнѣніе. Если-же члены не захотятъ меня слушать, то разойдемся въ самомъ началѣ, — мужчины чтобы заняться государственною службой, женщины въ свои кухни, потому что, отвергнувъ книгу мою, другаго выхода они не найдутъ. Ника-кого! Упустивъ-же время, повредятъ себѣ, такъ какъ потомъ неминуемо къ тому-же воротятся.

Началось движеніе: «Что̀ онъ, помѣшанный что-ли?» раздались голоса.

— Значитъ, все дѣло въ отчаяніи Шигалева, заключилъ Лямшинъ, — а насущный вопросъ въ томъ: быть или не быть ему въ отчаяніи?

— Близость Шигалева къ отчаянію есть вопросъ личный, заявилъ гимназистъ.

— Я предлагаю вотировать, на сколько отчаяніе Шигалева касается общаго дѣла, а съ тѣмъ вмѣстѣ стоитъ-ли слушать его или нѣтъ? весело рѣшилъ офицеръ.

— Тутъ не то-съ, ввязался, наконецъ, хромой. Вообще онъ говорилъ съ нѣкоторой, какъ-бы насмѣшливою улыбкой, такъ что пожалуй трудно было и разобрать, искренно онъ говоритъ или шутитъ. — Тутъ, господа, не то-съ. Г. Шигалевъ слишкомъ серіозно преданъ своей задачѣ и притомъ слишкомъ скроменъ. Мнѣ книга его извѣстна. Онъ предлагаетъ, въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса — раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ-же должны потерять личность и обратиться въ родѣ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть рядомъ перерожденій первобытной невинности, въ родѣ какъ-бы первобытнаго рая, хотя, впрочемъ, и будутъ работать. Мѣры, предлагаемыя авторомъ для отнятія у девяти десятыхъ человѣчества воли и передѣлки его въ стадо, посредствомъ перевоспитанія цѣлыхъ поколѣній, — весьма замѣчательны, основаны на естественныхъ данныхъ и очень логичны. Можно не согласиться съ иными выводами, но въ умѣ и въ знаніяхъ автора усумниться трудно. Жаль, что условіе десяти вечеровъ совершенно несовмѣстимо съ обстоятельствами, а то-бы мы могли услышать много любопытнаго.

— Неужели вы серіозно? обратилась къ хромому m-me Виргинская, въ нѣкоторой даже тревогѣ. — Если этотъ человѣкъ, не зная куда дѣваться съ людьми, обращаетъ ихъ девять десятыхъ въ рабство? Я давно подозрѣвала его.

— То есть вы про вашего братца? спросилъ хромой.

— Родство? Вы смѣетесь надо мною или нѣтъ?

— И кромѣ того работать на аристократовъ и повиноваться имъ какъ богамъ — это подлость! яростно замѣтила студентка.

— Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другаго на землѣ быть не можетъ, властно заключилъ Шигалевъ.

— А я-бы вмѣсто рая, вскричалъ Лямшинъ, — взялъ-бы этихъ девять десятыхъ человѣчества, если ужь некуда съ ними дѣваться, и взорвалъ ихъ на воздухъ, а оставилъ-бы только кучку людей образованныхъ, которые и начали-бы жить-поживать по ученому.

— Такъ можетъ говорить только шутъ! вспыхнула студентка.

— Онъ шутъ, но полезенъ, шепнула ей m-me Виргинская.

— И, можетъ быть, это было-бы самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ задачи! горячо обо-

ротился Шигалевъ къ Лямшину;—вы, конечно, и не знаете, какую глубокую вещь удалось вамъ сказать, господинъ веселый человѣкъ. Но такъ какъ ваша идея почти невыполнима, то и надо ограничиться земнымъ раемъ, если ужь такъ это назвали.

— Однако, порядочный вздоръ! какъ-бы вырвалось у Верховенскаго. Впрочемъ, онъ совершенно равнодушно и не подымая глазъ продолжалъ обстригать свои ногти.

— Почему-же вздоръ-съ? тотчасъ-же подхватилъ хромой, какъ будто такъ и ждалъ отъ него перваго слова, чтобы вцѣпиться.—Почему-же именно вздоръ? Господинъ Шигалевъ отчасти фанатикъ человѣколюбія; но вспомните, что у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самыхъ деспотическихъ и самыхъ фантастическихъ предрѣшеній вопроса. Господинъ Шигалевъ даже, можетъ быть, гораздо трезвѣе ихъ разрѣшаетъ дѣло. Увѣряю васъ, что, прочитавъ книгу его, почти невозможно не согласиться съ иными вещами. Онъ, можетъ быть, менѣе всѣхъ удалился отъ реализма, и его земной рай—есть почти настоящій, тотъ самый, о потерѣ котораго вздыхаетъ человѣчество, если только онъ когда нибудь существовалъ.

— Ну, я такъ и зналъ, что нарвусь, пробормоталъ опять Верховенскій.

— Позвольте-съ, вскипалъ все болѣе и болѣе хромой,—разговоры и сужденія о будущемъ соціальномъ устройствѣ — почти настоятельная необходимость всѣхъ мыслящихъ современныхъ людей. Герценъ всю жизнь только о томъ и заботился. Бѣлинскій, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, проводилъ цѣлые вечера съ своими друзьями, дебатируя и предрѣшая заранѣе даже самыя мелкія, такъ сказать, кухонныя подробности въ будущемъ соціальномъ устройствѣ.

— Даже съ ума сходятъ иные, вдругъ замѣтилъ маіоръ.

— Всетаки хоть до чего нибудь договориться можно, чѣмъ сидѣть и молчать въ видѣ диктаторовъ, прошипѣлъ Липутинъ, какъ-бы осмѣливаясь, наконецъ, начать нападеніе.

— Я не про Шигалева сказалъ, что вздоръ, промямлилъ Верховенскій.—Видите, господа, приподнялъ онъ капельку глаза,—по моему, всѣ эти книги, Фурье, Кабеты, всѣ эти «права на работу», Шигалевщина—все это въ родѣ романовъ, которыхъ можно написать сто тысячъ. Эстетическое препровожденіе времени. Я понимаю, что вамъ здѣсь въ городишкѣ скучно, вы и бросаетесь на писанную бумагу.

— Позвольте-съ, задергался на стулѣ хромой, — мы хоть и провинціалы и, ужь конечно, достойны тѣмъ сожалѣнія, но, однако-же, знаемъ, что на свѣтѣ покамѣстъ ничего такого новаго не случилось, о чемъ-бы намъ плакать, что проглядѣли. Намъ вотъ предлагаютъ, чрезъ разные подкидные листки иностранной фактуры, сомкнуться и завести кучки съ единственною цѣлію всеобщаго разрушенія, подъ тѣмъ предлогомъ, что какъ міръ ни лѣчи, все не вылѣчишь, а срѣзавъ радикально сто милліоновъ головъ и тѣмъ облегчивъ себя, можно вѣрнѣе перескочить черезъ канавку. Мысль прекрасная, безъ сомнѣнія, но, по крайней мѣрѣ, столь-же несовмѣстимая съ дѣйствительностію, какъ и «Шигалевщина», о которой вы сейчасъ отнеслись такъ презрительно.

— Ну, да я не для разсужденій пріѣхалъ, промахнулся значительнымъ словцомъ Верховенскій, и какъ-бы вовсе не замѣчая своего промаха, подвинулъ къ себѣ свѣчу, чтобы было свѣтлѣе.

— Жаль-съ, очень жаль, что не для разсужденій пріѣхали и очень жаль, что вы такъ теперь заняты своимъ туалетомъ.

— А чего вамъ мой туалетъ?

— Сто милліоновъ головъ такъ-же трудно осуществить, какъ и передѣлать міръ пропагандой. Даже, можетъ быть, и труднѣе, особенно если въ Россіи, рискнулъ опять Липутинъ.

— На Россію-то теперь и надѣются, проговорилъ офицеръ.

— Слышали мы и о томъ, что надѣются, подхватилъ хромой.— Намъ извѣстно, что на наше прекрасное отечество обращенъ таинственный index, какъ на страну наиболѣе способную къ исполненію великой задачи. Только вотъ что-съ: въ случаѣ постепеннаго разрѣшенія задачи пропагандой я хоть что нибудь лично выиграю, ну

хоть пріятно поболтаю, а отъ начальства такъ и чинъ получу за услуги соціальному дѣлу. А во второмъ, въ быстромъ-то разрѣшеніи посредствомъ ста милліоновъ головъ, мнѣ-то собственно какая будетъ награда? Начнешь пропагандировать, такъ еще пожалуй языкъ отрѣжутъ.

— Вамъ непремѣнно отрѣжутъ, сказалъ Верховенскій.

— Видите-съ. А такъ какъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ раньше пятидесяти лѣтъ, ну тридцати, такую рѣзню не докончишь, потому что вѣдь не бараны-же тѣ-то, пожалуй и не дадутъ себя рѣзать, — то не лучше-ли, собравши свой скарбъ, переселиться куда нибудь за тихія моря на тихіе острова и закрыть тамъ свои глаза безмятежно? Повѣрьте-съ, постучалъ онъ значительно пальцемъ по столу,— вы только эмиграцію такою пропагандой вызовете, а болѣе ничего-съ!

Онъ закончилъ видимо торжествуя. Это была сильная губернская голова. Липутинъ коварно улыбался, Виргинскій слушалъ нѣсколько уныло, остальные всѣ, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, слѣдили за споромъ, особенно дамы и офицеры. Всѣ понимали, что агента ста милліоновъ головъ приперли къ стѣнѣ и ждали, что̀ изъ этого выйдетъ.

— Это вы, впрочемъ, хорошо сказали, еще равнодушнѣе чѣмъ прежде, даже какъ-бы со скукой промямлилъ Верховенскій. — Эмигрировать — мысль хорошая. Но все-таки, если не смотря на всѣ явныя невыгоды, которыя вы предчувствуете, солдатъ на общее дѣло является все больше и больше съ каждымъ днемъ, то и безъ васъ обойдется. Тутъ, батюшка, новая религія идетъ взамѣнъ старой, оттого такъ много солдатъ и является, и дѣло это крупное. А вы эмигрируйте! И знаете, я вамъ совѣтую въ Дрезденъ, а не на тихіе острова. Во первыхъ, это городъ, никогда не видавшій никакой эпидеміи, а такъ какъ вы человѣкъ развитый, то навѣрно смерти боитесь; во вторыхъ, близко отъ русской границы, такъ что можно скорѣе получать изъ любезнаго отечества доходы; въ третьихъ, заключаетъ въ себѣ такъ называемыя сокровища искусствъ, а вы человѣкъ эстетическій, бывшій учитель словесности, кажется; ну и, наконецъ, заключаетъ въ себѣ свою собственную карманную Швейцарію — это ужь для поэтическихъ вдохновеній, потому навѣрно стишки пописываете. Однимъ словомъ, кладъ въ табакеркѣ!

Произошло движеніе; особенно офицеры зашевелились. Еще мгновеніе, и всѣ-бы разомъ заговорили. Но хромой раздражительно накинулся на приманку:

— Нѣтъ-съ, мы еще, можетъ быть, и не уѣдемъ отъ общаго дѣла! Это надо понимать-съ...

— Какъ такъ, вы развѣ пошли-бы въ пятерку, если-бъ я вамъ предложилъ? бряк нулъ вдругъ Верховенскій и положилъ ножницы на столъ.

Всѣ какъ-бы вздрогнули. Загадочный человѣкъ слишкомъ вдругъ раскрылся. Даже прямо про «пятерку» заговорилъ.

— Всякій чувствуетъ себя честнымъ человѣкомъ и не уклонится отъ общаго дѣла, закривился хромой, — но...

— Нѣтъ-съ, тутъ ужь дѣло не въ *но*, властно и рѣзко перебилъ Верховенскій: — Я объявляю, господа, что мнѣ нуженъ прямой отвѣтъ. Я слишкомъ понимаю, что я, прибывъ сюда и собравъ васъ самъ вмѣстѣ, обязанъ вамъ объясненіями (опять неожиданное раскрытіе), но я не могу дать никакихъ, прежде чѣмъ не узнаю, какого образа мыслей вы держитесь. Минуя разговоры, — потому что не тридцать-же лѣтъ опять болтать, какъ болтали до сихъ поръ тридцать лѣтъ, — я васъ спрашиваю, что̀ вамъ милѣе: медленный-ли путь, состоящій въ сочиненіи соціальныхъ романовъ и въ канцелярскомъ предрѣшеніи судебъ человѣческихъ на тысячи лѣтъ впередъ на бумагѣ, тогда какъ деспотизмъ тѣмъ временемъ будетъ глотать жареные куски, которые вамъ сами въ ротъ летятъ и которые вы мимо рта пропускаете, или вы держитесь рѣшенія скораго, въ чемъ-бы оно ни состояло, но которое, наконецъ, развяжетъ руки и дастъ человѣчеству на просторѣ самому соціально устроиться и уже на дѣлѣ, а не на бумагѣ? Кричатъ: «сто милліоновъ головъ»; это, можетъ быть, еще и метафора, но чего ихъ бояться, если при медленныхъ бумажныхъ мечтаніяхъ деспо-

тизмъ въ какія нибудь во сто лѣтъ съѣстъ не сто, а пятьсотъ милліоновъ головъ? Замѣтьте еще, что неизлѣчимый больной все равно не вылѣчится, какіе-бы ни прописывали ему на бумагѣ рецепты, а напротивъ, если промедлить, до того загніетъ, что и насъ заразитъ, перепортитъ всѣ свѣжія силы, на которыя теперь еще можно разсчитывать, такъ что мы всѣ, наконецъ, провалимся. Я согласенъ совершенно, что либерально и краснорѣчиво болтать чрезвычайно пріятно, а дѣйствовать — немного кусается... Ну да, впрочемъ, я говорить не умѣю; я прибылъ сюда съ сообщеніями, а потому прошу всю почтенную компанію не то что вотировать, а прямо и просто заявить, что вамъ веселѣе: черепашій-ли ходъ въ болотѣ, или на всѣхъ парахъ черезъ болото?

— Я положительно за ходъ на парахъ! крикнулъ въ восторгѣ гимназистъ.

— Я тоже, отозвался Лямшинъ.

— Въ выборѣ, разумѣется, нѣтъ сомнѣнія, пробормоталъ одинъ офицеръ, за нимъ другой, за нимъ еще кто-то. Главное, всѣхъ поразило, что Верховенскій съ «сообщеніями» и самъ обѣщалъ сейчасъ говорить.

— Господа, я вижу, что почти всѣ рѣшаютъ въ духѣ прокламацій, проговорилъ онъ, озирая общество.

— Всѣ, всѣ, раздалось большинство голосовъ.

— Я, признаюсь, болѣе принадлежу къ рѣшенію гуманному, проговорилъ маіоръ,— но такъ какъ ужь всѣ, то и я со всѣми.

— Выходитъ, стало быть, что и вы не противорѣчите? обратился Верховенскій къ хромому.

— Я не то чтобы... покраснѣлъ было нѣсколько тотъ, — но я если и согласенъ теперь со всѣми, то единственно чтобы не нарушить...

— Вотъ вы всѣ таковы! Полгода спорить готовъ для либеральнаго краснорѣчія, а кончитъ вѣдь тѣмъ, что вотируетъ со всѣми! Господа, разсудите, однако, правда-ли, что вы всѣ готовы?

(Къ чему готовы? вопросъ неопредѣленный, но ужасно заманчивый).

— Конечно, всѣ... раздались заявленія. Всѣ, впрочемъ, поглядывали другъ на друга.

— А, можетъ, потомъ и обидитесь, что скоро согласились? Вѣдь это почти всегда такъ у васъ бываетъ.

Заволновались въ различномъ смыслѣ, очень заволновались. Хромой налетѣлъ на Верховенскаго.

— Позвольте вамъ, однако, замѣтить, что отвѣты на подобные вопросы обусловливаются. Если мы и дали рѣшеніе, то замѣтьте, что всетаки вопросъ, заданный такимъ страннымъ образомъ...

— Какимъ страннымъ образомъ?

— Такимъ, что подобные вопросы не такъ задаются.

— Научите пожалуйста. А знаете, я такъ вѣдь и увѣренъ былъ, что вы первый обидитесь.

— Вы изъ насъ вытянули отвѣтъ на готовность къ немедленному дѣйствію, а какія, однако-же, права вы имѣли такъ поступать? Какія полномочія, чтобы задавать такіе вопросы?

— Такъ вы объ этомъ раньше-бы догадались спросить! Зачѣмъ-же вы отвѣчали? Согласились, да и спохватились.

— А по моему, легкомысленная откровенность вашего главнаго вопроса даетъ мнѣ мысль, что вы вовсе не имѣете ни полномочій, ни правъ, а лишь отъ себя любопытствовали.

— Да вы про что, про что? вскричалъ Верховенскій, какъ-бы начиная очень тревожиться.

— А про то, что аффиліаціи, какія-бы ни были, дѣлаются, по крайней мѣрѣ, глазъ-на-глазъ, а не въ незнакомомъ обществѣ двадцати человѣкъ! брякнулъ хромой. Онъ высказался весь, но уже слишкомъ былъ раздраженъ. Верховенскій быстро оборотился къ обществу съ отлично поддѣланнымъ встревоженнымъ видомъ:

— Господа, считаю долгомъ всѣмъ объявить, что все это глупости и разговоръ нашъ далеко зашелъ. Я еще ровно никого не аффильировалъ и никто про меня не имѣетъ права сказать, что я аффильирую, а мы просто говорили о мнѣніяхъ. Такъ-ли? Но такъ или этакъ, а вы меня очень тревожите, повернулся онъ опять къ хромому:— я никакъ не думалъ, что здѣсь о такихъ почти невинныхъ вещахъ надо говорить

глазъ-на-глазъ. Или вы боитесь доноса? Неужели между нами можетъ заключаться теперь доносчикъ?

Волненіе началось чрезвычайное; всѣ заговорили.

— Господа, если-бы такъ, продолжалъ Верховенскій,— то вѣдь всѣхъ болѣе компрометтировалъ себя я, а потому предложу отвѣтить на одинъ вопросъ, разумѣется, если захотите. Вся ваша полная воля.

— Какой вопросъ? Какой вопросъ? загалдѣли всѣ.

— А такой вопросъ, что послѣ него станетъ ясно: оставаться намъ вмѣстѣ, или молча разобрать наши шапки и разойдтись въ свои стороны.

— Вопросъ, вопросъ?

— Если-бы каждый изъ насъ зналъ о замышленномъ политическомъ убійствѣ, то пошелъ-ли-бы онъ донести, предвидя всѣ послѣдствія, или остался-бы дома, ожидая событій? Тутъ взгляды могутъ быть разные. Отвѣтъ на вопросъ скажетъ ясно—разойдтись намъ или оставаться вмѣстѣ и уже далеко не на одинъ этотъ вечеръ. Позвольте обратиться къ вамъ первому, обернулся онъ къ хромому.

— Почему-же ко мнѣ первому?

— Потому что вы все и начали. Сдѣлайте одолженіе, не уклоняйтесь, ловкость тутъ не поможетъ. Но, впрочемъ, какъ хотите; ваша полная воля.

— Извините, но подобный вопросъ даже обиденъ.

— Нѣтъ, ужь нельзя-ли поточнѣе.

— Агентомъ тайной полиціи никогда не бывалъ-съ, скривился тотъ еще болѣе.

— Сдѣлайте одолженіе, точнѣе, не задерживайте.

Хромой до того озлился, что даже пересталъ отвѣчать. Молча злобнымъ взглядомъ изъ-подъ очковъ въ упоръ смотрѣлъ онъ на истязателя.

— Да или нѣтъ? Донесли-бы или не донесли? крикнулъ Верховенскій.

— Разумѣется, *не* донесу! крикнулъ вдвое сильнѣе хромой.

— И никто не донесетъ, разумѣется, не донесетъ, послышались многіе голоса.

— Позвольте обратиться къ вамъ, господинъ маіоръ, донесли-бы вы или не донесли? продолжалъ Верховенскій. — И замѣтьте, я нарочно къ вамъ обращаюсь.

— Не донесу-съ.

— Ну, а если-бы вы знали, что кто нибудь хочетъ убить и ограбить другаго, обыкновеннаго смертнаго, вѣдь вы-бы донесли, предувѣдомили?

— Конечно-съ, но вѣдь это гражданскій случай, а тутъ доносъ политическій. Агентомъ тайной полиціи не бывалъ-съ.

— Да и никто здѣсь не бывалъ, послышались опять голоса. — Напрасный вопросъ. У всѣхъ одинъ отвѣтъ. Здѣсь не доносчики!

— Отчего встаетъ этотъ господинъ? крикнула студентка.

— Это Шатовъ. Отчего вы встали, Шатовъ? крикнула хозяйка.

Шатовъ всталъ дѣйствительно, онъ держалъ свою шапку въ рукѣ и смотрѣлъ на Верховенскаго. Казалось, онъ хотѣлъ ему что-то сказать, но колебался. Лицо его было блѣдно и злобно, но онъ выдержалъ, не проговорилъ ни слова и молча пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Шатовъ, вѣдь это для васъ-же не выгодно! загадочно крикнулъ ему вслѣдъ Верховенскій.

— Зато тебѣ выгодно, какъ шпіону и подлецу! прокричалъ ему въ дверяхъ Шатовъ и вышелъ совсѣмъ.

Опять крики и восклицанія.

— Вотъ она проба-то! крикнулъ голосъ.

— Пригодилась! крикнулъ другой.

— Не поздно-ли пригодилась-то? замѣтилъ третій.

— Кто его приглашалъ? — Кто принялъ? — Кто таковъ? — Кто такой Шатовъ?—Донесетъ или не донесетъ? сыпались вопросы.

— Если-бы доносчикъ, онъ-бы прикинулся, а то онъ наплевалъ да и вышелъ, замѣтилъ кто-то.

— Вотъ и Ставрогинъ встаетъ, Ставрогинъ тоже не отвѣчалъ на вопросъ, крикнула студентка.

Ставрогинъ дѣйствительно всталъ, а съ нимъ вмѣстѣ съ другаго конца стола поднялся и Кириловъ.

— Позвольте, господинъ Ставрогинъ, рѣзко обратилась къ нему хозяйка,—мы

всѣ здѣсь отвѣтили на вопросъ, между тѣмъ какъ вы молча уходите?

— Я не вижу надобности отвѣчать на вопросъ, который васъ интересуетъ, пробормоталъ Ставрогинъ.

— Но мы себя компрометтировали, а вы нѣтъ, закричало нѣсколько голосовъ.

— А мнѣ какое дѣло, что вы себя компрометтировали? засмѣялся Ставрогинъ, но глаза его сверкали.

— Какъ какое дѣло? Какъ какое дѣло? раздались восклицанія. Многіе вскочили со стульевъ.

— Позвольте, господа, позвольте, кричалъ хромой,—вѣдь и господинъ Верховенскій не отвѣчалъ на вопросъ, а только его задавалъ.

Замѣчаніе произвело эффектъ поразительный. Всѣ переглянулись. Ставрогинъ громко засмѣялся въ глаза хромому и вышелъ, а за нимъ Кириловъ. Верховенскій выбѣжалъ вслѣдъ за ними въ переднюю.

— Что вы со мной дѣлаете? пролепеталъ онъ, схвативъ Ставрогина за руку и изо всей силы стиснувъ ее въ своей. Тотъ молча вырвалъ руку.

— Будьте сейчасъ у Кирилова, я приду... Мнѣ необходимо, необходимо!

— Мнѣ нѣтъ необходимости, отрѣзалъ Ставрогинъ.

— Ставрогинъ будетъ, покончилъ Кириловъ.—Ставрогинъ, вамъ есть необходимость. Я вамъ тамъ покажу.

Они вышли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Иванъ-царевичъ.

Они вышли. Петръ Степановичъ бросился было въ «засѣданіе», чтобъ унять хаосъ, но, вѣроятно, разсудивъ, что не стоитъ возиться, оставилъ все и черезъ двѣ минуты уже летѣлъ по дорогѣ вслѣдъ за ушедшими. На бѣгу ему припомнился переулокъ, которымъ можно было еще ближе пройдти къ дому Филиппова; увязая по колѣна въ грязи, онъ пустился по переулку и въ самомъ дѣлѣ прибѣжалъ въ ту самую минуту, когда Ставрогинъ и Кириловъ проходили въ ворота.

— Вы уже здѣсь? замѣтилъ Кириловъ;— это хорошо. Входите.

— Какъ-же вы говорили, что живете одинъ? спросилъ Ставрогинъ, проходя въ сѣняхъ мимо наставленнаго и уже закипавшаго самовара.

— Сейчасъ увидите, съ кѣмъ я живу,— пробормоталъ Кириловъ,—входите.

Едва вошли, Верховенскій тотчасъ-же вынулъ изъ кармана давишнее анонимное письмо, взятое у Лембке, и положилъ предъ Ставрогинымъ. Всѣ трое сѣли. Ставрогинъ молча прочелъ письмо.

— Ну? спросилъ онъ.

— Этотъ негодяй сдѣлаетъ какъ по писанному, пояснилъ Верховенскій. — Такъ какъ онъ въ вашемъ распоряженіи, то научите какъ поступить. Увѣряю васъ, что онъ, можетъ быть, завтра-же пойдетъ къ Лембке.

— Ну и пусть идетъ.

— Какъ пусть? Особенно если можно обойдтись.

— Вы ошибаетесь, онъ отъ меня не зависитъ. Да и мнѣ все равно; мнѣ онъ ничѣмъ не угрожаетъ, а угрожаетъ лишь вамъ.

— И вамъ.

— Не думаю.

— Но васъ могутъ другіе не пощадить, неужто не понимаете? Слушайте, Ставрогинъ, это только игра на словахъ. Неужто вамъ денегъ жалко?

— А надо развѣ денегъ?

— Непремѣнно, тысячи двѣ или minimum полторы. Дайте мнѣ завтра или даже сегодня, и завтра къ вечеру я спроважу его вамъ въ Петербургъ, того-то ему и хочется. Если хотите, съ Марьей Тимоѳеевной— это замѣтьте.

Было въ немъ что-то совершенно сбившееся, говорилъ онъ какъ-то неосторожно, вырывались слова необдуманныя. Ставрогинъ присматривался къ нему съ удивленіемъ.

— Мнѣ незачѣмъ отсылать Марью Тимоѳеевну.

— Можетъ быть, даже и не хотите? иронически улыбнулся Петръ Степановичъ.

— Можетъ быть и не хочу.

— Однимъ словомъ: будутъ или не будутъ деньги? въ злобномъ нетерпѣніи и какъ-бы властно крикнулъ онъ на Ставрогина. Тотъ оглядѣлъ его серіозно.

— Денегъ не будетъ.

— Эй, Ставрогинъ! Вы что нибудь знаете или что нибудь уже сдѣлали! Вы—кутите!

Лицо его искривилось, концы губъ вздрогнули и онъ вдругъ разсмѣялся какимъ-то совсѣмъ безпредметнымъ, ни къ чему не идущимъ смѣхомъ.

— Вѣдь вы отъ отца вашего получили-же деньги за имѣніе, спокойно замѣтилъ Николай Всеволодовичъ.—Maman выдала вамъ тысячъ шесть или восемь за Степана Трофимовича. Вотъ и заплатите полторы тысячи изъ своихъ. Я не хочу, наконецъ, платить за чужихъ, я и такъ много роздалъ, мнѣ это обидно... усмѣхнулся онъ самъ на свои слова.

— А, вы шутить начинаете...

Ставрогинъ всталъ со стула, мигомъ вскочилъ и Верховенскій и машинально сталъ спиной къ дверямъ, какъ-бы загораживая выходъ. Николай Всеволодовичъ уже сдѣлалъ жестъ, чтобъ оттолкнуть его отъ двери и выйдти, но вдругъ остановился.

— Я вамъ Шатова не уступлю, сказалъ онъ. Петръ Степановичъ вздрогнулъ; оба глядѣли другъ на друга.

— Я вамъ давеча сказалъ, для чего вамъ Шатова кровь нужна,—засверкалъ глазами Ставрогинъ.—Вы этою мазью ваши кучки слѣпить хотите. Сейчасъ вы отлично выгнали Шатова: вы слишкомъ знали, что онъ не сказалъ-бы: «не донесу», а солгать предъ вами почелъ-бы низостью. Но я-то, я-то для чего вамъ теперь понадобился? Вы ко мнѣ пристаете почти что съ заграницы. То, чѣмъ вы это объясняли мнѣ до сихъ поръ, одинъ только бредъ. Межъ тѣмъ вы клоните, чтобъ я, отдавъ полторы тысячи Лебядкину, далъ тѣмъ случай Ѳедькѣ его зарѣзать. Я знаю, у васъ мысль, что мнѣ хочется зарѣзать заодно и жену. Связавъ меня преступленіемъ, вы, конечно, думаете получить надо мною власть, вѣдь такъ? Для чего вамъ власть? На кой чортъ я вамъ понадобился? Разъ навсегда разсмотрите ближе: вашъ-ли я человѣкъ, и оставьте меня въ покоѣ.

— Къ вамъ Ѳедька самъ приходилъ? одышливо проговорилъ Верховенскій.

— Да, онъ приходилъ; его цѣна тоже полторы тысячи... Да вотъ онъ самъ подтвердитъ, вонъ стоитъ... протянулъ руку Ставрогинъ.

Петръ Степановичъ быстро обернулся. На порогѣ, изъ темноты, выступила новая фигура—Ѳедька, въ полушубкѣ, но безъ шапки, какъ дома. Онъ стоялъ и посмѣивался, скаля свои ровные бѣлые зубы. Черные съ желтымъ отливомъ глаза его осторожно шмыгали по комнатѣ, наблюдая господъ. Онъ чего-то не понималъ; его очевидно сейчасъ привелъ Кириловъ, и къ нему-то обращался его вопросительный взглядъ; стоялъ онъ на порогѣ, но переходить въ комнату не хотѣлъ.

— Онъ здѣсь у васъ припасенъ вѣроятно, чтобы слышать нашъ торгъ или видѣть даже деньги въ рукахъ, вѣдь такъ? спросилъ Ставрогинъ и, не дожидаясь отвѣта, пошелъ вонъ изъ дому. Верховенскій нагналъ его у воротъ почти въ съумасшествіи.

— Стой! Ни шагу! крикнулъ онъ, хватая его за локоть. Ставрогинъ рванулъ руку, но не вырвалъ. Бѣшенство охватило имъ: схвативъ Верховенскаго за волосы лѣвою рукой, онъ бросилъ его изо всей силы объ земь и вышелъ въ ворота. Но онъ не прошелъ еще тридцати шаговъ, какъ тотъ опять нагналъ его.

— Помиримтесь, помиримтесь, прошепталъ онъ ему судорожнымъ шепотомъ.

Николай Всеволодовичъ вскинулъ плечами, но не остановился и не оборотился.

— Слушайте, а вамъ завтра-же приведу Лизавету Николаевну, хотите? Нѣтъ? Что-же вы не отвѣчаете? Скажите, чего вы хотите, я сдѣлаю. Слушайте: я вамъ отдамъ Шатова, хотите?

— Стало быть, правда, что вы его убить положили? вскричалъ Николай Всеволодовичъ.

— Ну зачѣмъ вамъ Шатовъ? Зачѣмъ? задыхающейся скороговоркой продолжалъ изступленный, поминутно забѣгая впередъ и хватаясь за локоть Ставрогина, вѣроятно

и не замѣчая того. Слушайте: я вамъ отдамъ его, помиримтесь. Вашъ счетъ великъ, но... помиримтесь!

Ставрогинъ взглянулъ на него, наконецъ, и былъ пораженъ. Это былъ не тотъ взглядъ, не тотъ голосъ, какъ всегда или какъ сейчасъ тамъ въ комнатѣ; онъ видѣлъ почти другое лицо. Интонація голоса была не та: Верховенскій молилъ, упрашивалъ. Это былъ еще не опомнившійся человѣкъ, у котораго отнимаютъ или уже отняли самую драгоцѣнную вещь.

— Да что̀ съ вами? вскричалъ Ставрогинъ. Тотъ не отвѣтилъ, но бѣжалъ за нимъ, и глядѣлъ на него прежнимъ умоляющимъ, но въ тоже время и непреклоннымъ взглядомъ.

— Помиримтесь! прошепталъ онъ еще разъ.—Слушайте, у меня въ сапогѣ, какъ у Ѳедьки, ножъ припасенъ, но я съ вами помирюсь.

— Да на что̀ я вамъ, наконецъ, чортъ! вскричалъ въ рѣшительномъ гнѣвѣ и изумленіи Ставрогинъ.—Тайна, что̀-ль, тутъ какая? Что̀ я вамъ за талисманъ достался?

— Слушайте, мы сдѣлаемъ смуту, бормоталъ тотъ быстро и почти какъ въ бреду.—Вы не вѣрите, что мы сдѣлаемъ смуту? Мы сдѣлаемъ такую смуту, что все пойдетъ съ основъ. Кармазиновъ правъ, что не за что̀ ухватиться. Кармазиновъ очень уменъ. Всего только десять такихъ-же кучекъ по Россіи, и я неуловимъ.

— Это такихъ-же все дураковъ, нехотя вырвалось у Ставрогина.

— О, будьте поглупѣе, Ставрогинъ, будьте поглупѣе сами! Знаете, вы вовсе вѣдь не такъ и умны, чтобы вамъ этого желать; вы боитесь, вы не вѣрите, васъ пугаютъ размѣры. И почему они дураки? Они не такіе дураки; нынче у всякаго умъ не свой. Нынче ужасно мало особливыхъ умовъ. Виргинскій это человѣкъ чистѣйшій, чище такихъ, какъ мы, въ десять разъ; ну и пусть его, впрочемъ. Липутинъ мошенникъ, но я у него одну точку знаю. Нѣтъ мошенника, у котораго-бы не было своей точки. Одинъ Лямшинъ безо всякой точки, зато у меня въ рукахъ. Еще нѣсколько такихъ кучекъ, и у меня повсемѣстно паспорты и деньги, хотя-бы это? Хотя-бы это одно? И сохранныя мѣста, и пусть ищутъ. Одну кучку вырвутъ, а на другой сядутъ. Мы пустимъ смуту... Неужто вы не вѣрите, что насъ двоихъ совершенно достаточно?

— Возьмите Шигалева, а меня бросьте въ покоѣ...

— Шигалевъ геніальный человѣкъ! Знаете-ли, что это геній въ родѣ Фурье; но смѣлѣе Фурье, но сильнѣе Фурье; я имъ займусь. Онъ выдумалъ «равенство!»

«Съ нимъ лихорадка и онъ бредитъ; съ нимъ что-то случилось очень особенное», посмотрѣлъ на него еще разъ Ставрогинъ. Оба шли не останавливаясь.

— У него хорошо въ тетради, продолжалъ Верховенскій,—у него шпіонство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому. Всѣ рабы, и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ клевета и убійство, а главное, равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается каменьями, вотъ Шигалевщина! Рабы должны быть равны: безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ Шигалевщина! Ха-ха-ха, вамъ странно? Я за Шигалевщину!

Ставрогинъ старался ускорить шагъ, и добраться поскорѣе домой. «Если этотъ человѣкъ пьянъ, то гдѣ-же онъ успѣлъ напиться», приходило ему на умъ. «Неужели коньякъ?»

— Слушайте, Ставрогинъ: горы сравнять—хорошая мысль, не смѣшная. Я за Шигалева! Не надо образованія, довольно науки! И безъ науки хватитъ матеріалу на тысячу лѣтъ, но надо устроиться послушанію. Въ мірѣ одного только недостаетъ, послушанія. Жажда образованія есть уже

жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство. «Мы научились ремеслу, и мы честные люди, намъ не надо ничего другаго»—вотъ недавній отвѣтъ англійскихъ рабочихъ. Необходимо лишь необходимое, вотъ девизъ земнаго шара отселѣ. Но нужна и судорога; объ этомъ позаботимся мы, правители. У рабовъ должны быть правители. Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ и судорогу и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе аристократическое; въ Шигалевщинѣ не будетъ желаній. Желаніе и страданіе для насъ, а для рабовъ Шигалевщина.

— Себя вы исключаете? сорвалось опять у Ставрогина.

— И васъ. Знаете-ли, я думалъ отдать міръ папѣ. Пусть онъ выйдетъ пѣшъ и босъ и покажется черни: «Вотъ дескать до чего меня довели!» и все повалитъ за нимъ, даже войско. Папа вверху, мы кругомъ, а подъ нами Шигалевщина. Надо только чтобы съ папой Internationale согласилась; такъ и будетъ. А старикашка согласится мигомъ. Да другаго ему и выхода нѣтъ, вотъ помяните мое слово, ха-ха-ха, глупо? Говорите, глупо или нѣтъ?

— Довольно, пробормоталъ Ставрогинъ съ досадой.

— Довольно! Слушайте, я бросилъ папу! Къ чорту Шигалевщину! Къ чорту папу! Нужно злобу дня, а не Шигалевщину, потому что Шигалевщина ювелирская вещь. Это идеалъ, это въ будущемъ. Шигалевъ ювелиръ и глупъ какъ всякій филантропъ. Нужна черная работа, а Шигалевъ презираетъ черную работу. Слушайте: папа будетъ на западѣ, а у насъ, у насъ будете вы!

— Отстаньте отъ меня, пьяный человѣкъ! пробормоталъ Ставрогинъ и ускорилъ шагъ.

— Ставрогинъ, вы красавецъ! вскричалъ Петръ Степановичъ почти въ упоеніи,—знаете-ли, что вы красавецъ! Въ васъ всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я васъ изучилъ! Я на васъ часто сбоку, изъ угла гляжу! Въ васъ даже есть простодушіе и наивность, знаете-ли вы это? Еще есть, есть! Вы, должно быть, страдаете, и страдаете искренно, отъ того простодушія. Я люблю красоту. Я нигилистъ, но люблю красоту. Развѣ нигилисты красоту не любятъ? Они только идоловъ не любятъ, ну, а я люблю идола! Вы мой идолъ! Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ; вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся, это хорошо. Къ вамъ никто не подойдетъ васъ потрепать по плечу. Вы ужасный аристократъ. Аристократъ, когда идетъ въ демократію, обаятеленъ! Вамъ ничего не значитъ пожертвовать жизнью и своею и чужою. Вы именно таковъ, какого надо. Мнѣ, мнѣ именно такого надо какъ вы. Я никого кромѣ васъ не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ...

Онъ вдругъ поцѣловалъ у него руку. Холодъ прошелъ по спинѣ Ставрогина и онъ въ испугѣ вырвалъ свою руку. Они остановились.

— Помѣшанный! прошепталъ Ставрогинъ.

— Можетъ и брежу, можетъ и брежу! подхватилъ тотъ скороговоркой,—но я выдумалъ первый шагъ. Никогда Шигалеву не выдумать первый шагъ. Много Шигалевыхъ! Но одинъ, одинъ только человѣкъ въ Россіи изобрѣлъ первый шагъ и знаетъ какъ его сдѣлать. Этотъ человѣкъ я. Что вы глядите на меня? Мнѣ вы, вы надобны, безъ васъ я нуль. Безъ васъ я муха, идея въ стклянкѣ, Колумбъ безъ Америки.

Ставрогинъ стоялъ и пристально глядѣлъ въ его безумные глаза.

— Слушайте, мы сначала пустимъ смуту, торопился ужасно Верховенскій, поминутно схватывая Ставрогина за лѣвый рукавъ.—Я уже вамъ говорилъ: мы проникнемъ въ самый народъ. Знаете-ли, что мы ужь и теперь ужасно сильны? Наши не тѣ только, которые рѣжутъ и жгутъ, да дѣлаютъ классическіе выстрѣлы или кусаются.

Такіе только мѣшаютъ. Я безъ дисциплины ничего не понимаю. Я вѣдь мошенникъ, а не соціалистъ, ха-ха! Слушайте, я ихъ всѣхъ сосчиталъ: учитель, смѣющійся съ дѣтьми надъ ихъ Богомъ и надъ ихъ колыбелью, уже нашъ. Адвокатъ, защищающій образованнаго убійцу тѣмъ, что онъ развитѣе своихъ жертвъ и, чтобы денегъ добыть, не могъ не убить, уже нашъ. Школьники, убивающіе мужика, чтобъ испытать ощущеніе, наши. Присяжные, оправдывающіе преступниковъ сплошь, наши. Прокуроръ, трепещущій на судѣ, что онъ недостаточно либераленъ, нашъ, нашъ. Администраторы, литераторы, о, нашихъ много, ужасно много, и сами того не знаютъ! Съ другой стороны, послушаніе школьниковъ и дурачковъ достигло высшей черты; у наставниковъ раздавленъ пузырь съ желчью; вездѣ тщеславіе размѣровъ непомѣрныхъ, аппетитъ звѣрскій, неслыханный... Знаете-ли, знаете-ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмемъ? Я поѣхалъ—свирѣпствовалъ тезисъ Littré, что преступленіе есть помѣшательство; пріѣзжаю—и уже преступленіе не помѣшательство, а именно здравый-то смыслъ и есть почти долгъ, по крайней мѣрѣ, благородный протестъ. «Ну какъ развитому убійцѣ не убить, если ему денегъ надо!» Но это лишь ягодки. Русскій Богъ уже спасовалъ предъ «дешевкой». Народъ пьянъ, матери пьяны, дѣти пьяны, церкви пусты, а на судахъ: «двѣсти розогъ, или тащи ведро». О, дайте взрости поколѣнію! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть-бы они еще попьянѣе стали! Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ пролетаріевъ! Но будутъ, будутъ, къ этому идетъ...

— Жаль тоже, что мы поглупѣли, пробормоталъ Ставрогинъ и двинулся прежнею дорогой.

— Слушайте, я самъ видѣлъ ребенка шести лѣтъ, который велъ домой пьяную мать, а та его ругала скверными словами. Вы думаете я этому радъ? Когда въ наши руки попадетъ, мы пожалуй и вылечимъ... если потребуется, мы на сорокъ лѣтъ въ пустыню выгонимъ... Но одно или два поколѣнія разврата теперь необходимо; разврата неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь—вотъ чего надо! А тутъ еще «свѣженькой кровушки», чтобъ попривыкъ. Чего вы смѣетесь? Я себѣ не противорѣчу. Я только филантропомъ и Шигалевщинѣ противорѣчу, а не себѣ! Я мошенникъ, а не соціалистъ. Ха-ха-ха! Жаль только, что времени мало. Я Кармазинову обѣщалъ въ маѣ начать, а къ Покрову кончить. Скоро? Ха-ха! Знаете-ли, что я вамъ скажу, Ставрогинъ: въ русскомъ народѣ до сихъ поръ не было цинизма, хоть онъ и ругался скверными словами. Знаете-ли, что этотъ рабъ крѣпостной больше себя уважалъ, чѣмъ Кармазиновъ себя? Его драли, а онъ своихъ боговъ отстоялъ, а Кармазиновъ не отстоялъ.

— Ну, Верховенскій, я въ первый разъ слушаю васъ и слушаю съ изумленіемъ, промолвилъ Николай Всеволодовичъ,— вы, стало быть, и впрямь не соціалистъ, а какой нибудь политическій... честолюбецъ?

— Мошенникъ, мошенникъ. Васъ заботитъ, кто я такой? Я вамъ скажу сейчасъ, кто я такой, къ тому и веду. Не даромъ же я у васъ руку поцѣловалъ. Но надо, чтобъ и народъ увѣровалъ, что мы знаемъ, чего хотимъ, а что тѣ только «машутъ дубиной и бьютъ по своимъ». Эхъ, кабы время! Одна бѣда—времени нѣтъ. Мы провозгласимъ разрушеніе...почему, почему, опять таки, эта идейка такъ обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустимъ пожары... Мы пустимъ легенды... Тутъ каждая шелудивая «кучка» пригодится. Я вамъ въ этихъ-же самыхъ кучкахъ такихъ охотниковъ отыщу, что на всякій выстрѣлъ пойдутъ, да еще за честь благодарны останутся. Ну-съ, и начнется смута! Раскачка такая пойдетъ, какой еще міръ не видалъ... Затуманится Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ... Ну-съ, тутъ-то мы и пустимъ... Кого?

— Кого?

— Ивана-Царевича.

— Кого-о?

— Ивана-Царевича; васъ, васъ!

Ставрогинъ подумалъ съ минуту.

— Самозванца? вдругъ спросилъ онъ, въ глубокомъ удивленіи смотря на изступ-

леннаго.— Э, такъ вотъ, наконецъ, вашъ планъ!

— Мы скажемъ, что онъ «скрывается», тихо, какимъ-то любовнымъ шепотомъ проговорилъ Верховенскій, въ самомъ дѣлѣ какъ будто пьяный.— Знаете-ли вы, что̀ значитъ это словцо: «онъ скрывается?» Но онъ явится, явится. Мы пустимъ легенду получше чѣмъ у скопцовъ. Онъ есть, но никто не видалъ его. О, какую легенду можно пустить! А главное — новая сила идетъ. А ее-то и надо, по ней-то и плачутъ. Ну что̀ въ соціализмѣ: старыя силы разрушилъ, а новыхъ не внесъ. А тутъ сила, да еще какая, неслыханная! Намъ вѣдь только на разъ рычагъ, чтобы землю поднять. Все подымется!

— Такъ это вы серіозно на меня разсчитывали? усмѣхнулся злобно Ставрогинъ.

— Чего вы смѣетесь, и такъ злобно? Не пугайте меня. Я теперь какъ ребенокъ, меня можно до смерти испугать одною вотъ такою улыбкой. Слушайте, я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его, онъ скрывается. А знаете, что можно даже и показать, изъ ста тысячъ одному, напримѣръ. И пойдетъ по всей землѣ: «видѣли, видѣли». И Ивана Филипповича бога-саваоѳа видѣли, какъ онъ въ колесницѣ на небо вознесся предъ людьми, «собственными» глазами видѣли. А вы не Иванъ Филипповичъ; вы красавецъ, гордый какъ богъ, ничего для себя не ищущій, съ ореоломъ жертвы, «скрывающійся». Главное, легенду! Вы ихъ побѣдите, взглянете и побѣдите. Новую правду несетъ и «скрывается». А тутъ мы два— три соломоновскихъ приговора пустимъ. Кучки-то, пятерки-то — газетъ не надо! Если изъ десяти тысячъ одну только просьбу удовлетворить, то всѣ пойдутъ съ просьбами. Въ каждой волости каждый мужикъ будетъ знать, что есть, дескать, гдѣ-то такое дупло, куда просьбы опускать указано. И застонетъ стономъ земля: «новый правый законъ идетъ», и взволнуется море и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ, какъ-бы поставить строеніе каменное. Въ первый разъ! Строить *мы* будемъ, мы, одни мы!

— Неистовство! проговорилъ Ставрогинъ.

— Почему, почему вы не хотите? Боитесь? Вѣдь я потому и схватился за васъ, что вы ничего не боитесь. Неразумно, что-ли? Да вѣдь я пока еще Колумбъ безъ Америки; развѣ Колумбъ безъ Америки разуменъ?

Ставрогинъ молчалъ. Межъ тѣмъ пришли къ самому дому и остановились у подъѣзда.

— Слушайте, наклонился къ его уху Верховенскій:—я вамъ безъ денегъ; я кончу завтра съ Марьей Тимоѳеевной... безъ денегъ, и завтра-же приведу къ вамъ Лизу. Хотите Лизу, завтра-же?

«Что̀ онъ, вправду помѣшался?» улыбнулся Ставрогинъ. Двери крыльца отворились.

— Ставрогинъ, наша Америка? схватилъ въ послѣдній разъ его за руку Верховенскій.

— Зачѣмъ? серіозно и строго проговорилъ Николай Всеволодовичъ.

— Охоты нѣтъ, такъ я и зналъ! вскричалъ тотъ въ порывѣ неистовой злобы.— Врете вы, дрянной, блудливый, изломанный барченокъ, не вѣрю, аппетитъ у васъ волчій!.. Поймите-же, что вашъ счетъ теперь слишкомъ великъ, и не могу-же я отъ васъ отказаться! Нѣтъ на землѣ инаго какъ вы! Я васъ съ заграницы выдумалъ; выдумалъ на васъ-же глядя. Если-бы не глядѣлъ я на васъ изъ угла, не пришло-бы мнѣ ничего въ голову!..

Ставрогинъ, не отвѣчая, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ.

— Ставрогинъ! крикнулъ ему вслѣдъ Верховенскій,— даю вамъ день... ну два... ну три; больше трехъ не могу, а тамъ— вашъ отвѣтъ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Степана Трофимовича описали.

Между тѣмъ произошло у насъ приключеніе, меня удивившее, а Степана Трофимовича потрясшее. Утромъ въ восемь часовъ прибѣжала отъ него ко мнѣ Настасья, съ извѣстіемъ, что барина «описали». Я сначала ничего не могъ понять; добился только, что «описали» чиновники, пришли и взяли бумаги, а солдатъ завязалъ въ

узелъ и «отвезъ въ тачкѣ». Извѣстіе было дикое. Я тотчасъ-же поспѣшилъ къ Степану Трофимовичу.

Я засталъ его въ состояніи удивительномъ: разстроеннаго и въ большомъ волненіи, но въ тоже время съ несомнѣнно торжествующимъ видомъ. На столѣ, среди комнаты, кипѣлъ самоваръ и стоялъ налитый, но не тронутый и забытый стаканъ чаю. Степанъ Трофимовичъ слонялся около стола и заходилъ во всѣ углы комнаты, не давая себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ. Онъ былъ въ своей обыкновенной красной фуфайкѣ, но, увидѣвъ меня, поспѣшилъ надѣть свой жилетъ и сюртукъ, чего прежде никогда не дѣлалъ, когда кто изъ близкихъ заставалъ его въ этой фуфайкѣ. Онъ тотчасъ-же и горячо схватилъ меня за руку.

— Enfin un ami! (Онъ вздохнулъ полною грудью). Cher, я къ вамъ къ одному послалъ, и никто ничего не знаетъ. Надо велѣть Настасьѣ запереть двери и не впускать никого, кромѣ, разумѣется, *тѣхъ*... Vous comprenez?

Онъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на меня, какъ-бы ожидая отвѣта. Разумѣется, я бросился разспрашивать, и кое-какъ изъ несвязной рѣчи, съ перерывами и ненужными вставками, узналъ, что въ семь часовъ утра къ нему «вдругъ» пришелъ губернскій чиновникъ...

— Pardon, j'ai oublié son nom. Il n'est pas du pays, но, кажется, его привезъ Лембке, quelque chose de bête et d'allemand dans la physionomie. Il s'appelle Rosenthal.

— Не Блюмъ-ли?

— Блюмъ. Именно онъ такъ и назвался. Vous le connaissez? Quelque chose d'hébété et de très content dans la figure, pourtant très sevère, roide et sérieux. Фигура изъ полиціи, изъ повинующихся, je m'y connais. Я спалъ еще, и вообразите, онъ попросилъ меня «взглянуть» на мои книги и рукописи, oui je m'en souviens, il a employé ce mot. Онъ меня не арестовалъ, а только книги... Il se tenait à distance, и когда началъ мнѣ объяснять о приходѣ, то имѣлъ видъ, что я... enfin il avait l'air de croire que je tomberai sur lui immediatement et que je commencerai à le battre comme plâtre. Tous ces gens du bas étage sont comme ça, когда имѣютъ дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ. Само собою, я тотчасъ все понялъ. Voilà vingt ans que je m'y prepare. Я ему отперъ всѣ ящики и передалъ всѣ ключи; самъ и подалъ, я ему все подалъ. J'étais digne et calme. Изъ книгъ онъ взялъ заграничныя изданія Герцена, переплетенный экземпляръ *Колокола*, четыре списка моей поэмы et enfin tout ça. Затѣмъ бумаги и письма et quelques unes de mes ébauches historiques, critiques et politiques. Все это они понесли. Настасья говоритъ, что солдатъ въ тачкѣ свезъ и фартукомъ накрыли; oui, c'est cela, фартукомъ.

Это былъ бредъ. Кто могъ что нибудь тутъ понять? Я вновь забросалъ его вопросами: одинъ-ли Блюмъ приходилъ или нѣтъ? Отъ чьего имени? По какому праву? Какъ онъ смѣлъ? Чѣмъ объяснилъ?

— Il était seul, bien seul, впрочемъ, и еще кто-то былъ dans l'antichambre, oui, je m'en souviens, et puis... Впрочемъ, и еще кто-то, кажется, былъ, а въ сѣняхъ стоялъ сторожъ. Надо спросить у Настасьи; она все это лучше знаетъ. J'étais surexcité, voyez vous. Il parlait, il parlait... un tas de choses; впрочемъ, онъ очень мало говорилъ, а это все я говорилъ... Я разсказалъ мою жизнь, разумѣется, съ одной этой точки зрѣнія... J'etais surexcité, mais digne, je vous l'assure. Боюсь, впрочемъ, что я, кажется, заплакалъ. Тачку они взяли у лавочника, рядомъ.

— О, Боже, какъ могло все это сдѣлаться! Но ради Бога говорите точнѣе, Степанъ Трофимовичъ, вѣдь это сонъ что̀ вы разсказываете!

— Cher, я и самъ какъ во снѣ... Savez vous, il a prononcé le nom de Teliatnikoff, и я думаю, что вотъ этотъ-то и прятался въ сѣняхъ. Да, вспомнилъ, онъ предлагалъ прокурора и, кажется, Дмитрія Митрича... qui me doit encore quinze roubles de ералашъ soit dit en passant. Enfin, je n'ai pas trop compris. Но я ихъ перехитрилъ, и какое мнѣ дѣло до Дмитрія Митрича. Я, кажется, очень сталъ просить его скрыть, очень просилъ, очень, боюсь даже что унизился, comment croyez vous? Enfin, il a consenti... Да, вспомнилъ, это онъ самъ просилъ, что будетъ лучше, чтобы скрыть, потому что

онъ пришелъ только «взглянуть» et rien de plus, и больше ничего, ничего... и что если ничего не найдутъ, то и ничего не будетъ. Такъ что мы и кончили все en amis, je suis tout-à-fait content.

— Помилуйте, да вѣдь онъ предлагалъ вамъ извѣстный въ такихъ случаяхъ порядокъ и гарантіи, а вы-же сами и отклонили! вскричалъ я въ дружескомъ негодованіи.

— Нѣтъ, этакъ лучше безъ гарантіи. И къ чему скандалъ? Пускай до поры до времени en amis... Вы знаете, въ нашемъ городѣ если узнаютъ... mes ennemis... et puis à quoi bon ce procureur, ce cochon de notre procureur, qui deux fois m'a manqué de politesse et qu'on a rossé à plaisir l'autre année chez cette charmante et belle Наталья Павловна, quand il se cacha dans son boudoir. Et puis, mon ami, не возражайте мнѣ и не обезкураживайте, прошу васъ, потому что нѣтъ ничего несноснѣе, когда человѣкъ несчастенъ, а ему тутъ-то и указываютъ сто друзей, какъ онъ сглупилъ. Садитесь, однако, и пейте чай, и, признаюсь, я очень усталъ... не прилечь-ли мнѣ и не приложить ли уксусу къ головѣ, какъ вы думаете?

— Непремѣнно, вскричалъ я, — и даже бы льду. Вы очень разстроены. Вы блѣдны и руки трясутся. Лягьте, отдохните и подождите разсказывать. Я посижу подлѣ и подожду.

Онъ не рѣшался лечь, но я настоялъ. Настасья принесла въ чашкѣ уксусу, я намочилъ полотенце и приложилъ къ его головѣ. Затѣмъ Настасья стала на стулъ и полѣзла зажигать въ углу лампадку предъ образомъ. Я съ удивленіемъ это замѣтилъ; да и лампадки прежде никогда не бывало, а теперь вдругъ явилась.

— Это я давеча распорядился, только что тѣ ушли, пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ, хитро посмотрѣвъ на меня:— quand on a de ces choses-là dans sa chambre et qu'on vient vous arreter, то это внушаетъ, и должны-же они доложить, что видѣли...

Кончивъ съ лампадкой, Настасья стала въ дверяхъ, приложила правую ладонь къ щекѣ и начала смотрѣть на него съ плачевнымъ видомъ.

— Eloignez-la подъ какимъ нибудь предлогомъ, кивнулъ онъ мнѣ съ дивана,—терпѣть я не могу этой русской жалости et puis ça m'embête.

Но она ушла сама. Я замѣтилъ, что онъ все озирался къ дверямъ и прислушивался въ переднюю.

— Il faut être prêt, voyez-vous, значительно взглянулъ онъ на меня, — chaque moment... придутъ, возьмутъ, и фью — исчезъ человѣкъ!

— Господи! Кто придетъ? Кто васъ возьметъ!

— Voyez vous, mon cher, я прямо спросилъ его, когда онъ уходилъ: что со мной теперь сдѣлаютъ?

— Вы-бы ужь лучше спросили, куда сошлютъ! вскричалъ я въ томъ-же негодованіи.

— Я это и подразумѣвалъ, задавая вопросъ, но онъ ушелъ и ничего не отвѣтилъ. Voyez vous: на счетъ бѣлья, платья, теплаго платья особенно, это ужь какъ они сами хотятъ, велятъ взять — такъ, а то такъ и въ солдатской шинели отправятъ. Но я тридцать пять рублей (понизилъ онъ вдругъ голосъ, озираясь на дверь, въ которую вышла Настасья) тихонько просунулъ въ прорѣху въ жилетномъ карманѣ, вотъ тутъ, пощупайте... Я думаю, жилета они снимать не станутъ, а для виду въ портмоне оставилъ семь рублей, «все, дескать, что имѣю». Знаете, тутъ мелочь и сдача мѣдными на столѣ, такъ что они не догадаются, что я деньги спряталъ, а подумаютъ, что тутъ всѣ. Вѣдь Богъ знаетъ гдѣ сегодня придется ночевать.

Я поникъ головой при такомъ безуміи. Очевидно, ни арестовать, ни обыскивать такъ нельзя было, какъ онъ передавалъ, и, ужь конечно, онъ сбивался. Правда, все это случилось тогда, еще до теперешнихъ послѣднихъ законовъ. Правда и то, что ему предлагали (по его-же словамъ) болѣе правильную процедуру, но онъ *перехитрилъ* и отказался... Конечно, прежде, то есть еще такъ недавно, губернаторъ и могъ въ крайнихъ случаяхъ... Но какой-же опять тутъ могъ быть такой крайній случай? Вотъ что сбивало меня съ толку.

— Тутъ навѣрно телеграмма изъ Петер-

бурга была, сказалъ вдругъ Степанъ Трофимовичъ.

— Телеграмма! Про васъ? Это за сочиненія-то Герцена да за вашу поэму, съ ума вы сошли, да за что̀ тутъ арестовать?

Я просто озлился. Онъ сдѣлалъ гримасу и видимо обидѣлся — не за окрикъ мой, а за мысль, что не за что̀ было арестовать.

— Кто можетъ знать въ наше время, за что̀ его могутъ арестовать? загадочно пробормоталъ онъ. Дикая, нелѣпѣйшая идея мелькнула у меня въ умѣ.

— Степанъ Трофимовичъ, скажите мнѣ какъ другу, вскричалъ я, — какъ истинному другу, я васъ не выдамъ: принадлежите вы къ какому нибудь тайному обществу или нѣтъ?

И вотъ, къ удивленію моему, онъ и тутъ былъ не увѣренъ: участвуетъ онъ или нѣтъ въ какомъ нибудь тайномъ обществѣ.

— Вѣдь какъ это считать, voyez vous...

— Какъ, какъ «считать?»

— Когда принадлежишь всѣмъ сердцемъ прогрессу и... кто можетъ заручиться: думаешь, что не принадлежишь, анъ смотришь, окажется, что къ чему нибудь и принадлежишь.

— Какъ это можно, тутъ да или нѣтъ?

— Cela date de Pétersbourg, когда мы съ нею хотѣли тамъ основать журналъ. Вотъ гдѣ корень. Мы тогда ускользнули, и они насъ забыли, а теперь вспомнили. Cher, cher, развѣ вы меня не знаете! воскликнулъ онъ болѣзненно: — и насъ возьмутъ, посадятъ въ кибитку и маршъ въ Сибирь на весь вѣкъ, или забудутъ въ казематѣ...

И онъ вдругъ заплакалъ горячими-горячими слезами. Слезы такъ и хлынули. Онъ закрылъ глаза своимъ краснымъ фуляромъ и рыдалъ, рыдалъ минутъ пять, конвульсивно. Меня всего передернуло. Этотъ человѣкъ, двадцать лѣтъ намъ пророчествовавшій, нашъ проповѣдникъ, наставникъ, патріархъ, Кукольникъ, такъ высоко и величественно державшій себя надъ всѣми нами, предъ которымъ мы такъ отъ души преклонялись, считая за честь — и вдругъ онъ теперь рыдалъ, рыдалъ какъ крошечный, нашалившій мальчикъ, въ ожиданіи розги, за которою отправился учитель. Мнѣ ужасно стало жаль его. Въ «кибитку» онъ очевидно вѣрилъ какъ въ то, что я сидѣлъ подлѣ него, и ждалъ ее именно въ это утро, сейчасъ, сію минуту, и все это за сочиненія Герцена, да за какую-то свою поэму! Такое полнѣйшее, совершеннѣйшее незнаніе обыденной дѣйствительности было умилительно и какъ-то противно.

Онъ, наконецъ, плакать пересталъ, всталъ съ дивана и началъ опять ходить по комнатѣ, продолжая со мною разговоръ, но поминутно поглядывая въ окошко и прислушиваясь въ переднюю. Разговоръ нашъ продолжался безсвязно. Всѣ увѣренія мои и успокоенія отскакивали какъ отъ стѣны горохъ. Онъ мало слушалъ, но всетаки ему ужасно нужно было, чтобъ я его успокоивалъ, и безъ умолку говорилъ въ этомъ смыслѣ. Я видѣлъ, что онъ не могъ теперь безъ меня обойдтись и ни за что̀-бы не отпустилъ отъ себя. Я остался, и мы просидѣли часа два слишкомъ. Въ разговорѣ онъ вспомнилъ, что Блюмъ захватилъ съ собою двѣ найденныя у него прокламаціи.

— Какъ прокламаціи! испугался я съ дуру: — развѣ вы...

— Э, мнѣ подкинули десять штукъ, отвѣтилъ онъ досадливо (онъ со мною говорилъ то досадливо и высокомѣрно, то ужасно жалобно и приниженно), но я съ восьмью уже распорядился, а Блюмъ захватилъ только двѣ...

И онъ вдругъ покраснѣлъ отъ негодованія.

— Vous me mettez avec ces gens-là! Неужто вы полагаете, что я могу быть съ этими подлецами, съ подметчиками, съ моимъ сынкомъ Петромъ Степановичемъ, avec ces esprits-forts de la lacheté! О, Боже!

— Ба, да не смѣшали-ли васъ какъ нибудь... Впрочемъ, вздоръ, быть не можетъ! замѣтилъ я.

— Savez vous, вырвалось у него вдругъ, — я чувствую минутами que je ferai là-bas quelque esclandre. О, не уходите, не оставляйте меня одного! Ma carrière est finie aujourd'hui, je le sens. Я, знаете, я, можетъ быть, брошусь и укушу тамъ кого нибудь, какъ тотъ подпоручикъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня страннымъ взглядомъ — испуганнымъ и въ тоже вре-

мя какъ-бы и желающимъ испугать. Онъ дѣйствительно все болѣе и болѣе раздражался на кого-то и на что-то, по мѣрѣ того какъ проходило время и не являлись «кибитки»; даже злился. Вдругъ Настасья, зашедшая зачѣмъ-то изъ кухни въ переднюю, задѣла и уронила тамъ вѣшалку. Степанъ Трофимовичъ задрожалъ и помертвѣлъ на мѣстѣ; но когда дѣло обозначилось, онъ чуть не завизжалъ на Настасью и, топоча ногами, прогналъ ее обратно на кухню. Минуту спустя онъ проговорилъ, смотря на меня въ отчаяніи.

— Я погибъ! Cher, сѣлъ онъ вдругъ подлѣ меня и жалко-жалко посмотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза, — cher, я не Сибири боюсь, клянусь вамъ, о, je vous jure (даже слезы проступили въ глазахъ его), я другаго боюсь...

Я догадался уже по виду его, что онъ хочетъ сообщить мнѣ, наконецъ, что-то чрезвычайное, но что до сихъ поръ онъ, стало быть, удерживался сообщить.

— Я позора боюсь, прошепталъ онъ таинственно.

— Какого позора? Да вѣдь напротивъ! Повѣрьте, Степанъ Трофимовичъ, что все это сегодня-же объяснится и кончится въ вашу пользу...

— Вы такъ увѣрены, что меня простятъ?

— Да что такое «простятъ»! Какія слова! Что вы сдѣлали такого? Увѣряю-же васъ, что вы ничего не сдѣлали!

— Qu'en savez-vous; вся моя жизнь была... cher... Они все припомнятъ... а если ничего и не найдутъ, такъ *тѣмъ хуже,* прибавилъ онъ вдругъ неожиданно.

— Какъ тѣмъ хуже?

— Хуже.

— Не понимаю.

— Другъ мой, другъ мой, ну пусть въ Сибирь, въ Архангельскъ, лишеніе правъ, — погибать такъ погибать! Но... я другаго боюсь (опять шепотъ, испуганный видъ и таинственность).

— Да чего, чего?

— Высѣкутъ, произнесъ онъ и съ потерянным видомъ посмотрѣлъ на меня.

— Кто васъ высѣчетъ? Гдѣ? Почему? вскричалъ я, испугавшись, не сходитъ-ли онъ съ ума.

— Гдѣ? Ну, тамъ... гдѣ это дѣлается.

— Да гдѣ это дѣлается?

— Э, cher, зашепталъ онъ почти на ухо, — подъ вами вдругъ раздвигается полъ, вы опускаетесь до половины... Это всѣмъ извѣстно.

— Басни! вскричалъ я, догадавшись, — старыя басни, да неужто вы вѣрили до сихъ поръ? Я расхохотался.

— Басни! Съ чего нибудь да взялись-же эти басни; сѣченый не разскажетъ. Я десять тысячъ разъ представлялъ себѣ въ воображеніи!

— Да васъ-то, васъ-то за что? Вѣдь вы ничего не сдѣлали?

— Тѣмъ хуже, увидятъ, что ничего не сдѣлалъ и высѣкутъ.

— И вы увѣрены, что васъ затѣмъ въ Петербургъ повезутъ!

— Другъ мой, я сказалъ уже, что мнѣ ничего не жаль, ma carrière est finie. Съ того часа въ Скворешникахъ, какъ она простилась со мною, мнѣ не жаль моей жизни... но позоръ, позоръ, que dira-t-elle, если узнаетъ?

Онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на меня и, бѣдный, весь покраснѣлъ. Я тоже опустилъ глаза.

— Ничего она не узнаетъ, потому что ничего съ вами не будетъ. Я съ вами точно въ первый разъ въ жизни говорю, Степанъ Трофимовичъ, до того вы меня удивили въ это утро.

— Другъ мой, да вѣдь это не страхъ. Но пусть даже меня простятъ, пусть опять сюда привезутъ и ничего не сдѣлаютъ, — и вотъ тутъ-то я и погибъ. Elle me soupçonnera toute sa vie... меня, меня, поэта, мыслителя, человѣка, которому она поклонялась двадцать два года!

— Ей и въ голову не придетъ.

— Придетъ, прошепталъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ. — Мы съ ней нѣсколько разъ о томъ говорили въ Петербургѣ, въ Великій постъ, предъ выѣздомъ, когда оба боялись... Elle me soupçonnera toute sa vie... и какъ разувѣрить? Выйдетъ невѣроятно. Да и кто здѣсь въ городишкѣ повѣритъ, c'est invraisemblable... Et puis les femmes... Она обрадуется. Она будетъ очень огорчена, очень искренно, какъ истинный другъ,

но втайнѣ — обрадуется... Я дамъ ей оружіе противъ меня на всю жизнь. О, погибла моя жизнь! Двадцать лѣтъ такого полнаго счастія съ нею... и вотъ!

Онъ закрылъ лицо руками.

— Степанъ Трофимовичъ, не дать-ли вамъ знать сейчасъ-же Варварѣ Петровнѣ о происшедшемъ? предложилъ я.

— Боже меня упаси! вздрогнулъ онъ и вскочилъ съ мѣста. — Ни за что, никогда, послѣ того, что было сказано при прощаньи въ Скворешникахъ, ни-ког-да!

Глаза его засверкали.

Мы просидѣли, я думаю, еще часъ или болѣе, все чего-то ожидая, — ужь такая задалась идея. Онъ прилегъ опять, даже закрылъ глаза и минутъ двадцать пролежалъ не говоря ни слова, такъ что я подумалъ даже, что онъ заснулъ или въ забытьи. Вдругъ онъ стремительно приподнялся, сорвалъ съ головы полотенце, вскочилъ съ дивана, бросился къ зеркалу, дрожащими руками повязалъ галстукъ и громовымъ голосомъ крикнулъ Настасью, приказывая подать себѣ пальто, новую шляпу и палку.

— Я не могу терпѣть болѣе, проговорилъ онъ обрывающимся голосомъ, — не могу, не могу!.. Иду самъ.

— Куда? вскочилъ я тоже.

— Къ Лембке. Cher, я долженъ, я обязанъ. Это долгъ. Я гражданинъ и человѣкъ, а не щепка, я имѣю права, я хочу моихъ правъ... Я двадцать лѣтъ не требовалъ моихъ правъ, я всю жизнь преступно забывалъ о нихъ... но теперь я ихъ потребую. Онъ долженъ мнѣ все сказать, все. Онъ получилъ телеграмму. Онъ не смѣетъ меня мучить, не то арестуй, арестуй, арестуй!

Онъ восклицалъ съ какими-то взвизгами и топалъ ногами.

— Я васъ одобряю, сказалъ я нарочно какъ можно спокойнѣе, хотя очень за него боялся, — право, это лучше, чѣмъ сидѣть въ такой тоскѣ, но я не одобряю вашего настроенія; посмотрите, на кого вы похожи и какъ вы пойдете туда. Il faut être digne et calme avec Lembke. Дѣйствительно вы можете теперь броситься и кого нибудь тамъ укусить.

— Я предаю себя самъ. Я иду прямо въ львиную пасть...

— Да и я пойду съ вами.

— Я ожидалъ отъ васъ не менѣе, принимаю вашу жертву, жертву истиннаго друга, но до дому, только до дому: вы не должны, вы не въ правѣ компреметтировать себя далѣе моимъ сообществомъ. О, croyez moi, je serai calme! Я сознаю себя въ эту минуту à la hauteur de tout ce qu'il y a de plus sacré...

— Я, можетъ быть, и въ домъ съ вами войду, прервалъ я его. — Вчера меня извѣстили изъ ихъ глупаго комитета, чрезъ Высоцкаго, что на меня разсчитываютъ и приглашаютъ на этотъ завтрашній праздникъ въ число распорядителей, или какъ ихъ... въ число тѣхъ шести молодыхъ людей, которые назначены смотрѣть за подносами, ухаживать за дамами, отводить гостямъ мѣсто и носить бантъ изъ бѣлыхъ съ пунсовыми лентъ на лѣвомъ плечѣ. Я хотѣлъ отказаться, но теперь почему мнѣ не войдти въ домъ подъ предлогомъ объясниться съ самой Юліей Михайловной... Вотъ такъ мы и войдемъ съ вами вмѣстѣ.

Онъ слушалъ кивая головой, но ничего, кажется, не понялъ. Мы стояли на порогѣ.

— Cher, протянулъ онъ руку въ уголъ къ лампадкѣ, — cher, я никогда этому не вѣрилъ, но... пусть, пусть! (Онъ перекрестился). Allons!

— Ну такъ-то лучше, подумалъ я, выходя съ нимъ на крыльцо, — дорогой поможетъ свѣжій воздухъ, и мы поутихнемъ, воротимся домой и ляжемъ почивать...

Но я разсчитывалъ безъ хозяина. Дорогой именно какъ разъ случилось приключеніе, еще болѣе потрясшее и окончательно направившее Степана Трофимовича... такъ что я, признаюсь, даже и не ожидалъ отъ нашего друга такой прыти, какую онъ вдругъ въ это утро выказалъ. Бѣдный другъ, добрый другъ!

—

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Флибустьеры. Роковое утро.

I.

Происшествіе, случившееся съ нами дорогой, было тоже изъ удивительныхъ. Но надо разсказать все въ порядкѣ. Часомъ раньше того какъ мы съ Степаномъ Трофимовичемъ вышли на улицу, по городу проходила и была многими съ любопытствомъ замѣчена толпа людей, рабочихъ съ Шпигулинской фабрики, человѣкъ съ семьдесятъ, можетъ, и болѣе. Она проходила чинно, почти молча, въ нарочномъ порядкѣ. Потомъ утверждали, что эти семьдесятъ были выборные отъ всѣхъ фабричныхъ, которыхъ было у Шпигулиныхъ до девятисотъ, съ тѣмъ, чтобъ идти къ губернатору и, за отсутствіемъ хозяевъ, искать у него управы на хозяйскаго управляющаго, который, закрывая фабрику и отпуская рабочихъ, нагло обсчиталъ ихъ всѣхъ — фактъ не подверженный теперь никакому сомнѣнію. Другіе до сихъ поръ у насъ отвергаютъ выборъ, утверждая, что семидесяти человѣкъ слишкомъ было-бы много для выборныхъ, а что просто эта толпа состояла изъ наиболѣе обиженныхъ и приходили они просить лишь сами за себя, такъ что общаго фабричнаго «бунта», о которомъ потомъ такъ прогремѣли, совсѣмъ никакого не было. Третьи съ азартомъ увѣряютъ, что семьдесятъ эти человѣкъ были не простые бунтовщики, а рѣшительно политическіе, то есть, будучи изъ самыхъ буйныхъ, были возбуждены сверхъ того не иначе какъ подметными грамотами. Однимъ словомъ, было-ли тутъ чье вліяніе или подговоръ — до сихъ поръ въ точности неизвѣстно. Мое-же личное мнѣніе, это — что подметныхъ грамотъ рабочіе совсѣмъ не читали, а если-бъ и прочли, такъ и не поняли-бы изъ нихъ ни слова, уже по тому одному, что пишущіе ихъ, при всей обнаженности ихъ стиля, пишутъ крайне неясно. Но такъ какъ фабричнымъ приходилось въ самомъ дѣлѣ туго, а полиція, къ которой они обращались, не хотѣла войдти въ ихъ обиду, — то что-же естественнѣе было ихъ мысли идти скопомъ къ «самому генералу», если можно, то даже съ бумагой на головѣ, выстроиться чинно передъ его крыльцомъ и, только что онъ покажется, броситься всѣмъ на колѣни и возопить какъ-бы къ самому Провидѣнію? По моему, тутъ не надо ни бунта, ни даже выборныхъ, ибо это средство старое, историческое; русскій народъ искони любилъ разговоръ съ «самимъ генераломъ», собственно изъ одного ужь удовольствія и даже чѣмъ-бы сей разговоръ ни оканчивался.

И потому я совершенно убѣжденъ, что хотя Петръ Степановичъ, Липутинъ, можетъ, и еще кто нибудь, даже, пожалуй, и Ѳедька, и шмыгали предварительно между фабричными (такъ какъ на это обстоятельство дѣйствительно существуютъ довольно твердыя указанія) и говорили съ ними, но навѣрное не болѣе какъ съ двумя, съ тремя, ну съ пятью, лишь для пробы, и что изъ этого разговора ничего не вышло. Что-же касается до бунта, то если и поняли что нибудь изъ ихъ пропаганды фабричные, то навѣрно тотчасъ-же перестали и слушать, какъ о дѣлѣ глупомъ и вовсе не подходящемъ. Другое дѣло Ѳедька: этому, кажется, посчастливилось бо́лѣе чѣмъ Петру Степановичу. Въ послѣдовавшемъ три дня спустя городскомъ пожарѣ, какъ несомнѣнно теперь обнаружилось, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Ѳедькой участвовали двое фабричныхъ, и потомъ, спустя мѣсяцъ, схвачены были еще трое бывшихъ фабричныхъ въ уѣздѣ, тоже съ поджогомъ и грабежемъ. Но если Ѳедька и успѣлъ ихъ переманить къ прямой, непосредственной дѣятельности, то опять таки единственно сихъ пятерыхъ, ибо о другихъ ничего не слышно было подобнаго.

Какъ-бы тамъ ни было, но рабочіе пришли, наконецъ, всею толпою на площадку предъ губернаторскимъ домомъ и выстроились чинно и молча. Затѣмъ разинули рты на крыльцо и начали ждать. Говорили мнѣ, что они будто-бы едва стали, тотчасъ-же и сняли шапки, то есть, можетъ, за полчаса до появленія хозяина губерніи, котораго, какъ нарочно, не случилось въ ту минуту дома. Полиція тотчасъ-же показалась, сначала въ отдѣльныхъ явленіяхъ, а потомъ и

въ возможномъ комплектѣ; начали, разумѣется, грозно, повелѣвая разойдтись. Но рабочіе стали въ упоръ, какъ стадо барановъ, дошедшее до забора, и отвѣчали лаконически, что они къ «самому енералу»; видна была твердая рѣшимость. Неестественные окрики прекратились; ихъ быстро смѣнила задумчивость, таинственная распорядительность шепотомъ и суровая хлопотливая забота, сморщившая брови начальства. Полиціймейстеръ предпочелъ выждать прибытія самого фонъ-Лембке. Это вздоръ, что онъ прилетѣлъ на тройкѣ во весь опоръ и еще съ дрожекъ будто-бы началъ драться. Онъ у насъ, дѣйствительно, леталъ и любилъ летать въ своихъ дрожкахъ съ желтымъ задкомъ, и по мѣрѣ того какъ «до разврата доведенныя пристяжныя» сходили все больше и больше съ ума, приводя въ восторгъ всѣхъ купцовъ изъ Гостинаго Ряда, онъ подымался на дрожкахъ, становился во весь ростъ, придерживаясь за нарочно придѣланный съ боку ремень и простирая правую руку въ пространство, какъ на монументахъ, обозрѣвалъ такимъ образомъ городъ. Но въ настоящемъ случаѣ онъ не дрался, и хотя не могъ-же онъ, слетая съ дрожекъ, обойдтись безъ крѣпкаго словца, но сдѣлалъ это единственно чтобы не потерять популярности. Еще болѣе вздоръ, что приведены были солдаты со штыками и что по телеграфу дано было знать куда-то о присылкѣ артиллеріи и казаковъ: это сказки, которымъ не вѣрятъ теперь сами изобрѣтатели. Вздоръ тоже, что привезены были пожарныя бочки съ водой, изъ которыхъ обливали народъ. Просто за просто Илья Ильичъ крикнулъ разгорячившись, что ни одинъ у него сухъ изъ воды не выйдетъ; вѣроятно изъ этого и сдѣлали бочки, которыя и перешли такимъ образомъ въ корреспонденціи столичныхъ газетъ. Самый вѣрный варіантъ, надо полагать, состоялъ въ томъ, что толпу оцѣпили на первый разъ всѣми случившимися подъ рукой полицейскими, а къ Лембке послали нарочнаго, пристава первой части, который и полетѣлъ на полиціймейстерскихъ дрожкахъ по дорогѣ въ Скворешники, зная что туда, назадъ тому полчаса, отправился фонъ-Лембке въ своей коляскѣ...

Но, признаюсь, для меня, всетаки остается нерѣшенный вопросъ: какимъ образомъ пустую, то есть обыкновенную толпу просителей — правда, въ семьдесятъ человѣкъ — такъ-таки съ перваго пріема, съ перваго шагу обратили въ бунтъ, угрожавшій потрясеніемъ основъ? Почему самъ Лембке накинулся на эту идею, когда явился черезъ двадцать минутъ вслѣдъ за нарочнымъ? Я-бы такъ предположилъ (но опять таки личнымъ мнѣніемъ) — что Ильѣ Ильичу, покумившемуся съ управляющимъ, было даже выгодно представить фонъ-Лембке эту толпу въ этомъ свѣтѣ, и именно чтобъ не доводить его до настоящаго разбирательства дѣла; а надоумилъ его къ тому самъ-же Лембке. Въ послѣдніе два дня онъ имѣлъ съ нимъ два таинственныхъ и экстренныхъ разговора, весьма, впрочемъ, сбивчивыхъ, но изъ которыхъ Илья Ильичъ, всетаки, усмотрѣлъ, что начальство крѣпко уперлось на идеѣ о прокламаціяхъ и о подговорѣ Шпигулинскихъ кѣмъ-то къ соціальному бунту, и до того уперлось, что, пожалуй, само пожалѣло-бы, если-бы подговоръ оказался вздоромъ. «Какъ нибудь отличиться въ Петербургѣ хотятъ», подумалъ нашъ хитрый Илья Ильичъ, выходя отъ фонъ-Лембке, «ну что-жь, намъ и на руку».

Но я убѣжденъ, что бѣдный Андрей Антоновичъ не пожелалъ-бы бунта даже для собственнаго отличія. Это былъ чиновникъ крайне исполнительный, до самой своей женитьбы пребывавшій въ невинности. Да и онъ-ли былъ виноватъ, что вмѣсто невинныхъ казенныхъ дровъ и столь-же невинной Минхенъ сорокалѣтняя княжна вознесла его до себя? Я почти положительно знаю, что вотъ съ этого-то роковаго утра и начались первые явные слѣды того состоянія, которое и привело, говорятъ, бѣднаго Андрея Антоновича въ то извѣстное особое заведеніе въ Швейцаріи, гдѣ онъ будто-бы теперь собирается съ новыми силами. Но если только допустить, что именно съ этого утра обнаружились явные факты *чего нибудь*, то возможно, по моему, допустить, что и наканунѣ уже могли случиться проявленія подобныхъ-же фактовъ, хотя-бы и не такъ явныя. Мнѣ извѣстно,

по слухамъ самымъ интимнѣйшимъ (ну, предположите, что сама Юлія Михайловна впослѣдствіи и уже не въ торжествѣ, а *почти* раскаиваясь,— ибо женщина никогда *вполнѣ* не раскается — сообщила мнѣ частичку этой исторіи) — извѣстно мнѣ, что Андрей Антоновичъ пришелъ къ своей супругѣ наканунѣ, уже глубокою ночью, въ третьемъ часу утра, разбудилъ ее и потребовалъ выслушать «свой ультиматумъ». Требованіе было до того настойчивое, что она принуждена была встать съ своего ложа, въ негодованіи и въ папильоткахъ, и, усѣвшись на кушеткѣ, хотя и съ саркастическимъ презрѣніемъ, а всетаки выслушать. Тутъ только въ первый разъ поняла она, какъ далеко хватилъ ея Андрей Антоновичъ и про себя ужаснулась. Ей-бы слѣдовало, наконецъ, опомниться и смягчиться, но она скрыла свой ужасъ и уперлась еще упорнѣе прежняго. У нея (какъ у всякой, кажется, супруги) была своя манера съ Андреемъ Антоновичемъ, уже не однажды испытанная и не разъ доводившая его до изступленія. Манера Юліи Михайловны состояла въ презрительномъ молчаніи, на часъ, на два, на сутки, и чуть-ли не на трое сутокъ; — въ молчаніи во что̀-бы ни стало, что̀-бы онъ тамъ ни говорилъ, что̀бы ни дѣлалъ, даже если-бы полѣзъ въ окошко броситься изъ третьяго этажа,— манера нестерпимая для чувствительнаго человѣка! Наказывала-ли Юлія Михайловна своего супруга за его промахи въ послѣдніе дни и за ревнивую зависть его какъ градоначальника къ ея административнымъ способностямъ; негодовала-ли на его критику ея поведенія съ молодежью и со всѣмъ нашимъ обществомъ, безъ пониманія ея тонкихъ и дальновидныхъ политическихъ цѣлей; сердилась-ли за тупую и безсмысленную ревность его къ Петру Степановичу,—какъ-бы тамъ ни было, но она рѣшилась и теперь не смягчаться, даже не смотря на три часа ночи и еще невиданное ею волненіе Андрея Антоновича. Расхаживая внѣ себя взадъ и впередъ и во всѣ стороны, по коврамъ ея будуара, онъ изложилъ ей все, все, правда безо всякой связи, но за то *все* накипѣвшее, ибо — «перешло за предѣлы». Онъ началъ съ того, что надъ нимъ всѣ смѣются и его «водятъ за носъ». «Наплевать на выраженіе! привзвизгнулъ онъ тотчасъ-же, подхвативъ ея улыбку,— пусть «за носъ», но вѣдь это правда!..» «Нѣтъ, сударыня, настала минута; знайте, что теперь не до смѣху и не до пріемовъ женскаго кокетства. Мы не въ будуарѣ жеманной дамы, а какъ-бы два отвлеченныя существа на воздушномъ шарѣ, встрѣтившіяся чтобы высказать правду». (Онъ, конечно, сбивался и не находилъ правильныхъ формъ для своихъ, впрочемъ, вѣрныхъ мыслей). «Это вы, вы, сударыня, вывели меня изъ прежняго состоянія, я принялъ это мѣсто лишь для васъ, для вашего честолюбія... Вы улыбаетесь саркастически? Не торжествуйте, не торопитесь. Знайте, сударыня, знайте, что я-бы могъ, что я-бы съумѣлъ справиться съ этимъ мѣстомъ, и не то что съ однимъ этимъ мѣстомъ, а съ десятью такими мѣстами, потому что имѣю способности; но съ вами, сударыня, но при васъ — нельзя справиться; ибо я при васъ не имѣю способностей. Два центра существовать не могутъ, а вы ихъ устроили два — одинъ у меня, а другой у себя въ будуарѣ,— два центра власти, сударыня, но я того не позволю, не позволю!! Въ службѣ, какъ и въ супружествѣ, одинъ центръ, а два невозможны... Чѣмъ отплатили вы мнѣ? восклицалъ онъ далѣе; наше супружество состояло лишь въ томъ, что вы все время, ежечасно, доказывали мнѣ, что я ничтоженъ, глупъ и даже подлъ, а я все время, ежечасно и унизительно принужденъ былъ доказывать вамъ, что я не ничтоженъ, совсѣмъ не глупъ и поражаю всѣхъ своимъ благородствомъ, ну не унизительно-ли это съ обѣихъ сторонъ?» Тутъ онъ началъ скоро и часто топотать по ковру обѣими ногами, такъ что Юлія Михайловна принуждена была приподняться съ суровымъ достоинствомъ. Онъ быстро стихъ, но зато перешелъ въ чувствительность и началъ рыдать (да, рыдать), ударяя себя въ грудь, почти цѣлыя пять минутъ, все болѣе и болѣе внѣ себя отъ глубочайшаго молчанія Юліи Михайловны. Наконецъ, окончательно далъ маху и проговорился, что ревнуетъ ее къ Петру Степановичу. Догадавшись, что сглу-

пилъ свыше мѣры — разсвирѣпѣлъ до ярости и закричалъ, что «не позволитъ отвергать Бога»; что онъ разгонитъ ея «безпардонный салонъ безъ вѣры», что градоначальникъ даже обязанъ вѣрить въ Бога, «а, стало быть, и жена его»; что молодыхъ людей онъ не потерпитъ; что «вамъ, вамъ, сударыня, слѣдовало-бы изъ собственнаго достоинства позаботиться о мужѣ и стоять за его умъ, даже если-бъ онъ былъ и съ плохими способностями (а я вовсе не съ плохими способностями!), а между тѣмъ вы-то и есть причина, что всѣ меня здѣсь презираютъ, вы-то ихъ всѣхъ и настроили!..» Онъ кричалъ, что женскій вопросъ уничтожитъ, что душокъ этотъ выкуритъ, что нелѣпый праздникъ по подпискѣ для гувернантокъ (чортъ ихъ дери!) онъ завтра-же запретитъ и разгонитъ; что первую встрѣтившуюся гувернантку онъ завтра-же утромъ выгонитъ изъ губерніи «съ казакомъ-съ!» Нарочно, нарочно! привзвизгивалъ онъ. «Знаете-ли, знаете-ли, кричалъ онъ, что на фабрикѣ подговариваютъ людей ваши негодяи и что мнѣ это извѣстно? Знаете-ли, что разбрасываютъ нарочно прокламаціи, на-роч-но-съ! Знаете-ли, что мнѣ извѣстны имена четырехъ негодяевъ и что я схожу съ ума, схожу окончательно, окончательно!!!...» Но тутъ Юлія Михайловна вдругъ прервала молчаніе и строго объявила, что она давно сама знаетъ о преступныхъ замыслахъ и что все это глупость, что онъ слишкомъ серіозно принялъ, и что касается до шалуновъ, то она не только тѣхъ четверыхъ знаетъ, но и всѣхъ (она солгала); но что отъ этого совсѣмъ не намѣрена сходить съ ума, а, напротивъ, еще болѣе вѣруетъ въ свой умъ и надѣется все привести къ гармоническому окончанію: ободрить молодежь, образумить ее, вдругъ и неожиданно доказать имъ, что ихъ замыслы извѣстны и затѣмъ указать имъ на новыя цѣли для разумной и болѣе свѣтлой дѣятельности. О, что̀ сталось въ ту минуту съ Андреемъ Антоновичемъ! Узнавъ, что Петръ Степановичъ опять надулъ его и такъ грубо надъ нимъ насмѣялся, что ей онъ открылъ гораздо больше и прежде чѣмъ ему, и что, наконецъ, можетъ быть, самъ-то Петръ Степановичъ и есть главный зачинщикъ всѣхъ преступныхъ замысловъ, — онъ пришелъ въ изступленіе: «Знай, безтолковая, но ядовитая женщина, воскликнулъ онъ, разомъ порывая всѣ цѣпи, — знай, что я недостойнаго твоего любовника сейчасъ-же арестую, закую въ кандалы и препровожу въ равелинъ или — выпрыгну самъ сейчасъ въ твоихъ глазахъ изъ окошка!» На эту тираду Юлія Михайловна, позеленѣвъ отъ злобы, разразилась немедленно хохотомъ, долгимъ, звонкимъ, съ переливомъ и перекатами, точь въ точь какъ на французскомъ театрѣ, когда парижская актриса, выписанная за сто тысячъ и играющая кокетокъ, смѣется въ глаза надъ мужемъ, осмѣлившимся приревновать ее. Фонъ-Лембке бросился было къ окну, но вдругъ остановился какъ вкопанный, сложилъ на груди руки и блѣдный какъ мертвецъ зловѣщимъ взглядомъ посмотрѣлъ на смѣющуюся: «знаешь-ли, знаешь-ли, Юля... проговорилъ онъ, задыхаясь, умоляющимъ голосомъ: — знаешь-ли, что и я могу что нибудь сдѣлать?» Но при новомъ, еще сильнѣйшемъ взрывѣ хохота, послѣдовавшемъ за его послѣдними словами, онъ стиснулъ зубы, застоналъ и вдругъ бросился — не въ окно — а на свою супругу, занеся надъ нею кулакъ! Онъ не опустилъ его, — нѣтъ, трижды нѣтъ; но зато пропалъ тутъ-же на мѣстѣ. Не слыша подъ собою ногъ, добѣжалъ онъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ былъ, одѣтый бросился ничкомъ на постланную ему постель, судорожно закутался весь съ головой въ простыню и такъ пролежалъ часа два, — безъ сна, безъ размышленій, съ камнемъ на сердцѣ и съ тупымъ неподвижнымъ отчаяніемъ въ душѣ. Изрѣдка вздрагивалъ онъ всѣмъ тѣломъ мучительною, лихорадочною дрожью. Вспоминались ему какія-то несвязныя вещи, ни къ чему не подходящія: то онъ думалъ, напримѣръ, о старыхъ стѣнныхъ часахъ, которыя были у него лѣтъ пятнадцать назадъ въ Петербургѣ и отъ которыхъ отвалилась минутная стрѣлка; то о развеселомъ чиновникѣ Мильбуа и какъ они съ нимъ въ Александровскомъ паркѣ поймали разъ воробья, а поймавъ, вспомнили, смѣясь на весь паркъ, что одинъ изъ нихъ уже коллежскій ассе-

соръ. Я думаю, онъ заснулъ часовъ въ семь утра, не замѣтивъ того, спалъ съ наслажденіемъ, съ прелестными снами. Проснувшись около десяти часовъ, онъ вдругъ дико вскочилъ съ постели, разомъ вспомнилъ все и плотно ударилъ себя ладонью по лбу: ни завтрака, ни Блюма, ни полиціймейстера, ни чиновника, явившагося напомнить, что члены —скаго собранія ждутъ его предсѣдательства въ это утро, онъ не принялъ, онъ ничего не слышалъ и не хотѣлъ понимать, а побѣжалъ какъ шальной на половину Юліи Михайловны. Тамъ Софья Антроповна, старушка изъ благородныхъ, давно уже проживавшая у Юліи Михайловны, растолковала ему, что та еще въ десять часовъ изволила отправиться въ большой компаніи, въ трехъ экипажахъ, къ Варварѣ Петровнѣ Ставрогиной въ Скворешники, чтобъ осмотрѣть тамошнее мѣсто для будущаго, уже втораго, замышляемаго праздника, черезъ двѣ недѣли, и что такъ еще три дня тому было условлено съ самою Варварой Петровной. Пораженный извѣстіемъ Андрей Антоновичъ возвратился въ кабинетъ и стремительно приказалъ лошадей. Даже едва могъ дождаться. Душа его жаждала Юліи Михайловны, — взглянуть только на нее, побыть около нея пять минутъ; можетъ быть, она на него взглянетъ, замѣтитъ его, улыбнется попрежнему, проститъ — о-о! «Да что-же лошади?» Машинально развернулъ онъ лежавшую на столѣ толстую книгу (иногда онъ загадывалъ такъ по книгѣ, развертывая наудачу и читая на правой страницѣ, сверху три строки). Вышло: «Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles». Voltaire, *Candide*. Онъ плюнулъ и побѣжалъ садиться: «Въ Скворешники!» Кучеръ разсказывалъ, что баринъ погонялъ всю дорогу, но только что стали подъѣзжать къ господскому дому, онъ вдругъ велѣлъ повернуть и везти опять въ городъ: «Поскорѣй, пожалуйста, поскорѣй». Не доѣзжая городскаго валу «они мнѣ велѣли снова остановить, вышли изъ экипажа и прошли черезъ дорогу въ поле, думалъ, что по какой ни есть слабости, а они стали и начали цвѣточки разсматривать и такъ время стояли, чудно, право, совсѣмъ уже я усумнился». Такъ показывалъ кучеръ. Я припоминаю въ то утро погоду: былъ холодный и ясный, но вѣтренный сентябрьскій день; предъ зашедшимъ за дорогу Андреемъ Антоновичемъ разстилался суровый пейзажъ обнаженнаго поля съ давно уже убраннымъ хлѣбомъ; завывавшій вѣтеръ колыхалъ какіе нибудь жалкіе остатки умиравшихъ желтыхъ цвѣточковъ... Хотѣлось-ли ему сравнить себя и судьбу свою съ чахлыми и побитыми осенью и морозомъ цвѣточками? Не думаю. Даже думаю навѣрно, что нѣтъ и что онъ вовсе и не помнилъ ничего про цвѣточки, не смотря на показанія кучера и подъѣхавшаго въ ту минуту на полиціймейстерскихъ дрожкахъ пристава первой части, утверждавшаго потомъ, что онъ дѣйствительно засталъ начальство съ пучкомъ желтыхъ цвѣтовъ въ рукѣ. Этотъ приставъ—восторженно административная личность, Василій Ивановичъ Флибустьеровъ, былъ еще недавнимъ гостемъ въ нашемъ городѣ, но уже отличился и прогремѣлъ своею непомѣрною ревностью, своимъ какимъ-то наскокомъ во всѣхъ пріемахъ по исполнительной части и прирожденнымъ нетрезвымъ состояніемъ. Соскочивъ съ дрожекъ и не усумнившись ни мало при видѣ занятій начальства, съ съумасшедшимъ, но убѣжденнымъ видомъ, онъ залпомъ доложилъ, что «въ городѣ не спокойно».

— А? Что? обернулся къ нему Андрей Антоновичъ, съ лицомъ строгимъ, но безъ малѣйшаго удивленія или какого нибудь воспоминанія о колескѣ и кучерѣ, какъ будто у себя въ кабинетѣ.

— Приставъ первой части Флибустьеровъ, ваше превосходительство. Въ городѣ бунтъ.

— Флибустьеры? переговорилъ Андрей Антоновичъ въ задумчивости.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Бунтуютъ Шпигулинскіе.

— Шпигулинскіе!..

Что-то какъ-бы напомнилось ему при имени «Шпигулинскіе». Онъ даже вздрогнулъ и поднялъ палецъ ко лбу: «Шпигулинскіе!» Молча, но все еще въ задумчивости, пошелъ онъ не торопясь къ коляс-

кѣ, сѣлъ и велѣлъ въ городъ. Приставъ на дрожкахъ за нимъ.

Я воображаю, что ему смутно представлялись дорогою многія весьма интересныя вещи, на многія темы, но врядъ-ли онъ имѣлъ какую нибудь твердую идею или какое нибудь опредѣленное намѣреніе при въѣздѣ на площадь предъ губернаторскимъ домомъ. Но только лишь завидѣлъ онъ выстроившуюся и твердо стоявшую толпу «бунтовщиковъ», цѣпь городовыхъ, безсильнаго (а, можетъ быть, и нарочно безсильнаго) полиціймейстера и общее устремленное къ нему ожиданіе, какъ вся кровь прилила къ его сердцу. Блѣдный онъ вышелъ изъ коляски.

— Шапки долой! проговорилъ онъ едва слышно и задыхаясь.—На колѣни! взвизгнулъ онъ неожиданно, неожиданно для самого себя, и вотъ въ этой-то неожиданности и заключалась, можетъ быть, вся послѣдовавшая развязка дѣла. Это какъ на горахъ на масляницѣ; ну можно-ли, чтобы санки, слетѣвшія сверху, остановились по срединѣ горы? Какъ на зло себѣ, Андрей Антоновичъ всю жизнь отличался ясностью характера, и ни на кого никогда не кричалъ и не топалъ ногами; а съ таковыми опаснѣе если разъ случится, что ихъ санки почему нибудь вдругъ сорвутся съ горы. Все предъ нимъ закружилось.

— Флибустьеры! провопилъ онъ еще визгливѣе и нелѣпѣе, и голосъ его пресѣкся. Онъ сталъ, еще не зная, что̀ онъ будетъ дѣлать, но зная и ощущая всѣмъ существомъ своимъ, что непремѣнно сейчасъ что-то сдѣлаетъ.

«Господи!» послышалось изъ толпы. Какой-то парень началъ креститься; три—четыре человѣка дѣйствительно хотѣли было стать на колѣни, но другіе подвинулись всею громадой шага на три впередъ и вдругъ всѣ разомъ загалдѣли: «ваше превосходительство... рядили по сороку... управляющій...ты не моги говорить» и т. д., и т. д. Ничего нельзя было разобрать.

Увы! Андрей Антоновичъ не могъ разбирать: цвѣточки еще были въ рукахъ его. Бунтъ ему былъ очевиденъ какъ давеча кибитки Степану Трофимовичу. А между толпою выпучившихъ на него глаза «бунтовщиковъ» такъ и сновалъ предъ нимъ «возбуждавшій» ихъ Петръ Степановичъ, не покидавшій его ни на одинъ моментъ со вчерашняго дня, — Петръ Степановичъ, ненавидимый имъ Петръ. Степановичъ...

— Розогъ! крикнулъ онъ еще неожиданнѣе.

Наступило мертвое молчаніе.

Вотъ какъ произошло это въ самомъ началѣ, судя по точнѣйшимъ свѣдѣніямъ и по моимъ догадкамъ. Но далѣе свѣдѣнія становятся не такъ точны, равно какъ и мои догадки. Имѣются, впрочемъ, нѣкоторые факты.

Во первыхъ, розги явились какъ-то ужь слишкомъ поспѣшно; очевидно, были въ ожиданіи припасены догадливымъ полиціймейстеромъ. Наказаны, впрочемъ, были всего двое, не думаю, чтобы даже трое; на этомъ настаиваю. Сущая выдумка, что наказаны были всѣ или, по крайней мѣрѣ, половина людей. Вздоръ тоже, что будтобы какая-то проходившая мимо бѣдная, но благородная дама была схвачена и немедленно для чего-то высѣчена; между тѣмъ я самъ читалъ объ этой дамѣ, спустя, въ корреспонденціи одной изъ петербургскихъ газетъ. Многіе говорили у насъ о какой-то кладбищенской богадѣленкѣ, Авдотьѣ Петровнѣ Тарапыгиной, что будто-бы она, возвращаясь изъ гостей назадъ въ свою богадѣльню и проходя по площади, протѣснилась между зрителями, изъ естественнаго любопытства, и видя происходящее воскликнула: «Экой стрямъ!» и плюнула. За это ее будто-бы подхватили и тоже «отрапортовали». Объ этомъ случаѣ не только напечатали, но даже устроили у насъ въ городѣ сгоряча ей подписку. Я самъ подписалъ двадцать копѣекъ. И что̀-же? Оказывается теперь, что никакой такой богадѣленки Тарапыгиной совсѣмъ у насъ и не было! Я самъ ходилъ справляться въ ихъ богадѣльню на кладбище: ни о какой Тарапыгиной тамъ и не слыхивали; мало того, очень обидѣлись, когда я разсказалъ имъ ходившій слухъ. Я-же потому собственно упоминаю объ этой несуществовавшей Авдотьѣ Петровнѣ, что со Степаномъ Трофимовичемъ чуть-чуть не случи-

лось того-же что̀ и съ нею (въ случаѣ если-бъ та существовала въ дѣйствительности); даже, можетъ быть, съ него-то какъ нибудь и взялся весь этотъ нелѣпый слухъ о Тарапыгиной, то есть просто въ дальнѣйшемъ развитіи сплетни, взяли да и передѣлали его въ какую-то Тарапыгину. Главное, не понимаю, какимъ образомъ онъ отъ меня ускользнулъ, только что мы съ нимъ вышли на площадь. Предчувствуя что-то очень недоброе, я хотѣлъ было обвести его кругомъ площади прямо къ губернаторскому крыльцу, но залюбопытствовался самъ и остановился лишь на одну минуту разспросить какого-то перваго встрѣчнаго, и вдругъ смотрю, Степана Трофимовича ужь нѣтъ подлѣ меня. По инстинкту тотчасъ-же бросился я искать его въ самомъ опасномъ мѣстѣ; мнѣ почему-то предчувствовалось, что и у него санки полетѣли съ горы. И дѣйствительно онъ отыскался уже въ самомъ центрѣ событія. Помню, я схватилъ его за руку; но онъ тихо и гордо посмотрѣлъ на меня съ непомѣрнымъ авторитетомъ:

— Cher, произнесъ онъ голосомъ, въ которомъ задрожала какая-то надорванная струна.—Если ужь всѣ они тутъ, на площади, при насъ такъ безцеремонно распоряжаются, то чего-же ждать хоть отъ *этого*... если случится ему дѣйствовать самостоятельно.

И онъ, дрожа отъ негодованія и съ непомѣрнымъ желаніемъ вызова, перевелъ свой грозный обличительный перстъ на стоявшаго въ двухъ шагахъ и выпучившаго на насъ глаза Флибустьерова.

— *Этого!* воскликнулъ тотъ, не взвидя свѣта. — Какого этого? А ты кто? подступилъ онъ, сжавъ кулакъ. — Ты кто? проревѣлъ онъ бѣшено, болѣзненно и отчаянно (замѣчу, что онъ отлично зналъ въ лицо Степана Трофимовича). Еще мгновеніе и, конечно, онъ схватилъ-бы его за шиворотъ; но, къ счастію, Лембке повернулъ на крикъ голову. Съ недоумѣніемъ, но пристально посмотрѣлъ онъ на Степана Трофимовича, какъ-бы что-то соображая, и вдругъ нетерпѣливо замахалъ рукой. Флибустьеровъ осѣкся. Я потащилъ Степана Трофимовича изъ толпы. Впрочемъ, можетъ быть, онъ уже и самъ желалъ отступить.

— Домой, домой, настаивалъ я, — если насъ не прибили, то, конечно, благодаря Лембке.

— Идите, другъ мой, я виновенъ, что васъ подвергаю. У васъ будущность и карьера своего рода, а я — mon heure a sonné.

Онъ твердо ступилъ на крыльцо губернаторскаго дома. Швейцаръ меня зналъ; я объявилъ, что мы оба къ Юліи Михайловнѣ. Въ пріемной залѣ мы усѣлись и стали ждать. Я не хотѣлъ оставлять моего друга, но лишнимъ находилъ еще что нибудь ему говорить. Онъ имѣлъ видъ человѣка, обрекшаго себя въ родѣ какъ-бы на вѣрную смерть за отечество. Разсѣлись мы не рядомъ, а по разнымъ угламъ, я ближе ко входнымъ дверямъ, онъ далеко напротивъ, задумчиво склонивъ голову и обѣими руками слегка опираясь на трость. Широкополую шляпу свою онъ придерживалъ въ лѣвой рукѣ. Мы просидѣли такъ минутъ десять.

II.

Лембке вдругъ вошелъ быстрыми шагами, въ сопровожденіи полиціймейстера, разсѣянно поглядѣлъ на насъ и, не обративъ вниманія, прошелъ было направо въ кабинетъ, но Степанъ Трофимовичъ сталъ предъ нимъ и заслонилъ дорогу. Высокая, совсѣмъ не похожая на другихъ фигура Степана Трофимовича произвела впечатлѣніе; Лембке остановился.

— Кто это? пробормоталъ онъ въ недоумѣніи, какъ-бы съ вопросомъ къ полиціймейстеру, ни мало, впрочемъ, не повернувъ къ нему головы и все продолжая осматривать Степана Трофимовича.

— Отставной коллежскій ассессоръ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій, ваше превосходительство, отвѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, осанисто наклоняя голову. Его превосходительство продолжалъ всматриваться, впрочемъ, весьма тупымъ взглядомъ.

— О чемъ? и онъ съ начальническимъ лаконизмомъ, брезгливо и нетерпѣливо по-

вернулъ къ Степану Трофимовичу ухо, принявъ его, наконецъ, за обыкновеннаго просителя съ какою нибудь письменною просьбой.

— Былъ сегодня подвергнутъ домашнему обыску чиновникомъ, дѣйствовавшимъ отъ имени вашего превосходительства; потому желалъ-бы...

— Имя? Имя? нетерпѣливо спросилъ Лембке, какъ-бы вдругъ о чемъ-то догадавшись. Степанъ Трофимовичъ еще осанистѣе повторилъ свое имя.

— А-а-а! Это... это тотъ разсадникъ... Милостивый государь, вы заявили себя съ такой точки... Вы профессоръ? Профессоръ?

— Когда-то имѣлъ честь прочесть нѣсколько лекцій юношеству — скаго университета.

— Ю-но-шеству! какъ-бы вздрогнулъ Лембке, хотя бьюсь объ закладъ, еще мало понималъ, о чемъ идетъ дѣло и даже, можетъ быть, съ кѣмъ говоритъ.

— Я, милостивый государь мой, этого не допущу-съ, разсердился онъ вдругъ ужасно. — Я юношества не допускаю. Это все прокламаціи. Это наскокъ на общество, милостивый государь, морской наскокъ, флибустьерство... О чемъ изволите просить?

— Напротивъ, ваша супруга просила меня читать завтра на ея праздникѣ. Я-же не прошу, а пришелъ искать правъ моихъ...

— На праздникѣ? Праздника не будетъ. Я вашего праздника не допущу-съ! Лекцій? Лекцій? вскричалъ онъ бѣшено.

— Я-бы очень желалъ, чтобы вы говорили со мной повѣжливѣе, ваше превосходительство, не топали ногами и не кричали на меня, какъ на мальчика.

— Вы, можетъ быть, понимаете съ кѣмъ говорите? покраснѣлъ Лембке.

— Совершенно, ваше превосходительство.

— Я ограждаю собою общество, а вы его разрушаете. Разру-шаете!.. Вы... Я, впрочемъ, объ васъ припоминаю: это вы состояли гувернеромъ въ домѣ генеральши Ставрогиной?

— Да, я состоялъ... гувернеромъ... въ домѣ генеральши Ставрогиной.

— И въ продолженіи двадцати лѣтъ составляли разсадникъ всего что теперь накопилось... всѣ плоды... Кажется, я васъ сейчасъ видѣлъ на площади. Бойтесь, однако, милостивый государь, бойтесь; ваше направленіе мыслей извѣстно. Будьте увѣрены, что я имѣю въ виду. Я, милостивый государь, лекцій вашихъ не могу допустить, не могу-съ. Съ такими просьбами обращайтесь не ко мнѣ.

Онъ опять хотѣлъ было пройдти.

— Повторяю, что вы изволите ошибаться, ваше превосходительство: это ваша супруга просила меня прочесть — не лекцію, а что нибудь литературное на завтрашнемъ праздникѣ. Но я и самъ теперь отъ чтенія отказываюсь. Покорнѣйшая просьба моя объяснить мнѣ, если возможно: какимъ образомъ, за что и почему я подвергнутъ былъ сегодняшнему обыску? У меня взяли нѣкоторыя книги, бумаги, частныя дорогія для меня письма и повезли по городу въ тачкѣ...

— Кто обыскивалъ? встрепенулся и опомнился совершенно Лембке и вдругъ весь покраснѣлъ. Онъ быстро обернулся къ полиціймейстеру. Въ сію минуту въ дверяхъ показалась согбенная, длинная, неуклюжая фигура Блюма.

— А вотъ этотъ самый чиновникъ, указалъ на него Степанъ Трофимовичъ. Блюмъ выступилъ впередъ съ виноватымъ, но вовсе не сдающимся видомъ.

— Vous ne faites que des bêtises, съ досадой и злобой бросилъ ему Лембке и вдругъ какъ-бы весь преобразился и разомъ пришелъ въ себя.

— Извините... пролепеталъ онъ съ чрезвычайнымъ замѣшательствомъ и краснѣя какъ только можно, — это все... все это была одна лишь, вѣроятно, неловкость, недоразумѣніе... одно лишь недоразумѣніе.

— Ваше превосходительство, замѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, — въ молодости я былъ свидѣтелемъ одного характернаго случая. Разъ въ театрѣ, въ корридорѣ, нѣкто быстро приблизился къ кому-то и далъ тому при всей публикѣ звонкую пощечину. Разглядѣвъ тотчасъ-же, что пострадавшее лицо было вовсе не то, которому назначалась его пощечина, а совершенно другое, лишь нѣсколько на то похожее, онъ, со злобой и торопясь, какъ человѣкъ, которому

некогда терять золотаго времени, произнесъ точь-въ-точь какъ теперь ваше превосходительство: «Я ошибся... извините, это недоразумѣніе, одно лишь недоразумѣніе». И когда обиженный человѣкъ всетаки продолжалъ обижаться и закричалъ, то съ чрезвычайною досадой замѣтилъ ему: «Вѣдь говорю-же вамъ, что это недоразумѣніе, чего-же вы еще кричите!»

— Это... это, конечно, очень смѣшно... криво улыбнулся Лембке, но... но неужели вы не видите, какъ я самъ несчастенъ?

Онъ почти вскрикнулъ и... и, кажется, хотѣлъ закрыть лицо руками.

Это неожиданное болѣзненное восклицаніе, чуть не рыданіе, было нестерпимо. Это вѣроятно была минута перваго полнаго, со вчерашняго дня, яркаго сознанія всего происшедшаго — и тотчасъ-же затѣмъ отчаянія полнаго, унизительнаго, предающагося; кто знаетъ — еще мгновеніе, и онъ, можетъ быть, зарыдалъ-бы на всю залу. Степанъ Трофимовичъ сначала дико посмотрѣлъ на него, потомъ вдругъ склонилъ голову и глубоко проникнутымъ голосомъ произнесъ:

— Ваше превосходительство, не безпокойте себя болѣе моею сварливою жалобой и велите только возвратить мнѣ мои книги и письма...

Его прервали. Въ это самое мгновеніе съ шумомъ возвратилась Юлія Михайловна со всею сопровождавшею ее компаніей. Но тутъ мнѣ хотѣлось-бы описать какъ можно подробнѣе.

III.

Во первыхъ, всѣ разомъ, изъ всѣхъ трехъ колясокъ, толпой вступили въ пріемную. Входъ въ покои Юліи Михайловны былъ особый, прямо съ крыльца, налѣво; но на сей разъ всѣ направились черезъ залу — и, я полагаю, именно потому, что тутъ находился Степанъ Трофимовичъ и что все съ нимъ случившееся, равно какъ и все о Шпигулинскихъ, уже было возвѣщено Юліи Михайловнѣ при въѣздѣ въ городъ. Успѣлъ извѣстить Лямшинъ, за какую-то провинность оставленный дома и не участвовавшій въ поѣздкѣ и такимъ образомъ раньше всѣхъ все узнавшій. Съ злобною радостью бросился онъ на наемной казачьей кляченкѣ по дорогѣ въ Скворешники, на встрѣчу возвращавшейся кавалькадѣ, съ веселыми извѣстіями. Я думаю, Юлія Михайловна, не смотря на всю свою высшую рѣшимость, всетаки немного сконфузилась, услыхавъ такія удивительныя новости; впрочемъ, вѣроятно на одно только мгновеніе. Политическая, напримѣръ, сторона вопроса не могла ее озаботить: Петръ Степановичъ уже раза четыре внушалъ ей, что Шпигулинскихъ буяновъ надо-бы всѣхъ пересѣчь, а Петръ Степановичъ, съ нѣкотораго времени, дѣйствительно сталъ для нея чрезвычайнымъ авторитетомъ. «Но... всетаки онъ мнѣ за это заплатитъ», навѣрно подумала она про себя, причемъ *онъ*, конечно, относилось къ супругу. Мелькомъ замѣчу, что Петръ Степановичъ на этотъ разъ въ общей поѣздкѣ тоже какъ нарочно не участвовалъ, и съ самаго утра его никто нигдѣ не видалъ. Упомяну еще кстати, что Варвара Петровна, принявъ у себя гостей, возвратилась вмѣстѣ съ ними въ городъ (въ одной коляскѣ съ Юліей Михайловной), съ цѣлью участвовать непремѣнно въ послѣднемъ засѣданіи комитета о завтрашнемъ праздникѣ. Ее, конечно, должны были тоже заинтересовать извѣстія, сообщенныя Лямшинымъ о Степанѣ Трофимовичѣ, а, можетъ быть, даже и взволновать.

Расплата съ Андреемъ Антоновичемъ началась немедленно. Увы, онъ почувствовалъ это съ перваго взгляда на свою прекрасную супругу. Съ открытымъ видомъ, съ обворожительною улыбкой, быстро приблизилась она къ Степану Трофимовичу, протянула ему прелестно гантированную ручку и засыпала его самыми лестными привѣтствіями, — какъ будто у ней только и заботы было во все это утро, что поскорѣй подбѣжать и обласкать Степана Трофимовича за то, что видитъ его, наконецъ, въ своемъ домѣ. Ни одного намека объ утрешнемъ обыскѣ, точно какъ будто она еще ничего не знала. Ни одного слова мужу, ни одного взгляда въ его сторону, — какъ будто того и не было въ залѣ. Мало того, Степана Трофимовича тот-

часъ-же властно конфисковала и увела въ гостиную,— точно и не было у него никакихъ объясненій съ Лембке, да и не стоило ихъ продолжать, если-бъ и были. Опять повторяю: мнѣ, кажется, что, не смотря на весь свой высокій тонъ, Юлія Михайловна въ семъ случаѣ дала еще разъ большаго маху. Особенно помогъ ей тутъ Кармазиновъ (участвовавшій въ поѣздкѣ по особой просьбѣ Юліи Михайловны и такимъ образомъ, хотя косвенно, сдѣлавшій, наконецъ, визитъ Варварѣ Петровнѣ, чѣмъ та, по малодушію своему, была совершенно восхищена). Еще изъ дверей (онъ вошелъ позже другихъ) закричалъ онъ, завидѣвъ Степана Трофимовича, и полѣзъ къ нему съ объятіями, перебивая даже Юлію Михайловну.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Наконецъ-то... Excellent ami.

Онъ сталъ цѣловаться и, разумѣется, подставилъ щеку. Потерявшійся Степанъ Трофимовичъ принужденъ былъ облобызать ее.

— Cher, говорилъ онъ мнѣ уже вечеромъ, припоминая все о тогдашнемъ днѣ,—я подумалъ въ ту минуту: кто изъ насъ подлѣе? Онъ-ли, обнимающій меня съ тѣмъ, чтобы тутъ-же унизить, я-ли, презирающій его и его щеку и тутъ-же ее лобызающій, хотя и могъ отвернуться... тьфу!

— Ну, разскажите-же, разскажите все, мямлилъ и сюсюкалъ Кармазиновъ, какъ будто такъ и можно было взять и разсказать ему всю жизнь за двадцать пять лѣтъ. Но это глупенькое легкомысліе было въ «высшемъ» тонѣ.

— Вспомните, что мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ въ Москвѣ, на обѣдѣ въ честь Грановскаго, и что съ тѣхъ поръ прошло двадцать четыре года... началъ было очень резонно (а, стало быть, очень не въ высшемъ тонѣ) Степанъ Трофимовичъ.

— Ce cher homme, крикливо и фамильярно перебилъ Кармазиновъ, слишкомъ ужь дружески сжимая рукой его плечо,—да отведите-же насъ поскорѣе къ себѣ, Юлія Михайловна, онъ тамъ сядетъ и все разскажетъ.

— А между тѣмъ я съ этою раздражительною бабой никогда и близокъ-то не былъ, трясясь отъ злобы, все тогда-же вечеромъ, продолжалъ мнѣ жаловаться Степанъ Трофимовичъ,— мы были почти еще юношами, и уже тогда я начиналъ его ненавидѣть... равно какъ и онъ меня, разумѣется...

Салонъ Юліи Михайловны быстро наполнился. Варвара Петровна была въ особенно возбужденномъ состояніи, хотя и старалась казаться равнодушною, но я уловилъ ея два—три ненавистныхъ взгляда на Кармазинова и гнѣвныхъ на Степана Трофимовича,—гнѣвныхъ заранѣе, гнѣвныхъ изъ ревности, изъ любви: если-бы Степанъ Трофимовичъ на этотъ разъ какъ нибудь оплошалъ и далъ себя срѣзать при всѣхъ Кармазинову, то, мнѣ кажется, она тотчасъ-бы вскочила и прибила его. Я забылъ сказать, что тутъ-же находилась и Лиза, и никогда еще я не видалъ ея болѣе радостною, безпечно веселою и счастливою. Разумѣется, былъ и Маврикій Николаевичъ. Затѣмъ, въ толпѣ молодыхъ дамъ и полураспущенныхъ молодыхъ людей, составлявшихъ обычную свиту Юліи Михайловны, и между которыми эта распущенность принималась за веселость, а грошевый цинизмъ за умъ, я замѣтилъ два—три новыхъ лица: какого-то заѣзжаго, очень юлившаго поляка, какого-то нѣмца доктора, здороваго старика, громко и съ наслажденіемъ смѣявшагося поминутно собственнымъ своимъ вицамъ, и, наконецъ, какого-то очень молодаго князька изъ Петербурга, автоматической фигуры, съ осанкой государственнаго человѣка и въ ужасно длинныхъ воротничкахъ. Но видно было, что Юлія Михайловна очень цѣнила этого гостя и даже безпокоилась за свой салонъ...

— Cher m-r Karmazinoff, заговорилъ Степанъ Трофимовичъ, картинно усѣвшись на диванѣ и начавъ вдругъ сюсюкать не хуже Кармазинова, — cher m-r Karmazinoff, жизнь человѣка нашего прежняго времени и извѣстныхъ убѣжденій, хотя-бы и въ двадцатипятилѣтній промежутокъ, должна представляться однообразною...

Нѣмецъ громко и отрывисто захохоталъ, точно заржалъ, очевидно полагая, что Степанъ Трофимовичъ сказалъ что-то ужасно смѣшное. Тотъ съ выдѣланнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, не произведя,

впрочемъ, на того никакого эффекта. Посмотрѣлъ и князь, повернувшись къ нѣмцу всѣми своими воротничками и наставивъ пенснé, хотя и безъ малѣйшаго любопытства.

— ...Должна представляться однообразною, нарочно повторилъ Степанъ Трофимовичъ, какъ можно длиннѣе и безцеремоннѣе растягивая каждое слово. — Такова была и моя жизнь за всю эту четверть столѣтія, et comme on trouve partout plus de moines que de raison, и такъ какъ я съ этимъ совершенно согласенъ, то и вышло, что я во всю эту четверть столѣтія...

— C'est charmant, les moines, прошептала Юлія Михайловна, повернувшись къ сидѣвшей подлѣ Варварѣ Петровнѣ.

Варвара Петровна отвѣтила гордымъ взглядомъ. Но Кармазиновъ не вынесъ успѣха французской фразы и быстро и крикливо перебилъ Степана Трофимовича:

— Что̀ до меня, то я на этотъ счетъ успокоенъ и сижу вотъ уже седьмой годъ въ Карлсруэ. И когда прошлаго года городскимъ совѣтомъ положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовалъ въ своемъ сердцѣ, что этотъ карлсруйскій водосточный вопросъ милѣе и дороже для меня всѣхъ вопросовъ моего милаго отечества... за все время такъ называемыхъ здѣшнихъ реформъ.

— Принужденъ сочувствовать, хотя-бы и противъ сердца, вздохнулъ Степанъ Трофимовичъ, многозначительно наклоняя голову.

Юлія Михайловна торжествовала: разговоръ становился и глубокимъ и съ направленіемъ.

— Труба для стока нечистотъ? громко освѣдомился докторъ.

— Водосточная, докторъ, водосточная, и я даже тогда помогалъ имъ писать проэктъ.

Докторъ съ трескомъ захохоталъ. За нимъ многіе, и уже на этотъ разъ въ глаза доктору, который этого не примѣтилъ и ужасно былъ доволенъ, что всѣ смѣются.

— Позвольте не согласиться съ вами, Кармазиновъ, поспѣшила вставить Юлія Михайловна. — Карлсруэ своимъ чередомъ, но вы любите мистифировать, и мы на этотъ разъ вамъ не повѣримъ. Кто изъ русскихъ людей, изъ писателей, выставилъ столько самыхъ современныхъ типовъ, угадалъ столько самыхъ современныхъ вопросовъ, указалъ именно на тѣ главные современные пункты, изъ которыхъ составляется типъ современнаго дѣятеля? Вы, одинъ вы, и никто другой. Увѣряйте послѣ того въ вашемъ равнодушіи къ родинѣ и въ страшномъ интересѣ къ карлсруйской водосточной трубѣ! Ха-ха!

— Да, я, конечно, засюсюкалъ Кармазиновъ, — выставилъ въ типѣ Погожева всѣ недостатки славянофиловъ, а въ типѣ Никодимова всѣ недостатки западниковъ...

— Ужь будто и *всѣ*, прошепталъ тихонько Лямшинъ.

— Но я дѣлаю это вскользь, лишь-бы какъ нибудь убить неотвязчивое время и... удовлетворить всякимъ этимъ неотвязчивымъ требованіямъ соотечественниковъ.

— Вамъ вѣроятно извѣстно, Степанъ Трофимовичъ, восторженно продолжала Юлія Михайловна, — что завтра мы будемъ имѣть наслажденіе услышать прелестныя строки... одно изъ самыхъ послѣднихъ изящнѣйшихъ беллетристическихъ вдохновеній Семена Егоровича, — оно называется «Mercі». Онъ объявляетъ въ этой піесѣ, что писать болѣе не будетъ, не станетъ ни за что̀ на свѣтѣ, если-бы даже ангелъ съ неба или, лучше сказать, все высшее общество его упрашивало измѣнить рѣшеніе. Однимъ словомъ, кладетъ перо на всю жизнь, и это граціозное «Mercі» обращено къ публикѣ въ благодарность за тотъ постоянный восторгъ, которымъ она сопровождала столько лѣтъ его постоянное служеніе честной русской мысли.

Юлія Михайловна была на верху блаженства.

— Да, я распрощаюсь; скажу свое «Mercі» и уѣду, и тамъ... въ Карлсруэ... закрою глаза свои, началъ мало по малу раскисать Кармазиновъ.

Какъ многіе изъ нашихъ великихъ писателей (а у насъ очень много великихъ писателей), онъ не выдерживалъ похвалъ и тотчасъ-же начиналъ слабѣть, не смотря на свое остроуміе. Но я думаю, что это простительно. Говорятъ, одинъ изъ нашихъ Шекспировъ прямо такъ и брякнулъ въ частномъ разговорѣ, что, «дескать, намъ,

великимъ людямъ, иначе и нельзя» и т. д., да еще и не замѣтилъ того.

— Тамъ, въ Карлсруэ, я закрою глаза свои. Намъ, великимъ людямъ, остается, сдѣлавъ свое дѣло, поскорѣе закрывать глаза, не ища награды. Сдѣлаю такъ и я.

— Дайте адресъ, и я пріѣду къ вамъ въ Карлсруэ на вашу могилу, безмѣрно расхохотался нѣмецъ.

— Теперь мертвыхъ и по желѣзнымъ дорогамъ пересылаютъ, неожиданно проговорилъ кто-то изъ незначительныхъ молодыхъ людей.

Лямшинъ такъ и завизжалъ отъ восторга. Юлія Михайловна нахмурилась. Вошелъ Николай Ставрогинъ.

— А мнѣ сказали, что васъ взяли въ часть? громко проговорилъ онъ, обращаясь прежде всѣхъ къ Степану Трофимовичу.

— Нѣтъ, это былъ всего только *частный* случай, скаламбурилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Но надѣюсь, что онъ не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на мою просьбу, опять подхватила Юлія Михайловна,— я надѣюсь, что вы, не взирая на эту несчастную непріятность, о которой я не имѣю до сихъ поръ понятія, не обманете нашихъ лучшихъ ожиданій и не лишите насъ наслажденія услышать ваше чтеніе на литературномъ утрѣ.

— Я не знаю, я... теперь...

— Право, я такъ несчастна, Варвара Петровна... и представьте, именно когда я такъ жаждала поскорѣе узнать лично одного изъ самыхъ замѣчательныхъ и независимыхъ русскихъ умовъ, и вотъ вдругъ Степанъ Трофимовичъ изъявляетъ намѣреніе отъ насъ удалиться.

— Похвала произнесена такъ громко, что я, конечно, долженъ-бы былъ не разслышать, отчеканилъ Степанъ Трофимовичъ,— но не вѣрю, чтобы моя бѣдная личность была такъ необходима завтра для вашего праздника. Впрочемъ, я...

— Да вы его избалуете! прокричалъ Петръ Степановичъ, быстро вбѣгая въ комнату.— Я только лишь взялъ его въ руки, и вдругъ въ одно утро — обыскъ, арестъ, полицейскій хватаетъ его за шиворотъ, а вотъ теперь его убаюкиваютъ дамы въ салонѣ градоправителя! Да у него каждая косточка ноетъ теперь отъ восторга; ему и во снѣ не снился такой бенефисъ. То-то начнетъ теперь на соціалистовъ доносить!

— Быть не можетъ, Петръ Степановичъ. Соціализмъ слишкомъ великая мысль, чтобы Степанъ Трофимовичъ не сознавалъ того, съ энергіей заступилась Юлія Михайловна.

— Мысль великая, но исповѣдующіе не всегда великаны, et brisons là, mon cher, заключилъ Степанъ Трофимовичъ, обращаясь къ сыну и красиво приподымаясь съ мѣста.

Но тутъ случилось самое неожиданное обстоятельство. Фонъ-Лембке уже нѣсколько времени находился въ салонѣ, но какъ-бы никѣмъ не примѣченный, хотя всѣ видѣли какъ онъ вошелъ. Настроенная на прежнюю идею, Юлія Михайловна продолжала его игнорировать. Онъ помѣстился около дверей и мрачно, съ строгимъ видомъ, прислушивался къ разговорамъ. Заслышавъ намеки объ утреннихъ происшествіяхъ, онъ сталъ какъ-то безпокойно повертываться, уставился было на князя, видимо пораженный его торчащими впередъ, густо накрахмаленными воротничками; потомъ вдругъ точно вздрогнулъ, заслышавъ голосъ и завидѣвъ вбѣжавшаго Петра Степановича, и только что Степанъ Трофимовичъ успѣлъ проговорить свою сентенцію о соціалистахъ, вдругъ подошелъ къ нему, толкнувъ по дорогѣ Лямшина, который тотчасъ-же отскочилъ съ выдѣленнымъ жестомъ и изумленіемъ, потирая плечо и представляясь, что его ужасно больно ушибли.

— Довольно! проговорилъ фонъ-Лембке, энергически схвативъ испуганнаго Степана Трофимовича за руку и изо всѣхъ силъ сжимая ее въ своей.— Довольно, флибустьеры нашего времени опредѣлены. Ни слова болѣе. Мѣры приняты...

Онъ проговорилъ громко, на всю комнату, заключилъ энергически. Произведенное впечатлѣніе было болѣзненное. Всѣ почувствовали нѣчто неблагополучное. Я видѣлъ какъ Юлія Михайловна поблѣднѣла. Эффектъ завершился глупою случайностью. Объявивъ, что мѣры приняты, Лембке круто повернулся и быстро пошелъ изъ ком-

наты, но съ двухъ шаговъ запнулся за коверъ, клюнулся носомъ впередъ и чуть было не упалъ. На мгновеніе онъ остановился, поглядѣлъ на то мѣсто, о которое запнулся, и, вслухъ проговоривъ: «перемѣнить»—вышелъ въ дверь. Юлія Михайловна побѣжала вслѣдъ за нимъ. Съ ея выходомъ поднялся шумъ, въ которомъ трудно было что нибудь разобрать. Говорили, что «разстроенъ», другіе, что «подверженъ». Третьи показывали пальцемъ около лба; Лямшинъ въ уголку наставилъ два пальца выше лба. Намекали на какія-то домашнія происшествія, все шепотомъ, разумѣется. Никто не брался за шляпу, а всѣ ожидали. Я не знаю, что̀ успѣла сдѣлать Юлія Михайловна, но минутъ черезъ пять она воротилась, стараясь изо всѣхъ силъ казаться спокойною. Она отвѣчала уклончиво, что Андрей Антоновичъ немного въ волненіи, но что это ничего, что съ нимъ это еще съ дѣтства, что она знаетъ «гораздо лучше», и что завтрашній праздникъ, конечно, развеселитъ его. Затѣмъ еще нѣсколько лестныхъ, но единственно для приличія, словъ Степану Трофимовичу и громкое приглашеніе членамъ комитета теперь-же, сейчасъ, открыть засѣданіе. Тутъ только стали было не участвовавшіе въ комитетѣ собираться домой; но болѣзненныя приключенія этого роковаго дня еще не окончились...

Еще въ самую ту минуту, какъ вошелъ Николай Всеволодовичъ, я замѣтилъ, что Лиза быстро и пристально на него поглядѣла и долго потомъ не отводила отъ него глазъ,—до того долго, что подъ конецъ это возбудило вниманіе. Я видѣлъ, что Маврикій Николаевичъ нагнулся къ ней сзади и, кажется, хотѣлъ было что-то ей пошептать, но видно перемѣнилъ намѣреніе и быстро выпрямился, оглядывая всѣхъ какъ виноватый. Возбудилъ любопытство и Николай Всеволодовичъ: лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, а взглядъ необычайно разсѣянъ. Бросивъ свой вопросъ Степану Трофимовичу при входѣ, онъ какъ-бы забылъ о немъ тотчасъ-же и, право, мнѣ кажется, такъ и забылъ подойдти къ хозяйкѣ. На Лизу не взглянулъ ни разу,—не потому что не хотѣлъ, а потому, утверждаю это, что и ее тоже вовсе не замѣчалъ. И вдругъ, послѣ нѣкотораго молчанія послѣдовавшаго за приглашеніемъ Юліи Михайловны открыть, не теряя времени, послѣднее засѣданіе,—вдругъ раздался звонкій, намѣренно громкій голосъ Лизы. Она позвала Николая Всеволодовича.

— Николай Всеволодовичъ, мнѣ какой-то капитанъ, называющій себя вашимъ родственникомъ, братомъ вашей жены, по фамиліи Лебядкинъ, все пишетъ неприличныя письма и въ нихъ жалуется на васъ, предлагая мнѣ открыть какія-то про васъ тайны. Если онъ въ самомъ дѣлѣ вашъ родственникъ, то запретите ему меня обижать и избавьте отъ непріятностей.

Страшный вызовъ послышался въ этихъ словахъ, всѣ это поняли. Обвиненіе было явное, хотя, можетъ быть, и для нея самой внезапное. Похоже было на то, когда человѣкъ зажмуря глаза бросается съ крыши.

Но отвѣтъ Николая Ставрогина былъ еще изумительнѣе.

Во первыхъ, уже то было странно, что онъ вовсе не удивился и выслушалъ Лизу съ самымъ спокойнымъ вниманіемъ. Ни смущенія, ни гнѣва не отразилось въ лицѣ его. Просто, твердо, даже съ видомъ полной готовности отвѣтилъ онъ на роковой вопросъ:

— Да, я имѣю несчастіе состоять родственникомъ этого человѣка. Я мужъ его сестры, урожденной Лебядкиной, вотъ уже скоро пять лѣтъ. Будьте увѣрены, что я передамъ ему ваши требованія въ самомъ скорѣйшемъ времени, и отвѣчаю, что болѣе онъ не будетъ васъ безпокоить.

Никогда не забуду ужаса, изобразившагося въ лицѣ Варвары Петровны. Съ безумнымъ видомъ привстала она со стула, приподнявъ предъ собою, какъ-бы защищаясь, правую руку. Николай Всеволодовичъ посмотрѣлъ на нее, на Лизу, на зрителей, и вдругъ улыбнулся съ безпредѣльнымъ высокомѣріемъ; не торопясь вышелъ онъ изъ комнаты. Всѣ видѣли какъ Лиза вскочила съ дивана, только лишь повернулся Николай Всеволодовичъ уходить, и явно сдѣлала движеніе бѣжать за нимъ, но опомнилась и не побѣжала, а тихо вышла, тоже не сказавъ никому ни слова и ни на ко-

го не взглянувъ, разумѣется, въ сопровожденіи бросившагося за нею Маврикія Николаевича...

О шумѣ и рѣчахъ въ городѣ въ этотъ вечеръ не упоминаю. Варвара Петровна заперлась въ своемъ городскомъ домѣ, а Николай Всеволодовичъ, говорили, прямо проѣхалъ въ Скворешники, не видавшись съ матерью. Степанъ Трофимовичъ посылалъ меня вечеромъ къ «cette chère amie» вымолить ему разрѣшеніе явиться къ ней, но меня не приняли. Онъ былъ пораженъ ужасно, плакалъ: «Такой бракъ! Такой бракъ! Такой ужасъ въ семействѣ», повторялъ онъ поминутно. Однако, вспоминалъ и про Кармазинова и ужасно бранилъ его. Энергически приготовлялся и къ завтрашнему чтенію и — художественная натура!—приготовлялся предъ зеркаломъ и припоминалъ всѣ свои острыя словца и каламбурчики, за всю жизнь, записанные отдѣльно въ тетрадку, чтобы вставить въ завтрашнее чтеніе.

— Другъ мой, я это для великой идеи, говорилъ онъ мнѣ, очевидно оправдываясь.— Cher ami, я двинулся съ двадцатипятилѣтняго мѣста и вдругъ поѣхалъ, куда — не знаю, но я поѣхалъ...

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Праздникъ. Отдѣлъ первый.

I.

Праздникъ состоялся, не смотря ни на какія недоумѣнія прошедшаго «Шпигулинскаго» дня. Я думаю, что если-бы даже Лембке умеръ въ ту самую ночь, то праздникъ всетаки-бы состоялся на утро, — до того много соединяла съ нимъ какого-то особеннаго значенія Юлія Михайловна. Увы, она до послѣдней минуты находилась въ ослѣпленіи и не понимала настроенія общества. Никто подъ конецъ не вѣрилъ, что торжественный день пройдетъ безъ какого нибудь колоссальнаго приключенія, безъ «развязки», какъ выражались иные, заранѣе потирая руки. Многіе, правда, старались принять самый нахмуренный и политическій видъ; но, вообще говоря, непомѣрно веселитъ русскаго человѣка всякая общественная скандальная суматоха. Правда, было у насъ нѣчто и весьма посеріознѣе одной лишь жажды скандала: было всеобщее раздраженіе, что-то неутолимо злобное; казалось, всѣмъ все надоѣло ужасно. Воцарился какой-то всеобщій сбивчивый цинизмъ, цинизмъ черезъ силу, какъ-бы съ натуги. Только дамы не сбивались, и то въ одномъ только пунктѣ: въ безпощадной ненависти къ Юліи Михайловнѣ. Въ этомъ сошлись всѣ дамскія направленія. А та бѣдная и не подозрѣвала; она до послѣдняго часу все еще была увѣрена, что «окружена» и что ей все еще «преданы фанатически».

Я уже намекалъ о томъ, что у насъ появились разные людишки. Въ смутное время колебанія или перехода всегда и вездѣ появляются разные людишки. Я не про тѣхъ, такъ называемыхъ, «передовыхъ» говорю, которые всегда спѣшатъ прежде всѣхъ (главная забота) и хотя очень часто съ глупѣйшею, но все-же съ опредѣленною болѣе или менѣе цѣлью. Нѣтъ, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть въ каждомъ обществѣ и уже не только безо всякой цѣли, но даже не имѣя и признака мысли, а лишь выражая собою изо всѣхъ силъ безпокойство и нетерпѣніе. Между тѣмъ эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадаетъ подъ команду той малой кучки «передовыхъ», которые дѣйствуютъ съ опредѣленною цѣлью, и та направляетъ весь этотъ соръ куда ей угодно, если только сама не состоитъ изъ совершенныхъ идіотовъ, что, впрочемъ, тоже случается. У насъ вотъ говорятъ теперь, когда уже все прошло, что Петромъ Степановичемъ управляла Интернаціоналка, а Петръ Степановичъ Юліей Михайловной, а та уже регулировала по его командѣ всякую сволочь. Солиднѣйшіе изъ нашихъ

умовъ дивятся теперь на себя: какъ это они тогда вдругъ оплошали? Въ чемъ состояло наше смутное время и отчего къ нему былъ у насъ переходъ — я не знаю, да и никто, я думаю, не знаетъ — развѣ вотъ нѣкоторые посторонніе гости. А между тѣмъ дряннѣйшіе людишки получили вдругъ перевѣсъ, стали громко критиковать все священное, тогда какъ прежде и рта не смѣли раскрыть, а первѣйшіе люди, до тѣхъ поръ такъ благополучно державшіе верхъ, стали вдругъ ихъ слушать, а сами молчать; а иные такъ позорнѣйшимъ образомъ подхихикивать. Какіе-то Лямшины, Телятниковы, помѣщики Тентетниковы, доморощенные сопляки Радищевы, скорбно, но надменно улыбающіеся жидишки, хохотуны заѣзжіе путешественники, поэты съ направленіемъ изъ столицы, поэты взамѣнъ направленія и таланта въ поддевкахъ и смазныхъ сапогахъ, маіоры и полковники смѣющіеся надъ безсмысленностію своего званія и за лишній рубль готовые тотчасъ же снять свою шпагу и улизнуть въ писаря на желѣзную дорогу; генералы, перебѣжавшіе въ адвокаты; развитые посредники, развивающіеся купчики, безчисленные семинаристы, женщины изображающія собою женскій вопросъ, — все это вдругъ у насъ взяло полный верхъ, и надъ кѣмъ-же? Надъ клубомъ, надъ почтенными сановниками, надъ генералами на деревянныхъ ногахъ, надъ строжайшимъ и неприступнѣйшимъ нашимъ дамскимъ обществомъ. Ужь если Варвара Петровна, до самой катастрофы съ ея сынкомъ, состояла чуть не на посылкахъ у всей этой сволочи, то другимъ изъ нашихъ Минервъ отчасти и простительна ихъ тогдашняя одурь. Теперь все приписываютъ, какъ я уже и сказалъ, Интернаціоналкѣ. Идея эта до того укрѣпилась, что въ этомъ смыслѣ доносятъ даже наѣхавшимъ постороннимъ. Еще недавно совѣтникъ Кубриковъ, шестидесяти двухъ лѣтъ и со Станиславомъ на шеѣ, пришелъ безо всякаго зову и проникнутымъ голосомъ объявилъ, что въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ несомнѣнно состоялъ подъ вліяніемъ Интернаціоналки. Когда-же, со всѣмъ уваженіемъ къ его лѣтамъ и заслугамъ, пригласили его объясниться удовлетворительнѣе, то онъ хотя и не могъ представить никакихъ документовъ кромѣ того, что «ощущалъ всѣми своими чувствами», но тѣмъ не менѣе твердо остался при своемъ заявленіи, такъ что его уже болѣе не допрашивали.

Повторю еще разъ. Сохранилась и у насъ маленькая кучка особъ осторожныхъ, уединившихся въ самомъ началѣ и даже затворившихся на замокъ. Но какой замокъ устоитъ предъ закономъ естественнымъ? Въ самыхъ осторожнѣйшихъ семействахъ также точно ростутъ дѣвицы, которымъ необходимо потанцовать. И вотъ всѣ эти особы тоже кончили тѣмъ, что подписались на гувернантокъ. Балъ-же предполагался такой блистательный, непомѣрный; разсказывали чудеса; ходили слухи о заѣзжихъ князьяхъ съ корнетами, о десяти распорядителяхъ, все молодыхъ кавалерахъ, съ бантами на лѣвомъ плечѣ; о петербургскихъ какихъ-то двигателяхъ; о томъ, что Кармазиновъ, для пріумноженія сбору, согласился прочесть «Mercі» въ костюмѣ гувернантки нашей губерніи; о томъ, что будетъ «кадриль литературы», тоже вся въ костюмахъ и каждый костюмъ будетъ изображать собою какое нибудь направленіе. Наконецъ, въ костюмѣже пропляшетъ и какая-то «честная русская мысль», — что уже само собою представляло совершенную новость. Какъ-же было не подписаться? Всѣ подписались.

II.

Праздничный день по программѣ былъ раздѣленъ на двѣ части: на литературное утро, съ полудня до четырехъ, и потомъ на балъ, съ девяти часовъ во всю ночь. Но въ самомъ этомъ распоряженіи уже таились зародыши безпорядка. Во первыхъ, съ самаго начала въ публикѣ укрѣпился слухъ о завтракѣ, сейчасъ послѣ литературнаго утра, или даже во время онаго, при нарочно устроенномъ для того перерывѣ, — о завтракѣ, разумѣется, даровомъ, входящемъ въ программу, и съ шампанскимъ. Огромная цѣна билета (три рубля) способствовала укорененію слуха. «А то сталъ-

бы я по пустому подписываться? Праздникъ предполагается сутки, ну и корми. Народъ проголодается», вотъ какъ у насъ разсуждали. Я долженъ признаться, что сама-же Юлія Михайловна и укоренила этотъ пагубный слухъ чрезъ свое легкомыслiе. Съ мѣсяцъ назадъ, еще подъ первымъ обаяніемъ великаго замысла, она лепетала о своемъ праздникѣ первому встрѣчному, а о томъ что у нея будутъ провозглашены тосты послала даже въ одну изъ столичныхъ газетъ. Ее, главное, прельщали тогда эти тосты: она сама хотѣла провозгласить ихъ и въ ожиданіи все сочиняла ихъ. Они должны были разъяснить наше главное знамя (какое?—бьюсь объ закладъ, бѣдняжка такъ ничего и не сочинила), перейдти въ видѣ корреспонденцій въ столичныя газеты, умилить и очаровать высшее начальство, а затѣмъ разлетѣться по всѣмъ губерніямъ, возбуждая удивленіе и подражаніе. Но для тостовъ необходимо шампанское, а такъ какъ шампанское нельзя-же пить натощакъ, то само собою необходимъ сталъ и завтракъ. Потомъ, когда уже ея усиліями устроился комитетъ и приступили къ дѣлу серіознѣе, то ей тотчасъ-же и ясно было доказано, что если мечтать о пирахъ, то на гувернантокъ очень мало останется, даже и при богатѣйшемъ сборѣ. Вопросъ представилъ такимъ образомъ два исхода: Вальтасаровскій пиръ и тосты, и рублей девяносто на гувернантокъ, или — осуществленіе значительнаго сбора, при праздникѣ, такъ сказать, только для формы. Комитетъ, впрочемъ, только хотѣлъ задать страху, самъ-же, конечно, придумалъ третье рѣшеніе, примиряющее и благоразумное, то есть весьма порядочный праздникъ во всѣхъ отношеніяхъ, только безъ шампанскаго, и такимъ образомъ въ остаткѣ сумма весьма приличная, гораздо больше девяноста рублей. Но Юлія Михайловна не согласилась; ея характеръ презиралъ мѣщанскую средину. Она тутъ-же положила, что если первая мысль неосуществима, то немедленно и всецѣло броситься въ обратную крайность, то есть осуществить колоссальный сборъ на зависть всѣмъ губерніямъ. «Должна-же, наконецъ, понять публика», заключила она свою пламенную комитетскую рѣчь, «что достиженіе общечеловѣческихъ цѣлей несравненно возвышеннѣе минутныхъ наслажденій тѣлесныхъ, что праздникъ въ сущности есть только провозглашеніе великой идеи, а потому должно удовольствоваться самымъ экономическимъ, нѣмецкимъ балкомъ, единственно для аллегоріи и если ужь совсѣмъ безъ этого несноснаго бала обойдтись невозможно!» до того она вдругъ возненавидѣла его. Но ее, наконецъ, успокоили. Тогда-то, напримѣръ, выдумали и предложили «кадриль литературы» и прочія эстетическія вещи, для замѣщенія ими наслажденій тѣлесныхъ. Тогда-же и Кармазиновъ окончательно согласился прочесть «Mercі» (а до тѣхъ поръ только томилъ и мямлилъ) и тѣмъ истребить даже самую идею ѣды въ умахъ нашей невоздержной публики. Такимъ образомъ опять таки балъ становился великолѣпнѣйшимъ торжествомъ, хотя и не въ томъ уже родѣ. А чтобы не уходить совсѣмъ въ облака, рѣшили, что въ началѣ бала можно будетъ подать чаю съ лимономъ и кругленькимъ печеньемъ, потомъ оршадъ и лимонадъ, а подъ конецъ даже и мороженое, но и только. Для тѣхъ-же, которые непремѣнно всегда и вездѣ ощущаютъ голодъ и, главное, жажду — можно открыть въ концѣ анфилады комнатъ особый буфетъ, которымъ и займется Прохорычъ (главный клубный поваръ) и — впрочемъ подъ строжайшимъ надзоромъ комитета — будетъ подавать что̀ угодно, но за особую плату, а для того нарочно объявить въ дверяхъ залы надписью, что буфетъ — внѣ программы. Но утромъ положили совсѣмъ не открывать буфета, чтобы не помѣшать чтенію, не смотря на то, что буфетъ назначался за пять комнатъ до бѣлой залы, въ которой Кармазиновъ согласился прочесть «Mercі». Любопытно, что этому событію, то есть чтенію «Mercі», кажется, придали въ комитетѣ слишкомъ уже колоссальное значеніе, и даже самые практическіе люди. Что̀же до людей поэтическихъ, то предводительша, напримѣръ, объявила Кармазинову, что она послѣ чтенія велитъ тотчасъ-же вдѣлать въ стѣну своей бѣлой залы мраморную доску съ золотою надписью, что такого-то числа и года, здѣсь, на семъ

мѣстѣ, великій русскій и европейскій писатель, кладя перо, прочелъ «Mercі» и такимъ образомъ въ первый разъ простился съ русскою публикой въ лицѣ представителей нашего города, и что эту надпись всѣ уже прочтутъ на балѣ, то есть всего только пять часовъ спустя послѣ того какъ будетъ прочитано «Mercі». Я навѣрно знаю, что Кармазиновъ-то главное и потребовалъ, чтобы буфета утромъ не было, пока онъ будетъ читать, ни подъ какимъ видомъ, не смотря на замѣчанія иныхъ комитетскихъ, что это не совсѣмъ въ нашихъ нравахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ городѣ все еще продолжали вѣрить въ Вальтасаровскій пиръ, то есть въ буфетъ отъ комитета; вѣрили до послѣдняго часа. Даже барышни мечтали о множествѣ конфектъ и варенья и еще чего-то неслыханнаго. Всѣ знали, что сборъ осуществился богатѣйшій, что ломится весь городъ, что ѣдутъ изъ уѣздовъ и недостаетъ билетовъ. Извѣстно было тоже, что сверхъ положенной цѣны состоялись и значительныя пожертвованія: Варвара Петровна, напримѣръ, заплатила за свой билетъ триста рублей и отдала на украшеніе залы всѣ цвѣты изъ своей оранжереи. Предводительша (членъ комитета) дала домъ и освѣщеніе; клубъ—музыку и прислугу и на весь день уступилъ Прохорыча. Были и еще пожертвованія, хотя и не столь крупныя, такъ что даже приходила мысль сбавить первоначальную цѣну билета съ трехъ рублей на два. Комитетъ дѣйствительно снерва опасался, что по три рубля не поѣдутъ барышни и предлагалъ устроить какъ нибудь билеты посемейные, а именно, чтобы каждое семейство платило за одну лишь барышню, а всѣ остальныя барышни, принадлежащія къ этой фамиліи, хотя-бы въ числѣ десяти экземпляровъ, входили даромъ. Но всѣ опасенія оказались напрасными: напротивъ, барышни-то и явились. Даже самые бѣднѣйшіе чиновники привезли своихъ дѣвицъ и, слишкомъ ясно, не будь у нихъ дѣвицъ, имъ самимъ и въ мысль не пришло-бы подписаться. Одинъ ничтожнѣйшій секретарь привезъ всѣхъ своихъ семерыхъ дочерей, не считая, разумѣется, супруги, и еще племянницу, и каждая изъ этихъ особъ держала въ рукѣ входной трехрублевый билетъ. Можно, однако, представить какая была въ городѣ революція! Взять уже то, что такъ какъ праздникъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія, то и костюмовъ дамскихъ потребовалось по два на каждую,—утренній для чтенія и бальный для танцевъ. Многіе изъ средняго класса, какъ оказалось потомъ, заложили къ этому дню все, даже семейное бѣлье, даже простыни и чуть-ли не тюфяки нашимъ жидамъ, которыхъ, какъ нарочно, вотъ уже два года, ужасно много укрѣпилось въ нашемъ городѣ и наѣзжаетъ чѣмъ дальше тѣмъ больше. Почти всѣ чиновники забрали впередъ жалованье, а иные помѣщики продали необходимый скотъ, и все только чтобы привезти маркизами своихъ барышень и быть никого не хуже. Великолѣпіе костюмовъ на сей разъ было по нашему мѣсту неслыханное. Городъ еще за двѣ недѣли былъ начиненъ семейными анекдотами, которые всѣ тотчасъ-же переносились ко двору Юліи Михайловны нашими зубоскалами. Стали ходить семейныя каррикатуры. Я самъ видѣлъ въ альбомѣ Юліи Михайловны нѣсколько въ этомъ родѣ рисунковъ. Обо всемъ этомъ стало слишкомъ хорошо извѣстно тамъ, откуда выходили анекдоты;—вотъ почему, мнѣ кажется, и наросла такая ненависть въ семействахъ къ Юліи Михайловнѣ въ самое послѣднее время. Теперь всѣ бранятся и, вспоминая, скрежещутъ зубами. Но ясно было еще заранѣе, что не угоди тогда въ чемъ нибудь комитетъ, оплошай въ чемъ нибудь балъ, и взрывъ негодованія будетъ неслыханный. Вотъ почему всякъ про себя и ожидалъ скандала; а если ужь такъ его ожидали, то какъ могъ онъ не осуществиться?

Ровно въ полдень загремѣлъ оркестръ. Будучи въ числѣ распорядителей, то есть въ числѣ двѣнадцати «молодыхъ людей съ бантомъ», я самъ своими глазами видѣлъ, какъ начался этотъ позорной памяти день. Началось съ непомѣрной давки у входа. Какъ это случилось, что все оплошало съ самаго перваго шагу, начиная съ полиціи? Я настоящую публику не виню: отцы семействъ не только не тѣснились и никого не тѣснили, не смотря на чины свои, но,

напротивъ, говорятъ, сконфузились еще на улицѣ, видя необычайный по нашему городу напоръ толпы, которая осаждала подъѣздъ и рвалась на приступъ, а не просто входила. Межъ тѣмъ экипажи все подъѣзжали и, наконецъ, запрудили улицу. Теперь, когда пишу, я имѣю твердыя данныя утверждать, что нѣкоторые изъ мерзѣйшей сволочи нашего города были просто проведены Лямшинымъ и Липутинымъ безъ билетовъ, а, можетъ быть, и еще кое-кѣмъ, состоявшими въ распорядителяхъ, какъ и я. По крайней мѣрѣ, явились даже совсѣмъ неизвѣстныя личности, съѣхавшіяся изъ уѣздовъ и еще откуда-то. Эти дикари, только лишь вступали въ залу, тотчасъ-же въ одно слово (точно ихъ подъучили) освѣдомлялись, гдѣ буфетъ, и узнавъ, что нѣтъ буфета, безо всякой политики и съ необычною до сего времени у насъ дерзостію начинали браниться. Правда, иные изъ нихъ пришли пьяные. Нѣкоторые были поражены какъ дикіе великолѣпіемъ залы предводительши, такъ какъ ничего подобнаго никогда не видывали, и, входя, на минуту затихали и осматривались разиня ротъ. Эта большая Бѣлая Зала, хотя и ветхой уже постройки, была въ самомъ дѣлѣ великолѣпна: огромныхъ размѣровъ, въ два свѣта, съ росписаннымъ по старинному и отдѣланнымъ подъ золото потолкомъ, съ хорами, съ зеркальными простѣнками, съ красною по бѣлому драпировкою, съ мраморными статуями (какими ни на есть, но все-же статуями), съ старинною, тяжелою, наполеоновскаго времени мебелью, бѣлою съ золотомъ и обитою краснымъ бархатомъ. Въ описываемый моментъ въ концѣ залы возвышалась высокая эстрада для имѣющихъ читать литераторовъ, а вся зала сплошь была уставлена, какъ партеръ театра, стульями, съ широкими проходами для публики. Но послѣ первыхъ минутъ удивленія начинались самые безсмысленные вопросы и заявленія. «Мы, можетъ быть, еще и не хотимъ чтенія... Мы деньги заплатили... Публика нагло обманута... Мы хозяева, а не Лембки!..» Однимъ словомъ, точно ихъ для этого и впустили. Особенно вспоминаю одно столкновеніе, въ которомъ отличился вчерашній заѣзжій князекъ, бывшій вчера утромъ у Юліи Михайловны, въ стоячихъ воротничкахъ и съ видомъ деревянной куклы. Онъ тоже, по неотступной ея просьбѣ, согласился пришпилить къ своему лѣвому плечу бантъ и стать нашимъ товарищемъ-распорядителемъ. Оказалось, что эта нѣмая восковая фигура на пружинахъ умѣла если не говорить, то въ своемъ родѣ дѣйствовать. Когда къ нему присталъ одинъ рябой колоссальный отставной капитанъ, опираясь на цѣлую кучку всякой толпившейся за нимъ сволочи: куда пройдти въ буфетъ?—онъ мигнулъ квартальному. Указаніе было немедленно выполнено: не смотря на брань пьянаго капитана, его вытащили изъ залы. Межъ тѣмъ начала, наконецъ, появляться и «настоящая» публика и тремя длинными нитями потянулась по тремъ проходамъ между стульями. Безпорядочный элементъ сталъ утихать, но у публики, даже у самой «чистой», былъ недовольный и изумленный видъ; иныя-же изъ дамъ просто были испуганы.

Наконецъ, размѣстились; утихла и музыка. Стали сморкаться, осматриваться. Ожидали съ слишкомъ уже торжественнымъ видомъ—что̀ уже само по себѣ всегда дурной признакъ. Но «Лембковъ» еще не было. Шелки, бархаты, брилліанты сіяли и горѣли со всѣхъ сторонъ; по воздуху разнеслось благовоніе. Мужчины были при всѣхъ орденахъ, а старички такъ даже въ мундирахъ. Явилась, наконецъ, и предводительша, вмѣстѣ съ Лизой. Никогда еще Лиза не была такъ ослѣпительно прелестна, какъ въ это утро, и въ такомъ пышномъ туалетѣ. Волосы ея были убраны въ локонахъ, глаза сверкали, на лицѣ сіяла улыбка. Она видимо произвела эффектъ; ее осматривали, про нее шептались. Говорили, что она ищетъ глазами Ставрогина, но ни Ставрогина, ни Варвары Петровны не было. Я не понялъ тогда выраженія ея лица: почему столько счастья, радости, энергіи, силы было въ этомъ лицѣ? Я припоминалъ вчерашній случай и становился втупикъ. Но «Лембковъ», однако, все еще не было. Это была уже ошибка. Я послѣ узналъ, что Юлія Михайловна до послѣдней минуты ожидала Петра Степановича, безъ котора-

го въ послѣднее время и ступить не могла, не смотря на то, что никогда себѣ въ этомъ не сознавалась. Замѣчу въ скобкахъ, что Петръ Степановичъ наканунѣ, въ послѣднемъ комитетскомъ засѣданіи, отказался отъ распорядительскаго банта, чѣмъ очень ее огорчилъ, даже до слезъ. Къ удивленію, а потомъ и къ чрезвычайному ея смущенію (о чемъ объявляю впередъ), онъ исчезъ на все утро и на литературное чтеніе совсѣмъ не явился, такъ что до самаго вечера его никто не встрѣчалъ. Наконецъ, публика начала обнаруживать явное нетерпѣніе. На эстрадѣ тоже никто не показывался. Въ заднихъ рядахъ начали апплодировать, какъ въ театрѣ. Старики и барыни хмурились: «Лембки очевидно уже слишкомъ важничали». Даже въ лучшей части публики начался нелѣпый шепотъ о томъ, что праздника, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не будетъ, что самъ Лембке, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ такъ нездоровъ, и пр. и пр. Но, слава Богу, Лембке, наконецъ, явились: онъ велъ ее подъ руку; я, признаюсь, и самъ ужасно опасался за ихъ появленіе. Но басни, стало быть, падали и правда брала свое. Публика какъ будто отдохнула. Самъ Лембке, казалось, былъ въ полномъ здоровьи, какъ, помню, заключили и всѣ, потому что можно представить сколько на него обратилось взглядовъ. Замѣчу для характеристики, что и вообще очень мало было такихъ изъ нашего высшаго общества, которые предполагали, что Лембке чѣмъ нибудь такимъ нездоровъ; дѣяніяже его находили совершенно нормальными и даже такъ, что вчерашнюю утрешнюю исторію на площади приняли съ одобреніемъ. «Такъ-то-бы и сначала, говорили сановники. А то пріѣдутъ филантропами, а кончатъ все тѣмъ-же, не замѣчая, что оно для самой филантропіи необходимо», — такъ, по крайней мѣрѣ, разсудили въ клубѣ. Осуждали только, что онъ при этомъ погорячился: «Это надо-бы хладнокровнѣе, ну да человѣкъ вновѣ», говорили знатоки. Съ такою-же жадностью всѣ взоры обратились и къ Юліи Михайловнѣ. Конечно, никто не въ правѣ требовать отъ меня, какъ отъ разскащика, слишкомъ точныхъ подробностей касательно одного пункта: тутъ тайна, тутъ женщина; но я знаю только одно: въ вечеру вчерашняго дня она вошла въ кабинетъ Андрея Антоновича и пробыла съ нимъ гораздо позже полуночи. Андрей Антоновичъ былъ прощенъ и утѣшенъ. Супруги согласились во всемъ, все было забыто, и когда, въ концѣ объясненія, фонъ-Лембке всетаки сталъ на колѣни, съ ужасомъ вспоминая о главномъ заключительномъ эпизодѣ запрошлой ночи, то прелестная ручка, а за нею и уста супруги заградили пламенныя изліянія покаянныхъ рѣчей рыцарски деликатнаго, но ослабленнаго умиленіемъ человѣка. Всѣ видѣли на лицѣ ея счастье. Она шла съ открытымъ видомъ и въ великолѣпномъ костюмѣ. Казалось, она была на верху желаній; праздникъ—цѣль и вѣнецъ ея политики—былъ осуществленъ. Проходя до своихъ мѣстъ, предъ самою эстрадой, оба Лембке раскланивались и отвѣчали на поклоны. Они тотчасъ-же были окружены. Предводительша встала имъ на встрѣчу... Но тутъ случилось одно скверное недоразумѣніе: оркестръ ни съ того ни съ сего грянулъ тушъ,—не какой нибудь маршъ, а просто столовый тушъ, какъ у насъ въ клубѣ за столомъ, когда на оффиціальномъ обѣдѣ пьютъ чье нибудь здоровье. Я теперь знаю, что объ этомъ постарался Лямшинъ въ своемъ качествѣ распорядителя, будто-бы въ честь входящихъ «Лембковъ». Конечно, онъ могъ всегда отговориться тѣмъ, что сдѣлалъ по глупости или по чрезмѣрной ревности... Увы, я еще не зналъ тогда, что они объ отговоркахъ уже не заботились и съ сегодняшнимъ днемъ все заканчивали. Но тушемъ не кончилось: вмѣстѣ съ досаднымъ недоумѣніемъ и улыбками публики вдругъ въ концѣ залы и на хорахъ раздалось *ура*, тоже какъ-бы въ честь Лембке. Голосовъ было не много, но, признаюсь, они продолжались нѣкоторое время. Юлія Михайловна вспыхнула, глаза ея засверкали. Лембке остановился у своего мѣста и, обернувшись въ сторону кричавшихъ, величественно и строго оглядывалъ залу... Его поскорѣе посадили. Я опять со страхомъ примѣтилъ на его лицѣ ту опасную улыбку, съ которою онъ стоялъ вчера по утру въ гостиной своей супруги и смотрѣлъ на Степана Трофимовича, прежде чѣмъ къ нему

подошелъ. Мнѣ показалось, что и теперь въ его лицѣ какое-то зловѣщее выраженіе и, что̀ хуже всего, нѣсколько комическое,— выраженіе существа приносящаго такъ и быть себя въ жертву, чтобы только угодить высшимъ цѣлямъ своей супруги... Юлія Михайловна наскоро поманила меня къ себѣ и пошептала, чтобъ я бѣжалъ къ Кармазинову и умолялъ его начинать. И вотъ только что я успѣлъ повернуться, произошла другая мерзость, но только гораздо сквернѣе первой. На эстрадѣ, на пустой эстрадѣ, куда до сей минуты обращались всѣ взоры и всѣ ожиданія и гдѣ только и видѣли небольшой столъ, передъ нимъ стулъ, а на столѣ стаканъ воды на серебряномъ подносикѣ, — на пустой эстрадѣ вдругъ мелькнула колоссальная фигура капитана Лебядкина во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Я такъ былъ пораженъ, что не повѣрилъ глазамъ своимъ. Капитанъ, казалось, сконфузился и пріостановился въ углубленіи эстрады. Вдругъ въ публикѣ послышался крикъ: «Лебядкинъ! ты?» Глупая красная рожа капитана (онъ былъ совершенно пьянъ) при этомъ окликѣ раздвинулась широкою тупою улыбкой. Онъ поднялъ руку, потеръ ею лобъ, тряхнулъ своею мохнатою головой и, какъ будто рѣшившись на все, шагнулъ два шага впередъ и — вдругъ фыркнулъ смѣхомъ, не громкимъ, но заливчатымъ, длиннымъ, счастливымъ, отъ которыхъ заколыхалась вся его дебелая масса и съежились глазки. При этомъ видѣ чуть не половина публики засмѣялась, двадцать человѣкъ зааплодировали. Публика серіозная мрачно переглядывалась; все, однако, продолжалось не болѣе полуминуты. На эстраду вдругъ взбѣжали Липутинъ съ своимъ распорядительскимъ бантомъ и двое слугъ; они осторожно подхватили капитана подъ руки, а Липутинъ что-то пошепталъ ему. Капитанъ нахмурился, пробормоталъ: «А ну, коли такъ», махнулъ рукой, повернулъ къ публикѣ свою огромную спину и скрылся съ провожатыми. Но, мгновеніе спустя, Липутинъ опять вскочилъ на эстраду. На губахъ его была самая сладчайшая изъ всегдашнихъ его улыбокъ, обыкновенно напоминающихъ уксусъ съ сахаромъ, а въ рукахъ листокъ почтовой бумаги. Мелкими, но частыми шагами подошелъ онъ къ переднему краю эстрады.

— Господа, обратился онъ къ публикѣ,— по недосмотру произошло комическое недоразумѣніе, которое и устранено; но я съ надеждою взялъ на себя порученіе и глубокую, самую почтительную просьбу одного изъ мѣстныхъ здѣшнихъ нашихъ стихотворцевъ... Проникнутый гуманною и высокою цѣлью... не смотря на свой видъ... тою самою цѣлью, которая соединила насъ всѣхъ... отереть слезы бѣдныхъ образованныхъ дѣвушекъ нашей губерніи... этотъ господинъ, то есть я хочу сказать, этотъ здѣшній поэтъ... при желаніи сохранить инкогнито... очень желалъ-бы видѣть свое стихотвореніе прочитаннымъ предъ началомъ бала... то есть я хотѣлъ сказать чтенія. Хотя это стихотвореніе не въ программѣ и не входитъ... потому что полчаса какъ доставлено... но *намъ* (кому намъ? Я слово въ слово привожу эту отрывистую и сбивчивую рѣчь) показалось, что по замѣчательной наивности чувства, соединеннаго съ замѣчательною тоже веселостью, стихотвореніе могло-бы быть прочитано, то есть не какъ нѣчто серіозное, а какъ нѣчто подходящее къ торжеству... Однимъ словомъ, къ идеѣ... Тѣмъ болѣе, что нѣсколько строкъ... и хотѣлъ просить разрѣшенія благосклоннѣйшей публики.

— Читайте! рявкнулъ голосъ въ концѣ залы.

— Такъ читать-съ?

— Читайте, читайте! раздалось много голосовъ.

— Я прочту-съ, съ позволенія публики, покривился опять Липутинъ все съ тою-же сахарною улыбкой. Онъ всетаки какъ-бы не рѣшался, и мнѣ даже показалось, что онъ въ волненіи. При всей дерзости этихъ людей всетаки иногда они спотыкаются. Впрочемъ, семинаристъ не споткнулся-бы, а Липутинъ все-же принадлежалъ къ обществу прежнему.

— Я предупреждаю, то есть имѣю честь предупредить, что это всетаки не то чтобъ ода, какъ писались прежде на праздники, а это почти, такъ сказать, шутка, но при несомнѣнномъ чувствѣ, соединенномъ съ

игривою веселостью и, такъ сказать, при самореальнѣйшей правдѣ.

— Читай, читай!

Онъ развернулъ бумажку. Разумѣется, его никто не успѣлъ остановить. Къ тому-же, онъ являлся съ своимъ распорядительскимъ бантомъ. Звонкимъ голосомъ онъ продекламировалъ:

— Отечественной гувернанткѣ здѣшнихъ мѣстъ отъ поэта съ праздника.

Здравствуй, здравствуй, гувернантка!
Веселись и торжествуй.
Ретроградка иль Жоржъ-Зандка,
Все равно теперь ликуй!

— Да это Лебядкина! Лебядкина и есть! отозвалось нѣсколько голосовъ. Раздался смѣхъ и даже апплодисментъ, хотя и немногочисленный.

Учишь ты дѣтей сопливыхъ
По французски букварю
И подмигивать готова,
Чтобы взялъ, хоть понмарю!

— Ура! ура!

Но въ нашъ вѣкъ реформъ великихъ
Не возьметъ и пономарь;
Надо, барышня, «толикихъ»,
Или снова за букварь.

— Именно, именно, вотъ это реализмъ, безъ «толикихъ» ни шагу!

Но теперь когда, пируя,
Мы собрали капиталъ,
И приданое, танцуя,
Шлемъ тебѣ изъ этихъ залъ, —

Ретроградка иль Жоржъ-Зандка,
Все равно теперь ликуй!
Ты съ приданымъ гувернантка,
Плюй на все и торжествуй!

Признаюсь, я не вѣрилъ ушамъ своимъ. Тутъ была такая явная наглость, что возможности не было извинить Липутина даже глупостью. А Липутинъ ужь какъ былъ не глупъ. Намѣреніе было ясное, для меня, по крайней мѣрѣ: какъ будто торопились безпорядкомъ. Нѣкоторые стихи этого идіотскаго стихотворенія, напримѣръ, самый послѣдній, были такого рода, что никакая глупость не могла-бы его допустить. Липутинъ, кажется, и самъ почувствовалъ, что слишкомъ много взялъ на себя: совершивъ свой подвигъ, онъ такъ опѣшилъ отъ собственной дерзости, что даже не уходилъ съ эстрады и стоялъ, какъ будто желая что-то еще прибавить. Онъ вѣрно предполагалъ, что выйдетъ какъ нибудь въ другомъ родѣ; но даже кучка безобразниковъ, апплодировавшая во время выходки, вдругъ замолкла, тоже какъ-бы опѣшившая. Глупѣе всего, что многіе изъ нихъ приняли всю выходку патетически, то есть вовсе не за пасквиль, а дѣйствительно за реальную правду на счетъ гувернантки, за стишки съ направленіемъ. Но излишняя развязность стиховъ поразила, наконецъ, и ихъ. Что-же до всей публики, то вся зала не только была скандализована, но видимо обидѣлась. Я не ошибаюсь, передавая впечатлѣніе. Юлія Михайловна говорила потомъ, что еще мгновеніе, и она-бы упала въ обморокъ. Одинъ изъ самыхъ наипочтеннѣйшихъ старичковъ поднялъ свою старушку и оба вышли изъ залы подъ провожавшими ихъ тревожными взглядами публики. Кто знаетъ, можетъ быть, примѣръ увлекъ-бы и еще нѣкоторыхъ, если-бы въ ту минуту не явился на эстраду самъ Кармазиновъ, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ и съ тетрадью въ рукѣ. Юлія Михайловна обратила на него восторженный взглядъ, какъ на избавителя... Но я уже былъ за кулисами; мнѣ надо было Липутина.

— Это вы нарочно! проговорилъ я, хватая его въ негодованіи за руку.

— Я ей Богу никакъ не думалъ, скорчился онъ тотчасъ-же, начиная лгать и прикидываться несчастнымъ; — стишки только что сейчасъ принесли, я и подумалъ, что какъ веселая шутка...

— Вовсе вы этого не подумали. Неужто вы находите эту бездарную дрянь веселою шуткой?

— Да-съ, нахожу-съ.

— Вы просто лжете, и вовсе вамъ не сейчасъ принесли. Вы сами это сочинили съ Лебядкинымъ вмѣстѣ, можетъ быть, еще вчера, для скандалу. Послѣдній стихъ непремѣнно вашъ, про пономаря тоже. Почему онъ вышелъ во фракѣ? Значитъ, вы его и читать готовили, если-бъ онъ не напился пьянъ?

Липутинъ холодно и язвительно посмотрѣлъ на меня.

— Вамъ-то что за дѣло? спросилъ онъ вдругъ съ страннымъ спокойствіемъ.

— Какъ что? Вы тоже носите этотъ бантъ... Гдѣ Петръ Степановичъ?

— Не знаю; здѣсь гдѣ нибудь; а что?

— А то, что я теперь вижу насквозь. Это просто заговоръ противъ Юліи Михайловны, чтобъ оскандалить день...

Липутинъ опять искоса посмотрѣлъ на меня:

— Да вамъ-то что? ухмыльнулся онъ, пожалъ плечами, и отошелъ въ сторону.

Меня какъ-бы обдало. Всѣ мои подозрѣнія оправдывались. А я-то еще надѣялся, что ошибаюсь! Что мнѣ было дѣлать? Я было думалъ посовѣтоваться со Степаномъ Трофимовичемъ, но тотъ стоялъ предъ зеркаломъ, примѣривалъ разныя улыбки и безпрерывно справлялся съ бумажкой, на которой у него были сдѣланы отмѣтки. Ему сейчасъ послѣ Кармазинова слѣдовало выходить, и разговаривать со мною онъ уже былъ не въ состояніи. Бѣжать къ Юліи Михайловнѣ? Но къ той было рано: той надо было гораздо покрѣпче урокъ, чтобъ исцѣлить ее отъ убѣжденія въ «окруженности» и во всеобщей къ ней «фанатической преданности». Она-бы мнѣ не повѣрила и сочла духовидцемъ. Да и чѣмъ она могла помочь? «Э, подумалъ я, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ мнѣ-то что за дѣло, сниму бантъ и уйду домой, *когда начнется*». Я такъ и произнесъ «когда начнется», я это помню.

Но надо было идти слушать Кармазинова. Оглянувшись въ послѣдній разъ за кулисами, я замѣтилъ, что тутъ шныряетъ таки довольно посторонняго народа и даже женщинъ, выходятъ и уходятъ. Эти «за кулисы» было довольно узкое пространство, отгороженное отъ публики наглухо занавѣсью и сообщавшееся сзади черезъ корридоръ съ другими комнатами. Тутъ наши читавшіе ожидали своей очереди. Но меня особенно поразилъ въ это мгновеніе слѣдующій послѣ Степана Трофимовича лекторъ. Это былъ тоже какой-то въ родѣ профессора (я и теперь не знаю въ точности кто онъ такой), удалившійся добровольно изъ какого-то заведенія послѣ какой-то студенческой исторіи и заѣхавшій зачѣмъ-то въ нашъ городъ всего только нѣсколько дней назадъ. Его тоже рекомендовали Юліи Михайловнѣ, и она приняла его съ благоговѣніемъ. Я знаю теперь, что онъ былъ у ней всего только на одномъ вечерѣ до чтенія, весь тотъ вечеръ промолчалъ, двусмысленно улыбался шуткамъ и тону компаніи, окружавшей Юлію Михайловну, и на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе непріятное надменнымъ и въ тоже время до пугливости обидчивымъ своимъ видомъ. Это сама Юлія Михайловна его завербовала читать. Теперь онъ ходилъ изъ угла въ уголъ и тоже, какъ и Степанъ Трофимовичъ, шепталъ про себя, но смотрѣлъ въ землю, а не въ зеркало. Улыбокъ не примѣрялъ, хотя часто и плотоядно улыбался. Ясно, что и съ нимъ тоже нельзя было говорить. Ростомъ онъ былъ малъ, лѣтъ сорока на видъ, лысый и плѣшивый, съ сѣдоватою бородкой, одѣтъ прилично. Но всего интереснѣе было, что онъ съ каждымъ поворотомъ подымалъ вверхъ свой правый кулакъ, моталъ имъ въ воздухѣ надъ головою и вдругъ опускалъ его внизъ, какъ будто разбивая въ прахъ какого-то сопротивника. Этотъ фокусъ продѣлывалъ онъ поминутно. Мнѣ стало жутко. Поскорѣе побѣжалъ я слушать Кармазинова.

III.

Въ залѣ опять носилось что-то неладное. Объявляю заранѣе: я преклоняюсь предъ величіемъ генія; но къ чему-же эти господа наши геніи въ концѣ своихъ славныхъ лѣтъ поступаютъ иногда совершенно какъ маленькіе мальчики? Ну что-же въ томъ, что онъ Кармазиновъ и вышелъ съ осанкою пятерыхъ камергеровъ? Развѣ можно продержать на одной статьѣ такую публику, какъ наша, цѣлый часъ? Вообще я сдѣлалъ замѣчаніе, что будь разгеній, но въ публичномъ легкомъ литературномъ чтеніи нельзя занимать собою публику болѣе двадцати минутъ безнаказанно. Правда, выходъ великаго генія встрѣченъ былъ до крайности почтительно: даже самые строгіе старички изъявили одобреніе и любопытство, а дамы такъ даже нѣкоторый восторгъ. Апплодисментъ, однако, былъ коротенькій, и какъ-то недружный, сбившійся. Зато въ заднихъ рядахъ ни единой выход-

ки, до самаго того мгновенія, когда господинъ Кармазиновъ заговорилъ, да и тутъ почти ничего не вышло особенно дурнаго, а такъ какъ будто недоразумѣніе. Я уже прежде упоминалъ, что у него былъ слишкомъ крикливый голосъ, нѣсколько даже женственный и притомъ съ настоящимъ благороднымъ дворянскимъ присюсюкиваніемъ. Только лишь произнесъ онъ нѣсколько словъ, вдругъ кто-то громко позволилъ себѣ засмѣяться,—вѣроятно какой нибудь неопытный дурачокъ, не видавшій еще ничего свѣтскаго и притомъ при врожденной смѣшливости. Но демонстраціи не было ни малѣйшей; напротивъ, дураку-же и зашикали, и онъ уничтожился. Но вотъ господинъ Кармазиновъ, жеманясь и тонируя, объявляетъ, что онъ «сначала ни за что не соглашался читать» (очень надо было объявлять!). «Есть, дескать, такія строки, которыя до того выпѣваются изъ сердца, что и сказать нельзя, такъ что этакую святыню никакъ нельзя нести въ публику» (ну такъ зачѣмъ-же понесъ?); «но такъ какъ его упросили, то онъ и понесъ, и такъ какъ сверхъ того онъ кладетъ перо на вѣки и поклялся болѣе ни за что не писать, то ужь такъ и быть написалъ эту послѣднюю вещь; и такъ какъ онъ поклялся ни за что и ничего никогда не читать въ публикѣ, то ужь такъ и быть прочтетъ эту послѣднюю статью публикѣ» и т. д., и т. д. все въ этомъ родѣ.

Но все-бы это ничего, и кто не знаетъ авторскихъ предисловій? Хотя замѣчу, при малой образованности нашей публики и при раздражительности заднихъ рядовъ, это все могло повліять. Ну, не лучше-ли было-бы прочитать маленькую повѣсть, крошечный разсказикъ въ томъ родѣ, какъ онъ прежде писывалъ,—то есть хоть обточенно и жеманно, но иногда съ остроуміемъ? Этимъ было-бы все спасено. Нѣтъ-съ, не тутъ-то было! Началась рацея! Боже, чего тутъ не было! Положительно скажу, что даже столичная публика доведена была-бы до столбняка, не только наша. Представьте себѣ почти два печатныхъ листа самой жеманной и безполезной болтовни; этотъ господинъ вдобавокъ читалъ еще какъ-то свысока пригорюнясь, точно изъ милости, такъ что выходило даже съ обидой для нашей публики. Тема... Но кто ее могъ разобрать, эту тему? Это былъ какой-то отчетъ о какихъ-то впечатлѣніяхъ, о какихъ-то воспоминаніяхъ. Но чего?. Но объ чемъ?—Какъ ни хмурились наши губернскіе лбы цѣлую половину чтенія, ничего не могли одолѣть, такъ что вторую половину прослушали лишь изъ учтивости. Правда, много говорилось о любви, о любви генія къ какой-то особѣ, но, признаюсь, это вышло нѣсколько неловко. Къ небольшой толстенькой фигуркѣ геніальнаго писателя какъ-то не шло-бы разсказывать, на мой взглядъ, о своемъ первомъ поцѣлуѣ... И, что опять таки обидно, эти поцѣлуи происходили какъ-то не такъ, какъ у всего человѣчества. Тутъ непремѣнно кругомъ ростетъ дрокъ (непремѣнно дрокъ или какая нибудь такая трава, о которой надобно справляться въ ботаникѣ). При этомъ на небѣ непремѣнно какой-то фіолетовый оттѣнокъ, котораго, конечно, никто никогда не примѣчалъ изъ смертныхъ, то есть и всѣ видѣли, но не умѣли примѣтить, а «вотъ, дескать, я поглядѣлъ и описываю вамъ, дуракамъ, какъ самую обыкновенную вещь». Дерево, подъ которымъ усѣлась интересная пара, непремѣнно какого нибудь оранжеваго цвѣта. Сидятъ они гдѣ-то въ Германіи. Вдругъ они видятъ Помпея или Кассія наканунѣ сраженія, и обоихъ пронизываетъ холодъ восторга. Какая-то русалка запищала въ кустахъ. Глюкъ заигралъ въ тростникѣ на скрипкѣ. Пьеса, которую онъ игралъ, названа en toutes lettres, но никому неизвѣстна, такъ что объ ней надо справляться въ музыкальномъ словарѣ. Межъ тѣмъ заклубился туманъ, такъ заклубился, такъ заклубился, что болѣе похожъ былъ на милліонъ подушекъ чѣмъ на туманъ. И вдругъ все исчезаетъ, и великій геній переправляется зимой, въ оттепель, черезъ Волгу. Двѣ съ половиною страницы переправы, но всетаки попадаетъ въ прорубь. Геній тонетъ,—вы думаете, утонулъ? И не думалъ; это все для того, что когда онъ уже совсѣмъ утопалъ и захлебывался, то предъ нимъ мелькнула льдинка, крошечная льдинка съ горошинку, но чистая и прозрачная

«какъ замороженная слеза», и въ этой льдинкѣ отразилась Германія или, лучше сказать, небо Германіи, и радужною игрой своею отраженіе напомнило ему ту самую слезу, которая «помнишь, скатилась изъ глазъ твоихъ, когда мы сидѣли подъ изумрудным деревомъ, и ты воскликнула радостно: «Нѣтъ преступленія!» «Да, сказалъ я сквозь слезы, но коли такъ, то вѣдь нѣтъ и праведниковъ». Мы зарыдали и разстались на вѣки».—Она куда-то на берегъ моря, онъ въ какія-то пещеры; и вотъ онъ спускается, спускается, три года спускается въ Москвѣ подъ Сухаревою башней, и вдругъ, въ самыхъ нѣдрахъ земли, въ пещерѣ находитъ лампадку, а предъ лампадкой схимника. Схимникъ молится. Геній приникаетъ къ крошечному рѣшетчатому оконцу, и вдругъ слышитъ вздохъ. Вы думаете это схимникъ вздохнулъ? Очень ему надо вашего схимника! Нѣтъ-съ, просто за просто этотъ вздохъ напомнилъ ему ея первый вздохъ, тридцать семь лѣтъ назадъ, когда, помнишь, въ Германіи, мы сидѣли подъ агатовымъ деревомъ, и ты сказала мнѣ: «Къ чему любить? Смотри, кругомъ ростетъ вохра, и я люблю, но перестанетъ расти вохра, и я разлюблю». Тутъ опять заклубился туманъ, явился Гофманъ, просвистала изъ Шопена русалка, и вдругъ изъ тумана, въ лавровомъ вѣнкѣ, надъ кровлями Рима появился Анкъ-Марцій. Озноб восторга охватилъ наши спины и мы разстались на вѣки» и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, я, можетъ, и не такъ передаю и передать не умѣю, но смыслъ болтовни былъ именно въ этомъ родѣ. И, наконецъ, что за позорная страсть у нашихъ великихъ умовъ къ каламбурамъ въ высшемъ смыслѣ! Великій европейскій философъ, великій ученый, изобрѣтатель, труженикъ, мученикъ,— всѣ эти труждающіеся и обремененные, для нашего русскаго великаго генія рѣшительно въ родѣ поваровъ у него на кухнѣ. Онъ баринъ, а они являются къ нему съ колпаками въ рукахъ и ждутъ приказаній. Правда, онъ надменно усмѣхается и надъ Россіей и ничего нѣтъ пріятнѣе ему какъ объявить банкротство Россіи во всѣхъ отношеніяхъ предъ великими умами Европы, но что касается его самого,—нѣтъ-съ, онъ уже надъ этими великими умами Европы возвысился; всѣ они лишь матеріалъ для его каламбуровъ. Онъ беретъ чужую идею, приплетаетъ къ ней ея антитезъ, и каламбуръ готовъ. Есть преступленіе, нѣтъ преступленія; правды нѣтъ, праведниковъ нѣтъ; атеизмъ, дарвинизмъ, московскіе колокола... Но увы, онъ уже не вѣритъ въ московскіе колокола; Римъ, лавры... Но онъ даже не вѣритъ въ лавры... Тутъ казенный припадокъ Байроновской тоски, гримаса изъ Гейне, что нибудь изъ Печорина,—и пошла, и пошла, засвистала машина... «А, впрочемъ, похвалите, похвалите, я вѣдь это ужасно люблю; я вѣдь это только такъ говорю, что кладу перо; подождите, я еще вамъ триста разъ надоѣмъ, читать устанете»...

Разумѣется, кончилось не такъ ладно; но то худо, что съ него-то и началось. Давно уже началось шарканье, сморканье, кашель и все то, что̀ бываетъ, когда на литературномъ чтеніи литераторъ, кто-бы онъ ни былъ, держитъ публику болѣе двадцати минутъ. Но геніальный писатель ничего этого не замѣчалъ. Онъ продолжалъ сюсюкать и мямлить, знать не зная публики, такъ что всѣ стали приходить въ недоумѣніе. Какъ вдругъ въ заднихъ рядахъ послышался одинокій, но громкій голосъ:

— Господи, какой вздоръ!

Это выскочило невольно и, я увѣренъ, безо всякой демонстраціи. Просто усталъ человѣкъ. Но господинъ Кармазиновъ пріостановился, насмѣшливо поглядѣлъ на публику, и вдругъ просюсюкалъ съ осанкою уязвленнаго камергера:

— Я, кажется, вамъ, господа, надоѣлъ порядочно?

Вотъ въ томъ-то и вина его, что онъ первый заговорилъ; ибо, вызывая такимъ образомъ на отвѣтъ, тѣмъ самымъ далъ возможность всякой сволочи тоже заговорить и, такъ сказать, даже законно, тогда какъ если-бъ удержался, то посморкались, посморкались-бы, и сошло-бы какъ нибудь... Можетъ быть, онъ ждалъ апплодисмента въ отвѣтъ на свой вопросъ; но апплодисмента не раздалось; напротивъ, всѣ какъ будто испугались, съёжились и притихли.

— Вы вовсе никогда не видали Анкъ-Марціи, это все слогъ, раздался вдругъ одинъ раздраженный, даже какъ-бы наболѣвшій голосъ.

— Именно, подхватилъ сейчасъ-же другой голосъ: — нынче нѣтъ привидѣній, а естественныя науки. Справьтесь съ естественными науками.

— Господа, я менѣе всего ожидалъ такихъ возраженій, ужасно удивился Кармазиновъ. Великій геній совсѣмъ отвыкъ въ Карлсруэ отъ отечества.

— Въ нашъ вѣкъ стыдно читать, что міръ стоитъ на трехъ рыбахъ, протрещала вдругъ одна дѣвица. — Вы, Кармазиновъ, не могли спускаться въ пещеры къ пустыннику. Да и кто говоритъ теперь про пустынниковъ?

— Господа, всего болѣе удивляетъ меня, что это такъ серіозно. Впрочемъ... впрочемъ, вы совершенно правы. Никто болѣе меня не уважаетъ реальную правду...

Онъ хоть и улыбался иронически, но сильно былъ пораженъ. Лицо его такъ и выражало: «Я вѣдь не такой, какъ вы думаете, я вѣдь за васъ, только хвалите меня, хвалите больше, какъ можно больше, я это ужасно люблю»...

— Господа, прокричалъ онъ, наконецъ, уже совсѣмъ уязвленный, — я вижу, что моя бѣдная поэмка не туда попала. Да и самъ я, кажется, не туда попалъ.

— Мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову, крикнулъ во все горло какой-то дуракъ, должно быть, пьяный, и на него ужь, конечно, не надо-бы обращать вниманія. Правда, разразился непочтительный смѣхъ.

— Въ корову, говорите вы? тотчасъ-же подхватилъ Кармазиновъ. Голосъ его становился все крикливѣе. — На счетъ воронъ и коровъ я позволю себѣ, господа, удержаться. Я слишкомъ уважаю даже всякую публику, чтобы позволить себѣ сравненія, хотя-бы и невинныя; но я думалъ...

— Однако, вы, милостивый государь, не очень-бы... прокричалъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.

— Но я полагалъ, что, кладя перо и прощаясь съ читателемъ, буду выслушанъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, мы желаемъ слушать, желаемъ, раздалось нѣсколько осмѣлившихся, наконецъ, голосовъ изъ перваго ряда.

— Читайте, читайте! подхватило нѣсколько восторженныхъ дамскихъ голосовъ, и, наконецъ-то, прорвался аплодисментъ, правда, мелкій, жиденькій. Кармазиновъ криво улыбнулся и привсталъ съ мѣста.

— Повѣрьте, Кармазиновъ, что всѣ считаютъ даже за честь... не удержалась даже сама предводительша.

— Господинъ Кармазиновъ, раздался вдругъ одинъ свѣжій юный голосъ изъ глубины залы. Это былъ голосъ очень молоденькаго учителя уѣзднаго училища, прекраснаго молодаго человѣка, тихаго и благороднаго, у насъ недавняго еще гостя. Онъ даже привсталъ съ мѣста. — Господинъ Кармазиновъ, если-бъ я имѣлъ счастіе такъ полюбить, какъ вы намъ описали, то, право, я не помѣстилъ-бы про мою любовь въ статью, назначенную для публичнаго чтенія...

Онъ даже весь покраснѣлъ.

— Господа, прокричалъ Кармазиновъ, — я кончилъ. Я опускаю конецъ и удаляюсь. Но позвольте мнѣ прочесть только шесть заключительныхъ строкъ:

«Да, другъ, читатель, прощай!» началъ онъ тотчасъ-же по рукописи и уже не садясь въ кресла. — «Прощай, читатель; даже не очень настаиваю на томъ, чтобы мы разстались друзьями: къ чему въ самомъ дѣлѣ тебя безпокоить? Даже брани, о, брани меня, сколько хочешь, если тебѣ это доставитъ какое нибудь удовольствіе. Но лучше всего, если-бы мы забыли другъ друга на вѣки. И если-бы всѣ вы, читатели, стали вдругъ настолько добры, что, стоя на колѣняхъ, начали упрашивать со слезами: «Пиши, о, пиши для насъ, Кармазиновъ — для отечества, для потомства, для лавровыхъ вѣнковъ», то и тогда-бы я вамъ отвѣтилъ, разумѣется, поблагодаривъ со всею учтивостью: «Нѣтъ ужь, довольно мы повозились другъ съ другомъ, милые соотечественники, mercі! Пора намъ въ разныя стороны! Mercі, mercі, mercі!»

Кармазиновъ церемонно поклонился и весь красный, какъ будто его сварили, отправился за кулисы.

— И вовсе никто не будетъ стоять на колѣняхъ; дикая фантазія.

— Экое вѣдь самолюбіе!

— Это только юморъ, поправилъ было кто-то потолковѣе.

— Нѣтъ, ужь избавьте отъ вашего юмора.

— Однако, вѣдь это дерзость, господа.

— По крайней мѣрѣ, теперь-то хоть кончилъ.

— Экъ скуки натащили!

Но всѣ эти невѣжественные возгласы заднихъ рядовъ (не однихъ, впрочемъ, заднихъ) были заглушены аплодисментомъ другой части публики. Вызывали Кармазинова. Нѣсколько дамъ, имѣя во главѣ Юлію Михайловну и предводительшу, столпились у эстрады. Въ рукахъ Юліи Михайловны явился роскошный лавровый вѣнокъ, на бѣлой бархатной подушкѣ, въ другомъ вѣнкѣ изъ живыхъ розъ.

— Лавры! произнесъ Кармазиновъ съ тонкою и нѣсколько язвительною усмѣшкой; — я, конечно, тронутъ и принимаю этотъ заготовленный заранѣе, но еще не успѣвшій увянуть вѣнокъ съ живымъ чувствомъ; но увѣряю васъ, mesdames, я настолько вдругъ сдѣлался реалистомъ, что считаю въ нашъ вѣкъ лавры гораздо умѣстнѣе въ рукахъ искуснаго повара чѣмъ въ моихъ...

— Да поваръ-то полезнѣе, прокричалъ тотъ самый семинаристъ, который былъ въ «засѣданіи» у Виргинскаго. Порядокъ нѣсколько нарушился. Изъ многихъ рядовъ повскочили, чтобы видѣть церемонію съ лавровымъ вѣнкомъ.

— Я за повара теперь еще три цѣлковыхъ придамъ, громко подхватилъ другой голосъ, слишкомъ даже громко, громко съ настойчивостью.

— И я.

— И я.

— Да неужели здѣсь нѣтъ буфета?

— Господа, это просто обманъ...

Впрочемъ, надо признаться, что всѣ эти разнузданные господа еще сильно боялись нашихъ сановниковъ, да и пристава, бывшаго въ залѣ. Кое-какъ, минутъ въ десять, всѣ опять размѣстились, но прежняго порядка уже не возстановлялось. И вотъ въ этотъ-то начинающійся хаосъ и попалъ бѣдный Степанъ Трофимовичъ...

IV.

Я, однако, сбѣгалъ къ нему еще разъ за кулисы и успѣлъ предупредить, внѣ себя, что, по моему мнѣнію, все лопнуло и что лучше ему вовсе не выходить, а сейчасъ-же уѣхать домой, отговорившись хоть холериной, а я-бы тоже скинулъ бантъ и съ нимъ отправился. Онъ въ это мгновеніе проходилъ уже на эстраду, вдругъ остановился, оглядѣлъ меня высокомѣрно съ головы до ногъ и торжественно произнесъ:

— Почему-же вы считаете меня, милостивый государь, способнымъ на подобную низость?

Я отступилъ. Я убѣжденъ былъ какъ дважды два, что безъ катастрофы онъ оттуда не выйдетъ. Между тѣмъ какъ я стоялъ въ полномъ унынiи, предо мною мелькнула опять фигура пріѣзжаго профессора, которому очередь была выходить послѣ Степана Трофимовича и который давеча все поднималъ вверхъ и опускалъ со всего размаху кулакъ. Онъ все еще такъ-же расхаживалъ взадъ и впередъ, углубившись въ себя и бормоча что-то себѣ подъ носъ съ ехидною, но торжествующею улыбкою. Я какъ-то почти безъ намѣренія (дернуло-же меня и тутъ) подошелъ и къ нему.

— Знаете, сказалъ я, — по многимъ примѣрамъ, если читающій держитъ публику болѣе двадцати минутъ, то она уже не слушаетъ. Полчаса никакая даже знаменитость не продержится...

Онъ вдругъ остановился и даже какъ-бы весь затрясся отъ обиды. Необъятное высокомѣріе выразилось въ его лицѣ.

— Не безпокойтесь, пробормоталъ онъ презрительно и прошелъ мимо. Въ эту минуту раздался въ залѣ голосъ Степана Трофимовича.

«Э, чтобы васъ всѣхъ!» подумалъ я и побѣжалъ въ залу.

Степанъ Трофимовичъ усѣлся въ кресла, еще среди остававшагося безпорядка. Въ переднихъ рядахъ его видимо встрѣтили нерасположенные взгляды. (Въ клубѣ его въ

послѣднее время какъ-то перестали любить и гораздо меньше прежняго уважали). Впрочемъ, и то ужь было хорошо, что не шикали. Странная была у меня идея еще со вчерашняго дня: мнѣ все казалось, что его тотчасъ-же освищутъ, лишь только онъ покажется. А между тѣмъ его не сейчасъ даже и примѣтили за нѣкоторымъ остававшимся безпорядкомъ. И на что могъ надѣяться этотъ человѣкъ, если ужь съ Кармазиновымъ такъ поступили? Онъ былъ блѣденъ; десять лѣтъ не являлся онъ предъ публикой. По волненію и по всему слишкомъ мнѣ въ немъ знакомому, для меня ясно было, что и самъ онъ смотритъ на теперешнее появленіе свое на эстрадѣ какъ на рѣшеніе судьбы своей или въ родѣ того. Вотъ этого-то я и боялся. Дорогъ мнѣ былъ этотъ человѣкъ. И что-же сталось со мной, когда онъ отверзъ уста, и я услышалъ его первую фразу!

— Господа! произнесъ онъ вдругъ, какъ-бы рѣшившись на все, и въ тоже время почти срывавшимся голосомъ: — Господа! Еще сегодня утромъ лежала предо мною одна изъ недавно разбросанныхъ здѣсь беззаконныхъ бумажекъ, и я въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ: «въ чемъ ея тайна?»

Вся зала разомъ притихла, всѣ взгляды обратились къ нему, иные съ испугомъ. Нечего сказать, умѣлъ заинтересовать съ перваго слова. Даже изъ-за кулисъ выставились головы; Липутинъ и Лямшинъ съ жадностію прислушивались. Юлія Михайловна опять замахала мнѣ рукой:

— Остановите, во что-бы то ни стало остановите! прошептала она въ тревогѣ. Я только пожалъ плечами; развѣ можно было остановить человѣка *рѣшившагося?* Увы, я понялъ Степана Трофимовича.

— Эге, о прокламаціяхъ! зашептали въ публикѣ; вся зала шевельнулась.

— Господа, я разрѣшилъ всю тайну. Вся тайна ихъ эффекта—въ ихъ глупости! (Глаза его засверкали). — Да, господа, будь это глупость умышленная, поддѣльная изъ разсчета,— о, это было-бы даже геніально! Но надо отдать имъ полную справедливость: они ничего не поддѣлали. Это самая обнаженная, самая простодушная, самая коротенькая глупость,—c'est la bêtise dans son essence la plus pure, quelque chose comme un simple chimique. Будь это хоть каплю умнѣе высказано, и всякъ увидалъ-бы тотчасъ всю нищету этой коротенькой глупости. Но теперь всѣ останавливаются въ недоумѣніи: никто не вѣритъ, чтобъ это было такъ первоначально глупо. «Не можетъ быть, чтобъ тутъ ничего больше не было», говоритъ себѣ всякій и ищетъ секрета, видитъ тайну, хочетъ прочесть между строчками, — эффектъ достигнутъ! О, никогда еще глупость не получала такой торжественной награды, не смотря на то, что такъ часто ее заслуживала... Ибо, en parenthèse, глупость, какъ и высочайшій геній, одинаково полезны въ судьбахъ человѣчества...

— Каламбуры сороковыхъ годовъ! послышался чей-то, весьма, впрочемъ, скромный, голосъ, но вслѣдъ за нимъ все точно сорвалось; зашумѣли и загалдѣли.

— Господа, ура! Я предлагаю тостъ за глупость! прокричалъ Степанъ Трофимовичъ, уже въ совершенномъ изступленіи бравируя залу.

Я подбѣжалъ къ нему какъ-бы подъ предлогомъ налить ему воды.

— Степанъ Трофимовичъ, бросьте, Юлія Михайловна умоляетъ...

— Нѣтъ, бросьте вы меня, праздный молодой человѣкъ! накинулся онъ на меня во весь голосъ. Я убѣжалъ. — Messieurs! продолжалъ онъ, — къ чему волненіе, къ чему крики негодованія, которые слышу? Я пришелъ съ оливковою вѣтвію. Я принесъ послѣднее слово, ибо въ этомъ дѣлѣ обладаю послѣднимъ словомъ — и мы помиримся.

— Долой! кричали одни.

— Тише, дайте сказать, дайте высказаться, вопила другая часть. Особенно волновался юный учитель, который, разъ осмѣлившись заговорить, какъ будто уже не могъ остановиться.

— Messieurs, послѣднее слово этого дѣла — есть всепрощеніе. Я, отжившій старикъ, я объявляю торжественно, что духъ жизни вѣетъ по прежнему и живая сила не изсякла въ молодомъ поколѣніи. Энтузіазмъ современной юности также чистъ и свѣтелъ, какъ и нашихъ временъ. Произошло лишь одно: перемѣщеніе цѣлей, замѣ-

щеніе одной красоты другою! Все недоумѣніе лишь въ томъ что̀ прекраснѣе: Шекспиръ или сапоги, Рафаэль или петролей?

— Это доносъ! ворчали одни.

— Компрометтирующіе вопросы!

— Agent-provocateur!

— А я объявляю, въ послѣдней степени азарта провизжалъ Степанъ Трофимовичъ,— а я объявляю, что Шекспиръ и Рафаэль—выше освобожденія крестьянъ, выше народности, выше соціализма, выше юнаго поколѣнія, выше химіи, выше почти всего человѣчества, ибо они уже плодъ, настоящій плодъ всего человѣчества и, можетъ быть, высшій плодъ, какой только можетъ быть! Форма красоты уже достигнутая, безъ достиженія которой, я, можетъ, и жить-то не соглашусь... О, Боже! всплеснулъ онъ руками,— десять лѣтъ назадъ я точно такъ-же кричалъ въ Петербургѣ, съ эстрады, точно то-же и тѣми словами, и точно такъ-же они не понимали ничего, смѣялись и шикали, какъ теперь; коротенькіе люди, чего вамъ недостаетъ, чтобы понять? Да знаете-ли, знаете-ли вы, что безъ англичанина еще можно прожить человѣчеству, безъ Германіи можно, безъ русскаго человѣка слишкомъ возможно, безъ науки можно, безъ хлѣба можно, безъ одной только красоты невозможно, ибо совсѣмъ нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ! Вся тайна тутъ, вся исторія тутъ! Сама наука не простоитъ минуты безъ красоты,— знаете-ли вы про это, смѣющіеся,— обратится въ хамство, гвоздя не выдумаете!.. Не уступлю! нелѣпо прокричалъ онъ въ заключеніе и стукнулъ изо всей силы по столу кулакомъ.

Но покамѣстъ онъ визжалъ безъ толку и безъ порядку, нарушался порядокъ и въ залѣ. Многіе повскочили съ мѣстъ, иные хлынули впередъ, ближе къ эстрадѣ. Вообще все это произошло гораздо быстрѣе, чѣмъ я описываю, и мѣръ не успѣли принять. Можетъ, тоже и не хотѣли.

— Хорошо вамъ на всемъ на готовомъ, баловники! проревѣлъ у самой эстрады тотъ-же семинаристъ, съ удовольствіемъ скаля зубы на Степана Трофимовича. Тотъ замѣтилъ и подскочилъ къ самому краю:

— Не я-ли, не я-ли сейчасъ объявилъ, что энтузіазмъ въ молодомъ поколѣніи такъ-же чистъ и свѣтелъ какъ былъ, и что оно погибаетъ, ошибаясь лишь въ формахъ прекраснаго! Мало вамъ? И если взять, что провозгласилъ это убитый, оскорбленный отецъ, то неужели,— о, коротенькіе,— неужели можно стать выше въ безпристрастіи и спокойствіи взгляда?.. Неблагодарные... несправедливые... для чего, для чего вы не хотите мириться!..

И онъ вдругъ зарыдалъ истерически. Онъ утиралъ пальцами текущія слезы. Плечи и грудь его сотрясались отъ рыданій... Онъ забылъ все на свѣтѣ.

Рѣшительный испугъ охватилъ публику, почти всѣ встали съ мѣстъ. Быстро вскочила и Юлія Михайловна, схвативъ подъ руку супруга и подымая его съ креселъ... Скандалъ выходилъ непомѣрный.

— Степанъ Трофимовичъ! радостно проревѣлъ семинаристъ.— Здѣсь въ городѣ и въ окрестностяхъ бродитъ теперь Ѳедька-каторжный, бѣглый съ каторги. Онъ грабитъ и недавно еще совершилъ новое убійство. Позвольте спросить: если-бъ вы его пятнадцать лѣтъ назадъ не отдали въ рекруты въ уплату за карточный долгъ, то есть по просту не проиграли въ картишки, скажите, попалъ-бы онъ въ каторгу? Рѣзалъ-бы людей, какъ теперь, въ борьбѣ за существованіе? Что̀ скажете, господинъ эстетикъ?

Я отказываюсь описывать послѣдовавшую сцену. Во первыхъ, раздался неистовый апплодисментъ. Апплодировали не всѣ, какая нибудь пятая доля залы, но апплодировали неистово. Вся остальная публика хлынула къ выходу, но такъ какъ апплодировавшая часть публики все тѣснилась впередъ къ эстрадѣ, то и произошло всеобщее замѣшательство. Дамы вскрикивали, нѣкоторыя дѣвицы заплакали и просились домой. Лембке, стоя у своего мѣста, дико и часто озирался кругомъ. Юлія Михайловна совсѣмъ потерялась — въ первый разъ во время своего у насъ поприща. Что̀-же до Степана Трофимовича, то въ первое мгновеніе онъ, казалось, буквально былъ раздавленъ словами семинариста; но вдругъ поднялъ обѣ руки, какъ-бы распростирая ихъ надъ публикой, и завопилъ:

— Отрясаю прахъ ногъ моихъ и проклинаю... Конецъ... конецъ...

И, повернувшись, онъ побѣжалъ за кулисы, махая и грозя руками.

— Онъ оскорбилъ общество!.. Верховенскаго! заревѣли неистовые. Хотѣли даже броситься за нимъ въ погоню. Унять было невозможно, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, и—вдругъ окончательная катастрофа какъ бомба разразилась надъ собраніемъ и треснула среди его: третій чтецъ, тотъ маньякъ, который все махалъ кулакомъ за кулисами, вдругъ выбѣжалъ на сцену.

Видъ его былъ совсѣмъ съумасшедшій. Съ широкою, торжествующею улыбкой, полной безмѣрной самоувѣренности, осматривалъ онъ взволнованную залу и, казалось, самъ былъ радъ безпорядку. Его ни мало не смущало, что ему придется читать въ такой суматохѣ, напротивъ, видимо радовало. Это было такъ очевидно, что сразу обратило на себя вниманіе.

— Это еще что? раздались вопросы,— это еще кто? Тсъ! Что онъ хочетъ сказать?

— Господа! закричалъ изо всей силы маньякъ, стоя у самаго края эстрады и почти такимъ-же визгливо-женственнымъ голосомъ, какъ и Кармазиновъ, но только безъ дворянскаго присюсюкиванія:—Господа! Двадцать лѣтъ назадъ, наканунѣ войны съ полъ-Европой, Россія стояла идеаломъ въ глазахъ всѣхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ. Литература служила въ цензурѣ; въ университетахъ преподавалась шагистика; войско обратилось въ балетъ, а народъ платилъ подати и молчалъ подъ кнутомъ крѣпостнаго права. Патріотизмъ обратился въ дранье взятокъ съ живаго и съ мертваго. Не бравшіе взятокъ считались бунтовщиками, ибо нарушали гармонію. Березовыя рощи истреблялись на помощь порядку. Европа трепетала... Но никогда Россія, во всю безтолковую тысячу лѣтъ своей жизни, не доходила до такого позора...

Онъ поднялъ кулакъ, восторженно и грозно махая имъ надъ головой, и вдругъ яростно опустилъ его внизъ, какъ-бы разбивая въ прахъ противника. Неистовый вопль раздался со всѣхъ сторонъ, грянулъ оглушительный апплодисментъ. Апплодировала уже чуть не половина залы; увлекались невиннѣйше: безчестилась Россія всенародно, публично, и развѣ можно было не ревѣть отъ восторга?

— Вотъ это дѣло! Вотъ такъ дѣло! Ура! Нѣтъ, это ужь не эстетика!

Маньякъ продолжалъ въ восторгѣ.—Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Университеты открыты и пріумножены. Шагистика обратилась въ легенду; офицеровъ недостаетъ до комплекта тысячами. Желѣзныя дороги поѣли всѣ капиталы и облегли Россію, какъ паутиной, такъ что лѣтъ черезъ пятнадцать, пожалуй, можно будетъ куда нибудь и съѣздить. Мосты горятъ только изрѣдка, а города сгораютъ правильно, въ установленномъ порядкѣ по очереди, въ пожарный сезонъ. На судахъ Соломоновскіе приговоры, а присяжные берутъ взятки единственно лишь въ борьбѣ за существованіе, когда приходится умирать имъ съ голоду. Крѣпостные на волѣ и лупятъ другъ друга розгачами вмѣсто прежнихъ помѣщиковъ. Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету, а въ Новгородѣ, напротивъ древней и безполезной Софіи — торжественно воздвигнутъ бронзовый колоссальный шаръ на память тысячелѣтію уже минувшаго безпорядка и безтолковщины. Европа хмурится и вновь начинаетъ безпокоиться... Пятнадцать лѣтъ реформъ! А между тѣмъ никогда Россія, даже въ самыя каррикатурныя эпохи своей безтолковщины, не доходила...

Послѣднихъ словъ даже нельзя было и разслышать за ревомъ толпы. Видно было, какъ онъ опять поднялъ руку, и побѣдоносно еще разъ опустилъ ее. Восторгъ перешелъ всѣ предѣлы: вопили, хлопали въ ладоши, иныя даже изъ дамъ кричали: «Довольно! Лучше ничего не скажете!» Были какъ пьяные. Ораторъ обводилъ всѣхъ глазами, и какъ-бы таялъ въ собственномъ торжествѣ. Я видѣлъ мелькомъ, что Лембке въ невыразимомъ волненіи кому-то что-то указывалъ. Юлія Михайловна, вся блѣдная, торопливо говорила о чемъ-то подбѣжавшему къ ней князю... Но въ эту минуту цѣлая толпа, человѣкъ въ шесть, лицъ болѣе или менѣе оффиціальныхъ, ринулась изъ-за кулисъ на эстраду, под-

хватила оратора и повлекла за кулисы. Не понимаю, какъ могъ онъ отъ нихъ вырваться, но онъ вырвался, вновь подскочилъ къ самому краю, и успѣлъ еще прокричать что̀ было мочи, махая своимъ кулакомъ:

— Но никогда Россія еще не доходила...

Но уже его тащили вновь. Я видѣлъ какъ человѣкъ пятнадцать, можетъ быть, ринулись его освобождать за кулисы, но не черезъ эстраду, а съ боку, разбивая легкую загородку, такъ что та, наконецъ, и упала... Я видѣлъ потомъ, не вѣря глазамъ своимъ, что на эстраду вдругъ откуда-то вскочила студентка (родственница Виргинскаго), съ тѣмъ-же своимъ сверткомъ подъ мышкой, такъ-же одѣтая, такая-же красная, такая-же сытенькая, окруженная двумя—тремя женщинами, двумя—тремя мужчинами, въ сопровожденіи смертельнаго врага своего гимназиста. Я успѣлъ даже разслышать фразу:

«Господа, я пріѣхала, чтобъ заявить о страданіяхъ несчастныхъ студентовъ, и возбудить ихъ повсемѣстно къ протесту».

Но я бѣжалъ. Свой бантъ я спряталъ въ карманъ, и задними ходами, мнѣ извѣстными, выбрался изъ дому на улицу. Прежде всего, конечно, къ Степану Трофимовичу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Окончаніе праздника.

I.

Онъ меня не принялъ. Онъ заперся и писалъ. На мой повторительный стукъ и зовъ отвѣчалъ сквозь двери:

— Другъ мой, я все покончилъ, кто можетъ требовать отъ меня болѣе?

— Вы ничего не кончили, а только способствовали, что все провалилось. Ради Бога безъ каламбуровъ, Степанъ Трофимовичъ; отворяйте. Надо принять мѣры; къ вамъ еще могутъ придти и васъ оскорбить...

Я считалъ себя въ правѣ быть особенно строгимъ и даже взыскательнымъ. Я боялся, чтобъ онъ не предпринялъ чего нибудь еще безумнѣе. Но, къ удивленію моему, встрѣтилъ необыкновенную твердость:

— Не оскорбляйте-же меня первый. Благодарю васъ за все прежнее, но повторяю, что я все покончилъ съ людьми, съ добрыми и злыми. Я пишу письмо къ Дарьѣ Павловнѣ, которую такъ непростительно забывалъ до сихъ поръ. Завтра снесите его, если хотите, а теперь «mercі».

— Степанъ Трофимовичъ, увѣряю васъ, что дѣло серіознѣе чѣмъ вы думаете. Вы думаете, что вы тамъ кого нибудь раздробили? Никого вы не раздробили, а сами разбились какъ пустая стклянка (о, я былъ грубъ и невѣжливъ; вспоминаю съ огорченіемъ!). Къ Дарьѣ Павловнѣ вамъ рѣшительно писать незачѣмъ... и куда вы теперь безъ меня дѣнетесь? Что̀ смыслите вы на практикѣ? Вы вѣрно еще что нибудь замышляете? Вы только еще разъ пропадете, если опять что нибудь замышляете...

Онъ всталъ и подошелъ къ самымъ дверямъ.

— Вы пробыли съ ними недолго, а заразились ихъ языкомъ и тономъ, Dieu vous pardonne, mon ami, et Dieu vous garde. Но я всегда замѣчалъ въ васъ зачатки порядочности, и вы, можетъ быть, еще одумаетесь, — après le temps, разумѣется, какъ и всѣ мы, русскіе люди. На счетъ замѣчанія вашего о моей непрактичности, напомню вамъ одну мою давнишнюю мысль: что у насъ въ Россіи цѣлая бездна людей тѣмъ и занимаются, что всего яростнѣе и съ особеннымъ надоѣданіемъ, какъ мухи лѣтомъ, нападаютъ на чужую непрактичность, обвиняя въ ней всѣхъ и каждаго, кромѣ только себя. Cher, вспомните, что я въ волненіи и не мучьте меня. Еще разъ вамъ mercі за все и разстанемся другъ съ другомъ, какъ Кармазиновъ съ публикой, то есть забудемъ другъ друга какъ можно великодушнѣе. Это онъ схитрилъ, что такъ слишкомъ ужь упрашивалъ о забвеніи своихъ бывшихъ читателей; quant à moi я не такъ самолюбивъ и болѣе всего надѣюсь на молодость вашего неискушеннаго сердца: гдѣ вамъ долго помнить безполезнаго старика? «Живите больше», мой другъ, какъ пожелала мнѣ въ прошлыя имянины

Настасья (ces pauvres gens ont quelquefois des mots charmants et pleins de philosophie). Не желаю вамъ много счастія — наскучитъ; не желаю и бѣды; а вслѣдъ за народною философіей повторяю просто: «живите больше» и постарайтесь какъ нибудь не очень скучать; это тщетное пожеланіе прибавлю уже отъ себя. Ну, прощайте и прощайте серіозно. Да не стойте у моихъ дверей, я не отопру.

Онъ отошелъ, и я болѣе ничего не добился. Не смотря на «волненіе», онъ говорилъ плавно, не спѣшно, съ вѣсомъ и видимо стараясь внушить. Конечно, онъ на меня нѣсколько досадовалъ и косвенно мстилъ мнѣ, ну, можетъ, еще за вчерашнія «кибитки» и «раздвигающіяся половицы». Публичныя-же слезы сего утра, не смотря на нѣкотораго рода побѣду, ставили его, онъ зналъ это, въ нѣсколько комическое положеніе, а не было человѣка, столь заботящагося о красотѣ и о строгости формъ въ сношеніяхъ съ друзьями, какъ Степанъ Трофимовичъ. О, я не виню его! Но эта-то щепетильность и саркастичность, удержавшіяся въ немъ не смотря на всѣ потрясенія, меня тогда и успокоили: человѣкъ такъ мало, повидимому, измѣнившійся противъ всегдашняго, ужь конечно, не расположенъ въ ту минуту къ чему нибудь трагическому или необычайному. Такъ я тогда разсудилъ и, Боже мой, какъ ошибся! Слишкомъ многое я упустилъ изъ виду...

Предупреждая событія, приведу нѣсколько первыхъ строкъ этого письма къ Дарьѣ Павловнѣ, которое та дѣйствительно на завтра-же получила.

«Mon enfant, рука моя дрожитъ, но я все закончилъ. Васъ не было въ послѣдней схваткѣ моей съ людьми; вы не пріѣхали на это «чтеніе» и хорошо сдѣлали. Но вамъ разскажутъ, что въ нашей обнищавшей характерами Россіи всталъ одинъ бодрый человѣкъ, и не смотря на смертныя угрозы, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ, сказалъ этимъ дурачкамъ ихъ правду, то есть, что они дурачки. О, ce sont — des pauvres petits vauriens et rien de plus, des petits дурачки — voilà le mot! Жребій брошенъ; я ухожу изъ этого города на вѣки и не знаю куда. Всѣ, кого любилъ, отъ меня отвернулись. Но вы, вы созданіе чистое и наивное, вы кроткая, которой судьба едва не соединилась съ моею, по волѣ одного капризнаго и самовластнаго сердца, вы, можетъ быть, съ презрѣніемъ смотрѣвшая, когда я проливалъ мои малодушныя слезы наканунѣ несостоявшагося нашего брака; вы, которая не можете, кто-бы вы ни были, смотрѣть на меня иначе какъ на лицо комическое, о, вамъ, вамъ послѣдній крикъ моего сердца, вамъ послѣдній мой долгъ, вамъ одной! Не могу-же оставить васъ на вѣки съ мыслію обо мнѣ, какъ о неблагодарномъ глупцѣ, невѣжѣ и эгоистѣ, какъ вѣроятно и утверждаетъ вамъ обо мнѣ ежедневно одно неблагодарное и жестокое сердце, которое, увы, не могу забыть»...

И такъ далѣе, и такъ далѣе, всего четыре страницы большаго формата.

Стукнувъ въ отвѣтъ на его «не отопру» три раза въ дверь кулакомъ, и прокричавъ ему вслѣдъ, что онъ сегодня-же три раза пришлетъ за мной Настасью, но я уже самъ не пойду, я бросилъ его и побѣжалъ къ Юліи Михайловнѣ.

II.

Здѣсь я очутился свидѣтелемъ сцены возмутительной: бѣдную женщину обманывали въ глаза, а я ничего не могъ сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ я сказать ей? Я уже успѣлъ нѣсколько опомниться и разсудить, что у меня всего лишь какія-то ощущенія, подозрительныя предчувствія, а болѣе вѣдь ничего. Я засталъ ее въ слезахъ, почти въ истерикѣ, за одеколонными примочками, за стаканомъ воды. Передъ нею стоялъ Петръ Степановичъ, говорившій безъ умолку, и князь, молчавшій какъ будто его заперли на замокъ. Она со слезами и вскрикиваніями укоряла Петра Степановича за «отступничество». Меня сразу поразило, что всю неудачу, весь позоръ этого утра, однимъ словомъ все, она приписывала одному лишь отсутствію Петра Степановича.

Въ немъ-же я замѣтилъ одну важную перемѣну: онъ былъ какъ будто чѣмъ-то слишкомъ ужь озабоченъ, почти серіозенъ.

Обыкновенно онъ никогда не казался серіознымъ, всегда смѣялся, даже когда злился, а злился онъ часто. О, онъ и теперь былъ золъ, говорилъ грубо, небрежно, съ досадой и нетерпѣніемъ. Онъ увѣрялъ, что заболѣлъ головною болью и рвотой на квартирѣ у Гаганова, къ которому забѣжалъ случайно раннимъ утромъ. Увы, бѣдной женщинѣ такъ хотѣлось быть еще обманутою! Главный вопросъ, который я засталъ на столѣ, состоялъ въ томъ: быть или не быть балу, то есть всей второй половинѣ праздника? Юлія Михайловна ни за что̀ не соглашалась явиться на балъ послѣ «давешнихъ оскорбленій», другими словами, всѣми силами желала быть къ тому принужденною и непремѣнно имъ, Петромъ Степановичемъ. Она глядѣла на него какъ на оракула и, кажется, если-бъ онъ сейчасъ ушелъ, то слегла-бы въ постель. Но онъ и не хотѣлъ уходить: ему самому надо было изо всѣхъ силъ, чтобы балъ состоялся сегодня и чтобъ Юлія Михайловна непремѣнно была на немъ...

— Ну, чего плакать! Вамъ непремѣнно надо сцену? На комъ нибудь злобу сорвать? Ну и рвите на мнѣ, только скорѣе, потому что время идетъ, а надо рѣшиться. Напортили чтеніемъ, скрасимъ баломъ. Вотъ и князь того-же мнѣнія. Да-съ, не будь князя, чѣмъ-бы у васъ тамъ кончилось?

Князь былъ въ началѣ противъ бала (то есть противъ появленія Юліи Михайловны на балѣ, балъ-же во всякомъ случаѣ долженъ былъ состояться), но послѣ двухъ—трехъ такихъ ссылокъ на его мнѣніе, онъ сталъ мало по малу мычать въ знакъ согласія.

Удивила меня тоже ужь слишкомъ необыкновенная невѣжливость тона Петра Степановича. О, я съ негодованіемъ отвергаю низкую сплетню, распространившуюся уже потомъ, о какихъ-то будто-бы связяхъ Юліи Михайловны съ Петромъ Степановичемъ. Ничего подобнаго не было и быть не могло. Взялъ онъ надъ нею лишь тѣмъ, что поддакивалъ ей изо всѣхъ силъ съ самаго начала въ ея мечтахъ вліять на общество и на министерство, вошелъ въ ея планы, самъ сочинялъ ихъ ей, дѣйствовалъ грубѣйшею лестью, опута̀лъ ее съ головы до ногъ и сталъ ей необходимъ какъ воздухъ. Увидѣвъ меня, она вскричала, сверкая глазами:

— Вотъ спросите его, онъ тоже все время не отходилъ отъ меня, какъ и князь. Скажите, не явно-ли, что все это заговоръ, низкій, хитрый заговоръ, чтобы сдѣлать все что̀ только можно злаго мнѣ и Андрею Антоновичу? О, они уговорились! У нихъ былъ планъ. Это партія, цѣлая партія!

— Далеко махнули, какъ и всегда. Вѣчно въ головѣ поэма. Я, впрочемъ, радъ господину... (онъ сдѣлалъ видъ, что забылъ мое имя), онъ намъ скажетъ свое мнѣніе.

— Мое мнѣніе, поторопился я, — во всемъ согласно съ мнѣніемъ Юліи Михайловны. Заговоръ слишкомъ явный. Я принесъ вамъ эти ленты, Юлія Михайловна. Состоится или не состоится балъ,— это, конечно, не мое дѣло, потому что не моя власть, но роль моя, какъ распорядителя, кончена. Простите мою горячность, но я не могу дѣйствовать въ ущербъ здравому смыслу и убѣжденію.

— Слышите, слышите! всплеснула она руками.

— Слышу-съ и вотъ что̀ скажу вамъ, обратился онъ ко мнѣ,—я полагаю, что всѣ вы чего-то такого съѣли, отъ чего всѣ въ бреду. По моему, ничего не произошло, ровно ничего такого, чего не было прежде и чего не могло быть всегда въ здѣшнемъ городѣ. Какой заговоръ? Вышло некрасиво, глупо до позора, но гдѣ-же заговоръ? Это противъ Юліи-то Михайловны, противъ ихней-тобаловницы, покровительницы, прощавшей имъ безъ пути всѣ ихъ школьничества? Юлія Михайловна! О чемъ я вамъ долбилъ весь мѣсяцъ безъ умолку? О чемъ предупреждалъ? Ну на что̀, на что̀ вамъ былъ весь этотъ народъ? Надо было связаться съ людишками! Зачѣмъ, для чего? Соединять общество? Да развѣ они соединятся, помилосердуйте!

— Когда-же вы предупреждали меня? Напротивъ, вы одобряли, вы даже требовали... Я, признаюсь, до того удивлена... Вы сами ко мнѣ приводили многихъ странныхъ людей.

— Напротивъ, я спорилъ съ вами, а не одобрялъ, а водить — это точно водилъ, но

когда уже они сами налѣзли дюжинами, и то только въ послѣднее время, чтобы составить «кадриль литературы», а безъ этихъ хамовъ не обойдешься. Но только бьюсь объ закладъ, сегодня десятокъ—другой такихъ-же другихъ хамовъ безъ билетовъ провели!

— Непремѣнно, подтвердилъ я.

— Вотъ видите, вы уже соглашаетесь. Вспомните, какой былъ въ послѣднее время здѣсь тонъ, то есть во всемъ городишкѣ? Вѣдь это обратилось въ одно только нахальство, безстыдство; вѣдь это былъ скандалъ съ трезвономъ безъ перерыву. А кто поощрялъ? Кто авторитетомъ своимъ прикрывалъ? Кто всѣхъ съ толку сбилъ? Кто всю мелюзгу разозлилъ? Вѣдь у васъ въ альбомѣ всѣ здѣшнія семейныя тайны воспроизведены. Не вы-ли гладили по головкѣ вашихъ поэтовъ и рисовальщиковъ? Не вы-ли давали цѣловать ручку Лямшину? Не въ вашемъ-ли присутствіи семинаристъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника обругалъ, а его дочери дегтярными сапожищами платье испортилъ? Чего-жь вы удивляетесь, что публика противъ васъ настроена?

— Но вѣдь это все вы, вы-же сами! О, Боже мой!

— Нѣтъ-съ, я васъ предостерегалъ, мы ссорились, слышите-ли, мы ссорились!

— Да вы въ глаза лжете.

— Ну да ужь, конечно, вамъ это ничего не стоитъ сказать. Вамъ теперь надо жертву, на комъ нибудь злобу сорвать; ну и рвите на мнѣ, я сказалъ. Я лучше къ вамъ обращусь, господинъ... (Онъ все не могъ вспомнить моего имени). Сочтемъ по пальцамъ: я утверждаю, что кромѣ Липутина никакого заговора не было, ни-ка-кого! Я докажу, но анализируемъ сначала Липутина. Онъ вышелъ со стихами дурака Лебядкина — что-жь это, по вашему, заговоръ? Да знаете-ли, что Липутину это просто остроумнымъ могло показаться? Серіозно, серіозно остроумнымъ. Онъ просто вышелъ съ цѣлію всѣхъ насмѣшить и развеселить, а покровительницу Юлію Михайловну первую, вотъ и все. Не вѣрите? Ну не въ тонѣли это всего того, что было здѣсь цѣлый мѣсяцъ? И, хотите все скажу: ей Богу, при другихъ обстоятельствахъ пожалуй-бы и прошло! Шутка грубая, ну тамъ сильная, что-ли, а вѣдь смѣшная, вѣдь смѣшная?

— Какъ! Вы считаете поступокъ Липутина остроумнымъ? въ страшномъ негодованіи вскричала Юлія Михайловна,— этакую глупость, этакую безтактность; эту низость, подлость, этотъ умыселъ, о, вы это нарочно! Вы сами съ ними послѣ этого въ заговорѣ!

— Непремѣнно, сзади сидѣлъ, спрятался, всю машинку двигалъ. Да вѣдь если-бъ я участвовалъ въ заговорѣ,— вы хоть это поймите! — такъ не кончилось-бы однимъ Липутинымъ! Стало быть, я, по вашему, сговорился и съ папенькой, чтобъ онъ нарочно такой скандалъ произвелъ? Ну-съ, кто виноватъ, что папашу допустили читать? Кто васъ вчера останавливалъ, еще вчера, вчера?

— Oh, hier il avait tant d'esprit, я такъ разсчитывала, и притомъ у него манеры: я думала, онъ и Кармазиновъ... и вотъ!

— Да-съ и вотъ. Но, не смотря на весь tant d'esprit, папенька подгадилъ, а если-бъ я самъ зналъ впередъ, что онъ такъ подгадитъ, то, принадлежа къ несомнѣнному заговору противъ вашего праздника, я-бы ужь, безъ сомнѣнія, васъ не сталъ вчера уговаривать не пускать козла въ огородъ, такъ-ли-съ? А между тѣмъ я васъ вчера отговаривалъ,—отговаривалъ потому, что предчувствовалъ. Все предусмотрѣть, разумѣется, возможности не было: онъ навѣрно и самъ не зналъ, еще за минуту, чѣмъ выпалитъ. Эти нервные старички развѣ похожи на людей! Но еще можно спасти: пошлите къ нему завтра-же, для удовлетворенія публики, административнымъ порядкомъ и со всѣми онерами, двухъ докторовъ узнать о здоровьи, даже сегодня-бы можно, и прямо въ больницу на холодныя примочки. По крайней мѣрѣ, всѣ разсмѣются и увидятъ, что обижаться нечѣмъ. Я объ этомъ еще сегодня-же на балѣ возвѣщу, такъ какъ я сынъ. Другое дѣло Кармазиновъ, тотъ вышелъ зеленымъ осломъ и протащилъ свою статью цѣлый часъ,—вотъ ужь этотъ, безъ сомнѣнія, со мной въ заговорѣ! Дай, дескать, ужь и я нагажу, чтобы повредить Юліи Михайловнѣ!

— О, Кармазиновъ, quelle honte! Я сгорѣла, сгорѣла со стыда за нашу публику!

— Ну-съ, я-бы не сгорѣлъ, а его самого изжарилъ. Публика-то вѣдь права. А кто опять виноватъ въ Кармазиновѣ? Навязывалъ я вамъ его или нѣтъ? Участвовалъ въ его обожаніи или нѣтъ? Ну да чортъ съ нимъ, а вотъ третій маньякъ, политическій, ну, это другая статья. Тутъ ужь всѣ дали маху, а не мой одинъ заговоръ.

— Ахъ, не говорите, это ужасно, ужасно! Въ этомъ я, я одна виновата!

— Конечно-съ, но ужь тутъ я васъ оправдаю. Э, кто за ними усмотритъ, за откровенными! Отъ нихъ и въ Петербургѣ не уберегутся. Вѣдь онъ вамъ былъ рекомендованъ; да еще какъ! Такъ согласитесь, что вы теперь даже обязаны появиться на балѣ. Вѣдь это штука важная, вѣдь вы его сами на каѳедру взвели. Вы именно должны теперь публично заявить, что вы съ этимъ не солидарны, что молодецъ уже въ рукахъ полиціи, а что вы были необъяснимымъ образомъ обмануты. Вы должны объявить съ негодованіемъ, что вы были жертвою съумасшедшаго человѣка. Потому что вѣдь это съумасшедшій и больше ничего. О немъ такъ и доложить надо. Я этихъ кусающихся терпѣть не могу. Я, пожалуй, самъ еще пуще говорю, но вѣдь не съ каѳедры-же. А они теперь какъ разъ кричатъ про сенатора.

— Про какого сенатора? Кто кричитъ?

— Видите-ли, я самъ ничего не понимаю. Вамъ, Юлія Михайловна, ничего неизвѣстно про какого нибудь сенатора?

— Сенатора?

— Видите-ли, они убѣждены, что сюда назначенъ сенаторъ, а что васъ смѣняютъ изъ Петербурга. Я отъ многихъ слышалъ.

— И я слышалъ, подтвердилъ я.

— Кто это говорилъ? вся вспыхнула Юлія Михайловна.

— То есть кто заговорилъ первый? Почемъ я знаю. А такъ, говорятъ. Масса говоритъ. Вчера особенно говорили. Всѣ какъ-то ужь очень серіозны, хоть ничего не разберешь. Конечно, кто поумнѣе и по компетентнѣе — не говорятъ, но и изъ тѣхъ иные прислушиваются.

— Какая низость! И... какая глупость.

— Ну такъ вотъ именно вамъ теперь и явиться, чтобы показать этимъ дуракамъ.

— Признаюсь, я сама чувствую, что я даже обязана, но... что если ждетъ другой позоръ? Что если не соберутся? Вѣдь никто не пріѣдетъ, никто, никто!

— Экой пламень! Это они-то не пріѣдутъ? А платья нашитыя, а костюмы дѣвицъ? Да я отъ васъ послѣ этого какъ отъ женщины отрекаюсь. Вотъ человѣкознаніе!

— Предводительша не будетъ, не будетъ!

— Да что тутъ, наконецъ, случилось! Почему не пріѣдутъ? вскричалъ онъ, наконецъ, въ злобномъ нетерпѣніи.

— Безславіе, позоръ, — вотъ что случилось. Было я не знаю что, но такое, послѣ чего мнѣ войдти невозможно.

— Почему? Да вы-то, наконецъ, чѣмъ виноваты? Съ чего вы берете вину на себя? Не виновата-ли скорѣе публика, ваши старцы, ваши отцы семействъ? Они должны были негодяевъ и шелопаевъ сдержать, — потому что тутъ вѣдь одни шелопаи да негодяи, и ничего серіознаго. Ни въ какомъ обществѣ и нигдѣ одною полиціей не управишься. У насъ каждый требуетъ, входя, чтобъ за нимъ особаго кварташку отрядили его оберегать. Не понимаютъ, что общество оберегаетъ само себя. А что у насъ дѣлаютъ отцы семействъ, сановники, жены, дѣвы въ подобныхъ обстоятельствахъ? Молчатъ и дуются. Даже настолько, чтобы шалуновъ сдержать, общественной иниціативы недостаетъ.

— Ахъ, это золотая правда! Молчатъ, дуются и... озираются.

— А коли правда, вамъ тутъ ее и высказать, вслухъ, гордо, строго. Именно показать, что вы не разбиты. Именно этимъ старичкамъ и матерямъ. О, вы съумѣете, у васъ есть даръ, когда голова ясна. Вы ихъ сгруппируете и вслухъ, и вслухъ. А потомъ корреспонденцію въ *Голосъ* и въ *Биржевыя*. Постойте, я самъ за дѣло возьмусь, я вамъ все устрою. Разумѣется, побольше вниманія, наблюдать буфетъ; просить князя, просить господина... Не можете-же вы насъ оставить, m-r, когда именно надо все вновь начинать. Ну, и наконецъ,

вы подъ руку съ Андреемъ Антоновичемъ. Какъ здоровье Андрея Антоновича?

— О, какъ несправедливо, какъ невѣрно, какъ обидно судили вы всегда объ этомъ ангельскомъ человѣкѣ! вдругъ, съ неожиданнымъ порывомъ и чуть не со слезами вскричала Юлія Михайловна, поднося платокъ къ глазамъ. Петръ Степановичъ въ первое мгновеніе даже осѣкся:

— Помилуйте, я... да я что-же... я всегда...

— Вы никогда, никогда! Никогда вы не отдавали ему справедливости!

— Никогда не поймешь женщину! проворчалъ Петръ Степановичъ съ кривою усмѣшкой.

— Это самый правдивый, самый деликатный, самый ангельскій человѣкъ! Самый добрый человѣкъ!

— Помилуйте, да я что-жь на счетъ доброты... я всегда отдавалъ на счетъ доброты...

— Никогда! Но оставимъ. Я слишкомъ неловко вступилась. Давеча этотъ іезуитъ предводительша закинула тоже нѣсколько саркастическихъ намековъ о вчерашнемъ.

— О, ей теперь не до намековъ о вчерашнемъ, у ней нынѣшнее. И чего вы такъ безпокоитесь, что она на балъ не пріѣдетъ? Конечно, не пріѣдетъ, коли въѣхала въ такой скандалъ. Можетъ, она и невиновата, а всетаки репутація; ручки грязны.

— Что такое, я не пойму; почему руки грязны? съ недоумѣніемъ посмотрѣла Юлія Михайловна.

— То есть я вѣдь не утверждаю, но въ городѣ уже звонятъ, что она-то и сводила.

— Что такое? Кого сводила?

— Э, да вы развѣ еще не знаете? вскричалъ онъ съ удивленіемъ, отлично поддѣланнымъ,—да Ставрогина и Лизавету Николаевну!

— Какъ? Что? вскричали мы всѣ.

— Да неужто-же не знаете? Фью! Да вѣдь тутъ траги-романы произошли: Лизавета Николаевна прямо изъ кареты предводительши изволила пересѣсть въ карету Ставрогина и улизнула съ «симъ послѣднимъ» въ Скворешники, среди бѣла дня. Всего часъ назадъ, часу нѣтъ.

Мы остолбенѣли. Разумѣется, кинулись разспрашивать далѣе, но, къ удивленію, онъ хоть и былъ самъ, «нечаянно», свидѣтелемъ, ничего, однако-же, не могъ разсказать обстоятельно. Дѣло происходило будто-бы такъ: когда предводительша подвезла Лизу и Маврикія Николаевича, съ «чтенія», къ дому Лизиной матери (все больной ногами), то недалеко отъ подъѣзда, шагахъ въ двадцати пяти, въ сторонкѣ, ожидала чья-то карета. Когда Лиза выпрыгнула на подъѣздъ, то прямо побѣжала къ этой каретѣ; дверца отворилась, захлопнулась; Лиза крикнула Маврикію Николаевичу: «Пощадите меня!» — и карета во всю прыть понеслась въ Скворешники. На торопливые вопросы наши: было-ли тутъ условіе? Кто сидѣлъ въ каретѣ? — Петръ Степановичъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ; что, ужь конечно, было условіе, но что самого Ставрогина въ каретѣ не разглядѣлъ; могло быть, что сидѣлъ камердинеръ, старичекъ Алексѣй Егорычъ. На вопросъ: «Какъ-же вы тутъ очутились? И почему навѣрно знаете, что поѣхала въ Скворешники?» — онъ отвѣтилъ, что случился тутъ потому, что проходилъ мимо, а увидавъ Лизу, даже подбѣжалъ къ каретѣ (и всетаки не разглядѣлъ, кто въ каретѣ, при его-то любопытствѣ!), а что Маврикій Николаевичъ не только не пустился въ погоню, но даже не попробовалъ остановить Лизу, даже своею рукой придержалъ кричавшую во весь голосъ предводительшу: «Она къ Ставрогину, она къ Ставрогину!» Тутъ я вдругъ вышелъ изъ терпѣнія и въ бѣшенствѣ закричалъ Петру Степановичу.

— Это ты, негодяй, все устроилъ! Ты на это и утро убилъ. Ты Ставрогину помогалъ, ты пріѣхалъ въ каретѣ, ты посадилъ... ты, ты, ты! Юлія Михайловна, это врагъ вашъ, онъ погубитъ и васъ! Берегитесь!

И я опрометью выбѣжалъ изъ дому.

Я до сихъ поръ не понимаю и самъ дивлюсь, какъ это я тогда ему крикнулъ. Но я совершенно угадалъ: все почти такъ и произошло, какъ я ему высказалъ, что и оказалось впослѣдствіи. Главное, слишкомъ замѣтенъ былъ тотъ очевидно фальшивый пріемъ, съ которымъ онъ сообщилъ извѣстіе. Онъ не сейчасъ разсказалъ, придя въ домъ, какъ первую и чрезвычайную

новость, а сдѣлалъ видъ, что мы будто ужь знаемъ и безъ него, — что̀ невозможно было въ такой короткій срокъ. А если-бы и знали, все равно не могли-бы молчать о томъ, пока онъ заговоритъ. Не могъ онъ тоже слышать, что въ городѣ уже «звонятъ» про предводительшу, опять таки по краткости срока. Кромѣ того, разсказывая, онъ раза два какъ-то подло и вѣтренно улыбнулся, вѣроятно считая насъ уже за вполнѣ обманутыхъ дураковъ. Но мнѣ было уже не до него; главному факту я вѣрилъ и выбѣжалъ отъ Юліи Михайловны внѣ себя. Катастрофа поразила меня въ самое сердце. Мнѣ было больно почти до слезъ; да, можетъ быть, я и плакалъ. Я совсѣмъ не зналъ что̀ предпринять. Бросился къ Степану Трофимовичу, но досадный человѣкъ опять не отперъ. Настасья увѣряла меня съ благоговѣйнымъ шепотомъ, что легъ почивать, но я не повѣрилъ. Въ домѣ Лизы мнѣ удалось разспросить слугъ; они подтвердили о бѣгствѣ, но ничего не знали сами. Въ домѣ происходила тревога; съ больною барыней начались обмороки; а при ней находился Маврикій Николаевичъ. Мнѣ показалось невозможнымъ вызвать Маврикія Николаевича. О Петрѣ Степановичѣ, на разспросы мои, подтвердили, что онъ шнырялъ въ домѣ всѣ послѣдніе дни, иногда по два раза въ день. Слуги были грустны и говорили о Лизѣ съ какою-то особенною почтительностію; ее любили. Что она погибла, погибла совсѣмъ, — въ этомъ я не сомнѣвался, но психологической стороны дѣла я рѣшительно не понималъ, особенно послѣ вчерашней сцены ея съ Ставрогинымъ. Бѣгать по городу и справляться въ знакомыхъ, злорадныхъ домахъ, гдѣ уже вѣсть, конечно, теперь разнеслась, казалось мнѣ противнымъ, да и для Лизы унизительнымъ. Но странно, что я забѣжалъ къ Дарьѣ Павловнѣ, гдѣ, впрочемъ, меня не приняли (въ Ставрогинскомъ домѣ никого не принимали со вчерашняго дня); не знаю, что̀ бы могъ я сказать ей и для чего забѣгалъ? Отъ нея направился къ ея брату. Шатовъ выслушалъ угрюмо и молча. Замѣчу, что я засталъ его еще въ небываломъ мрачномъ настроеніи; онъ былъ ужасно задумчивъ и выслушалъ меня какъ-бы черезъ силу. Онъ почти ничего не сказалъ и сталъ ходить взадъ и впередъ, изъ угла въ уголъ, по своей каморкѣ, больше обыкновеннаго топая сапогами. Когда-же я сходилъ уже съ лѣстницы, крикнулъ мнѣ вслѣдъ, чтобъ я зашелъ къ Липутину: «Тамъ все узнаете». Но къ Липутину я не зашелъ, а воротился уже далеко съ дороги опять къ Шатову и, полуратворивъ дверь, не входя, предложилъ ему лаконически и безо всякихъ объясненій: «Не сходитъ-ли онъ сегодня къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ?» На это Шатовъ выбранился и я ушелъ. Записываю, чтобы не забыть, что въ тотъ-же вечеръ онъ нарочно ходилъ на край города къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ, которую давненько не видалъ. Онъ нашелъ ее въ возможно добромъ здоровьи и расположеніи, а Лебядкина мертвецки пьянымъ, спавшимъ на диванѣ въ первой комнатѣ. Было это ровно въ девять часовъ. Такъ самъ онъ мнѣ передавалъ уже на завтра, встрѣтясь со мной впопыхахъ на улицѣ. Я уже въ десятомъ часу вечера рѣшился сходить на балъ, но уже не въ качествѣ «молодаго человѣка распорядителя» (да и бантъ мой остался у Юліи Михайловны), а изъ непреодимаго любопытства прислушаться (не разспрашивая): ка̀къ говорятъ у насъ въ городѣ обо всѣхъ этихъ событіяхъ вообще? Да и на Юлію Михайловну хотѣлось мнѣ поглядѣть, хотя-бы издали. Я очень упрекалъ себя, что такъ выбѣжалъ отъ нея давеча.

III.

Вся эта ночь съ своими почти нелѣпыми событіями и съ страшною «развязкой» на утро мерещится мнѣ до сихъ поръ какъ безобразный кошмарный сонъ и составляетъ, — для меня, по крайней мѣрѣ, — самую тяжелую часть моей хроники. Я хотя и опоздалъ на балъ, но всетаки пріѣхалъ къ его концу, — такъ быстро суждено было ему окончиться. Былъ уже одиннадцатый часъ, когда я достигъ подъѣзда дома предводительши, гдѣ та-же давешняя Бѣлая Зала, въ которой происходило чтеніе, уже была, не смотря на малый срокъ, прибрана и приготовлена служить главною тан-

цовальною залой, какъ предполагалось, для всего города. Но какъ ни былъ я худо настроенъ въ пользу бала еще давеча утромъ,—все-же я не предчувствовалъ полной истины: ни единаго семейства изъ высшаго круга не явилось; даже чиновники чуть-чуть позначительнѣе манкировали,— а ужь это была чрезвычайно сильная черта. Что до дамъ и дѣвицъ, то давешніе разсчеты Петра Степановича (теперь уже очевидно коварные) оказались въ высшей степени неправильными: съѣхалось чрезвычайно мало; на четырехъ мужчинъ врядъли приходилась одна дама, да и какія дамы! «Какія-то» жены полковыхъ оберъ-офицеровъ, разная почтамтская и чиновничья мелюзга, три лѣкарши съ дочерьми, двѣ—три помѣщицы изъ бѣдненькихъ, семь дочерей и одна племянница того секретаря, о которомъ я какъ-то упоминалъ выше, купчихи, — того-ли ожидала Юлія Михайловна? Даже купцы на половину не съѣхались. Что до мужчинъ, то не смотря на компактное отсутствіе всей нашей знати, масса ихъ всетаки была густа, но производила двусмысленное и подозрительное впечатлѣніе. Конечно, тутъ было нѣсколько весьма тихихъ и почтительныхъ офицеровъ со своими женами, нѣсколько самыхъ послушныхъ отцовъ семействъ, какъ все тотъ-же, напримѣръ, секретарь, отецъ своихъ семи дочерей. Весь этотъ смирный мелкотравчатый людъ явился, такъ сказать, «по неизбѣжности», какъ выразился одинъ изъ этихъ господъ. Но съ другой стороны, масса бойкихъ особъ, и кромѣ того, масса такихъ лицъ, которыхъ я и Петръ Степановичъ заподозрили давеча какъ впущенныхъ безъ билетовъ, казалось, еще увеличилась противъ давешняго. Всѣ они пока сидѣли въ буфетѣ и, являясь, такъ и проходили прямо въ буфетъ, какъ въ заранѣе условленное мѣсто. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось. Буфетъ помѣщался въ концѣ анфилады комнатъ, въ просторной залѣ, гдѣ водворился Прохорычъ со всѣми обольщеніями клубной кухни и съ заманчивою выставкой закусокъ и выпивокъ. Я замѣтилъ тутъ нѣсколько личностей чуть не въ прорванныхъ сюртукахъ, въ самыхъ сомнительныхъ, слишкомъ не въ бальныхъ костюмахъ, очевидно вытрезвленныхъ съ непомѣрнымъ трудомъ и на малое время, и Богъ знаетъ откуда взятыхъ, какихъ-то иногородныхъ. Мнѣ, конечно, было извѣстно, что по идеѣ Юліи Михайловны предположено было устроить балъ самый демократическій, «не отказывая даже и мѣщанамъ, если-бы случилось, что кто нибудь изъ таковыхъ внесетъ за билетъ». Эти слова она смѣло могла выговорить въ своемъ комитетѣ, въ полной увѣренности, что никому изъ мѣщанъ нашего города, сплошь нищихъ, не придетъ въ голову взять билетъ. Но всетаки я усумнился, чтобъ этихъ мрачныхъ и почти оборванныхъ сюртучниковъ можно было впустить, не смотря на весь демократизмъ комитета. Но кто-же ихъ впустилъ и съ какою цѣлью? Липутинъ и Лямшинъ были уже лишены своихъ распорядительскихъ бантовъ (хотя и присутствовали на балѣ, участвуя въ «кадрили литературы»); но мѣсто Липутина занялъ, къ удивленію моему, тотъ давешній семинаристъ, который всего болѣе оскандалилъ «Утро» схваткой со Степаномъ Трофимовичемъ, а мѣсто Лямшина — самъ Петръ Степановичъ; чего-же можно было ожидать въ такомъ случаѣ? Я старался прислушаться къ разговорамъ. Иныя мнѣнія поражали своею дикостью. Утверждали, напримѣръ, въ одной кучкѣ, что всю исторію Ставрогина съ Лизой обдѣлала Юлія Михайловна и за это взяла со Ставрогина деньги. Называли даже сумму. Утверждали, что даже и праздникъ устроила она съ этою цѣлью; потому-то де половина города и не явилась, узнавъ въ чемъ дѣло, а самъ Лембке былъ такъ фрапированъ, что «разстроился въ разсудкѣ», и она теперь его «водитъ» помѣшаннаго.— Тутъ много было и хохоту, сиплаго, дикаго и себѣ на умѣ. Всѣ страшно тоже критиковали балъ, а Юлію Михайловну ругали безо всякой церемоніи. Вообще болтовня была безпорядочная, отрывистая, хмѣльная и безпокойная, такъ что трудно было сообразиться и что нибудь вывести. Тутъ-же въ буфетѣ пріютился и просто веселый людъ, даже было нѣсколько дамъ изъ такихъ, которыхъ уже ничѣмъ не удивишь и не испугаешь, прелюбезныхъ и развеселыхъ.

большею частію все офицерскихъ женъ, съ своими мужьями. Онѣ устроились на отдѣльныхъ столикахъ компаніями и чрезвычайно весело пили чай. Буфетъ обратился въ теплое пристанище чуть не для половины съѣхавшейся публики. И, однако, черезъ нѣсколько времени вся эта масса должна была нахлынуть въ залу; страшно было и подумать.

А пока въ Бѣлой Залѣ, съ участіемъ князя образовались три жиденькія кадрильки. Барышни танцовали, а родители на нихъ радовались. Но и тутъ многія изъ этихъ почтенныхъ особъ уже начинали обдумывать какъ-бы имъ, повеселивъ своихъ дѣвицъ, убраться по своевременнѣе, а не тогда «когда начнется». Рѣшительно всѣ увѣрены были, что непремѣнно начнется. Трудно было-бы мнѣ изобразить душевное состояніе самой Юліи Михайловны. Я съ нею не заговаривалъ, хотя и подходилъ довольно близко. На мой поклонъ при входѣ она не отвѣтила, не замѣтивъ меня (дѣйствительно не замѣтивъ). Лицо ея было болѣзненное, взглядъ презрительный и высокомѣрный, но блуждающій и тревожный. Она съ видимымъ мученіемъ преодолѣвала себя, — для чего и для кого? Ей слѣдовало непремѣнно уѣхать и, главное, увезти супруга, а она оставалась! Уже по лицу ея можно было замѣтить, что глаза ея «совершенно открылись» и что ей нечего больше ждать. Она даже не подзывала къ себѣ и Петра Степановича (тотъ, кажется, и самъ ее избѣгалъ; я видѣлъ его въ буфетѣ, онъ былъ чрезмѣрно веселъ). Но она всетаки оставалась на балѣ и ни на мигъ не отпускала отъ себя Андрея Антоновича. О, она до самаго послѣдняго мгновенія съ самымъ искреннимъ негодованіемъ отвергла-бы всякій намекъ на его здоровье, даже давеча утромъ. Но теперь глаза ея и на этотъ счетъ должны были открыться. Что до меня, то мнѣ съ перваго взгляда показалось, что Андрей Антоновичъ смотритъ хуже, чѣмъ давеча утромъ. Казалось, онъ былъ въ какомъ-то забвеніи и не совсѣмъ сознавалъ, гдѣ находится. Иногда вдругъ оглядывался съ неожиданною строгостью, напримѣръ, раза два на меня. Одинъ разъ попробовалъ о чемъ-то заговорить, началъ вслухъ и громко, и не докончилъ, произведя почти испугъ въ одномъ смиренномъ старичкѣ чиновникѣ, случившемся подлѣ него. Но даже и эта смиренная половина публики, присутствовавшая въ Бѣлой Залѣ, мрачно и боязливо сторонилась отъ Юліи Михайловны, бросая въ то же время чрезвычайно странные взгляды на ея супруга; взгляды слишкомъ не гармонировавшіе, по своей пристальности и откровенности, съ напуганностью этихъ людей.

— Вотъ эта-то черта меня и пронзила, и я вдругъ начала догадываться объ Андреѣ Антоновичѣ, — признавалась потомъ мнѣ самому Юлія Михайловна.

Да, она опять была виновата! Вѣроятно давеча, когда послѣ моего бѣгства порѣшено было съ Петромъ Степановичемъ быть балу и быть на балѣ,—вѣроятно она опять ходила въ кабинетъ уже окончательно «потрясеннаго» на «чтеніи» Андрея Антоновича, опять употребила всѣ свои обольщенія и привлекла его съ собой. Но какъ мучилась, должно быть, теперь! И всетаки не уѣзжала! Гордость-ли ее мучила или просто она потерялась—не знаю. Она съ униженіемъ и съ улыбками, при всемъ своемъ высокомѣріи, пробовала заговорить съ иными дамами, но тѣ тотчасъ терялись, отдѣлывались односложными, недовѣрчивыми «да-съ» и «нѣтъ-съ» и видимо ее избѣгали.

Изъ безспорныхъ сановниковъ нашего города очутился тутъ на балѣ лишь одинъ — тотъ самый важный отставной генералъ, котораго я уже разъ описывалъ и который у предводительши послѣ дуэли Ставрогина съ Гагановымъ «отворилъ дверь общественному нетерпѣнію». Онъ важно расхаживалъ по заламъ, присматривался и прислушивался и старался показать видъ, что пріѣхалъ болѣе для наблюденія нравовъ, чѣмъ для несомнѣннаго удовольствія. Онъ кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ пристроился къ Юліи Михайловнѣ и не отходилъ отъ нея ни шагу, видимо стараясь ее ободрить и успокоить. Безъ сомнѣнія, это былъ человѣкъ добрѣйшій, очень сановитый и до того уже старый, что отъ него можно было вынести даже и сожалѣніе. Но сознаться себѣ самой, что этотъ старый болтунъ осмѣливается ее сожалѣть и почти протежиро-

вать, понимая, что дѣлаетъ ей честь своимъ присутствіемъ, было очень досадно. А генералъ не отставалъ и все болталъ безъ умолку.

— Городъ, говорятъ, не стоитъ безъ семи праведниковъ... семи, кажется, не помню по-ло-жен-наго числа. Не знаю сколько изъ этихъ семи... несомнѣнныхъ праведниковъ нашего города... имѣли честь посѣтить вашъ балъ, но не смотря на ихъ присутствіе, я начинаю чувствовать себя небезопаснымъ. Vous me pardonnerez, charmante dame, n'est-ce pas? Говорю ал-ле-го-ри-чески, но сходилъ въ буфетъ и радъ что цѣлъ вернулся... Нашъ безцѣнный Прохорычъ тамъ не на мѣстѣ и, кажется, къ утру его палатку снесутъ. Впрочемъ, смѣюсь. Я только жду, какая это будетъ «кадриль ли-те-ратуры», а тамъ въ постель. Простите стараго подагрика, я ложусь рано, да и вамъ-бы совѣтовалъ ѣхать «спатиньки», какъ говорятъ aux enfants. А я вѣдь пріѣхалъ для юныхъ красавицъ... которыхъ, конечно, нигдѣ не могу встрѣтить въ такомъ богатомъ комплектѣ кромѣ здѣшняго мѣста... Всѣ изъ-за рѣки, а я туда не ѣзжу. Жена одного офицера... кажется, егерскаго... очень даже недурна, очень и... и сама это знаетъ. Я съ плутовочкой разговаривалъ; бойка и... ну и дѣвочки тоже свѣжи; но и только; кромѣ свѣжести ничего. Впрочемъ, я съ удовольствіемъ. Есть бутончики; только губы толсты. Вообще въ русской красотѣ женскихъ лицъ мало той правильности и... и нѣсколько на блинъ сводится... Vous me pardonnerez, n'est-ce pas... при хорошихъ, впрочемъ, глазкахъ... смѣющихся глазкахъ. Эти бутончики года по два своей юности о-ча-ро-вательны, даже по три... ну а тамъ расплываются на вѣки... производя въ своихъ мужьяхъ тотъ печальный ин-де-фе-рентизмъ, который столь способствуетъ развитію женскаго вопроса... если только я правильно понимаю этотъ вопросъ... Гм! Зала хороша; комнаты убраны недурно. Могло быть хуже. Музыка могла быть гораздо хуже... не говорю—должна быть. Дурной эффектъ, что мало дамъ вообще. О нарядахъ не у-по-ми-наю. Дурно, что этотъ въ сѣрыхъ брюкахъ такъ откровенно позволяетъ себѣ кан-ка-ни-ровать. Я прощу, если онъ съ радости и такъ какъ онъ здѣшній аптекарь... но въ одиннадцатомъ часу всетаки рано и для аптекаря... Тамъ въ буфетѣ двое подрались, и не были выведены. Въ одиннадцатомъ часу еще должно выводить драчуновъ, каковы-бы ни были нравы публики... не говорю въ третьемъ часу, тутъ уже необходима уступка общественному мнѣнію, — и если только этотъ балъ доживетъ до третьяго часу. Варвара Петровна слова, однако, не сдержала и не дала цвѣтовъ. Гм! Ей не до цвѣтовъ, pauvre mère! А бѣдная Лиза, вы слышали? Говорятъ, таинственная исторія и... и опять на аренѣ Ставрогинъ... Гм! Я-бы спать поѣхалъ... совсѣмъ клюю носомъ. А когда-же эта «кадриль ли-те-ра-туры?»

Наконецъ, началась и «кадриль литературы». Въ городѣ, въ послѣднее время, чуть только начинался гдѣ нибудь разговоръ о предстоящемъ балѣ, непремѣнно сейчасъ-же сводили на эту «кадриль литературы», и такъ какъ никто не могъ представить что̀ это такое, то и возбуждала она непомѣрное любопытство. Опаснѣе ничего не могло быть для успѣха, и — каково-же было разочарованіе!

Отворились боковыя двери Бѣлой залы, до тѣхъ поръ запертыя, и вдругъ появилось нѣсколько масокъ. Публика съ жадностью ихъ обступила. Весь буфетъ до послѣдняго человѣка разомъ ввалился въ залу. Маски расположились танцовать. Мнѣ удалось протѣсниться на первый планъ, и я пристроился какъ разъ сзади Юліи Михайловны, фонъ-Лембке и генерала. Тутъ подскочилъ къ Юліи Михайловнѣ пропадавшій до сихъ поръ Петръ Степановичъ.

— Я все въ буфетѣ и наблюдаю, прошепталъ онъ съ видомъ виноватаго школьника, впрочемъ, нарочно поддѣланнымъ, чтобы еще болѣе ее раздразнить. Та вспыхнула отъ гнѣва.

— Хотя-бы теперь-то вы меня не обманывали, наглый человѣкъ! вырвалось у ней почти громко, такъ что въ публикѣ услышали. Петръ Степановичъ отскочилъ чрезвычайно довольный собой.

Трудно было-бы представить болѣе жалкую, болѣе пошлую, болѣе бездарную и прѣсную аллегорію какъ эта «кадриль ли-

тературы». Ничего нельзя было придумать менѣе подходящаго къ нашей публикѣ; а между тѣмъ придумывалъ ее, говорятъ, Кармазиновъ. Правда, устраивалъ Липутинъ, совѣтуясь съ тѣмъ самымъ хромымъ учителемъ, который былъ на вечерѣ у Виргинскаго. Но Кармазиновъ всетаки давалъ идею и даже самъ, говорятъ, хотѣлъ нарядиться и взять какую-то особую и самостоятельную роль. Кадриль состояла изъ шести паръ жалкихъ масокъ, — даже почти и не масокъ, потому что они были въ такихъ-же платьяхъ какъ и всѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ пожилой господинъ, невысокаго роста, во фракѣ, — однимъ словомъ, такъ, какъ всѣ одѣваются, — съ почтенною сѣдою бородой (подвязанною, и въ этомъ состоялъ весь костюмъ), танцуя, толокся на одномъ мѣстѣ съ солиднымъ выраженіемъ въ лицѣ, часто и мелко семеня ногами и почти не сдвигаясь съ мѣста. Онъ издавалъ какіе-то звуки умѣреннымъ, но охрипшимъ баскомъ, и вотъ эта-то охриплость голоса и должна была означать одну изъ извѣстныхъ газетъ. Напротивъ этой маски танцовали два какіе-то гиганта X и Z, и эти буквы были у нихъ пришпилены на фракахъ, но что̀ означали эти X и Z, такъ и осталось неразъясненнымъ. «Честная русская мысль» изображалась въ видѣ господина среднихъ лѣтъ, въ очкахъ, во фракѣ, въ перчаткахъ и — въ кандалахъ (въ настоящихъ кандалахъ). Подъ мышкой этой мысли былъ портфель съ какимъ-то «дѣломъ». Изъ кармана выглядывало распечатанное письмо изъ-за границы, заключавшее въ себѣ удостовѣреніе, для всѣхъ сомнѣвающихся, въ честности «честной русской мысли». Все это досказывалось распорядителями уже изустно, потому что торчавшее изъ кармана письмо нельзя-же было прочесть. Въ приподнятой правой рукѣ «честная русская мысль» держала бокалъ, какъ будто желая провозгласить тостъ. По обѣ стороны ея и съ нею рядомъ семенили двѣ стриженыя нигилистки, а vis-a-vis танцовалъ какой-то тоже пожилой господинъ, во фракѣ, но съ тяжелою дубиной въ рукѣ и будто-бы изображалъ собою не петербургское, но грозное изданіе: «Прихлопну — мокренько будетъ». Но не смотря на свою дубину, онъ никакъ не могъ снести пристально устремленныхъ на него очковъ «честной русской мысли» и старался глядѣть по сторонамъ, а когда дѣлалъ pas de deux, то изгибался, вертѣлся и не зналъ куда дѣваться — до того, вѣроятно, мучила его совѣсть... Впрочемъ, не упомню всѣхъ этихъ тупенькихъ выдумокъ; все было въ такомъ-же родѣ, такъ что, наконецъ, мнѣ стало мучительно стыдно. И вотъ именно тоже самое впечатлѣніе какъ-бы стыда отразилось и на всей публикѣ, даже на самыхъ угрюмыхъ физіономіяхъ, явившихся изъ буфета. Нѣкоторое время всѣ молчали и смотрѣли въ сердитомъ недоумѣніи. Человѣкъ въ стыдѣ обыкновенно начинаетъ сердиться и наклоненъ къ цинизму. Мало по малу загудѣла наша публика:

— Это что-жь такое? пробормоталъ въ одной кучкѣ одинъ буфетникъ.

— Глупость какая-то.

— Какая-то литература. *Голосъ* критикуютъ.

— Да мнѣ-то что̀.

Изъ другой кучки:

— Ослы!

— Нѣтъ, они не ослы, а ослы-то мы.

— Почему ты оселъ?

— Да я не оселъ.

— А коль ужь ты не оселъ, такъ я и подавно.

Изъ третьей кучки:

— Надавать-бы всѣмъ киселей, да и къ чорту!

— Растрясти весь залъ!

Изъ четвертой:

— Какъ не совѣстно Лембкамъ смотрѣть?

— Почему имъ совѣстно? Вѣдь тебѣ не совѣстно?

— Да и мнѣ совѣстно, а онъ губернаторъ.

— А ты свинья.

— Въ жизнь мою не видывала такого самаго обыкновеннаго бала, ядовито проговорила подлѣ самой Юліи Михайловны одна дама, очевидно съ желаніемъ быть услышанною. Эта дама была лѣтъ сорока, плотная и нарумяненная, въ яркомъ шелковомъ платьѣ; въ городѣ ее почти всѣ знали, но никто не принималъ. Была она

вдова статскаго совѣтника, оставившаго ей деревянный домъ и скудный пенсіонъ, но жила хорошо и держала лошадей. Юліи Михайловнѣ, мѣсяца два назадъ, сдѣлала визитъ первая, но та не приняла ея.

— Такъ точно и предвидѣть было возможно-съ, прибавила она, нагло заглядывая въ глаза Юліи Михайловнѣ.

— А если могли предвидѣть, то зачѣмъ же пожаловали? не стерпѣла Юлія Михайловна.

— Да по наивности-съ, мигомъ отрѣзала бойкая дама и вся такъ и всполохнулась (ужасно желая сцѣпиться); но генералъ сталъ между ними:

— Chère dame, наклонился онъ къ Юліи Михайловнѣ, — право-бы уѣхать. Мы ихъ только стѣсняемъ, а безъ насъ они отлично повеселятся. Вы все исполнили, открыли имъ балъ, ну и оставьте ихъ въ покоѣ... Да и Андрей Антоновичъ не совсѣмъ, кажется, чувствуетъ себя у-до-вле-тво-рительно... Чтобы не случилось бѣды?

Но уже было поздно.

Андрей Антоновичъ все время кадрили смотрѣлъ на танцующихъ съ какимъ-то гнѣвливымъ недоумѣніемъ, а когда начались отзывы въ публикѣ, началъ безпокойно озираться кругомъ. Тутъ въ первый разъ бросились ему въ глаза нѣкоторыя буфетныя личности; взглядъ его выразилъ чрезвычайное удивленіе. Вдругъ раздался громкій смѣхъ надъ одною продѣлкой въ кадрили: издатель «грознаго не петербургскаго изданія», танцовавшій съ дубиной въ рукахъ, почувствовавъ окончательно, что̀ не можетъ вынести на себѣ очковъ «честной русской мысли» и не зная куда отъ нея дѣваться, вдругъ, въ послѣдней фигурѣ пошелъ на встрѣчу очкамъ вверхъ ногами, что̀, кстати, и должно было обозначать постоянное извращеніе вверхъ ногами здраваго смысла въ «грозномъ не петербургскомъ изданіи». Такъ какъ одинъ Лямшинъ умѣлъ ходить вверхъ ногами, то онъ и взялся представлять издателя съ дубиной. Юлія Михайловна рѣшительно не знала что будутъ ходить вверхъ ногами. «Отъ меня это утаили, утаили», повторяла она мнѣ потомъ въ отчаяніи и негодованіи. Хохотъ толпы привѣтствовалъ, конечно, не аллегорію, до которой никому не было дѣла, а просто хожденіе вверхъ ногами во фракѣ съ фалдочками. Лембке вскипѣлъ и затрясся:

— Негодяй! крикнулъ онъ, указывая на Лямшина,—схватить мерзавца, обернуть... обернуть его ногами... головой... чтобъ голова вверху... вверху!

Лямшинъ вскочилъ на ноги. Хохотъ усиливался.

— Выгнать всѣхъ мерзавцевъ, которые смѣются! предписалъ вдругъ Лембке. Толпа загудѣла и загрохотала.

— Этакъ нельзя, ваше превосходительство.

— Публику нельзя ругать-съ.

— Самъ дуракъ! раздался голосъ откуда-то изъ угла.

— Флибустьеры! крикнулъ кто-то изъ другаго конца.

Лембке быстро обернулся на крикъ и весь поблѣднѣлъ. Тупая улыбка показалась на его губахъ,— какъ будто онъ что-то вдругъ понялъ и вспомнилъ.

— Господа, обратилась Юлія Михайловна къ надвигавшейся толпѣ, въ тоже время увлекая за собою мужа,— господа, извините Андрея Антоновича, Андрей Антоновичъ нездоровъ... извините... простите его, господа!

Я именно слышалъ какъ она сказала: «простите». Сцена была очень быстра. Но я рѣшительно помню, что часть публики уже въ это самое время устремилась вонъ изъ залы, какъ-бы въ испугѣ, именно послѣ этихъ словъ Юліи Михайловны. Я даже запоминаю одинъ истерическій женскій крикъ сквозь слезы:

— Ахъ, опять какъ давеча!

И вдругъ въ эту уже начавшуюся почти давку опять ударила бомба, именно «опять какъ давеча»:

— Пожаръ! Все Зарѣчье горитъ!

Не помню только, гдѣ впервые раздался этотъ ужасный крикъ: въ залахъ-ли, или, кажется, кто-то вбѣжалъ съ лѣстницы изъ передней, но вслѣдъ затѣмъ наступила такая тревога, что и разсказать не возьмусь. Больше половины собравшейся на балъ публики были изъ Зарѣчья — владѣтели тамошнихъ деревянныхъ домовъ или ихъ оби-

татели. Бросились къ окнамъ, мигомъ раздвинули гардины, сорвали шторы. Зарѣчье пылало. Правда, пожаръ только еще начался, но пылало въ трехъ совершенно разныхъ мѣстахъ,— это-то и испугало.

— Поджогъ! Шпигулинскіе! вопили въ толпѣ.

Я упомнилъ нѣсколько весьма характерныхъ восклицаній:

— Такъ и предчувствовало мое сердце, что подожгутъ, всѣ эти дни оно чувствовало!

— Шпигулинскіе, Шпигулинскіе, некому больше!

— Насъ и собрали тутъ нарочно, чтобы тамъ поджечь!

Этотъ послѣдній, самый удивительный крикъ былъ женскій, неумышленный, невольный крикъ погорѣвшей Коробочки. Все хлынуло къ выходу. Не стану описывать давки въ передней при разборѣ шубъ, платковъ и салоповъ, визга испуганныхъ женщинъ, плача барышень. Врядъ-ли было какое воровство, но не удивительно, что при такомъ безпорядкѣ нѣкоторые такъ и уѣхали безъ теплой одежды, не отыскавъ своего, о чемъ долго потомъ разсказывалось въ городѣ съ легендами и прикрасами. Лембке и Юлія Михайловна были почти сдавлены толпою въ дверяхъ.

— Всѣхъ остановить! Не выпускать ни одного! вопилъ Лембке, грозно простирая руку на встрѣчу тѣснившимся,—всѣмъ поголовно строжайшій обыскъ, немедленно!

Изъ залы посыпались крѣпкія ругательства.

— Андрей Антоновичъ! Андрей Антоновичъ! восклицала Юлія Михайловна въ совершенномъ отчаяніи.

— Арестовать первую! крикнулъ тотъ, грозно наводя на нее свой перстъ. Обыскать первую! Балъ устроенъ съ цѣлью поджога...

Она вскрикнула и упала въ обморокъ (о, ужь конечно, въ настоящій обморокъ). Я, князь и генералъ бросились на помощь; были и другіе, которые намъ помогли въ эту трудную минуту, даже изъ дамъ. Мы вынесли несчастную изъ этого ада въ карету; но она очнулась лишь подъѣзжая къ дому, и первый крикъ ея былъ опять объ Андреѣ Антоновичѣ. Съ разрушеніемъ всѣхъ ея фантазій предъ нею остался одинъ только Андрей Антоновичъ. Послали за докторомъ. Я прождалъ у нея цѣлый часъ, князь тоже; генералъ въ припадкѣ великодушія (хотя и очень перепугался самъ) хотѣлъ не отходить всю ночь отъ «постели несчастной», но черезъ десять минутъ заснулъ въ залѣ, еще въ ожиданіи доктора, въ креслахъ, гдѣ мы его такъ и оставили.

Полиціймейстеръ, поспѣшившій съ бала на пожаръ, успѣлъ вывести вслѣдъ за нами Андрея Антоновича и хотѣлъ было усадить его въ карету къ Юліи Михайловнѣ, убѣждая изо всѣхъ силъ его превосходительство «взять покой». Но не понимаю почему не настоялъ. Конечно, Андрей Антоновичъ не хотѣлъ и слышать о покоѣ и рвался на пожаръ; но это былъ не резонъ. Кончилось тѣмъ, что онъ-же и повезъ его на пожаръ въ своихъ дрожкахъ. Потомъ разсказывалъ, что Лембке всю дорогу жестикулировалъ и «такія идеи выкрикивали, что по необычайности невозможно было исполнить-съ». Впослѣдствіи такъ и доложено было, что его превосходительство въ тѣ минуты уже состояли отъ «внезапности испуга» въ бѣлой горячкѣ.

Нечего разсказывать, какъ кончился балъ. Нѣсколько десятковъ гулякъ, а съ ними даже нѣсколько дамъ осталось въ залахъ. Полиціи никакой. Музыку не отпустили и уходившихъ музыкантовъ избили. Къ утру всю «палатку Прохорыча» снесли, пили безъ памяти, плясали камаринскаго безъ цензуры, комнаты изгадили, и только на разсвѣтѣ часть этой ватаги, совсѣмъ пьяная, подоспѣла на догоравшее пожарище, на новые безпорядки... Другая-же половина такъ и заночевала въ залахъ, въ мертво-пьяномъ состояніи, со всѣми послѣдствіями, на бархатныхъ диванахъ и на полу. По утру, при первой возможности, ихъ вытащили за ноги на улицу. Тѣмъ и кончилось празднество въ пользу гувернантокъ нашей губерніи.

IV.

Пожаръ испугалъ нашу зарѣчную публику именно тѣмъ, что поджогъ былъ очевидный. Замѣчательно, что при первомъ

крикѣ «горимъ», сейчасъ-же раздался и крикъ, что «поджигаютъ Шпигулинскіе». Теперь уже слишкомъ хорошо извѣстно, что и въ самомъ дѣлѣ трое Шпигулинскихъ участвовали въ поджогѣ, но—и только; всѣ остальные съ фабрики совершенно оправданы и общимъ мнѣніемъ, и оффиціально. Кромѣ тѣхъ трехъ негодяевъ (изъ коихъ одинъ пойманъ и сознался, а двое по сю пору въ бѣгахъ)—несомнѣнно участвовалъ въ поджогѣ и Ѳедька-каторжный. Вотъ и все, что̀ покамѣстъ извѣстно въ точности о происхожденіи пожара; совсѣмъ другое дѣло догадки. Чѣмъ руководствовались эти три негодяя, были или нѣтъ кѣмъ направлены? На все это очень трудно отвѣтить, даже теперь.

Огонь, благодаря сильному вѣтру, почти сплошь деревянныхъ постройкамъ Зарѣчья и, наконецъ, поджогу съ трехъ концовъ, распространился быстро и охватилъ цѣлый участокъ съ неимовѣрною силой (впрочемъ, поджогъ надо считать скорѣе съ двухъ концовъ: третій былъ захваченъ и потушенъ почти въ ту-же минуту какъ вспыхнуло, о чемъ ниже). Но въ столичныхъ корреспонденціяхъ всетаки преувеличили нашу бѣду: сгорѣло не болѣе (а, можетъ, и менѣе) одной четвертой доли всего Зарѣчья, говоря примѣрно. Наша пожарная команда, хотя и слабая сравнительно съ пространствомъ и населеніемъ города, дѣйствовала, однако, весьма аккуратно и самоотверженно. Но не много-бы она сдѣлала, даже и при дружномъ содѣйствіи обывателей, если-бы не перемѣнившійся къ утру вѣтеръ, вдругъ упавшій предъ самымъ разсвѣтомъ. Когда я, всего часъ спустя послѣ бѣгства съ бала, пробрался въ Зарѣчье, огонь былъ уже въ полной силѣ. Цѣлая улица, параллельная рѣкѣ, пылала. Было свѣтло какъ днемъ. Не стану описывать въ подробности картину пожара: кто ея на Руси не знаетъ? Въ ближайшихъ проулкахъ отъ пылавшей улицы суета и тѣснота стояли непомѣрныя. Тутъ огня ждали навѣрно и жители вытаскивали имущество, но все еще не отходили отъ своихъ жилищъ, а въ ожиданіи сидѣли на вытащенныхъ сундукахъ и перинахъ, каждый подъ своими окнами. Часть мужскаго населенія была въ тяжкой работѣ, безжалостно рубила заборы и даже сносила цѣлыя лачуги, стоявшія ближе къ огню и подъ вѣтромъ. Плакали лишь проснувшіеся ребятишки, да выли, причитывая, женщины, уже успѣвшія вытащить свою рухлядь. Не успѣвшія пока молча и энергически вытаскивались. Искры и гальки разлетались далеко; ихъ тушили по возможности. На самомъ пожарѣ тѣснились зрители, сбѣжавшіеся со всѣхъ концовъ города. Иные помогали тушить, другіе глазѣли какъ любители. Большой огонь по ночамъ всегда производитъ впечатлѣніе раздражающее и веселящее; на этомъ основаны фейерверки; но тамъ огни располагаются по изящнымъ, правильнымъ очертаніямъ и, при полной своей безопасности, производятъ впечатлѣніе игривое и легкое, какъ послѣ бокала шампанскаго. Другое дѣло настоящій пожаръ: тутъ ужасъ и все-же какъ-бы нѣкоторое чувство личной опасности, при извѣстномъ веселящемъ впечатлѣніи ночнаго огня, производятъ въ зрителѣ (разумѣется, не въ самомъ погорѣвшемъ обывателѣ) нѣкоторое сотрясеніе мозга и какъ-бы вызовъ къ его собственнымъ разрушительнымъ инстинктамъ, которые, увы! таятся во всякой душѣ, даже въ душѣ самаго смиреннаго и семейнаго титулярнаго совѣтника... Это мрачное ощущеніе почти всегда упоительно. «Я, право, не знаю, можно-ли смотрѣть на пожаръ безъ нѣкотораго удовольствія?» Это, слово въ слово, сказалъ мнѣ Степанъ Трофимовичъ, возвратясь однажды съ одного ночнаго пожара, на который попалъ случайно и подъ первымъ впечатлѣніемъ зрѣлища. Разумѣется, тотъ-же любитель ночнаго огня бросится и самъ въ огонь спасать погорѣвшаго ребенка или старуху; но вѣдь это уже совсѣмъ другая статья.

Тѣснясь вслѣдъ за любопытною толпой, я безъ разспрашиваній добрелъ до главнѣйшаго и опаснѣйшаго пункта, гдѣ и увидѣлъ, наконецъ, Лембке, котораго отыскивалъ по порученію самой Юліи Михайловны. Положеніе его было удивительное и чрезвычайное. Онъ стоялъ на обломкахъ забора; налѣво отъ него, шагахъ въ тридцати, высился черный скелетъ уже совсѣмъ

почти догорѣвшаго двухъ-этажнаго деревяннаго дома, съ дырьями вмѣсто оконъ въ обоихъ этажахъ; съ провалившеюся крышей и съ пламенемъ все еще змѣившимся кое-гдѣ по обугленнымъ бревнамъ. Въ глубинѣ двора, шагахъ въ двадцати отъ погорѣвшаго дома, начиналъ пылать флигель, тоже двухъ-этажный, и надъ нимъ изо всѣхъ силъ старались пожарные. Направо пожарные и народъ отстаивали довольно большое деревянное строеніе, еще не загорѣвшееся, но уже нѣсколько разъ загоравшееся, и которому неминуемо суждено было сгорѣть. Лембке кричалъ и жестикулировалъ лицомъ къ флигелю и отдавалъ приказанія, которыхъ никто не исполнялъ. Я было подумалъ, что его такъ тутъ и бросили и совсѣмъ отъ него отступились. По крайней мѣрѣ, густая и чрезвычайно разнородная толпа его окружавшая, въ которой вмѣстѣ со всякимъ людомъ были и господа и даже соборный протопопъ, хотя и слушали его съ любопытствомъ и удивленіемъ, но никто изъ нихъ съ нимъ не заговаривалъ и не пробовалъ его отвести. Лембке блѣдный, съ сверкающими глазами, произносилъ самыя удивительныя вещи; къ довершенію былъ безъ шляпы и уже давно потерялъ ее.

— Все поджогъ! Это нигилизмъ! Если что̀ пылаетъ, то это нигилизмъ! услышалъ я чуть не съ ужасомъ, и хотя удивляться было уже нечему, но наглядная дѣйствительность всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто потрясающее.

— Ваше превосходительство, очутился подлѣ него квартальный,— если-бы вы соизволили испробовать домашній покой-съ... А то здѣсь даже и стоять опасно для вашего превосходительства.

Этотъ квартальный, какъ я узналъ потомъ, нарочно былъ оставленъ при Андреѣ Антоновичѣ полиціймейстеромъ, съ тѣмъ чтобы за нимъ наблюдать и изо всѣхъ силъ стараться увезти его домой, а въ случаѣ опасности такъ даже подѣйствовать силой,— порученіе, очевидно, свыше силъ исполнителя.

— Слезы погорѣвшихъ утрутъ, но городъ сожгутъ. Это все четыре мерзавца, четыре съ половиной. Арестовать мерзавца! Онъ втирается въ честь семействъ. Для зажиганія домовъ употребили гувернантокъ. Это подло, подло! Ай, что̀ онъ дѣлаетъ! крикнулъ онъ, замѣтивъ вдругъ на кровлѣ пылавшаго флигеля пожарнаго, подъ которымъ уже прогорѣла крыша и кругомъ вспыхивалъ огонь;—стащить его, стащить, онъ провалится, онъ загорится, тушите его... Что̀ онъ тамъ дѣлаетъ?

— Тушитъ, ваше превосходительство.

— Невѣроятно. Пожаръ въ умахъ, а не на крышахъ домовъ. Стащить его и бросить все! Лучше бросить, лучше бросить! Пусть само какъ нибудь! Ай, кто еще плачетъ? Старуха! Кричитъ старуха, зачѣмъ забыли старуху?

Дѣйствительно, въ нижнемъ этажѣ пылавшаго флигеля кричала забытая старуха, восьмидесятилѣтняя родственница купца, хозяина горѣвшаго дома. Но ее не забыли, а она сама воротилась въ горѣвшій домъ, пока было можно, съ безумною цѣлію вытащить изъ угловой каморки, еще уцѣлѣвшей, свою перину. Задыхаясь въ дыму и крича отъ жару, потому что загорѣлась и каморка, она, всетаки, изо всѣхъ силъ старалась просунуть сквозь выбитое въ рамѣ стекло дряхлыми руками свою перину. Лембке бросился къ ней на помощь. Всѣ видѣли какъ онъ подбѣжалъ къ окну, ухватился за уголъ перины и изо всѣхъ силъ сталъ дергать ее изъ окна. Какъ на грѣхъ съ крыши слетѣла въ этотъ самый моментъ выломанная доска и ударила въ несчастнаго. Она не убила его, задѣвъ лишь на лету концомъ по шеѣ, но поприще Андрея Антоновича кончилось, по крайней мѣрѣ, у насъ; ударъ сбилъ его съ ногъ, и онъ упалъ безъ памяти.

Наступилъ, наконецъ, угрюмый, мрачный разсвѣтъ. Пожаръ уменьшился; послѣ вѣтра наступила вдругъ тишина, а потомъ пошелъ мелкій медленный дождь, какъ сквозь сито. Я уже былъ въ другой части Зарѣчья, далеко отъ того мѣста, гдѣ упалъ Лембке, и тутъ въ толпѣ услышалъ очень странные разговоры. Обнаружился одинъ странный фактъ: совсѣмъ на краю квартала, на пустырѣ, за огородами, не менѣе какъ въ пятидесяти шагахъ отъ другихъ строеній, стоялъ одинъ только что отстроен-

ный небольшой деревянный домъ и этотъ-то уединенный домъ загорѣлся чуть не прежде всѣхъ, при самомъ началѣ пожара. Если-бъ и сгорѣлъ, то за разстояніемъ не могъ-бы передать огня ни одному изъ городскихъ строеній, и обратно,— если-бы сгорѣло все Зарѣчье, то одинъ этотъ домъ могъ-бы уцѣлѣть, даже при какомъ-бы то ни было вѣтрѣ. Выходило, что онъ запылалъ отдѣльно и самостоятельно и, стало быть, не спроста. Но главное состояло въ томъ, что сгорѣть онъ не успѣлъ, и внутри его, къ разсвѣту, обнаружены были удивительныя дѣла. Хозяинъ этого новаго дома, мѣщанинъ, жившій въ ближайшей слободкѣ, только что увидѣлъ пожаръ въ своемъ новомъ домѣ, бросился къ нему и успѣлъ его отстоять, раскидавъ съ помощью сосѣдей зажженныя дрова, сложенныя у боковой стѣны. Но въ домѣ жили жильцы — извѣстный въ городѣ капитанъ съ сестрицей и при нихъ пожилая работница, и вотъ эти-то жильцы, капитанъ, сестра его и работница, всѣ трое были въ эту ночь зарѣзаны и очевидно ограблены. (Вотъ сюда-то и отлучался полиціймейстеръ съ пожара, когда Лембке спасалъ перину). Къ утру извѣстіе распространилось, и огромная масса всякаго люда и даже погорѣвшіе изъ Зарѣчья хлынули на пустырь къ новому дому. Трудно было и пройдти, до того столпились. Мнѣ тотчасъ разсказали, что капитана нашли съ перерѣзаннымъ горломъ, на лавкѣ, одѣтаго, и что зарѣзали его вѣроятно мертвецки пьянаго, такъ что онъ и не услышалъ, а крови изъ него вышло «какъ изъ быка»; что сестра его Марья Тимоѳеевна вся «истыкана» ножомъ, а лежала на полу въ дверяхъ, такъ что вѣрно билась и боролась съ убійцей уже наяву. У служанки, тоже вѣрно проснувшейся, пробита была совсѣмъ голова. По разсказамъ хозяина, капитанъ еще наканунѣ утромъ заходилъ къ нему нетрезвый, похвалялся и показывалъ много денегъ, рублей до двухсотъ. Старый, истрепанный зеленый капитанскій бумажникъ найденъ на полу пустой; но сундукъ Марьи Тимоѳеевны не тронутъ, и риза серебряная на образѣ тоже не тронута; изъ капитанскаго платья тоже все оказалось цѣло. Видно было, что воръ торопился и человѣкъ былъ капитанскія дѣла знавшій, приходилъ за одними деньгами и зналъ, гдѣ онѣ лежатъ. Если-бы не прибѣжалъ въ ту-же минуту хозяинъ, то дрова, разгорѣвшись, навѣрно-бы сожгли домъ, «а по обгорѣвшимъ трупамъ трудно было-бы правду узнать».

Такъ передавалось дѣло. Прибавлялось и еще свѣдѣніе: что квартиру эту снялъ для капитана и сестры его самъ господинъ Ставрогинъ, Николай Всеволодовичъ, сынокъ генеральши Ставрогиной, самъ и нанимать приходилъ, очень уговаривалъ, потому что хозяинъ отдавать не хотѣлъ и домъ назначалъ для кабака, но Николай Всеволодовичъ за цѣной не постояли и за полгода впередъ выдали.

— Горѣли не спроста, слышалось въ толпѣ.

Но большинство молчало. Лица были мрачны, но раздраженія большаго, видимаго, я не замѣтилъ. Кругомъ, однако-же, продолжались исторіи о Николаѣ Всеволодовичѣ и о томъ, что убитая — его жена, что вчера онъ изъ перваго здѣшняго дома, у генеральши Дроздовой, сманилъ къ себѣ дѣвицу, дочь, «не честнымъ порядкомъ» и что жаловаться на него будутъ въ Петербургъ, а что жена зарѣзана, то это видно для того, чтобъ на Дроздовой ему жениться. Скворешники были не болѣе какъ въ двухъ съ половиною верстахъ и, помню, мнѣ подумалось: не дать-ли туда знать? Впрочемъ, я не замѣтилъ, чтобъ особенно кто нибудь поджигалъ толпу, не хочу грѣшить, хотя и мелькнули предо мной двѣ—три рожи изъ «буфетныхъ», очутившіяся къ утру на пожарѣ и которыхъ я тотчасъ узналъ. Но особенно припоминаю одного худощаваго, высокаго парня изъ мѣщанъ, испитаго, курчаваго, точно сажей вымазаннаго, слесаря, какъ узналъ я послѣ. Онъ былъ не пьянъ, но въ противоположность мрачно стоявшей толпѣ, былъ какъ-бы внѣ себя. Онъ все обращался къ народу, хотя и не помню словъ его. Все что̀ онъ говорилъ связнаго было не длиннѣе какъ: «Братцы, что̀-жь это? Да неужто такъ и будетъ?» и при этомъ размахивалъ руками.

—

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Законченный романъ.

I.

Изъ большой залы въ Скворешникахъ (той самой, въ которой состоялось послѣднее свиданіе Варвары Петровны и Степана Трофимовича) пожаръ былъ какъ на ладони. На разсвѣтѣ, часу въ шестомъ утра, у крайняго окна справа, стояла Лиза и пристально глядѣла на потухавшее зарево. Она была одна въ комнатѣ. Платье было на ней вчерашнее, праздничное, въ которомъ она явилась на чтеніи—свѣтло-зеленое, пышное, все въ кружевахъ, но уже измятое, надѣтое наскоро и небрежно. Замѣтивъ вдругъ неплотно застегнутую грудь, она покраснѣла, торопливо оправила платье, схватила съ креселъ еще вчера брошенный ею при входѣ красный платокъ и накинула на шею. Пышные волосы въ разбившихся локонахъ выбились изъ-подъ платка на правое плечо. Лицо ея было усталое, озабоченное, но глаза горѣли изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Она вновь подошла къ окну и прислонилась горячимъ лбомъ къ холодному стеклу. Отворилась дверь и вошелъ Николай Всеволодовичъ.

— Я отправилъ нарочнаго верхомъ, сказалъ онъ,—черезъ десять минутъ все узнаемъ, а пока люди говорятъ, что сгорѣла часть Зарѣчья, ближе къ набережной, по правую сторону моста. Загорѣлось еще въ двѣнадцатомъ часу; теперь утихаетъ.

Онъ не подошелъ къ окну, а остановился сзади нея въ трехъ шагахъ; но она къ нему не повернулась.

— По календарю еще часъ тому должно свѣтать, а почти какъ ночь, проговорила она съ досадой.

— Всѣ врутъ календари, замѣтилъ было онъ съ любезною усмѣшкой, но, устыдившись, поспѣшилъ прибавить: — По календарю жить скучно, Лиза.

И замолчалъ окончательно, досадуя на новую сказанную пошлость; Лиза криво улыбнулась.

— Вы въ такомъ грустномъ настроеніи, что даже словъ со мной не находите. Но успокойтесь, вы сказали кстати: я всегда живу по календарю, каждый мой шагъ разсчитанъ по календарю. Вы удивляетесь?

Она быстро повернулась отъ окна и сѣла въ кресла.

— Садитесь и вы пожалуйста. Намъ не долго быть вмѣстѣ, и я хочу говорить все что̀ мнѣ угодно... Почему-бы и вамъ не говорить все что̀ вамъ угодно?

Николай Всеволодовичъ сѣлъ рядомъ съ нею и тихо, почти боязливо взялъ ее за руку.

— Что̀ значитъ этотъ языкъ, Лиза? Откуда онъ вдругъ? Что̀ значитъ «намъ не много быть вмѣстѣ?» Вотъ уже вторая фраза загадочная въ полчаса какъ ты проснулась.

— Вы принимаетесь считать мои загадочныя фразы? засмѣялась она.— А помните, я вчера, входя, мертвецомъ отрекомендовалась? Вотъ это вы нашли нужнымъ забыть. Забыть или не примѣтить.

— Не помню, Лиза. Зачѣмъ мертвецомъ? Надо жить...

— И замолчали? У васъ совсѣмъ пропало краснорѣчіе. Я прожила мой часъ на свѣтѣ и довольно. Помните вы Христофора Ивановича?

— Нѣтъ, не помню, нахмурился онъ.

— Христофора Ивановича, въ Лозаннѣ? Онъ вамъ ужасно надоѣлъ. Онъ отворялъ дверь и всегда говорилъ: «Я на минутку», а просидитъ весь день. Я не хочу походить на Христофора Ивановича и сидѣть весь день.

Болѣзненное впечатлѣніе отразилось въ лицѣ его.

— Лиза, мнѣ больно за этотъ надломанный языкъ. Эта гримаса вамъ дорого стоитъ самой. Къ чему она? Для чего?

Глаза его загорѣлись:

— Лиза, воскликнулъ онъ,—клянусь, я теперь больше люблю тебя чѣмъ вчера, когда ты вошла ко мнѣ!

— Какое странное признаніе! Зачѣмъ тутъ вчера и сегодня и обѣ мѣрки?

— Ты не оставишь меня, продолжалъ онъ почти съ отчаяніемъ,—мы уѣдемъ вмѣстѣ, сегодня-же, такъ-ли? Такъ-ли?

— Ай, не жмите руку такъ больно! Ку-

да намъ ѣхать вмѣстѣ сегодня-же? Куда нибудь опять «воскресать»? Нѣтъ, ужь довольно пробъ... да и медленно для меня; да и не способна я; слишкомъ для меня высоко. Если ѣхать, то въ Москву, и тамъ дѣлать визиты и самимъ принимать — вотъ мой идеалъ, вы знаете; я отъ васъ не скрыла, еще въ Швейцаріи, какова я собою. Такъ какъ намъ невозможно ѣхать въ Москву и дѣлать визиты, потому что вы женаты, такъ и нечего о томъ говорить.

— Лиза! Что-же такое было вчера?

— Было то, что было.

— Это невозможно! Это жестоко!

— Такъ что-жь, что жестоко, и снесите коли жестоко.

— Вы мстите мнѣ за вчерашнюю фантазію... пробормоталъ онъ, злобно усмѣхнувшись. Лиза вспыхнула.

— Какая низкая мысль!

— Такъ зачѣмъ-же вы дарили мнѣ... «столько счастья»? Имѣю я право узнать?

— Нѣтъ, ужь обойдитесь какъ нибудь безъ правъ; не завершайте низость вашего предположенія глупостью. Вамъ сегодня не удается. Кстати, ужь не боитесь-ли вы и свѣтскаго мнѣнія, и что васъ за это «столько счастья» осудятъ? О, коли такъ, ради Бога не тревожьте себя. Вы ни въ чемъ тутъ не причина и никому не въ отвѣтѣ. Когда я отворяла вчера вашу дверь, вы даже не знали кто это входитъ. Тутъ именно одна моя фантазія, какъ вы сейчасъ выразились, и болѣе ничего. Вы можете всѣмъ смѣло и побѣдоносно смотрѣть въ глаза!

— Твои слова, этотъ смѣхъ, вотъ уже часъ, насылаютъ на меня холодъ ужаса. Это «счастье», о которомъ ты такъ неистово говоришь, стоитъ мнѣ... всего. Развѣ я могу теперь потерять тебя? Клянусь, я любилъ тебя вчера меньше. Зачѣмъ-же ты у меня все отнимаешь сегодня? Знаешь-ли ты, чего она стоила мнѣ, эта новая надежда? Я жизнью за нее заплатилъ.

— Своею или чужой?

Онъ быстро приподнялся.

— Что это значитъ? проговорилъ онъ, неподвижно смотря на нее.

— Своею или моею жизнью заплатили, вотъ что я хотѣла спросить. Или вы всѣмъ теперь понимать перестали? вспыхнула Лиза. — Чего вы такъ вдругъ вскочили? Зачѣмъ на меня глядите съ такимъ видомъ? Вы меня пугаете. Чего вы все боитесь? Я ужь давно замѣтила, что вы боитесь, именно теперь, именно сейчасъ... Господи, какъ вы блѣднѣете!

— Если ты что нибудь знаешь, Лиза, то клянусь, *я* не знаю... и вовсе не *о томъ* сейчасъ говорилъ, говоря что жизнью заплатилъ...

— Я васъ совсѣмъ не понимаю, проговорила она, боязливо запинаясь.

Наконецъ, медленная, задумчивая усмѣшка показалась на его губахъ. Онъ тихо сѣлъ, положилъ локти на колѣни и закрылъ руками лицо.

— Дурной сонъ и бредъ... Мы говорили о двухъ разныхъ вещахъ.

— Я совсѣмъ не знаю, о чемъ вы говорили... Неужели вчера вы не знали, что я сегодня отъ васъ уйду, знали иль нѣтъ? Не лгите, знали или нѣтъ?

— Зналъ... тихо вымолвилъ онъ.

— Ну, такъ чего-же вамъ: знали и оставили «мгновеніе» за собой. Какіе-же тутъ счеты?

— Скажи мнѣ всю правду, вскричалъ онъ съ глубокимъ страданіемъ:—когда вчера ты отворила мою дверь, знала ты сама, что отворяешь ее на одинъ только часъ?

Она ненавистно на него поглядѣла:

— Правда, что самый серіозный человѣкъ можетъ задавать самые удивительные вопросы. И чего вы такъ безпокоитесь? Неужто изъ самолюбія, что васъ женщина первая бросила, а не вы ее? Знаете, Николай Всеволодовичъ, я, пока у васъ, убѣдилась, между прочимъ, что вы ужасно ко мнѣ великодушны, а я вотъ этого-то и не могу у васъ выносить.

Онъ всталъ съ мѣста и прошелъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Хорошо, пусть такъ должно кончиться... Но какъ могло это все случиться?

— Вотъ забота! И главное, что вы это сами знаете, какъ по пальцамъ, и понимаете лучше всѣхъ на свѣтѣ и сами разсчитывали. Я барышня, мое сердце въ оперѣ воспитывалось, вотъ съ чего и началось, вся разгадка.

— Нѣтъ.

— Тутъ нѣтъ ничего, что̀ можетъ растерзать ваше самолюбіе, и все совершенная правда. Началось съ красиваго мгновенія, котораго я не вынесла. Третьяго дня, когда я васъ всенародно «обидѣла», а вы мнѣ отвѣтили такимъ рыцаремъ, я пріѣхала домой и тотчасъ догадалась, что вы потому отъ меня бѣгали, что женаты, а вовсе не изъ презрѣнія ко мнѣ, чего я въ качествѣ свѣтской барышни всего болѣе опасалась. Я поняла, что меня-же вы, безразсудную, берегли, убѣгая. Видите, какъ я цѣню ваше великодушіе. Тутъ подскочилъ Петръ Степановичъ и тотчасъ-же мнѣ все объяснилъ. Онъ мнѣ открылъ, что васъ колеблетъ великая мысль, предъ которою мы оба съ нимъ совершенно ничто, но что я всетаки у васъ поперегъ дороги. Онъ и себя тутъ причелъ; онъ непремѣнно хотѣлъ втроемъ и говорилъ префантастическія вещи, про ладью и про кленовыя весла изъ какой-то русской пѣсни. Я его похвалила, сказала ему, что онъ поэтъ, и онъ принялъ за самую неразмѣнную монету. А такъ какъ я и безъ того давно знала, что меня всего на одинъ мигъ только хватитъ, то взяла и рѣшилась. Ну, вотъ и все, и довольно, и пожалуйста больше безъ объясненій. Пожалуй еще поссоримся. Никого не бойтесь, я все на себя беру. Я дурная, капризная, я оперною ладьей соблазнилась, я барышня... А, знаете, я всетаки думала, что вы ужасно какъ меня любите. Не презирайте дуру и не смѣйтесь за эту слезинку, что̀ сейчасъ упала. Я ужасно люблю плакать «себя жалѣючи». Ну, довольно, довольно. Я ни на что̀ неспособна и вы ни на что̀ неспособны; два щелчка съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ и утѣшимся. По крайней мѣрѣ, самолюбіе не страдаетъ.

— Сонъ и бредъ! вскричалъ Николай Всеволодовичъ, ломая руки и шагая по комнатѣ: — Лиза, бѣдная, что̀ ты сдѣлала надъ собою?

— Обожглась на свѣчкѣ и больше ничего. Ужь не плачете-ли и вы? Будьте приличнѣе, будьте безчувственнѣе...

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты пришла ко мнѣ?

— Но вы не понимаете, наконецъ, въ какое комическое положеніе ставите сами себя предъ свѣтскимъ мнѣніемъ такими вопросами?

— Зачѣмъ ты себя погубила, такъ уродливо и такъ глупо, и что̀ теперь дѣлать?

— И это Ставрогинъ, «кровопійца Ставрогинъ», какъ называетъ васъ здѣсь одна дама, которая въ васъ влюблена! Слушайте, я вѣдь вамъ уже сказала: я разочла мою жизнь на одинъ только часъ и спокойна. Разочтите и вы такъ свою... впрочемъ, вамъ не для чего; у васъ такъ еще много будетъ разныхъ «часовъ» и «мгновеній».

— Столько-же, сколько у тебя; даю тебѣ великое слово мое, ни часу болѣе какъ у тебя!

Онъ все ходилъ и не видалъ ея быстраго, пронзительнаго взгляда, вдругъ какъ-бы озарившагося надеждой. Но лучъ свѣта погасъ въ ту-же минуту.

— Если-бы ты знала цѣну моей теперешней *невозможной* искренности, Лиза, если-бъ я только могъ открыть тебѣ...

— Открыть? Вы хотите мнѣ что̀-то открыть? Сохрани меня Боже отъ вашихъ открытій! прервала она почти съ испугомъ.

Онъ остановился и ждалъ съ безпокойствомъ.

— Я вамъ должна признаться, у меня тогда, еще съ самой Швейцаріи, укрѣпилась мысль, что у васъ что-то есть на душѣ ужасное, грязное и кровавое, и... и въ тоже время такое, что̀ ставитъ васъ въ ужасно смѣшномъ видѣ. Берегитесь мнѣ открывать, если правда: я васъ засмѣю. Я буду хохотать надъ вами всю вашу жизнь... Ай, вы опять блѣднѣете? Не буду, не буду, я сейчасъ уйду, вскочила она со стула съ брезгливымъ и презрительнымъ движеніемъ.

— Мучь меня, казни меня, срывай на мнѣ злобу, вскричалъ онъ въ отчаяніи.— Ты имѣешь полное право! Я зналъ, что я не люблю тебя, и погубилъ тебя. Да, «я оставилъ мгновеніе за собой»; я имѣлъ надежду... давно уже... послѣднюю... Я не могъ устоять противъ свѣта, озарившаго мое сердце, когда ты вчера вошла ко мнѣ, сама, одна, первая. Я вдругъ повѣрилъ... Я, можетъ быть, вѣрую еще и теперь.

— За такую благородную откровенность

отплачу вамъ тѣмъ-же: не хочу я быть вашею сердобольною сестрой. Пусть я, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ въ сидѣлки пойду, если не съумѣю умереть кстати сегодня-же; но хоть пойду, да не къ вамъ, хотя и вы, конечно, всякаго безногаго и безрукаго стòите. Мнѣ всегда казалось, что вы заведете меня въ какое нибудь мѣсто, гдѣ живетъ огромный злой паукъ въ человѣческій ростъ, и мы тамъ всю жизнь будемъ на него глядѣть и его бояться. Въ томъ и пройдетъ наша взаимная любовь. Обратитесь къ Дашенькѣ; та съ вами поѣдетъ куда хотите.

— А вы ее и тутъ не могли не вспомнить?

— Бѣдная собачка! Кланяйтесь ей. Знаетъ она, что вы еще въ Швейцаріи ее себѣ подъ старость опредѣлили? Какая заботливость! Какая предусмотрительность! Ай, кто это?

Въ глубинѣ залы чуть-чуть отворилась дверь; чья-то голова просунулась и торопливо спряталась.

— Это ты, Алексѣй Егорычъ? спросилъ Ставрогинъ.

— Нѣтъ, это всего только я, высунулся опять до половины Петръ Степановичъ.— Здравствуйте, Лизавета Николаевна; во всякомъ случаѣ съ добрымъ утромъ. Такъ и зналъ, что найду васъ обоихъ въ этой залѣ. Я совершенно на одно мгновеніе, Николай Всеволодовичъ, — во чтò-бы то ни стало спѣшилъ на пару словъ... необходимѣйшихъ... всего только парочку!

Ставрогинъ пошелъ, но съ трехъ шаговъ воротился къ Лизѣ.

— Если сейчасъ что нибудь услышишь, Лиза, то знай: я виновенъ!

Она вздрогнула и пугливо посмотрѣла на него; но онъ поспѣшно вышелъ.

II.

Комната, изъ которой выглянулъ Петръ Степановичъ, была большая овальная прихожая. Тутъ до него сидѣлъ Алексѣй Егорычъ, но онъ его выслалъ. Николай Всеволодовичъ притворилъ за собою дверь въ залу и остановился въ ожиданіи. Петръ Степановичъ быстро и пытливо оглядѣлъ его.

— Ну?

— То есть если вы уже знаете, заторопился Петръ Степановичъ, казалось, желая вскочить глазами въ душу,—то, разумѣется, никто изъ насъ ни въ чемъ не виноватъ, и прежде всѣхъ вы, потому что это такое стеченіе... совпаденіе случаевъ... однимъ словомъ, юридически до васъ не можетъ коснуться, и я летѣлъ предувѣдомить.

— Сгорѣли? Зарѣзаны?

— Зарѣзаны, но не сгорѣли, это-то и скверно, но я вамъ даю честное слово, что я и тутъ невиновенъ, какъ-бы вы ни подозрѣвали меня,—потому что, можетъ быть, подозрѣваете, а? Хотите всю правду: видите, у меня дѣйствительно мелькала мысль,— сами-же вы ее мнѣ подсказали, не серіозно, а дразня меня (потому что не сталиже-бы вы серіозно подсказывать),—но я не рѣшался, и не рѣшился-бы ни за чтò, ни за сто рублей,—да тутъ и выгодъ-то никакихъ, то есть для меня, для меня... (Онъ ужасно спѣшилъ и говорилъ какъ трещетка). Но вотъ какое совпаденіе обстоятельствъ: я изъ своихъ (слышите, изъ своихъ, вашихъ не было ни рубля, и, главное, вы это сами знаете) далъ этому пьяному дурачинѣ Лебядкину двѣсти тридцать рублей, третьяго дня, еще съ вечера,—слышите, третьяго дня, а не вчера послѣ чтенія, замѣтьте это: это весьма важное совпаденіе, потому что я вѣдь ничего не зналъ тогда навѣрно, поѣдетъ или нѣтъ къ вамъ Лизавета Николаевна; далъ-же собственныя деньги единственно потому, что вы третьяго дня отличились, вздумали всѣмъ объявить вашу тайну. Ну тамъ я не вхожу... ваше дѣло... рыцарь... но, признаюсь, удивился, какъ дубиной по лбу. Но такъ какъ мнѣ эти трагедіи наскучили вельми,— и замѣтьте, я говорю серіозно, хоть и употребляю славянскія выраженія,—такъ какъ все это вредитъ, наконецъ, моимъ планамъ, то я и далъ себѣ слово спровадить Лебядкиныхъ во чтò-бы ни стало и безъ вашего вѣдома въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ туда порывался. Одна ошибка: далъ деньги отъ вашего имени; ошибка иль

нѣтъ? Можетъ, и не ошибка, а? Слушайте-же теперь, слушайте, какъ это все обернулось... Въ горячкѣ рѣчи онъ приблизился къ Ставрогину вплоть и сталъ было хватать его за лацканъ сюртука (ей Богу, можетъ быть, нарочно). Ставрогинъ сильнымъ движеніемъ ударилъ его по рукѣ.

— Ну чего-жь вы... полноте... этакъ руку сломаете... Тутъ главное въ томъ, какъ это обернулось,—затрещалъ онъ вновь, ни мало даже не удивившись удару.—Я съ вечера выдаю деньги, съ тѣмъ, чтобъ онъ и сестрица завтра чѣмъ свѣтъ отправлялись; поручаю это дѣльце подлецу Липутину, чтобы самъ посадилъ и отправилъ. Но мерзавцу Липутину понадобилось сошкольничать съ публикой — можетъ быть, слышали? На чтеніи? Слушайте-же, слушайте: оба пьютъ, сочиняютъ стихи, изъ которыхъ половина Липутинскихъ; тотъ его одѣваетъ во фракъ, меня между тѣмъ увѣряетъ, что уже отправилъ съ утра, а его бережетъ гдѣ-то въ задней каморкѣ, чтобы выпихнуть на эстраду. Но тотъ быстро и неожиданно напивается. Затѣмъ извѣстный скандалъ, затѣмъ его доставляютъ домой полумертваго, а Липутинъ у него вынимаетъ тихонько двѣсти рублей, оставляя мелочь. Но къ несчастію оказывается, что тотъ уже утромъ эти двѣсти рублей тоже изъ кармана вынималъ, хвастался и показывалъ гдѣ не слѣдуетъ. А такъ какъ Ѳедька того и ждалъ, а у Кирилова кое-что слышалъ (помните, вашъ намекъ?), то и рѣшился воспользоваться. Вотъ и вся правда. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что Ѳедька денегъ не нашелъ, а вѣдь на тысячу подлецъ разсчитывалъ! Торопился и пожара, кажется, самъ испугался... Вѣрите, мнѣ этотъ пожаръ какъ полѣномъ по головѣ. Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое? Это такое самовластіе... Вотъ видите, я предъ вами, столькаго отъ васъ ожидая, ничего не потаю: ну да, у меня уже давно эта идейка объ огнѣ созрѣвала, такъ какъ она столь народна и популярна; но вѣдь я берегъ ее на критическій часъ, на то драгоцѣнное мгновеніе, когда мы всѣ встанемъ и... А они вдругъ вздумали своевластно и безъ приказу теперь, въ такое мгновеніе, когда именно надо-бы притаиться, да въ кулакъ дышать! Нѣтъ, это такое самовластіе!.. Однимъ словомъ, я еще ничего не знаю, тутъ говорятъ про двухъ Шпигулинскихъ... но если тутъ есть и *наши*, если хоть одинъ изъ нихъ тутъ погрѣлъ свои руки — горе тому! Вотъ видите, что̀ значитъ хоть капельку распустить! Нѣтъ, эта демократическая сволочь съ своими пятерками — плохая опора; тутъ нужна одна великолѣпная, кумирная, деспотическая воля, опирающаяся на нѣчто не случайное и внѣ стоящее... Тогда и пятерки подожмутъ хвосты повиновенія и съ подобострастіемъ пригодятся при случаѣ. Но во всякомъ случаѣ хоть тамъ теперь и кричатъ во всѣ трубы, что Ставрогину надо было жену сжечь, для того и городъ сгорѣлъ, но...

— А ужь кричатъ во всѣ трубы?

— То есть еще вовсе нѣтъ и, признаюсь, я ровно ничего не слыхалъ, но вѣдь съ народомъ что̀ подѣлаешь, особенно съ погорѣлыми: Vox populi, vox Dei. Долго-ли глупѣйшій слухъ по вѣтру пустить?.. Но вѣдь въ сущности вамъ ровно нечего опасаться. Юридически вы совершенно правы, по совѣсти тоже, — вѣдь вы не хотѣли-же? Не хотѣли? Уликъ никакихъ, одно совпаденіе... Развѣ вотъ Ѳедька припомнитъ ваши тогдашнія неосторожныя слова у Кирилова (и зачѣмъ вы ихъ тогда сказали?), но вѣдь это вовсе ничего не доказываетъ, а Ѳедьку мы сократимъ. Я сегодня-же его сокращаю...

— А трупы совсѣмъ не сгорѣли?

— Ни мало; эта каналья ничего не съумѣла устроить какъ слѣдуетъ. Но я радъ, по крайней мѣрѣ, что вы такъ спокойны... потому что хоть вы и ничѣмъ тутъ не виноваты, ни даже мыслью, но вѣдь всетаки. И притомъ согласитесь, что все это отлично обертываетъ ваши дѣла: вы вдругъ свободный вдовецъ и можете сію минуту жениться на прекрасной дѣвицѣ съ огромными деньгами, которая вдобавокъ уже въ вашихъ рукахъ. Вотъ что̀ можетъ сдѣлать простое, грубое совпаденіе обстоятельствъ — а?

— Вы угрожаете мнѣ, глупая голова?

— Ну полноте, полноте, ужь сейчасъ и глупая голова, и что̀ за тонъ? Чѣмъ-бы радоваться, а вы... Я нарочно летѣлъ, чтобы

скорѣй предувѣдомить... Да и чѣмъ мнѣ вамъ угрожать? Очень мнѣ васъ надо изъза угрозъ-то! Мнѣ надо вашу добрую волю, а не изъ страху. Вы свѣтъ и солнце... Это я васъ изо всей силы боюсь, а не вы меня! Я вѣдь не Маврикій Николаевичъ... И представьте, я лечу сюда на бѣговыхъ дрожкахъ, а Маврикій Николаевичъ здѣсь у садовой вашей рѣшетки, на заднемъ углу сада... въ шинели, весь промокъ, должно быть всю ночь сидѣлъ! Чудеса! До чего могутъ люди съума сходить!

— Маврикій Николаевичъ? Правда?

— Правда, правда. Сидитъ у садовой рѣшетки. Отсюда, — отсюда въ шагахъ трехстахъ, я думаю. Я поскорѣе мимо него, но онъ меня видѣлъ. Вы не знали? Въ такомъ случаѣ очень радъ, что не забылъ передать. Вотъ этакой-то всего опаснѣе на случай если съ нимъ револьверъ, и, наконецъ, ночь, слякоть, естественная раздражительность,—потому что вѣдь каковы-же его обстоятельства-то, ха-ха! Какъ вы думаете, зачѣмъ онъ сидитъ?

— Лизавету Николаевну, разумѣется, ждетъ.

— Во-отъ! Да съ чего она къ нему выйдетъ? И... въ такой дождь... вотъ дуракъ-то!

— Она сейчасъ къ нему выйдетъ.

— Эге! Вотъ извѣстіе! Стало быть... Но послушайте, вѣдь теперь совершенно измѣнились ея дѣла: къ чему теперь ей Маврикій? Вѣдь вы свободный вдовецъ и можете завтра-же на ней жениться? Она еще не знаетъ, — предоставьте мнѣ, и я вамъ тотчасъ-же все обдѣлаю. Гдѣ она, надо и ее обрадовать.

— Обрадовать?

— Еще-бы, идемъ.

— А вы думаете, она про эти трупы не догадается? какъ-то особенно прищурился Ставрогинъ.

— Конечно, не догадается, рѣшительнымъ дурачкомъ подхватилъ Петръ Степановичъ, — потому что вѣдь юридически... Эхъ вы! Да хоть-бы и догадалась! У женщинъ все это такъ отлично стушевывается, вы еще не знаете женщинъ! Кромѣ того, что ей теперь вся выгода за васъ выйдти, потому что вѣдь всетаки она себя оскандалила, кромѣ того я ей про «ладью» наговорилъ: и именно увидѣлъ, что «ладьей»-то на нее и подѣйствуешь, стало быть, вотъ какого она калибра дѣвица. Не безпокойтесь, она такъ черезъ эти трупики перешагнетъ, что лю-ли, — тѣмъ болѣе, что вы совершенно, совершенно невинны, не правда-ли? Она только прибережетъ эти трупики, чтобы васъ потомъ уколоть, этакъ на второй годикъ супружества. Всякая женщина, идя къ вѣнцу, въ этомъ родѣ чѣмъ нибудь запасается изъ мужнина стараго, но вѣдь тогда... что̀ черезъ годъ-то будетъ? Ха-ха-ха!

— Если вы на бѣговыхъ дрожкахъ, то довезите ее сейчасъ до Маврикія Николаевича. Она сейчасъ сказала, что терпѣть меня не можетъ и отъ меня уйдетъ, и, конечно, не возьметъ отъ меня экипажа.

— Во-отъ! Да неужто вправду уѣзжаетъ? Отчего-бы это могло произойдти? глуповато посмотрѣлъ Петръ Степановичъ.

— Догадалась какъ нибудь, въ эту ночь, что я вовсе ее не люблю... о чемъ, конечно, всегда знала.

— Да развѣ вы ее не любите? подхватилъ Петръ Степановичъ съ видомъ безпредѣльнаго удивленія.—А коли такъ, зачѣмъ-же вы ее вчера, какъ вошла, у себя оставили и какъ благородный человѣкъ не увѣдомили прямо, что не любите? Это ужасно подло съ вашей стороны; да и въ какомъ-же подломъ видѣ вы меня предъ нею поставили?

Ставрогинъ вдругъ разсмѣялся.

— Я на обезьяну мою смѣюсь, пояснилъ онъ тотчасъ-же.

— А! догадались, что я распаясничался, ужасно весело разсмѣялся и Петръ Степановичъ; — я чтобы васъ разсмѣшить! Представьте, я вѣдь тотчасъ-же, какъ вы вышли ко мнѣ, по лицу догадался, что у васъ «несчастье». Даже, можетъ быть, полная неудача, а? Ну, бьюсь-же объ закладъ, вскричалъ онъ, почти захлебываясь отъ восторга, — что вы всю ночь просидѣли въ залѣ рядышкомъ на стульяхъ и о какомъ нибудь высочайшемъ благородствѣ проспорили все драгоцѣнное время... Ну простите, простите; мнѣ что̀: я вѣдь еще вчера зналъ навѣрно, что у васъ глупостью кончится. Я вамъ привезъ ее единственно, что-

бы васъ позабавить и чтобы доказать, что со мною вамъ скучно не будетъ; триста разъ пригожусь въ этомъ родѣ; я вообще люблю быть пріятенъ людямъ. Если-же теперь она вамъ не нужна, на что я и разсчитывалъ, съ тѣмъ и ѣхалъ, то...

— Такъ это вы для одной моей забавы ее привезли?

— А то зачѣмъ-же?

— А не за тѣмъ, чтобы заставить меня жену убить?

— Во-отъ, да развѣ вы убили? Что̀ за трагическій человѣкъ!

— Все равно, вы убили.

— Да развѣ я убилъ? Говорю-же вамъ, я тутъ ни при каплѣ. Однако, вы начинаете меня безпокоить...

— Продолжайте, вы сказали: «Если теперь она вамъ не нужна, то...»

— То, предоставьте мнѣ, разумѣется! Я отлично ее выдамъ за Маврикія Николаевича, котораго, между прочимъ, вовсе не я у саду посадилъ, не возьмите еще этого въ голову. Я вѣдь его боюсь теперь. Вотъ вы говорите: на бѣговыхъ дрожкахъ, а я такъ таки мимо пролепетнулъ... право, если съ нимъ револьверъ?.. Хорошо, что я свой захватилъ. Вотъ онъ (онъ вынулъ изъ кармана револьверъ, показалъ и тотчасъ-же опять спряталъ)—захватилъ за дальностью пути... Впрочемъ, я вамъ это мигомъ смажу: у ней именно теперь сердчишко по Маврикію ноетъ... должно, по крайней мѣрѣ, ныть... и знаете — ей Богу мнѣ ее даже нѣсколько жалко! Сведу съ Маврикіемъ, и она тотчасъ про васъ начнетъ вспоминать, — ему васъ хвалить, а его въ глаза бранить, — сердце женщины! Ну вотъ вы опять смѣетесь? Я ужасно радъ, что вы такъ развеселились. Ну что̀-жь, идемъ. Я прямо съ Маврикія и начну, а про тѣхъ... про убитыхъ... знаете, не промолчать-ли теперь? Все равно потомъ узнаетъ.

— Объ чемъ узнаетъ? Кто убитъ? Что̀ вы сказали про Маврикія Николаевича? отворила вдругъ дверь Лиза.

— А! Вы подслушивали?

— Что̀ вы сказали сейчасъ про Маврикія Николаевича? Онъ убитъ?

— А! стало быть, вы не разслышали! Успокойтесь, Маврикій Николаевичъ живъ и здоровъ, въ чемъ можете мигомъ удостовѣриться, потому что онъ здѣсь у дороги, у садовой рѣшетки... и, кажется, всю ночь просидѣлъ; промокъ, въ шинели... Я ѣхалъ, онъ меня видѣлъ.

— Это неправда. Вы сказали «убитъ»... Кто убитъ? настаивала она съ мучительною недовѣрчивостью.

— Убита только моя жена, ея братъ Лебядкинъ и ихъ служанка, твердо заявилъ Ставрогинъ.

Лиза вздрогнула и ужасно поблѣднѣла.

— Звѣрскій, странный случай, Лизавета Николаевна, глупѣйшій случай грабежа, тотчасъ затрещалъ Петръ Степановичъ,— одного грабежа, пользуясь пожаромъ; дѣло разбойника Ѳедьки-каторжнаго и дурака Лебядкина, который всѣмъ показывалъ свои деньги... Я съ тѣмъ и летѣлъ... какъ камнемъ по лбу. Ставрогинъ едва устоялъ когда я сообщилъ. Мы здѣсь совѣтовались: сообщить вамъ сейчасъ или нѣтъ?

— Николай Всеволодовичъ, правду онъ говоритъ? едва вымолвила Лиза.

— Нѣтъ, неправду.

— Какъ неправду! вздрогнулъ Петръ Степановичъ, — это еще что̀?

— Господи, я съ ума сойду! вскричала Лиза.

— Да поймите-же, по крайней мѣрѣ, что онъ съумасшедшій теперь человѣкъ! кричалъ изо всей силы Петръ Степановичъ,— вѣдь всетаки жена его убита. Видите, какъ онъ блѣденъ... Вѣдь онъ съ вами-же всю ночь пробылъ, ни на минуту не отходилъ, какъ-же его подозрѣвать?

— Николай Всеволодовичъ, скажите какъ предъ Богомъ, виноваты вы или нѣтъ, а я, клянусь, вашему слову повѣрю какъ Божьему и на край свѣта за вами пойду, о, пойду! Пойду, какъ собачка...

— Изъ-за чего-же вы терзаете ее, фантастическая вы голова! остервенился Петръ Степановичъ. — Лизавета Николаевна, ей-ей, истолките меня въ ступѣ, онъ невиненъ, напротивъ, самъ убитъ и бредитъ, вы видите. Ни въ чемъ, ни въ чемъ, даже мыслью неповиненъ!.. Все только дѣло разбойниковъ, которыхъ навѣрно черезъ недѣлю розыщутъ и накажутъ плетьми... Тутъ Ѳедька-каторжный и Шпигу-

линскіе, объ этомъ весь городъ трещитъ, потому и я.

— Такъ-ли? Такъ-ли? вся трепеща ждала послѣдняго себѣ приговора Лиза.

— Я не убивалъ и былъ противъ, но я зналъ, что они будутъ убиты и не остановилъ убійцъ. Ступайте отъ меня, Лиза, вымолвилъ Ставрогинъ и пошелъ въ залу.

Лиза закрыла лицо руками и пошла изъ дому. Петръ Степановичъ бросился было за нею, но тотчасъ воротился въ залу.

— Такъ вы такъ-то? Такъ вы такъ-то? Такъ вы ничего не боитесь? накинулся онъ на Ставрогина въ совершенномъ бѣшенствѣ, бормоча несвязно, почти словъ не находя, съ пѣною у рта.

Ставрогинъ стоялъ среди залы и не отвѣчалъ ни слова. Онъ захватилъ лѣвою рукой слегка клокъ своихъ волосъ и потерянно улыбался. Петръ Степановичъ сильно дернулъ его за рукавъ.

— Пропали вы, что̀-ли? Такъ вы вотъ за что̀ принялись? На всѣхъ донесете, а сами въ монастырь уйдете или къ чорту... Но вѣдь я васъ все равно укокошу, хоть-бы вы и не боялись меня!

— А, это вы трещите? разглядѣлъ его, наконецъ, Ставрогинъ. — Бѣгите, очнулся онъ вдругъ, — бѣгите за нею, велите карету, не покидайте ее... Бѣгите, бѣгите-же! Проводите до дому, чтобы никто не зналъ, и чтобъ она туда не ходила... на тѣла... на тѣла... Въ карету силой посадите... Алексѣй Егорычъ! Алексѣй Егорычъ!

— Стойте, не кричите! Она ужъ теперь въ объятіяхъ у Маврикія... Не сядетъ Маврикій въ вашу карету... Стойте-же! Тутъ дороже кареты!

Онъ выхватилъ опять револьверъ; Ставрогинъ серіозно посмотрѣлъ на него.

— А что-жь, убейте, проговорилъ онъ тихо, почти примирительно.

— Фу, чортъ, какую ложь натащитъ на себя человѣкъ! такъ и затрясся Петръ Степановичъ. — Ей Богу-бы убить! Подлинно она плюнуть на васъ должна была!.. Какая вы «ладья», старая вы, дырявая, дровяная барка на сломъ!.. Ну, хоть изъ злобы, хоть изъ злобы теперь вамъ очнуться! Э-эхъ! Вѣдь ужь все-бы вамъ равно, коли сами себѣ пулю въ лобъ просите?

Ставрогинъ странно усмѣхнулся.

— Если-бы вы не такой шутъ, я-бы, можетъ, и сказалъ теперь: да... Если-бы только хоть каплю умнѣе...

— Я-то шутъ, но не хочу, чтобы вы, главная половина моя, были шутомъ! Понимаете вы меня?

Ставрогинъ понималъ, одинъ только онъ, можетъ быть. Былъ-же изумленъ Шатовъ, когда Ставрогинъ сказалъ ему, что въ Петрѣ Степановичѣ есть энтузіазмъ.

— Ступайте отъ меня теперь къ чорту, а къ завтраму я что нибудь выдавлю изъ себя. Приходите завтра.

— Да? да?

— Почемъ я знаю!... Къ чорту, къ чорту!

И ушелъ вонъ изъ залы.

— А, пожалуй, еще къ лучшему, пробормоталъ про себя Петръ Степановичъ, пряча револьверъ.

III.

Онъ бросился догонять Лизавету Николаевну. Та еще недалеко отошла, всего нѣсколько шаговъ отъ дома. Ее задержалъ было Алексѣй Егоровичъ, слѣдовавшій за нею и теперь, на шагъ позади, во фракѣ, почтительно преклонившись и безъ шляпы. Онъ неотступно умолялъ ее дождаться экипажа; старикъ былъ испуганъ и почти плакалъ.

— Ступай, баринъ чаю проситъ, некому подать, оттолкнулъ его Петръ Степановичъ и прямо взялъ подъ руку Лизавету Николаевну.

Та не вырвала руки, но, кажется, была не при всемъ разсудкѣ, еще не опомнилась.

— Во первыхъ, вы не туда, залепеталъ Петръ Степановичъ, — намъ надо сюда, а не мимо сада; а во вторыхъ, во всякомъ случаѣ пѣшкомъ невозможно, до васъ три версты, а у васъ и одежи нѣтъ. Если-бы вы капельку подождали. Я вѣдь на бѣговыхъ, лошадь тутъ на дворѣ, мигомъ подамъ, посажу и доставлю, такъ что никто не увидитъ.

— Какой вы добрый... ласково проговорила Лиза.

— Помилуйте, въ подобномъ случаѣ всякій гуманный человѣкъ на моемъ мѣстѣ также...

Лиза поглядѣла на него и удивилась.

— Ахъ, Боже мой, а я думала, что тутъ все еще тотъ старикъ.

— Послушайте, я ужасно радъ, что вы это такъ принимаете, потому что все это предравсудокъ ужаснѣйшій, и если ужь на то пошло, то не лучше-ли я этому старику сейчасъ велю обработать карету, всего десять минутъ, а мы воротимся и подъ крыльцомъ подождемъ, а?

— Я прежде хочу... гдѣ эти убитые?

— А, ну вотъ еще фантазія! Я такъ и боялся... Нѣтъ, мы ужь эту дрянь лучше оставимъ въ сторонѣ; да и нечего вамъ смотрѣть.

— Я знаю гдѣ они, я этотъ домъ знаю.

— Ну, что-жь, что знаете! Помилуйте, дождь, туманъ (вотъ, однако-жь, обязанность священную натащилъ!..) Слушайте, Лизавета Николаевна, одно изъ двухъ: или вы со мной на дрожкахъ, тогда подождите и ни шагу впередъ, потому что если еще шаговъ двадцать, то насъ непремѣнно замѣтитъ Маврикій Николаевичъ.

— Маврикій Николаевичъ! Гдѣ? Гдѣ?

— Ну, а если вы съ нимъ хотите, то я, пожалуй, васъ еще немного проведу и укажу его, гдѣ сидитъ, а самъ ужь слуга покорный; я къ нему не хочу теперь подходить.

— Онъ ждетъ меня, Боже! вдругъ остановилась она, и краска разлилась по ея лицу.

— Но помилуйте, если онъ человѣкъ безъ предразсудковъ! Знаете, Лизавета Николаевна, это все не мое дѣло; я совершенно тутъ въ сторонѣ, и вы это сами знаете; но я вѣдь вамъ всетаки желаю добра... Если не удалась наша «ладья», если оказалось, что это всего только старый, гнилой барказъ, годный на сломъ...

— Ахъ, чудесно! вскричала Лиза.

— Чудесно, а у самой слезы текутъ. Тутъ нужно мужество. Надо ни въ чемъ не уступать мужчинѣ. Въ нашъ вѣкъ, когда женщина... фу, чортъ! (едва не отплевался Петръ Степановичъ). А, главное, и жалѣть не о чемъ: можетъ, оно и отлично обернется. Маврикій Николаевичъ человѣкъ... однимъ словомъ, человѣкъ чувствительный, хотя и не разговорчивый, что, впрочемъ, тоже хорошо, конечно, при условіи, если онъ безъ предразсудковъ...

— Чудесно, чудесно! истерически разсмѣялась Лиза.

— А, ну, чортъ... Лизавета Николаевна, опикировался вдругъ Петръ Степановичъ,— я вѣдь собственно тутъ для васъ-же... мнѣ вѣдь что... Я вамъ услужилъ вчера, когда вы сами того захотѣли, а сегодня... Ну, вотъ отсюда видно Маврикія Николаевича, онъ онъ сидитъ, насъ не видитъ. Знаете, Лизавета Николаевна, читали вы *Полиньку Сакс*?

— Что такое?

— Есть такая повѣсть, *Полинька Саксъ*. Я еще студентомъ читалъ... Тамъ какой-то чиновникъ, Саксъ, съ большимъ состояніемъ, арестовалъ на дачѣ жену за невѣрность... А, ну, чортъ, наплевать! Вотъ увидите, что Маврикій Николаевичъ еще до дому сдѣлаетъ вамъ предложеніе. Онъ насъ еще не видитъ.

— Ахъ, пусть не видитъ! вскричала вдругъ Лиза какъ безумная;—уйдемте, уйдемте! Въ лѣсъ, въ поле!

И она побѣжала назадъ.

— Лизавета Николаевна, это ужь такое малодушіе! бѣжалъ за нею Петръ Степановичъ.—И къ чему вы не хотите, чтобъ онъ васъ видѣлъ? Напротивъ, посмотрите ему прямо и гордо въ глаза... Если вы что нибудь на счетъ *того*... дѣвичьяго... то вѣдь это такой предразсудокъ, такая отсталость... Да куда-же вы, куда-же вы? Эхъ, бѣжитъ! Воротимтесь ужь лучше къ Ставрогину, возьмемъ мои дрожки... Да куда-же вы? Тамъ поле, ну, упала!..

Онъ остановился. Лиза летѣла какъ птица, не зная куда, и Петръ Степановичъ уже шаговъ на пятьдесятъ отсталъ отъ нея. Она упала, споткнувшись о кочку. Въ ту-же минуту сзади, въ сторонѣ, раздался ужасный крикъ, крикъ Маврикія Николаевича, который видѣлъ ея бѣгство и паденіе, и бѣжалъ къ ней чрезъ поле. Петръ Степановичъ въ одинъ мигъ отретировался въ ворота Ставрогинскаго дома, чтобы поскорѣе сѣсть на свои дрожки.

А Маврикій Николаевичъ, въ страшномъ испугѣ, уже стоялъ подлѣ поднявшейся Лизы, склонясь надъ нею и держа ея руку въ

своихъ рукахъ. Вся невѣроятная обстановка этой встрѣчи потрясла его разумъ, и слезы текли по его лицу. Онъ видѣлъ ту, предъ которою столь благоговѣлъ, безумно бѣгущею чрезъ поле, въ такой часъ, въ такую погоду, въ одномъ платьѣ, въ этомъ пышномъ вчерашнемъ платьѣ, теперь измятомъ, загрязненномъ отъ паденія... Онъ не могъ сказать слова, снялъ свою шинель и дрожавшими руками сталъ укрывать ея плечи. Вдругъ онъ вскрикнулъ, почувствовавъ, что она прикоснулась губами къ его рукѣ.

— Лиза! вскричалъ онъ,— я ничего не умѣю, но не отгоняйте меня отъ себя!

— О, да, пойдемте скорѣй отсюда, не оставляйте меня! и, сама схвативъ его за руку, она повлекла его за собой.— Маврикій Николаевичъ, испуганно понизила она вдругъ голосъ,— я тамъ все храбрилась, а здѣсь смерти боюсь. Я умру, очень скоро умру, но я боюсь, боюсь умирать... шептала она, крѣпко сжимая его руку.

— О, хоть-бы кто нибудь! въ отчаяніи оглядывался онъ кругомъ,—хоть-бы какой проѣзжій! Вы промочите ноги, вы... потеряете разсудокъ!

— Ничего, ничего, ободряла она его,— вотъ такъ, при васъ я меньше боюсь, держите меня за руку, ведите меня... Куда мы теперь, домой? Нѣтъ, я хочу сначала видѣть убитыхъ. Они, говорятъ, зарѣзали его жену, а онъ говоритъ, что онъ самъ зарѣзалъ; вѣдь это не правда, не правда? Я хочу видѣть сама зарѣзанныхъ... за меня... изъ-за нихъ онъ въ эту ночь разлюбилъ меня... Я увижу и все узнаю. Скорѣй, скорѣй, я знаю этотъ домъ... тамъ пожаръ... Маврикій Николаевичъ, другъ мой, не прощайте меня, безчестную! Зачѣмъ меня прощать? Чего вы плачете? Дайте мнѣ пощечину и убейте здѣсь въ полѣ, какъ собаку!

— Никто вамъ теперь не судья, твердо произнесъ Маврикій Николаевичъ,—прости вамъ Богъ, а я вашъ судья меньше всѣхъ!

Но странно было-бы описывать ихъ разговоръ. А между тѣмъ оба шли рука въ руку, скоро, спѣша, словно полоумные. Они направлялись прямо на пожаръ.—Маврикій Николаевичъ все еще не терялъ надежды встрѣтить хоть какую нибудь телѣгу, но никто не попадался. Мелкій, тонкій дождь проницалъ всю окрестность, поглощая всякій отблескъ и всякій оттѣнокъ и обращая все въ одну дымную, свинцовую, безразличную массу. Давно уже былъ день, а казалось все еще не разсвѣло. И вдругъ изъ этой дымной, холодной мглы вырѣзалась фигура, странная и нелѣпая, шедшая имъ на встрѣчу. Воображая теперь, думаю, что я-бы не повѣрилъ глазамъ, если-бъ даже былъ на мѣстѣ Лизаветы Николаевны; а между тѣмъ она радостно вскрикнула и тотчасъ узнала подходившаго человѣка. Это былъ Степанъ Трофимовичъ. Какъ онъ ушелъ, какимъ образомъ могла осуществиться безумная, головная идея его бѣгства—о томъ впереди. Упомяну лишь, что въ это утро онъ былъ уже въ лихорадкѣ, но и болѣзнь не остановила его: онъ твердо шагалъ по мокрой землѣ; видно было, что онъ обдумалъ предпріятіе какъ только могъ это сдѣлать лучше одинъ при всей своей кабинетной неопытности. Одѣтъ былъ «по дорожному», то есть шинель въ рукава, а подпоясанъ широкимъ кожанымъ лакированнымъ поясомъ съ пряжкой, при этомъ высокіе, новые сапоги и панталоны въ голенищахъ. Вѣроятно, онъ такъ давно уже воображалъ себѣ дорожнаго человѣка, а поясъ и высокіе сапоги съ блестящими гусарскими голенищами, въ которыхъ онъ не умѣлъ ходить, припасъ еще нѣсколько дней назадъ. Шляпа съ широкими полями, гарусный шарфъ, плотно обматывавшій шею, палка въ правой рукѣ, а въ лѣвой чрезвычайно маленькій, но чрезмѣрно туго набитый саквояжъ довершали костюмъ. Вдобавокъ, въ той-же правой рукѣ распущенный зонтикъ. Эти три предмета—зонтикъ, палку и саквояжъ, было очень неловко нести всю первую версту, а со второй и тяжело.

— Неужто это въ самомъ дѣлѣ вы? вскричала Лиза, оглядывая его въ скорбномъ удивленіи, смѣнившемъ первый порывъ ея безсознательной радости.

— Lise! вскричалъ и Степанъ Трофимовичъ, бросаясь къ ней тоже почти въ бреду: — Chère, chère, неужто и вы... въ такомъ туманѣ? Видите: зарево! Vous êtes malheureuse, n'est-ce pas? Вижу, вижу, не разсказывайте, но не разспрашивайте и ме-

ня. Nous sommes tous malheureux, mais il faut les pardonner tous. Pardonnons, Lise, и будемъ свободны на вѣки. Чтобы раздѣлаться съ міромъ и стать свободнымъ вполнѣ — il faut pardonner, pardonner et pardonner!

— Но зачѣмъ вы становитесь на колѣни?

— Затѣмъ, что, прощаясь съ міромъ, хочу, въ вашемъ образѣ, проститься и со всѣмъ моимъ прошлымъ! — Онъ заплакалъ и поднесъ обѣ ея руки къ своимъ заплаканнымъ глазамъ: — Становлюсь на колѣни предъ всѣмъ что было прекрасно въ моей жизни, лобызаю и благодарю! Теперь я разбилъ себя пополамъ: — тамъ — безумецъ мечтавшій взлетѣть на небо, vingt deux ans! Здѣсь — убитый и озябшій старикъ — гувернеръ... chez ce marchand, s'il existe pourtant ce marchand... Но какъ вы измокли, Lise! вскричалъ онъ, вскакивая на ноги, почувствовавъ, что промокли и его колѣни на мокрой землѣ, — и какъ это можно, вы въ такомъ платьѣ?.. и пѣшкомъ, и въ такомъ полѣ... Вы плачете? Vous êtes malheureuse? Ба, я что-то слышалъ... Но откуда-же вы теперь, съ боязливымъ видомъ ускорялъ онъ вопросы, въ глубокомъ недоумѣніи посматривая на Мавpикія Николаевича; mais savez-vous l'heure qu'il est?

— Степанъ Трофимовичъ, слышали вы что нибудь тамъ про убитыхъ людей... Это правда? Правда?

— Эти люди! Я видѣлъ зарево ихъ дѣяній всю ночь. Они не могли кончить иначе... (глаза его вновь засверкали). Бѣгу изъ бреду, горячешнаго сна, бѣгу искать Россію, existe-t-elle la Russie? Bah, c'est vous, cher capitaine! Никогда не сомнѣвался, что встрѣчу васъ гдѣ нибудь при высокомъ подвигѣ... Но возьмите мой зонтикъ и — почему-же непремѣнно пѣшкомъ? Ради Бога возьмите хоть зонтикъ, а я все равно гдѣ нибудь найму экипажъ. Вѣдь я потому пѣшкомъ, что Stasie (то есть Настасья) раскричалась-бы на всю улицу, если-бъ узнала, что я уѣзжаю; я и ускользнулъ сколь возможно incognito. Я не знаю, тамъ въ *Голосѣ* пишутъ про повсемѣстные разбои, но вѣдь не можетъ-же, я думаю, быть, что сейчасъ какъ вышелъ на дорогу, тутъ и разбойникъ? Chère Lise, вы, кажется, сказали, что кто-то кого-то убилъ? O, mon Dieu, съ вами дурно!

— Идемъ, идемъ! вскричала какъ въ истерикѣ Лиза, опять увлекая за собою Мавpикія Николаевича. — Постойте, Степанъ Трофимовичъ, воротилась она вдругъ къ нему, — постойте, бѣдняжка, дайте я васъ перекрещу. Можетъ быть, васъ-бы лучше связать, но я ужь лучше васъ перекрещу. Помолитесь и вы за «бѣдную» Лизу — такъ, немножко, не утруждайте себя очень. Мавpикій Николаевичъ, отдайте этому ребенку его зонтикъ, отдайте непремѣнно. Вотъ такъ... Пойдемте-же! Пойдемте-же!

Прибытіе ихъ къ роковому дому произошло именно въ то самое мгновеніе, когда сбившаяся предъ домомъ густая толпа уже довольно наслушалась о Ставрогинѣ и о томъ, какъ выгодно было ему зарѣзать жену. Но всетаки, повторяю, огромное большинство продолжало слушать молча и неподвижно. Выходили изъ себя лишь пьяные горланы, да люди «срывающіеся», въ родѣ какъ тотъ махавшій руками мѣщанинъ. Его всѣ знали какъ человѣка даже тихаго, но онъ вдругъ какъ-бы срывался и куда-то летѣлъ, если что нибудь извѣстнымъ образомъ поражало его. Я не видѣлъ какъ прибыли Лиза и Мавpикій Николаевичъ. Впервой я замѣтилъ Лизу, остолбенѣвъ отъ изумленія, уже далеко отъ меня въ толпѣ, а Мавpикія Николаевича даже сначала и не разглядѣлъ. Кажется, былъ такой мигъ, что онъ отъ нея отсталъ шага на два за тѣснотой, или его оттерли. Лиза, прорывавшаяся сквозь толпу, не видя и не замѣчая ничего кругомъ себя, словно горячешная, словно убѣжавшая изъ больницы, разумѣется, слишкомъ скоро обратила на себя вниманіе: громко заговорили и вдругъ завопили. Тутъ кто-то крикнулъ: «Это Ставрогинская!» И съ другой стороны: «Мало что убьютъ, глядѣть придутъ!» Вдругъ я увидѣлъ, что надъ ея головой, сзади, поднялась и опустилась чья-то рука: Лиза упала. Раздался ужасный крикъ Мавpикія Николаевича, рванувшагося на помощь и ударившаго изо всѣхъ силъ заслонявшаго отъ него Лизу человѣка. Но въ тотъ-же самый мигъ обхватилъ его сзади обѣими руками тотъ мѣщанинъ. Нѣсколько времени нель-

зя было ничего разглядѣть въ начавшейся свалкѣ. Кажется, Лиза поднялась, но опять упала отъ другаго удара. Вдругъ толпа разступилась и образовался небольшой пустой кругъ около лежавшей Лизы, а окровавленный, обезумѣвшій Маврикій Николаевичъ стоялъ надъ нею крича, плача и ломая руки. Не помню въ полной точности, какъ происходило дальше; помню только, что Лизу вдругъ понесли. Я бѣжалъ за нею; она была еще жива и, можетъ быть, еще въ памяти. Изъ толпы схватили мѣщанина и еще трехъ человѣкъ. Эти трое до сихъ поръ отрицаютъ всякое свое участіе въ злодѣяніи, упорно увѣряя, что ихъ захватили ошибкой; можетъ, они и правы. Мѣщанинъ, хоть и явно уличенный, но какъ человѣкъ безъ толку, до сихъ поръ еще не можетъ разъяснить обстоятельно происшедшаго. Я тоже, какъ очевидецъ, хотя и отдаленный, долженъ былъ дать на слѣдствіи мое показаніе: я заявилъ, что все произошло въ высшей степени случайно, черезъ людей, хотя, можетъ быть, и настроенныхъ, но мало сознававшихъ, пьяныхъ и уже потерявшихъ нитку. Такого мнѣнія держусь и теперь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣднее рѣшеніе.

I.

Въ это утро Петра Степановича многіе видѣли; видѣвшіе упомнили, что онъ былъ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Въ два часа пополудни онъ забѣгалъ къ Гаганову, всего за день прибывшему изъ деревни и у котораго собрался полонъ домъ посѣтителей, много и горячо говорившихъ о только что происшедшихъ событіяхъ. Петръ Степановичъ говорилъ больше всѣхъ и заставилъ себя слушать. Его всегда считали у насъ за «болтливаго студента съ дырой въ головѣ», но теперь онъ говорилъ объ Юліи Михайловнѣ, а при всеобщей сумятохѣ тема была захватывающая. Онъ сообщилъ о ней, въ качествѣ ея недавняго и интимнѣйшаго конфидента, много весьма новыхъ и неожиданныхъ подробностей; нечаянно (и, конечно, неосторожно) сообщилъ нѣсколько ея личныхъ отзывовъ о всѣмъ извѣстныхъ въ городѣ лицахъ, чѣмъ тутъ же кольнулъ самолюбія. Выходило у него неясно и сбивчиво, какъ у человѣка не хитраго, но который поставленъ, какъ честный человѣкъ, въ мучительную необходимость разъяснить разомъ цѣлую гору недоумѣній и который, въ простодушной своей неловкости, самъ не знаетъ съ чего начать и чѣмъ кончить. Довольно тоже неосторожно проскользнуло у него, что Юліи Михайловнѣ была извѣстна вся тайна Ставрогина и что она-то и вела всю интригу. Она-де и его, Петра Степановича, подвела, потому что онъ самъ былъ влюбленъ въ эту несчастную Лизу, а между тѣмъ его такъ «подвернули», что онъ-же *почти* проводилъ ее въ каретѣ къ Ставрогину. «Да, да, хорошо вамъ, господа, смѣяться, а если-бъ я только зналъ, если-бъ зналъ, чѣмъ это кончится!» заключилъ онъ. На разные тревожные вопросы о Ставрогинѣ онъ прямо заявилъ, что катастрофа съ Лебядкинымъ, по его мнѣнію, чистый случай и виновенъ во всемъ самъ Лебядкинъ, показывавшій деньги. Онъ это особенно хорошо разъяснилъ. Одинъ изъ слушателей какъ-то замѣтилъ ему, что онъ напрасно «представляется»; что онъ ѣлъ, пилъ, чуть не спалъ въ домѣ Юліи Михайловны, а теперь первый-же ее и чернитъ, и что это вовсе не такъ красиво, какъ онъ полагаетъ. Но Петръ Степановичъ тотчасъ-же защитилъ себя:

— Я ѣлъ и пилъ не потому, что у меня не было денегъ, и не виноватъ, что меня туда приглашали. Позвольте мнѣ самому судить, насколько мнѣ быть за то благодарнымъ.

Вообще впечатлѣніе осталось въ его пользу: «Пусть онъ малый нелѣпый и, конечно, пустой, но вѣдь чѣмъ-же онъ виноватъ въ глупостяхъ Юліи Михайловны? Напротивъ выходитъ, что онъ-же ее останавливалъ»...

Около двухъ часовъ разнеслось вдругъ извѣстіе, что Ставрогинъ, о которомъ было столько рѣчей, уѣхалъ внезапно съ полуденнымъ поѣздомъ въ Петербургъ. Это очень заинтересовало; многіе нахмурились. Петръ Степановичъ былъ до того пора-

женъ, что, разсказываютъ, даже перемѣнился въ лицѣ и странно вскричалъ: «Да кто-же могъ его выпустить?» Онъ тотчасъ убѣжалъ отъ Гаганова. Однако-же, его видѣли еще въ двухъ или трехъ домахъ.

Около сумерокъ онъ нашелъ возможность проникнуть и къ Юліи Михайловнѣ, хотя и съ величайшимъ трудомъ, потому что та рѣшительно не хотѣла принять его. Только три недѣли спустя узналъ я объ этомъ обстоятельствѣ отъ нея-же самой, предъ выѣздомъ ея въ Петербургъ. Она не сообщила подробностей, но замѣтила съ содраганіемъ, что онъ «изумилъ ее тогда внѣ всякой мѣры». Полагаю, что онъ просто напугалъ ее угрозой сообщничества, въ случаѣ если-бъ ей вздумалось «говорить». Необходимость-же попугать тѣсно связывалась съ его тогдашними замыслами, ей, разумѣется, неизвѣстными, и только потомъ, дней пять спустя, догадалась она, почему онъ такъ сомнѣвался въ ея молчаніи и такъ опасался новыхъ взрывовъ ея негодованія...

Въ восьмомъ часу вечера, когда уже совсѣмъ стемнѣло, на краю города, въ Ѳоминомъ переулкѣ, въ маленькомъ покривившемся домикѣ, въ квартирѣ прапорщика Эркеля, собрались *наши* въ полномъ комплектѣ, впятеромъ. Общее собраніе назначено было тутъ самимъ Петромъ Степановичемъ; но онъ непростительно опоздалъ, и члены ждали его уже часъ. Этотъ прапорщикъ Эркель былъ тотъ самый заѣзжій офицерикъ, который на вечерѣ у Виргинскаго просидѣлъ все время съ карандашомъ въ рукахъ и съ записною книжкой предъ собою. Въ городъ онъ прибылъ недавно, нанималъ уединенно въ глухомъ переулкѣ у двухъ сестеръ, старухъ мѣщанокъ, и скоро долженъ былъ уѣхать; собраться у него было всего непримѣтнѣе. Этотъ странный мальчикъ отличался необыкновенною молчаливостью; онъ могъ просидѣть десять вечеровъ сряду въ шумной компаніи и при самыхъ необыкновенныхъ разговорахъ, самъ не говоря ни слова, а, напротивъ, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдя своими дѣтскими глазами за говорившими и слушая. Лицо у него было прехорошенькое и даже какъ-бы умное. Къ пятеркѣ онъ не принадлежалъ; наши предполагали, что онъ имѣлъ какія-то и откуда-то особыя порученія, чисто по исполнительной части. Теперь извѣстно, что у него не было никакихъ порученій, да и врядъ-ли самъ онъ понималъ свое положеніе. Онъ только преклонился предъ Петромъ Степановичемъ, встрѣтивъ его незадолго. Если-бъ онъ встрѣтился съ какимъ нибудь преждевременно развращеннымъ монстромъ, и тотъ подъ какимъ нибудь соціально-романическимъ предлогомъ подбилъ его основать разбойничью шайку и для пробы велѣлъ убить и ограбить перваго встрѣчнаго мужика, то онъ непремѣнно-бы пошелъ и послушался. У него была гдѣ-то больная мать, которой онъ отсылалъ половину своего скуднаго жалованья,—и какъ, должно быть, она цѣловала эту бѣдную бѣлокурую головку, какъ дрожала за нее, какъ молилась о ней! Я потому такъ много о немъ распространяюсь, что мнѣ его очень жаль.

Наши были возбуждены. Происшествія прошлой ночи ихъ поразили и, кажется, они перетрусили. Простой, хотя и систематическій скандалъ, въ которомъ они такъ усердно до сихъ поръ принимали участіе, развязался для нихъ неожиданно. Ночной пожаръ, убійство Лебядкиныхъ, буйство толпы надъ Лизой — все это были такіе сюрпризы, которыхъ они не предполагали въ своей программѣ. Они съ жаромъ обвиняли двигавшую ихъ руку въ деспотизмѣ и неоткровенности. Однимъ словомъ, пока ждали Петра Степановича, они такъ настроили себя взаимно, что опять рѣшились окончательно спросить у него категорическаго объясненія, а если онъ еще разъ, какъ это уже и было, уклонится, то разорвать даже и пятерку, но съ тѣмъ, чтобы вмѣсто нея основать новое тайное общество «пропаганды идей», и уже отъ себя, на началахъ равноправныхъ и демократическихъ. Липутинъ, Шигалевъ и знатокъ народа особенно поддерживали эту мысль; Лямшинъ помалчивалъ, хотя и съ согласнымъ видомъ. Виргинскій колебался и желалъ выслушать сначала Петра Степановича. Положили выслушать Петра Степановича; но тотъ все еще не приходилъ; такая небрежность еще больше подлила яду.

Эркель совершенно молчалъ и распорядился лишь подать чаю, который принесъ отъ хозяекъ собственноручно въ стаканахъ на подносѣ, не внося самовара и не впуская служанки.

Петръ Степановичъ явился только въ половинѣ девятаго. Быстрыми шагами подошелъ онъ къ круглому столу предъ диваномъ, за которымъ размѣстилась компанія; шапку оставилъ въ рукахъ и отъ чаю отказался. Видъ имѣлъ злой, строгій и высокомѣрный. Должно быть, тотчасъ-же замѣтилъ по лицамъ, что «бунтуютъ».

— Прежде чѣмъ раскрою ротъ, выкладывайте свое, вы что-то подобрались, замѣтилъ онъ, съ злобною усмѣшкой обводя глазами физіономіи.

Липутинъ началъ «отъ лица всѣхъ» и вздрагивавшимъ отъ обиды голосомъ заявилъ, «что если такъ продолжать, то можно самому разбить лобъ-съ». О, они вовсе не боятся разбивать свои лбы и даже готовы, но единственно лишь для общаго дѣла (общее шевеленіе и одобреніе). А потому пусть будутъ и съ ними откровенны, чтобъ имъ всегда знать заранѣе, «а то что-жь будетъ?» (опять шевеленіе, нѣсколько гортанныхъ звуковъ). Такъ дѣйствовать унизительно и опасно... Мы вовсе не потому что боимся, а если дѣйствуетъ одинъ, а остальные только пѣшки, то одинъ навретъ, и всѣ попадутся. (Восклицанія: да, да! Общая поддержка).

— Чортъ возьми, чего-же вамъ надо?

— А какое отношеніе съ общимъ дѣломъ, закипѣлъ Липутинъ, — имѣютъ интрижки господина Ставрогина? Пусть онъ тамъ принадлежитъ какимъ-то таинственнымъ образомъ къ центру, если только въ самомъ дѣлѣ существуетъ этотъ фантастическій центръ, да мы-то этого знать не хотимъ-съ. А между тѣмъ совершилось убійство, возбуждена полиція; по ниткѣ и до клубка дойдутъ.

— Попадетесь вы со Ставрогинымъ, и мы попадемся, прибавилъ знатокъ народа.

— И совсѣмъ безполезно для общаго дѣла, уныло закончилъ Виргинскій.

— Что за вздоръ! Убійство—дѣло случая, сдѣлано Ѳедькой для грабежа.

— Гм! Странное однако-же совпаденіе-съ, скорчился Липутинъ.

— А если хотите, произошло чрезъ васъ-же.

— Это какъ черезъ насъ?

— Во первыхъ, вы, Липутинъ, сами въ этой интригѣ участвовали, а, во вторыхъ, и главное, вамъ приказано было отправить Лебядкина и выданы деньги, а вы что сдѣлали? Если-бъ отправили, такъ ничего-бы и не было.

— Да не вы-ли сами дали идею, что хорошо-бы было выпустить его читать стихи?

— Идея не приказаніе. Приказаніе было отправить.

— Приказаніе. Довольно странное слово... Напротивъ, вы именно приказали остановить отправку.

— Вы ошиблись и выказали глупость и своеволіе. А убійство — дѣло Ѳедьки, и дѣйствовалъ онъ одинъ, изъ грабежа. Вы слышали, что звонятъ, и повѣрили. Вы струсили. Ставрогинъ не такъ глупъ, а доказательство — онъ уѣхалъ въ двѣнадцать часовъ дня, послѣ свиданія съ вице-губернаторомъ; если-бы что нибудь было, его-бы не выпустили въ Петербургъ среди бѣла дня.

— Да вѣдь мы вовсе не утверждаемъ, что господинъ Ставрогинъ самъ убивалъ, ядовито и не стѣсняясь подхватилъ Липутинъ,—онъ могъ даже и не знать-съ, равно какъ и я; а вамъ самимъ слишкомъ хорошо извѣстно, что я ничего не зналъ-съ, хотя тутъ-же влѣзъ какъ баранъ въ котелъ.

— Кого-же вы обвиняете? мрачно посмотрѣлъ Петръ Степановичъ.

— А тѣхъ самыхъ, кому надобно города сжигать-съ.

— Хуже всего то, что вы вывертываетесь. Впрочемъ, не угодно-ли прочесть и показать другимъ; это только для свѣдѣнія.

Онъ вынулъ изъ кармана анонимное письмо Лебядкина къ Лембке и передалъ Липутину. Тотъ прочелъ, видимо удивился и задумчиво передалъ сосѣду; письмо быстро обошло кругъ.

— Дѣйствительно-ли это рука Лебядкина? замѣтилъ Шигалевъ.

— Его рука, заявили Липутинъ и Толкаченко (то есть знатокъ народа).

— Я только для свѣдѣнія и зная, что вы такъ разчувствовались о Лебядкинѣ, повторилъ Петръ Степановичъ, принимая назадъ письмо;—такимъ образомъ, господа, какой нибудь Ѳедька совершенно случайно избавляетъ насъ отъ опаснаго человѣка. Вотъ что̀ иногда значитъ случай! Не правда-ли, поучительно!

Члены быстро переглянулись.

— А теперь, господа, пришелъ и мой черед̀ъ спрашивать, пріосанился Петръ Степановичъ.—Позвольте узнать, съ какой стати вы изволили зажечь городъ безъ позволенія?

— Это что̀! Мы, мы городъ зажгли? Вотъ ужь съ больной-то головы! раздались восклицанія.

— Я понимаю, что вы ужь слишкомъ заигрались, упорно продолжалъ Петръ Степановичъ, — но вѣдь это не скандальчики съ Юліей Михайловной. Я собралъ васъ сюда, господа, чтобы разъяснить вамъ ту степень опасности, которую вы такъ глупо на себя натащили и которая слишкомъ многому и кромѣ васъ угрожаетъ.

— Позвольте, мы, напротивъ, вамъ-же намѣрены были сейчасъ заявить о той степени деспотизма и неравенства, съ которыми принята была, помимо членовъ, такая серіозная и вмѣстѣ съ тѣмъ странная мѣра, почти съ негодованіемъ заявилъ молчавшій до сихъ поръ Виргинскій.

— Итакъ, вы отрицаетесь? А я утверждаю, что сожгли вы, вы одни и никто другой. Господа, не лгите, у меня точныя свѣдѣнія. Своеволіемъ вашимъ вы подвергли опасности даже общее дѣло. Вы всего лишь одинъ узелъ безконечной сѣти узловъ и обязаны слѣпымъ послушаніемъ центру. Между тѣмъ трое изъ васъ подговаривали къ пожару Шпигулинскихъ, не имѣя на то ни малѣйшихъ инструкцій, и пожаръ состоялся.

— Кто трое? Кто трое изъ насъ?

— Третьяго дня въ четвертомъ часу ночи вы, Толкаченко, подговаривали Ѳомку Завьялова въ «Незабудкѣ».

— Помилуйте, привскочилъ тотъ, — я едва одно слово сказалъ, да и то безъ намѣренія, а такъ, потому что его утромъ сѣкли, и тотчасъ бросилъ, вижу слишкомъ пьянъ. Если-бы вы не напомнили, я-бы совсѣмъ и не вспомнилъ. Отъ слова не могло загорѣться.

— Вы похожи на того, который-бы удивился, что отъ крошечной искры взлетѣлъ на воздухъ весь пороховой заводъ.

— Я говорилъ шепотомъ и въ углу, ему на ухо, какъ могли вы узнать? сообразилъ вдругъ Толкаченко.

— Я тамъ сидѣлъ подъ столомъ. Не безпокойтесь, господа, я всѣ ваши шаги знаю. Вы ехидно улыбаетесь, господинъ Липутинъ? А я знаю, напримѣръ, что вы четвертаго дня исщипали вашу супругу, въ полночь, въ вашей спальнѣ, ложась спать.

Липутинъ разинулъ ротъ и поблѣднѣлъ.

(Потомъ стало извѣстно, что онъ о подвигѣ Липутина узналъ отъ Агаѳьи, Липутинской служанки, которой съ самаго начала платилъ деньги за шпіонство, о чемъ только послѣ разъяснилось).

— Могу-ли и я констатировать фактъ? поднялся вдругъ Шигалевъ.

— Констатируйте.

Шигалевъ сѣлъ и подобрался:

— Сколько я понялъ, да и нельзя не понять, вы сами, въ началѣ и потомъ еще разъ, весьма краснорѣчиво,—хотя и слишкомъ теоретически, — развивали картину Россіи, покрытой безконечною сѣтью узловъ. Съ своей стороны каждая изъ дѣйствующихъ кучекъ, дѣлая прозелитовъ и распространяясь боковыми отдѣленіями въ безконечность, имѣетъ въ задачѣ систематическою обличительною пропагандой безпрерывно ронять значеніе мѣстной власти, произвести въ селеніяхъ недоумѣніе, зародить цинизмъ и скандалы, полное безвѣріе во что̀-бы то ни было, жажду лучшаго и, наконецъ, дѣйствуя пожарами, какъ средствомъ народнымъ по преимуществу, ввергнуть страну, въ предписанный моментъ, если надо, даже въ отчаяніе. Ваши-ли это слова, которыя я старался припомнить буквально? Ваша-ли это программа дѣйствій, сообщенная вами въ качествѣ уполномоченнаго изъ центральнаго, но совершенно неизвѣстнаго намъ до сихъ поръ и почти фантастическаго для насъ комитета?

— Вѣрно, только вы очень тянете.

— Всякій имѣетъ право своего слова. Давая намъ угадывать, что отдѣльныхъ узловъ всеобщей сѣти, уже покрывшей Россію, состоитъ теперь до нѣсколькихъ сотенъ, и развивая предположеніе, что если каждый сдѣлаетъ свое дѣло успѣшно, то вся Россія, къ данному сроку, по сигналу...

— Ахъ, чортъ возьми, и безъ васъ много дѣла! повернулся въ креслахъ Петръ Степановичъ.

— Извольте, я сокращу и кончу лишь вопросомъ: мы уже видѣли скандалы, видѣли недовольство населеній, присутствовали и участвовали въ паденіи здѣшней администраціи и, наконецъ, своими глазами увидѣли пожаръ. Чѣмъ-же вы недовольны? Не ваша-ли это программа? Въ чемъ можете вы насъ обвинять?

— Въ своеволіи! яростно крикнулъ Петръ Степановичъ.—Пока я здѣсь, вы не смѣли дѣйствовать безъ моего позволенія. Довольно. Готовъ доносъ, и, можетъ быть, завтраже или сегодня въ ночь васъ перехватаютъ. Вотъ вамъ. Извѣстіе вѣрное.

Тутъ уже всѣ разинули рты.

— Перехватаютъ не только какъ подстрекателей въ поджогѣ, но и какъ пятерку. Доносчику извѣстна вся тайна сѣти. Вотъ что вы напрокудили!

— Навѣрно Ставрогинъ! крикнулъ Липутинъ.

— Какъ... почему Ставрогинъ? какъ-бы осѣкся вдругъ Петръ Степановичъ. — Э, чортъ, спохватился онъ тотчасъ-же,— это Шатовъ! Вамъ, кажется, всѣмъ уже теперь извѣстно, что Шатовъ въ свое время принадлежалъ дѣлу. Я долженъ открыть, что слѣдя за нимъ чрезъ лицъ, которыхъ онъ не подозрѣваетъ, я, къ удивленію, узналъ, что для него не тайна и устройство сѣти, и... однимъ словомъ, все. Чтобы спасти себя отъ обвиненія въ прежнемъ участіи, онъ донесетъ на всѣхъ. До сихъ поръ онъ все еще колебался, и я щадилъ его. Теперь вы этимъ пожаромъ его развязали: онъ потрясенъ и уже не колеблется. Завтра-же мы будемъ арестованы, какъ поджигатели и политическіе преступники.

— Вѣрно-ли? Почему Шатовъ знаетъ?

Волненіе было неописанное.

— Все совершенно вѣрно. Я не въ правѣ вамъ объявить пути мои и какъ открывалъ, но вотъ что покамѣстъ я могу для васъ сдѣлать: чрезъ одно лицо я могу подѣйствовать на Шатова, такъ что онъ, совершенно не подозрѣвая, задержитъ доносъ, но не болѣе какъ на сутки. Дальше сутокъ не могу. Итакъ вы можете считать себя обезпеченными до послѣзавтрашняго утра.

Всѣ молчали.

— Да отправить-же его, наконецъ, къ чорту! первый крикнулъ Толкаченко.

— И давно-бы надо сдѣлать! злобно ввернулъ Лямшинъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Но какъ сдѣлать? пробормоталъ Липутинъ.

Петръ Степановичъ тотчасъ-же подхватилъ вопросъ и изложилъ свой планъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы завлечь Шатова, для сдачи находившейся у него тайной типографіи, въ то уединенное мѣсто, гдѣ она закопана, завтра, въ началѣ ночи и— «ужь тамъ и распорядиться». Онъ вошелъ во многія нужныя подробности, которыя мы теперь опускаемъ, и разъяснилъ обстоятельно тѣ настоящія двусмысленныя отношенія Шатова къ центральному обществу, о которыхъ уже извѣстно читателю.

— Все такъ, нетвердо замѣтилъ Липутинъ,— но такъ какъ опять... новое приключеніе въ томъ-же родѣ... то слишкомъ ужь поразитъ умы.

— Безъ сомнѣнія, подтвердилъ Петръ Степановичъ, — но и это предусмотрѣно. Есть средство вполнѣ отклонить подозрѣніе.

И онъ съ прежнею точностью разсказалъ о Кириловѣ, о его намѣреніи застрѣлиться и о томъ, какъ онъ обѣщалъ ждать сигнала, а, умирая, оставить записку и принять на себя все, что ему продиктуютъ. (Однимъ словомъ, все что уже извѣстно читателю).

— Твердое его намѣреніе лишить себя жизни,— философское, а, по моему, съумасшедшее,— стало извѣстно *тамъ* (продолжалъ разъяснять Петръ Степановичъ). *Тамъ* не теряютъ ни волоска, ни пылинки, все идетъ въ пользу общаго дѣла. Предвидя пользу и убѣдившись, что намѣреніе его совершенно серіозное, ему предложили

средства доѣхать до Россіи (онъ для чего-то непремѣнно хотѣлъ умереть въ Россіи), дали порученіе, которое онъ обязался исполнить (и исполнилъ), и сверхъ того обязали его уже извѣстнымъ вамъ обѣщаніемъ кончить съ собою лишь тогда, когда ему скажутъ. Онъ все обѣщалъ. Замѣтьте, что онъ принадлежитъ дѣлу на особыхъ основаніяхъ и желаетъ быть полезнымъ; больше я вамъ открыть не могу. Завтра, *послѣ Шатова*, я продиктую ему записку, что причина смерти Шатова онъ. Это будетъ очень вѣроятно: они были друзьями и вмѣстѣ ѣздили въ Америку, тамъ поссорились, и все это будетъ въ запискѣ объяснено... и... и даже, судя по обстоятельствамъ, можно будетъ и еще кое-что продиктовать Кирилову, напримѣръ, о прокламаціяхъ, и, пожалуй, отчасти пожаръ. Объ этомъ, впрочемъ, я подумаю. Не безпокойтесь, онъ безъ предразсудковъ; все подпишетъ.

Раздались сомнѣнія. Повѣсть показалась фантастическою. О Кириловѣ, впрочемъ, всѣ болѣе или менѣе нѣсколько слышали; Липутинъ-же болѣе всѣхъ.

— Вдругъ онъ раздумаетъ и не захочетъ, сказалъ Шигалевъ,—такъ или этакъ, а все-таки онъ съумасшедшій, стало быть, надежда неточная.

— Не безпокойтесь, господа, онъ захочетъ, отрѣзалъ Петръ Степановичъ.— По уговору, я обязанъ предупредить его наканунѣ, значитъ, сегодня-же. Я приглашаю Липутина идти сейчасъ со мною къ нему и удостовѣриться, а онъ вамъ, господа, возвратясь, сообщитъ, если надо, сегодня-же, правду-ли я вамъ говорилъ или нѣтъ. Впрочемъ, оборвалъ онъ вдругъ съ непомѣрнымъ раздраженіемъ, какъ будто вдругъ почувствовалъ, что слишкомъ много чести такъ убѣждать и такъ возиться съ такими людишками,—впрочемъ, дѣйствуйте, какъ вамъ угодно. Если вы не рѣшитесь, то союзъ расторгнутъ,—но единственно по факту вашего непослушанія и измѣны. Такимъ образомъ мы съ этой минуты всѣ врозь. Но знайте, что въ такомъ случаѣ вы, кромѣ непріятности Шатовскаго доноса и послѣдствій его, навлекаете на себя и еще одну маленькую непріятность, о которой было твердо заявлено при образованіи союза. Что до меня касается, то я, господа, не очень-то васъ боюсь... Не подумайте, что я ужь такъ съ вами связанъ... Впрочемъ, это все равно.

— Нѣтъ, мы рѣшаемся, заявилъ Лямшинъ.

— Другаго выхода нѣтъ, пробормоталъ Толкаченко,—и если только Липутинъ подтвердитъ про Кирилова, то...

— Я противъ; я всѣми силами души моей протестую противъ такого кроваваго рѣшенія! всталъ съ мѣста Виргинскій.

— Но? спросилъ Петръ Степановичъ.

— Что *но?*

— Вы сказали *но*... и я жду.

— Я, кажется, не сказалъ *но*... Я только хотѣлъ сказать, что если рѣшаются, то...

— То?

Виргинскій замолчалъ.

— Я думаю, можно пренебрегать собственною безопасностью жизни, отворилъ вдругъ ротъ Эркель,— но если можетъ пострадать общее дѣло, то, я думаю, нельзя смѣть пренебрегать собственною безопасностью жизни...

Онъ сбился и покраснѣлъ. Какъ ни были всѣ заняты каждый своимъ, но всѣ посматривали на него съ удивленіемъ, до такой степени было неожиданно, что онъ тоже могъ заговорить.

— Я за общее дѣло, произнесъ вдругъ Виргинскій.

Всѣ поднялись съ мѣстъ. Порѣшено было завтра въ полдень еще разъ сообщиться вѣстями, хотя и не сходясь всѣмъ вмѣстѣ, и уже окончательно условиться. Объявлено было мѣсто, гдѣ зарыта типографія, розданы роли и обязанности. Липутинъ и Петръ Степановичъ немедленно отправились вмѣстѣ къ Кирилову.

II.

Въ то, что Шатовъ донесетъ, наши всѣ повѣрили; но въ то, что Петръ Степановичъ играетъ ими какъ пѣшками—тоже вѣрили. А затѣмъ всѣ знали, что завтра все-таки явятся въ комплектѣ на мѣсто и судьба Шатова рѣшена. Чувствовали, что вдругъ какъ мухи попали въ паутину къ огром-

ному пауку; злились, но тряслись отъ страху.

Петръ Степановичъ несомнѣнно былъ виноватъ предъ ними; все бы могло обойдтись гораздо согласнѣе и *легче*, если-бъ онъ позаботился хоть на капельку скрасить дѣйствительность. Вмѣсто того, чтобы представить фактъ въ приличномъ свѣтѣ, чѣмъ нибудь римско-гражданскимъ, или въ родѣ того, онъ только выставилъ грубый страхъ и угрозу собственной шкурѣ, что было уже просто невѣжливо. Конечно, во всемъ борьба за существованіе, и другаго принципа нѣтъ, это всѣмъ извѣстно, но вѣдь все-таки...

Но Петру Степановичу некогда было шевелить римлянъ; онъ самъ былъ выбитъ изъ рельсовъ. Бѣгство Ставрогина ошеломило и придавило его. Онъ солгалъ, что Ставрогинъ видѣлся съ вице-губернаторомъ; то-то и есть, что тотъ уѣхалъ, не видавшись ни съ кѣмъ, даже съ матерью,— и ужь дѣйствительно было странно, что его даже не безпокоили. (Впослѣдствіи начальство принуждено было дать на это особый отвѣтъ). Петръ Степановичъ разузнавалъ цѣлый день, но покамѣстъ ничего не узналъ, и никогда онъ такъ не тревожился. Да и могъ-ли, могъ-ли онъ такъ, разомъ, отказаться отъ Ставрогина! Вотъ почему онъ и не могъ быть слишкомъ нѣжнымъ съ нашими. Къ тому-же они ему руки связывали: у него уже рѣшено было немедленно скакать за Ставрогинымъ; а между тѣмъ задерживалъ Шатовъ, надо было окончательно скрѣпить пятерку, на всякій случай. «Не бросать-же ее даромъ, пожалуй и пригодится». Такъ, я полагаю, онъ разсуждалъ.

А что до Шатова, то онъ совершенно былъ увѣренъ, что тотъ донесетъ. Онъ все налгалъ, что говорилъ нашимъ о доносѣ: никогда онъ не видалъ этого доноса и не слыхалъ о немъ, но былъ увѣренъ въ немъ какъ дважды два. Ему именно казалось, что Шатовъ ни за что не перенесетъ настоящей минуты, — смерти Лизы, смерти Маріи Тимоѳеевны, — и именно теперь, наконецъ, рѣшится. Кто знаетъ, можетъ, онъ и имѣлъ какія нибудь данныя такъ полагать. Извѣстно тоже, что онъ ненавидѣлъ Шатова лично; между ними была когда-то ссора, а Петръ Степановичъ никогда не прощалъ обиды. Я даже убѣжденъ, что это-то и было главнѣйшею причиной.

Тротуары у насъ узенькіе, кирпичные, а то такъ и мостки. Петръ Степановичъ шагалъ по срединѣ тротуара, занимая его весь и не обращая ни малѣйшаго вниманія на Липутина, которому не оставалось рядомъ мѣста, такъ что тотъ долженъ былъ поспѣвать или на шагъ позади или, чтобъ идти разговаривая рядомъ, сбѣжать на улицу въ грязь. Петръ Степановичъ вдругъ вспомнилъ, какъ онъ еще недавно семенилъ точно также по грязи, чтобы поспѣть за Ставрогинымъ, который, какъ и онъ теперь, шагалъ по срединѣ, занимая весь тротуаръ. Онъ припомнилъ всю эту сцену, и бѣшенство захватило ему духъ.

Но и Липутину захватывало духъ отъ обиды. Пусть Петръ Степановичъ обращается съ нашими какъ угодно, но съ нимъ? Вѣдь онъ болѣе всѣхъ нашихъ *знаетъ*, ближе всѣхъ стоитъ къ дѣлу, интимнѣе всѣхъ пріобщенъ къ нему, и до сихъ поръ, хоть косвенно, но безпрерывно участвовалъ въ немъ. О, онъ зналъ, что Петръ Степановичъ даже и теперь могъ его погубить въ *крайнемъ случаѣ*. Но Петра Степановича онъ уже возненавидѣлъ давно, и не за опасность, а за высокомѣріе его обращенія. Теперь, когда приходилось рѣшаться на такое дѣло, онъ злился болѣе всѣхъ нашихъ вмѣстѣ взятыхъ. Увы, онъ зналъ, что непремѣнно «какъ рабъ» будетъ завтра-же первымъ на мѣстѣ, да еще всѣхъ остальныхъ приведетъ, и если-бы могъ теперь до завтра какъ нибудь убить Петра Степановича, не погубивъ себя, разумѣется, то непремѣнно-бы убилъ.

Погруженный въ свои ощущенія, онъ молчалъ и трусилъ за своимъ мучителемъ. Тотъ, казалось, забылъ о немъ; изрѣдка только неосторожно и невѣжливо толкалъ его локтемъ. Вдругъ Петръ Степановичъ на самой видной изъ нашихъ улицъ остановился и вошелъ въ трактиръ.

— Это куда-же? вскипѣлъ Липутинъ;— да вѣдь это трактиръ.

— Я хочу съѣсть бифштексъ.

— Помилуйте, это всегда полно народу.

— Ну и пусть.

— Но... мы опоздаемъ. Ужь десять часовъ.

— Туда нельзя опоздать.

— Да вѣдь я опоздаю! Они меня ждутъ обратно.

— Ну и пусть; только глупо вамъ къ нимъ являться. Я съ вашею возней сегодня не обѣдалъ. А къ Кирилову чѣмъ позднѣе, тѣмъ вѣрнѣе.

Петръ Степановичъ взялъ особую комнату. Липутинъ гнѣвливо и обидчиво усѣлся въ кресла въ сторонкѣ и смотрѣлъ, какъ онъ ѣстъ. Прошло полчаса и болѣе. Петръ Степановичъ не торопился, ѣлъ со вкусомъ, звонилъ, требовалъ другой горчицы, потомъ пива, и все не говорилъ ни слова. Онъ былъ въ глубокой задумчивости. Онъ могъ дѣлать два дѣла — ѣсть со вкусомъ и быть въ глубокой задумчивости. Липутинъ до того, наконецъ, возненавидѣлъ его, что не въ силахъ былъ отъ него оторваться. Это было нѣчто въ родѣ нервнаго припадка. Онъ считалъ каждый кусокъ бифштекса, который тотъ отправлялъ въ свой ротъ, ненавидѣлъ его за то, какъ онъ разѣваетъ его, какъ онъ жуетъ, какъ онъ смакуя обсасываетъ кусокъ пожирнѣе, ненавидѣлъ самый бифштексъ. Наконецъ, стало какъ-бы мѣшаться въ его глазахъ; голова слегка начала кружиться; жаръ поочередно съ морозомъ пробѣгалъ по спинѣ.

— Вы ничего не дѣлаете, прочтите, перебросилъ ему вдругъ бумажку Петръ Степановичъ. Липутинъ приблизился къ свѣчкѣ. Бумажка была мелко исписана, скверным почеркомъ и съ помарками на каждой строкѣ. Когда онъ осилилъ ее, Петръ Степановичъ уже расплатился и уходилъ. На тротуарѣ Липутинъ протянулъ ему бумажку обратно.

— Оставьте у себя; послѣ скажу. А, впрочемъ, что вы скажете?

Липутинъ весь вздрогнулъ.

— По моему мнѣнію... подобная прокламація... одна лишь смѣшная нелѣпость.

Злоба прорвалась; онъ почувствовалъ, что какъ будто его подхватили и понесли.

— Если мы рѣшимся, дрожалъ онъ весь мелкою дрожью, — распространять подобныя прокламаціи, то нашею глупостью и непониманіемъ дѣла заставимъ себя презирать-съ.

— Гм! Я думаю иначе, твердо шагалъ Петръ Степановичъ.

— А я иначе; неужели вы это сами сочинили?

— Это не ваше дѣло.

— Я думаю тоже, что и стишонки: «Свѣтлая личность» самые дряннѣйшіе стишонки, какіе только могутъ быть, и никогда не могли быть сочинены Герценомъ.

— Вы врете; стихи хороши.

— Я удивляюсь, напримѣръ, и тому, все несся скача и играя духомъ Липутинъ, — что намъ предлагаютъ дѣйствовать такъ, чтобы все провалилось. Это въ Европѣ натурально желать, чтобы все провалилось, потому что тамъ пролетаріатъ, а мы здѣсь всего только любители и, по моему, только пылимъ-съ.

— Я думалъ, вы фурьеристъ.

— У Фурье не то, совсѣмъ не то-съ.

— Знаю, что вздоръ.

— Нѣтъ, у Фурье не вздоръ... Извините меня, никакъ не могу повѣрить, чтобы въ маѣ мѣсяцѣ было возстаніе.

Липутинъ даже разстегнулся, до того ему было жарко.

— Ну довольно, а теперь, чтобы не забыть, ужасно хладнокровно перескочилъ Петръ Степановичъ, — этотъ листокъ вы должны будете собственноручно набрать и напечатать. Шатова типографію мы выроемъ, и ее завтра-же примете вы. Въ возможно скоромъ времени вы наберите и оттисните сколько можно болѣе экземпляровъ и затѣмъ всю зиму разбрасывать. Средства будутъ указаны. Надо какъ можно болѣе экземпляровъ, потому что у васъ потребуютъ изъ другихъ мѣстъ.

— Нѣтъ-съ, ужь извините; я не могу взять на себя такую... Отказываюсь.

— И, однако-же, возьмете. Я дѣйствую по инструкціи центральнаго комитета, а вы должны повиноваться.

— А я считаю, что заграничные наши центры забыли русскую дѣйствительность и нарушили всякую связь, а потому только бредятъ... Я даже думаю, что вмѣсто многихъ сотенъ пятерокъ въ Россіи мы

только одна и есть, а сѣти никакой совсѣмъ нѣтъ, задохнулся, наконецъ, Липутинъ.

— Тѣмъ презрѣннѣе для васъ, что вы не вѣря дѣлу побѣжали за нимъ... и бѣжите теперь за мной, какъ подлая собаченка.

— Нѣтъ-съ, не бѣгу. Мы имѣемъ полное право отстать и образовать новое общество.

— Дур-ракъ! грозно прогремѣлъ вдругъ Петръ Степановичъ, засверкавъ глазами.

Оба стояли нѣкоторое время другъ противъ друга. Петръ Степановичъ повернулся и самоувѣренно направился прежнею дорогой.

Въ умѣ Липутина пронеслось какъ молнія: «Повернусь и пойду назадъ: если теперь не повернусь, никогда не пойду назадъ». Такъ думалъ онъ ровно десять шаговъ, но на одиннадцатомъ одна новая и отчаянная мысль загорѣлась въ его умѣ: онъ не повернулся и не пошелъ назадъ.

Пришли къ дому Филиппова, но еще не доходя взяли проулкомъ, или, лучше сказать, непримѣтною тропинкой вдоль забора, такъ что нѣкоторое время пришлось пробираться по крутому откосу канавки, на которомъ нельзя было ноги сдержать и надо было хвататься за заборъ. Въ самомъ темномъ углу покрившагося забора, Петръ Степановичъ вынулъ доску; образовалось отверстіе, въ которое онъ тотчасъ же и пролѣзъ. Липутинъ удивился, но пролѣзъ въ свою очередь; затѣмъ доску вставили по прежнему. Это былъ тотъ самый тайный ходъ, которымъ лазилъ къ Кирилову Ѳедька.

— Шатовъ не долженъ знать, что мы здѣсь, строго прошепталъ Петръ Степановичъ Липутину.

III.

Кириловъ, какъ всегда въ этотъ часъ, сидѣлъ на своемъ кожаномъ диванѣ за чаемъ. Онъ не привсталъ на встрѣчу, но какъ-то весь вскинулся и тревожно поглядѣлъ на входившихъ.

— Вы не ошиблись, сказалъ Петръ Степановичъ,— я за тѣмъ самымъ.

— Сегодня?

— Нѣтъ, нѣтъ, завтра... около этого времени.

И онъ поспѣшно подсѣлъ къ столу, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ приглядываясь ко встревожившемуся Кирилову. Тотъ, впрочемъ, уже успокоился и смотрѣлъ по всегдашнему.

— Вотъ эти все не вѣрятъ. Вы не сердитесь, что я привелъ Липутина?

— Сегодня не сержусь, а завтра хочу одинъ.

— Но не раньше какъ я приду, а потому при мнѣ.

— Я-бы хотѣлъ не при васъ.

— Вы помните, что обѣщали написать и подписать все, что я продиктую.

— Мнѣ все равно. А теперь долго будете?

— Мнѣ надо видѣться съ однимъ человѣкомъ и остаться съ полчаса, такъ ужь какъ хотите, а эти полчаса просижу.

Кириловъ промолчалъ. Липутинъ помѣстился между тѣмъ въ сторонкѣ, подъ портретомъ архіерея. Давешняя отчаянная мысль все болѣе и болѣе овладѣвала его умомъ. Кириловъ почти не замѣчалъ его. Липутинъ зналъ теорію Кирилова еще прежде и смѣялся надъ нимъ всегда; но теперь молчалъ и мрачно глядѣлъ вокругъ себя.

— А я-бы не прочь и чаю, подвинулся Петръ Степановичъ, — сейчасъ ѣлъ бифштексъ и такъ и разсчитывалъ у васъ чай застать.

— Пейте, пожалуй.

— Прежде вы сами подчивали, кисловато замѣтилъ Петръ Степановичъ.

— Это все равно. Пусть и Липутинъ пьетъ.

— Нѣтъ-съ, я... не могу.

— Не хочу или не могу? быстро обернулся Петръ Степановичъ.

— Я у нихъ не стану-съ, съ выраженіемъ отказался Липутинъ. Петръ Степановичъ нахмурилъ брови.

— Пахнетъ мистицизмомъ; чортъ васъ знаетъ что вы всѣ за люди!

Никто ему не отвѣтилъ; молчали цѣлую минуту.

— Но я знаю одно, рѣзко прибавилъ

онъ вдругъ,—что никакіе предразсудки не остановятъ каждаго изъ насъ исполнить свою обязанность.

— Ставрогинъ уѣхалъ? спросилъ Кириловъ.

— Уѣхалъ.

— Это онъ хорошо сдѣлалъ.

Петръ Степановичъ сверкнулъ было глазами, но придержался.

— Мнѣ все равно какъ вы думаете, лишьбы каждый сдержалъ свое слово.

— Я сдержу свое слово.

— Впрочемъ, я и всегда былъ увѣренъ, что вы исполните вашъ долгъ, какъ независимый и прогрессивный человѣкъ.

— А вы смѣшны.

— Это пусть, я очень радъ разсмѣшить. Я всегда радъ, если могу угодить.

— Вамъ очень хочется, чтобъ я застрѣлилъ себя, и боитесь если вдругъ нѣтъ?

— То есть, видите-ли, вы сами соединили вашъ планъ съ нашими дѣйствіями. Разсчитывая на вашъ планъ, мы уже коечто предприняли, такъ что вы ужь никакъ не могли-бы отказаться, потому что насъ подвели.

— Права никакого.

— Понимаю, понимаю, ваша полная воля, а мы ничто, но только чтобъ эта полная ваша воля совершилась.

— И я долженъ буду взять на себя всѣ ваши мерзости?

— Послушайте, Кириловъ, вы не трусите-ли? Если хотите отказаться, объявите сейчасъ-же.

— Я не трушу.

— Я потому, что вы очень ужь много спрашиваете.

— Скоро вы уйдете?

— Опять спрашиваете?

Кириловъ презрительно оглядѣлъ его.

— Вотъ видите-ли, продолжалъ Петръ Степановичъ, все болѣе и болѣе сердясь и безпокоясь и не находя надлежащаго тона;—вы хотите, чтобъ я ушелъ для уединенія, чтобы сосредоточиться; но все это опасные признаки для васъ-же, для васъ-же перваго. Вы хотите много думать. По моему, лучше-бы не думать, а такъ. И вы, право, меня безпокоите.

— Мнѣ только одно очень скверно, что въ ту минуту будетъ подлѣ меня гадина какъ вы.

— Ну, это-то все равно. Я, пожалуй, въ то время выйду и постою на крыльцѣ. Если вы умираете и такъ неравнодушны, то... все это очень опасно. Я выйду на крыльцо, и предположите, что я ничего не понимаю и что я безмѣрно ниже васъ человѣкъ.

— Нѣтъ, вы не безмѣрно; вы со способностями, но очень много не понимаете, потому что вы низкій человѣкъ.

— Очень радъ, очень радъ. Я уже сказалъ, что очень радъ доставить развлеченіе... въ такую минуту.

— Вы ничего не понимаете.

— То есть я... во всякомъ случаѣ я слушаю съ уваженіемъ.

— Вы ничего не можете; вы даже теперь мелкой злобы спрятать не можете, хоть вамъ и невыгодно показывать. Вы меня разозлите, и я вдругъ захочу еще полгода.

Петръ Степановичъ посмотрѣлъ на часы.

— Я ничего никогда не понималъ въ вашей теоріи, но знаю, что вы не для насъ ее выдумали, стало быть, и безъ насъ исполните. Знаю тоже, что не вы съѣли идею, а васъ съѣла идея, стало быть, и не отложите.

— Какъ? Меня съѣла идея?

— Да.

— А не я съѣлъ идею? Это хорошо. У васъ есть маленькій умъ. Только вы дразните, а я горжусь.

— И прекрасно, и прекрасно. Это именно такъ и надо, чтобы вы гордились.

— Довольно; вы допили, уходите.

— Чортъ возьми, придется, привсталъ Петръ Степановичъ.—Однако, всетаки рано. Послушайте, Кириловъ, у Мясничихи застану я того человѣка, понимаете? Или и она наврала?

— Не застанете, потому что онъ здѣсь, а не тамъ.

— Какъ здѣсь, чортъ возьми, гдѣ?

— Сидитъ въ кухнѣ, ѣстъ и пьетъ.

— Да какъ онъ смѣлъ? гнѣвно покраснѣлъ Петръ Степановичъ. — Онъ обязанъ былъ ждать... вздоръ! У него ни паспорта, ни денегъ!

— Не знаю. Онъ пришелъ проститься; одѣтъ и готовъ. Уходитъ и не воротится. Онъ говорилъ, что вы подлецъ, и не хочетъ ждать вашихъ денегъ.

— А-а! Онъ боится, что я... ну, да я и теперь могу его, если... Гдѣ онъ, въ кухнѣ?

Кириловъ отворилъ боковую дверь въ крошечную темную комнату; изъ этой комнаты тремя ступенями внизъ сходили въ кухню, прямо въ ту отгороженную каморку, въ которой обыкновенно помѣщалась кухаркина кровать. Здѣсь-то въ углу, подъ образами, и сидѣлъ теперь Ѳедька за тесовымъ непокрытымъ столомъ. На столѣ предъ нимъ помѣщался полуштофъ, на тарелкѣ хлѣбъ и на глиняной посудинѣ холодный кусокъ говядины съ картофелемъ. Онъ закусывалъ съ прохладой и былъ уже въ полпьяна, но сидѣлъ въ тулупѣ и, очевидно, совсѣмъ готовый въ походъ. За перегородкой закипалъ самоваръ, но не для Ѳедьки, а самъ Ѳедька обязательно раздувалъ и настаивалъ его, вотъ уже съ недѣлю или болѣе каждую ночь для «Алексѣя Нилыча-съ, ибо оченно привыкли, чтобы чай по ночамъ-съ». Я сильно думаю, что говядину съ картофелемъ, за неимѣніемъ кухарки, зажарилъ для Ѳедьки, еще съ утра, самъ Кириловъ.

— Это что̀ ты выдумалъ? вкатился внизъ Петръ Степановичъ. — Почему не ждалъ гдѣ приказано?

И онъ съ розмаху стукнулъ по столу кулакомъ.

Ѳедька пріосанился.

— Ты постой, Петръ Степановичъ, постой, щеголевато отчеканивая каждое слово заговорилъ онъ,— ты первымъ долгомъ здѣсь долженъ понимать, что ты на благородномъ визитѣ у господина Кирилова, Алексѣя Нилыча, у котораго всегда сапоги чистить можешь, потому онъ предъ тобой образованный умъ, а ты всего только— тьфу!

И онъ щеголевато отплевался въ сторону сухимъ плевкомъ. Видна была надменность, рѣшимость и нѣкоторое, весьма опасное, напускное, спокойное резонерство до перваго взрыва. Но Петру Степановичу уже некогда было замѣчать опасности, да и не сходилось съ его взглядомъ на вещи. Происшествія и неудачи дня совсѣмъ его закружили... Липутинъ съ любопытствомъ выглядывалъ внизъ, съ трехъ ступеней, изъ темной каморки.

— Хочешь или не хочешь имѣть вѣрный паспортъ и хорошія деньги на проѣздъ куда сказано? Да или нѣтъ?

— Видишь, Петръ Степановичъ, ты меня съ самаго первоначалу зачалъ обманывать, потому какъ ты выходишь передо мною настоящій подлецъ. Все равно какъ поганая человѣчья вошь, — вотъ я тебя за кого почитаю. Ты мнѣ за неповинную кровь большія деньги сулилъ и за господина Ставрогина клятву давалъ, не смотря на то, что выходитъ одно лишь твое неутчивство. Я какъ есть ни одной каплей не участвовалъ, не то что полторы тысячи, а господинъ Ставрогинъ тебя давеча по щекамъ отхлестали, что̀ уже и намъ извѣстно. Теперь ты мнѣ съизнова угрожаешь и деньги сулишь, на какое дѣло — молчишь. А я сумлѣваюсь въ умѣ, что въ Петербургъ меня шлешь, чтобъ господину Ставрогину, Николаю Всеволодовичу, чѣмъ ни на есть по злобѣ своей отомстить, надѣясь на мое легковѣріе. И изъ этого ты выходишь первый убивецъ. И знаешь-ли ты, чего сталъ достоинъ уже тѣмъ однимъ пунктомъ, что въ самого Бога, Творца истиннаго, пересталъ по развратy своему вѣровать? Все одно что̀ идолопоклонникъ и на одной линіи съ татариномъ или мордвой состоишь. Алексѣй Нилычъ, будучи философомъ, тебѣ истиннаго Бога, Творца Создателя, многократно объяснялъ и о сотвореніи міра, равно и будущихъ судебъ и преображенія всякой твари и всякаго звѣря изъ книги Апокалипсиса. Но ты какъ безтолковый идолъ въ глухотѣ и нѣмотѣ упорствуешь и прапорщика Эртелева къ тому-же самому привелъ, какъ тотъ самый злодѣй соблазнитель, называемый атеистъ...

— Ахъ ты пьяная харя! Самъ образа обдираетъ, да еще Бога проповѣдуетъ!

— Я, видишь, Петръ Степановичъ, говорю тебѣ это вѣрно, что обдиралъ; но я только зеньчугъ поснималъ, и почемъ ты знаешь, можетъ, и моя слеза предъ горниломъ Всевышняго въ ту самую минуту преобразилась, за нѣкую обиду мою, такъ

какъ есть точь въ точь самый сей сирота, не имѣя насущнаго даже пристанища. Ты знаешь-ли по книгамъ, что нѣкогда въ древнія времена нѣкоторый купецъ, точь въ точь съ такимъ-же слезнымъ воздыханіемъ и молитвой, у Пресвятой Богородицы съ сіянія перлъ похитилъ, и потомъ всенародно съ колѣнопреклоненіемъ всю сумму къ самому подножію возвратилъ, и Матерь Заступница предъ всѣми людьми его пеленой осѣнила, такъ что по этому предмету даже въ ту пору чудо вышло, и въ государственныя книги все точь въ точь черезъ начальство велѣно записать. А ты пустилъ мышь, значитъ, надругался надъ самымъ Божіимъ перстомъ. И не будь ты природный мой господинъ, котораго я, еще отрокомъ бывши, на рукахъ нашихъ нашивалъ, то какъ есть тебя теперича порѣшилъ-бы, даже съ мѣста сего не сходя!

Петръ Степановичъ вошелъ въ чрезмѣрный гнѣвъ:

— Говори, видѣлся ты сегодня со Ставрогинымъ?

— Это ты никогда не смѣешь меня чтобы допрашивать. Господинъ Ставрогинъ какъ есть въ удивленіи предъ тобою стоитъ и ниже пожеланіемъ своимъ участвовалъ, не только распоряженіемъ какимъ, али деньгами. Ты меня дерзнулъ.

— Деньги ты получишь, и двѣ тысячи тоже получишь, въ Петербургѣ, на мѣстѣ, всѣ цѣликомъ, и еще получишь.

— Ты, любезнѣйшій, врешь, и смѣшно мнѣ тебя даже видѣть какой ты есть легковѣрный умъ. Господинъ Ставрогинъ передъ тобою какъ на лѣстницѣ состоитъ, а ты на нихъ снизу какъ глупая собаченка тявкаешь, тогда какъ они на тебя сверху и плюнуть-то за большую честь почитаютъ.

— А знаешь-ли ты, остервенился Петръ Степановичъ, — что я тебя, мерзавца, ни шагу отсюда не выпущу и прямо въ полицію передамъ.

Ѳедька вскочилъ на ноги и яростно сверкнулъ глазами. Петръ Степановичъ выхватилъ револьверъ. Тутъ произошла быстрая и отвратительная сцена: прежде чѣмъ Петръ Степановичъ могъ направить револьверъ, Ѳедька мгновенно извернулся и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Въ тотъ-же мигъ послышался другой ужасный ударъ, затѣмъ третій, четвертый, все по щекѣ. Петръ Степановичъ ошалѣлъ, выпучилъ глаза, что-то пробормоталъ и вдругъ грохнулся со всего росту на полъ.

— Вотъ вамъ, берите его! съ побѣдоноснымъ вывертомъ крикнулъ Ѳедька; мигомъ схватилъ картузъ, изъ-подъ лавки узелокъ и былъ таковъ. Петръ Степановичъ храпѣлъ въ безпамятствѣ. Липутинъ даже подумалъ, что совершилось убійство. Кириловъ опрометью сбѣжалъ въ кухню.

— Водой его! вскрикнулъ онъ и, зачерпнувъ желѣзнымъ ковшемъ въ ведрѣ, вылилъ ему на голову. Петръ Степановичъ пошевелился, приподнялъ голову, сѣлъ и безсмысленно смотрѣлъ предъ собою.

— Ну, каково? спросилъ Кириловъ.

Тотъ пристально, и все еще не узнавая, глядѣлъ на него; но увидѣвъ выставившагося изъ кухни Липутина, улыбнулся своею гадкою улыбкой и вдругъ вскочилъ, захвативъ съ полу револьверъ.

— Если вы вздумаете завтра убѣжать, какъ подлецъ Ставрогинъ, изступленно накинулся онъ на Кирилова, весь блѣдный, заикаясь и не точно выговаривая слова, — то я васъ на другомъ концѣ шара... повѣшу какъ муху... раздавлю... понимаете!

И онъ наставилъ Кирилову револьверъ прямо въ лобъ; но почти въ ту-же минуту, опомнившись, наконецъ, совершенно, отдернулъ руку, сунулъ револьверъ въ карманъ и, не сказавъ болѣе ни слова, побѣжалъ изъ дому. Липутинъ за нимъ. Вылѣзли въ прежнюю лазейку и опять прошли откосомъ, придерживаясь за заборъ. Петръ Степановичъ быстро зашагалъ по переулку, такъ что Липутинъ едва поспѣвалъ. У перваго перекрестка вдругъ остановился.

— Ну? съ вызовомъ повернулся онъ къ Липутину.

Липутинъ помнилъ револьверъ и еще весь трепеталъ отъ бывшей сцены; но отвѣтъ какъ-то самъ вдругъ и неудержимо соскочилъ съ его языка:

— Я думаю... я думаю, что «отъ Смоленска до Ташкента вовсе ужь не съ такимъ нетерпѣніемъ ждутъ студента».

— А видѣли что̀ пилъ Ѳедька на кухнѣ?

— Что̀ пилъ? Водку пилъ.

— Ну, такъ знайте, что онъ въ послѣдній разъ въ жизни пилъ водку. Рекомендую запомнить для дальнѣйшихъ соображеній. А теперь убирайтесь къ чорту, вы до завтра не нужны... Но смотрите у меня: не глупить!

Липутинъ бросился сломя голову домой.

IV.

У него давно уже былъ припасенъ паспортъ на чужое имя. Дико даже подумать, что этотъ аккуратный человѣчекъ, мелкій тиранъ семьи, во всякомъ случаѣ чиновникъ (хотя и фурьеристъ) и, наконецъ, прежде всего капиталистъ и процентщикъ,—давнымъ давно уже возъимѣлъ про себя фантастическую мысль припасти на всякій случай этотъ паспортъ, чтобы съ помощью его улизнуть за границу, *если*... допускалъ-же онъ возможность этого *если!* хотя конечно онъ и самъ никогда не могъ формулировать, что̀ именно могло-бы обозначать это *если*...

Но теперь оно вдругъ само формулировалось и въ самомъ неожиданномъ родѣ. Та отчаянная идея, съ которою онъ вошелъ къ Кирилову, послѣ «дурака», выслушаннаго отъ Петра Степановича на тротуарѣ, состояла въ томъ, чтобы завтраже чѣмъ свѣтъ бросить все и экспатрироваться за границу! Кто не повѣритъ, что такія фантастическія вещи случаются въ нашей обыденной дѣйствительности и теперь, тотъ пусть справится съ біографіей всѣхъ русскихъ настоящихъ эмигрантовъ за границей. Ни одинъ не убѣжалъ умнѣе и реальнѣе. Все то-же необузданное царство призраковъ и болѣе ничего.

Прибѣжавъ домой, онъ началъ съ того, что заперся, досталъ сакъ и судорожно началъ укладываться. Главная забота его состояла о деньгахъ и о томъ сколько и какъ онъ ихъ успѣетъ спасти. Именно спасти, ибо, по понятіямъ его, медлить нельзя было уже ни часу и чѣмъ свѣтъ надо было находиться на большой дорогѣ. Не зналъ онъ тоже, какъ онъ сядетъ въ вагонъ; онъ смутно рѣшился сѣсть гдѣ нибудь на второй или на третьей большой станціи отъ города, до нея-же добраться хоть и пѣшкомъ. Такимъ образомъ инстинктивно и машинально, съ цѣлымъ вихремъ мыслей въ головѣ, возился онъ надъ сакомъ, и— вдругъ остановился, бросилъ все и съ глубокимъ стономъ протянулся на диванѣ.

Онъ ясно почувствовалъ и вдругъ созналъ, что бѣжитъ-то онъ пожалуй бѣжитъ, но что разрѣшитъ вопросъ *до* или *послѣ* Шатова ему придется бѣжать?—онъ уже совершенно теперь не въ силахъ; что теперь онъ только грубое, безчувственное тѣло, инерціонная масса, но что имъ движетъ посторонняя ужасная сила, и что хоть у него и есть паспортъ за границу, хоть-бы и могъ онъ убѣжать отъ Шатова (а иначе для чего-бы было такъ торопиться?), но что бѣжитъ онъ не до Шатова, не отъ Шатова, а именно *послѣ* Шатова, и что уже такъ это рѣшено, подписано и запечатано. Въ нестерпимой тоскѣ, ежеминутно трепеща и удивляясь на самого себя, стеная и замирая поперемѣнно, дожилъ онъ коекакъ, запершись и лежа на диванѣ до одиннадцати часовъ утра слѣдующаго дня, и вотъ тутъ-то вдругъ и послѣдовалъ ожидаемый толчокъ, вдругъ направившій его рѣшимость. Въ одиннадцать часовъ, только что онъ отперся и вышелъ къ домашнимъ, онъ вдругъ отъ нихъ-же узналъ, что разбойникъ, бѣглый каторжный Ѳедька, наводившій на всѣхъ ужасъ, грабитель церквей, недавній убійца и поджигатель, за которымъ слѣдила и котораго все не могла схватить наша полиція, найденъ чѣмъ свѣтъ утромъ убитымъ, въ семи верстахъ отъ города, на поворотѣ съ большой дороги на проселокъ, къ Захарьину, и что о томъ говоритъ уже весь городъ. Тотчасъ-же сломя голову бросился онъ изъ дому узнавать подробности и узналъ, во первыхъ: что Ѳедька, найденный съ проломленною головой, былъ по всѣмъ признакамъ ограбленъ и, во вторыхъ, что полиція уже имѣла сильныя подозрѣнія и даже нѣкоторыя твердыя данныя заключить, что убійцей его былъ Шпигулинскій Ѳомка, тотъ самый, съ которымъ онъ несомнѣнно рѣзалъ и зажегъ у Лебядкиныхъ, и что ссора между ними произошла уже дорогой

изъ-за утаенныхъ будто-бы Ѳедькой большихъ денегъ, похищенныхъ у Лебядкина... Липутинъ пробѣжалъ и въ квартиру Петра Степановича и успѣлъ узнать съ задняго крыльца, потаенно, что Петръ Степановичъ хоть и воротился домой вчера, этакъ уже около часу пополуночи, но всю ночь преспокойно изволилъ почивать у себя дома вплоть до восьми часовъ утра. Разумѣется, не могло быть сомнѣнія, что въ смерти разбойника Ѳедьки ровно ничего не было необыкновеннаго, и что таковыя развязки именно всего чаще случаются въ подобныхъ карьерахъ, но совпаденіе роковыхъ словъ, «что Ѳедька въ послѣдній разъ въ этотъ вечеръ пилъ водку», съ немедленнымъ оправданіемъ пророчества было до того знаменательно, что Липутинъ вдругъ пересталъ колебаться. Толчокъ былъ данъ; точно камень упалъ на него и придавилъ навсегда. Воротясь домой, онъ молча ткнулъ свой сакъ ногой подъ кровать, а вечеромъ въ назначенный часъ первымъ изъ всѣхъ явился на условленное мѣсто для встрѣчи Шатова, правда, все еще съ своимъ паспортомъ въ карманѣ...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Путешественница.

I.

Катастрофа съ Лизой и смерть Марьи Тимоѳеевны произвели подавляющее впечатлѣніе на Шатова. Я уже упоминалъ, что въ то утро я его мелькомъ встрѣтилъ, онъ показался мнѣ какъ-бы не въ своемъ умѣ. Между прочимъ сообщилъ, что наканунѣ вечеромъ, часовъ въ девять (значитъ, часа за три до пожара), былъ у Марьи Тимоѳеевны. Онъ ходилъ поутру взглянуть на трупы, но сколько знаю, въ то утро показаній не давалъ нигдѣ никакихъ. Между тѣмъ къ концу дня въ душѣ его поднялась цѣлая буря и... и, кажется, могу сказать утвердительно, былъ такой моментъ въ сумерки, что онъ хотѣлъ встать, пойдти и—объявить все. Что̀ такое было это *все*—про то онъ самъ зналъ. Разумѣется, ничего-бы не достигъ, а предалъ-бы просто себя. У него не было никакихъ доказательствъ, чтобъ изобличить только что совершившееся злодѣяніе, да и самъ онъ имѣлъ объ немъ однѣ лишь смутныя догадки, только для него одного равнявшіяся полному убѣжденію. Но онъ готовъ былъ погубить себя, лишь-бы только «раздавить мерзавцевъ», собственныя его слова. Петръ Степановичъ отчасти вѣрно предугадалъ въ немъ этотъ порывъ и самъ зналъ, что сильно рискуетъ, откладывая исполненіе своего новаго ужаснаго замысла до завтра. Съ его стороны тутъ было, по обыкновенію, много самонадѣянности и презрѣнія ко всѣмъ этимъ «людишкамъ», а къ Шатову въ особенности. Онъ презиралъ Шатова уже давно за его «плаксивое идіотство», какъ выражался онъ о немъ еще за границей, и твердо надѣялся справиться съ такимъ нехитрымъ человѣкомъ, то есть не выпускать его изъ виду во весь этотъ день и пресѣчь ему путь при первой опасности. И, однако, спасло «мерзавцевъ» еще на малое время лишь одно совершенно неожиданное, а ими совсѣмъ не предвидѣнное обстоятельство...

Часу въ восьмомъ вечера (это именно въ то самое время, когда *наши* собрались у Эркеля, ждали Петра Степановича, негодовали и волновались), Шатовъ съ головною болью и въ легкомъ ознобѣ, лежалъ протянувшись на своей кровати, въ темнотѣ, безъ свѣчи; мучился недоумѣніемъ, злился, рѣшался, никакъ не могъ рѣшиться окончательно и съ проклятіемъ предчувствовалъ, что все это, однако, ни къ чему не поведетъ. Мало по малу онъ забылся на мигъ легкимъ сномъ и видѣлъ во снѣ что-то похожее на кошмаръ; ему приснилось, что онъ опутанъ на своей кровати веревками, весь связанъ и не можетъ шевельнуться, а между тѣмъ раздаются по всему дому страшные удары въ заборъ, въ ворота, въ его дверь, во флигелѣ у Кирилова, такъ что весь домъ дрожитъ и какой-то отдаленный, знакомый, но мучительный для него голосъ жалобно призываетъ его. Онъ вдругъ очнулся и приподнялся на постели. Къ удивленію, удары въ ворота продолжались и хоть далеко не такъ

сильные, какъ представлялось во снѣ, но частые и упорные, а странный и «мучительный» голосъ, хотя вовсе не жалобно, а, напротивъ, нетерпѣливо и раздражительно, все слышался внизу у воротъ въ перемежку съ чьимъ-то другимъ, болѣе воздержнымъ и обыкновеннымъ голосомъ. Онъ вскочилъ, отворилъ форточку и высунулъ голову.

— Кто тамъ, окликнулъ онъ, буквально коченѣя отъ испуга.

— Если вы Шатовъ, рѣзко и твердо отвѣтили ему снизу,— то пожалуйста благоволите объявить, прямо и честно, согласны-ли вы впустить меня или нѣтъ?

Такъ и есть; онъ узналъ этотъ голосъ!

— Marie!.. Это ты?

— Я, я, Марья Шатова, и увѣряю васъ, что ни одной минуты болѣе не могу задерживать извощика.

— Сейчасъ... я только свѣчу...— слабо прокричалъ Шатовъ. Затѣмъ бросился искать спичекъ. Спички, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, не отыскивались. Уронилъ подсвѣчникъ со свѣчой на полъ, и только что снизу опять послышался нетерпѣливый голосъ, бросилъ все и сломя голову полетѣлъ внизъ по своей крутой лѣстницѣ отворять калитку.

— Сдѣлайте одолженіе, подержите сакъ, пока я раздѣлаюсь съ этимъ болваномъ, встрѣтила его внизу госпожа Марья Шатова и сунула ему въ руки довольно легонькій, дешевый ручной сакъ, изъ парусины съ бронзовыми гвоздиками, дрезденской работы. Сама-же раздражительно накинулась на извощика:

— Смѣю васъ увѣрить, что вы берете лишнее. Если вы протаскали меня цѣлый лишній часъ по здѣшнимъ грязнымъ улицамъ, то виноваты вы-же, потому что сами, стало быть, не знали, гдѣ эта глупая улица и этотъ дурацкій домъ. Извольте принять ваши тридцать копѣекъ и убѣдиться, что ничего больше не получите.

— Эхъ, барынька, сама-жь тыкала на Вознесенску улицу, а эта Богоявленска: Вознесенской-то проулокъ эвона гдѣ отселева. Только мерина запарили.

— Вознесенская, Богоявленская — всѣ эти глупыя названія вамъ больше моего должны быть извѣстны, такъ какъ вы здѣшній обыватель; и къ тому-же вы несправедливы: я вамъ прежде всего заявила про домъ Филиппова, а вы именно подтвердили, что его знаете. Во всякомъ случаѣ можете искать на мнѣ завтра въ мировомъ судѣ, а теперь прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— Вотъ, вотъ еще пять копѣекъ, стремительно выхватилъ Шатовъ изъ кармана свой пятакъ и подалъ извощику.

— Сдѣлайте одолженіе, прошу васъ не смѣйте этого дѣлать! вскипѣла было m-me Шатова, но извощикъ тронулъ «мерина», а Шатовъ, схвативъ ее за руку, повлекъ въ ворота.

— Скорѣй, Marie, скорѣй... это все пустяки и—какъ ты измокла! Тише, тутъ подыматься,— какъ жаль, что нѣтъ огня, — лѣстница крутая, держись крѣпче, крѣпче, ну, вотъ и моя каморка. Извини, я безъ огня... Сейчасъ!

Онъ поднялъ подсвѣчникъ, но спички еще долго не отыскивались. Госпожа Шатова стояла въ ожиданіи посреди комнаты, молча и не шевелясь.

— Слава Богу, наконецъ-то! — радостно вскричалъ онъ, освѣтивъ каморку. Марья Шатова бѣгло обозрѣла помѣщеніе.

— Мнѣ говорили, что вы скверно живете, но всетаки я думала не такъ, брезгливо произнесла она и направилась къ кровати.

— Охъ, устала! присѣла она съ безсильнымъ видомъ на жесткую постель.—Пожалуйста поставьте сакъ и сядьте сами на стулъ. Впрочемъ, какъ хотите, вы торчите на глазахъ. Я у васъ на время, пока пріищу работу, потому что ничего здѣсь не знаю и денегъ не имѣю. Но если васъ стѣсняю, сдѣлайте одолженіе, опять прошу, заявите сейчасъ-же, какъ и обязаны сдѣлать, если вы честный человѣкъ. Я всетаки могу что нибудь завтра продать и заплатить въ гостинницѣ, а ужь въ гостинницу извольте меня проводить сами... Охъ, только я устала!

Шатовъ весь такъ и затрясся.

— Не нужно, Marie, не нужно гостинницу! Какая гостинница? Зачѣмъ, зачѣмъ?

Онъ, умоляя, сложилъ руки.

— Ну, если можно обойдтись безъ гостинницы, то всетаки необходимо разъяснить дѣло. Вспомните, Шатовъ, что мы прожили съ вами брачно въ Женевѣ двѣ недѣли и нѣсколько дней, вотъ уже три года какъ разошлись, безъ особенной, впрочемъ, ссоры. Но не подумайте, чтобъ я воротилась что нибудь возобновлять изъ прежнихъ глупостей. Я воротилась искать работы, и если прямо въ этотъ городъ, то потому, что мнѣ все равно. Я не пріѣхала въ чемъ нибудь раскаяваться; сдѣлайте одолженіе, не подумайте еще этой глупости.

— О, Marie! Это напрасно, совсѣмъ напрасно! неясно бормоталъ Шатовъ.

— А коли такъ, коли вы настолько развиты, что можете и это понять, то позволю себѣ прибавить, что если теперь обратилась прямо къ вамъ и пришла въ вашу квартиру, то отчасти и потому, что всегда считала васъ далеко не подлецомъ, а, можетъ быть, гораздо лучше другихъ... мерзавцевъ!..

Глаза ея засверкали. Должно быть, она много перенесла кое-чего отъ какихъ нибудь «мерзавцевъ».

— И пожалуйста будьте увѣрены, я надъ вами вовсе не смѣялась сейчасъ, заявляя вамъ, что вы добры. Я говорила прямо, безъ краснорѣчія, да и терпѣть не могу. Однако, все это вздоръ. Я всегда надѣялась, что у васъ хватитъ ума не надоѣдать... Охъ, довольно, устала!

И она поглядѣла на него длиннымъ, измученнымъ, усталымъ взглядомъ. Шатовъ стоялъ предъ ней, черезъ комнату, въ пяти шагахъ, и робко, но какъ-то обновленно, съ какимъ-то небывалымъ сіяніемъ въ лицѣ ее слушалъ. Этотъ сильный и шершавый человѣкъ, постоянно шерстью вверхъ, вдругъ весь смягчился и просвѣтлѣлъ. Въ душѣ его задрожало что-то необычайное, совсѣмъ неожиданное. Три года разлуки, три года расторгнутаго брака не вытѣснили изъ сердца его ничего. И, можетъ быть, каждый день въ эти три года онъ мечталъ о ней, о дорогомъ существѣ, когда-то ему сказавшемъ: «люблю». Зная Шатова, навѣрно скажу, что никогда-бы онъ не могъ допустить въ себѣ даже мечты, чтобы какая нибудь женщина могла сказать ему: «люблю». Онъ былъ цѣломудренъ и стыдливъ до дикости, считалъ себя страшнымъ уродомъ, ненавидѣлъ свое лицо и свой характеръ, приравнивалъ себя къ какому-то монстру, котораго можно возить и показывать лишь на ярмаркахъ. Вслѣдствіе всего этого выше всего считалъ честность, а убѣжденіямъ своимъ предавался до фанатизма, былъ мраченъ, гордъ, гнѣвливъ и не словоохотливъ. Но вотъ это единственное существо, двѣ недѣли его любившее (онъ всегда, всегда тому вѣрилъ!), — существо, которое онъ всегда считалъ неизмѣримо выше себя, не смотря на совершенно трезвое пониманіе ея заблужденій; существо, которому онъ совершенно все, *все* могъ простить (о томъ и вопроса быть не могло, а было даже нѣчто обратное, такъ что выходило по его, что онъ самъ предъ нею во всемъ виноватъ), эта женщина, эта Марья Шатова вдругъ опять въ его домѣ, опять предъ нимъ... этого почти невозможно было понять! Онъ такъ былъ пораженъ, въ этомъ событіи заключалось для него столько чего-то страшнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ столько счастія, что, конечно, онъ не могъ, а, можетъ быть, не желалъ, боялся опомниться. Это былъ сонъ. Но когда она поглядѣла на него этимъ измученнымъ взглядомъ, вдругъ онъ понялъ, что это столь любимое существо страдаетъ, можетъ быть, обижено. Сердце его замерло. Онъ съ болью вглядѣлся въ ея черты: давно уже исчезъ съ этого усталаго лица блескъ первой молодости. Правда, она все еще была хороша собой, — въ его глазахъ, какъ и прежде, красавица. (На самомъ дѣлѣ это была женщина лѣтъ двадцати пяти, довольно сильнаго сложенія, росту выше средняго (выше Шатова), съ темнорусыми, пышными волосами, съ блѣднымъ овальнымъ лицомъ, большими темными глазами, теперь сверкавшими лихорадочнымъ блескомъ). Но легкомысленная, наивная и простодушная прежняя энергія, столь ему знакомая, смѣнилась въ ней угрюмою раздражительностію, разочарованіемъ, какъ-бы цинизмомъ, къ которому она еще не привыкла и которымъ сама тяготилась. Но, главное, она была больна, это разглядѣлъ

онъ ясно. Не смотря на весь свой страхъ предъ нею, онъ вдругъ подошелъ и схватилъ ее за обѣ руки:

— Marie... знаешь... ты, можетъ быть, очень устала, ради Бога не сердись... Если-бы ты согласилась, напримѣръ, хоть чаю, а? Чай очень подкрѣпляетъ, а? Если-бы ты согласилась!..

— Чего тутъ согласилась, разумѣется, соглашусь, какой вы по прежнему ребенокъ. Если можете, дайте. Какъ у васъ тѣсно! Какъ у васъ холодно!

— О, я сейчасъ дровъ, дровъ... дрова у меня есть! весь заходилъ Шатовъ;—дрова... то есть, но... впрочемъ, и чаю сейчасъ, махнулъ онъ рукой, какъ-бы съ отчаянною рѣшимостію, и схватилъ фуражку.

— Куда-жь вы? Стало быть, нѣтъ дома чаю?

— Будетъ, будетъ, будетъ, сейчасъ будетъ все... я... Онъ схватилъ съ полки револьверъ.

— Я продамъ сейчасъ этотъ револьверъ... или заложу...

— Что за глупости, и какъ это долго будетъ! Возьмите вотъ мои деньги, коли у васъ нѣтъ ничего, тутъ восемь гривенъ, кажется; всѣ. У васъ точно въ помѣшанномъ домѣ.

— Не надо, не надо твоихъ денегъ, я сейчасъ, въ одинъ мигъ, я и безъ револьвера...

И онъ бросился прямо къ Кирилову. Это было вѣроятно еще часа за два до посѣщенія Кирилова Петромъ Степановичемъ и Липутинымъ. Шатовъ и Кириловъ, жившіе на одномъ дворѣ, почти не видались другъ съ другомъ, а встрѣчаясь, не кланялись и не говорили: слишкомъ долго ужь они «пролежали» вмѣстѣ въ Америкѣ.

— Кириловъ, у васъ всегда чай; есть у васъ чай и самоваръ?

Кириловъ, ходившій по комнатѣ (по обыкновенію своему всю ночь изъ угла въ уголъ), вдругъ остановился и пристально посмотрѣлъ на вбѣжавшаго, впрочемъ, безъ особаго удивленія.

— Чай есть, сахаръ есть и самоваръ есть. Но самовара не надо, чай горячій. Садитесь и пейте просто.

— Кириловъ, мы вмѣстѣ лежали въ Америкѣ... Ко мнѣ пришла жена... Я... Давайте чаю... Надо самоваръ.

— Если жена, то надо самоваръ. Но самоваръ послѣ. У меня два. А теперь берите со стола чайникъ. Горячій, самый горячій. Берите все; берите сахаръ; весь. Хлѣбъ... Хлѣба много; весь. Есть телятина. Денегъ рубль.

— Давай, другъ, отдамъ завтра! Ахъ, Кириловъ!

— Это та жена, которая въ Швейцаріи? Это хорошо. И то, что вы такъ вбѣжали, тоже хорошо.

— Кириловъ! вскричалъ Шатовъ, захватывая подъ локоть чайникъ, а въ обѣ руки сахаръ и хлѣбъ.—Кириловъ! Если-бъ... если-бъ вы могли отказаться отъ вашихъ ужасныхъ фантазій и бросить вашъ атеистическій бредъ... о, какой-бы вы были человѣкъ, Кириловъ!

— Видно, что вы любите жену послѣ Швейцаріи. Это хорошо, если послѣ Швейцаріи. Когда надо чаю, приходите опять. Приходите всю ночь, я не сплю совсѣмъ. Самоваръ будетъ. Берите рубль, вотъ. Ступайте къ женѣ, я останусь и буду думать о васъ и о вашей женѣ.

Марья Шатова была видимо довольна поспѣшностью и почти съ жадностью принялась за чай, но за самоваромъ бѣжать не понадобилось; она выпила всего полчашки и проглотила лишь крошечный кусочекъ хлѣбца. Отъ телятины брезгливо и раздражительно отказалась.

— Ты больна, Marie, все это такъ въ тебѣ болѣзненно... робко замѣтилъ Шатовъ, робко около нея ухаживая.

— Конечно, больна, пожалуйста сядьте. Гдѣ вы взяли чай, если не было?

Шатовъ разсказалъ про Кирилова, слегка, вкратцѣ. Она кое-что про него слышала.

— Знаю, что съумасшедшій; пожалуйста довольно; мало, что-ли, дураковъ? Такъ вы были въ Америкѣ? Слышала, вы писали.

— Да, я... въ Парижъ писалъ.

— Довольно, и пожалуйста о чемъ нибудь другомъ. Вы по убѣжденію славянофилъ?

— Я... я не то что... За невозможностію быть русскимъ, сталъ славянофиломъ, кри-

во усмѣхнулся онъ, съ натугой человѣка, сострившаго не кстати и черезъ силу.

— А вы не русскій?

— Нѣтъ, не русскій.

— Ну, все это глупости. Сядьте, прошу васъ, наконецъ. Что̀ вы все туда-сюда? Вы думаете, я въ бреду? Можетъ, и буду въ бреду. Вы говорите, васъ только двое въ домѣ?

— Двое... внизу...

— И все такихъ умныхъ. Что̀ внизу? Вы сказали внизу?

— Нѣтъ, ничего.

— Что̀ ничего? Я хочу знать.

— Я только хотѣлъ сказать, что мы тутъ теперь двое во дворѣ, а внизу прежде жили Лебядкины...

— Это та, которую сегодня ночью зарѣзали? вскинулась она вдругъ. — Слышала. Только что пріѣхала, слышала. У васъ былъ пожаръ?

— Да, Marie, да, и, можетъ быть, я дѣлаю страшную подлость въ сію минуту, что прощаю подлецовъ... всталъ онъ вдругъ и зашагалъ по комнатѣ, поднявъ вверхъ руки какъ-бы въ изступленіи.

Но Marie не совсѣмъ поняла его. Она слушала отвѣты разсѣянно; она спрашивала, а не слушала.

— Славныя дѣла у васъ дѣлаются. Охъ, какъ все подло! Какіе всѣ подлецы! Да сядьте-же, прошу васъ, наконецъ, о, какъ вы меня раздражаете! и въ изнеможеніи она опустилась головой на подушку.

— Marie, я не буду... Ты, можетъ быть, прилегла-бы, Marie?

Она не отвѣтила и въ безсиліи закрыла глаза. Блѣдное ея лицо стало точно у мертвой. Она заснула почти мгновенно. Шатовъ посмотрѣлъ кругомъ, поправилъ свѣчу, посмотрѣлъ еще разъ въ безпокойствѣ на ея лицо, крѣпко сжалъ предъ собой руки и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты въ сѣни. Наверху лѣстницы онъ уперся лицомъ въ уголъ и простоялъ такъ минутъ десять, безмолвно и недвижимо. Простоялъ-бы и дольше, но вдругъ внизу послышались тихіе, осторожные шаги. Кто-то подымался вверхъ. Шатовъ вспомнилъ, что забылъ запереть калитку.

— Кто тутъ? спросилъ онъ шепотомъ.

Незнакомый посѣтитель подымался не спѣша и не отвѣчая. Взойдя на верхъ, остановился; разсмотрѣть его было въ темнотѣ невозможно; вдругъ послышался его осторожный вопросъ:

— Иванъ Шатовъ?

Шатовъ назвалъ себя, но немедленно протянулъ руку, чтобъ остановить его; но тотъ схватилъ самъ его за руку и—Шатовъ вздрогнулъ, какъ-бы прикоснувшись къ какому-то страшному гаду.

— Стойте здѣсь, быстро прошепталъ онъ, — не входите, я не могу васъ теперь принять. Ко мнѣ воротилась жена. Я вынесу свѣчу.

Когда онъ воротился со свѣчкой, стоялъ какой-то молоденькій офицерикъ; имени его онъ не зналъ, но гдѣ-то видѣлъ.

— Эркель, отрекомендовался тотъ. — Видѣли меня у Виргинскаго.

— Помню; вы сидѣли и писали. Слушайте, вскипѣлъ вдругъ Шатовъ, изступленно подступая къ нему, но говоря по прежнему шепотомъ, — вы сейчасъ мнѣ сдѣлали знакъ рукой, когда схватили мою руку. Но знайте, я могу наплевать на всѣ эти знаки! Я не признаю... не хочу... Я могу васъ спустить сейчасъ съ лѣстницы, знаете вы это?

— Нѣтъ, я этого ничего не знаю и совсѣмъ не знаю, за что̀ вы такъ разсердились, незлобиво и почти простодушно отвѣтилъ гость. — Я имѣю только передать вамъ нѣчто и за тѣмъ пришелъ, главное, не желая терять времени. У васъ станокъ вамъ не принадлежащій и въ которомъ вы обязаны отчетомъ, какъ знаете сами. Мнѣ велѣно потребовать отъ васъ передать его завтра-же, ровно въ семь часовъ пополудни, Липутину. Кромѣ того велѣно сообщить, что болѣе отъ васъ ничего никогда не потребуется.

— Ничего?

— Совершенно ничего. Ваша просьба исполняется и вы навсегда устранены. Это положительно мнѣ велѣно вамъ сообщить.

— Кто велѣлъ сообщить?

— Тѣ, которые передали мнѣ знакъ.

— Вы изъ-за границы?

— Это... это, я думаю для васъ безразлично.

— Э, чортъ! А почему вы раньше не приходили, если вамъ велѣно?

— Я слѣдовалъ нѣкоторымъ инструкціямъ и былъ не одинъ.

— Понимаю, понимаю, что были не одинъ. Э... чортъ! А зачѣмъ Липутинъ самъ не пришелъ?

— Итакъ, я явлюсь за вами завтра ровно въ шесть часовъ вечера и пойдемъ туда пѣшкомъ. Кромѣ насъ троихъ никого не будетъ.

— Верховенскій будетъ?

— Нѣтъ, его не будетъ. Верховенскій уѣзжаетъ завтра поутру изъ города, въ одиннадцать часовъ.

— Такъ я и думалъ, бѣшено прошепталъ Шатовъ и стукнулъ себя кулакомъ по бедру; — бѣжалъ, каналья!

Онъ взволнованно задумался. Эркель пристально смотрѣлъ на него, молчалъ и ждалъ.

— Какъ-же вы возьмете? Вѣдь это нельзя за разъ взять въ руки и унести.

— Да и не нужно будетъ. Вы только укажете мѣсто, а мы только удостовѣримся, что дѣйствительно тутъ зарыто. Мы вѣдь знаемъ только, гдѣ это мѣсто, самаго мѣста не знаемъ. А вы развѣ указывали еще кому нибудь мѣсто?

Шатовъ посмотрѣлъ на него.

— Вы-то, вы-то, такой мальчишка,— такой глупенькій мальчишка,— вы тоже туда влѣзли съ головой какъ баранъ? Э, да имъ и надо этакого соку! Ну, ступайте! Э-эхъ! Тотъ подлецъ васъ всѣхъ надулъ и бѣжалъ.

Эркель смотрѣлъ ясно и спокойно, но какъ будто не понималъ.

— Верховенскій бѣжалъ, Верховенскій! яростно проскрежеталъ Шатовъ.

— Да вѣдь онъ еще здѣсь, не уѣхалъ. Онъ только завтра уѣдетъ, мягко и убѣдительно замѣтилъ Эркель.— Я его особенно приглашалъ присутствовать въ качествѣ свидѣтеля; къ нему моя вся инструкція была (съ откровенничалъ онъ какъ молоденькій, неопытный мальчикъ). Но онъ, къ сожалѣнію, не согласился, подъ предлогомъ отъѣзда; да и въ самомъ дѣлѣ что-то спѣшитъ.

Шатовъ еще разъ сожалительно всякнулъ глазами на простачка, но вдругъ махнулъ рукой, какъ-бы подумавъ: «стоитъ жалѣть-то».

— Хорошо, приду, оборвалъ онъ вдругъ,— а теперь убирайтесь, маршъ!

— Итакъ я ровно въ шесть часовъ, вѣжливо поклонился Эркель и не спѣша пошелъ съ лѣстницы.

— Дурачокъ! не утерпѣлъ крикнуть ему вслѣдъ сверху лѣстницы Шатовъ.

— Что-съ? отозвался тотъ уже снизу.

— Ничего, ступайте.

— Я думалъ вы что-то сказали.

II.

Эркель былъ такой «дурачокъ», у котораго только главнаго толку не было въ головѣ, царя въ головѣ; но маленькаго подчиненнаго толку у него было довольно, даже до хитрости. Фанатически, младенчески преданный «общему дѣлу», а въ сущности Петру Верховенскому, онъ дѣйствовалъ по его инструкціи, данной ему въ то время, когда въ засѣданіи у *нашихъ* условились и распредѣлили роли на завтра. Петръ Степановичъ, назначая ему роль посланника, успѣлъ поговорить съ нимъ минутъ десять въ сторонкѣ. Исполнительная часть была потребностью этой мелкой, малоразсудочной, вѣчно жаждущей подчиненія чужой волѣ натуры, — о, конечно, не иначе какъ ради «общаго» или «великаго» дѣла. Но и это было все равно, ибо маленькіе фанатики, подобные Эркелю, никакъ не могутъ понять служенія идеѣ, иначе какъ сливъ ее съ самимъ лицомъ, по ихъ понятію, выражающимъ эту идею. Чувствительный, ласковый и добрый Эркель, быть можетъ, былъ самымъ безчувственнымъ изъ убійцъ собравшихся на Шатова, и безо всякой личной ненависти, не смигнувъ глазомъ, присутствовалъ-бы при его убіеніи. Ему велѣно было, напримѣръ, хорошенько, между прочимъ, высмотрѣть обстановку Шатова, во время исполненія своего порученія, и когда Шатовъ, принявъ его на лѣстницѣ, сболтнулъ въ жару, всего вѣроятнѣе не замѣтивъ того, что къ нему воротилась жена,— у Эркеля тотчасъ-же достало ин-

стинктивной хитрости не выказать ни малѣйшаго дальнѣйшаго любопытства, не смотря на блеснувшую въ умѣ догадку, что фактъ воротившейся жены имѣетъ большое значеніе въ успѣхѣ ихъ предпріятія...

Такъ въ сущности и было: одинъ только этотъ фактъ и спасъ «мерзавцевъ» отъ намѣренія Шатова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помогъ имъ отъ него «избавиться»... Во первыхъ, онъ взволновалъ Шатова, выбилъ его изъ колеи, отнялъ отъ него обычную прозорливость и осторожность. Какая нибудь идея о своей собственной безопасности менѣе всего могла придти теперь въ его голову, занятую совсѣмъ другимъ. Напротивъ, онъ съ увлеченіемъ повѣрилъ, что Петръ Верховенскій завтра бѣжитъ: это такъ совпадало съ его подозрѣніями! Возвратясь въ комнату, онъ опять усѣлся въ уголъ, уперся локтями на колѣна и закрылъ руками лицо. Горькія мысли его мучили...

И вотъ онъ снова подымалъ голову, вставалъ на цыпочки и шелъ на нее поглядѣть: «Господи! Да у нея завтра-же разовьется горячка, къ утру, пожалуй уже теперь началась! Конечно, простудилась. Она не привыкла къ этому ужасному климату, а тутъ вагонъ, третій классъ, кругомъ вихрь, дождь, а у нея такой холодный бурнусикъ, совсѣмъ никакой одеженки... И тутъ-то ее оставить, бросить безъ помощи! Сакъ-то, сакъ-то какой крошечный, легкій, сморщенный, десять фунтовъ! Бѣдная, какъ она изнурена, сколько вынесла! Она горда, оттого и не жалуется. Но раздражена, раздражена! Это болѣзнь: и ангелъ въ болѣзни станетъ раздражителенъ. Какой сухой, горячій, должно быть, лобъ, какъ темно подъ глазами и... и какъ, однако, прекраснъ этотъ овалъ лица, и эти пышные волосы, какъ»...

И онъ поскорѣе отводилъ глаза, поскорѣй отходилъ, какъ-бы пугаясь одной идеи видѣть въ ней что нибудь другое чѣмъ несчастное, измученное существо, которому надо помочь,— «какія ужь тутъ *надежды!* О, какъ низокъ, какъ подлъ человѣкъ!» и онъ шелъ опять въ свой уголъ, садился, закрывалъ лицо руками и опять мечталъ, опять припоминалъ... и опять мерещились ему надежды.

«Охъ, устала, охъ, устала!» припоминалъ онъ ея восклицанія, ея слабый, надорванный голосъ: «Господи! Бросить ее теперь, а у ней восемь гривенъ; протянула свой портмоне, старенькій, крошечный! Пріѣхала мѣста искать,— ну что она понимаетъ въ мѣстахъ, что они понимаютъ въ Россіи? Вѣдь это какъ блажныя дѣти, все у нихъ собственныя фантазіи, ими-же созданныя; и сердится бѣдная, зачѣмъ не похожа Россія на ихъ иностранныя мечтаньица! О, несчастные, о, невинные!.. И, однако, въ самомъ дѣлѣ здѣсь холодно»...

Онъ вспомнилъ, что она жаловалась, что онъ обѣщался затопить печь. «Дрова тутъ, можно принести, не разбудить-бы только. Впрочемъ, можно. А какъ рѣшить на счетъ телятины? Встанетъ, можетъ быть, захочетъ кушать... Ну это послѣ; Кириловъ всю ночь не спитъ. Чѣмъ-бы ее накрыть, она такъ крѣпко спитъ, но ей вѣрно холодно, ахъ, холодно!»

И онъ еще разъ подошелъ на нее посмотрѣть; платье немного завернулось, и половина правой ноги открылась до колѣна. Онъ вдругъ отвернулся, почти въ испугѣ, снялъ съ себя теплое пальто, и, оставшись въ старенькомъ сюртучишкѣ, накрылъ, стараясь не смотрѣть, обнаженное мѣсто.

Зажиганіе дровъ, хожденіе на цыпочкахъ, осматриваніе спящей, мечты въ углу, потомъ опять осматриваніе спящей взяли много времени. Прошло два—три часа. И вотъ въ это-то время у Кирилова успѣли побывать Верховенскій и Липутинъ. Наконецъ, и онъ задремалъ въ углу. Раздался ея стонъ; она пробудилась, она звала его; онъ вскочилъ какъ преступникъ.

— Marie! Я было заснулъ... Ахъ, какой я подлецъ, Marie!

Она привстала, озираясь съ удивленіемъ, какъ-бы не узнавая гдѣ находится, и вдругъ вся всполошилась въ негодованіи, въ гнѣвѣ:

— Я заняла вашу постель, я заснула внѣ себя отъ усталости; какъ смѣли вы не разбудить меня? Какъ осмѣлились подумать, что я намѣрена быть вамъ въ тягость?

— Какъ могъ я разбудить тебя, Marie?

— Могли; должны были! Для васъ тутъ нѣтъ другой постели, а я заняла вашу. Вы не должны были ставить меня въ фальшивое положеніе. Или вы думаете, я пріѣхала пользоваться вашими благодѣяніями? Сейчасъ извольте занять вашу постель, а я лягу въ углу на стульяхъ...

— Marie, столько нѣтъ стульевъ, да и нечего постлать.

— Ну такъ просто на полу. Вѣдь вамъ же самому придется спать на полу. Я хочу на полу, сейчасъ, сейчасъ!

Она встала, хотѣла шагнуть, но вдругъ какъ-бы сильнѣйшая судорожная боль разомъ отняла у ней всѣ силы и всю рѣшимость и она съ громкимъ стономъ опять упала на постель. Шатовъ подбѣжалъ, но Marie, спрятавъ лицо въ подушки, захватила его руку и изо всей силы стала сжимать и ломать ее въ своей рукѣ. Такъ продолжалось съ минуту.

— Marie, голубчикъ, если надо, тутъ есть докторъ Френцель, мнѣ знакомый, очень... Я-бы сбѣгалъ къ нему.

— Вздоръ!

— Какъ вздоръ? Скажи, Marie, что у тебя болитъ? А то-бы можно припарки... на животъ, напримѣръ... Это я и безъ доктора могу... А-то горчишники.

— Что-жь это? странно спросила она, подымая голову и испуганно смотря на него.

— То есть что именно, Marie? не понималъ Шатовъ:— про что ты спрашиваешь? О, Боже, я совсѣмъ теряюсь, Marie, извини что ничего не понимаю.

— Эхъ, отстаньте, не ваше дѣло понимать. Да и было-бы очень смѣшно... горько усмѣхнулась она.— Говорите мнѣ про что нибудь. Ходите по комнатѣ и говорите. Не стойте подлѣ меня и не глядите на меня, объ этомъ особенно прошу васъ въ пятисотый разъ!

Шатовъ сталъ ходить по комнатѣ, смотря въ полъ и изо всѣхъ силъ стараясь не взглянуть на нее.

— Тутъ—не разсердись, Marie, умоляю тебя—тутъ есть телятина, недалеко и чай... Ты такъ мало давеча скушала...

Она брезгливо и злобно замахала рукой. Шатовъ въ отчаяніи прикусилъ языкъ.

— Слушайте, я намѣрена здѣсь открыть переплетную, на разумныхъ началахъ ассоціаціи. Такъ какъ вы здѣсь живете, то какъ вы думаете: удастся или нѣтъ?

— Эхъ, Marie, у насъ и книгъ-то не читаютъ,,да и нѣтъ ихъ совсѣмъ. Да и станетъ онъ книгу переплетать?

— Кто онъ?

— Здѣшній читатель и здѣшній житель вообще, Marie.

— Ну такъ и говорите яснѣе, а то: *онъ*, а кто онъ — неизвѣстно. Грамматики не знаете.

— Это въ духѣ языка, Marie, пробормоталъ Шатовъ.

— Ахъ, подите вы съ вашимъ духомъ, надоѣли. Почему здѣшній житель или читатель не станетъ переплетать?

— Потому что читать книгу и ее переплетать это цѣлыхъ два періода развитія, и огромныхъ. Сначала онъ помаленьку читать пріучается, вѣками, разумѣется, но треплетъ книгу и валяетъ ее, считая за несеріозную вещь. Переплетъ-же означаетъ уже и уваженіе къ книгѣ, означаетъ, что онъ не только читать полюбилъ, но и за дѣло призналъ. До этого періода еще вся Россія не дожила. Европа давно переплетаетъ.

— Это хоть и по педантски, но, по крайней мѣрѣ, не глупо сказано и напоминаетъ мнѣ три года назадъ; вы иногда были довольно остроумны три года назадъ.

Она это высказала такъ-же брезгливо какъ и всѣ прежнія капризныя свои фразы.

— Marie, Marie, въ умиленіи обратился къ ней Шатовъ,—о, Marie! Если-бъ ты знала сколько въ эти три года прошло и прошло! Я слышалъ потомъ, что ты будтобы презирала меня за перемѣну убѣжденій. Кого-жь я бросилъ? Враговъ живой жизни, устарѣлыхъ либералишекъ, боящихся собственной независимости; лакеевъ мысли, враговъ личности и свободы, дряхлыхъ проповѣдниковъ мертвечины и тухлятины! Что у нихъ: старчество, золотая средина, самая мѣщанская, подлая бездарность, завистливое равенство, равенство безъ собственнаго достоинства, равенство какъ сознаетъ его лакей или какъ сознавалъ французъ 93 года... А главное, вездѣ мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!

— Да, мерзавцевъ много, отрывисто и болѣзненно проговорила она. Она лежала протянувшись, недвижимо и какъ-бы боясь пошевелиться, откинувшись головой на подушку, нѣсколько въ бокъ, смотря въ потолокъ утомленнымъ, но горячимъ взглядомъ. Лицо ея было блѣдно, губы высохли и запеклись.

— Ты сознаешь, Marie, сознаешь! воскликнулъ Шатовъ. Она хотѣла было сдѣлать отрицательный знакъ головой, и вдругъ съ нею сдѣлалась прежняя судорога. Опять она спрятала лицо въ подушку и опять изо всей силы цѣлую минуту сжимала до боли руку подбѣжавшаго и обезумѣвшаго отъ ужаса Шатова.

— Marie, Marie! Но вѣдь это можетъ быть очень серіозно, Marie!

— Молчите... Я не хочу, не хочу, восклицала она почти въ ярости, повертываясь опять вверхъ лицомъ;— не смѣйте глядѣть на меня, съ вашимъ состраданіемъ! Ходите по комнатѣ, говорите что нибудь, говорите...

Шатовъ какъ потерянный началъ было снова что-то бормотать.

— Вы чѣмъ здѣсь занимаетесь? спросила она съ бревгливымъ нетерпѣніемъ перебивая его.

— На контору къ купцу одному хожу. Я, Marie, если-бъ особенно захотѣлъ, могъ-бы и здѣсь хорошія деньги доставать.

— Тѣмъ для васъ лучше...

— Ахъ, не подумай чего, Marie, я такъ сказалъ...

— А еще что дѣлаете? Что проповѣдуете? Вѣдь вы не можете не проповѣдовать; таковъ характеръ!

— Бога проповѣдую, Marie.

— Въ котораго сами не вѣрите. Этой идеи я никогда не могла понять.

— Оставимъ, Marie, это потомъ.

— Что такое была здѣсь эта Марья Тимоѳеевна?

— Это тоже мы потомъ, Marie.

— Не смѣйте мнѣ дѣлать такія замѣчанія! Правда-ли, что смерть эту можно отнести къ злодѣйству... этихъ людей?

— Непремѣнно такъ, проскрежеталъ Шатовъ.

Marie вдругъ подняла голову и болѣзненно прокричала:

— Не смѣйте мнѣ больше говорить объ этомъ, никогда не смѣйте, никогда не смѣйте!

И она опять упала на постель въ припадкѣ той-же судорожной боли; это уже въ третій разъ, но на этотъ разъ стоны стали громче, обратились въ крики.

— О, несносный человѣкъ! О, нестерпимый человѣкъ! металась она уже не жалѣя себя, отталкивая стоявшаго надъ нею Шатова.

— Marie, я буду что хочешь... я буду ходить, говорить...

— Да неужто вы не видите что началось?

— Что началось, Marie?

— А почемъ я знаю! Я развѣ тутъ знаю что нибудь... О, проклятая! О, будь проклято все заранѣ!

— Marie, если-бъ ты сказала что начинается... а то я... что я пойму если такъ?

— Вы отвлеченный, безполезный болтунъ. О, будь проклято все на свѣтѣ!

— Marie! Marie!

Онъ серіозно подумалъ, что съ ней начинается помѣшательство.

— Да неужели вы, наконецъ, не видите, что я мучаюсь родами, приподнялась она, смотря на него со страшною, болѣзненною, исказившею все лицо ея злобой. Будь онъ заранѣ проклятъ, этотъ ребенокъ!

— Marie, воскликнулъ Шатовъ, догадавшись, наконецъ, въ чемъ дѣло,— Marie... Но что-же ты не сказала заранѣ? спохватился онъ вдругъ и съ энергическою рѣшимостью схватилъ свою фуражку.

— А я почемъ знала, входя сюда?—Неужто пришла-бы къ вамъ? Мнѣ сказали, еще черезъ десять дней! Куда-же вы, куда-же вы, не смѣйте!

— За повивальною бабкой! Я продамъ револьверъ; прежде всего теперь деньги!

— Не смѣйте ничего, не смѣйте повивальную бабку, просто бабу, старуху, у меня въ портмоне восемь гривенъ... Родятъ-же деревенскія бабы безъ бабокъ... А околѣю, такъ тѣмъ лучше...

— И баба будетъ, и старуха будетъ. Только какъ я, какъ я оставлю тебя одну, Marie!

Но сообразивъ, что лучше теперь оста-

вить ее одну, не смотря на все ея изступленіе, чѣмъ потомъ оставить безъ помощи, онъ, не слушая ея стоновъ, ни гнѣвливыхъ восклицаній, и надѣясь на свои ноги, пустился сломя голову съ лѣстницы.

III.

Прежде всего къ Кирилову. Было уже около часу пополуночи. Кириловъ стоялъ посреди комнаты.

— Кириловъ, жена родитъ!

— То есть какъ?

— Родитъ, ребенка родитъ!

— Вы... не ошибаетесь?

— О, нѣтъ, нѣтъ, у ней судороги!.. Надо бабу, старуху какую нибудь, непремѣнно сейчасъ... Можно теперь достать? У васъ было много старухъ...

— Очень жаль, что я родить не умѣю, задумчиво отвѣчалъ Кириловъ,—то есть не я родить не умѣю, а сдѣлать такъ, чтобы родить не умѣю... или... Нѣтъ, это я не умѣю сказать.

— То есть вы не можете сами помочь въ родахъ; но я не про то; старуху, старуху, я прошу бабу, сидѣлку, служанку!

— Старуха будетъ, только, можетъ быть, не сейчасъ. Если хотите, я вмѣсто...

— О, невозможно; я теперь къ Виргинской, къ бабкѣ.

— Мерзавка!

— О, да, Кириловъ, да, но она лучше всѣхъ! О, да, все это будетъ безъ благоговѣнія, безъ радости, брезгливо, съ бранью, съ богохульствомъ — при такой великой тайнѣ, появленіи новаго существа!.. О, она ужь теперь проклинаетъ его!..

— Если хотите, я...

— Нѣтъ, нѣтъ, а пока я буду бѣгать (о, я притащу Виргинскую!), вы иногда подходите къ моей лѣстницѣ и тихонько прислушивайтесь, но не смѣйте входить, вы ее испугаете, ни за что не входите, вы только слушайте... на всякій ужасный случай. Ну, если что крайнее случится, тогда войдите.

— Понимаю. Денегъ еще рубль. Вотъ. Я хотѣлъ завтра курицу, теперь не хочу. Бѣгите скорѣй, бѣгите изо всей силы. Самоваръ всю ночь.

Кириловъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ на счетъ Шатова, да и прежде никогда не зналъ о всей степени опасности ему угрожающей. Зналъ только, что у него какіе-то старые счеты съ «тѣми людьми», и хотя самъ былъ въ это дѣло отчасти замѣшанъ, сообщенными ему изъ-за границы инструкціями (впрочемъ, весьма поверхностными, ибо близко онъ ни въ чемъ не участвовалъ), но въ послѣднее время онъ все бросилъ, всѣ порученія, совершенно устранилъ себя отъ всякихъ дѣлъ, прежде-же всего отъ «общаго дѣла», и предался жизни созерцательной. Петръ Верховенскій, въ засѣданіи, хотя и позвалъ Липутина къ Кирилову, чтобъ удостовѣриться, что тотъ приметъ, въ данный моментъ, «дѣло Шатова» на себя, но, однако, въ объясненіяхъ съ Кириловымъ ни слова не сказалъ про Шатова, даже не намекнулъ,—вѣроятно считая не политичнымъ, а Кирилова даже и неблагонадежнымъ, и оставивъ до завтра, когда уже все будетъ сдѣлано, а Кирилову, стало быть, будетъ уже «все равно»; по крайней мѣрѣ, такъ разсуждалъ о Кириловѣ Петръ Степановичъ. Липутинъ тоже очень замѣтилъ, что о Шатовѣ, не смотря на обѣщаніе, ни слова не было упомянуто, но Липутинъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы протестовать.

Какъ вихрь бѣжалъ Шатовъ въ Муравьиную улицу, проклиная разстояніе и не видя ему конца.

Надо было долго стучать у Виргинскаго: всѣ давно уже спали. Но Шатовъ изо всей силы и безо всякой церемоніи заколотилъ въ ставню. Цѣпная собака на дворѣ рвалась и заливалась злобнымъ лаемъ. Собаки всей улицы подхватили; поднялся собачій гамъ.

— Что вы стучите и чего вамъ угодно? раздался, наконецъ, у окна мягкій и не соотвѣтственный «оскорбленію» голосъ самого Виргинскаго. Ставня пріотворилась, открылась и форточка.

— Кто тамъ, какой подлецъ? злобно провизжалъ уже совершенно соотвѣтственный оскорбленію женскій голосъ старой дѣвы, родственницы Виргинскаго.

— Я, Шатовъ, ко мнѣ воротилась жена и теперь сейчасъ родитъ...

— Ну, пусть и родитъ, убирайтесь!

— Я за Ариной Прохоровной, я не уйду безъ Арины Прохоровны!

— Не можетъ она ко всякому ходить. По ночамъ особая практика... Убирайтесь къ Макшеевой и не смѣйте шумѣть! трещалъ обозленный женскій голосъ. Слышно было, какъ Виргинскій останавливалъ; но старая дѣва его отталкивала и не уступала.

— Я не уйду! прокричалъ опять Шатовъ.

— Подождите, подождите-же! прикрикнулъ, наконецъ, Виргинскій, осиливъ дѣву,—прошу васъ, Шатовъ, подождать пять минутъ, я разбужу Арину Прохоровну, и пожалуйста не стучите и не кричите... О, какъ все это ужасно!

Черезъ пять безконечныхъ минутъ явилась Арина Прохоровна.

— Къ вамъ жена пріѣхала? послышался изъ форточки ея голосъ, и, къ удивленію Шатова, вовсе не злой, а такъ только по обыкновенному повелительный; но Арина Прохоровна иначе и не могла говорить.

— Да, жена и родитъ.

— Марья Игнатьевна?

— Да, Марья Игнатьевна. Разумѣется, Марья Игнатьевна!

Наступило молчаніе. Шатовъ ждалъ. Въ домѣ перешептывались.

— Она давно пріѣхала? спросила опять m-me Виргинская.

— Сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ. Пожалуйста поскорѣй.

Опять пошептались, опять какъ будто посовѣтовались.

— Слушайте, вы не ошибаетесь? Она сама васъ послала за мной?

— Нѣтъ, она не посылала за вами, она хочетъ бабу, простую бабу, чтобы меня не обременять расходами, но не безпокойтесь, я заплачу.

— Хорошо, приду, заплатите или нѣтъ. Я всегда цѣнила независимыя чувства Марьи Игнатьевны, хотя она, можетъ быть, не помнитъ меня. Есть у васъ самыя необходимыя вещи?

— Ничего нѣтъ, но все будетъ, будетъ, будетъ...

«Есть-же и въ этихъ людяхъ великодушіе!» думалъ Шатовъ, направляясь къ Лямшину. «Убѣжденія и человѣкъ — это, кажется, двѣ вещи во многомъ различныя. Я, можетъ быть, много виноватъ предъ ними!.. Всѣ виноваты, всѣ виноваты и... если-бы въ этомъ всѣ убѣдились!..»

У Лямшина пришлось стучать не долго; къ удивленію, онъ мигомъ отворилъ форточку, вскочивъ съ постели босой и въ бѣльѣ, рискуя насморкомъ; а онъ очень былъ мнителенъ и постоянно заботился о своемъ здоровьѣ. Но была особая причина такой чуткости и поспѣшности: Лямшинъ трепеталъ весь вечеръ и до сихъ поръ еще не могъ заснуть отъ волненія вслѣдствіе засѣданія у нашихъ; ему все мерещилось посѣщеніе нѣкоторыхъ незваныхъ и уже совсѣмъ нежеланныхъ гостей. Извѣстіе о доносѣ Шатова больше всего его мучило... И вотъ вдругъ, какъ нарочно, такъ ужасно громко застучали въ окошко!..

Онъ до того струсилъ, увидавъ Шатова, что тотчасъ-же захлопнулъ форточку и убѣжалъ на кровать. Шатовъ сталъ неистово стучать и кричать.

— Какъ вы смѣете такъ стучать среди ночи? грозно, но замирая отъ страху, крикнулъ Лямшинъ, по крайней мѣрѣ, минуты черезъ двѣ рѣшившись отворить снова форточку и убѣдившись, наконецъ, что Шатовъ пришелъ одинъ.

— Вотъ вамъ револьверъ; берите обратно, давайте пятнадцать рублей.

— Что̀ это, вы пьяны? Это разбой; я только простужусь. Постойте, я сейчасъ пледъ накину.

— Сейчасъ давайте пятнадцать рублей. Если не дадите, буду стучать и кричать до зари; я у васъ раму выбью.

— А я закричу караулъ, и васъ въ каталашку возьмутъ.

— А я нѣмой, что-ли? Я не закричу караулъ? Кому бояться караула, вамъ или мнѣ?

— И вы можете питать такія подлыя убѣжденія... Я знаю на что̀ вы намекаете... Стойте, стойте, ради Бога не стучите! Помилуйте, у кого деньги ночью? Ну зачѣмъ вамъ деньги, если вы не пьяны?

— Ко мнѣ жена воротилась. Я вамъ де-

сять рублей скинулъ, я ни разу не стрѣлялъ; берите револьверъ, берите сію минуту.

Лямшинъ машинально протянулъ изъ форточки руку и принялъ револьверъ; подождалъ и вдругъ, быстро выскочивъ головой изъ форточки, пролепеталъ какъ-бы не помня себя и съ ознобомъ въ спинѣ:

— Вы врете, къ вамъ совсѣмъ не пришла жена... Это... это вы просто хотите куда нибудь убѣжать.

— Дуракъ вы, куда мнѣ бѣжать? Это вашъ Петръ Верховенскій пусть бѣжитъ, а не я. Я былъ сейчасъ у бабки Виргинской, и она тотчасъ согласилась ко мнѣ придти. Справьтесь. Жена мучается; нужны деньги; давайте денегъ!

Цѣлый фейерверкъ идей блеснулъ въ изворотливомъ умѣ Лямшина. Все вдругъ приняло другой оборотъ, но все еще страхъ не давалъ разсудить.

— Да какъ-же... вѣдь вы не живете съ женой?

— А я вамъ голову пробью за такіе вопросы.

— Ахъ, Богъ мой, простите, понимаю, меня только ошеломило... Но я понимаю, понимаю. Но... но — неужели Арина Прохоровна придетъ? Вы сказали сейчасъ, что она пошла? Знаете, вѣдь это неправда. Видите, видите, видите, какъ вы говорите неправду на каждомъ шагу.

— Она навѣрно теперь у жены сидитъ, не задерживайте, я не виноватъ, что вы глупы.

— Неправда, я не глупъ. Извините меня, никакъ не могу...

И онъ, совсѣмъ уже потерявшись, въ третій разъ сталъ опять запирать, но Шатовъ такъ завопилъ, что онъ мигомъ опять выставился.

— Но это совершенное посягновеніе на личность? Чего вы отъ меня требуете, ну чего, чего, формулируйте. И замѣтьте, замѣтьте себѣ, среди такой ночи!

— Пятнадцать рублей требую, баранья голова!

— Но я, можетъ, вовсе не хочу брать назадъ револьверъ. Вы не имѣете права. Вы купили вещь — и все кончено, и не имѣете права. Я такую сумму ночью ни за что не могу. Гдѣ я достану такую сумму?

— У тебя всегда деньги есть; я тебѣ сбавилъ десять рублей, но ты извѣстный жиденокъ.

— Приходите послѣзавтра, — слышите, послѣзавтра утромъ, ровно въ двѣнадцать часовъ, и я все отдамъ, все, не правда-ли?

Шатовъ въ третій разъ неистово застучалъ въ раму:

— Давай десять рублей, а завтра чѣмъ свѣтъ утромъ пять.

— Нѣтъ, послѣзавтра утромъ пять, а завтра ей Богу не будетъ. Лучше и не приходите, лучше не приходите.

— Давай десять; о, подлецъ!

— За что-же вы такъ ругаетесь? Подождите, надобно засвѣтить; вы вотъ стекло выбили... Кто по ночамъ такъ ругается? Вотъ! протянулъ онъ изъ окна бумажку.

Шатовъ схватилъ, — бумажка была пятирублевая.

— Ей Богу не могу, хоть зарѣжьте, не могу, послѣзавтра все могу, а теперь ничего не могу.

— Не уйду! заревѣлъ Шатовъ.

— Ну вотъ берите, вотъ еще, видите еще, а больше не дамъ. Ну хоть орите во все горло, не дамъ, ну хоть что-бы тамъ ни было, не дамъ; не дамъ и не дамъ!

Онъ былъ въ изступленіи, въ отчаяніи, въ поту. Двѣ кредитки, которыя онъ еще выдалъ, были рублевыя. Всего скопилось у Шатова семь рублей.

— Ну, чортъ съ тобой, завтра приду. Изобью тебя, Лямшинъ, если не приготовишь восьми рублей.

«А дома-то меня не будетъ, дуракъ!» быстро подумалъ про себя Лямшинъ.

— Стойте, стойте! неистово закричалъ онъ вслѣдъ Шатову, который уже побѣжалъ. — Стойте, воротитесь. Скажите пожалуйста, это правду вы сказали, что къ вамъ воротилась жена?

— Дуракъ! плюнулъ Шатовъ и побѣжалъ что было мочи домой.

IV.

Замѣчу, что Арина Прохоровна ничего не знала о вчерашнихъ намѣреніяхъ, принятыхъ въ засѣданіи. Виргинскій, возвра-

тясь домой, пораженный и ослабѣвшій, не осмѣлился сообщить ей принятое рѣшеніе; но всетаки не утерпѣлъ и открылъ половину, — то есть все извѣстіе сообщенное Верховенскимъ о непремѣнномъ намѣреніи Шатова донести; но тутъ-же заявилъ, что не совсѣмъ довѣряетъ извѣстію. Арина Прохоровна испугалась ужасно. Вотъ почему, когда прибѣжалъ за нею Шатовъ, она, не смотря на то, что была утомлена, промаявшись съ одной родильницей всю прошлую ночь, немедленно рѣшилась пойдти. Она всегда была увѣрена, что «такая дрянь, какъ Шатовъ, способенъ на гражданскую подлость»; но прибытіе Марьи Игнатьевны подводило дѣло подъ новую точку зрѣнія. Испугъ Шатова, отчаянный тонъ его просьбъ, мольбы о помощи обозначали переворотъ въ чувствахъ предателя: человѣкъ рѣшившійся даже предать себя, чтобы только погубить другихъ — кажется, имѣлъ-бы другой видъ и тонъ, чѣмъ представлялось въ дѣйствительности. Однимъ словомъ, Арина Прохоровна рѣшилась разсмотрѣть все сама своими глазами. Виргинскій остался очень доволенъ ея рѣшимостью, — какъ будто пять пудовъ съ него сняли! У него даже родилась надежда: видъ Шатова показался ему въ высшей степени несоотвѣтственнымъ предположенію Верховенскаго.

Шатовъ не ошибся; возвратясь, онъ уже засталъ Арину Прохоровну у Магіе. Она только что пріѣхала, съ презрѣніемъ прогнала Кирилова, торчавшаго внизу лѣстницы; наскоро познакомилась съ Marie, которая за прежнюю знакомую ее не признала; нашла ее въ «сквернѣйшемъ положеніи», то есть злобною, разстроенною и въ «самомъ малодушномъ отчаяніи» и въ какихъ нибудь пять минутъ одержала рѣшительный верхъ надъ всѣми ея возраженіями.

— Чего вы наладили, что не хотите дорогой акушерки? говорила она въ ту самую минуту какъ входилъ Шатовъ, — совершенный вздоръ, фальшивыя мысли отъ ненормальности вашего положенія. Съ помощью простой какой нибудь старухи, простонародной бабки, вамъ пятьдесятъ шансовъ кончить худо; а ужь тутъ хлопотъ и расходовъ будетъ больше чѣмъ съ дорогою акушеркой. Почему вы знаете, что я дорогая акушерка? Заплатите послѣ, я съ васъ лишняго не возьму, а за успѣхъ поручусь; со мной не умрете, не такихъ видывала. Да и ребенка хоть завтра-же вамъ отправлю въ пріютъ, а потомъ въ деревню на воспитаніе, тѣмъ и дѣло съ концомъ. А тамъ вы выздоравливаете, принимаетесь за разумный трудъ, и въ очень короткій срокъ вознаграждаете Шатова за помѣщеніе и расходы, которые вовсе будутъ не такъ велики...

— Я не то... Я не въ правѣ обременять...

— Раціональныя и гражданскія чувства, но повѣрьте, что Шатовъ ничего почти не истратитъ, если захочетъ изъ фантастическаго господина обратиться хоть капельку въ человѣка вѣрныхъ идей. Стоитъ только не дѣлать глупостей, не бить въ барабанъ, не бѣгать высуня языкъ по городу. Не держать его за руки, такъ онъ къ утру подыметъ, пожалуй, всѣхъ здѣшнихъ докторовъ; поднялъ-же всѣхъ собакъ у меня на улицѣ. Докторовъ не надо, я уже сказала, что ручаюсь за все. Старуху, пожалуй, еще можно нанять для прислуги, это ничего не стоитъ. Впрочемъ, онъ и самъ можетъ на что нибудь пригодиться, не на однѣ только глупости. Руки есть, ноги есть, въ аптеку сбѣгаетъ, безъ всякаго оскорбленія вашихъ чувствъ благодѣяніемъ. Какое чортъ благодѣяніе! Развѣ не онъ васъ привелъ къ этому положенію? Развѣ не онъ поссорилъ васъ съ тѣмъ семействомъ, гдѣ вы были въ гувернанткахъ, съ эгоистическою цѣлью на васъ жениться? Вѣдь мы слышали... Впрочемъ, онъ самъ сейчасъ прибѣжалъ какъ ошалѣлый и накричалъ на всю улицу. Я ни къ кому не навязываюсь и пришла единственно для васъ, изъ принципа, что всѣ наши обязаны солидарностью; я ему заявила это, еще не выходя изъ дому. Если я, по вашему, лишняя, то прощайте; только не вышло-бы бѣды, которую такъ легко устранить.

И она даже поднялась со стула.

Магіе была такъ безпомощна, до того страдала и, надо правду сказать, до того пугалась предстоящаго, что не посмѣла ее отпустить. Но эта женщина стала ей

вдругъ ненавистна: совсѣмъ не о томъ она говорила, совсѣмъ не то было въ душѣ Marie! Но пророчество о возможной смерти въ рукахъ неопытной повитухи побѣдило отвращеніе. Зато къ Шатову она стала съ той минуты еще требовательнѣе, еще безпощаднѣе. Дошло, наконецъ, до того, что запретила ему не только смотрѣть на себя, но и стоять къ себѣ лицомъ. Мученія становились сильнѣе. Проклятія, даже брань, становились все неистовѣе.

— Э, да мы его вышлемъ, отрѣзала Арина Прохоровна, — на немъ лица нѣтъ, онъ только васъ пугаетъ; поблѣднѣлъ какъ мертвецъ! Вамъ-то чего, скажите пожалуйста, смѣшной чудакъ? Вотъ комедія!

Шатовъ не отвѣчалъ; онъ рѣшился ничего не отвѣчать.

— Видала я глупыхъ отцовъ въ такихъ случаяхъ, тоже съ ума сходятъ. Но вѣдь тѣ, по крайней мѣрѣ...

— Перестаньте или бросьте меня, чтобъ я околѣла! Чтобы ни слова не говорили! Не хочу, не хочу! раскричалась Marie.

— Ни слова не говорить нельзя, если вы сами не лишились разсудка; такъ я и понимаю объ васъ въ этомъ положеніи. По крайней мѣрѣ, надо о дѣлѣ: скажите, заготовлено у васъ что нибудь? Отвѣчайте вы, Шатовъ, ей не до того.

— Скажите, что̀ именно надобно?

— Значитъ, ничего не заготовлено.

Она высчитала все необходимо нужное, и надо отдать ей справедливость, ограничилась самымъ крайне-необходимымъ, до нищенства. Кое-что нашлось у Шатова. Marie вынула ключъ и протянула ему, чтобъ онъ поискалъ въ ея саквояжѣ. Такъ какъ у него дрожали руки, то онъ и прокопался нѣсколько дольше чѣмъ слѣдовало, отпирая незнакомый замокъ. Marie вышла изъ себя, но когда подскочила Арина Прохоровна, чтобъ отнять у него ключъ, то ни за что̀ не позволила ей заглянуть въ свой сакъ и съ блажнымъ крикомъ и плачемъ настояла, чтобы сакъ отпиралъ одинъ Шатовъ.

За иными вещами приходилось сбѣгать къ Кирилову. Чуть только Шатовъ повернулся идти, она тотчасъ стала неистово звать его назадъ и успокоилась лишь тогда, когда опрометью воротившійся съ лѣстницы Шатовъ разъяснилъ ей, что уходитъ лишь на минуту, за самымъ необходимымъ, и тотчасъ опять воротится.

— Ну, на васъ трудно, барыня, угодить, разсмѣялась Арина Прохоровна:—то стой лицомъ къ стѣнѣ и не смѣй на васъ посмотрѣть, то не смѣй даже и на минутку отлучиться, заплачете. Вѣдь онъ этакъ что нибудь, пожалуй, подумаетъ. Ну, ну, не блажите, не кукситесь, я вѣдь смѣюсь.

— Онъ не смѣетъ ничего подумать.

— Та-та-та, если-бы не былъ въ васъ влюбленъ какъ баранъ, не бѣгалъ-бы по улицамъ высуня языкъ и не поднялъ-бы по городу всѣхъ собакъ. Онъ у меня раму выбилъ.

V.

Шатовъ засталъ Кирилова, все еще ходившаго изъ угла въ уголъ по комнатѣ, до того разсѣяннымъ, что тотъ даже забылъ о пріѣздѣ жены, слушалъ и не понималъ.

— Ахъ, да, вспомнилъ онъ вдругъ, какъ-бы отрываясь съ усиліемъ и только на мигъ отъ какой-то увлекавшей его идеи,— да... старуха... Жена или старуха? Постойте: и жена и старуха, такъ? Помню; ходилъ; старуха придетъ, только не сейчасъ. Берите подушку. Еще что̀? Да... Постойте, бываютъ съ вами, Шатовъ, минуты вѣчной гармоніи?

— Знаете, Кириловъ, вамъ нельзя больше не спать по ночамъ.

Кириловъ очнулся и—странно—заговорилъ гораздо складнѣе, чѣмъ даже всегда говорилъ; видно было, что онъ давно уже все это формулировалъ и, можетъ быть, записалъ:

— Есть секунды, ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда. Богъ, когда міръ создавалъ, то въ концѣ каждаго

дня созданія говорилъ: «да, это правда, это хорошо». Это... это не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о,—тутъ выше любви! Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и такая радость. Если болѣе пяти секундъ—то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь и за нихъ отдамъ всю мою жизнь, потому что стоитъ. Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически. Я думаю, человѣкъ долженъ перестать родить. Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута? Въ Евангеліи сказано, что въ воскресеніи не будутъ родить, а будутъ какъ ангелы Божіи. Намекъ. Ваша жена родитъ?

— Кириловъ, это часто приходитъ?

— Въ три дня разъ, въ недѣлю разъ.

— У васъ нѣтъ падучей?

— Нѣтъ.

— Значитъ, будетъ. Берегитесь, Кириловъ, я слышалъ, что именно такъ падучая начинается. Мнѣ одинъ эпилептикъ подробно описывалъ это предварительное ощущеніе предъ припадкомъ, точь въ точь какъ вы; пять секундъ и онъ назначалъ и говорилъ, что болѣе нельзя вынести. Вспомните Магометовъ кувшинъ, не успѣвшій пролиться, пока онъ облетѣлъ на конѣ своемъ рай. Кувшинъ — это тѣ-же пять секундъ; слишкомъ напоминаетъ вашу гармонію, а Магометъ былъ эпилептикъ. Берегитесь, Кириловъ, падучая!

— Не успѣетъ, тихо усмѣхнулся Кириловъ.

VI.

Ночь проходила. Шатова посылали, бранили, призывали. Marie дошла до послѣдней степени страха за свою жизнь. Она кричала, что хочетъ жить «непремѣнно, непремѣнно!» и боится умереть: «не надо, не надо!» повторяла она. Если-бы не Арина Прохоровна, то было-бы очень плохо. Мало по малу она совершенно овладѣла паціенткой. Та стала слушаться каждаго слова ея, каждаго окрика, какъ ребенокъ. Арина Прохоровна брала строгостью, а не лаской, зато работала мастерски. Стало разсвѣтать. Арина Прохоровна вдругъ выдумала, что Шатовъ сейчасъ выбѣгалъ на лѣстницу и Богу молился, и стала смѣяться. Marie тоже засмѣялась злобно, язвительно, точно ей легче было отъ этого смѣха. Наконецъ, Шатова выгнали совсѣмъ. Наступило сырое, холодное утро. Онъ приникъ лицомъ къ стѣнѣ, въ углу, точь въ точь какъ наканунѣ, когда входилъ Эркель Онъ дрожалъ какъ листъ, боялся думать, но умъ его цѣплялся мыслію за все представлявшееся, какъ бываетъ во снѣ. Мечты безпрерывно увлекали его и безпрерывно обрывались какъ гнилыя нитки. Изъ комнаты раздались, наконецъ, уже не стоны, а ужасные, чисто животные крики, невыносимые, невозможные. Онъ хотѣлъ было заткнуть уши, но не могъ, и упалъ на колѣна, безсознательно повторяя: «Marie, Marie!» И вотъ, наконецъ, раздался крикъ, новый крикъ, отъ котораго Шатовъ вздрогнулъ и вскочилъ съ колѣнъ, крикъ младенца, слабый, надтреснутый. Онъ перекрестился и бросился въ комнату. Въ рукахъ у Арины Прохоровны кричало и копошилось крошечными ручками и ножками маленькое, красное, сморщенное существо, безпомощное до ужаса и зависящее какъ пылинка отъ перваго дуновенія вѣтра, но кричавшее и заявлявшее о себѣ какъ будто тоже имѣло какое-то самое полное право на жизнь... Marie лежала какъ безъ чувствъ, но черезъ минуту открыла глаза и странно-странно поглядѣла на Шатова: совсѣмъ какой-то новый былъ этотъ взглядъ, какой именно, онъ еще понять былъ не въ силахъ, но никогда прежде онъ не зналъ и не помнилъ у ней такого взгляда.

— Мальчикъ? Мальчикъ? болѣзненнымъ голосомъ спросила она Арину Прохоровну.

— Мальчишка! крикнула та въ отвѣтъ, увертывая ребенка.

На мгновеніе, когда она уже увертѣла его и собиралась положить поперегъ кровати, между двумя подушками, она передала его подержать Шатову. Marie, какъ-то изподтишка и какъ будто боясь Арины Прохоровны, кивнула ему. Тотъ сейчасъ понялъ и поднесъ показать ей младенца.

— Какой... хорошенькій... слабо прошептала она съ улыбкой.

— Фу, какъ онъ смотритъ! весело разсмѣялась торжествующая Арина Прохоровна, заглянувъ въ лицо Шатову; — экое вѣдь у него лицо!

— Веселитесь, Арина Прохоровна... Это великая радость... съ идіотски-блаженнымъ видомъ пролепеталъ Шатовъ, просіявшій послѣ двухъ словъ Marie о ребенкѣ.

— Какая такая у васъ тамъ великая радость? веселилась Арина Прохоровна, суетясь, прибираясь и работая какъ каторжная.

— Тайна появленія новаго существа, великая тайна и необъяснимая, Арина Прохоровна, и какъ жаль, что вы этого не понимаете!

Шатовъ бормоталъ безсвязно, чадно и восторженно. Какъ будто что-то шаталось въ его головѣ и само собою безъ воли его выливалось изъ души.

— Было двое, и вдругъ третій человѣкъ, новый духъ, цѣльный, законченный, какъ не бываетъ отъ рукъ человѣческихъ; новая мысль и новая любовь, даже страшно... И нѣтъ ничего выше на свѣтѣ!

— Экъ напоролъ! Просто дальнѣйшее развитіе организма, и ничего тутъ нѣтъ, никакой тайны, искренно и весело хохотала Арина Прохоровна.— Этакъ всякая муха тайна. Но вотъ что: лишнимъ людямъ не надо-бы родиться. Сначала перекуйте такъ все, чтобъ они не были лишніе, а потомъ и родите ихъ. А то вотъ его въ пріютъ послѣ завтра тащить... Впрочемъ, это такъ и надо.

— Никогда онъ не пойдетъ отъ меня въ пріютъ! уставившись въ полъ твердо произнесъ Шатовъ.

— Усыновляете?

— Онъ и есть мой сынъ.

— Конечно, онъ Шатовъ, по закону Шатовъ, и нечего вамъ выставляться благодѣтелемъ-то рода человѣческаго. Не могутъ безъ фразъ. Ну, ну хорошо, только вотъ что, господа, кончила она, наконецъ, прибираться,— мнѣ идти пора. Я еще поутру приду и вечеромъ приду, если надо, а теперь такъ какъ все слишкомъ благополучно сошло, то и надо къ другимъ сбѣгать, давно ожидаютъ. Тамъ у васъ, Шатовъ, старуха гдѣ-то сидитъ; старуха-то старухой, но не оставляйте и вы, муженекъ; посидите подлѣ, авось пригодитесь; Марья-то Игнатьевна, кажется, васъ не прогонитъ... ну, ну, вѣдь я смѣюсь...

У воротъ, куда проводилъ ее Шатовъ, она прибавила уже ему одному:

— Насмѣшили вы меня на всю жизнь; денегъ съ васъ не возьму; во снѣ разсмѣюсь. Смѣшнѣе какъ вы въ эту ночь ничего не видывала.

Она ушла совершенно довольная. По виду Шатова и по разговору его оказалось ясно какъ день, что этотъ человѣкъ «въ отцы собирается и тряпка послѣдней руки». Она нарочно забѣжала, хотя прямѣе и ближе было пройдти къ другой паціенткѣ, чтобы сообщить объ этомъ Виргинскому.

— Marie, она велѣла тебѣ погодить спать нѣкоторое время, хотя это, я вижу, ужасно трудно... робко началъ Шатовъ. — Я тутъ у окна посижу и постерегу тебя, а?

И онъ усѣлся у окна сзади дивана, такъ что ей никакъ нельзя было его видѣть. Но не прошло и минуты, она подозвала его и брезгливо попросила поправить подушку. Онъ сталъ оправлять. Она сердито смотрѣла въ стѣну.

— Не такъ, охъ, не такъ... Что за руки!

Шатовъ поправилъ еще.

— Нагнитесь ко мнѣ, вдругъ дико проговорила она, какъ можно стараясь не глядѣть на него.

Онъ вздрогнулъ, но нагнулся.

— Еще... не такъ... ближе, и вдругъ лѣвая рука ея стремительно обхватила его шею, и на лбу своемъ онъ почувствовалъ крѣпкій, влажный ея поцѣлуй.

— Marie!

Губы ея дрожали, она крѣпилась, но вдругъ приподнялась и, засверкавъ глазами, проговорила:

— Николай Ставрогинъ подлецъ!

И безсильно, какъ подрѣзанная, упала лицомъ въ подушку, истерически зарыдавъ и крѣпко сжимая въ своей рукѣ руку Шатова.

Съ этой минуты она уже не отпускала его болѣе отъ себя, она потребовала, чтобъ онъ сѣлъ у ея изголовья. Говорить она могла мало, но все смотрѣла на него и улыбалась ему какъ блаженная. Она вдругъ

точно обратилась въ какую-то дурочку. Все какъ будто переродилось. Шатовъ то плакалъ какъ маленькій мальчикъ, то говорилъ Богъ знаетъ что̀, дико, чадно, вдохновенно; цѣловалъ у ней руки; она слушала съ упоеніемъ, можетъ быть, и не понимая, но ласково перебирала ослабѣвшею рукой его волосы, приглаживала ихъ, любовалась ими. Онъ говорилъ ей о Кириловѣ, о томъ, какъ теперь они жить начнутъ «вновь и навсегда», о существованіи Бога, о томъ, что всѣ хороши... Въ восторгѣ опять вынули ребеночка посмотрѣть.

— Marie, вскричалъ онъ, держа на рукахъ ребенка, — кончено съ старымъ бредомъ, съ позоромъ и мертвечиной? Давай трудиться и на новую дорогу втроемъ, да, да!... Ахъ, да: какъ-же мы его назовемъ, Marie?

— Его? Какъ назовемъ? переговорила она съ удивленіемъ, и вдругъ въ лицѣ ея изобразилась страшная горесть.

Она сплеснула руками, укоризненно посмотрѣла на Шатова и бросилась лицомъ въ подушку.

— Marie, что съ тобой? вскричалъ онъ съ горестнымъ испугомъ.

— И вы могли, могли... О, неблагодарный!

— Marie, прости, Marie... Я только спросилъ какъ назвать. Я не знаю...

— Иваномъ, Иваномъ, подняла она разгорѣвшееся и омоченное слезами лицо; неужели вы могли предположить что какимъ нибудь другимъ *ужаснымъ* именемъ?

— Marie, успокойся, о, какъ ты разстроена!

— Новая грубость; что̀ вы разстройству приписываете? Бьюсь объ закладъ, что если-бъ я сказала назвать его... тѣмъ ужаснымъ именемъ, такъ вы-бы тотчасъ-же согласились, даже-бы не замѣтили! О, неблагодарные, низкіе, всѣ, всѣ!

Черезъ минуту, разумѣется, помирились. Шатовъ уговорилъ ее заснуть. Она заснула, но все еще не выпуская его руки изъ своей, просыпалась часто, взглядывала на него, точно боясь, что онъ уйдетъ, и опять засыпала.

Кириловъ прислалъ старуху «поздравить» и кромѣ того горячаго чаю, только что зажаренныхъ котлетъ и бульону съ бѣлымъ хлѣбомъ для «Марьи Игнатьевны». Больная выпила бульонъ съ жадностью, старуха перепеленала ребенка, Marie заставила и Шатова съѣсть котлетъ.

Время проходило. Шатовъ въ безсиліи заснулъ и самъ на стулѣ, головой на подушкѣ Marie. Такъ застала ихъ сдержавшая слово Арина Прохоровна, весело ихъ разбудила, поговорила о чемъ надо съ Marie, осмотрѣла ребенка и опять не велѣла Шатову отходить. Затѣмъ съостривъ надъ «супругами» съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія и высокомѣрія, ушла такъже довольная, какъ и давеча.

Было уже совсѣмъ темно, когда проснулся Шатовъ. Онъ поскорѣе зажегъ свѣчу и побѣжалъ за старухой; но едва ступилъ съ лѣстницы, какъ чьи-то тихіе, неспѣшные шаги поднимавшагося на встрѣчу ему человѣка поразили его. Вошелъ Эркель.

— Не входите! прошепталъ Шатовъ и, стремительно схвативъ за руку, потащилъ назадъ къ воротамъ. — Ждите здѣсь, сейчасъ выйду, я совсѣмъ, совсѣмъ позабылъ о васъ! О, какъ вы о себѣ напомнили!

Онъ такъ заспѣшилъ, что даже не забѣжалъ къ Кирилову, а вызвалъ только старуху. Marie пришла въ отчаяніе и негодованіе, что онъ «могъ только подумать оставить ее одну».

— Но, вскричалъ онъ восторженно, — это уже самый послѣдній шагъ! А тамъ новый путь, и никогда, никогда не вспомянемъ о старомъ ужасѣ!

Кое-какъ онъ уговорилъ ее и обѣщалъ вернуться ровно въ девять часовъ; крѣпко поцѣловалъ ее, поцѣловалъ ребенка и быстро сбѣжалъ къ Эркелю.

Оба отправлялись въ Ставрогинскій паркъ въ Скворешникахъ, гдѣ года полтора назадъ, въ уединенномъ мѣстѣ, на самомъ краю парка, тамъ гдѣ уже начинался сосновый лѣсъ, была зарыта имъ довѣренная ему типографія. Мѣсто было дикое и пустынное, совсѣмъ незамѣтное, отъ Скворешниковскаго дома довольно отдаленное. Отъ дома Филиппова приходилось идти версты три съ половиной, можетъ, и четыре.

— Неужели все пѣшкомъ? Я возьму извощика.

— Очень прошу васъ не брать, возразилъ Эркель, — они именно на этомъ настаивали. Извощикъ тоже свидѣтель.

— Ну... чортъ! Все равно, только-бы кончить, кончить!

Пошли очень скоро.

— Эркель, мальчикъ вы маленькій! вскричалъ Шатовъ: — бывали вы когда нибудь счастливы?

— А вы, кажется, очень теперь счастливы, съ любопытствомъ замѣтилъ Эркель.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Многотрудная ночь.

I.

Виргинскій въ продолженіе дня употребилъ часа два, чтобъ обѣжать всѣхъ *нашихъ* и возвѣстить имъ, что Шатовъ навѣрно не донесетъ, потому что къ нему воротилась жена и родился ребенокъ, и, «зная сердце человѣческое», предположить нельзя, что онъ можетъ быть въ эту минуту опасенъ. Но, къ смущенію своему, почти никого не засталъ дома, кромѣ Эркеля и Лямшина. Эркель выслушалъ это молча и ясно смотря ему въ глаза; на прямой-же вопросъ: «Пойдетъ-ли онъ въ шесть часовъ или нѣтъ?» отвѣчалъ съ самою ясною улыбкой, что «разумѣется, пойдетъ».

Лямшинъ лежалъ, повидимому, весьма серіозно больной, укутавшись головой въ одѣяло. Вошедшаго Виргинскаго испугался, и только что тотъ заговорилъ, вдругъ замахалъ изъ подъ одѣяла руками, умоляя оставить его въ покоѣ. Однако, о Шатовѣ все выслушалъ; а извѣстіемъ, что никого нѣтъ дома, былъ чрезвычайно почему-то пораженъ. Оказалось тоже, что онъ уже зналъ (черезъ Липутина) о смерти Ѳедьки и самъ разсказалъ объ этомъ поспѣшно и безсвязно Виргинскому, чѣмъ въ свою очередь поразилъ того. На прямой-же вопросъ Виргинскаго: «надо идти или нѣтъ?» опять вдругъ началъ умолять, махая руками, что онъ «сторона, ничего не знаетъ, и чтобъ оставили его въ покоѣ».

Виргинскій воротился домой удрученный и сильно встревоженный; тяжело ему было и то, что онъ долженъ былъ скрывать отъ семейства; онъ все привыкъ открывать женѣ, и если-бъ не загорѣлась въ воспаленномъ мозгу его въ ту минуту одна новая мысль, нѣкоторый новый, примиряющій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, то, можетъ быть, онъ слегъ-бы въ постель, какъ и Лямшинъ. Но новая мысль его подкрѣпила и, мало того, онъ даже съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать срока, и даже ранѣе чѣмъ надо двинулся на сборное мѣсто.

Это было очень мрачное мѣсто, въ концѣ огромнаго Ставрогинскаго парка. Я потомъ нарочно ходилъ туда посмотрѣть; какъ должно быть казалось оно угрюмымъ въ тотъ суровый осенній вечеръ. Тутъ начинался старый заказной лѣсъ; огромныя вѣковыя сосны мрачными и неясными пятнами обозначались во мракѣ. Мракъ былъ такой, что въ двухъ шагахъ почти нельзя было разсмотрѣть другъ друга, но Петръ Степановичъ, Липутинъ, а потомъ Эркель принесли съ собою фонари. Неизвѣстно для чего и когда, въ незапамятное время, устроенъ былъ тутъ изъ дикихъ нетесанныхъ камней какой-то довольно смѣшной гротъ. Столъ, скамейки внутри грота давно уже сгнили и разсыпались. Шагахъ въ двухстахъ вправо оканчивался третій прудъ парка. Эти три пруда, начинаясь отъ самаго дома, шли, одинъ за другимъ, слишкомъ на версту, до самаго конца парка. Трудно было предположить, чтобы какой нибудь шумъ, крикъ или даже выстрѣлъ могъ дойдти до обитателей покинутаго Ставрогинскаго дома. Со вчерашнимъ выѣздомъ Николая Всеволодовича и съ отбытіемъ Алексѣя Егорыча, во всемъ домѣ осталось не болѣе пяти или шести человѣкъ обывателей, характера, такъ сказать, инвалиднаго. Во всякомъ случаѣ, почти съ полною вѣроятностью можно было предположить, что если-бъ и услышаны были кѣмъ нибудь изъ этихъ уединившихся обитателей вопли или крики о помощи, то возбудили-бы лишь страхъ, но ни одинъ изъ

нихъ не пошевелился-бы на помощь съ теплыхъ печей и нагрѣтыхъ лежанокъ.

Въ двадцать минутъ седьмаго почти уже всѣ, кромѣ Эркеля, командированнаго за Шатовымъ, оказались въ сборѣ. Петръ Степановичъ на этотъ разъ не промедлилъ; онъ пришелъ съ Толкаченкой. Толкаченко былъ нахмуренъ и озабоченъ; вся напускная и нахально-хвастливая рѣшимость его исчезла. Онъ почти не отходилъ отъ Петра Степановича и, казалось, вдругъ сталъ неограниченно ему преданъ: часто и суетливо лѣзъ съ нимъ перешептываться; но тотъ почти не отвѣчалъ ему или досадливо бормоталъ что нибудь, чтобъ отвязаться.

Шигалевъ и Виргинскій явились даже нѣсколько раньше Петра Степановича и при появленіи его тотчасъ-же отошли нѣсколько въ сторону, въ глубокомъ и явно преднамѣренномъ молчаніи. Петръ Степановичъ поднялъ фонарь и осмотрѣлъ ихъ съ безцеремонною и оскорбительною внимательностію. «Хотятъ говорить», мелькнуло въ его головѣ.

— Лямшина нѣтъ?—спросилъ онъ Виргинскаго.—Кто сказалъ, что онъ боленъ?

— Я здѣсь, — откликнулся Лямшинъ, вдругъ выходя изъ-за дерева. Онъ былъ въ тепломъ пальто и плотно укутанъ въ пледъ, такъ что трудно было разсмотрѣть его физіономію даже и съ фонаремъ.

— Стало быть, только Липутина нѣтъ?

И Липутинъ молча вышелъ изъ грота. Петръ Степановичъ опять поднялъ фонарь.

— Зачѣмъ вы туда забились, почему не выходили?

— Я полагаю, что мы всѣ сохраняемъ право свободы... нашихъ движеній, — забормоталъ Липутинъ, впрочемъ, вѣроятно не совсѣмъ понимая, что̀ хотѣлъ выразить.

— Господа, возвысилъ голосъ Петръ Степановичъ, въ первый разъ нарушая полушепотъ, что̀ произвело эффектъ:—Вы, я думаю, хорошо понимаете, что намъ нечего теперь размазывать. Вчера все было сказано и пережевано, прямо и опредѣленно. Но, можетъ быть, какъ я вижу по физіономіямъ, кто нибудь хочетъ что нибудь заявить; въ такомъ случаѣ прошу поскорѣе. Чортъ возьми, времени мало, а Эркель можетъ сейчасъ привести его...

— Онъ непремѣнно приведетъ его, для чего-то ввернулъ Толкаченко.

— Если не ошибаюсь, сначала произойдетъ передача типографіи? освѣдомился Липутинъ, опять какъ-бы не понимая, для чего задаетъ вопросъ.

— Ну, разумѣется, не терять-же вещи, поднялъ къ его лицу фонарь Петръ Степановичъ. — Но вѣдь вчера всѣ условились, что взаправду принимать не надо. Пусть онъ укажетъ только вамъ точку, гдѣ у него тутъ зарыто; потомъ сами выроемъ. Я знаю, что это гдѣ-то въ десяти шагахъ отъ какого-то угла этого грота... Но, чортъ возьми, какъ-же вы это забыли, Липутинъ? Условлено, что вы встрѣтите его одинъ, а уже потомъ выйдемъ мы... Странно, что вы спрашиваете, или вы только такъ?

Липутинъ мрачно промолчалъ. Всѣ замолчали. Вѣтеръ колыхалъ верхушки сосенъ.

— Я надѣюсь, однако, господа, что всякій исполнитъ свой долгъ, — нетерпѣливо оборвалъ Петръ Степановичъ.

— Я знаю, что къ Шатову пришла жена и родила ребенка, вдругъ заговорилъ Виргинскій, волнуясь, торопясь, едва выговаривая слова и жестикулируя. — Зная сердце человѣческое... можно быть увѣреннымъ, что теперь онъ не донесетъ... потому что онъ въ счастіи... Такъ что я давеча былъ у всѣхъ, и никого не засталъ... такъ что, можетъ быть, теперь совсѣмъ ничего и не надо...

Онъ остановился: у него пресѣклось дыханіе.

— Если-бы вы, господинъ Виргинскій, стали вдругъ счастливы, шагнулъ къ нему Петръ Степановичъ, — то отложили-бы вы—не доносъ, о томъ рѣчи нѣтъ, а какой нибудь рискованный гражданскій подвигъ, который-бы замыслили прежде счастья и который-бы считали своимъ долгомъ и обязанностью, не смотря на рискъ и потерю счастья?

— Нѣтъ, не отложилъ-бы! Ни за что̀-бы не отложилъ! съ какимъ-то ужасно нелѣпымъ жаромъ проговорилъ, весь задвигавшись, Виргинскій.

— Вы скорѣе-бы захотѣли стать опять несчастнымъ, чѣмъ подлецомъ?

— Да, да... Я даже совершенно напротивъ... захотѣлъ-бы быть совершеннымъ подлецомъ... то есть нѣтъ... хотя вовсе не подлецомъ, а, напротивъ, совершенно несчастнымъ, чѣмъ подлецомъ.

— Ну, такъ знайте, что Шатовъ считаетъ этотъ доносъ своимъ гражданскимъ подвигомъ, самымъ высшимъ своимъ убѣжденіемъ, а доказательство, что самъ-же онъ отчасти рискуетъ предъ правительствомъ, хотя, конечно, ему много простятъ за доносъ. Этакой уже ни за что не откажется. Никакое счастье не побѣдитъ; черезъ день опомнится, укоряя себя, пойдетъ и исполнитъ. Къ тому-же я не вижу никакого счастья въ томъ, что жена, послѣ трехъ лѣтъ, пришла къ нему родить Ставрогинскаго ребенка.

— Но вѣдь никто не видалъ доноса, — вдругъ и настоятельно произнесъ Шигалевъ.

— Доносъ видѣлъ я, крикнулъ Петръ Степановичъ,— онъ есть, и все это ужасно глупо, господа!

— А я, вдругъ вскипѣлъ Виргинскій,— я протестую... я протестую изо всѣхъ силъ... Я хочу... Я вотъ что хочу: я хочу, когда онъ придетъ, всѣ мы выйдемъ и всѣ его спросимъ: если правда, то съ него взять раскаяніе, и если честное слово, то отпустить. Во всякомъ случаѣ— судъ; по суду. А не то чтобы всѣмъ спрятаться, а потомъ кидаться.

— На честное слово рисковать общимъ дѣломъ — это верхъ глупости! Чортъ возьми, какъ это глупо, господа, теперь! И какую вы принимаете на себя роль въ минуту опасности?

— Я протестую, я протестую, заладилъ Виргинскій.

— По крайней мѣрѣ, не орите, сигнала не услышимъ. Шатовъ, господа... (Чортъ возьми, какъ это глупо теперь!). Я уже вамъ говорилъ, что Шатовъ славянофилъ, то есть одинъ изъ самыхъ глупыхъ людей... А, впрочемъ, чортъ, это все равно и наплевать! Вы меня только сбиваете съ толку!.. Шатовъ, господа, былъ озлобленный человѣкъ и такъ какъ всетаки принадлежалъ къ обществу, хотѣлъ или не хотѣлъ, то я до послѣдней минуты надѣялся, что имъ можно воспользоваться для общаго дѣла и употребить какъ озлобленнаго человѣка. Я его берегъ и щадилъ, не смотря на точнѣйшія предписанія... Я его щадилъ въ сто разъ болѣе чѣмъ онъ стоилъ! Но онъ кончилъ тѣмъ, что донесъ; ну, да чортъ, наплевать!.. А вотъ попробуйте кто нибудь улизнуть теперь! Ни одинъ изъ васъ не имѣетъ права оставить дѣло! Вы можете съ нимъ хоть цѣловаться, если хотите, но предать на честное слово общее дѣло не имѣете права! Такъ поступаютъ свиньи и подкупленные правительствомъ!

— Кто-же здѣсь подкупленные правительствомъ? профильтровалъ опять Липутинъ.

— Вы, можетъ быть. Вы-бы ужь лучше молчали, Липутинъ, вы только такъ говорите, по привычкѣ. Подкупленные, господа, всѣ тѣ, которые трусятъ въ минуту опасности. Изъ страха всегда найдется дуракъ, который въ послѣднюю минуту побѣжитъ и закричитъ: «Ай, простите меня, а я всѣхъ продамъ!» Но знайте, господа, что васъ уже теперь ни за какой доносъ не простятъ. Если и спустятъ двѣ степени юридически, то всетаки Сибирь каждому, и кромѣ того не уйдете и отъ другаго меча. А другой мечъ повострѣе правительственнаго.

Петръ Степановичъ былъ въ бѣшенствѣ и наговорилъ лишняго. Шигалевъ твердо шагнулъ къ нему три шага:

— Со вчерашняго вечера я обдумалъ дѣло, началъ онъ увѣренно и методически, по всегдашнему (и, мнѣ кажется, если-бы подъ нимъ провалилась земля, то онъ и тутъ не усилилъ-бы интонаціи и не измѣнилъ-бы ни одной ноты въ методичности своего изложенія); — обдумавъ дѣло, я рѣшилъ, что замышляемое убійство есть не только потеря драгоцѣннаго времени, которое могло-бы быть употреблено болѣе существеннымъ и ближайшимъ образомъ, но сверхъ того представляетъ собою то пагубное уклоненіе отъ нормальной дороги, которое всегда наиболѣе вредило дѣлу и на десятки лѣтъ отклоняло успѣхи его, подчиняясь вліянію людей, легкомысленныхъ

и по преимуществу политическихъ, вмѣсто чистыхъ соціалистовъ. Я явился сюда единственно, чтобы протестовать противъ замышляемаго предпріятія, для общаго назиданія, а затѣмъ—устранить себя отъ настоящей минуты, которую вы, не знаю почему, называете минутой вашей опасности. Я ухожу—не изъ страху этой опасности и не изъ чувствительности къ Шатову, съ которымъ вовсе не хочу цѣловаться, а единственно потому, что все это дѣло, съ начала и до конца, буквально противорѣчитъ моей программѣ. На счетъ-же доноса и подкупа отъ правительства съ моей стороны можете быть совершенно спокойны: доноса не будетъ.

Онъ обернулся и пошелъ.

— Чортъ возьми, онъ встрѣтится съ ними и предупредитъ Шатова! вскричалъ Петръ Степановичъ и выхватилъ револьверъ. Раздался щелчокъ взведеннаго курка.

— Можете быть увѣрены, — повернулся опять Шигалевъ,—что, встрѣтивъ Шатова на дорогѣ, я еще, можетъ быть, съ нимъ раскланяюсь, но предупреждать не стану.

— А знаете-ли, что вы можете поплатиться за это, господинъ Фурье?

— Прошу васъ замѣтить, что я не Фурье. Смѣшивая меня съ этою сладкою, отвлеченною мямлей, вы только доказываете, что рукопись моя хотя и была въ рукахъ вашихъ, но совершенно вамъ неизвѣстна. На счетъ-же вашего мщенія скажу вамъ, что вы напрасно взвели курокъ; въ сію минуту это совершенно для васъ невыгодно. Если вы грозите мнѣ на завтра или на послѣзавтра, то кромѣ лишнихъ хлопотъ опять таки ничего себѣ не выиграете, застрѣливъ меня: меня убьете, а рано или поздно всетаки придете къ моей системѣ. Прощайте.

Въ это мгновеніе, шагахъ въ двухстахъ, изъ парка, со стороны пруда, раздался свистокъ. Липутинъ тотчасъ-же отвѣтилъ, еще по вчерашнему уговору, тоже свисткомъ (для этого онъ, не надѣясь на свой довольно боззубый ротъ, еще утромъ купилъ на базарѣ за копѣйку глиняную дѣтскую свистульку). Эркель успѣлъ дорогой предупредить Шатова, что будутъ свистки, такъ что у того не зародилось никакого сомнѣнія.

— Не безпокойтесь, я пройду отъ нихъ въ сторонѣ, и они вовсе меня не замѣтятъ, — внушительнымъ шепотомъ предупредилъ Шигалевъ и затѣмъ, не спѣша и не прибавляя шагу окончательно направился домой черезъ темный паркъ.

Теперь совершенно извѣстно до малѣйшихъ подробностей, какъ произошло это ужасное происшествіе. Сначала Липутинъ встрѣтилъ Эркеля и Шатова у самаго грота; Шатовъ съ нимъ не раскланялся и не подалъ руки, но тотчасъ-же торопливо и громко произнесъ:

— Ну, гдѣ-же у васъ тутъ заступъ и нѣтъ-ли еще другаго фонаря? Да не бойтесь, тутъ ровно нѣтъ никого, и въ Скворешникахъ теперь, хотя изъ пушекъ отсюдова пали, не услышатъ. Это вотъ здѣсь, вотъ тутъ, на самомъ этомъ мѣстѣ...

И онъ стукнулъ ногой дѣйствительно въ десяти шагахъ отъ задняго угла грота, въ сторонѣ лѣса. Въ эту самую минуту бросился сзади на него изъ-за дерева Толкаченко, а Эркель схватилъ его сзади-же за локти. Липутинъ накинулся спереди. Всѣ трое тотчасъ-же сбили его съ ногъ и придавили къ землѣ. Тутъ подскочилъ Петръ Степановичъ съ своимъ револьверомъ. Разсказываютъ, что Шатовъ успѣлъ повернуть къ нему голову и еще могъ разглядѣть и узнать его. Три фонаря освѣщали сцену. Шатовъ вдругъ прокричалъ краткимъ и отчаяннымъ крикомъ; но ему кричать не дали: Петръ Степановичъ аккуратно и твердо наставилъ ему револьверъ прямо въ лобъ, крѣпко въ упоръ и—спустилъ курокъ. Выстрѣлъ, кажется, былъ не очень громокъ, по крайней мѣрѣ, въ Скворешникахъ ничего не слыхали. Слышалъ, разумѣется, Шигалевъ, врядъ-ли успѣвшій отойдти шаговъ триста,— слышалъ и крикъ, и выстрѣлъ, но, по его собственному потомъ свидѣтельству, не повернулся и даже не остановился. Смерть произошла почти мгновенно. Полную распорядительность,— не думаю чтобъ и хладнокровіе,— сохранилъ въ себѣ одинъ только Петръ Степановичъ. Присѣвъ на корточки, онъ поспѣшно, но твердою рукой обыскалъ въ карманахъ убита-

го. Денегъ не оказалось (портмоне остался подъ подушкой у Марьи Игнатьевны). Нашлись двѣ—три бумажки, пустыя: одна конторская записка, заглавіе какой-то книги и одинъ старый заграничный трактирный счетъ, Богъ знаетъ почему уцѣлѣвшій два года въ его карманѣ. Бумажки Петръ Степановичъ переложилъ въ свой карманъ, и замѣтивъ вдругъ, что всѣ столпились, смотрятъ на трупъ и ничего не дѣлаютъ, началъ злостно и невѣжливо браниться и понукать. Толкаченко и Эркель, опомнившись, побѣжали и мигомъ принесли изъ грота еще съ утра запасенные ими тамъ два камня, каждый фунтовъ по двадцати вѣсу, уже приготовленные, то есть крѣпко и прочно обвязанные веревками. Такъ какъ трупъ предназначено было снести въ ближайшій (третій) прудъ и въ немъ погрузить его, то и стали привязывать къ нему эти камни, къ ногамъ и къ шеѣ. Привязывалъ Петръ Степановичъ, а Толкаченко и Эркель только держали и подавали по очереди. Эркель подалъ первый, и пока Петръ Степановичъ, ворча и бранясь, связывалъ веревкой ноги трупа и привязывалъ къ нимъ этотъ первый камень, Толкаченко все это довольно долгое время продержалъ свой камень въ рукахъ на отвѣсѣ, сильно и какъ-бы почтительно наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, чтобы подать безъ замедленія при первомъ спросѣ, и ни разу не подумалъ опустить свою ношу пока на землю. Когда, наконецъ, оба камня были привязаны, и Петръ Степановичъ поднялся съ земли всмотрѣться въ физіономіи присутствующихъ, тогда вдругъ случилась одна странность, совершенно неожиданная и почти всѣхъ удивившая.

Какъ уже сказано, почти всѣ стояли и ничего не дѣлали, кромѣ отчасти Толкаченки и Эркеля. Виргинскій, хотя и бросился, когда всѣ бросились къ Шатову, но за Шатова не схватился и держать его не помогалъ. Лямшинъ-же очутился въ кучкѣ уже послѣ выстрѣла. Затѣмъ всѣ они, въ продолженіе всей этой, можетъ быть, десятиминутной возни съ трупомъ, какъ-бы потеряли часть своего сознанія. Они сгруппировались кругомъ и, прежде всякаго безпокойства и тревоги, ощущали какъ-бы лишь одно удивленіе. Липутинъ стоялъ впереди, у самаго трупа. Виргинскій сзади его, выглядывая изъ-за его плеча съ какимъ-то особеннымъ и какъ-бы постороннимъ любопытствомъ; даже приподнимаясь на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть. Лямшинъ-же спрятался за Виргинскаго и только изрѣдка и опасливо изъ-за него выглядывалъ и тотчасъ-же опять прятался. Когда-же камни были подвязаны, а Петръ Степановичъ приподнялся, Виргинскій вдругъ задрожалъ весь мелкою дрожью, сплеснулъ руками и горестно воскликнулъ во весь голосъ:

— Это не то, не то! Нѣтъ, это совсѣмъ не то!

Онъ-бы, можетъ быть, и еще что нибудь прибавилъ къ своему столь позднему восклицанію, но Лямшинъ ему не далъ докончить; вдругъ и изо всей силы обхватилъ онъ и сжалъ его сзади и завизжалъ какимъ-то невѣроятнымъ визгомъ. Бываютъ сильные моменты испуга, напримѣръ, когда человѣкъ вдругъ закричитъ не своимъ голосомъ, а какимъ-то такимъ, какого и предположить въ немъ нельзя было раньше, и это бываетъ иногда даже очень страшно. Лямшинъ закричалъ не человѣческимъ, а какимъ-то звѣринымъ голосомъ. Все крѣпче и крѣпче, съ судорожнымъ порывомъ, сжимая сзади руками Виргинскаго, онъ визжалъ безъ умолку и безъ перерыва, выпучивъ на всѣхъ глаза и чрезвычайно раскрывъ свой ротъ, а ногами мелко топоталъ по землѣ, точно выбивая по ней барабанную дробь. Виргинскій до того испугался, что самъ закричалъ какъ безумный, и въ какомъ-то остервенѣніи, до того злобномъ, что отъ Виргинскаго и предположить нельзя было, началъ дергаться изъ рукъ Лямшина, царапая и колотя его сколько могъ достать сзади руками. Эркель помогъ ему, наконецъ, отдернуть Лямшина. Но когда Виргинскій отскочилъ въ испугѣ шаговъ на десять въ сторону, то Лямшинъ вдругъ, увидѣвъ Петра Степановича, завопилъ опять и бросился уже къ нему. Запнувшись о трупъ, онъ упалъ черезъ трупъ на Петра Степановича и уже такъ крѣпко обхватилъ его въ своихъ объятіяхъ, прижимаясь къ его груди своею головой, что ни

Петръ Степановичъ, ни Толкаченко, ни Липутинъ въ первое мгновеніе почти ничего не могли сдѣлать. Петръ Степановичъ кричалъ, ругался, билъ его по головѣ кулаками; наконецъ, кое-какъ вырвавшись, выхватилъ револьверъ и наставилъ его прямо въ раскрытый ротъ все еще вопившаго Лямшина, котораго уже крѣпко схватили за руки Толкаченко, Эркель и Липутинъ; но Лямшинъ продолжалъ визжать, не смотря и на револьверъ. Наконецъ, Эркель, скомкавъ кое-какъ свой фуляровый платокъ, ловко вбилъ его ему въ ротъ, и крикъ такимъ образомъ прекратился. Толкаченко между тѣмъ связалъ ему руки оставшимся концомъ веревки.

— Это очень странно, проговорилъ Петръ Степановичъ, въ тревожномъ удивленіи разсматривая съумасшедшаго.

Онъ видимо былъ пораженъ.

— Я думалъ про него совсѣмъ другое, прибавилъ онъ въ задумчивости.

Пока оставили при немъ Эркеля. Надо было спѣшить съ мертвецомъ: было столько крику, что могли гдѣ нибудь и услышать. Толкаченко и Петръ Степановичъ подняли фонари, подхватили трупъ подъ голову; Липутинъ и Виргинскій взялись за ноги и понесли. Съ двумя камнями ноша была тяжела, а разстояніе болѣе двухсотъ шаговъ. Сильнѣе всѣхъ былъ Толкаченко. Онъ было подалъ совѣтъ идти въ ногу, но ему никто не отвѣтилъ и пошли какъ пришлось. Петръ Степановичъ шелъ справа и совсѣмъ нагнувшись несъ на своемъ плечѣ голову мертвеца, лѣвою рукой снизу поддерживая камень. Такъ какъ Толкаченко цѣлую половину пути не догадался помочь придержать камень, то Петръ Степановичъ, наконецъ, съ ругательствомъ закричалъ на него. Крикъ былъ внезапный и одинокій; всѣ продолжали нести молча, и только уже у самаго пруда Виргинскій, нагибаясь подъ ношей и какъ-бы утомясь отъ ея тяжести, вдругъ воскликнулъ опять точно такимъ-же громкимъ и плачущимъ голосомъ:

— Это не то, нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не то!

Мѣсто, гдѣ оканчивался этотъ третій, довольно большой Скворешниковскій прудъ и къ которому донесли убитаго, было однимъ изъ самыхъ пустынныхъ и не посѣщаемыхъ мѣстъ парка, особенно въ такое позднее время года. Прудъ въ этомъ концѣ, у берега, заросъ травой. Поставили фонарь, раскачали трупъ и бросили въ воду. Раздался глухой и долгій звукъ. Петръ Степановичъ поднялъ фонарь, за нимъ выставились и всѣ, съ любопытствомъ высматривая какъ погрузился мертвецъ, но ничего уже не было видно: тѣло съ двумя камнями тотчасъ-же потонуло. Крупныя струи, пошедшія по поверхности воды, быстро замирали. Дѣло было кончено.

— Господа, обратился ко всѣмъ Петръ Степановичъ,—теперь мы разойдемся. Безъ сомнѣнія, вы должны ощущать ту свободную гордость, которая сопряжена съ исполненіемъ свободнаго долга. Если-же теперь, къ сожалѣнію, встревожены для подобныхъ чувствъ, то безъ сомнѣнія будете ощущать это завтра, когда уже стыдно будетъ не ощущать. На слишкомъ постыдное волненіе Лямшина я соглашаюсь смотрѣть какъ на бредъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ правду, говорятъ, еще съ утра боленъ. А вамъ, Виргинскій, одинъ мигъ свободнаго размышленія покажетъ, что въ виду интересовъ общаго дѣла нельзя было дѣйствовать на честное слово, а надо именно такъ, какъ мы сдѣлали. Послѣдствія вамъ укажутъ, что былъ доносъ. Я согласенъ забыть ваши восклицанія. Что до опасности, то никакой не предвидится. Никому и въ голову не придетъ подозрѣвать изъ насъ кого нибудь, особенно если вы сами съумѣете повести себя; такъ что главное дѣло всетаки зависитъ отъ васъ-же и отъ полнаго убѣжденія, въ которомъ, надѣюсь, вы утвердитесь завтра-же. Для того, между прочимъ, вы и сплотились въ отдѣльную организацію свободнаго собранія единомыслящихъ, чтобы въ общемъ дѣлѣ раздѣлить другъ съ другомъ, въ данный моментъ, энергію и, если надо, наблюдать и замѣчать другъ за другомъ. Каждый изъ васъ обязанъ высшимъ отчетомъ. Вы призваны обновить дряхлое и завонявшее отъ застоя дѣло; имѣйте всегда это предъ глазами для бодрости. Весь вашъ шагъ пока въ томъ чтобы все рушилось: и государ-

ство, и его нравственность. Останемся только мы, заранѣе предназначившіе себя для пріема власти: умныхъ пріобщимъ къ себѣ, а на глупцахъ поѣдемъ верхомъ. Этого вы не должны конфузиться. Надо перевоспитать поколѣніе, чтобы сдѣлать достойнымъ свободы. Еще много тысячъ предстоитъ Шатовыхъ. Мы организуемся, чтобы захватить направленіе; что̀ праздно лежитъ и само на насъ ротъ пялитъ, того стыдно не взять рукой. Сейчасъ я отправлюсь къ Кирилову, и къ утру получится тотъ документъ, въ которомъ онъ, умирая, въ видѣ объясненія съ правительствомъ, приметъ все на себя. Ничего не можетъ быть вѣроятнѣе такой комбинаціи. Во первыхъ, онъ враждовалъ съ Шатовымъ; они жили вмѣстѣ въ Америкѣ, стало быть, имѣли время поссориться. Извѣстно, что Шатовъ измѣнилъ убѣжденія; значитъ, у нихъ вражда изъ-за убѣжденій и боязни доноса,—то есть самая непрощающая. Все это такъ и будетъ написано. Наконецъ, упомянется, что у него, въ домѣ Филиппова, квартировалъ Ѳедька. Такимъ образомъ все это совершенно отдалитъ отъ васъ всякое подозрѣніе, потому что собьетъ всѣ эти бараньи головы съ толку. Завтра, господа, мы уже не увидимся; я на самый короткій срокъ отлучусь въ уѣздъ. Но послѣ завтра вы получите мои сообщенія. Я-бы совѣтовалъ вамъ собственно завтрашній день просидѣть по домамъ. Теперь мы отправимся всѣ по двое, разными дорогами. Васъ, Толкаченко, я прошу заняться Лямшинымъ и отвести его домой. Вы можете на него подѣйствовать и, главное, растолковать, до какой степени онъ первый себѣ повредитъ своимъ малодушіемъ. Въ вашемъ родственникѣ Шигалевѣ, господинъ Виргинскій, я, равно какъ и въ васъ, не хочу сомнѣваться: онъ не донесетъ. Остается сожалѣть о его поступкѣ; но, однако, онъ еще не заявилъ, что оставляетъ общество, а потому хоронить его еще рано. Ну — скорѣе-же, господа; тамъ хоть и бараньи головы, но осторожность всетаки не мѣшаетъ...

Виргинскій отправился съ Эркелемъ. Эркель, сдавая Лямшина Толкаченкѣ, успѣлъ подвести его къ Петру Степановичу и заявить, что тотъ опомнился, раскаивается и проситъ прощенія и даже не помнитъ, что̀ съ нимъ такое было. Петръ Степановичъ отправился одинъ, взявъ обходомъ по ту сторону прудовъ мимо парка. Эта дорога была самая длинная. Къ его удивленію, чуть не на половинѣ пути нагналъ его Липутинъ.

— Петръ Степановичъ, а вѣдь Лямшинъ донесетъ!

— Нѣтъ, онъ опомнится и догадается, что первый пойдетъ въ Сибирь, если донесетъ. Теперь никто не донесетъ. И вы не донесете.

— А вы?

— Безъ сомнѣнія, упрячу васъ всѣхъ, только что шевельнетесь чтобъ измѣнить, и вы это знаете. Но вы не измѣните. Это вы за этимъ-то бѣжали за мной двѣ версты?

— Петръ Степановичъ, Петръ Степановичъ, вѣдь мы, можетъ, никогда не увидимся!

— Это съ чего вы взяли?

— Скажите мнѣ только одно.

— Ну что̀? Я, впрочемъ, желаю, чтобъ вы убирались.

— Одинъ отвѣтъ, но чтобы вѣрный: однали мы пятерка на свѣтѣ, или правда что есть нѣсколько сотенъ пятерокъ? Я въ высшемъ смыслѣ спрашиваю, Петръ Степановичъ.

— Вижу по вашему изступленію. А знаете-ли, что вы опаснѣе Лямшина, Липутинъ?

— Знаю, знаю, но — отвѣтъ, вашъ отвѣтъ!

— Глупый вы человѣкъ! Вѣдь ужь теперь-то, кажется, вамъ все-бы равно — одна пятерка или тысяча.

— Значитъ, одна! Такъ я и зналъ! вскричалъ Липутинъ. Я все время зналъ, что одна, до самыхъ этихъ поръ...

И не дождавшись другаго отвѣта, онъ повернулъ и быстро исчезъ въ темнотѣ.

Петръ Степановичъ немного задумался.

— Нѣтъ, никто не донесетъ, проговорилъ онъ рѣшительно,— но — кучка должна остаться кучкой и слушаться, или я ихъ... Экая дрянь народъ, однако!

II.

Онъ сначала зашелъ къ себѣ и аккуратно, не торопясь, уложилъ свой чемоданъ. Утромъ въ шесть часовъ отправлялся экстренный поѣздъ. Этотъ ранній экстренный поѣздъ приходился лишь разъ въ недѣлю и установленъ былъ очень недавно, пока лишь въ видѣ пробы. Петръ Степановичъ хотя и предупредилъ *нашихъ*, что на время удаляется будто-бы въ уѣздъ, но, какъ оказалось впослѣдствіи, намѣренія его были совсѣмъ другія. Кончивъ съ чемоданомъ, онъ разсчитался съ хозяйкой, предувѣдомленною имъ заранѣе, и переѣхалъ на извощикѣ къ Эркелю, жившему близко отъ вокзала. А затѣмъ уже, примѣрно, въ исходѣ перваго часа ночи, направился къ Кирилову, къ которому проникнулъ опять черезъ потаенный Ѳедькинъ ходъ.

Настроеніе духа Петра Степановича было ужасное. Кромѣ другихъ чрезвычайно важныхъ для него неудовольствій (онъ все еще ничего не могъ узнать о Ставрогинѣ), онъ, какъ кажется, — ибо не могу утверждать навѣрно, — получилъ въ теченіе дня откуда-то (вѣроятнѣе всего изъ Петербурга) одно секретное увѣдомленіе о нѣкоторой опасности, въ скоромъ времени его ожидающей. Конечно, объ этомъ времени у насъ въ городѣ ходитъ теперь очень много легендъ; но если и извѣстно что нибудь навѣрное, то развѣ тѣмъ, кому о томъ знать надлежитъ. Я-же лишь полагаю въ собственномъ моемъ мнѣніи, что у Петра Степановича могли быть гдѣ нибудь дѣла и кромѣ нашего города, такъ что онъ дѣйствительно могъ получать увѣдомленія. Я даже убѣжденъ, вопреки циническому и отчаянному сомнѣнію Липутина, что пятерокъ у него могло быть дѣйствительно двѣ—три и кромѣ нашихъ, напримѣръ, въ столицахъ; а если не пятерки, то связи и сношенія — и, можетъ быть, даже очень курьезныя. Не болѣе какъ три дня спустя по его отъѣздѣ, у насъ въ городѣ получено было изъ столицы приказаніе немедленно заарестовать его — за какія собственно дѣла, наши или другія — не знаю. Этотъ приказъ подоспѣлъ тогда какъ разъ, чтобъ усилить то потрясающее впечатлѣніе страха, почти мистическаго, вдругъ овладѣвшаго нашимъ начальствомъ и упорно дотолѣ легкомысленнымъ обществомъ, по обнаруженіи таинственнаго и многознаменательнаго убійства студента Шатова,— убійства восполнившаго мѣру нашихъ нелѣпостей, — и чрезвычайно загадочныхъ, сопровождавшихъ этотъ случай, обстоятельствъ. Но приказъ опоздалъ: Петръ Степановичъ находился уже тогда въ Петербургѣ, подъ чужимъ именемъ, гдѣ, пронюхавъ въ чемъ дѣло, мигомъ проскользнулъ за границу... Впрочемъ, я ужасно ушелъ впередъ.

Онъ вошелъ къ Кирилову имѣя видъ злобный и задорный. Ему какъ будто хотѣлось, кромѣ главнаго дѣла, что-то еще лично сорвать съ Кирилова, что-то выместить на немъ. Кириловъ какъ-бы обрадовался его приходу; видно было, что онъ ужасно долго и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ его ожидалъ. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, взглядъ черныхъ глазъ тяжелый и неподвижный.

— Я думалъ, не придете, тяжело проговорилъ онъ изъ угла дивана, откуда, впрочемъ, не шевельнулся на встрѣчу. Петръ Степановичъ сталъ предъ нимъ и, прежде всякаго слова, пристально вглядѣлся въ его лицо.

— Значитъ, все въ порядкѣ и мы отъ нашего намѣренія не отступимъ, молодецъ! улыбнулся онъ обидно покровительственною улыбкой. — Ну такъ что-жь, прибавилъ онъ со скверною шутливостью, — если и опоздалъ, не вамъ жаловаться: вамъ-же три часа подарилъ.

— Я не хочу отъ васъ лишнихъ часовъ въ подарокъ, и ты не можешь дарить мнѣ... дуракъ!

— Какъ? вздрогнулъ было Петръ Степановичъ, но мигомъ овладѣлъ собой, — вотъ обидчивость! Э, да мы въ ярости? отчеканилъ онъ все съ тѣмъ-же видомъ обиднаго высокомѣрія, — въ такой моментъ нужно-бы скорѣе спокойствіе. Лучше всего считать теперь себя за Колумба, а на меня смотрѣть какъ на мышь и мной не обижаться. Я это вчера рекомендовалъ.

— Я не хочу смотрѣть на тебя какъ на мышь.

— Это что̀-же, комплиментъ? А, впрочемъ, и чай холодный,—значитъ все вверхъ дномъ. Нѣтъ, тутъ происходитъ нѣчто неблагонадежное. Ба! Да я что-то примѣчаю тамъ на окнѣ, на тарелкѣ (онъ подошелъ къ окну). Ого, вареная съ рисомъ курица!.. Но почему-жь до сихъ поръ не початая? Стало быть, мы находились въ такомъ настроеніи духа, что даже и курицу...

— Я ѣлъ, и не ваше дѣло; молчите!

— О, конечно, и притомъ все равно. Но для меня-то оно теперь не равно: вообразите, совсѣмъ почти не обѣдалъ и потому, если теперь эта курица, какъ полагаю, уже не нужна... а?

— Ѣшьте, если можете.

— Вотъ благодарю, а потомъ и чаю.

Онъ мигомъ устроился за столомъ на другомъ концѣ дивана и съ чрезвычайною жадностью накинулся на кушанье; но въ тоже время каждый мигъ наблюдалъ свою жертву. Кириловъ съ злобнымъ отвращеніемъ глядѣлъ не него неподвижно, словно не въ силахъ оторваться.

— Однако, вскинулся вдругъ Петръ Степановичъ, продолжая ѣсть,—однако, о дѣлѣ-то? Такъ мы не отступимъ, а? А бумажка?

— Я опредѣлилъ въ эту ночь, что мнѣ все равно. Напишу. О прокламаціяхъ?

— Да, и о прокламаціяхъ. Я, впрочемъ, продиктую. Вамъ вѣдь все равно. Неужели васъ могло-бы безпокоить содержаніе въ такую минуту.

— Не твое дѣло.

— Не мое, конечно. Впрочемъ, всего только нѣсколько строкъ: что вы съ Шатовымъ разбрасывали прокламаціи, между прочимъ, съ помощью Ѳедьки, скрывавшагося въ вашей квартирѣ. Этотъ послѣдній пунктъ о Ѳедькѣ и о квартирѣ весьма важный, самый даже важный. Видите, я совершенно съ вами откровененъ.

— Шатова? Зачѣмъ Шатова? Ни за что̀ про Шатова.

— Вотъ еще, вамъ-то что̀? Повредить ему уже не можете.

— Къ нему жена пришла. Она проснулась и присылала спросить у меня: гдѣ онъ?

— Она къ вамъ присылала справиться гдѣ онъ? Гм... это не ладно. Пожалуй, опять пришлетъ; никто не долженъ знать, что я тутъ...

Петръ Степановичъ забезпокоился.

— Она не узнаетъ, спитъ опять; у ней бабка, Арина Виргинская.

— То-то и... не услышитъ, я думаю? Знаете, запереть-бы крыльцо.

— Ничего не услышитъ. А Шатовъ если придетъ, я васъ спрячу въ ту комнату.

— Шатовъ не придетъ; и вы напишете, что вы поссорились за предательство и доносъ... нынче вечеромъ... и причиной его смерти.

— Онъ умеръ! вскричалъ Кириловъ, вскакивая съ дивана.

— Сегодня въ восьмомъ часу вечера, или лучше, вчера въ восьмомъ часу вечера, а теперь уже первый часъ.

— Это ты убилъ его!.. И я это вчера предвидѣлъ!

— Еще-бы не предвидѣть? Вотъ изъ этого револьвера (онъ вынулъ револьверъ, повидимому, показать, но уже не спряталъ его болѣе, а продолжалъ держать въ правой рукѣ, какъ-бы на готовѣ).—Странный вы, однако, человѣкъ, Кириловъ, вѣдь вы сами знали, что этимъ должно было кончиться съ этимъ глупымъ человѣкомъ. Чего-же тутъ еще предвидѣть? Я вамъ въ ротъ разжевывалъ нѣсколько разъ. Шатовъ готовилъ доносъ: я слѣдилъ; оставить никакъ нельзя было. Да и вамъ дана была инструкція слѣдить; вы-же сами сообщали мнѣ недѣли три тому...

— Молчи! Это ты его за то, что онъ тебѣ въ Женевѣ плюнулъ въ лицо!

— И за то, и еще за другое. За многое другое; впрочемъ, безъ всякой злобы. Чего-же вскакивать? Чего-же фигуры-то строить? Ого! Да мы вотъ какъ!..

Онъ вскочилъ и поднялъ предъ собою револьверъ. Дѣло въ томъ, что Кириловъ вдругъ захватилъ съ окна свой револьверъ, еще съ утра заготовленный и заряженный. Петръ Степановичъ сталъ въ позицію и навелъ свое оружіе на Кирилова. Тотъ злобно разсмѣялся.

— Признайся, подлецъ, что ты взялъ револьверъ потому, что я застрѣлю тебя... Но я тебя не застрѣлю... хотя... хотя...

И онъ опять навелъ свой револьверъ на

Петра Степановича, какъ-бы примѣриваясь, какъ-бы не въ силахъ отказаться отъ наслажденія представить себѣ, какъ-бы онъ застрѣлилъ его. Петръ Степановичъ, все въ позиціи, выжидалъ, выжидалъ до послѣдняго мгновенія, не спуская курка, рискуя самъ прежде получить пулю въ лобъ: отъ «маньяка» могло статься. Но «маньякъ», наконецъ, опустилъ руку, задыхаясь и дрожа и не въ силахъ будучи говорить.

— Поиграли, и довольно, опустилъ оружіе и Петръ Степановичъ. — Я такъ и зналъ, что вы играете; только, знаете, вы рисковали: я могъ спустить.

И онъ довольно спокойно усѣлся на диванъ и налилъ себѣ чаю, нѣсколько трепетавшею, впрочемъ, рукой. Кириловъ положилъ револьверъ на столъ и сталъ ходить взадъ и впередъ.

— Я не напишу, что убилъ Шатова, и... ничего теперь не напишу. Не будетъ бумаги!

— Не будетъ?

— Не будетъ.

— Что̀ за подлость и что̀ за глупость! позеленѣлъ отъ злости Петръ Степановичъ. — Я, впрочемъ, это предчувствовалъ. Знайте, что вы меня не берете въ расплохъ. Какъ хотите, однако. Если-бъ я могъ васъ заставить силой, то я-бы заставилъ. Вы, впрочемъ, подлецъ, все больше и больше не могъ вытерпѣть Петръ Степановичъ. — Вы тогда у насъ денегъ просили и наобѣщали три короба... Только я всетаки не выйду безъ результата, увижу, по крайней мѣрѣ, какъ вы сами-то себѣ лобъ раскроите.

— Я хочу, чтобы ты вышелъ сейчасъ, твердо остановился противъ него Кириловъ.

— Нѣтъ, ужь это никакъ-съ, схватился опять за револьверъ Петръ Степановичъ, — теперь, пожалуй, вамъ со злобы и съ трусости вздумается все отложить и завтра пойдти донести, чтобъ опять деньжонокъ добыть; за это вѣдь заплатятъ. Чортъ васъ возьми, такихъ людишекъ какъ вы на все хватитъ! Только не безпокойтесь, я все предвидѣлъ: я не уйду не раскроивъ вамъ черепа изъ этого револьвера, какъ подлецу Шатову, если вы сами струсите и намѣреніе отложите, чортъ васъ дери!

— Тебѣ хочется непремѣнно видѣть и мою кровь?

— Я не по злобѣ, поймите; мнѣ все равно. Я потому, чтобы быть спокойнымъ за наше дѣло. На человѣка положиться нельзя, сами видите. Я ничего не понимаю въ чемъ у васъ тамъ фантазія себя умертвить. Не я это вамъ выдумалъ, а вы сами еще прежде меня и заявили объ этомъ первоначально не мнѣ, а членамъ за границей. И замѣтьте, никто изъ нихъ у васъ не выпытывалъ, никто изъ нихъ васъ и не зналъ совсѣмъ, а сами вы пришли откровенничать, изъ чувствительности. Ну, что̀-жь дѣлать, если на этомъ былъ тогда-же основанъ, съ вашего-же согласія и предложенія (замѣтьте это себѣ: предложенія!), нѣкоторый планъ здѣшнихъ дѣйствій, котораго теперь измѣнить уже никакъ нельзя. Вы такъ себя теперь поставили, что уже слишкомъ много знаете лишняго. Если сбрендите и завтра доносить отправитесь, такъ вѣдь это, пожалуй, намъ и невыгодно будетъ, какъ вы объ этомъ думаете? Нѣтъ-съ; вы обязались, вы слово дали, деньги взяли. Этого вы никакъ не можете отрицать...

Петръ Степановичъ сильно разгорячился, но Кириловъ давно ужь не слушалъ. Онъ опять въ задумчивости шагалъ по комнатѣ.

— Мнѣ жаль Шатова, сказалъ онъ, снова останавливаясь передъ Петромъ Степановичемъ.

— Да вѣдь и мнѣ жаль, пожалуй, и неужто...

— Молчи, подлецъ! заревѣлъ Кириловъ, сдѣлавъ страшное и не двусмысленное движеніе, — убью!

— Ну, ну, ну, солгалъ, согласенъ, вовсе не жаль; ну, довольно-же, довольно! опасливо привскочилъ, выставивъ впередъ руку, Петръ Степановичъ.

Кириловъ вдругъ утихъ и опять зашагалъ.

— Я не отложу; я именно теперь хочу умертвить себя: всѣ подлецы!

— Ну, вотъ это идея; конечно, всѣ подлецы, и такъ какъ на свѣтѣ порядочному человѣку мерзко, то...

— Дуракъ, я тоже такой подлецъ какъ

ты, какъ всѣ, а не порядочный. Порядочнаго нигдѣ не было.

— Наконецъ-то, догадался. Неужели вы до сихъ поръ не понимали, Кириловъ, съ вашимъ умомъ, что всѣ одни и тѣ-же, что нѣтъ ни лучше, ни хуже, а только умнѣе и глупѣе, и что если всѣ подлецы (что̀, впрочемъ, вздоръ), то, стало быть, и не должно быть подлеца?

— А! Да ты въ самомъ дѣлѣ не смѣешься? съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ Кириловъ.—Ты съ жаромъ и просто... Неужто у такихъ какъ ты убѣжденія?

— Кириловъ, я никогда не могъ понять, за что̀ вы хотите убить себя. Я знаю только, что изъ убѣжденія... изъ твердаго. Но если вы чувствуете потребность, такъ сказать, излить себя, я къ вашимъ услугамъ... Только надо имѣть въ виду время...

— Который часъ?

— Ого, ровно два, посмотрѣлъ на часы Петръ Степановичъ и закурилъ папиросу.

«Кажется, еще можно сговориться», подумалъ онъ про себя.

— Мнѣ нечего тебѣ говорить, пробормоталъ Кириловъ.

— Я помню, что тутъ что-то о Богѣ... вѣдь вы разъ мнѣ объясняли; даже два раза. Если вы застрѣлитесь, то вы станете богомъ, кажется, такъ?

— Да, я стану богомъ.

Петръ Степановичъ даже не улыбнулся; онъ ждалъ; Кириловъ тонко посмотрѣлъ на него.

— Вы политическій обманщикъ и интриганъ, вы хотите свести меня на философію и на восторгъ, и произвести примиреніе, чтобы разогнать гнѣвъ, и когда помирюсь, упросить записку, что я убилъ Шатова.

Петръ Степановичъ отвѣтилъ почти съ натуральнымъ простодушіемъ:

— Ну, пусть я такой подлецъ, только въ послѣднія минуты не все-ли вамъ это равно, Кириловъ? Ну, за что̀ мы ссоримся, скажите пожалуйста: вы такой человѣкъ, а я такой человѣкъ, что̀-жъ изъ этого? И оба вдобавокъ...

— Подлецы.

— Да, пожалуй, и подлецы. Вѣдь вы знаете, что это только слова.

— Я всю жизнь не хотѣлъ, чтобъ это только слова. Я потому и жилъ, что все не хотѣлъ. Я и теперь каждый день хочу, чтобы не слова.

— Что̀-жь, каждый ищетъ гдѣ лучше. Рыба... то есть каждый ищетъ своего рода комфорта; вотъ и все. Чрезвычайно давно извѣстно.

— Комфорта, говоришь ты?

— Ну, сто̀итъ изъ-за словъ спорить.

— Нѣтъ, ты хорошо сказалъ; пусть комфорта. Богъ необходимъ, а потому долженъ быть.

— Ну и прекрасно.

— Но я знаю, что Его нѣтъ и не можетъ быть.

— Это вѣрнѣе.

— Неужели ты не понимаешь, что человѣку съ такими двумя мыслями нельзя оставаться въ живыхъ?

— Застрѣлиться, что-ли?

— Неужели ты не понимаешь, что изъза этого только одного можно застрѣлить себя? Ты не понимаешь, что, можетъ быть, такой человѣкъ, одинъ человѣкъ изъ тысячи вашихъ милліоновъ, одинъ, который не захочетъ и не перенесетъ.

— Я понимаю только, что вы, кажется, колеблетесь... Это очень скверно.

— Ставрогина тоже съѣла идея, не замѣтилъ замѣчанія Кириловъ, угрюмо шагая по комнатѣ.

— Какъ? навострилъ уши Петръ Степановичъ,—какая идея? Онъ вамъ самъ что нибудь говорилъ?

— Нѣтъ, я самъ угадалъ: Ставрогинъ если вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ вѣруетъ. Если-же не вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ не вѣруетъ.

— Ну, у Ставрогина есть и другое, поумнѣе этого... сварливо пробормоталъ Петръ Степановичъ, съ безпокойствомъ слѣдя за оборотомъ разговора и за блѣднымъ Кириловымъ.

«Чортъ возьми, не застрѣлится», думалъ онъ, «всегда предчувствовалъ; мозговой вывертъ и больше ничего; экая шваль народъ!»

— Ты послѣдній который со мной: я-бы не хотѣлъ съ тобой разстаться дурно, подарилъ вдругъ Кириловъ.

Петръ Степановичъ не сейчасъ отвѣтилъ. «Чортъ возьми, это что-жь опять?» подумалъ онъ снова.

— Повѣрьте, Кириловъ, что я ничего не имѣю противъ васъ, какъ человѣка лично, и всегда...

— Ты подлецъ и ты ложный умъ. Но я такой-же какъ и ты, и застрѣлю себя, а ты останешься живъ.

— То есть вы хотите сказать, что я такъ низокъ, что захочу остаться въ живыхъ.

Онъ еще не могъ разрѣшить, выгодно или невыгодно продолжать въ такую минуту такой разговоръ, и рѣшился «предаться обстоятельствамъ». Но тонъ превосходства и нескрываемаго всегдашняго къ нему презрѣнія Кирилова всегда и прежде раздражалъ его, а теперь почему-то еще больше прежняго. Потому, можетъ быть, что Кириловъ, которому черезъ часъ какой нибудь предстояло умереть (всетаки Петръ Степановичъ это имѣлъ въ виду), казался ему чѣмъ-то въ родѣ уже получеловѣка, чѣмъ-то такимъ, что ему уже никакъ нельзя было позволить высокомѣрія.

— Вы, кажется, хвастаетесь предо мной, что застрѣлитесь?

— Я всегда былъ удивленъ, что всѣ остаются въ живыхъ, не слыхалъ его замѣчанія Кириловъ.

— Гм! положимъ это идея, но...

— Обезьяна, ты поддакиваешь, чтобы меня покорить. Молчи, ты не поймешь ничего. Если нѣтъ Бога, то я богъ.

— Вотъ я никогда не могъ понять у васъ этого пункта: почему вы-то богъ?

— Если Богъ есть, то вся воля Его, и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ заявить своеволіе.

— Своеволіе? А почему обязаны?

— Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей планетѣ, кончивъ Бога и увѣровавъ въ своеволіе, не осмѣлится заявить своеволіе, въ самомъ полномъ пунктѣ? Это такъ какъ бѣдный получилъ наслѣдство и испугался, и не смѣетъ подойдти къ мѣшку, почитая себя малосильнымъ владѣть. Я хочу заявить своеволіе. Пусть одинъ, но сдѣлаю.

— И дѣлайте.

— Я обязанъ себя застрѣлить, потому что самый полный пунктъ моего своеволія—это убить себя самому.

— Да вѣдь не одинъ-же вы себя убиваете; много самоубійцъ.

— Съ причиною. Но безо всякой причины, а только для своеволія—одинъ я.

«Не застрѣлится», мелькнуло опять у Петра Степановича.

— Знаете что, замѣтилъ онъ раздражительно, — я-бы на вашемъ мѣстѣ, чтобы показать своеволіе, убилъ кого нибудь другаго, а не себя. Полезнымъ могли-бы стать. Я укажу кого, если не испугаетесь. Тогда пожалуй и не стрѣляйтесь сегодня. Можно сговориться.

— Убить другаго будетъ самымъ низкимъ пунктомъ моего своеволія, и въ этомъ весь ты. Я не ты: я хочу высшій пунктъ и себя убью.

«Своимъ умомъ дошелъ», злобно проворчалъ Петръ Степановичъ.

— Я обязанъ невѣріе заявить, шагалъ по комнатѣ Кириловъ. — Для меня нѣтъ выше идеи что Бога нѣтъ. За меня человѣческая исторія. Человѣкъ только и дѣлалъ что выдумывалъ Бога, чтобы жить не убивая себя; въ этомъ вся всемірная исторія до сихъ поръ. Я одинъ во всемірной исторіи не захотѣлъ первый разъ выдумывать Бога. Пусть узнаютъ разъ навсегда.

«Не застрѣлится», тревожился Петръ Степановичъ.

— Кому узнавать-то? поджигалъ онъ.— Тутъ я да вы; Липутинъ что-ли?

— Всѣмъ узнавать; всѣ узнаютъ. Ничего нѣтъ тайнаго что-бы не сдѣлалось явнымъ. Вотъ *Онъ* сказалъ.

И онъ съ лихорадочнымъ восторгомъ указалъ на образъ Спасителя, предъ которымъ горѣла лампада. Петръ Степановичъ совсѣмъ озлился.

— Въ Него-то, стало быть, все еще вѣруете и лампадку зажгли; ужь не на «всякій-ли случай»?

Тотъ промолчалъ.

— Знаете что, по моему, вы вѣруете, пожалуй, еще больше попа.

— Въ кого? Въ *Него?* Слушай, остановился Кириловъ, неподвижнымъ, изступленнымъ взглядомъ смотря передъ собой.—

Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: «будешь сегодня со мною въ раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: Этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что̀ на ней, безъ этого человѣка — одно съумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ Ему такого-же, и никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого-же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *Этого*, даже чудо свое-же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты ложь и діаволовъ водевиль. Для чего-же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ?

— Это другой оборотъ дѣла. Мнѣ кажется, у васъ тутъ двѣ разныя причины смѣшались; а это очень неблагонадежно. Но позвольте, ну, а если вы богъ? Если кончилась ложь, и вы догадались, что вся ложь оттого, что былъ прежній Богъ.

— Наконецъ-то ты понялъ! вскричалъ Кириловъ восторженно. Стало быть, можно-же понять, если даже такой какъ ты понялъ! Понимаешь теперь, что все спасеніе для всѣхъ—всѣмъ доказать эту мысль. Кто докажетъ? Я! Я не понимаю, какъ могъ до сихъ поръ атеистъ знать, что нѣтъ Бога и не убить себя тотчасъ-же? Сознать, что нѣтъ Бога и не сознать въ тотъ-же разъ, что самъ богомъ сталъ — есть нелѣпость, иначе непремѣнно убьешь себя самъ. Если сознаешь—ты царь и уже не убьешь себя самъ, а будешь жить въ самой главной славѣ. Но одинъ, тотъ, кто первый, долженъ убить себя самъ непремѣнно, иначе кто-же начнетъ и докажетъ? Это я убью себя самъ непремѣнно, чтобы начать и доказать. Я еще только богъ поневолѣ и я несчастенъ, ибо *обязанъ* заявить своеволіе. Всѣ несчастны потому, что всѣ боятся заявлять своеволіе. Человѣкъ потому и былъ до сихъ поръ такъ несчастенъ и бѣденъ, что боялся заявить самый главный пунктъ своеволія, и своевольничалъ съ краю, какъ школьникъ. Я ужасно несчастенъ, ибо ужасно боюсь. Страхъ есть проклятіе человѣка... Но я заявлю своеволіе, я обязанъ увѣровать, что не вѣрую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасетъ всѣхъ людей и въ слѣдующемъ-же поколѣніи переродитъ физически; ибо въ теперешнемъ физическомъ видѣ, сколько я думалъ, нельзя быть человѣку безъ прежняго Бога никакъ. Я три года искалъ аттрибутъ божества моего и нашелъ: аттрибутъ божества моего—Своеволіе! Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою.

Лицо его было неестественно блѣдно, взглядъ нестерпимо тяжелый. Онъ былъ какъ въ горячкѣ. Петръ Степановичъ подумалъ было, что онъ сейчасъ упадетъ.

— Давай перо! вдругъ совсѣмъ неожиданно крикнулъ Кириловъ въ рѣшительномъ вдохновеніи;—диктуй, все подпишу. И что Шатова убилъ подпишу. Диктуй, пока мнѣ смѣшно. Не боюсь мыслей высокомѣрныхъ рабовъ! Самъ увидишь, что все тайное станетъ явнымъ! А ты будешь раздавленъ... Вѣрую! Вѣрую!

Петръ Степановичъ схватился съ мѣста и мигомъ подалъ чернильницу, бумагу и сталъ диктовать, ловя минуту и трепеща за успѣхъ.

«Я, Алексѣй Кириловъ, объявляю»...

— Стой! Не хочу! Кому объявляю?

Кириловъ трясся какъ въ лихорадкѣ. Это объявленіе и какая-то особенная внезапная мысль о немъ, казалось, вдругъ поглотила его всего, какъ будто какой-то исходъ, куда стремительно ударился, хоть на минутку, измученный духъ его:

— Кому объявляю? Хочу знать кому?

— Никому, всѣмъ, первому, который прочтетъ. Къ чему опредѣленность? Всему міру!

— Всему міру? Браво! И чтобы не надо раскаянія. Не хочу чтобы раскаяваться; и не хочу къ начальству!

— Да нѣтъ-же, не надо, къ чорту на-

чальство! Да пишите-же, если вы серіозно!.. истерически прикрикнулъ Петръ Степановичъ.

— Стой! Я хочу сверху рожу съ высунутымъ языкомъ.

— Э, вздоръ! озлился Петръ Степановичъ,—и безъ рисунка можно все это выразить однимъ тономъ.

— Тономъ? Это хорошо. Да, тономъ, тономъ! Диктуй тономъ.

«Я, Алексѣй Кириловъ,—твердо и повелительно диктовалъ Петръ Степановичъ, нагнувшись надъ плечомъ Кирилова и слѣдя за каждою буквой, которую тотъ выводилъ трепетавшею отъ волненія рукой,— я, Кириловъ, объявляю, что сегодня — октября, въ вечеру, въ восьмомъ часу, убилъ студента Шатова, за предательство, въ паркѣ, и за доносъ о прокламаціяхъ и о Ѳедькѣ, который у насъ обоихъ, въ домѣ Филиппова, также квартировалъ и ночевалъ десять дней. Убиваю-же самъ себя сегодня изъ револьвера не потому, что раскаяваюсь и васъ боюсь, а потому что имѣлъ за границей намѣреніе прекратить свою жизнь».

— Только? съ удивленіемъ и съ негодованіемъ воскликнулъ Кириловъ.

— Ни слова больше! махнулъ рукой Петръ Степановичъ, наровя вырвать у него документъ.

— Стой! крѣпко наложилъ на бумагу свою руку Кириловъ,—стой, вздоръ! Я хочу съ кѣмъ убилъ. Зачѣмъ Ѳедька? А пожаръ? Я все хочу и еще изругать хочу тономъ, тономъ!

— Довольно, Кириловъ, увѣряю васъ, что довольно! почти умолялъ Петръ Степановичъ, трепеща чтобъ онъ не разодралъ бумагу:—чтобы повѣрили надо какъ можно темнѣе, именно такъ, именно одними намеками. Надо правды только уголокъ показать, ровно настолько, чтобъ ихъ раздразнить. Всегда сами себѣ налгутъ больше нашего и ужь себѣ-то, конечно, повѣрятъ больше чѣмъ намъ, а вѣдь это всего лучше, всего лучше! Давайте; великолѣпно и такъ; давайте, давайте!

И онъ все старался вырвать бумагу. Кириловъ, выпуча глаза, слушалъ и какъ-бы старался сообразить, но, кажется, онъ переставалъ понимать.

— Э, чортъ! озлился вдругъ Петръ Степановичъ, — да онъ еще и не подписалъ! Что-жь вы глаза-то выпучили, подписывайте!

— Я хочу изругать... пробормоталъ Кириловъ, однако взялъ перо и подписался.— Я хочу изругать...

— Подпишите: Vive la république и довольно.

— Браво! почти заревѣлъ отъ восторга Кириловъ. — Vive la république démocratique, sociale et universelle ou la mort!.. Нѣтъ, нѣтъ, не такъ. — Liberté, égalité, fraternité ou la mort! — Вотъ это лучше, это лучше, написалъ онъ съ наслажденіемъ подъ подписью своего имени.

— Довольно, довольно, все повторялъ Петръ Степановичъ.

— Стой, еще немножко... Я, знаешь, подпишу еще разъ по французски: «de Kiriloff, gentilhomme russe et citoyen du monde».— Ха-ха-ха! залился онъ хохотомъ. — Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, стой, нашелъ всего лучше, эврика: gentilhomme-séminariste russe et citoyen du monde civilisé! Вотъ что лучше всякихъ... вскочилъ онъ съ дивана и вдругъ быстрымъ жестомъ схватилъ съ окна револьверъ, выбѣжалъ съ нимъ въ другую комнату и плотно притворилъ за собою дверь. Петръ Степановичъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, глядя на дверь.

«Если сейчасъ, такъ пожалуй и выстрѣлитъ, а начнетъ думать — ничего не будетъ».

Онъ взялъ пока бумажку, присѣлъ и переглядѣлъ ее снова. Редакція объявленія опять ему понравилась:

«Чего-же пока надо? Надо, чтобы на время совсѣмъ ихъ сбить съ толку и тѣмъ отвлечь. Паркъ? Въ городѣ нѣтъ парка, ну и дойдутъ своимъ умомъ, что въ Скворешникахъ. Пока будутъ доходить, пройдетъ время, пока искать—опять время, а отыщутъ трупъ — значитъ, правда написана; значитъ и все правда, значитъ, и про Ѳедьку правда. А что такое Ѳедька? Ѳедька — это пожаръ, это Лебядкины: значитъ, все отсюда, изъ дому Филипповыхъ и выходило, а они-то ничего не видали, а они-то все проглядѣли, — это ужь ихъ совсѣмъ закружитъ! Про *нашихъ* и въ голову не войдетъ;

Шатовъ да Кириловъ, да Ѳедька, да Лебядкинъ; и зачѣмъ они убили другъ друга, — вотъ еще имъ вопросикъ. Э, чортъ, да выстрѣла-то не слышно!..»

Онъ хоть и читалъ, и любовался редакціей, но каждый мигъ съ мучительнымъ безпокойствомъ прислушивался и — вдругъ озлился. Тревожно взглянулъ онъ на часы; было поздненько; и минутъ десять какъ тотъ ушелъ... Схвативъ свѣчку, онъ направился къ дверямъ комнаты, въ которой затворился Кириловъ. У самыхъ дверей ему какъ разъ пришло въ голову, что вотъ и свѣчка на исходѣ и минутъ черезъ двадцать совсѣмъ догоритъ, а другой нѣтъ. Онъ взялся за замокъ и осторожно прислушался, не слышно было ни малѣйшаго звука; онъ вдругъ отперъ дверь и приподнялъ свѣчу: что-то заревѣло и бросилось къ нему. Изо всей силы прихлопнулъ онъ дверь и опять налегъ на нее, но уже все утихло — опять мертвая тишина.

Долго стоялъ онъ въ нерѣшимости со свѣчей въ рукѣ. Въ ту секунду, какъ отворялъ, онъ очень мало могъ разглядѣть, но, однако, мелькнуло лицо Кирилова, стоявшаго въ глубинѣ комнаты у окна, и звѣрская ярость, съ которою тотъ вдругъ къ нему кинулся. Петръ Степановичъ вздрогнулъ, быстро поставилъ свѣчку на столъ, приготовилъ револьверъ и отскочилъ на цыпочкахъ въ противоположный уголъ, такъ что, если-бы Кириловъ отворилъ дверь и устремился съ револьверомъ къ столу, онъ успѣлъ-бы еще прицѣлиться и спустить курокъ раньше Кирилова.

Въ самоубійство Петръ Степановичъ уже совсѣмъ теперь не вѣрилъ! «Стоялъ среди комнаты и думалъ» —проходило какъ вихрь въ умѣ Петра Степановича. «Къ тому-же темная, страшная комната... Онъ заревѣлъ и бросился—тутъ двѣ возможности: или я помѣшалъ ему въ ту самую секунду, какъ онъ спускалъ курокъ, или... или онъ стоялъ и обдумывалъ, какъ-бы меня убить. Да, это такъ, онъ обдумывалъ... Онъ знаетъ, что я не уйду не убивъ его, если самъ онъ струситъ,—значитъ, ему надо убить меня прежде, чтобы я не убилъ его... И опять, опять тамъ тишина! Страшно даже: вдругъ отворитъ дверь... Свинство въ томъ, что онъ въ Бога вѣруетъ пуще чѣмъ попъ... Ни за что̀ не застрѣлится!.. Этихъ, которые «своимъ умомъ дошли», много теперь развелось. Сволочь! фу, чортъ, свѣчка, свѣчка! Догоритъ черезъ четверть часа непремѣнно... Надо кончить; во что-бы ни стало надо кончить... Что-жь, убить теперь можно... Съ этою бумагой никакъ не подумаютъ, что я убилъ. Его можно такъ сложить и приладить на полу съ разряженнымъ револьверомъ въ рукѣ, что непремѣнно подумаютъ, что онъ самъ... Ахъ, чортъ, какъ-же убить? Я отворю, а онъ опять броситься и выстрѣлитъ прежде меня. Э, чортъ, разумѣется, промахнется!»

Такъ мучился онъ, трепеща предъ неизбѣжностью замысла и отъ своей нерѣшительности. Наконецъ, взялъ свѣчу и опять подошелъ къ дверямъ, приподнявъ и приготовивъ револьверъ; лѣвою-же рукой, въ которой держалъ свѣчу, налегъ на ручку замка. Но вышло неловко: ручка щелкнула, произошелъ звукъ и скрипъ. «Прямо выстрѣлитъ!» мелькнуло у Петра Степановича. Изо всей силы толкнулъ онъ ногой дверь, поднялъ свѣчу и выставилъ револьверъ; но ни выстрѣла, ни крика... Въ комнатѣ никого не было.

Онъ вздрогнулъ. Комната была не проходная, глухая, и убѣжать было некуда. Онъ поднялъ еще больше свѣчу и вглядѣлся внимательно: ровно никого. Въ полголоса онъ окликнулъ Кирилова, потомъ въ другой разъ громче; никто не откликнулся.

«Неужто въ окно убѣжалъ?»

Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ окнѣ отворена была форточка. «Нелѣпость, не могъ онъ убѣжать черезъ форточку». Петръ Степановичъ прошелъ черезъ всю комнату прямо къ окну: «Никакъ не могъ». Вдругъ онъ быстро обернулся и что-то необычайное сотрясло его.

У противоположной окнамъ стѣны, вправо отъ двери, стоялъ шкафъ. Съ правой стороны этого шкафа, въ углу, образованномъ стѣною и шкафомъ, стоялъ Кириловъ, и стоялъ ужасно странно, — неподвижно, вытянувшись, протянувъ руки по швамъ, приподнявъ голову и плотно прижавшись затылкомъ къ стѣнѣ, въ самомъ углу, казалось, желая весь стушеваться и

спрятаться. По всѣмъ признакамъ, онъ прятался, но какъ-то нельзя было повѣрить. Петръ Степановичъ стоялъ нѣсколько наискось отъ угла и могъ наблюдать только выдающіяся части фигуры. Онъ все еще не рѣшался подвинуться влѣво, чтобы разглядѣть всего Кирилова и понять загадку. Сердце его стало сильно биться... И вдругъ имъ овладѣло совершенное бѣшенство: онъ сорвался съ мѣста, закричалъ и топая ногами яростно бросился къ страшному мѣсту.

Но дойдя вплоть, онъ опять остановился какъ вкопанный, еще болѣе пораженный ужасомъ. Его, главное, поразило то, что фигура, не смотря на крикъ и на бѣшеный наскокъ его, даже не двинулась, не шевельнулась ни однимъ своимъ членомъ—точно окаменѣвшая или восковая. Блѣдность лица ея была неестественная, черные глаза совсѣмъ неподвижны и глядѣли въ какую-то точку въ пространствѣ. Петръ Степановичъ провелъ свѣчой сверху внизъ и опять вверхъ, освѣщая со всѣхъ точекъ и разглядывая это лицо. Онъ вдругъ замѣтилъ, что Кириловъ хоть и смотритъ куда-то предъ собой, но искоса его видитъ и даже, можетъ быть, наблюдаетъ. Тутъ пришла ему мысль поднести огонь прямо къ лицу «этого мерзавца», поджечь и посмотрѣть, что тотъ сдѣлаетъ. Вдругъ ему почудилось, что подбородокъ Кирилова шевельнулся и на губахъ какъ-бы скользнула насмѣшливая улыбка—точно тотъ угадалъ его мысль. Онъ задрожалъ и, не помня себя, крѣпко схватилъ Кирилова за плечо.

Затѣмъ произошло нѣчто до того безобразное и быстрое, что Петръ Степановичъ никакъ не могъ потомъ уладить свои воспоминанія въ какомъ нибудь порядкѣ. Едва онъ дотронулся до Кирилова, какъ тотъ быстро нагнулъ голову и головой-же выбилъ изъ рукъ его свѣчку; подсвѣчникъ полетѣлъ со звономъ на полъ, и свѣча потухла. Въ тоже мгновеніе онъ почувствовалъ ужасную боль въ мизинцѣ своей лѣвой руки. Онъ закричалъ, и ему припомнилось только, что онъ внѣ себя три раза изо всей силы ударилъ револьверомъ по головѣ припавшаго къ нему и укусившаго ему палецъ Кирилова. Наконецъ, палецъ онъ вырвалъ и сломя голову бросился бѣжать изъ дому, отыскивая въ темнотѣ дорогу. Во слѣдъ ему изъ комнаты летѣли страшные крики:

— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ!..

Разъ десять. Но онъ все бѣжалъ и уже выбѣжалъ было въ сѣни, какъ вдругъ послышался громкій выстрѣлъ. Тутъ онъ остановился въ сѣняхъ въ темнотѣ и минутъ пять соображалъ; наконецъ, вернулся опять въ комнаты. Но надо было добыть свѣчу. Стоило отыскать направо у шкафа на полу выбитый изъ рукъ подсвѣчникъ; но чѣмъ засвѣтить огарокъ? Въ умѣ его вдругъ промелькнуло одно темное воспоминаніе: ему припомнилось, что вчера, когда онъ сбѣжалъ въ кухню, чтобъ наброситься на Ѳедьку, то въ углу, на полкѣ, онъ какъ будто замѣтилъ мелькомъ большую красную коробку спичекъ. Ощупью направился онъ влѣво, къ кухонной двери, отыскалъ ее, прошелъ сѣнцы и спустился по лѣстницѣ. На полкѣ, прямо въ томъ самомъ мѣстѣ, которое ему сейчасъ припомнилось, нашарилъ онъ въ темнотѣ полную, еще непочатую коробку спичекъ. Не зажигая огня, поспѣшно воротился онъ вверхъ и только лишь около шкафа, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ онъ билъ револьверомъ укусившаго его Кирилова, вдругъ вспомнилъ про свой укушенный палецъ и въ тоже мгновеніе ощутилъ въ немъ почти невыносимую боль. Стиснувъ зубы, онъ коекакъ засвѣтилъ огарокъ, вставилъ его опять въ подсвѣчникъ и осмотрѣлся кругомъ; у окошка съ отворенной форточкой, ногами въ правый уголъ комнаты, лежалъ трупъ Кирилова. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ правый високъ, и пуля вышла вверхъ съ лѣвой стороны, пробивъ черепъ. Виднѣлись брызги крови и мозга. Револьверъ оставался въ опустившейся на полъ рукѣ самоубійцы. Смерть должна была произойдти мгновенно. Осмотрѣвъ все со всею аккуратностью, Петръ Степановичъ приподнялся и вышелъ на цыпочкахъ, приперъ дверь, свѣчу поставилъ на столъ въ первой комнатѣ, подумалъ и рѣшилъ не тушить ее, сообразивъ, что она не можетъ произвести пожара. Взглянувъ еще разъ на лежавшій на столѣ документъ, онъ машинально усмѣх-

нулся и затѣмъ уже, все почему-то на цыпочкахъ, пошелъ изъ дому. Онъ пролѣзъ опять черезъ Ѳедькинъ ходъ и опять аккуратно задѣлалъ его за собою.

III.

Ровно безъ десяти минутъ въ шесть часовъ, въ вокзалѣ желѣзной дороги, вдоль вытянувшагося, довольно длиннаго ряда вагоновъ, прохаживались Петръ Степановичъ и Эркель. Петръ Степановичъ отъѣзжалъ, а Эркель прощался съ нимъ. Кладь была сдана, сакъ отнесенъ въ вагонъ втораго класса, на выбранное мѣсто. Первый звонокъ уже прозвенѣлъ, ждали втораго. Петръ Степановичъ открыто смотрѣлъ по сторонамъ, наблюдая входившихъ въ вагоны пассажировъ. Но близкихъ знакомыхъ не встрѣтилось; всего лишь раза два пришлось ему кивнуть головой, — одному купцу, котораго онъ зналъ отдаленно, и потомъ одному молодому деревенскому священнику, отъѣзжавшему за двѣ станціи въ свой приходъ. Эркелю видимо хотѣлось въ послѣднія минуты поговорить о чемъ нибудь поважнѣе, — хотя, можетъ быть, онъ и самъ не зналъ о чемъ именно; но онъ все не смѣлъ начать. Ему все казалось, что Петръ Степановичъ какъ будто съ нимъ тяготится и съ нетерпѣніемъ ждетъ остальныхъ звонковъ.

— Вы такъ открыто на всѣхъ смотрите, съ нѣкоторою робостью замѣтилъ онъ, какъ-бы желая предупредить.

— Почему-жь нѣтъ? Мнѣ еще нельзя прятаться. Рано. Не безпокойтесь. Я вотъ только боюсь, чтобы не наслалъ чортъ Липутина; пронюхаетъ и прибѣжитъ.

— Петръ Степановичъ, они не надежны, рѣшительно высказалъ Эркель.

— Липутинъ?

— Всѣ, Петръ Степановичъ.

— Вздоръ, теперь всѣ связаны вчерашнимъ. Ни одинъ не измѣнитъ. Кто пойдетъ на явную гибель, если не потеряетъ разсудка?

— Петръ Степановичъ, да вѣдь они потеряютъ разсудокъ.

Эта мысль уже видимо заходила въ голову и Петру Степановичу, и потому замѣчаніе Эркеля еще болѣе его разсердило:

— Не трусите-ли и вы, Эркель? Я на васъ больше чѣмъ на всѣхъ ихъ надѣюсь. Я теперь увидѣлъ, чего каждый стоитъ. Передайте имъ все словесно сегодня-же, я вамъ ихъ прямо поручаю. Обѣгите ихъ съ утра. Письменную мою инструкцію прочтите завтра или послѣ завтра, собравшись, когда они уже станутъ способны выслушать... но повѣрьте, что они завтра-же будутъ способны, потому что ужасно струсятъ и станутъ послушны какъ воскъ... Главное, вы-то не унывайте.

— Ахъ, Петръ Степановичъ, лучше если-бъ вы не уѣзжали!

— Да вѣдь я только на нѣсколько дней; я мигомъ назадъ.

— Петръ Степановичъ, осторожно, но твердо вымолвилъ Эркель; — хотя-бы вы и въ Петербургъ. Развѣ я не понимаю, что вы дѣлаете только необходимое для общаго дѣла.

— Я меньшаго и не ждалъ отъ васъ, Эркель. Если вы догадались, что я въ Петербургъ, то могли понять, что не могъ-же я сказать имъ вчера, въ тотъ моментъ, что такъ далеко уѣзжаю, чтобы не испугать. Вы видѣли сами каковы они были. Но вы понимаете, что я для дѣла, для главнаго и важнаго дѣла, для общаго дѣла, а не для того, чтобъ улизнуть, какъ полагаетъ какой нибудь Липутинъ.

— Петръ Степановичъ, да хотя-бы и за границу, вѣдь я пойму-съ; я пойму, что вамъ нужно сберечь свою личность, потому что вы все, а мы — ничто. Я пойму, Петръ Степановичъ.

У бѣднаго мальчика задрожалъ даже голосъ.

— Благодарю васъ, Эркель... Ай, вы мнѣ больной палецъ тронули (Эркель неловко пожалъ ему руку; больной палецъ былъ приглядно перевязанъ черною тафтой).— Но я вамъ положительно говорю еще разъ, что въ Петербургъ я только пронюхать и даже, можетъ быть, всего только сутки, и тотчасъ обратно сюда. Воротясь, я для виду поселюсь въ деревнѣ у Гаганова. Если они полагаютъ въ чемъ нибудь опасность, то я первый во главѣ пойду раздѣлить ее.

Если-же и замедлю въ Петербургѣ, то въ тотъ-же мигъ дамъ вамъ знать... извѣстнымъ путемъ, а вы имъ.

Раздался второй звонокъ.

— А, значитъ, всего пять минутъ до отъѣзда. Я, знаете, не желалъ-бы, чтобы здѣшняя кучка разсыпалась. Я-то не боюсь, обо мнѣ не безпокойтесь; этихъ узловъ общей сѣти у меня довольно и мнѣ нечего особенно дорожить; но и лишній узелъ ничему-бы не помѣшалъ. Впрочемъ, я за васъ спокоенъ, хотя и оставляю васъ почти одного съ этими уродами: не безпокойтесь, не донесутъ, не посмѣютъ... А-а, и вы сегодня? крикнулъ онъ вдругъ, совсѣмъ другимъ веселымъ голосомъ одному очень молодому человѣку, весело подошедшему къ нему поздороваться;—я не зналъ, что и вы тоже съ экстреннымъ. Куда, къ мамашѣ?

Мамаша молодаго человѣка была богатѣйшая помѣщица сосѣдней губерніи, а молодой человѣкъ приходился отдаленнымъ родственникомъ Юліи Михайловны и прогостилъ въ нашемъ городѣ около двухъ недѣль.

— Нѣтъ, я подальше, я въ Р... Часовъ восемь въ вагонѣ прожить предстоитъ. Въ Петербургъ? засмѣялся молодой человѣкъ.

— Почему вы предположили, что я такъ-таки въ Петербургъ? еще открытѣе засмѣялся и Петръ Степановичъ.

Молодой человѣкъ погрозилъ ему гантированнымъ пальчикомъ.

— Ну да, вы угадали, таинственно зашепталъ ему Петръ Степановичъ, — я съ письмами Юліи Михайловны и долженъ тамъ обѣгать трехъ—четырехъ знаете какихъ лицъ, чортъ-бы ихъ далъ, откровенно говоря. Чортова должность!

— Да чего, скажите, она такъ струсила? зашепталъ и молодой человѣкъ: — она даже меня вчера къ себѣ не пустила; по моему, ей за мужа бояться нечего; напротивъ, онъ такъ приглядно упалъ на пожарѣ, такъ сказать, жертвуя даже жизнью.

— Ну вотъ подите, разсмѣялся Петръ Степановичъ; — она, видите, боится, что отсюда уже написали... то есть нѣкоторые господа... Однимъ словомъ, тутъ главное Ставрогинъ; то есть князь К... Эхъ, тутъ цѣлая исторія; я, пожалуй, вамъ дорогой кое-что сообщу — сколько, впрочемъ, рыцарство позволитъ... Это мой родственникъ, прапорщикъ Эркель, изъ уѣзда.

Молодой человѣкъ, косившій глаза на Эркеля, притронулся къ шляпѣ; Эркель отдалъ поклонъ.

— А знаете, Верховенскій, восемь часовъ въ вагонѣ ужасный жребій. Тутъ уѣзжаетъ съ нами въ первомъ классѣ Берестовъ, пресмѣшной одинъ полковникъ, сосѣдъ по имѣнію: женатъ на Гариной (née de Garine) и, знаете, онъ изъ порядочныхъ. Даже съ идеями. Пробылъ здѣсь всего двое сутокъ. Отчаянный охотникъ до ералаша; не затѣять-ли, а? Четвертаго я уже наглядѣлъ — Припухловъ, нашъ Т—скій купецъ съ бородой, милліонщикъ, то есть настоящій милліонщикъ, это я вамъ говорю... Я васъ познакомлю, преинтересный мѣшокъ съ добромъ, хохотать будемъ.

— Въ ералашъ я съ превеликимъ и ужасно люблю въ вагонѣ, но я во второмъ классѣ.

— Э, полноте, ни за что! Садитесь съ нами. Я сейчасъ велю васъ перенести въ первый классъ. Оберъ-кондукторъ меня слушается. Что у васъ, сакъ? Пледъ?

— Чудесно, пойдемте!

Петръ Степановичъ захватилъ свой сакъ, пледъ, книгу и тотчасъ-же съ величайшею готовностью перебрался въ первый классъ. Эркель помогалъ. Ударилъ третій звонокъ.

— Ну, Эркель, торопливо и съ занятымъ видомъ протянулъ въ послѣдній разъ руку уже изъ окна вагона Петръ Степановичъ,— я вѣдь вотъ сажусь съ ними играть.

— Но зачѣмъ-же объяснять мнѣ, Петръ Степановичъ, я вѣдь пойму, я все пойму, Петръ Степановичъ!

— Ну, такъ до пріятнѣйшаго, отвернулся вдругъ тотъ на окликъ молодаго человѣка, который позвалъ его знакомиться съ партнерами. И Эркель уже болѣе не видалъ своего Петра Степановича!

Онъ воротился домой весьма грустный. Не то чтобъ онъ боялся того, что Петръ Степановичъ такъ вдругъ ихъ покинулъ, но... но онъ такъ скоро отъ него отвернулся, когда позвалъ его этотъ молодой франтъ и... онъ вѣдь могъ-бы ему сказать что нибудь другое, а не «до пріятнѣйшаго» или... или хоть покрѣпче руку пожать.

Послѣднее-то и было главное. Что-то другое начинало царапать его бѣдненькое сердце, чего онъ и самъ еще не понималъ, что-то связанное со вчерашнимъ вечеромъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣднее странствованіе Степана Трофимовича.

I.

Я убѣжденъ, что Степанъ Трофимовичъ очень боялся, чувствуя приближеніе срока его безумнаго предпріятія. Я убѣжденъ, что онъ очень страдалъ отъ страху, особенно въ ночь наканунѣ, въ ту ужасную ночь. Настасья упоминала потомъ, что онъ легъ спать уже поздно, и спалъ. Но это ничего не доказываетъ; приговоренные къ смерти, говорятъ, спятъ очень крѣпко и наканунѣ казни. Хотя онъ и вышелъ уже при дневномъ свѣтѣ, когда нервный человѣкъ всегда нѣсколько ободряется (а маіоръ, родственникъ Виргинскаго, такъ даже въ Бога переставалъ вѣровать, чуть лишь проходила ночь), но я убѣжденъ, что онъ никогда-бы прежде безъ ужаса не могъ вообразить себя одного на большой дорогѣ и въ такомъ положеніи. Конечно, нѣчто отчаянное въ его мысляхъ вѣроятно смягчило для него на первый разъ всю силу того страшнаго ощущенія внезапнаго одиночества, въ которомъ онъ вдругъ очутился, едва лишь оставилъ Stasie и свое двадцатилѣтнее нагрѣтое мѣсто. Но все равно: онъ и при самомъ ясномъ сознаніи всѣхъ ужасовъ, его ожидающихъ, всетаки-бы вышелъ на большую дорогу и пошелъ по ней! Тутъ было нѣчто гордое и его восхищавшее, не смотря ни на что. О, онъ-бы могъ принять роскошныя условія Варвары Петровны и остаться при ея милостяхъ «comme un простой приживальщикъ!» Но онъ не принялъ милости и не остался. И вотъ онъ самъ оставляетъ ее и подымаетъ «знамя великой идеи» и идетъ умереть за него на большой дорогѣ! Именно такъ долженъ онъ былъ ощущать это; именно такъ долженъ былъ представляться ему его поступокъ.

Представлялся мнѣ не разъ и еще вопросъ: почему онъ именно бѣжалъ, то есть, бѣжалъ ногами, въ буквальномъ смыслѣ, а не просто уѣхалъ на лошадяхъ? Я сначала объяснялъ это пятидесятилѣтнею непрактичностью и фантастическимъ уклоненіемъ идей, подъ вліяніемъ сильнаго чувства. Мнѣ казалось, что мысль о подорожной и лошадяхъ (хотя-бы и съ колокольчикомъ) должна была представляться ему слишкомъ простою и прозаичною; напротивъ, пилигримство, хотя-бы и съ зонтикомъ, гораздо болѣе красивымъ и мстительно-любовнымъ. Но нынѣ, когда все уже кончилось, я полагаю, что все это тогда совершилось гораздо проще: во первыхъ, онъ побоялся брать лошадей, потому что Варвара Петровна могла провѣдать и задержать его силой, что̀ навѣрно и исполнила-бы, а онъ навѣрно-бы подчинился и—прощай тогда великая идея на вѣки. Во вторыхъ, чтобы взять подорожную, надо было, по крайней мѣрѣ, знать куда ѣдешь? Но именно знать объ этомъ и составляло самое главное страданіе его въ ту минуту: назвать и назначить мѣсто онъ ни за что̀ не могъ. Ибо рѣшись онъ на какой нибудь городъ, и въ мигъ предпріятіе его стало-бы въ собственныхъ его глазахъ и нелѣпымъ, и невозможнымъ; онъ это очень предчувствовалъ. Ну что̀ будетъ онъ дѣлать въ такомъ именно городѣ и почему не въ другомъ? Искать се marchand? Но какого marchand? Тутъ опять выскакивалъ этотъ второй и уже самый страшный вопросъ. Въ сущности, не было для него ничего страшнѣе чѣмъ се marchand, котораго онъ такъ вдругъ сломя голову пустился отыскивать и котораго, ужь разумѣется, всего болѣе боялся отыскать въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, ужь лучше просто большая дорога, такъ просто выйдти на нее и пойдти, и ни о чемъ не думать, пока только можно не думать. Большая дорога—это есть нѣчто длинное-длинное, чему не видно конца—точно жизнь человѣческая, точно мечта человѣческая. Въ большой дорогѣ заключается идея; а въ подорожной какая идея? Въ подорожной конецъ идеи... Vive la grande route, а тамъ что̀ Богъ дастъ.

Послѣ внезапнаго и неожиданнаго сви-

данія съ Лизой, которое я уже описалъ, пустился онъ еще въ большемъ самозабвеніи далѣе. Большая дорога проходила въ полуверстѣ отъ Скворешниковъ, и—странно—онъ даже и не примѣтилъ сначала какъ вступилъ на нее. Основательно разсуждать или хоть отчетливо сознавать было для него въ ту минуту невыносимо. Мелкій дождь то переставалъ, то опять начинался; но онъ не замѣчалъ и дождя. Не замѣтилъ тоже какъ закинулъ себѣ сакъ за плечо и какъ отъ этого стало ему легче идти. Должно быть, онъ прошелъ такъ версту или полторы, когда вдругъ остановился и осмотрѣлся. Старая, черная и изрытая колеями дорога тянулась предъ нимъ безконечною нитью, усаженная своими ветлами; направо—голое мѣсто, давнымъ давно сжатыя нивы; налѣво—кусты, а далѣе за ними лѣсокъ. И вдали—вдали едва примѣтная линія уходящей вкось желѣзной дороги и на ней дымокъ какого-то поѣзда, но звуковъ уже не было слышно. Степанъ Трофимовичъ немного оробѣлъ, но лишь на мгновеніе. Безпредметно вздохнулъ онъ, поставилъ свой сакъ подлѣ ветлы и присѣлъ отдохнуть. Дѣлая движеніе садясь, онъ ощутилъ въ себѣ ознобъ и закутался въ пледъ; замѣтивъ тутъ-же и дождь, распустилъ надъ собою зонтикъ. Довольно долго сидѣлъ онъ такъ, изрѣдка шамкая губами и крѣпко сжавъ въ рукѣ ручку зонтика. Разные образы лихорадочной вереницей неслись предъ нимъ, быстро смѣняясь въ его умѣ. «Lise, Lise, думалъ онъ, а съ нею се Maurice... Странные люди... Но что-же это за странный былъ тамъ пожаръ и про что они говорили, и какіе убитые?... Мнѣ кажется, Stasie еще ничего не успѣла узнать и еще ждетъ меня съ кофеемъ... Въ карты? Развѣ я проигрывалъ въ карты людей? Гм! у насъ на Руси, во время такъ называемаго крѣпостнаго права... Ахъ, Боже мой, а Ѳедька?»

Онъ весь встрепенулся въ испугѣ и осмотрѣлся кругомъ: «ну что, если гдѣ нибудь тутъ за кустомъ сидитъ этотъ Ѳедька; вѣдь говорятъ, у него гдѣ-то тутъ цѣлая шайка разбойниковъ на большой дорогѣ? О, Боже, я тогда... Я тогда скажу ему всю правду, что я виноватъ... и *что я десять* лѣтъ страдалъ за него, болѣе чѣмъ онъ тамъ въ солдатахъ и... и я ему отдамъ портмоне. Гм! j'ai en tout quarante roubles; il prendra les roubles et il me tuera tout de même».

Отъ страху онъ неизвѣстно почему закрылъ зонтикъ и положилъ его подлѣ себя. Вдали, по дорогѣ отъ города, показалась какая-то телѣга; онъ съ безпокойствомъ началъ всматриваться:

«Grace à Dieu это телѣга, и—ѣдетъ шагомъ; это не можетъ быть опасно. Эти здѣшнія заморенныя лошаденки... Я всегда говорилъ о породѣ... Это Петръ Ильичъ, впрочемъ, говорилъ въ клубѣ про породу, а я его тогда обремизилъ, et puis, но что тамъ сзади и... кажется, баба въ телѣгѣ. Баба и мужикъ—cela commence à être rassurant. Баба сзади, а мужикъ впереди—c'est très rassurant. Сзади у нихъ къ телѣгѣ привязана за рога корова, c'est rassurant au plus haut degré».

Телѣга поровнялась, довольно прочная и порядочная мужицкая телѣга. Баба сидѣла на туго набитомъ мѣшкѣ, а мужикъ на облучкѣ, свѣсивъ съ боку ноги въ сторону Степана Трофимовича. Сзади въ самомъ дѣлѣ плелась рыжая корова, привязанная за рога. Мужикъ и баба выпуча глаза смотрѣли на Степана Трофимовича, а Степанъ Трофимовичъ такъ-же точно смотрѣлъ на нихъ, но когда уже пропустилъ ихъ мимо себя шаговъ на двадцать, вдругъ торопливо всталъ и пошелъ догонять. Въ сосѣдствѣ телѣги ему естественно показалось благонадежнѣе, но догнавъ ее, онъ тотчасъ-же опять забылъ обо всемъ и опять погрузился въ свои обрывки мыслей и представленій. Онъ шагалъ и, ужь конечно, не подозрѣвалъ, что для мужика и бабы онъ, въ этотъ мигъ, составляетъ самый загадочный и любопытный предметъ, какой только можно встрѣтить на большой дорогѣ.

— Вы, то есть, изъ какихъ будете, коли не будетъ неучтиво спросить? не вытерпѣла, наконецъ, бабенка, когда Степанъ Трофимовичъ вдругъ, въ разсѣянности, посмотрѣлъ на нее. Бабенка была лѣтъ двадцати семи, плотная, чернобровая и румяная, съ ласково улыбающимися красными

губами, изъ-подъ которыхъ сверкали бѣлые ровные зубы.

— Вы... вы ко мнѣ обращаетесь? съ прискорбнымъ удивленіемъ пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ.

— Изъ купцовъ надо-ть быть, самоувѣренно проговорилъ мужикъ. Это былъ рослый мужичина лѣтъ сорока, съ широкимъ и неглупымъ лицомъ и съ рыжеватою окладистою бородой.

— Нѣтъ, я не то что купецъ, я... я... moi c'est autre chose, кое-какъ отпарировалъ Степанъ Трофимовичъ и на всякій случай на капельку пріотсталъ до задка телѣги, такъ что пошелъ уже рядомъ съ коровой.

— Изъ господъ надо-ть быть, рѣшилъ мужикъ, услышавъ не русскія слова, и дернулъ лошаденку.

— То-то мы и смотримъ на васъ, точно вы на прогулку вышли? залюбопытствовала опять бабенка.

— Это... это вы меня спрашиваете?

— Иностранцы заѣзжіе по чугункѣ иной пріѣзжаютъ, словно не по здѣшнему мѣсту у васъ сапоги такіе...

— Сапогъ военный, самодовольно и значительно вставилъ мужикъ.

— Нѣтъ, я не то чтобы военный, я...

«Любопытная какая бабенка, злился про себя Степанъ Трофимовичъ, и какъ они меня разсматриваютъ... mais enfin... Однимъ словомъ, странно, что я точно виноватъ предъ ними, а я ничего не виноватъ предъ ними».

Бабенка пошепталась съ мужикомъ.

— Коли вамъ необидно, мы, пожалуй, васъ подвеземъ, если только пріятно станетъ.

Степанъ Трофимовичъ вдругъ спохватился.

— Да, да, мои друзья, я съ большимъ удовольствіемъ, потому что очень усталъ, только какъ я тутъ влѣзу?

«Какъ это удивительно, подумалъ онъ про себя, что я такъ долго шелъ рядомъ съ этою коровой и мнѣ не пришло въ голову попроситься къ нимъ сѣсть... Эта «дѣйствительная жизнь» имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма характерное»...

Мужикъ, однако, все еще не останавливалъ лошадь.

— Да вамъ куда будетъ, освѣдомился онъ съ нѣкоторою недовѣрчивостью.

Степанъ Трофимовичъ не вдругъ понялъ.

— До Хатова надо-ть быть?

— Къ Хатову? Нѣтъ не то чтобы къ Хатову?.. И я не совсѣмъ знакомъ; хотя слышалъ.

— Село Хатово, село, девять верстъ отселева.

— Село? C'est charmant, то-то я какъ будто-бы слышалъ...

Степанъ Трофимовичъ все шелъ, а его все еще не сажали. Геніальная догадка мелькнула въ его головѣ:

— Вы, можетъ быть, думаете, что я... Со мной паспортъ и я — профессоръ, то есть, если хотите, учитель... но главный. Я главный учитель. Oui, c'est comme ça qu'on peut traduire. Я-бы очень хотѣлъ сѣсть и я вамъ куплю... я вамъ за это куплю полштофа вина.

— Полтинникъ съ васъ, сударь, дорога тяжелая.

— А то намъ ужь оченно обидно будетъ, вставила бабенка.

— Полтинникъ? Ну, хорошо, полтинникъ. C'est encore mieux, j'ai en tout quarante roubles, mais...

Мужикъ остановилъ, и Степана Трофимовича общими усиліями втащили и усадили въ телѣгу, рядомъ съ бабой, на мѣшокъ. Вихрь мыслей не покидалъ его. Порой онъ самъ ощущалъ про себя, что какъ-то ужасно разсѣянъ и думаетъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ надо, и дивился тому. Это сознаніе въ болѣзненной слабости ума мгновеніями становилось ему очень тяжело и даже обидно.

— Это... это какъ-же сзади корова? спросилъ онъ вдругъ самъ бабенку.

— Что-й-то вы, господинъ, точно не видывали, разсмѣялась баба.

— Въ городѣ купили, ввязался мужикъ, своя скотина, поди ты, еще съ весны передохла; моръ. У насъ кругомъ всѣ попадали, всѣ, половины не осталось, хошь взвой.

И онъ опять стегнулъ завязшую въ колеѣ лошаденку.

— Да, это бываетъ у насъ на Руси... и вообще мы русскіе... ну да, бываетъ, не докончилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Вы коль учителемъ, то вамъ что-же въ Хатовѣ? Али дальше куда?

— Я... то есть я не то чтобы дальше куда... C'est à dire, я къ одному купцу.

— Въ Спасовъ надо-ть быть?

— Да, да, именно въ Спасовъ. Это, впрочемъ, все равно.

— Вы коли въ Спасовъ, да пѣшкомъ, такъ въ вашихъ сапожкахъ недѣльку-бы шли, засмѣялась бабенка.

— Такъ, такъ, и это все равно, mes amis, все равно, нетерпѣливо оборвалъ Степанъ Трофимовичъ.

«Ужасно любопытный народъ; бабенка, впрочемъ, лучше его говоритъ, и я замѣчаю, что съ девятнадцатаго февраля у нихъ слогъ нѣсколько перемѣнился и... и какое мнѣ дѣло, въ Спасовъ я или не въ Спасовъ? Впрочемъ, я имъ заплачу, такъ чего-же они пристаютъ».

— Коли въ Спасовъ, такъ на праходѣ, не отставалъ мужикъ.

— Это какъ есть такъ, ввернула бабенка съ одушевленіемъ, потому, коли на лошадяхъ по берегу—верстъ тридцать крюку будетъ.

— Сорокъ будетъ.

— Къ завтраму къ двумъ часамъ какъ разъ въ Устьевѣ праходъ застанете, скрѣпила бабенка. Но Степанъ Трофимовичъ упорно замолчалъ. Замолчали и вопрошатели. Мужикъ подергивалъ лошаденку; баба изрѣдка и коротко перекидывалась съ нимъ замѣчаніями. Степанъ Трофимовичъ задремалъ. Онъ ужасно удивился, когда баба смѣясь растолкала его и онъ увидѣлъ себя въ довольно большой деревнѣ у подъѣзда одной избы въ три окна.

— Задремали, господинъ?

— Что это? Гдѣ это я? Ахъ, ну! Ну... все равно, вздохнулъ Степанъ Трофимовичъ и слѣзъ съ телѣги.

Онъ грустно осмотрѣлся; страннымъ и ужасно чѣмъ-то чуждымъ показался ему деревенскій видъ.

— А полтинникъ-то, я и забылъ! обратился онъ къ мужику съ какимъ-то не въ мѣру торопливымъ жестомъ; онъ видимо уже боялся разстаться съ ними.

— Въ комнатѣ разсчитаетесь, пожалуйте, приглашалъ мужикъ.

— Тутъ хорошо, ободряла бабенка.

Степанъ Трофимовичъ ступилъ на шаткое крылечко.

«Да какъ-же это возможно», прошепталъ онъ въ глубокомъ и пугливомъ недоумѣніи, однако, вошелъ въ избу. «Elle l'a voulu», вонзилось что-то въ его сердце, и онъ опять вдругъ забылъ обо всемъ, даже о томъ, что вошелъ въ избу.

Это была свѣтлая, довольно чистая крестьянская изба въ три окна и въ двѣ комнаты; и не то что постоялый дворъ, а такъ, пріѣзжая изба, въ которой по старой привычкѣ останавливались знакомые проѣзжіе. Степанъ Трофимовичъ не конфузясь прошелъ въ передній уголъ, забылъ поздороваться, усѣлся и задумался. Между тѣмъ чрезвычайно пріятное ощущеніе тепла послѣ трехчасовой сырости на дорогѣ вдругъ разлилось по его тѣлу. Даже самый ознобъ, коротко и отрывисто забѣгавшій по спинѣ его, какъ это всегда бываетъ въ лихорадкѣ съ особенно нервными людьми, при внезапномъ переходѣ съ холода въ тепло, сталъ ему вдругъ какъ-то странно пріятенъ. Онъ поднялъ голову, и сладостный запахъ горячихъ блиновъ, надъ которыми старалась у печки хозяйка, защекоталъ его обоняніе. Улыбаясь ребячьею улыбкой, онъ потянулся къ хозяйкѣ и вдругъ залепеталъ:

— Это что-жь? Это блины? Mais... c'est charmant.

— Не пожелаете-ли, господинъ, тотчасъ-же и вѣжливо предложила хозяйка.

— Пожелаю, именно пожелаю, и... я-бы васъ попросилъ еще чаю, оживился Степанъ Трофимовичъ.

— Самоварчикъ поставить? Это съ большимъ нашимъ удовольствіемъ.

На большой тарелкѣ, съ крупными синими узорами, явились блины — извѣстные крестьянскіе, тонкіе, полупшеничные, облитые горячимъ свѣжимъ масломъ, вкуснѣйшіе блины. Степанъ Трофимовичъ съ наслажденіемъ попробовалъ.

— Какъ жирно и какъ это вкусно! И если-бы только возможно un doigt d'eau de vie.

— Ужь не водочки-ли, господинъ, пожелали?

— Именно, именно, немножко, un tout petit rien.

— На пять копѣекъ, значитъ?

— На пять — на пять — на пять — на пять, un tout petit rien, съ блаженною улыбочкой поддакивалъ Степанъ Трофимовичъ.

Попросите простолюдина что нибудь для васъ сдѣлать, и онъ вамъ, если можетъ и хочетъ, услужитъ старательно и радушно; но попросите его сходить за водочкой — и обыкновенное спокойное радушіе переходитъ вдругъ въ какую-то торопливую, радостную услужливость, почти въ родственную о васъ заботливость. Идущій за водкой,— хотя будете пить только вы, а не онъ, и онъ знаетъ это заранѣе,— все равно ощущаетъ какъ-бы нѣкоторую часть вашего будущаго удовлетворенія... Не больше какъ черезъ три—четыре минуты (кабакъ былъ въ двухъ шагахъ) очутилась предъ Степаномъ Трофимовичемъ на столѣ косушка и большая зеленоватая рюмка.

— И это все мнѣ! удивился онъ чрезвычайно.— У меня всегда была водка, но я никогда не зналъ, что такъ много на пять копѣекъ.

Онъ налилъ рюмку, всталъ и съ нѣкоторою торжественностью перешелъ черезъ комнату въ другой уголъ, гдѣ помѣстилась его спутница на мѣшкѣ, чернобровая бабенка, такъ надоѣвшая ему дорогой разспросами. Бабенка законфузилась и стала было отнѣкиваться, но высказавъ все предписанное приличіемъ, подъ конецъ встала, выпила учтиво, въ три хлѣбка, какъ пьютъ женщины, и, изобразивъ чрезвычайное страданіе въ лицѣ, отдала рюмку и поклонилась Степану Трофимовичу. Онъ съ важностію отдалъ поклонъ и воротился за столъ даже съ гордымъ видомъ.

Все это совершилось въ немъ по какому-то вдохновенію: онъ и самъ еще, за секунду, не зналъ, что пойдетъ подчивать бабенку.

«Я въ совершенствѣ, въ совершенствѣ умѣю обращаться съ народомъ и я это имъ всегда говорилъ», самодовольно подумалъ онъ, наливая себѣ оставшееся вино изъ косушки, хотя вышло менѣе рюмки, но вино живительно согрѣло его и немного даже бросилось въ голову.

«Je suis malade tout à fait, mais ce n'est pas trop mauvais d'être malade».

— Не пожелаете-ли пріобрѣсти? раздался подлѣ него тихій женскій голосъ.

Онъ поднялъ глаза и къ удивленію увидѣлъ предъ собою одну даму — une dame et elle en avait l'air — лѣтъ уже за тридцать, очень скромную на видъ, одѣтую по городскому, въ темненькое платье и съ большимъ сѣрымъ платкомъ на плечахъ. Въ лицѣ ея было нѣчто очень привѣтливое, немедленно понравившееся Степану Трофимовичу. Она только что сейчасъ воротилась въ избу, въ которой оставались ея вещи на лавкѣ, подлѣ самаго того мѣста, которое занялъ Степанъ Трофимовичъ,—между прочимъ портфель, на который, онъ помнилъ это, войдя посмотрѣлъ съ любопытствомъ, и не очень большой клеенчатый мѣшокъ. Изъ этого-то мѣшка она вынула двѣ красиво переплетенныя книжки съ вытѣсненными крестами на переплетахъ и поднесла ихъ къ Степану Трофимовичу.

— Eh... mais je crois que c'est l'Evangile; съ величайшимъ удовольствіемъ... А, я теперь понимаю... Vous êtes ce qu'on appelle книгоноша; я читалъ неоднократно... Полтинникъ?

— По тридцати пяти копѣекъ, отвѣтила книгоноша.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Je n'ai rien contre l'Evangile, et... Я давно уже хотѣлъ перечитать...

У него мелькнуло въ ту минуту, что онъ не читалъ Евангелія, по крайней мѣрѣ, лѣтъ тридцать и только развѣ лѣтъ семь назадъ припомнилъ изъ него капельку лишь по Ренановой книгѣ *Vie de Jesus*. Такъ какъ у него мелочи не было, то онъ и вытащилъ свои четыре десятирублевые билета — все что у него было. Хозяйка взялась размѣнять, и тутъ только онъ замѣтилъ, всмотрѣвшись, что въ избу набралось довольно народу и что всѣ давно уже наблюдаютъ его и, кажется, о немъ говорятъ. Толковали тоже и о городскомъ пожарѣ, болѣе всѣхъ хозяинъ телѣги съ коровой, такъ какъ онъ только что вернулся изъ города. Говорили про поджогъ, про Шпигулинскихъ.

«Вѣдь вотъ ничего онъ не говорилъ со

мной про пожаръ, когда везъ меня, а обо всемъ говорилъ», подумалось что-то Степану Трофимовичу.

— Батюшка, Степанъ Трофимовичъ, васъ-ли я, сударь, вижу? Вотъ ужь и не чаялъ совсѣмъ!.. Али не признали? воскликнулъ одинъ пожилой малый, съ виду въ родѣ стариннаго дворового, съ бритою бородой и одѣтый въ шинель съ длиннымъ откиднымъ воротникомъ. Степанъ Трофимовичъ испугался, услыхавъ свое имя.

— Извините, пробормоталъ онъ,—я васъ не совсѣмъ припоминаю...

— Запамятовали! Да вѣдь я Анисимъ, Анисимъ Ивановъ. Я у покойнаго господина Гаганова на службѣ состоялъ, и васъ, сударь, сколько разъ съ Варварой Петровной у покойницы Авдотьи Сергѣевны видывалъ. Я къ вамъ отъ нея съ книжками хаживалъ и конфеты вамъ петербургскія отъ нея два раза приносилъ...

— Ахъ, да, помню тебя, Анисимъ, улыбнулся Степанъ Трофимовичъ.— Ты здѣсь и живешь?

— А подлѣ Спасова-съ, въ В—мъ монастырѣ, въ посадѣ, у Маѳы Сергѣевны, сестрицы Авдотьи Сергѣевны, можетъ, изволите помнить, ногу сломали, изъ коляски выскочили, на балъ ѣхали. Теперь около монастыря проживаютъ, а я при нихъ-съ; а теперь вотъ, изволите видѣть, въ губернію собрался, своихъ попровѣдать...

— Ну да, ну да.

— Васъ увидавъ обрадовался, милостивы до меня бывали-съ, восторженно улыбался Анисимъ.— Да куда-жь вы, сударь, такъ это собрались, кажись, какъ-бы одни-одинешеньки... Никогда, кажись, не выѣзжали одни-съ?

Степанъ Трофимовичъ пугливо посмотрѣлъ на него.

— Ужь не къ намъ-ли въ Спасовъ-съ?

— Да, я въ Спасовъ. Il me semble que tout le monde va à Spassof...

— Да ужь не къ Ѳедору-ли Матвѣевичу? То-то вамъ обрадуются. Вѣдь ужь какъ въ старину уважали васъ; теперь даже вспоминаютъ неоднократно...

— Да, да и къ Ѳедору Матвѣевичу.

— Надо быть-съ, надо быть-съ. То-то мужики здѣсь дивятся, словно, сударь, васъ на большой дорогѣ будто-бы пѣшкомъ повстрѣчали. Глупый они народъ-съ.

— Я... Я это... Я, знаешь, Анисимъ, я объ закладъ побился, какъ у англичанъ, что я дойду пѣшкомъ, и я...

Потъ пробивался у него на лбу и на вискахъ.

— Надо быть-съ, надо быть-съ... вслушивался съ безжалостнымъ любопытствомъ Анисимъ. Но Степанъ Трофимовичъ не могъ дольше вынести. Онъ такъ сконфузился, что хотѣлъ было встать и уйдти изъ избы. Но подали самоваръ, и въ ту-же минуту воротилась выходившая куда-то книгоноша. Съ жестомъ спасающаго себя человѣка, обратился онъ къ ней и предложилъ чаю. Анисимъ уступилъ и отошелъ.

Дѣйствительно, между мужиками поднималось недоумѣніе: «Что за человѣкъ? Нашли пѣшкомъ на дорогѣ, говоритъ, что учитель, одѣтъ какъ-бы иностранецъ, а умомъ словно малый ребенокъ, отвѣчаетъ несуразно, точно-бы убѣжалъ отъ кого, и деньги имѣетъ!» Начиналась было мысль возвѣстить по начальству—«такъ какъ при всемъ томъ въ городѣ не совсѣмъ спокойно». Но Анисимъ все это уладилъ въ ту-же минуту. Выйдя въ сѣни, онъ сообщилъ всѣмъ, кто хотѣлъ слушать, что Степанъ Трофимовичъ не то, чтобъ учитель, а «сами большіе ученые и большими науками занимаются, а сами здѣшніе помѣщики были и живутъ уже двадцать два года у полной генеральши Ставрогиной, замѣсто самаго главнаго человѣка въ домѣ, а почетъ имѣютъ отъ всѣхъ по городу чрезвычайный. Въ клубѣ Дворянскомъ по сѣренькой и по радужной въ одинъ вечеръ оставляли, а чиномъ совѣтникъ, все равно, что военный подполковникъ, однимъ только чиномъ ниже полнаго полковника будутъ. А что деньги имѣютъ, такъ деньгамъ у нихъ черезъ полную генеральшу Ставрогину счету нѣтъ» и проч. и проч.

«Mais c'est une dame et très comme il faut», отдыхалъ отъ Анисимова нападенія Степанъ Трофимовичъ, съ пріятнымъ любопытствомъ наблюдая свою сосѣдку книгоношу, пившую, впрочемъ, чай съ блюдечка и въ прикуску. Ce petit morceau de sucre ce n'est rien... Въ ней есть нѣчто благородное и не-

зависимое и въ тоже время — тихое. Le comme il faut tout pur, но только нѣсколько въ другомъ родѣ».

Онъ скоро узналъ отъ нея, что она Софья Матвѣевна Улитина и проживаетъ собственно въ К., имѣетъ тамъ сестру вдовую, изъ мѣщанъ; сама также вдова, а мужъ ея, подпоручикъ за выслугу изъ фельдфебелей, былъ убитъ въ Севастополѣ.

— Но вы еще такъ молоды, vous n'avez pas trente ans.

— Тридцать четыре-съ, улыбнулась Софья Матвѣевна.

— Какъ, вы и по французски понимаете?

— Немножко-съ; я въ благородномъ домѣ одномъ прожила послѣ того четыре года и тамъ отъ дѣтей понаучилась.

Она разсказала, что послѣ мужа оставшись всего восемнадцати лѣтъ, находилась нѣкоторое время въ Севастополѣ «въ сестрахъ», а потомъ жила по разнымъ мѣстамъ-съ, а теперь вотъ ходитъ и Евангеліе продаетъ.

— Mais mon Dieu, это не съ вами-ли у насъ была въ городѣ одна странная, очень даже странная исторія?

Она покраснѣла; оказалось, что съ нею.

— Ces vauriens, ces malheureux!.. началъ было онъ задрожавшимъ отъ негодованія голосомъ; болѣзненное и ненавистное воспоминаніе отозвалось въ его сердцѣ мучительно. На минуту онъ какъ-бы забылся.

«Ба, да она опять ушла», спохватился онъ, замѣтивъ, что ея уже опять нѣтъ подлѣ. «Она часто выходитъ и чѣмъ-то занята; я замѣчаю, что даже встревожена... Bah, je deviens égoïste!»

Онъ поднялъ глаза и опять увидалъ Анисима, но на этотъ разъ уже въ самой угрожающей обстановкѣ. Вся изба была полна мужиками и всѣхъ ихъ притащилъ съ собой, очевидно, Анисимъ. Тутъ былъ и хозяинъ избы, и мужикъ съ коровой, какіе-то еще два мужика (оказались извощики), какой-то еще маленькій, полупьяный человѣкъ, одѣтый по мужицки, а между тѣмъ бритый, похожій на пропившагося мѣщанина, и болѣе всѣхъ говорившій. И всѣ-то они толковали о немъ, о Степанѣ Трофимовичѣ. Мужикъ съ коровой стоялъ на своемъ, увѣряя, что по берегу верстъ сорокъ крюку будетъ и что непремѣнно надобно на праходѣ. Полупьяный мѣщанинъ и хозяинъ съ жаромъ возражали:

— Потому, если, братецъ ты мой, ихъ высокоблагородію, конечно, на праходѣ черезъ озеро ближе будетъ; это какъ есть; да праходъ-то, по теперешнему, пожалуй и не подойдетъ.

— Доходитъ, доходитъ, еще недѣлю будетъ ходить, болѣе всѣхъ горячился Анисимъ.

— Такъ-то оно такъ! Да не аккуратно приходитъ, потому время позднее, иной разъ въ Устьевѣ по три дня поджидаютъ.

— Завтра будетъ, завтра къ двумъ часамъ аккуратно прибудетъ. Въ Спасовъ еще до вечера аккуратно, сударь, прибудете, лѣзъ изъ себя Анисимъ.

— Mais qu'est ce qu'il a cet homme, трепеталъ Степанъ Трофимовичъ, со страхомъ ожидая своей участи.

Выступили впередъ и извощики, стали рядиться; брали до Устьева три рубля. Остальные кричали, что не обидно будетъ, что это какъ есть цѣна, и что отселева до Устьева все лѣто за эту цѣну возили.

— Но... здѣсь тоже хорошо... И я не хочу, прошамкалъ было Степанъ Трофимовичъ.

— Хорошо, сударь, это вы справедливо, въ Спасовѣ у насъ теперь куды хорошо, и Ѳедоръ Матвѣевичъ такъ вами будутъ обрадованы.

— Mon Dieu, mes amis, все это такъ для меня неожиданно.

Наконецъ-то, воротилась Софья Матвѣевна. Но она сѣла на лавку такая убитая и печальная.

— Не быть мнѣ въ Спасовѣ! проговорила она хозяйкѣ.

— Какъ, такъ и вы въ Спасовъ? встрепенулся Степанъ Трофимовичъ.

Оказалось, что одна помѣщица, Надежда Егоровна Свѣтлицына, велѣла ей еще вчера поджидать себя въ Хатовѣ и обѣщалась довезти до Спасова, да вотъ и не пріѣхала.

— Что я буду теперь дѣлать? повторяла Софья Матвѣевна.

— Mais, ma chère et nouvelle amie, вѣдь и я васъ тоже могу довезти, какъ и помѣ-

щица, въ это какъ его, въ эту деревню, куда я нанялъ, а завтра,— ну, а завтра мы вмѣстѣ въ Спасовъ.

— Да развѣ вы тоже въ Спасовъ?

— Mais que faire, et je suis enchanté! Я васъ съ чрезвычайною радостью довезу; вонъ они хотятъ, я уже нанялъ... Я когоже изъ васъ нанялъ, ужасно захотѣлъ вдругъ въ Спасовъ Степанъ Трофимовичъ.

Черезъ четверть часа уже усаживались въ крытую бричку, онъ очень оживленный и совершенно довольный; она съ своимъ мѣшкомъ и съ благодарною улыбкой подлѣ него. Подсаживалъ Анисимъ.

— Добраго пути, сударь, хлопоталъ онъ изо всѣхъ силъ около брички; вотъ ужь какъ были вами обрадованы!

— Прощай, прощай, другъ мой, прощай.

— Ѳедора Матвѣича, сударь, увидите...

— Да, мой другъ, да... Ѳедора Петровича... только прощай.

II.

— Видите, другъ мой, вы позволите мнѣ называть себя вашимъ другомъ, n'est-ce pas? торопливо началъ Степанъ Трофимовичъ, только что тронулась бричка.— Видите, я... J'aime le peuple, c'est indispensable, mais il me semble que je ne l'avais jamais vu de près. Stazie... cela va sans dire qu'elle est aussi du peuple... mais le vrai peuple, то есть настоящій, который на большой дорогѣ, мнѣ кажется, ему только и дѣла, куда я собственно ѣду.... Но, оставимъ обиды. Я немного какъ будто заговариваюсь, но это, кажется, отъ торопливости.

— Кажется, вы нездоровы-съ, — зорко, но почтительно присматривалась къ нему Софья Матвѣевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, стоитъ только закутаться, и вообще свѣжій какой-то вѣтеръ, даже ужь очень свѣжій, но, мы забудемъ это. Я, главное, не то-бы хотѣлъ сказать. Chère et incomparable amie, мнѣ кажется, что я почти счастливъ, и виною того — вы. Мнѣ счастье невыгодно, потому что я немедленно лѣзу прощать всѣхъ враговъ моихъ...

— Что-жь, вѣдь это очень хорошо-съ.

— Не всегда chère innocente. L'Evangile... Voyez vous, desormais nous le precherons ensemble, и я буду съ охотой продавать ваши красивыя книжки. Да, я чувствую, что это, пожалуй, идея, quelque chose de très nouveau dans ce genre. Народъ религіозенъ, c'est admis, но онъ еще не знаетъ Евангелія. Я ему изложу его... Въ изложеніи устномъ можно исправить ошибки этой замѣчательной книги, къ которой я, разумѣется, готовъ отнестись съ чрезвычайнымъ уваженіемъ. Я буду полезенъ и на большой дорогѣ. Я всегда былъ полезенъ, я всегда говорилъ *имъ* это et à cette chère ingrate... О, простимъ, простимъ, прежде всего простимъ всѣмъ и всегда... Будемъ надѣяться, что и намъ простятъ. Да, потому что всѣ и каждый одинъ предъ другимъ виноваты. Всѣ виноваты!..

— Вотъ это, кажется, вы очень хорошо изволили сказать-съ.

— Да, да... Я чувствую, что я очень хорошо говорю. Я буду говорить имъ очень хорошо, но, но что-же я хотѣлъ было главнаго сказать? Я все сбиваюсь и не помню... Позволите-ли вы мнѣ не разставаться съ вами? Я чувствую, что вашъ взглядъ и... я удивляюсь даже вашей манерѣ: вы простодушны, вы говорите слово-ерсъ и опрокидываете чашку на блюдечко... съ этимъ безобразнымъ кусочкомъ; но въ васъ есть нѣчто прелестное, и я вижу по вашимъ чертамъ... О, не краснѣйте и не бойтесь меня какъ мужчину. Chère et incomparable, pour moi une femme c'est tout. Я не могу не жить подлѣ женщины, но, только подлѣ... Я ужасно, ужасно сбился... Я никакъ не могу вспомнить что я хотѣлъ сказать. О, блаженъ тотъ кому Богъ посылаетъ всегда женщину и... и я думаю даже, что я въ нѣкоторомъ восторгѣ. И на большой дорогѣ есть высшая мысль! Вотъ — вотъ что я хотѣлъ сказать, про мысль, вотъ теперь и вспомнилъ, а то я все не попадалъ. И зачѣмъ они повезли насъ дальше? Тамъ было тоже хорошо, а тутъ — cela devient trop froid. A propos, j'ai en tout quarante roubles et voila cet argent, возьмите, возьмите, я не умѣю, я потеряю и у меня возьмутъ, и... Мнѣ кажется, что мнѣ хочется спать, у меня что-то въ головѣ вертится.

Такъ, вертится, вертится, вертится. О, какъ вы добры, чѣмъ это вы меня накрываете?

— У васъ вѣрно совершенная лихорадка-съ, и я васъ одѣяломъ моимъ накрыла, а только про деньги-съ я-бы...

— О, ради Бога, n'en parlons plus, parce que cela me fait mal, о, какъ вы добры!

Онъ какъ-то быстро прервалъ говорить и чрезвычайно скоро заснулъ лихорадочнымъ, знобящимъ сномъ. Проселокъ, по которому ѣхали эти семнадцать верстъ, былъ не изъ гладкихъ, и экипажъ жестоко подталкивало. Степанъ Трофимовичъ часто просыпался, быстро поднимался съ маленькой подушки, которую просунула ему подъ голову Софья Матвѣевна, схватывалъ ее за руку и освѣдомлялся: «Вы здѣсь?» точно опасался, чтобъ она не ушла отъ него. Онъ увѣрялъ ее тоже, что видитъ во снѣ какую-то раскрытую челюсть съ зубами, и что ему это очень противно. Софья Матвѣевна была въ большомъ за него безпокойствѣ.

Извощики подвезли ихъ прямо къ большой избѣ въ четыре окна и съ жилыми пристройками на дворѣ. Проснувшійся Степанъ Трофимовичъ поспѣшилъ войдти и прямо прошелъ во вторую, самую просторную и лучшую комнату дома. Заспанное лицо его приняло самое хлопотливое выраженіе. Онъ тотчасъ-же объяснилъ хозяйкѣ, высокой и плотной бабѣ, лѣтъ сорока, очень черноволосой и чуть не съ усами, что требуетъ для себя всю комнату, «и чтобы комнату затворить и никого болѣе сюда не впускать, parce que nous avons à parler. Oui, j'ai beaucoup à vous dire, chère amie. Я вамъ заплачу, заплачу!» замахалъ онъ хозяйкѣ.

Онъ хоть и торопился, но какъ-то туго шевелилъ языкомъ. Хозяйка выслушала непривѣтливо, но промолчала въ знакъ согласія, въ которомъ, впрочемъ, предчувствовалось какъ-бы нѣчто угрожающее. Онъ ничего этого не примѣтилъ и торопливо (онъ ужасно торопился) потребовалъ, чтобъ она ушла и подала сейчасъ-же какъ можно скорѣе обѣдать, «ни мало не медля».

Тутъ баба съ усами не вытерпѣла.

— Здѣсь вамъ не постоялый дворъ, господинъ, мы обѣды для проѣзжихъ не содержимъ. Раковъ сварить, аль самоваръ поставить, а больше нѣтъ у насъ ничего. Рыба свѣжая завтра лишь будетъ.

Но Степанъ Трофимовичъ замахалъ руками, съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ повторяя: «заплачу, только скорѣе. скорѣе». Порѣшили на ухѣ и на жареной курицѣ; хозяйка объявила, что во всей деревнѣ нельзя достать курицу; впрочемъ, согласилась пойдти поискать, но съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлала необычайное одолженіе.

Только что она вышла, Степанъ Трофимовичъ мигомъ усѣлся на диванѣ и посадилъ подлѣ себя Софью Матвѣевну. Въ комнатѣ были и диванъ и кресла, но ужаснаго вида. Вообще вся комната довольно обширная (съ отдѣленіемъ за перегородкой, гдѣ стояла кровать), съ желтыми, старыми, порвавшимися обоями, съ миѳологическими ужасными литографіями на стѣнахъ, съ длиннымъ рядомъ иконъ и мѣдныхъ складней въ переднемъ углу, съ своею странною сборною мебелью, представляла собою неприглядную смѣсь чего-то городскаго и искони-крестьянскаго. Но онъ даже не взглянулъ на все это, даже не поглядѣлъ въ окошко на огромное озеро, начинавшееся въ десяти саженяхъ отъ избы.

— Наконецъ, мы отдѣльно, и мы никого не пустимъ! Я хочу вамъ все, все разсказать съ самаго начала.

Софья Матвѣевна съ сильнымъ даже безпокойствомъ остановила его:

— Вамъ извѣстно-ли, Степанъ Трофимовичъ...

— Comment, vous savez déjà mon nom?— улыбнулся онъ радостно.

— Я давеча отъ Анисима Ивановича слышала, какъ вы съ нимъ разговаривали. А я вотъ въ чемъ осмѣлюсь вамъ съ своей стороны...

И она быстро зашептала ему, оглядываясь на запертую дверь, чтобы кто не подслушалъ,— что здѣсь въ этой деревнѣ, бѣда-съ. Что всѣ здѣшніе мужики, хотя и рыболовы, а что тѣмъ собственно и промышляютъ, что каждымъ лѣтомъ съ постояльцевъ берутъ плату какую только имъ

вздумается. Деревня эта не проѣзжая, а глухая, и что потому только и пріѣзжаютъ сюда, что здѣсь пароходъ останавливается, и что когда пароходъ не приходитъ, потому чуть-чуть непогода, такъ онъ ни за что̀ не придетъ, то наберется народу за нѣсколько дней, и ужь тутъ всѣ избы по деревнѣ заняты, а хозяева только того и ждутъ; потому за каждый предметъ въ три цѣны берутъ и хозяинъ здѣшній гордый и надменный, потому что ужь очень по здѣшнему мѣсту богатъ; у него неводъ одинъ тысячу рублей сто̀итъ.

Степанъ Трофимовичъ глядѣлъ въ чрезвычайно одушевившееся лицо Софьи Матвѣевны чуть не съ укоромъ и нѣсколько разъ дѣлалъ жестъ, чтобъ остановить ее. Но она стала на своемъ и досказала: по ея словамъ, она уже была здѣсь лѣтомъ съ одною «очень благородною госпожей-съ» изъ города и тоже заночевали, пока пароходъ не приходилъ, цѣлыхъ даже два дня-съ, и что такого горя натерпѣлись, что вспомнить страшно. «Вотъ вы, Степанъ Трофимовичъ, изволили спросить эту комнату для одного себя-съ... Я только потому, чтобы предупредить-съ... Тамъ въ той комнатѣ уже есть пріѣзжіе, одинъ пожилой человѣкъ и одинъ молодой человѣкъ, да какая-то госпожа съ дѣтьми, а къ завтраму полная изба наберется до двухъ часовъ, потому что пароходъ, такъ какъ два дня не приходилъ, такъ ужь навѣрно завтра придетъ. Такъ за особую комнату и за то, что вы вотъ спросили у нихъ обѣдать-съ и за обиду всѣмъ проѣзжимъ они столько съ васъ потребуютъ, что и въ столицахъ не слыхано-съ»...

Но онъ страдалъ, страдалъ истинно:

— Assez, mon enfant, я васъ умоляю; nous avons notre argent et après — et après le bon Dieu. И я даже удивляюсь, что вы, съ возвышенностію вашихъ понятій... Assez, assez, vous me tourmentez, произнесъ онъ истерически: — предъ нами вся наша будущность, а вы... вы меня пугаете за будущее...

Онъ тотчасъ-же сталъ излагать всю исторію до того торопясь, что сначала даже и понять было трудно. Продолжалась она очень долго. Подавали уху, подавали курицу, подали, наконецъ, самоваръ, а онъ все говорилъ... Нѣсколько странно и болѣзненно у него выходило, да вѣдь и былъ-же онъ боленъ. Это было внезапное напряженіе умственныхъ силъ, которое, конечно, — и это съ тоской предвидѣла Софья Матвѣевна во все время его разсказа, — должно было отозваться тотчасъ-же потомъ чрезвычайнымъ упадкомъ силъ въ его уже разстроенномъ организмѣ. Началъ онъ чуть не съ дѣтства, когда «съ свѣжею грудью бѣжалъ по полямъ»; черезъ часъ только добрался до своихъ двухъ женитьбъ и берлинской жизни. Я, впрочемъ, не посмѣю смѣяться. Тутъ было для него дѣйствительно нѣчто высшее и, говоря новѣйшимъ языкомъ, почти борьба за существованіе. Онъ видѣлъ предъ собою ту, которую онъ уже предъизбралъ себѣ въ будущій путь, и спѣшилъ, такъ сказать, посвятить ее. Его геніальность не должна была болѣе оставаться для нея тайною... Можетъ быть, онъ сильно на счетъ Софьи Матвѣевны преувеличивалъ, но онъ уже избралъ ее. Онъ не могъ быть безъ женщины. Онъ самъ по лицу ясно видѣлъ, что она совсѣмъ почти его не понимаетъ, и даже самаго капитальнаго.

«Ce n'est rien, nous attendrons, а пока она можетъ понять предчувствіемъ»...

— Другъ мой, мнѣ всего только и надо одно ваше сердце! восклицалъ онъ ей, прерывая разсказъ, и вотъ этотъ теперешній, милый, обаятельный взглядъ, какимъ вы на меня смотрите. О, не краснѣйте! Я уже вамъ сказалъ...

Особенно много было туманнаго для бѣдной попавшейся Софьи Матвѣевны, когда исторія перешла чуть не въ цѣлую диссертацію о томъ, какъ никто и никогда не могъ понять Степана Трофимовича, и какъ «гибнутъ у насъ въ Россіи таланты». Ужь очень было «такое все умное-съ», передавала она потомъ съ унынiемъ. Она слушала съ видимымъ страданіемъ, немного вытаращивъ глаза. Когда-же Степанъ Трофимовичъ бросился въ юморъ и въ остроумнѣйшія колкости на счетъ нашихъ «передовыхъ и господствующихъ», то она съ горя попробовала даже раза два усмѣхнуться въ отвѣтъ на его смѣхъ, но вышло у ней

хуже слезъ, такъ что Степанъ Трофимовичъ даже, наконецъ, самъ сконфузился и тѣмъ съ бо̀льшимъ азартомъ и злобой ударилъ на нигилистовъ и новыхъ людей». Тутъ ужь онъ ее просто испугалъ, и отдохнула она лишь нѣсколько, самымъ обманчивымъ, впрочемъ, отдыхомъ, когда собственно начался романъ. Женщина всегда женщина, будь хоть монахиня. Она улыбалась, качала головой и тутъ-же очень краснѣла и потупляла глаза, тѣмъ приводя Степана Трофимовича въ совершенное восхищеніе и вдохновеніе, такъ что онъ даже много и прилгнулъ. Варвара Петровна вышла у него прелестнѣйшею брюнеткой («восхищавшею Петербургъ и весьма многія столицы Европы»), а мужъ ея умеръ «сраженный въ Севастополѣ пулей», единственно лишь потому, что чувствовалъ себя недостойнымъ любви ея и уступая сопернику, то есть все тому-же Степану Трофимовичу... «Не смущайтесь, моя тихая, моя христіанка!—воскликнулъ онъ Софьѣ Матвѣевнѣ, почти самъ вѣря всему тому, что̀ разсказывалъ,— это было нѣчто высшее, нѣчто до того тонкое, что мы оба ни разу даже и не объяснились во всю нашу жизнь». Причиною такого положенія вещей являлась въ дальнѣйшемъ разсказѣ уже блондинка (если не Дарья Павловна,— то я ужь и не знаю кого тутъ подразумѣвалъ Степанъ Трофимовичъ). Эта блондинка была всѣмъ обязана брюнеткѣ и въ качествѣ дальней родственницы выросла въ ея домѣ. Брюнетка, замѣтивъ, наконецъ, любовь блондинки къ Степану Трофимовичу, заключилась сама въ себя. Блондинка, съ своей стороны, замѣтивъ любовь брюнетки къ Степану Трофимовичу, тоже заключилась сама въ себя. И всѣ трое, изнемогая отъ взаимнаго великодушія, промолчали такимъ образомъ двадцать лѣтъ, заключившись сами въ себя. «О, что̀ это была за страсть, что̀ это была за страсть!» восклицалъ онъ, всхлипывая въ самомъ искреннемъ восторгѣ. Я видѣлъ полный разцвѣтъ красоты ея (брюнетки), видѣлъ «съ нарывомъ въ сердцѣ» ежедневно, какъ она проходила мимо меня, какъ-бы стыдясь красоты своей. (Разъ онъ сказалъ: «стыдясь своей полноты»). Наконецъ, онъ убѣжалъ, бросивъ весь этотъ горячешный двадцатилѣтній сонъ. — Vingt ans! И вотъ теперь на большой дорогѣ... Затѣмъ, въ какомъ-то воспалительномъ состояніи мозга, принялся онъ объяснять Софьѣ Матвѣевнѣ, что̀ должна означать сегодняшняя «столь нечаянная и столь роковая встрѣча ихъ на вѣки вѣковъ». Софья Матвѣевна въ ужасномъ смущеніи встала, наконецъ, съ дивана; онъ даже сдѣлалъ попытку опуститься передъ нею на колѣни, такъ что она заплакала. Сумерки сгущались: оба пробыли въ запертой комнатѣ уже нѣсколько часовъ...

— Нѣтъ, ужь лучше вы меня отпустите въ ту комнату-съ, лепетала она, — а то пожалуй вѣдь что̀ люди подумаютъ-съ.

Она вырвалась, наконецъ; онъ ее отпустилъ, давъ ей слово сейчасъ-же лечь спать. Прощаясь, пожаловался, что у него очень болитъ голова. Софья Матвѣевна, еще какъ входила, оставила свой сакъ и вещи въ первой комнатѣ, намѣреваясь ночевать съ хозяевами: но ей не удалось отдохнуть.

Въ ночи со Степаномъ Трофимовичемъ приключился столь извѣстный мнѣ и всѣмъ друзьямъ его припадокъ холерины—обыкновенный исходъ всѣхъ нервныхъ напряженій и нравственныхъ его потрясеній. Бѣдная Софья Матвѣевна не спала всю ночь. Такъ какъ ей, ухаживая за больнымъ, приходилось довольно часто входить и выходить изъ избы черезъ хозяйскую комнату, то спавшіе тутъ проѣзжіе и хозяйка ворчали и даже начали подъ конецъ браниться, когда она вздумала подъ утро поставить самоваръ. Степанъ Трофимовичъ все время припадка былъ въ полузабытьи; иногда какъ-бы мерещилось ему, что ставятъ самоваръ, что его чѣмъ-то поятъ (малиной), грѣютъ ему чѣмъ-то животъ, грудь. Но онъ чувствовалъ почти каждую минуту, что *она* была тутъ подлѣ него; что это она приходила и уходила, снимала его съ кровати и опять укладывала на нее. Часамъ къ тремъ по полуночи ему стало легче; онъ привсталъ, спустилъ ноги съ постели и, не думая ни о чемъ, свалился предъ нею на полъ. Это было уже не давешнее колѣнопреклоненіе; онъ просто упалъ ей въ ноги и цѣловалъ полы ея платья...

— Полноте-съ, я совсѣмъ не стою-съ, лепетала она, стараясь поднять его на кровать.

— Спасительница моя, благоговѣйно сложилъ онъ предъ нею руки: — Vous êtes noble comme une marquise! Я — я негодяй! О, я всю жизнь былъ безчестенъ...

— Успокойтесь, упрашивала Софья Матвѣевна.

— Я вамъ давеча все налгалъ, — для славы, для роскоши, изъ праздности,—все, все до послѣдняго слова, о, негодяй, негодяй!

Холерина перешла такимъ образомъ въ другой припадокъ, истерическаго самоосужденія. Я уже упоминалъ объ этихъ припадкахъ, говоря о письмахъ его къ Варварѣ Петровнѣ. Онъ вспомнилъ вдругъ о Lise, о вчерашней встрѣчѣ утромъ: «Это было такъ ужасно и — тутъ навѣрно было несчастье, а я не спросилъ, не узналъ! Я думалъ только о себѣ! О, что съ нею, не знаете-ли вы что съ нею?» умолялъ онъ Софью Матвѣевну.

Потомъ онъ клялся, что «не измѣнитъ», что онъ *къ ней* воротится (то есть къ Варварѣ Петровнѣ). «Мы будемъ подходить къ ея крыльцу (то есть все съ Софьей Матвѣевной) каждый день, когда она садится въ карету для утренней прогулки, и будемъ тихонько смотрѣть... О, я хочу, чтобъ она ударила меня въ другую щеку; съ наслажденіемъ хочу. Я подставлю ей мою другую щеку comme dans votre livre! Я теперь, теперь только понялъ, что значитъ подставить другую... «ланиту». Я никогда не понималъ прежде!»

Для Софьи Матвѣевны наступили два страшные дня ея жизни; она и теперь припоминаетъ о нихъ съ содраганіемъ. Степанъ Трофимовичъ заболѣлъ такъ серіозно, что онъ не могъ отправиться на пароходѣ, который на этотъ разъ явился аккуратно въ два часа по полудни; она-же не въ силахъ была оставить его одного и тоже не поѣхала въ Спасовъ. По ея разсказу, онъ очень даже обрадовался, что пароходъ ушелъ:

— Ну и славно, ну и прекрасно, пробормоталъ онъ съ постели; — а то я все боялся, что мы уѣдемъ. Здѣсь такъ хорошо, здѣсь лучше всего... Вы меня не оставите? О, вы меня не оставили!

«Здѣсь», однако, было вовсе не такъ хорошо. Онъ ничего не хотѣлъ знать изъ ея затрудненій; голова его была полна одними фантазіями. Свою-же болѣзнь онъ считалъ чѣмъ-то мимолетнымъ, пустяками, и не думалъ о ней вовсе, а думалъ только о томъ, какъ они пойдутъ и станутъ продавать «эти книжки». Онъ просилъ ее почитать ему Евангеліе.

— Я давно уже не читалъ... въ оригиналѣ. А то кто нибудь спроситъ, и я ошибусь; надо тоже всетаки приготовиться.

Она усѣлась подлѣ него и развернула книжку.

— Вы прекрасно читаете, прервалъ онъ ее съ первой-же строки. — Я вижу, вижу, что я не ошибся! прибавилъ онъ неясно, но восторженно. И вообще онъ былъ въ безпрерывномъ восторженномъ состояніи. Она прочитала нагорную проповѣдь.

— Assez, assez, mon enfant, довольно... Неужто вы думаете, что *этого* не довольно.

И онъ въ безсиліи закрылъ глаза. Онъ былъ очень слабъ, но еще не терялъ сознанія. Софья Матвѣевна поднялась было, полагая, что онъ хочетъ заснуть. Но онъ остановилъ:

— Другъ мой, я всю жизнь мою лгалъ. Даже когда говорилъ правду. Я никогда не говорилъ для истины, а только для себя, я это и прежде зналъ, но теперь только вижу... О, гдѣ тѣ друзья, которыхъ я оскорблялъ моею дружбой всю мою жизнь? И всѣ, и всѣ! Savez-vous, я, можетъ, лгу и теперь; навѣрно лгу и теперь. Главное въ томъ, что я самъ себѣ вѣрю когда лгу. Всего труднѣе въ жизни жить и не лгать... и... и собственной лжи не вѣрить, да, да, вотъ это именно! Но подождите, это все потомъ... Мы вмѣстѣ, вмѣстѣ! прибавилъ онъ съ энтузіазмомъ.

— Степанъ Трофимовичъ, робко попросила Софья Матвѣевна, — не послать-ли въ «губернію» за докторомъ?

Онъ ужасно былъ пораженъ.

— Зачѣмъ? Est-ce que je suis si malade? Mais rien de sérieux. И зачѣмъ намъ посторонніе люди? Еще узнаютъ и — что тогда

будетъ? Нѣтъ, нѣтъ, никто изъ посторонихъ, мы вмѣстѣ, вмѣстѣ!

— Знаете, сказалъ онъ, помолчавъ,— прочтите мнѣ еще что нибудь, такъ, на выборъ, что нибудь куда глазъ попадетъ.

Софья Матвѣевна развернула и стала читать.

— Гдѣ развернется, гдѣ развернется нечаянно, повторилъ онъ.

— «И Ангелу Лаодикійской церкви напиши»...

— Это что? Что? Это откуда?

— Это изъ Апокалипсиса.

— О, je m'en souviens, oui, l'Apocalipse. Lisez, lisez, я загадалъ по книгѣ о нашей будущности, я хочу знать что вышло; читайте съ ангела, съ ангела...

— «И Ангелу Лаодикійской церкви напиши: такъ говоритъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія. Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ: о если-бъ ты былъ холоденъ или горячъ! Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ».

— Это... и это въ вашей книгѣ! воскликнулъ онъ, сверкая глазами и приподнимаясь съ изголовья; — я никогда не зналъ этого великаго мѣста! Слышите: скорѣе холоднаго, холоднаго, чѣмъ теплаго, чѣмъ *только* теплаго. О, я докажу: Только не оставляйте, не оставляйте меня одного! Мы докажемъ, мы докажемъ!

— Да не оставлю-же я васъ, Степанъ Трофимовичъ, никогда не оставлю-съ! схватила она его руки и сжала въ своихъ, поднося ихъ къ сердцу, со слезами на глазахъ смотря на него. (Жалко ужь очень мнѣ ихъ стало въ ту минуту, передавала она). Губы его задергались какъ-бы судорожно.

— Однако, Степанъ Трофимовичъ, какъ-же намъ всетаки быть-съ? Не дать-ли знать кому изъ вашихъ знакомыхъ али, можетъ, родныхъ?

Но тутъ ужь онъ до того испугался, что она и не рада была, что еще разъ помянула. Трепеща и дрожа, умолялъ онъ не звать никого, но предпринимать ничего; бралъ съ нея слово, уговаривалъ: «Никого, никого! Мы одни, только одни, nous partirons ensemble».

Очень худо было и то, что хозяева тоже стали безпокоиться, ворчали и приставали къ Софьѣ Матвѣевнѣ. Она имъ уплатила и постаралась показать деньги; это смягчило на время; но хозяинъ потребовалъ «видъ» Степана Трофимовича. Больной съ высокомѣрною улыбкой указалъ на свой маленькій сакъ; въ немъ Софья Матвѣевна отыскала его указъ объ отставкѣ или что-то въ этомъ родѣ, по которому онъ всю жизнь проживалъ. Хозяинъ не унялся и говорилъ, что «надо ихъ куда ни на есть принять, потому у насъ не больница, а помретъ, такъ еще, пожалуй, что выйдетъ; натерпимся». Софья Матвѣевна заговорила было и съ нимъ о докторѣ, но выходило, что если послать въ «губернію», то до того могло дорого обойдтись, что, ужь конечно, надо было оставить о докторѣ всякую мысль. Она съ тоской воротилась къ своему больному. Степанъ Трофимовичъ слабѣлъ все болѣе и болѣе.

— Теперь прочитайте мнѣ еще одно мѣсто... о свиньяхъ, произнесъ онъ вдругъ.

— Чего-съ? испугалась ужасно Софья Матвѣевна.

— О свиньяхъ... это тутъ-же... ces cochons... я помню, бѣсы вошли въ свиней и всѣ потонули. Прочтите мнѣ это непремѣнно; я вамъ послѣ скажу для чего. Я припомнить хочу буквально. Мнѣ надо буквально.

Софья Матвѣевна знала Евангеліе хорошо и тотчасъ отыскала отъ Луки то самое мѣсто, которое я и выставилъ эпиграфомъ въ моей хроникѣ. Приведу его здѣсь опять:

«Тутъ-же на горѣ паслось большое стадо свиней, и бѣсы просили Его чтобы позволилъ имъ войдти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы вышедши изъ человѣка вошли въ свиней, и бросилось стадо съ крутизны въ озеро и потонуло. Пастухи, увидя происшедшее, побѣжали и разсказали въ городѣ и въ селеніяхъ. И вышли видѣть происшедшее, и пришедши къ Іисусу нашли человѣка, изъ котораго вышли бѣсы, сидящаго у ногъ Іисусовыхъ, одѣ-

таго и въ здравомъ умѣ, и ужаснулись. Видѣвшіе-же разсказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся».

— Другъ мой, произнесъ Степанъ Трофимовичъ въ большомъ волненіи, — savez vous, это чудесное и... необыкновенное мѣсто было мнѣ всю жизнь камнемъ преткновенія... dans ce livre... такъ что я это мѣсто еще съ дѣтства упомнилъ. Теперь-же мнѣ пришла одна мысль; une comparaison. Мнѣ ужасно много приходитъ теперь мыслей: видите, это точь въ точь какъ наша Россія. Эти бѣсы, выходящіе изъ больнаго и входящіе въ свиней — это всѣ язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка! Oui, cette Russie, que j'aimais toujours. Но великая мысль и великая воля осѣнятъ ее свыше, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войдти въ свиней. Да и вошли уже, можетъ быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша... et les autres avec lui, и я, можетъ быть, первый во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватитъ. Но больной исцѣлится и «сядетъ у ногъ Іисусовыхъ»... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ... Милая, vous comprendrez après, а теперь это очень волнуетъ меня... Vous comprendrez après... Nous comprendrons ensemble.

Съ нимъ сдѣлался бредъ и онъ, наконецъ, потерялъ сознаніе. Такъ продолжалось и весь слѣдующій день. Софья Матвѣевна сидѣла подлѣ него и плакала, не спала почти совсѣмъ уже третью ночь и избѣгала показываться на глаза хозяевамъ, которые, она предчувствовала, что-то уже начинали предпринимать. Избавленіе послѣдовало лишь на третій день. На утро Степанъ Трофимовичъ очнулся, узналъ ее и протянулъ ей руку. Она перекрестилась съ надеждою. Ему хотѣлось посмотрѣть въ окно: «Tiens un lac, проговорилъ онъ; ахъ, Боже мой, я еще и невидалъ его»... Въ эту минуту у подъѣзда избы прогремѣлъ чей-то экипажъ и въ домѣ поднялась чрезвычайная суматоха.

III.

То была сама Варвара Петровна, прибывшая въ четырехмѣстной каретѣ, четверней, съ двумя лакеями и съ Дарьей Павловной. Чудо совершилось просто: умиравшій отъ любопытства Анисимъ, прибывъ въ городъ, зашелъ таки на другой день въ домъ Варвары Петровны и разболталъ прислугѣ, что встрѣтилъ Степана Трофимовича одного въ деревнѣ, что видѣли его мужики на большой дорогѣ одного, пѣшкомъ, а что отправился онъ въ Спасовъ, на Устьево, уже вдвоемъ съ Софьей Матвѣевной. Такъ какъ Варвара Петровна, съ своей стороны, уже страшно тревожилась и розыскивала какъ могла своего бѣглаго друга, то объ Анисимѣ ей тотчасъ-же доложили. Выслушавъ его и, главное, о подробностяхъ отъѣзда въ Устьево вмѣстѣ съ какою-то Софьей Матвѣевной въ одной бричкѣ, она мигомъ собралась и по горячему слѣду прикатила сама въ Устьево. О болѣзни его она еще не имѣла понятія.

Раздался суровый и повелительный ея голосъ; даже хозяева струсили. Она остановилась лишь освѣдомиться и разспросить, увѣренная, что Степанъ Трофимовичъ давно уже въ Спасовѣ; узнавъ-же, что онъ тутъ и боленъ, въ волненіи вступила въ избу.

— Ну, гдѣ тутъ онъ? А, это ты! крикнула она, увидавъ Софью Матвѣевну, какъ разъ въ ту самую минуту показавшуюся на порогѣ изъ второй комнаты;—я по твоему безстыжему лицу догадалась, что это ты. Прочь, негодяйка! Чтобы сейчасъ духа ея не было въ домѣ! Выгнать ее, не то, мать моя, я тебя въ острогъ на вѣкъ упрячу. Стеречь ее пока въ другомъ домѣ. Она уже въ городѣ сидѣла разъ въ острогѣ, еще посидитъ. И прошу тебя, хозяинъ, не смѣть никого впускать, пока я тутъ. Я генеральша Ставрогина и занимаю весь домъ. А ты, голубушка, мнѣ во всемъ дашь отчетъ.

Знакомые звуки потрясли Степана Тро-

фимовича. Онъ затрепеталъ. Но она уже вступила за перегородку. Сверкая глазами, подтолкнула она ногой стулъ и, откинувшись на спинку, прокричала Дашѣ:

— Выйди пока вонъ, побудь у хозяевъ. Что за любопытство? Да двери-то покрѣпче затвори за собой.

Нѣсколько времени она молча и какимъ-то хищнымъ взглядомъ всматривалась въ испуганное его лицо.

— Ну, какъ поживаете, Степанъ Трофимовичъ? Каково погуляли? вырвалось вдругъ у нея съ яростною иронiей.

— Chère, залепеталъ не помня себя Степанъ Трофимовичъ, — я узналъ русскую дѣйствительную жизнь... Et je precherai l'Evangile...

— О, безстыдный, неблагородный человѣкъ! возопила она вдругъ, всплеснувъ руками.—Мало вамъ было осрамить меня, вы связались... О, старый, безстыжій развратникъ!

— Chère...

У него пресѣкся голосъ и онъ ничего не могъ вымолвить, а только смотрѣлъ вытаращивъ глаза отъ ужаса.

— Кто *она* такая?

— C'est un ange... C'était plus qu'un ange pour moi, она всю ночь... О, не кричите, не пугайте ее, chère, chère...

Варвара Петровна вдругъ, гремя, вскочила со стула; раздался ея испуганный крикъ: «воды, воды!» Онъ хоть и очнулся, но она все еще дрожала отъ страху и блѣдная смотрѣла на исказившееся его лицо: тутъ только въ первый разъ догадалась она о размѣрахъ его болѣзни.

— Дарья, зашептала она вдругъ Дарьѣ Павловнѣ,—немедленно за докторомъ, за Зальцфишемъ; пусть ѣдетъ сейчасъ Егорычъ; пусть наймутъ здѣсь лошадей, а изъ города возьметъ другую карету. Чтобы къ ночи быть тутъ.

Даша бросилась исполнять приказаніе. Степанъ Трофимовичъ смотрѣлъ все тѣмъ-же вытаращеннымъ, испуганнымъ взглядомъ; побѣлѣвшія губы его дрожали.

— Подожди, Степанъ Трофимовичъ, подожди, голубчикъ! уговаривала она его какъ ребенка; ну, подожди-же, подожди, вотъ Дарья воротится и... Ахъ, Боже мой, хозяйка, хозяйка, да приди хоть ты, матушка!

Въ нетерпѣніи она побѣжала сама къ хозяйкѣ.

— Сейчасъ, сію минуту *эту* опять назадъ. Воротить ее, воротить!

Къ счастію, Софья Матвѣевна на успѣла еще выбраться изъ дому и только выходила изъ воротъ съ своимъ мѣшкомъ и узелкомъ. Ее вернули. Она такъ была испугана, что даже ноги и руки ея тряслись. Варвара Петровна схватила ее за руку, какъ коршунъ цыпленка, и стремительно потащила къ Степану Трофимовичу.

— Ну, вотъ она вамъ. Не съѣла-же я ее. Вы думали, что я ее такъ и съѣла.

Степанъ Трофимовичъ схватилъ Варвару Петровну за руку, поднесъ ее къ своимъ глазамъ и залился слезами, навзрыдъ, болѣзненно, припадочно.

— Ну, успокойся, успокойся, ну, голубчикъ мой, ну, батюшка! Ахъ, Боже мой, да ус-по-кой-тесь-же! крикнула она неистово.— О, мучитель, мучитель, вѣчный мучитель мой!

— Милая, пролепеталъ, наконецъ, Степанъ Трофимовичъ, обращаясь къ Софьѣ Матвѣевнѣ,—побудьте, милая, тамъ, я что-то хочу здѣсь сказать...

Софья Матвѣевна тотчасъ-же поспѣшила выйдти.

— Cherie... cherie... задыхался онъ.

— Подождите говорить, Степанъ Трофимовичъ, подождите немного, пока отдохнете. Вотъ вода. Да по-дож-ди-те-же!

Она сѣла опять на стулъ. Степанъ Трофимовичъ крѣпко держалъ ее за руку. Долго она не позволяла ему говорить. Онъ поднесъ руку ея къ губамъ и сталъ цѣловать. Она стиснула зубы, смотря куда-то въ уголъ.

— Je vous aimais! вырвалось у него, наконецъ. Никогда не слыхала она отъ него такого слова, такъ выговореннаго.

— Гм! промычала она въ отвѣтъ.

— Je vous aimais toute ma vie... vingt ans!

Она все молчала—минуты двѣ—три.

— А какъ къ Дашѣ готовился, духами опрыскался... проговорила она вдругъ страшнымъ шепотомъ. Степанъ Трофимовичъ такъ и обомлѣлъ.

— Новый галстукъ надѣлъ...

Опять молчаніе минуты на двѣ.

— Сигарку помните?

— Другъ мой, прошамкалъ было онъ въ ужасѣ.

— Сигарку, вечеромъ, у окна... мѣсяцъ свѣтилъ... послѣ бесѣдки... въ Скворешникахъ? Помнишь-ли, помнишь-ли, вскочила она съ мѣста, схвативъ за оба угла его подушку и потрясая ее вмѣстѣ съ его головой. — Помнишь-ли, пустой, пустой, безславный, малодушный, вѣчно, вѣчно пустой человѣкъ! шипѣла она своимъ яростнымъ шепотомъ, удерживаясь отъ крику. Наконецъ, бросила его и упала на стулъ, закрывъ руками лицо.—Довольно! отрѣзала она выпрямившись. — Двадцать лѣтъ прошло, не воротишь; дура и я.

— Je vous aimais, сложилъ онъ опять руки.

— Да что ты мнѣ все aimais да aimais! Довольно! вскочила она опять.—И если вы теперь сейчасъ не заснете, то я... Вамъ нуженъ покой; спать, сейчасъ спать, закройте глаза. Ахъ, Боже мой, онъ, можетъ быть, завтракать хочетъ! Что вы ѣдите? Что онъ ѣстъ? Ахъ, Боже мой, гдѣ та? Гдѣ она?

Началась было суматоха. Но Степанъ Трофимовичъ слабымъ голосомъ пролепеталъ, что онъ дѣйствительно-бы заснулъ une heure, а тамъ — un bouillon, un thé... enfin il est si heureux. Онъ легъ и дѣйствительно какъ будто заснулъ (вѣроятно притворился). Варвара Петровна подождала и на цыпочкахъ вышла изъ-за перегородки.

Она усѣлась въ хозяйской комнатѣ, хозяевъ выгнала и приказала Дашѣ привести къ себѣ *ту*. Начался серіозный допросъ.

— Разскажи теперь, матушка, всѣ подробности; садись подлѣ, такъ. Ну?

— Я Степана Трофимовича встрѣтила...

— Стой, молчи. Предупреждаю тебя, что если ты что соврешь или утаишь, то я изъподъ земли тебя выкопаю. Ну?

— Я со Степаномъ Трофимовичемъ... какъ только я пришла въ Хатово-съ... почти задыхалась Софья Матвѣевна...

— Стой, молчи, подожди; чего забарабанила? Во первыхъ, сама ты что за птица?

Та разсказала ей кое-какъ, впрочемъ, въ самыхъ короткихъ словахъ, о себѣ, начиная съ Севастополя. Варвара Петровна выслушала молча, выпрямившись на стулѣ, строго и упорно смотря прямо въ глаза разскащицѣ.

— Чего ты такая запуганная? Чего ты въ землю смотришь?—Я люблю такихъ, которыя смотрятъ прямо и со мною спорятъ. Продолжай.

Она досказала о встрѣчѣ, о книжкахъ, о томъ какъ Степанъ Трофимовичъ подчивалъ бабу водкой...

— Такъ, такъ, не забывай ни малѣйшей подробности, ободрила Варвара Петровна. Наконецъ, о томъ, какъ поѣхали и какъ Степанъ Трофимовичъ все говорилъ «уже совсѣмъ больные-съ», а здѣсь всю жизнь, съ самаго первоначалу, нѣсколько даже часовъ разсказывали.

— Разскажи про жизнь.

Софья Матвѣевна вдругъ запнулась и совсѣмъ стала въ тупикъ.

— Ничего я тутъ не умѣю сказать-съ, промолвила она чуть не плача,— да и не поняла я почти ничего-съ.

— Врешь! Не могла совсѣмъ ничего не понять.

— Про одну черноволосую знатную даму долго разсказывали-съ, покраснѣла ужасно Софья Матвѣевна, замѣтивъ, впрочемъ, бѣлокурые волосы Варвары Петровны и совершенное несходство ея съ «брюнеткой».

— Черноволосую?—Что-же именно? Ну, говори!

— О томъ, какъ эта знатная дама ужь очень были въ нихъ влюблены-съ, во всю жизнь, двадцать цѣлыхъ лѣтъ; но все не смѣли открыться и стыдились предъ ними, потому что ужь очень были полны-съ...

— Дуракъ! задумчиво, но рѣшительно отрѣзала Варвара Петровна.

Софья Матвѣевна совсѣмъ уже плакала.

— Ничего я тутъ не умѣю хорошо разсказать, потому сама въ большомъ страхѣ за нихъ была и понять не могла, такъ какъ они такіе умные люди...

— Объ умѣ его не такой воронѣ какъ ты судить. Руку предлагалъ?

Разскащица затрепетала.

— Влюбился въ тебя? — Говори! Предлагалъ тебѣ руку? прикрикнула Варвара Петровна.

— Почти что такъ оно было-съ, всплакнула она.—Только я все это за ничто приняла, по ихъ болѣзни, прибавила она твердо подымая глаза.

— Какъ тебя зовутъ: имя-отчество?

— Софья Матвѣевна-съ.

— Ну такъ знай ты, Софья Матвѣевна, что это самый дрянной, самый пустой человѣчишко... Господи, Господи! За негодяйку меня почитаешь?

Та выпучила глаза.

— За негодяйку, за тиранку? — Его жизнь сгубившую?

— Какъ-же это можно-съ, когда вы сами плачете-съ?

У Варвары Петровны дѣйствительно стояли слезы на глазахъ.

— Ну садись, садись, не пугайся.—Посмотри мнѣ еще разъ въ глаза, прямо; чего закраснѣлась? Даша, поди сюда, смотри на нее: какъ ты думаешь, у ней сердце чистое...

И къ удивленію, а, можетъ, еще къ большему страху Софьи Матвѣевны, она вдругъ потрепала ее по щекѣ.

— Жаль только, что дура.— Не по лѣтамъ дура. Хорошо, милая, я тобою займусь. Вижу, что все это вздоръ. Живи пока подлѣ, квартиру тебѣ наймутъ, а отъ меня тебѣ столъ и все... пока спрошу.

Софья Матвѣевна заикнулась было въ испугѣ, что ей надо спѣшить.

— Некуда тебѣ спѣшить.— Книги твои всѣ покупаю, а ты сиди здѣсь. Молчи, безъ отговорокъ. Вѣдь если-бъ я не пріѣхала, тыбы все равно его не оставила?

— Ни за что-бы ихъ я не оставила-съ, тихо и твердо промолвила Софья Матвѣевна, утирая глаза.

Доктора Зальцфиша привезли уже поздно ночью. Это былъ весьма почтенный старичокъ и довольно опытный практикъ, недавно потерявшій у насъ, вслѣдствіе какой-то амбиціозной ссоры съ своимъ начальствомъ, свое служебное мѣсто. Варвара Петровна въ тотъ-же мигъ изо всѣхъ силъ начала ему «протежировать». Онъ осмотрѣлъ больнаго внимательно, разспросилъ и осторожно объявилъ Варварѣ Петровнѣ, что состояніе «страждущаго» весьма сомнительно, вслѣдствіе происшедшаго осложненія болѣзни, и что надо ожидать «всего даже худшаго». Варвара Петровна, въ двадцать лѣтъ отвыкшая даже отъ мысли о чемъ нибудь серіозномъ и рѣшительномъ во всемъ, что̀ исходило лично отъ Степана Трофимовича, была глубоко потрясена, даже поблѣднѣла:

— Неужто никакой надежды?

— Возможно-ли чтобы не было отнюдь и совершенно никакой надежды, но...

Она не ложилась спать всю ночь и едва дождалась утра. Лишь только больной открылъ глаза и пришелъ въ память (онъ все пока былъ въ памяти, хотя съ каждымъ часомъ ослабѣвалъ), приступила къ нему съ самымъ рѣшительнымъ видомъ:

— Степанъ Трофимовичъ, надо все предвидѣть.— Я послала за священникомъ. Вы обязаны исполнить долгъ...

Зная его убѣжденія, она чрезвычайно боялась отказа. Онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Вздоръ, вздоръ! возопила она, думая, что онъ уже отказывается; — теперь не до шалостей. Довольно дурачились.

— Но... развѣ я такъ уже боленъ?

Онъ задумчиво согласился. И вообще я съ большимъ удивленіемъ узналъ потомъ отъ Варвары Петровны, что нисколько не испугался смерти. Можетъ быть, просто не повѣрилъ и продолжалъ считать свою болѣзнь пустяками.

Онъ исповѣдовался и причастился весьма охотно. Всѣ, и Софья Матвѣевна, и даже слуги, пришли поздравить его съ пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ. Всѣ до единаго сдержанно плакали, смотря на его осунувшееся и изнеможенное лицо и побѣлѣвшія, вздрагивавшія губы.

— Oui, mes amis, и я удивляюсь только, что вы такъ... хлопочете. Завтра я, вѣроятно, встану, и мы... отправимся... Toute cette cerémonie... которой я, разумѣется, отдаю все должное... была...

— Прошу васъ, батюшка, непремѣнно остаться съ больнымъ, быстро остановила Варвара Петровна разоблачившагося уже священника.— Какъ только обнесутъ чай, прошу васъ немедленно заговорить про божественное, чтобы поддержать въ немъ вѣру.

Священникъ заговорилъ; всѣ сидѣли или стояли около постели больнаго.

— Въ наше грѣховное время, плавно началъ священникъ, съ чашкой чаю въ рукахъ,— вѣра во Всевышняго есть единственное прибѣжище рода человѣческаго во всѣхъ скорбяхъ и испытаніяхъ жизни, равно какъ въ упованіи вѣчнаго блаженства, обѣтованнаго праведникамъ.

Степанъ Трофимовичъ какъ будто весь оживился; тонкая усмѣшка скользнула на губахъ его.

— Mon père, je vous remercie, et vous êtes bien bon, mais...

— Совсѣмъ не mais, вовсе не mais! воскликнула Варвара Петровна, срываясь со стула.—Батюшка, обратилась она къ священнику,— это, это такой человѣкъ, это такой человѣкъ... его черезъ часъ опять переисповѣдать надо будетъ! Вотъ какой это человѣкъ.

Степанъ Трофимовичъ сдержанно улыбнулся.

— Друзья мои, проговорилъ онъ,—Богъ уже потому мнѣ необходимъ, что это единственное существо, которое можно вѣчно любить...

Въ самомъ-ли дѣлѣ онъ увѣровалъ, или величественная церемонія совершеннаго таинства потрясла его и возбудила художественную воспріимчивость его натуры, но онъ твердо и, говорятъ, съ большимъ чувствомъ произнесъ нѣсколько словъ прямо въ разрѣзъ многому изъ его прежнихъ убѣжденій.

— Мое безсмертіе уже потому необходимо, что Богъ не захочетъ сдѣлать неправды и погасить совсѣмъ огонь разъ возгорѣвшейся къ Нему любви въ моемъ сердцѣ. И что дороже любви? Любовь выше бытія, любовь вѣнецъ бытія, и какъ-же возможно, чтобы бытіе было ей неподклонно? Если я полюбилъ Его и обрадовался любви моей—возможно-ли, чтобъ Онъ погасилъ и меня и радость мою и обратилъ насъ въ нуль? Если есть Богъ, то и я безсмертенъ! Voilà ma profession de foi.

— Богъ есть, Степанъ Трофимовичъ, увѣряю васъ, что есть, умоляла Варвара Петровна,— отрекитесь, бросьте всѣ ваши глупости хоть разъ въ жизни! (Она, кажется, не совсѣмъ поняла его profession de foi).

— Другъ мой, одушевлялся онъ болѣе и болѣе, хотя голосъ его часто прерывался,— другъ мой, когда я понялъ... эту подставленную ланиту, я... тутъ-же и еще кой-что понялъ... J'ai menti toute ma vie, всю, всю жизнь! я-бы хотѣлъ... впрочемъ, завтра... Завтра мы всѣ отправимся.

Варвара Петровна заплакала. Онъ искалъ кого-то глазами.

— Вотъ она, она здѣсь! схватила она и подвела къ нему за руку Софью Матвѣевну. Онъ умиленно улыбнулся.

— О, я-бы очень желалъ опять жить! воскликнулъ онъ съ чрезвычайнымъ приливомъ энергіи.—Каждая минута, каждое мгновеніе жизни должны быть блаженствомъ человѣку... должны, непремѣнно должны! Это обязанность самого человѣка такъ устроить; это его законъ — скрытый, но существующій непремѣнно... О, я-бы желалъ видѣть Петрушу... и ихъ всѣхъ... и Шатова!

Замѣчу, что о Шатовѣ еще ничего не знали, ни Дарья Павловна, ни Варвара Петровна, ни даже Зальцфишъ, послѣднимъ прибывшій изъ города.

Степанъ Трофимовичъ волновался болѣе и болѣе, болѣзненно, не по силамъ.

— Одна уже всегдашняя мысль о томъ, что существуетъ нѣчто безмѣрно справедливѣйшее и счастливѣйшее чѣмъ я, уже наполняетъ и меня всего безмѣрнымъ умиленіемъ и—славой,—о, кто-бы я ни былъ, что-бы ни сдѣлалъ! Человѣку гораздо необходимѣе собственнаго счастья знать и каждое мгновеніе вѣровать въ то, что есть гдѣ-то уже совершенное и спокойное счастье, для всѣхъ и для всего... Весь законъ бытія человѣческаго лишь въ томъ, чтобы человѣкъ всегда могъ преклониться предъ безмѣрно великимъ. Если лишить людей безмѣрно великаго, то не станутъ они жить и умрутъ въ отчаяніи. Безмѣрное и безконечное такъ-же необходимо человѣку, какъ и та малая планета, на которой онъ обитаетъ... Друзья мои, всѣ, всѣ: да здравствуетъ Великая Мысль! Вѣчная, безмѣрная Мысль! Всякому человѣку, кто-бы онъ ни былъ, необходимо преклониться

предъ тѣмъ, что есть Великая Мысль. Даже самому глупому человѣку необходимо хотя-бы нѣчто великое. Петруша... О, какъ я хочу увидѣть ихъ всѣхъ опять! Они не знаютъ, не знаютъ, что и въ нихъ заключена все таже вѣчная Великая Мысль!

Докторъ Зальцфишъ не былъ при церемоніи. Войдя внезапно, онъ пришелъ въ ужасъ и разогналъ собраніе, настаивая, чтобы больнаго не волновали.

Степанъ Трофимовичъ скончался три дня спустя, но уже въ совершенномъ безпамятствѣ. Онъ какъ-то тихо угасъ, точно догорѣвшая свѣча. Варвара Петровна, совершивъ на мѣстѣ отпѣваніе, перевезла тѣло своего бѣднаго друга въ Скворешники. Могила его въ церковной оградѣ и уже покрыта мраморною плитой. Надпись и рѣшетка оставлены до весны.

Все отсутствіе Варвары Петровны изъ города продолжалось дней восемь. Вмѣстѣ съ нею, рядомъ въ ея каретѣ, прибыла и Софья Матвѣевна, кажется, на вѣки у нея поселившаяся. Замѣчу, что едва лишь Степанъ Трофимовичъ потерялъ сознаніе (въ тоже утро), какъ Варвара Петровна немедленно опять устранила Софью Матвѣевну, совсѣмъ вонъ изъ избы, и ухаживала за больнымъ сама, одна до конца; а только лишь онъ испустилъ духъ, немедленно позвала ее. Никакихъ возраженій ея, ужасно испуганной предложеніемъ (вѣрнѣе приказаніемъ) поселиться на вѣки въ Скворешникахъ она не хотѣла слушать.

— Все вздоръ! Я сама буду съ тобой ходить продавать Евангеліе. Нѣтъ у меня теперь никого на свѣтѣ!

— У васъ, однако, есть сынъ, замѣтилъ было Зальцфишъ.

— Нѣтъ у меня сына! отрѣзала Варвара Петровна и — словно напророчила.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Заключеніе.

Всѣ совершившіяся безчинства и преступленія обнаружились съ чрезвычайною быстротой, гораздо быстрѣе чѣмъ предполагалъ Петръ Степановичъ. Началось съ того, что несчастная Марья Игнатьевна, въ ночь убійства мужа, проснулась предъ разсвѣтомъ, хватилась его и пришла въ неописанное волненіе, не видя его подлѣ себя. Съ ней ночевала нанятая тогда Ариной Прохоровной прислужница. Та никакъ не могла ее успокоить и, чуть лишь стало свѣтать, побѣжала за самой Ариной Прохоровной, увѣривъ больную, что та знаетъ, гдѣ ея мужъ и когда онъ воротится. Между тѣмъ и Арина Прохоровна находилась тоже въ нѣкоторой заботѣ: она уже знала отъ своего мужа о ночномъ подвигѣ въ Скворешникахъ. Онъ воротился домой часу уже въ одиннадцатомъ ночи, въ ужасномъ состояніи и видѣ; ломая руки, бросился ничкомъ на кровать и все повторялъ, сотрясаясь отъ конвульсивныхъ рыданій: «Это не то, не то; это совсѣмъ не то!» Разумѣется, кончилъ тѣмъ, что признался приступившей къ нему Аринѣ Прохоровнѣ во всемъ — впрочемъ, только ей одной во всемъ домѣ. Та оставила его въ постели, строго внушивъ, что «если хочетъ хныкать, то ревѣлъ-бы въ подушку, чтобъ не слыхали, и что дуракъ онъ будетъ, если завтра покажетъ какой нибудь видъ». Она таки призадумалась и тотчасъ-же начала прибираться на всякій случай: лишнія бумаги, книги, даже, можетъ быть, прокламаціи успѣла припрятать или истребить до тла. За всѣмъ тѣмъ разсудила, что собственно ей, ея сестрѣ, теткѣ, студенткѣ, а, можетъ быть, и вислоухому братцу бояться очень-то нечего. Когда къ утру прибѣжала за ней сидѣлка, она пошла къ Марьѣ Игнатьевнѣ не задумавшись. Ей, впрочемъ, ужасно хотѣлось поскорѣе провѣдать, вѣрно-ли то, что вчера испуганнымъ и безумнымъ шепотомъ, похожимъ на бредъ, сообщилъ ей супругъ о разсчетахъ Петра Степановича, въ видахъ общей пользы, на Кирилова.

Но пришла она къ Марьѣ Игнатьевнѣ уже поздно: отправивъ служанку и оставшись одна, та не вытерпѣла, встала съ постели и, накинувъ на себя что попало подъ руку изъ одежи, кажется, очень что-то легкое и къ сезону не подходящее, отправилась сама во флигель къ Кирилову, соображая, что, можетъ быть, онъ ей вѣрнѣе всѣхъ сообщитъ о мужѣ. Можно представить какъ подѣйствовало на родильницу

то, что она тамъ увидѣла. Замѣчательно, что она не прочла предсмертной записки Кирилова, лежавшей на столѣ, на виду, конечно, въ испугѣ проглядѣвъ ее вовсе. Она вбѣжала въ свою свѣтелку, схватила младенца и пошла съ нимъ изъ дома по улицѣ. Утро было сырое. стоялъ туманъ. Прохожихъ въ такой глухой улицѣ не встрѣтилось. Она все бѣжала, задыхаясь, по холодной и топкой грязи, и, наконецъ, начала стучаться въ дома; въ одномъ домѣ не отперли, въ другомъ долго не отпирали; она бросила въ нетерпѣніи и начала стучаться въ третій домъ. Это былъ домъ нашего купца Титова. Здѣсь она надѣлала большой суматохи, вопила и безсвязно увѣряла, что «ея мужа убили». Шатова и отчасти его исторію у Титовыхъ нѣсколько знали: поражены были ужасомъ, что она, по ея словамъ, всего только сутки родивши, бѣгаетъ въ такой одеждѣ и въ такой холодъ по улицамъ, съ едва прикрытымъ младенцемъ въ рукахъ. Подумали было сначала, что только въ бреду, тѣмъ болѣе, что никакъ не могли выяснить, кто убитъ: Кириловъ или ея мужъ? Она, смекнувъ, что ей не вѣрятъ, бросилась было бѣжать дальше, но ее остановили силой и, говорятъ, она страшно кричала и билась. Отправились въ домъ Филиппова, и черезъ два часа самоубійство Кирилова и его предсмертная записка стали извѣстны всему городу. Полиція приступила къ родильницѣ, бывшей еще въ памяти; тутъ-то и оказалось, что она записки Кирилова не читала, а почему именно заключила, что и мужъ ея убитъ—отъ нея не могли добиться: Она только кричала, что «коли тотъ убитъ, такъ и мужъ убитъ; они вмѣстѣ были!» Къ полудню она впала въ безпамятство, изъ котораго ужь и не выходила, и скончалась дня черезъ три. Простуженный ребенокъ померъ еще раньше ея. Арина Прохоровна, не найдя на мѣстѣ Марьи Игнатьевны и младенца и смекнувъ что худо, хотѣла было бѣжать домой, но остановилась у воротъ и послала сидѣлку «спросить во флигелѣ, у господина, не у нихъ-ли Марья Игнатьевна и не знаетъ-ли онъ чего о ней? Посланница воротилась, неистово крича на всю улицу. Убѣдивъ ее не кричать и никому не объявлять, знаменитымъ аргументомъ: «засудятъ», она улизнула со двора.

Само собою, что ее въ тоже утро обезпокоили, какъ бывшую повитуху родильницы; но не многаго добились: она очень дѣльно и хладнокровно разсказала все, что̀ сама видѣла и слышала у Шатова, но о случившейся исторіи отозвалась, что ничего въ ней не знаетъ и не понимаетъ.

Можно себѣ представить, какая по городу поднялась суматоха. Новая «исторія», опять убійство! Но тутъ уже было другое: становилось ясно, что есть, дѣйствительно есть тайное общество убійцъ, поджигателей-революціонеровъ, бунтовщиковъ. Ужасная смерть Лизы, убійство жены Ставрогина, самъ Ставрогинъ, поджогъ, балъ для гувернантокъ, распущенность вокругъ Юліи Михайловны... Даже въ исчезновеніи Степана Трофимовича хотѣли непремѣнно видѣть загадку. Очень, очень шептались про Николая Всеволодовича. Къ концу дня узнали и объ отсутствіи Петра Степановича и, странно, о немъ менѣе всего говорили. Но болѣе всего въ тотъ день говорили «о сенаторѣ». У дома Филиппова почти все утро стояла толпа. Дѣйствительно начальство было введено въ заблужденіе запиской Кирилова. Повѣрили и въ убійство Кириловымъ Шатова и въ самоубійство «убійцы». Впрочемъ, начальство хоть и потерялось, но не совсѣмъ. Слово «паркъ», напримѣръ, столь неопредѣленно помѣщенное въ запискѣ Кирилова, не сбило никого съ толку, какъ разсчитывалъ Петръ Степановичъ. Полиція тотчасъ-же кинулась въ Скворешники, и не потому одному, что тамъ былъ паркъ, котораго нигдѣ у насъ въ другомъ мѣстѣ не было, а и по нѣкоторому даже инстинкту, такъ какъ всѣ ужасы послѣднихъ дней, или прямо, или отчасти, связаны были со Скворешниками. Такъ, по крайней мѣрѣ я догадываюсь. (Замѣчу, что Варвара Петровна, рано утромъ и не зная ни о чемъ, выѣхала для поимки Степана Трофимовича). Тѣло отыскали въ прудѣ въ тотъ-же день къ вечеру, по нѣкоторымъ слѣдамъ; на самомъ мѣстѣ убійства найденъ былъ картузъ Шатова, съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ позабытый убійцами.

Наглядное и медицинское изслѣдованіе трупа и нѣкоторыя догадки съ перваго шагу возбудили подозрѣніе, что Кириловъ не могъ не имѣть товарищей. Выяснилось существованіе Шатово-Кириловскаго тайнаго общества, связаннаго съ прокламаціями. Кто-же были эти товарищи? О *нашихъ* ни объ одномъ въ тотъ день и мысли еще не было. Узнали, что Кириловъ жилъ затворникомъ и до того уединенно, что съ нимъ вмѣстѣ, какъ объявлялось въ запискѣ, могъ квартировать столько дней Ѳедька, котораго вездѣ такъ искали... Главное, томило всѣхъ то, что изъ всей представлявшейся путаницы ничего нельзя было извлечь общаго и связующаго. Трудно представить до какихъ заключеній и до какого безначалія мысли дошло-бы, наконецъ, наше перепуганное до паники общество, если-бы вдругъ не объяснилось все разомъ, на другой-же день, благодаря Лямшину.

Онъ не вынесъ. Съ нимъ случилось то, что̀ даже и Петръ Степановичъ подъ конецъ сталъ предчувствовать. Порученный Толкаченкѣ, а потомъ Эркелю, онъ весь слѣдующій день пролежалъ въ постели повидимому смирно, отвернувшись къ стѣнѣ и не говоря ни слова, почти не отвѣчая если съ нимъ заговаривали. Онъ ничего такимъ образомъ не узналъ во весь день изъ происходившаго въ городѣ. Но Толкаченкѣ, отлично узнавшему происшедшее, вздумалось къ вечеру бросить возложенную на него Петромъ Степановичемъ роль при Лямшинѣ и отлучиться изъ города въ уѣздъ, то есть по просту убѣжать: подлинно, что потеряли разсудокъ, какъ напророчилъ о нихъ о всѣхъ Эркель. Замѣчу кстати, что и Липутинъ въ тотъ-же день исчезъ изъ города, еще прежде полудня. Но съ этимъ какъ-то такъ произошло, что объ исчезновеніи его узналось начальствомъ лишь только на другой день къ вечеру, когда прямо приступили съ разспросами къ перепуганному его отсутствіемъ, но молчавшему отъ страха его семейству. Но продолжаю о Лямшинѣ. Лишь только онъ остался одинъ (Эркель, надѣясь на Толкаченку, еще прежде ушелъ къ себѣ), какъ тотчасъ-же выбѣжалъ изъ дому и, разумѣется, очень скоро узналъ о положеніи дѣлъ. Не заходя даже домой, онъ бросился тоже бѣжать куда глаза глядятъ. Но ночь была такъ темна, а предпріятіе до того страшное и многотрудное, что, пройдя двѣ—три улицы, онъ воротился домой и заперся на всю ночь. Кажется, къ утру онъ сдѣлалъ попытку къ самоубійству: но у него не вышло. Просидѣлъ онъ, однако, взаперти почти до полудня и — вдругъ побѣжалъ къ начальству. Говорятъ, онъ ползалъ на колѣняхъ, рыдалъ и визжалъ, цѣловалъ полъ, крича, что недостоинъ цѣловать даже сапоговъ стоявшихъ предъ нимъ сановниковъ. Его успокоили и даже обласкали. Допросъ тянулся, говорятъ, часа три. Онъ объявилъ все, все, разсказалъ всю подноготную, все что̀ зналъ, всѣ подробности; забѣгалъ впередъ, спѣшилъ признаніями, передавалъ даже ненужное и безъ спросу. Оказалось, что онъ зналъ довольно, и довольно хорошо поставилъ на видъ дѣло: трагедія съ Шатовымъ и Кириловымъ, пожаръ, смерть Лебядкиныхъ и пр. поступили на планъ второстепенный. На первый планъ выступали Петръ Степановичъ, тайное общество, организація, сѣть. На вопросъ: для чего было сдѣлано столько убійствъ, скандаловъ и мерзостей? онъ съ горячею торопливостью отвѣтилъ, что «для систематическаго потрясенія основъ, для систематическаго разложенія общества и всѣхъ началъ; для того, чтобы всѣхъ обезкуражить и изо всего сдѣлать кашу, и расшатавшееся такимъ образомъ общество, болѣзненное и раскисшее, циническое и невѣрующее, но съ безконечною жаждой какой нибудь руководящей мысли и самоохраненія — вдругъ взять въ свои руки, поднявъ знамя бунта и опираясь на цѣлую сѣть пятерокъ, тѣмъ временемъ дѣйствовавшихъ, вербовавшихъ и изыскивавшихъ практически всѣ пріемы и всѣ слабыя мѣста, за которыя можно ухватиться». Заключилъ онъ, что здѣсь въ нашемъ городѣ устроена была Петромъ Степановичемъ лишь первая проба такого систематическаго безпорядка, такъ сказать, программа дальнѣйшихъ дѣйствій и даже для всѣхъ пятерокъ,— и что это уже собственно его (Лямшина) мысль, его догадка и «чтобы непремѣнно попомнили и чтобы все это поставили на видъ, до какой степени

онъ откровенно и благонравно разъясняетъ дѣло и, стало быть, очень можетъ пригодиться и даже впредь для услугъ начальства. На положительный вопросъ: много-ли пятерокъ? отвѣчалъ, что безконечное множество, что вся Россія покрыта сѣтью, и хотя не представилъ доказательствъ, но, думаю, отвѣчалъ совершенно искренно. Представилъ только печатную программу общества, заграничной печати, и проэктъ развитія системы дальнѣйшихъ дѣйствій, написанный хотя и начерно, но собственною рукой Петра Степановича. Оказалось, что о «потрясеніи основъ» Лямшинъ буквально цитовалъ по этой бумажкѣ, не забывъ даже точекъ и запятыхъ, хотя и увѣрялъ, что это его только собственное соображеніе. Про Юлію Михайловну онъ удивительно смѣшно и даже безъ спросу, а забѣгая впередъ, выразился, что «она невинна и что ее только одурачили». Но замѣчательно, что Николая Ставрогина онъ совершенно выгородилъ изъ всякаго участія въ тайномъ обществѣ, изъ всякаго соглашенія съ Петромъ Степановичемъ. (О завѣтныхъ и весьма смѣшныхъ надеждахъ Петра Степановича на Ставрогина Лямшинъ не имѣлъ никакого понятія). Смерть Лебядкиныхъ, по словамъ его, была устроена лишь однимъ Петромъ Степановичемъ, безъ всякаго участія Николая Всеволодовича, съ хитрою цѣлью втянуть того въ преступленіе и, стало быть, въ зависимость отъ Петра Степановича; но вмѣсто благодарности, на которую несомнѣнно и легкомысленно разсчитывалъ, Петръ Степановичъ возбудилъ лишь полное негодованіе и даже отчаяніе въ «благородномъ» Николаѣ Всеволодовичѣ. Закончилъ онъ о Ставрогинѣ, тоже спѣша и безъ спросу, видимо нарочнымъ намекомъ, что тотъ чуть-ли не чрезвычайно важная птица, но что въ этомъ какой-то секретъ; что проживалъ онъ у насъ, такъ сказать, incognito, что онъ съ порученіями, и что очень возможно, что и опять пожалуетъ къ намъ изъ Петербурга (Лямшинъ увѣренъ былъ, что Ставрогинъ въ Петербургѣ), но только уже совершенно въ другомъ видѣ и въ другой обстановкѣ и въ свитѣ такихъ лицъ, о которыхъ, можетъ быть, скоро и у насъ услышатъ, и что все это онъ слышалъ отъ Петра Степановича, «тайнаго врага Николая Всеволодовича».

Сдѣлаю нота-бене. Два мѣсяца спустя, Лямшинъ сознался, что выгораживалъ Ставрогина нарочно, надѣясь на протекцію Ставрогина и на то, что тотъ въ Петербургѣ выхлопочетъ ему облегченіе двумя степенями, а въ ссылку снабдитъ деньгами и рекомендательными письмами. Изъ этого признанія видно, что онъ имѣлъ дѣйствительно чрезмѣрно преувеличенное понятіе о Николаѣ Ставрогинѣ.

Въ тотъ-же день, разумѣется, арестовали и Виргинскаго, а сгоряча и весь домъ. (Арина Прохоровна, ея сестра, тетка и даже студентка теперь давно уже на волѣ; говорятъ даже, что и Шигалевъ будто-бы непремѣнно будетъ выпущенъ, въ самомъ скоромъ времени, такъ какъ ни подъ одну категорію обвиняемыхъ не подходитъ; впрочемъ это все еще только разговоръ). Виргинскій сразу и во всемъ повинился: онъ лежалъ больной и былъ въ жару, когда его арестовали. Говорятъ, онъ почти обрадовался: «съ сердца свалилось», проговорилъ онъ будто-бы. Слышно про него, что онъ даетъ теперь показанія откровенно, но съ нѣкоторымъ даже достоинствомъ и не отступаетъ ни отъ одной изъ «свѣтлыхъ надеждъ» своихъ, проклиная въ тоже время политическій путь (въ противоположность соціальному), на который былъ увлеченъ такъ нечаянно и легкомысленно «вихремъ сошедшихся обстоятельствъ». Поведеніе его при совершеніи убійства разъясняется въ смягчающемъ для него смыслѣ, кажется, и онъ тоже можетъ разсчитывать на нѣкоторое смягченіе своей участи. Такъ, по крайней мѣрѣ, у насъ утверждаютъ.

Но врядъ-ли возможно будетъ облегчить судьбу Эркеля. Этотъ съ самаго ареста своего все молчитъ или по возможности извращаетъ правду. Ни одного слова раскаянія до сихъ поръ отъ него не добились. А между тѣмъ онъ даже въ самыхъ строгихъ судьяхъ возбудилъ къ себѣ нѣкоторую симпатію,— своею молодостью, своею беззащитностью, явнымъ свидѣтельствомъ, что онъ только фанатическая жертва политическаго обольстителя; а болѣе всего, обнаружившимся поведеніемъ его съ матерью,

которой онъ отсылалъ чуть не половину своего назначительнаго жалованья. Мать его теперь у насъ; это слабая и больная женщина, старушка не по лѣтамъ; она плачетъ и буквально валяется въ ногахъ, выпрашивая за сына. Что-то будетъ, но Эркеля у насъ многіе жалѣютъ.

Липутина арестовали уже въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Съ нимъ случилось почти невѣроятное дѣло, которое даже трудно и объяснить. Говорятъ, онъ имѣлъ и паспортъ на чужое имя, и полную возможность успѣть улизнуть за границу, и весьма значительныя деньги съ собой, а между тѣмъ остался въ Петербургѣ и никуда не поѣхалъ. Нѣкоторое время онъ розыскивалъ Ставрогина и Петра Степановича и вдругъ запилъ и сталъ развратничать безо всякой мѣры, какъ человѣкъ совершенно потерявшій всякій здравый смыслъ и понятіе о своемъ положеніи. Его и арестовали въ Петербургѣ гдѣ-то въ домѣ терпимости и нетрезваго. Носится слухъ, что теперь онъ вовсе не теряетъ духа, въ показаніяхъ своихъ лжетъ и готовится къ предстоящему суду съ нѣкоторою торжественностью и надеждою (?). Онъ намѣренъ даже поговорить на судѣ. Толкаченко, арестованный гдѣ-то въ уѣздѣ, дней десять спустя послѣ своего бѣгства, ведетъ себя несравненно учтивѣе, не лжетъ, не виляетъ, говоритъ все что̀ знаетъ, себя не оправдываетъ, винится со всею скромностію, но тоже наклоненъ покраснобайничать; много и съ охотою говоритъ, а когда дѣло дойдетъ до знанія народа и революціонныхъ (?) его элементовъ, то даже позируетъ и жаждетъ эффекта. Онъ тоже, слышно, намѣренъ поговорить на судѣ. Вообще онъ и Липутинъ не очень испуганы, и это даже странно.

Повторяю, дѣло это еще не кончено. Теперь, три мѣсяца спустя, общество наше отдохнуло, оправилось, отгулялось, имѣетъ собственное мнѣніе и до того, что даже самого Петра Степановича иные считаютъ чуть не за генія, по крайней мѣрѣ, «съ геніальными способностями». «Организація-съ!» говорятъ въ клубѣ, подымая палецъ кверху. Впрочемъ, все это очень невинно, да и немногіе говорятъ-то. Другіе, напротивъ, не отрицаютъ въ немъ остроты способностей, но при совершенномъ незнаніи дѣйствительности, при страшной отвлеченности, при уродливомъ и тупомъ развитіи въ одну сторону, съ чрезвычайнымъ происходящимъ отъ того легкомыслiемъ. Относительно нравственныхъ его сторонъ всѣ соглашаются; тутъ ужь никто не споритъ.

Право не знаю, о комъ-бы еще упомянуть, чтобы не забыть кого. Маврикій Николаевичъ куда-то совсѣмъ уѣхалъ. Старуха Дроздова впала въ дѣтство... Впрочемъ, остается разсказать еще одну очень мрачную исторію. Ограничусь лишь фактами.

Варвара Петровна по пріѣздѣ остановилась въ городскомъ своемъ домѣ. Разомъ хлынули на нее всѣ накопившіяся извѣстія и потрясли ее ужасно. Она затворилась у себя одна. Былъ вечеръ; всѣ устали и рано легли спать.

По утру горничная передала Дарьѣ Павловнѣ, съ таинственнымъ видомъ, письмо. Это письмо, по ея словамъ, пришло еще вчера, но поздно, когда всѣ уже почивали, такъ что она не посмѣла разбудить. Пришло не по почтѣ, а въ Скворешники черезъ неизвѣстнаго человѣка къ Алексѣю Егорычу. А Алексѣй Егорычъ тотчасъ самъ и доставилъ, вчера вечеромъ, ей въ руки, и тотчасъ-же опять уѣхалъ въ Скворешники.

Дарья Павловна съ біеніемъ сердца долго смотрѣла на письмо и не смѣла распечатать. Она знала отъ кого: писалъ Николай Ставрогинъ. Она прочла надпись на конвертѣ: «Алексѣю Егорычу съ передачею Дарьѣ Павловнѣ, секретно».

Вотъ это письмо, слово въ слово, безъ исправленія малѣйшей ошибки въ слогѣ русскаго барича, не совсѣмъ доучившагося русской грамотѣ, не смотря на всю европейскую свою образованность:

«Милая Дарья Павловна,

«Вы когда-то захотѣли ко мнѣ «въ сидѣлки» и взяли обѣщаніе прислать за вами когда будетъ надо. Я ѣду черезъ два дня и не ворочусь. Хотите со мной?

«Прошлаго года, я, какъ Герценъ, записался въ граждане кантона Ури, и этого никто не знаетъ. Тамъ я уже купилъ

маленькій домъ. У меня еще есть двѣнадцать тысячъ рублей; мы поѣдемъ и будемъ тамъ жить вѣчно. Я не хочу никогда никуда выѣзжать.

«Мѣсто очень скучно, ущелье; горы тѣснятъ зрѣніе и мысль. Очень мрачное. Я потому что продавался маленькій домъ. Если вамъ не понравится, я продамъ и куплю другой въ другомъ мѣстѣ.

«Я нездоровъ, но отъ галюсинацій надѣюсь избавиться съ тамошнимъ воздухомъ. Это физически; а нравственно вы все знаете; только все-ли?

«Я вамъ разсказалъ многое изъ моей жизни. Но не все. Даже вамъ не все! Кстати, подтверждаю, что совѣстью я виноватъ въ смерти жены. Я съ вами не видѣлся послѣ того, а потому подтверждаю. Виноватъ и предъ Лизаветой Николаевной; но тутъ вы знаете; тутъ вы все почти предсказали.

«Лучше не пріѣзжайте. То, что я зову васъ къ себѣ есть ужасная низость. Да и зачѣмъ вамъ хоронить со мной вашу жизнь? Мнѣ вы милы, и мнѣ, въ тоскѣ, было хорошо подлѣ васъ: при васъ при одной я могъ вслухъ говорить о себѣ. Изъ этого ничего не слѣдуетъ. Вы опредѣлили сами «въ сидѣлки» — это ваше выраженіе; къ чему столько жертвовать? Вникните тоже, что я васъ не жалѣю, коли зову, и не уважаю, коли жду. А между тѣмъ и зову и жду. Во всякомъ случаѣ въ вашемъ отвѣтѣ нуждаюсь, потому что надо ѣхать очень скоро. Въ такомъ случаѣ уѣду одинъ.

«Я ничего отъ Ури не надѣюсь; я просто ѣду. Я не выбиралъ нарочно угрюмаго мѣста. Въ Россіи я ничѣмъ не связанъ,—въ ней мнѣ все такъ-же чужое какъ и вездѣ. Правда, я въ ней болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ не любилъ жить; но даже и въ ней ничего не могъ возненавидѣть!

«Я пробовалъ вездѣ мою силу. Вы мнѣ совѣтовали это, «чтобъ узнать себя». На пробахъ для себя и для показу, какъ и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась безпредѣльною. На вашихъ глазахъ я снесъ пощечину отъ вашего брата; я признался въ бракѣ публично. Но къ чему приложить эту силу — вотъ чего никогда не видѣлъ, не вижу и теперь, не смотря на ваши одобренія въ Швейцаріи, которымъ повѣрилъ. Я все такъ-же какъ и всегда прежде могу пожелать сдѣлать доброе дѣло и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злаго и тоже чувствую удовольствіе. Но и то и другое чувство, попрежнему, всегда слишкомъ мелко, а очень никогда не бываетъ. Мои желанія слишкомъ не сильны; руководить не могутъ. На бревнѣ можно переплыть рѣку, а на щепкѣ нѣтъ. Это чтобы не подумали вы, что я ѣду въ Ури съ какими нибудь надеждами.

«Я по прежнему никого не виню. Я пробовалъ большой развратъ и истощилъ въ немъ силы: но я не люблю и не хотѣлъ разврата. Вы за мной въ послѣднее время слѣдили. Знаете-ли, что я смотрѣлъ даже на отрицающихъ нашихъ со злобой, отъ зависти къ ихъ надеждамъ? Но вы напрасно боялись: я не могъ быть тутъ товарищемъ, ибо не раздѣлялъ ничего. А для смѣху, со злобы, тоже не могъ, и не потому чтобы боялся смѣшнаго, — я смѣшнаго не могу испугаться,— а потому что всетаки имѣю привычки порядочнаго человѣка и мнѣ мерзило. Но если-бъ имѣлъ къ нимъ злобы и зависти больше, то, можетъ, и пошелъ-бы съ ними. Судите, до какой степени мнѣ было легко и сколько я метался!

«Другъ милый, созданіе нѣжное и великодушное, которое я угадалъ! Можетъ быть, вы мечтаете дать мнѣ столько любви и излить на меня столько прекраснаго изъ прекрасной души вашей, что надѣетесь тѣмъ самымъ поставить предо мной, наконецъ, и цѣль? Нѣтъ, лучше вамъ быть осторожнѣе: любовь моя будетъ такъ-же мелка, какъ и я самъ, а вы несчастны. Вашъ братъ говорилъ мнѣ, что тотъ, кто теряетъ связи съ своею землей, тотъ теряетъ и боговъ своихъ, то есть всѣ свои цѣли. Обо всемъ можно спорить безконечно, но изъ меня вылилось одно отрицаніе, безъ всякаго великодушія и безо всякой силы. Даже отрицанія не вылилось. Все всегда мелко и вяло. Великодушный Кириловъ не вынесъ идеи и—застрѣлился; но вѣдь я вижу, что онъ былъ великодушенъ потому, что не въ здравомъ разсудкѣ. Я никогда не могу потерять разсудокъ и никогда не могу повѣ-

рить идеѣ въ той степени, какъ онъ. Я даже заняться идеей въ той степени не могу. Никогда, никогда я не могу застрѣлиться!

«Я знаю, что мнѣ надо-бы убить себя, смести себя съ земли какъ подлое насѣкомое; но я боюсь самоубійства, ибо боюсь показать великодушіе. Я знаю, что будетъ еще обманъ,— послѣдній обманъ въ безконечномъ ряду обмановъ. Что-же пользы себя обмануть, чтобы только съиграть въ великодушіе? Негодованія и стыда во мнѣ никогда быть не можетъ; стало быть, и отчаянія.

«Простите, что такъ много пишу. Я опомнился и это нечаянно. Этакъ ста страницъ мало и десяти строкъ довольно. Довольно и десяти строкъ призыва «въ сидѣлки».

«Я, съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ, живу на шестой станціи у смотрителя. Съ нимъ я сошелся во время кутежа, пять лѣтъ назадъ въ Петербургѣ. Что тамъ я живу никто не знаетъ. Напишите на его имя. Прилагаю адресъ.

«Николай Ставрогинъ».

Дарья Павловна тотчасъ-же пошла и показала письмо Варварѣ Петровнѣ. Та прочитала и попросила Дашу выйдти, чтобъ еще одной прочитать; но что-то очень скоро опять позвала ее.

— Поѣдешь? спросила она почти робко.

— Поѣду, отвѣтила Даша.

— Собирайся! Ѣдемъ вмѣстѣ!

Даша посмотрѣла вопросительно.

— А что мнѣ теперь здѣсь дѣлать? Не все-ли равно? Я тоже въ Ури запишусь и проживу въ ущельи... Не безпокойся, не помѣшаю.

Начали быстро собираться, чтобы поспѣть къ полуденному поѣзду. Но не прошло получаса, какъ явился изъ Скворешниковъ Алексѣй Егорычъ. Онъ доложилъ, что Николай Всеволодовичъ «вдругъ» пріѣхали по утру, съ раннимъ поѣздомъ, и находятся въ Скворешникахъ, но «въ такомъ видѣ, что на вопросы не отвѣчаютъ, прошли по всѣмъ комнатамъ и заперлись на своей половинѣ»...

— Я помимо ихъ приказанія заключилъ пріѣхать и доложить,—прибавилъ Алексѣй Егорычъ съ очень внимательнымъ видомъ.

Варвара Петровна пронзительно поглядѣла на него и не стала разспрашивать. Мигомъ подали карету. Поѣхала съ Дашей. Пока ѣхали, часто, говорятъ, крестилась.

На «своей половинѣ» всѣ двери были отперты, и нигдѣ Николая Всеволодовича не оказалось.

— Ужь не въ мезонинѣ-ли-съ? осторожно произнесъ Ѳомушка.

Замѣчательно, что слѣдомъ за Варварой Петровной на «свою половину» вошло нѣсколько слугъ; а остальные слуги всѣ ждали въ залѣ. Никогда-бы они не посмѣли прежде позволить себѣ такого нарушенія этикета. Варвара Петровна видѣла и молчала.

Взобрались и въ мезонинъ. Тамъ было три комнаты: но ни въ одной никого не нашли.

— Да ужь не туда-ли пошли-съ? указалъ кто-то на дверь въ свѣтелку. Въ самомъ дѣлѣ, всегда затворенная дверца въ свѣтелку была теперь отперта и стояла настежь. Подыматься приходилось чуть не подъ крышу по деревянной, длинной, очень узенькой и ужасно крутой лѣстницѣ. Тамъ была тоже какая-то комнатка.

— Я не пойду туда. Съ какой стати онъ полѣзетъ туда?—ужасно поблѣднѣла Варвара Петровна, озираясь на слугъ. Тѣ смотрѣли на нее и молчали. Даша дрожала.

Варвара Петровна бросилась по лѣсенкѣ; Даша за нею; но едва вошла въ свѣтелку, закричала и упала безъ чувствъ.

Гражданинъ кантона Ури висѣлъ тутъ-же за дверцей. На столикѣ лежалъ клочокъ бумаги со словами карандашомъ: «Никого не винить, я самъ». Тутъ-же на столикѣ лежалъ и молотокъ, кусокъ мыла и большой гвоздь, очевидно припасенный про запасъ. Крѣпкій шелковый снурокъ, очевидно заранѣе припасенный и выбранный, на которомъ повѣсился Николай Всеволодовичъ, былъ жирно намыленъ. Все означало преднамѣренность и сознаніе до послѣдней минуты.

Наши медики, по вскрытіи трупа, совершенно и настойчиво отвергли помѣшательство.

ПОДРОСТОКЪ

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ «Отечественныя Записки» 1875 г.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Не утерпѣвъ, я сѣлъ записывать эту исторію моихъ первыхъ шаговъ на жизненномъ поприщѣ, тогда какъ могъ-бы обойдтись и безъ того... Одно знаю навѣрно: никогда уже болѣе не сяду писать мою автобіографію, даже если проживу до ста лѣтъ. Надо быть слишкомъ подло влюбленнымъ въ себя, чтобы писать безъ стыда о самомъ себѣ. Тѣмъ только себя извиняю, что не для того пишу, для чего всѣ пишутъ, то есть не для похвалъ читателя. Если я вдругъ вздумалъ записать слово въ слово все, что̀ случилось со мной съ прошлаго года, то вздумалъ это вслѣдствіе внутренней потребности: до того я пораженъ всѣмъ совершившимся. Я записываю лишь событія, уклоняясь всѣми силами отъ всего посторонняго, а, главное, отъ литературныхъ красотъ; литераторъ пишетъ тридцать лѣтъ и въ концѣ совсѣмъ не знаетъ, для чего онъ писалъ столько лѣтъ. Я — не литераторъ, литераторомъ быть не хочу, и тащить внутренность души моей и красивое описаніе чувствъ на ихъ литературный рынокъ почелъ-бы неприличіемъ и подлостью. Съ досадой, однако, предчувствую, что, кажется, нельзя обойдтись совершенно безъ описанія чувствъ и безъ размышленій (можетъ быть, даже пошлыхъ): до того развратительно дѣйствуетъ на человѣка всякое литературное занятіе, хотябы и предпринимаемое единственно для себя. Размышленія-же могутъ быть даже очень пошлы, потому что то, что̀ самъ цѣнишь, очень возможно, не имѣетъ никакой цѣны на посторонній взглядъ. Но все это въ сторону. Однако, вотъ и предисловіе; болѣе въ этомъ родѣ ничего не будетъ. Къ дѣлу, хотя ничего нѣтъ мудренѣе, какъ приступить къ какому нибудь дѣлу,— можетъ быть, даже и ко всякому дѣлу.

II.

Я начинаю, то есть я хотѣлъ-бы начать мои записки съ девятнадцатаго сентября прошлаго года, то есть ровно съ того дня, когда я въ первый разъ встрѣтилъ...

Но объяснять, кого я встрѣтилъ, такъ, заранѣе, когда никто ничего не знаетъ, будетъ пошло; даже, я думаю, и тонъ этотъ пошлъ: давъ себѣ слово уклоняться отъ литературныхъ красотъ, я съ первой строки впадаю въ эти красоты. Кромѣ того, чтобы писать толково, кажется, мало одного желанія. Замѣчу тоже, что, кажется, ни на одномъ европейскомъ языкѣ не пишется такъ трудно, какъ на русскомъ. Я перечелъ теперь то, что̀ сейчасъ написалъ, и вижу, что я гораздо умнѣе написаннаго. Какъ это такъ выходитъ, что у человѣка умнаго, высказанное имъ гораздо глупѣе того, что̀

въ немъ остается? Я это не разъ замѣчалъ за собой и въ моихъ словесныхъ отношеніяхъ съ людьми за весь этотъ послѣдній роковой годъ и много мучился этимъ.

Я хоть и начну съ девятнадцатаго сентября, а всетаки вставлю слова два о томъ, кто я, гдѣ былъ до того, а, стало быть, и что̀ могло быть у меня въ головѣ хоть отчасти въ то утро девятнадцатаго сентября, чтобъ было понятнѣе читателю, а, можетъ быть, и мнѣ самому.

III.

Я — кончившій курсъ гимназистъ, а теперь мнѣ уже двадцать первый годъ. Фамилія моя Долгорукій, а юридическій отецъ мой — Макаръ Ивановъ Долгорукій, бывшій дворовый господъ Версиловыхъ. Такимъ образомъ я — законнорожденный, хотя я, въ высшей степени, незаконный сынъ, и происхожденіе мое не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Дѣло произошло такимъ образомъ: двадцать два года назадъ, помѣщикъ Версиловъ (это-то и есть мой отецъ), двадцати пяти лѣтъ, посѣтилъ свое имѣніе въ Тульской губерніи. Я предполагаю, что въ это время онъ былъ еще чѣмъ-то весьма безличнымъ. Любопытно, что этотъ человѣкъ, столь поразившій меня съ самаго дѣтства, имѣвшій такое капитальное вліяніе на складъ всей души моей и даже, можетъ быть, еще надолго заразившій собою все мое будущее, этотъ человѣкъ даже и теперь въ чрезвычайно многомъ остается для меня совершенно загадкой. Но собственно объ этомъ послѣ. Этого такъ не разскажешь. Этимъ человѣкомъ и безъ того будетъ наполнена вся тетрадь моя.

Онъ какъ разъ къ тому времени овдовѣлъ, то есть къ двадцати пяти годамъ своей жизни. Женатъ-же былъ на одной изъ высшаго свѣта, но не такъ богатой, Фанаріотовой, и имѣлъ отъ нея сына и дочь. Свѣдѣнія объ этой, столь рано его оставившей супругѣ, довольно у меня неполны и теряются въ моихъ матеріалахъ; да и много изъ частныхъ обстоятельствъ жизни Версилова отъ меня ускользнуло, до того онъ былъ всегда со мною гордъ, высокомѣренъ, замкнутъ и небреженъ, не смотря, минутами, на поражающее какъ-бы смиреніе его передо мною. Упоминаю, однако-же, для обозначенія впредь, что онъ прожилъ въ свою жизнь три состоянія, и весьма даже крупныя, всего тысячъ на четыреста слишкомъ и, пожалуй, болѣе. Теперь у него, разумѣется, ни копѣйки.

Пріѣхалъ онъ тогда въ деревню, «Богъ знаетъ зачѣмъ», по крайней мѣрѣ, самъ мнѣ такъ впослѣдствіи выразился. Маленькія дѣти его были не при немъ, по обыкновенію, а у родственниковъ; такъ онъ всю жизнь поступалъ съ своими дѣтьми, съ законными и незаконными. Дворовыхъ въ этомъ имѣніи было значительно много; между ними былъ и садовникъ Макаръ Ивановъ Долгорукій. Вставлю здѣсь, чтобы разъ навсегда отвязаться: рѣдко кто могъ столько вызлиться на свою фамилію, какъ я, въ продолженіи всей моей жизни. Это было, конечно, глупо, но это было. Каждый-то разъ, какъ я вступалъ куда либо въ школу, или встрѣчался съ лицами, которымъ, по возрасту моему, былъ обязанъ отчетомъ, однимъ словомъ, каждый-то учителишка, гувернеръ, инспекторъ, попъ — всѣ, кто угодно, спрося мою фамилію и услыхавъ, что я Долгорукій, непремѣнно находили для чего-то нужнымъ прибавить:

— Князь Долгорукій?

И каждый-то разъ я обязанъ былъ всѣмъ этимъ праздным людямъ объяснять:

— Нѣтъ, *просто* Долгорукій.

Это *просто* стало сводить меня, наконецъ, съ ума. Замѣчу при семъ, въ видѣ феномена, что я не помню ни одного исключенія: всѣ спрашивали. Инымъ, повидимому, это совершенно было не нужно; да и не знаю, къ какому-бы чорту это могло быть хоть кому нибудь нужно? Но всѣ спрашивали, всѣ до единаго. Услыхавъ, что я *просто* Долгорукій, спрашивавшій обыкновенно обмѣривалъ меня тупымъ и глуповатодушнымъ взглядомъ, свидѣтельствовавшимъ, что онъ самъ не знаетъ, зачѣмъ спросилъ, и отходилъ прочь. Товарищи школьники спрашивали всѣхъ оскорбительнѣе. Школьникъ какъ спрашиваетъ

новичка? Затерявшійся и конфузящійся новичокъ, въ первый день поступленія въ школу (въ какую-бы то ни было), есть общая жертва: ему приказываютъ, его дразнятъ, съ нимъ обращаются какъ съ лакеемъ. Здоровый и жирный мальчишка вдругъ останавливается передъ своей жертвой въ упоръ и долгимъ, строгимъ и надменнымъ взглядомъ наблюдаетъ ее нѣсколько мгновеній. Новичокъ стоитъ поредъ нимъ молча, косится, если не трусъ, и ждетъ, что-то будетъ.

— Какъ твоя фамилія?

— Долгорукій?

— Князь Долгорукій?

— Нѣтъ, просто Долгорукій.

— А, просто! Дуракъ.

И онъ правъ: ничего нѣтъ глупѣе, какъ называться Долгорукимъ, не будучи княземъ. Эту глупость я таскаю на себѣ безъ вины. Впослѣдствіи, когда я сталъ уже очень сердиться, то на вопросъ:

— Ты князь?

Всегда отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я—сынъ дворового человѣка, бывшаго крѣпостнаго.

Потомъ, когда ужь я въ послѣдней степени озлился, то на вопросъ: вы князь? твердо разъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, просто Долгорукій, незаконный сынъ моего бывшаго барина, господина Версилова.

Я выдумалъ это уже въ шестомъ классѣ гимназіи, и хоть въ скорости несомнѣнно убѣдился, что глупъ, но всетаки не сейчасъ пересталъ глупить. Помню, что одинъ изъ учителей — впрочемъ, онъ одинъ и былъ, — нашелъ, что я «полонъ мстительной и гражданской идеи». Вообще-же, приняли эту выходку съ какою-то обидною для меня задумчивостью. Наконецъ, одинъ изъ товарищей, очень ѣдкій малый и съ которымъ я всего только въ годъ разъ разговаривалъ, съ серіознымъ видомъ, но нѣсколько смотря въ сторону, сказалъ мнѣ:

— Такія чувства вамъ, конечно, дѣлаютъ честь, и, безъ сомнѣнія, вамъ есть чѣмъ гордиться; но я-бы на вашемъ мѣстѣ всетаки не очень праздновалъ, что незаконнорожденный... а вы точно имянинникъ!

Съ тѣхъ поръ я пересталъ *хвалиться*, что незаконнорожденный.

Повторю, очень трудно писать по русски: я вотъ исписалъ цѣлыхъ три страницы о томъ, какъ я злился всю жизнь за фамилію, а между тѣмъ читатель навѣрно ужь вывелъ, что злюсь-то я именно за то, что я не князь, а просто Долгорукій. Объясняться еще разъ и оправдываться былобы для меня унизительно.

IV.

Итакъ, въ числѣ этой дворни, которой было множество и кромѣ Макара Иванова, была одна дѣвица и была уже лѣтъ восемнадцати, когда пятидесятилѣтній Макаръ Долгорукій вдругъ обнаружилъ намѣреніе на ней жениться. Браки дворовыхъ, какъ извѣстно, происходили во времена крѣпостнаго права съ дозволенія господъ, а иногда и прямо по распоряженію ихъ. При имѣніи находилась тогда тетушка; то есть она мнѣ не тетушка, а сама помѣщица; но не знаю почему, всѣ всю жизнь ее знали тетушкой, не только моей, но и вообще, равно какъ и въ семействѣ Версилова, которому она чуть-ли и въ самомъ дѣлѣ не съ родни. Это—Татьяна Павловна Пруткова. Тогда у ней еще было, въ той-же губерніи и въ томъ-же уѣздѣ, тридцать пять своихъ душъ. Она не то что управляла, но по сосѣдству надзирала надъ имѣніемъ Версилова (въ 500 душъ), и этотъ надзоръ, какъ я слышалъ, стоилъ надзора какого нибудь управляющаго изъ ученыхъ. Впрочемъ, до знаній ея мнѣ рѣшительно нѣтъ дѣла: я только хочу прибавить, откинувъ всякую мысль, лести и заискиванія, что эта Татьяна Павловна—существо благородное и даже оригинальное.

Вотъ она-то не только не отклонила супружескія наклонности мрачнаго Макара Долгорукаго (говорили, что онъ былъ тогда мраченъ), но, напротивъ, для чего-то въ высшей степени ихъ поощрила. Софья Андреева (эта восемнадцатилѣтняя дворовая, то есть, мать моя) была круглою сиротою уже нѣсколько лѣтъ; покойный-же отецъ ея, чрезвычайно уважавшій Макара

Долгорукаго и ему чѣмъ-то обязанный, тоже дворовый, шесть лѣтъ передъ тѣмъ, помирая, на одрѣ смерти, говорятъ, даже за четверть часа до послѣдняго издыханія, такъ что за нужду можно-бы было принять и за бредъ, если-бы онъ и безъ того не былъ неправоспособенъ, какъ крѣпостной, подозвавъ Макара Долгорукаго, при всей дворнѣ и при присутствовавшемъ священникѣ, завѣщалъ ему вслухъ и настоятельно, указывая на дочь: «Взрости и возьми за себя». Это всѣ слышали. Что-же до Макара Иванова, то не знаю, въ какомъ смыслѣ онъ потомъ женился, то есть съ большимъ-ли удовольствіемъ или только исполняя обязанность. Вѣроятнѣе, что имѣлъ видъ полнаго равнодушія. Это былъ человѣкъ, который и тогда уже умѣлъ «показать себя». Онъ не то чтобы былъ начетчикъ или грамотѣй (хотя зналъ церковную службу всю и особенно житія нѣкоторыхъ святыхъ, но болѣе по наслышкѣ), не то чтобы былъ въ родѣ, такъ сказать, дворoваго резонера, онъ просто былъ характера упрямаго, подчасъ даже рискованнаго; говорилъ съ амбиціей, судилъ безповоротно и, въ заключеніе, «жилъ почтительно»,— по собственному удивительному его выраженію,—вотъ онъ каковъ былъ тогда. Конечно, уваженіе онъ пріобрѣлъ всеобщее, но, говорятъ, былъ всѣмъ несносенъ. Другое дѣло, когда вышелъ изъ дворни, тутъ ужь его не иначе поминали, какъ какого нибудь святаго и много потерпѣвшаго. Объ этомъ я знаю навѣрно.

Что-же до характера моей матери, то до восемнадцати лѣтъ Татьяна Павловна продержала ее при себѣ, не смотря на настоянія прикащика отдать въ Москву въ ученье, и дала ей нѣкоторое воспитаніе, то есть научила шить, кроить, ходить съ дѣвичьими манерами и даже слегка читать. Писать моя мать никогда не умѣла сносно. Въ глазахъ ея этотъ бракъ съ Макаромъ Ивановымъ былъ давно уже дѣломъ рѣшеннымъ, и все, что тогда съ нею произошло, она нашла превосходнымъ и самымъ лучшимъ; подъ вѣнецъ пошла съ самымъ спокойнымъ видомъ, какой только можно имѣть въ такихъ случаяхъ, такъ что сама ужь Татьяна Павловна назвала ее тогда рыбой. Все это о тогдашнемъ характерѣ матери я слышалъ отъ самой-же Татьяны Павловны. Версиловъ пріѣхалъ въ деревню ровно полгода спустя послѣ этой свадьбы.

V.

Я хочу только сказать, что никогда не могъ узнать и удовлетворительно догадаться, съ чего именно началось у него съ моей матерью? Я вполнѣ готовъ вѣрить, какъ увѣрялъ онъ меня прошлаго года самъ, съ краской въ лицѣ, не смотря на то, что разсказывалъ про все это съ самымъ непринужденнымъ и «остроумнымъ» видомъ, что романа никакого не было вовсе, и что все вышло *такъ*. Вѣрю, что такъ, и русское словцо это: *такъ*—прелестно; но всетаки мнѣ всегда хотѣлось узнать, съ чего именно у нихъ могло произойдти? Самъ я ненавидѣлъ и ненавижу всѣ эти мерзости всю мою жизнь. Конечно, тутъ вовсе не одно только безстыжее любопытство съ моей стороны. Замѣчу, что мою мать я, вплоть до прошлаго года, почти не зналъ вовсе; съ дѣтства меня отдали въ люди, для комфорта Версилова, объ чемъ, впрочемъ, послѣ, а потому я никакъ не могу представить себѣ, какое у нея могло быть въ то время лицо. Если она вовсе не была такъ хороша собой, то чѣмъ могъ въ ней прельститься такой человѣкъ, какъ тогдашній Версиловъ? Вопросъ этотъ важенъ для меня тѣмъ, что въ немъ чрезвычайно любопытною стороною рисуется этотъ человѣкъ. Вотъ для чего я спрашиваю, а не изъ разврата. Онъ самъ, этотъ мрачный и закрытый человѣкъ, съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое онъ чортъ знаетъ откуда бралъ (точно изъ кармана), когда видѣлъ, что это необходимо, — онъ самъ говорилъ мнѣ, что тогда онъ былъ весьма «глупымъ молодымъ щенкомъ» и не то что сентиментальнымъ, а *такъ*, только что прочелъ *Антона Горемыку* и *Полиньку Сакс*ъ, двѣ литературныя вещи, имѣвшія необъятное цивилизующее вліяніе на тогдашнее подростающее поколѣніе наше. Онъ прибавлялъ, что изъ-за *Антона Горемыки*, можетъ, и въ деревню тогда пріѣхалъ, — и прибавлялъ

чрезвычайно серіозно. Въ какой-же формѣ могъ начать этотъ «глупый щенокъ» съ моей матерью? Я сейчасъ вообразилъ, что если-бъ у меня былъ хоть одинъ читатель, то навѣрно-бы расхохотался надо мной, какъ надъ смѣшнѣйшимъ подросткомъ, который, сохранивъ свою глупую невинность, суется разсуждать и рѣшать въ чемъ не смыслитъ. Да, дѣйствительно, я еще не смыслю, хотя сознаюсь въ этомъ вовсе не изъ гордости, потому что знаю, до какой степени глупа въ двадцатилѣтнемъ верзилѣ такая неопытность; только я скажу этому господу, что онъ самъ не смыслитъ и докажу ему это. Правда, въ женщинахъ я ничего не знаю, да и знать не хочу, потому что всю жизнь буду плевать и далъ слово. Но я знаю, однако-же, навѣрно, что иная женщина обольщаетъ красотой своей, или тамъ чѣмъ знаетъ, въ тотъ-же мигъ; другую-же надо полгода разжевывать прежде, чѣмъ понять, что̀ въ ней есть; и чтобы разсмотрѣть такую и влюбиться, то мало смотрѣть и мало быть просто готовымъ на что угодно, а надо быть, сверхъ того, чѣмъ-то еще одареннымъ. Въ этомъ я убѣжденъ, не смотря на то, что ничего не знаю, и если-бы было противное, то надо-бы было разомъ низвести всѣхъ женщинъ на степень простыхъ домашнихъ животныхъ и въ такомъ только видѣ держать ихъ при себѣ; можетъ быть, этого очень многимъ хотѣлось-бы.

Я знаю изъ нѣсколькихъ рукъ положительно, что мать моя красавицей не была, хотя тогдашняго портрета ея, который гдѣ-то есть, я не видалъ. Съ перваго взгляда въ нее влюбиться, стало быть, нельзя было. Для простаго «развлеченія», Версиловъ могъ выбрать другую, а такая тамъ была, да еще незамужняя, Анфиса Константиновна Сапожкова, сѣнная дѣвушка. А человѣку, который пріѣхалъ съ *Антономъ Горемыкой*, разрушать, на основаніи помѣщичьяго права, святость брака хотя и своего двороваго, было-бы очень зазорно передъ самимъ собою, потому что, повторяю, про этого *Антона Горемыку*, онъ еще не далѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, то есть двадцать лѣтъ спустя, говорилъ чрезвычайно серіозно. Такъ вѣдь у Антона только лошадь увели, а тутъ жену! Произошло, значитъ, что-то особенное, отчего и проиграла m-lle Сапожкова (по моему, выиграла). Я приставалъ къ нему разъ — другой прошлаго года, когда можно было съ нимъ разговаривать (потому что не всегда можно было съ нимъ разговаривать), со всѣми этими вопросами и замѣтилъ, что онъ, не смотря на всю свою свѣтскость и двадцатилѣтнее разстояніе, какъ-то чрезвычайно кривился. Но я настоялъ. По крайней мѣрѣ, съ тѣмъ видомъ свѣтской брезгливости, которую онъ неоднократно себѣ позволялъ со мною, онъ, я помню, однажды промямлилъ какъ-то странно: что мать моя была одна такая особа изъ *незащищенныхъ*, которую не то что полюбишь, — напротивъ, вовсе нѣтъ, — а какъ-то вдругъ почему-то *пожалѣешь*, за кротость, что̀-ли, впрочемъ, за что̀? Это всегда никому не извѣстно, но пожалѣешь на долго; пожалѣешь и привяжешься... «Однимъ словомъ, мой милый, иногда бываетъ такъ, что и не отвяжешься». Вотъ что̀ онъ сказалъ мнѣ; и если это дѣйствительно было такъ, то я принужденъ почесть его вовсе не такимъ тогдашнимъ глупымъ щенкомъ, какимъ онъ самъ себя для того времени аттестуетъ. Это-то мнѣ и надо было.

Впрочемъ, онъ тогда-же сталъ увѣрять, что мать моя полюбила его по «приниженности»: еще-бы выдумалъ, что по крѣпостному праву! Совралъ для шику, совралъ противъ совѣсти, противъ чести и благородства!

Все это, конечно, я наговорилъ въ какую-то какъ-бы похвалу моей матери, а между тѣмъ уже заявилъ, что о ней, тогдашней, не зналъ вовсе. Мало того, я именно знаю всю непроходимость той среды и тѣхъ жалкихъ понятій, въ которыхъ она зачерствѣла съ дѣтства и въ которыхъ осталась потомъ на всю жизнь. Тѣмъ не менѣе бѣда совершилась. Кстати, надо поправиться: улетѣвъ въ облака, я забылъ объ фактѣ, который, напротивъ, надо-бы выставить прежде всего, а именно: началось у нихъ прямо *съ бѣды*. (Я надѣюсь, что читатель не до такой степени будетъ ломаться, чтобъ не понять сразу, объ чемъ я хо-

чу сказать). Однимъ словомъ, началось у нихъ именно по помѣщичьи, не смотря на то, что была обойдена m-lle Сапожкова. Но тутъ уже я вступлюсь и заранѣе объявляю, что вовсе себѣ не противорѣчу. Ибо объ чемъ, о, Господи, объ чемъ могъ говорить въ то время такой человѣкъ, какъ Версиловъ, съ такою особой, какъ моя мать, даже и въ случаѣ самой неотразимой любви? Я слышалъ отъ развратныхъ людей, что весьма часто мужчина съ женщиной, сходясь, начинаетъ совершенно молча, что, конечно, верхъ чудовищности и тошноты; тѣмъ не менѣе, Версиловъ, если-бъ и хотѣлъ, то не могъ-бы, кажется, иначе начать съ моею матерью. Неужели-же начать было объяснять ей *Полиньку Сакс*? Да и сверхъ того, имъ было вовсе не до русской литературы; напротивъ, по его-же словамъ (онъ какъ-то разъ расходился), они прятались по угламъ, поджидали другъ друга на лѣстницахъ, отскакивали какъ мячики съ красными лицами, если кто проходилъ, и «тиранъ-помѣщикъ» трепеталъ послѣдней поломойки, не смотря на все свое крѣпостное право. Но хоть и по помѣщичьи началось, а вышло такъ, да не такъ, и, въ сущности, всетаки ничего объяснить нельзя. Даже мраку больше. Ужь одни размѣры, въ которые развилась ихъ любовь, составляютъ загадку, потому что первое условіе такихъ, какъ Версиловъ—это тотчасъ-же бросить, если достигнута цѣль. Не то, однако-же, вышло. Согрѣшить съ миловидной дворовой вертушкой (а моя мать не была вертушкой) развратному «молодому щенку» (и они были всѣ развратны, всѣ до единаго — и прогрессисты, и ретрограды)—не только возможно, но и неминуемо, особенно взявъ романическое его положеніе молодаго вдовца и его бездѣльничанье. Но полюбить на всю жизнь—это слишкомъ. Не ручаюсь, что онъ любилъ ее, но что онъ таскалъ ее за собою всю жизнь — это вѣрно.

Вопросовъ я наставилъ много, но есть одинъ самый важный, который, замѣчу, я не осмѣлился прямо задать моей матери, не смотря на то, что такъ близко сошелся съ нею прошлаго года и, сверхъ того, какъ грубый и неблагодарный щенокъ, считающій, что *передъ нимъ виноваты*, не церемонился съ нею вовсе. Вопросъ слѣдующій: какъ она-то могла, она сама, уже бывшая полгода въ бракѣ, да еще придавленная всѣми понятіями о законности брака, придавленная, какъ безсильная муха, она, уважавшая своего Макара Ивановича не меньше чѣмъ какого-то бога, какъ она-то могла, въ какія нибудь двѣ недѣли, дойдти до такого грѣха? Вѣдь не развратная-же женщина была моя мать? Напротивъ, скажу теперь впередъ, что быть болѣе чистой душой, и такъ потомъ во всю жизнь, даже трудно себѣ и представить. Объяснить развѣ можно тѣмъ, что сдѣлала она не помня себя, то есть не въ томъ смыслѣ, какъ увѣряютъ теперь адвокаты про своихъ убійцъ и воровъ, а подъ тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое, при извѣстномъ простодушіи жертвы, овладѣваетъ фатально и трагически. Почемъ знать, можетъ быть, она полюбила до смерти... фасонъ его платья, парижскій проборъ волосъ, его французскій выговоръ, именно французскій, въ которомъ она не понимала ни звука, тотъ романсъ, который онъ спѣлъ за фортепьяно, полюбила нѣчто никогда невиданное и неслыханное (а онъ былъ очень красивъ собою), и ужь заодно полюбила, прямо до изнеможенія, всего его, съ фасонами и романсами. Я слышалъ, что съ дворовыми дѣвушками это иногда случалось во времена крѣпостнаго права, да еще съ самыми честными. Я это понимаю, и подлецъ тотъ, который объяснитъ это лишь однимъ только крѣпостнымъ правомъ и «приниженностью!» И такъ, могъ-же, стало быть, этотъ молодой человѣкъ имѣть въ себѣ столько самой прямой и обольстительной силы, чтобы привлечь такое чистое до тѣхъ поръ существо, и главное такое совершенно разнородное съ собою существо, совершенно изъ другаго міра и изъ другой земли, и на такую явную гибель? Что на гибель — это-то и мать моя, надѣюсь, понимала всю жизнь; только развѣ когда шла, то не думала о гибели вовсе; но такъ всегда у этихъ «беззащитныхъ:» и знаютъ, что гибель, а лѣзутъ.

Согрѣшивъ, они тотчасъ покаялись. Онъ съ остроуміемъ разсказывалъ мнѣ, что ры-

далъ на плечѣ Макара Ивановича, котораго нарочно призвалъ для сего случая въ кабинетъ, а она — она въ то время лежала гдѣ-то въ забытьи, въ своей дворовой клѣтушкѣ...

VI.

Но довольно о вопросахъ и скандальныхъ подробностяхъ. Версиловъ, выкупивъ мою мать у Макара Иванова, въ скорости уѣхалъ и съ тѣхъ поръ, какъ я уже и прописалъ выше, сталъ ее таскать за собою почти повсюду, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отлучался подолгу; тогда оставлялъ большею частью на попеченіи тетушки, то есть Татьяны Павловны Прутковой, которая всегда откуда-то въ такихъ случаяхъ подвертывалась. Живали они и въ Москвѣ, живали по разнымъ другимъ деревнямъ и городамъ, даже за границей и, наконецъ, въ Петербургѣ. Обо всемъ этомъ послѣ, или не стоитъ. Скажу лишь, что годъ спустя послѣ Макара Ивановича явился на свѣтъ я, затѣмъ еще черезъ годъ моя сестра, а затѣмъ уже лѣтъ десять или одиннадцать спустя — болѣзненный мальчикъ, младшій братъ мой, умершій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Съ мучительными родами этого ребенка кончилась красота моей матери, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сказали: она быстро стала старѣть и хилѣть.

Но съ Макаромъ Ивановичемъ сношенія всетаки никогда не прекращались. Гдѣ-бы Версиловы ни были, жили-ли по нѣскольку лѣтъ на мѣстѣ или переѣзжали, Макаръ Ивановичъ непремѣнно увѣдомлялъ о себѣ «семейство». Образовались какія-то странныя отношенія, отчасти торжественныя и почти серіозныя. Въ господскомъ быту къ такимъ отношеніямъ непремѣнно примѣшалось-бы нѣчто комическое, я это знаю; но тутъ этого не вышло. Письма присылались въ годъ по два раза, не болѣе и не менѣе, и были чрезвычайно одно на другое похожія. Я ихъ видѣлъ; въ нихъ мало чего нибудь личнаго; напротивъ, по возможности одни только торжественныя извѣщенія о самыхъ общихъ событіяхъ и о самыхъ общихъ чувствахъ, если такъ можно выразиться о чувствахъ: извѣщенія прежде всего о своемъ здоровьѣ, потомъ спросы о здоровьѣ, затѣмъ пожеланія, торжественные поклоны и благословенія — и все. Именно въ этой общности и безличности и полагается, кажется, вся порядочность тона и все высшее знаніе обращенія въ этой средѣ. «Достолюбезной и почтенной супругѣ нашей Софьѣ Андреевнѣ посылаю нашъ нижайшій поклонъ»... «Любезнымъ дѣткамъ нашимъ посылаю родительское благословеніе наше на вѣки нерушимое». Дѣтки всѣ прописывались поимянно, по мѣрѣ ихъ накопленія, и я тутъ-же. При этомъ замѣчу, что Макаръ Ивановичъ былъ настолько остроуменъ, что никогда не прописывалъ «Его Высокородія достопочтеннѣйшаго господина Андрея Петровича» своимъ «благодѣтелемъ»; хотя и прописывалъ неуклонно въ каждомъ письмѣ свой всенижайшій поклонъ, испрашивая у него милости, а на самаго его благословеніе Божіе. Отвѣты Макару Ивановичу посылались моею матерью въ скорости и всегда писались въ такомъ-же точно родѣ. Версиловъ, разумѣется, въ перепискѣ не участвовалъ. Писалъ Макаръ Ивановичъ изъ разныхъ концовъ Россіи, изъ городовъ и монастырей, въ которыхъ подолгу иногда проживалъ. Онъ сталъ такъ называемымъ странникомъ. Никогда ни о чемъ не просилъ; зато разъ года въ три непремѣнно являлся домой на побывку и останавливался прямо у матери, которая, всегда такъ приходилось, имѣла свою квартиру, особую отъ квартиры Версилова. Объ этомъ мнѣ придется послѣ сказать, но здѣсь лишь замѣчу, что Макаръ Ивановичъ не разваливался въ гостиной на диванахъ, а скромно помѣщался гдѣ нибудь за перегородкой. Проживалъ недолго, дней пять, недѣлю.

Я забылъ сказать, что онъ ужасно любилъ и уважалъ свою фамилію «Долгорукій». Разумѣется, это — смѣшная глупость. Всего глупѣе то, что ему нравилась его фамилія именно потому, что есть князья Долгорукіе. Странное понятіе, совершенно вверхъ ногами!

Если я и сказалъ, что все семейство всегда было въ сборѣ, то, кромѣ меня, разумѣется. Я былъ какъ выброшенный и

чуть не съ самаго рожденія помѣщенъ въ чужихъ людяхъ. Но тутъ не было никакого особеннаго намѣренія, а просто какъ-то такъ почему-то вышло. Родивъ меня, мать была еще молода и хороша, а, стало быть, нужна ему, а крикунъ ребенокъ, разумѣется, былъ всему помѣхою, особенно въ путешествіяхъ. Вотъ почему и случилось, что до двадцатаго года я почти не видалъ моей матери, кромѣ двухъ, трехъ случаевъ мелькомъ. Произошло не отъ чувствъ матери, а отъ высокомѣрія къ людямъ Версилова.

VII.

Теперь, совсѣмъ о другомъ.

Мѣсяцъ назадъ, то есть за мѣсяцъ до девятнадцатаго сентября, я, въ Москвѣ, порѣшилъ отказаться отъ нихъ всѣхъ и уйдти въ свою идею уже окончательно. Я такъ и прописываю это слово: «уйдти въ свою идею», потому что это выраженіе можетъ обозначить почти всю мою главную мысль — то самое, для чего я живу на свѣтѣ. Что это за «своя идея», объ этомъ слишкомъ много будетъ потомъ. Въ уединеніи мечтательной и многолѣтней моей московской жизни она создалась у меня еще съ шестаго класса гимназіи, и съ тѣхъ поръ, можетъ быть, ни на мигъ не оставляла меня. Она поглотила всю мою жизнь. Я и до нея жилъ въ мечтахъ, жилъ съ самаго дѣтства въ мечтательномъ царствѣ извѣстнаго оттѣнка; но съ появленіемъ этой главной и все поглотившей во мнѣ идеи, мечты мои скрѣпились и разомъ отлились въ извѣстную форму; изъ глупыхъ сдѣлались разумными. Гимназія мечтамъ не мѣшала; не помѣшала и идеѣ. Прибавлю, однако, что я кончилъ гимназическій курсъ въ послѣднемъ году плохо, тогда какъ до седьмаго класса всегда былъ изъ первыхъ, а случилось это вслѣдствіе той-же идеи, вслѣдствіе вывода, можетъ быть, ложнаго, который я изъ нея вывелъ. Такимъ образомъ, не гимназія помѣшала идеѣ, а идея помѣшала гимназіи, помѣшала и университету. Кончивъ гимназію, я тотчасъ-же вознамѣрился не только порвать со всѣмъ радикально, но если надо, то со всѣмъ даже міромъ, не смотря на то, что мнѣ былъ тогда всего только двадцатый годъ. Я написалъ, кому слѣдуетъ, черезъ кого слѣдуетъ въ Петербургъ, чтобы меня окончательно оставили въ покоѣ, денегъ на содержаніе мнѣ больше не присылали и, если возможно, чтобъ забыли меня вовсе (то есть, разумѣется, въ случаѣ, если меня сколько нибудь помнили), и, наконецъ, — что въ университетъ я «ни за что» не поступлю. Дилемма стояла передо мной неотразимая: или университетъ и дальнѣйшее образованіе, или отдалить немедленное приложеніе «идеи» къ дѣлу еще на четыре года; я безтрепетно сталъ за идею, ибо былъ математически убѣжденъ. Версиловъ, отецъ мой, котораго я видѣлъ всего только разъ въ моей жизни, на мигъ, когда мнѣ было всего десять лѣтъ (и который въ одинъ этотъ мигъ успѣлъ поразить меня),—Версиловъ, въ отвѣтъ на мое письмо, не ему, впрочемъ, посланное, самъ вызвалъ меня въ Петербургъ собственноручнымъ письмомъ, обѣщая частное мѣсто. Этотъ вызовъ человѣка, сухаго и гордаго, ко мнѣ высокомѣрнаго и небрежнаго и который до сихъ поръ, родивъ меня и бросивъ въ люди, не только не зналъ меня вовсе, но даже въ этомъ никогда не раскаявался — (кто знаетъ, можетъ быть, о самомъ существованіи моемъ имѣлъ понятіе смутное и неточное, такъ какъ оказалось потомъ, что и деньги не онъ платилъ за содержаніе мое въ Москвѣ, а другіе), вызовъ этого человѣка, говорю я, такъ вдругъ обо мнѣ вспомнившаго и удостоившаго собственноручнымъ письмомъ, — этотъ вызовъ, прельстивъ меня, рѣшилъ мою участь. Странно, мнѣ между прочимъ понравилось въ его письмецѣ (одна маленькая страничка малаго формата), что онъ ни слова не упомянулъ объ университетѣ, не просилъ меня перемѣнить рѣшеніе, не укорялъ, что не хочу учиться, — словомъ, не выставлялъ никакихъ родительскихъ финтифлюшекъ въ этомъ родѣ, какъ это бываетъ по обыкновенію, а между тѣмъ это-то и было худо съ его стороны въ томъ смыслѣ, что еще пуще обозначало его ко мнѣ небрежность. Я рѣшился ѣхать еще и потому, что это вовсе не

мѣшало главной мечтѣ. «Посмотрю, что будетъ», разсуждалъ я: — «во всякомъ случаѣ, я связываюсь съ ними только на время, можетъ быть, на самое малое. Но чуть увижу, что этотъ шагъ, хотя-бы и условный и малый, всетаки отдалитъ меня отъ *главнаго*, то тотчасъ-же съ ними порву, брошу все и уйду въ свою скорлупу». Именно въ скорлупу! «Спрячусь въ нее какъ черепаха»; сравненіе это очень мнѣ нравилось. «Я буду не одинъ», продолжалъ я раскидывать, ходя какъ угорѣлый всѣ эти послѣдніе дни въ Москвѣ, — «никогда теперь уже не буду одинъ, какъ въ столько ужасныхъ лѣтъ до сихъ поръ: со мной будетъ моя идея, которой я никогда не измѣню, даже и въ томъ случаѣ, если-бъ они мнѣ всѣ тамъ понравились, и дали мнѣ счастье, и я прожилъ-бы съ ними хоть десять лѣтъ!» Вотъ это-то впечатлѣніе, замѣчу впередъ, вотъ именно эта-то двойственность плановъ и цѣлей моихъ, опредѣлившихся еще въ Москвѣ, и которая не оставляла меня ни на одинъ мигъ въ Петербургѣ (ибо не знаю, былъ-ли такой день въ Петербургѣ, который-бы я не ставилъ впереди моимъ окончательнымъ срокомъ, чтобы порвать съ ними и удалиться)—эта двойственность, говорю я, и была, кажется, одною изъ главнѣйшихъ причинъ многихъ моихъ неосторожностей, надѣланныхъ въ году; многихъ мерзостей, многихъ даже низостей, и ужь, разумѣется, глупостей.

Конечно, у меня вдругъ являлся отецъ, котораго никогда прежде не было. Эта мысль пьянила меня и при сборахъ въ Москвѣ, и въ вагонѣ. Что отецъ — это-бы еще ничего, и нѣжностей я не любилъ, но человѣкъ этотъ меня знать не хотѣлъ и унизилъ, тогда какъ я мечталъ о немъ всѣ эти годы въ засосъ (если можно такъ о мечтѣ выразиться). Каждая мечта моя, съ самаго дѣтства, отзывалась имъ: витала около него, сводилась на него въ окончательномъ результатѣ. Я не знаю, ненавидѣлъ или любилъ я его, но онъ наполнялъ собою все мое будущее, всѣ разсчеты мои на жизнь, — и это случилось само собою, это шло вмѣстѣ съ ростомъ.

Повліяло на мой отъѣздъ изъ Москвы и еще одно могущественное обстоятельство, одинъ соблазнъ, отъ котораго уже и тогда, еще за три мѣсяца предъ выѣздомъ (стало быть, когда и помину не было о Петербургѣ), у меня уже поднималось и билось сердце! Меня тянуло въ этотъ неизвѣстный океанъ еще и потому, что я прямо могъ войдти въ него властелиномъ и господиномъ даже чужихъ судебъ, да еще чьихъ! Но великодушныя, а не деспотическія чувства кипѣли во мнѣ,—предувѣдомляю заранѣе, чтобъ не вышло ошибки изъ словъ моихъ. Къ тому-же Версиловъ могъ думать (если только удостоивалъ обо мнѣ думать), что вотъ ѣдетъ маленькій мальчикъ, отставной гимназистъ, подростокъ, и удивляется на весь свѣтъ. А я, межъ тѣмъ, уже зналъ всю его подноготную и имѣлъ на себѣ важнѣйшій документъ, за который (теперь ужь я знаю это навѣрно) — онъ отдалъ-бы нѣсколько лѣтъ своей жизни, если-бъ я открылъ ему тогда тайну. Впрочемъ, я замѣчаю, что наставилъ загадокъ. Безъ фактовъ чувствъ не опишешь. Къ тому-же обо всемъ этомъ слишкомъ довольно будетъ на своемъ мѣстѣ, затѣмъ и перо взялъ. А такъ писать — похоже на бредъ или облако.

VIII.

Наконецъ, чтобы перейдти къ девятнадцатому числу окончательно, скажу пока вкратцѣ и, такъ сказать, мимолетомъ, что я засталъ ихъ всѣхъ, то есть Версилова, мать и сестру мою (послѣднюю я увидалъ въ первый разъ въ жизни), при тяжёлыхъ обстоятельствахъ, почти въ нищетѣ или наканунѣ нищеты. Объ этомъ я зналъ ужь и въ Москвѣ, но все-же не предполагалъ того, что увидѣлъ. Я съ самаго дѣтства привыкъ воображать себѣ этого человѣка, этого «будущаго отца моего» почти въ какомъ-то сіяніи и не могъ представить себѣ иначе, какъ на первомъ мѣстѣ вездѣ. Никогда Версиловъ не жилъ съ моею матерью на одной квартирѣ, а всегда нанималъ ей особенную: конечно, дѣлалъ это изъ подлѣйшихъ ихнихъ «приличій». Но тутъ всѣ жили вмѣстѣ, въ одномъ деревянномъ флигелѣ, въ переулкѣ, въ Семенов-

скомъ полку. Всѣ вещи уже были заложены, такъ что я даже отдалъ матери, таинственно отъ Версилова, мои таинственные шестьдесятъ рублей. Именно *таинственные* потому, что были накоплены изъ карманныхъ денегъ моихъ, которыхъ отпускалось мнѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ; копленіе-же началось съ перваго дня моей «идеи», а потому Версиловъ не долженъ былъ знать объ этихъ деньгахъ ни слова. Этого я трепеталъ.

Эта помощь оказалась лишь каплей. Мать работала, сестра тоже брала шитье; Версиловъ жилъ праздно, капризился и продолжалъ жить со множествомъ прежнихъ довольно дорогихъ привычекъ. Онъ брюзжалъ ужасно, особенно за обѣдомъ, и всѣ пріемы его были совершенно деспотическіе. Но мать, сестра, Татьяна Павловна и все семейство покойнаго Андроникова (одного, мѣсяца три передъ тѣмъ, умершаго начальника отдѣленія и съ тѣмъ вмѣстѣ заправлявшаго дѣлами Версилова), состоявшее изъ безчисленныхъ женщинъ, благоговѣли передъ нимъ, какъ передъ фетишемъ. Я не могъ представить себѣ этого. Замѣчу, что девять лѣтъ назадъ онъ былъ несравненно изящнѣе. Я сказалъ уже, что онъ остался въ мечтахъ моихъ въ какомъ-то сіяніи, а потому я не могъ вообразить, какъ можно было такъ постарѣть и истереться всего только въ девять какихъ нибудь лѣтъ съ тѣхъ поръ: мнѣ тотчасъ-же стало грустно, жалко, стыдно. Взглядъ на него былъ однимъ изъ тяжелѣйшихъ моихъ первыхъ впечатлѣній по пріѣздѣ. Впрочемъ, онъ былъ еще вовсе не старикъ, ему было всего сорокъ пять лѣтъ; вглядываясь-же дальше, я нашелъ въ красотѣ его даже что-то болѣе поражающее, чѣмъ то, что уцѣлѣло въ моемъ воспоминаніи. Меньше тогдашняго блеску, менѣе внѣшности, даже изящнаго, но жизнь какъ-бы оттиснула на этомъ лицѣ нѣчто гораздо болѣе любопытное прежняго.

А, между тѣмъ, нищета была лишь десятой или двадцатой долей въ его неудачахъ, и я слишкомъ зналъ объ этомъ. Кромѣ нищеты, стояло нѣчто безмѣрно серіознѣйшее, — не говоря уже о томъ, что все еще была надежда выиграть процессъ о наслѣдствѣ, затѣянный уже годъ у Версилова съ князьями Сокольскими, и Версиловъ могъ получить въ самомъ ближайшемъ будущемъ имѣніе, цѣнностью въ семьдесятъ, а, можетъ, и нѣсколько болѣе тысячъ. Я сказалъ уже выше, что этотъ Версиловъ прожилъ въ свою жизнь три наслѣдства, и вотъ его опять выручало наслѣдство! Дѣло рѣшалось на судѣ въ самый ближайшій срокъ. Я съ тѣмъ и пріѣхалъ. Правда, подъ надежду денегъ никто не далъ, занять негдѣ было, и пока терпѣли.

Но Версиловъ и не ходилъ ни къ кому, хотя иногда уходилъ на весь день. Уже слишкомъ годъ назадъ, какъ онъ *выгнанъ* изъ общества. Исторія эта, не смотря на всѣ старанія мои, оставалась для меня въ главнѣйшемъ невыясненною, не смотря на цѣлый мѣсяцъ жизни моей въ Петербургѣ. Виновенъ или не виновенъ Версиловъ— вотъ что для меня было важно, вотъ для чего я пріѣхалъ! Отвернулись отъ него всѣ, между прочимъ и всѣ вліятельные знатные люди, съ которыми онъ особенно умѣлъ во всю жизнь поддерживать связи, вслѣдствіе слуховъ объ одномъ чрезвычайно низкомъ, и — что хуже всего въ глазахъ «свѣта» — скандальномъ поступкѣ, будто-бы совершенномъ имъ слишкомъ годъ назадъ въ Германіи, и даже о пощечинѣ, полученной тогда-же слишкомъ гласно, именно отъ одного изъ князей Сокольскихъ, и на которую онъ не отвѣтилъ вызовомъ. Даже дѣти его (законные), сынъ и дочь, отъ него отвернулись и жили отдѣльно. Правда, и сынъ и дочь витали въ самомъ высшемъ кругу, чрезъ Фанаріотовыхъ и стараго князя Сокольскаго (бывшаго друга Версилова). Впрочемъ, приглядываясь къ нему во весь этотъ мѣсяцъ, я видѣлъ высокомѣрнаго человѣка, котораго не общество исключило изъ своего круга, а который скорѣе самъ прогналъ общество отъ себя,—до того онъ смотрѣлъ независимо. Но имѣлъ-ли онъ право смотрѣть такимъ образомъ,—вотъ что меня волновало! Я непремѣнно долженъ узнать всю правду въ самый ближайшій срокъ, ибо пріѣхалъ— судить этого человѣка. Свои силы я еще

таилъ отъ него, но мнѣ надо было или признать его или оттолкнуть отъ себя вовсе. А послѣднее мнѣ было-бы слишкомъ тяжело, и я мучился. Сдѣлаю, наконецъ, полное признаніе: этотъ человѣкъ былъ мнѣ дорогъ!

А пока, я жилъ съ ними на одной квартирѣ, работалъ и едва удерживался отъ грубостей. Даже и не удерживался. Проживъ уже мѣсяцъ, я съ каждымъ днемъ убѣждался, что за окончательными разъясненіями ни за что не могъ обратиться къ нему. Гордый человѣкъ прямо сталъ передо мной загадкой, оскорбившей меня до глубины. Онъ былъ со мною даже милъ и шутилъ, но я скорѣе хотѣлъ ссоры, чѣмъ такихъ шутокъ. Всѣ разговоры мои съ нимъ носили всегда какую-то въ себѣ двусмысленность, то есть, по просту, какую-то странную насмѣшку съ его стороны. Онъ съ самаго начала встрѣтилъ меня изъ Москвы не серіозно. Я никакъ не могъ понять, для чего онъ это сдѣлалъ. Правда, онъ достигъ того, что остался передо мною непроницаемъ; но самъ я не унизился-бы до просьбъ о серіозности со мной съ его стороны. Къ тому-же, у него были какіе-то удивительные и неотразимые пріемы, съ которыми я не зналъ что̀ дѣлать. Короче, со мной онъ обращался какъ съ самымъ зеленымъ подросткомъ,— чего я почти не могъ перенести, хотя и зналъ, что такъ будетъ. Вслѣдствіе того, я самъ пересталъ говорить серіозно и ждалъ, даже почти совсѣмъ пересталъ говорить. Ждалъ я одного лица, съ пріѣздомъ котораго въ Петербургъ могъ окончательно узнать истину; въ этомъ была моя послѣдняя надежда. Во всякомъ случаѣ, приготовился порвать окончательно и уже принялъ всѣ мѣры. Мать мнѣ жаль было, но... «или онъ, или я» — вотъ что я хотѣлъ предложить ей и сестрѣ моей. Даже день у меня былъ назначенъ; а пока я ходилъ на службу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Въ это девятнадцатое число, я долженъ былъ тоже получить мое первое жалованье за первый мѣсяцъ моей петербургской службы на моемъ «частномъ» мѣстѣ. Объ мѣстѣ этомъ они меня и не спрашивали, а просто отдали меня на него, кажется, въ самый первый день, какъ я пріѣхалъ. Это было очень грубо, и я почти обязанъ былъ протестовать. Это мѣсто оказалось въ домѣ у стараго князя Сокольскаго. Но протестовать тогда-же — значило-бы порвать съ ними сразу, что̀ хоть вовсе не пугало меня, но вредило моимъ существеннымъ цѣлямъ, а потому я принялъ мѣсто, покамѣстъ, молча, молчаньемъ защитивъ мое достоинство. Поясню съ самаго начала, что этотъ князь Сокольскій, богачъ и тайный совѣтникъ, нисколько не состоялъ въ родствѣ съ тѣми московскими князьями Сокольскими (ничтожными бѣдняками уже нѣсколько поколѣній сряду), съ которыми Версиловъ велъ свою тяжбу. Они были только однофамильцы. Тѣмъ не менѣе, старый князь очень ими интересовался и особенно любилъ одного изъ этихъ князей, такъ сказать, ихъ старшаго въ родѣ,— одного молодаго офицера. Версиловъ еще недавно имѣлъ огромное вліяніе на дѣла этого старика и былъ его другомъ, страннымъ другомъ, потому что этотъ бѣдный князь, какъ я замѣтилъ, ужасно боялся его, не только въ то время какъ я поступилъ, но, кажется, и всегда во всю дружбу. Впрочемъ, они уже давно не видались; безчестный поступокъ, въ которомъ обвиняли Версилова, касался именно семейства князя; но подвернулась Татьяна Павловна, и чрезъ ея-то посредство я и помѣщенъ былъ къ старику, который желалъ «молодаго человѣка» къ себѣ въ кабинетъ. При этомъ оказалось, что ему ужасно желалось тоже сдѣлать угодное Версилову, такъ сказать, первый шагъ къ нему, а Версиловъ *позволилъ*. Распорядился-же старый князь въ отсутствіе своей дочери, вдовы-генеральши, которая навѣрно-бы ему не позволила этого шагу. Объ этомъ послѣ, но замѣчу, что эта-то странность отношеній къ Версилову и поразила меня въ его пользу. Представлялось соображенію, что если глава оскорбленной семьи все еще продолжаетъ питать уваженіе къ Версилову, то, стало быть, нелѣпы или, по крайней мѣрѣ, двусмысленны и распущен-

ные толки о подлости Версилова. Отчасти это-то обстоятельство и заставило меня не протестовать при поступленіи: поступая, я именно надѣялся все это провѣрить.

Эта Татьяна Павловна играла странную роль въ то время, какъ я засталъ ее въ Петербургѣ. Я почти забылъ о ней вовсе и ужь никакъ не ожидалъ, что она съ такимъ значеніемъ. Она прежде встрѣчалась мнѣ раза три—четыре въ моей московской жизни, и являлась Богъ знаетъ откуда, по чьему-то порученію, всякій разъ, когда надо было меня гдѣ нибудь устроивать,—при поступленіи-ли въ пансіонишко Тушара, или потомъ, чрезъ два съ половиной года, при переводѣ меня въ гимназію и помѣщеніи въ квартирѣ незабвеннаго Николая Семеновича. Появившись, она проводила со мною весь тотъ день, ревизовала мое бѣлье, платье, разъѣзжала со мной на Кузнецкій и въ городъ, покупала мнѣ необходимыя вещи, устроивала, однимъ словомъ, все мое приданое до послѣдняго сундучка и перочиннаго ножика; при этомъ, все время шипѣла на меня, бранила меня, корила меня, экзаменовала меня, представляла мнѣ въ примѣръ другихъ фантастическихъ какихъ-то мальчиковъ, ея знакомыхъ и родственниковъ, которые будтобы всѣ были лучше меня, и, право, даже щипала меня, а толкала положительно, даже нѣсколько разъ, и больно. Устроивъ меня и водворивъ на мѣстѣ, она исчезала на нѣсколько лѣтъ безслѣдно. Вотъ она-то, тотчасъ по моемъ пріѣздѣ, и появилась опять водворять меня. Это была сухенькая, маленькая фигурка, съ птичьимъ востренькимъ носикомъ и птичьими вострыми глазками. Версилову она служила какъ раба, и преклонялась передъ нимъ, какъ передъ папой, но по убѣжденію. Но скоро я съ удивленіемъ замѣтилъ, что ее рѣшительно всѣ и вездѣ уважали и, главное—рѣшительно вездѣ и всѣ знали. Старый князь Сокольскій относился къ ней съ необыкновеннымъ почтеніемъ; въ его семействѣ тоже; эти гордыя дѣти Версилова тоже; у Фанаріотовыхъ тоже,—а между тѣмъ она жила шитьемъ, промываніемъ какихъ-то кружевъ, брала изъ магазина работу. Мы съ нею съ перваго слова поссорились, потому что она тотчасъ-же вздумала, какъ прежде, шесть лѣтъ тому, шипѣть на меня; съ тѣхъ поръ продолжали ссориться каждый день: но это не мѣшало намъ иногда разговаривать и, признаюсь, къ концу мѣсяца, она мнѣ начала нравиться; я думаю, за независимость характера. Впрочемъ, я ее объ этомъ не увѣдомлялъ.

Я сейчасъ-же понялъ, что меня опредѣлили на мѣсто къ этому больному старику затѣмъ только, чтобъ его «тѣшить», и что въ этомъ и вся служба. Естественно, это меня унизило, и я тотчасъ-же принялъ было мѣры; но вскорѣ этотъ старый чудакъ произвелъ во мнѣ какое-то неожиданное впечатлѣніе, въ родѣ какъ-бы жалости, и къ концу мѣсяца я какъ-то странно къ нему привязался, по крайней мѣрѣ, оставилъ намѣреніе грубить. Ему, впрочемъ, было не болѣе шестидесяти. Тутъ вышла цѣлая исторія. Года полтора назадъ, съ нимъ вдругъ случился припадокъ; онъ куда-то поѣхалъ и въ дорогѣ помѣшался, такъ что произошло нѣчто въ родѣ скандала, о которомъ въ Петербургѣ поговорили. Какъ слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ, его мигомъ увезли за границу, но мѣсяцевъ черезъ пять онъ вдругъ опять появился, и совершенно здоровый, хотя и оставилъ службу. Версиловъ увѣрялъ серіозно (и замѣтно горячо), что помѣшательства съ нимъ вовсе не было, а былъ лишь какой-то нервный припадокъ. Эту горячность Версилова я немедленно отмѣтилъ. Впрочемъ, замѣчу, что и самъ я почти раздѣлялъ его мнѣніе. Старикъ казался только развѣ ужь черезчуръ иногда легкомысленнымъ, какъ-то не по лѣтамъ, чего прежде совсѣмъ, говорятъ, не было. Говорили, что прежде онъ давалъ какіе-то гдѣ-то совѣты, а однажды какъ-то слишкомъ ужь отличился въ одномъ возложенномъ на него порученіи. Зная его цѣлый мѣсяцъ, я никакъ-бы не предположилъ его особенной силы быть совѣтникомъ. Замѣчали за нимъ (хоть я и не замѣтилъ), что послѣ припадка въ немъ развилась какая-то особенная наклонность поскорѣе жениться и что будто-бы онъ уже не разъ приступалъ къ этой идеѣ въ эти полтора года. Объ этомъ, будто-бы, знали въ свѣтѣ

и, кому слѣдуетъ, интересовались. Но такъ какъ это поползновеніе слишкомъ не соотвѣтствовало интересамъ нѣкоторыхъ лицъ, окружавшихъ князя, то старика сторожили со всѣхъ сторонъ. Свое семейство у него было малое; онъ былъ вдовцомъ уже двадцать лѣтъ и имѣлъ лишь единственную дочь, ту вдову-генеральшу, которую теперь ждали изъ Москвы ежедневно, молодую особу, характера которой онъ несомнѣнно боялся. Но у него была бездна разныхъ отдаленныхъ родственниковъ, преимущественно по покойной его женѣ, которые всѣ были чуть не нищіе; кромѣ того, множество разныхъ его питомцевъ и имъ облагодѣтельствованныхъ питомицъ, которыя всѣ ожидали частички въ его завѣщаніи, а потому всѣ и помогали генеральшѣ въ надзорѣ за старикомъ. У него была, сверхъ того, одна странность, съ самаго молоду, не знаю только смѣшная или нѣтъ: выдавать замужъ бѣдныхъ дѣвицъ. Онъ ихъ выдавалъ уже лѣтъ двадцать пять сряду — или отдаленныхъ родственницъ, или падчерицъ какихъ нибудь двоюродныхъ братьевъ своей жены, или крестницъ, даже выдалъ дочку своего швейцара. Онъ сначала бралъ ихъ къ себѣ въ домъ еще маленькими дѣвочками, ростилъ ихъ съ гувернантками и француженками, потомъ обучалъ въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ и подъ конецъ выдавалъ съ приданымъ. Все это около него тѣснилось постоянно. Питомицы, естественно, въ замужествѣ народили еще дѣвочекъ; всѣ народившіяся дѣвочки тоже наровили въ питомицы: вездѣ онъ долженъ былъ крестить, все это являлось поздравлять съ имянинами, и все это ему было чрезвычайно пріятно.

Поступивъ къ нему, я тотчасъ замѣтилъ что въ умѣ старика гнѣздилось одно тяжелое убѣжденіе—и этого никакъ нельзя было не замѣтить—что всѣ-де какъ-то странно стали смотрѣть на него въ свѣтѣ, что всѣ будто стали относиться къ нему не такъ какъ прежде, къ здоровому; это впечатлѣніе не покидало его даже въ самыхъ веселыхъ свѣтскихъ собраніяхъ. Старикъ сталъ мнителенъ, сталъ замѣчать что-то у всѣхъ по глазамъ. Мысль, что его все еще подозрѣваютъ помѣшаннымъ, видимо его мучила; даже ко мнѣ онъ иногда приглядывался съ недовѣрчивостью. И если-бы онъ узналъ, что кто нибудь распространяетъ или утверждаетъ о немъ этотъ слухъ, то, кажется, этотъ незлобивѣйшій человѣкъ сталъ-бы ему вѣчнымъ врагомъ. Вотъ это-то обстоятельство я и прошу замѣтить. Прибавлю, что это и рѣшило съ перваго дня, что я не грубилъ ему; даже радъ былъ, если приводилось его иногда развеселить или развлечь; не думаю, чтобъ признаніе это могло положить тѣнь на мое достоинство.

Большая часть его денегъ находилась въ оборотѣ. Онъ, уже послѣ болѣзни, вошелъ участникомъ въ одну большую акціонерную компанію, впрочемъ, очень солидную. И хоть дѣла вели другіе, но онъ тоже очень интересовался, посѣщалъ собранія акціонеровъ, выбранъ былъ въ члены-учредители, засѣдалъ въ совѣтахъ, говорилъ длинныя рѣчи, опровергалъ, шумѣлъ, и, очевидно, съ удовольствіемъ. Говорить рѣчи ему очень понравилось: по крайней мѣрѣ, всѣ могли видѣть его умъ. И вообще, онъ ужасно какъ полюбилъ даже въ самой интимной частной жизни вставлять въ свой разговоръ особенно глубокомысленныя вещи или бонмо; я это слишкомъ понимаю. Въ домѣ, внизу, было устроено въ родѣ домашней конторы, и одинъ чиновникъ велъ дѣла, счеты и книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управлялъ домомъ. Этого чиновника, служившаго, кромѣ того, на казенномъ мѣстѣ, и одного было-бы совершенно достаточно; но, по желанію самого князя, прибавили и меня, будто-бы на помощь чиновнику; но я тотчасъ-же былъ переведенъ въ кабинетъ, и часто, даже для виду, не имѣлъ предъ собою занятій, ни бумагъ, ни книгъ.

Я пишу теперь какъ давно отрезвившійся человѣкъ и во многомъ уже почти какъ посторонній; но какъ изобразить мнѣ тогдашнюю грусть мою (которую живо сейчасъ припомнилъ), засѣвшую въ сердце, а, главное—мое тогдашнее волненіе, доходившее до такого смутнаго и горячаго состоянія, что я даже не спалъ по ночамъ—отъ нетерпѣнія моего, отъ загадокъ, которыя я самъ себѣ наставилъ.

II.

Спрашивать денегъ—прегадкая исторія, даже жалованье, если чувствуешь гдѣ-то въ складкахъ совѣсти, что ихъ не совсѣмъ заслужилъ. Между тѣмъ, наканунѣ мать, шепчась съ сестрой, тихонько отъ Версилова («чтобы не огорчить Андрея Петровича»), намѣревалась снести въ закладъ изъ кіота образъ, почему-то слишкомъ ей дорогой. Служилъ я на пятидесяти рубляхъ въ мѣсяцъ, но совсѣмъ не зналъ, какъ я буду ихъ получать; опредѣляя меня сюда, мнѣ ничего не сказали. Дня три назадъ, встрѣтившись внизу съ чиновникомъ, я освѣдомился у него: у кого здѣсь спрашиваютъ жалованье? Тотъ посмотрѣлъ съ улыбкой удивившагося человѣка (онъ меня не любилъ):

— А вы получаете жалованье?

Я думалъ, что вслѣдъ за моимъ отвѣтомъ онъ прибавитъ:

— За что-же это-съ?

Но онъ только сухо отвѣтилъ, что «ничего не знаетъ», и уткнулся въ свою разлинованную книгу, въ которую съ какихъ-то бумажекъ вставлялъ какіе-то счеты.

Ему, впрочемъ, не безъизвѣстно было, что я кое-что и дѣлалъ. Двѣ недѣли назадъ, я ровно четыре дня просидѣлъ надъ работой, которую онъ-же мнѣ и передалъ: переписать съ черновой, а вышло почти пересочинить. Это была цѣлая арава «мыслей» князя, которыя онъ готовился подать въ комитетъ акціонеровъ. Надо было все это скомпоновать въ цѣлое и поддѣлать слогъ. Мы цѣлый день потомъ просидѣли надъ этой бумагой съ княземъ, и онъ очень горячо со мной спорилъ, однако-же остался доволенъ; не знаю только, подалъ-ли бумагу или нѣтъ? О двухъ—трехъ письмахъ, тоже дѣловыхъ, которыя я написалъ по его просьбѣ, я и не упоминаю.

Просить жалованья мнѣ и потому было досадно, что я уже положилъ отказаться отъ должности, предчувствуя, что принужденъ буду удалиться и отсюда, по неминуемымъ обстоятельствамъ. Проснувшись въ то утро и одѣваясь у себя наверху въ каморкѣ, я почувствовалъ, что у меня забилось сердце, и хоть я плевался, но, входя въ домъ князя, я снова почувствовалъ тоже волненіе: въ утро должна была прибыть сюда та особа, женщина, отъ прибытія которой я ждалъ разъясненія всего, что̀ меня мучило! Это именно была дочь князя, та генеральша Ахмакова, молодая вдова, о которой я уже говорилъ и которая была въ жестокой враждѣ съ Версиловымъ. Наконецъ, я написалъ это имя! Ее я, конечно, никогда не видалъ, да и представить не могъ, какъ буду съ ней говорить и буду-ли; но мнѣ представлялось (можетъ быть, и на достаточныхъ основаніяхъ), что съ ея пріѣздомъ разсѣется и мракъ, окружавшій въ моихъ глазахъ Версилова. Твердымъ я оставаться не могъ: было ужасно досадно, что съ перваго-же шагу я такъ малодушенъ и неловокъ; было ужасно любопытно, а, главное, противно,—цѣлыхъ три впечатлѣнія. Я помню весь тотъ день наизусть!

О вѣроятномъ прибытіи дочери мой князь еще не зналъ ничего и предполагалъ ея возвращеніе изъ Москвы развѣ черезъ недѣлю. Я-же узналъ наканунѣ совершенно случайно: проговорилась при мнѣ моей матери Татьяна Павловна, получившая отъ генеральши письмо. Онѣ хоть и шептались и говорили отдаленными выраженіями, но я догадался. Разумѣется, не подслушивалъ: просто не могъ не слушать, когда увидѣлъ, что вдругъ, при извѣстіи о пріѣздѣ этой женщины, такъ взволновалась мать. Версилова дома не было.

Старику я не хотѣлъ передавать, потому что не могъ не замѣтить во весь этотъ срокъ, какъ онъ труситъ ея пріѣзда. Онъ даже, дня три тому назадъ, проговорился, хотя робко и отдаленно, что боится съ ея пріѣздомъ за меня, то есть что за меня ему будетъ таска. Я, однако, долженъ прибавить, что въ отношеніяхъ семейныхъ онъ всетаки сохранялъ свою независимость и главенство, особенно въ распоряженіи деньгами. Я сперва заключилъ о немъ, что онъ — совсѣмъ баба; но потомъ долженъ былъ перезаключить въ томъ смыслѣ, что если и баба, то всетаки оставалось въ немъ какое-то иногда упрямство, если не настоящее мужество. Находили минуты, въ которыя съ характеромъ его—повиди-

мому, трусливымъ и поддающимся — почти ничего нельзя было сдѣлать. Мнѣ это Версиловъ объяснилъ потомъ подробнѣе. Упоминаю теперь съ любопытствомъ, что мы съ нимъ почти никогда и не говорили о генеральшѣ, то есть какъ-бы избѣгали говорить: избѣгалъ особенно я, а онъ, въ свою очередь, избѣгалъ говорить о Версиловѣ, и я прямо догадался, что онъ не будетъ мнѣ отвѣчать, если я задамъ который нибудь изъ щекотливыхъ вопросовъ, меня такъ интересовавшихъ.

Если-же захотятъ узнать, объ чемъ мы весь этотъ мѣсяцъ съ нимъ проговорили, то отвѣчу, что, въ сущности, обо всемъ на свѣтѣ, но все о странныхъ какихъ-то вещахъ. Мнѣ очень нравилось чрезвычайное простодушіе, съ которымъ онъ ко мнѣ относился. Иногда я съ чрезвычайнымъ недоумѣніемъ всматривался въ этого человѣка и задавалъ себѣ вопросъ: «Гдѣ-же это онъ прежде засѣдалъ? Да его какъ разъ-бы въ нашу гимназію, да еще въ четвертый классъ, — и премилый вышелъ-бы товарищъ». Удивлялся я тоже не разъ и его лицу: оно было на видъ чрезвычайно серіозное (и почти красивое), сухое; густые, сѣдые вьющіеся волосы, открытые глаза; да и весь онъ былъ сухощавъ, хорошаго роста; но лицо его имѣло какое-то непріятное, почти неприличное свойство вдругъ перемѣняться изъ необыкновенно серіознаго на слишкомъ ужь игривое, такъ что въ первый разъ видѣвшій никакъ-бы не ожидалъ этого. Я говорилъ объ этомъ Версилову, который съ любопытствомъ меня выслушалъ; кажется, онъ не ожидалъ, что я въ состояніи дѣлать такія замѣчанія, замѣтилъ вскользь, что это явилось у князя уже послѣ болѣзни и развѣ въ самое только послѣднее время.

Преимущественно мы говорили о двухъ отвлеченныхъ предметахъ,— о Богѣ и бытіи Его, то есть существуетъ Онъ или нѣтъ,—и объ женщинахъ. Князь былъ очень религіозенъ и чувствителенъ. Въ кабинетѣ его висѣлъ огромный кіотъ съ лампадкой. Но вдругъ на него находило—и онъ вдругъ начиналъ сомнѣваться въ бытіи Божіемъ и говорилъ удивительныя вещи, явно вызывая меня на отвѣтъ. Къ идеѣ этой я былъ довольно равнодушенъ, говоря вообще, но всетаки мы очень завлекались оба и всегда искренно. Вообще, всѣ эти разговоры даже и теперь вспоминаю съ пріятностью. Но всего милѣе ему было поболтать о женщинахъ, и такъ какъ я, по нелюбви моей къ разговорамъ на эту тему, не могъ быть хорошимъ собесѣдникомъ, то онъ иногда даже огорчался.

Онъ какъ разъ заговорилъ въ этомъ родѣ, только что я пришелъ въ это утро. Я засталъ его въ настроеніи игривомъ, а вчера оставилъ отчего-то въ чрезвычайной грусти. Между тѣмъ, мнѣ надо было непремѣнно окончить сегодня-же объ жалованьѣ,— до пріѣзда нѣкоторыхъ лицъ. Я разсчитывалъ, что насъ сегодня непремѣнно *прервутъ* (не даромъ-же билось сердце), — и тогда, можетъ, я и не рѣшусь заговорить объ деньгахъ. Но такъ какъ о деньгахъ не заговаривалось, то я естественно разсердился на мою глупость, и, какъ теперь помню, въ досадѣ на какой-то слишкомъ ужь веселый вопросъ его, изложилъ ему мои взгляды на женщинъ залпомъ и съ чрезвычайнымъ азартомъ. А изъ того вышло, что онъ еще больше увлекся на мою-же шею.

III.

— ...Я не люблю женщинъ за то, что онѣ грубы, за то, что неловки, за то, что онѣ не самостоятельны, и за то, что носятъ неприличный костюмъ! безсвязно заключилъ я мою длинную тираду.

— Голубчикъ, пощади! вскричалъ онъ, ужасно развеселившись, что еще пуще обозлило меня.

Я уступчивъ и мелоченъ только въ мелочахъ, но въ главномъ не уступлю никогда. Въ мелочахъ-же, въ какихъ нибудь свѣтскихъ пріемахъ, со мной Богъ знаетъ что можно сдѣлать, и я всегда проклинаю въ себѣ эту черту. Изъ какого-то смердящаго добродушія, я иногда бывалъ готовъ поддакивать даже какому нибудь свѣтскому фату, единственно обольщенный его вѣжливостью, или ввязывался въ споръ съ дуракомъ, что всего непростительнѣе. Все

это отъ невыдержки и отъ того, что выросъ въ углу, но завтра опять тоже самое. Вотъ почему меня принимали иногда чуть не за шестнадцатилѣтняго. Но вмѣсто пріобрѣтенія выдержки я и теперь предпочитаю закупориться еще больше въ уголъ, хотя-бы въ самомъ мизантропическомъ видѣ: «Пусть я неловокъ, — но прощайте!» Я это говорю серіозно и навсегда. Впрочемъ, вовсе не по поводу князя это пишу, и даже не по поводу тогдашняго разговора.

— Я вовсе не для веселости вашей говорю, почти закричалъ я на него:—я просто высказываю убѣжденіе.

— Но какъ-же это женщины грубы и одѣты неприлично? Это ново.

— Грубы. Подите въ театръ, подите на гулянье. Всякій изъ мужчинъ знаетъ правую сторону, сойдутся и разойдутся, онъ вправо и я вправо. Женщина, то есть дама — я объ дамахъ говорю — такъ и претъ на васъ прямо, даже не замѣчая васъ, точно вы ужь такъ непремѣнно и обязаны отскочить и уступить дорогу. Я готовъ уступить, какъ созданью слабѣйшему, но почему тутъ право, почему она такъ увѣрена, что я это обязанъ,— вотъ что̀ оскорбительно! Я всегда плевался, встрѣчаясь. И послѣ того кричатъ, что онѣ принижены и требуютъ равенства; какое тутъ равенство, когда она меня топчетъ или напихаетъ мнѣ въ ротъ песку!

— Песку!

— Да; потому что онѣ неприлично одѣты — это только развратный не замѣтитъ. Въ судахъ запираютъ-же двери, когда дѣло идетъ о неприличностяхъ: зачѣмъ-же позволяютъ на улицахъ, гдѣ еще больше людей? Онѣ сзади себѣ открыто фру-фру подкладываютъ, чтобъ показать, что бельфамъ; открыто! Я вѣдь не могу не замѣтить, и юноша тоже замѣтитъ, и ребенокъ, начинающій мальчикъ, тоже замѣтитъ; это подло. Пусть любуются старые развратники и бѣгутъ, высуня языкъ, но есть чистая молодежь, которую надо беречь. Остается плеваться. Идетъ по бульвару, а сзади пуститъ шлейфъ въ полтора аршина и пыль мететъ; каково идти сзади: или бѣги обгоняй, или отскакивай въ сторону, не то и въ носъ, и въ ротъ она вамъ пять фунтовъ песку напихаетъ. Къ тому-же, это шелкъ, она его треплетъ по камню три версты, изъ одной только моды, а мужъ пятьсотъ рублей въ сенатѣ въ годъ получаетъ: вотъ гдѣ взятки-то сидятъ! Я всегда плевался, вслухъ плевался и бранился.

Хоть я и выписываю этотъ разговоръ нѣсколько въ юморѣ и съ тогдашнею характерностью, но мысли эти и теперь мои.

— И сходило съ рукъ? полюбопытствовалъ князь.

— Я плюну и отойду. Разумѣется, почувствуетъ, а виду не покажетъ, претъ величественно, не повернувъ головы. А побранился я совершенно серіозно всего одинъ разъ съ какими-то двумя, обѣ съ хвостами, на бульварѣ, — разумѣется, не сквернымъ словами, а только вслухъ замѣтилъ, что хвостъ оскорбителенъ.

— Такъ и выразился?

— Конечно. Во первыхъ, она попираетъ условія общества, а, во вторыхъ, пылитъ, а бульваръ для всѣхъ; я иду, другой идетъ, третій, Ѳедоръ, Иванъ, все равно. Вотъ это я и высказалъ. И вообще, я не люблю женскую походку, если сзади смотрѣть; это тоже высказалъ, но намекомъ.

— Другъ мой, но вѣдь ты можешь попасть въ серіозную исторію: онѣ могли стащить тебя къ мировому?

— Ничего не могли. Не на что̀ было жаловаться: идетъ человѣкъ подлѣ и разговариваетъ самъ съ собой. Всякій человѣкъ имѣетъ право выражать свое убѣжденіе на воздухъ. Я говорилъ отвлеченно, къ нимъ не обращался. Онѣ привязались сами: онѣ стали браниться, онѣ гораздо сквернѣе бранились, чѣмъ я: и молокососъ, и безъ кушанья оставить надо, и нигилистъ, и городовому отдадутъ, и что я потому привязался, что онѣ однѣ, и слабыя женщины, а былъ-бы съ ними мужчина, такъ я-бы сейчасъ хвостъ поджалъ. Я хладнокровно объявилъ, чтобы онѣ перестали ко мнѣ приставать, а я перейду на другую сторону. «А чтобы доказать имъ, что я не боюсь ихъ мужчинъ и готовъ принять вызовъ, то буду идти за ними въ двадцати шагахъ до самаго ихъ дома, затѣмъ стану передъ домомъ и буду ждать ихъ мужчинъ». Такъ и сдѣлалъ.

— Неужто?

— Конечно, глупость, но я былъ разгоряченъ. Онѣ протащили меня версты три слишкомъ, по жарѣ, до институтовъ, вошли въ деревянный одноэтажный домъ,— я долженъ сознаться, весьма приличный,— а въ окна видно было въ домѣ много цвѣтовъ, двѣ канарейки, три шавки и эстампы въ рамкахъ. Я простоялъ среди улицы передъ домомъ съ полчаса. Онѣ выглянули раза три украдкой, а потомъ опустили всѣ шторы. Наконецъ, изъ калитки вышелъ какой-то чиновникъ пожилой; судя по виду, спалъ, и его нарочно разбудили; не то что въ халатѣ, а такъ, въ чемъ-то очень домашнемъ; сталъ у калитки, заложилъ руки назадъ и началъ смотрѣть на меня, я — на него. Потомъ отведетъ глаза, потомъ опять посмотритъ и вдругъ сталъ мнѣ улыбаться. Я повернулся и ушелъ.

— Другъ мой, это что-то Шиллеровское! Я всегда удивлялся: ты краснощекій, съ лица твоего прыщетъ здоровьемъ — и такое, можно сказать, отвращеніе отъ женщинъ! Какъ можно, чтобы женщина не производила въ твои лѣта извѣстнаго впечатлѣнія? Мнѣ, mon cher, еще одиннадцатилѣтнему, гувернеръ замѣчалъ, что я слишкомъ засматриваюсь въ Лѣтнемъ саду на статуи.

— Вамъ ужасно хочется, чтобъ я сходилъ къ какой нибудь здѣшней Жозефинѣ и пришелъ вамъ донести. Незачѣмъ; я и самъ еще тринадцати лѣтъ видѣлъ женскую наготу, всю; съ тѣхъ поръ и почувствовалъ омерзеніе.

— Серіозно? Но, cher enfant, отъ красивой свѣжей женщины яблокомъ пахнетъ, какое-жь тутъ омерзеніе!

— У меня былъ въ прежнемъ пансіонишкѣ, у Тушара, еще до гимназіи, одинъ товарищъ, Ламбертъ. Онъ все меня билъ, потому что былъ больше чѣмъ тремя годами старше, а я ему служилъ и сапоги снималъ. Когда онъ ѣздилъ на конфирмацію, то къ нему пріѣхалъ аббатъ Риго поздравить съ первымъ причастіемъ, и оба кинулись въ слезахъ другъ другу на шею, и аббатъ Риго сталъ его ужасно прижимать къ своей груди, съ разными жестами. Я тоже плакалъ и очень завидовалъ. Когда у него умеръ отецъ, онъ вышелъ, и я два года его не видалъ, а черезъ два года встрѣтилъ на улицѣ. Онъ сказалъ, что ко мнѣ придетъ. Я уже былъ въ гимназіи и жилъ у Николая Семеновича. Онъ пришелъ по утру, показалъ мнѣ пятьсотъ рублей и велѣлъ съ собой ѣхать. Хоть онъ и билъ меня два года назадъ, а всегда во мнѣ нуждался, не для однихъ сапогъ; онъ все мнѣ пересказывалъ. Онъ сказалъ, что деньги утащилъ сегодня у матери изъ шкатулки, поддѣлавъ ключъ, потому что деньги отъ отца всѣ его, по закону, и что она не смѣетъ не давать, а что вчера къ нему приходилъ аббатъ Риго увѣщевать — вошелъ, сталъ надъ нимъ и сталъ хныкать, изображать ужасъ и поднимать руки къ небу, «а я вынулъ ножъ и сказалъ, что я его зарѣжу» (онъ выговаривалъ: загхэжу). Мы поѣхали на Кузнецкій. Дорогой онъ мнѣ сообщилъ, что его мать въ сношеніяхъ съ аббатомъ Риго, и что онъ это замѣтилъ, и что онъ на все плюетъ, и что все, что они говорятъ про причастіе — вздоръ. Онъ еще много говорилъ, а я боялся. На Кузнецкомъ онъ купилъ двухствольное ружье, ягдташъ, готовыхъ патроновъ, манежный хлыстъ и потомъ еще фунтъ конфектъ. Мы поѣхали за городъ стрѣлять и дорогою встрѣтили птицелова съ клѣтками; Ламбертъ купилъ у него канарейку. Въ рощѣ онъ канарейку выпустилъ, такъ какъ она не можетъ далеко улетѣть послѣ клѣтки, и сталъ стрѣлять въ нее, но не попалъ. Онъ въ первый разъ стрѣлялъ въ жизни, а ружье давно хотѣлъ купить, еще у Тушара, и мы давно уже о ружьѣ мечтали. Онъ точно захлебывался. Волосы у него были черные ужасно, лицо бѣлое и румяное, какъ на маскѣ, носъ длинный, съ горбомъ, какъ у французовъ, зубы бѣлые, глаза черные. Онъ привязалъ канарейку ниткой къ сучку, и изъ двухъ стволовъ, въ упоръ, на вершокъ разстоянія, далъ по ней два залпа, и она разлетѣлась на сто перушковъ. Потомъ мы воротились, заѣхали въ гостинницу, взяли нумеръ, стали ѣсть и пить шампанское; пришла дама... Я, помню, былъ очень пораженъ тѣмъ, какъ пышно она была одѣта, въ зеленомъ шелковомъ платьѣ. Тутъ я все

это и увидѣлъ... про что вамъ говорилъ... Потомъ, когда мы стали опять пить, онъ сталъ ее дразнить и ругать; она сидѣла безъ платья; онъ отнялъ платье и когда она стала браниться и просить платье, чтобъ одѣться, онъ началъ ее изо всей силы хлестать по голымъ плечамъ хлыстомъ. Я всталъ, схватилъ его за волосы и такъ ловко, что съ одного раза бросилъ на полъ. Онъ схватилъ вилку и ткнулъ меня въ ляшку. Тутъ на крикъ вбѣжали люди, а я успѣлъ убѣжать. Съ тѣхъ поръ мнѣ мерзко вспомнить о наготѣ; повѣрьте, была красавица.

По мѣрѣ, какъ я говорилъ, у князя измѣнялось лицо съ игриваго на очень грустное.

— Mon pauvre enfant! Я всегда былъ убѣжденъ, что въ твоемъ дѣтствѣ было очень много несчастныхъ дней.

— Не безпокойтесь, пожалуйста.

— Но ты былъ одинъ, ты самъ говорилъ мнѣ, и хоть-бы этотъ Lambert; ты это такъ очертилъ: эта канарейка, эта конфирмація со слезами на груди и потомъ, черезъ какой нибудь годъ, онъ о своей матери съ аббатомъ... О, mon cher, этотъ дѣтскій вопросъ въ наше время просто страшенъ: покамѣстъ эти золотыя головки, съ кудрями и съ невинностью, въ первомъ дѣтствѣ, порхаютъ передъ тобой и смотрятъ на тебя съ ихъ свѣтлымъ смѣхомъ и свѣтлыми глазками, — точно ангелы Божіи или прелестныя птички; а потомъ... а потомъ случается, что лучше-бы они и не выростали совсѣмъ!

— Какой вы, князь, разслабленный! И точно у васъ у самихъ дѣти. Вѣдь у васъ нѣтъ дѣтей и никогда не будетъ?

— Tiens! мгновенно измѣнилось все лицо его, — какъ разъ Александра Петровна, — третьяго дня, хе-хе! — Александра Петровна Синицкая, — ты, кажется, ее долженъ былъ здѣсь встрѣтить недѣли три тому, — представь, она третьяго дня, вдругъ мнѣ, на мое веселое замѣчаніе, что если я теперь женюсь, то, по крайней мѣрѣ, могу быть спокоенъ, что не будетъ дѣтей, — вдругъ она мнѣ и даже съ этакою злостью: «Напротивъ, у васъ-то и будутъ: у такихъ-то, какъ вы, и бываютъ *непремѣнно*, съ перваго даже года пойдутъ, увидите». Хе-хе! И всѣ почему-то вообразили, что я вдругъ женюсь; но хоть и злобно сказано, а согласись — остроумно.

— Остроумно, да обидно.

— Ну, cher enfant, не отъ всякаго можно обидѣться. Я цѣню больше всего въ людяхъ остроуміе, которое видимо исчезаетъ, а что тамъ Александра Петровна скажетъ — развѣ можетъ считаться?

— Какъ, какъ вы сказали? привязался я: — не отъ всякаго можно... именно такъ! Не всякій стоитъ, чтобы на него обращать вниманіе — превосходное правило! Именно я въ немъ нуждаюсь. Я это запишу. Вы, князь, говорите иногда премилыя вещи.

Онъ весь и просіялъ.

— N'est ce pas? Cher enfant, истинное остроуміе исчезаетъ чѣмъ дальше, тѣмъ пуще. Eh, mais... C'est moi, qui connait les femmes! Повѣрь, жизнь всякой женщины, что-бы она тамъ ни проповѣдывала, это — вѣчное исканіе кому-бы подчиниться... такъ сказать, жажда подчиниться. И замѣть себѣ — безъ единаго исключенія.

— Совершенно вѣрно, великолѣпно! вскричалъ я въ восхищеніи. Въ другое время мы-бы тотчасъ-же пустились въ философскія размышленія на эту тему, на цѣлый часъ, но вдругъ меня какъ будто что-то укусило, и я весь покраснѣлъ. Мнѣ представилось, что я, похвалами его бонмо, подлещаюсь къ нему передъ деньгами и что онъ непремѣнно это подумаетъ, когда я начну просить. Я нарочно упоминаю теперь объ этомъ.

— Князь, я васъ покорнѣйше прошу выдать мнѣ сейчасъ-же должныя мнѣ вами пятьдесятъ рублей за этотъ мѣсяцъ, выпалилъ я залпомъ и раздражительно до грубости.

Помню (такъ какъ я помню все это утро до мелочи), что между нами произошла тогда прегадкая, по своей реальной правдѣ, сцена. Онъ меня сперва не понялъ, долго смотрѣлъ и не понималъ, про какія это деньги я говорю. Естественно, что онъ и не воображалъ, что я получаю жалованье — да и за что? Правда, онъ сталъ увѣрять потомъ, что забылъ и, когда догадался, мигомъ сталъ вынимать пятьдесятъ рублей, но заторопился и даже закраснѣлся. Видя въ чемъ дѣло, я всталъ и рѣзко заявилъ,

что не могу теперь принять деньги, что мнѣ сообщили о жалованьѣ, очевидно, ошибочно или обманомъ, чтобъ я не отказался отъ мѣста, и что я слишкомъ теперь понимаю, что мнѣ не за что получать, потому что никакой службы не было. Князь испугался и сталъ увѣрять, что я ужасно много служилъ, что я буду еще больше служить и что пятьдесятъ рублей такъ ничтожно, что онъ мнѣ, напротивъ, еще прибавитъ, потому что онъ обязанъ, и что онъ самъ рядился съ Татьяной Павловной, но «непростительно все позабылъ». Я вспыхнулъ и окончательно объявилъ, что мнѣ низко получать жалованье за скандальные разсказы о томъ, какъ я провожалъ два хвоста къ институтамъ, что я не потѣшать его нанялся, а заниматься дѣломъ, а когда дѣла нѣтъ, то надо покончить и т. д., и т. д. Я и представить не могъ, чтобы можно было такъ испугаться, какъ онъ, послѣ этихъ словъ моихъ. Разумѣется, покончили тѣмъ, что я пересталъ возражать, а онъ всучилъ таки мнѣ пятьдесятъ рублей: до сихъ поръ вспоминаю, съ краской въ лицѣ, что ихъ принялъ! На свѣтѣ всегда подлостью оканчивается, и, что хуже всего, онъ тогда съумѣлъ-таки почти доказать мнѣ, что я заслужилъ неоспоримо, а я имѣлъ глупость повѣрить, и притомъ какъ-то рѣшительно невозможно было не взять.

— Cher, cher enfant! восклицалъ онъ, цѣлуя меня и обнимая (признаюсь, я самъ было заплакалъ чортъ знаетъ съ чего, хоть мигомъ воздержался, и даже теперь, какъ пишу, у меня краска въ лицѣ) — милый другъ, ты мнѣ теперь какъ родной; ты мнѣ въ этотъ мѣсяцъ сталъ какъ кусокъ моего собственнаго сердца! Въ «свѣтѣ» только «свѣтъ» и больше ничего. Катерина Николаевна (дочь его) блестящая женщина, и я горжусь, но она часто, очень-очень, милый мой, часто меня обижаетъ... Ну, а эти дѣвочки (elles sont charmantes) и ихъ матери, которыя пріѣзжаютъ въ имянины, — такъ вѣдь онѣ только свою канву привозятъ, а сами ничего не умѣютъ сказать. У меня на шестьдесятъ подушекъ ихъ канвы накоплено, все собаки, да олени. Я ихъ очень люблю, но съ тобой я почти какъ съ роднымъ, — и не сыномъ, а братомъ, и особенно люблю, когда ты возражаешь: ты литературенъ, ты читалъ, ты умѣешь восхищаться...

— Я ничего не читалъ и совсѣмъ не литературенъ. Я читалъ что попадется, а послѣдніе два года совсѣмъ ничего не читалъ и не буду читать.

— Почему не будешь?

— У меня другія цѣли.

— Cher... жаль, если въ концѣ жизни скажешь себѣ какъ и я: Je sais tout, mais je ne sais rien de bon. Я рѣшительно не знаю, для чего я жилъ на свѣтѣ! Но... я тебѣ столько обязанъ... и я даже хотѣлъ...

Онъ какъ-то вдругъ оборвалъ, раскисъ и задумался. Послѣ потрясеній (а потрясенія съ нимъ могли случаться поминутно, Богъ знаетъ съ чего) онъ, обыкновенно, на нѣкоторое время какъ-бы терялъ здравость разсудка и переставалъ управлять собой; впрочемъ, скоро и поправлялся, такъ что все это было не вредно. Мы просидѣли съ минуту. Нижняя губа его, очень полная, совсѣмъ отвисла... всего болѣе удивило меня, что онъ вдругъ упомянулъ про свою дочь, да еще съ такою откровенностью. Конечно, я приписалъ разстройству.

— Cher enfant, ты вѣдь не сердишься за то, что я тебѣ *ты* говорю, не правда-ли? вырвалось у него вдругъ.

— Нисколько. Признаюсь, сначала, съ первыхъ разовъ, я былъ нѣсколько обиженъ и хотѣлъ вамъ самимъ сказать *ты*, но увидалъ, что глупо, потому что не для того-же, чтобъ унизить меня, вы мнѣ *ты* говорите?

Онъ уже не слушалъ и забылъ свой вопросъ.

— Ну, что *отецъ?* поднялъ онъ вдругъ на меня задумчивый взглядъ.

Я такъ и вздрогнулъ. Во первыхъ, онъ Версилова обозначилъ моимъ *отцомъ*,—чего-бы онъ себѣ никогда со мной не позволилъ, а во вторыхъ, заговорилъ о Версиловѣ, чего никогда не случалось.

— Сидитъ безъ денегъ и хандритъ, отвѣтилъ я кратко, но самъ сгорая отъ любопытства.

— Да, на счетъ денегъ. У него сегодня въ окружномъ судѣ рѣшается ихъ дѣло, и я жду князя Сережу, съ чѣмъ-то онъ при-

детъ. Обѣщался прямо изъ суда ко мнѣ. Вся ихъ судьба; тутъ шестьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ. Конечно, я всегда желалъ добра и Андрею Петровичу (то есть Версилову), и, кажется, онъ останется побѣдителемъ, а князья ни причемъ. Законъ!

— Сегодня въ судѣ? воскликнулъ я, пораженный.

Мысль, что Версиловъ даже и это пренебрегъ мнѣ сообщить, чрезвычайно поразила меня. «Стало быть, не сказалъ и матери, можетъ, никому», представилось мнѣ тотчасъ-же, «вотъ характеръ!»

— А развѣ князь Сокольскій въ Петербургѣ? — поразила меня вдругъ другая мысль.

— Со вчерашняго дня. Прямо изъ Берлина, нарочно къ этому дню.

Тоже чрезвычайно важное для меня извѣстіе. «И онъ придетъ сегодня сюда, этотъ человѣкъ, который далъ *ему* пощечину!»

— Ну, и что-жь, — измѣнилось вдругъ все лицо князя, — проповѣдуетъ Бога по прежнему и, и... пожалуй, опять по дѣвочкамъ, по неоперившимся дѣвочкамъ? Хе-хе! Тутъ и теперь презабавный наклевывается одинъ анекдотъ... Хе-хе!

— Кто проповѣдуетъ? Кто по дѣвочкамъ?

— Андрей Петровичъ! Вѣришь-ли, онъ тогда присталъ ко всѣмъ намъ, какъ листъ: что, дескать, ѣдимъ, объ чемъ мыслимъ?— То есть почти такъ. Пугалъ и очищалъ: «Если ты религіозенъ, то какъ-же ты не идешь въ монахи?» Почти это и требовалъ. Mais quelle idée! Если и правильно, то не слишкомъ-ли строго? Особенно меня любилъ страшнымъ судомъ пугать, меня изъ всѣхъ.

— Ничего этого я не замѣтилъ, вотъ ужь мѣсяцъ съ нимъ живу, отвѣчалъ я, вслушиваясь съ нетерпѣніемъ. Мнѣ ужасно было досадно, что онъ не оправился и мямлилъ такъ безсвязно.

— Это онъ только не говоритъ теперь, а повѣрь, что такъ. Человѣкъ остроумный, безспорно, и глубоко ученый; но правильный-ли это умъ? Это все послѣ трехъ лѣтъ его за границей съ нимъ произошло. И, признаюсь, меня очень потрясъ... и всѣхъ потрясалъ... Cher enfant, j'aime le bon Dieu... Я вѣрую, вѣрую сколько могу, но — я рѣшительно вышелъ тогда изъ себя. Положимъ, что я употребилъ пріемъ легкомысленный, но я это сдѣлалъ нарочно, въ досадѣ, — и къ тому-же сущность моего возраженія была такъ-же серіозна, какъ была и съ начала міра: «Если высшее существо», говорю ему, «есть, и существуетъ *персонально*, а не въ видѣ разлитаго тамъ духа какого-то по творенію, въ видѣ жидкости, что-ли (потому что это еще труднѣе понять), — то гдѣ-же Онъ живетъ? Другъ мой, c'était bête, безъ сомнѣнія, но вѣдь и всѣ возраженія на это-же сводятся. Un domicile—это важное дѣло. Ужасно разсердился. Онъ тамъ въ католичество перешелъ.

— Объ этой идеѣ я тоже слышалъ. Навѣрно, вздоръ.

— Увѣряю тебя всѣмъ что̀ есть свято. Вглядись въ него... Впрочемъ, ты говоришь, что онъ измѣнился. Ну, а въ то время какъ онъ насъ всѣхъ тогда измучилъ! Вѣришь-ли, онъ держалъ себя такъ, какъ будто святой, и его мощи явятся. Онъ у насъ отчета въ поведеніи требовалъ, клянусь тебѣ! Мощи! En voilà une autre! Ну, пусть тамъ монахъ или пустынникъ, — а тутъ человѣкъ ходитъ во фракѣ, ну, и тамъ все... и вдругъ его мощи! Странное желаніе для свѣтскаго человѣка и, признаюсь, странный вкусъ. Я тамъ ничего не говорю: конечно, все это святыня, и все можетъ случиться... Къ тому-же, все это de l'inconnu, но свѣтскому человѣку даже и неприлично. Если-бы какъ нибудь случилось со мной, или тамъ мнѣ предложили, то, клянусь, я-бы отклонилъ. Ну, я вдругъ сегодня обѣдаю въ клубѣ, и вдругъ потомъ — *являюсь!* Да я насмѣшу! Все это я ему тогда-же и изложилъ... Онъ вериги носилъ.

Я покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Вы сами видѣли вериги?

— Я самъ не видалъ, но...

— Такъ объявляю-же вамъ, что все это— ложь, сплетеніе гнусныхъ козней и клеветы враговъ, то есть одного врага, одного главнѣйшаго и безчеловѣчнаго, потому что

у него одинъ только врагъ и есть: это—ваша дочь!

Князь вспыхнулъ въ свою очередь.

— Mon cher, я прошу тебя и настаиваю, чтобъ отнынѣ никогда впредь при мнѣ не упоминать рядомъ съ этой гнусной исторіей имя моей дочери.

Я приподнялся. Онъ былъ внѣ себя; подбородокъ его дрожалъ.

— Cette histoire infâme!.. Я ей не вѣрилъ, я не хотѣлъ никогда вѣрить, но... мнѣ говорятъ: вѣрь, вѣрь, я...

Тутъ вдругъ вошелъ лакей и возвѣстилъ визитъ; я опустился опять на мой стулъ.

IV.

Вошли двѣ дамы, обѣ дѣвицы, одна — падчерица одного двоюроднаго брата покойной жены князя, или что-то въ этомъ родѣ, воспитанница его, которой онъ уже выдѣлилъ приданое и которая (замѣчу для будущаго) и сама была съ деньгами; вторая—Анна Андреевна Версилова, дочь Версилова, старше меня тремя годами, жившая съ своимъ братомъ у Фанаріотовой, и которую я видѣлъ до этого времени всего только разъ въ моей жизни, мелькомъ на улицѣ, хотя съ братомъ ея, тоже мелькомъ, уже имѣлъ въ Москвѣ стычку (очень можетъ быть и упомяну объ этой стычкѣ впослѣдствіи, если мѣсто будетъ, потому что, въ сущности, не стоитъ. Эта Анна Андреевна была съ дѣтства своего особенною фавориткой князя (знакомство Версилова съ княземъ началось ужасно давно). Я былъ такъ смущенъ только что происшедшимъ, что, при входѣ ихъ, даже не всталъ, хотя князь всталъ имъ на встрѣчу; а потомъ подумалъ, что ужь стыдно вставать, и остался на мѣстѣ. Главное, я былъ сбитъ тѣмъ, что князь такъ закричалъ на меня три минуты назадъ, и все еще не зналъ: уходить мнѣ, или нѣтъ. Но старикъ мой уже все забылъ совсѣмъ, по своему обыкновенію, и весь пріятно оживился при видѣ дѣвицъ. Онъ даже, съ быстро перемѣнившейся физіономіей и какъ-то таинственно подмигивая, успѣлъ прошептать мнѣ наскоро предъ самымъ ихъ входомъ:

— Вглядись въ Олимпіаду, гляди пристальнѣе, пристальнѣе, потомъ разскажу...

Я глядѣлъ на нее довольно пристально и ничего особеннаго не находилъ: не такъ высокаго роста дѣвица, полная и съ чрезвычайно румяными щеками. Лицо, впрочемъ, довольно пріятное, изъ нравящихся матеріалистамъ. Можетъ быть, выраженіе доброты, но со складкой. Особенной интеллекціей не могла блистать, но только въ высшемъ смыслѣ, потому что хитрость была видна по глазамъ. Лѣтъ не болѣе девятнадцати. Однимъ словомъ, ничего замѣчательнаго. У насъ въ гимназіи сказали-бы: подушка. (Если я описываю въ такой подробности, то единственно для того, что понадобится въ будущемъ).

Впрочемъ, и все, что описывалъ до сихъ поръ, повидимому, съ такой ненужной подробностью,—все это ведетъ въ будущее и тамъ понадобится. Въ своемъ мѣстѣ все отзовется; избѣжать не умѣлъ; а если скучно, то прошу не читать.

Совсѣмъ другая особа была дочь Версилова. Высокая, немного даже худощавая; продолговатое и замѣчательно блѣдное лицо, но волосы черные, пышные; глаза темные, большіе, взглядъ глубокій; малыя и алыя губы, свѣжій ротъ. Первая женщина, которая мнѣ не внушала омерзенія походкой; впрочемъ, она была тонка и сухощава. Выраженіе лица не совсѣмъ доброе, но важное; двадцать два года. Почти ни одной наружной черты сходства съ Версиловымъ, а между тѣмъ, какимъ-то чудомъ, необыкновенное сходство съ нимъ въ выраженіи физіономіи. Не знаю, хороша-ли она собой; тутъ какъ на вкусъ. Обѣ были одѣты очень скромно, такъ что не стоитъ описывать. Я ждалъ, что буду тотчасъ обиженъ какимъ нибудь взглядомъ Версиловой или жестомъ и приготовился; обидѣлъ-же меня ея братъ въ Москвѣ, съ перваго-же нашего столкновенія въ жизни. Она меня не могла знать въ лицо, но, конечно, слышала, что я хожу къ князю. Все, что предполагалъ или дѣлалъ князь, во всей этой кучѣ его родныхъ и «ожидающихъ» тотчасъ-же возбуждало интересъ и являлось событіемъ,—тѣмъ болѣе его внезапное пристрастіе ко мнѣ. Мнѣ положи-

тельно было извѣстно, что князь очень интересовался судьбой Анны Андреевны и искалъ ей жениха. Но для Версиловой было труднѣе найдти жениха, чѣмъ тѣмъ, которыя вышивали по канвѣ.

И вотъ, противъ всѣхъ ожиданій, Версилова, пожавъ князю руку и обмѣнявшись съ нимъ какими-то веселыми свѣтскими словечками, необыкновенно любопытно посмотрѣла на меня и, видя, что я на нее тоже смотрю, вдругъ мнѣ съ улыбкою поклонилась. Правда, она только что вошла и поклонилась, какъ вошедшая, но улыбка была до того добрая, что, видимо, была преднамѣренная. И, помню, я испыталъ необыкновенно пріятное ощущеніе.

— А это... а это — мой милый и юный другъ Аркадій Андреевичъ Дол... пролепеталъ князь, замѣтивъ, что она мнѣ поклонилась, а я все сижу,— и вдругъ осѣкся: можетъ, сконфузился, что меня съ ней знакомитъ (то есть, въ сущности, брата съ сестрой). Подушка тоже мнѣ поклонилась; но я вдругъ преглупо вскрипѣлъ и вскочилъ съ мѣста: приливъ выдѣланной гордости, совершенно безсмысленной; все отъ самолюбія.

— Извините, князь, я—не Аркадій Андреевичъ, а Аркадій Макаровичъ, рѣзко отрѣзалъ я, совсѣмъ ужь забывъ, что нужно-бы отвѣтить дамамъ поклономъ. Чортъ-бы взялъ эту неблагопристойную минуту!

— Mais... tiens! вскричалъ было князь, ударивъ себя пальцемъ по лбу.

— Гдѣ вы учились? раздался надо мной глупенькій и протяжный вопросъ прямо подошедшей ко мнѣ подушки.

— Въ Москвѣ-съ, въ гимназіи.

— А! Я слышала. Что, тамъ хорошо учатъ?

— Очень хорошо.

Я все стоялъ, а говорилъ точно солдатъ на рапортѣ.

Вопросы этой дѣвицы, безспорно, были ненаходчивы, но, однако-жь, она таки нашлась чѣмъ замять мою глупую выходку и облегчить смущеніе князя, который ужь тѣмъ временемъ слушалъ съ веселою улыбкой какое-то веселое нашептыванье ему на ухо Версиловой, — видимо, не обо мнѣ. Но вопросъ: зачѣмъ-же эта дѣвица, совсѣмъ мнѣ незнакомая, выискалась заминать мою глупую выходку и все прочее? Вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможно было и представить себѣ, что она обращалась ко мнѣ только такъ: тутъ было намѣреніе. Смотрѣла она на меня слишкомъ любопытно, точно ей хотѣлось, чтобъ и я ее тоже очень замѣтилъ какъ можно больше. Все это я уже послѣ сообразилъ и—не ошибся.

— Какъ, развѣ сегодня? вскричалъ вдругъ князь, срываясь съ мѣста.

— Такъ вы не знали? удивилась Версилова:—Olympe! Князь не зналъ, что Катерина Николаевна сегодня будетъ. Мы къ ней и ѣхали, мы думали, она уже съ утреннимъ поѣздомъ и давно дома. Сейчасъ только съѣхались у крыльца: она прямо съ дороги и сказала намъ пройдти къ вамъ, а сама сейчасъ придетъ... Да вотъ и она!

Отворилась боковая дверь и—*та женщина появилась!*

Я уже зналъ ея лицо по удивительному портрету, висѣвшему въ кабинетѣ князя; я изучалъ этотъ портретъ весь этотъ мѣсяцъ. При ней-же я провелъ въ кабинетѣ минуты три и ни на одну секунду не отрывалъ глазъ отъ ея лица. Но если-бъ я не зналъ портрета и послѣ этихъ трехъ минутъ спросили меня: «какая она?»—я-бы ничего не отвѣтилъ, потому что все у меня заволоклось.

Я только помню изъ этихъ трехъ минутъ какую-то дѣйствительно прекрасную женщину, которую князь цѣловалъ и крестилъ рукой и которая вдругъ быстро стала глядѣть, — такъ-таки прямо только что вошла—на меня. Я ясно разслышалъ, какъ князь, очевидно показавъ на меня, пробормоталъ что-то, съ маленькимъ какимъ-то смѣхомъ, про новаго секретаря и произнесъ мою фамилію. Она какъ-то вздернула лицо, скверно на меня посмотрѣла и такъ нахально улыбнулась, что я вдругъ шагнулъ, подошелъ къ князю и пробормоталъ, ужасно дрожа, не доканчивая ни одного слова, кажется, стуча зубами:

— Съ тѣхъ поръ я... мнѣ теперь свои дѣла... Я иду.

И я повернулся и вышелъ. Мнѣ никто не сказалъ ни слова, даже князь; всѣ только глядѣли. Князь мнѣ передалъ потомъ,

что я такъ поблѣднѣлъ, что онъ «просто струсилъ».

Да нужды нѣтъ!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Именно нужды не было: высшее соображеніе поглощало всѣ мелочи, и одно могущественное чувство удовлетворяло меня за все. Я вышелъ въ какомъ-то восхищеніи. Ступивъ на улицу, я готовъ былъ запѣть. Какъ нарочно, было прелестное утро, солнце, прохожіе, шумъ, движеніе, радость, толпа.—Чтò, неужели не обидѣла меня эта женщина? Отъ кого-бы перенесъ я такой взглядъ и такую нахальную улыбку безъ немедленнаго протеста, хотя-бы глупѣйшаго, — это все равно,—съ моей стороны? Замѣтьте, она ужь и ѣхала съ тѣмъ, чтобъ меня поскорѣй оскорбить, еще никогда не видавъ: въ глазахъ ея я былъ «подсыльный отъ Версилова», а она была убѣждена и тогда, и долго спустя, что Версиловъ держитъ въ рукахъ всю судьбу ея и имѣетъ средства тотчасъ-же погубить ее, если захочетъ, посредствомъ одного документа; подозрѣвала, по крайней мѣрѣ, это. Тутъ была дуэль на смерть. И вотъ—оскорбленъ я не былъ! Оскорбленіе было, но я его не почувствовалъ! Куда! Я даже былъ радъ; пріѣхавъ ненавидѣть, я даже чувствовалъ, что начинаю любить ее. «Я не знаю, можетъ-ли паукъ ненавидѣть ту муху, которую намѣтилъ и ловитъ? Миленькая мушка! Мнѣ, кажется, жертву любятъ: по крайней мѣрѣ, можно любить. Я-же вотъ люблю моего врага: мнѣ, напримѣръ, ужасно нравится, что она такъ прекрасна. Мнѣ ужасно нравится, сударыня, что вы такъ надменны и величественны: были-бы вы посмирнѣе, не было-бы такого удовольствія. Вы плюнули на меня, а я торжествую; если-бы вы, въ самомъ дѣлѣ, плюнули мнѣ въ лицо настоящимъ плевкомъ, то, право, я, можетъ быть, не разсердился-бы, потому что вы—моя жертва, *моя*, а не *его*. Какъ обаятельна эта мысль! Нѣтъ, тайное сознаніе могущества нестерпимо пріятнѣе явнаго господства. Если-бъ я былъ стомилліонный богачъ, я-бы, кажется, находилъ удовольствіе именно ходить въ самомъ старенькомъ платьѣ и чтобъ меня принимали за человѣка самаго мизернаго, чуть не просящаго на бѣдность, толкали и презирали меня: съ меня было-бы довольно одного сознанія».

Вотъ какъ-бы я перевелъ тогдашнія мысли и радость мою, и многое изъ того, что я чувствовалъ. Прибавлю только, что здѣсь, въ сейчасъ написанномъ, вышло легкомысленнѣе: на дѣлѣ я былъ глубже и стыдливѣе. Можетъ, я и теперь про себя стыдливѣе, чѣмъ въ словахъ и дѣлахъ моихъ; дай-то Богъ!

Можетъ, я очень худо сдѣлалъ, что сѣлъ писать: внутри безмѣрно больше остается чѣмъ-то, что выходитъ въ словахъ. Ваша мысль, хотя-бы и дурная, пока при васъ,—всегда глубже, а на словахъ—смѣшнѣе и безчестнѣе. Версиловъ мнѣ сказалъ, что совсѣмъ обратно тому бываетъ только у сквернѣхъ людей. Тѣ только лгутъ, имъ легко; а я стараюсь писать всю правду—это ужасно трудно!

II.

Въ это девятнадцатое число я сдѣлалъ еще одинъ «шагъ».

Въ первый разъ съ пріѣзда у меня очутились въ карманѣ деньги, потому что накопленные въ два года мои шестьдесятъ рублей я отдалъ матери, о чемъ и упомянулъ выше; но уже нѣсколько дней назадъ, я положилъ, въ день полученія жалованья, сдѣлать «пробу», о которой давно мечталъ. Еще вчера я вырѣзалъ изъ газеты адресъ—объявленіе «Судебнаго Пристава при С.-Петербургскомъ Мировомъ съѣздѣ» и проч., и проч., о томъ, что «девятнадцатаго сего сентября, въ двѣнадцать часовъ утра, Казанской части, такого-то участка и т. д., и т. д., въ домѣ № такой-то, будетъ продаваться движимое имущество госпожи Лебрехтъ», и что «опись, оцѣнку и продаваемое имущество можно разсмотрѣть въ день продажи» и т. д., и т. д.

Былъ второй часъ въ началѣ. Я поспѣ-

шилъ по адресу пѣшкомъ. Вотъ уже третій годъ, какъ я не беру извощиковъ,—такое далъ слово (иначе не скопилъ-бы шестидесяти рублей). Я никогда не ходилъ на аукціоны, я еще не *позволялъ* себѣ этого; и хоть теперешній «шагъ» мой былъ только *примѣрный*, но и къ этому шагу я положилъ прибѣгнуть лишь тогда, когда кончу съ гимназіей, когда порву со всѣми, когда забьюсь въ скорлупу и стану совершенно свободенъ. Правда, я далеко былъ не въ «скорлупѣ» и далеко еще не былъ свободенъ; но вѣдь и шагъ я положилъ сдѣлать лишь въ видѣ пробы,—такъ только, чтобъ посмотрѣть, почти какъ-бы помечтать, а потомъ ужь не приходить, можетъ, долго, до самаго того времени, когда начнется серіозно. Для всѣхъ это былъ только маленькій, глупенькій аукціонъ, а для меня то первое бревно того корабля, на которомъ Колумбъ поѣхалъ открывать Америку. Вотъ мои тогдашнія чувства.

Прибывъ на мѣсто, я прошелъ въ углубленіе двора, обозначеннаго въ объявленіи дома, и вошелъ въ квартиру госпожи Лебрехтъ. Квартира состояла изъ прихожей и четырехъ небольшихъ, невысокихъ комнатъ. Въ первой комнатѣ изъ прихожей стояла толпа, человѣкъ даже до тридцати; изъ нихъ на половину торгующихся, а другіе, по виду ихъ, были или любопытные, или любители, или подосланные отъ Лебрехтъ; были и купцы, и жиды, зарившіеся на золотыя вещи, и нѣсколько человѣкъ изъ одѣтыхъ «чисто». Даже физіономіи иныхъ изъ этихъ господъ врѣзались въ моей памяти. Въ комнатѣ направо, въ открытыхъ дверяхъ, какъ разъ между дверцами, вдвинутъ былъ столъ, такъ что въ ту комнату войдти было нельзя: тамъ лежали описанныя и продаваемыя вещи. Налѣво была другая комната, но двери въ нее были притворены, хотя и отпирались поминутно на маленькую щелку, въ которую, видно было, кто-то выглядывалъ—должно быть, изъ многочисленнаго семейства госпожи Лебрехтъ, которой, естественно, въ то время было очень стыдно. За столомъ между дверями, лицомъ къ публикѣ, сидѣлъ на стулѣ господинъ судебный приставъ, при знакѣ, и производилъ распродажу вещей. Я засталъ уже дѣло почти въ половинѣ; какъ вошелъ—протѣснился къ самому столу. Продавались бронзовые подсвѣчники. Я сталъ глядѣть.

Я глядѣлъ и тотчасъ-же сталъ думать: что-же я могу тутъ купить? И куда сейчасъ дѣну бронзовые подсвѣчники, и будетъ-ли достигнута цѣль, и такъ-ли дѣло дѣлается, и удастся-ли мой разсчетъ? И не дѣтскій-ли былъ мой разсчетъ? Все это я думалъ и ждалъ. Ощущеніе было въ родѣ какъ передъ игорнымъ столомъ въ тотъ моментъ, когда вы еще не поставили карту, но подошли съ тѣмъ, что хотите поставить: «захочу поставлю, захочу уйду—моя воля». Сердце тутъ еще не бьется, но какъ-то слегка замираетъ и вздрагиваетъ,—ощущеніе не безъ пріятности. Но нерѣшимость быстро начинаетъ тяготить васъ, и вы какъ-то слѣпнете: протягиваете руку, берете карту, но машинально, почти противъ воли, какъ будто вашу руку направляетъ другой; наконецъ, вы рѣшились и ставите,—тутъ ужь ощущеніе совсѣмъ иное, огромное. Я не про аукціонъ пишу, я только про себя пишу: у кого-же другого можетъ биться сердце на аукціонѣ?

— Были — что горячились, были — что молчали и выжидали, были — что купили и раскаявались. Я даже совсѣмъ не сожалѣлъ одного господина, который ошибкою, не разслышавъ, купилъ мельхіоровый молочникъ вмѣсто серебрянаго, вмѣсто двухъ рублей за пять, даже очень мнѣ весело стало. Приставъ варьировалъ вещи: послѣ подсвѣчниковъ явились серьги, послѣ серегъ шитая сафьянная подушка, за нею шкатулка,—должно быть, для разнообразія, или соображаясь съ требованіями торгующихся. Я не выстоялъ и десяти минутъ, подвинулся было къ подушкѣ, потомъ къ шкатулкѣ, но въ рѣшительную минуту каждый разъ осѣкался: предметы эти казались мнѣ совсѣмъ невозможными. Наконецъ, въ рукахъ пристава очутился альбомъ.

«Домашній альбомъ, въ красномъ сафьянѣ, подержанный, съ рисунками акварелью и тушью, въ футлярѣ изъ рѣзной слоновой кости съ серебряными застежками,— цѣна два рубля!»

Я подступилъ: вещь на видъ изящная,

но въ костяной рѣзьбѣ въ одномъ мѣстѣ былъ изъянъ. Я только одинъ и подошелъ смотрѣть, всѣ молчали; конкуррентовъ не было. Я-бы могъ отстегнуть застежки и вынуть альбомъ изъ футляра чтобъ осмотрѣть вещь, но правомъ моимъ не воспользовался, и только махнулъ дрожащей рукой: «дескать, все равно».

— Два рубля пять копѣекъ, сказалъ я, опять, кажется, стуча зубами.

Осталось за мной. Я тотчасъ-же вынулъ деньги, заплатилъ, схватилъ альбомъ и ушелъ въ уголъ комнаты; тамъ вынулъ его изъ футляра и лихорадочно, наскоро, сталъ разглядывать: не считая футляра, это была самая дрянная вещь въ мірѣ,—альбомчикъ въ размѣрѣ листа почтовой бумаги малаго формата, тоненькій, съ золотымъ истершимся обрѣзомъ,—точь въ точь такой, какъ заводились въ старину у только что вышедшихъ изъ института дѣвицъ. Тушью и красками нарисованы были храмы на горѣ, Амуры, прудъ съ плавающими лебедями; были стишки:

«Я въ путь далекій отправляюсь,
«Съ Москвой надолго разстаюсь,
«Надолго съ милыми прощаюсь,
«И въ Крымъ на почтовыхъ несусь».

(Уцѣлѣли-таки въ моей памяти!). Я рѣшилъ, что «провалился»; если кому чего не надо, такъ именно этого.

— «Ничего, рѣшилъ я:—первую карту непремѣнно проигрываютъ; даже примѣта хорошая».

Мнѣ рѣшительно было весело.

— Ахъ, опоздалъ; у васъ? Вы пріобрѣли? вдругъ раздался подлѣ меня голосъ господина въ синемъ пальто, виднаго собой и хорошо одѣтаго. Онъ опоздалъ.

— Я опоздалъ. Ахъ, какъ жаль! За сколько?

— Два рубля пять копѣекъ.

— Ахъ, какъ жаль! А вы-бы уступили?

— Выйдемте, шепнулъ я ему, замирая.

Мы вышли на лѣстницу.

— Я уступлю вамъ за десять рублей, сказалъ я, чувствуя холодъ въ спинѣ.

— Десять рублей! Помилуйте, что вы!

— Какъ хотите.

Онъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза: я былъ одѣтъ хорошо: совсѣмъ не похожъ былъ на жида или перекупщика.

— Помилосердуйте, да вѣдь это—дрянной старый альбомъ, кому онъ нуженъ? Футляръ, въ сущности, вѣдь ничего не стоитъ, вѣдь вы-же не продадите никому?

— Вы-же покупаете.

— Да вѣдь я по особому случаю, я только вчера узналъ: вѣдь этакій я только одинъ и есть! Помилуйте, что вы!

— Я-бы долженъ былъ спросить двадцать пять рублей; но такъ какъ тутъ все-таки рискъ, что вы отступитесь, то я спросилъ только десять для вѣрности. Не спущу ни копѣйки.

Я повернулся и пошелъ.

— Да возьмите четыре рубля, нагналъ онъ меня уже на дворѣ: — ну, пять.

Я молчалъ и шагалъ.

— На-те, берите! Онъ вынулъ десять рублей, я отдалъ альбомъ.

— А согласитесь, что это нечестно! Два рубля и десять — а?

— Почему нечестно? Рынокъ!

— Какой тутъ рынокъ? (Онъ сердился).

— Гдѣ спросъ, тамъ и рынокъ; не спроси вы, — за сорокъ копѣекъ не продалъ-бы.

Я хоть не заливался хохотомъ и былъ серіозенъ, но хохоталъ внутри,—хохоталъ не то, что отъ восторга, а самъ не знаю отчего, немного задыхался.

— Слушайте, пробормоталъ я совершенно неудержимо, но дружески и ужасно любя его: — слушайте: когда Джемсъ Ротшильдъ, покойникъ, парижскій, вотъ что тысячу семьсотъ милліоновъ франковъ оставилъ (онъ кивнулъ головой), еще въ молодости, когда случайно узналъ, за нѣсколько часовъ раньше всѣхъ, объ убійствѣ герцога Беррійскаго, то тотчасъ поскорѣе далъ знать кому слѣдуетъ, и одной только этой штукой, въ одинъ мигъ, нажилъ нѣсколько милліоновъ — вотъ какъ люди дѣлаютъ!

— Такъ вы Ротшильдъ, что-ли? крикнулъ онъ мнѣ съ негодованіемъ, какъ дураку.

Я быстро вышелъ изъ дому. Одинъ шагъ— и семь рублей девяносто пять копѣекъ нажилъ! Шагъ былъ безсмысленный, дѣтская игра, я согласенъ, но онъ все-таки совпа-

далъ съ моею мыслью и не могъ не взволновать меня чрезвычайно глубоко... Впрочемъ, нечего чувства описывать. Десятирублевая была въ жилетномъ карманѣ, я просунулъ два пальца пощупать — и такъ и шелъ не вынимая руки. Отойдя шаговъ сто по улицѣ, я вынулъ ее посмотрѣть, посмотрѣлъ и хотѣлъ поцѣловать. У подъѣзда дома вдругъ прогремѣла карета: швейцаръ отворилъ двери и изъ дому вышла садиться въ карету дама, пышная, молодая, красивая, богатая, въ шелку и бархатѣ, съ двухъаршиннымъ хвостомъ. Вдругъ хорошенькій маленькій портфельчикъ выскочилъ у ней изъ руки и упалъ на землю; она сѣла; лакей нагнулся поднять вещицу, но я быстро подскочилъ, поднялъ и вручилъ дамѣ, приподнявъ шляпу. (Шляпа цилиндръ, я былъ одѣтъ какъ молодой человѣкъ, недурно). Дама сдержанно, но съ пріятнѣйшей улыбкой проговорила мнѣ: «Мегсі, мсье». Карета загремѣла. Я поцѣловалъ десятирублевую.

III.

Мнѣ въ этотъ-же день надо было видѣть Ефима Звѣрева, одного изъ прежнихъ товарищей по гимназіи, бросившаго гимназію и поступившаго въ Петербургѣ въ одно спеціальное высшее училище. Самъ онъ не стоитъ описанія, и собственно въ дружескихъ отношеніяхъ я съ нимъ не былъ; но въ Петербургѣ его отыскалъ; онъ могъ (по разнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ говорить тоже не стоитъ) тотчасъ-же сообщить мнѣ адресъ одного Крафта, чрезвычайно нужнаго мнѣ человѣка, только что тотъ вернется изъ Вильно. Звѣревъ ждалъ его именно сегодня или завтра, о чемъ третьяго дня далъ мнѣ знать. Идти надо было на Петербургскую сторону, но усталости я не чувствовалъ.

Звѣрева (ему тоже было лѣтъ девятнадцать) я засталъ на дворѣ дома его тетки, у которой онъ временно проживалъ. Онъ только что пообѣдалъ и ходилъ по двору на ходуляхъ; тотчасъ-же сообщилъ мнѣ, что Крафтъ пріѣхалъ еще вчера и остановился на прежней квартирѣ, тутъ-же на Петербургской, и что онъ самъ желаетъ какъ можно скорѣе меня видѣть, чтобы немедленно сообщить нѣчто нужное.

— Куда-то ѣдетъ опять, прибавилъ Ефимъ.

Такъ какъ видѣть Крафта въ настоящихъ обстоятельствахъ для меня было капитально важно, то я и попросилъ Ефима тотчасъ-же свести меня къ нему на квартиру, которая, оказалось, была въ двухъ шагахъ, гдѣ-то въ переулкѣ. Но Звѣревъ объявилъ, что часъ тому ужь его встрѣтилъ и что онъ прошелъ къ Дергачеву.

— Да пойдемъ къ Дергачеву, что ты все отнѣкиваешься; трусишь?

Дѣйствительно, Крафтъ могъ засидѣться у Дергачева, и тогда гдѣ-же мнѣ его ждать? Къ Дергачеву я не трусилъ, но идти не хотѣлъ, не смотря на то, что Ефимъ тащилъ меня туда уже третій разъ. И при этомъ «трусишь» всегда произносилъ съ прескверной улыбкой на мой счетъ. Тутъ была не трусость, объявляю заранѣе, а если я боялся, то совсѣмъ другого. На этотъ разъ пойдти рѣшился; это тоже было въ двухъ шагахъ. Дорогой я спросилъ Ефима, все-ли еще онъ держитъ намѣреніе бѣжать въ Америку?

— Можетъ, и подожду еще, отвѣтилъ онъ съ легкимъ смѣхомъ.

Я его не такъ любилъ, даже не любилъ вовсе. Онъ былъ очень бѣлъ волосами, съ полнымъ, слишкомъ бѣлымъ лицомъ, даже неприлично бѣлымъ, до дѣтскости, а ростомъ даже выше меня, но принять его можно было не иначе, какъ за семнадцатилѣтняго. Говорить съ нимъ было не о чемъ.

— Да что-жь тамъ? Неужто всегда толпа? справился я для основательности.

— Да чего ты все трусишь? опять засмѣялся онъ.

— Убирайся къ чорту, разсердился я.

— Вовсе не толпа. Приходятъ только знакомые, и ужь все свои, будь покоенъ.

— Да чортъ-ли мнѣ за дѣло, свои или не свои! Я вотъ развѣ тамъ свой? Почему они во мнѣ могутъ быть увѣрены?

— Я тебя привелъ, и довольно. О тебѣ даже слышали. Крафтъ тоже можетъ о тебѣ заявить.

— Слушай, будетъ тамъ Васинъ?

— Не знаю.

— Если будетъ, какъ только войдемъ, толкни меня и укажи Васина; только что войдемъ, слышишь?

Объ Васинѣ я уже довольно слышалъ и давно интересовался.

Дергачевъ жилъ въ маленькомъ флигелѣ, на дворѣ деревяннаго дома одной купчихи, но зато флигель занималъ весь. Всего было чистыхъ три комнаты. Во всѣхъ четырехъ окнахъ были спущены шторы. Это былъ техникъ и имѣлъ въ Петербургѣ занятіе; я слышалъ мелькомъ, что ему выходило одно выгодное частное мѣсто въ губерніи и что онъ уже отправляется.

Только что мы вошли въ крошечную прихожую, какъ послышались голоса: кажется, горячо спорили и кто-то кричалъ: «Quae medicamenta non sanant — ferrum sanat, quae ferrum non sanat — ignis sanat!»

Я дѣйствительно былъ въ нѣкоторомъ безпокойствѣ. Конечно, я не привыкъ къ обществу, даже къ какому-бы ни было. Въ гимназіи я съ товарищами былъ на ты, но ни съ кѣмъ почти не былъ товарищемъ; я сдѣлалъ себѣ уголъ и жилъ въ углу. Но не это смущало меня. На всякій случай, я далъ себѣ слово не входить въ споры и говорить только самое необходимое, такъ чтобъ никто не могъ обо мнѣ ничего заключить; главное — не спорить.

Въ комнатѣ, даже слишкомъ небольшой, было человѣкъ семь, а съ дамами человѣкъ десять. Дергачеву было двадцать пять лѣтъ и онъ былъ женатъ. У жены была сестра и еще родственница; онѣ тоже жили у Дергачева. Комната была меблирована кое-какъ, впрочемъ, достаточно, и даже было чисто. На стѣнѣ висѣлъ литографированный портретъ, но очень дешевый, а въ углу образъ безъ ризы, но съ горѣвшей лампадкой. Дергачевъ подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку и попросилъ садиться.

— Садитесь, здѣсь всѣ свои.

— Сдѣлайте одолженіе,—прибавила тотчасъ-же довольно миловидная молоденькая женщина, очень скромно одѣтая, и, слегка поклонившись мнѣ, тотчасъ-же вышла. Это была жена его и, кажется, по виду она тоже спорила, а ушла теперь кормить ребенка. Но въ комнатѣ оставались еще двѣ дамы: — одна очень небольшаго роста, лѣтъ двадцати, въ черномъ платьицѣ и тоже не изъ дурныхъ, а другая лѣтъ тридцати, сухая и востроглазая. Онѣ сидѣли, очень слушали, но въ разговоръ не вступали.

Что-же касается до мужчинъ, то всѣ были на ногахъ, а сидѣли только, кромѣ меня, Крафтъ и Васинъ; ихъ указалъ мнѣ тотчасъ-же Ефимъ, потому что я и Крафта видѣлъ теперь въ первый разъ въ жизни. Я всталъ съ мѣста и подошелъ съ нимъ познакомиться. Крафтово лицо я никогда не забуду: никакой особенной красоты, но что-то какъ-бы ужь слишкомъ незлобивое и деликатное, хотя собственное достоинство такъ и выставлялось во всемъ. Двадцати шести лѣтъ, довольно сухощавъ, росту выше средняго, бѣлокуръ, лицо серіозное, но мягкое; что-то во всемъ въ немъ было такое тихое. А, между тѣмъ, спросите,—я-бы не промѣнялъ моего, можетъ быть, даже очень пошлаго лица, на его лицо, которое казалось мнѣ такъ привлекательнымъ. Что-то было такое въ его лицѣ, чего-бы я не захотѣлъ въ свое, что-то такое слишкомъ ужь спокойное въ нравственномъ смыслѣ, что-то въ родѣ какой-то тайной, себѣ невѣдомой гордости. Впрочемъ, такъ буквально судить я тогда вѣроятно не могъ; это мнѣ теперь кажется, что я тогда такъ судилъ, то есть уже послѣ событія.

— Очень радъ, что вы пришли, сказалъ Крафтъ. — У меня есть одно письмо, до васъ относящееся. Мы здѣсь посидимъ, а потомъ пойдемъ ко мнѣ.

Дергачевъ былъ средняго роста, широкоплечъ, сильный брюнетъ съ большой бородой; во взглядѣ его видна была смѣтливость и во всемъ сдержанность, нѣкоторая безпрерывная осторожность; хоть онъ больше молчалъ, но очевидно управлялъ разговоромъ. Физіономія Васина не очень поразила меня, хоть я слышалъ о немъ какъ о чрезмѣрно умномъ: бѣлокурый, съ свѣтло-сѣрыми большими глазами, лицо очень открытое, но въ тоже время въ немъ что-то было какъ-бы излишне твердое; предчувствовалось мало сообщительности, но взглядъ рѣшительно умный, умнѣе Дергачевскаго, глубже, — умнѣе всѣхъ въ комнатѣ; впрочемъ, можетъ быть, я теперь все преувели-

чиваю. Изъ остальныхъ я припоминаю всего только два лица изъ всей этой молодежи: одного высокаго, смуглаго человѣка, съ черными бакенами, много говорившаго, лѣтъ двадцати семи, какого-то учителя или въ родѣ того, и еще молодаго парня моихъ лѣтъ, въ русской поддевкѣ,—лицо со складкой, молчаливое, изъ прислушивающихся. Онъ и оказался потомъ изъ крестьянъ.

— Нѣтъ, это не такъ надо ставить, началъ,очевидно,возобновляя давешній споръ, учитель съ черными бакенами, горячившійся больше всѣхъ:—про математическія доказательства я ничего не говорю, но эта идея, которой я готовъ вѣрить и безъ математическихъ доказательствъ...

— Подожди, Тихоміровъ, громко перебилъ Дергачевъ:—вошедшіе не понимаютъ. Это, видите-ли, вдругъ обратился онъ ко мнѣ одному (и признаюсь, если онъ имѣлъ намѣреніе объэкзаменовать во мнѣ новичка или заставить меня говорить, то пріемъ былъ очень ловкій съ его стороны; я тотчасъ это почувствовалъ и приготовился): это, видите-ли, вотъ господинъ Крафтъ, довольно уже намъ всѣмъ извѣстный и характеромъ, и солидностью убѣжденій. Онъ, вслѣдствіе весьма обыкновеннаго факта, пришелъ къ весьма необыкновенному заключенію, которымъ всѣхъ удивилъ. Онъ вывелъ, что русскій народъ есть народъ второстепенный...

— Третьестепенный, крикнулъ кто-то.

— ... второстепенный, которому предназначено послужить матеріаломъ для болѣе благороднаго племени, а не имѣть своей самостоятельной роли въ судьбахъ человѣчества. Въ виду этого, можетъ быть, и справедливаго своего вывода, г-нъ Крафтъ пришелъ къ заключенію, что всякая дальнѣйшая дѣятельность всякаго русскаго человѣка должна быть этой идеей парализована, такъ сказать, у всѣхъ должны опуститься руки и...

— Позволь, Дергачевъ, это не такъ надо ставить, опять подхватилъ съ нетерпѣніемъ Тихоміровъ (Дергачевъ тотчасъ-же уступилъ).—Въ виду того, что Крафтъ сдѣлалъ серіозныя изученія, вывелъ выводы на основаніи физіологіи, которые признаетъ математическими, и убилъ, можетъ быть, года два на свою идею (которую я-бы принялъ преспокойно a priori), въ виду этого, то есть въ виду тревогъ и серіозности Крафта, это дѣло представляется въ видѣ феномена. Изъ всего выходитъ вопросъ, который Крафтъ понимать не можетъ, и вотъ этимъ и надо заняться, то есть непониманіемъ Крафта, потому что это феноменъ. Надо разрѣшить, принадлежитъ-ли этотъ феноменъ клиникѣ, какъ единичный случай, или есть свойство, которое можетъ нормально повторяться въ другихъ; это интересно въ видахъ уже общаго дѣла. Про Россію я Крафту повѣрю, и даже скажу, что, пожалуй, и радъ; если-бъ эта идея была всѣми усвоена, то развязала-бы руки и освободила многихъ отъ патріотическаго предразсудка...

— Я не изъ патріотизма, сказалъ Крафтъ какъ-бы съ какой-то натугой. Всѣ эти дебаты были, кажется, ему непріятны.

— Патріотизмъ или нѣтъ, это можно оставить въ сторонѣ, промолвилъ Васинъ, очень молчавшій.

— Но чѣмъ, скажите, выводъ Крафта могъ-бы ослабить стремленіе къ общечеловѣческому дѣлу? кричалъ учитель (онъ одинъ только кричалъ, всѣ остальные говорили тихо).—Пусть Россія осуждена на второстепенность; но можно работать и не для одной Россіи. И, кромѣ того, какъ-же Крафтъ можетъ быть патріотомъ, если онъ уже пересталъ въ Россію вѣрить?

— Къ тому-же нѣмецъ, послышался опять голосъ.

— Я—русскій, сказалъ Крафтъ.

— Это—вопросъ, не относящійся прямо къ дѣлу, замѣтилъ Дергачевъ перебившему.

— Выйдите изъ узкости вашей идеи, не слушалъ ничего Тихоміровъ.—Если Россія—только матеріалъ для болѣе благородныхъ племенъ, то почему-же ей и не послужить такимъ матеріаломъ? Это—роль довольно еще благовидная. Почему не успокоиться на этой идеѣ въ виду расширенія задачи. Человѣчество наканунѣ своего перерожденія, которое уже началось. Предстоящую задачу отрицаютъ только слѣпые. Оставьте Россію, если вы въ ней разувѣрились, и работайте для будущаго,—для будущаго, еще неизвѣстнаго народа, но который составится изъ всего человѣчества,

безъ разбора племенъ. И безъ того Россія умерла-бы когда нибудь; народы, даже самые даровитые, живутъ всего по полторы, много по двѣ тысячи лѣтъ; не все-ли тутъ равно двѣ тысячи или двѣсти лѣтъ? Римляне не прожили и полутора тысячъ лѣтъ въ живомъ видѣ и обратились тоже въ матеріалъ. Ихъ давно нѣтъ, но они оставили идею, и она вошла элементомъ дальнѣйшаго въ судьбы человѣчества. Какъ-же можно сказать человѣку, что нечего дѣлать? Я представить не могу положенія, чтобъ когда нибудь было нечего дѣлать! Дѣлайте для человѣчества и объ остальномъ не заботьтесь. Дѣла такъ много, что не достанетъ жизни, если внимательнс оглянуться.

— Надо жить по закону природы и правды, проговорила изъ за двери г-жа Дергачева. Дверь была капельку пріотворена, и и видно было, что она стояла, держа ребенка у груди, съ прикрытой грудью и горячо прислушивалась.

Крафтъ слушалъ, слегка улыбаясь, и произнесъ, наконецъ, какъ-бы съ нѣсколько измученнымъ видомъ, впрочемъ, съ сильною искренностью:

— Я не понимаю, какъ можно, будучи подъ вліяніемъ какой нибудь господствующей мысли, которой подчиняются вашъ умъ и сердце вполнѣ, жить еще чѣмъ нибудь, что̀ внѣ этой мысли?

— Но если вамъ сказано логически, математически, что вашъ выводъ ошибоченъ, что вся мысль ошибочна, что вы не имѣете ни малѣйшаго права исключать себя изъ всеобщей полезной дѣятельности изъ-за того только, что Россія—предназначенная второстепенность; если вамъ указано, что вмѣсто узкаго горизонта вамъ открывается безконечность, что вмѣсто узкой идеи патріотизма...

— Э! тихо махнулъ рукой Крафтъ:—я вѣдь сказалъ вамъ, что тутъ не патріотизмъ.

— Тутъ, очевидно, недоумѣніе,—ввязался вдругъ Васинъ.—Ошибка въ томъ, что у Крафта не одинъ логическій выводъ, а, такъ сказать, выводъ, обратившійся въ чувство. Не всѣ натуры одинаковы; у многихъ логическій выводъ обращается иногда въ сильнѣйшее чувство, которое захватываетъ все существо и которое очень трудно изгнать или передѣлать. Чтобъ вылѣчить такого человѣка, надо въ такомъ случаѣ измѣнить самое это чувство, что возможно не иначе, какъ замѣнивъ его другимъ, равносильнымъ. Это всегда трудно, а во многихъ случаяхъ невозможно.

— Ошибка! завопилъ спорщикъ:—логическій выводъ уже самъ по себѣ разлагаетъ предразсудки. Разумное убѣжденіе порождаетъ тоже чувство. Мысль выходитъ изъ чувства и, въ свою очередь, водворяясь въ человѣкѣ, формулируетъ новое!

— Люди очень разнообразны: одни легко перемѣняютъ чувства, другіе тяжело,—отвѣтилъ Васинъ какъ-бы не желая продолжать споръ; но я былъ въ восхищеніи отъ его идеи.

— Это именно такъ, какъ вы сказали! обратился я вдругъ къ нему, разбивая ледъ и начиная вдругъ говорить.—Именно надо вмѣсто чувства вставить другое, чтобъ замѣнить. Въ Москвѣ, четыре года назадъ, одинъ генералъ... Видите, господа, я его не зналъ, но... Можетъ быть, онъ собственно и не могъ внушать самъ по себѣ уваженія... И при томъ самый фактъ могъ явиться неразумнымъ, но... Впрочемъ, у него, видите-ли, умеръ ребенокъ, то есть въ сущности двѣ дѣвочки, обѣ одна за другой, въ скарлатинѣ... Что-жь, онъ вдругъ такъ былъ убитъ, что все грустилъ, такъ грустилъ, что ходитъ и на него глядѣть нельзя—и кончилъ тѣмъ, что умеръ, почти послѣ полгода. Что онъ отъ этого умеръ, то это фактъ! Чѣмъ, стало быть, можно было его воскресить? Отвѣтъ: равносильнымъ чувствомъ! Надо было выкопать ему изъ могилы этихъ двухъ дѣвочекъ и дать ихъ—вотъ и все, то есть въ этомъ родѣ. Онъ и умеръ. А между тѣмъ можно-бы было представить ему прекрасные выводы: что жизнь скоропостижна, что всѣ смертны, представить изъ календаря статистику, сколько умираетъ отъ скарлатины дѣтей... Онъ былъ въ отставкѣ...

Я остановился, задыхаясь и оглядываясь кругомъ.

— Это совсѣмъ не то,—проговорилъ кто-то.

— Приведенный вами фактъ, хоть и не

однороденъ съ даннымъ случаемъ, но все похожъ и поясняетъ дѣло,—обратился ко мнѣ Васинъ.

IV.

Здѣсь я долженъ сознаться, почему я пришелъ въ восхищеніе отъ аргумента Васина на счетъ «идеи-чувства», а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ сознаться въ адскомъ стыдѣ. Да, я трусилъ идти къ Дергачеву, хотя и не отъ той причины, которую предполагалъ Ефимъ. Я трусилъ оттого, что еще въ Москвѣ ихъ боялся. Я зналъ, что они (то есть одни или другіе въ этомъ родѣ—это все равно)—діалектики и, пожалуй, разобьютъ «мою идею». Я твердо былъ увѣренъ въ себѣ, что имъ идею мою не выдамъ и не скажу; но они (то есть опять таки они или въ родѣ ихъ) могли мнѣ сами сказать что нибудь, отчего я-бы самъ разочаровался въ моей идеѣ, даже и не заикаясь имъ про нее. Въ «моей идеѣ» были вопросы мною неразрѣшенные, но я не хотѣлъ, чтобъ кто нибудь разрѣшалъ ихъ, кромѣ меня. Въ послѣдніе два года я даже пересталъ книги читать, боясь наткнуться на какое нибудь мѣсто не въ пользу «идеи», которое могло-бы потрясти меня. И вдругъ Васинъ разомъ разрѣшаетъ задачу и успокоиваетъ меня въ высшемъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чего-же я боялся и что могли они мнѣ сдѣлать, какой-бы тамъ ни было діалектикой? Я, можетъ быть, одинъ тамъ и понялъ, что такое Васинъ говорилъ про «идею-чувство»! Мало опровергнуть прекрасную идею, надо замѣнить ее равносильнымъ прекраснымъ; не то я, не желая ни за что разставаться съ моимъ чувствомъ, опровергну въ моемъ сердцѣ опроверженіе, хотя-бы насильно, что-бы тамъ они ни сказали. А что они могли дать мнѣ взамѣнъ? И потому, я-бы могъ быть храбрѣе, я былъ обязанъ быть мужественнѣе. Придя въ восхищеніе отъ Васина, я почувствовалъ стыдъ, а себя—недостойнымъ ребенкомъ.

Тутъ и еще вышелъ стыдъ. Не гаденькое чувство похвалиться моимъ умомъ заставило меня у нихъ разбить ледъ и заговорить, но и желаніе «прыгнуть на шею». Это желаніе прыгнуть на шею, чтобъ признали меня за хорошаго и начали меня обнимать или въ родѣ того (словомъ, свинство), я считаю въ себѣ самымъ мерзкимъ изъ всѣхъ моихъ стыдовъ и подозрѣвалъ его въ себѣ еще очень давно, и именно отъ угла, въ которомъ продержалъ себя столько лѣтъ, хотя не раскаяваюсь. Я зналъ, что мнѣ надо держать себя въ людяхъ мрачнѣе. Меня утѣшало, послѣ всякаго такого позора, лишь то, что всетаки «идея» при мнѣ, въ прежней тайнѣ, и что я ея имъ не выдалъ. Съ замираніемъ представлялъ я себѣ иногда, что когда выскажу кому нибудь мою идею, то тогда у меня вдругъ ничего не останется, такъ что я стану похожъ на всѣхъ, а, можетъ быть, и идею брошу; а потому берегъ и хранилъ ее и трепеталъ болтовни. И вотъ, у Дергачева, съ перваго почти столкновенія не выдержалъ: ничего не выдалъ, конечно, но болталъ непозволительно; вышелъ позоръ. Воспоминаніе скверное! Нѣтъ, мнѣ нельзя жить съ людьми; я и теперь это думаю; на сорокъ лѣтъ впередъ говорю. Моя идея—уголъ.

V.

Только что Васинъ меня похвалилъ, мнѣ вдругъ нестерпимо захотѣлось говорить.

— По моему, всякій имѣетъ право имѣть свои чувства... если по убѣжденію... съ тѣмъ, чтобъ ужь никто его не укорялъ за нихъ, — обратился я къ Васину. Хоть я проговорилъ и бойко, но точно не я, а во рту точно чужой языкъ шевелился.

— Бу-удто-съ? тотчасъ-же подхватилъ и протянулъ съ ироніей тотъ самый голосъ, который перебилъ Дергачева и крикнулъ Крафту, что онъ нѣмецъ. Считая его полнымъ ничтожествомъ, я обратился къ учителю, какъ будто онъ крикнулъ мнѣ:

— Мое убѣжденіе, что я никого не смѣю судить, дрожалъ я, уже зная, что полечу.

— Зачѣмъ-же такъ секретно? раздался опять голосъ ничтожества.

— У всякаго своя идея, смотрѣлъ я въ упоръ на учителя, который, напротивъ, молчалъ и разсматривалъ меня съ улыбкой.

— У васъ? крикнуло ничтожество.

— Долго разсказывать... А отчасти моя идея именно въ томъ, чтобъ оставили меня въ покоѣ. Пока у меня есть два рубля, я хочу одинъ ни отъ кого не зависѣть (не безпокойтесь, я знаю возраженія) и ничего не дѣлать, — даже для того великаго будущаго человѣчества, работать на котораго приглашали господина Крафта. Личная свобода, то есть моя собственная-съ, на первомъ планѣ, а дальше знать не хочу.

Ошибка въ томъ, что я разсердился.

— То есть проповѣдуете спокойствіе сытой коровы?

— Пусть. Отъ коровы не оскорбляются. Я никому ничего не долженъ, я плачу обществу деньги въ видѣ фискальныхъ поборовъ за то, чтобъ меня не обокрали, не прибили и не убили, а больше никто ничего съ меня требовать не смѣетъ. Я, можетъ быть, лично и другихъ идей, и захочу служить человѣчеству, и буду, и, можетъ быть, въ десять разъ больше буду, чѣмъ всѣ проповѣдники; но только я хочу, чтобы съ меня этого никто *не смѣлъ требовать*, заставлять меня, какъ господина Крафта; моя полная свобода, если я даже и пальца не подыму. А бѣгать да вѣшаться всѣмъ на шею отъ любви къ человѣчеству, да сгорать слезами умиленія — это только мода. Да зачѣмъ я непремѣнно долженъ любить моего ближняго, или ваше тамъ будущее человѣчество, которое я никогда не увижу, которое обо мнѣ знать не будетъ и которое, въ свою очередь, истлѣетъ безъ всякаго слѣда и воспоминанія (время тутъ ничего не значитъ), когда земля обратится, въ свою очередь, въ ледяной камень и будетъ летать въ безвоздушномъ пространствѣ съ безконечнымъ множествомъ такихъ-же ледяныхъ камней, то есть безсмысленнѣе чего нельзя себѣ и представить! Вотъ ваше ученіе! Скажите, зачѣмъ я непремѣнно долженъ быть благороденъ, тѣмъ болѣе, если все продолжается одну минуту.

— Б-ба! крикнулъ голосъ. Я выпалилъ все это нервно и злобно, порвавъ всѣ веревки. Я зналъ, что лечу въ яму, но я торопился, боясь возраженій. Я слишкомъ чувствовалъ, что сыплю какъ сквозь рѣшето, безсвязно и черезъ десять мыслей въ одиннадцатую, но я торопился ихъ убѣдить и перепобѣдить. Это такъ было для меня важно! Я три года готовился! Но замѣчательно, что они вдругъ замолчали, ровно ничего не говорили, а всѣ слушали. Я все продолжалъ обращаться къ учителю.

— Именно-съ. Одинъ чрезвычайно умный человѣкъ говорилъ, между прочимъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ отвѣтить на вопросъ: «Зачѣмъ непремѣнно надо быть благороднымъ?» Видите-ли-съ, есть три рода подлецовъ на свѣтѣ: подлецы наивные, то есть убѣжденные, что ихъ подлость есть высочайшее благородство, подлецы стыдящіеся, — то есть стыдящіеся собственной подлости, но при непремѣнномъ намѣреніи всетаки ее докончить, и, наконецъ, просто подлецы, чистокровные подлецы. Позвольте-съ: у меня былъ товарищъ Ламбертъ, который говорилъ мнѣ еще шестнадцати лѣтъ, что когда онъ будетъ богатъ, то самое большое наслажденіе его будетъ кормить хлѣбомъ и мясомъ собакъ, когда дѣти бѣдныхъ будутъ умирать съ голоду, а когда имъ топить будетъ нечѣмъ, то онъ купитъ цѣлый дровяной дворъ, сложитъ въ полѣ и вытопитъ поле, а бѣднымъ ни полѣна не дастъ. Вотъ его чувства! Скажите, что я отвѣчу этому чистокровному подлецу на вопросъ: «почему онъ, непремѣнно, долженъ быть благороднымъ?» И особенно теперь, въ наше время, которое вы такъ передѣлали, потому что хуже того что̀ теперь — никогда не бывало. Въ нашемъ обществѣ совсѣмъ не ясно, господа. Вѣдь вы Бога отрицаете, подвигъ отрицаете, какая-же косность, глухая, слѣпая, тупая, можетъ заставить меня дѣйствовать такъ, если мнѣ выгоднѣе иначе? Вы говорите: «разумное отношеніе къ человѣчеству есть тоже моя выгода»; а если я нахожу всѣ эти разумности неразумными, всѣ эти казармы, фаланги? Да чортъ мнѣ въ нихъ, и до будущаго, когда я одинъ только разъ на свѣтѣ живу! Позвольте мнѣ самому знать мою выгоду: оно веселѣе. Что мнѣ за дѣло о томъ, что̀ будетъ черезъ тысячу лѣтъ съ этимъ вашимъ человѣчествомъ, если мнѣ за это, по вашему кодексу, — ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвига? Нѣтъ-съ, если такъ, то я самымъ преневѣжливымъ обра-

зомъ буду жить для себя, а тамъ хоть-бы всѣ провалились!

— Превосходное желаніе!

— Впрочемъ, я всегда готовъ вмѣстѣ.

— Еще лучше! (это все тотъ голосъ).

Остальные всѣ продолжали молчать, всѣ глядѣли и меня разглядывали; но, мало по малу, съ разныхъ концовъ комнаты началось хихиканье, еще тихое, но всѣ хихикали мнѣ прямо въ глаза. Васинъ и Крафтъ только не хихикали. Съ черными бакенами тоже ухмылялся; онъ въ упоръ смотрѣлъ на меня и слушалъ.

— Господа, дрожалъ я весь: — я мою идею вамъ не скажу ни за что, но я васъ, напротивъ, съ вашей-же точки спрошу,— не думайте что съ моей, потому что я, можетъ быть, въ тысячу разъ больше люблю человѣчество, чѣмъ вы всѣ, вмѣстѣ взятые! Скажите,— и вы ужь теперь непремѣнно должны отвѣтить, вы обязаны, потому что смѣетесь,— скажите: чѣмъ прельстите вы меня, чтобъ я шелъ за вами? Скажите, чѣмъ докажете вы мнѣ, что у васъ будетъ лучше? Куда вы дѣнете протестъ моей личности въ вашей казармѣ? Я давно, господа, желалъ съ вами встрѣтиться! У васъ будетъ казарма, общія квартиры, stricte nécessaire, атеизмъ и общія жены безъ дѣтей,— вотъ вашъ финалъ, вѣдь я знаю-съ. И за все за это, за ту маленькую часть серединной выгоды, которую мнѣ обезпечитъ ваша разумность, за кусокъ и тепло, вы берете въ замѣнъ всю мою личность! Позвольте-съ: у меня тамъ жену уведутъ; уймете-ли вы мою личность, чтобъ я не разможжилъ противнику голову? Вы скажете, что я тогда и самъ поумнѣю; но жена-то что̀ скажетъ о такомъ разумномъ мужѣ, если сколько нибудь себя уважаетъ? Вѣдь это неестественно-съ; постыдитесь!

— А вы по женской части—спеціалистъ? раздался съ злорадствомъ голосъ ничтожества.

Одно мгновеніе у меня была мысль броситься и начать его тузить кулаками. Это былъ невысокаго роста, рыжеватый и весноватый... да, впрочемъ, чортъ-бы взялъ его наружность!

— Успокойтесь, я еще никогда не зналъ женщины, отрѣзалъ я, въ первый разъ къ нему повертываясь.

— Драгоцѣнное сообщеніе, которое могло-бы быть сдѣлано вѣжливѣе, въ виду дамъ!

Но всѣ вдругъ густо зашевелились; всѣ стали разбирать шляпы и хотѣли идти,— конечно, не изъ-за меня, а имъ пришло время; но это молчаливое отношеніе ко мнѣ раздавило меня стыдомъ. Я тоже вскочилъ.

— Позвольте, однако, узнать вашу фамилію: вы все смотрѣли на меня? ступилъ вдругъ ко мнѣ учитель съ подлѣйшей улыбкой.

— Долгорукій.

— Князь Долгорукій?

— Нѣтъ, просто Долгорукій, сынъ бывшаго крѣпостнаго Макара Долгорукаго и незаконный сынъ моего бывшаго барина господина Версилова.— Не безпокойтесь, господа: я вовсе не для того, чтобы вы сейчасъ-же бросились ко мнѣ за это на шею и чтобы мы всѣ завыли какъ телята отъ умиленія!

Громкій и самый безцеремонный залпъ хохота раздался разомъ, такъ что заснувшій за дверью ребенокъ проснулся и запищалъ. Я трепеталъ отъ ярости. Всѣ они жали руку Дергачеву и выходили, не обращая на меня никакого вниманія.

— Пойдемте, толкнулъ меня Крафтъ.

Я подошелъ къ Дергачеву, изо всѣхъ силъ сжалъ ему руку и потрясъ ее нѣсколько разъ тоже изо всей силы.

— Извините, что васъ все обижалъ Кудрюмовъ (это рыжеватый), сказалъ мнѣ Дергачевъ.

Я пошелъ за Крафтомъ. Я ничего не стыдился.

VI.

Конечно, между мной теперешнимъ и мной тогдашнимъ—безконечная разница.

Продолжая «ничего не стыдиться», я еще на лѣсенкѣ нагналъ Васина, отставъ отъ Крафта, какъ отъ второстепенности, и съ самымъ натуральнымъ видомъ, точно ничего не случилось, спросилъ:

— Вы, кажется, изволите знать моего отца, то есть я хочу сказать Версилова?

— Я собственно незнакомъ, тотчасъ отвѣтилъ Васинъ (и безъ малѣйшей той обидной утонченной вѣжливости, которую берутъ на себя люди деликатные, говоря съ тотчасъ-же осрамившимся):—но я нѣсколько его знаю: встрѣчался и слушалъ его.

— Коли слушали, такъ, конечно, знаете, потому что вы — вы! Какъ вы о немъ думаете? Простите за скорый вопросъ, но мнѣ нужно. Именно какъ *вы*-бы думали, собственно *ваше* мнѣніе необходимо.

— Вы съ меня много спрашиваете. Мнѣ, кажется, этотъ человѣкъ способенъ задать себѣ огромныя требованія и, можетъ быть, ихъ выполнить,—но отчету никому не отдающій.

— Это вѣрно, это очень вѣрно, это—очень гордый человѣкъ! Но чистый-ли это человѣкъ? Послушайте, что вы думаете о его католичествѣ? Впрочемъ, я забылъ, что вы, можетъ быть, не знаете...

Если-бъ я не былъ такъ взволнованъ, ужь разумѣется, я-бы не стрѣлялъ такими вопросами, и такъ зря, въ человѣка, съ которымъ никогда не говорилъ, а только о немъ слышалъ. Меня удивляло, что Васинъ какъ-бы не замѣчалъ моего съумасшествія!

— Я слышалъ что-то и объ этомъ, но не знаю насколько это могло-бы быть вѣрно, по прежнему спокойно и ровно отвѣтилъ онъ.

— Ничуть! Это про него неправду! Неужели вы думаете, что онъ можетъ вѣрить въ Бога?

— Это — очень гордый человѣкъ, какъ вы сейчасъ сами сказали, а многіе изъ очень гордыхъ людей любятъ вѣрить въ Бога, особенно нѣсколько презирающіе людей. У многихъ сильныхъ людей есть, кажется, натуральная какая-то потребность—найдти кого нибудь, или что нибудь, передъ чѣмъ преклониться. Сильному человѣку иногда очень трудно переносить свою силу.

— Послушайте, это должно быть, ужасно вѣрно! вскричалъ я опять:—только я-бы желалъ понять...

— Тутъ причина ясная: они выбираютъ Бога, чтобъ не преклоняться передъ людьми;—разумѣется, сами не вѣдая, какъ это въ нихъ дѣлается; преклониться предъ Богомъ не такъ обидно. Изъ нихъ выходятъ чрезвычайно горячо вѣрующіе, — вѣрнѣе сказать, горячо желающіе вѣрить; но желанія они принимаютъ за самую вѣру. Изъ этакихъ особенно часто бываютъ подъ конецъ разочаровывающіеся. Про господина Версилова я думаю, что въ немъ есть и чрезвычайно искреннія черты характера. И вообще онъ меня заинтересовалъ.

— Васинъ! вскричалъ я: — вы меня радуете! Я не уму вашему удивляюсь, я удивляюсь тому, какъ можете вы, человѣкъ столь чистый и такъ безмѣрно надо мной стоящій,— какъ можете вы со мной идти и говорить такъ просто и вѣжливо, какъ будто ничего не случилось!

Васинъ улыбнулся.

— Вы ужь слишкомъ меня хвалите, а случилось тамъ только то, что вы слишкомъ любите отвлеченные разговоры. Вы, вѣроятно, очень долго передъ этимъ молчали.

— Я три года молчалъ, я три года говорить готовился... Дуракомъ я вамъ, разумѣется, показаться не могъ, потому что вы сами чрезвычайно умны, хотя глупѣе меня вести себя невозможно, но подлецомъ!

— Подлецомъ?

— Да, несомнѣнно! Скажите, не презираете вы меня втайнѣ за то, что я сказалъ, что я незаконнорожденный Версилова... и похвалился, что сынъ двороваго?

— Вы слишкомъ себя мучаете. Если находите, что сказали дурно, то стоитъ только не говорить въ другой разъ: вамъ еще пятьдесятъ лѣтъ впереди.

— О, я знаю, что мнѣ надо быть очень молчаливымъ съ людьми. Самый подлый изъ всѣхъ развратовъ, это — вѣшаться на шею; я сейчасъ это имъ сказалъ, и вотъ я и вамъ вѣшаюсь! Но вѣдь есть разница, есть? Если вы поняли эту разницу, если способны были понять, то я благословлю эту минуту.

Васинъ опять улыбнулся.

— Приходите ко мнѣ, если захотите, сказалъ онъ.—Я имѣю теперь работу и занятъ, но вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе.

— Я заключилъ объ васъ давеча, по физіономіи, что вы излишне тверды и несообщительны.

— Это очень можетъ быть вѣрно. Я зналъ вашу сестру, Лизавету Макаровну, прошлаго года, въ Лугѣ... Крафтъ остановился и, кажется, васъ ждетъ; ему поворачивать.

Я крѣпко пожалъ руку Васина и добѣжалъ до Крафта, который все шелъ впереди, пока я говорилъ съ Васинымъ. Мы молча дошли до его квартиры; я не хотѣлъ еще и не могъ говорить съ нимъ. Въ характерѣ Крафта одною изъ сильнѣйшихъ чертъ— была деликатность.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Крафтъ прежде гдѣ-то служилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помогалъ покойному Андроникову (за вознагражденіе отъ него) въ веденіи иныхъ частныхъ дѣлъ, которыми тотъ постоянно занимался сверхъ своей службы. Для меня важно было уже то, что Крафту, вслѣдствіе особенной близости его съ Андрониковымъ, могло быть многое извѣстно изъ того, что̀ такъ интересовало меня. Но я зналъ отъ Марьи Ивановны, жены Николая Семеновича, у котораго я прожилъ столько лѣтъ, когда ходилъ въ гимназію, — и которая была родной племянницей, воспитанницей и любимицей Андроникова, что Крафту даже «поручено» передать мнѣ нѣчто. Я уже ждалъ его цѣлый мѣсяцъ.

Онъ жилъ въ маленькой квартирѣ, въ двѣ комнаты, совершеннымъ особнякомъ, а въ настоящую минуту, только что воротившись, былъ даже и безъ прислуги. Чемоданъ былъ хоть и раскрытъ, но не убранъ; вещи валялись на стульяхъ, а на столѣ, передъ диваномъ, разложены были: саквояжъ, дорожная шкатулка, револьверъ и проч. Войдя, Крафтъ былъ въ чрезвычайной задумчивости, какъ-бы забывъ обо мнѣ вовсе; онъ, можетъ быть, и не замѣтилъ, что я съ нимъ не разговаривалъ дорогой. Онъ тотчасъ-же что-то принялся искать, но, взглянувъ мимоходомъ въ зеркало, остановился и цѣлую минуту пристально разсматривалъ свое лицо. Я хоть и замѣтилъ эту особенность (а потомъ слишкомъ все припомнилъ), но я былъ грустенъ и очень смущенъ. Я былъ не въ силахъ сосредоточиться. Одно мгновеніе мнѣ вдругъ захотѣлось взять и уйдти, и такъ оставить всѣ дѣла навсегда. Да и что̀ такое были всѣ эти дѣла въ сущности? Не одной-ли напускной на себя заботой? Я приходилъ въ отчаяніе, что трачу много энергіи, можетъ быть, на недостойные пустяки изъ одной чувствительности, тогда какъ самъ имѣю передъ собой энергическую задачу. А между тѣмъ, неспособность моя къ серіозному дѣлу, очевидно, обозначалась въ виду того, что̀ случилось у Дергачева.

— Крафтъ, вы къ нимъ и еще пойдете? вдругъ спросилъ я его. Онъ медленно обернулся ко мнѣ, какъ-бы плохо понимая меня. Я сѣлъ на стулъ.

— Простите ихъ! сказалъ вдругъ Крафтъ.

Мнѣ, конечно, показалось, что это насмѣшка; но, взглянувъ пристально, я увидалъ въ лицѣ его такое странное и даже удивительное простодушіе, что мнѣ даже самому удивительно стало, какъ это онъ такъ серіозно попросилъ меня ихъ «простить». Онъ поставилъ стулъ и сѣлъ подлѣ меня.

— Я самъ знаю, что я, можетъ быть, сбродъ всѣхъ самолюбій и больше ничего, началъ я:—но не прошу прощенія.

— Да и совсѣмъ не у кого, проговорилъ онъ тихо и серіозно. Онъ все время говорилъ тихо и очень медленно.

— Пусть я буду виноватъ передъ собой... Я люблю быть виновнымъ передъ собой... Крафтъ, простите, что я у васъ вру. Скажите, неужели вы тоже въ этомъ кружкѣ? Я вотъ объ чемъ хотѣлъ спросить.

— Они не глупѣе другихъ и не умнѣе; они—помѣшанные, какъ всѣ.

— Развѣ всѣ—помѣшанные? повернулся я къ нему съ невольнымъ любопытствомъ.

— Изъ людей получше теперь всѣ — помѣшанные. Сильно кутитъ одна середина и бездарность... Впрочемъ, это все не стоитъ.

Говоря, онъ смотрѣлъ какъ-то въ воздухъ, начиналъ фразы и обрывалъ ихъ. Особенно поражало какое-то уныніе въ его голосѣ.

— Неужели и Васинъ съ ними? Въ Васинѣ умъ, въ Васинѣ—нравственная идея! вскричалъ я.

— Нравственныхъ идей теперь совсѣмъ нѣтъ; вдругъ ни одной не оказалось, и, главное, съ такимъ видомъ, что какъ будто ихъ никогда и не было.

— Прежде не было?

— Лучше оставимъ это, проговорилъ онъ съ яснымъ утомленіемъ.

Меня тронула его горестная серіозность. Устыдясь своего эгоизма, я сталъ входить въ его тонъ.

— Нынѣшнее время, началъ онъ самъ, помолчавъ минуты двѣ и все смотря куда-то въ воздухъ: — нынѣшнее время — это время золотой средины и безчувствія, страсти къ невѣжеству, лѣни, неспособности къ дѣлу и потребности всего готоваго. Никто не задумывается; рѣдко кто выжилъ-бы себѣ идею.

Онъ опять оборвалъ и помолчалъ немного; я слушалъ.

— Ныньче безлѣсятъ Россію, истощаютъ въ ней почву, обращаютъ въ степь и приготовляютъ ее для калмыковъ. Явись человѣкъ съ надеждой и посади дерево — всѣ засмѣются: «развѣ ты до него доживешь?» Съ другой стороны, желающіе добра толкуютъ о томъ, что̀ будетъ черезъ тысячу лѣтъ. Скрѣпляющая идея совсѣмъ пропала. Всѣ точно на постояломъ дворѣ и завтра собираются вонъ изъ Россіи, всѣ живутъ только-бы съ нихъ достало...

— Позвольте, Крафтъ, вы сказали: «заботятся о томъ, что̀ будетъ черезъ тысячу лѣтъ». Ну, а ваше отчаяніе... про участь Россіи... развѣ это — не въ томъ-же родѣ забота?

— Это... это — самый насущный вопросъ, который только есть! раздражительно проговорилъ онъ и быстро всталъ съ мѣста.

— Ахъ, да! Я и забылъ! сказалъ онъ вдругъ совсѣмъ не тѣмъ голосомъ, съ недоумѣніемъ смотря на меня: — я васъ зазвалъ по дѣлу и между тѣмъ... Ради Бога извините.

Онъ точно вдругъ опомнился отъ какого-то сна, почти сконфузился; взялъ изъ портфеля, лежавшаго на столѣ, письмо и подалъ мнѣ.

— Вотъ что̀ я имѣю вамъ передать. Это— документъ, имѣющій нѣкоторую важность, началъ онъ со вниманіемъ и съ самымъ дѣловымъ видомъ. Меня, еще долго спустя, поражала потомъ, при воспоминаніи, эта способность его (въ такіе для него часы!) съ такимъ сердечнымъ вниманіемъ отнестись къ чужому дѣлу, такъ спокойно и твердо разсказать его.

— Это—письмо того самаго Столбѣева, по смерти котораго, изъ-за завѣщанія его возникло дѣло Версилова съ князьями Сокольскими. Дѣло это теперь рѣшается въ судѣ и рѣшится навѣрно въ пользу Версилова; за него законъ. Между тѣмъ, въ письмѣ этомъ, частномъ, писанномъ два года назадъ, завѣщатель самъ излагаетъ настоящую свою волю или, вѣрнѣе, желаніе, излагаетъ скорѣе въ пользу князей, чѣмъ Версилова. По крайней мѣрѣ, тѣ пункты, на которые опираются князья Сокольскіе, оспаривая завѣщаніе, получаютъ сильную поддержку въ этомъ письмѣ. Противники Версилова много-бы дали за этотъ документъ, не имѣющій, впрочемъ, рѣшительнаго юридическаго значенія. Алексѣй Никаноровичъ (Андроникова), занимавшійся дѣломъ Версилова, сохранялъ это письмо у себя и, незадолго до своей смерти, передалъ его мнѣ съ порученіемъ «приберечь»,— можетъ быть, боялся за свои бумаги, предчувствуя смерть. Не желая судить теперь о намѣреніяхъ Алексѣя Никаноровича, въ этомъ случаѣ и, признаюсь, по смерти его, я находился въ нѣкоторой тягостной нерѣшимости, что̀ мнѣ дѣлать съ этимъ документомъ, особенно въ виду близкаго рѣшенія этого дѣла въ судѣ? Но Марья Ивановна, которой Алексѣй Никаноровичъ, кажется, очень много повѣрялъ при жизни, вывела меня изъ затрудненія: она написала мнѣ, три недѣли назадъ, рѣшительно, чтобъ я передалъ документъ именно вамъ, и что это, *кажется* (ея выраженіе), совпадало-бы и съ волей Андроникова. Итакъ, вотъ документъ, и я очень радъ, что могу его, наконецъ, передать.

— Послушайте, сказалъ я, озадаченный такою неожиданною новостью:—что̀-же я буду теперь съ этимъ письмомъ дѣлать? Какъ мнѣ поступить?

— Это ужь въ вашей волѣ.

— Невозможно, я ужасно несвободенъ, согласитесь сами! Версиловъ такъ ждалъ этого наслѣдства... и, знаете, онъ погибнетъ безъ этой помощи,—и вдругъ существуетъ такой документъ!

— Онъ существуетъ только здѣсь, въ комнатѣ.

— Неужели такъ? посмотрѣлъ я на него внимательно.

— Если вы въ этомъ случаѣ сами не находите, какъ поступить, то что-же я могу вамъ присовѣтовать?

— Но передать князю Сокольскому я тоже не могу: я убью всѣ надежды Версилова, и кромѣ того, выйду передъ нимъ измѣнникомъ... Съ другой стороны, передавъ Версилову, я ввергну невинныхъ въ нищету, а Версилова всетаки ставлю въ безвыходное положеніе: или отказаться отъ наслѣдства, или стать воромъ.

— Вы слишкомъ преувеличиваете значеніе дѣла.

— Скажите одно: имѣетъ этотъ документъ характеръ рѣшительный, окончательный?

— Нѣтъ, не имѣетъ. Я небольшой юристъ. Адвокатъ противной стороны, разумѣется, зналъ-бы, какъ этимъ документомъ воспользоваться, и извлекъ-бы изъ него всю пользу; но Алексѣй Никаноровичъ находилъ положительно, что это письмо, будучи предъявлено, не имѣло-бы большаго юридическаго значенія, такъ что дѣло Версилова могло-бы быть всетаки выиграно. Скорѣе-же этотъ документъ представляетъ, такъ сказать, дѣло совѣсти...

— Да вотъ это-то и важнѣе всего, перебилъ я:—именно потому-то Версиловъ и будетъ въ безвыходномъ положеніи.

— Онъ, однако, можетъ уничтожить документъ, и тогда, напротивъ, избавитъ себя уже отъ всякой опасности.

— Имѣете вы особыя основанія такъ полагать о немъ, Крафтъ? Вотъ что я хочу знать: для того-то я и у васъ!

— Я думаю, что всякій на его мѣстѣ такъ-бы поступилъ.

— И вы сами такъ поступили-бы?

— Я не получаю наслѣдства и потому про себя не знаю.

— Ну, хорошо, сказалъ я, сунувъ письмо въ карманъ. — Это дѣло пока теперь кончено. Крафтъ, послушайте. Марья Ивановна, которая, увѣряю васъ, многое мнѣ открыла, сказала мнѣ, что вы, и только одинъ вы, могли-бы передать истину о случившемся въ Эмсѣ, полтора года назадъ, у Версилова съ Ахмаковыми. Я васъ ждалъ, какъ солнца, которое все у меня освѣтитъ. Вы не знаете моего положенія, Крафтъ. Умоляю васъ сказать мнѣ всю правду. Я именно хочу знать, какой *онъ* человѣкъ, а теперь—теперь больше, чѣмъ когда нибудь это надо!

— Я удивляюсь, какъ Марья Ивановна вамъ не передала всего сама; она могла обо всемъ слышать отъ покойнаго Андроникова и, разумѣется, слышала и знаетъ, можетъ быть, больше меня.

— Андрониковъ самъ въ этомъ дѣлѣ путался, такъ именно говоритъ Марья Ивановна. Этого дѣла, кажется, никто не можетъ распутать. Тутъ чортъ ногу переломитъ! Я-же знаю, что вы тогда сами были въ Эмсѣ...

— Я всего не засталъ, но что знаю, пожалуй, разскажу охотно, только удовлетворю-ли васъ?

II.

Не привожу дословнаго разсказа, а приведу лишь вкратцѣ сущность.

Полтора года назадъ, Версиловъ, ставъ черезъ стараго князя Сокольскаго другомъ дома Ахмаковыхъ (всѣ тогда находились за границей, въ Эмсѣ), произвелъ сильное впечатлѣніе, во первыхъ, на самаго Ахмакова, генерала и еще не стараго человѣка, но проигравшаго все богатое приданое своей жены, Катерины Николавны, въ три года супружества, въ карты, и отъ невоздержной жизни уже имѣвшаго ударъ. Онъ отъ него очнулся и поправлялся за границей, а въ Эмсѣ проживалъ для своей дочери, отъ перваго своего брака. Это была болѣзненная дѣвушка, лѣтъ семнадцати, страдавшая разстройствомъ груди и, говорятъ, чрезвычайной красоты, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и фантастичности. Приданаго у ней не бы-

ло; надѣялись, по обыкновенію, на стараго князя. Катерина Николавна была, говорятъ, доброй мачихой. Но дѣвушка почему-то особенно привязалась къ Версилову. Онъ проповѣдывалъ тогда «что-то страстное», по выраженію Крафта, какую-то новую жизнь, «былъ въ религіозномъ настроеніи высшаго смысла» — по странному, а, можетъ быть, и насмѣшливому выраженію Андроникова, которое мнѣ было передано. Но замѣчательно, что его скоро всѣ не взлюбили. Генералъ даже боялся его; Крафтъ совершенно не отрицаетъ слуха, что Версиловъ успѣлъ утвердить въ умѣ больнаго мужа, что Катерина Николавна неравнодушна къ молодому князю Сокольскому (отлучившемуся тогда изъ Эмса въ Парижъ). Сдѣлалъ-же это не прямо, а «по обыкновенію своему» — навѣтами, наведеніями и всякими извилинами, «на что̀ онъ великій мастеръ», выразился Крафтъ. Вообще-же скажу, что Крафтъ считалъ его и желалъ считать скорѣе плутомъ и врожденнымъ интриганомъ, чѣмъ человѣкомъ, дѣйствительно проникнутымъ чѣмъ-то высшимъ, или хоть оригинальнымъ. Я-же зналъ и помимо Крафта, что Версиловъ, имѣвъ сперва чрезвычайное вліяніе на Катерину Николавну, мало по малу дошелъ съ нею до разрыва. Въ чемъ тутъ состояла вся эта игра, я и отъ Крафта не могъ добиться, но о взаимной ненависти, возникшей между обоими, послѣ ихъ дружбы, всѣ подтверждали. Затѣмъ произошло одно странное обстоятельство: болѣзненная падчерица Катерины Николавны, повидимому, влюбилась въ Версилова, или чѣмъ-то въ немъ поразилась, или воспламенилась его рѣчью, или ужь я этого ничего не знаю; но извѣстно, что Версиловъ одно время всѣ почти дни проводилъ около этой дѣвушки. Кончилось тѣмъ, что дѣвица объявила вдругъ отцу, что желаетъ за Версилова замужъ. Что это случилось дѣйствительно — это всѣ подтверждаютъ, и Крафтъ, и Андроникoвъ, и Марья Ивановна, и даже однажды проговорилась объ этомъ при мнѣ Татьяна Павловна. Утверждали тоже, что Версиловъ не только самъ желалъ, но даже и настаивалъ на бракѣ съ дѣвушкой, и что соглашеніе этихъ двухъ неоднородныхъ существъ, стараго съ малымъ, было обоюдное. Но отца эта мысль испугала; онъ, по мѣрѣ отвращенія отъ Катерины Николавны, которую прежде очень любилъ, сталъ чуть не боготворить свою дочь, особенно послѣ удара. Но самой ожесточенной противницей возможности такого брака явилась сама Катерина Николавна. Произошло чрезвычайно много какихъ-то секретныхъ, чрезвычайно непріятныхъ семейныхъ столкновеній, споровъ, огорченій, однимъ словомъ, всякихъ гадостей. Отецъ началъ, наконецъ, подаваться, видя упорство влюбленной и «фанатизированной» Версиловымъ дочери — выраженіе Крафта. Но Катерина Николавна продолжала возставать съ неумолимой ненавистью. И вотъ здѣсь-то и начинается путаница, которую никто не понимаетъ. Вотъ, однако, прямая догадка Крафта на основаніи данныхъ, но всетаки лишь догадка.

Версиловъ будто-бы успѣлъ внушить *по своему*, тонко и неотразимо, молодой особѣ, что Катерина Николавна оттого не соглашается, что влюблена въ него сама и уже давно мучаетъ его ревностью, преслѣдуетъ его, интригуетъ, объяснилась уже ему, и теперь готова сжечь его за то, что онъ полюбилъ другую; однимъ словомъ, что-то въ этомъ родѣ. Скверпѣе всего тутъ то, что онъ будто-бы «намекнулъ» объ этомъ и отцу, мужу «невѣрной» жены, объясняя, что князь былъ только развлеченіемъ. Разумѣется, въ семействѣ начался цѣлый адъ. По инымъ варіантамъ, Катерина Николавна ужасно любила свою падчерицу и теперь, какъ оклеветанная передъ нею, была въ отчаяніи, не говоря уже объ отношеніяхъ къ больному мужу. И что-же, рядомъ съ этимъ существуетъ другой варіантъ, которому, къ печали моей, вполнѣ вѣрилъ и Крафтъ, и которому — я и самъ вѣрилъ (обо всемъ этомъ я уже слышалъ). Утверждали (Андроникoвъ, говорятъ, слышалъ отъ самой Катерины Николавны), что, напротивъ, Версиловъ, прежде еще, то есть до начала чувствъ молодой дѣвицы, предлагалъ свою любовь Катеринѣ Николавнѣ; что та, бывшая его другомъ, даже экзальтированная имъ нѣкоторое время, но постоянно ему не вѣрившая и противо-

рѣчившая, встрѣтила это объясненіе Версилова съ чрезвычайною ненавистью и ядовито осмѣяла его. Выгнала-же его формально отъ себя за то, что тотъ предложилъ ей прямо стать его женой, въ виду близкаго, предполагаемаго втораго удара мужа. Такимъ образомъ, Катерина Николавна должна была почувствовать особенную ненависть къ Версилову, когда увидѣла потомъ, что онъ такъ открыто ищетъ уже руки ея падчерицы. Марья Ивановна, передавая все это мнѣ въ Москвѣ, вѣрила и тому, и другому варіанту, то есть всему вмѣстѣ: она именно утверждала, что все это могло произойдти совмѣстно, что это въ родѣ la haine dans l'amour, оскорбленной любовной гордости съ обѣихъ сторонъ и т. д., и т. д., однимъ словомъ, что-то въ родѣ какой-то тончайшей романической путаницы, недостойной всякаго серіознаго и здравомыслящаго человѣка и, вдобавокъ, съ подлостью. Но Марья Ивановна была и сама нашпигована романами съ дѣтства и читала ихъ день и ночь, не смотря на прекрасный характеръ. Въ результатѣ выставлялась очевидная подлость Версилова, ложь и интрига, что-то черное и гадкое, тѣмъ болѣе, что кончилось дѣйствительно трагически: бѣдная, воспламененная дѣвушка отравилась, говорятъ, фосфорными спичками; впрочемъ, я даже и теперь не знаю, вѣренъ-ли этотъ послѣдній слухъ; по крайней мѣрѣ, его всѣми силами постарались замять. Дѣвица была больна всего двѣ недѣли и умерла. Спички остались, такимъ образомъ, подъ сомнѣніемъ, но Крафтъ и имъ твердо вѣрилъ. Затѣмъ, умеръ въ скорости и отецъ дѣвицы, говорятъ, отъ горести, которая и вызвала второй ударъ, однако, не раньше какъ черезъ три мѣсяца. Но послѣ похоронъ дѣвицы, молодой князь Сокольскій, возвратившійся изъ Парижа въ Эмсъ, далъ Версилову пощечину публично въ саду и тотъ не отвѣтилъ вызовомъ; напротивъ, на другой-же день явился на Променадѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Тутъ-то всѣ отъ него и отвернулись, въ Петербургѣ тоже. Версиловъ хоть и продолжалъ нѣкоторое знакомство, но совсѣмъ въ другомъ кругу. Изъ свѣтскаго его знакомства всѣ его обвиняли, хотя, впрочемъ, мало кто зналъ обо всѣхъ подробностяхъ; знали только нѣчто о романической смерти молодой особы и о пощечинѣ. По возможности полныя свѣдѣнія имѣли только два—три лица; болѣе всѣхъ зналъ покойный Андроникovъ, имѣя уже давно дѣловыя сношенія съ Ахмаковыми и особенно съ Катериной Николавной по одному случаю. Но онъ хранилъ всѣ эти секреты даже отъ семейства своего, а открылъ лишь нѣчто Крафту и Марьѣ Ивановнѣ, да и то вслѣдствіе необходимости.

— Главное, тутъ теперь одинъ документъ, заключилъ Крафтъ,—котораго чрезвычайно боится госпожа Ахмакова.

И вотъ что онъ сообщилъ и объ этомъ:

Катерина Николавна имѣла неосторожность, когда старый князь, отецъ ея, за границей сталъ уже выздоравливать отъ своего припадка, написать Андроникову въ большомъ секретѣ (Катерина Николавна довѣряла ему вполнѣ) чрезвычайно компрометтирующее письмо. Въ то время въ выздоравливавшемъ князѣ, дѣйствительно, говорятъ, обнаружилась склонность тратить и чуть не бросать свои деньги на вѣтеръ: за границей онъ сталъ покупать совершенно ненужныя, но цѣнныя вещи, картины, вазы,—дарить и жертвовать, на Богъ знаетъ что, большими кушами, даже на разныя тамошнія учрежденія; у одного русскаго свѣтскаго мота чуть не купилъ, за огромную сумму, заглазно, раззоренное и обремененное тяжбами имѣніе; наконецъ, дѣйствительно будто-бы началъ мечтать о бракѣ. И вотъ, въ виду всего этого, Катерина Николавна, не отходившая отъ отца во время его болѣзни, и послала Андроникову, какъ юристу и «старому другу», запросъ: «возможно-ли будетъ, по законамъ, объявить князя въ опекѣ или въ родѣ неправоспособнаго; а если такъ, то какъ удобнѣе это сдѣлать безъ скандала, чтобъ никто не могъ обвинить, и чтобъ пощадить при этомъ чувства отца и т. д., и т. д.». Андроникovъ, говорятъ, тогда-же вразумилъ ее и отсовѣтовалъ; а впослѣдствіи, когда князь выздоровѣлъ совсѣмъ, то и нельзя уже было воротиться къ этой идеѣ; но письмо у Андроникова осталось. И вотъ онъ умираетъ; Катерина Николавна тотчасъ

вспомнила про письмо: если-бы оно обнаружилось въ бумагахъ покойнаго и попало въ руки стараго князя, то тотъ, несомнѣнно, прогналъ-бы ее навсегда, лишилъ наслѣдства и не далъ-бы ей ни копѣйки при жизни. Мысль, что родная дочь не вѣритъ въ его умъ и даже хотѣла объявить его съумасшедшимъ, обратила-бы этого агнца въ звѣря. Она-же, овдовѣвъ, осталась, по милости игрока-мужа, безъ всякихъ средствъ, и на одного только отца и разсчитывала: она вполнѣ надѣялась получить отъ него новое приданое, столь-же богатое, какъ и первое.

Крафтъ объ участи этого письма зналъ очень мало, но замѣтилъ, что Андроникова «никогда не рвалъ нужныхъ бумагъ», и, кромѣ того, былъ человѣкъ хоть и широкаго ума, но и «широкой совѣсти». (Я даже подивился такой чрезвычайной самостоятельности взгляда Крафта, столь любившаго и уважавшаго Андроникова). Но Крафтъ имѣлъ всетаки увѣренность, что компрометтирующій документъ будто-бы попался въ руки Версилова черезъ близость того со вдовой и съ дочерьми Андроникова; уже извѣстно было, что онѣ тотчасъ-же и обязательно предоставили Версилову всѣ бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго. Зналъ онъ тоже, что и Катеринѣ Николавнѣ уже извѣстно, что письмо у Версилова и что она этого-то и боится, думая, что Версиловъ тотчасъ пойдетъ съ письмомъ къ старому князю, — что, возвратясь изъ-за границы, она уже искала письмо въ Петербургѣ, была у Андрониковыхъ и теперь продолжаетъ искать, такъ какъ всетаки у нея оставалась надежда, что письмо, можетъ быть, не у Версилова, и, въ заключеніе, что она и въ Москву ѣздила единственно съ этою-же цѣлью и умоляла тамъ Марью Ивановну поискать въ тѣхъ бумагахъ, которыя сохранялись у ней. О существованіи Марьи Ивановны и объ ея отношеніяхъ къ покойному Андроникову она провѣдала весьма недавно, уже возвратясь въ Петербургъ.

— Вы думаете, она не нашла у Марьи Ивановны? спросилъ я, имѣя свою мысль.

— Если Марья Ивановна не открыла ничего даже вамъ, то, можетъ быть, у ней и нѣтъ ничего.

— Значитъ, вы полагаете, что документъ у Версилова?

— Вѣроятнѣе всего, что да. Впрочемъ, не знаю, все можетъ быть, промолвилъ онъ съ видимымъ утомленіемъ.

Я пересталъ разспрашивать, да и къ чему? Все главное для меня прояснилось, не смотря на всю эту недостойную путаницу; все, чего я боялся — подтвердилось.

— Все это, какъ сонъ и бредъ, сказалъ я въ глубокой грусти и взялся за шляпу.

— Вамъ очень дорогъ этотъ человѣкъ? спросилъ Крафтъ, съ видимымъ и большимъ участіемъ, которое я прочелъ на его лицѣ въ ту минуту.

— Я такъ и предчувствовалъ, сказалъ я, — что отъ васъ всетаки не узнаю вполнѣ. Остается одна надежда на Ахмакову. На нее-то я и надѣялся. Можетъ быть, пойду къ ней, а, можетъ быть, нѣтъ.

Крафтъ посмотрѣлъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Прощайте, Крафтъ! Зачѣмъ лѣзть къ людямъ, которые васъ не хотятъ? Не лучше-ли все порвать — а?

— А потомъ куда? спросилъ онъ какъ-то сурово и смотря въ землю.

— Къ себѣ, къ себѣ! Все порвать и уйдти къ себѣ!

— Въ Америку?

— Въ Америку! Къ себѣ, къ одному себѣ! Вотъ въ чемъ вся «моя идея», Крафтъ! сказалъ я восторженно.

Онъ какъ-то любопытно посмотрѣлъ на меня.

— А у васъ есть это мѣсто: «къ себѣ»?

— Есть. До свиданья, Крафтъ; благодарю васъ и жалѣю, что васъ утрудилъ! Я-бы, на вашемъ мѣстѣ, когда у самого такая Россія въ головѣ, всѣхъ-бы къ чорту отправлялъ: убирайтесь, интригуйте, грызитесь про себя — мнѣ какое дѣло.

— Посидите еще, сказалъ онъ вдругъ, уже проводивъ меня до входной двери.

Я немного удивился, воротился и опять сѣлъ. Крафтъ сѣлъ напротивъ. Мы обмѣнялись какими-то улыбками — все это я какъ теперь вижу. Очень помню, что мнѣ было какъ-то удивительно на него.

— Мнѣ въ васъ нравится, Крафтъ, то,

что вы — такой вѣжливый человѣкъ, сказалъ я вдругъ.

— Да?

— Я потому, что самъ рѣдко умѣю быть вѣжливымъ, хоть и хочу умѣть... А что-жь, можетъ, и лучше, что оскорбляютъ люди: по крайней мѣрѣ, избавляютъ отъ несчастія любить ихъ.

— Какой вы часъ во дню больше любите? спросилъ онъ, очевидно, меня не слушая.

— Часъ? Не знаю. Я закатъ не люблю.

— Да? произнесъ онъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, но тотчасъ опять задумался.

— Вы куда-то опять уѣзжаете?

— Да... уѣзжаю.

— Скоро?

— Скоро.

— Неужели, чтобъ доѣхать до Вильно, револьверъ нуженъ? спросилъ я вовсе безъ малѣйшей задней мысли: и мысли даже не было! Такъ спросилъ, потому что мелькнулъ револьверъ, а я тяготился о чемъ говорить.

Онъ обернулся и посмотрѣлъ на револьверъ пристально.

— Нѣтъ, это я такъ, по привычкѣ.

— Если-бъ у меня былъ револьверъ, я-бы пряталъ его куда нибудь подъ замокъ. Знаете, ей Богу, соблазнительно! Я, можетъ быть, и не вѣрю въ эпидемію самоубійствъ, но если торчитъ вотъ это передъ глазами — право, есть минуты, что и соблазнитъ.

— Не говорите объ этомъ, сказалъ онъ и вдругъ всталъ со стула.

— Я не про себя, прибавилъ я, тоже вставая: — я не употреблю. Мнѣ хоть три жизни дайте,—мнѣ и тѣхъ будетъ мало.

— Живите больше, какъ-бы вырвалось у него.

Онъ разсѣянно улыбнулся и, странно, прямо пошелъ въ переднюю, точно выводя меня самъ, разумѣется, не замѣчая что дѣлаетъ.

— Желаю вамъ всякой удачи, Крафтъ, сказалъ я, уже выходя на лѣстницу.

— Это пожалуй, твердо отвѣчалъ онъ.

— До свиданья!

— И это пожалуй.

Я помню его послѣдній на меня взглядъ.

III.

И такъ, вотъ человѣкъ, по которомъ столько лѣтъ билось мое сердце! И чего я ждалъ отъ Крафта, какихъ это новыхъ сообщеній?

Выйдя отъ Крафта, я сильно захотѣлъ ѣсть; наступалъ уже вечеръ, а я не обѣдалъ. Я вошелъ, тутъ-же на Петербургской, на Большомъ проспектѣ, въ одинъ мелкій трактиръ, съ тѣмъ, чтобъ истратить копѣекъ двадцать и не болѣе двадцати пяти — болѣе я-бы тогда ни за что себѣ не позволилъ. Я взялъ себѣ супу и, помню, съѣвъ его, сѣлъ глядѣть въ окно; въ комнатѣ было много народу, пахло пригорѣлымъ масломъ, трактирными салфетками и табакомъ. Гадко было. Надъ головой моей тюкалъ носомъ о дно своей клѣтки безголосый соловей, мрачный и задумчивый. Въ сосѣдней билліардной шумѣли, но я сидѣлъ и сильно думалъ. Закатъ солнца (почему Крафтъ удивился, что я не люблю заката?) навелъ на меня какія-то новыя и неожиданныя ощущенія, совсѣмъ не къ мѣсту. Мнѣ все мерещился тихій взглядъ моей матери, ея милые глаза, которые вотъ уже весь мѣсяцъ такъ робко ко мнѣ приглядывались. Въ послѣднее время я дома очень грубилъ, ей преимущественно; желалъ грубить Версилову, но не смѣя ему, по подлому обычаю моему, мучилъ ее. Даже совсѣмъ запугалъ: часто она такимъ умоляющимъ взглядомъ смотрѣла на меня при входѣ Андрея Петровича, боясь съ моей стороны какой нибудь выходки... Очень странно было то, что я теперь, въ трактирѣ, въ первый разъ сообразилъ, что Версиловъ мнѣ говоритъ *ты*, а она — *вы*. Удивлялся я тому и прежде, и не въ ея пользу, а тутъ какъ-то особенно сообразилъ — и все странныя мысли, однѣ за другой, текли въ голову. Я долго просидѣлъ на мѣстѣ, до самыхъ полныхъ сумерекъ. Думалъ и объ сестрѣ...

Минута для меня роковая. Во что-бы ни стало, надо было рѣшиться! Неужели я неспособенъ рѣшиться? Что̀ труднаго въ томъ, чтобъ порвать, если къ тому-же и сами не хотятъ меня? Мать и сестра? Но ихъ-

то я ни въ какомъ случаѣ не оставлю,— какъ-бы ни обернулось дѣло.

Это правда, что появленіе этого человѣка въ жизни моей, то есть на мигъ, еще въ первомъ дѣтствѣ, было тѣмъ фатальнымъ толчкомъ, съ котораго началось мое сознаніе. Не встрѣться онъ мнѣ тогда, — мой умъ, мой складъ мыслей, моя судьба навѣрно была-бы иная, не смотря даже на предопредѣленный мнѣ судьбою характеръ, котораго я-бы всетаки не избѣгнулъ.

Но вѣдь оказывается, что этотъ человѣкъ — лишь мечта моя, мечта съ дѣтскихъ лѣтъ. Это я самъ его такимъ выдумалъ, а на дѣлѣ оказался другой, упавшій столь ниже моей фантазіи. Я пріѣхалъ къ человѣку чистому, а не къ этому. И къ чему я влюбился въ него, разъ навсегда, въ ту маленькую минутку, какъ увидѣлъ его когда-то, бывши ребенкомъ? Это «навсегда» должно исчезнуть. Я когда нибудь, если мѣсто найдется, опишу эту первую встрѣчу нашу: это пустѣйшій анекдотъ, изъ котораго ровно ничего не выходитъ. Но у меня вышла цѣлая пирамида. Я началъ эту пирамиду еще подъ дѣтскимъ одѣяломъ, когда, засыпая, могъ плакать и мечтать— о чемъ? — самъ не знаю. О томъ, что меня оставили? О томъ, что меня мучаютъ? Но мучили меня лишь немножко, всего только два года, въ пансіонѣ Тушара, въ который онъ меня тогда сунулъ и уѣхалъ навсегда. Потомъ меня никто не мучилъ; даже, напротивъ, я самъ гордо смотрѣлъ на товарищей. Да и терпѣть я не могу этого ноющаго по себѣ сиротства! Ничего нѣтъ омерзительнѣе роли, когда сироты, незаконнорожденные, всѣ эти выброшенные и вообще вся эта дрянь, къ которымъ я нисколько вотъ таки не имѣю жалости, вдругъ торжественно воздвигаются передъ публикой и начинаютъ жалобно, но наставительно, завывать: «Вотъ, дескать, какъ поступали съ нами!» Я-бы сѣкъ этихъ сиротъ. Никто не пойметъ изъ этой гнусной казенщины, что въ десять разъ ему благороднѣе смолчать, а не выть и не *удостоивать* жаловаться. А коли началъ удостоивать, то такъ тебѣ, сыну любви, и надо. Вотъ моя мысль!

Но не то смѣшно, когда я мечталъ прежде «подъ одѣяломъ», а то, что и пріѣхалъ сюда для него-же, опять-таки для этого выдуманнаго человѣка, почти забывъ мои главныя цѣли. Я ѣхалъ помочь ему сокрушить клевету, раздавить враговъ. Тотъ документъ, о которомъ говорилъ Крафтъ, то письмо этой женщины къ Андроникову, котораго такъ боится она, которое можетъ сокрушить ея участь и ввергнуть ее въ нищету, и которое она предполагаетъ у Версилова—это письмо было не у Версилова, а у меня зашито въ моемъ боковомъ карманѣ! Я самъ и зашивалъ и никто во всемъ мірѣ еще не зналъ объ этомъ. То, что романическая Марья Ивановна, у которой документъ находился «на сохраненіи», нашла нужнымъ передать его мнѣ, и никому иному, то были лишь ея взглядъ и ея воля, и объяснять это я не обязанъ, можетъ быть, когда нибудь къ слову и разскажу; но столь неожиданно вооруженный, я не могъ не соблазниться желаніемъ явиться въ Петербургъ. Конечно, я полагалъ помочь этому человѣку не иначе, какъ втайнѣ, не выставляясь и не горячась, не ожидая ни похвалъ, ни объятій его. И никогда, никогда-бы я не *удостоилъ* попрекнуть его чѣмъ нибудь! Да и вина-ли его въ томъ, что я влюбился въ него и создалъ изъ него фантастическій идеалъ? Да я даже, можетъ быть, вовсе и не любилъ его! Его оригинальный умъ, его любопытный характеръ, какія-то тамъ его интриги и приключенія, и то, что была при немъ моя мать—все это, казалось, уже не могло-бы остановить меня; довольно было и того, что моя фантастическая кукла разбита и что я, можетъ быть, уже не могу любить его больше. Итакъ, что-же останавливало меня, на чемъ я завязъ? — вотъ вопросъ. Въ итогѣ выходило, что глупъ только я, болѣе никто.

Но требуя честности отъ другихъ, буду честенъ и самъ: я долженъ сознаться, что зашитый въ карманѣ документъ возбуждалъ во мнѣ не одно только страстное желаніе летѣть на помощь Версилову. Теперь для меня это ужь слишкомъ ясно, я и тогда уже краснѣлъ отъ мысли. Мнѣ мерещилась женщина, гордое существо высшаго свѣта, съ которою я встрѣчусь лицомъ къ

лицу; она будетъ презирать меня, смѣяться надо мной, какъ надъ мышью, даже и не подозрѣвая, что я властелинъ судьбы ея. Эта мысль пьянила меня еще въ Москвѣ, и особенно въ вагонѣ, когда я сюда ѣхалъ; я признался уже въ этомъ выше. Да, я ненавидѣлъ эту женщину, но уже любилъ ее, какъ мою жертву, и все это правда, все было дѣйствительно. Но ужь это было такое дѣтство, котораго я даже и отъ такого, какъ я, не ожидалъ. Я описываю тогдашнія мои чувства, то есть то, что мнѣ шло въ голову тогда, когда я сидѣлъ въ трактирѣ подъ соловьемъ и когда порѣшилъ въ тотъ же вечеръ разорвать съ ними неминуемо. Мысль о давишней встрѣчѣ съ этой женщиной залила вдругъ краской стыда мое лицо. Позорная встрѣча! Позорное и глупенькое впечатлѣньице и—главное—сильнѣе всего доказавшее мою неспособность къ дѣлу? Оно доказывало лишь то, думалъ я тогда,—что я не въ силахъ устоять даже и предъ глупѣйшими приманками, тогда какъ самъ-же сказалъ сейчасъ Крафту, что у меня есть «свое мѣсто», есть свое дѣло, и что если-бъ у меня было три жизни, то и тогда-бы мнѣ было ихъ мало. Я гордо сказалъ это. То, что я бросилъ мою идею и затянулся въ дѣла Версилова — это еще можно было-бы чѣмъ нибудь извинить; но то, что я бросаюсь, какъ удивленный заяцъ изъ стороны въ сторону и затягиваюсь уже въ каждые пустяки, въ томъ, конечно, одна моя глупость. На какой лядъ дернуло меня идти къ Дергачеву и выскочить съ моими глупостями, давно зная за собой, что ничего не съумѣю разсказать умно и толково, и что мнѣ всего выгоднѣе молчать? И какой нибудь Васинъ вразумляетъ меня тѣмъ, что у меня еще «пятьдесятъ лѣтъ жизни впереди и, стало быть, тужить не о чемъ». Возраженіе его прекрасно, я согласенъ, и дѣлаетъ честь его безспорному уму; прекрасно уже тѣмъ, что самое простое, а самое простое понимается всегда лишь подъ конецъ, когда уже перепробовано все, что мудренѣй или глупѣй; но я зналъ это возраженіе и самъ раньше Васина; эту мысль я прочувствовалъ слишкомъ три года назадъ; даже мало того, въ ней-то и заключается отчасти «моя идея».—Вотъ что̀ я думалъ тогда въ трактирѣ.

Гадко мнѣ было, когда усталый и отъ ходьбы, и отъ мысли, добрался я вечеромъ, часу уже въ восьмомъ, въ Семеновскій полкъ. Совсѣмъ уже стемнѣло и погода перемѣнилась; было сухо, но подымался скверный, петербургскій вѣтеръ, язвительный и острый, мнѣ въ спину, и взвѣвалъ кругомъ пыль и песокъ. Сколько угрюмыхъ лицъ простонародья, торопливо возвращавшагося въ углы свои съ работы и промысловъ! У всякаго своя угрюмая забота на лицѣ и ни одной-то, можетъ быть, общей, всесоединяющей мысли въ этой толпѣ! Крафтъ правъ: всѣ врознь. Мнѣ встрѣтился маленькій мальчикъ, такой маленькій, что странно, какъ онъ могъ въ такой часъ очутиться одинъ на улицѣ; онъ, кажется, потерялъ дорогу; одна баба остановилась было на минуту его выслушать, но ничего не поняла, развела руками и пошла дальше, оставивъ его одного въ темнотѣ. Я подошелъ было, но онъ съ чего-то вдругъ меня испугался и побѣжалъ дальше. Подходя къ дому, я рѣшилъ, что я къ Васину никогда не пойду. Когда я всходилъ на лѣстницу, мнѣ ужасно захотѣлось застать нашихъ дома однѣхъ, безъ Версилова, чтобъ успѣть сказать до его прихода что нибудь доброе матери или милой моей сестрѣ, которой я въ цѣлый мѣсяцъ не сказалъ почти ни одного особеннаго слова. Такъ и случилось, что его не было дома...

IV.

А кстати: выводя въ «Запискахъ» это «новое лицо» на сцену (т. е. я говорю про Версилова), приведу вкратцѣ его формулярный списокъ, ничего, впрочемъ, не означающій. Я дѣлаю это, чтобы было понятнѣе читателю, и такъ какъ не предвижу, куда-бы могъ приткнуть этотъ списокъ въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа.

Онъ учился въ университетѣ, но поступилъ въ гвардію въ кавалерійскій полкъ. Женился на Фанаріотовой и вышелъ въ отставку. Ѣздилъ за границу и, воротясь, жилъ въ Москвѣ въ свѣтскихъ удоволь-

ствіяхъ. По смерти жены прибылъ въ деревню; тутъ эпизодъ съ моей матерью. Потомъ долго жилъ гдѣ-то на югѣ. Въ войну съ Европой поступилъ опять въ военную службу, но въ Крымъ не попалъ и все время въ дѣлѣ не былъ. По окончаніи войны, выйдя въ отставку, ѣздилъ за границу и даже съ моею матерью, которую, впрочемъ, оставилъ въ Кенигсбергѣ. Бѣдная разсказывала иногда съ какимъ-то ужасомъ и качая головой, какъ она прожила тогда цѣлые полгода, одна-одинешенька, съ маленькой дочерью, не зная языка, точно въ лѣсу, а подъ конецъ и безъ денегъ. Тогда пріѣхала за нею Татьяна Павловна и отвезла ее назадъ, куда-то въ Нижегородскую губернію. Потомъ Версиловъ вступилъ въ мировые посредники перваго призыва и, говорятъ, прекрасно исполнялъ свое дѣло; но вскорѣ кинулъ его, и въ Петербургѣ сталъ заниматься веденіемъ разныхъ частныхъ гражданскихъ исковъ. Андрониковъ всегда высоко ставилъ его способности, очень уважалъ его и говорилъ лишь, что не понимаетъ его характера. Потомъ Версиловъ и это бросилъ и опять уѣхалъ за границу и уже на долгій срокъ, на нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ начались особенно близкія связи съ старикомъ княземъ Сокольскимъ. Во все это время денежныя средства его измѣнялись раза два—три радикально: то совсѣмъ впадалъ въ нищету, то опять вдругъ богатѣлъ и подымался.

А, впрочемъ, теперь, доведя мои записки именно до этого пункта, я рѣшаюсь разсказать и «мою идею». Опишу ее въ словахъ, въ первый разъ съ ея зарожденія. Я рѣшаюсь, такъ сказать, открыть ее читателю, и тоже для ясности дальнѣйшаго изложенія. Да и не только читатель, а и самъ я, сочинитель, начинаю путаться въ трудности объяснять шаги мои, не объяснивъ, что̀ вело и наталкивало меня на нихъ. Этою «фигурою умолчанія» я, отъ неумѣнья моего, впалъ опять въ тѣ «красоты» романистовъ, которыя самъ осмѣялъ выше. Входя въ дверь моего петербургскаго романа со всѣми позорными моими въ немъ приключеніями, я нахожу это предисловіе необходимымъ. Но не «красоты» соблазнили меня умолчать до сихъ поръ, а и сущность дѣла, то есть трудность дѣла; даже теперь, когда уже прошло все прошедшее, я ощущаю непреодолимую трудность разсказать эту «мысль». Кромѣ того, я, безъ сомнѣнія, долженъ изложить ее въ ея тогдашней формѣ, то есть какъ она сложилась и мыслилась у меня тогда, а не теперь, а это уже новая трудность. Разсказывать иныя вещи почти невозможно. Именно тѣ идеи, которыя всѣхъ проще, всѣхъ яснѣе,— именно тѣ-то и трудно понять. Если-бъ Колумбъ передъ открытіемъ Америки сталъ разсказывать свою идею другимъ, я убѣжденъ, что его-бы ужасно долго не поняли. Да и не понимали-же. Говоря это, я вовсе не думаю равнять себя съ Колумбомъ, и если кто выведетъ это, тому будетъ стыдно и больше ничего.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Моя идея, это — стать Ротшильдомъ. Я приглашаю читателя къ спокойствію и къ серіозности.

Я повторяю: моя идея, это — стать Ротшильдомъ, стать такъ-же богатымъ, какъ Ротшильдъ; не просто богатымъ, а именно какъ Ротшильдъ. Для чего, зачѣмъ, какія я именно преслѣдую цѣли — объ этомъ будетъ послѣ. Сперва лишь докажу, что достиженіе моей цѣли обезпечено математически.

Дѣло очень простое, вся тайна въ двухъ словахъ: *упорство* и *непрерывность*.

— Слышали, скажутъ мнѣ, не новость: Всякій фатеръ въ Германіи повторяетъ это своимъ дѣтямъ, а между тѣмъ вашъ Ротшильдъ (то есть покойный Джемсъ Ротшильдъ парижскій, я о немъ говорю) былъ всего только одинъ, а фатеровъ милліоны.

Я отвѣтилъ-бы:

— Вы увѣряете, что слышали, а, между ду тѣмъ, вы ничего не слышали. Правда, въ одномъ и вы справедливы: если я сказалъ, что это дѣло «очень простое», то забылъ прибавить, что и самое трудное. Всѣ религіи и всѣ нравственности въ мірѣ сво-

дятся на одно: «Надо любить добродѣтель и убѣгать пороковъ». Чего-бы, кажется, проще? Нут-ка сдѣлайте-ка что нибудь добродѣтельное и убѣгите хоть одного изъ вашихъ пороковъ, попробуйте-ка—а? Такъ и тутъ.

Вотъ почему безчисленные ваши фатеры въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ могутъ повторять эти удивительныя два слова, составляющія весь секретъ, а, между тѣмъ, Ротшильдъ остается одинъ. Значитъ: то да не то, и фатеры совсѣмъ не ту мысль повторяютъ.

Про упорство и непрерывность, безъ сомнѣнія, слышали и они: но для достиженія моей цѣли нужны не фатерское упорство и не фатерская непрерывность.

Ужь одно слово, что онъ фатеръ,— я не объ нѣмцахъ однихъ говорю, — что у него семейство, онъ живетъ какъ и всѣ, расходы какъ и у всѣхъ, обязанности какъ и у всѣхъ, — тутъ Ротшильдомъ не сдѣлаешься, а станешь только умѣреннымъ человѣкомъ. Я-же слишкомъ ясно понимаю, что, ставъ Ротшильдомъ или даже только пожелавъ имъ стать, но не по фатерски, а серіозно, — я уже тѣмъ самымъ разомъ выхожу изъ общества.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, я прочелъ въ газетахъ, что на Волгѣ, на одномъ изъ пароходовъ, умеръ одинъ нищій, ходившій въ отрепьѣ, просившій милостыню, всѣмъ тамъ извѣстный. У него, по смерти его, нашли зашитыми въ его рубищѣ до трехъ тысячъ кредитными билетами. На дняхъ я опять читалъ про одного нищаго, изъ благородныхъ, ходившаго по трактирамъ и протягивавшаго тамъ руку. Его арестовали и нашли при немъ до пяти тысячъ рублей. Отсюда прямо два вывода: первый, *упорство* въ накопленіи, даже копѣечными суммами, впослѣдствіи даетъ громадные результаты (время тутъ ничего не значитъ), и второй — что самая нехитрая форма наживанія, но лишь *непрерывная* — обезпечена въ успѣхѣ математически.

Между тѣмъ, есть, можетъ быть, и очень довольно людей почтенныхъ, умныхъ и воздержныхъ, но у которыхъ (какъ ни бьются они) нѣтъ ни трехъ, ни пяти тысячъ, и которымъ, однако, ужасно-бы хотѣлось имѣть ихъ. Почему это такъ? Отвѣтъ ясный: потому что ни одинъ изъ нихъ, не смотря на все ихъ хотѣнье, всетаки не до такой степени *хочетъ*, чтобы, напримѣръ, если ужь никакъ нельзя иначе нажить, то стать даже и нищимъ, и не до такой степени упоренъ, чтобы, даже и ставъ нищимъ, не растратить первыхъ-же полученныхъ копѣекъ на лишній кусокъ себѣ или своему семейству. Между тѣмъ, при этомъ способѣ накопленія, то есть при нищенствѣ, нужно питаться, чтобы скопить такія деньги, хлѣбомъ съ солью и болѣе ничѣмъ; по крайней мѣрѣ, я такъ понимаю. Такъ навѣрно дѣлали и вышеозначенные двое нищихъ, то есть ѣли одинъ хлѣбъ, а жили чуть не подъ открытымъ небомъ. Сомнѣнія нѣтъ, что намѣренія стать Ротшильдомъ у нихъ не было: это были лишь Гарпагоны или Плюшкины въ чистѣйшемъ ихъ видѣ, не болѣе; но и при сознательномъ наживаніи уже въ совершенно другой формѣ, но съ цѣлью стать Ротшильдомъ, — потребуется не меньше хотѣнія и силы воли, чѣмъ у этихъ двухъ нищихъ. Фатеръ такой силы не окажетъ. На свѣтѣ силы многоразличны, силы воли и хотѣнія особенно. Есть температура кипѣнія воды и есть температура краснаго каленія желѣза.

Тутъ тотъ-же монастырь, тѣ-же подвиги схимничества. Тутъ чувство, а не идея. Для чего? Зачѣмъ? Нравственно-ли это, и не уродливо-ли ходить въ дерюгѣ и ѣсть черный хлѣбъ всю жизнь, таская на себѣ такія деньжища? Эти вопросы потомъ, а теперь только о возможности достиженія цѣли.

Когда я выдумалъ «мою идею» (а въ красномъ-то каленьи она и состоитъ),— я сталъ себя пробовать: способенъ-ли я на монастырь и на схимничество? Съ этою цѣлью я цѣлый первый мѣсяцъ ѣлъ только одинъ хлѣбъ съ водой. Чернаго хлѣба выходило не болѣе двухъ съ половиною фунтовъ ежедневно. Чтобы исполнить это, я долженъ былъ обманывать умнаго Николая Семеновича и желавшую мнѣ добра Марью Ивановну. Я настоялъ на томъ, къ ея огорченію и къ нѣкоторому недоумѣнію деликатнѣйшаго Николая Семеновича, чтобы обѣдъ приносили въ мою комнату. Тамъ я

просто истреблялъ его: супъ выливалъ въ окно въ крапиву, или въ одно другое мѣсто, говядину — или кидалъ въ окно собакѣ, или, завернувъ въ бумагу, клалъ въ карманъ и выносилъ потомъ вонъ, ну и все прочее. Такъ какъ хлѣба къ обѣду подавали гораздо менѣе двухъ съ половиной фунтовъ, то потихоньку хлѣбъ прикупалъ отъ себя. Я этотъ мѣсяцъ выдержалъ, можетъ быть, только нѣсколько разстроилъ желудокъ; но съ слѣдующаго мѣсяца я прибавилъ къ хлѣбу супъ, а утромъ и вечеромъ по стакану чаю—и увѣряю васъ, такъ провелъ годъ въ совершенномъ здоровьѣ и довольствѣ, а нравственно—въ упоеніи и въ непрерывномъ тайномъ восхищеніи. Я не только не жалѣлъ о кушаньяхъ, но былъ въ восторгѣ. По окончаніи года, убѣдившись, что я въ состояніи выдержать какой угодно постъ, я сталъ ѣсть, какъ и они, и перешелъ обѣдать съ ними вмѣстѣ. Не удовлетворившись этой пробой, я сдѣлалъ и вторую: на карманные расходы мои, кромѣ содержанія, уплачиваемаго Николаю Семеновичу, мнѣ полагалось ежемѣсячно по пяти рублей. Я положилъ изъ нихъ тратить лишь половину. Это было очень трудное испытаніе, но черезъ два слишкомъ года, при пріѣздѣ въ Петербургъ, у меня въ карманѣ, кромѣ другихъ денегъ, было семьдесятъ рублей, накопленныхъ единственно изъ этого сбереженія. Результатъ двухъ этихъ опытовъ былъ для меня громадный: я узналъ положительно, что могу на столько хотѣть, что достигну моей цѣли, а въ этомъ, повторяю, вся «моя идея», дальнѣйшее — все пустяки.

II.

Однако, разсмотримъ и пустяки.

Я описалъ мои два опыта; въ Петербургѣ, какъ извѣстно уже, я сдѣлалъ третій — сходилъ на аукціонъ и, за одинъ ударъ, взялъ семь рублей девяносто пять копѣекъ барыша. Конечно, это былъ не настоящій опытъ, а такъ лишь—игра, утѣха: захотѣлось выкрасть минутку изъ будущаго и попытать, какъ это я буду ходить и дѣйствовать. Вообще-же, настоящій приступъ къ дѣлу у меня былъ отложенъ, еще съ самаго начала, въ Москвѣ, до тѣхъ поръ, пока я буду совершенно свободенъ; я слишкомъ понималъ, что мнѣ надо было хотя-бы, напримѣръ, сперва кончить съ гимназіей. (Университетомъ, какъ уже извѣстно, я пожертвовалъ). Безспорно, я ѣхалъ въ Петербургъ съ затаеннымъ гнѣвомъ: только что я сдалъ гимназію и сталъ въ первый разъ свободнымъ, я вдругъ увидѣлъ, что дѣла Версилова вновь отвлекутъ меня отъ начала дѣла на неизвѣстный срокъ! Но хоть и съ гнѣвомъ, а я всетаки ѣхалъ совершенно спокойный за цѣль мою.

Правда, я не зналъ практики; но я три года сряду обдумывалъ и сомнѣній имѣть не могъ. Я воображалъ тысячу разъ, какъ я приступлю: я вдругъ очутываюсь, какъ съ неба спущенный, въ одной изъ двухъ столицъ нашихъ (я выбралъ для начала наши столицы, и именно Петербургъ, которому, по нѣкоторому разсчету, отдалъ преимущество), и такъ я спущенъ съ неба, но совершенно свободный, ни отъ кого не завишу, здоровъ и имѣю затаенныхъ въ карманѣ сто рублей для первоначальнаго оборотнаго капитала. Безъ ста рублей начинать невозможно, такъ какъ на слишкомъ уже долгій срокъ отдалился-бы даже самый первый періодъ успѣха. Кромѣ ста рублей, у меня, какъ уже извѣстно, мужество, упорство, непрерывность, полнѣйшее уединеніе и тайна. Уединеніе—главное: я ужасно не любилъ, до самой послѣдней минуты, никакихъ сношеній и ассоціацій съ людьми; говоря вообще, начать «идею» я непремѣнно положилъ одинъ, это sine qua. Люди мнѣ тяжелы, и я былъ-бы неспокоенъ духомъ, безпокойство вредило-бы цѣли. Да и вообще до сихъ поръ, во всю жизнь, во всѣхъ мечтахъ моихъ о томъ, какъ я буду обращаться съ людьми—у меня всегда выходило очень умно; чуть-же на дѣлѣ—всегда очень глупо. И признаюсь въ этомъ съ негодованіемъ и искренно, я всегда выдавалъ себя самъ словами и торопился, а потому и рѣшился сократить людей. Въ выигрышѣ — независимость, спокойствіе духа, ясность цѣли.

Не смотря на ужасныя петербургскія цѣны, я опредѣлилъ разъ навсегда, что бо-

лѣе пятнадцати копѣекъ на ѣду не истрачу и зналъ, что слово сдержу. Этотъ вопросъ объ ѣдѣ я обдумывалъ долго и обстоятельно; я положилъ, напримѣръ, иногда по два дня сряду ѣсть одинъ хлѣбъ съ солью, но съ тѣмъ, чтобы на третій день истратить сбереженія сдѣланныя въ два дня; мнѣ казалось, что это будетъ выгоднѣе для здоровья, чѣмъ вѣчный ровный постъ на минимумѣ въ пятнадцать копѣекъ. Затѣмъ, для житья моего мнѣ нуженъ былъ уголъ, уголъ буквально, единственно, чтобы выспаться ночью или укрыться уже въ слишкомъ ненастный день. Жить я положилъ на улицѣ и за нужду я готовъ былъ ночевать въ ночлежныхъ пріютахъ, гдѣ, сверхъ ночлега, даютъ кусокъ хлѣба и стаканъ чаю. О, я слишкомъ съумѣлъ-бы спрятать мои деньги, чтобы ихъ у меня въ углѣ или въ пріютѣ не украли и не подглядѣли-бы даже, ручаюсь! «У меня-то украдутъ? Да я самъ боюсь у кого-бъ не украсть»— слышалъ я разъ это веселое слово на улицѣ отъ одного проходимца. Конечно, я къ себѣ изъ него примѣняю лишь одну осторожность и хитрость, а воровать не намѣренъ. Мало того, еще въ Москвѣ, можетъ быть, съ самаго перваго дня «идеи» порѣшилъ, что ни закладчикомъ, ни процентщикомъ тоже не буду: на это есть жиды, да тѣ изъ русскихъ, у кого ни ума, ни характера. Закладъ и процентъ—дѣло ординарности.

Что̀ касается до одежи, то я положилъ имѣть два костюма: расхожій и порядочный. Разъ заведя, я былъ увѣренъ, что проношу долго; я два съ половиною года нарочно учился носить платье и открылъ даже секретъ: чтобы платье было всегда ново и не изнашивалось, надо чистить его щеткой сколь возможно чаще, разъ по пяти и шести въ день. Щетки сукно не боится, говорю достовѣрно, а боится пыли и сору. Пыль — это тѣ-же камни, если смотрѣть въ микроскопъ, а щетка какъ ни тверда, все таже почти шерсть. Равномѣрно выучился я сапоги носить: тайна въ томъ, что надо съ оглядкой ставить ногу всей подошвой разомъ, какъ можно рѣже сбиваясь на бокъ. Выучиться этому можно въ двѣ недѣли, далѣе уже пойдетъ безсознательно. Этимъ способомъ сапоги носятся, въ среднемъ выводѣ, на треть времени дольше. Опытъ двухъ лѣтъ.

Затѣмъ начиналась уже самая дѣятельность.

Я шелъ изъ такого соображенія: у меня сто рублей. Въ Петербургѣ-же столько аукціоновъ, распродажъ, мелкихъ лавочекъ на толкучемъ и нуждающихся людей, что невозможно, купивъ вещь за столько-то, не продать ее нѣсколько дороже. За альбомъ я взялъ семь рублей девяносто пять копѣекъ барыша на два рубля пять копѣекъ затраченнаго капитала. Этотъ огромный барышъ взятъ былъ безъ риску: я по глазамъ видѣлъ, что покупщикъ не отступится. Разумѣется, я слишкомъ понимаю, что это только случай; но вѣдь такихъ-то случаевъ я и ищу, для того-то и порѣшилъ жить на улицѣ. Ну, пусть эти случаи даже слишкомъ рѣдки; все равно, главнымъ правиломъ будетъ у меня — не рисковать ничѣмъ, и второе—непремѣнно въ день сколько нибудь нажить сверхъ минимума, истраченнаго на мое содержаніе, для того, чтобы ни единаго дня не прерывалось накопленіе.

Мнѣ скажутъ: все это мечты; вы не знаете улицы и васъ съ перваго шага надуютъ. Но я имѣю волю и характеръ, а уличная наука есть наука, какъ и всякая, она дается упорству, вниманію и способностямъ. Въ гимназіи я до самаго седьмаго класса былъ изъ первыхъ, я былъ очень хорошъ въ математикѣ. Ну можно-ли до такой кумирной степени превозносить опытъ и уличную науку, чтобы непремѣнно предсказывать неудачу! Это всегда только тѣ говорятъ, которые никогда никакого опыта ни въ чемъ не дѣлали, никакой жизни не начинали и прозябали на готовомъ. «Одинъ расшибъ носъ, такъ непремѣнно и другой расшибетъ его». Нѣтъ, не расшибу. У меня характеръ, и при вниманіи я всему выучусь. Ну, есть-ли возможность представить себѣ, что при безпрерывномъ упорствѣ, при безпрерывной зоркости взгляда и безпрерывномъ обдумываніи и разсчетѣ, при безпредѣльной дѣятельности и бѣготнѣ, вы не дойдете, наконецъ, до знанія, какъ ежедневно нажить лишній двугри-

венный? Главное, я порѣшилъ никогда не бить на максимумъ барыша, а всегда быть спокойнымъ. Тамъ, дальше, уже наживъ тысячу и другую, я-бы, конечно, и невольно вышелъ изъ факторства и уличнаго перекупства. Мнѣ, конечно, слишкомъ мало еще извѣстна биржа, акціи, банкирское дѣло и все прочее. Но, взамѣнъ того, мнѣ извѣстно, какъ пять моихъ пальцевъ, что всѣ эти биржи и банкирства я узнаю и изучу въ свое время какъ никто другой, и что наука эта явится совершенно просто, потому только, что до этого дойдетъ дѣло. Ума что̀-ли тутъ такъ много надо? Что̀ за Соломонова такая премудрость: былъ-бы только характеръ; умѣнье, ловкость, знаніе придутъ сами собою. Только-бы не переставалось «хотѣть».

Главное, не рисковать, а это именно возможно лишь при характерѣ. Еще недавно была при мнѣ, уже въ Петербургѣ, одна подписка на желѣзнодорожныя акціи; тѣ, которымъ удалось подписаться, нажили много. Нѣкоторое время акціи шли въ гору. И вотъ вдругъ, неуспѣвшій подписаться или жадный, видя акціи у меня въ рукахъ, предложилъ-бы ихъ продать ему, за столько-то процентовъ преміи. Что-жь, я непремѣнно-бы и тотчасъ-же продалъ. Надо мной-бы, конечно, стали смѣяться: дескать подождали-бы, въ десять-бы разъ больше взяли. Такъ-съ, но моя премія вѣрнѣе уже тѣмъ, что въ карманѣ, а ваша-то еще летаетъ. Скажутъ, что этакъ много не наживешь; извините, тутъ-то и ваша ошибка, ошибка всѣхъ нашихъ Кокоревыхъ, Поляковыхъ, Губониныхъ. Узнайте истину: непрерывность и упорство въ наживаніи и, главное, въ накопленіи, сильнѣе моментальныхъ выгодъ, даже хотя-бы и въ сто на сто процентовъ:

Незадолго до французской революціи явился въ Парижѣ нѣкто Лоу и затѣялъ одинъ, въ принципѣ, геніальный проэктъ (который потомъ на дѣлѣ ужасно лопнулъ). Весь Парижъ взволновался; акціи Лоу покупались на расхватъ, до давки. Въ домъ, въ которомъ была открыта подписка, сыпались деньги со всего Парижа, какъ изъ мѣшка; но и дома, наконецъ, не достало: публика толпилась на улицѣ — всѣхъ званій, состояній, возрастовъ: буржуа, дворяне, дѣти ихъ, графини, маркизы, публичныя женщины—все сбилось въ одну яростную полусъумасшедшую массу укушенныхъ бѣшеной собакой; чины, предразсудки породы и гордости, даже честь и доброе имя—все стопталось въ одной грязи; всѣмъ жертвовали (даже женщины), чтобы добыть нѣсколько акцій. Подписка перешла, наконецъ, на улицу, но негдѣ было писать. Тутъ одному горбуну предложили уступить на время свой горбъ, въ видѣ стола, для подписки на немъ акцій. Горбунъ согласился—можно представить за какую цѣну! Нѣкоторое время спустя (очень малое), всѣ обанкрутились, все лопнуло, вся идея полетѣла къ чорту и акціи потеряли всякую цѣну. Кто-жь выигралъ? Одинъ горбунъ, именно потому, что не бралъ акціи, а наличные луидоры. Ну-съ, я вотъ и есть тотъ самый горбунъ! У меня достало-же силы не ѣсть и изъ копѣекъ скопить семьдесятъ два рубля; достанетъ и на столько, чтобы и въ самомъ вихрѣ горячки, всѣхъ охватившей, удержаться и предпочесть вѣрныя деньги большимъ. Я мелоченъ лишь въ мелочахъ, но въ великомъ—нѣтъ. На малое терпѣніе у меня часто не доставало характера, даже и послѣ зарожденія «идеи», а на большое—всегда достанетъ. Когда мнѣ мать подавала утромъ, передъ тѣмъ, какъ мнѣ идти на службу, простылый кофе, я сердился и грубилъ ей, а между тѣмъ я былъ тотъ самый человѣкъ, который прожилъ весь мѣсяцъ только на хлѣбѣ и на водѣ.

Однимъ словомъ, не нажить, не выучиться какъ нажить — было-бы неестественно. Неестественно тоже при безпрерывномъ и ровномъ накопленіи, при безпрерывной приглядкѣ и трезвости мысли, воздержности, экономіи, при энергіи, все возрастающей, неестественно, повторяю я, не стать и милліонщикомъ. Чѣмъ нажилъ нищій свои деньги, какъ не фанатизмомъ характера и упорствомъ? Неужели я хуже нищаго? «А, наконецъ, пусть я не достигну ничего, пусть разсчетъ не вѣренъ, пусть лопну и провалюсь, все равно—я иду. Иду потому, что такъ хочу». Вотъ что̀ я говорилъ еще въ Москвѣ.

Мнѣ скажутъ, что тутъ нѣтъ никакой

«идеи» и ровнешенько ничего новаго. А я скажу, и уже въ послѣдній разъ, что тутъ безчисленно много идеи и безконечно много новаго.

О, я вѣдь предчувствовалъ какъ тривіальны будутъ всѣ возраженія и какъ тривіаленъ буду я самъ, излагая «идею»: ну, что я высказалъ? Сотой доли не высказалъ; я чувствую, что вышло мелочно, грубо, поверхностно и даже какъ-то моложе моихъ лѣтъ.

III.

Остаются отвѣты на «зачѣмъ» и «почему», «нравственно или нѣтъ» и пр., и пр.,— на это я обѣщалъ отвѣтить.

Мнѣ грустно, что разочарую читателя сразу, грустно да и весело. Пусть знаютъ, что ровно никакого таки чувства «мести» нѣтъ въ цѣляхъ моей «идеи», ничего Байроновскаго,—ни проклятія, ни жалобъ сиротства, ни слезъ незаконнорожденности, ничего, ничего. Однимъ словомъ, романтическая дама, если-бы ей попались мои записки, тотчасъ повѣсила-бы носъ. Вся цѣль моей «идеи» — уединеніе.

— Но уединенія можно достигнуть вовсе не топорщась стать Ротшильдомъ. Къ чему тутъ Ротшильдъ?

— А къ тому, что, кромѣ уединенія, мнѣ нужно и могущество.

Сдѣлаю предисловіе: читатель, можетъ быть, ужаснется откровенности моей исповѣди и простодушно спроситъ себя: какъ это не краснѣлъ сочинитель? Отвѣчу, я пишу не для изданія; читателя-же, вѣроятно, буду имѣть развѣ черезъ десять лѣтъ, когда все уже до такой степени обозначится, пройдетъ и докажется, что краснѣть ужь нечего будетъ. А потому, если я иногда обращаюсь въ запискахъ къ читателю, то это только пріемъ. Мой читатель—лицо фантастическое.

Нѣтъ, не незаконнорожденность, которою такъ дразнили меня у Тушара, не дѣтскіе грустные годы, не месть и не право протеста явились началомъ моей «идеи»; вина всему—одинъ мой характеръ. Съ двѣнадцати лѣтъ, я думаю, то есть почти съ зарожденія правильнаго сознанія, я сталъ не любить людей. Не то что не любить, а какъ-то стали они мнѣ тяжелы. Слишкомъ мнѣ грустно было иногда самому, въ чистыя минуты мои, что я никакъ не могу всего высказать даже близкимъ людямъ, то есть и могъ-бы, да не хочу, почему-то удерживаюсь; что я недовѣрчивъ, угрюмъ и не сообщителенъ. Опять таки, я давно уже замѣтилъ въ себѣ черту, чуть не съ дѣтства, что слишкомъ часто обвиняю, слишкомъ наклоненъ къ обвиненію другихъ; но за этой наклонностью весьма часто немедленно слѣдовала другая мысль, слишкомъ уже для меня тяжелая: «не я-ли самъ виноватъ вмѣсто нихъ?» И какъ часто я обвинялъ себя напрасно! Чтобъ не разрѣшать подобныхъ вопросовъ, я естественно искалъ уединенія. Къ тому-же и не находилъ ничего въ обществѣ людей, какъ ни старался, а я старался; по крайней мѣрѣ, всѣ мои однолѣтки, всѣ мои товарищи, всѣ до одного оказывались ниже меня мыслями; я не помню ни единаго исключенія.

Да, я сумраченъ, я безпрерывно закрываюсь. Я часто желаю выйдти изъ общества. Я, можетъ быть, и буду дѣлать добро людямъ, но часто не вижу ни малѣйшей причины имъ дѣлать добро. И совсѣмъ люди не такъ прекрасны, чтобъ о нихъ такъ заботиться. Зачѣмъ они не подходятъ прямо и откровенно, и къ чему я непремѣнно самъ и первый обязанъ къ нимъ лѣзть? Вотъ о чемъ я себя спрашивалъ. Я существо благодарное и доказалъ это уже сотнею дурачествъ. Я мигомъ-бы отвѣчалъ откровенному откровенностью и тотчасъ-же сталъ-бы любить его. Такъ я и дѣлалъ; но всѣ они тотчасъ-же меня надували и съ насмѣшкой отъ меня закрывались. Самый открытый изъ всѣхъ былъ Ламбертъ, очень бившій меня въ дѣтствѣ; но и тотъ—лишь открытый подлецъ и разбойникъ; да и тутъ открытость его лишь изъ глупости. Вотъ мои мысли, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ.

Выйдя тогда отъ Дергачева (къ которому Богъ знаетъ зачѣмъ меня сунуло) я подошелъ къ Васину и, въ порывѣ восторженности, расхвалилъ его. И что-же? Въ

тотъ-же вечеръ я уже почувствовалъ, что гораздо меньше люблю его. Почему? Именно потому, что, расхваливъ его, я тѣмъ самымъ принизилъ передъ нимъ себя. Между тѣмъ, казалось-бы, обратно: человѣкъ настолько справедливый и великодушный, что воздаетъ другому, даже въ ущербъ себѣ, такой человѣкъ чуть-ли не выше, по собственному достоинству, всякаго. И что-же — я это понималъ, а все-таки меньше любилъ Васина, даже очень меньше любилъ, я нарочно беру примѣръ, уже извѣстный читателю. Даже про Крафта вспоминалъ съ горькимъ и кислымъ чувствомъ за то, что тотъ меня вывелъ самъ въ переднюю, и такъ было вплоть до другаго дня, когда уже все совершенно про Крафта разъяснилось и сердиться нельзя было. Съ самыхъ низшихъ классовъ гимназіи, чуть кто нибудь изъ товарищей опережалъ меня или въ наукахъ, или въ острыхъ отвѣтахъ, или въ физической силѣ,—я тотчасъ-же переставалъ съ нимъ водиться и говорить. Не то, чтобъ я его ненавидѣлъ или желалъ ему неудачи; просто отвертывался, потому что таковъ мой характеръ.

Да, я жаждалъ могущества всю мою жизнь, могущества и уединенія. Я мечталъ о томъ даже въ такихъ еще лѣтахъ, когда ужь рѣшительно всякій засмѣялся-бы мнѣ въ глаза, если-бъ разобралъ, что у меня подъ черепомъ. Вотъ почему я такъ полюбилъ тайну. Да, я мечталъ изо всѣхъ силъ и до того, что мнѣ некогда было разговаривать; изъ этого вывели, что я нелюдимъ, а изъ разсѣянности моей дѣлали еще скверн̀ѣе выводы на мой счетъ, но розовыя щеки мои доказывали противное.

Особенно счастливъ я былъ, когда, ложась спать и закрываясь одѣяломъ, начиналъ уже одинъ въ самомъ полномъ уединеніи, безъ ходящихъ кругомъ людей и безъ единаго отъ нихъ звука, пересоздавать жизнь на иной ладъ. Самая яростная мечтательность сопровождала меня вплоть до открытія «идеи», когда всѣ мечты изъ глупыхъ разомъ стали разумными, и изъ мечтательной формы романа перешли въ разсудочную форму дѣйствительности.

Все слилось въ одну цѣль. Онѣ, впрочемъ, и прежде были не такъ ужь очень глупы, хотя ихъ была тьма темъ и тысяча тысячъ. Но были любимыя... Впрочемъ, не приводить-же ихъ здѣсь.

Могущество! Я убѣжденъ, что очень многимъ стало-бы очень смѣшно, если-бъ узнали, что такая «дрянь» бьетъ на могущество. Но я еще болѣе изумлю: можетъ быть, съ самыхъ первыхъ мечтаній моихъ, то есть чуть-ли не съ самаго дѣтства, я иначе не могъ вообразить себя, какъ на первомъ мѣстѣ, всегда и во всѣхъ оборотахъ жизни. Прибавлю странное признаніе: можетъ быть, это продолжается еще до сихъ поръ. При этомъ замѣчу, что я прощенія не прошу.

Въ томъ-то и «идея» моя, въ томъ-то и сила ея, что деньги — это единственный путь, который приводитъ на *первое мѣсто* даже ничтожество. Я, можетъ быть, и не ничтожество, но я, напримѣръ, знаю, по зеркалу, что моя наружность мнѣ вредитъ, потому что лицо мое ординарно. Но будь я богатъ какъ Ротшильдъ — кто будетъ справляться съ лицомъ моимъ и не тысячи-ли женщинъ, только свистни, налетятъ ко мнѣ съ своими красотами? Я даже увѣренъ, что онѣ сами, совершенно искренно, станутъ считать меня подъ конецъ красавцемъ. Я, можетъ быть, и уменъ. Но будь я семи пядей во лбу, непремѣнно тутъ-же найдется въ обществѣ человѣкъ въ восемь пядей во лбу — и я погибъ. Между тѣмъ, будь я Ротшильдомъ, — развѣ этотъ умникъ въ восемь пядей будетъ что нибудь подлѣ меня значить? Да ему и говорить не дадутъ подлѣ меня! Я, можетъ быть, остроуменъ; но вотъ подлѣ меня Талейранъ, Пиронъ — и я затемненъ, а чуть я Ротшильдъ — гдѣ Пиронъ, да, можетъ быть, гдѣ и Талейранъ? Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но въ тоже время и высочайшее равенство, и въ этомъ вся главная ихъ сила. Деньги сравниваютъ всѣ неравенства. Все это я рѣшилъ еще въ Москвѣ.

Вы въ этой мысли увидите, конечно, одно нахальство, насиліе, торжество ничтожества надъ талантами. Согласенъ, что мысль эта дерзка (а потому сладостна). Но пусть, пусть: вы думаете, я желалъ тогда могущества чтобъ непремѣнно да-

вить, мстить? Въ томъ-то и дѣло, что такъ непремѣнно поступила-бы ординарность. Мало того, я увѣренъ, что тысячи талантовъ и умниковъ, столь возвышающихся, если-бъ вдругъ навалить на нихъ ротшильдскіе милліоны, тутъ-же не выдержали-бы и поступили-бы какъ самая пошлая ординарность, и давили-бы пуще всѣхъ. Моя идея не та. Я денегъ не боюсь; онѣ меня не придавятъ и давить не заставятъ.

Мнѣ не нужно денегъ, или лучше, мнѣ не деньги нужны, даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что̀ пріобрѣтается могуществомъ, и чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества: это уединенное и спокойное сознаніе силы! Вотъ самое полное опредѣленіе свободы, надъ которымъ такъ бьется міръ! Свобода! Я начерталъ, наконецъ, это великое слово... Да, уединенное сознаніе силы — обаятельно и прекрасно. У меня сила, и я спокоенъ. Громы въ рукахъ Юпитера, и что-жь: онъ спокоенъ; часто-ли слышно, что онъ загремитъ? Дураку покажется, что онъ спитъ. А посади на мѣсто Юпитера какого нибудь литератора, или дуру деревенскую бабу—грому-то, грому-то что будетъ!

Будь только у меня могущество, разсуждалъ я, мнѣ и не понадобится оно вовсе; увѣряю, что самъ, по своей волѣ, займу вездѣ послѣднее мѣсто. Будь я Ротшильдъ, я-бы ходилъ въ старенькомъ пальто и съ зонтикомъ. Какое мнѣ дѣло, что меня толкаютъ на улицѣ, что я принужденъ перебѣгать въ припрыжку по грязи, чтобъ меня не раздавили извощики. Сознаніе, что это я, самъ Ротшильдъ, даже веселило-бы меня въ ту минуту. Я знаю, что у меня, можетъ быть, обѣдъ, какъ ни у кого, и первый въ свѣтѣ поваръ, съ меня довольно, что я это знаю. Я съѣмъ кусокъ хлѣба и ветчины, и буду сытъ моимъ сознаніемъ. Я даже теперь такъ думаю.

Не я буду лѣзть въ аристократію, а она полѣзетъ ко мнѣ, не я буду гоняться за женщинами, а онѣ набѣгутъ какъ вода, предлагая мнѣ все, что̀ можетъ предложить женщина. «Пошлыя» прибѣгутъ за деньгами, а умныхъ привлечетъ любопытство къ странному, гордому, закрытому и ко всему равнодушному существу. Я буду ласковъ и съ тѣми, и съ другими, и, можетъ быть, дамъ имъ денегъ, но самъ отъ нихъ ничего не возьму. Любопытство рождаетъ страсть, можетъ быть, я и внушу страсть. Онѣ уйдутъ ни съ чѣмъ, увѣряю васъ—только развѣ съ подарками. Я только вдвое стану для нихъ любопытнѣе.

...«съ меня довольно
Сего сознанья».

Странно то, что этой картинкой (впрочемъ, вѣрной), я прельщался еще семнадцати лѣтъ.

Давить и мучить я никого не хочу и не буду; но я знаю, что, если-бъ захотѣлъ погубить такого-то человѣка, врага моего, то никто-бы мнѣ въ томъ не воспрепятствовалъ, а всѣ-бы подслужились, и опять довольно. Никому-бы я даже не отмстилъ. Я всегда удивлялся, какъ могъ согласиться Джемсъ Ротшильдъ стать баронемъ! Зачѣмъ, для чего, когда онъ и безъ того всѣхъ выше на свѣтѣ? «О, пусть обижаетъ меня этотъ нахалъ-генералъ, на станціи, гдѣ мы оба ждемъ лошадей; если-бъ зналъ онъ, кто я, онъ побѣжалъ-бы самъ ихъ запрягать и выскочилъ-бы сажать меня въ скромный мой тарантасъ! Писали, что одинъ заграничный графъ или баронъ, на одной вѣнской желѣзной дорогѣ надѣвалъ одному тамошнему банкиру, при публикѣ, на ноги туфли, а тотъ былъ такъ ординаренъ, что допустилъ это. О, пусть, пусть эта страшная красавица (именно страшная, есть такія!)—эта дочь этой пышной и знатной аристократки, случайно встрѣтясь со мной на пароходѣ или гдѣ нибудь, косится, и, вздернувъ носъ, съ презрѣніемъ удивляется, какъ смѣлъ попасть въ первое мѣсто, съ нею рядомъ, этотъ скромный и плюгавый человѣчекъ, съ книжкой или съ газетой въ рукахъ? Но если-бъ только знала она, кто сидитъ подлѣ нея! И она узнаетъ—узнаетъ и сядетъ подлѣ меня сама, покорная, робкая, ласковая, ища моего взгляда, радостная отъ моей улыбки»... Я нарочно вставляю эти раннія картинки, чтобъ ярче выразить мысль; но картинки блѣдны и, можетъ быть, тривіальны. Одна дѣйствительность все оправдываетъ.

Скажутъ, глупо такъ жить: зачѣмъ не имѣть отеля, открытаго дома, не собирать

общества, не имѣть вліянія, не жениться? Но чѣмъ-же станетъ тогда Ротшильдъ? Онъ станетъ какъ всѣ. Вся прелесть «идеи» исчезнетъ, вся нравственная сила ея. Я еще въ дѣтствѣ выучилъ наизусть монологъ Скупаго рыцаря у Пушкина; выше этого, по идеѣ, Пушкинъ ничего не производилъ! Тѣхъ-же мыслей я и теперь.

— Но вашъ идеалъ слишкомъ низокъ, скажутъ съ презрѣніемъ: — деньги, богатство! То-ли дѣло общественная польза, гуманные подвиги?

Но почемъ кто знаетъ, какъ-бы я употребилъ мое богатство? Чѣмъ безнравственно и чѣмъ низко то, что изъ множества жидовскихъ, вредныхъ и грязныхъ рукъ эти милліоны стекутся въ руки трезваго и твердаго схимника, зорко всматривающагося въ міръ? Вообще, всѣ эти мечты о будущемъ, всѣ эти гаданія — все это теперь еще какъ романъ и я, можетъ быть, напрасно записываю; пускай-бы оставалось подъ черепомъ; знаю тоже, что этихъ строкъ, можетъ быть, никто не прочтетъ; но если-бъ кто и прочелъ, то повѣрилъ-ли-бы онъ, что, можетъ быть, я-бы и не вынесъ ротшильдскихъ милліоновъ? Не потому, чтобъ придавили они меня, а совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, въ обратномъ. Въ мечтахъ моихъ я уже не разъ схватывалъ тотъ моментъ въ будущемъ, когда сознаніе мое будетъ слишкомъ удовлетворено, а могущества покажется слишкомъ мало. Тогда,—не отъ скуки и не отъ безцѣльной тоски, а оттого, что безбрежно пожелаю большаго,— я отдамъ всѣ мои милліоны людямъ; пусть общество распредѣлитъ тамъ все мое богатство, а я—я вновь смѣшаюсь съ ничтожествомъ! Можетъ быть, даже обращусь въ того нищаго, который умеръ на пароходѣ, съ тою разницею, что въ рубищѣ моемъ не найдутъ ничего зашитаго. Одно сознаніе о томъ, что въ рукахъ моихъ были милліоны и я бросилъ ихъ въ грязь, какъ вранъ, кормило-бы меня въ моей пустынѣ. Я и теперь готовъ такъ-же мыслить. Да, моя «идея» — это та крѣпость, въ которую я всегда и во всякомъ случаѣ могу скрыться отъ всѣхъ людей, хотя-бы и нищимъ, умершимъ на пароходѣ. Вотъ моя поэма! И знайте, что мнѣ именно нужна моя порочная воля *вся*,—единственно, чтобъ доказать *самому себѣ*, что я въ силахъ отъ нея отказаться.

Безъ сомнѣнія, возразятъ, что это ужь поэзія, и что никогда я не выпущу милліоновъ, если они попадутся, и не обращусь въ саратовскаго нищаго. Можетъ быть, и не выпущу; я начерталъ лишь идеалъ моей мысли. Но прибавлю уже серіозно: если-бъ я дошелъ, въ накопленіи богатства, до такой цифры, какъ у Ротшильда, то, дѣйствительно, могло-бы кончиться тѣмъ, что я бросилъ-бы ихъ обществу. (Впрочемъ, раньше Ротшильдской цифры трудно-бы было это исполнить). И не половину-бы отдалъ, потому что тогда вышла-бы одна пошлость: я сталъ-бы только вдвое бѣднѣе и больше ничего; но именно все, все до копѣйки, потому что, ставъ нищимъ, я вдругъ сталъ-бы вдвое богаче Ротшильда! Если этого не поймутъ, то я не виноватъ; разъяснять не буду.

«Факирство, поэзія ничтожества и безсилія!» рѣшатъ люди, — «торжество безталанности и средины». Да, сознаюсь, что отчасти торжество и безталанности, и средины, но врядъ-ли безсилія. Мнѣ нравилось ужасно представлять себѣ существо именно безталанное и серединное, стоящее предъ міромъ и говорящее ему съ улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великіе и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вотъ я— бездарность и незаконность, и всетаки выше васъ, потому что вы сами этому подчинились. Сознаюсь, я доводилъ эту фантазію до такихъ окраинъ, что похерилъ даже самое образованіе. Мнѣ казалось, что красивѣе будетъ, если человѣкъ этотъ будетъ даже грязно необразованнымъ. Эта, уже утрированная мечта, повліяла даже тогда на мой успѣхъ въ седьмомъ классѣ гимназіи; я пересталъ учиться именно изъ фанатизма: безъ образованія будто прибавлялось красоты къ идеалу. Теперь я измѣнилъ убѣжденіе въ этомъ пунктѣ; образованіе не помѣшаетъ.

Господа, неужели независимость мысли, хотя-бы и самая малая, столь тяжела для васъ? Блаженъ, кто имѣетъ идеалъ красоты, хотя-бы даже ошибочный! Но въ свой

я вѣрую. Я только не такъ изложилъ его, неумѣло, азбучно. Черезъ десять лѣтъ, конечно, изложилъ-бы лучше. А это сберегу на память.

IV.

Я кончилъ «идею». Если описалъ пошло, поверхностно, — виноватъ я, а не «идея». Я уже предупредилъ, что простѣйшія идеи понимаются всѣхъ труднѣе; теперь прибавлю, что и излагаются труднѣе, тѣмъ болѣе, что я описывалъ «идею» еще въ прежнемъ видѣ. Есть и обратный законъ для идей: идеи пошлыя, скорыя — понимаются необыкновенно быстро, и непремѣнно толпой, непремѣнно всей улицей; мало того, считаются величайшими и геніальнѣйшими, но — лишь въ день своего появленія. Дешевое не прочно. Быстрое пониманіе — лишь признакъ пошлости понимаемаго. Идея Бисмарка стала въ мигъ геніальною, а самъ Бисмаркъ — геніемъ; но именно подозрительна эта быстрота: я жду Бисмарка черезъ десять лѣтъ и увидимъ тогда, что останется отъ его идеи, а, можетъ быть, и отъ самого господина канцлера. Эту, въ высшей степени постороннюю и неподходящую къ дѣлу замѣтку, я вставляю, конечно, не для сравненія, а тоже для памяти. (Разъясненіе для слишкомъ ужь грубаго читателя).

А теперь разскажу два анекдота, чтобы тѣмъ покончить съ «идеей» совсѣмъ и такъ, чтобъ она ничѣмъ ужь не мѣшала въ разсказѣ.

Лѣтомъ, въ іюлѣ, за два мѣсяца до поѣздки въ Петербургъ и когда я уже сталъ совершенно свободенъ, Марья Ивановна попросила меня съѣздить въ Троицкій Посадъ, къ одной старой, поселившейся тамъ дѣвицѣ, съ однимъ порученіемъ, — весьма не интереснымъ, чтобы упоминать о немъ въ подробности. Возвращаясь въ тотъ-же день, я замѣтилъ въ вагонѣ одного плюгавенькаго молодаго человѣка, недурно, но нечисто одѣтаго, угреватаго, изъ грязновато-смуглыхъ брюнетовъ. Онъ отличался тѣмъ, что на каждой станціи и полустанціи непремѣнно выходилъ и пилъ водку. Подъ конецъ пути образовался около него веселый кружокъ весьма дрянной, впрочемъ, компаніи. Особенно восхищался одинъ купецъ, тоже немного пьяный, способностью молодаго человѣка пить безпрерывно, оставаясь трезвымъ. Очень доволенъ былъ и еще одинъ молодой парень, ужасно глупый и ужасно много говорившій, одѣтый по нѣмецки, и отъ котораго весьма скверно пахло, — лакей, какъ я узналъ послѣ; этотъ съ пившимъ молодымъ человѣкомъ даже подружился и при каждой остановкѣ поѣзда поднималъ его приглашеніемъ: «Теперь пора водку пить», — и оба выходили обнявшись. Пившій молодой человѣкъ почти совсѣмъ не говорилъ ни слова, а собесѣдниковъ около него усаживалось все больше и больше; онъ только всѣхъ слушалъ, безпрерывно ухмылялся съ слюнявымъ хихиканьемъ и, отъ времени до времени, но всегда неожиданно, производилъ какой-то звукъ, въ родѣ: «тюр-люр-лю!» причемъ какъ-то очень каррикатурно подносилъ палецъ къ своему носу. Это-то и веселило и купца, и лакея, и всѣхъ, и они чрезвычайно громко и развязно смѣялись. Понять нельзя, чему иногда смѣются люди. Подошелъ и я — и не понимаю, почему мнѣ этотъ молодой человѣкъ тоже какъ-бы понравился; можетъ быть, слишкомъ яркимъ нарушеніемъ общепринятыхъ и оказенившихся приличій, словомъ, я не разглядѣлъ дурака; однако, съ нимъ сошелся тогда-же на *ты* и, выходя изъ вагона, узналъ отъ него, что онъ вечеромъ, часу въ девятомъ, придетъ на Тверской бульваръ. Оказался онъ бывшимъ студентомъ. Я пришелъ на бульваръ и вотъ какой штукѣ онъ меня научилъ: мы ходили съ нимъ вдвоемъ по всѣмъ бульварамъ и чуть по позже замѣчали идущую женщину изъ порядочныхъ, но такъ что кругомъ близко не было публики, какъ тотчасъ-же приставали къ ней. Не говоря съ ней ни слова, мы помѣщались, онъ по одну сторону, а я по другую, и съ самымъ спокойнымъ видомъ, какъ будто совсѣмъ не замѣчая ее, начинали между собой самый неблагопристойный разговоръ. Мы называли предметы ихъ собственными именами, съ самымъ безмятежнымъ видомъ и какъ будто такъ слѣдуетъ, и пускались въ

такія тонкости, объясняя разныя скверности и свинства, что самое грязное воображеніе самаго грязнаго развратника того-бы не выдумало. (Я, конечно, всѣ эти знанія пріобрѣлъ еще въ школахъ, даже еще до гимназіи, но лишь слова, а не дѣло). Женщина очень пугалась, быстро торопилась уйдти, но мы тоже учащали шаги и—продолжали свое. Жертвѣ, конечно, ничего нельзя было сдѣлать, не кричать-же ей: свидѣтелей нѣтъ, да и странно какъ-то жаловаться. Въ этихъ забавахъ прошло дней восемь; не понимаю, какъ могло это мнѣ понравиться; да и не нравилось-же, а такъ. Мнѣ сперва казалось это оригинальнымъ, какъ-бы выходившимъ изъ обыденныхъ казенныхъ условій; къ тому-же я терпѣть не могъ женщинъ. Я сообщилъ разъ студенту, что Жанъ-Жакъ Руссо признается въ своей исповѣди, что онъ, уже юношей, любилъ потихоньку изъ-за угла выставлять, обнаживъ ихъ, обыкновенно закрываемыя части тѣла, и поджидалъ въ такомъ видѣ проходившихъ женщинъ. Студентъ отвѣтилъ мнѣ своимъ тюр-люр-лю. Я замѣтилъ, что онъ былъ страшно невѣжественъ и удивительно мало чѣмъ интересовался. Никакой затаенной идеи, которую я ожидалъ въ немъ найдти. Вмѣсто оригинальности, я нашелъ лишь подавляющее однообразіе. Я не любилъ его все больше и больше. Наконецъ, все кончилось совсѣмъ неожиданно: мы пристали разъ уже совсѣмъ въ темнотѣ къ одной, быстро и робко проходившей по бульвару дѣвушкѣ, очень молоденькой, можетъ быть, только лѣтъ шестнадцати, или еще меньше, очень чисто и скромно одѣтой, можетъ быть, живущей трудомъ своимъ и возвращавшейся домой съ занятій, къ старушкѣ-матери, бѣдной вдовѣ съ дѣтьми; впрочемъ, нечего впадать въ чувствительность. Дѣвочка нѣкоторое время слушала и спѣшила-спѣшила, наклонивъ голову и закрывшись вуалемъ, боясь и трепеща, но вдругъ остановилась, откинула вуаль съ своего очень не дурнаго, сколько помню, но худенькаго лица и съ сверкающими глазами крикнула намъ:

— Ахъ, какіе вы подлецы!

Можетъ быть, тутъ и заплакала-бы, но произошло другое: размахнулась и своею маленькою тощей рукою влѣпила студенту такую пощечину, которой ловче, можетъ быть, никогда не было дано. Такъ и хлянуло! Онъ было выбранился и бросился, но я удержалъ, и дѣвочка успѣла убѣжать. Оставшись, мы тотчасъ поссорились: я высказалъ все, что у меня за все время на него накипѣло: высказалъ ему, что онъ лишь жалкая бездарность и ординарность и что въ немъ никогда не было ни малѣйшаго признака идеи. Онъ выбранилъ меня... (я разъ объяснилъ ему на счетъ моей незаконнорожденности), затѣмъ мы расплевались, и съ тѣхъ поръ я его не видалъ. Въ тотъ вечеръ я очень досадовалъ, на другой день не такъ много, на третій — совсѣмъ забылъ. И что-жь, хоть и вспоминалась мнѣ иногда потомъ эта дѣвочка, но лишь случайно и мелькомъ. Только по пріѣздѣ въ Петербургъ, недѣли двѣ спустя, я вдругъ вспомнилъ о всей этой сценѣ,—вспомнилъ, и до того мнѣ стало вдругъ стыдно, что буквально слезы стыда потекли по щекамъ моимъ. Я промучился весь вечеръ, всю ночь, отчасти мучаюсь и теперь. Я понять сначала не могъ, какъ можно было такъ низко и позорно тогда упасть и, главное — забыть этотъ случай, не стыдиться его, не раскаяваться. Только теперь я осмыслилъ въ чемъ дѣло: виною была «идея». Короче, я прямо вывожу, что, имѣя въ умѣ нѣчто неподвижное, всегдашнее, сильное, которымъ страшно занятъ—какъ-бы удаляешься тѣмъ самымъ отъ всего міра въ пустыню и все, что случается, проходитъ лишь вскользь, мимо главнаго. Даже впечатлѣнія принимаются неправильно. И, кромѣ того, главное въ томъ, что имѣешь всегда отговорку. Сколько я мучилъ мою мать за это время, какъ позорно я оставлялъ сестру: «э, у меня «идея», а то все мелочи»—вотъ что я какъ-бы говорилъ себѣ. Меня самого оскорбляли, и больно, — я уходилъ оскорбленный и потомъ вдругъ говорилъ себѣ: «э, я низокъ, а все-таки у меня «идея», и они не знаютъ объ этомъ». «Идея» утѣшала въ позорѣ и ничтожествѣ; но и всѣ мерзости мои тоже какъ бы прятались подъ идею; она, такъ сказать, все облегчала, но и все заволакивала передо мной; но такое неясное пониманіе

случаевъ и вещей, конечно, можетъ вредить даже и самой «идеѣ», не говоря о прочемъ.

Теперь другой анекдотъ.

Марья Ивановна, перваго апрѣля прошлаго года, была имянинница. Въ вечеру пришло нѣсколько гостей, очень немного. Вдругъ входитъ запыхавшись Аграфена и объявляетъ, что въ сѣняхъ, передъ кухней, пищитъ подкинутый младенецъ и что она не знаетъ какъ быть. Извѣстіе всѣхъ взволновало, всѣ пошли и увидѣли лукошко, а въ лукошкѣ — трехъ или четырехнедѣльную пищавшую дѣвочку. Я взялъ лукошко и внесъ въ кухню, и тотчасъ нашелъ сложенную записку: «Милые благодѣтели, окажите доброжелательную помощь окрещенной дѣвочкѣ Аринѣ, а мы съ ней за васъ будемъ завсегда возсылать къ престолу слезы наши, и поздравляемъ васъ съ днемъ тезоименитства; неизвѣстные вамъ люди». Тутъ Николай Семеновичъ, столь мною уважаемый, очень огорчилъ меня: онъ сдѣлалъ очень серіозную мину и рѣшилъ отослать дѣвочку немедленно въ воспитательный домъ. Мнѣ очень стало грустно. Они жили очень экономно, но не имѣли дѣтей, и Николай Семеновичъ былъ всегда этому радъ. Я бережно вынулъ изъ лукошка Ариночку и приподнялъ ее за плечики; изъ лукошка пахло какимъ-то кислымъ и острымъ запахомъ, какой бываетъ отъ долго немытаго груднаго ребеночка. Поспоривъ съ Николаемъ Семеновичемъ, я вдругъ объявилъ ему, что беру дѣвочку на свой счетъ. Тотъ сталъ возражать съ нѣкоторою строгостью, не смотря на всю свою мягкость и хоть кончилъ шуткой, но намѣреніе на счетъ воспитательнаго оставилъ во всей силѣ. Однако, сдѣлалось по моему: на томъ-же дворѣ, но въ другомъ флигелѣ, жилъ очень бѣдный столяръ, человѣкъ уже пожилой и пившій; но у жены его, очень еще не старой и очень здоровой бабы, только что померъ грудной ребеночекъ и, главное, единственный, родившійся послѣ восьми лѣтъ безплоднаго брака, тоже дѣвочка и, по странному счастью, тоже Ариночка. Я говорю, по счастью, потому что когда мы спорили въ кухнѣ, эта баба, услыхавъ о случаѣ, прибѣжала поглядѣть, а когда узнала, что это Ариночка— умилилась. Молоко еще у ней не прошло, она открыла грудь и приложила къ груди ребенка. Я пристадъ къ ней и сталъ просить, чтобъ унесла къ себѣ, а что я буду платить ежемѣсячно. Она боялась, позволитъ-ли мужъ, но взяла на ночь. На утро мужъ позволилъ за восемь рублей въ мѣсяцъ, и я тутъ-же отсчиталъ ему за первый мѣсяцъ впередъ; тотъ тотчасъ-же пропилъ деньги. Николай Семеновичъ, все еще странно улыбаясь, согласился поручиться за меня столяру, что деньги, по восьми рублей ежемѣсячно, будутъ вноситься мною неуклонно. Я было сталъ отдавать Николаю Семеновичу, чтобъ обезпечить его, мои шестьдесятъ рублей на руки, но онъ не взялъ: впрочемъ, онъ зналъ, что у меня есть деньги и вѣрилъ мнѣ. Этою деликатностью его наша минутная ссора была изглажена. Марья Ивановна ничего не говорила, но удивлялась, какъ я беру такую заботу. Я особенно цѣнилъ ихъ деликатность въ томъ, что они оба не позволили себѣ ни малѣйшей шутки надо мною, а стали, напротивъ, относиться къ дѣлу такъ-же серіозно, какъ и слѣдовало. Я каждый день бѣгалъ къ Дарьѣ Родивоновнѣ, раза по три, а черезъ недѣлю подарилъ ей лично, въ руку, потихоньку отъ мужа, еще три рубля. На другіе три рубля я завелъ одѣяльцо и пеленки. Но черезъ десять дней Риночка вдругъ заболѣла. Я тотчасъ привезъ доктора, онъ что-то прописалъ и мы провозились всю ночь, мучая крошку его сквернымъ лѣкарствомъ, а на другой день онъ объявилъ, что уже поздно, и на просьбы мои, — а, впрочемъ, кажется, на укоры, — произнесъ съ благородною уклончивостью: «Я не Богъ». Язычекъ, губки и весь ротъ у дѣвочки покрылись какой-то мелкой бѣлой сыпью, и она къ вечеру-же умерла, упирая въ меня свои большіе черные глазки, какъ будто она уже понимала. Не понимаю, какъ не пришло мнѣ на мысль снять съ нея, съ мертвенькой, фотографію. Ну, повѣрятъ-ли, что я не то что плакалъ, а просто вылъ въ этотъ вечеръ, чего прежде никогда не позволялъ себѣ, и Марья Ивановна принуждена была утѣшать меня, — и опять таки совершенно безъ на-

смѣшки, ни съ ея, ни съ его стороны. Столяръ-же сдѣлалъ и гробикъ; Марья Ивановна отдѣлала его рюшемъ и положила хорошенькую подушечку, а я купилъ цвѣтовъ и обсыпалъ ребеночка: такъ и снесли мою бѣдную былиночку, которую, повѣрятъ-ли, до сихъ поръ не могу позабыть. Немного, однако, спустя все это почти внезапное происшествіе заставило меня даже очень задуматься. Конечно, Риночка обошлась не дорого,—совсѣмъ съ гробикомъ, съ погребеніемъ, съ докторомъ, съ цвѣтами и съ платой Дарьѣ Родивоновнѣ—тридцать рублей. Эти деньги, отъѣзжая въ Петербургъ, я наверсталъ на присланныхъ мнѣ на выѣздъ Версиловымъ сорока рубляхъ и продажею кой-какихъ вещицъ передъ отъѣздомъ, такъ что весь мой «капиталъ» остался неприкосновеннымъ. «Но, подумалъ я: — если я буду такъ сбиваться въ сторону, то не далеко уѣду». Въ исторіи съ студентомъ выходило, что «идея» можетъ увлечь до неясности впечатлѣній и отвлечь отъ текущей дѣйствительности. Изъ исторіи съ Риночкой выходило обратное, что никакая «идея» не въ силахъ увлечь (по крайней мѣрѣ, меня) до того, чтобъ я не остановился вдругъ передъ какимъ нибудь подавляющимъ фактомъ и не пожертвовалъ ему разомъ всѣмъ тѣмъ, что уже годами труда сдѣлалъ для «идеи». Оба вывода были тѣмъ не менѣе вѣрны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Надежды мои не сбылись вполнѣ: я не засталъ ихъ однѣхъ: хоть Версилова и не было, но у матери сидѣла Татьяна Павловна — всетаки чужой человѣкъ. Половина великодушнаго расположенія разомъ съ меня соскочила. Удивительно, какъ я скоръ и перевертливъ въ подобныхъ случаяхъ; песчинки или волоска достаточно, чтобы разогнать хорошее и замѣнить дурнымъ. Дурныя-же впечатлѣнія мои, къ моему сожалѣнію, не такъ скоро изгоняются, хоть я и не злопамятенъ. Когда я вошелъ, мнѣ мелькнуло, что мать тотчасъ-же и быстро прервала нить своего разговора съ Татьяной Павловной, кажется, весьма оживленнаго. Сестра воротилась съ работы передо мной лишь за минуту и еще не выходила изъ своей каморки.

Квартира эта состояла изъ трехъ комнатъ. Та, въ которой всѣ, по обыкновенію, сидѣли, серединная комната или гостиная, была у насъ довольно большая и почти приличная. Въ ней все-же были мягкіе красные диваны, очень, впрочемъ, истертые (Версиловъ не терпѣлъ чехловъ), кой-какіе ковры, нѣсколько столовъ и ненужныхъ столиковъ. Затѣмъ, направо находилась комната Версилова, тѣсная и узкая, въ одно окно; въ ней стоялъ жалкій письменный столъ, на которомъ валялось нѣсколько неупотребляемыхъ книгъ и забытыхъ бумагъ, а передъ столомъ не менѣе жалкое мягкое кресло, со сломанной и поднявшейся вверхъ угломъ пружиной, отъ которой часто стоналъ Версиловъ и бранился. Въ этомъ-же кабинетѣ, на мягкомъ и тоже истасканномъ диванѣ стлали ему и спать; онъ ненавидѣлъ этотъ свой кабинетъ и, кажется, ничего въ немъ не дѣлалъ, а предпочиталъ сидѣть праздно въ гостиной по цѣлымъ часамъ. Налѣво изъ гостиной была точно такая-же комнатка: въ ней спали мать и сестра. Въ гостиную входили изъ корридора, который оканчивался входомъ въ кухню, гдѣ жила кухарка Лукерья, и когда стряпала, то чадила пригорѣлымъ масломъ на всю квартиру немилосердно. Бывали минуты, когда Версиловъ громко проклиналъ свою жизнь и участь изъ-за этого кухоннаго чада и въ этомъ одномъ я ему вполнѣ сочувствовалъ; я тоже ненавижу эти запахи, хотя они и не проникали ко мнѣ: я жилъ вверху въ свѣтелкѣ, подъ крышей, куда подымался по чрезвычайно крутой и скрипучей лѣсенкѣ. Тамъ у меня было достопримѣчательнаго — полукруглое окно, ужасно низкій потолокъ; клеенчатый диванъ, на которомъ Лукерья къ ночи постилала мнѣ простыню и клала подушку, а прочей мебели — лишь два предмета: простѣйшій тесовый столъ и дырявый плетеный стулъ.

Впрочемъ, всетаки у насъ сохранялись остатки нѣкотораго, когда-то бывшаго комфорта; въ гостиной, напримѣръ, имѣлась

весьма недурная фарфоровая лампа, а на стѣнѣ висѣла превосходная большая гравюра Дрезденской Мадонны и тутъ-же напротивъ, на другой стѣнѣ, дорогая фотографія, въ огромномъ размѣрѣ, литыхъ бронзовыхъ воротъ флорентійскаго собора. Въ этой-же комнатѣ, въ углу, висѣлъ большой кіотъ съ старинными фамильными образами, изъ которыхъ на одномъ (Всѣхъ Святыхъ) была большая вызолоченная, серебряная риза — та самая, которую хотѣли закладывать, а на другомъ (на образѣ Божіей Матери) — риза бархатная, вышитая жемчугомъ. Передъ образами висѣла лампадка, зажигавшаяся подъ каждый праздникъ. Версиловъ къ образамъ, въ смыслѣ ихъ значенія, былъ очевидно равнодушенъ и только морщился иногда, видимо сдерживая себя, отъ отраженнаго отъ золоченой ризы свѣта лампадки, слегка жалуясь, что это вредитъ его зрѣнію, но все-же не мѣшалъ матери зажигать.

Я обыкновенно входилъ молча и угрюмо, смотря куда нибудь въ уголъ, а иногда входя не здоровался. Возвращался-же всегда ранѣе этого раза и мнѣ подавали обѣдать наверхъ. Войдя теперь, я вдругъ сказалъ: «здравствуйте, мама», чего никогда прежде не дѣлывалъ, хотя какъ-то всетаки, отъ стыдливости, не могъ и въ этотъ разъ заставить себя посмотрѣть на нее, и усѣлся въ противоположномъ концѣ комнаты. Я очень усталъ, но о томъ не думалъ.

— Этотъ неучъ все такъ-же у васъ продолжаетъ входить невѣжей, какъ и прежде, — прошипѣла на меня Татьяна Павловна; ругательныя слова она и прежде себѣ позволяла и это вошло уже между мною и ею въ обычай.

— Здравствуй... отвѣтила мать, какъ-бы тотчасъ-же потерявшись отъ того, что я съ ней поздоровался.

— Кушать давно готово, прибавила она, почти сконфузившись: — супъ только-бы не простылъ, а котлетки я сейчасъ велю... Она было стала поспѣшно вставать, чтобъ идти на кухню и въ первый разъ, можетъ быть, въ цѣлый мѣсяцъ мнѣ вдругъ стало стыдно, что она слишкомъ ужь проворно вскакиваетъ для моихъ услугъ, такъ какъ до сихъ поръ самъ-же я того требовалъ.

— Покорно благодарю, мама, я ужь обѣдалъ. Если не помѣшаю, я здѣсь отдохну.

— Ахъ... что-жь!.. отчего-же, посиди...

— Не безпокойтесь, мама, я грубить Андрею Петровичу больше не стану, отрѣзалъ я разомъ...

— Ахъ, Господи, какое съ его стороны великодушіе! крикнула Татьяна Павловна. — Голубчикъ, Соня — да неужели ты все продолжаешь говорить ему *вы*? Да кто онъ такой, чтобъ ему такія почести, да еще отъ родной своей матери! Посмотри, вѣдь ты вся законфузилась передъ нимъ, срамъ!

— Мнѣ самому очень было-бы пріятно, если-бъ вы, мама, говорили мнѣ ты.

— Ахъ... Ну и хорошо, ну и буду, заторопилась мать: — я — я вѣдь не всегда-же... ну съ этихъ поръ знать и буду.

Она вся покраснѣла. Рѣшительно ея лицо бывало чрезвычайно привлекательно... Лицо у ней было простодушное, но вовсе не простоватое, немного блѣдное, малокровное. Щеки ея были очень худы, даже ввалились, а на лбу сильно начинали скоплятся морщинки, но около глазъ ихъ еще не было и глаза, довольно большіе и открытые, сіяли всегда тихимъ и спокойнымъ свѣтомъ, который меня привлекъ къ ней съ самаго перваго дня. Любилъ я тоже, что въ лицѣ ея вовсе не было ничего такого грустнаго или ущемленнаго; напротивъ, выраженіе его было-бы даже веселое, если-бъ она не тревожилась такъ часто, совсѣмъ иногда попусту, пугаясь и схватываясь съ мѣста иногда совсѣмъ изъ-за ничего, или вслушиваясь испуганно въ чей нибудь новый разговоръ, пока не увѣрялась, что все по прежнему хорошо. Все хорошо — именно значило у ней, коли «все по прежнему». Только-бы не измѣнялось, только-бы новаго чего не произошло, хотя-бы даже счастливаго!.. Можно было подумать, что ее въ дѣтствѣ какъ нибудь испугали. Кромѣ глазъ ея, нравился мнѣ овалъ ея продолговатаго лица и, кажется, если-бъ только на капельку были менѣе широки ея скулы, то не только въ молодости, но даже и теперь она могла-бы назваться красивою. Теперь-же ей было не болѣе тридцати девяти, но въ темнорусыхъ волосахъ ея уже сильно проскакивали сѣдинки.

Татьяна Павловна взглянула на нее съ рѣшительнымъ негодованіемъ.

— Этакому-то бутузу! И такъ передъ нимъ дрожать! Смѣшная ты, Софья; сердишь ты меня, вотъ что!

— Ахъ, Татьяна Павловна, зачѣмъ-бы вамъ такъ съ нимъ теперь! Да вы шутите, можетъ, а? прибавила мать, примѣтивъ что-то въ родѣ улыбки на лицѣ Татьяны Павловны. Татьяны Павловнину брань и впрямь иногда нельзя было принять за серіозное, но улыбнулась она (если только улыбнулась), конечно, лишь на мать, потому что ужасно любила ея доброту и ужь, безъ сомнѣнія, замѣтила, какъ въ ту минуту она была счастлива моею покорностью.

— Я, конечно, не могу не почувствовать, если вы сами бросаетесь на людей, Татьяна Павловна, и именно тогда, когда я, войдя, сказалъ «здравствуйте, мама», чего прежде никогда не дѣлалъ,— нашелъ я, наконецъ, нужнымъ ей замѣтить.

— Представьте себѣ, вскипѣла она тотчасъ-же: — онъ считаетъ это за подвигъ? На колѣнкахъ что-ли стоять передъ тобой, что ты разъ въ жизни вѣжливость оказалъ? Да и это-ли вѣжливость! Что ты въ уголъ-то смотришь, входя? Развѣ я не знаю, какъ ты передъ нею рвешь и мечешь! Могъ-бы и мнѣ сказать здравствуй, я пеленала тебя, я твоя крестная мать.

Разумѣется, я пренебрегъ отвѣчать. Въ ту минуту какъ разъ вошла сестра и я поскорѣе обратился къ ней.

— Лиза, я сегодня видѣлъ Васина и онъ у меня про тебя спросилъ. Ты знакома?

— Да, въ Лугѣ, прошлаго года, совершенно просто отвѣтила она, садясь подлѣ и ласково на меня посмотрѣвъ. Не знаю почему, мнѣ казалось, что она такъ и вспыхнетъ, когда я ей скажу про Васина. Сестра была блондинка, свѣтлая блондинка, совсѣмъ не въ мать и не въ отца волосами; но глаза, овалъ лица были почти какъ у матери. Носъ очень прямой, небольшой и правильный; впрочемъ, и еще особенность— мелкія веснушки въ лицѣ, чего совсѣмъ у матери не было. Версиловскаго было очень немного, развѣ тонкость стана, не малый ростъ и что-то такое прелестное въ походкѣ. Со мной-же ни малѣйшаго сходства — два противоположные полюса.

— Я ихъ мѣсяца три знала, прибавила Лиза.

— Это ты про Васина говоришь *ихъ*, Лиза? Надо сказать *его*, а не *ихъ*. Извини, сестра, что я поправляю, но мнѣ горько, что воспитаніемъ твоимъ, кажется, совсѣмъ пренебрегли.

— А при матери низко объ этомъ замѣчать съ твоей стороны,— такъ и вспыхнула Татьяна Павловна:—и врешь ты, вовсе не пренебрегли.

— Ничего я и не говорю про мать, рѣзко вступился я:—знайте, мама, что я смотрю на Лизу, какъ на вторую васъ; вы сдѣлали изъ нея такую-же прелесть по добротѣ и характеру, какою навѣрно были вы сами, и есть теперь, до сихъ поръ, и будете вѣчно... Я лишь про наружный лоскъ, про всѣ эти свѣтскія глупости, впрочемъ, необходимыя. Я только о томъ негодую, что Версиловъ, услышавъ, что ты про Васина выговариваешь *ихъ*, а не *его*, навѣрно не поправилъ-бы тебя вовсе,—до того онъ высокомѣренъ и равнодушенъ съ нами. Вотъ что меня бѣситъ!

— Самъ-то медвѣженокъ, а туда-же лоску учитъ. Не смѣйте, сударь, впредь при матери говорить: «Версиловъ», равно и въ моемъ присутствіи, — не стерплю! засверкала Татьяна Павловна.

— Мама, я сегодня жалованье получилъ, пятьдесятъ рублей, возьмите пожалуйста, вотъ!

Я подошелъ и подалъ ей деньги; она тотчасъ-же затревожилась.

— Ахъ, не знаю какъ взять-то! проговорила она, какъ-бы боясь дотронуться до денегъ. Я не понялъ.

— Помилуйте, мама, если вы обѣ считаете меня въ семьѣ какъ сына и брата, то...

— Ахъ, виновата я передъ тобою, Аркадій: призналась-бы тебѣ кое въ чемъ, да боюсь тебя ужь очень...

Сказала она это съ робкою и заискивающею улыбкой; я опять не понялъ и перебилъ:

— Кстати, извѣстно вамъ, мама, что сегодня въ судѣ рѣшилось дѣло Андрея Петровича съ Сокольскими?

— Ахъ, извѣстно! воскликнула она, отъ страху сложивъ передъ собою ладошками руки (ея жестъ).

— Сегодня? — такъ и вздрогнула вся Татьяна Павловна: — да быть-же того не можетъ, онъ-бы сказалъ. Онъ тебѣ сказалъ? повернулась она къ матери.

— Ахъ, нѣтъ, что сегодня, про то не сказалъ. Да я всю недѣлю такъ боюсь. Хоть-бы проиграть, я-бы помолилась, только-бы съ плечъ долой, да опять по прежнему.

— Такъ не сказалъ-же и вамъ, мама! воскликнулъ я. —Каковъ человѣчекъ! Вотъ образецъ его равнодушія и высокомѣрія; что я говорилъ сейчасъ?

— Рѣшилось-то чѣмъ, чѣмъ рѣшилось-то? Да кто тебѣ сказалъ? кидалась Татьяна Павловна. — Да говори-же!

— Да вотъ и самъ онъ! Можетъ, разскажетъ, возвѣстилъ я, заслышавъ его шаги въ корридорѣ, и поскорѣй усѣлся около Лизы.

— Братъ, ради Бога, пощади маму, будь терпѣливъ съ Андреемъ Петровичемъ... — прошептала мнѣ сестра.

— Буду, буду, я съ тѣмъ и воротился, пожалъ я ей руку.

Лиза очень недовѣрчиво на меня посмотрѣла и права была.

II.

Онъ вошелъ очень довольный собой, такъ довольный, что и нужнымъ не нашелъ скрыть свое расположеніе. Да и вообще, онъ привыкъ передъ нами, въ послѣднее время, раскрываться безъ малѣйшей церемоніи и не только въ своемъ дурномъ, но даже въ смѣшномъ, чего ужь всякій боится; между тѣмъ вполнѣ сознавалъ, что мы до послѣдней черточки все поймемъ. Въ послѣдній годъ онъ, по замѣчанію Татьяны Павловны, очень опустился въ костюмѣ: одѣтъ былъ всегда прилично, но въ старомъ и безъ изысканности. Это правда, онъ готовъ былъ носить бѣлье по два дня, что даже огорчало мать; это у нихъ считалось за жертву, и вся эта группа преданныхъ женщинъ прямо видѣла въ этомъ подвигъ. Шляпы онъ всегда носилъ мягкія, широкополыя, черныя; когда онъ снялъ въ дверяхъ шляпу — цѣлый пукъ его густѣйшихъ, но съ сильной просѣдью волосъ такъ и прянулъ на его головѣ. Я любилъ смотрѣть на его волосы, когда онъ снималъ шляпу.

— Здравствуйте; всѣ въ сборѣ; даже и онъ въ томъ числѣ? Слышалъ его голосъ еще изъ передней; меня бранилъ, кажется?

Одинъ изъ признаковъ его веселаго расположенія — это когда онъ принимался надо мною острить. Я не отвѣчалъ, разумѣется. Вошла Лукерья съ цѣлымъ кулькомъ какихъ-то покупокъ и положила на столъ.

— Побѣда, Татьяна Павловна; въ судѣ выиграно, а апеллировать, конечно, князья не рѣшатся. Дѣло за мною! Тотчасъ-же нашелъ занять тысячу рублей. Софья, положи работу, не труди глаза. Лиза, съ работы?

— Да, папа, съ ласковымъ видомъ отвѣтила Лиза; она звала его отцомъ; я этому ни за что не хотѣлъ подчиниться.

— Устала?

— Устала.

— Оставь работу, завтра не ходи, и совсѣмъ брось.

— Папа, мнѣ такъ хуже.

— Прошу тебя... Я ужасно не люблю, когда женщины работаютъ, Татьяна Павловна.

— Какъ-же безъ работы-то? Да чтобы женщина не работала!..

— Знаю, знаю, все это прекрасно и вѣрно, и я заранѣе согласенъ; но—я, главное, про рукодѣлья. Представьте себѣ, во мнѣ это, кажется, одно изъ болѣзненныхъ или, лучше, неправильныхъ впечатлѣній дѣтства. Въ смутныхъ воспоминаніяхъ моего пяти — шестилѣтняго дѣтства я всего чаще припоминаю, — съ отвращеніемъ, конечно, — около круглаго стола конклавъ умныхъ женщинъ, строгихъ и суровыхъ, ножницы, матерію, выкройки и модную картинку. Всѣ судятъ и рядятъ, важно и медленно покачивая головами, примѣривая и разсчитывая и готовясь кроить. Всѣ эти ласковыя лица, которыя меня такъ любятъ—вдругъ стали неприступны; зашали

я, и меня тотчасъ-же унесутъ. Даже бѣдная няня моя, придерживая меня рукой и не отвѣчая на мои крики и теребенья, заглядѣлась и заслушалась точно райской птицы. Вотъ эту-то строгость умныхъ лицъ и важность передъ начатіемъ кройки—мнѣ почему-то мучительно даже и теперь представить. Татьяна Павловна, вы ужасно любите кроить, — какъ это ни аристократично, но я всетаки больше люблю женщину совсѣмъ не работующую. Не прими на свой счетъ! Софья... Да гдѣ тебѣ! Женщина и безъ того великая власть. Это, впрочемъ, и ты знаешь, Соня. Какъ ваше мнѣніе, Аркадій Макаровичъ, навѣрно возстаете?

— Нѣтъ, ничего, отвѣтилъ я.— Особенно хорошо выраженіе, что женщина — великая власть, хотя не понимаю, зачѣмъ вы связали это съ работой? А что не работать нельзя, когда денегъ нѣтъ — сами знаете.

— Но теперь довольно, обратился онъ къ матушкѣ, которая такъ вся и сіяла (когда онъ обратился ко мнѣ, она вся вздрогнула);—по крайней мѣрѣ, хоть первое время чтобъ я не видалъ рукодѣлій, для меня прошу. Ты, Аркадій, какъ юноша нашего времени, навѣрно немножко соціалистъ; ну, такъ повѣришь-ли, другъ мой, что наиболѣе любящихъ праздность,— это изъ трудящагося вѣчно народа!

— Отдыхъ, можетъ быть, а не праздность.

— Нѣтъ, именно праздность, полное ничегонедѣланіе; въ томъ идеалъ! Я зналъ одного вѣчнаго труженика, хоть и не изъ народа; онъ былъ человѣкъ довольно развитой и могъ обобщать. Онъ всю жизнь свою, каждый день, можетъ быть, мечталъ съ засосомъ и съ умиленіемъ о полнѣйшей праздности, такъ сказать доводя идеалъ до абсолюта, — до безконечной независимости, до вѣчной свободы мечты и праднаго созерцанія. Такъ и было вплоть, пока не сломался совсѣмъ на работѣ; починить нельзя было; умеръ въ больницѣ. Я серіозно иногда готовъ заключить, что о наслажденіяхъ труда выдумали праздные люди, разумѣется, изъ добродѣтельныхъ. Это одна изъ «женевскихъ идей» конца прошлаго столѣтія. Татьяна Павловна, третьяго дня я вырѣзалъ изъ газеты одно объявленіе, вотъ оно (онъ вынулъ клочекъ изъ жилетнаго кармана),—это изъ числа тѣхъ безконечныхъ «студентовъ», знающихъ классическіе языки и математику и готовыхъ въ отъѣздъ, на чердакъ и всюду. Вотъ, слушайте: «Учительница подготовляетъ во всѣ учебныя заведенія (слышите, во всѣ) и даетъ уроки ариѳметики»,— одна лишь строчка, но классическая! Подготовляетъ въ учебныя заведенія — такъ, ужь конечно, и изъ ариѳметики? Нѣтъ, у ней объ ариѳметикѣ особенно. Это — это уже чистый голодъ, это уже послѣдняя степень нужды. Трогательна тутъ именно эта неумѣлость: очевидно, никогда себя не готовила въ учительницы, да врядъ-ли чему и въ состояніи учить. Но вѣдь хоть топись, тащитъ послѣдній рубль въ газету и печатаетъ, что подготовляетъ во всѣ учебныя заведенія и, сверхъ того, даетъ уроки ариѳметики. Per tutto mundo e in altri siti.

— Ахъ, Андрей Петровичъ, ей-бы помочь! Гдѣ она живетъ? воскликнула Татьяна Павловна.

— Э, много такихъ! Онъ сунулъ адресъ въ карманъ.—Въ этомъ кулькѣ все гостинцы,—тебѣ, Лиза, и вамъ, Татьяна Павловна; Софья и я, мы не любимъ сладкаго. Пожалуй, и тебѣ, молодой человѣкъ. Я самъ все взялъ у Елисѣева и у Балле. Слишкомъ долго «голодомъ сидѣли», какъ говоритъ Лукерья (NB. Никогда никто не сидѣлъ у насъ голодомъ). Тутъ виноградъ, конфекты, дюшессы и клубничный пирогъ, даже взялъ превосходной наливки; орѣховъ тоже. Любопытно, что я до сихъ поръ, съ самаго дѣтства, люблю орѣхи, Татьяна Павловна, и, знаете, самые простые. Лиза въ меня; она тоже, какъ бѣлочка, любитъ щелкать орѣшки. Но ничего нѣтъ прелестнѣе, Татьяна Павловна, какъ иногда, невзначай, между дѣтскихъ воспоминаній, воображать себя мгновеніями въ лѣсу, въ кустарникѣ, когда самъ рвешь орѣхи... Дни уже почти осенніе, но ясные, иногда такъ свѣжо, затаишься въ глуши, забредешь въ лѣсъ, пахнетъ листьями... Я вижу что-то симпатическое

въ вашемъ взглядѣ, Аркадій Макаровичъ?

— Первые годы дѣтства моего прошли тоже въ деревнѣ.

— Какъ, да вѣдь ты, кажется, въ Москвѣ проживалъ... если не ошибаюсь.

— Онъ у Андрониковыхъ тогда жилъ въ Москвѣ, когда вы туда пріѣхали; а до тѣхъ поръ проживалъ у покойной вашей тетушки, Варвары Степановны, въ деревнѣ, подхватила Татьяна Павловна.

— Софья, вотъ деньги, припрячь. На дняхъ обѣщали пять тысячъ дать.

— Стало быть, уже никакой надежды князьямъ? спросила Татьяна Павловна.

— Совершенно никакой, Татьяна Павловна.

— Я всегда сочувствовала вамъ, Андрей Петровичъ, и всѣмъ вашимъ, и была другомъ дома, но хоть князья мнѣ и чужіе, а мнѣ, ей Богу, ихъ жаль. Не осердитесь, Андрей Петровичъ.

— Я не намѣренъ дѣлиться, Татьяна Павловна.

— Конечно, вы знаете мою мысль, Андрей Петровичъ, они-бы прекратили искъ, если-бъ вы предложили подѣлить пополамъ въ самомъ началѣ; теперь, конечно, поздно. Впрочемъ, не смѣю судить... Я вѣдь потому, что покойникъ навѣрно не обошелъ-бы ихъ въ своемъ завѣщаніи.

— Не то, что обошелъ-бы, а навѣрно-бы все имъ оставилъ, а обошелъ-бы только одного меня, если-бы съумѣлъ дѣло сдѣлать и какъ слѣдуетъ завѣщаніе написать; но теперь — за меня законъ — и кончено. Дѣлиться я не могу и не хочу, Татьяна Павловна, и дѣлу конецъ.

Онъ произнесъ это даже съ озлобленіемъ, что̀ рѣдко позволялъ себѣ. Татьяна Павловна притихла. Мать какъ-то грустно потупила глаза: Версиловъ зналъ, что она одобряетъ мнѣніе Татьяны Павловны.

— «Тутъ эмская пощечина!» подумалъ я про себя. Документъ, доставленный Крафтомъ и бывшій у меня въ карманѣ, имѣлъ-бы печальную участь, если-бы попался къ нему въ руки. Я вдругъ почувствовалъ, что все это сидитъ еще у меня на шеѣ; эта мысль, въ связи со всѣмъ прочимъ, конечно, подѣйствовала на меня раздражительно.

— Аркадій, я желалъ-бы, чтобъ ты одѣлся получше, мой другъ; ты одѣтъ недурно, но въ виду дальнѣйшаго, я могъ-бы тебѣ отрекомендовать хорошаго одного француза, предобросовѣстнаго и со вкусомъ.

— Я васъ попрошу никогда не дѣлать мнѣ подобныхъ предложеній, рванулъ я вдругъ.

— Что̀ такъ?

— Я, конечно, не нахожу унизительнаго, но мы вовсе не въ такомъ соглашеніи, а, напротивъ, даже въ разногласіи, потому что я на дняхъ, завтра, оставляю ходить къ князю, не видя тамъ ни малѣйшей службы.

— Да въ томъ, что ты ходишь, что ты сидишь съ нимъ — служба!

— Такія мысли унизительны.

— Не понимаю; а, впрочемъ, если ты столь щекотливъ, то не бери съ него денегъ, а только ходи. Ты его огорчишь ужасно; онъ ужь къ тебѣ прилипъ, будь увѣренъ... Впрочемъ, какъ хочешь...

Ему очевидно было непріятно.

— Вы говорите, не проси денегъ, а по вашей-же милости я сдѣлалъ сегодня подлость: вы меня не предувѣдомили, а я стребовалъ съ него сегодня жалованье за мѣсяцъ.

— Такъ ты уже распорядился; а я, признаюсь, думалъ, что ты не станешь просить; какіе-же вы, однако, всѣ теперь ловкіе! Нынѣче нѣтъ молодежи, Татьяна Павловна.

Онъ ужасно злился; я тоже разсердился ужасно.

— Мнѣ надо-же было раздѣлаться съ вами... это вы меня заставили,—я не знаю теперь какъ быть.

— Кстати, Софи, отдай немедленно Аркадію его шестьдесятъ рублей; а ты, мой другъ, не сердись за торопливость разсчета. Я по лицу твоему угадываю, что у тебя въ головѣ какое-то предпріятіе и что ты нуждаешься... въ оборотномъ капиталѣ... или въ родѣ того.

— Я не знаю, что̀ выражаетъ мое лицо, но я никакъ не ожидалъ отъ мамы, что она разскажетъ вамъ про эти деньги, тогда какъ я такъ просилъ ее,—поглядѣлъ я на мать, засверкавъ глазами. Не могу выразить, какъ я былъ обиженъ.

— Аркаша, голубчикъ, прости, ради Бога, не могла я никакъ чтобы не сказать...

— Другъ мой, не претендуй, что она мнѣ открыла твои секреты, обратился онъ ко мнѣ: — къ тому-же она съ добрымъ намѣреніемъ — просто, матери захотѣлось похвалиться чувствами сына. Но повѣрь, я-бы и безъ того угадалъ, что ты капиталистъ. Всѣ секреты твои на твоемъ честномъ лицѣ написаны. У него «своя идея», Татьяна Павловна, я вамъ говорилъ.

— Оставимъ мое честное лицо, продолжалъ я рвать: — я знаю, что вы часто видите насквозь, хотя въ другихъ случаяхъ не дальше куринаго носа,— и удивлялся вашей способности проницать. Ну, да, у меня есть «своя идея». То, что вы такъ выразились, конечно, случайность, но я не боюсь признаться: у меня есть «идея». Не боюсь и не стыжусь.

— Главное, не стыдись.

— А всетаки вамъ никогда не открою.

— То есть не удостоишь открыть. Не надо, мой другъ, я и такъ знаю сущность твоей идеи; во всякомъ случаѣ, это:

«Я въ пустыню удаляюсь»,

Татьяна Павловна! Моя мысль — что онъ хочетъ... стать Ротшильдомъ, или въ родѣ того, и удалиться въ свое величіе. Разумѣется, онъ намъ съ вами назначитъ великодушно пенсіонъ, мнѣ-то, можетъ быть, и не назначитъ, — но, во всякомъ случаѣ, только мы его и видѣли. Онъ у насъ какъ мѣсяцъ молодой — чуть покажется, тутъ и закатится.

Я содрогнулся внутри себя. Конечно, все это была случайность: онъ ничего не зналъ и говорилъ совсѣмъ не о томъ, хоть и помянулъ Ротшильда; но какъ онъ могъ такъ вѣрно опредѣлить мои чувства: порвать съ ними и удалиться? Онъ все предугадалъ и напередъ хотѣлъ засалить своимъ цинизмомъ трагизмъ факта. Что злился онъ ужасно, въ томъ не было никакого сомнѣнія.

— Мама! простите мою вспышку, тѣмъ болѣе, что отъ Андрея Петровича и безъ того невозможно укрыться, засмѣялся я притворно и стараясь хоть на мигъ перебить все въ шутку.

— Самое лучшее, мой милый, это — то, что ты засмѣялся. Трудно представить, сколько этимъ каждый человѣкъ выигрываетъ даже въ наружности. Я серіознѣйшимъ образомъ говорю. У него, Татьяна Павловна, всегда такой видъ, будто у него на умѣ что-то столь ужь важное, что онъ даже самъ пристыженъ симъ обстоятельствомъ.

— Я серіозно попросилъ-бы васъ быть скромнѣе, Андрей Петровичъ.

— Ты правъ, мой другъ; но надо-же высказать разъ навсегда, чтобы ужь потомъ до всего этого не дотрогиваться. Ты пріѣхалъ къ намъ изъ Москвы съ тѣмъ, чтобы тотчасъ-же взбунтоваться,— вотъ пока что̀ намъ извѣстно о цѣляхъ твоего прибытія. О томъ, что пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ насъ удивить чѣмъ-то,— объ этомъ я, разумѣется, не упоминаю. Затѣмъ, ты весь мѣсяцъ у насъ и на насъ фыркаешь, между тѣмъ, ты человѣкъ, очевидно, умный и въ этомъ качествѣ могъ-бы предоставить такое фырканье тѣмъ, которымъ нечѣмъ ужь больше отмстить людямъ за свое ничтожество. Ты всегда закрываешься, тогда какъ честный видъ твой и красныя щеки прямо свидѣтельствуютъ, что ты могъ-бы смотрѣть всѣмъ въ глаза съ полною невинностью. Онъ — иппохондрикъ, Татьяна Павловна, не понимаю, съ чего они всѣ теперь иппохондрики?

— Если вы не знали, гдѣ я даже росъ,— какъ вамъ знать, съ чего человѣкъ иппохондрикъ?

— Вотъ она разгадка: ты обидѣлся, что я могъ забыть, гдѣ ты росъ!

— Совсѣмъ нѣтъ, не приписывайте мнѣ глупостей. Мама, Андрей Петровичъ сейчасъ похвалилъ меня за то, что я засмѣялся; давайте-же смѣяться — что̀ такъ сидѣть! Хотите, я вамъ про себя анекдоты стану разсказывать? Тѣмъ болѣе, что Андрей Петровичъ совсѣмъ ничего не знаетъ изъ моихъ приключеній.

У меня накипѣло. Я зналъ, что болѣе мы ужь никогда не будемъ сидѣть какъ теперь вмѣстѣ и что, выйдя изъ этого дома, я ужь не войду въ него никогда,— а потому, наканунѣ всего этого, и не могъ утерпѣть. Онъ самъ вызвалъ меня на такой финалъ.

— Это, конечно, премило, если только въ самомъ дѣлѣ будетъ смѣшно, замѣтилъ онъ,

проницательно въ меня вглядываясь:—ты не много огрубѣлъ, мой другъ, тамъ, гдѣ ты росъ, а, впрочемъ, всетаки ты довольно еще приличенъ. Онъ очень милъ сегодня, Татьяна Павловна, и вы прекрасно сдѣлали, что развязали, наконецъ, этотъ кулекъ.

Но Татьяна Павловна хмурилась; она даже не обернулась на его слова и продолжала развязывать кулекъ и на поданныя тарелки раскладывать гостинцы. Мать тоже сидѣла въ совершенномъ недоумѣніи, конечно, понимая и предчувствуя, что у насъ выходитъ неладно. Сестра еще разъ меня тронула за локоть.

III.

— Я просто вамъ всѣмъ хочу разсказать, началъ я съ самымъ развязнѣйшимъ видомъ,—о томъ, какъ одинъ отецъ въ первый разъ встрѣтился съ своимъ милымъ сыномъ; это именно случилось «тамъ, гдѣ ты росъ»...

— Другъ мой, а это будетъ... не скучно? Ты знаешь: tous les genres...

— Не хмурьтесь, Андрей Петровичъ, я вовсе не съ тѣмъ что̀ вы думаете. Я именно хочу, чтобъ всѣ смѣялись.

— Да услышитъ-же тебя Богъ, мой милый. Я знаю, что ты всѣхъ насъ любишь и... не захочешь разстроить нашъ вечеръ, промямлилъ онъ какъ-то выдѣланно, небрежно.

— Вы, конечно, и тутъ угадали по лицу, что я васъ люблю?

— Да, отчасти и по лицу.

— Ну, а я такъ по лицу Татьяны Павловны давно угадалъ, что она въ меня влюблена. Не смотрите такъ звѣрски на меня, Татьяна Павловна, лучше смѣяться! Лучше смѣяться!

Она вдругъ быстро ко мнѣ повернулась и пронзительно, съ полминуты, въ меня всматривалась:

— Смотри ты! погрозила она мнѣ пальцемъ, но такъ серіозно, что это вовсе не могло уже относиться къ моей глупой шуткѣ, а было предостереженіемъ въ чемъ-то другомъ: «не вздумалъ-ли ужь начинать?»

— Андрей Петровичъ, такъ неужели вы не помните, какъ мы съ вами встрѣтились, въ первый разъ въ жизни?

— Ей Богу, забылъ, мой другъ, и отъ души виноватъ. Я помню лишь, что это было какъ-то очень давно, и происходило гдѣ-то...

— Мама, а не помните-ли вы, какъ вы были въ деревнѣ, гдѣ я росъ, кажется, до шести или семилѣтняго моего возраста и, главное, были-ли вы въ этой деревнѣ, въ самомъ дѣлѣ, когда нибудь, или мнѣ только какъ во снѣ мерещится, что я васъ въ первый разъ тамъ увидѣлъ? Я васъ давно уже хотѣлъ объ этомъ спросить, да откладывалъ; теперь время пришло.

— Какъ-же, Аркашенька, какъ-же! Да, я тамъ у Варвары Степановны три раза гостила; въ первый разъ пріѣзжала, когда тебѣ всего годочекъ отъ роду былъ, во второй, когда тебѣ четвертый годокъ пошелъ, а потомъ, когда тебѣ шесть годковъ минуло.

— Ну вотъ, я васъ весь мѣсяцъ и хотѣлъ объ этомъ спросить.

Мать такъ и зардѣлась отъ быстраго прилива воспоминаній и съ чувствомъ спросила меня:

— Такъ неужто, Аркашенька, ты меня еще тамъ запомнилъ?

— Ничего я не помню и не знаю, но только что-то осталось отъ вашего лица у меня въ сердцѣ на всю жизнь, и, кромѣ того, осталось знаніе, что вы моя мать. Я всю эту деревню, какъ во снѣ, теперь вижу, я даже свою няньку забылъ. Эту Варвару Степановну запомнилъ капельку потому только, что у ней вѣчно были подвязаны зубы. Помню еще около дома огромныя деревья, липы, кажется, потомъ иногда сильный свѣтъ солнца въ отворенныхъ окнахъ, палисадникъ съ цвѣтами, дорожку, а васъ, мама, помню ясно только въ одномъ мгновеніи, когда меня въ тамошней церкви разъ причащали и вы приподняли меня принять Дары и поцѣловать Чашу; это лѣтомъ было, и голубь пролетѣлъ насквозь черезъ куполъ, изъ окна въ окно...

— Господи! Это все такъ и было, всплеснула мать руками, — и голубочка того какъ есть помню. Ты передъ самой Чашей

встрепенулся и кричишь: «голубокъ, голубокъ!»

— Ваше лицо, или что-то отъ него, выраженіе, до того у меня осталось въ памяти, что лѣтъ пять спустя, въ Москвѣ, я тотчасъ призналъ васъ, хоть мнѣ и никто не сказалъ тогда, что вы моя мать. А когда я съ Андреемъ Петровичемъ въ первый разъ встрѣтился, то взяли меня отъ Андрониковыхъ; у нихъ я вплоть до того тихо и весело прозябалъ лѣтъ пять сряду. Ихъ казенную квартиру до мелочи помню и всѣхъ этихъ дамъ и дѣвицъ, которыя теперь всѣ такъ здѣсь постарѣли, и полный домъ, и самого Андроникова, какъ онъ всю провизію, птицъ, судаковъ и поросятъ, самъ изъ города въ кулькахъ привозилъ, а за столомъ, вмѣсто супруги, которая все чванилась, намъ супъ разливалъ, и всегда мы всѣмъ столомъ надъ этимъ смѣялись и онъ первый. Тамъ меня барышни по французски научили, но больше всего я любилъ басни Крылова, заучилъ ихъ множество наизусть и каждый день декламировалъ по баснѣ Андроникову, прямо входя къ нему въ его крошечный кабинетъ, занятъ онъ былъ или нѣтъ. Ну, вотъ изъ-за баснѣ же и съ вами познакомился, Андрей Петровичъ. Я вижу, вы начинаете припоминать.

— Кое-что припоминаю, мой милый, именно ты что-то мнѣ тогда разсказалъ... басню, или изъ *Горе отъ ума*, кажется? Какая-же у тебя память, однако!

— Память! Еще-бы! Я только это одно всю жизнь и помнилъ.

— Хорошо, хорошо, мой милый, ты меня даже оживляешь.

Онъ даже улыбнулся, тотчасъ-же за нимъ стали улыбаться и мать, и сестра. Довѣрчивость возвращалась; но Татьяна Павловна, разставивъ на столѣ гостинцы и усѣвшись въ углу, продолжала проницать меня дурнымъ взглядомъ.

— Случилось такъ, продолжалъ я:—что вдругъ, въ одно прекрасное утро, явилась за мною другъ моего дѣтства, Татьяна Павловна, которая всегда являлась въ моей жизни внезапно, какъ на театрѣ, и меня повезли въ каретѣ и привезли въ одинъ барскій домъ, въ пышную квартиру. Вы остановились тогда у Фанаріотовой, Андрей Петровичъ, въ ея пустомъ домѣ, который она у васъ-же когда-то и купила; сама-же въ то время была за границей. Я все носилъ курточки; тутъ вдругъ меня одѣли въ хорошенькій синій сюртучекъ и въ превосходное бѣлье. Татьяна Павловна хлопотала около меня весь тотъ день и покупала мнѣ много вещей; я-же все ходилъ по всѣмъ пустымъ комнатамъ и смотрѣлъ на себя во всѣ зеркала. Вотъ такимъ-то образомъ я, на другое утро, часовъ въ десять, бродя по квартирѣ, зашелъ вдругъ, совсѣмъ невзначай, къ вамъ въ кабинетъ. Я уже и наканунѣ васъ видѣлъ, когда меня только что привезли, но лишь мелькомъ на лѣстницѣ. Вы сходили съ лѣстницы, чтобы сѣсть въ карету и куда-то ѣхать; въ Москву вы прибыли тогда одинъ, послѣ чрезвычайно долгаго отсутствія и на короткое время, такъ что васъ всюду расхватали и вы почти не жили дома. Встрѣтивъ насъ съ Татьяной Павловной, вы протянули только: А! и даже не остановились.

— Онъ съ особенною любовью описываетъ, замѣтилъ Версиловъ, обращаясь къ Татьянѣ Павловнѣ; та отвернулась и не отвѣтила.

— Я какъ сейчасъ васъ вижу тогдашняго, цвѣтущаго и красиваго. Вы удивительно успѣли постарѣть и подурнѣть въ въ эти девять лѣтъ, ужь простите эту откровенность; впрочемъ, вамъ и тогда было уже лѣтъ тридцать семь, но я на васъ даже заглядѣлся: какіе у васъ были удивительные волосы, почти совсѣмъ черные, съ глянцовитымъ блескомъ, безъ малѣйшей сѣдинки; усы и бакены ювелирской отдѣлки,—иначе не умѣю выразиться; лицо матово-блѣдное, не такое болѣзненно-блѣдное, какъ теперь, а вотъ какъ теперь у дочери вашей, Анны Андреевны, которую я имѣлъ честь давеча видѣть; горящіе и темные глаза и сверкающіе зубы, особенно когда вы смѣялись. Вы именно разсмѣялись, осмотрѣвъ меня, когда я вошелъ; я мало что умѣлъ тогда различать, и отъ улыбки вашей только взвеселилось мое сердце. Вы были въ это утро въ темносинемъ бархатномъ пиджакѣ, въ шейномъ шарфѣ, цвѣта сольферино, по великолѣп-

ной рубашкѣ съ алансонскими кружевами, стояли передъ зеркаломъ съ тетрадью въ рукѣ и выработывали, декламируя, послѣдній монологъ Чацкаго и особенно послѣдній крикъ:

Карету мнѣ, карету.

— Ахъ, Боже мой, вскрикнулъ Версиловъ:—вѣдь онъ и вправду! Я тогда взялся, не смотря на короткій срокъ въ Москвѣ, за болѣзнію Жилейко, сыграть Чацкаго у Александры Петровны Витовтовой, на домашней сценѣ!

— Неужто вы забыли? засмѣялась Татьяна Павловна.

— Онъ мнѣ напомнилъ! И, признаюсь, эти тогдашніе нѣсколько дней въ Москвѣ, можетъ быть, были лучшей минутой всей жизни моей! Мы всѣ еще тогда были такъ молоды... и всѣ съ такимъ жаромъ ждали... Я тогда въ Москвѣ неожиданно встрѣтилъ столько... Но, продолжай, мой милый: ты очень хорошо сдѣлалъ на этотъ разъ, что такъ подробно напомнилъ...

— Я стоялъ смотрѣлъ на васъ и вдругъ прокричалъ: «Ахъ, какъ хорошо, настоящій Чацкій!»—Вы вдругъ обернулись ко мнѣ и спрашиваете: «Да развѣ ты уже знаешь Чацкаго?»—а сами сѣли на диванъ и принялись за кофей въ самомъ прелестномъ расположеніи духа,—такъ-бы васъ и расцѣловалъ. Тутъ я вамъ сообщилъ, что у Андроникова всѣ очень много читаютъ, а барышни знаютъ много стиховъ наизусть, а изъ *Горе отъ ума* такъ промежъ себя разыгрываютъ сцены, и что всю прошлую недѣлю всѣ читали по вечерамъ вмѣстѣ, вслухъ, *Записки Охотника*, а что я больше всего люблю басни Крылова и наизусть знаю. Вы и велѣли мнѣ прочесть что нибудь наизусть, а я вамъ прочелъ *Разборчивую Невѣсту*:

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха.

— Именно, именно, ну теперь я все припомнилъ, вскричалъ опять Версиловъ:—но, другъ мой, я и тебя припоминаю ясно: ты былъ тогда такой милый мальчикъ, ловкій даже мальчикъ, и клянусь тебѣ ты тоже проигралъ въ эти девять лѣтъ.

Тутъ ужь всѣ, и сама Татьяна Павловна разсмѣялись. Ясно, что Андрей Петровичъ изволилъ шутить и тою-же монетою «отплатилъ» мнѣ за колкое мое замѣчаніе о томъ, что онъ постарѣлъ. Всѣ развеселились; да и сказано было прекрасно.

— По мѣрѣ, какъ я читалъ, вы улыбались, но я и до половины не дошелъ, какъ вы остановили меня, позвонили и вошедшему слугѣ приказали попросить Татьяну Павловну, которая немедленно прибѣжала съ такимъ веселымъ видомъ, что я, видя ее наканунѣ, почти теперь не узналъ. При Татьянѣ Павловнѣ я вновь началъ «Невѣсту-дѣвушку» и кончилъ блистательно; даже Татьяна Павловна улыбнулась, а вы, Андрей Петровичъ, вы крикнули даже «браво!» и замѣтили съ жаромъ, что прочти я *Стрекозу и Муравья*, такъ еще не удивительно, что толковый мальчикъ, въ мои лѣта, прочтетъ толково, но что эту басню:

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха,
Тутъ нѣтъ еще грѣха.

Вы послушайте, какъ онъ выговариваетъ: «Тутъ нѣтъ еще грѣха!» Однимъ словомъ, вы были въ восхищеніи. Тутъ вы вдругъ заговорили съ Татьяной Павловной по французски, и она мигомъ нахмурилась и стала вамъ возражать, даже очень горячилась; но такъ какъ невозможно-же противорѣчить Андрею Петровичу, если онъ вдругъ чего захочетъ, то Татьяна Павловна и увела меня поспѣшно къ себѣ: тамъ вымыли мнѣ вновь лицо, руки, перемѣнили бѣлье, напомадили, даже завили мнѣ волосы. Потомъ къ вечеру Татьяна Павловна разрядилась сама довольно пышно, такъ даже, что я не ожидалъ, и повезла меня съ собой въ каретѣ. Я попалъ въ театръ въ первый разъ въ жизни, въ любительскій спектакль у Витовтовой; свѣчи, люстры, дамы, военные, генералы, дѣвицы, занавѣсъ, ряды стульевъ,—ничего подобнаго я до сихъ поръ не видывалъ. Татьяна Павловна заняла самое скромное мѣстечко въ одномъ изъ заднихъ рядовъ, и меня посадила подлѣ. Были, разумѣется, и дѣти, какъ я, но я уже ни на что не смотрѣлъ, а ждалъ съ замираніемъ сердца представленія. Когда вы вышли, Андрей Петровичъ, я былъ въ восторгѣ, въ восторгѣ до слезъ,—почему, изъ за-чего—самъ не понимаю. Слезы-то восторга зачѣмъ?—вотъ что мнѣ было дико во всѣ эти девять лѣтъ потомъ припоми-

нать! Я съ замираніемъ слѣдилъ за комедіей; въ ней я, конечно, понималъ только то, что *она ему* измѣнила, что надъ нимъ смѣются глупые и недостойные пальца на ногѣ его люди. Когда онъ декламировалъ на балѣ, я понималъ, что онъ униженъ и и оскорбленъ, что онъ укоряетъ всѣхъ этихъ жалкихъ людей, но что онъ—великъ, великъ! Конечно и подготовка у Андроникова способствовала пониманію, но—и ваша игра, Андрей Петровичъ! Я въ первый разъ видѣлъ сцену! Въ разъѣздѣ-же, когда Чацкій крикнулъ: «Карету мнѣ, карету!» (а крикнули вы удивительно), я сорвался со стула и вмѣстѣ со всей залой, разразившейся апплодисментомъ, захлопалъ, и изо всей силы закричалъ «браво!» Живо помню, какъ въ этотъ самый мигъ точно булавка вонзилась въ меня сзади, «пониже поясницы», разъяренный щипокъ Татьяны Павловны, но я и вниманія не обратилъ! Разумѣется, тотчасъ послѣ *Горе отъ ума* Татьяна Павловна увезла меня домой: «не танцовать-же тебѣ оставаться, черезъ тебя только я сама не остаюсь!» шипѣли вы мнѣ, Татьяна Павловна, всю дорогу въ каретѣ. Всю ночь я былъ въ бреду, а на другой день, въ десять часовъ, уже стоялъ у кабинета, но кабинетъ былъ притворенъ: у васъ сидѣли люди и вы съ ними занимались дѣлами; потомъ вдругъ укатили на весь день до глубокой ночи,—такъ я васъ и не увидѣлъ! Что̀ такое хотѣлось мнѣ тогда сказать вамъ—забылъ, конечно, и тогда не зналъ, но я пламенно желалъ васъ увидѣть какъ можно скорѣй. А на завтра поутру, еще съ восьми часовъ, вы изволили отправиться въ Серпуховъ: вы тогда только-что продали ваше тульское имѣніе для расплаты съ кредиторами, но всетаки у васъ оставался въ рукахъ апетитный кушъ, вотъ почему вы и въ Москву тогда пожаловали, въ которую не могли до того времени заглянуть, боясь кредиторовъ, и вотъ одинъ только этотъ серпуховскій грубіянъ, одинъ изъ всѣхъ кредиторовъ не соглашался взять половину долга вмѣсто всего. Татьяна Павловна на вопросы мои даже и не отвѣчала: «Нечего тебѣ, а вотъ послѣ завтра отвезу тебя въ пансіонъ; приготовься, тетради свои возьми, книжки приведи въ порядокъ, да пріучайся самъ въ сундучкѣ укладывать, не бѣлоручкой рости вамъ, сударь», да то-то, да это-то, ужь барабанили-же вы мнѣ, Татьяна Павловна въ эти три дня! Тѣмъ и кончилось, что свезли меня въ пансіонъ къ Тушару, въ васъ влюбленнаго и невиннаго, Андрей Петровичъ; и пусть, кажется, глупѣйшій случай, то есть вся-то встрѣча наша, а вѣрите-ли, я вѣдь къ вамъ потомъ, черезъ полгода, отъ Тушара бѣжать хотѣлъ!

— Ты прекрасно разсказалъ и все мнѣ такъ живо напомнилъ, отчеканилъ Версиловъ: — но главное поражаетъ меня въ разсказѣ твоемъ богатство нѣкоторыхъ странныхъ подробностей о долгахъ моихъ, напримѣръ. Не говоря уже о нѣкоторой неприличности этихъ подробностей, не понимаю, какъ даже ты ихъ могъ достать?

— Подробности? Какъ досталъ? Да повторяю-же, я только и дѣлалъ, что доставалъ о васъ подробности всѣ эти девять лѣтъ.

— Странное признаніе и странное препровожденіе времени!

Онъ повернулся, полулежа въ креслахъ, и даже слегка зѣвнулъ, — нарочно или нѣтъ, не знаю.

— Что̀-же, продолжать о томъ, какъ я хотѣлъ бѣжать къ вамъ отъ Тушара?

— Запретите ему, Андрей Петровичъ, уймите его и выгоните вонъ, рванула Татьяна Павловна.

— Нельзя, Татьяна Павловна, внушительно отвѣтилъ ей Версиловъ: — Аркадій очевидно что-то замыслилъ и, стало быть, надо ему непремѣнно дать кончить. Ну, и пусть его! Разскажетъ и съ плечъ долой, а для него въ томъ и главное, чтобъ съ плечъ долой спустить. Начинай, мой милый, твою новую исторію: то есть, я такъ только говорю, новую; не безпокойся, я знаю конецъ ея.

IV.

— Бѣжалъ я, то есть хотѣлъ къ вамъ бѣжать, очень просто. Татьяна Павловна, помните-ли, какъ недѣли двѣ спустя послѣ моего водворенія, Тушаръ написалъ къ вамъ письмо, — нѣтъ? А мнѣ потомъ и письмо Марья

Ивановна показывала, оно тоже въ бумагахъ покойнаго Андроникова очутилось. Тушаръ вдругъ спохватился, что мало взялъ денегъ и съ «достоинствомъ» объявилъ вамъ въ письмѣ своемъ, что въ заведеніи его воспитываются князья и сенаторскія дѣти, и что онъ считаетъ ниже своего заведенія держать воспитанника съ такимъ происхожденіемъ какъ я, если ему не дадутъ прибавки.

— Mon cher, ты-бы могъ...

— О, ничего, ничего, перебилъ я, — я только немножко про Тушара. Вы ему отвѣтили уже изъ уѣзда, Татьяна Павловна, черезъ двѣ недѣли, и рѣзко отказали. Я припоминаю, какъ онъ, весь багровый, вошелъ тогда въ нашу классную. Это былъ очень маленькій и очень плотненькій французикъ, лѣтъ сорока пяти и дѣйствительно парижскаго происхожденія, разумѣется, изъ сапожниковъ, но уже съ незапамятныхъ временъ служившій въ Москвѣ на штатномъ мѣстѣ, преподавателемъ французскаго языка, имѣвшій даже чины, которыми чрезвычайно гордился, — человѣкъ глубоко необразованный. А насъ, воспитанниковъ, было у него всего человѣкъ шесть; изъ нихъ дѣйствительно какой-то племянникъ московскаго сенатора, и всѣ мы у него жили совершенно на семейномъ положеніи, болѣе подъ присмотромъ его супруги, очень манерной дамы, дочери какого-то русскаго чиновника. Я въ эти двѣ недѣли ужасно важничалъ передъ товарищами, хвастался моимъ синимъ сюртукомъ и папенькой моимъ Андреемъ Петровичемъ, и вопросы ихъ: почему-же я Долгорукій, а не Версиловъ, совершенно не смущали меня именно потому, что я самъ не зналъ, почему.

— Андрей Петровичъ! крикнула Татьяна Павловна, почти угрожающимъ голосомъ. Напротивъ, матушка, не отрываясь, слѣдила за мною, и ей видимо хотѣлось, чтобы я продолжалъ.

— Се Тушаръ... дѣйствительно я припоминаю теперь, что онъ такой маленькій и вертлявый, процѣдилъ Версиловъ: — но мнѣ его рекомендовали тогда съ наилучшей стороны...

— Се Тушаръ вошелъ съ письмомъ въ рукѣ, подошелъ къ нашему большому дубовому столу, за которымъ мы всѣ шестеро что-то зубрили, крѣпко схватилъ меня за плечо, поднялъ со стула и велѣлъ захватить мои тетрадки.

— Твое мѣсто не здѣсь, а тамъ, указалъ онъ мнѣ крошечную комнатку налѣво изъ передней, гдѣ стоялъ простой столъ, плетеный стулъ и клеенчатый диванъ, — точь въ точь какъ теперь у меня на верху въ свѣтелкѣ. Я перешелъ съ удивленіемъ и очень оробѣвъ: никогда еще со мной грубо не обходились. Черезъ полчаса, когда Тушаръ вышелъ изъ классной, я сталъ переглядываться съ товарищами и пересмѣиваться; конечно, они надо мною смѣялись, но я о томъ не догадывался и думалъ, что мы смѣемся отъ того что намъ весело. Тутъ какъ разъ налетѣлъ Тушаръ, схватилъ меня за вихоръ и давай таскать.

— Ты не смѣешь сидѣть съ благородными дѣтьми, ты подлаго происхожденія и все равно что лакей!

И онъ пребольно ударилъ меня по моей пухлой румяной щекѣ. Ему это тотчасъ-же понравилось и онъ ударилъ меня во второй и въ третій разъ. Я плакалъ навзрыдъ, я былъ страшно удивленъ. Цѣлый часъ я сидѣлъ закрывшись руками и плакалъ-плакалъ. Произошло что-то такое, чего я ни за что не понималъ. Не понимаю, какъ человѣкъ не злой, какъ Тушаръ, иностранецъ, и даже столь радовавшійся освобожденію русскихъ крестьянъ, могъ бить такого глупаго ребенка, какъ я. Впрочемъ, я былъ только удивленъ, а не оскорбленъ; я еще не умѣлъ оскорбляться. Мнѣ казалось, что я что-то сшалилъ, но когда я исправлюсь, то меня простятъ и мы опять станемъ вдругъ всѣ веселы, пойдемъ играть на дворѣ и заживемъ какъ нельзя лучше.

— Другъ мой, если-бъ я только зналъ... протянулъ Версиловъ съ небрежной улыбкой нѣсколько утомленнаго человѣка: — каковъ, однако, негодяй этотъ Тушаръ! Впрочемъ, я все еще не теряю надежды, что ты какъ нибудь соберешься съ силами и все это намъ, наконецъ, простишь и мы опять заживемъ какъ нельзя лучше.

Онъ рѣшительно зѣвнулъ.

— Да я и не обвиняю, совсѣмъ нѣтъ, и повѣрьте, не жалуюсь на Тушара! прокри-

чалъ я, нѣсколько сбитый съ толку: — да и билъ онъ меня какихъ нибудь мѣсяца два. Я, помню, все хотѣлъ его чѣмъ-то обезоружить, бросался цѣловать его руки и цѣловалъ ихъ, и все плакалъ-плакалъ. Товарищи смѣялись надо мною и презирали меня, потому что Тушаръ сталъ употреблять меня иногда какъ прислугу, приказывалъ подавать себѣ платье, когда одѣвался. Тутъ мое лакейство пригодилось мнѣ инстинктивно: я старался изо всѣхъ силъ угодить и нисколько не оскорблялся, потому что ничего этого еще не понималъ, и удивляюсь даже до сей поры тому, что былъ такъ еще тогда глупъ, что не могъ понять, какъ я всѣмъ имъ неровня. Правда, товарищи много мнѣ и тогда уже объяснили, школа была хорошая. Тушаръ кончилъ тѣмъ, что полюбилъ болѣе пинать меня колѣнкомъ сзади, чѣмъ бить по лицу, а черезъ полгода, такъ даже сталъ меня иногда ласкать; только нѣтъ-нѣтъ, а въ мѣсяцъ разъ навѣрно побьетъ, для напоминанія, чтобъ не забывался. Съ дѣтьми тоже скоро меня посадили вмѣстѣ и пускали играть, но ни разу, въ цѣлые два съ половиной года, Тушаръ не забылъ различія въ соціальномъ положеніи нашемъ, и хоть не очень, а все-же употреблялъ меня для услугъ постоянно, я именно думаю, чтобъ мнѣ напомнить.

Бѣжалъ-же я, то есть хотѣлъ было бѣжать уже мѣсяцевъ пять спустя послѣ этихъ первыхъ двухъ мѣсяцевъ. И вообще я всю жизнь бывалъ тугъ на рѣшеніе. Когда я ложился въ постель и закрывался одѣяломъ, я тотчасъ начиналъ мечтать объ васъ, Андрей Петровичъ, только объ васъ одномъ; совершенно не знаю, почему это такъ дѣлалось. Вы мнѣ и во снѣ даже снились. Главное, я все страстно мечталъ, что вы вдругъ войдете, я къ вамъ брошусь и вы меня выведете изъ этого мѣста и увезете къ себѣ, въ тотъ кабинетъ, и опять мы поѣдемъ въ театръ, ну и прочее. Главное, что мы не разстанемся — вотъ въ чемъ было главное! Когда-же утромъ приходилось просыпаться, то вдругъ начинались насмѣшки и презрѣніе мальчишекъ; одинъ изъ нихъ прямо началъ бить меня и заставлялъ подавать сапоги; онъ бранилъ меня самыми скверными именами, особенно стараясь объяснить мое происхожденіе, къ утѣхѣ всѣхъ слушателей. Когда-же являлся, наконецъ, самъ Тушаръ, въ душѣ моей начиналось что-то невыносимое. Я чувствовалъ, что мнѣ здѣсь никогда не простятъ, — о, я уже начиналъ по маленьку понимать, что̀ именно не простятъ и чѣмъ именно я провинился! И вотъ я, наконецъ, положилъ бѣжать. Я мечталъ объ этомъ ужасно цѣлыхъ два мѣсяца, наконецъ, рѣшился; тогда былъ сентябрь. Я выждалъ, когда всѣ товарищи разъѣхались въ субботу на воскресенье, а между тѣмъ по тихоньку, тщательно связалъ себѣ узелокъ самыхъ необходимыхъ вещицъ; денегъ у меня было два рубля. Я хотѣлъ выждать, когда смеркнется: «тамъ спущусь по лѣстницѣ, думалъ я, и выйду, а потомъ и пойду». Куда? Я зналъ, что Андрониковъ уже переведенъ въ Петербургъ и рѣшилъ, что я отыщу домъ Фанаріотовой на Арбатѣ; «ночь гдѣ нибудь прохожу или просижу, а утромъ разспрошу кого нибудь на дворѣ дома: гдѣ теперь Андрей Петровичъ и если не въ Москвѣ, то въ какомъ городѣ или государствѣ? Навѣрно скажутъ. Я уйду, а потомъ въ другомъ мѣстѣ гдѣ нибудь и у кого нибудь спрошу: въ какую заставу идти, если въ такой-то городъ, ну и выйду, и пойду, и пойду. Все буду идти; ночевать буду гдѣ нибудь подъ кустами, а ѣсть буду одинъ только хлѣбъ, а хлѣба на два рубля мнѣ очень на долго хватитъ». Въ субботу, однако, никакъ не удалось бѣжать; пришлось ожидать до завтра, до воскресенья, и, какъ нарочно, Тушаръ съ женой куда-то въ воскресенье уѣхали; остались во всемъ домѣ только я да Агафья. Я ждалъ ночи съ страшной тоской, помню: сидѣлъ въ нашей залѣ у окна и смотрѣлъ на пыльную улицу съ деревянными домиками и на рѣдкихъ прохожихъ. Тушаръ жилъ въ захолустьѣ и изъ оконъ видна была застава: ужь не та-ли? — мерещилось мнѣ. Солнце закатывалось такое красное, небо было такое холодное и острый вѣтеръ, точь въ точь какъ сегодня, подымалъ песокъ. Стемнѣло, наконецъ, совсѣмъ; я сталъ передъ образомъ и началъ молиться, только скоро-скоро, я торопился; захватилъ

узелокъ и на цыпочкахъ пошелъ съ скрипучей нашей лѣстницы, ужасно боясь, чтобы не услыхала меня изъ кухни Агафья. Дверь была на ключѣ, я отворилъ и вдругъ— темная-темная ночь зачернѣла передо мной, какъ безконечная, опасная неизвѣстность, а вѣтеръ такъ и рванулъ съ меня фуражку. Я было вышелъ; на той сторонѣ тротуара раздался сиплый, пьяный ревъ ругавшагося прохожаго; я постоялъ, поглядѣлъ и тихо вернулся, тихо прошелъ на верхъ, тихо раздѣлся, сложилъ узелокъ и легъ ничкомъ, безъ слезъ и безъ мыслей, и вотъ съ этой-то самой минуты я и сталъ мыслить, Андрей Петровичъ! Вотъ съ самой этой минуты, когда я сознался, что я, сверхъ того что лакей, вдобавокъ и трусъ, и началось настоящее, правильное мое развитіе!

— А вотъ съ этой-то самой минуты я тебя теперь на вѣкъ раскусила! вскочила вдругъ съ мѣста Татьяна Павловна, и такъ даже неожиданно, что я совсѣмъ и не приготовился; — да ты, мало того, что тогда былъ лакеемъ, ты и теперь лакей; лакейская душа у тебя! Да чего-бы стоило Андрею Петровичу тебя въ сапожники отдать? Даже благодѣяніе-бы тебѣ оказалъ, ремеслу-бы обучилъ! Кто-бы съ него больше для тебя спросилъ, аль потребовалъ? Отецъ твой, Макаръ Иванычъ, не то что просилъ, а почти требовалъ, чтобъ васъ, дѣтей его, изъ низшихъ сословій не выводить. Нѣтъ, ты не цѣнишь, что онъ тебя до университета довелъ, и что чрезъ него ты права получилъ. Мальчишки, вишь, его дразнили, такъ онъ поклялся отмстить человѣчеству... Сволочь ты этакая!

Признаюсь, я былъ пораженъ этой выходкой. Я всталъ и нѣкоторое время смотрѣлъ, не зная что сказать.

— А вѣдь дѣйствительно, Татьяна Павловна сказала мнѣ новое, твердо обернулся я, наконецъ, къ Версилову:—вѣдь дѣйствительно я настолько лакей, что никакъ не могу удовлетвориться только тѣмъ, что Версиловъ не отдалъ меня въ сапожники; даже «права» не умилили меня, а подавай, дескать, мнѣ всего Версилова, подавай мнѣ отца... вотъ чего потребовалъ—какъ-же не лакей? Мама, у меня на совѣсти уже восемь лѣтъ, какъ вы приходили ко мнѣ одна къ Тушару посѣтить меня и какъ я васъ тогда принялъ, но теперь некогда объ этомъ, Татьяна Павловна не дастъ разсказать. До завтра, мама, можетъ съ вами-то еще увидимся. Татьяна Павловна! Ну, что если я, опять-таки до такой степени лакей, что никакъ не могу даже того допустить, чтобъ отъ живой жены можно было жениться еще на женѣ? А вѣдь это чуть-чуть было не случилось въ Эмсѣ съ Андреемъ Петровичемъ! Мама, если не захотите оставаться съ мужемъ, который завтра женится на другой, то вспомните, что у васъ есть сынъ, который обѣщается быть на вѣки почтительнымъ сыномъ, вспомните и пойдемте, но только съ тѣмъ, что «или онъ, или я»,— хотите? Я не сейчасъ, вѣдь, отвѣта прошу: я знаю, что на такіе вопросы нельзя давать отвѣта тотчасъ-же...

Но я не могъ докончить, во первыхъ, потому, что разгорячился и растерялся. Мать вся поблѣднѣла и какъ будто голосъ ея пресѣкся: не могла выговорить ни слова. Татьяна Павловна говорила что-то очень громко и много, такъ что я даже разобрать не могъ, и раза два пихнула меня въ плечо кулакомъ. Я только запомнилъ, что она прокричала, что мои слова «напускныя, въ мелкой душѣ взлелѣянныя, пальцемъ вывороченныя». Версиловъ сидѣлъ неподвижно и очень серіозный, не улыбался. Я пошелъ къ себѣ на верхъ. Послѣдній взглядъ, проводившій меня изъ комнаты, былъ укорительный взглядъ сестры; она строго качала мнѣ вслѣдъ головой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Я описываю всѣ эти сцены, не щадя себя, чтобы все ясно припомнить и возстановить впечатлѣніе. Взойдя къ себѣ на верхъ, я совершенно не зналъ, надобно-ли мнѣ стыдиться или торжествовать, какъ исполнившему свой долгъ. Если-бъ я былъ капельку опытнѣе, я-бы догадался, что малѣйшее сомнѣніе въ такомъ дѣлѣ надо тол-

ковать къ худшему. Но меня сбивало съ толку другое обстоятельство: не понимаю, чему я былъ радъ, но я былъ ужасно радъ, не смотря на то что сомнѣвался и явно сознавалъ, что внизу срѣзался. Даже то, что Татьяна Павловна такъ злобно меня обругала — мнѣ было только смѣшно и забавно, а вовсе не злобило меня. Вѣроятно, все это потому, что я всетаки порвалъ цѣпь и въ первый разъ чувствовалъ себя на свободѣ.

Я чувствовалъ тоже, что испортилъ свое положеніе: еще больше мраку оказалось въ томъ, какъ мнѣ теперь поступить съ письмомъ о наслѣдствѣ. Теперь рѣшительно примутъ, что я хочу мстить Версилову. Но я еще внизу положилъ, во время всѣхъ этихъ дебатовъ, подвергнуть дѣло о письмѣ про наслѣдство рѣшенію третейскому и обратиться, какъ къ судьѣ, къ Васину, а если не удастся къ Васину, то еще къ одному лицу, я уже зналъ къ какому. Однажды, для этого только раза, схожу къ Васину, думалъ я про себя, а тамъ — тамъ исчезну для всѣхъ на долго, на нѣсколько мѣсяцевъ, а для Васина даже особенно исчезну: только съ матерью и сестрой, можетъ, буду видѣться изрѣдка. Все это было безпорядочно; я чувствовалъ, что что-то сдѣлалъ, да не такъ, и — и былъ доволенъ; повторяю, всетаки былъ чему-то радъ.

Лечь спать я положилъ было раньше, предвидя завтра большую ходьбу. Кромѣ найма квартиры и переѣзда, я принялъ нѣкоторыя рѣшенія, которыя, такъ или этакъ, положилъ выполнить. Но вечеру не удалось кончиться безъ курьезовъ и Версиловъ съумѣлъ таки чрезвычайно удивить меня. Въ свѣтелку мою онъ рѣшительно никогда не заходилъ, и вдругъ, я еще часу не былъ у себя, какъ услышалъ его шаги на лѣсенкѣ: онъ звалъ меня, чтобъ я ему посвѣтилъ. Я вынесъ свѣчку и, протянувъ внизъ руку, которую онъ схватилъ, помогъ ему дотащиться наверхъ.

— Mercі, другъ, я сюда еще ни разу не вползалъ, даже когда нанималъ квартиру. Я предчувствовалъ, что̀ это такое, но всетаки не предполагалъ такой конуры. Сталъ онъ посреди̇нѣ моей свѣтелки, съ любопытствомъ озираясь кругомъ. — Но это гробъ, совершенный гробъ!

Дѣйствительно было нѣкоторое сходство съ внутренностью гроба, и я даже подивился, какъ онъ вѣрно съ одного слова опредѣлилъ. Каморка была узкая и длинная; съ высоты плеча моего не болѣе, начинался уголъ стѣны и крыши, конецъ которой я могъ достать ладонью. Версиловъ, въ первую минуту, безсознательно держалъ себя сгорбившись, боясь задѣть головой о потолокъ, однако, не задѣлъ и кончилъ тѣмъ, что довольно спокойно усѣлся на моемъ диванѣ, на которомъ была уже постлана моя постель. Что до меня, я не садился и смотрѣлъ на него въ глубочайшемъ удивленіи.

— Мать разсказываетъ, что не знала, брать-ли съ тебя деньги, которыя ты давеча ей предложилъ за мѣсячное твое содержаніе. Въ виду этакого гроба не только не брать, а, напротивъ, вычетъ съ насъ въ твою пользу слѣдуетъ сдѣлать! Я здѣсь никогда не былъ и... вообразить не могу, что здѣсь можно жить.

— Я привыкъ. А вотъ, что вижу васъ у себя, то никакъ не могу къ тому привыкнуть послѣ всего, что вышло внизу.

— О, да, ты былъ значительно грубъ внизу, но... я тоже имѣю свои особыя цѣли, которыя и объясню тебѣ, хотя, впрочемъ, въ приходѣ моемъ нѣтъ ничего необыкновеннаго; даже то, что внизу произошло — тоже все въ совершенномъ порядкѣ вещей; но разъясни мнѣ вотъ что̀, ради Христа: тамъ внизу, то, что̀ ты разсказывалъ и къ чему такъ торжественно насъ готовилъ и приступалъ, неужто это все, что̀ ты намѣренъ былъ открыть или сообщить, и ничего больше у тебя не было?

— Все. То есть положимъ, что все.

— Маловато, другъ мой; признаться, я, судя по твоему приступу, и какъ ты насъ звалъ смѣяться, однимъ словомъ, видя, какъ тебѣ хотѣлось разсказывать, — я ждалъ бо̀льшаго.

— Да вамъ-то не все-ли равно?

— Да я, собственно, изъ чувства мѣры: не стоило такого треску и нарушена была мѣра. Цѣлый мѣсяцъ молчалъ, собирался, и вдругъ — ничего.

— Я хотѣлъ долго разсказывать, но стыжусь, что и это разсказалъ. Не все можно разсказать словами, иное лучше никогда

не разсказывать. Я-же вотъ довольно сказалъ, да вѣдь вы-же не поняли.

— А, и ты иногда страдаешь, что мысль не пошла въ слова! Это благородное страданіе, мой другъ, и дается лишь избраннымъ: дуракъ всегда доволенъ тѣмъ, что сказалъ, и къ тому-же всегда выскажетъ больше, чѣмъ нужно; про запасъ они любятъ.

— Какъ я внизу, напримѣръ; я тоже высказалъ больше, чѣмъ нужно: я потребовалъ «всего Версилова», это гораздо больше чѣмъ нужно; мнѣ Версилова вовсе не нужно.

— Другъ мой, ты, я вижу, хочешь наверстать проигранное внизу. Ты, очевидно, раскаялся, такъ какъ раскаяться значитъ у насъ немедленно на кого нибудь опять накинуться, то вотъ ты и не хочешь въ другой разъ на мнѣ промахнуться. Я рано пришелъ, а ты еще не остылъ и къ тому-же туго выносишь критику. Но садись, ради Бога, я тебѣ кое-что пришелъ сообщить; благодарю, вотъ такъ. Изъ того, что̀ ты сказалъ матери внизу, уходя, слишкомъ ясно, что намъ, во всякомъ даже случаѣ, лучше разъѣхаться. Я пришелъ съ тѣмъ, чтобъ уговорить тебя сдѣлать это, по возможности, мягче и безъ скандала, чтобъ не огорчить и не испугать твою мать еще больше. Даже то, что я пошелъ сюда самъ, уже ее ободрило: она какъ-то вѣруетъ, что мы еще успѣемъ примириться, ну, и что все пойдетъ по прежнему. Я думаю, если-бъ мы съ тобой, здѣсь теперь, разъ или два погромче разсмѣялись, то поселили-бы восторгъ въ ихъ робкихъ сердцахъ. Пусть это и простыя сердца, но они любящія, искренно и простодушно, почему-же не полелѣять ихъ при случаѣ? Ну, вотъ это разъ. Второе: почему-бы намъ непремѣнно разставаться съ жаждой мести, съ скрежетомъ зубовъ, съ клятвами и такъ далѣе? Безо всякаго сомнѣнія, намъ вѣшаться другъ другу на шею совсѣмъ не къ чему, но можно разстаться, такъ сказать, взаимно уважая другъ друга, не правда-ли, а?

— Все это — вздоръ! Обѣщаю, что съѣду безъ скандалу — и довольно. Это вы для матери хлопочете? А мнѣ такъ кажется, что спокойствіе матери тутъ рѣшительно все равно, и вы только такъ говорите.

— Ты не вѣришь?

— Вы говорите со мной рѣшительно какъ съ ребенкомъ!

— Другъ мой, я готовъ за это тысячу разъ просить у тебя прощенія, ну тамъ за все, что ты на мнѣ насчитываешь, за всѣ эти годы твоего дѣтства и такъ далѣе, но, cher enfant, что-же изъ этого выйдетъ? Ты такъ уменъ, что не захочешь самъ очутиться въ такомъ глупомъ положеніи. Я уже и не говорю о томъ, что даже до сей поры не совсѣмъ понимаю характеръ твоихъ упрековъ: въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ ты собственно меня обвиняешь? Въ томъ, что родился не Версиловымъ? Или нѣтъ? Ба! Ты смѣешься презрительно и махаешь руками, стало быть, нѣтъ?

— Повѣрьте, нѣтъ. Повѣрьте, не нахожу никакой чести называться Версиловымъ.

— О чести оставимъ; къ тому-же твой отвѣтъ непремѣнно долженъ быть демократиченъ; но если такъ, то за что̀-же ты обвиняешь меня?

— Татьяна Павловна сказала сейчасъ все, что мнѣ надо было узнать, и чего я никакъ не могъ понять до нея: это то, что не отдали-же вы меня въ сапожники, слѣдственно я еще долженъ быть благодаренъ. Понять не могу, отчего я неблагодаренъ, даже и теперь, даже когда меня вразумили. Ужь не ваша-ли кровь гордая говоритъ, Андрей Петровичъ?

— Вѣроятно, нѣтъ. И, кромѣ того, согласись, что всѣ твои выходки внизу, вмѣсто того, чтобъ падать на меня, какъ и предназначались тобою, тиранили и терзали одну ее. Между тѣмъ, кажется, не тебѣ-бы ее судить. Да и чѣмъ она передъ тобой виновата? Разъясни мнѣ тоже, кстати, другъ мой: ты для чего это и съ какою-бы цѣлью, распространялъ и въ школѣ, и въ гимназіи, и во всю жизнь свою, и даже первому встрѣчному, какъ я слышалъ, о своей незаконнорожденности? Я слышалъ, что ты дѣлалъ это съ какою-то особенною охотою. А между тѣмъ все это вздоръ и гнусная клевета: ты законнорожденный, Долгорукій, сынъ Макара Иваныча Долгорукаго,

человѣка почтеннаго и замѣчательнаго умомъ и характеромъ. Если-же ты получилъ высшее образованіе, то дѣйствительно благодаря бывшему помѣщику твоему, Версилову, но что̀-же изъ этого выходитъ? Главное, провозглашая о своей незаконнорожденности, что, само собою, уже клевета, ты тѣмъ самымъ разоблачалъ тайну твоей матери и, изъ какой-то ложной гордости, тащилъ свою мать на судъ передъ первою встрѣчною грязью. Другъ мой, это очень неблагородно, тѣмъ болѣе, что твоя мать ни въ чемъ не виновна лично: это характеръ чистѣйшій, а если она не Версилова, то единственно потому, что до сихъ поръ замужемъ.

— Довольно, я съ вами совершенно согласенъ, и на столько вѣрю въ вашъ умъ, что вполнѣ надѣюсь, вы перестанете слишкомъ ужь долго распекать меня. Вы такъ любите мѣру; а, между тѣмъ, есть мѣра всему, даже и внезапной любви вашей къ моей матери. Лучше вотъ что̀: если вы рѣшились ко мнѣ зайдти и у меня просидѣть четверть часа или полчаса (я все еще не знаю для чего, ну, положимъ, для спокойствія матери) — и, сверхъ того, съ такой охотой со мной говорите, не смотря на то, что̀ произошло внизу, то разскажите ужь мнѣ лучше про моего отца, — вотъ про этого Макара Иванова, странника. Я именно отъ васъ-бы хотѣлъ услыхать о немъ; я спросить васъ давно намѣревался. Разставаясь и, можетъ быть, надолго, я-бы очень хотѣлъ отъ васъ-же получить отвѣтъ и еще на вопросъ: неужели въ цѣлыя эти двадцать лѣтъ вы не могли подѣйствовать на предразсудки моей матери, а теперь такъ даже и сестры, на столько, чтобъ разсѣять своимъ цивилизующимъ вліяніемъ первоначальный мракъ окружавшей ея среды? О, я не про чистоту ея говорю! Она и безъ того всегда была безконечно выше васъ нравственно, извините, но... это лишь безконечно высшій мертвецъ. Живетъ лишь одинъ Версиловъ, а все остальное кругомъ него и все съ нимъ связанное прозябаетъ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ имѣть честь питать его своими силами, своими живыми соками. Но вѣдь была-же и она когда-то живая? Вѣдь вы что нибудь полюбили-же въ ней? Вѣдь была-же и она когда-то женщиной?

— Другъ мой, если хочешь, никогда не была, отвѣтилъ онъ мнѣ, тотчасъ-же скривившись въ ту первоначальную, тогдашнюю со мной манеру, столь мнѣ памятную и которая такъ бѣсила меня; то есть, повидимому, онъ само искреннее простодушіе, а смотришь — все въ немъ одна лишь глубочайшая насмѣшка, такъ что я иной разъ никакъ не могъ разобрать его лица: — никогда не была! Русская женщина — женщиной никогда не бываетъ.

— Полька, француженка бываетъ? Или итальянка, страстная итальянка, вотъ что̀ способно плѣнить цивилизованнаго русскаго высшей среды, въ родѣ Версилова?

— Ну, могъ-ли я ожидать, что встрѣчу славянофила? разсмѣялся Версиловъ.

Я припоминаю слово въ слово разсказъ его; онъ сталъ говорить съ большой даже охотой и съ видимымъ удовольствіемъ. Мнѣ слишкомъ ясно было, что онъ пришелъ ко мнѣ вовсе не для болтовни и совсѣмъ не для того, чтобъ успокоить мать, а навѣрно имѣя другія цѣли.

II.

— Мы всѣ наши двадцать лѣтъ, съ твоею матерью, совершенно прожили молча, началъ онъ свою болтовню (въ высшей степени выдѣланно и ненатурально): — и все, что было у насъ, такъ и произошло молча. Главнымъ характеромъ всего двадцатилѣтія связи нашей было — безмолвіе. Я думаю, мы даже ни разу не поссорились. Правда, я часто отлучался и оставлялъ ее одну, но кончалось тѣмъ, что всегда пріѣзжалъ обратно. Nous revenons toujours, и это ужь такое основное свойство мужчинъ; у нихъ это отъ великодушія. Если-бы дѣло брака зависѣло отъ однѣхъ женщинъ — ни одного-бы брака не уцѣлѣло. Смиреніе, безотвѣтность, приниженность и въ тоже время твердость, сила, настоящая сила, вотъ характеръ твоей матери. Замѣть, что это лучшая изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ на свѣтѣ. А что въ ней сила есть — это я засвидѣтельствую: видалъ-же

я, какъ эта сила ее питала. Тамъ гдѣ касается, я не скажу убѣжденій — правильныхъ убѣжденій тутъ быть не можетъ — но того, что̀ считается у нихъ убѣжденіемъ, а, стало быть, по ихнему и святымъ, тамъ просто хоть на му́ки. Ну, а самъ можешь заключить: похожъ-ли я на мучителя? Вотъ почему я и предпочелъ почти во всемъ замолчать, а не потому только, что это легче, и, признаюсь, не раскаяваюсь. Такимъ образомъ, все обошлось само собою широко и гуманно, такъ что я себѣ даже никакой хвалы не приписываю. Скажу кстати, въ скобкахъ, что почему-то подозрѣваю, что она никогда не вѣрила въ мою гуманность, а потому всегда трепетала; но трепеща, въ тоже время не поддалась ни на какую культуру. Они какъ-то это умѣютъ, а мы тутъ чего-то не понимаемъ, и вообще они умѣютъ лучше нашего обдѣлывать свои дѣла. Онѣ могутъ продолжать жить по своему въ самыхъ ненатуральныхъ для нихъ положеніяхъ и въ самыхъ не ихнихъ положеніяхъ оставаться совершенно самими собою. Мы такъ не умѣемъ.

— Кто они? Я васъ немного не понимаю.

— Народъ, другъ мой, я говорю про народъ. Онъ доказалъ эту великую, живучую силу и историческую широкость свою и нравственно, и политически. Но, чтобы обратиться къ нашему, то замѣчу про мать твою, что она вѣдь не все молчитъ; твоя мать иногда и скажетъ, но скажетъ такъ, что ты прямо увидишь, что только время потерялъ говоривши, хотя-бы даже пять лѣтъ передъ тѣмъ постепенно ее приготовлялъ. Къ тому-же, возраженія самыя неожиданныя. Опять таки замѣть, что я совсѣмъ не называю ее дурой; напротивъ, тутъ своего рода умъ, и даже презамѣчательный умъ; впрочемъ, ты уму-то, можетъ быть, не повѣришь...

— Почему нѣтъ? Я вотъ только не вѣрю тому, что вы сами-то въ ея умъ вѣрите въ самомъ дѣлѣ и не притворяясь.

— Да? Ты меня считаешь такимъ хамелеономъ? Другъ мой, я тебѣ немного слишкомъ позволяю... какъ балованному сыну... но пусть уже на этотъ разъ такъ и останется.

— Разскажите мнѣ про моего отца, если можете, правду.

— На счетъ Макара Ивановича? Макаръ Ивановичъ — это, какъ ты уже знаешь, дворовый человѣкъ, такъ сказать, пожелавшій нѣкоторой славы...

— Объ закладъ побьюсь, что вы ему въ эту минуту въ чемъ нибудь завидуете!

— Напротивъ, мой другъ, напротивъ, и если хочешь, то очень радъ, что вижу тебя въ такомъ замысловатомъ расположеніи духа; клянусь, что я именно теперь въ настроеніи въ высшей степени покаянномъ, и именно теперь, въ эту минуту, въ тысячный разъ, можетъ быть, безсильно жалѣю о всемъ, двадцать лѣтъ тому назадъ происшедшемъ. Къ тому-же видитъ Богъ, что все это произошло въ высшей степени нечаянно... ну, а потомъ, сколько было въ силахъ моихъ, и гуманно; по крайней мѣрѣ, сколько я тогда представлялъ себѣ подвигъ гуманности. О, мы тогда всѣ кипѣли ревностью дѣлать добро, служить гражданскимъ цѣлямъ, высшей идеѣ; осуждали чины, родовыя права наши, деревни и даже ломбардъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ насъ... Клянусь тебѣ. Насъ было немного, но мы говорили хорошо и, увѣряю тебя, даже поступали иногда хорошо.

— Это когда вы на плечѣ-то рыдали?

— Другъ мой, я съ тобой согласенъ во всемъ впередъ; кстати, ты о плечѣ слышалъ отъ меня-же, а, стало быть, въ сію минуту употребляешь во зло мое-же простодушіе и мою-же довѣрчивость; но согласись, что это плечо, право, было не такъ дурно, какъ оно кажется съ перваго взгляда, особенно для того времени; мы вѣдь только тогда начинали. Я, конечно, ломался, но я вѣдь тогда еще не зналъ, что ломаюсь. Развѣ ты, напримѣръ, никогда не ломаешься въ практическихъ случаяхъ?

— Я сейчасъ внизу немного расчувствовался, и мнѣ очень стало стыдно, взойдя сюда, при мысли, что вы подумаете, что я ломался. Это правда, что въ иныхъ случаяхъ, хоть и искренно чувствуешь, но иногда представляешься; внизу-же, теперь, клянусь, все было натурально.

— Именно это и есть; ты преудачно опредѣлилъ въ одномъ словѣ: «хоть и искрен-

но чувствуешь, но всетаки представляешься»; ну, вотъ такъ точно и было со мной: я хоть и представлялся, но рыдалъ совершенно искренно. Не спорю, что Макаръ Ивановичъ могъ-бы принять это плечо за усиленіе насмѣшки, если-бы былъ остроумнѣе, но его честность помѣшала тогда его прозорливости. Не знаю только, жалѣлъ онъ меня тогда или нѣтъ; помнится, мнѣ того тогда очень хотѣлось.

— Знаете, прервалъ я его: — вы вотъ и теперь, говоря это, насмѣхаетесь. И вообще, все время, пока вы говорили со мной, весь этотъ мѣсяцъ, вы насмѣхались. Зачѣмъ вы всегда это дѣлали когда говорили со мной?

— Ты думаешь? отвѣтилъ онъ кротко: — ты очень мнителенъ; впрочемъ, если я и смѣюсь, то не надъ тобой, или, по крайней мѣрѣ, не надъ тобой однимъ, будь покоенъ. Но я теперь не смѣюсь, а тогда — однимъ словомъ, я сдѣлалъ тогда все что могъ, и, повѣрь, не въ свою пользу. Мы, то есть прекрасные люди, въ противоположность народу, совсѣмъ не умѣли тогда дѣйствовать въ свою пользу: напротивъ, всегда себѣ пакостили сколько возможно, и я подозрѣваю, что это-то и считалось у насъ тогда какой-то «высшей и нашей-же пользой», разумѣется, въ высшемъ смыслѣ. Теперешнее поколѣніе людей передовыхъ несравненно насъ загребистѣе. Я тогда, еще до грѣха, объяснилъ Макару Ивановичу все съ необыкновенною прямотой. Я теперь согласенъ, что многое изъ того не надо было объяснять вовсе, тѣмъ болѣе съ такой прямотой: не говоря уже о гуманности, было-бы даже вѣжливѣе; но поди, удержи себя, когда, растанцовавшись, захочется сдѣлать хорошенькое па? А, можетъ быть, таковы требованія прекраснаго и высокаго въ самомъ дѣлѣ, я этого во всю жизнь не могъ разрѣшить. Впрочемъ, это слишкомъ глубокая тема для поверхностнаго разговора нашего, но клянусь тебѣ, что я теперь иногда умираю отъ стыда, вспоминая. Я тогда предложилъ ему три тысячи рублей и, помню, онъ все молчалъ, а только я говорилъ. Представь себѣ, мнѣ вообразилось, что онъ меня боится, то есть моего крѣпостнаго права, и, помню, я всѣми силами старался его ободрить; я его уговаривалъ, ничего не опасаясь, высказать всѣ его желанія и даже со всевозможною критикой. Въ видѣ гарантіи, я давалъ ему слово, что если онъ не захочетъ моихъ условій, то есть трехъ тысячъ, вольной (ему и женѣ, разумѣется) — и вояжа на всѣ четыре стороны (безъ жены, разумѣется) — то пусть скажетъ прямо, и я тотчасъ-же дамъ ему вольную, отпущу ему жену, награжу ихъ обоихъ, кажется, тѣми-же тремя тысячами, и ужь не они отъ меня уйдутъ на всѣ четыре стороны, а я самъ отъ нихъ уѣду на три года въ Италію, одинъ-одинехонекъ. Mon ami, я-бы не взялъ съ собой въ Италію m-lle Сапожкову, будь увѣренъ: я былъ чрезвычайно чистъ въ тѣ минуты. И что-же? Этотъ Макаръ отлично хорошо понималъ, что я такъ и сдѣлаю, какъ говорю; но онъ продолжалъ молчать, и только когда я хотѣлъ было уже въ третій разъ припасть, отстранился, махнулъ рукой и вышелъ даже съ нѣкоторою безцеремонностью, увѣряю тебя, которая даже меня тогда удивила. Я тогда мелькомъ увидалъ себя въ зеркалѣ и забыть не могу. Вообще они, когда ничего не говорятъ — всего хуже, а это былъ мрачный характеръ и, признаюсь, я не только не довѣрялъ ему, призывая въ кабинетъ, но ужасно даже боялся: въ этой средѣ есть характеры и ужасно много, которые заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, олицетвореніе непорядочности, а этого боишься пуще побоевъ. Sic. И какъ я рисковалъ, какъ рисковалъ! Ну что, если-бъ онъ закричалъ на весь дворъ, завылъ, сей уѣздный Урія, — ну что-бы тогда было со мной, съ такимъ малорослымъ Давидомъ, и что-бы я съумѣлъ тогда сдѣлать? Вотъ потому-то я и пустилъ прежде всего три тысячи, это было инстинктивно, но я, къ счастью, ошибся: этотъ Макаръ Ивановичъ былъ нѣчто совсѣмъ другое...

— Скажите, грѣхъ былъ? Вы сказали сейчасъ, что позвали мужа еще до грѣха?

— То есть, видишь-ли, это какъ разумѣть...

— Значитъ, былъ. Вы сказали сейчасъ, что вы въ немъ ошиблись, что это было нѣчто другое; что-же другое?

— А что именно, я и до сихъ поръ не

знаю. Но что-то другое и, знаешь, даже весьма порядочное; заключаю потому, что мнѣ подъ конецъ стало втрое при немъ совѣстнѣе. Онъ на другой-же день согласился на вояжъ, безъ всякихъ словъ, разумѣется, не забывъ ни одной изъ предложенныхъ мною наградъ.

— Деньги взялъ?

— Еще какъ! И знаешь, мой другъ, въ этомъ пунктѣ даже совсѣмъ удивилъ меня. Трехъ тысячъ у меня тогда въ карманѣ, разумѣется, не случилось, но я досталъ семьсотъ рублей и вручилъ ему ихъ на первый случай; и что-же? Онъ двѣ тысячи триста остальныхъ стребовалъ-же съ меня, въ видѣ заемнаго письма, для вѣрности, на имя одного купца. Потомъ черезъ два года, онъ по этому письму стребовалъ съ меня уже деньги судомъ, и съ процентами, такъ что меня опять удивилъ, тѣмъ болѣе, что буквально пошелъ сбирать на построеніе Божьяго храма, и съ тѣхъ поръ вотъ уже двадцать лѣтъ скитается. Не понимаю, зачѣмъ страннику столько собственныхъ денегъ... Деньги такая свѣтская вещь... Я, конечно, предлагалъ ихъ въ ту минуту искренно и, такъ сказать, съ первымъ пыломъ, но потомъ, по прошествіи столь многихъ минутъ, я естественно могъ одуматься... и разсчитывалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, меня пощадитъ... или, такъ сказать, *насъ* пощадитъ, насъ съ нею, подождетъ хоть, по крайней мѣрѣ. Однако, даже не подождалъ...

(Сдѣлаю здѣсь необходимое нотабене: если-бы случилось, что мать пережила господина Версилова, то осталась-бы буквально безъ гроша на старости лѣтъ, когда-бъ не эти три тысячи Макара Ивановича, давно удвоенныя процентами, и которыя онъ оставилъ ей всѣ цѣликомъ, до послѣдняго рубля, въ прошломъ году, по духовному завѣщанію. Онъ предугадалъ Версилова даже въ то еще время).

— Вы разъ говорили, что Макаръ Ивановичъ приходилъ къ вамъ нѣсколько разъ на побывку и всегда останавливался на квартирѣ у матушки?

— Да, мой другъ; и я, признаюсь, сперва ужасно боялся этихъ посѣщеній. Во весь этотъ срокъ, въ двадцать лѣтъ, онъ приходилъ всего разъ шесть или семь, и въ первые разы я, если бывалъ дома, прятался. Даже не понималъ сначала, что̀ это значитъ и зачѣмъ онъ является? Но потомъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, мнѣ показалось, что это было вовсе не такъ глупо съ его стороны. Потомъ, случайно, я какъ-то вздумалъ полюбопытствовать и вышелъ поглядѣть на него и, увѣряю тебя, вынесъ преоригинальное впечатлѣніе. Это уже въ третье или четвертое его посѣщеніе, именно въ ту эпоху, когда я поступалъ въ мировые посредники и когда, разумѣется, изо всѣхъ силъ принялся изучать Россію. Я отъ него услышалъ даже чрезвычайно много новаго. Кромѣ того, встрѣтилъ въ немъ именно то, чего никакъ не ожидалъ встрѣтить: какое-то благодушіе, ровность характера и, что всего удивительнѣе, чуть не веселость. Ни малѣйшаго намека на *то* (tu comprends?) и въ высшей степени умѣнье говорить дѣло и говорить превосходно, то есть безъ глупаго ихняго дворового глубокомыслія, котораго я, признаюсь тебѣ, не смотря на весь мой демократизмъ, терпѣть не могу, и безъ всѣхъ этихъ напряженныхъ руссизмовъ, которыми говорятъ у насъ въ романахъ и на сценѣ «настоящіе русскіе люди». При этомъ, чрезвычайно мало о религіи, если только не заговоришь самъ, и премилые даже разсказы въ своемъ родѣ о монастыряхъ и монастырской жизни, если самъ полюбопытствуешь. А главное — почтительность, эта скромная почтительность, именно та почтительность, которая необходима для высшаго равенства, мало того, безъ которой, по моему, не достигнешь и первенства. Тутъ именно, черезъ отсутствіе малѣйшей заносчивости, достигается высшая порядочность и является человѣкъ, уважающій себя несомнѣнно и именно въ своемъ положеніи, каково-бы тамъ ни было и какова-бы ни досталась ему судьба. Эта способность уважать себя именно въ своемъ положеніи — чрезвычайно рѣдка на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, столь-же рѣдка, какъ и истинное собственное достоинство... Ты самъ увидишь, коль поживешь. Но всего болѣе поразило меня и именно впослѣдствіи, а не въ началѣ (прибавилъ Версиловъ), — то, что этотъ Макаръ

чрезвычайно осанистъ собою, и, увѣряю тебя, чрезвычайно красивъ. Правда, старъ, но

«Смуглолицъ, высокъ и прямъ»,

простъ и важенъ; я даже подивился моей бѣдной Софьѣ, какъ это она могла *тогда* предпочесть меня; тогда ему было пятьдесятъ, но все-же онъ былъ такой молодецъ, а я передъ нимъ такой вертунъ. Впрочемъ, помню, онъ уже и тогда былъ непозволительно сѣдъ, стало быть, такимъ-же сѣдымъ на ней и женился... Вотъ развѣ это повліяло.

У этого Версилова была подлѣйшая замашка изъ высшаго тона: сказавъ (когда нельзя было иначе) нѣсколько преумныхъ и прекрасныхъ вещей, вдругъ кончить нарочно какой нибудь глупостью, въ родѣ этой догадки про сѣдину Макара Ивановича и про вліяніе ея на мать. Это онъ дѣлалъ нарочно, и вѣроятно самъ не зная зачѣмъ, по глупѣйшей свѣтской привычкѣ. Слышать его — кажется, говоритъ очень серіозно, а между тѣмъ про себя кривляется или смѣется.

III.

Не понимаю, почему вдругъ тогда на меня нашло страшное озлобленіе. Вообще, я съ большимъ неудовольствіемъ вспоминаю о нѣкоторыхъ моихъ выходкахъ въ тѣ минуты; я вдругъ всталъ со стула:

— Знаете что̀, сказалъ я: — вы говорите, что пришли, главное, съ тѣмъ, чтобы мать подумала, что мы помирились. Времени прошло довольно, чтобъ ей подумать; не угодно-ли вамъ оставить меня одного.

Онъ слегка покраснѣлъ и всталъ съ мѣста.

— Милый мой, ты чрезвычайно со мной безцеремоненъ. Впрочемъ, до свиданья; насильно милъ не будешь. Я позволю себѣ только одинъ вопросъ: ты, дѣйствительно, хочешь оставить князя?

— Ага! Я такъ и зналъ, что у васъ особыя цѣли...

— То есть ты подозрѣваешь, что я пришелъ склонять тебя остаться у князя, имѣя въ томъ свои выгоды. Но, другъ мой, ужь не думаешь-ли ты, что я и изъ Москвы тебя выписалъ, имѣя въ виду какую нибудь свою выгоду? О, какъ ты мнителенъ! Я, напротивъ, желая тебѣ-же во всемъ добра. И даже вотъ теперь, когда такъ поправились и мои средства, я-бы желалъ, чтобы ты, хоть иногда, позволялъ мнѣ съ матерью помогать тебѣ.

— Я васъ не люблю, Версиловъ.

— И даже «Версиловъ». Кстати, я очень сожалѣю, что не могъ передать тебѣ этого имени, ибо въ сущности только въ этомъ и состоитъ вся вина моя, если ужь есть вина, не правда-ли? Но, опять таки, не могъ-же я жениться на замужней, самъ разсуди.

— Вотъ почему, вѣроятно, и хотѣли жениться на незамужней?

Легкая судорога прошла по лицу его.

— Это ты про Эмсъ. Слушай, Аркадій, ты внизу позволилъ себѣ эту-же выходку, указывая на меня пальцемъ, при матери. Знай-же, что именно тутъ ты наиболѣе промахнулся. Изъ исторіи съ покойной Лидіей Ахмаковой ты не знаешь ровно ничего. Не знаешь и того, на сколько въ этой исторіи сама твоя мать участвовала, да, не смотря на то, что ее тамъ со мною не было; и если я когда видѣлъ добрую женщину, то тогда, смотря на мать твою. Но довольно; это все пока еще тайна, а ты — ты говоришь неизвѣстно что̀ и съ чужаго голоса.

— Князь именно сегодня говорилъ, что вы любитель неоперившихся дѣвочекъ.

— Это князь говорилъ?

— Да, слушайте: хотите я вамъ скажу въ точности, для чего вы теперь ко мнѣ приходили? Я все это время сидѣлъ и спрашивалъ себя: въ чемъ тайна этого визита, и, наконецъ, кажется, теперь догадался.

Онъ было уже выходилъ, но остановился и повернулъ ко мнѣ голову въ ожиданіи.

— Давеча я проговорился мелькомъ, что письмо Тушара къ Татьянѣ Павловнѣ, попавшее въ бумаги Андроникова, очутилось, по смерти его, въ Москвѣ, у Марьи Ивановны. Я видѣлъ, какъ у васъ что-то вдругъ дернулось въ лицѣ и только теперь догадался, когда у васъ еще разъ, сейчасъ, что-то опять дернулось точно также въ лицѣ: вамъ пришло тогда, внизу, на мысль, что если одно письмо Андроникова уже очутилось у Марьи Ивановны, то почему-же и

другому не очутиться? А послѣ Андроникова могли остаться преважныя письма, а? Не правда-ли?

— И я, придя къ тебѣ, хотѣлъ заставить тебя о чемъ нибудь проболтаться?

— Сами знаете.

Онъ очень поблѣднѣлъ.

— Это ты не самъ собою догадался; тутъ вліяніе женщины; и сколько уже ненависти въ словахъ твоихъ—въ грубой догадкѣ твоей!

— Женщины? А я эту женщину какъ разъ видѣлъ сегодня! Вы, можетъ быть, именно, чтобъ шпіонить за ней и хотите меня оставить у князя?

— Однако, вижу, что ты чрезвычайно далеко уйдешь по новой своей дорогѣ. Ужь не это-ли «твоя идея?» Продолжай, мой другъ, ты имѣешь несомнѣнныя способности по сыскной части. Данъ талантъ, такъ надо усовершенствовать.

Онъ пріостановился перевести дыханіе.

— Берегитесь, Версиловъ, не дѣлайте меня врагомъ вашимъ!

— Другъ мой, послѣднія свои мысли въ такихъ случаяхъ никто не высказываетъ, а бережетъ про себя. А затѣмъ, посвѣти мнѣ, прошу тебя. Ты хоть мнѣ и врагъ, но не до такой-же, вѣроятно, степени, чтобъ пожелать мнѣ сломать себѣ шею. Tiens, mon ami, вообрази, продолжалъ онъ, спускаясь:—а вѣдь я весь этотъ мѣсяцъ принималъ тебя за добряка. Ты такъ хочешь жить и такъ жаждешь жить, что дай, кажется, тебѣ три жизни, тебѣ и тѣхъ будетъ мало: это у тебя на лицѣ написано; ну, а такіе большею частью добряки. И вотъ какъ-же я ошибся!

IV.

Не могу выразить, какъ сжалось у меня сердце, когда я остался одинъ: точно я отрѣзалъ живьемъ собственный кусокъ мяса! Для чего я такъ вдругъ разозлился и для чего такъ обидѣлъ его—такъ усиленно и нарочно—я-бы не могъ теперь разсказать, конечно, и тогда тоже. И какъ онъ поблѣднѣлъ! И что-же: эта блѣдность, можетъ быть, была выраженіемъ самаго искренняго и чистаго чувства и самой глубокой горести, а не злости и не обиды. Мнѣ всегда казалось, что бывали минуты, когда онъ очень любилъ меня. Почему, почему не вѣрить мнѣ теперь этому, тѣмъ болѣе, что уже такъ многое совершенно объяснено теперь?

А разозлился я вдругъ и выгналъ его дѣйствительно, можетъ быть, и отъ внезапной догадки, что онъ пришелъ ко мнѣ, надѣясь узнать: не осталось-ли у Марьи Ивановны еще писемъ Андроникова? Что онъ долженъ былъ искать этихъ писемъ и ищетъ ихъ—это я зналъ. Но кто знаетъ, можетъ быть, тогда, именно въ ту минуту, я ужасно ошибся! И кто знаетъ, можетъ быть, я-же, этою-же самой ошибкой, и навелъ его впослѣдствіи на мысль о Марьѣ Ивановнѣ и о возможности у ней писемъ?

И, наконецъ, опять странность: опять онъ повторялъ слово въ слово мою мысль (о трехъ жизняхъ), которую я высказалъ давеча Крафту, главное, моими-же словами. Совпаденіе словъ опять таки случай, но всетаки какъ-же знаетъ онъ сущность моей природы: какой взглядъ, какая угадка! Но, если такъ понимаетъ одно, зачѣмъ-же совсѣмъ не понимаетъ другого? И неужели онъ не ломался, а и въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи былъ догадаться, что мнѣ не дворянство версиловское нужно было, что не рожденія моего я не могу ему простить, а что мнѣ самого Версилова всю жизнь надо было, всего человѣка, отца, и что эта мысль вошла уже въ кровь мою? Неужели-же такой тонкій человѣкъ на столько тупъ и грубъ? А если нѣтъ, то зачѣмъ-же онъ меня бѣситъ, зачѣмъ притворяется?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

На утро я постарался встать какъ можно раньше. Обыкновенно у насъ поднимались около восьми часовъ, то есть я, мать и сестра; Версиловъ нѣжился до половины десятаго. Аккуратно въ половинѣ девятаго мать приносила мнѣ кофей. Но на этотъ

разъ, я, не дождавшись кофею, улизнулъ изъ дому ровно въ восемь часовъ. У меня еще съ вечера составился общій планъ дѣйствій на весь этотъ день. Въ этомъ планѣ, не смотря на страстную рѣшимость немедленно приступить къ выполненію, я уже чувствовалъ, было чрезвычайно много нетвердаго и неопредѣленнаго въ самыхъ важныхъ пунктахъ; вотъ почему почти всю ночь я былъ какъ въ полуснѣ, точно бредилъ, видѣлъ ужасно много сновъ и почти ни разу не заснулъ какъ слѣдуетъ. Не смотря на то, поднялся бодрѣе и свѣжѣе чѣмъ когда нибудь. Съ матерью-же я особенно не хотѣлъ повстрѣчаться. Я не могъ заговорить съ нею иначе какъ на извѣстную тему и боялся отвлечь себя отъ предпринятыхъ цѣлей какимъ нибудь новымъ и неожиданнымъ впечатлѣніемъ.

Утро было холодное и на всемъ лежалъ сырой, молочный туманъ. Не знаю почему, но раннее, дѣловое, петербургское утро, не смотря на чрезвычайно скверный свой видъ, мнѣ всегда нравится, и весь этотъ спѣшащій по своимъ дѣламъ, эгоистическій и всегда задумчивый людъ имѣетъ для меня, въ восьмомъ часу утра, нѣчто особенно привлекательное. Особенно я люблю дорогой, спѣша, или самъ что нибудь у кого спросить по дѣлу, или если меня кто объ чемъ нибудь спроситъ: и вопросъ, и отвѣтъ всегда кратки, ясны, толковы, задаются не останавливаясь и всегда почти дружелюбны, а готовность отвѣтить наибольшая во дню. Петербуржецъ среди дня или къ вечеру становится менѣе сообщителенъ, и чуть что̀, готовъ и обругать или насмѣяться; совсѣмъ другое рано по утру, еще до дѣла, въ самую трезвую и серіозную пору. Я это замѣтилъ.

Я опять направлялся на Петербургскую. Такъ какъ мнѣ въ двѣнадцатомъ часу непремѣнно надо было быть обратно на Фонтанкѣ у Васина (котораго чаще всего можно было застать дома въ двѣнадцать часовъ), то и спѣшилъ я не останавливаясь, не смотря на чрезвычайный позывъ выпить гдѣ нибудь кофею. Къ тому-же и Ефима Звѣрева надо было захватить дома непремѣнно; я шелъ опять къ нему и впрямь чуть-чуть было не опоздалъ; онъ допивалъ свой кофей и готовился выходить.

— Чего тебя такъ часто носитъ? встрѣтилъ онъ меня, не вставая съ мѣста.

— А вотъ я тебѣ сейчасъ объясню.

Всякое раннее утро, петербургское въ томъ числѣ, имѣетъ на природу человѣка отрезвляющее дѣйствіе. Иная пламенная ночная мечта, вмѣстѣ съ утреннимъ свѣтомъ и холодомъ, совершенно даже испаряется, и мнѣ самому случалось иногда припоминать по утрамъ иныя свои ночныя, только что минувшія грезы, а иногда и поступки, съ укоризною и стыдомъ. Но мимоходомъ, однако, замѣчу, что считаю петербургское утро, казалось-бы самое прозаическое на всемъ земномъ шарѣ,—чуть-ли не самымъ фантастическимъ въ мірѣ. Это мое личное воззрѣніе или, лучше сказать, впечатлѣніе, но я за него стою. Въ такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого нибудь пушкинскаго Германа изъ *Пиковой дамы* (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургскій типъ,—типъ изъ петербургскаго періода!)—мнѣ кажется, должна еще болѣе укрѣпиться. Мнѣ сто разъ, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: «А что̀ какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ кверху, не уйдетъ-ли съ нимъ вмѣстѣ и весь этотъ гнилой, склизлый городъ, подымется съ туманомъ и исчезнетъ какъ дымъ, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй для красы, бронзовый всадникъ на жарко дышащемъ, загнанномъ конѣ? Однимъ словомъ, не могу выразить моихъ впечатлѣній, потому что все это фантазія, наконецъ—поэзія, а, стало быть, вздоръ; тѣмъ не менѣе мнѣ часто задавался и задается одинъ уже совершенно безсмысленный вопросъ: «Вотъ они всѣ кидаются и мечутся, а почемъ знать, можетъ быть, все это чей нибудь сонъ, и ни одного-то человѣка здѣсь нѣтъ настоящаго, истиннаго, ни одного поступка дѣйствительнаго? Кто нибудь вдругъ проснется, кому это все грезится — и все вдругъ исчезнетъ». Но я увлекся.

Скажу заранѣе: есть замыслы и мечты въ каждой жизни до того, казалось-бы,

эксцентрическіе, что ихъ съ перваго взгляда можно безошибочно принять за съумасшествіе. Съ одною изъ такихъ фантазій и пришелъ я въ это утро къ Звѣреву,—къ Звѣреву, потому что никого другого не имѣлъ въ Петербургѣ, къ кому-бы на этотъ разъ могъ обратиться. А между тѣмъ Ефимъ былъ именно тѣмъ лицомъ, къ которому, будь изъ чего выбирать, я-бы обратился съ такимъ предложеніемъ къ послѣднему. Когда я усѣлся напротивъ него, то мнѣ даже самому показалось, что я, олицетворенный бредъ и горячка, усѣлся напротивъ олицетворенной золотой середины и прозы. Но на моей сторонѣ была идея и вѣрное чувство, на его — одинъ лишь практическій выводъ: что̀ такъ никогда не дѣлается. Короче, я объяснилъ ему кратко и ясно, что, кромѣ него, у меня въ Петербургѣ нѣтъ рѣшительно никого, кого-бы я могъ послать, въ виду чрезвычайнаго дѣла чести, вмѣсто секунданта; что онъ старый товарищъ и отказаться поэтому даже и не имѣетъ права, а что вызвать я желаю гвардіи поручика князя Сокольскаго за то, что̀, годъ слишкомъ назадъ, онъ, въ Эмсѣ, далъ отцу моему, Версилову, пощечину. Замѣчу при этомъ, что Ефимъ даже очень подробно зналъ всѣ мои семейныя обстоятельства, отношенія мои къ Версилову и почти все, что̀ я самъ зналъ изъ исторіи Версилова; я-же ему въ разное время и сообщилъ, кромѣ, разумѣется, нѣкоторыхъ секретовъ. Онъ сидѣлъ и слушалъ, по обыкновенію своему, нахохлившись, какъ воробей въ клѣткѣ, молчаливый и серіозный, одутловатый, съ своими взъерошенными бѣлыми волосами. Неподвижная, насмѣшливая улыбка не сходила съ губъ его. Улыбка эта была тѣмъ сквернѣе, что была совершенно неумышленная, а невольная; видно было, что онъ дѣйствительно и во истину считалъ себя въ эту минуту гораздо выше меня и умомъ и характеромъ. Я подозрѣвалъ тоже, что онъ къ тому-же презираетъ меня за вчерашнюю сцену у Дергачева; это такъ и должно было быть: Ефимъ—толпа, Ефимъ—улица, а та всегда поклоняется только успѣху.

— А Версиловъ про это не знаетъ? спросилъ онъ.

— Разумѣется, нѣтъ.

— Такъ какое-же ты право имѣешь вмѣшиваться въ дѣла его? Это во первыхъ. А во вторыхъ, что̀ ты этимъ хочешь доказать?

Я зналъ возраженія и тотчасъ-же объяснилъ ему, что это вовсе не такъ глупо, какъ онъ полагаетъ. Во первыхъ, нахалу князю будетъ доказано, что есть еще люди, понимающіе честь и въ нашемъ сословіи, а во вторыхъ, будетъ пристыженъ Версиловъ и вынесетъ урокъ. А въ третьихъ, и главное, если даже Версиловъ былъ и правъ, по какимъ нибудь тамъ своимъ убѣжденіямъ, не вызвавъ князя и рѣшившись снести пощечину, то, по крайней мѣрѣ, онъ увидитъ, что есть существо до того сильно способное чувствовать его обиду, что принимаетъ ее какъ за свою, и готовое положить за интересы его даже жизнь свою... не смотря на то, что съ нимъ разстается на вѣки...

— Постой, не кричи, тётка не любитъ. Скажи ты мнѣ, вѣдь съ этимъ самымъ княземъ Сокольскимъ Версиловъ тягается о наслѣдствѣ? Въ такомъ случаѣ это будетъ уже совершенно новый и оригинальный способъ выигрывать тяжбы—убивая противниковъ на дуэли.

Я объяснилъ ему en toutes lettres, что онъ просто глупъ и нахалъ, и что если насмѣшливая улыбка его разростается все больше и больше, то это доказываетъ только его самодовольство и ординарность, что не можетъ-же онъ предположить, что соображенія о тяжбѣ не было и въ моей головѣ, да еще съ самаго начала, а удостоило посѣтить только его многодумную голову. Затѣмъ я изложилъ ему, что тяжба уже выиграна, къ тому-же ведется не съ княземъ Сокольскимъ, а съ князьями Сокольскими, такъ что, если убитъ одинъ князь, то остаются другіе, но что, безъ сомнѣнія, надо будетъ отдалить вызовъ на срокъ апелляціи (хотя князья апеллировать и не будутъ), но единственно для приличія. По миновaніи-же срока и послѣдуетъ дуэль; что я съ тѣмъ и пришелъ теперь, что дуэль не сейчасъ, но что мнѣ надо было заручиться, потому что секунданта нѣтъ, я ни съ кѣмъ не знакомъ, такъ, по крайней

мѣрѣ, къ тому времени, чтобъ успѣть найдти, если онъ, Ефимъ, откажется. Вотъ для чего, дескать, я пришелъ.

— Ну, тогда и приходи говорить, а то ишь претъ по пусту десять верстъ.

Онъ всталъ и взялся за фуражку.

— А тогда пойдешь?

— Нѣтъ, не пойду, разумѣется.

— Почему?

— Да ужь потому одному не пойду, что согласись я теперь, что тогда пойду, такъ ты весь этотъ срокъ апелляціи таскаться начнешь ко мнѣ каждый день. А главное, все это вздоръ, вотъ и все. И стану я изъ за тебя мою карьеру ломать? И вдругъ князь меня спроситъ: «Васъ кто прислалъ?» — Долгорукій. — «А какое дѣло Долгорукому до Версилова?» Такъ я долженъ ему твою родословную объяснять, что-ли? Да вѣдь онъ расхохочется!

— Такъ ты ему въ рожу дай!

— Ну, это сказки.

— Боишься? Ты такой высокій; ты былъ сильнѣе всѣхъ въ гимназіи.

— Боюсь, конечно, боюсь. Да князь ужь потому драться не станетъ, что дерутся съ ровней.

— Я тоже джентльменъ по развитію, я имѣю права, я ровня... напротивъ, это онъ неровня.

— Нѣтъ, ты маленькій.

— Какъ маленькій?

— Такъ маленькій; мы оба маленькіе, а онъ большой.

— Дуракъ ты! Да я ужь годъ, по закону, жениться могу.

— Ну и женись, а всетаки ш...дикъ: ты еще ростешь!

Я, конечно, понялъ, что онъ вздумалъ надо мною насмѣхаться. Безъ сомнѣнія, весь этотъ глупый анекдотъ можно было и не разсказывать и даже лучше, если-бъ онъ умеръ въ неизвѣстности; къ тому-же онъ отвратителенъ по своей мелочности и ненужности, хотя и имѣлъ довольно серіозныя послѣдствія.

Но чтобы наказать себя еще больше, доскажу его вполнѣ. Разглядѣвъ, что Ефимъ надо мной насмѣхается, я позволилъ себѣ толкнуть его въ плечо правой рукой, или, лучше сказать, правымъ кулакомъ. Тогда онъ взялъ меня за плечи, обернулъ лицомъ въ поле и—доказалъ мнѣ на дѣлѣ, что онъ дѣйствительно сильнѣе всѣхъ у насъ въ гимназіи.

II.

Читатель, конечно, подумаетъ, что я былъ въ ужаснѣйшемъ расположеніи, выйдя отъ Ефима, и однако ошибется. Я слишкомъ понялъ, что вышелъ случай школьническій, гимназическій, а серіозность дѣла остается вся цѣликомъ. Кофею я напился уже на Васильевскомъ островѣ, нарочно миновавъ мой вчерашній трактиръ на Петербургской; и трактиръ этотъ, и соловей стали для меня вдвое ненавистнѣе. Странное свойство: я способенъ ненавидѣть мѣста и предметы точно какъ будто людей. Зато есть у меня въ Петербургѣ и нѣсколько мѣстъ счастливыхъ, то есть такихъ, гдѣ я почему нибудь бывалъ когда нибудь счастливъ, — и что-же, я берегу эти мѣста и не захожу въ нихъ какъ можно дольше нарочно, чтобы потомъ, когда буду уже совсѣмъ одинъ и несчастливъ, зайдти погрустить и припомнить. За кофеемъ я отдалъ вполнѣ справедливость Ефиму и здравому смыслу его. Да, онъ былъ практичнѣе меня, но врядъ-ли реальнѣе. Реализмъ, ограничивающійся кончикомъ своего носа, опаснѣе самой безумной фантастичности, потому что слѣпъ. Но, отдавая справедливость Ефиму (который, вѣроятно, въ ту минуту думалъ, что я иду по улицѣ и ругаюсь)—я всетаки ничего не уступилъ изъ убѣжденій, какъ не уступлю до сихъ поръ. Видалъ я такихъ, что изъ за перваго ведра холодной воды не только отступаются отъ поступковъ своихъ, но даже отъ идеи, и сами начинаютъ смѣяться надъ тѣмъ, что, всего часъ тому, считали священнымъ; о, какъ у нихъ это легко дѣлается! Пусть Ефимъ, даже и въ сущности дѣла, былъ правѣе меня, а я глупѣе всего глупаго и лишь ломался, но все-же въ самой глубинѣ дѣла лежала такая точка, стоя на которой былъ правъ и я: что-то такое было и у меня справедливаго и, главное, чего они никогда не могли понять.

У Васина, на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, очутился я почти ровно въ двѣнадцать часовъ, но его не засталъ дома. Занятія свои онъ имѣлъ на Васильевскомъ, домой-же являлся въ строго опредѣленные часы, между прочимъ, почти всегда въ двѣнадцатомъ. Такъ какъ, кромѣ того, былъ какой-то праздникъ, то я и предполагалъ, что застану его навѣрно: не заставъ, расположился ждать, не смотря на то, что являлся къ нему въ первый разъ.

Я разсуждалъ такъ: дѣло съ письмомъ о наслѣдствѣ есть дѣло совѣсти, и я, выбирая Васина въ судьи, тѣмъ самымъ высказываю ему всю глубину моего уваженія, что, ужь конечно, должно было ему польстить. Разумѣется, я и взаправду былъ озабоченъ этимъ письмомъ и дѣйствительно убѣжденъ въ необходимости третейскаго рѣшенія; но подозрѣваю, однако, что и тогда уже могъ-бы вывернуться изъ затрудненія безъ всякой посторонней помощи. И, главное, самъ зналъ про это; именно, стоило только отдать письмо самому Версилову изъ рукъ въ руки, а что онъ тамъ захочетъ, пусть такъ и дѣлаетъ — вотъ рѣшеніе. Ставить-же самого себя высшимъ судьей и рѣшителемъ въ дѣлѣ такого сорта было даже совсѣмъ неправильно. Устраняя себя передачею письма изъ рукъ въ руки, и именно молча, я ужь тѣмъ самымъ тотчасъ-бы выигралъ, поставивъ себя въ высшее надъ Версиловымъ положеніе; ибо отказавшись, насколько это касается меня, отъ всѣхъ выгодъ по наслѣдству (потому что мнѣ, какъ сыну Версилова, ужь конечно, что нибудь перепало-бы изъ этихъ денегъ, не сейчасъ, такъ потомъ), — я сохранилъ-бы за собою навѣки высшій нравственный взглядъ на будущій поступокъ Версилова. Упрекнуть-же меня за то, что я погубилъ князей, опять таки никто-бы не могъ, потому что документъ не имѣлъ рѣшающаго юридическаго значенія. Все это я обдумалъ и совершенно уяснилъ себѣ, сидя въ пустой комнатѣ Васина, и мнѣ даже вдругъ пришло въ голову, что пришелъ я къ Васину, столь жаждая отъ него совѣта какъ поступить, единственно съ тою цѣлью, чтобы онъ увидалъ при этомъ, какой я самъ благороднѣйшій и безкорыстнѣйшій человѣкъ, а, стало быть, чтобъ и отмстить ему тѣмъ самымъ за вчерашнее мое передъ нимъ униженіе.

Сознавъ все это, я ощутилъ большую досаду; тѣмъ не менѣе не ушелъ, а остался, хоть и навѣрно зналъ, что досада моя каждыя пять минутъ будетъ только наростать.

Прежде всего мнѣ стала ужасно не нравиться комната Васина. «Покажи мнѣ свою комнату и я узнаю твой характеръ», право, можно-бы такъ сказать. Васинъ жилъ въ меблированной комнатѣ отъ жильцовъ, очевидно бѣдныхъ и тѣмъ промышлявшихъ, имѣвшихъ постояльцевъ и кромѣ него. Знакомы мнѣ эти узкія, чуть-чуть заставленныя мебелью комнатки и, однако-же, съ претензіей на комфортабельный видъ; тутъ непремѣнно мягкій диванъ съ толкучаго рынка, который опасно двигать; рукомойникъ и ширмами огороженная желѣзная кровать. Васинъ былъ, очевидно, лучшимъ и благонадежнѣйшимъ жильцомъ: такой самый лучшій жилецъ непремѣнно бываетъ одинъ у хозяйки, и за это ему особенно угождаютъ: у него убираютъ и подметаютъ тщательнѣе, вѣшаютъ надъ диваномъ какую нибудь литографію, подъ столъ подстилаютъ чахоточный коврикъ. Люди, любящіе эту затхлую чистоту, а, главное, угодливую почтительность хозяекъ—сами подозрительны. Я былъ убѣжденъ, что званіе лучшаго жильца льстило самому Васину. Не знаю почему, но меня началъ мало по малу бѣсить видъ этихъ двухъ загроможденныхъ книгами столовъ. Книги, бумаги, чернильница—все было въ самомъ отвратительномъ порядкѣ, идеалъ котораго совпадаетъ съ міровоззрѣніемъ хозяйки нѣмки и ея горничной. Книгъ было довольно, и не то что газетъ и журналовъ, а настоящихъ книгъ, — и онъ, очевидно, ихъ читалъ, и, вѣроятно, садился читать или принимался писать съ чрезвычайно важнымъ и аккуратнымъ видомъ. Не знаю, но я больше люблю, гдѣ книги разбросаны въ безпорядкѣ, по крайней мѣрѣ, изъ занятій не дѣлается священнодѣйствія. Навѣрно, этотъ Васинъ чрезвычайно вѣжливъ съ посѣтителемъ, но навѣрно каждый жестъ его говоритъ посѣтителю: «Вотъ я

посижу съ тобою часика полтора, а потомъ, когда ты уйдешь, займусь уже дѣломъ». Навѣрно съ нимъ можно завести чрезвычайно интересный разговоръ и услышать новое, но — «мы вотъ теперь съ тобою поговоримъ, и я тебя очень заинтересую, а когда ты уйдешь, я примусь уже за самое интересное»... И, однако-же, я всетаки не уходилъ, а сидѣлъ. Въ томъ-же, что совсѣмъ не нуждаюсь въ его совѣтѣ, я уже окончательно убѣдился.

Я сидѣлъ уже съ часъ и больше, и сидѣлъ у окна на одномъ изъ двухъ приставленныхъ къ окну плетеныхъ стульевъ. Бѣсило меня и то, что уходило время, а мнѣ до вечера надо было еще сыскать квартиру. Я было хотѣлъ взять какую нибудь книгу отъ скуки, но не взялъ: при одной мысли развлечь себя стало вдвое противнѣе. Больше часу какъ продолжалась чрезвычайная тишина, и вотъ вдругъ, гдѣ-то очень близко за дверью, которую заслонялъ диванъ, я невольно и постепенно сталъ различать все больше и больше разроставшійся шепотъ. Говорили два голоса, очевидно, женскіе, это слышно было, но разслышать словъ совсѣмъ нельзя было; и, однако, я отъ скуки какъ-то сталъ вникать. Ясно было, что говорили одушевленно и страстно, и что дѣло шло не о выкройкахъ: о чемъ-то сговаривались или спорили, или одинъ голосъ убѣждалъ и просилъ, а другой не слушался и возражалъ. Должно быть, какіе нибудь другіе жильцы. Скоро мнѣ наскучило и ухо привыкло, такъ что я хоть и продолжалъ слушать, но механически, а иногда и совсѣмъ забывая, что слушаю, какъ вдругъ произошло что-то чрезвычайное, точно какъ-бы кто-то соскочилъ со стула обѣими ногами, или вдругъ вскочилъ съ мѣста и затопалъ: затѣмъ раздался стонъ и вдругъ крикъ, даже и не крикъ, а визгъ, животный, озлобленный и которому уже все равно, услышатъ чужіе или нѣтъ. Я бросился къ двери и отворилъ; разомъ со мной отворилась и другая дверь, въ концѣ корридора, хозяйкина, какъ узналъ я послѣ, откуда выглянули двѣ любопытныя головы. Крикъ, однако, тотчасъ затихъ, какъ вдругъ отворилась дверь, рядомъ съ моею, отъ сосѣдокъ, и одна молодая, какъ показалось мнѣ, женщина быстро вырвалась и побѣжала внизъ по лѣстницѣ. Другая-же, пожилая женщина, хотѣла было удержать ее, но не могла, и только простонала ей вслѣдъ:

— Оля, Оля, куда? Охъ!

Но, разглядѣвъ двѣ наши отворенныя двери, проворно притворила свою, оставивъ щелку и изъ нея прислушиваясь на лѣстницу, до тѣхъ поръ пока не замолкли совсѣмъ шаги убѣжавшей внизъ Оли. Я вернулся къ моему окну. Все затихло. Случай пустой, а, можетъ быть, и смѣшной, и я пересталъ объ немъ думать.

Примѣрно, четверть часа спустя, раздался въ корридорѣ, у самой двери Васина, громкій и развязный мужской голосъ. Кто-то схватилъ за ручку двери и пріотворилъ ее настолько, что можно было разглядѣть въ корридорѣ какого-то высокаго ростомъ мужчину, очевидно тоже и меня увидавшаго и даже меня уже разсматривавшаго, но не входившаго еще въ комнату, а продолжавшаго черезъ весь корридоръ, и держась за ручку, разговаривать съ хозяйкой. Хозяйка перекликалась съ нимъ тоненькимъ и веселенькимъ голоскомъ и ужь по голосу слышалось, что посѣтитель ей давно знакомъ, уважаемъ ею и цѣнимъ, и какъ солидный гость, и какъ веселый господинъ. Веселый господинъ кричалъ и острилъ, но дѣло шло только о томъ, что Васина нѣтъ дома, что онъ все никакъ не можетъ застать его, что это ему на роду написано и что онъ опять, какъ тогда, подождетъ, и все это, безъ сомнѣнія, казалось верхомъ остроумія хозяйкѣ. Наконецъ, гость вошелъ, размахнувъ дверь на весь отлетъ.

Это былъ хорошо одѣтый господинъ, очевидно, у лучшаго портнаго, какъ говорится, «по барски», а между тѣмъ всего менѣе въ немъ имѣлось барскаго, и, кажется, не смотря на значительное желаніе имѣть. Онъ былъ не то что развязенъ, а какъ-то натурально нахаленъ, то есть всетаки менѣе обидно чѣмъ нахалъ, выработавшій себя предъ зеркаломъ. Волосы его темнорусые съ легкою просѣдью, черныя брови, большая борода и большіе глаза не только не способствовали его характерности, но именно какъ-бы придавали ему что-то об-

щее, на всѣхъ похожее. Этакой человѣкъ и смѣется, и готовъ смѣяться, но вамъ почему-то съ нимъ никогда не весело. Со смѣшливаго онъ быстро переходитъ на важный видъ, съ важнаго на игривый или подмигивающій, но все это какъ-то раскидчиво и безпричинно... Впрочемъ, нечего впередъ описывать. Этого господина я потомъ узналъ гораздо больше и ближе, а потому поневолѣ представляю его теперь уже болѣе зазнамо чѣмъ тогда, когда онъ отворилъ дверь и вошелъ въ комнату. Однако, и теперь затруднился-бы сказать о немъ что нибудь точное и опредѣляющее, потому что въ этихъ людяхъ главное—именно ихъ незаконченность, раскидчивость и неопредѣленность.

Онъ еще не успѣлъ и сѣсть, какъ мнѣ вдругъ померещилось, что это, должно быть, отчимъ Васина, нѣкій господинъ Стебельковъ, о которомъ я уже что-то слышалъ, но до того мелькомъ, что никакъ-бы не могъ сказать, что̀ именно: помнилъ только, что что-то нехорошее. Я зналъ, что Васинъ долго былъ сиротой подъ его началомъ, но что давно уже вышелъ изъ-подъ его вліянія, что и цѣли, и интересы ихъ различны, и что живутъ они совсѣмъ розно во всѣхъ отношеніяхъ. Запомнилось мнѣ тоже, что у этого Стебелькова былъ нѣкоторый капиталъ, и что онъ какой-то даже спекулянтъ и вертунъ,—однимъ словомъ, я уже, можетъ быть, и зналъ про него что нибудь подробнѣе, но забылъ. Онъ обмѣрилъ меня взглядомъ, не поклонившись, впрочемъ, поставилъ свою шляпу-цилиндръ на столъ передъ диваномъ, столъ властно отодвинулъ ногой и не то что сѣлъ, а прямо развалился на диванъ, на которомъ я не посмѣлъ сѣсть, такъ что тотъ затрещалъ, свѣсилъ ноги и, высоко поднявъ правый носокъ своего лакированнаго сапога, сталъ имъ любоваться. Конечно, тотчасъ-же обернулся ко мнѣ и обмѣрилъ меня своими большими, нѣсколько неподвижными глазами.

— Не застаю! слегка кивнулъ онъ мнѣ головой.

Я промолчалъ.

— Не аккуратенъ! Свои взгляды на дѣло. Съ Петербургской?

— То есть вы пришли съ Петербургской? переспросилъ я его.

— Нѣтъ, это я васъ спрашиваю.

— Я... я пришелъ съ Петербургской, только почему вы узнали?

— Почему? Гм... Онъ подмигнулъ, но не удостоилъ разъяснить.

— То есть, я не живу на Петербургской, но я былъ теперь на Петербургской и оттуда пришелъ сюда.

Онъ продолжалъ молча улыбаться какою-то значительною улыбкой, которая мнѣ ужасно какъ не нравилась. Въ этомъ подмигиваніи было что-то глупое.

— У господина Дергачева? проговорилъ онъ, наконецъ.

— Что̀ у Дергачева? открылъ я глаза.

Онъ побѣдоносно смотрѣлъ на меня.

— Я и не знакомъ.

— Гм!..

— Какъ хотите, отвѣтилъ я. Онъ мнѣ становился противенъ.

— Гм... да-съ. Нѣтъ-съ, позвольте; вы покупаете въ лавкѣ вещь, въ другой лавкѣ рядомъ другой покупатель покупаетъ другую вещь, какую-бы вы думали? Деньги-съ у купца, который именуется ростовщикомъ-съ... потому что деньги есть тоже вещь, а ростовщикъ есть тоже купецъ... Вы слѣдите?

— Пожалуй, слѣжу.

— Проходитъ третій покупатель и, показывая на одну изъ лавокъ, говоритъ: «это основательно», а показывая на другую изъ лавокъ, говоритъ: «это неосновательно». Что̀ могу я заключить о семъ покупателѣ?

— Почемъ я знаю.

— Нѣтъ-съ, позвольте. Я къ примѣру; хорошимъ примѣромъ человѣкъ живетъ. Я иду по Невскому и замѣчаю, что по другой сторонѣ улицы, по тротуару, идетъ господинъ, котораго характеръ я желалъ-бы опредѣлить. Мы доходимъ, по разнымъ сторонамъ, вплоть до поворота въ Морскую, и именно тамъ, гдѣ англійскій магазинъ, мы замѣчаемъ третьяго прохожаго, только что раздавленнаго лошадью. Теперь вникните: проходитъ четвертый господинъ и желаетъ опредѣлить характеръ всѣхъ насъ троихъ, вмѣстѣ съ раздавлен-

нымъ, въ смыслѣ практичности и основательности... Вы слѣдите?

— Извините, съ большимъ трудомъ.

— Хорошо-съ; такъ я и думалъ. Я перемѣню тему. Я на водахъ въ Германіи, на минеральныхъ водахъ, какъ и бывалъ неоднократно, на какихъ—это все равно. Хожу по водамъ и вижу англичанъ. Съ англичаниномъ, какъ вы знаете, знакомство завести трудно; но вотъ черезъ два мѣсяца, кончивъ срокъ лѣченія, мы всѣ въ области горъ, всходимъ компаніей, съ остроконечными палками, на гору, ту или другую,—все равно. На поворотѣ, то есть на этапѣ, и именно тамъ гдѣ монахи водку Шартрезъ дѣлаютъ, — это замѣтьте, — я встрѣчаю туземца, стоящаго уединенно, смотрящаго молча. Я желаю заключить о его основательности: какъ вы думаете, могъ-бы я обратиться за заключеніемъ къ толпѣ англичанъ, съ которыми шествую, единственно потому только, что не съумѣлъ заговорить съ ними на водахъ?

— Почемъ я знаю. Извините, мнѣ очень трудно слѣдить за вами.

— Трудно?

— Да, вы меня утомляете.

— Гм. Онъ подмигнулъ и сдѣлалъ рукою какой-то жестъ, вѣроятно долженствовавшій обозначать что-то очень торжествующее и побѣдоносное; затѣмъ, весьма солидно и спокойно вынулъ изъ кармана газету, очевидно, только что купленную, развернулъ и сталъ читать въ послѣдней страницѣ, повидимому, оставивъ меня въ совершенномъ покоѣ. Минутъ пять онъ не глядѣлъ на меня.

— Брестограевскія-то вѣдь не шлепнулись, а? Вѣдь пошли, вѣдь идутъ! Многихъ знаю, которые тутъ-же шлепнулись.

Онъ отъ всей души поглядѣлъ на меня.

— Я пока въ этой биржѣ мало смыслю, отвѣтилъ я.

— Отрицаете?

— Что?

— Деньги-съ.

— Я не отрицаю деньги, но... но, мнѣ кажется, сначала идея, а потомъ деньги.

— То есть, позвольте-съ... вотъ человѣкъ состоитъ, такъ сказать, при собственномъ капиталѣ...

— Сначала высшая идея, а потомъ деньги, а безъ высшей идеи съ деньгами общество провалится.

Не знаю, зачѣмъ я сталъ было горячиться. Онъ посмотрѣлъ на меня нѣсколько тупо, какъ будто запутавшись, но вдругъ все лицо его раздвинулось въ веселѣйшую и хитрѣйшую улыбку.

— Версиловъ-то, а? Вѣдь тяпнулъ таки, тяпнулъ! Присудили вчера, а?

Я вдругъ и неожиданно увидалъ, что онъ ужь давно знаетъ, кто я такой, и, можетъ быть, очень многое еще знаетъ. Не понимаю только зачѣмъ я вдругъ покраснѣлъ и глупѣйшимъ образомъ смотрѣлъ, не отводя отъ него глазъ. Онъ видимо торжествовалъ, онъ весело смотрѣлъ на меня, точно въ чемъ-то хитрѣйшимъ образомъ поймалъ и уличилъ меня.

— Нѣтъ-съ, поднялъ онъ вверхъ обѣ брови: — это вы меня спросите про господина Версилова! Что я вамъ говорилъ сейчасъ на счетъ основательности? Полтора года назадъ, изъ-за этого ребенка онъ-бы могъ усовершенствованное дѣльце завершить—да-съ, а онъ шлепнулся, да-съ.

— Изъ-за какого ребенка?

— Изъ-за груднаго-съ, котораго и теперь на сторонѣ выкармливаетъ, только ничего не возьметъ чрезъ это... потому...

— Какой грудной ребенокъ? Что такое?

— Конечно, его ребенокъ, его собственный-съ, отъ m-lle Лидіи Ахмаковой... «Прелестная дѣва ласкала меня»... Фосфорныя-то спички,— а?

— Что за вздоръ, что за дичь! У него никогда не было ребенка отъ Ахмаковой!

— Вона! Да я-то гдѣ былъ? Я вѣдь и докторъ, и акушеръ-съ. Фамилія моя Стебельковъ, не слыхали? Правда, я и тогда уже не практиковалъ давно, но практическій совѣтъ въ практическомъ дѣлѣ я могъ подать.

— Вы акушеръ... принимали ребенка у Ахмаковой?

— Нѣтъ-съ, я ничего не принималъ у Ахмаковой. Тамъ, въ форштадтѣ, былъ докторъ Францъ, обремененный семействомъ, по полталера ему платили, такое тамъ у нихъ положеніе на докторовъ, и никто-то его вдобавокъ не зналъ, такъ вотъ онъ

тутъ былъ вмѣсто меня... Я-же его и посовѣтовалъ, для мрака неизвѣстности. Вы слѣдите? А я только практическій совѣтъ одинъ далъ по вопросу Версилова-съ, Андрея Петровича, по вопросу секретнѣйшему-съ, глазъ на глазъ. Но Андрей Петровичъ двухъ зайцевъ предпочелъ.

Я слушалъ въ глубочайшемъ изумленіи.

— За двумя зайцами погонишься—ни одного не поймаешь, говоритъ народная, или, вѣрнѣе, простонародная пословица. Я-же говорю такъ: исключенія, безпрерывно повторяющіяся, обращаются въ общее правило. За другимъ зайцемъ, то есть въ переводѣ на русскій языкъ, за другой дамой погнался—и результатовъ никакихъ. Ужь если что схватилъ, то сего и держись. Гдѣ надо убыстрять дѣло, онъ тамъ мямлитъ. Версиловъ — вѣдь это «бабій пророкъ-съ», — вотъ какъ его молодой князь Сокольскій тогда при мнѣ красиво обозначилъ. Нѣтъ, вы ко мнѣ приходите! Если вы хотите про Версилова много узнать, вы ко мнѣ приходите.

Онъ видимо любовался на мой раскрытый отъ удивленія ротъ. Никогда и ничего не слыхивалъ я до сихъ поръ про грудного ребенка. И вотъ въ этотъ мигъ вдругъ хлопнула дверь у сосѣдокъ и кто-то быстро вошелъ въ ихъ комнату.

— Версиловъ живетъ въ Семеновскомъ полку, въ Можайской улицѣ, домъ Литвиновой, № 17, сама была въ адресномъ! громко прокричалъ раздраженный женскій голосъ; каждое слово было намъ слышно. Стебельковъ вскинулъ бровями и поднялъ надъ головою палецъ.

— Мы о немъ здѣсь, а онъ ужь и тамъ... Вотъ они исключенія-то, безпрерывно повторяющіяся! Quand on parle d'une corde...

Онъ быстро, съ прискокомъ присѣлъ на диванѣ и сталъ прислушиваться къ той двери, къ которой былъ приставленъ диванъ. Ужасно пораженъ былъ и я. Я сообразилъ, что это, вѣроятно, та самая молодая женщина прокричала, которая давеча убѣжала въ такомъ волненіи. Но какимъ-же образомъ и тутъ Версиловъ? Вдругъ раздался опять давешній визгъ, неистовый, визгъ озвѣрѣвшаго отъ гнѣва человѣка, которому чего-то не даютъ или котораго отъ чего-то удерживаютъ. Разница съ давешнимъ была лишь та, что крики и взвизги продолжались еще дольше. Слышалась борьба, какія-то слова частыя, быстрыя: «не хочу, не хочу, отдайте, сейчасъ отдайте!» — или что-то въ этомъ родѣ—не могу совершенно припомнить. Затѣмъ, какъ и давеча, кто-то стремительно бросился къ дверямъ и отворилъ ихъ. Обѣ сосѣдки выскочили въ корридоръ, одна, какъ и давеча, очевидно, удерживая другую. Стебельковъ, уже давно вскочившій съ дивана и съ наслажденіемъ прислушивавшійся, такъ и сиганулъ къ дверямъ и тотчасъ преоткровенно выскочилъ въ корридоръ прямо къ сосѣдкамъ. Разумѣется, я тоже подбѣжалъ къ дверямъ. Но его появленіе въ корридорѣ было ведромъ холодной воды: сосѣдки быстро скрылись и съ шумомъ захлопнули за собою дверь. Стебельковъ прыгнулъ было за ними, но пріостановился, поднявъ палецъ, улыбаясь и соображая; на этотъ разъ въ улыбкѣ его я разглядѣлъ что-то чрезвычайно скверное, темное и зловѣщее. Увидавъ хозяйку, стоявшую опять у своихъ дверей, онъ скорыми цыпочками побѣжалъ къ ней черезъ корридоръ; прошушукавъ съ нею минуты двѣ, конечно, получивъ свѣдѣнія, онъ уже осанисто и рѣшительно воротился въ комнату, взялъ со стола свой цилиндръ, мелькомъ взглянулся въ зеркало, взъерошилъ волосы и съ самоувѣреннымъ достоинствомъ, даже не поглядѣвъ на меня, отправился къ сосѣдкамъ. Мгновеніе онъ прислушивался у двери, подставивъ ухо и побѣдительно подмигивая черезъ корридоръ хозяйкѣ, которая грозила ему пальцемъ и покачивала головой, какъ-бы выговаривая: «охъ, шалунъ, шалунъ!» Наконецъ, съ рѣшительнымъ деликатнѣйшимъ видомъ, даже какъ-бы сгорбившись отъ деликатности, постучалъ костями пальцевъ къ сосѣдкамъ. Послышался голосъ:

— Кто тамъ?

— Не позволите-ли войдти по важнѣйшему дѣлу? громко и осанисто произнесъ Стебельковъ.

Помедлили, но всетаки отворили, сначала чуть-чуть, на четверть; но Стебельковъ тотчасъ-же крѣпко ухватился за ручку замка и ужь не далъ-бы затворить опять.

Начался разговоръ, Стебельковъ заговорилъ громко, все порываясь въ комнату; я не помню словъ, но онъ говорилъ про Версилова, что можетъ сообщить, все разъяснить — «нѣтъ-съ, вы меня спросите», «нѣтъ-съ, вы ко мнѣ приходите» — въ этомъ родѣ. Его очень скоро впустили. Я воротился къ дивану и сталъ было подслушивать, но всего не могъ разобрать, слышалъ только, что часто упоминали про Версилова. По интонаціи голоса, я догадывался, что Стебельковъ уже овладѣлъ разговоромъ, говоритъ уже не вкрадчиво, а властно и развалившись, въ родѣ какъ давеча со мной: «вы слѣдите?» «теперь извольте вникнуть», и проч. Впрочемъ, съ женщинами онъ долженъ быть необыкновенно любезенъ. Уже раза два раздался его громкій хохотъ и навѣрно совсѣмъ неумѣстно, потому что рядомъ съ его голосомъ, а иногда и побѣждая его голосъ, раздавались голоса обѣихъ женщинъ, вовсе не выражавшіе веселости, и преимущественно молодой женщины, той, которая давеча визжала: она говорила много, нервно, быстро, очевидно что-то обличая и жалуясь, ища суда и судьи. Но Стебельковъ не отставалъ, возвышалъ рѣчь все больше и больше, и хохоталъ все чаще и чаще; эти люди слушать другихъ не умѣютъ. Я скоро сошелъ съ дивана, потому что подслушивать показалось мнѣ стыдно, и перебрался на мое старое мѣсто, у окна, на плетеномъ стулѣ. Я былъ убѣжденъ, что Васинъ считаетъ этого господина ни во что, но что объяви я тоже мнѣніе, и онъ тотчасъ-же, съ серіознымъ достоинствомъ заступится и назидательно замѣтитъ, что это «человѣкъ практическій, изъ людей теперешнихъ дѣловыхъ, и котораго нельзя судить съ нашихъ общихъ и отвлеченныхъ точекъ зрѣнія». Въ то мгновеніе, впрочемъ, помню, я былъ какъ-то весь нравственно разбитъ, сердце у меня билось и я несомнѣнно чего-то ждалъ. Прошло минутъ десять, и вдругъ, въ самой серединѣ одного раскатистаго взрыва хохота, кто-то, точь въ точь какъ давеча, прянулъ со стула, затѣмъ раздались крики обѣихъ женщинъ, слышно было какъ вскочилъ и Стебельковъ, что онъ что-то заговорилъ уже другимъ голосомъ, точно оправдывался, точно упрашивая, чтобъ его дослушали... Но его не дослушали: раздались гнѣвные крики: «вонъ! Вы негодяй, вы безстыдникъ!» Однимъ словомъ, ясно было, что его выталкиваютъ. Я отворилъ дверь какъ разъ въ ту минуту, когда онъ выпрыгнулъ въ корридоръ отъ сосѣдокъ и, кажется, буквально, то есть руками выпихнутый ими. Увидавъ меня, онъ вдругъ закричалъ, на меня указывая:

— Вотъ сынъ Версилова! Если не вѣрите мнѣ, то вотъ сынъ его, его собственный сынъ! Пожалуйте! И онъ властно схватилъ меня за руку. — Это сынъ его, родной сынъ его! повторялъ онъ, подводя меня къ дамамъ и не прибавляя, впрочемъ, ничего больше для разъясненія.

Молодая женщина стояла въ корридорѣ, пожилая — на шагъ сзади ея въ дверяхъ. Я запомнилъ только, что эта бѣдная дѣвушка была недурна собой, лѣтъ двадцати, но худа и болѣзненнаго вида, рыжеватая и съ лица какъ-бы нѣсколько похожая на мою сестру: эта черта мнѣ мелькнула и уцѣлѣла въ моей памяти; только Лиза никогда не бывала и, ужь конечно, никогда и не могла быть въ такомъ гнѣвномъ изступленіи, въ которомъ стояла передо мной эта особа: губы ея были бѣлы, свѣтло-сѣрые глаза сверкали, она вся дрожала отъ негодованія. Помню тоже, что самъ я былъ въ чрезвычайно глупомъ и недостойномъ положеніи, потому что рѣшительно не нашелся что сказать, по милости этого нахала.

— Что-жь такое, что сынъ! Если онъ съ вами, то онъ негодяй. Если вы сынъ Версилова, обратилась она вдругъ ко мнѣ: — то передайте отъ меня вашему отцу, что онъ негодяй, что онъ недостойный безстыдникъ, что мнѣ денегъ его не надо... На-те, на-те, на-те, передайте сейчасъ ему эти деньги!

Она быстро вырвала изъ кармана нѣсколько кредитокъ, но пожилая (то есть ея мать, какъ оказалось послѣ) схватила ее за руку:

— Оля, да вѣдь, можетъ, и не правда, можетъ, они и не сынъ его!

Оля быстро посмотрѣла на нее, сообразила, посмотрѣла на меня презрительно, и

повернулась назадъ въ комнату, но прежде чѣмъ захлопнуть дверь, стоя на порогѣ, еще разъ прокричала въ изступленіи Стебелькову:

— Вонъ!

И даже топнула на него ногой. Затѣмъ дверь захлопнулась и уже заперлась на замокъ. Стебельковъ, все еще держа меня за плечо, поднявъ палецъ и, раздвинувъ ротъ въ длинную раздумчивую улыбку, уперся въ меня вопросительнымъ взглядомъ.

— Я нахожу вашъ поступокъ со мной смѣшнымъ и недостойнымъ, пробормоталъ я въ негодованіи.

Но онъ меня и не слушалъ, хотя и не сводилъ съ меня глазъ.

— Это-бы надо из-слѣ-довать! проговорилъ онъ раздумчиво.

— Но, однако, какъ вы смѣли вытянуть меня? Кто это такое? Что это за женщина? Вы схватили меня за плечо и подвели, — что тутъ такое?

— Э, чортъ! Лишенная невинности какая-то... «часто повторяющееся исключеніе» — вы слѣдите?

И онъ уперся было мнѣ въ грудь пальцемъ.

— Э, чортъ! отпихнулъ я его палецъ.

Но онъ вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, засмѣялся тихо, неслышно, долго, весело. Наконецъ, надѣлъ свою шляпу и, съ быстро перемѣнившимся и уже мрачнымъ лицомъ, замѣтилъ, нахмуривъ брови:

— А хозяйку надо-бы научить... надобы ихъ выгнать изъ квартиры, — вотъ что, и какъ можно скорѣй, а то онѣ тутъ... Вотъ увидите! Вотъ помяните мое слово, увидите! Э, чортъ! развеселился онъ вдругъ опять: — вы вѣдь Гришу дождетесь?

— Нѣтъ, не дождусь, отвѣчалъ я рѣшительно.

— Ну, и все едино...

И, не прибавивъ болѣе ни звука, онъ повернулся, вышелъ и направился внизъ по лѣстницѣ, не удостоивъ даже и взгляда очевидно поджидавшую разъясненія и извѣстій хозяйку. Я тоже взялъ шляпу и, попросивъ хозяйку передать, что былъ я, Долгорукій, побѣжалъ по лѣстницѣ.

III.

Я только потерялъ время. Выйдя, я тотчасъ пустился отыскивать квартиру; но я былъ разсѣянъ, пробродилъ нѣсколько часовъ по улицамъ и хоть зашелъ въ пять или шесть квартиръ отъ жильцовъ, но увѣренъ, что мимо двадцати прошелъ, не замѣтивъ ихъ. Къ еще пущей досадѣ, я и не воображалъ, что нанимать квартиры такъ трудно. Вездѣ комнаты, какъ Васинская, и даже гораздо хуже, а цѣны огромныя, то есть не по моему разсчету. Я прямо требовалъ угла, чтобъ только повернуться, и мнѣ презрительно давали знать, что въ такомъ случаѣ надо идти «въ углы». Кромѣ того, вездѣ множество странныхъ жильцовъ, съ которыми я ужь по одному виду ихъ не могъ-бы ужиться рядомъ, — даже заплатилъ-бы, чтобъ не жить рядомъ. Какіе-то господа безъ сюртуковъ, въ однихъ жилетахъ, съ растрепанными бородами, развязные и любопытные. Въ одной крошечной комнатѣ сидѣло ихъ человѣкъ десять за картами и за пивомъ, а рядомъ мнѣ предлагали комнату. Въ другихъ мѣстахъ я самъ, на разспросы хозяевъ, отвѣчалъ такъ нелѣпо, что на меня глядѣли съ удивленіемъ, а въ одной квартирѣ такъ даже поссорился. Впрочемъ, не описывать-же всѣхъ этихъ ничтожностей; я только хочу сказать, что, уставъ ужасно, я поѣлъ чего-то въ одной кухмистерской уже почти когда смерклось. У меня разрѣшилось окончательно, что я пойду отдамъ сейчасъ самъ и одинъ Версилову письмо о наслѣдствѣ (безъ всякихъ объясненій), захвачу сверху мои вещи въ чемоданъ и узелъ и переѣду на ночь хоть въ гостинницу. Въ концѣ Обуховскаго проспекта, у Тріумфальныхъ воротъ, я зналъ, есть постоялые дворы, гдѣ можно достать даже особую комнатку за тридцать копѣекъ; на одну ночь я рѣшился пожертвовать, только чтобъ не ночевать у Версилова. И вотъ, проходя уже мимо Технологическаго института, мнѣ вдругъ почему-то вздумалось зайдти къ Татьянѣ Павловнѣ, которая жила тутъ-же, напротивъ Технологическаго. Собственно предлогомъ зайдти было все то-же письмо о наслѣдствѣ, но непреодолимое мое побужде-

ніе зайдти, конечно, имѣло другія причины, которыхъ я, впрочемъ, не съумѣю и теперь разъяснить: тутъ была какая-то путаница въ умѣ о «грудномъ ребенкѣ», «объ исключеніяхъ, входящихъ въ общее правило». Хотѣлось-ли мнѣ разсказать, или порисоваться, или подраться, или даже заплакать — не знаю, только я поднялся къ Татьянѣ Павловнѣ. Я былъ у ней доселѣ всего лишь одинъ разъ, въ началѣ моего пріѣзда изъ Москвы, по какому-то порученію отъ матери, и, помню, зайдя и передавъ порученное, ушелъ черезъ минуту, даже и не присѣвъ, а она и не попросила.

Я позвонилъ, и мнѣ тотчасъ отворила кухарка и молча впустила меня въ комнаты. Именно нужны всѣ эти подробности, чтобъ можно было понять, какимъ образомъ могло произойдти такое съумасшедшее приключеніе, имѣвшее такое огромное вліяніе на все послѣдующее. И, во первыхъ, о кухаркѣ. Это была злобная и курносая чухонка, и, кажется, ненавидѣвшая свою хозяйку, Татьяну Павловну, а та, напротивъ, разстаться съ ней не могла по какому-то пристрастію, въ родѣ какъ у старыхъ дѣвъ къ старымъ мокроносымъ моськамъ или вѣчно спящимъ кошкамъ. Чухонка или злилась и грубила, или, поссорившись, молчала по недѣлямъ, тѣмъ наказывая барыню. Должно быть, я попалъ въ такой молчальный день, потому что она даже на вопросъ мой: «Дома-ли барыня?» который, я положительно помню, что задалъ ей, — не отвѣтила и молча прошла въ свою кухню. Я, послѣ этого, естественно увѣренный, что барыня дома, прошелъ въ комнату, и, не найдя никого, сталъ ждать, полагая, что Татьяна Павловна сейчасъ выйдетъ изъ спальни; иначе зачѣмъ-бы впустила меня кухарка? Я не садился и ждалъ минуты двѣ—три; почти уже смеркалось и темная квартирка Татьяны Павловны казалась еще непривѣтливѣе отъ безконечнаго, вездѣ развѣшаннаго ситца. Два слова про эту скверную квартиренку, чтобъ понять мѣстность, на которой произошло дѣло. Татьяна Павловна, по характеру своему, упрямому и повелительному, и вслѣдствіе старыхъ помѣщичьихъ пристрастій, не могла-бы ужиться въ меблированной комнатѣ отъ жильцовъ, и нанимала эту пародію на квартиру, чтобъ только быть особнякомъ и сама себѣ госпожей. Эти двѣ комнаты были точь въ точь двѣ канареечныя клѣтки, одна къ другой приставленныя, одна другой меньше, въ третьемъ этажѣ и окнами на дворъ. Входя въ квартиру, вы прямо вступали въ узенькій корридорчикъ, аршина въ полтора шириною; налѣво вышеозначенныя двѣ канареечныя клѣтки, а прямо по корридорчику, въ глубинѣ, входъ въ крошечную кухню. Полторы кубическихъ сажени необходимаго для человѣка на двѣнадцать часовъ воздуху, можетъ быть, въ этихъ комнаткахъ и было, но врядъ-ли больше. Были они до безобразія низки, но что глупѣе всего, — окна, двери, мебель, все, все было обвѣшано или убрано ситцемъ, прекраснымъ французскимъ ситцемъ, и отдѣлано фестончиками; но отъ этого комната казалась еще вдвое темнѣе и походила на внутренность дорожной кареты. Въ той комнатѣ, гдѣ я ждалъ, еще можно было повернуться, хотя все было загромождено мебелью, и, кстати, мебелью весьма не дурною: тутъ были разные столики, съ наборной работой, съ бронзовой отдѣлкой, ящики, изящный и даже богатый туалетъ. Но слѣдующая комнатка, откуда я ждалъ ея выхода, спальня, густо отдѣленная отъ этой комнаты занавѣсью, состояла, какъ оказалось послѣ, буквально изъ одной кровати. Всѣ эти подробности необходимы, чтобъ понять ту глупость, которую я сдѣлалъ.

Итакъ, я ждалъ и не сомнѣвался, какъ раздался звонокъ. Я слышалъ, какъ неторопливыми шагами прошла по корридорчику кухарка и молча, точь въ точь какъ и давеча меня, впустила вошедшихъ. Это были двѣ дамы и обѣ громко говорили, но каково-же было мое изумленіе, когда я, по голосу, узналъ въ одной Татьяну Павловну, а въ другой — именно ту женщину, которую всего менѣе приготовленъ былъ теперь встрѣтить, да еще при такой обстановкѣ! Ошибаться я не могъ: я слышалъ этотъ звучный, сильный, металлическій голосъ вчера, правда, всего три минуты, но онъ остался въ моей душѣ. Да,

это была «вчерашняя женщина». Что мнѣ было дѣлать? Я вовсе не читателю задаю этотъ вопросъ, я только представляю себѣ эту тогдашнюю минуту, и совершенно не въ силахъ даже и теперь объяснить, какимъ образомъ случилось, что я вдругъ бросился за занавѣску и очутился въ спальнѣ Татьяны Павловны. Короче, я спрятался и едва успѣлъ вскочить, какъ онѣ вошли. Почему я не пошелъ къ нимъ на встрѣчу, а спрятался — не знаю; все случилось нечаянно, въ высшей степени безотчетно.

Вскочивъ въ спальню и наткнувшись на кровать, я тотчасъ замѣтилъ, что есть дверь изъ спальни въ кухню, стало быть, былъ исходъ изъ бѣды и можно было убѣжать совсѣмъ, но — о, ужасъ! — дверь была заперта на замокъ, а въ щелкѣ ключа не было. Въ отчаяніи я опустился на кровать; мнѣ ясно представилось, что, стало быть, я теперь буду подслушивать, а уже по первымъ фразамъ, по первымъ звукамъ разговора, я догадался, что разговоръ ихъ секретный и щекотливый. О, конечно, честный и благородный человѣкъ долженъ былъ встать, даже и теперь, выйдти и громко сказать: «Я здѣсь, подождите!» и, не смотря на смѣшное положеніе свое, пройдти мимо; но я не всталъ и не вышелъ; не посмѣлъ, подлѣйшимъ образомъ струсилъ.

— Милая вы моя, Катерина Николаевна, глубоко вы меня огорчаете, умоляла Татьяна Павловна:—успокойтесь вы разъ навсегда, не къ вашему это даже характеру. Вездѣ, гдѣ вы, тамъ и радость, и вдругъ теперь... Да ужь въ меня-то вы, я думаю, продолжаете вѣрить: вѣдь знаете, какъ я вамъ предана. Вѣдь ужь не меньше, какъ и Андрею Петровичу, къ которому опять-таки вѣчной преданности моей не скрываю... Ну, такъ повѣрьте-же мнѣ, честью клянусь вамъ, нѣтъ этого документа въ рукахъ у него, а, можетъ быть, и совсѣмъ ни у кого нѣтъ; да и не способенъ онъ на такія пронырства, грѣхъ вамъ и подозрѣвать. Сами вы оба только сочинили себѣ эту вражду...

— Документъ есть, а онъ способенъ на все. И что-жь, вхожу вчера и первая встрѣча—ce petit espion, котораго онъ князю навязалъ.

— Эхъ, ce petit espion. Во первыхъ, вовсе и не espion, потому что это я, я его настояла къ князю помѣстить, а то онъ въ Москвѣ помѣшался-бы, или померъ съ голоду,—вотъ какъ его аттестовали оттуда; и главное, этотъ грубый мальчишка даже совсѣмъ дурачокъ, гдѣ ему быть шпіономъ?

— Да, какой-то дурачокъ, что̀, впрочемъ, не мѣшаетъ ему стать мерзавцемъ. Я только была въ досадѣ, а то-бы умерла вчера со смѣху: поблѣднѣлъ, подбѣжалъ, расшаркивается, по французски заговорилъ. А въ Москвѣ Марья Ивановна меня о немъ, какъ о геніи, увѣряла. Что несчастное письмо это цѣло и гдѣ-то находится въ самомъ опасномъ мѣстѣ—это я, главное, по лицу этой Марьи Ивановны заключила.

— Красавица вы моя! Да вѣдь вы сами-же говорите, что у ней нѣтъ ничего!

— То-то и есть, что есть; она только лжетъ, и какая это, я вамъ скажу, искусница! Еще до Москвы у меня все еще оставалась надежда, что не осталось никакихъ бумагъ, но тутъ, тутъ...

— Ахъ, милая, напротивъ, это, говорятъ, доброе и разсудительное существо, ее покойникъ выше всѣхъ своихъ племянницъ цѣнилъ. Правда, я ее не такъ знаю, но—вы-бы ее обольстили, моя красавица! Вѣдь побѣдить вамъ ничего не стоитъ, вѣдь я-же старуха—вотъ влюблена-же въ васъ и сейчасъ васъ цѣловать примусь... Ну, что̀-бы стоило вамъ ее обольстить!

— Обольщала, Татьяна Павловна, пробовала, въ восторгъ даже ее привела, да хитра ужь и она очень... Нѣтъ, тутъ цѣлый характеръ, и особый, московскій... И представьте, посовѣтовала мнѣ обратиться къ одному здѣшнему Крафту, бывшему помощнику у Андроникова, авось, дескать, онъ что̀ знаетъ. О Крафтѣ этомъ я уже имѣю понятіе и даже мелькомъ помню его; но какъ сказала она мнѣ про этого Крафта, тутъ только я и увѣрилась, что ей не просто неизвѣстно, а что она лжетъ и все знаетъ.

— Да почему-же, почему-же? А вѣдь, пожалуй, что и можно-бы у него справить-

ся! Этотъ нѣмецъ, Крафтъ, не болтунъ и, я помню, пречестный—право, разспроситьбы его! Только его, кажется, теперь въ Петербургѣ нѣтъ...

— О, вернулся еще вчера, я сейчасъ у него была... Я именно и пришла къ вамъ въ такой тревогѣ, у меня руки-ноги дрожатъ, я хотѣла васъ попросить, ангелъ мой, Татьяна Павловна, такъ какъ вы всѣхъ знаете, нельзя-ли узнать хоть въ бумагахъ его, потому что непремѣнно теперь отъ него остались бумаги, такъ къ кому-жь они теперь отъ него пойдутъ? Пожалуй, опять въ чьи нибудь опасныя руки попадутъ? Я вашего совѣта прибѣжала спросить.

— Да про какія вы это бумаги? не понимала Татьяна Павловна: — да вѣдь выже говорите, что сейчасъ сами были у Крафта?

— Была, была, сейчасъ была, да онъ застрѣлился! Вчера еще вечеромъ.

Я вскочилъ съ кровати. Я могъ высидѣть, когда меня называли шпіономъ и идіотомъ, и чѣмъ дальше онѣ уходили въ своемъ разговорѣ, тѣмъ менѣе мнѣ казалось возможнымъ появиться. Это было-бы невообразимо! Я рѣшилъ въ душѣ высидѣть, замирая, пока Татьяна Павловна выпроводитъ гостью, — (если на мое счастье сама не войдетъ раньше зачѣмъ нибудь въ спальню), а потомъ, какъ уйдетъ Ахмакова,—пусть тогда мы хоть подеремся съ Татьяной Павловной!.. Но вдругъ теперь, когда я, услышавъ о Крафтѣ, вскочилъ съ кровати, меня всего обхватило, какъ судорогой. Не думая ни о чемъ, не разсуждая и не воображая, я шагнулъ, поднялъ портьеру и очутился передъ ними обѣими. Еще было достаточно свѣтло для того, чтобъ меня разглядѣть, блѣднаго и дрожащаго... Обѣ вскрикнули. Да какъ и не вскрикнуть?

— Крафтъ? пробормоталъ я, обращаясь къ Ахмаковой: — застрѣлился? Вчера? На закатѣ солнца?

— Гдѣ ты былъ? Откуда ты? взвизгнула Татьяна Павловна и буквально вцѣпилась мнѣ въ плечо: — ты шпіонилъ? Ты подслушивалъ?

— Что я вамъ сейчасъ говорила? встала съ дивана Катерина Николаевна, указывая ей на меня.

Я вышелъ изъ себя.

— Ложь, вздоръ! прервалъ я ее неистово:— вы сейчасъ называли меня шпіономъ, о, Боже! Стоитъ-ли не только шпіонить, но даже и жить на свѣтѣ подлѣ такихъ какъ вы! Великодушный человѣкъ кончаетъ самоубійствомъ, Крафтъ застрѣлился — изъза идеи, изъ-за Гекубы... Впрочемъ, гдѣ вамъ знать про Гекубу!.. А тутъ — живи между вашихъ интригъ, валандайся около вашей лжи, обмановъ, подкоповъ... Довольно!

— Дайте ему въ щеку! Дайте ему въ щеку! прокричала Татьяна Павловна, а такъ какъ Катерина Николаевна хоть и смотрѣла на меня (я помню все до черточки), не сводя глазъ, но не двигалась съ мѣста, то Татьяна Павловна, еще мгновеніе, и навѣрно-бы сама исполнила свой совѣтъ, такъ что я невольно поднялъ руку, чтобъ защитить лицо; вотъ изъ-за этого-то движенія ей и показалось, что я самъ замахиваюсь.

— Ну, ударь, ударь! Докажи, что хамъ отъ роду: ты сильнѣе женщинъ, чего-жь церемониться!

— Довольно клеветы, довольно! закричалъ я.— Никогда я не поднималъ руки на женщину! Безстыдница вы, Татьяна Павловна, вы всегда меня презирали. О, съ людьми надо обращаться не уважая ихъ! Вы смѣетесь, Катерина Николаевна, вѣроятно, надъ моей фигурой; да, Богъ не далъ мнѣ фигуры, какъ у вашихъ адъютантовъ. И, однако-же, я чувствую себя не униженнымъ передъ вами, а, напротивъ, возвышеннымъ... Ну, все равно, какъ-бы ни выразиться, но только я не виноватъ! Я попалъ сюда нечаянно, Татьяна Павловна: виновата одна ваша чухонка, или, лучше сказать, ваше къ ней пристрастіе: зачѣмъ она мнѣ на мой вопросъ не отвѣтила, и прямо меня сюда привела? А потомъ, согласитесь сами, выскочить изъ спальни женщины мнѣ уже показалось до того монструознымъ, что я рѣшился скорѣе молча выносить ваши плевки, но не показываться... Вы опять смѣетесь, Катерина Николаевна?

— Пошелъ вонъ, пошелъ вонъ, иди вонъ! прокричала Татьяна Павловна, почти тол-

кая меня.— Не считайте ни во что̀ его вранье, Катерина Николаевна: я вамъ сказала, что оттуда его за помѣшаннаго аттестовали!

— За помѣшаннаго? Оттуда? Кто-бы это такой и откуда? Все равно, довольно. Катерина Николаевна! Клянусь вамъ всѣмъ, что̀ есть святаго, разговоръ этотъ и все, что̀ я слышалъ, останется между нами... Чѣмъ я виноватъ, что узналъ ваши секреты? Тѣмъ болѣе, что я кончаю мои занятія съ вашимъ отцомъ завтра-же, такъ что на счетъ документа, который вы розыскиваете, можете быть спокойны!

— Что̀ это?... Про какой документъ говорите вы? смутилась Катерина Николаевна, и даже до того, что поблѣднѣла, или, можетъ быть, такъ мнѣ показалось. Я понялъ, что слишкомъ уже много сказалъ.

Я быстро вышелъ; онѣ молча проводили меня глазами и въ высшей степени удивленіе было въ ихъ взглядѣ. Однимъ словомъ, я задалъ загадку...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Я спѣшилъ домой и — чудное дѣло — я былъ очень доволенъ собою. Такъ, конечно, не говорятъ съ женщинами, да еще съ такими женщинами,— вѣрнѣе сказать съ такою женщиной, потому что Татьяну Павловну я не считалъ. Можетъ быть, никакъ нельзя сказать въ лицо женщинѣ такого разряда: «наплевать на ваши интриги», но я сказалъ это и былъ именно этимъ-то и доволенъ. Не говоря о другомъ, я, по крайней мѣрѣ, былъ увѣренъ, что этимъ тономъ затеръ все смѣшное, бывшее въ моемъ положеніи. Но очень много думать объ этомъ было некогда: у меня въ головѣ сидѣлъ Крафтъ. Не то, чтобъ онъ меня такъ ужь очень мучилъ, но, всетаки, я былъ потрясенъ до основанія, и даже до того, что обыкновенное человѣческое чувство нѣкотораго удовольствія при чужомъ несчастіи, то есть когда кто сломаетъ ногу, потеряетъ честь, лишится любимаго существа и проч., даже обыкновенное это чувство подлаго удовлетворенія безслѣдно уступило во мнѣ другому, чрезвычайно цѣльному ощущенію, именно горю: сожалѣнію о Крафтѣ, то есть сожалѣнію-ли, не знаю, но какому-то весьма сильному и доброму чувству. И этимъ я былъ тоже доволенъ. Удивительно какъ много постороннихъ мыслей способно мелькнуть въ умѣ именно когда весь потрясенъ какимъ нибудь колоссальнымъ извѣстіемъ, которое, по настоящему, должно-бы было, кажется, задавить другія чувства и разогнать всѣ постороннія мысли, особенно мелкія, а мелкія-то, напротивъ, и лѣзутъ. Помню еще, что меня всего охватила мало по малу довольно чувствительная нервная дрожь, которая продолжалась нѣсколько минутъ, и даже все время, пока я былъ дома и объяснялся съ Версиловымъ.

Объясненіе это послѣдовало при странныхъ и необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Я уже упоминалъ, что мы жили въ особомъ флигелѣ на дворѣ; эта квартира была помѣчена тринадцатымъ номеромъ. Еще не войдя въ ворота, я услышалъ женскій голосъ, спрашивавшій у кого-то громко, съ нетерпѣніемъ и раздраженіемъ: «гдѣ квартира № 13?» Это спрашивала дама, тутъ-же близь воротъ, отворивъ дверь въ мелочную лавочку; но ей тамъ, кажется, ничего не отвѣтили, или даже прогнали, и она сходила съ крылечка внизъ, съ надрывомъ и злобой.

— Да гдѣ-же здѣсь дворникъ? прокричала она, топнувъ ногой. Я давно уже узналъ этотъ голосъ.

— Я иду въ квартиру № 13, подошелъ я къ ней: — кого угодно?

— Я уже цѣлый часъ ищу дворника, у всѣхъ спрашиваю, по всѣмъ лѣстницамъ взбиралась.

— Это на дворѣ. Вы меня не узнаете?

Но она уже узнала меня.

— Вамъ Версилова; вы имѣете до него дѣло, и я тоже, продолжалъ я: — я пришелъ съ нимъ распроститься на вѣки. Пойдемте.

— Вы его сынъ?

— Это ничего не значитъ. Впрочемъ, положимъ, что сынъ, хотя я Долгорукій, я незаконнорожденный. У этого господина бездна незаконнорожденныхъ дѣтей. Когда

требуютъ совѣсть и честь, и родной сынъ уходитъ изъ дому. Это еще въ Библіи. Къ тому-же онъ получилъ наслѣдство, а я не хочу раздѣлять его, и иду съ трудами рукъ моихъ. Когда надо, великодушный жертвуетъ даже жизнью; Крафтъ застрѣлился, Крафтъ, изъ-за идеи, представьте, молодой человѣкъ, подавалъ надежды... Сюда, сюда! Мы въ отдѣльномъ флигелѣ. А это еще въ Библіи дѣти отъ отцовъ уходятъ и свое гнѣздо основываютъ... Коли идея влечетъ... коли есть идея! Идея главное, въ идеѣ все...

Я ей болталъ въ этомъ родѣ все время, пока мы взбирались къ намъ. Читатель, вѣроятно, замѣчаетъ, что я себя не очень щажу и отлично, гдѣ надо, аттестую: я хочу выучиться говорить правду. Версиловъ былъ дома. Я вошелъ не сбросивъ пальто, она тоже. Одѣта она была ужасно жидко: на темномъ платьишкѣ болтался сверху лоскуточекъ чего-то, долженствовавшій изображать плащъ или мантилью; на головѣ у ней была старая, облупленная шляпка-матроска, очень ее не красившая. Когда мы вошли въ залу, мать сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ за работой, а сестра вышла поглядѣть изъ своей комнаты и остановилась въ дверяхъ. Версиловъ, по обыкновенію, ничего не дѣлалъ и поднялся намъ на встрѣчу; онъ уставился на меня строгимъ, вопросительнымъ взглядомъ.

— Я тутъ ни причемъ, поспѣшилъ я отмахнуться, и сталъ въ сторонкѣ: — я встрѣтилъ эту особу лишь у воротъ; она васъ розыскивала и никто не могъ ей указать. Я-же по своему собственному дѣлу, которое буду имѣть удовольствіе объяснить послѣ нихъ...

Версиловъ всетаки продолжалъ меня любопытно разглядывать.

— Позвольте, нетерпѣливо начала дѣвушка. Версиловъ обратился къ ней.

— Я долго думала, почему вамъ вздумалось оставить у меня вчера деньги... Я... однимъ словомъ... Вотъ ваши деньги! почти взвизгнула она, какъ давеча, и бросила пачку кредитокъ на столъ, — я васъ въ адресномъ столѣ должна была розыскивать, а то-бы раньше принесла. Слушайте, вы! повернулась она вдругъ къ матери, которая вся поблѣднѣла: — я не хочу васъ оскорблять, вы имѣете честный видъ и, можетъ быть, это даже ваша дочь. Я не знаю, жена-ли вы ему, но знайте, что этотъ господинъ вырѣзаетъ газетныя объявленія, гдѣ на послѣднія деньги публикуются гувернантки и учительницы, и ходитъ по этимъ несчастнымъ, отыскивая безчестной поживы и втягивая ихъ въ бѣду деньгами. Я не понимаю, какъ я могла взять отъ него вчера деньги: онъ имѣлъ такой честный видъ!.. Прочь, ни одного слова! Вы негодяй, милостивый государь! Если-бъ вы даже были и съ честными намѣреніями, то я не хочу вашей милостыни. Ни слова, ни слова! О, какъ я рада, что обличила васъ теперь передъ вашими женщинами! Будьте вы прокляты!

Она быстро выбѣжала, но съ порога повернулась на одно мгновеніе, чтобъ только крикнуть:

— Вы, говорятъ, наслѣдство получили!

И затѣмъ изчезла какъ тѣнь. Напоминаю еще разъ: это была изступленная. Версиловъ былъ глубоко пораженъ: онъ стоялъ какъ-бы задумавшись и что-то соображая; наконецъ, вдругъ повернулся ко мнѣ.

— Ты ее совсѣмъ не знаешь?

— Случайно давеча видѣлъ, какъ она бѣсновалась въ корридорѣ у Васина, визжала и проклинала васъ; но въ разговоры не вступалъ и ничего не знаю, а теперь встрѣтилъ у воротъ. Вѣроятно, это та самая вчерашняя учительница, «дающая уроки изъ ариѳметики»?

— Это та самая. Разъ въ жизни сдѣлалъ доброе дѣло и... А, впрочемъ, что у тебя?

— Вотъ это письмо, отвѣтилъ я. Объяснять считаю ненужнымъ: оно идетъ отъ Крафта, а тому досталось отъ покойнаго Андроникова. По содержанію узнаете. Прибавлю, что никто въ цѣломъ мірѣ не знаетъ теперь объ этомъ письмѣ, кромѣ меня, потому что Крафтъ, передавъ мнѣ вчера это письмо, только что я вышелъ отъ него, застрѣлился.

Пока я говорилъ, запыхавшись и торопясь, онъ взялъ письмо въ руки и, держа его въ лѣвой рукѣ на отлетъ, внимательно слѣдилъ за мной. Когда я объявилъ о са-

моубійствѣ Крафта, я съ особымъ вниманіемъ всмотрѣлся въ его лицо, чтобъ увидѣть эффектъ. И что-же?—Извѣстіе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія: даже хоть-бы брови поднялъ! Напротивъ, видя, что я остановился, вытащилъ свой лорнетъ, никогда не оставлявшій его и висѣвшій на черной лентѣ, поднесъ письмо къ свѣчкѣ и, взглянувъ на подпись, пристально сталъ разбирать его. Не могу выразить, какъ я былъ даже обиженъ этимъ высокомѣрнымъ безчувствіемъ. Онъ очень хорошо долженъ былъ знать Крафта: къ тому-же всетаки такое необыкновенное извѣстіе! Наконецъ, мнѣ, натурально, хотѣлось, чтобъ оно производило эффектъ. Подождавъ съ полминуты и зная, что письмо длинно, я повернулся и вышелъ. Чемоданъ мой былъ давно готовъ, оставалось упрятать лишь нѣсколько вещей въ узелъ. Я думалъ о матери и что такъ и не подошелъ къ ней. Черезъ десять минутъ, когда уже я былъ совсѣмъ готовъ и хотѣлъ идти за извощикомъ, вошла въ мою свѣтелку сестра.

— Вотъ мама посылаетъ тебѣ твои шестьдесятъ рублей и опять проситъ извинить ее за то, что сказала про нихъ Андрею Петровичу, да еще двадцать рублей. Ты далъ вчера за содержаніе свое пятьдесятъ; мама говоритъ, что больше тридцати съ тебя никакъ нельзя взять, потому что пятидесяти на тебя не вышло, и двадцать рублей посылаетъ сдачи.

— Ну, и спасибо если только она говоритъ правду. Прощай сестра, ѣду!

— Куда ты теперь?

— Пока на постоялый дворъ, чтобъ только не ночевать въ этомъ домѣ. Скажи мамѣ, что я люблю ее.

— Она это знаетъ. Она знаетъ, что ты и Андрея Петровича тоже любишь. Какъ тебѣ не стыдно, что ты эту несчастную привелъ!

— Клянусь тебѣ, не я: я ее у воротъ встрѣтилъ.

— Нѣтъ, это ты привелъ.

— Увѣряю тебя...

— Подумай, спроси и увидишь, что и ты былъ причиною.

— Я только очень радъ былъ, что осрамили Версилова. Вообрази, у него грудной ребенокъ отъ Лидіи Ахмаковой... впрочемъ, что-жь я тебѣ говорю.

— У него? Грудной ребенокъ? Но это не его ребенокъ! Откуда ты слышалъ такую неправду?

— Ну гдѣ тебѣ знать.

— Мнѣ-то не знать? Да я-же и няньчила этого ребенка въ Лугѣ. Слушай, братъ: я давно вижу, что ты совсѣмъ ни про что не знаешь, а, между тѣмъ, оскорбляешь Андрея Петровича — ну, и маму тоже.

— Если онъ правъ, то я буду виноватъ, вотъ и все, а васъ я не меньше люблю. Отчего ты такъ покраснѣла, сестра? Ну вотъ, еще пуще теперь! Ну, хорошо, а, всетаки, я этого князька на дуэль вызову за пощечину Версилову въ Эмсѣ. Если Версиловъ былъ правъ съ Ахмаковой, такъ тѣмъ паче.

— Братъ, опомнись, что ты!

— Благо въ судѣ теперь дѣло кончено... Ну вотъ, теперь поблѣднѣла.

— Да князь и не пойдетъ съ тобой, улыбнулась сквозь испугъ блѣдною улыбкой Лиза.

— Тогда я публично осрамлю его. Что съ тобой, Лиза?

Она до того поблѣднѣла, что не могла стоять на ногахъ и опустилась на диванъ.

— Лиза! послышался снизу зовъ матери.

Она оправилась и встала; она ласково мнѣ улыбалась.

— Братъ, оставь эти пустяки или пережди до времени, пока многое узнаешь: ты ужасно какъ мало знаешь.

— Я буду помнить, Лиза, что ты поблѣднѣла, когда услышала, что я пойду на дуэль.

— Да, да, вспомни и объ этомъ! улыбнулась она еще разъ на прощанье, и сошла внизъ.

Я призвалъ извощика и, съ его помощью, вытащилъ изъ квартиры мои вещи. Никто изъ домашнихъ не противорѣчилъ мнѣ и не остановилъ меня. Я не зашелъ проститься съ матерью, чтобъ не встрѣтиться съ Версиловымъ. Когда я уже усѣлся на извощика, у меня вдругъ мелькнула мысль:

— На Фонтанку, къ Семеновскому мосту, скомандовалъ я внезапно и отправился опять къ Васину.

II.

Мнѣ вдругъ подумалось, что Васинъ уже знаетъ о Крафтѣ и, можетъ быть, во сто разъ больше меня; точно такъ и вышло. Васинъ тотчасъ-же и обязательно мнѣ сообщилъ всѣ подробности безъ большаго, впрочемъ, жару; я заключилъ, что онъ утомился, да и впрямь такъ было. Онъ самъ былъ утромъ у Крафта. Крафтъ застрѣлился изъ револьвера (изъ того самаго) вчера, уже въ полныя сумерки, что явствовало изъ его дневника. Послѣдняя отмѣтка сдѣлана была въ дневникѣ передъ самымъ выстрѣломъ, и онъ замѣчаетъ въ ней, что пишетъ почти въ темнотѣ, едва разбирая буквы; свѣчку-же зажечь не хочетъ, боясь оставить послѣ себя пожаръ. «А зажечь, чтобъ предъ выстрѣломъ опять потушить, какъ и жизнь мою, не хочу» — странно прибавилъ онъ чуть не въ послѣдней строчкѣ. Этотъ предсмертный дневникъ свой онъ затѣялъ еще третьяго дня, только что воротился въ Петербургъ, еще до визита къ Дергачеву; послѣ-же моего ухода вписывалъ въ него каждыя четверть часа; самыя-же послѣднія три—четыре замѣтки записывалъ въ каждыя пять минутъ. Я громко удивился тому, что Васинъ, имѣя этотъ дневникъ столько времени передъ глазами (ему дали прочитать его), не снялъ копіи, тѣмъ болѣе, что было не болѣе листа кругомъ и замѣтки все короткія, — «хотя-бы послѣднюю-то страничку!» Васинъ съ улыбкою замѣтилъ мнѣ, что онъ и такъ помнитъ, притомъ: замѣтки безъ всякой системы, о всемъ, что̀ на умъ взбредетъ. Я сталъ было убѣждать, что это-то въ данномъ случаѣ и драгоцѣнно, но бросилъ и сталъ приставать, чтобъ онъ что нибудь припомнилъ, и онъ припомнилъ нѣсколько строкъ, примѣрно за часъ до выстрѣла, о томъ «что его знобитъ»: «что онъ, чтобы согрѣться, думалъ было выпить рюмку, но мысль, что отъ этого, пожалуй, сильнѣе кровоизліяніе — остановила его». Все почти въ этомъ родѣ, заключилъ Васинъ.

— И это вы называете пустяками! воскликнулъ я.

— Гдѣ-же я называлъ? Я только не снялъ копіи. Но хоть и не пустяки, а дневникъ, дѣйствительно, довольно обыкновенный, или, вѣрнѣе, естественный, то есть именно такой, какой долженъ быть въ этомъ случаѣ...

— Но вѣдь послѣднія мысли, послѣднія мысли!

— Послѣднія мысли иногда бываютъ чрезвычайно ничтожны. Одинъ такой-же самоубійца именно жалуется въ такомъ-же своемъ дневникѣ, что въ такой важный часъ, хоть-бы одна «высшая мысль» посѣтила его, а напротивъ, все такія мелкія и пустыя.

— И о томъ, что̀ знобитъ, тоже пустая мысль?

— То есть вы собственно про ознобъ или про кровоизліяніе? Между тѣмъ, фактъ извѣстенъ, что очень многіе изъ тѣхъ, которые въ силахъ думать о своей предстоящей смерти, самовольной или нѣтъ, весьма часто наклонны заботиться о благообразіи вида, въ какомъ останется ихъ трупъ. Въ этомъ смыслѣ и Крафтъ побоялся излишняго кровоизліянія.

— Я не знаю, извѣстенъ-ли этотъ фактъ... и такъ-ли это, пробормоталъ я: — но я удивляюсь, что вы считаете это все такъ естественнымъ, а, между тѣмъ, давно-ли Крафтъ говорилъ, волновался, сидѣлъ между нами? Неужто вамъ хоть не жаль его?

— О, конечно, жалко, и это совсѣмъ другое дѣло; но, во всякомъ случаѣ, самъ Крафтъ изобразилъ смерть свою въ видѣ логическаго вывода. Оказывается, что все, что̀ говорили вчера у Дергачева о немъ, справедливо: послѣ него осталась вотъ эта-кая тетрадь ученыхъ выводовъ о томъ, что русскіе — порода людей второстепенная, на основаніи френологіи, краніологіи и даже математики, и что, стало быть, въ качествѣ русскаго, совсѣмъ не стоитъ жить. Если хотите, тутъ характернѣе всего то, что можно сдѣлать логическій выводъ какой угодно; но взять и застрѣлиться вслѣдствіе вывода — это, конечно, не всегда бываетъ.

— По крайней мѣрѣ, надобно отдать честь характеру.

— Можетъ быть, и не одному этому, уклончиво замѣтилъ Васинъ, но ясно, что

онъ подразумѣвалъ глупость или слабость разсудка. Меня все это раздражало.

— Вы сами говорили вчера про чувства, Васинъ.

— Не отрицаю и теперь; но въ виду совершившагося факта, что-то до того представляется въ немъ грубо ошибочнымъ, что суровый взглядъ на дѣло по неволѣ какъ-то вытѣсняетъ даже и самую жалость.

— Знаете что̀: я по вашимъ глазамъ еще давеча догадался, что вы будете хулить Крафта, и чтобы не слышать хулы, положилъ не добиваться вашего мнѣнія; но вы его сами высказали и я по неволѣ принужденъ согласиться съ вами; а между тѣмъ я недоволенъ вами! Мнѣ жаль Крафта.

— Знаете, мы далеко зашли...

— Да, да, перебилъ я: — но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что всегда въ такихъ случаяхъ оставшіеся въ живыхъ, судьи покойнаго, могутъ сказать про себя: «хоть и застрѣлился человѣкъ, достойный всякаго сожалѣнія и снисхожденія, но все-же остались мы, а, стало быть, тужить много нечего».

— Да, разумѣется, если съ такой точки... Ахъ, да вы, кажется, пошутили! И преумно. Я въ это время пью чай и сейчасъ прикажу: вы, вѣроятно, сдѣлаете компанію.

И онъ вышелъ, обмѣривъ глазами мой чемоданъ и узелъ.

Мнѣ, дѣйствительно, захотѣлось было сказать что нибудь позлѣе, въ отместку за Крафта; я и сказалъ какъ удалось; но любопытно, что онъ принялъ было сначала мою мысль о томъ, что «остались такіе, какъ мы», за серіозную. Но такъ или нѣтъ, а всетаки онъ во всемъ былъ правѣе меня, даже въ чувствахъ. Сознался я въ этомъ безъ всякаго неудовольствія, но рѣшительно почувствовалъ, что не люблю его.

Когда внесли чай, я объяснилъ ему, что попрошу его гостепріимства всего только на одну ночь, и что если нельзя, то пусть скажетъ и я переѣду на постоялый дворъ. Затѣмъ вкратцѣ изложилъ мои причины, выставивъ прямо и просто, что поссорился съ Версиловымъ окончательно, не вдаваясь при этомъ въ подробности. Васинъ выслушалъ внимательно, но безъ всякаго волненія. Вообще, онъ отвѣчалъ только на вопросы, хотя отвѣчалъ радушно и въ достаточной полнотѣ. Про письмо-же, съ которымъ я приходилъ къ нему давеча просить совѣта—я совсѣмъ умолчалъ; а давешнее посѣщеніе мое объяснилъ какъ простой визитъ. Давъ слово Версилову, что письмо это, кромѣ меня, никому не будетъ извѣстно, я почелъ уже себя не въ правѣ объявлять о немъ кому-бы то ни было. Мнѣ особенно почему-то противно стало сообщать объ иныхъ дѣлахъ Васину. Объ иныхъ, но не о другихъ: мнѣ всетаки удалось заинтересовать его разсказами о давешнихъ сценахъ въ корридорѣ и у сосѣдокъ, кончившихся въ квартирѣ Версилова. Онъ выслушалъ чрезвычайно внимательно, особенно о Стебельковѣ. О томъ, какъ Стебельковъ разспрашивалъ про Дергачева, онъ заставилъ повторить два раза и даже задумался; впрочемъ, всетаки подъ конецъ усмѣхнулся. Мнѣ вдругъ въ это мгновеніе показалось, что Васина ничто и никогда не можетъ поставить въ затрудненіе; впрочемъ, первая мысль объ этомъ, я помню, представилась мнѣ въ весьма лестной для него формѣ.

— Вообще, я не могъ многаго извлечь изъ того, что говорилъ господинъ Стебельковъ, заключилъ я о Стебельковѣ:—онъ какъ-то сбивчиво говоритъ... и какъ будто въ немъ что-то такое легкомысленное...

Васинъ тотчасъ-же сдѣлалъ серіозный видъ.

— Онъ, дѣйствительно, даромъ слова не владѣетъ, но только съ перваго взгляда ему удавалось дѣлать чрезвычайно мѣткія замѣчанія и вообще—это болѣе люди дѣла, аферы, чѣмъ обобщающей мысли; ихъ надо съ этой точки судить...

Точь въ точь какъ я угадалъ давеча.

— Однако-жь, онъ ужасно набунтовалъ у вашихъ сосѣдокъ и Богъ знаетъ чѣмъ-бы могло кончиться.

О сосѣдкахъ Васинъ сообщилъ, что живутъ онѣ здѣсь недѣли съ три, и откуда-то пріѣхали изъ провинціи; что комнатка у нихъ чрезвычайно маленькая и, по всему видно, что онѣ очень бѣдны, что онѣ

сидятъ и чего-то ждутъ. Онъ не зналъ, что молодая публиковалась въ газетахъ какъ учительница, но слышалъ, что къ нимъ приходилъ Версиловъ; это было въ его отсутствіе, а ему передала хозяйка. Сосѣдки, напротивъ, всѣхъ чуждаются и даже самой хозяйки. Въ послѣдніе самые дни и онъ сталъ замѣчать, что у нихъ дѣйствительно что-то неладно, но такихъ сценъ, какъ сегодня, не было. Всѣ эти наши толки о сосѣдкахъ я припоминаю въ виду послѣдствій; у самихъ-же сосѣдокъ за дверью въ это время царствовала мертвая тишина. Съ особеннымъ интересомъ выслушалъ Васинъ, что Стебельковъ предполагалъ необходимымъ поговорить на счетъ сосѣдокъ съ хозяйкой, и что повторилъ два раза: «Вотъ увидите, вотъ увидите!» И увидите, прибавилъ Васинъ: — что ему пришло это въ голову не даромъ; у него, на этотъ счетъ, презоркій взглядъ.

— Что-жь, по вашему, посовѣтовать хозяйкѣ ихъ выгнать?

— Нѣтъ, я не про то, чтобъ выгнать, а чтобы не вышло какой исторіи... Впрочемъ, всѣ этакія исторіи, такъ или этакъ, но кончаются... Оставимъ это.

На счетъ-же посѣщенія сосѣдокъ Версиловымъ, онъ рѣшительно отказался дать заключеніе.

— Все можетъ быть; человѣкъ почувствовалъ въ карманѣ у себя деньги... Впрочемъ, вѣроятно и то, что онъ просто подалъ милостыню; это — въ его преданіяхъ, а, можетъ быть, и въ наклонностяхъ.

Я разсказалъ, что Стебельковъ болталъ давеча про «груднаго ребенка».

— Стебельковъ, въ этомъ случаѣ, совершенно ошибается, съ особенною серіозностью и съ особеннымъ удареніемъ произнесъ Васинъ (и это я слишкомъ запомнилъ). Стебельковъ, продолжалъ онъ: — слишкомъ ввѣряется иногда своему практическому здравомыслію, а потому и спѣшитъ сдѣлать выводъ сообразно съ своей логикой, нерѣдко весьма проницательной; между тѣмъ, происшествіе можетъ имѣть на дѣлѣ гораздо болѣе фантастическій и неожиданный колоритъ, взявъ во вниманіе дѣйствующихъ лицъ. Такъ случилось и тутъ; зная дѣло отчасти, онъ заключилъ, что ребенокъ принадлежитъ Версилову; и, однако, ребенокъ не отъ Версилова.

Я пристalъ къ нему, и вотъ что̀ узналъ къ большому моему удивленію: ребенокъ былъ отъ князя Сергѣя Сокольскаго. Лидія Ахмакова, вслѣдствіе-ли болѣзни, или просто по фантастичности характера, дѣйствовала иногда, какъ помѣшанная. Она увлеклась княземъ еще до Версилова, а князь «не затруднился принять ея любовь», выразился Васинъ. Связь продолжалась мгновеніе: они, какъ уже извѣстно, поссорились, и Лидія прогнала отъ себя князя, «чему, кажется, тотъ былъ радъ». Это была очень странная дѣвушка, прибавилъ Васинъ: — очень даже можетъ быть, что она не всегда была въ совершенномъ разсудкѣ. Но, уѣзжая въ Парижъ, князь совсѣмъ не зналъ, въ какомъ положеніи оставилъ свою жертву, не зналъ до самаго конца, до своего возвращенія. Версиловъ, сдѣлавшись другомъ молодой особы, предложилъ бракъ съ собой, именно въ виду обозначившагося обстоятельства (котораго, кажется, и родители не подозрѣвали почти до конца). Влюбленная дѣвушка была въ восторгѣ, и въ предложеніи Версилова «видѣла не одно только его самопожертвованіе», которое тоже, впрочемъ, цѣнила. «Впрочемъ, ужь, конечно, онъ съумѣлъ это сдѣлать», прибавилъ Васинъ. Ребенокъ (дѣвочка) родился за мѣсяцъ или за шесть недѣль раньше сроку, былъ помѣщенъ гдѣ-то въ Германіи-же, но потомъ Версиловымъ взятъ обратно и теперь гдѣ-то въ Россіи, можетъ быть, въ Петербургѣ.

— А фосфорныя спички?

— Про это я ничего не знаю, заключилъ Васинъ. — Лидія Ахмакова умерла недѣли двѣ спустя послѣ своего разрѣшенія: что̀ тутъ случилось — не знаю. Князь, только лишь возвратясь изъ Парижа, узналъ, что былъ ребенокъ, и, кажется, сначала не повѣрилъ, что отъ него... Вообще, эту исторію со всѣхъ сторонъ держатъ въ секретѣ даже до сихъ поръ.

— Но каковъ-же этотъ князь! вскричалъ я въ негодованіи. — Каковъ поступокъ съ больной дѣвушкой!

— Она не была тогда еще такъ боль-

на... Притомъ она сама прогнала его... Правда, онъ, можетъ быть, излишне поспѣшилъ воспользоваться своей отставкой.

— Вы оправдываете такого подлеца.

— Нѣтъ, я только не называю его подлецомъ. Тутъ много другаго, кромѣ прямой подлости. Вообще, это дѣло довольно обыкновенное.

— Скажите, Васинъ, вы знали его коротко? Мнѣ особенно хотѣлось-бы довѣриться вашему мнѣнію, въ виду одного, очень касающагося меня обстоятельства.

Но тутъ Васинъ отвѣчалъ какъ-то слишкомъ ужь сдержанно. Князя онъ зналъ, но при какихъ обстоятельствахъ съ нимъ познакомился — съ видимымъ намѣреніемъ умолчалъ. Далѣе сообщилъ, что по характеру своему онъ достоинъ нѣкотораго снисхожденія. «Онъ полонъ честныхъ наклонностей и впечатлителенъ, но не обладаетъ ни разсудкомъ, ни силою воли, чтобы достаточно управлять своими желаніями». Это—человѣкъ необразованный; множество идей и явленій ему не по силамъ, а между тѣмъ онъ на нихъ бросается. Онъ, напримѣръ, будетъ вамъ навязчиво утверждать въ такомъ родѣ: «Я князь и происхожу отъ Рюрика; но почему мнѣ не быть сапожнымъ подмастерьемъ, если надо заработывать хлѣбъ, а къ другому занятію я неспособенъ? На вывѣскѣ будетъ; «сапожникъ князь такой-то» — даже благородно. Скажетъ и сдѣлаетъ — вотъ вѣдь главное, прибавилъ Васинъ; — а между тѣмъ тутъ совсѣмъ не сила убѣжденія, а лишь одна самая легкомысленная впечатлительность. Зато потомъ несомнѣнно придетъ и раскаяніе, и тогда онъ всегда готовъ на какую нибудь совершенно обратную крайность; въ томъ и вся жизнь. Въ нашъ вѣкъ много людей попались въ просакъ такимъ образомъ, заключилъ Васинъ: — именно тѣмъ, что родились въ наше время.

Я невольно задумался.

— Правда-ли, что онъ прежде изъ полка былъ выгнанъ? справился я.

— Я не знаю, выгнанъ-ли, но онъ оставилъ полкъ, въ самомъ дѣлѣ, по непріятностямъ. Вамъ извѣстно, что онъ прошлаго года осенью, именно будучи въ отставкѣ, мѣсяца два или три прожилъ въ Лугѣ?

— Я... я знаю, что вы тогда жили въ Лугѣ.

— Да, нѣкоторое время и я. Князь тоже былъ знакомъ и съ Лизаветой Макаровной.

— Да? Не зналъ я. Признаюсь, я такъ мало разговаривалъ съ сестрой... Но неужели онъ былъ принятъ въ домѣ у моей матери? вскричалъ я.

— О, нѣтъ: онъ былъ слишкомъ отдаленно знакомъ, черезъ третій домъ.

— Да, бишь, что̀ мнѣ говорила сестра про этого ребенка? Развѣ и ребенокъ былъ въ Лугѣ?

— Нѣкоторое время.

— А теперь гдѣ?

— Непремѣнно въ Петербургѣ.

— Никогда въ жизни не повѣрю, вскричалъ я въ чрезвычайномъ волненіи: — чтобы мать моя хоть чѣмъ нибудь участвовала въ этой исторіи, съ этой Лидіей!

— Въ этой исторіи, кромѣ всѣхъ этихъ интригъ, которыхъ я не берусь разбирать, собственно роль Версилова не имѣла въ себѣ ничего особенно предосудительнаго, замѣтилъ Васинъ, снисходительно улыбаясь. Ему, кажется, становилось тяжело со мной говорить, но онъ только не показывалъ вида.

— Никогда, никогда не повѣрю, чтобы женщина, вскричалъ я опять: —могла уступить своего мужа другой женщинѣ, этому я не повѣрю!.. Клянусь, что моя мать въ томъ не участвовала!

— Кажется, однако, не противорѣчила?

— Я-бы изъ гордости одной на ея мѣстѣ не противорѣчилъ!

— Съ моей стороны, я совершенно отказываюсь судить въ этакомъ дѣлѣ, заключилъ Васинъ.

Дѣйствительно, Васинъ, при всемъ своемъ умѣ, можетъ быть, ничего не смыслилъ въ женщинахъ, такъ что цѣлый циклъ идей и явленій оставался ему неизвѣстенъ. Я замолчалъ. Васинъ временно служилъ въ одномъ акціонерномъ обществѣ и я зналъ, что онъ бралъ себѣ занятія на домъ. На мой настойчивый вопросъ онъ сознался, что у него есть и теперь занятіе — счеты, и я съ жаромъ попросилъ его со мной не церемониться. Это, кажется, доставило ему

удовольствіе; но, прежде чѣмъ сѣсть за бумаги, онъ принялся устраивать мнѣ на диванѣ постель. Первоначально уступалъ мнѣ кровать, но когда я не согласился, то, кажется, тоже остался доволенъ. У хозяйки достали подушку и одѣяло; Васинъ былъ чрезвычайно вѣжливъ и любезенъ, но мнѣ какъ-то тяжело было глядѣть, что — такъ изъ-за меня хлопочетъ. Мнѣ больше понравилось, когда я разъ, недѣли три тому, заночевалъ нечаянно на Петербургской у Ефима. Помню, какъ онъ стряпалъ мнѣ тогда постель, тоже на диванѣ и потихоньку отъ тетки, предполагая почему-то, что та разсердится, узнавъ, что къ нему ходятъ ночевать товарищи. Мы очень смѣялись, вмѣсто простыни постлали рубашку, а вмѣсто подушки сложили пальто. Помню, какъ Звѣревъ, окончивъ работу, съ любовью щелкнулъ по дивану и проговорилъ мнѣ:

— Vous dormirez comme un petit roi.

И глупая веселость его, и французская фраза, которая шла къ нему какъ къ коровѣ сѣдло, сдѣлали то, что я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ выспался тогда у этого шута. Что-же до Васина, то я чрезвычайно былъ радъ, когда онъ усѣлся, наконецъ, ко мнѣ спиной за свою работу. Я развалился на диванѣ и, смотря ему въ спину, продумалъ долго и о многомъ.

III.

Да и было о чемъ. На душѣ моей было очень смутно, а цѣлаго не было; но нѣкоторыя ощущенія выдавались очень опредѣленно, хотя ни одно не увлекало меня за собою вполнѣ, вслѣдствіе ихъ обилія. Все какъ-то мелькало безъ связи и очереди, а самому мнѣ, помню, совсѣмъ не хотѣлось останавливаться на чемъ нибудь, или заводить очередь. Даже идея о Крафтѣ непримѣтно отошла на второй планъ. Всего болѣе волновало меня мое собственное положеніе, что вотъ уже я «порвалъ», и чемоданъ мой со мной, и я не дома, и началъ совсѣмъ все новое. Точно до сихъ поръ всѣ мои намѣренія и приготовленія были въ шутку, а только «теперь вдругъ и, главное, *внезапно*, все началось уже въ самомъ дѣлѣ». Эта идея бодрила меня и, какъ ни смутно было на душѣ моей отъ многаго, веселила меня. Но... но были и другія ощущенія; одному изъ нихъ особенно хотѣлось выдѣлиться передъ прочими и овладѣть душой моей и, странно, это ощущеніе тоже бодрило меня, какъ будто вызывало на что-то ужасно веселое. А началось, однако, со страху: я боялся, уже давно, съ самаго давеча, что въ жару и врасплохъ слишкомъ проговорился Ахмаковой про документъ. «Да, я слишкомъ много сказалъ, думалъ я, и, пожалуй, онѣ о чемъ нибудь догадаются... бѣда! Разумѣется, онѣ мнѣ не дадутъ покоя, если станутъ подозрѣвать, но... пусть! Пожалуй, и не найдутъ меня— спрячусь! А что, если и въ самомъ дѣлѣ начнутъ за мною бѣгать... И вотъ мнѣ начало припоминаться до послѣдней черточки и съ наростающимъ удовольствіемъ, какъ я стоялъ давеча передъ Катериной Николаевной и какъ ея дерзкіе, но удивленные ужасно глаза смотрѣли на меня въ упоръ. Я и выйдя оставилъ ее въ этомъ удивленіи, припомнилъ я; «глаза ея, однако, не совсѣмъ черные... рѣсницы лишь очень черны, оттого и глаза кажутся такъ темны»...

И вдругъ, помню, мнѣ стало ужасно омерзительно вспоминать... и досадно, и тошно, и на нихъ, и на себя. Я въ чемъ-то упрекалъ себя и старался думать о другомъ. «Почему у меня нѣтъ ни малѣйшаго негодованія на Версилова за исторію съ сосѣдкой?» пришло мнѣ вдругъ въ голову. Съ моей стороны, я твердо былъ убѣжденъ, что онъ съигралъ тутъ любовную роль и приходилъ съ тѣмъ, чтобъ повеселиться, но собственно это не возмущало меня. Мнѣ даже казалось, что иначе его и представить нельзя, и хоть я и въ самомъ дѣлѣ былъ радъ, что его осрамили, но не винилъ его. Мнѣ не то было важно; мнѣ важно было то, что онъ такъ озлобленно посмотрѣлъ на меня, когда я вошелъ съ сосѣдкой, такъ посмотрѣлъ, какъ никогда. «Наконецъ-то и онъ посмотрѣлъ на меня *серіозно!*» подумалъ я съ замираніемъ сердца. О, если-бъ я не любилъ его, я-бы не обрадовался такъ его ненависти!

Наконецъ, я задремалъ и совсѣмъ заснулъ. Помню лишь сквозь сонъ, какъ Васинъ, кончивъ занятіе, аккуратно убрался и, пристально посмотрѣвъ на мой диванъ, раздѣлся и потушилъ свѣчу. Былъ первый часъ пополуночи.

IV.

Почти ровно черезъ два часа я вскочилъ съ просонья какъ полоумный и сѣлъ на моемъ диванѣ. Изъ-за двери къ сосѣдкамъ раздавались страшные крики, плачъ и вой. Наша дверь отворена была настежь, а въ корридорѣ, уже освѣщенномъ, кричали и бѣгали люди. Я крикнулъ было Васина, но догадался, что его уже нѣтъ на постели. Не зная, гдѣ найдти спички, я нашарилъ мое платье и сталъ, торопясь, въ темнотѣ одѣваться. Къ сосѣдкамъ, очевидно, сбѣжались и хозяйка, а, можетъ быть, и жильцы. Вопилъ, впрочемъ, одинъ голосъ, именно пожилой сосѣдки, а вчерашній молодой голосъ, который я слишкомъ хорошо запомнилъ — совсѣмъ молчалъ; помню, что мнѣ это, съ первой мысли, пришло тогда въ голову. Не успѣлъ я еще одѣться, какъ поспѣшно вошелъ Васинъ; мигомъ, знакомой рукой, отыскалъ спички и освѣтилъ комнату. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, въ халатѣ и въ туфляхъ и тотчасъ принялся одѣваться.

— Что случилось? крикнулъ я ему.

— Пренепріятное и прехлопотливое дѣло! отвѣтилъ онъ почти злобно: — эта молодая сосѣдка, про которую вы разсказывали, у себя въ комнатѣ повѣсилась.

Я такъ и закричалъ. Передать не могу, до какой степени заныла душа моя! Мы выбѣжали въ корридоръ. Признаюсь, я не осмѣлился войдти къ сосѣдкамъ и уже потомъ только увидѣлъ несчастную, уже когда ее сняли, да и тутъ, правда, съ нѣкотораго разстоянія, накрытую простыней, изъ-за которой выставлялись двѣ узенькія подошвы ея башмаковъ. Такъ и не заглянулъ почему-то въ лицо. Мать была въ страшномъ положеніи: съ нею была наша хозяйка, довольно мало, впрочемъ, испуганная. Всѣ жильцы квартиры толпились тутъ-же. Ихъ было немного: всего одинъ пожилой морякъ, всегда очень ворчливый и требовательный, и который, однако, теперь совсѣмъ притихъ, и какіе-то пріѣзжіе изъ Тверской губерніи, старикъ и старуха, мужъ и жена, довольно почтенные и чиновные люди. Не стану описывать всей этой остальной ночи, хлопотъ, а потомъ и оффиціальныхъ визитовъ; вплоть до разсвѣта я буквально дрожалъ мелкою дрожью и считалъ обязанностью не ложиться, хотя, впрочемъ, ничего не дѣлалъ. Да и всѣ имѣли чрезвычайно бодрый видъ, даже какой-то особенно ободренный. Васинъ даже ѣздилъ куда-то. Хозяйка оказалась довольно почтенною женщиной, гораздо лучше, чѣмъ я предполагалъ ее. Я убѣдилъ ее (и вмѣняю себѣ это въ честь), что мать оставить нельзя такъ, одну съ трупомъ дочери, и что хоть до завтра пусть-бы она ее перевела въ свою комнату. Та тотчасъ согласилась и, какъ ни билась и ни плакала мать, отказываясь оставить трупъ, однако, всетаки, наконецъ, перешла къ хозяйкѣ, которая тотчасъ-же велѣла поставить самоварчикъ. Послѣ этого и жильцы разошлись по своимъ комнатамъ и затворились, но я всетаки ни за что не легъ и долго просидѣлъ у хозяйки, которая даже рада была лишнему человѣку, да еще съ своей стороны могущему кое-что сообщить по дѣлу. Самоваръ очень пригодился, и вообще самоваръ есть самая необходимая русская вещь, именно во всѣхъ катастрофахъ и несчастіяхъ, особенно ужасныхъ, внезапныхъ и эксцентрическихъ; даже мать выкушала двѣ чашечки, конечно, послѣ чрезвычайныхъ просьбъ и почти насилія. А между тѣмъ, искренно говорю, никогда я не видѣлъ болѣе жестокаго и прямаго горя, какъ смотря на эту несчастную. Послѣ первыхъ взрывовъ рыданій и истерики, она даже съ охотой начала говорить и разсказъ ея я выслушалъ жадно. Есть несчастныя, особенно изъ женщинъ, которымъ даже необходимо дать какъ можно больше говорить въ такихъ случаяхъ. Кромѣ того, есть характеры, такъ сказать, слишкомъ ужь обшарканные горемъ, долго всю жизнь терпѣвшіе, претерпѣвшіе чрезвычайно много и большаго горя, и постояннаго по мело-

чамъ, и которыхъ ничѣмъ уже не удивишь, никакими внезапными катастрофами и, главное, которые даже передъ гробомъ любимѣйшаго существа не забудутъ ни единаго изъ столь дорого доставшихся правилъ искательнаго обхожденія съ людьми. И я не осуждаю: тутъ не пошлость эгоизма и не грубость развитія; въ этихъ сердцахъ, можетъ быть, найдется даже больше золота, чѣмъ у благороднѣйшихъ на видъ героинь, но привычка долгаго приниженія, инстинктъ самосохраненія, долгая запуганность и придавленность берутъ, наконецъ, свое. Бѣдная самоубійца не походила въ этомъ на маменьку. Лицомъ, впрочемъ, обѣ были, кажется, одна на другую похожи, хотя покойница положительно была не дурна собой. Мать-же была еще не очень старая женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ всего, такая-же бѣлокурая, но съ вавалившимися глазами и щеками и съ желтыми, большими и неровными зубами. Да и все въ ней отзывалось какой-то желтизной, кожа на лицѣ и рукахъ походила на пергаментъ; темненькое платье ея отъ ветхости тоже совсѣмъ пожелтѣло, а одинъ ноготь, на указательномъ пальцѣ правой руки, не знаю почему, былъ залѣпленъ желтымъ воскомъ тщательно и аккуратно.

Разсказъ бѣдной женщины былъ въ иныхъ мѣстахъ и безсвязенъ. Разскажу, какъ самъ понялъ и что̀ самъ запомнилъ.

V.

Онѣ пріѣхали изъ Москвы. Она уже давно вдовѣетъ, «однако-же надворная совѣтница», мужъ служилъ, ничего почти не оставилъ, «кромѣ двухсотъ рублей, однако, пенсіону. Ну что̀ двѣсти рублей? Взростила, однако-же, Олю и обучила въ гимназіи... И вѣдь какъ училась-то, какъ училась; серебряную медаль при выпускѣ получила»... (Тутъ, разумѣется, долгія слезы). Былъ у покойника мужа потерянъ на одномъ здѣшнемъ петербургскомъ купцѣ капиталъ, почти въ четыре тысячи. Вдругъ этотъ купецъ опять разбогатѣлъ, «у меня документы, стала совѣтоваться, говорятъ: ищите, непремѣнно все получите... Я и начала, купецъ сталъ соглашаться; поѣзжайте, говорятъ мнѣ, сами. Собрались мы съ Олей, пріѣхали тому назадъ уже мѣсяцъ. Средства у насъ какія; взяли мы эту комнатку, потому что самая маленькая изъ всѣхъ, да и въ честномъ, сами видимъ, домѣ, а это намъ пуще всего: женщины мы неопытныя, всякій-то насъ обидитъ. Ну, вамъ внесли за одинъ мѣсяцъ, туда-сюда, Петербургъ-отъ кусается, отказывается совсѣмъ нашъ купецъ. «Знать васъ не знаю, вѣдать не вѣдаю», а документъ у меня не исправенъ, сама это понимаю. Вотъ и совѣтуютъ мнѣ: заходите къ знаменитому адвокату; онъ профессоромъ былъ, не просто адвокатъ, а юристъ, такъ чтобъ ужь онъ навѣрно сказалъ, что̀ дѣлать. Понесла я къ нему послѣдніе пятнадцать рублей; вышелъ адвокатъ и трехъ минутъ меня не слушалъ: «вижу, говоритъ, знаю, говоритъ, захочетъ, говоритъ, отдастъ купецъ, не захочетъ — не отдастъ, а дѣло начнете—сами приплатиться можете; всего лучше помиритесь». Еще изъ Евангелія тутъ-же пошутилъ: «миритесь, говоритъ, пока на пути, дондеже не заплатите послѣдній кадрантъ», провожаетъ меня, смѣется. Пропали мои пятнадцать рублей! Прихожу къ Олѣ, сидимъ другъ противъ дружки, заплакала я. Она не плачетъ; гордая такая сидитъ, негодуетъ. И все-то она у меня такая была, во всю жизнь, даже маленькая, никогда-то не охала, никогда-то не плакала, а сидитъ, грозно смотритъ, даже мнѣ жутко смотрѣть на нее. И, вѣрите-ли тому: боялась я ее, совсѣмъ таки боялась, давно боялась, и хочу иной разъ заныть, да не смѣю при ней. Сходила я къ купцу въ послѣдній разъ, расплакалась у него въ волю: «хорошо», говоритъ, не слушаетъ даже. Межъ тѣмъ, признаться вамъ должна, такъ какъ мы на долгое-то время не разсчитывали, то давно ужь безъ денегъ сидимъ. Стала я изъ платьишка помаленьку таскать: что̀ заложимъ, тѣмъ и живемъ. Все-то съ себя заложили; стала она мнѣ свое послѣднее бѣлышко отдавать, и заплакала я тутъ горькой слезой. Топнула она ногой, вскочила, побѣжала сама къ купцу. Вдовецъ онъ; поговорилъ съ ней: «приходите, говоритъ, послѣ завтра въ пять часовъ, можетъ, что̀ и скажу».

Пришла она, повеселѣла: «вотъ, говоритъ, можетъ, что̀ и скажетъ». Ну, рада и я, а только такъ-то на сердцѣ у меня захолохнуло: что-то, думаю, будетъ; а разспрашивать ее не смѣю. Послѣзавтра возвращается она отъ купца, блѣдная, дрожитъ вся, бросилась на кровать — поняла я все и спрашивать не смѣю. Что-жь-бы вы думали: вынесъ онъ ей, разбойникъ, пятнадцать рублей, «а коли, говоритъ, полную честность встрѣчу, то сорокъ рублевъ и еще донесу». Такъ и сказалъ ей въ глаза, не постыдился. Кинулась она тутъ, разсказывала мнѣ, на него, да отпихнулъ онъ ее и въ другой комнатѣ даже на замокъ отъ нея затворился. А, межъ тѣмъ, у насъ, признаюсь вамъ по истинной совѣсти, почти кушать нечего. Снесли мы куцавейку, на заячьемъ мѣху была, продали, пошла она въ газету и вотъ тутъ-то публиковалась: приготовляетъ, дескать, изо всѣхъ наукъ и изъ ариѳметики «хоть по тридцати копѣекъ, говоритъ, будутъ платить». И стала я на нее, матушка, подъ самый конецъ даже ужасаться: ничего-то она не говоритъ со мной, сидитъ по цѣлымъ часамъ у окна, смотритъ на крышу дома напротивъ, да вдругъ крикнетъ: «хоть-бы бѣлье стирать, хоть-бы землю копать!» только одно слово какое нибудь этакое и крикнетъ, топнетъ ногою. И никого-то у насъ здѣсь знакомыхъ такихъ, пойдти совсѣмъ не къ кому: «что̀ съ нами будетъ, думаю?» А съ ней все боюсь говорить. Спитъ это она однажды днемъ, проснулась, открыла глаза, смотритъ на меня; я сижу на сундукѣ, тоже смотрю на нее; встала она молча, подошла ко мнѣ, обняла меня крѣпко-крѣпко и вотъ тутъ мы обѣ не утерпѣли и заплакали, сидимъ и плачемъ, и другъ дружку изъ рукъ не выпускаемъ. Въ первый разъ такъ съ нею было во всю ея жизнь. Только этакъ мы другъ съ дружкой сидимъ, а ваша Настасья входитъ и говоритъ: какая-то васъ тамъ барыня спрашиваетъ, освѣдомляется. Всего это четыре дня тому назадъ было. Входитъ барыня: видимъ, одѣта ужь очень хорошо, говоритъ-то хоть и по русски, но нѣмецкаго, какъ будто, выговору: «вы, говоритъ, публиковались въ газетѣ, что уроки даете?» Такъ мы ей обрадовались тогда, посадили ее, смѣется такъ она ласково: не ко мнѣ, говоритъ, а у племянницы моей дѣти маленькія; коли угодно, пожалуйте къ намъ, тамъ и сговоримся». Адресъ дала, у Вознесенскаго моста, № такой-то и квартира № такой-то. Ушла. Отправилась Олечка, въ тотъ-же день побѣжала, что-жь — возвратилась черезъ два часа, истерика съ ней, бьется. Разсказала потомъ: «спрашиваю, говоритъ, у дворника: гдѣ квартира № такой-то? Дворникъ, говоритъ, и поглядѣлъ на меня: «а вамъ чего, говоритъ, въ той квартирѣ надоть? Такъ странно это сказалъ, такъ, что ужь тутъ можно-бъ было спохватиться. А она у меня такая властная была, нетерпѣливая, разспросовъ этихъ и грубостей не переносила; «ступайте», говоритъ, ткнулъ ей пальцемъ на лѣстницу, а самъ повернулся, въ свою каморку ушелъ. Что-жь-бы вы думали? Входитъ это она, спрашиваетъ, и набѣжали тотчасъ со всѣхъ сторонъ женщины: «пожалуйте, пожалуйте!» — все женщины, смѣются, бросились, нарумяненныя, скверныя, на фортепьянахъ играютъ, тащутъ ее; «я было, говоритъ, отъ нихъ вонъ, да ужь не пускаютъ». Оробѣла тутъ она, ноги подкосились, не пускаютъ да и только, ласково говорятъ, уговариваютъ, портеру раскупорили, подаютъ, подчуютъ. Вскочила это она, кричитъ благимъ матомъ, дрожитъ: «пустите, пустите!» Бросилась къ дверямъ, двери держутъ, она вопитъ; тутъ подскочила давешняя, что приходила къ намъ, ударила мою Олю два раза въ щеку и вытолкнула въ дверь: «не стоишь, говоритъ, ты, шкура, въ благородномъ домѣ быть!» А другая кричитъ ей на лѣстницу: «ты сама къ намъ приходила проситься, благо ѣсть нечего, а мы на такую харю и глядѣть-то не стали!» Всю ночь эту она въ лихорадкѣ пролежала, бредила, а на утро глаза сверкаютъ у ней, встанетъ, ходитъ: «въ судъ, говоритъ, на нее, въ судъ!» Я молчу: ну, что̀, думаю, тутъ въ судѣ возьмешь, чѣмъ докажешь? Ходитъ она, руки ломаетъ, слезы у ней текутъ, а губы сжала, недвижимы. И потемнѣлъ у ней весь ликъ съ той самой минуты и до самаго конца. На третій день легче ей стало, молчитъ, какъ будто успокоилась. Вотъ тутъ-то въ четыре часа пополудни

и пожаловалъ къ намъ господинъ Версиловъ.

«И вотъ прямо скажу: понять не могу до сихъ поръ, какимъ это образомъ тогда Оля, такая недовѣрчивая, съ перваго почти слова начала его слушать? Пуще всего обѣихъ насъ привлекло тогда, что былъ у него такой серіозный видъ, строгій даже, говоритъ тихо, обстоятельно и все такъ вѣжливо, — куды вѣжливо, почтительно даже, а межъ тѣмъ никакого такого исканья въ немъ не видно: прямо видно, что пришелъ человѣкъ отъ чистаго сердца. «Я, говоритъ, ваше объявленіе въ газетѣ прочелъ, вы, говоритъ, не такъ сударыня, его написали, такъ что даже повредить себѣ тѣмъ самымъ можете». И сталъ онъ объяснять, признаться, не поняла я, про ариѳметику тутъ что-то, только Оля, смотрю, покраснѣла и вся словно оживилась, слушаетъ, въ разговоръ вступила такъ охотно (да и умный-же человѣкъ, должно быть!) слышу, даже благодаритъ его. Разспросилъ ее про все такъ обстоятельно, и видно, что въ Москвѣ по долгу живалъ, и директрису гимназіи, оказалось, лично знаетъ. «Уроки я вамъ, говоритъ, найду непремѣнно, потому что я со многими здѣсь знакомъ, и многихъ вліятельныхъ даже лицъ просить могу, такъ что если даже пожелаете постояннаго мѣста, то и то можно имѣть въ виду... а покамѣстъ простите, говоритъ, меня за одинъ прямой къ вамъ вопросъ: не могу-ли я сейчасъ быть вамъ чѣмъ полезнымъ? Не я вамъ, говоритъ, а вы мнѣ, напротивъ, тѣмъ самымъ сдѣлаете удовольствіе, коли допустите пользу оказать вамъ какую ни есть. Пусть это будетъ, говоритъ, за вами долгъ, и какъ только получите мѣсто, то въ самое короткое время можете со мной поквитаться. Я-же, вѣрьте чести моей, если-бъ самъ когда потомъ впалъ въ такую-же нужду, а вы, напротивъ, были-бы всѣмъ обезпечены, — то прямо-бы къ вамъ пришелъ за малою помощью, жену-бы и дочь мою прислалъ»... То есть не припомню я вамъ всѣхъ его словъ, только я тутъ прослезилась, потому, вижу и у Оли вздрогнули отъ благодарности губки: «Если и принимаю, отвѣчаетъ она ему, то потому, что довѣряюсь честному и гуманному человѣку, который-бы могъ быть моимъ отцомъ»... Прекрасно она тутъ такъ сказала ему, коротко и благородно: «гуманному, говоритъ, человѣку». Онъ тотчасъ всталъ: «непремѣнно, непремѣнно, говоритъ, доставлю вамъ уроки и мѣсто; съ сего-же дня займусь, потому что вы къ тому совсѣмъ достаточный имѣете аттестатъ»... А я и забыла сказать, что онъ съ самаго начала, какъ вошелъ, всѣ ея документы изъ гимназіи осмотрѣлъ, показала она ему, и самъ ее въ разныхъ предметахъ экзаменовалъ... «Вѣдь онъ меня, маменька, говоритъ мнѣ потомъ Оля, изъ предметовъ экзаменовалъ, и какой онъ, говоритъ, умный, въ кои-то вѣки съ такимъ развитымъ и образованнымъ человѣкомъ поговоришь»... И вся-то она такъ и сіяетъ. Деньги шестьдесятъ рублей на столѣ лежатъ: «уберите, говоритъ, маменька: мѣсто получимъ, первымъ долгомъ какъ можно скорѣй отдадимъ, докажемъ, что мы честныя, а что мы деликатныя, то онъ уже видѣлъ это». Потомъ помолчала, вижу, такъ она глубоко дышетъ: «Знаете, говоритъ вдругъ мнѣ, маменька, кабы мы были грубыя, — то мы-бы отъ него, можетъ, по гордости нашей, и не приняли, а что мы теперь приняли, то тѣмъ самымъ только деликатность нашу доказали ему, что во всемъ ему довѣряемъ, какъ почтенному сѣдому человѣку, не правда-ли?» Я сначала не такъ поняла, да говорю: «почему, Оля, отъ благороднаго и богатаго человѣка благодѣянія не принять, коли онъ сверхъ того доброй души человѣкъ?» Нахмурилась она на меня: «нѣтъ, говоритъ, маменька, это не то, не благодѣяніе нужно, а «гуманность» его, говоритъ, дорога. А деньги такъ даже лучше-бы было намъ и совсѣмъ не брать, маменька: коли ужь онъ мѣсто обѣщался достать, то и того достаточно... хоть мы и нуждаемся». — «Ну, говорю, Оля, нужды-то наши таковы, что отказаться никакъ нельзя», — усмѣхнулась даже я. Ну, рада я про себя, только она мнѣ черезъ часъ и ввернула: «вы, говоритъ, маменька, деньги-то подождите тратить», — рѣшительно такъ сказала. — «Что-же», говорю. — «Такъ», говоритъ, — оборвала и замолчала. На весь вечеръ примолкла; только ночью, во второмъ часу, просыпаюсь я, слышу Оля ворочает-

ся на кровати: «не спите, вы, маменька?» — Нѣтъ, говорю, не сплю. — «Знаете, говоритъ, вѣдь онъ меня оскорбить хотѣлъ?» — Что ты, что ты, говорю? — «Непремѣнно, говоритъ, такъ: это подлый человѣкъ, не смѣйте, говоритъ, ни одной копѣйки его денегъ тратить». Я было стала ей говорить, всплакнула даже тутъ-же на постели,—отвернулась она къ стѣнѣ: «молчите, говоритъ, дайте мнѣ спать!» На утро смотрю на нее, ходитъ, на себя не похожа; и вотъ, вѣрьте не вѣрьте мнѣ, передъ судомъ Божіимъ скажу: не въ своемъ умѣ она тогда была! Съ самаго того разу, какъ ее въ этомъ подломъ домѣ оскорбили, помутилось у ней сердце... и умъ. Смотрю я на нее въ то утро и сумнѣваюсь на нее; страшно мнѣ; не буду, думаю, противорѣчить ей ни въ одномъ словѣ. «Онъ, говоритъ, маменька, адреса-то своего такъ и не оставилъ». — «Грѣхъ, тебѣ, говорю, Оля: сама его вчера слышала, сама потомъ хвалила, сама благодарными слезами заплакать готова была». Только я это сказала — взвизгнула она, топнула: «Подлыхъ, говоритъ, вы чувствъ женщина, стараго вы, говоритъ, воспитанія на крѣпостномъ правѣ!..» и ужь что тутъ ни говорила, схватила шляпку, выбѣжала, я кричу ей въ слѣдъ: что съ ней, думаю, куда побѣжала? А она бѣгала въ адресный столъ, узнала гдѣ господинъ Версиловъ живетъ, пришла: «сегодня-же, говоритъ, сейчасъ отнесу ему деньги и въ лицо шваркну; онъ меня, говоритъ, оскорбить хотѣлъ, какъ Сафроновъ (это купецъ-то нашъ); только Сафроновъ оскорбилъ какъ грубый мужикъ, а этотъ какъ хитрый іезуитъ». А тутъ вдругъ на бѣду и постучался этотъ вчерашній господинъ: «Слышу, говорятъ про Версилова, могу сообщить». Какъ услыхала она про Версилова, такъ на него и накинулась, въ изступленіи вся, говоритъ-говоритъ, смотрю я на нее и дивлюсь: ни съ кѣмъ она, молчаливая такая, такъ не говоритъ, а тутъ еще съ незнакомымъ совсѣмъ человѣкомъ? Щеки у ней разгорѣлись, глаза сверкаютъ... А онъ-то какъ разъ: «совершенная, говоритъ, ваша правда, сударыня. Версиловъ, говоритъ, это точь въ точь какъ генералы здѣшніе, которыхъ въ газетахъ описываютъ; разодѣнется генералъ во всѣ ордена и пойдетъ по всѣмъ гувернанткамъ, что въ газетахъ публикуются, и ходитъ, и что надо находитъ; а коли не найдетъ чего надо, посидитъ, поговоритъ, наобѣщаетъ съ три короба и уйдетъ, — всетаки развлеченіе себѣ доставилъ». Расхохоталась даже Оля, только злобно такъ, а господинъ-то этотъ, смотрю, за руку ее беретъ, руку къ сердцу притягиваетъ: «Я, говоритъ, сударыня, и самъ при собственномъ капиталѣ состою, и всегда-бы могъ прекрасной дѣвицѣ предложить, но лучше, говоритъ, я прежде у ней только миленькую ручку поцѣлую»... и тянетъ, вижу, цѣловать руку. Какъ вскочитъ она, но тутъ ужь и я вмѣстѣ съ ней, прогнали мы его обѣ. Вотъ передъ вечеромъ выхватила у меня Оля деньги, побѣжала, приходитъ обратно: «я, говоритъ, маменька, безчестному человѣку отмстила!» — «Ахъ, Оля, Оля, говорю, можетъ счастья своего мы лишились, благороднаго, благодѣтельнаго человѣка ты оскорбила!» Заплакала я съ досады на нее, не вытерпѣла. Кричитъ она на меня: «не хочу, кричитъ, не хочу! Будь онъ самый честный человѣкъ и тогда его милостыни не хочу! Чтобъ и жалѣлъ кто нибудь меня— и того не хочу!» Легла я и въ мысли у меня ничего не было. Сколько я разъ на этотъ гвоздь у васъ въ стѣнѣ присматривалась, что отъ зеркала у васъ остался, — не вдомекъ мнѣ, совсѣмъ не вдомекъ, ни вчера, ни прежде и не думала я этого, не гадала вовсе, и отъ Оли не ожидала совсѣмъ. Сплю-то я обыкновенно крѣпко, храплю, кровь это у меня къ головѣ приливаетъ, а иной разъ подступитъ къ сердцу, закричу во снѣ, такъ что Оля ужь ночью разбудитъ меня: «что это вы, говоритъ, маменька, какъ крѣпко спите, и разбудить васъ когда надо нельзя». «Ой, говорю, Оля, крѣпко, ой, крѣпко». Вотъ какъ я, надо быть, захрапѣла это вчера, такъ тутъ она выждала, и ужь не опасаясь и поднялась. Ремень-то этотъ отъ чемодана, длинный, все на виду торчалъ, весь мѣсяцъ, еще утромъ вчера думала: «прибрать его, наконецъ, чтобъ не валялся». А стулъ, должно быть, ногой потомъ отпихнула, а чтобы онъ не застучалъ, такъ юбку свою съ боку подложила. И, должно

быть, я долго-долго спустя, цѣлый часъ али больше спустя, проснулась: «Оля! зову, Оля!» — Сразу померещилось мнѣ что-то, кличу ее. Али что не слышно мнѣ дыханья ее съ постели стало, али въ темнотѣ-то разглядѣла, пожалуй что какъ будто кровать пуста, — только встала я вдругъ, хвать рукой: нѣтъ никого на кровати и подушка холодная. Такъ и упало у меня сердце, стою на мѣстѣ какъ безъ чувствъ, умъ помутился: «вышла, думаю, она», — шагнула это я, анъ у кровати, смотрю, въ углу, у двери, какъ будто она сама и стоитъ. Я стою, молчу, гляжу на нее, а она, изъ темноты, точно тоже глядитъ на меня, не шелохнется... «Только зачѣмъ-же, думаю, она на стулъ встала?» — «Оля, шепчу я, робѣю сама, Оля, слышишь ты?» Только вдругъ какъ будто во мнѣ все озарилось, шагнула я, кинула обѣ руки впередъ, прямо на нее, обхватила, а она у меня въ рукахъ качается, хватаю, а она качается, понимаю я все и не хочу понимать... Хочу крикнуть, а крику-то нѣтъ... Ахъ, думаю! Упала на полъ съ размаха, тутъ и закричала»...

. . . . . .

— Васинъ, сказалъ я на утро, часу уже въ шестомъ,— если-бъ не вашъ Стебельковъ, не случилось-бы, можетъ, этого.

— Кто знаетъ, навѣрно-бы случилось. Тутъ нельзя такъ судить, тутъ и безъ того было готово... Правда, этотъ Стебельковъ иногда...

Онъ не договорилъ и очень непріятно поморщился. Часу въ седьмомъ онъ опять уѣхалъ; онъ все хлопоталъ. Я остался, наконецъ, одинъ одинехонекъ. Уже разсвѣло. Голова у меня слегка кружилась. Мнѣ мерещился Версиловъ: разсказъ этой дамы выдвигалъ его совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Чтобъ удобнѣе обдумать, я прилегъ на постель Васина, такъ какъ былъ одѣтый и въ сапогахъ, на минутку, совсѣмъ безъ намѣренія спать—и вдругъ заснулъ, даже не помню какъ и случилось. Я проспалъ почти четыре часа; никто-то не разбудилъ меня.

—

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Я проснулся около половины одиннадцатаго и долго не вѣрилъ глазамъ своимъ: на диванѣ, на которомъ я вчера заснулъ, сидѣла моя мать, а рядомъ съ нею — несчастная сосѣдка, мать самоубійцы. Онѣ обѣ держали другъ дружку за руки, разговаривали шепотомъ, вѣроятно, чтобъ не разбудить меня, и обѣ плакали. Я всталъ съ постели и прямо кинулся цѣловать маму. Она такъ вся и засіяла, поцѣловала меня и перекрестила три раза правой рукой. Мы не успѣли сказать и слова: отворилась дверь и вошли Версиловъ и Васинъ. Мама тотчасъ-же встала и увела съ собой сосѣдку. Васинъ подалъ мнѣ руку, а Версиловъ не сказалъ мнѣ ни слова, и опустился въ кресло. Онъ и мама, повидимому, были здѣсь уже нѣкоторое время. Лицо его было нахмурено и озабочено.

— Всего больше жалѣю, разстановочно началъ онъ Васину, очевидно, продолжая начатый разговоръ:—что не успѣлъ устроить все это вчера-же вечеромъ, и — навѣрно не вышло-бы тогда этого страшнаго дѣла! Да и время было: восьми часовъ еще не было. Только что убѣжала она вчера отъ насъ, я тотчасъ-же положилъ было въ мысляхъ идти за ней слѣдомъ сюда и переубѣдить ее, но это непредвидѣнное и неотложное дѣло, которое, впрочемъ, я весьма могъ-бы отложить до сегодня... на недѣлю даже,—это досадное дѣло всему помѣшало и все испортило. Сойдется-же вѣдь этакъ!

— Можетъ быть, и не успѣли-бы убѣдить; тутъ и безъ вашего слишкомъ, кажется, нагорѣло и накипѣло, вскользь замѣтилъ Васинъ.

— Нѣтъ, успѣлъ-бы, успѣлъ-бы навѣрно. И вѣдь была мысль въ головѣ послать вмѣсто себя Софью Андреевну. Мелькнула, но только мелькнула. Софья Андреевна одна-бы ее побѣдила и несчастная осталась-бы въ живыхъ. Нѣтъ, никогда больше не сунусь... съ «добрыми дѣлами»... И всего-то разъ въ жизни высунулся! А я-то думалъ, что все еще не отсталъ отъ поколѣнія и понимаю современную молодежь.

Да, старье наше старится чуть не раньше чѣмъ созрѣетъ. Кстати, вѣдь дѣйствительно ужасно много есть современныхъ людей, которые, по привычкѣ, все еще считаютъ себя молодымъ поколѣніемъ, потому что всего вчера еще такимъ были, а между тѣмъ и не замѣчаютъ, что уже на фербантѣ.

— Тутъ вышло недоразумѣніе, и недоразумѣніе слишкомъ ясное, благоразумно замѣтилъ Васинъ.—Мать ея говоритъ, что послѣ жестокаго оскорбленія въ публичномъ домѣ, она какъ-бы потеряла разсудокъ. Прибавьте обстановку, первоначальное оскорбленіе отъ купца... все это могло случиться точно такъ-же и въ прежнее время, и нисколько, по моему, не характеризуетъ особенно собственно теперешнюю молодежь.

— Нетерпѣлива немного она, теперешняя молодежь, кромѣ, разумѣется, и малаго пониманія дѣйствительности, которое хоть и свойственно всякой молодежи во всякое время, но нынѣшней какъ-то особенно... Скажите, что тутъ напроворилъ господинъ Стебельковъ?

— Господинъ Стебельковъ, ввязался я вдругъ:—причиной всему. Не было-бы его, ничего-бы не вышло; онъ подлилъ масла въ огонь.

Версиловъ выслушалъ, но не взглянулъ на меня. Васинъ нахмурился.

— Упрекаю себя тоже въ одномъ смѣшномъ обстоятельствѣ, продолжалъ Версиловъ, не торопясь и по прежнему растягивая слова: — кажется, я, по скверному моему обычаю, позволилъ себѣ тогда съ нею нѣкотораго рода веселость, легкомысленный смѣшокъ этотъ — однимъ словомъ, былъ недостаточно рѣзокъ, сухъ и мраченъ, три качества, которыя, кажется, также въ чрезвычайной цѣнѣ у современнаго молодого поколѣнія. Однимъ словомъ, далъ ей поводъ принять меня за странствующаго селадона.

— Совершенно напротивъ, рѣзко ввязался я опять: — мать особенно утверждаетъ, что вы произвели великолѣпное впечатлѣніе именно серіозностью, строгостью даже, искренностью,—ея собственныя слова. Покойница сама васъ, какъ вы ушли, хвалила въ этомъ смыслѣ.

— Д-да? промямлилъ Версиловъ, мелькомъ взглянувъ, наконецъ, на меня.— Возьмите-же эту бумажку, она вѣдь къ дѣлу необходима, протянулъ онъ крошечный кусочекъ Васину. Тотъ взялъ и, видя, что я смотрю съ любопытствомъ, подалъ мнѣ прочесть. Это была записка, двѣ неровныя строчки, нацарапанныя карандашомъ, и, можетъ быть, въ темнотѣ:

«Маменька, милая, простите меня за то, что я прекратила мой жизненный дебютъ. Огорчавшая васъ Оля».

— Это нашли только утромъ, объяснилъ Васинъ.

— Какая странная записка! воскликнулъ я въ удивленіи.

— Чѣмъ странная? спросилъ Васинъ.

— Развѣ можно въ такую минуту писать юмористическими выраженіями?

Васинъ глядѣлъ вопросительно.

— Да и юморъ странный, продолжалъ я,— гимназическій условный языкъ между товарищами... Ну, кто можетъ въ такую минуту и въ такой запискѣ къ несчастной матери,— а мать она вѣдь, оказывается, любила-же,— написать: «прекратила мой жизненный дебютъ!»

— Почему-же нельзя написать? все еще не понималъ Васинъ.

— Тутъ ровно никакого и нѣтъ юмора, замѣтилъ, наконецъ, Версиловъ:—выраженіе, конечно, не подходящее, совсѣмъ не того тона, и дѣйствительно могло зародиться въ гимназическомъ или тамъ какомъ нибудь условно-товарищескомъ, какъ ты сказалъ, языкѣ, али изъ фельетоновъ какихъ нибудь, но покойница употребляла его въ этой ужасной запискѣ совершенно простодушно и серіозно.

— Этого быть не можетъ, она кончила курсъ и вышла съ серебряной медалью.

— Серебряная медаль тутъ ничего не значитъ. Нынче многіе такъ кончаютъ курсъ.

— Опять на молодежь, улыбнулся Васинъ.

— Нисколько, отвѣтилъ ему Версиловъ, вставая съ мѣста и взявъ шляпу:—если нынѣшнее поколѣніе не столь литературно, то, безъ сомнѣнія, обладаетъ... другими достоинствами, прибавилъ онъ съ необык-

новенной серіозностью.— Притомъ «многіе»— не «всѣ», и вотъ васъ, напримѣръ, я не обвиняю-же въ плохомъ литературномъ развитіи, а вы тоже еще молодой человѣкъ.

— Да и Васинъ ничего не нашелъ дурнаго въ «дебютѣ!» не утерпѣлъ я, чтобъ не замѣтить.

Версиловъ молча протянулъ руку Васину; тотъ тоже схватилъ фуражку, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ выйдти, и крикнулъ мнѣ: «до свиданья». Версиловъ вышелъ, меня не замѣтивъ. Мнѣ тоже нечего было время терять: во что-бы ни стало надо было бѣжать искать квартиру,— теперь нужнѣе чѣмъ когда нибудь! Мамы не было у хозяйки, она ушла и увела съ собой и сосѣдку. Я вышелъ на улицу какъ-то особенно бодро... Какое-то новое и большое ощущеніе нарождалось въ душѣ. Къ тому-же какъ нарочно и все способствовало: я необыкновенно скоро напалъ на случай и нашелъ квартиру, совсѣмъ подходящую; про квартиру эту потомъ, а теперь окончу о главномъ.

Былъ всего второй часъ въ началѣ, когда я вернулся опять къ Васину за моимъ чемоданомъ и какъ разъ опять засталъ его дома. Увидавъ меня, онъ съ веселымъ и искреннимъ видомъ воскликнулъ:

— Какъ я радъ, что вы застали меня, я сейчасъ было уходилъ! Я могу вамъ сообщить одинъ фактъ, который, кажется, очень васъ заинтересуетъ.

— Увѣренъ заранѣе! вскричалъ я.

— Ба! Какой у васъ бодрый видъ. Скажите, вы не знали ничего о нѣкоторомъ письмѣ, сохранявшемся у Крафта и доставшемся вчера Версилову, именно нѣчто по поводу выиграннаго имъ наслѣдства? Въ письмѣ этомъ завѣщатель разъясняетъ волю свою въ смыслѣ, обратномъ вчерашнему рѣшенію суда. Письмо еще давно писано. Однимъ словомъ, я не знаю, что именно въ точности, но не знаете-ли чего нибудь вы?

— Какъ не знать. Крафтъ третьяго дня для того и повелъ меня къ себѣ... отъ тѣхъ господъ, чтобъ передать мнѣ это письмо, а я вчера передалъ Версилову.

— Да? Такъ я и подумалъ. Вообразите-же, то дѣло, про которое давеча здѣсь говорилъ Версиловъ,— что помѣшало ему вчера вечеромъ придти сюда убѣдить эту дѣвушку, — это дѣло вышло именно черезъ это письмо. Версиловъ прямо, вчера-же вечеромъ, отправился къ адвокату князя Сокольскаго, передалъ ему это письмо и отказался отъ всего выиграннаго имъ наслѣдства. Въ настоящую минуту этотъ отказъ уже облеченъ въ законную форму. Версиловъ не даритъ, но признаетъ въ этомъ актѣ полное право князей.

Я остолбенѣлъ, но я былъ въ восхищеніи. По настоящему, я совершенно былъ убѣжденъ, что Версиловъ истребитъ письмо, мало того, хоть я говорилъ Крафту про то, что это было-бы неблагородно, и хоть и самъ повторялъ это про себя въ трактирѣ, и что «я пріѣхалъ къ чистому человѣку, а не къ этому», — но еще болѣе про себя, то есть въ самомъ нутрѣ души я считалъ, что иначе и поступить нельзя какъ похеривъ документъ совершенно. То есть я считалъ это самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Если-бы я потомъ и винилъ Версилова, то винилъ-бы только нарочно, для виду, то есть для сохраненія надъ нимъ возвышеннаго моего положенія. Но, услыхавъ теперь о подвигѣ Версилова, я пришелъ въ восторгъ искренній, полный, съ раскаяніемъ и стыдомъ осуждая мой цинизмъ и мое равнодушіе къ добродѣтели, и мигомъ, возвысивъ Версилова надъ собою безконечно, я чуть не обнялъ Васина.

— Каковъ человѣкъ! Каковъ человѣкъ! Кто-бы это сдѣлалъ? восклицалъ я въ упоеніи.

— Я съ вами согласенъ, что очень многіе этого-бы не сдѣлали... и что, безспорно, поступокъ чрезвычайно безкорыстенъ...

— «Но»?... Договаривайте, Васинъ, у васъ есть «но»?

— Да, конечно, есть и «но»; поступокъ Версилова, по моему, немного скоръ и немного не такъ прямодушенъ,— улыбнулся Васинъ.

— Непрямодушенъ?

— Да. Тутъ есть нѣкоторый какъ-бы «пьедесталъ». Потому что, во всякомъ случаѣ, можно было-бы сдѣлать тоже самое, не обижая себя. Если не половина, то все-

же, несомнѣнно, нѣкоторая часть наслѣдства могла-бы и теперь слѣдовать Версилову, даже при самомъ щекотливомъ взглядѣ на дѣло, тѣмъ болѣе, что документъ не имѣлъ рѣшительнаго значенія, а процессъ имъ уже выигранъ. Такого мнѣнія держится и самъ адвокатъ противной стороны; я сейчасъ только съ нимъ говорилъ. Поступокъ остался-бы не менѣе прекраснымъ, но единственно изъ прихоти гордости случилось иначе. Главное, господинъ Версиловъ погорячился и—излишне поторопился, вѣдь онъ самъ-же сказалъ давеча, что могъ-бы отложить на цѣлую недѣлю...

— Знаете что̀, Васинъ? Я не могу не согласиться съ вами, но... я такъ люблю лучше, мнѣ такъ нравится лучше!

— Впрочемъ, это дѣло вкуса. Вы сами вызвали меня, я-бы промолчалъ.

— Даже, если тутъ и «пьедесталъ», то и тогда лучше, продолжалъ я: — пьедесталъ, хоть и пьедесталъ, но самъ по себѣ онъ очень цѣнная вещь. Этотъ «пьедесталъ» вѣдь все тотъ-же «идеалъ» и, врядъ-ли лучше, что въ иной теперешней душѣ его нѣтъ: хоть съ маленькимъ даже уродствомъ, да пусть онъ есть! И навѣрно, вы сами думаете такъ, Васинъ, голубчикъ мой, Васинъ, милый мой, Васинъ! Однимъ словомъ, я, конечно, зарапортовался, но вы вѣдь меня понимаете-же. На то вы Васинъ; и, во всякомъ случаѣ, я обнимаю васъ и цѣлую, Васинъ!

— Съ радости?

— Съ большой радости: Ибо сей человѣкъ «былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся!» Васинъ, я дрянной мальчишка и васъ не стою. Я именно потому сознаюсь, что въ иныя минуты бываю совсѣмъ другой, выше и глубже. Я зато, что третьяго дня васъ расхвалилъ въ глаза (а расхвалилъ только за то, что меня унизили и придавили), я за то васъ цѣлыхъ два дня ненавидѣлъ! Я далъ слово въ ту-же ночь, къ вамъ не ходить никогда и пришелъ къ вамъ вчера поутру только со зла, понимаете вы, *со зла*. Я сидѣлъ здѣсь на стулѣ одинъ и критиковалъ вашу комнату и васъ, и каждую книгу вашу, и хозяйку вашу, старался унизить васъ и смѣяться надъ вами.

— Этого не надо-бы говорить...

— Вчера вечеромъ, заключивъ изъ одной вашей фразы, что вы не понимаете женщины, я былъ радъ, что могъ васъ на этомъ поймать. Давеча, поймавъ васъ на «дебютѣ»—опять таки ужасно былъ радъ, и все изъ-за того, что самъ васъ тогда расхвалилъ.

— Да еще-же-бы нѣтъ! вскричалъ, наконецъ, Васинъ (онъ все продолжалъ улыбаться, нисколько не удивляясь на меня): — да это такъ вѣдь и бываетъ всегда почти со всѣми, и первымъ даже дѣломъ; только въ этомъ никто не признается, да и не надо совсѣмъ признаваться, потому что, во всякомъ случаѣ, это пройдетъ и изъ этого ничего не будетъ.

— Неужели у всѣхъ этакъ? Всѣ такіе? И вы, говоря это, спокойны? Да вѣдь съ такимъ взглядомъ жить нельзя!

— А по вашему:

«Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
«Насъ возвышающій обманъ?»

— Но вѣдь это-же вѣрно, вскричалъ я: — въ этихъ двухъ стихахъ святая аксіома!

— Не знаю; не берусь рѣшать, вѣрны-ли эти два стиха или нѣтъ. Должно быть, истина, какъ и всегда, гдѣ нибудь лежитъ посредѝнѣ: то есть въ одномъ случаѣ святая истина, а въ другомъ ложь. Я только знаю навѣрно одно: что еще надолго эта мысль останется однимъ изъ самыхъ главныхъ спорныхъ пунктовъ между людьми. Во всякомъ случаѣ, я замѣчаю, что вамъ теперь танцовать хочется. Что-жь, и потанцуйте: моціонъ полезенъ, а на меня какъ разъ сегодня утромъ ужасно много дѣла взвалили... да и опоздалъ-же я съ вами!

— Ѣду, ѣду, убираюсь! Одно только слово, прокричалъ я, уже схвативъ чемоданъ: — если я сейчасъ къ вамъ опять «кинулся на шею», то единственно потому, что когда я вошелъ—вы съ такимъ искреннимъ удовольствіемъ сообщили мнѣ этотъ фактъ и «обрадовались», что я успѣлъ васъ застать, и это послѣ давешняго «дебюта»; этимъ искреннимъ удовольствіемъ вы разомъ перевернули мое «юное сердце» опять въ вашу сторону. Ну, прощайте, прощайте, постараюсь какъ можно дольше не

приходить, и знаю, что вамъ это будетъ чрезвычайно пріятно, что̀ вижу даже по вашимъ глазамъ, а обоимъ намъ даже будетъ выгодно...

Такъ болтая и чуть не захлебываясь отъ моей радостной болтовни, я вытащилъ чемоданъ и отправился съ нимъ на квартиру. Мнѣ, главное, ужасно нравилось то, что Версиловъ такъ несомнѣнно на меня давеча сердился, говорить и глядѣть не хотѣлъ. Перевезя чемоданъ, я тотчасъ-же полетѣлъ къ моему старику князю. Признаюсь, эти два дня мнѣ было безъ него даже немножко тяжело. Да и про Версилова онъ навѣрно уже слышалъ.

II.

Я такъ и зналъ, что онъ мнѣ ужасно обрадуется и, клянусь, я даже и безъ Версилова зашелъ-бы къ нему сегодня. Меня только пугала вчера и давеча мысль, что встрѣчу, пожалуй, какъ нибудь Екатерину Николаевну; но теперь я ужь ничего не боялся.

Онъ сталъ обнимать меня съ радости.

— Версиловъ-то! Слышали? началъ я прямо съ главнаго.

— Cher enfant, другъ ты мой милый, это до того возвышенно, это до того благородно,—однимъ словомъ, даже на Килья-на (этого чиновника внизу) произвело потрясающее впечатлѣніе! Это неблагоразумно съ его стороны, но это блескъ, это подвигъ! Идеалъ цѣнить надо!

— Неправда-ли? Неправда-ли? Въ этомъ мы съ вами всегда сходились.

— Милый ты мой, мы съ тобой всегда сходились. Гдѣ ты былъ? Я непремѣнно хотѣлъ самъ къ тебѣ ѣхать, но не зналъ, гдѣ тебя найдти... потому что все-же не могъ-же я къ Версилову... Хотя теперь, послѣ всего этого... Знаешь, другъ мой: вотъ этимъ-то онъ, мнѣ кажется, и женщинъ побѣждалъ, вотъ этими-то чертами, это несомнѣнно...

— Кстати, чтобъ не забыть, я именно для васъ берегъ. Вчера одинъ недостойнѣйшій гороховый шутъ, ругая мнѣ въ глаза Версилова, выразился про него, что онъ—«бабій пророкъ»; каково выраженіе, собственно выраженіе? Я для васъ берегъ...

— «Бабій пророкъ!» Mais... c'est charmant! Ха-ха! Но это такъ идетъ къ нему, то есть это вовсе не идетъ — тфу!.. Но это такъ мѣтко... то есть это вовсе не мѣтко, но...

— Да ничего, ничего, не конфузьтесь, смотрите только какъ на бонмо!

— Бонмо великолѣпное, и, знаешь, оно имѣетъ глубочайшій смыслъ... Совершенно вѣрная идея! То есть, вѣришь-ли... Однимъ словомъ, я тебѣ сообщу одинъ крошечный секретъ. Замѣтилъ ты тогда эту Олимпіаду? Вѣришь-ли, что у ней болитъ немножко по Андреѣ Петровичѣ сердце, и до того, что она даже, кажется, что-то питаетъ...

— Питаетъ! Вотъ ей не угодно-ли этого? вскричалъ я, въ негодованіи показывая кукишъ.

— Mon cher, не кричи, это все такъ, и ты, пожалуй, правъ, съ твоей точки. Кстати, другъ мой, что это случилось съ тобой прошлый разъ при Катеринѣ Николаевнѣ? Ты качался... я думалъ, ты упадешь и хотѣлъ броситься тебя поддержать?

— Объ этомъ не теперь. Ну, однимъ словомъ, я просто сконфузился, по одной причинѣ...

— Ты и теперь покраснѣлъ.

— Ну, а вамъ надо сейчасъ-же и размазать. Вы знаете, что она во враждѣ съ Версиловымъ... ну и тамъ все это; ну вотъ и я взволновался: эхъ, оставимъ, послѣ!

— И оставимъ, и оставимъ, я и самъ радъ все это оставить... Однимъ словомъ, я чрезвычайно передъ ней виноватъ, и даже, помнишь, ропталъ тогда при тебѣ... Забудь это, другъ мой; она тоже измѣнитъ свое о тебѣ мнѣніе, я это слишкомъ предчувствую... А вотъ и князь Сережа!

Вошелъ молодой и красивый офицеръ. Я жадно посмотрѣлъ на него, я его никогда еще не видалъ. То есть я говорю красивый, какъ и всѣ про него точно такъ-же говорили, но что-то было въ этомъ молодомъ и красивомъ лицѣ не совсѣмъ привлекательное. Я именно замѣчаю это, какъ впечатлѣніе самаго перваго мгновенія, перваго на него моего взгляда, оставшееся во

мнѣ на все время. Онъ былъ сухощавъ, прекраснаго роста, темнорусъ, съ свѣжимъ лицомъ, немного, впрочемъ, желтоватымъ, и съ рѣшительнымъ взглядомъ. Прекрасные темные глаза его смотрѣли нѣсколько сурово, даже и когда онъ былъ совсѣмъ спокоенъ. Но рѣшительный взглядъ его именно отталкивалъ потому, что какъ-то чувствовалось, почему-то, что рѣшимость эта ему слишкомъ недорого стоила. Впрочемъ, не умѣю выразиться... Конечно, лицо его способно было вдругъ измѣняться съ суроваго на удивительно ласковое, кроткое и нѣжное выраженіе и, главное, при несомнѣнномъ простодушіи превращенія. Это-то простодушіе и привлекало. Замѣчу еще черту: не смотря на ласковость и простодушіе, никогда это лицо не становилось веселымъ, даже когда князь хохоталъ отъ всего сердца, вы всетаки чувствовали, что настоящей, свѣтлой, легкой веселости какъ будто никогда не было въ его сердцѣ... Впрочемъ, чрезвычайно трудно такъ описывать лицо. Не умѣю я этого вовсе. Старый князь тотчасъ-же бросился насъ знакомить, по глупой своей привычкѣ.

— Это мой юный другъ, Аркадій Андреевичъ (опять Андреевичъ!) Долгорукій.

Молодой князь тотчасъ повернулся ко мнѣ съ удвоенно вѣжливымъ выраженіемъ лица; но видно было, что имя мое совсѣмъ ему незнакомо.

— Это... родственникъ Андрея Петровича, — пробормоталъ мой досадный князь. (Какъ досадны бываютъ иногда эти старички, съ ихъ привычками!) Молодой князь тотчасъ-же догадался.

— Ахъ! Я такъ давно слышалъ... быстро проговорилъ онъ: — я имѣлъ чрезвычайное удовольствіе познакомиться прошлаго года въ Лугѣ съ сестрицей вашей Лизаветой Макаровной... Она тоже мнѣ про васъ говорила...

Я даже удивился: на лицѣ его сіяло рѣшительно искреннее удовольствіе.

— Позвольте, князь, пролепеталъ я, отводя назадъ обѣ мои руки: — я вамъ долженъ сказать искренно, — и радъ, что говорю при миломъ нашемъ князѣ, — что я даже желалъ съ вами встрѣтиться, и еще недавно желалъ, всего только вчера, но совсѣмъ уже съ другими цѣлями. Я это прямо говорю, какъ-бы вы ни удивлялись. Короче, я хотѣлъ васъ вызвать за оскорбленіе, сдѣланное вами, полтора года назадъ въ Эмсѣ, Версилову. И хоть вы, конечно, можетъ быть, и не пошли-бы на мой вызовъ, потому что я всего лишь гимназистъ и несовершеннолѣтній подростокъ, однако, я все-бы сдѣлалъ вызовъ, какъ-бы вы тамъ ни приняли и что-бы вы тамъ ни сдѣлали... и, признаюсь, даже и теперь тѣхъ-же цѣлей.

Старый князь передавалъ мнѣ потомъ, что мнѣ удалось это высказать чрезвычайно благородно.

Искренняя скорбь выразилась въ лицѣ князя.

— Вы мнѣ только не дали договорить, внушительно отвѣтилъ онъ. — Если я обратился къ вамъ съ словами отъ всей души, то причиною тому были именно теперешнія, настоящія чувства мои къ Андрею Петровичу. Мнѣ жаль, что не могу вамъ сейчасъ сообщить всѣхъ обстоятельствъ; но увѣряю васъ честью, я давнымъ давно уже смотрю на мой несчастный поступокъ въ Эмсѣ съ глубочайшимъ раскаяніемъ. Собираясь въ Петербургъ, я рѣшился дать всевозможныя удовлетворенія Андрею Петровичу, то есть прямо, буквально, просить у него прощенія, въ той самой формѣ, въ какой онъ самъ назначитъ. Высшія и могущественныя вліянія были причиною перемѣны въ моемъ взглядѣ. То, что мы были въ тяжбѣ, не повліяло-бы на мое рѣшеніе ни мало. Вчерашній-же поступокъ его со мной, такъ сказать, потрясъ мою душу, и даже въ эту минуту, вѣрите-ли, я какъ-бы еще не пришелъ въ себя. И вотъ я долженъ сообщить вамъ, — я именно и къ князю пріѣхалъ, чтобъ ему сообщить объ одномъ чрезвычайномъ обстоятельствѣ: три часа назадъ, то есть это ровно въ то время, когда они составляли съ адвокатомъ этотъ актъ, явился ко мнѣ уполномоченный Андрея Петровича и передалъ мнѣ отъ него вызовъ... формальный вызовъ изъза исторіи въ Эмсѣ...

— Онъ васъ вызвалъ? вскричалъ я и почувствовалъ, что глаза мои загорѣлись и кровь залила мнѣ лицо.

— Да, вызвалъ; я тотчасъ-же принялъ вызовъ, но рѣшилъ, еще раньше встрѣчи, послать ему письмо, въ которомъ излагаю мой взглядъ на мой поступокъ, и все мое раскаяніе въ этой ужасной ошибкѣ... потому что это была только ошибка, — несчастная, роковая ошибка! Замѣчу вамъ, что мое положеніе въ полку заставляло меня такимъ образомъ рисковать: за такое письмо передъ встрѣчей, я подвергалъ себя общественному мнѣнію... вы понимаете? Но не смотря даже на это, я рѣшился, и только не успѣлъ письма отправить, потому что часъ спустя послѣ вызова получилъ отъ него опять записку, въ которой онъ проситъ меня извинить его, что обезпокоилъ, и забыть о вызовѣ и прибавляетъ, что раскаявается въ этомъ «минутномъ порывѣ малодушія и эгоизма»,—его собственныя слова. Такимъ образомъ, онъ уже совершенно облегчаетъ мнѣ теперь шагъ съ письмомъ. Я еще его не отослалъ, но именно пріѣхалъ сказать кое-что объ этомъ князю... И повѣрьте, я самъ выстрадалъ отъ упрековъ моей совѣсти гораздо больше, чѣмъ, можетъ быть, кто нибудь... Довольно-ли вамъ этого объясненія, Аркадій Макаровичъ, по крайней мѣрѣ теперь, пока? Сдѣлаете-ли вы мнѣ честь повѣрить вполнѣ моей искренности?

Я былъ совершенно побѣжденъ; я видѣлъ несомнѣнное прямодушіе, котораго въ высшей степени не ожидалъ. Да и ничего подобнаго я не ожидалъ. Я что-то пробормоталъ въ отвѣтъ и прямо протянулъ ему мои обѣ руки; онъ съ радостью потрясъ ихъ въ своихъ рукахъ. Затѣмъ отвелъ князя и минутъ съ пять говорилъ съ нимъ въ его спальнѣ.

— Если-бы вы захотѣли мнѣ сдѣлать особенное удовольствіе, громко и открыто обратился онъ ко мнѣ, выходя отъ князя: — то поѣдемте сейчасъ со мною и я вамъ покажу письмо, которое сейчасъ посылаю къ Андрею Петровичу, а вмѣстѣ и его письмо ко мнѣ.

Я согласился съ чрезвычайною охотой. Мой князь захлопоталъ, провожая меня, и тоже вызывалъ меня на минутку въ свою спальню.

— Mon ami, какъ я радъ, какъ я радъ... Мы обо всемъ этомъ послѣ. Кстати, вотъ тутъ въ портфелѣ у меня два письма: одно нужно завезти и объясниться лично, другое въ банкъ — и тамъ тоже...

И тутъ онъ мнѣ поручилъ два будто-бы неотложныя дѣла и требующія будто-бы необыкновеннаго труда и вниманія. Предстояло съѣздить и дѣйствительно подать, росписаться и проч.

— Ахъ вы хитрецъ! вскричалъ я, принимая письма: — клянусь, вѣдь все это — вздоръ и никакого тутъ дѣла нѣтъ, а эти два порученія вы нарочно выдумали, чтобъ увѣрить меня, что я служу и не даромъ деньги беру!

— Mon enfant, клянусь тебѣ, что въ этомъ ты ошибаешься: это два самыя неотложныя дѣла... Cher enfant! вскричалъ онъ вдругъ, ужасно умилившись: — милый мой юноша! (Онъ положилъ мнѣ обѣ руки на голову): Благословляю тебя и твой жребій... будемъ всегда чисты сердцемъ, какъ и сегодня... добры и прекрасны, какъ можно больше... будемъ любить все прекрасное... во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ... Ну, enfin... enfin rendons grâce... et je te bénis!

Онъ не докончилъ и захныкалъ надъ моей головой. Признаюсь, почти заплакалъ и я; по крайней мѣрѣ, искренно и съ удовольствіемъ обнялъ моего чудака. Мы очень поцѣловались.

III.

Князь Сережа (то есть князь Сергѣй Петровичъ, такъ и буду его называть) привезъ меня въ щегольской пролеткѣ на свою квартиру и, первымъ дѣломъ, я удивился великолѣпію его квартиры. То есть не то, что великолѣпію, но квартира эта была, какъ у самыхъ «порядочныхъ людей», высокія, большія, свѣтлыя комнаты (я видѣлъ двѣ, остальныя были притворены) и мебель, — опять таки хоть и не Богъ знаетъ какой Versailles или Renaissance, но мягкая, комфортная, обильная, на самую широкую ногу; ковры, рѣзное дерево и статуэтки, между тѣмъ, про нихъ всѣ говорили, что они нищіе, что у нихъ ровно ничего. Я мелькомъ слышалъ, однако, что

этотъ князь и вездѣ задавалъ пыли, гдѣ только могъ, — и здѣсь, и въ Москвѣ, и въ прежнемъ полку, и въ Парижѣ, что онъ даже игрокъ, и что у него долги. На мнѣ былъ перемятый сюртукъ и вдобавокъ въ пуху, потому что я такъ и спалъ не раздѣвшись, а рубашкѣ приходился уже четвертый день. Впрочемъ, сюртукъ мой былъ еще не совсѣмъ скверенъ, но, попавъ къ князю, я вспомнилъ о предложеніи Версилова сшить себѣ платье.

— Вообразите, я по поводу одной самоубійцы всю ночь проспалъ одѣвшись, замѣтилъ я съ разсѣяннымъ видомъ, и такъ какъ онъ тотчасъ-же выразилъ вниманіе, то вкратцѣ и разсказалъ. Но его, очевидно, занимало больше всего его письмо. Главное, мнѣ странно было, что онъ не только не улыбнулся, но даже самаго маленькаго вида не показалъ въ этомъ смыслѣ, когда я давеча прямо такъ и объявилъ, что хотѣлъ вызвать его на дуэль. Хоть я-бы и съумѣлъ заставить его не смѣяться, но все таки это было странно отъ человѣка такого сорта. Мы усѣлись другъ противъ друга посреди комнаты, за огромнымъ его письменнымъ столомъ, и онъ мнѣ передалъ на просмотръ уже готовое и переписанное набѣло письмо его къ Версилову. Документъ этотъ былъ очень похожъ на все то, что онъ мнѣ давеча высказалъ у моего князя; написано даже горячо. Это видимое прямодушіе его и готовность ко всему хорошему, я, правда, еще не зналъ, какъ принять окончательно, но начиналъ уже поддаваться, потому, въ сущности, почему-же мнѣ было не вѣрить? Каковъ-бы ни былъ человѣкъ и что-бы о немъ ни разсказывали, но онъ все-же могъ быть съ хорошими наклонностями. Я посмотрѣлъ тоже и послѣднюю записочку Версилова въ семь строкъ — отказъ отъ вызова. Хоть онъ и дѣйствительно прописалъ въ ней про свое «малодушіе» и про «свой эгоизмъ», но вся, въ цѣломъ, записка эта какъ-бы отличалась какимъ-то высокомѣріемъ... или, лучше, во всемъ поступкѣ этомъ выяснялось какое-то пренебреженіе. Я, впрочемъ, не высказалъ этого.

— Вы, однако, какъ смотрите на этотъ отказъ, спросилъ я, — вѣдь не считаете-же вы что онъ струсилъ?

— Конечно, нѣтъ, улыбнулся князь, но какъ-то очень серіозной улыбкой, и вообще онъ становился все болѣе и болѣе озабоченъ: — я слишкомъ знаю, что этотъ человѣкъ мужественъ. Тутъ, конечно, особый взглядъ... свое собственное расположеніе идей...

— Безъ сомнѣнія, прервалъ я горячо. — Нѣкто Васинъ говоритъ, что въ поступкѣ его съ этимъ письмомъ и съ отказомъ отъ наслѣдства заключается «пьедесталъ»... По моему, такія вещи не дѣлаются для показу, а соотвѣтствуютъ чему-то основному, внутреннему.

— Я очень хорошо знаю господина Васина, замѣтилъ князь.

— Ахъ, да, вы должны были видѣть его въ Лугѣ.

Мы вдругъ взглянули другъ на друга и, вспоминаю, я, кажется, капельку покраснѣлъ. По крайней мѣрѣ, онъ перебилъ разговоръ. Мнѣ, впрочемъ, очень хотѣлось разговориться. Мысль объ одной вчерашней встрѣчѣ моей соблазняла меня задать ему кой-какіе вопросы, но только я не зналъ какъ приступить. И вообще, я былъ какъ-то очень не по себѣ. Поражала меня тоже его удивительная благовоспитанность, вѣжливость, непринужденность манеръ, — однимъ словомъ, весь этотъ лоскъ ихняго тона, который они принимаютъ чуть не съ колыбели. Въ письмѣ его я начиталъ двѣ прегрубыя грамматическія ошибки. И вообще, при такихъ встрѣчахъ я никогда не принижаюсь, а становлюсь усиленно рѣзокъ, что иногда, можетъ быть, и дурно. Но въ настоящемъ случаѣ тому особенно способствовала еще и мысль, что я въ пуху, такъ что я нѣсколько даже сплошалъ и влѣзъ въ фамильярность... Я потихоньку замѣтилъ, что князь иногда очень пристально меня оглядывалъ.

— Скажите, князь, вылетѣлъ я вдругъ съ вопросомъ: — не находите вы смѣшнымъ внутри себя, что я, такой еще «молокососъ», хотѣлъ васъ вызвать на дуэль, да еще за чужую обиду?

— За обиду отца очень можно обидѣться. Нѣтъ, не нахожу смѣшнымъ.

— А мнѣ такъ кажется, что это ужасно смѣшно... на иной взглядъ... то есть, раз-

умѣется, не на собственный мой. Тѣмъ болѣе, что я Долгорукій, а не Версиловъ. А если вы говорите мнѣ неправду или чтобъ какъ нибудь смягчить изъ приличій свѣтскаго лоска, то, стало быть, вы меня и во всемъ остальномъ обманываете?

— Нѣтъ, не нахожу смѣшнымъ, повторилъ онъ ужасно серіозно:—не можете-же вы не ощущать въ себѣ крови своего отца?.. Правда, вы еще молоды, потому что... не знаю... кажется, недостигшему совершенныхъ лѣтъ нельзя драться, а отъ него еще нельзя принять вызовъ... по правиламъ... Но если хотите, тутъ одно только, можетъ быть, серіозное возраженіе: если вы дѣлаете вызовъ безъ вѣдома обиженнаго, за обиду котораго вы вызываете, но тѣмъ самымъ выражаете какъ-бы нѣкоторое собственное неуваженіе ваше къ нему, не правда-ли?

Разговоръ нашъ вдругъ прервалъ лакей, который вошелъ о чемъ-то доложить. Завидѣвъ его, князь, кажется, ожидавшій его, всталъ, не докончивъ рѣчи и быстро подошелъ къ нему, такъ что тотъ доложилъ уже въ полголоса и я, конечно, не слыхалъ о чемъ.

— Извините меня, обратился ко мнѣ князь:—я черезъ минуту буду.

И вышелъ. Я остался одинъ, ходилъ по комнатѣ и думалъ. Странно, онъ мнѣ и нравился, и ужасно не нравился. Было что-то такое, чего-бы я и самъ не съумѣлъ назвать, но что-то отталкивающее. «Если онъ ни капли не смѣется надо мной, то, безъ сомнѣнія, онъ ужасно прямодушенъ; но если-бъ онъ надо мной смѣялся, то... можетъ быть, казался-бы мнѣ тогда умнѣе»... странно какъ-то подумалъ я. Я подошелъ къ столу и еще разъ прочелъ письмо къ Версилову. Завлекшись, даже забылъ о времени, и когда очнулся, то вдругъ замѣтилъ, что князева минутка, безспорно, продолжается уже цѣлую четверть часа. Это меня немножко взволновало; я еще разъ прошелся взадъ и впередъ, наконецъ, взялъ шляпу и, помню, рѣшился выйдти съ тѣмъ, чтобъ, встрѣтивъ кого нибудь, послать за княземъ, а когда онъ придетъ, то прямо проститься съ нимъ, увѣривъ, что у меня дѣла, и ждать больше не могу. Мнѣ казалось, что такъ будетъ всего приличнѣе, потому что меня капельку мучила мысль, что онъ, оставляя меня такъ надолго, поступаетъ со мной небрежно.

Обѣ затворенныя двери въ эту комнату приходились по обоимъ концамъ одной и той-же стѣны. Забывъ, въ которую дверь мы вошли, а пуще въ разсѣянности, я отворилъ одну изъ нихъ, и вдругъ, въ длинной и узкой комнатѣ, увидѣлъ сидѣвшую на диванѣ—сестру мою Лизу. Кромѣ нея никого не было и она, конечно, кого-то ждала. Но не успѣлъ я даже удивиться, какъ вдругъ услышалъ голосъ князя, съ кѣмъ-то громко говорившаго и возвращавшагося въ кабинетъ. Я быстро притворилъ дверь и вошедшій изъ другой двери князь ничего не замѣтилъ. Помню, онъ сталъ извиняться и что-то проговорилъ про какую-то Анну Ѳедоровну... Но я былъ такъ смущенъ и пораженъ, что ничего почти не разобралъ, а пролепеталъ только, что мнѣ необходимо домой, затѣмъ настойчиво и быстро вышелъ. Благовоспитанный князь, конечно, съ любопытствомъ долженъ былъ смотрѣть на мои пріемы. Онъ проводилъ меня въ самую переднюю и все говорилъ, а я не отвѣчалъ и не глядѣлъ на него.

IV.

Выйдя на улицу, я повернулъ налѣво и пошелъ куда попало. Въ головѣ у меня ничего не вязалось. Шелъ я тихо и, кажется, прошелъ очень много, шаговъ пятьсотъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня слегка ударили по плечу. Обернулся и увидѣлъ Лизу: она догнала меня и слегка ударила зонтикомъ. Что-то ужасно веселое, а на капельку и лукавое, было въ ея сіяющемъ взглядѣ.

— Ну, какъ я рада, что ты въ эту сторону пошелъ, а то-бы я такъ тебя сегодня и не встрѣтила! Она немного задыхалась отъ скорой ходьбы.

— Какъ ты задохлась.

— Ужасно бѣжала, тебя догоняла.

— Лиза, вѣдь это тебя я сейчасъ встрѣтилъ?

— Гдѣ это?

— У князя... у князя Сокольскаго...

— Нѣтъ, не меня, нѣтъ, меня ты не встрѣтилъ...

Я замолчалъ и мы прошли шаговъ десять. Лиза страшно расхохоталась:

— Меня, меня, конечно, меня! Послушай, вѣдь ты-же меня самъ видѣлъ, вѣдь ты-же мнѣ глядѣлъ въ глаза и я тебѣ глядѣла въ глаза, такъ какъ-же ты спрашиваешь, меня-ли ты встрѣтилъ? Ну, характеръ! А знаешь, я ужасно хотѣла расмѣяться, когда ты тамъ мнѣ въ глаза глядѣлъ, ты ужасно смѣшно глядѣлъ.

Она хохотала ужасно. Я почувствовалъ, какъ вся тоска сразу оставила мое сердце.

— Да какъ-же, скажи, ты тамъ очутилась?

— У Анны Ѳедоровны.

— У какой Анны Ѳедоровны?

— У Столбѣевой. Когда мы въ Лугѣ жили, я у ней по цѣлымъ днямъ сиживала, она и маму у себя принимала, и къ намъ даже ходила. А она ни къ кому почти тамъ не ходила. Андрею Петровичу она дальняя родственница, и князьямъ Сокольскимъ родственница: она князю какая-то бабушка.

— Такъ она у князя живетъ.

— Нѣтъ, князь у ней живетъ.

— Такъ чья-же квартира?

— Ея квартира, вся квартира ея уже цѣлый годъ. Князь только что пріѣхалъ, у ней и остановился. Да и она сама всего только четыре дня въ Петербургѣ.

— Ну... знаешь что, Лиза, Богъ съ ней съ квартирой, и съ ней самой...

— Нѣтъ, она прекрасная...

— И пусть, и книги ей въ руки. Мы сами прекрасные! Смотри какой день, смотри какъ хорошо! Какая ты сегодня красавица, Лиза. А, впрочемъ, ты ужасный ребенокъ.

— Аркадій, скажи, та дѣвушка-то, вчерашняя-то.

— Ахъ, какъ жаль. Лиза, ахъ, какъ жаль!

— Ахъ, какъ жаль! Какой жребій! Знаешь, даже грѣшно, что мы идемъ такіе веселые, а ея душа гдѣ нибудь теперь летитъ во мракѣ, въ какомъ нибудь бездонномъ мракѣ, согрѣшившая, и съ своей обидой... Аркадій, кто въ ея грѣхѣ виноватъ? Ахъ, какъ это страшно! Думаешь-ли ты когда объ этомъ мракѣ? Ахъ, какъ я боюсь смерти, и какъ это грѣшно! Не люблю я темноты, то-ли дѣло такое солнце. Мама говоритъ, что грѣшно бояться... Аркадій, знаешь-ли ты хорошо маму?

— Еще мало, Лиза, мало знаю.

— Ахъ, какое это существо; ты ее долженъ, долженъ узнать! Ее нужно особенно понимать...

— Да вѣдь вотъ-же и тебя не зналъ, а вѣдь знаю-же теперь всю. Всю въ одну минуту узналъ. Ты, Лиза, хоть и боишься смерти, а, должно быть, гордая, смѣлая, мужественная. Лучше меня, гораздо лучше меня! Я тебя ужасно люблю, Лиза. Ахъ, Лиза! Пусть приходитъ, когда надо, смерть, а пока—жить, жить! О той несчастной пожалѣемъ, а жизнь всетаки благословимъ, такъ-ли? Такъ-ли? У меня есть «идея», Лиза. Лиза, ты вѣдь знаешь, что Версиловъ отказался отъ наслѣдства? Ты не знаешь души моей, Лиза, ты не знаешь, что̀ значилъ для меня человѣкъ этотъ?..

— Ну, вотъ не знать, все знаю.

— Все знаешь? Ну, да еще-бы ты! Ты умна; ты умнѣе Васина. Ты и мама — у васъ глаза проницающіе, гуманные, то есть взглядъ, а не глаза, я вру... Я дуренъ во многомъ, Лиза.

— Тебя нужно въ руки взять, вотъ и кончено!

— Возьми, Лиза. Какъ хорошо на тебя смотрѣть сегодня. Да знаешь-ли, что ты прехорошенькая? Никогда еще я не видалъ твоихъ глазъ... Только теперь въ первый разъ увидѣлъ... Гдѣ ты ихъ взяла сегодня, Лиза? Гдѣ купила? Что̀ заплатила? Лиза, у меня не было друга, да и смотрю я на эту идею, какъ на вздоръ; но съ тобой не вздоръ... Хочешь, станемъ друзьями? Ты понимаешь, что я хочу сказать?..

— Очень понимаю.

— И знаешь, безъ уговору, безъ контракту, — просто будемъ друзьями!

— Да просто, просто, но только одинъ уговоръ: если когда нибудь мы обвинимъ другъ друга, если будемъ въ чемъ недовольны, если сдѣлаемся сами злы, дурны, если даже забудемъ все это, — то не забу-

демъ никогда этого дня и вотъ этого самаго часа! Дадимъ слово такое себѣ. Дадимъ слово, что всегда припомнимъ этотъ день, когда мы вотъ шли съ тобой оба рука въ руку и такъ смѣялись, и такъ намъ весело было... Да? Вѣдь да?

— Да, Лиза, да, и клянусь; но, Лиза, я какъ будто тебя въ первый разъ слушаю... Лиза, ты много читала?

— До сихъ поръ еще не спросилъ! Только вчера въ первый разъ, какъ я въ словѣ оговорилась, удостоили обратить вниманіе, милостивый государь, господинъ мудрецъ.

— А что-жъ ты сама со мной не заговаривала, коли я былъ такой дуракъ?

— А я все ждала, что поумнѣешь. Я выглядѣла васъ всего съ самаго начала, Аркадій Макаровичъ, и какъ выглядѣла, то и стала такъ думать: «Вѣдь онъ придетъ-же, вѣдь ужь навѣрно кончитъ тѣмъ, что придетъ», — ну, и положила вамъ лучше эту честь самому предоставить, чтобъ вы первый-то сдѣлали шагъ: «Нѣтъ, думаю, походи-ка теперь за мной?»

— Ахъ ты кокетка! Ну, Лиза, признавайся прямо: смѣялась ты надо мной въ этотъ мѣсяцъ или нѣтъ?

— Охъ, ты очень смѣшной, ты ужасно смѣшной, Аркадій! И знаешь, я, можетъ быть, за то тебя всего больше и любила въ этотъ мѣсяцъ, что ты вотъ этакій чудакъ. Но ты во многомъ и дурной чудакъ — это чтобъ ты не возгордился. Да знаешь-ли, кто еще надъ тобой смѣялся? Мама смѣялась, мама со мной вмѣстѣ: «Экій, шепчетъ, чудакъ, вѣдь этакій чудакъ!» А ты-то сидишь и думаешь въ это время, что мы сидимъ и тебя трепещемъ.

— Лиза, что ты думаешь про Версилова?

— Я очень много объ немъ думаю; но знаешь, мы теперь объ немъ не будемъ говорить. Объ немъ сегодня не надо; вѣдь такъ?

— Совершенно такъ! Нѣтъ, ты ужасно умна, Лиза! Ты непремѣнно умнѣе меня. Вотъ подожди, Лиза, кончу это все и тогда, можетъ, я кое что и скажу тебѣ...

— Чего ты нахмурился?

— Нѣтъ, я не нахмурился, Лиза, а я такъ... Видишь, Лиза, лучше прямо: у меня такая черта, что не люблю, когда до иного щекотнаго въ душѣ пальцами дотрогиваются... или, лучше сказать, если часто иныя чувства выпускать наружу, чтобъ всѣ любовались, такъ вѣдь это стыдно, неправда-ли? Такъ что я иногда лучше люблю хмуриться и молчать: ты умна, ты должна понять.

— Да мало того, я и сама такая-же; я тебя во всемъ поняла. Знаешь-ли ты, что и мама такая-же?

— Ахъ, Лиза! Какъ-бы только подольше прожить на свѣтѣ! А? Что ты сказала?

— Нѣтъ я ничего не сказала.

— Ты смотришь?

— Да и ты смотришь. Я на тебя смотрю и люблю тебя.

Я довелъ ее почти вплоть до дому и далъ ей мой адресъ. Прощаясь, я поцѣловалъ ее въ первый разъ еще въ жизни...

V.

И все-бы это было хорошо, но одно только было нехорошо: одна тяжелая идея билась во мнѣ съ самой ночи и не выходила изъ ума. Это то, что когда я встрѣтился вчера вечеромъ у нашихъ воротъ съ той несчастной, то сказалъ ей, что я самъ ухожу изъ дому, изъ гнѣзда, что уходятъ отъ злыхъ и основываютъ свое гнѣздо, и что у Версилова много незаконнорожденныхъ. Такія слова, про отца отъ сына, ужь, конечно, утвердили въ ней всѣ ея подозрѣнія на Версилова и на то, что онъ ее оскорбилъ. Я обвинялъ Стебелькова, а вѣдь, можетъ быть, я-то, главное, и подлилъ масла въ огонь. Эта мысль ужасна, ужасна и теперь... Но тогда, въ то утро, я хоть и начиналъ уже мучиться, но мнѣ всетаки казалось, что это вздоръ: «Э, тутъ и безъ меня «нагорѣло и накипѣло», повторялъ я по временамъ: — э, ничего, пройдетъ! Поправлюсь! Я это чѣмъ нибудь наверстаю... какимъ нибудь добрымъ поступкомъ... Мнѣ еще пятьдесятъ лѣтъ впереди!»

А идея всетаки билась.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Перелетаю пространство почти въ два мѣсяца; пусть читатель не безпокоится: все будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія. Рѣзко отмѣчаю день пятнадцатаго ноября — день слишкомъ для меня памятный по многимъ причинамъ. И, во первыхъ, никто-бы меня не узналъ, кто видѣлъ меня назадъ два мѣсяца; по крайней мѣрѣ, снаружи, то есть и узналъ-бы, но ничего-бы не разобралъ. Я одѣтъ франтомъ — это первое. Тотъ «добросовѣстный французъ и со вкусомъ», котораго хотѣлъ когда-то отрекомендовать мнѣ Версиловъ, не только сшилъ ужь мнѣ весь костюмъ, но ужь и забракованъ мною: мнѣ шьютъ уже другіе портные, повыше, первѣйшіе, и даже я имѣю у нихъ счетъ. У меня бываетъ счетъ и въ одномъ знатномъ ресторанѣ, но я еще тутъ боюсь, и, чуть деньги, сейчасъ плачу, хотя и знаю, что это — моветонъ, и что я себя тѣмъ компрометтирую. На Невскомъ, французъ-парикмахеръ со мной на короткой ногѣ, и когда я у него причесываюсь, разсказываетъ мнѣ анекдоты. И, признаюсь, я практикуюсь съ ними по французски. Хоть я и знаю языкъ, и даже порядочно, но, въ большомъ обществѣ какъ-то все еще боюсь начинать; да и выговоръ у меня, должно быть, далеко не парижскій. У меня Матвѣй лихачъ, рысакъ, и является къ моимъ услугамъ когда я назначу. У него свѣтло-гнѣдой жеребецъ (я не люблю сѣрыхъ). Есть, впрочемъ, и безпорядки: пятнадцатое ноября, и уже три дня какъ стала зима, а шуба у меня старая, енотовая, Версиловскій обносокъ: продать стоитъ рублей двадцать пять. Надо завести новую, а карманы пусты и, кромѣ того, надо припасти денегъ сегодня-же на вечеръ, и это во что-бы ни стало, — иначе я, «несчастенъ и погибъ»; это — собственныя мои тогдашнія изрѣченія. О, низость! Что-жь, откуда вдругъ эти тысячи, эти рысаки и Борели? Какъ могъ я такъ вдругъ все забыть и такъ измѣниться? Позоръ! Читатель, я начинаю теперь исторію моего стыда и позора, и ничто въ жизни не можетъ для меня быть постыднѣе этихъ воспоминаній.

Такъ говорю, какъ судья, и знаю, что я виновенъ. Въ томъ вихрѣ, въ которомъ я тогда закружился, я хоть былъ и одинъ, безъ руководителя и совѣтника, но, клянусь, и тогда уже самъ сознавалъ свое паденіе, а потому неизвинимъ. А между тѣмъ всѣ эти два мѣсяца я былъ почти счастливъ, — зачѣмъ почти? Я былъ слишкомъ счастливъ! И даже до того, что сознаніе позора, мелькавшее минутами (частыми минутами!), отъ котораго содрогалась душа моя, — это-то сознаніе, — повѣрятъ-ли? — пьянило меня еще болѣе: «А что-жь, па-

дать, такъ падать; да не упаду-же, выѣду! У меня звѣзда!» — Я шелъ по тоненькому мостику изъ щепокъ, безъ перилъ, надъ пропастью, и мнѣ весело было, что я такъ иду; даже заглядывалъ въ пропасть. Былъ рискъ и было весело. А «идея?» — «Идея» — потомъ, идея ждала; все что̀ было — «было лишь уклоненіемъ въ сторону»: «почему-жь не повеселить себя?» Вотъ тѣмъ-то и скверна «моя идея», повторю еще разъ, что допускаетъ рѣшительно всѣ уклоненія; былабы она не такъ тверда и радикальна, то я-бы, можетъ быть, и побоялся уклониться.

А пока я все еще продолжалъ занимать мою квартирёнку, занимать, но не жить въ ней; тамъ лежалъ мой чемоданъ, сакъ и иныя вещи; главная-же резиденція моя была у князя Сергѣя Сокольскаго. Я у него сидѣлъ, я у него и спалъ, и такъ по цѣлымъ даже недѣлямъ... Ка̀къ это случилось, объ этомъ сейчасъ, а пока скажу объ этой моей квартирёнкѣ. Она уже была мнѣ дорога: сюда ко мнѣ пришелъ Версиловъ, самъ, въ первый разъ послѣ тогдашней ссоры, и потомъ приходилъ много разъ. Повторяю, это время было страшнымъ позоромъ, но и огромнымъ счастьемъ... Да и все тогда такъ удавалось и такъ улыбалось! «И къ чему всѣ эти прежнія хмурости, думалъ я въ иныя упоительныя минуты, къ чему эти старые больные надрывы, мое одинокое и угрюмое дѣтство, мои глупыя мечты подъ одѣяломъ, клятвы, разсчеты и даже «идея?» Я все это напредставилъ и выдумалъ, а оказывается, что въ мірѣ совсѣмъ не то; мнѣ вотъ такъ радостно и легко: у меня отецъ — Версиловъ, у меня другъ — князь Сережа, у меня и еще»... но объ еще — оставимъ. Увы, все дѣлалось во имя любви, великодушія, чести, а потомъ оказалось безобразнымъ, нахальнымъ, безчестнымъ.

Довольно.

II.

Онъ пришелъ ко мнѣ въ первый разъ на третій день послѣ нашего тогдашняго разрыва. Меня не было дома и онъ остался ждать. Когда я вошелъ въ мою крошечную каморку, то хоть и ждалъ его всѣ эти три дня, но у меня какъ-бы заволоклись глаза, и такъ стукнуло сердце, что я даже пріостановился въ дверяхъ. Къ счастью, онъ сидѣлъ съ моимъ хозяиномъ, который чтобъ не было скучно гостю ждать, нашелъ нужнымъ немедленно познакомиться и о чемъ-то ему съ жаромъ началъ разсказывать. Это былъ титулярный совѣтникъ, лѣтъ уже сорока, очень рябой, очень бѣдный, обремененный больной въ чахоткѣ женой и больнымъ ребенкомъ; характера чрезвычайно сообщительнаго и смирнаго, впрочемъ, довольно и деликатный. Я обрадовался его присутствію, и онъ даже выручилъ, потому что что̀-жь-бы я сказалъ Версилову? Я зналъ, серіозно зналъ, всѣ эти три дня, что Версиловъ придетъ самъ, первый, — точь въ точь какъ я хотѣлъ того, потому что ни за что̀ на свѣтѣ не пошелъ-бы къ нему первый, и не по строптивости, а именно по любви къ нему, по какой-то ревности любви, — не умѣю я этого выразить. Да и вообще краснорѣчія читатель у меня не найдетъ. Но хоть я и ждалъ его всѣ эти три дня и представлялъ себѣ почти безпрерывно, ка̀къ онъ войдетъ, а всетаки никакъ не могъ вообразить напередъ, хоть и воображалъ изъ всѣхъ силъ, о чемъ мы съ нимъ вдругъ заговоримъ, послѣ всего что̀ произошло.

— А, вотъ и ты, протянулъ онъ мнѣ руку дружески и не вставая съ мѣста. — Присядь-ка къ намъ; Петръ Ипполитовичъ разсказываетъ преинтересную исторію объ этомъ камнѣ, близь Павловскихъ казармъ... или тутъ гдѣ-то...

— Да, я знаю камень, отвѣтилъ я поскорѣе, опускаясь на стулъ рядомъ съ ними. Они сидѣли у стола. Вся комната была ровно въ двѣ сажени въ квадратѣ. Я тяжело перевелъ дыханіе.

Искра удовольствія мелькнула въ глазахъ Версилова, кажется, онъ сомнѣвался и думалъ, что я захочу дѣлать жесты. Онъ успокоился.

— Вы ужь начните сначала, Петръ Ипполитовичъ. — Они уже величали другъ друга по имени-отчеству.

— То есть, это при покойномъ государѣ еще вышло-съ, обратился ко мнѣ Петръ Ипполитовичъ, нервно и съ нѣкоторымъ

мученіемъ, какъ-бы страдая впередъ за успѣхъ эффекта,—вѣдь вы знаете этотъ камень,—глупый камень на улицѣ, къ чему, зачѣмъ, только лишь мѣшаетъ, такъ-ли-съ? Ѣздилъ государь много разъ, и каждый разъ этотъ камень. Наконецъ, государю не понравилось, и дѣйствительно: цѣлая гора, стоитъ гора на улицѣ, портитъ улицу: «Чтобъ не было камня!» Ну, сказалъ, чтобъ не было,—понимаете,—что̀ значитъ: «чтобъ не было?» Покойника-то помните? Что̀ дѣлать съ камнемъ? Всѣ потеряли голову, тутъ Дума, а, главное, тутъ, не помню ужь кто именно, но одинъ изъ самыхъ первыхъ тогдашнихъ вельможъ, на котораго было возложено. Вотъ этотъ вельможа и слушаетъ: говорятъ, пятнадцать тысячъ будетъ сто̀ить, не меньше и серебромъ-съ (потому что ассигнаціи это при покойномъ государѣ только обратили на серебро). «Какъ пятнадцать тысячъ, что̀ за дичь!» Сначала англичане рельсы подвести хотѣли, поставить на рельсы и отвезти паромъ: но вѣдь чего-же-бы это стоило? Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было, только вотъ царскосельская ходила...

— Ну вотъ, распилить можно было, началъ я хмуриться; мнѣ ужасно стало досадно и стыдно передъ Версиловымъ; но онъ слушалъ съ видимымъ удовольствіемъ. Я понималъ, что и онъ радъ былъ хозяину, потому что тоже стыдился со мной, я видѣлъ это; мнѣ, помню, было даже это какъ-бы трогательно отъ него.

— Именно распилить-съ, именно вотъ на эту идею и напали, и именно Монферанъ; онъ вѣдь тогда Исаакіевскій соборъ строилъ. Распилить, говоритъ, а потомъ свезти. Да-съ, да чего оно будетъ стоить?

— Ничего не стоитъ, просто распилить да и вывезти.

— Нѣтъ, позвольте, вѣдь тутъ нужно ставить машину, паровую-съ, и притомъ куда свезти? И притомъ такую гору? Десять тысячъ, говорятъ, менѣе не обойдется, десять или двѣнадцать тысячъ.

— Послушайте, Петръ Ипполитовичъ, вѣдь это — вздоръ, это было не такъ... Но въ это время Версиловъ мнѣ подмигнулъ незамѣтно, и въ этомъ подмигиваніи я увидѣлъ такое деликатное состраданіе къ хозяину, даже страданіе за него, что мнѣ это ужасно понравилось, и я разсмѣялся.

— Ну вотъ, вотъ, обрадовался хозяинъ, ничего не замѣтившій и ужасно боявшійся, какъ и всегда эти разскащики, что его станутъ сбивать вопросами:—только какъ-разъ подходитъ одинъ мѣщанинъ, и еще молодой, ну, знаете, русскій человѣкъ, бородка клиномъ, въ долгополомъ кафтанѣ, и чуть-ли не хмѣльной немножко... впрочемъ, нѣтъ, не хмѣльной-съ. Только стоитъ этотъ мѣщанинъ, какъ они это сговариваются, англичане да Монферанъ, а это лицо, которому поручено-то, тутъ-же въ коляскѣ подъѣхалъ, слушаетъ и сердится: какъ это такъ рѣшаютъ и не могутъ рѣшить; и вдругъ, замѣчаетъ въ отдаленіи, этотъ мѣщанинишко стоитъ и фальшиво этакъ улыбается, то есть не фальшиво, я не такъ, а какъ-бы это...

— Насмѣшливо, осторожно поддакнулъ Версиловъ.

— Насмѣшливо-съ, то есть, немножко насмѣшливо, этакая добрая русская улыбка такая, знаете; ну, лицу, конечно, подъ досадную руку, знаете: «Ты здѣсь, борода, чего дожидаешься? Кто таковъ?»

«— Да вотъ, говоритъ, камушекъ смотрю, ваша свѣтлость. Именно, кажется, свѣтлость; да чуть-ли это не князь Суворовъ былъ, Италійскій, потомокъ полководца-то... Впрочемъ, нѣтъ, не Суворовъ, и какъ жаль, что забылъ кто именно, только знаете, хоть и свѣтлость, а чистый этакій русскій человѣкъ, русскій этакій типъ, патріотъ, развитое русское сердце; ну, догадался:

«— Что-жь, ты, что-ли, говоритъ, свезешь камень: чего ухмыляешься?»

«— На англичанъ больше, ваша свѣтлость, слишкомъ ужь несоразмѣрную цѣну берутъ-съ, потому что русскій кошель толстъ, а имъ дома ѣсть нечего. Сто рубликовъ опредѣлите, ваша свѣтлость—завтра-же къ вечеру сведемъ камушекъ».

— Ну, можете представить подобное предложеніе. Англичане, разумѣется, съѣсть хотятъ; Монферанъ смѣется; только этотъ свѣтлѣйшій, русское-то сердце: «Дать, говоритъ, ему сто рублей!—Да, неужто, говоритъ, свезешь?»

«— Завтра къ вечеру потрафимъ, ваша свѣтлость».

«— Да какъ ты сдѣлаешь?»

«— Это ужь, если не обидно вашей свѣтлости—нашъ секретъ-съ», говоритъ, и, знаете, русскимъ этакимъ языкомъ. Понравилось: «Э, дать ему все, что̀ потребуетъ!» Ну, и оставили; что̀-жь-бы вы думали, онъ сдѣлалъ?

Хозяинъ пріостановился и сталъ обводить насъ умиленнымъ взглядомъ.

— Не знаю, улыбался Версиловъ; я очень хмурился.

— А вотъ какъ онъ сдѣлалъ-съ, проговорилъ хозяинъ съ такимъ торжествомъ, какъ будто онъ самъ это сдѣлалъ:—нанялъ онъ мужичковъ съ заступами, простыхъ этакихъ русскихъ, и сталъ копать у самаго камня, у самаго края, яму; всю ночь копали, огромную выкопали, ровно въ ростъ камню и такъ только на вершокъ еще поглубже, а какъ выкопали, велѣлъ онъ, по маленьку и осторожно, подкапывать землю ужь изъ-подъ самаго камня. Ну, натурально, какъ подкопали, камню-то не на чемъ стоять, равновѣсіе-то и покачнулось; а какъ покачнулось равновѣсіе, они камушекъ-то съ другой стороны уже руками понаперли, этакъ на ура, по русски: камень-то и бухъ въ яму! Тутъ-же лопатками засыпали, тромбовкой утромбовали, камушками замостили,— гладко, исчезъ камушекъ!

— Представьте себѣ! сказалъ Версиловъ.

— То есть, народу-то, народу-то тутъ набѣжало, видимо-невидимо; англичане эти тутъ-же, давно догадались, злятся. Монферанъ пріѣхалъ: это, говоритъ, по мужицки, слишкомъ, говоритъ, просто. Да вѣдь въ томъ-то и штука, что просто, а вы-то не догадались, дураки вы этакіе! Такъ это я вамъ скажу, этотъ начальникъ-то, государственное-то лицо, только обнялъ его, поцѣловалъ: «Да откуда ты былъ такой, говоритъ?»—«А изъ Ярославской губерніи, ваше сіятельство, мы собственно, по нашему рукомеслу портные, а лѣтомъ въ столицу фруктомъ приходимъ торговать-съ». Ну, дошло до начальства; начальство велѣло ему медаль повѣсить; такъ и ходилъ съ медалью на шеѣ, да опился потомъ, говорятъ; знаете, русскій человѣкъ, не удержится! Отъ того-то вотъ насъ до сихъ поръ иностранцы и заѣдаютъ, да-съ, вотъ-съ!

— Да, конечно, русскій умъ... началъ было Версиловъ.

Но тутъ разскащика, къ счастью его, кликнула больная хозяйка, и онъ убѣжалъ, а то-бы я не выдержалъ. Версиловъ смѣялся.

— Милый ты мой, онъ меня цѣлый часъ передъ тобой веселилъ. Этотъ камень... это все, что̀ есть самаго патріотически непорядочнаго между подобными разсказами, но какъ его перебить? Вѣдь ты видѣлъ, онъ таетъ отъ удовольствія. Да и кромѣ того, этотъ камень, кажется, и теперь стоитъ, если только не ошибаюсь, и вовсе не зарытъ въ яму...

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ я: — да вѣдь и вправду. Какже онъ смѣлъ!..

— Что̀ ты? Да ты, кажется, совсѣмъ въ негодованіи, полно. А это онъ, дѣйствительно, смѣшалъ: я слышалъ какой-то въ этомъ родѣ разсказъ о камнѣ еще во времена моего дѣтства, только, разумѣется, не такъ и не про этотъ камень. Помилуй: «дошло до начальства». Да у него вся душа пѣла въ ту минуту, когда онъ «дошелъ до начальства». Въ этой жалкой средѣ и нельзя безъ подобныхъ анекдотовъ. Ихъ у нихъ множество, главное — отъ ихъ невоздержности. Ничему не учились, ничего точно не знаютъ, ну, а кромѣ картъ и производствъ, захочется поговорить о чемъ нибудь общечеловѣческомъ, поэтическомъ... Что̀ онъ, кто такой этотъ Петръ Ипполитовичъ?

— Бѣднѣйшее существо, и даже несчастный.

— Ну, вотъ видишь, даже, можетъ, и въ карты не играетъ? Повторяю, разсказывая эту дребедень, онъ удовлетворяетъ своей любви къ ближнему: вѣдь онъ и насъ хотѣлъ осчастливить. Чувство патріотизма тоже удовлетворено; напримѣръ, еще анекдотъ есть у нихъ, что Завьялову англичане милліонъ давали съ тѣмъ только, чтобъ онъ клейма не клалъ на свои издѣлія.

— Ахъ, Боже мой, этотъ анекдотъ я слышалъ.

— Кто этого не слышалъ, и онъ совершенно даже знаетъ, разсказывая, что ты это навѣрно ужь слышалъ, но всетаки разсказываетъ, *нарочно* воображая, что ты не слыхалъ. Видѣніе шведскаго короля—это ужь у нихъ, кажется, устарѣло; но въ моей юности его съ засосомъ повторяли и съ таинственнымъ шепотомъ, точно такъ-же, какъ и о томъ, что, въ началѣ столѣтія, кто-то будто-бы стоялъ въ сенатѣ на колѣняхъ передъ сенаторами. Про коменданта Башуцкаго тоже много было анекдотовъ, какъ монументъ увезли. Они придворные анекдоты ужасно любятъ; напримѣръ, разсказы про министра прошлаго царствованія Чернышева, какимъ образомъ онъ, семидесятилѣтній старикъ, такъ поддѣлывалъ свою наружность, что казался тридцатилѣтнимъ, и до того, что покойный государь удивлялся на выходахъ...

— И это я слышалъ.

— Кто не слыхалъ? Всѣ эти анекдоты—верхъ непорядочности; но знай, что этотъ типъ непорядочнаго гораздо глубже и дальше распространенъ, чѣмъ мы думаемъ. Желаніе соврать, съ цѣлью осчастливить своего ближняго, ты встрѣтишь даже и въ самомъ порядочномъ нашемъ обществѣ, ибо всѣ мы страдаемъ этою невоздержанностью сердецъ нашихъ. Только у насъ въ другомъ родѣ разсказы; что у насъ объ одной Америкѣ разсказываютъ, такъ это — страсть, и государственные даже люди! Я и самъ, признаюсь, принадлежу къ этому непорядочному типу и всю жизнь страдалъ отъ того...

— Про Чернышева я самъ разсказывалъ нѣсколько разъ.

— Ужь и самъ разсказывалъ?

— Тутъ есть, кромѣ меня, еще жилецъ чиновникъ, тоже рябой, и уже старикъ, но тотъ ужасный прозаикъ, и чуть Петръ Ипполитовичъ заговоритъ, тотчасъ начнетъ его сбивать и противорѣчить. И до того довелъ, что тотъ у него какъ рабъ прислуживаетъ и угождаетъ ему, только чтобъ тотъ слушалъ.

— Это—ужь другой типъ непорядочнаго и даже, можетъ быть, омерзительнѣе перваго. Первый — весь восторгъ! «Да ты дай только соврать—посмотри, какъ хорошо выйдетъ». Второй—весь хандра и проза: «не дамъ соврать, гдѣ, когда, въ которомъ году»?— однимъ словомъ, человѣкъ безъ сердца. Другъ мой, дай всегда немного соврать человѣку—это невинно. Даже много дай соврать. Во первыхъ, это покажетъ твою деликатность, а во вторыхъ, за это тебѣ тоже дадутъ соврать—двѣ огромныхъ выгоды разомъ. Que diable! надобно любить своего ближняго. Но мнѣ пора. Ты премило устроился, прибавилъ онъ, подымаясь со стула. Разскажу Софьѣ Андреевнѣ и сестрѣ твоей, что заходилъ и засталъ тебя въ добромъ здоровьѣ. До свиданья, мой милый.

Какъ, неужели все? Да мнѣ вовсе не о томъ было нужно; я ждалъ другаго, *главнаго*, хотя совершенно понималъ, что и нельзя было иначе. Я со свѣчей сталъ провожать его на лѣстницу; подскочилъ было хозяинъ, но я, потихоньку отъ Версилова, схватилъ его изо всей силы за руку и свирѣпо оттолкнулъ. Онъ поглядѣлъ было съ изумленіемъ, но мигомъ стушевался.

— Эти лѣстницы... мямлилъ Версиловъ, растягивая слова, видимо, чтобъ сказать что нибудь, и видимо боясь, чтобъ я не сказалъ чего нибудь:—эти лѣстницы,—я отвыкъ, а у тебя третій этажъ, а впрочемъ, я теперь найду дорогу... Не безпокойся, мой милый, еще простудишься.

Но я не уходилъ. Мы спускались уже по второй лѣстницѣ.

— Я васъ ждалъ всѣ эти три дня, вырвалось у меня внезапно, какъ-бы само собой; я задыхался.

— Спасибо, мой милый.

— Я зналъ, что вы непремѣнно придете.

— А я зналъ, что ты знаешь, что я непремѣнно приду. Спасибо, мой милый.

Онъ примолкъ. Мы уже дошли до выходной двери, а я все шелъ за нимъ. Онъ отворилъ дверь; быстро ворвавшійся вѣтеръ потушилъ мою свѣчу. Тутъ я вдругъ схватилъ его за руку; была совершенная темнота. Онъ вздрогнулъ, но молчалъ. Я припалъ къ рукѣ его и вдругъ жадно сталъ ее цѣловать, нѣсколько разъ, много разъ.

— Милый мой мальчикъ, да за что ты меня такъ любишь? проговорилъ онъ, но уже совсѣмъ другимъ голосомъ. Голосъ

его задрожалъ, что-то зазвенѣло въ немъ совсѣмъ новое, точно и не онъ говорилъ.

Я хотѣлъ было что-то отвѣтить, но не смогъ и побѣжалъ наверхъ. Онъ-же все ждалъ на мѣстѣ, и только лишь когда я добѣжалъ до квартиры, я услышалъ, какъ отворилась и съ шумомъ захлопнулась наружная дверь внизу. Мимо хозяина, который опять зачѣмъ-то подвернулся, я проскользнулъ въ мою комнату, задвинулся на защелку и, не зажигая свѣчки, бросился на мою кровать, лицомъ въ подушку и— плакалъ-плакалъ. Въ первый разъ заплакалъ съ самаго Тушара! Рыданья рвались изъ меня съ такою силою, и я былъ такъ счастливъ... но что описывать.

Я записалъ это теперь не стыдясь, потому что, можетъ быть, все это было и хорошо, не смотря на всю нелѣпость.

III.

Но ужь и досталось-же ему отъ меня за это! Я сталъ страшнымъ деспотомъ. Само собою, объ этой сценѣ потомъ у насъ и помину не было. Напротивъ, мы встрѣтились съ нимъ на третій-же день, какъ ни въ чемъ не бывало,— мало того: я былъ почти грубъ въ этотъ второй вечеръ, а онъ тоже какъ будто сухъ. Случилось это опять у меня; я почему-то все еще не пошелъ къ нему самъ, не смотря на желаніе увидѣть мать.

Говорили мы во все это время, то есть во всѣ эти два мѣсяца, лишь о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ. И вотъ этому я удивляюсь: мы только и дѣлали, что говорили объ отвлеченныхъ предметахъ,— конечно, общечеловѣческихъ и самыхъ необходимыхъ, но ни мало не касавшихся насущнаго. Между тѣмъ, многое, очень многое изъ насущнаго надо было опредѣлить и уяснить, и даже настоятельно, но объ этомъ-то мы и молчали. Я даже ничего о матери и о Лизѣ не говорилъ и... ну и, наконецъ, о себѣ самомъ, о всей моей исторіи. Отъ стыда-ли это все было, или отъ какой-то юношеской глупости — не знаю. Полагаю, что отъ глупости, потому что стыдъ, всетаки, можно было перескочить. А деспотировалъ я его ужасно и даже въѣзжалъ неоднократно въ нахальство, и даже противъ сердца: это все какъ-то само собою неудержимо дѣлалось, самъ себя не могъ удержать. Его-же тонъ былъ по прежнему съ тонкой насмѣшкой, хотя и чрезвычайно всегда ласковый, не смотря ни на что. Поражало меня тоже, что онъ больше любилъ самъ приходить ко мнѣ, такъ что я, наконецъ, ужасно рѣдко сталъ ходить къ мамѣ, въ недѣлю разъ, не больше, особенно въ самое послѣднее время, когда я ужь совсѣмъ завертѣлся. Онъ приходилъ все по вечерамъ, сидѣлъ у меня и болталъ; тоже очень любилъ болтать и съ хозяиномъ; послѣднее меня бѣсило отъ такого человѣка, какъ онъ. Приходило мнѣ тоже на мысль: неужели ему не къ кому ходить, кромѣ меня? Но я зналъ навѣрно, что у него были знакомства; въ послѣднее время онъ даже возобновилъ многія прежнія сношенія въ свѣтскомъ кругу, въ послѣдній годъ имъ оставленныя; но, кажется, онъ не особенно соблазнялся ими и многое возобновилъ лишь оффиціально, болѣе-же любилъ ходить ко мнѣ. Трогало меня иногда очень, что онъ, входя по вечерамъ, почти каждый разъ, какъ будто робѣлъ, отворяя дверь, и въ первую минуту всегда съ страннымъ безпокойствомъ заглядывалъ мнѣ въ глаза: «не помѣшаю-ли, дескать? Скажи — я уйду». Даже говорилъ это иногда. Разъ, напримѣръ, именно въ послѣднее время, онъ вошелъ, когда уже я былъ совсѣмъ одѣтъ въ только что полученный отъ портнаго костюмъ и хотѣлъ ѣхать къ «князю Сережѣ», чтобъ съ тѣмъ отправиться куда слѣдуетъ (куда — объясню потомъ). Онъ-же, войдя, сѣлъ, вѣроятно, не замѣтивъ, что я собираюсь; на него минутами нападала чрезвычайно странная разсѣянность. Какъ нарочно, онъ заговорилъ о хозяинѣ; я вспылилъ:

— Э, чортъ съ нимъ, съ хозяиномъ!

— Ахъ, милый мой, вдругъ поднялся онъ съ мѣста;—да ты, кажется, собираешься со двора, а я тебѣ помѣшалъ... Прости, пожалуйста.

И онъ смиренно заторопился выходить. Вотъ это-то смиреніе предо мной отъ такого человѣка, отъ такого свѣтскаго и неза-

висимаго человѣка, у котораго такъ много было своего, разомъ воскрешало въ моемъ сердцѣ всю мою нѣжность къ нему и всю мою въ немъ увѣренность. Но если онъ такъ любилъ меня, то почему-же онъ не остановилъ меня тогда во время моего позора? Скажи онъ тогда слово—и я-бы, можетъ быть, удержался. Впрочемъ, можетъ быть, нѣтъ. Но видѣлъ-же онъ это франтовство, это фанфаронство, этого Матвѣя (я даже разъ хотѣлъ довезти его на моихъ саняхъ, но онъ не сѣлъ; и даже нѣсколько разъ это было, что онъ не хотѣлъ садиться), вѣдь видѣлъ-же, что у меня деньги сыплются—и ни слова, ни слова, даже не полюбопытствовалъ! Это меня до сихъ поръ удивляетъ, даже теперь. А я, разумѣется, нисколько тогда передъ нимъ не церемонился и все наружу выказывалъ, хотя, конечно, ни слова тоже не говорилъ въ объясненіе. Онъ не спрашивалъ, я и не говорилъ.

Впрочемъ, раза два—три мы какъ-бы заговаривали и объ насущномъ. Я спросилъ его разъ однажды, вначалѣ, вскорѣ послѣ отказа отъ наслѣдства: чѣмъ-же онъ жить теперь будетъ?

— Какъ нибудь, другъ мой, проговорилъ онъ съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ.

Теперь я знаю, что даже крошечный капиталъ Татьяны Павловны, тысячъ въ пять, на половину былъ затраченъ на Версилова въ эти послѣдніе два года.

Въ другой разъ мы какъ-то заговорили о мамѣ:

— Другъ мой, сказалъ онъ вдругъ грустно: — я часто говорилъ Софьѣ Андреевнѣ, въ началѣ соединенія нашего, впрочемъ, и въ началѣ, и въ серединѣ, и въ концѣ: «Милая, я тебя мучаю и замучаю, и мнѣ не жалко, пока ты передо мной; а вѣдь умри ты, и я знаю, что уморю себя казнью».

Впрочемъ, помню, въ тотъ вечеръ онъ былъ особенно откровененъ:

— Хоть-бы я былъ слабохарактерною ничтожностью и страдалъ этимъ сознаньемъ! А то вѣдь нѣтъ, я вѣдь знаю, что я безконечно силенъ, и чѣмъ, какъ ты думаешь? А вотъ именно этою непосредственною силою уживчивости съ чѣмъ-бы то ни было, столь свойственною всѣмъ умнымъ русскимъ людямъ нашего поколѣнія. Меня ничѣмъ не разрушишь, ничѣмъ не истребишь и ничѣмъ не удивишь. Я живучъ какъ дворовая собака. Я могу чувствовать преудобнѣйшимъ образомъ два противоположныя чувства въ одно и тоже время—и, ужь конечно, не по моей волѣ. Но тѣмъ не менѣе знаю, что это безчестно, главное потому, что ужь слишкомъ благоразумно. Я дожилъ почти до пятидесяти лѣтъ, и до сихъ поръ не вѣдаю: хорошо это, что я дожилъ, или дурно. Конечно, я люблю жить, и это прямо выходитъ изъ дѣла; но любить жизнь такому какъ я — подло. Въ послѣднее время началось что-то новое, и Крафты не уживаются, а застрѣливаются. Но вѣдь ясно, что Крафты глупы; ну, а мы умны,— стало быть, и тутъ никакъ нельзя вывести параллели, и вопросъ, всетаки, остается открытымъ. И неужели земля только для такихъ, какъ мы, стоитъ? Всего вѣрнѣе, что да; но идея эта ужь слишкомъ безотрадная. А впрочемъ... а впрочемъ, вопросъ всетаки остается открытымъ.

Онъ говорилъ съ грустью, и всетаки я не зналъ, искренно или нѣтъ? Была въ немъ всегда какая-то складка, которую онъ ни за что̀ не хотѣлъ оставить.

IV.

Я тогда его засыпалъ вопросами, я бросался на него, какъ голодный на хлѣбъ. Онъ всегда отвѣчалъ мнѣ съ готовностью и прямодушно, но, въ концѣ концовъ, всегда сводилъ на самые общіе афоризмы, такъ что, въ сущности, ничего нельзя было вытянуть. А, между тѣмъ, всѣ эти вопросы меня тревожили всю мою жизнь, и, признаюсь откровенно, я еще въ Москвѣ отдалялъ ихъ рѣшеніе, именно до свиданія нашего въ Петербургѣ. Я даже прямо это заявилъ ему, и онъ не разсмѣялся надо мной,—напротивъ, помню, пожалъ мнѣ руку. Изъ всеобщей политики и изъ соціальныхъ вопросовъ я почти ничего не могъ изъ него извлечь, а эти-то вопросы, въ виду моей «идеи», всего болѣе меня и трево-

жили. О такихъ, какъ Дергачевъ, я вырвалъ у него разъ замѣтку, «что они ниже всякой критики», но въ тоже время онъ странно прибавилъ, что «оставляетъ за собою право не придавать своему мнѣнію никакого значенія». О томъ, какъ кончатся современныя государства и міръ и чѣмъ вновь обновится соціальный міръ, онъ ужасно долго отмалчивался, но, наконецъ, я таки вымучилъ изъ него однажды нѣсколько словъ:

— Я думаю, что все это произойдетъ какъ нибудь чрезвычайно ординарно, проговорилъ онъ разъ.—Просто на просто, всѣ государства, не смотря на всѣ балансы въ бюджетахъ и на «отсутствіе дефицитовъ», un beau matin запутаются окончательно, и всѣ до единаго пожелаютъ не заплатить, чтобъ всѣмъ до единаго обновиться во всеобщемъ банкрутствѣ. Между тѣмъ, весь консервативный элементъ всего міра сему воспротивится, ибо онъ-то и будетъ акціонеромъ и кредиторомъ, и банкротства допустить не захочетъ. Тогда, разумѣется, начнется, такъ сказать, всеобщее окисленіе; прибудетъ много жида, и начнется жидовское царство; а засимъ всѣ тѣ, которые никогда не имѣли акцій, да и вообще ничего не имѣли, то есть всѣ нищіе, естественно не захотятъ участвовать въ окисленіи... Начнется борьба, и послѣ семидесяти семи пораженій, нищіе уничтожатъ акціонеровъ, отберутъ у нихъ акціи и сядутъ на ихъ мѣсто акціонерами-же, разумѣется. Можетъ, и скажутъ что нибудь новое, а, можетъ, и нѣтъ. Вѣрнѣе, что тоже обанкрутятся. Далѣе, другъ мой, ничего не умѣю предугадать въ судьбахъ, которыя измѣнятъ ликъ міра сего. Впрочемъ, посмотри въ Апокалипсисѣ...

— Да неужели все это такъ матеріально; неужели только отъ однихъ финансовъ кончится нынѣшній міръ?

— О, разумѣется, я взялъ лишь одинъ уголокъ картины, но вѣдь и этотъ уголокъ связанъ со всѣмъ, такъ сказать, неразрывными узами.

— Что-же дѣлать?

— Ахъ, Боже мой, да ты не торопись: это все не такъ скоро. Вообще-же, ничего не дѣлать всего лучше, по крайней мѣрѣ, спокоенъ совѣстью, что ни въ чемъ не участвовалъ.

— Э, полноте, говорите дѣло. Я хочу знать, что именно мнѣ дѣлать и какъ мнѣ жить?

— Что тебѣ дѣлать, мой милый? Будь честенъ, никогда не лги, не пожелай дому ближняго своего, однимъ словомъ, прочти десять заповѣдей,—тамъ все это навѣки написано.

— Полноте, полноте, все это такъ старо и притомъ—одни слова; а нужно дѣло.

— Ну, ужь если очень одолѣетъ скука, постарайся полюбить кого нибудь, или что нибудь, или даже просто привязаться къ чему нибудь.

— Вы только смѣетесь! И притомъ, что я одинъ-то сдѣлаю съ вашими десятью заповѣдями?

— А ты ихъ исполни, не смотря на всѣ твои вопросы и сомнѣнія, и будешь человѣкомъ великимъ.

— Никому неизвѣстнымъ.

— Ничего нѣтъ тайнаго, что-бы не сдѣлалось явнымъ.

— Да вы рѣшительно смѣетесь!

— Ну, если ужь ты такъ принимаешь къ сердцу, то, всего лучше, постарайся поскорѣе спеціализироваться, займись постройками или адвокатствомъ, и тогда, занявшись уже настоящимъ и серіознымъ дѣломъ, успокоишься и забудешь о пустякахъ.

Я промолчалъ; ну что тутъ можно было извлечь? И однако-же, послѣ каждаго изъ подобныхъ разговоровъ я еще болѣе волновался чѣмъ прежде. Кромѣ того, я видѣлъ ясно, что въ немъ всегда какъ-бы оставалась какая-то тайна, это-то и привлекало меня къ нему все больше и больше.

— Слушайте,— прервалъ я его однажды:—я всегда подозрѣвалъ, что вы говорите все это только такъ, со злобы и отъ страданія, но втайнѣ, про себя, вы-то и есть фанатикъ какой нибудь высшей идеи и только скрываете или стыдитесь признаться.

— Спасибо тебѣ, мой милый.

— Слушайте, ничего нѣтъ выше, какъ быть полезнымъ. Скажите, чѣмъ въ данный мигъ я всего больше могу быть поле-

зенъ? Я знаю, что вамъ не разрѣшить этого; но я только вашего мнѣнія ищу: вы скажете, и какъ вы скажете, такъ я и пойду, клянусь вамъ! Ну, въ чемъ-же великая мысль?

— Ну, обратить камни въ хлѣбы—вотъ великая мысль.

— Самая великая? Нѣтъ, взаправду, вы указали цѣлый путь; скажите-же: самая великая?

— Очень великая, другъ мой, очень великая, но не самая; великая, но второстепенная, а только въ данный моментъ великая: наѣстся человѣкъ и не вспомнитъ; напротивъ, тотчасъ скажетъ: «Ну, вотъ я наѣлся, а теперь что̀ дѣлать?» Вопросъ остается вѣковѣчно открытымъ.

— Вы разъ говорили про «Женевскія идеи»; я не понялъ, что̀ такое «Женевскія идеи»?

— Женевскія идеи это — добродѣтель безъ Христа, мой другъ, теперешнія идеи или, лучше сказать, идея всей теперешней цивилизаціи. Однимъ словомъ, это — одна изъ тѣхъ длинныхъ исторій, которыя очень скучно начинать и гораздо будетъ лучше, если мы съ тобой поговоримъ о другомъ, а еще лучше, если помолчимъ о другомъ.

— Вамъ-бы все молчать!

— Другъ мой, вспомни, что молчать хорошо, безопасно и красиво.

— Красиво?

— Конечно. Молчаніе всегда красиво, а молчаливый всегда красивѣе говорящаго.

— Да такъ говорить, какъ мы съ вами, конечно, все равно что молчать. Чортъ съ этакой красотой, а пуще всего чортъ съ этакой выгодой!

— Милый мой, сказалъ онъ мнѣ вдругъ, нѣсколько измѣняя тонъ, даже съ чувствомъ и съ какою-то особенною настойчивостью:— милый мой, я вовсе не хочу прельстить тебя какою нибудь буржуазною добродѣтелью взамѣнъ твоихъ идеаловъ, не твержу тебѣ, что «счастье лучше богатырства»; напротивъ, богатырство выше всякаго счастья, и одна ужь способность къ нему составляетъ счастье. Такимъ образомъ, это между нами рѣшено. Я именно и уважаю тебя за то, что ты смогъ, въ наше прокислое время, завести въ душѣ своей какую-то тамъ «свою идею» (не безпокойся, я очень запомнилъ). Но, всетаки, нельзя-же не подумать и о мѣрѣ, потому что тебѣ теперь именно хочется звонкой жизни, что нибудь зажечь, что нибудь раздробить, стать выше всей Россіи, пронестись громовою тучей и оставить всѣхъ въ страхѣ и въ восхищеніи, а самому скрыться въ Сѣверо-Американскіе Штаты. Вѣдь навѣрно что нибудь въ этомъ родѣ въ душѣ твоей, а потому я и считаю нужнымъ тебя предостеречь, потому что искренно полюбилъ тебя, мой милый.

Что̀ могъ я извлечь и изъ этого? Тутъ было только безпокойство обо мнѣ, объ моей матеріальной участи; сказывался отецъ съ своими прозаическими, хотя и добрыми чувствами; но того-ли мнѣ надо было въ виду идей, за которыя каждый честный отецъ долженъ-бы послать сына своего хоть на смерть, какъ древній Горацій своихъ сыновей за идею Рима?

Я приставалъ къ нему часто съ религіей, но тутъ туману было пуще всего. На вопросъ: что̀ мнѣ дѣлать въ этомъ смыслѣ? онъ отвѣчалъ самымъ глупымъ образомъ, какъ маленькому: «Надо вѣровать въ Бога, мой милый».

— Ну, а если я не вѣрю всему этому? вскричалъ я разъ въ раздраженіи.

— И прекрасно, мой милый.

— Какъ прекрасно?

— Самый превосходный признакъ, мой другъ; самый даже благонадежный, потому что нашъ русскій атеистъ, если только онъ вправду атеистъ и чуть-чуть съ умомъ — самый лучшій человѣкъ въ цѣломъ мірѣ и всегда наклоненъ приласкать Бога, потому что непремѣнно добръ, а добръ потому, что безмѣрно доволенъ тѣмъ, что онъ—атеистъ. Атеисты наши — люди почтенные и въ высшей степени благонадежные, такъ сказать, опора отечества...

Это, конечно, было что нибудь, но я хотѣлъ не того; однажды только онъ высказался, но такъ странно, что удивилъ меня больше всего, особенно въ виду всѣхъ этихъ католичествъ и вериг, про которыя я объ немъ слышалъ:

— Милый мой, сказалъ онъ мнѣ однаж-

ды, не дома, а какъ-то на улицѣ, послѣ длиннаго разговора; я провожалъ его. — Другъ мой, любить людей такъ, какъ они есть, невозможно. И, однако-же, должно. И потому дѣлай имъ добро, скрѣпя свои чувства, зажимая носъ и закрывая глаза (послѣднее необходимо). Переноси отъ нихъ зло, не сердясь на нихъ по возможности, «памятуя, что и ты человѣкъ». Разумѣется, ты поставленъ быть съ ними строгимъ, если дано тебѣ быть хоть чуть-чуть поумнѣе средины. Люди по природѣ своей низки и любятъ любить изъ страху; не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать. Гдѣ-то въ Коранѣ Аллахъ повелѣваетъ пророку взирать на «строптивыхъ», какъ на мышей, дѣлать имъ добро и проходить мимо — немножко гордо, но вѣрно. Умѣй презирать даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тутъ-то они и скверны. О, милый мой, я, судя по себѣ, сказалъ это! Кто лишь чуть-чуть не глупъ, тотъ не можетъ жить и не презирать себя, честенъ онъ или безчестенъ — это все равно. Любить своего ближняго и не презирать его — невозможно. По моему, человѣкъ созданъ съ физическою невозможностью любить своего ближняго. Тутъ какая-то ошибка въ словахъ, съ самаго начала, и «любовь къ человѣчеству» надо понимать лишь къ тому человѣчеству, которое ты-же самъ и создалъ въ душѣ своей, — (другими словами, себя самого создалъ и къ себѣ самому любовь), — и котораго, поэтому, никогда и не будетъ на самомъ дѣлѣ.

— Никогда не будетъ?

— Другъ мой, я согласенъ, что это было-бы глуповато, но тутъ не моя вина; а такъ какъ при мірозданіи со мной не справлялись, то я и оставляю за собою право имѣть на этотъ счетъ свое мнѣніе.

— Какъ-же васъ называютъ послѣ этого христіаниномъ, вскричалъ я: — монахомъ съ веригами, проповѣдникомъ? Не понимаю!

— А кто меня такъ называетъ?

Я разсказалъ ему; онъ выслушалъ очень внимательно, но разговоръ прекратилъ.

Никакъ не запомню, по какому поводу былъ у насъ этотъ памятный для меня разговоръ; но онъ даже раздражился, чего съ нимъ почти никогда не случалось. Говорилъ страстно и безъ насмѣшки, какъ-бы и не мнѣ говорилъ. Но я опять таки не повѣрилъ ему: не могъ-же онъ съ такимъ, какъ я, говорить о такихъ вещахъ серіозно?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Въ это утро, пятнадцатаго ноября, я именно засталъ его у «князя Сережи». Я-же и свелъ его съ княземъ, но у нихъ и безъ меня было довольно пунктовъ соединенія (я говорю объ этихъ прежнихъ исторіяхъ за границей и проч.). Кромѣ того, князь далъ ему слово выдѣлить ему изъ наслѣдства, по крайней мѣрѣ, одну треть, что̀ составило-бы тысячъ двадцать непремѣнно. Мнѣ, помню, ужасно тогда было странно, что онъ выдѣляетъ всего треть, а не цѣлую половину; но я смолчалъ. Это обѣщаніе выдѣлить князь далъ тогда самъ собой; Версиловъ ни полсловечкомъ не участвовалъ, не заикнулся; князь самъ выскочилъ, а Версиловъ только молча допустилъ и ни разу потомъ не упомянулъ, даже и виду не показалъ, что сколько нибудь помнитъ объ обѣщаніи. Замѣчу кстати, что князь вначалѣ былъ имъ рѣшительно очарованъ, въ особенности рѣчами его, даже приходилъ въ восторгъ и нѣсколько разъ мнѣ высказывался. Онъ иногда восклицалъ наединѣ со мной и почти съ отчаяніемъ про себя, что онъ — «такъ необразованъ, что онъ на такой ложной дорогѣ!..» О, мы были еще тогда такъ дружны!.. Я и Версилову все старался внушать тогда о князѣ одно хорошее, защищалъ его недостатки, хотя и видѣлъ ихъ самъ; но Версиловъ отмалчивался или улыбался.

— Если въ немъ недостатки, то въ немъ, по крайней мѣрѣ, столько-же достоинствъ, сколько и недостатковъ! — воскликнулъ я разъ наединѣ Версилову.

— Боже, какъ ты ему льстишь, засмѣялся онъ.

— Чѣмъ льщу? не понялъ было я.

— Столько-же достоинствъ! Да вѣдь его мощи явятся, если столько достоинствъ, сколько у него недостатковъ!

Но, конечно, это было не мнѣніе. Вообще о князѣ онъ какъ-то избѣгалъ тогда говорить, какъ и вообще о всемъ насущномъ; но о князѣ особенно. Я подозрѣвалъ уже и тогда, что онъ заходитъ къ князю и безъ меня и что у нихъ есть особыя сношенія, но я допускалъ это. Не ревновалъ тоже и къ тому, что онъ говорилъ съ нимъ какъ-бы серіознѣе чѣмъ со мной, болѣе, такъ сказать, положительно и менѣе пускалъ насмѣшки: но я былъ такъ тогда счастливъ, что это мнѣ даже нравилось. Я извинялъ еще и тѣмъ, что князь былъ немного ограниченъ, а потому любилъ въ словѣ точность, а иныхъ остротъ даже вовсе не понималъ. И вотъ, въ послѣднее время, онъ какъ-то сталъ эмансипироваться. Чувства его къ Версилову какъ будто начали даже измѣняться. Чуткій Версиловъ это замѣтилъ. Предупрежу тоже, что князь въ тоже время и ко мнѣ измѣнился, даже слишкомъ видимо; оставались лишь какія-то мертвыя формы первоначальной нашей почти горячей дружбы. Между тѣмъ я всетаки продолжалъ къ нему ходить; впрочемъ, какъ-бы я и могъ не ходить, затянувшись во все это. О, какъ я былъ тогда неискусенъ, и неужели лишь одна глупость сердца можетъ довести человѣка до такого неумѣнія и униженія? Я бралъ у него деньги и думалъ, что это ничего, что такъ и надо. Впрочемъ, не такъ: я и тогда зналъ, что такъ не надо, но — я просто мало думалъ объ этомъ. Не изъ-за денегъ я ходилъ, хоть мнѣ и ужасно нужны были деньги. Я зналъ, что я не изъ-за денегъ хожу, но понималъ, что каждый день прихожу брать деньги. Но я былъ въ вихрѣ и, кромѣ всего этого, совсѣмъ другое тогда было въ душѣ моей, — пѣло въ душѣ моей!

Когда я вошелъ, часовъ въ одиннадцать утра, то засталъ Версилова уже доканчивавшаго какую-то длинную тираду; князь слушалъ, шагая по комнатѣ, а Версиловъ сидѣлъ. Князь казался въ нѣкоторомъ волненіи. Версиловъ почти всегда могъ приводить его въ волненіе. Князь былъ чрезвычайно воспріимчивое существо, до наивности, заставлявшей меня во многихъ случаяхъ смотрѣть на него свысока. Но, повторяю, въ послѣдніе дни въ немъ явилось что-то злобно оскаливающееся. Онъ пріостановился, увидя меня, и какъ-бы что-то передернулось въ его лицѣ. Я зналъ про себя, чѣмъ объяснить эту тѣнь въ это утро, но не ожидалъ, что до такой степени передернется лицо его. Мнѣ извѣстно было, что у него накопились разныя безпокойства, но гадко было то, что я зналъ лишь десятую долю ихъ, — остальное было для меня тогда крѣпкимъ секретомъ. Потому это было гадко и глупо, что я часто лѣзъ утѣшать его, давать совѣты и даже свысока усмѣхался надъ слабостью его выходить изъ себя «изъ-за такихъ пустяковъ». Онъ отмалчивался; но невозможно, чтобъ не ненавидѣлъ меня въ тѣ минуты ужасно: я былъ въ слишкомъ фальшивомъ положеніи и даже не подозрѣвалъ того. О, свидѣтельствуюсь Богомъ, что главнаго не подозрѣвалъ!

Онъ, однако, вѣжливо протянулъ мнѣ руку, Версиловъ кивнулъ головою, не прерывая рѣчи. Я разлегся на диванѣ. И что за тонъ былъ тогда у меня, что за пріемы! Я даже еще пуще финтилъ, его знакомыхъ третировалъ какъ своихъ... Охъ, если-бъ была возможность это все теперь передѣлать, какъ-бы я съумѣлъ держать себя иначе!

Два слова, чтобъ не забыть; князь жилъ тогда въ той-же квартирѣ, но занималъ ее уже почти всю; хозяйка квартиры, Столбѣева, пробыла лишь съ мѣсяцъ и опять куда-то уѣхала.

II.

Они говорили о дворянствѣ. Замѣчу, что эта идея очень волновала иногда князя, не смотря на весь его видъ прогрессизма, и я даже подозрѣваю, что многое дурное въ его жизни произошло и началось изъ этой идеи: цѣня свое княжество и будучи нищимъ, онъ всю жизнь изъ ложной гордости сыпалъ деньгами и затянулся въ долги. Версиловъ нѣсколько разъ намекалъ ему, что не въ томъ состоитъ княжество, и хотѣлъ

насадить въ его сердцѣ болѣе высшую мысль; но князь подъ конецъ какъ-бы сталъ обижаться, что его учатъ. Повидимому, что-то въ этомъ родѣ было и въ это утро, но я не засталъ начала. Слова Версилова показались мнѣ сначала ретроградными, но потомъ онъ поправился.

— Слово честь — значитъ долгъ, говорилъ онъ (я передаю лишь смыслъ и сколько запомню). Когда въ государствѣ господствуетъ главенствующее сословіе, тогда крѣпка земля. Главенствующее сословіе всегда имѣетъ свою честь и свое исповѣданіе чести, которое можетъ быть и неправильнымъ, но всегда почти служитъ связью и крѣпитъ землю; полезно нравственно, но болѣе политически. Но терпятъ рабы, то есть всѣ непринадлежащіе къ сословію. Чтобъ не терпѣли — сравниваются въ правахъ. Такъ у насъ и сдѣлано, и это прекрасно. Но по всѣмъ опытамъ, вездѣ доселѣ (въ Европѣ то есть) при уравненіяхъ правъ происходило пониженіе чувства чести, а, стало быть, и долга. Эгоизмъ замѣнялъ собою прежнюю скрѣпляющую идею, и все распадалось на свободу лицъ. Освобожденные, оставаясь безъ скрѣпляющей мысли, до того теряли подъ конецъ всякую высшую связь, что даже полученную свободу свою переставали отстаивать. Но русскій типъ дворянства никогда не походилъ на европейскій. Наше дворянство и теперь, потерявъ права, могло-бы оставаться высшимъ сословіемъ, въ видѣ хранителя чести, свѣта, науки и высшей идеи и, что̀ главное, не замыкаясь уже въ отдѣльную касту, что̀ было-бы смертью идеи. Напротивъ, ворота въ сословіе отворены у насъ уже слишкомъ издавна; теперь-же пришло время ихъ отворить окончательно. Пусть всякій подвигъ чести, науки и доблести дастъ у насъ право всякому примкнуть къ верхнему разряду людей. Такимъ образомъ, сословіе само собою обращается лишь въ собраніе лучшихъ людей, въ смыслѣ буквальномъ и истинномъ, а не въ прежнемъ смыслѣ привиллегированной касты. Въ этомъ новомъ или, лучше, обновленномъ видѣ могло-бы удержаться сословіе.

Князь оскалилъ зубы:

— Это какое-же будетъ тогда дворянство? Это вы какую-то масонскую ложу проэктируете, а не дворянство.

Повторяю, князь былъ ужасно необразованъ. Я даже повернулся съ досады на диванѣ, хоть и не совсѣмъ былъ согласенъ съ Версиловымъ. Версиловъ слишкомъ понялъ, что князь показываетъ зубы:

— Я не знаю въ какомъ смыслѣ вы сказали про масонство, отвѣтилъ онъ: — впрочемъ, если даже русскій князь отрекается отъ такой идеи, то, разумѣется, еще не наступило ей время. Идея чести и просвѣщенія, какъ завѣтъ всякаго, кто хочетъ присоединиться къ сословію, незамкнутому и обновляемому безпрерывно, конечно — утопія, но почему-же невозможная? Если живетъ эта мысль хотя лишь въ немногихъ головахъ, то она еще не погибла, а свѣтитъ, какъ огненная точка въ глубокой тьмѣ.

— Вы любите употреблять слова: «высшая мысль», «великая мысль», «скрѣпляющая идея» и проч.; я-бы желалъ знать, что̀ собственно вы подразумѣваете подъ словомъ «великая мысль»?

— Право, не знаю, какъ вамъ отвѣтить на это, мой милый князь, тонко усмѣхнулся Версиловъ. — Если я признаюсь вамъ, что и самъ не умѣю отвѣтить, то это будетъ вѣрнѣе. Великая мысль — это чаще всего чувство, которое слишкомъ иногда по долгу остается безъ опредѣленія. Знаю только, что это всегда было то, изъ чего истекала живая жизнь, то есть не умственная и не сочиненная, а, напротивъ, нескучная и веселая; такъ что высшая идея, изъ которой она истекаетъ, рѣшительно необходима, къ всеобщей досадѣ, разумѣется.

— Почему къ досадѣ?

— Потому что жить съ идеями скучно, а безъ идей всегда весело.

Князь съѣлъ пилюлю.

— А что̀-же такое эта живая жизнь, по вашему? (Онъ видимо злился).

— Тоже не знаю, князь; знаю только, что это должно быть нѣчто ужасно простое, самое обыденное и въ глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никакъ не можемъ повѣрить, чтобъ оно было такъ просто, и естественно проходимъ мимо вотъ уже многія тысячи лѣтъ, не замѣчая и не узнавая.

— Я хотѣлъ только сказать, что ваша идея о дворянствѣ есть въ тоже время и отрицаніе дворянства, сказалъ князь.

— Ну, если ужь очень того хотите, то дворянство у насъ, можетъ быть, никогда и не существовало.

— Все это ужасно темно и неясно. Если говорить, то, по моему, надо развить...

Князь сморщилъ лобъ и мелькомъ взглянулъ на стѣнные часы. Версиловъ всталъ и захватилъ свою шляпу:

— Развить? сказалъ онъ: — нѣтъ, ужь лучше не развивать, и къ тому-же страсть моя—говорить безъ развитія. Право, такъ. И вотъ еще странность: случись, что я начну развивать мысль, въ которую вѣрую, и почти всегда такъ выходитъ, что въ концѣ изложенія я самъ перестаю вѣровать въ излагаемое; боюсь подвергнуться и теперь. До свиданія, дорогой князь: у васъ я всегда непростительно разболтаюсь.

Онъ вышелъ; князь вѣжливо проводилъ его, но мнѣ было обидно.

— Чего вы-то нахохлились? вдругъ выпалилъ онъ, не глядя и проходя мимо къ конторкѣ.

— Я къ тому нахохлился, началъ я съ дрожью въ голосѣ,— что, находя въ васъ такую странную перемѣну тона ко мнѣ и даже къ Версилову, я... Конечно, Версиловъ, можетъ быть, началъ нѣсколько ретроградно, но потомъ онъ поправился и... въ его словахъ, можетъ быть, заключалась глубокая мысль, но вы просто не поняли и...

— Я просто не хочу, чтобъ меня выскакивали учить и считали за мальчишку! отрѣзалъ онъ почти съ гнѣвомъ.

— Князь, такія слова...

— Пожалуйста безъ театральныхъ жестовъ — сдѣлайте одолженіе. Я знаю, что то, что я дѣлаю — подло, что я — мотъ, игрокъ, можетъ быть, воръ... да, воръ, потому что я проигрываю деньги семейства, но я вовсе не хочу надо мной судей. Не хочу и не допускаю. Я — самъ себѣ судъ. И къ чему двусмысленности? Если онъ хотѣлъ мнѣ высказать, то и говори прямо, а не пророчь сумбуръ туманный. Но, чтобъ сказать это мнѣ, надо право имѣть, надо самому быть честнымъ...

— Во первыхъ, я не засталъ начала и не знаю, о чемъ вы говорили, а, во вторыхъ, чѣмъ-же безчестенъ Версиловъ, позвольте васъ это спросить?

— Довольно, прошу васъ, довольно. Вы вчера просили триста рублей, вотъ они... Онъ положилъ передо мной на столъ деньги, а самъ сѣлъ въ кресло, нервно откинулся на спинку и забросилъ одну ногу за другую. Я остановился въ смущеніи:

— Я не знаю... пробормоталъ я: — хоть я васъ и просилъ... и хоть мнѣ и очень нужны деньги теперь, но, въ виду такого тона...

— Оставьте тонъ. Если я сказалъ что нибудь рѣзкое, то извините меня. Увѣряю васъ, что мнѣ не до того. Выслушайте дѣло: я получилъ письмо изъ Москвы; братъ Саша, еще ребенокъ онъ, вы знаете, умеръ четыре дня назадъ. Отецъ мой, какъ вамъ тоже извѣстно, вотъ уже два года въ параличѣ, а теперь ему, пишутъ, хуже, слова не можетъ вымолвить и не узнаетъ. Они обрадовались тамъ наслѣдству и хотятъ везти за границу; но мнѣ пишетъ докторъ, что онъ врядъ-ли и двѣ недѣли проживетъ. Стало быть, остаемся мать, сестра и я, и, стало быть, теперь я одинъ почти... Ну, однимъ словомъ, я — одинъ... Это наслѣдство... Это наслѣдство — о, можетъ, лучше-бъ было, если-бъ оно не приходило вовсе! Но вотъ что именно я вамъ хотѣлъ сообщить: я обѣщалъ изъ этого наслѣдства Андрею Петровичу minimum двадцать тысячъ... А, между тѣмъ, представьте, за формальностями, до сихъ поръ ничего нельзя было сдѣлать. Я даже... мы то есть... то есть отецъ еще не введенъ даже и во владѣніе этимъ имѣніемъ. Между тѣмъ, я потерялъ въ послѣднія три недѣли столько денегъ, и этотъ мерзавецъ Стебельковъ беретъ такіе проценты... Я вамъ отдалъ теперь почти послѣднія...

— О, князь, если такъ...

— Я не къ тому, не къ тому. Стебельковъ принесетъ сегодня навѣрно, и на перехватку довольно будетъ, но чортъ его знаетъ этого Стебелькова! Я умолялъ его достать мнѣ десять тысячъ, чтобы хоть десять тысячъ я могъ отдать Андрею Петровичу. Мое обѣщаніе ему выдѣлить треть меня мучаетъ, истязуетъ. Я далъ слово и

долженъ сдержать. И, клянусь вамъ, я рвусь освободиться отъ обязательствъ хоть съ этой стороны. Мнѣ они тяжелы, тяжелы, невыносимы! Эта тяготѣющая на мнѣ связь... Я не могу видѣть Андрея Петровича, потому что не могу глядѣть ему прямо въ глаза... зачѣмъ-же онъ злоупотребляетъ?

— Чѣмъ онъ злоупотребляетъ, князь? остановился я передъ нимъ въ изумленіи. — Развѣ онъ когда вамъ хоть намекалъ?

— О, нѣтъ, и я цѣню, но я самъ себѣ намекалъ. И, наконецъ, я все больше и больше втягиваюсь... Этотъ Стебельковъ...

— Послушайте, князь, успокойтесь пожалуйста; я вижу, что вы чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ волненіи, а, между тѣмъ, все это, можетъ быть, лишь миражъ. О, я затянулся и самъ, непростительно, подло; но вѣдь я знаю, что это только временное... и только-бы мнѣ отыграть извѣстную цифру, и тогда... скажите, я вамъ долженъ съ этими тремя стами до двухъ тысячъ пятисотъ, такъ-ли?

— Я съ васъ, кажется, не спрашиваю, вдругъ оскалился князь.

— Вы говорите: Версилову десять тысячъ. Если я беру у васъ теперь, то, конечно, эти деньги пойдутъ въ зачетъ двадцати тысячъ Версилова; я иначе не допускаю. Но... но я навѣрно и самъ отдамъ... Да неужели-же вы думаете, что Версиловъ къ вамъ ходитъ за деньгами?

— Для меня легче было-бъ, если-бъ онъ ходилъ ко мнѣ за деньгами, загадочно промолвилъ князь.

— Вы говорите объ какой-то «тяготѣющей связи»... Если это съ Версиловымъ и со мной, то это, ей Богу, обидно. И, наконецъ, вы говорите: зачѣмъ онъ самъ не таковъ, какимъ быть учитъ — вотъ ваша логика! И, во первыхъ, это — не логика, позвольте мнѣ это вамъ доложить, потому что, если-бъ онъ былъ и не таковъ, то всетаки не могъ не проповѣдывать истину... И, наконецъ, что̀ это за слово «проповѣдуетъ?» Вы говорите: «пророкъ». Скажите, это вы его назвали «бабьимъ пророкомъ» въ Германіи?

— Нѣтъ, не я.

— Мнѣ Стебельковъ говорилъ, что вы.

— Онъ солгалъ. Я — не мастеръ давать насмѣшливыя прозвища. Но если кто проповѣдуетъ честь, то будь и самъ честенъ — вотъ моя логика, и, если неправильна, то все равно. Я хочу, чтобъ было такъ, и будетъ такъ. И никто, никто не смѣй приходить судить меня ко мнѣ въ домъ и считать меня за младенца! Довольно! вскричалъ онъ, махнувъ на меня рукой, чтобъ я не продолжалъ... — А, наконецъ!

Отворилась дверь, и вошелъ Стебельковъ.

III.

Онъ былъ все тотъ-же: также щеголевато одѣтъ, также выставлялъ грудь впередъ, также глупо смотрѣлъ въ глаза, также воображалъ, что хитритъ и былъ очень доволенъ собой. На этотъ разъ, входя, онъ какъ-то странно осмотрѣлся; что-то особенно осторожное и проницательное было въ его взглядѣ, какъ будто онъ что-то хотѣлъ угадать по нашимъ физіономіямъ. Мигомъ, впрочемъ, онъ успокоился, и самоувѣренная улыбка засіяла на губахъ его, та «простительно-наглая» улыбка, которая, всетаки, была невыразимо гадка для меня.

Я зналъ давно, что онъ очень мучилъ князя. Онъ уже разъ или два приходилъ при мнѣ. Я... я тоже имѣлъ съ нимъ одно сношеніе въ этотъ послѣдній мѣсяцъ, но на этотъ разъ я, по одному случаю, немного удивился его приходу.

— Сейчасъ, сказалъ ему князь, не поздоровавшись съ нимъ и, обратясь къ намъ спиной, сталъ вынимать изъ конторки нужныя бумаги и счеты. Что̀ до меня, я былъ рѣшительно обиженъ послѣдними словами князя; намекъ на безчестность Версилова былъ такъ ясенъ (и такъ удивителенъ!), что нельзя было оставить его безъ радикальнаго разъясненія. Но при Стебельковѣ невозможно было. Я развлегся опять на диванѣ и развернулъ лежавшую передо мной книгу.

— Бѣлинскій, вторая часть! Это — новость; просвѣтиться желаете? крикнулъ я князю и, кажется, очень выдѣланно.

Онъ былъ очень занятъ и спѣшилъ, но на слова мои вдругъ обернулся:

— Я васъ прошу, оставьте эту книгу въ покоѣ, рѣзко проговорилъ онъ.

Это выходило уже изъ границъ и, главное—при Стебельковѣ! Какъ нарочно, Стебельковъ хитро и гадко осклабился и украдкой кивнулъ мнѣ на князя. Я отворотился отъ этого глупца.

— Не сердитесь, князь; уступаю васъ самому главному человѣку, а пока стушевываюсь...

Я рѣшился быть развязнымъ.

— Это я-то — главный человѣкъ? подхватилъ Стебельковъ, весело показывая самъ на себя пальцемъ.

— Да, вы-то; вы самый главный человѣкъ и есть, и сами это знаете!

— Нѣтъ-съ, позвольте. На свѣтѣ вездѣ второй человѣкъ. Я — второй человѣкъ. Есть первый человѣкъ и есть второй человѣкъ. Первый человѣкъ сдѣлаетъ, а второй человѣкъ возьметъ. Значитъ, второй человѣкъ выходитъ первый человѣкъ, а первый человѣкъ — второй человѣкъ. Такъ или не такъ?

— Можетъ, и такъ, только я васъ, по обыкновенію, не понимаю.

— Позвольте. Была во Франціи революція и всѣхъ казнили. Пришелъ Наполеонъ и все взялъ. Революція — это первый человѣкъ, а Наполеонъ — второй человѣкъ. А вышло, что Наполеонъ сталъ первый человѣкъ, а революція стала второй человѣкъ. Такъ или не такъ?

Замѣчу, между прочимъ, что въ томъ, что онъ заговорилъ со мной про французскую революцію, я увидѣлъ какую-то еще прежнюю хитрость его, меня очень забавлявшую: онъ все еще продолжалъ считать меня за какого-то революціонера, и во всѣ разы, какъ меня встрѣчалъ, находилъ необходимымъ заговорить о чемъ нибудь въ этомъ родѣ.

— Пойдемте, сказалъ князь, и оба они вышли въ другую комнату. Оставшись одинъ, я окончательно рѣшился отдать ему назадъ его триста рублей, какъ только уйдетъ Стебельковъ. Мнѣ эти деньги были до крайности нужны, но я рѣшился.

Они оставались тамъ минутъ десять совсѣмъ неслышно, и вдругъ громко заговорили. Заговорили оба, но князь вдругъ закричалъ, какъ-бы въ сильномъ раздраженіи, доходившемъ до бѣшенства. Онъ иногда бывалъ очень вспыльчивъ, такъ что даже я спускалъ ему. Но въ эту самую минуту вошелъ лакей съ докладомъ; я указалъ ему на ихъ комнату и тамъ мигомъ все затихло. Князь быстро вышелъ съ озабоченнымъ лицомъ, но съ улыбкой; лакей побѣжалъ и черезъ полминуты вошелъ къ князю гость.

Это былъ одинъ важный гость, съ аксельбантами и вензелемъ, господинъ лѣтъ не болѣе тридцати, великосвѣтской и какой-то строгой наружности. Предварю читателя, что князь Сергѣй Петровичъ къ высшему петербургскому свѣту все еще не принадлежалъ настоящимъ образомъ, не смотря на все страстное желаніе свое (о желаніи я зналъ), а потому онъ ужасно долженъ былъ цѣнить такое посѣщеніе. Знакомство это, какъ мнѣ извѣстно было, только что завязалось, послѣ большихъ стараній князя; гость отдавалъ теперь визитъ, но, къ несчастію, накрылъ хозяина въ расплохъ. Я видѣлъ, съ какимъ мученіемъ и съ какимъ потеряннымъ взглядомъ обернулся было князь на мигъ къ Стебелькову; но Стебельковъ вынесъ взглядъ какъ ни въ чемъ не бывало и, нисколько не думая стушевываться, развязно сѣлъ на диванъ и началъ рукой ерошить свои волосы, вѣроятно, въ знакъ независимости. Онъ сдѣлалъ даже какую-то важную мину, однимъ словомъ, рѣшительно былъ невозможенъ. Что до меня, разумѣется, я и тогда уже умѣлъ себя держать и, конечно, не осрамилъ-бы никого, но каково-же было мое изумленіе, когда я поймалъ тотъ-же потерянный, жалкій и злобный взглядъ князя и на мнѣ: онъ стыдился, стало быть, насъ обоихъ и меня равнялъ со Стебельковымъ. Эта идея привела меня въ бѣшенство; я разлегся еще больше и сталъ перебирать книгу съ такимъ видомъ, какъ будто до меня ничего не касается. Напротивъ, Стебельковъ выпучилъ глаза, выгнулся впередъ и началъ вслушиваться въ ихъ разговоръ, полагая вѣроятно, что это и вѣжливо, и любезно. Гость разъ—другой

глянулъ на Стебелькова; впрочемъ, и на меня тоже.

Они заговорили о семейныхъ новостяхъ; этотъ господинъ когда-то зналъ мать князя, происходившую изъ извѣстной фамиліи. Сколько я могъ заключить, гость, не смотря на любезность и кажущееся простодушіе тона, былъ очень чопоренъ и, конечно, цѣнилъ себя на столько, что визитъ свой могъ считать за большую честь даже кому-бы то ни было. Если-бъ князь былъ одинъ, то есть безъ насъ, я увѣренъ, онъ былъ-бы достойнѣе и находчивѣе; теперьже что-то особенно дрожавшее въ улыбкѣ его, можетъ быть, слишкомъ ужь любезной, и какая-то странная разсѣянность выдавали его.

Еще пяти минутъ они не сидѣли, какъ вдругъ еще доложили гостя и, какъ нарочно, тоже изъ компрометтирующихъ. Этого я зналъ хорошо и слышалъ о немъ много, хотя онъ меня совсѣмъ не зналъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, впрочемъ, лѣтъ уже двадцати трехъ, прелестно одѣтый, хорошаго дома и красавчикъ собой, но — несомнѣнно дурнаго общества. Въ прошломъ году онъ еще служилъ въ одномъ изъ виднѣйшихъ кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ, но принужденъ былъ самъ подать въ отставку, и всѣ знали изъ какихъ причинъ. Объ немъ родные публиковали даже въ газетахъ, что не отвѣчаютъ за его долги, но онъ продолжалъ еще и теперь свой кутежъ, доставая деньги по десяти процентовъ въ мѣсяцъ, страшно играя въ игорныхъ обществахъ и проматываясь на одну извѣстную француженку. Дѣло въ томъ, что съ недѣлю назадъ ему удалось выиграть въ одинъ вечеръ тысячъ двѣнадцать, и онъ торжествовалъ. Съ княземъ онъ былъ на дружеской ногѣ: они часто вмѣстѣ и за одно играли; но князь даже вздрогнулъ, завидѣвъ его, я замѣтилъ это съ своего мѣста: этотъ мальчикъ былъ всюду какъ у себя дома, говорилъ громко и весело, не стѣсняясь ничѣмъ и все что̀ на умъ придетъ, и, ужь разумѣется, ему и въ голову не могло придти, что нашъ хозяинъ такъ дрожитъ передъ своимъ важнымъ гостемъ за свое общество.

Войдя, онъ прервалъ ихъ разговоръ и тотчасъ началъ разсказывать о вчерашней игрѣ, даже еще и не садясь.

— Вы, кажется, тоже были, оборотился онъ съ третьей фразы къ важному гостю, принявъ того за кого-то изъ своихъ, но, тотчасъ-же разглядѣвъ, крикнулъ:

— Ахъ, извините, а я васъ было принялъ тоже за вчерашняго!

— Алексѣй Владиміровичъ Дарзанъ, Ипполитъ Александровичъ Нащокинъ, поспѣшно познакомилъ ихъ князь; этого мальчика всетаки можно было рекомендовать: фамилія была хорошая и извѣстная, но насъ онъ давеча не отрекомендовалъ, и мы продолжали сидѣть по своимъ угламъ. Я рѣшительно не хотѣлъ повертывать къ нимъ головы; но Стебельковъ, при видѣ молодаго человѣка, сталъ радостно осклабляться и видимо угрожалъ заговорить. Все это мнѣ становилось даже забавно.

— Я васъ въ прошломъ году часто у графини Веригиной встрѣчалъ, сказалъ Дарзанъ.

— Я васъ помню, но вы были тогда, кажется, въ военномъ, ласково отвѣтилъ Нащокинъ.

— Да, въ военномъ, но благодаря... А, Стебельковъ ужь тутъ? Какимъ образомъ онъ здѣсь? Вотъ именно благодаря вотъ этимъ господчикамъ я и не въ военномъ, указалъ онъ прямо на Стебелькова и захохоталъ. Радостно засмѣялся и Стебельковъ, вѣроятно, принявъ за любезность. Князь покраснѣлъ и поскорѣе обратился съ какимъ-то вопросомъ къ Нащокину, а Дарзанъ, подойдя къ Стебелькову, заговорилъ съ нимъ о чемъ-то очень горячо, но уже вполголоса.

— Вамъ, кажется, очень знакома была за границей Катерина Николаевна Ахмакова? спросилъ гость князя.

— О, да, я зналъ...

— Кажется, здѣсь будетъ скоро одна новость. Говорятъ, она выходитъ замужъ за барона Бьоринга.

— Это вѣрно! крикнулъ Дарзанъ.

— Вы... навѣрно это знаете? спросилъ князь Нащокина, съ видимымъ волненіемъ и съ особеннымъ удареніемъ выговаривая свой вопросъ.

— Мнѣ говорили; и объ этомъ, кажет-

ся, уже говорятъ; навѣрно, впрочемъ, не знаю.

— О, навѣрно! подошелъ къ нимъ Дарзанъ: — мнѣ вчера Дубасовъ говорилъ: онъ всегда такія новости первый знаетъ. Да и князю слѣдовало-бы знать...

Нащокинъ переждалъ Дарзана и опять обратился къ князю:

— Она рѣдко стала бывать въ свѣтѣ.

— Послѣдній мѣсяцъ ея отецъ былъ боленъ, какъ-то сухо замѣтилъ князь.

— А съ похожденіями, кажется, барыня! — брякнулъ вдругъ Дарзанъ.

Я поднялъ голову и выпрямился.

— Я имѣю удовольствіе лично знать Катерину Николаевну и беру на себя долгъ завѣрить, что всѣ скандальные слухи — одна ложь и срамъ... и выдуманы тѣми... которые кружились, да не успѣли.

Такъ глупо оборвавъ, я замолчалъ, все еще смотря на всѣхъ съ разгорѣвшимся лицомъ и выпрямившись. Всѣ ко мнѣ обернулись, но вдругъ захихикалъ Стебельковъ; осклабился тоже и пораженный было Дарзанъ.

— Аркадій Макаровичъ Долгорукій, указалъ на меня князь Дарзану.

— Ахъ, повѣрьте, *князь*, открыто и добродушно обратился ко мнѣ Дарзанъ: — я не отъ себя говорю; если были толки, то не я ихъ распустилъ.

— О, я не вамъ! быстро отвѣтилъ я, но ужь Стебельковъ непозволительно разсмѣялся и именно, какъ объяснилось послѣ, тому, что Дарзанъ назвалъ меня княземъ. Адская моя фамилія и тутъ подгадила. Даже и теперь краснѣю отъ мысли, что я, отъ стыда, конечно, не посмѣлъ въ ту минуту поднять эту глупость и не заявилъ вслухъ, что я — просто Долгорукій. Это случилось еще въ первый разъ въ моей жизни. Дарзанъ въ недоумѣніи глядѣлъ на меня и на смѣющагося Стебелькова.

— Ахъ, да! Какую это хорошенькую я сейчасъ встрѣтилъ у васъ на лѣстницѣ, востренькая и свѣтленькая? спросилъ онъ вдругъ князя.

— Право, не знаю какую, отвѣтилъ тотъ быстро, покраснѣвъ.

— Кому знать? засмѣялся Дарзанъ.

— Впрочемъ, это... это могла быть... замялся какъ-то князь.

— Это... вотъ именно ихъ сестрица была, Лизавета Макаровна! указалъ вдругъ на меня Стебельковъ. — Потому я ихъ тоже давеча встрѣтилъ...

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! подхватилъ князь, но на этотъ разъ съ чрезвычайно солидною и серіозною миной въ лицѣ:— это, должно быть, Лизавета Макаровна, короткая знакомая Анны Ѳедоровны Столбѣевой, у которой я теперь живу. Она, вѣрно, посѣщала сегодня Дарью Онисимовну, тоже близкую знакомую Анны Ѳедоровны, на которую та, уѣзжая, оставила домъ...

Это все точно такъ и было. Эта Дарья Онисимовна была мать бѣдной Оли, о которой я уже разсказывалъ и которую Татьяна Павловна пріютила, наконецъ, у Столбѣевой. Я отлично зналъ, что Лиза у Столбѣевой бывала и изрѣдка посѣщала потомъ бѣдную Дарью Онисимовну, которую всѣ у насъ очень полюбили; но тогда, вдругъ, послѣ этого, впрочемъ, чрезвычайно дѣльнаго заявленія князя и особенно послѣ глупой выходки Стебелькова, а, можетъ быть, и потому, что меня сейчасъ назвали княземъ, я вдругъ отъ всего этого весь покраснѣлъ. Къ счастью, въ эту самую минуту всталъ Нащокинъ, чтобъ уходить; онъ протянулъ руку и Дарзану. Въ мгновеніе, когда мы остались одни съ Стебельковымъ, тотъ вдругъ закивалъ мнѣ на Дарзана, стоявшаго къ намъ спиною, въ дверяхъ; я показалъ Стебелькову кулакъ.

Черезъ минуту отправился и Дарзанъ, условившись съ княземъ непремѣнно встрѣтиться завтра въ какомъ-то уже намѣченномъ у нихъ мѣстѣ — въ игорномъ домѣ, разумѣется. Выходя, онъ крикнулъ что-то Стебелькову и слегка поклонился и мнѣ. Чуть онъ вышелъ, Стебельковъ вскочилъ съ мѣста и сталъ среди комнаты, поднявъ палецъ кверху:

— Этотъ барченокъ слѣдующую штуку на прошлой недѣлѣ откололъ: далъ вексель, а бланкъ надписалъ фальшивый, на Аверьянова. Векселекъ-то въ этомъ видѣ и существуетъ, только это не принято! Уголовное. Восемь тысячъ.

— И навѣрно этотъ вексель у васъ? звѣрски взглянулъ я на него.

— У меня банкъ-съ, у меня Mont de piété, а не вексель. Слыхали, что такое Mont de piété въ Парижѣ? Хлѣбъ и благодѣяніе бѣднымъ; у меня Mont de piété...

Князь грубо и злобно остановилъ его:

— Вы чего тутъ? Зачѣмъ вы сидѣли?

— А, быстро закивалъ глазами Стебельковъ: — а то? Развѣ не то?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не то, закричалъ и топнулъ князь: — я сказалъ!

— А ну, если такъ... такъ и такъ. Только это — не такъ...

Онъ круто повернулся и, наклоня голову и выгнувъ спину, вдругъ вышелъ. Князь прокричалъ ему вслѣдъ уже въ дверяхъ:

— Знайте, сударь, что я васъ нисколько не боюсь!

Онъ былъ очень раздраженъ, хотѣлъ было сѣсть, но, взглянувъ на меня, не сѣлъ. Взглядъ его какъ будто и мнѣ тоже проговорилъ: «Ты тоже зачѣмъ торчишь?»

— Я, князь, началъ было я...

— Мнѣ, право, некогда, Аркадій Макаровичъ, я сейчасъ ѣду.

— Одну минутку, князь, мнѣ очень важное; и, во первыхъ, возьмите назадъ ваши триста.

— Это еще что такое?

Онъ ходилъ, но пріостановился.

— То такое, что̀ послѣ всего, что̀ было... и то, что̀ вы говорили про Версилова, что онъ безчестенъ, и, наконецъ, вашъ тонъ во все остальное время... Однимъ словомъ, я никакъ не могу принять.

— Вы однако-же *принимали* цѣлый мѣсяцъ.

Онъ вдругъ сѣлъ на стулъ. Я стоялъ у стола и одной рукой трепалъ книгу Бѣлинскаго, а въ другой держалъ шляпу.

— Были другія чувства, князь... И, наконецъ, я-бы никогда не довелъ до извѣстной цифры... Эта игра... Однимъ словомъ, я не могу!

— Вы просто ничѣмъ не ознаменовали себя, а потому и бѣситесь; я-бы попросилъ васъ оставить эту книгу въ покоѣ.

— Что̀ это значитъ: «не ознаменовали себя»? И, наконецъ, вы при вашихъ гостяхъ почти сравняли меня съ Стебельковымъ.

— А, вотъ разгадка! ѣдко осклабился онъ. — Къ тому-же вы сконфузились, что Дарзанъ васъ назвалъ княземъ.

Онъ злобно засмѣялся. Я вспыхнулъ.

— Я даже не понимаю... ваше княжество я не возьму и даромъ.

— Я знаю вашъ характеръ. Какъ смѣшно вы крикнули въ защиту Ахмаковой... Оставьте книгу!

— Что̀ это значитъ? вскричалъ я тоже.

— О-ставь-те книгу! завопилъ онъ вдругъ, свирѣпо выпрямившись въ креслѣ, точно готовый броситься.

— Это ужь сверхъ всякихъ границъ, проговорилъ я и быстро вышелъ изъ комнаты. Но я еще не прошелъ до конца залы, какъ онъ крикнулъ мнѣ изъ дверей кабинета:

— Аркадій Макаровичъ, воротитесь! Воро-ти-тесь! Во-ро-ти-тесь сейчасъ!

Я не слушалъ и шелъ. Онъ быстрыми шагами догналъ меня, схватилъ за руку и потащилъ въ кабинетъ. Я не сопротивлялся.

— Возьмите! говорилъ онъ блѣдный отъ волненія, подавая брошенные мной триста рублей. — Возьмите непремѣнно... иначе мы... непремѣнно!

— Князь, какъ могу я взять?

— Ну, я у васъ прошу прощенья, хотите? Ну, простите меня!..

— Князь, я васъ всегда любилъ, и если вы меня тоже...

— Я — тоже: возьмите...

Я взялъ. Губы его дрожали.

— Я понимаю, князь, что вы взбѣшены этимъ мерзавцемъ... но я не иначе, князь, возьму, какъ если мы поцѣлуемся, какъ въ прежнихъ размолвкахъ...

Говоря это, я тоже дрожалъ.

— Ну, вотъ нѣжности, пробормоталъ князь, смущенно улыбаясь, но нагнулся и поцѣловалъ меня. Я вздрогнулъ: въ лицѣ его, въ мигъ поцѣлуя, я рѣшительно прочелъ отвращеніе.

— По крайней мѣрѣ, деньги-то вамъ принесъ?..

— Э, все равно.

— Я для васъ-же...

— Принесъ, принесъ.

— Князь, мы были друзьями... и, наконецъ, Версиловъ...

— Ну да, да; хорошо!

— И, наконецъ, я право, не знаю окончательно, эти триста...

Я держалъ ихъ въ рукахъ.

— Берите, бе-ри-те! усмѣхнулся онъ опять, но въ улыбкѣ его было что-то очень недоброе.

Я взялъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Я взялъ потому, что любилъ его. Кто не повѣритъ, тому я отвѣчу, что въ ту минуту, по крайней мѣрѣ, когда я бралъ у него эти деньги, я былъ твердо увѣренъ, что если захочу, то слишкомъ могу достать и изъ другаго источника. А потому, стало быть, взялъ не изъ крайности, а изъ деликатности, чтобъ только его не обидѣть. Увы, я такъ тогда разсуждалъ! Но всетаки мнѣ было очень тяжело, выходя отъ него: я видѣлъ необычайную перемѣну ко мнѣ въ это утро; такого тона никогда еще не было; а противъ Версилова это былъ ужь рѣшительный бунтъ. Стебельковъ, конечно, чѣмъ нибудь досадилъ ему очень давеча, но онъ началъ еще и до Стебелькова. Повторю еще разъ: перемѣну противъ первоначальнаго можно было замѣтить и во всѣ послѣдніе дни, но не такъ, не до такой степени— вотъ что̀ главное.

Могло повліять и глупое извѣстіе объ этомъ флигель-адъютантѣ баронѣ Бьорингѣ... Я тоже вышелъ въ волненіи, но... То-то и есть, что тогда сіяло совсѣмъ другое, и я такъ много пропускалъ мимо глазъ легкомысленно: спѣшилъ пропускать, гналъ все мрачное и обращался къ сіяющему...

Еще не было часу пополудни. Отъ князя на моемъ Матвѣѣ я отправился прямо— повѣрятъ-ли къкому?—къ Стебелькову! То-то и есть, что онъ давеча удивилъ меня не столько приходомъ своимъ къ князю (такъ какъ онъ и обѣщалъ ему быть), сколько тѣмъ, что онъ хоть и подмигивалъ мнѣ, по своей глупой привычкѣ, но вовсе не на ту тему, на которую я ожидалъ. Вчера вечеромъ я получилъ отъ него по городской почтѣ записку, довольно для меня загадочную, въ которой онъ очень просилъ побывать къ нему именно сегодня, во второмъ часу, и «что онъ можетъ сообщить мнѣ вещи, для меня неожиданныя». И вотъ о письмѣ этомъ, сейчасъ, тамъ у князя, онъ даже и виду не подалъ. Какія могли быть тайны между Стебельковымъ и мною? Такая идея была даже смѣшна; но, въ виду всего происшедшаго, я теперь, отправляясь къ нему, былъ даже въ маленькомъ волненіи. Я, конечно, обращался къ нему разъ, недѣли двѣ тому, за деньгами, и онъ давалъ, но почему-то мы тогда разошлись, и я самъ не взялъ: онъ что-то тогда забормоталъ не ясно, по своему обыкновенію, и мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ что-то предложить, какія-то особыя условія; а такъ какъ я третировалъ его рѣшительно свысока, во всѣ разы, какъ встрѣчалъ у князя, то гордо прервалъ всякую мысль объ особенныхъ условіяхъ и вышелъ, не смотря на то, что онъ гнался за мной до дверей; я тогда взялъ у князя.

Стебельковъ жилъ совершеннымъ особнякомъ, и жилъ зажиточно: квартира изъ четырехъ прекрасныхъ комнатъ, хорошая мебель, мужская и женская прислуга и какая-то экономка, довольно, впрочемъ, пожилая. Я вошелъ въ гнѣвѣ.

— Послушайте, батюшка, началъ я еще изъ дверей: — что̀ значитъ, во первыхъ, эта записка? Я не допускаю переписки между мною и вами. И почему вы не объявили то, что̀ вамъ надо, давеча прямо у князя: я былъ къ вашимъ услугамъ?

— А вы зачѣмъ давеча тоже молчали и не спросили? раздвинулъ онъ ротъ въ самодовольнѣйшую улыбку.

— Потому что не я къ вамъ имѣю надобность, а вы ко мнѣ имѣете надобность, крикнулъ я, вдругъ разгорячившись.

— А зачѣмъ-же вы ко мнѣ прибыли, коли такъ? чуть не подскочилъ онъ на мѣстѣ отъ удовольствія. Я мигомъ повернулся и хотѣлъ было выйдти, но онъ ухватилъ меня за плечо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я шутилъ. Дѣло важное; сами увидите.

Я сѣлъ. Признаюсь, мнѣ было любопытно. Мы усѣлись у края большаго письмен-

наго стола, одинъ противъ другаго. Онъ хитро улыбнулся и поднялъ было палецъ.

— Пожалуйста безъ вашихъ хитростей и безъ пальцевъ, и, главное, безъ всякихъ аллегорій, а прямо къ дѣлу, не то я сейчасъ уйду! крикнулъ я опять въ гнѣвѣ.

— Вы... горды! произнесъ онъ съ какимъ-то глупымъ укоромъ, качнувшись ко мнѣ въ креслахъ и поднявъ кверху всѣ свои морщины на лбу своемъ.

— Такъ и надо съ вами!

— Вы... у князя брали сегодня деньги, триста рублей; у меня есть деньги. Мои деньги лучше.

— Откуда вы знаете, что я бралъ? ужасно удивился я: — неужто-жь онъ про это вамъ самъ сказалъ?

— Онъ мнѣ сказалъ; не безпокойтесь, такъ, мимо рѣчи, къ слову вышло, къ одному только слову, не нарочно. Онъ мнѣ сказалъ. А можно было у него не брать. Такъ или не такъ?

— Но вы, я слышалъ, деретe проценты невыносимые.

— У меня Mont de piété, а я не деру. Я для пріятелей только держу, а другимъ не даю. Для другихъ Mont de piété...

Этотъ Mont de piété былъ самая обыкновенная ссуда денегъ подъ залоги, на чье-то имя, въ другой квартирѣ, и процвѣтавшее.

— А пріятелямъ я большія суммы даю.

— Что-жь, князь вамъ развѣ такой пріятель?

— Пріятель; но... онъ задаетъ турусы. А онъ не смѣетъ задавать турусы.

— Что-жь онъ такъ у васъ въ рукахъ? Много долженъ?

— Онъ... много долженъ.

— Онъ вамъ заплатитъ; у него наслѣдство...

— Это — не его наслѣдство; онъ деньги долженъ и еще другое долженъ. Мало наслѣдства. Я вамъ дамъ безъ процентовъ.

— Тоже какъ «пріятелю?» Чѣмъ-же это я заслужилъ? засмѣялся я.

— Вы заслужите. Онъ опять рванулся ко мнѣ всѣмъ корпусомъ и поднялъ было палецъ.

— Стебельковъ! Безъ пальцевъ, иначе уйду.

— Слушайте... онъ можетъ жениться на Аннѣ Андреевнѣ! И онъ адски прищурилъ свой лѣвый глазъ.

— Послушайте, Стебельковъ, разговоръ принимаетъ до того скандальный характеръ... Какъ вы смѣете упоминать имя Анны Андреевны.

— Не сердитесь.

— Я только скрѣпя сердце слушаю, потому что ясно вижу какую-то тутъ продѣлку и хочу узнать... Но я могу не выдержать, Стебельковъ!

— Не сердитесь, не гордитесь. Немножко не гордитесь и выслушайте; а потомъ опять гордитесь. Про Анну Андреевну вѣдь знаете? Про то, что князь можетъ жениться... вѣдь знаете?

— Объ этой идеѣ я, конечно, слышалъ, и знаю все; но я никогда не говорилъ съ княземъ объ этой идеѣ. Я знаю только, что эта идея родилась въ умѣ стараго князя Сокольскаго, который и теперь боленъ; но я никогда ничего не говорилъ, и въ томъ не участвовалъ. Объявляя вамъ объ этомъ единственно для объясненія, позволю васъ спросить, во первыхъ: для чего вы-то со мной объ этомъ заговорили? А во вторыхъ, неужели князь *съ вами* о такихъ вещахъ говоритъ?

— Не онъ со мной говоритъ; онъ не хочетъ со мной говорить, а я съ нимъ говорю, а онъ не хочетъ слушать. Давеча кричалъ.

— Еще-бы! Я одобряю его.

— Старичокъ, князь Сокольскій, за Анной Андреевной много дастъ; она угодила. Тогда женихъ князь Сокольскій мнѣ всѣ деньги отдастъ. И неденежный долгъ тоже отдастъ. Навѣрно отдастъ! А теперь ему нечѣмъ отдать.

— Я-то, я-то зачѣмъ вамъ нуженъ?

— Для главнаго вопроса: вы знакомы; вы вездѣ тамъ знакомы. Вы можете все узнать.

— Ахъ, чортъ... что узнать?

— Хочетъ-ли князь, хочетъ-ли Анна Андреевна, хочетъ-ли старый князь. Узнать навѣрно.

— И вы смѣете мнѣ предлагать быть вашимъ шпіономъ, и это — за деньги! вскочилъ я въ негодованіи.

— Не гордитесь, не гордитесь. Еще только немножко не гордитесь, минутъ пять всего. Онъ опять посадилъ меня. Онъ видимо не боялся моихъ жестовъ и возгласовъ; но я рѣшился дослушать.

— Мнѣ нужно скоро узнать, скоро узнать, потому... потому, можетъ, скоро будетъ и поздно. Видѣли, какъ давеча онъ пилюлю съѣлъ, когда офицеръ про барона на Ахмаковой заговорилъ?

Я рѣшительно унижался, что слушалъ долѣе, но любопытство мое было непобѣдимо завлечено.

— Слушайте вы... негодный вы человѣкъ! сказалъ я рѣшительно. — Если я здѣсь сижу и слушаю и допускаю говорить о такихъ лицахъ... и даже самъ отвѣчаю, то вовсе не потому, что допускаю вамъ это право. Я просто вижу какую-то подлость... И, во первыхъ, какія надежды можетъ имѣть князь на Катерину Николаевну?

— Никакихъ, но онъ бѣсится.

— Это — неправда!

— Бѣсится. Теперь, стало быть, Ахмакова — пасъ. Онъ тутъ пліэ проигралъ. Теперь у него одна Анна Андреевна. Я вамъ двѣ тысячи дамъ... безъ процентовъ и безъ векселя.

Выговоривъ это, онъ рѣшительно и важно откинулся на спинку стула и выпучилъ на меня глаза. Я тоже глядѣлъ во всѣ глаза.

— На васъ платье съ Большой Милліонной; надо денегъ, надо деньги; у меня деньги лучше, чѣмъ у него. Я больше чѣмъ двѣ тысячи дамъ...

— Да за что? За что, чортъ возьми?

Я топнулъ ногой. Онъ нагнулся ко мнѣ и проговорилъ выразительно:

— За то, чтобъ вы не мѣшали.

— Да я и безъ того не касаюсь, крикнулъ я.

— Я знаю, что вы молчите; это хорошо.

— Я не нуждаюсь въ вашемъ одобреніи. Я очень желаю этого самъ съ моей стороны, но считаю это не моимъ дѣломъ, и что мнѣ это даже неприлично.

— Вотъ видите, вотъ видите, неприлично! поднялъ онъ палецъ.

— Что вотъ видите?

— Неприлично... Хе! и онъ вдругъ засмѣялся.—Я понимаю, понимаю, что вамъ неприлично, но... мѣшать не будете? подмигнулъ онъ; но въ этомъ подмигиваньи было ужь что-то столь нахальное, даже насмѣшливое, низкое! Именно онъ во мнѣ предполагалъ какую-то низость, и на эту низость разсчитывалъ... Это ясно было, но я никакъ не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Анна Андреевна — вамъ тоже сестра-съ, произнесъ онъ внушительно.

— Объ этомъ вы не смѣете говорить. И вообще объ Аннѣ Андреевнѣ вы не смѣете говорить.

— Не гордитесь, одну только еще минутку! Слушайте: онъ деньги получитъ и всѣхъ обезпечитъ, вѣско сказалъ Стебельковъ: — всѣхъ, *всѣхъ*, вы слѣдите?

— Такъ вы думаете, что я возьму у него деньги?

— Теперь берете-же?

— Я беру свои!

— Какія свои?

— Это — деньги Версиловскія: онъ долженъ Версилову двадцать тысячъ.

— Такъ Версилову, а не вамъ.

— Версиловъ — мой отецъ.

— Нѣтъ, вы — Долгорукій, а не Версиловъ.

— Это все равно! — Дѣйствительно, я могъ тогда такъ разсуждать! Я зналъ, что не все равно, я не былъ такъ глупъ, но я опять таки изъ «деликатности» такъ тогда разсуждалъ.

— Довольно! крикнулъ я. — Я ничего ровно не понимаю. И какъ вы смѣли призывать меня за такими пустяками.

— Неужто вправду не понимаете? Вы— нарочно иль нѣтъ? медленно проговорилъ Стебельковъ, пронзительно и съ какою-то недовѣрчивою улыбкой въ меня вглядываясь.

— Божусь, не понимаю!

— Я говорю: онъ можетъ всѣхъ обезпечить, *всѣхъ*, только не мѣшайте и не отговаривайте...

— Вы, должно быть, съ ума сошли! Что вы выѣхали съ этимъ «всѣхъ»? Версилова, что-ли, онъ обезпечитъ?

— Не вы одни есть, и не Версиловъ... тутъ и еще есть. А Анна Андреевна вамъ

такая-же сестра, *какъ и Лизавета Макаровна!*

Я смотрѣлъ, выпуча глаза. Вдругъ что-то даже меня сожалѣющее мелькнуло въ его гадкомъ взглядѣ:

— Не понимаете, такъ и лучше! Это хорошо, очень хорошо, что не понимаете. Это похвально... если дѣйствительно только не понимаете.

Я совершенно взбѣсился.

— У-бир-райтесь вы съ вашими пустяками, помѣшанный вы человѣкъ! крикнулъ я, схвативъ шляпу.

— Это — не пустяки! Такъ идете? А знаете, вы опять придете.

— Нѣтъ, отрѣзалъ я на порогѣ.

— Придете, и тогда... тогда другой разговоръ. Будетъ главный разговоръ. Двѣ тысячи, помните!

II.

Онъ произвелъ на меня такое грязное и смутное впечатлѣніе, что, выйдя, я даже старался не думать, и только отплевался. Идея о томъ, что князь могъ говорить съ нимъ обо мнѣ и объ этихъ деньгахъ уколола меня какъ булавкой. «Выиграю и отдамъ сегодня-же», подумалъ я рѣшительно.

Какъ ни былъ глупъ и косноязыченъ Стебельковъ, но я видѣлъ яркаго подлеца, во всемъ его блескѣ, а, главное, безъ какой-то интриги тутъ не могло обойдтись. Только некогда мнѣ было вникать тогда ни въ какія интриги, и это-то было главною причиною моей куриной слѣпоты! Я съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на часы, но не было еще и двухъ; стало быть, еще можно было сдѣлать одинъ визитъ, иначе я-бы пропалъ до трехъ часовъ отъ волненія. Я поѣхалъ къ Аннѣ Андреевнѣ Версиловой, моей сестрѣ. Съ ней я давно уже сошелся у моего старичка-князя, именно во время его болѣзни. Идея о томъ, что я уже дня три—четыре не видалъ его, мучила мою совѣсть; но именно Анна Андреевна меня выручила: князь чрезвычайно какъ пристрастился къ ней и называлъ даже мнѣ ее своимъ ангеломъ-хранителемъ. Кстати, мысль выдать ее за князя Сергѣя Петровича, дѣйствительно, родилась въ головѣ моего старичка, и онъ даже не разъ выражалъ мнѣ ее, конечно, по секрету. Я передалъ эту идею Версилову, замѣтивъ и прежде, что изъ всего насущнаго, къ которому Версиловъ былъ столь равнодушенъ, онъ, однако, всегда какъ-то особенно интересовался, когда я передавалъ ему что нибудь о встрѣчахъ моихъ съ Анной Андреевной. Версиловъ пробормоталъ мнѣ тогда, что Анна Андреевна слишкомъ умна и можетъ обойдтись въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ и безъ постороннихъ совѣтовъ. Разумѣется, Стебельковъ былъ правъ, что старикъ дастъ ей приданое, но какъ онъ-то смѣлъ разсчитывать тутъ на что нибудь? Давеча князь крикнулъ ему вслѣдъ, что не боится его вовсе: ужь и въ самомъ дѣлѣ, не говорилъ-ли Стебельковъ ему въ кабинетѣ объ Аннѣ Андреевнѣ; воображаю, какъ-бы я былъ взбѣшенъ на его мѣстѣ.

У Анны Андреевны, въ послѣднее время, я бывалъ даже довольно часто. Но тутъ всегда случалась одна странность: всегда было сама назначитъ, чтобъ я пріѣхалъ, и ужь навѣрно ждетъ меня, но чуть я войду, она непремѣнно сдѣлаетъ видъ, что я вошелъ нежданно и нечаянно; эту черту я въ ней замѣтилъ, но всетаки я къ ней привязался. Она жила у Фанаріотовой, своей бабушки, конечно, какъ ея воспитанница (Версиловъ ничего не давалъ на ихъ содержаніе),— но далеко не въ той роли, въ какой обыкновенно описываютъ воспитанницъ въ домахъ знатныхъ барынь, какъ у Пушкина, напримѣръ, въ Пиковой Дамѣ, воспитанница у старой графини. Анна Андреевна была сама въ родѣ графини. Она жила въ этомъ домѣ совершенно отдѣльно, то есть хоть и въ одномъ этажѣ, и въ одной квартирѣ съ Фанаріотовыми, но въ отдѣльныхъ двухъ комнатахъ, такъ что, входя и выходя, я, напримѣръ, ни разу не встрѣтилъ никого изъ Фанаріотовыхъ. Она имѣла право принимать къ себѣ кого хотѣла и употреблять все свое время какъ ей было угодно. Правда, ей былъ уже двадцать третій годъ. Въ свѣтъ она, въ послѣдній годъ, почти прекратила ѣздить, хотя Фанаріотова и не скупилась на издержки для своей внуки, которую, какъ я слышалъ,

очень любила. Напротивъ, мнѣ именно нравилось въ Аннѣ Андреевнѣ, что я всегда встрѣчалъ ее въ такихъ скромныхъ платьяхъ, всегда за какимъ нибудь занятіемъ, съ книгой или съ рукодѣльемъ. Въ ея видѣ было что-то монастырское, почти монашеское, и это мнѣ нравилось. Она была не многорѣчива, но говорила всегда съ вѣсомъ и ужасно умѣла слушать, чего я никогда не умѣлъ. Когда я говорилъ ей, что она, не имѣя ни одной общей черты, чрезвычайно, однако, напоминаетъ мнѣ Версилова, она всегда чуть-чуть краснѣла. Она краснѣла часто и всегда быстро, но всегда лишь чуть-чуть и я очень полюбилъ въ ея лицѣ эту особенность. У ней я никогда не называлъ Версилова по фамиліи, а непремѣнно Андреемъ Петровичемъ, и это какъ-то такъ само-собою сдѣлалось. Я очень даже замѣтилъ, что вообще у Фанаріотовыхъ, должно быть, какъ-то стыдились Версилова; я по одной, впрочемъ, Аннѣ Андреевнѣ это замѣтилъ, хотя опять таки не знаю, можно-ли тутъ употребить слово «стыдились»; что-то въ этомъ родѣ, однако-же, было. Я заговаривалъ съ нею и о князѣ Сергѣѣ Петровичѣ, и она очень слушала, и, мнѣ казалось, интересовалась этими свѣдѣніями; но какъ-то всегда такъ случалось, что я самъ сообщалъ ихъ, а она никогда не разспрашивала. О возможности между ними брака я никогда не смѣлъ съ нею заговорить, хотя часто желалъ, потому что мнѣ самому эта идея отчасти нравилась. Но въ ея комнатѣ я ужасно о многомъ переставалъ какъ-то смѣть говорить, и, на оборотъ, мнѣ было ужасно хорошо въ ея комнатѣ. Любилъ я тоже очень, что она очень образована и много читала, и даже дѣльныхъ книгъ; гораздо болѣе моего читала.

Она сама позвала меня къ себѣ въ первый разъ. Я понималъ и тогда, что она, можетъ быть, разсчитывала иногда кой о чемъ у меня вывѣдать. О, тогда многіе могли вывѣдать отъ меня очень многое! «Но что-жь изъ того, думалъ я, вѣдь не для этого одного она меня у себя принимаетъ»; однимъ словомъ, я даже былъ радъ, что могъ быть ей полезнымъ и... и когда я сидѣлъ съ ней, мнѣ всегда казалось про себя, что это сестра моя сидитъ подлѣ меня, хоть, однако, про наше родство мы еще ни разу съ ней не говорили — ни словомъ, ни даже намекомъ, какъ будто его и не было вовсе. Сидя у ней, мнѣ казалось какъ-то совсѣмъ и немыслимымъ заговорить про это, и, право, глядя на нее, мнѣ приходила иногда въ голову нелѣпая мысль: что она, можетъ быть, и не знаетъ совсѣмъ про это родство,— до того она такъ держала себя со мной.

III.

Войдя, я вдругъ засталъ у ней Лизу. Меня это почти поразило. Мнѣ очень хорошо было извѣстно, что онѣ и прежде видѣлись; произошло это у «груднаго ребенка». Объ этой фантазіи гордой и стыдливой Анны Андреевны увидать этого ребенка, и о встрѣчѣ тамъ съ Лизой, я, можетъ быть, потомъ разскажу, если будетъ мѣсто; но все-же я никакъ не ожидалъ, чтобъ Анна Андреевна когда нибудь пригласила Лизу къ себѣ. Это меня пріятно поразило. Не подавъ виду, разумѣется, я, поздоровавшись съ Анной Андреевной и горячо пожавъ руку Лизѣ, усѣлся подлѣ нея. Обѣ занимались *дѣломъ:* на столѣ и на колѣняхъ у нихъ лежало дорогое выѣздное платье Анны Андреевны, но старое, то есть три раза надѣванное и которое она желала какъ нибудь передѣлать. Лиза была большая «мастерица» на этотъ счетъ, и со вкусомъ, а потому и происходилъ торжественный совѣтъ «мудрыхъ женщинъ». Я вспомнилъ Версилова и разсмѣялся; да и весь я былъ въ сіяющемъ расположеніи духа.

— Вы очень сегодня веселы, и это очень пріятно, промолвила Анна Андреевна, важно и раздѣльно выговаривая слова. Голосъ ея былъ густой и звучный контральтъ, но она всегда произносила спокойно и тихо, всегда нѣсколько опустивъ свои длинныя рѣсницы, и съ чуть-чуть мелькавшей улыбкой на ея блѣдномъ лицѣ.

— Лиза знаетъ, какъ я непріятенъ, когда невеселъ, отвѣтилъ я весело.

— Можетъ быть, и Анна Андреевна про

то знаетъ, кольнула меня шаловливая Лиза. Милая! Если-бъ я зналъ, что̀ тогда было у нея на душѣ!

— Что̀ вы теперь дѣлаете? спросила Анна Андреевна. (Замѣчу, что она именно даже просила меня побывать къ ней сегодня).

— Я теперь здѣсь сижу и спрашиваю себя: почему мнѣ всегда пріятнѣе васъ находить за книгой, чѣмъ за рукодѣльемъ? Нѣтъ, право, рукодѣлье къ вамъ почему-то нейдетъ. Въ этомъ смыслѣ я въ Андрея Петровича.

— Все еще не рѣшили поступить въ университетъ?

— Я слишкомъ благодаренъ, что вы не забываете нашихъ разговоровъ: это значитъ, что вы обо мнѣ иногда думаете, но... на счетъ университета я еще не составилъ понятія, притомъ-же у меня свои цѣли.

— То есть у него свой секретъ, замѣтила Лиза.

— Оставь шутки, Лиза. Одинъ умный человѣкъ выразился на дняхъ, что во всемъ этомъ прогрессивномъ движеніи нашемъ за послѣднія двадцать лѣтъ, мы прежде всего доказали, что грязно необразованы. Тутъ, конечно, и про нашихъ университетскихъ было сказано.

— Ну, навѣрно папа сказалъ; ты ужасно часто повторяешь его мысли, замѣтила Лиза.

— Лиза, точно ты не предполагаешь во мнѣ собственнаго ума.

— Въ наше время полезно вслушиваться въ слова умныхъ людей и запоминать ихъ, слегка заступилась за меня Анна Андреевна.

— Именно, Анна Андреевна, подхватилъ я съ жаромъ. Кто не мыслитъ о настоящей минутѣ Россіи, тотъ не гражданинъ! Я смотрю на Россію, можетъ быть, съ странной точки: мы пережили татарское нашествіе, потомъ двухвѣковое рабство, и ужь, конечно, потому, что то и другое намъ пришлось по вкусу. Теперь дана свобода и надо свободу перенести: съумѣемъ-ли? Также-ли по вкусу намъ свобода окажется?— Вотъ вопросъ.

Лиза быстро взглянула на Анну Андреевну, а та тотчасъ потупилась и начала что-то искать около себя; я видѣлъ, что Лиза изо всей силы крѣпилась, но вдругъ какъ-то нечаянно наши взгляды встрѣтились, и она прыснула со смѣху; я вспыхнулъ:

— Лиза, ты непостижима!

— Прости меня! сказала она вдругъ, переставъ смѣяться и почти съ грустью.—У меня Богъ знаетъ что̀ въ головѣ...

И точно слезы задрожали вдругъ въ ея голосѣ. Мнѣ стало ужасно стыдно: я взялъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ.

— Вы очень добрый, мягко замѣтила мнѣ Анна Андреевна, увидавъ, что я цѣлую руку Лизы.

— Я пуще всего радъ тому, Лиза, что на этотъ разъ встрѣчаю тебя смѣющуюся, сказалъ я.—Вѣрите-ли, Анна Андреевна: въ послѣдніе дни она каждый разъ встрѣчала меня какимъ-то страннымъ взглядомъ, а во взглядѣ какъ-бы вопросомъ: «что̀, не узналъ-ли чего? Все-ли благополучно?» Право, съ нею что-то въ этомъ родѣ.

Анна Андреевна медленно и зорко на нее поглядѣла, Лиза потупилась. Я, впрочемъ, очень хорошо видѣлъ, что онѣ обѣ гораздо болѣе и ближе знакомы, чѣмъ могъ я предположить входя давеча; эта мысль была мнѣ пріятна.

— Вы сказали сейчасъ, что я добрый; вы не повѣрите, какъ я весь измѣняюсь у васъ къ лучшему и какъ мнѣ пріятно быть у васъ, Анна Андреевна, сказалъ я съ чувствомъ.

— А я очень рада, что вы именно теперь такъ говорите, съ значеніемъ отвѣтила она мнѣ. Я долженъ сказать, что она никогда не заговаривала со мной о моей безпорядочной жизни и объ омутѣ, въ который я окунулся, хотя, я зналъ это, она обо всемъ этомъ не только знала, но даже стороной разспрашивала. Такъ что теперь это было въ родѣ перваго намека, и—сердце мое еще болѣе повернулось къ ней.

— Что нашъ больной? спросилъ я.

— О, ему гораздо легче: онъ ходитъ, и вчера и сегодня ѣздилъ кататься. А развѣ вы и сегодня не заходили къ нему? Онъ васъ очень ждетъ.

— Я виноватъ предъ нимъ, но теперь вы его навѣщаете и меня вполнѣ замѣнили; онъ — большой измѣнникъ и меня на васъ промѣнялъ.

Она сдѣлала очень серіозную мину; такъ какъ, очень можетъ быть, что шутка моя была тривіальна.

— Я былъ давеча у князя Сергѣя Петровича, забормоталъ я,—и я... Кстати, Лиза, ты вѣдь заходила давеча къ Дарьѣ Онисимовнѣ?

— Да, была, какъ-то коротко отвѣтила она, не подымая головы.—Да вѣдь ты, кажется, каждый день ходишь къ больному князю? спросила она какъ-то вдругъ, чтобы что нибудь сказать, можетъ быть.

— Да, я къ нему хожу, да только не дохожу, усмѣхнулся я.—Я вхожу и поворачиваю налѣво.

— Даже князь замѣтилъ, что вы очень часто заходите къ Катеринѣ Николаевнѣ. Онъ вчера говорилъ и смѣялся, сказала Анна Андреевна.

— Чему-же, чему-же смѣялся?

— Онъ шутилъ, вы знаете. Онъ говорилъ, что, напротивъ, молодая и прекрасная женщина на молодаго человѣка въ вашемъ возрастѣ всегда производитъ лишь впечатлѣніе негодованія и гнѣва... засмѣялась вдругъ Анна Андреевна.

— Послушайте... знаете, что это онъ ужасно мѣтко сказалъ, вскричалъ я:—навѣрно это не онъ, а вы сказали ему?

— Почему-же? Нѣтъ, это онъ.

— Ну, а если эта красавица обратитъ на него вниманіе, не смотря на то, что онъ такъ ничтоженъ, стоитъ въ углу и злится, потому что «маленькій», и вдругъ предпочтетъ его всей толпѣ окружающихъ ее обожателей, что̀ тогда? спросилъ я вдругъ съ самымъ смѣлымъ и вызывающимъ видомъ. Сердце мое застучало.

— Тогда ты тутъ такъ и пропадешь передъ нею, разсмѣялась Лиза.

— Пропаду? вскричалъ я.—Нѣтъ, я не пропаду. Кажется, не правда. Если женщина станетъ поперегъ моей дороги, то она должна идти за мной. Мою дорогу не переимаютъ безнаказанно...

Лиза какъ-то говорила мнѣ разъ, мелькомъ, вспоминая уже долго спустя, что я произнесъ тогда эту фразу ужасно странно, серіозно и какъ-бы вдругъ задумавшись; но въ тоже время «такъ смѣшно, что не было возможности выдержать»; дѣйствительно Анна Андреевна опять разсмѣялась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь надо мною! воскликнулъ я въ упоеніи, потому что весь этотъ разговоръ и направленіе его мнѣ ужасно нравились: — отъ васъ мнѣ это только удовольствіе. Я люблю вашъ смѣхъ, Анна Андреевна! У васъ есть черта: вы молчите и вдругъ разсмѣетесь, въ одинъ мигъ, такъ что за мигъ даже и не угадать по лицу. Я зналъ въ Москвѣ одну даму, отдаленно, я смотрѣлъ изъ угла: она была почти такъ-же прекрасна собою какъ вы, но она не умѣла такъ-же смѣяться, и лицо ея такое-же привлекательное, какъ и у васъ—теряло привлекательность; у васъ-же ужасно привлекаетъ... именно этою способностью... Я вамъ давно хотѣлъ высказать.

Когда я выговорилъ про даму, что «она была прекрасна собою, какъ вы», то я тутъ схитрилъ; я сдѣлалъ видъ, что у меня вырвалось нечаянно, такъ что какъ будто я и не замѣтилъ; я очень зналъ, что такая «вырвавшаяся» похвала оцѣнится выше женщиной, чѣмъ какой угодно вылощенный комплиментъ. И какъ ни покраснѣла Анна Андреевна, а я зналъ, что ей это пріятно. Да и даму эту я выдумалъ: никакой я не зналъ въ Москвѣ; я только, чтобъ похвалить Анну Андреевну и сдѣлать ей удовольствіе.

— Вправду можно подумать, прелестно усмѣхнулась она: — что вы въ послѣдніе дни находились подъ вліяніемъ какой нибудь прекрасной женщины.

Я какъ будто летѣлъ куда-то... Мнѣ даже хотѣлось-бы имъ что нибудь открыть... но удержался.

— А кстати, какъ недавно еще вы выражались о Катеринѣ Николаевнѣ совсѣмъ враждебно.

— Если я выражался какъ нибудь дурно, засверкалъ я глазами,—то виною тому была монстрюозная клевета на нее, что она—врагъ Андрею Петровичу; клевета и на него въ томъ, что будто онъ любилъ ее, дѣлалъ ей предложеніе и подобныя нелѣпо-

сти. Эта идея такъ-же чудовищна, какъ и другая клевета на нее-же, что она, будтобы еще при жизни мужа, обѣщала князю Сергѣю Петровичу выйдти за него, когда овдовѣетъ, а потомъ не сдержала слова. Но я знаю изъ первыхъ рукъ, что все это не такъ, а была лишь шутка. Я изъ первыхъ рукъ знаю. Разъ тамъ, за границей, въ одну шутливую минуту, она, дѣйствительно, сказала князю: «можетъ быть», въ будущемъ; но что-же это могло означать кромѣ лишь легкаго слова? Я слишкомъ знаю, что князь, съ своей стороны, никакой цѣны не можетъ придавать такому обѣщанію, да и не намѣренъ онъ вовсе, прибавилъ я, спохватившись. — У него, кажется, совсѣмъ другія идеи, ввернулъ я хитро. Давеча у него Нащокинъ говорилъ, что будто-бы Катерина Николаевна замужъ выходитъ за барона Бьоринга: повѣрьте, что онъ перенесъ это извѣстіе какъ нельзя лучше, будьте увѣрены.

— У него былъ Нащокинъ? вдругъ вѣско и какъ-бы удивившись спросила Анна Андреевна.

— О, да; кажется, это изъ такихъ порядочныхъ людей...

— И Нащокинъ говорилъ съ нимъ объ этой свадьбѣ съ Бьорингомъ? очень заинтересовалась вдругъ Анна Андреевна.

— Не о свадьбѣ, а такъ, о возможности, какъ слухъ; онъ говорилъ, что въ свѣтѣ будто-бы такой слухъ: что до меня, я увѣренъ, что вздоръ.

Анна Андреевна подумала и наклонилась къ своему шитью.

— Я князя Сергѣя Петровича люблю, прибавилъ я вдругъ съ жаромъ. — У него есть свои недостатки, безспорно, я вамъ говорилъ уже, именно нѣкоторая одноидейность... но и недостатки его свидѣтельствуютъ тоже о благородной душѣ, не правда-ли? Мы съ нимъ, напримѣръ, сегодня чуть не поссорились за одну идею: его убѣжденіе, что, если говоришь о благородствѣ, то будь самъ благороденъ, не то все, что ты скажешь — ложь. Ну, логично-ли это? А, между тѣмъ, это-же свидѣтельствуетъ и о высокихъ требованіяхъ чести въ душѣ его, долга, справедливости, не правда-ли?.. Ахъ, Боже мой, который это часъ, вдругъ вскричалъ я, нечаянно взглянувъ на циферблатъ часовъ на каминѣ.

— Безъ десяти минутъ три, спокойно произнесла она, взглянувъ на часы. Все время, пока я говорилъ о князѣ, она слушала меня потупившись, съ какою-то хитренькою, но милою усмѣшкой: она знала, для чего я такъ хвалю его. Лиза слушала, наклонивъ голову надъ работой, и давно уже не вмѣшивалась въ разговоръ.

Я вскочилъ какъ обожженный.

— Вы куда нибудь опоздали?

— Да... нѣтъ... впрочемъ, опоздалъ, но я сейчасъ. Одно только слово, Анна Андреевна, началъ я въ волненіи: я не могу не высказать вамъ сегодня! Я хочу вамъ признаться, что я уже нѣсколько разъ благословлялъ вашу доброту и ту деликатность, съ которою вы пригласили меня бывать у васъ... На меня знакомство съ вами имѣло самое сильное впечатлѣніе... Въ вашей комнатѣ я какъ-бы очищаюсь душой и выхожу отъ васъ лучшимъ, чѣмъ я есть. Это вѣрно. Когда я сижу съ вами рядомъ, то не только не могу говорить о дурномъ, но и мыслей дурныхъ имѣть не могу; онѣ исчезаютъ при васъ и, вспоминая мелькомъ о чемъ нибудь дурномъ, подлѣ васъ, я тотчасъ-же стыжусь этого дурнаго, робѣю и краснѣю въ душѣ. И, знаете, мнѣ особенно было пріятно встрѣтить у васъ сегодня сестру мою... Это свидѣтельствуетъ о такомъ вашемъ благородствѣ... о такомъ прекрасномъ отношеніи... Однимъ словомъ, вы высказали что-то такое *братское*, если ужь позволите разбить этотъ ледъ, что я...

Пока я говорилъ, она подымалась съ мѣста и все болѣе и болѣе краснѣла; но вдругъ какъ-бы испугалась чего-то, какой-то черты, которую не надо-бы перескакивать, и быстро перебила меня:

— Повѣрьте, что я съумѣю оцѣнить всѣмъ сердцемъ ваши чувства... Я ихъ и безъ словъ поняла... и уже давно...

Она пріостановилась въ смущеніи, пожимая мнѣ руку. Вдругъ Лиза незамѣтно дернула меня за рукавъ. Я простился и вышелъ, но въ другой-же комнатѣ догнала меня Лиза.

IV.

— Лиза, зачѣмъ ты меня дернула за рукавъ? спросилъ я.

— Она — скверная, она хитрая, она не стóитъ... Она тебя держитъ, чтобъ отъ тебя вывѣдать, быстрымъ злобнымъ шепотомъ прошептала она. Никогда еще я не видывалъ у ней такого лица.

— Лиза, Богъ съ тобой, она—такая прелестная дѣвушка!

— Ну, такъ я—скверная.

— Чтò съ тобой?

— Я очень дурная. Она, можетъ быть, самая прелестная дѣвушка, а я дурная. Довольно, оставь. Слушай: мама проситъ тебя о томъ, «чего сама сказать не смѣетъ», такъ и сказала. Голубчикъ Аркадій! Перестань играть, милый, молю тебя... мама тоже...

— Лиза, я самъ знаю, но... я знаю, что это—жалкое малодушіе, но... это — только пустяки и больше ничего! Видишь, я задолжалъ, какъ дуракъ, и хочу выиграть только чтобъ отдать. Выиграть можно, потому что я игралъ безъ разсчета, на ура, какъ дуракъ, а теперь за каждый рубль дрожать буду... Не я буду если не выиграю! Я не пристрастился; это не главное, это только мимолетное, увѣряю тебя! Я слишкомъ силенъ, чтобъ не прекратить когда хочу. Отдамъ деньги, и тогда вашъ нераздѣльно, и мамѣ скажи, что не выйду отъ васъ...

— Эти триста рублей давеча чего тебѣ стóили!

— Почему ты знаешь? вздрогнулъ я.

— Дарья Онисимовна давеча все слышала...

Но въ эту минуту Лиза вдругъ толкнула меня за портьеру, и мы оба очутились за занавѣсью, въ такъ называемомъ «фонарѣ», то есть въ круглой маленькой комнаткѣ изъ оконъ. Не успѣлъ я опомниться, какъ услышалъ знакомый голосъ, звонъ шпоръ и угадалъ знакомую походку.

— Князь Сережа, прошепталъ я.

— Онъ, прошептала она.

— Чего ты такъ испугалась?

— Такъ; я ни за чтò не хочу, чтобъ онъ меня встрѣтилъ...

— Tiens, да ужь не волочится-ли онъ за тобой? усмѣхнулся я: — я-бъ ему тогда задалъ. Куда ты?

— Выйдемъ; я съ тобой.

— Ты развѣ ужь тамъ простилась?

— Простилась; моя шубка въ передней...

Мы вышли; на лѣстницѣ меня поразила одна идея:

— Знаешь, Лиза, онъ, можетъ быть, пріѣхалъ сдѣлать ей предложеніе!

— Н-нѣтъ... онъ не сдѣлаетъ предложенія... твердо и медленно проговорила она тихимъ голосомъ.

— Ты не знаешь, Лиза, я хоть съ нимъ давеча и поссорился, — если ужь тебѣ пересказывали, — но, ей Богу, я люблю его искренно и желаю ему тутъ удачи. Мы давеча помирились. Когда мы счастливы, мы такъ добры... Видишь, въ немъ много прекрасныхъ наклонностей... и гуманность есть... Зачатки, по крайней мѣрѣ... а у такой твердой и умной дѣвушки въ рукахъ, какъ Версилова, онъ совсѣмъ-бы выровнялся и сталъ-бы счастливъ. Жаль, что некогда... да проѣдемъ вмѣстѣ немного, я-бы тебѣ сообщилъ кое-что...

— Нѣтъ, поѣзжай, мнѣ не туда. Обѣдать придешь?

— Приду, приду, какъ обѣщалъ. Слушай, Лиза: одинъ поганецъ — однимъ словомъ, одно мерзѣйшее существо, ну, Стебельковъ, если знаешь, имѣетъ на его дѣла страшное вліяніе... векселя... Ну, однимъ словомъ, держитъ его въ рукахъ и до того его приперъ, а тотъ до того унизился, что ужь другаго исхода какъ въ предложеніи Аннѣ Андреевнѣ оба не видятъ. Ее, по настоящему, надо-бы предупредить, впрочемъ, вздоръ, она и сама поправитъ потомъ всѣ дѣла. А что, откажетъ она ему, какъ ты думаешь?

— Прощай, некогда, оборвала Лиза, и въ мимолетномъ взглядѣ ея я увидалъ вдругъ столько ненависти, что тутъ-же вскрикнулъ въ испугѣ:

— Лиза, милая, за чтò ты?

— Я не на тебя; не играй только...

— Ахъ, ты про игру, не буду.

— Ты сейчасъ сказалъ: «когда мы въ счастьи», такъ ты очень счастливъ?

— Ужасно, Лиза, ужасно! Боже мой, да ужь три часа, больше!.. Прощай, Лизокъ. Лизочка, милая, скажи: развѣ можно заставлять женщину ждать себя? Позволительно это?

— Это при свиданіи, что̀-ли, чуть-чуть улыбнулась Лиза какою-то мертвенькою, дрожащею улыбкой.

— Дай свою ручку на счастье.

— На счастье? Мою руку? Ни за что́ не дамъ!

И она быстро удалилась. И, главное, такъ серіозно вскрикнула. Я бросился въ мои сани.

Да, да, это-то «счастье» и было тогда главною причиной, что я, какъ слѣпой кротъ, ничего, кромѣ себя, не понималъ и не видѣлъ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Теперь я боюсь и разсказывать. Все это было давно; но все это и теперь для меня какъ миражъ. Какъ могла-бы такая женщина назначить свиданіе такому гнусному тогдашнему мальчишкѣ, какимъ былъ я? — Вотъ что̀ было съ перваго взгляда! Когда я, оставивъ Лизу, помчался и у меня застучало сердце, я прямо подумалъ, что я сошелъ съ ума: идея о *назначенномъ* свиданіи показалась мнѣ вдругъ такою яркою нелѣпостью, что не было возможности вѣрить. И что-же, я совсѣмъ не сомнѣвался; даже такъ: чѣмъ ярче казалась нелѣпость, тѣмъ пуще я вѣрилъ.

То, что пробило уже три часа, меня безпокоило: «если мнѣ дано свиданіе, то какъ-же я опаздываю на свиданіе», думалъ я. Мелькали тоже глупые вопросы, въ родѣ такихъ: «что мнѣ теперь лучше, смѣлость или робость?» Но все это только мелькало, потому что въ сердцѣ было главное, и такое, что я опредѣлить не могъ. Наканунѣ сказано было такъ: «Завтра я въ три часа буду у Татьяны Павловны»,— вотъ и все. Но, во первыхъ, я и у ней, въ ея комнатѣ, всегда былъ принятъ наединѣ, и она могла сказать мнѣ все что̀ угодно и не переселяясь къ Татьянѣ Павловнѣ; стало быть, «зачѣмъ-же назначать другое мѣсто, у Татьяны Павловны? И опять вопросъ: Татьяна Павловна будетъ дома или не дома? Если это—свиданіе, то, значитъ, Татьяны Павловны не будетъ дома. А какъ этого достигнуть, не объяснивъ всего заранѣе Татьянѣ Павловнѣ? Значитъ, и Татьяна Павловна въ секретѣ? Эта мысль казалась мнѣ дикою и какъ-то нецѣломудренною, почти грубою.

И, наконецъ, она просто за просто могла захотѣть побывать у Татьяны Павловны и сообщила мнѣ вчера безъ всякой цѣли, а я не сообразилъ. Да и сказано было такъ мелькомъ, небрежно, спокойно и послѣ весьма скучнаго сеанса, потому что во все время какъ я у ней былъ вчера, я почему-то былъ какъ сбитый съ толку: сидѣлъ, мямлилъ и не зналъ что̀ сказать, злился и робѣлъ ужасно, а она куда-то собиралась, какъ вышло послѣ, и видимо была рада, когда я сталъ уходить. Всѣ эти разсужденія толпились въ моей головѣ. Я рѣшилъ, наконецъ, что «войду, позвоню, отворитъ кухарка, и я спрошу: дома Татьяна Павловна?» Коли нѣтъ дома, значитъ, «свиданіе». Но я не сомнѣвался, не сомнѣвался!

Я взбѣжалъ на лѣстницу и на лѣстницѣ, передъ дверью, весь мой страхъ пропалъ. «Ну, пускай, думалъ я, поскорѣй-бы только!» Кухарка отворила и съ гнусной своей флегмой прогнусила, что Татьяны Павловны нѣтъ. «А нѣтъ-ли другого кого, не ждетъ-ли кто Татьяну Павловну?» хотѣлъ было я спросить, но не спросилъ: «лучше самъ увижу», и, пробормотавъ кухаркѣ, что я подожду, сбросилъ шубу и отворилъ дверь...

Катерина Николаевна сидѣла у окна и «дожидалась Татьяну Павловну».

— Ея нѣтъ? — вдругъ спросила она меня, какъ-бы съ заботой и досадой, только что меня увидала. И голосъ, и лицо до того не соотвѣтствовали моимъ ожиданіямъ, что я такъ и завязъ на порогѣ.

— Кого нѣтъ? пробормоталъ я.

— Татьяны Павловны! Вѣдь я-же васъ просила вчера передать, что буду у ней въ три часа?

— Я... я и не видалъ ее вовсе.

— Вы забыли?

Я сѣлъ какъ убитый. Такъ вотъ что̀ оказывалось! И, главное, все было такъ ясно, какъ дважды два, а я — я все еще упорно вѣрилъ.

— Я и не помню, что вы просили ей передать. Да вы и не просили: вы просто сказали, что будете въ три часа, оборвалъ я нетерпѣливо. Я не глядѣлъ на нее.

— Ахъ! вдругъ вскричала она: — такъ если вы забыли сказать, а сами знали, что я буду здѣсь, такъ вы-то сюда зачѣмъ пріѣхали?

Я поднялъ голову: ни насмѣшки, ни гнѣва въ ея лицѣ, а была лишь ея свѣтлая, веселая улыбка и какая-то усиленная шаловливость въ выраженіи лица, — ея всегдашнее выраженіе, впрочемъ, — шаловливость почти дѣтская: «Вотъ видишь, я тебя поймала всего; ну, что̀ ты теперь скажешь?» какъ-бы говорило все ея лицо.

Я не хотѣлъ отвѣчать и опять потупился. Молчаніе продолжалось съ полминуты.

— Вы теперь отъ рара̀? вдругъ спросила она.

— Я теперь отъ Анны Андреевны, а у князя Николая Ивановича вовсе не былъ... и вы это знали, вдругъ прибавилъ я.

— Съ вами ничего не случилось у Анны Андреевны?

— То есть, что я имѣю теперь съумасшедшій видъ? Нѣтъ, я и до Анны Андреевны имѣлъ съумасшедшій видъ.

— И у ней не поумнѣли?

— Нѣтъ, не поумнѣлъ. — Я тамъ, кромѣ того, слышалъ, что вы выходите замужъ за барона Бьоринга.

— Это она вамъ сказала? вдругъ заинтересовалась она.

— Нѣтъ, это я ей передалъ, а слышалъ, какъ говорилъ давеча Нащокинъ князю Сергѣю Петровичу у него въ гостяхъ.

Я все не подымалъ на нее глазъ; поглядѣть на нее значило облиться свѣтомъ, радостью, счастьемъ, а я не хотѣлъ быть счастливымъ. Жало негодованія вонзилось въ мое сердце, и въ одинъ мигъ я принялъ огромное рѣшеніе. Затѣмъ я вдругъ началъ говорить, едва помню о чемъ. Я задыхался и какъ-то бормоталъ, но глядѣлъ я уже смѣло. Сердце у меня стучало. Я заговорилъ о чемъ-то ни къ чему не относящемся, впрочемъ, можетъ быть, и складно. Она сначала было слушала съ своей ровной, терпѣливой улыбкой, никогда не покидавшей ея лица, но мало по малу удивленіе, а потомъ даже испугъ мелькнули въ ея пристальномъ взглядѣ. Улыбка все еще не покидала ея, но и улыбка подчасъ какъ-бы вздрагивала.

— Что̀ съ вами? спросилъ я вдругъ, замѣтивъ, что она вся вздрогнула.

— Я васъ боюсь, отвѣтила она мнѣ почти тревожно.

— Почему вы не уѣзжаете? Вотъ какъ теперь Татьяны Павловны нѣтъ, и вы знаете, что не будетъ, то, стало быть, вамъ надо встать и уѣхать?

— Я хотѣла подождать, но теперь... въ самомъ дѣлѣ...

Она было приподнялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, сядьте, остановилъ я ее: — вотъ вы опять вздрогнули, но вы и въ страхѣ улыбаетесь... У васъ всегда улыбка. Вотъ вы теперь совсѣмъ улыбнулись...

— Вы въ бреду?

— Въ бреду.

— Я боюсь... прошептала она опять.

— Чего?

— Что вы стѣну ломать начнете... опять улыбнулась она, но уже въ самомъ дѣлѣ оробѣвъ.

— Я не могу выносить вашу улыбку!..

И я опять заговорилъ. Я весь какъ-бы летѣлъ. Меня какъ-бы что-то толкало. Я никогда, никогда такъ не говорилъ съ нею, а всегда робѣлъ. Я и теперь робѣлъ ужасно, но говорилъ; помню, я заговорилъ о ея лицѣ.—Я не могу больше выносить вашу улыбку! вскричалъ я вдругъ: — зачѣмъ я представлялъ васъ грозной, великолѣпной и съ ехидными свѣтскими словами еще въ Москвѣ? Да, въ Москвѣ; мы объ васъ еще тамъ говорили съ Марьей Ивановной и представляли васъ, какая вы должны быть... Помните Марью Ивановну? Вы у ней были. Когда я ѣхалъ сюда, вы всю ночь снились мнѣ въ вагонѣ. Я здѣсь до вашего пріѣзда глядѣлъ цѣлый мѣсяцъ на вашъ портретъ у вашего отца въ кабинетѣ

и ничего не угадалъ. Выраженіе вашего лица есть дѣтская шаловливость и безконечное простодушіе — вотъ! Я ужасно дивился на это все время, какъ къ вамъ ходилъ. О, и вы умѣете смотрѣть гордо и раздавливать взглядомъ: я помню, какъ вы посмотрѣли на меня у вашего отца, когда пріѣхали тогда изъ Москвы... Я васъ тогда видѣлъ, а, между тѣмъ, спроси меня тогда какъ я вышелъ: какая вы? — и я-бы не сказалъ. Даже росту вашего-бы не сказалъ. Я какъ увидалъ васъ, такъ и ослѣпъ. Вашъ портретъ совсѣмъ на васъ не похожъ: у васъ глаза не темные, а свѣтлые, и только отъ длинныхъ рѣсницъ кажутся темными. Вы полны, вы средняго роста, но у васъ плотная полнота, легкая, полнота здоровой деревенской молодки. Да и лицо у васъ совсѣмъ деревенское, лицо деревенской красавицы, — не обижайтесь, вѣдь, это хорошо, это лучше — круглое, румяное, ясное, смѣлое, смѣющееся и... застѣнчивое лицо! Право, застѣнчивое. Застѣнчивое у Катерины Николаевны Ахмаковой! Застѣнчивое и цѣломудренное, клянусь! Больше чѣмъ цѣломудренное—дѣтское!— Вотъ ваше лицо! Я все время былъ пораженъ и все время спрашивалъ себя: та-ли это женщина? Я теперь знаю, что вы очень умны, но вѣдь сначала я думалъ, что вы простоваты. У васъ умъ веселый, но безъ всякихъ прикрасъ... Еще я люблю, что съ васъ не сходитъ улыбка: это — мой рай! Еще люблю ваше спокойствіе, вашу тихость и то, что вы выговариваете слова плавно, спокойно и почти лѣниво,—именно эту лѣнивость люблю. Кажется, подломись подъ вами мостъ, вы и тутъ что нибудь плавно и мѣрно скажете... Я воображалъ васъ вѣрхомъ гордости и страстей, а вы всѣ два мѣсяца говорили со мной, какъ студентъ съ студентомъ... Я никогда не воображалъ, что у васъ такой лобъ; онъ немного низокъ, какъ у статуй, но бѣлъ и нѣженъ, какъ мраморъ, подъ пышными волосами. У васъ грудь высокая, походка легкая, красоты вы необычайной, а гордости нѣтъ никакой. Я вѣдь только теперь повѣрилъ, все не вѣрилъ!

Она съ большими открытыми глазами слушала всю эту дикую тираду, она видѣла, что я самъ дрожу. Нѣсколько разъ она приподымала съ милымъ, опасливымъ жестомъ свою гантированную ручку, чтобъ остановить меня, но каждый разъ отнимала ее въ недоумѣніи и страхѣ назадъ. Иногда даже быстро отшатывалась вся назадъ. Два—три раза улыбка опять просвѣчивалась было на ея лицѣ; одно время она очень покраснѣла, но подъ конецъ рѣшительно испугалась и стала блѣднѣть. Только что я пріостановился, она протянула было руку и какъ-бы просящимъ, но всетаки плавнымъ голосомъ промолвила:

— Этакъ нельзя говорить... этакъ невозможно говорить...

И вдругъ поднялась съ мѣста, неторопливо захватывая свой шейный платокъ и свою соболью муфту.

— Вы идете? вскричалъ я.

— Я рѣшительно васъ боюсь... вы злоупотребляете... протянула она какъ-бы съ сожалѣніемъ и упрекомъ.

— Послушайте, я ей Богу стѣну не буду ломать.

— Да вы ужь начали, не удержалась она и улыбнулась.—Я даже не знаю, пустите-ли вы меня пройдти?—И, кажется, она впрямь опасалась, что я ее не пущу.

— Я вамъ самъ дверь отворю, идите, но знайте: я принялъ одно огромное рѣшеніе; и, если вы захотите дать свѣтъ моей душѣ, то воротитесь, сядьте и выслушайте только два слова. Но если не хотите, то уйдите, и я вамъ самъ дверь отворю!

Она посмотрѣла на меня и сѣла на мѣсто.

— Съ какимъ-бы негодованіемъ вышла иная, а вы сѣли! вскричалъ я въ упоеніи.

— Вы никогда такъ прежде не позволяли себѣ говорить.

— Я всегда робѣлъ прежде. Я и теперь вошелъ, не зная что говорить. Вы думаете, я теперь не робѣю? Я робѣю. Но я вдругъ принялъ огромное рѣшеніе и чувствовалъ, что его выполню. А какъ принялъ это рѣшеніе, то сейчасъ и сошелъ съ ума и сталъ все это говорить... Выслушайте, вотъ мои слова: шпіонъ я вашъ, или нѣтъ? Отвѣтьте мнѣ — это вопросъ!

Краска быстро залила ея лицо.

— Не отвѣчайте еще, Катерина Нико-

лаевна, а выслушайте все и потомъ скажите всю правду.

Я разомъ сломалъ всѣ заборы и полетѣлъ въ пространство.

II.

— Два мѣсяца назадъ, я здѣсь стоялъ за портьерой... вы знаете... а вы говорили съ Татьяной Павловной про письмо. Я выскочилъ и, внѣ себя, проговорился. Вы тотчасъ поняли, что я что-то знаю... вы не могли не понять... вы искали важный документъ и опасались за него... Подождите, Катерина Николаевна, удерживайтесь еще говорить. Объявляю вамъ, что ваши подозрѣнія были основательны: этотъ документъ существуетъ... то есть былъ... я его видѣлъ; это — ваше письмо къ Андроникову, такъ-ли?

— Вы видѣли это письмо? быстро спросила она, въ смущеніи и волненіи. — Гдѣ вы его видѣли?

— Я видѣлъ... я видѣлъ у Крафта... вотъ у того, который застрѣлился...

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы сами видѣли? Что-жь съ нимъ сталось?

— Крафтъ его разорвалъ.

— При васъ, вы видѣли?

— При мнѣ. Онъ разорвалъ, вѣроятно, передъ смертью... Я вѣдь не зналъ тогда, что онъ застрѣлится...

— Такъ оно уничтожено, слава Богу! проговорила она медленно, вздохнувъ, и перекрестилась.

Я не солгалъ ей. То есть я и солгалъ, потому что документъ былъ у меня и никогда у Крафта, но это была лишь мелочь, а въ самомъ главномъ я не солгалъ, потому что въ ту минуту, когда лгалъ, то далъ себѣ слово сжечь это письмо въ тотъ-же вечеръ. Клянусь, если-бъ оно было у меня въ ту минуту въ карманѣ, я-бы вынулъ и отдалъ ей; но его со мною не было, оно было на квартирѣ. Впрочемъ, можетъ быть, и не отдалъ-бы, потому что мнѣ было-бы очень стыдно признаться ей тогда, что оно у меня и что я сторожилъ ее такъ долго, ждалъ и не отдавалъ. Все одно: сжегъ-бы дома, во всякомъ случаѣ, и не солгалъ! Я былъ чистъ въ ту минуту, клянусь.

— А коли такъ, продолжалъ я почти внѣ себя: — то скажите мнѣ: для того-ли вы привлекали меня, ласкали меня, принимали меня, что подозрѣвали во мнѣ знаніе о документѣ? Постойте, Катерина Николаевна, еще минутку не говорите, а дайте мнѣ все докончить: я все время, какъ къ вамъ ходилъ, все это время подозрѣвалъ, что вы для того только и ласкали меня, чтобъ изъ меня выпытать это письмо, довести меня до того, чтобъ я признался... Постойте, еще минуту: я подозрѣвалъ, но я страдалъ. Двоедушіе ваше было для меня невыносимо, потому что... потому что я нашелъ въ васъ благороднѣйшее существо! Я прямо говорю, я прямо говорю: я былъ вамъ врагъ, но я нашелъ въ васъ благороднѣйшее существо! Все было побѣждено разомъ. Но двоедушіе, то есть подозрѣніе въ двоедушіи, томило... Теперь должно все рѣшиться, все объясниться, такое время пришло; но постойте еще немного, не говорите, узнайте, какъ я смотрю самъ на все это, именно сейчасъ, въ теперешнюю минуту; прямо говорю: если это и такъ было, то я не разсержусь... то есть я хотѣлъ сказать — не обижусь, потому что это такъ естественно, я вѣдь понимаю. Что-жь тутъ можетъ быть неестественнаго и дурнаго? Вы мучаетесь документомъ, вы подозрѣваете, что такой-то все знаетъ, что-жь, вы очень могли желать, чтобъ такой-то высказался... Тутъ ничего нѣтъ дурнаго, ровно ничего. Искренно говорю. Но всетаки надо, чтобы вы теперь мнѣ что нибудь сказали... признались (простите это слово). Мнѣ надо правду. Почему-то такъ надо! И такъ, скажите: для того-ли вы обласкали меня, чтобъ выпытать у меня документъ... Катерина Николаевна?

Я говорилъ какъ будто падалъ и лобъ мой горѣлъ. Она слушала меня уже безъ тревоги, напротивъ, чувство было въ лицѣ; но она смотрѣла какъ-то застѣнчиво, какъ будто стыдясь.

— Для того, проговорила она медленно и вполголоса. — Простите меня, я была виновата, прибавила она вдругъ, слегка приподымая ко мнѣ руки. Я никакъ не ожи-

далъ этого. Я всего ожидалъ, но только не этихъ двухъ словъ; даже отъ нея, которую зналъ уже.

— И вы говорите мнѣ: «виновата!» Такъ прямо: «виновата?» вскричалъ я.

— О, я уже давно стала чувствовать, что предъ вами виновата... и даже рада теперь, что вышло наружу...

— Давно чувствовали? Для чего-же вы не говорили прежде?

— Да я не умѣла какъ и сказать, улыбнулась она: — то есть, я и съумѣла-бы, улыбнулась она опять: — но какъ-то становилось все совѣстно... потому что я, дѣйствительно, въ началѣ васъ только для этого «привлекала», какъ вы выразились, ну а потомъ мнѣ очень скоро стало противно... и надоѣло мнѣ все это притворство, увѣряю васъ! прибавила она съ горькимъ чувствомъ: — да и всѣ эти хлопоты тоже!

— И почему, почему-бы вамъ не спросить тогда, прямехонькимъ образомъ? Такъ-бы и сказали: «вѣдь ты знаешь про письмо, чего-же ты притворяешься?» И я-бы вамъ тотчасъ все сказалъ, тотчасъ признался!

— Да я васъ... боялась немного. Признаюсь, я тоже вамъ и не довѣряла. Да и вправду: если я хитрила, то вѣдь и вы тоже, прибавила она, усмѣхнувшись.

— Да, да, я былъ недостоинъ! вскричалъ я пораженный. — О, вы еще не знаете всѣхъ безднъ моего паденія!

— Ну, ужь и безднъ! Узнаю вашъ слогъ, тихо улыбнулась она. — Это письмо, прибавила она грустно, было самымъ грустнымъ и легкомысленнымъ поступкомъ моей жизни. Сознаніе объ этомъ поступкѣ было мнѣ всегдашнимъ укоромъ. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ и опасеній, я усумнилась въ моемъ миломъ, великодушномъ отцѣ. Зная, что это письмо могло попасть... въ руки злыхъ людей... имѣя полныя основанія такъ думать (съ жаромъ произнесла она), я трепетала, что имъ воспользуются, покажутъ papà... а на него это могло произвести чрезвычайное впечатлѣніе... въ его положеніи... на здоровье его... и онъ-бы меня разлюбилъ... Да, прибавила она, смотря мнѣ ясно въ глаза и, вѣроятно, поймавъ на лету что-то въ моемъ взглядѣ: — да, я боялась тоже и за участь мою: я боялась что онъ... подъ вліяніемъ своей болѣзни.. могъ лишить меня и своихъ милостей... Это чувство тоже входило, но я навѣрно и тутъ передъ нимъ виновата: онъ такъ добръ и великодушенъ, что, конечно-бы, меня простилъ. Вотъ и все, что было. А что я такъ поступила съ вами, то такъ не надо было, кончила она, опять вдругъ застыдившись. — Вы меня привели въ стыдъ.

— Нѣтъ, вамъ нечего стыдиться! вскричалъ я.

— Я, дѣйствительно, разсчитывала... на вашу пылкость... и сознаюсь въ этомъ, вымолвила она, потупившись.

— Катерина Николаевна! Кто, кто, скажите, заставляетъ васъ дѣлать такія признанія мнѣ вслухъ? вскрикнулъ я, какъ опьянѣлый: — ну, что-бы вамъ стоило встать и въ отборнѣйшихъ выраженіяхъ, самымъ тонкимъ образомъ доказать мнѣ, какъ дважды-два, что хоть оно и было, но все-таки ничего не было, — понимаете, какъ обыкновенно умѣютъ у васъ въ высшемъ свѣтѣ обращаться съ правдой? Вѣдь я глупъ и грубъ, я-бы вамъ тотчасъ повѣрилъ, я-бы всему повѣрилъ отъ васъ, что-бы вы ни сказали! Вѣдь вамъ-бы ничего не стоило такъ поступить? Вѣдь не боитесь-же вы меня въ самомъ дѣлѣ? Какъ могли вы такъ добровольно унизиться передъ выскочкой, передъ жалкимъ подросткомъ?

— Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, я не унизилась передъ вами, промолвила она съ чрезвычайнымъ достоинствомъ, повидимому не понявъ мое восклицаніе.

— О, напротивъ, напротивъ! Я только это и кричу!..

— Ахъ, это было такъ дурно и такъ легкомысленно съ моей стороны! воскликнула она, приподнимая къ лицу свою руку и какъ-бы стараясь закрыться рукой: — мнѣ стыдно было еще вчера, а потому я и была такъ не по себѣ, когда вы у меня сидѣли... Вся правда въ томъ, прибавила она: — что теперь обстоятельства мои вдругъ такъ сошлись, что мнѣ необходимо надо было узнать, наконецъ, всю правду объ участи этого несчастнаго письма, а то я было ужь стала забывать о немъ... потому

что я вовсе не изъ этого только принимала васъ у себя, прибавила она вдругъ.

Сердце мое задрожало.

— Конечно, нѣтъ, улыбнулась она тонкой улыбкой: — конечно, нѣтъ! Я... Вы очень мѣтко замѣтили это давеча, Аркадій Макаровичъ, что мы часто съ вами говорили, какъ студентъ съ студентомъ. Увѣряю васъ, что мнѣ очень скучно бываетъ иногда въ людяхъ; особенно стало это послѣ заграницы и всѣхъ этихъ нашихъ семейныхъ несчастій... Я даже мало теперь и бываю гдѣ нибудь, и не отъ одной только лѣни. Мнѣ часто хочется уѣхать въ деревню. Я-бы тамъ перечла мои любимыя книги, которыя ужь давно отложила, а все никакъ не сберусь прочесть. Я вамъ про это ужь говорила. Помните, вы смѣялись, что я читаю русскія газеты, по двѣ газеты въ день?

— Я не смѣялся...

— Конечно, потому что и васъ это также волновало, а я вамъ давно призналась: я русская и Россію люблю. Вы помните, мы все съ вами читали «факты», какъ вы это называли (улыбнулась она). Вы хоть и очень часто бываете какой-то... странный, но вы иногда такъ оживлялись, что всегда умѣли сказать мѣткое слово, и интересовались именно тѣмъ, что̀ меня интересовало. Когда вы бываете «студентомъ», вы, право, бываете милы и оригинальны. Вотъ другія роли вамъ, кажется, мало идутъ, прибавила она съ прелестной, хитрой усмѣшкой.—Вы помните, мы иногда по цѣлымъ часамъ говорили про однѣ только цифры, считали и примѣривали, заботились о томъ, сколько школъ у насъ, куда направляется просвѣщеніе. Мы считали убійства и уголовныя дѣла, сравнивали съ хорошими извѣстіями... хотѣлось узнать, куда это все стремится и что̀ съ нами самими, наконецъ, будетъ. Я въ васъ встрѣтила искренность. Въ свѣтѣ съ нами, съ женщинами, такъ никогда не говорятъ. Я на прошлой недѣлѣ заговорила было съ княземъ —вымъ о Бисмаркѣ, потому что очень интересовалась, а сама не умѣла рѣшить, и вообразите, онъ сѣлъ подлѣ и началъ мнѣ разсказывать, даже очень подробно, но все съ какой-то ироніей, и съ тою именно нестерпимою для меня снисходительностью, съ которою обыкновенно говорятъ «великіе мужи» съ нами, женщинами, если тѣ сунутся «не въ свое дѣло»... А помните, какъ мы о Бисмаркѣ съ вами чуть не поссорились? Вы мнѣ доказывали, что у васъ есть своя идея «гораздо почище» Бисмарковой, засмѣялась вдругъ она.— Я въ жизни встрѣтила лишь двухъ людей, которые со мной говорили вполнѣ серіозно: покойнаго мужа, очень-очень умнаго и... бла-го-роднаго человѣка, произнесла она внушительно: — и еще — вы сами знаете кого...

— Версилова! вскричалъ я. Я чуть дышалъ надъ каждымъ ея словомъ.

— Да; я очень любила его слушать, я стала съ нимъ подъ конецъ вполнѣ... слишкомъ, можетъ быть, откровенною, но тогда-то онъ мнѣ и не повѣрилъ!

— Не повѣрилъ?

— Да, вѣдь и никто никогда мнѣ не вѣрилъ.

— Но Версиловъ, Версиловъ!

— Онъ не просто не повѣрилъ, промолвила она, опустивъ глаза и странно какъ-то улыбнувшись: — а счелъ, что во мнѣ «всѣ пороки».

— Которыхъ у васъ нѣтъ ни одного!

— Нѣтъ, есть нѣкоторые и у меня.

— Версиловъ не любилъ васъ, отъ того и не понялъ васъ, вскричалъ я, сверкая глазами.

Что-то передернулось въ ея лицѣ.

— Оставьте объ этомъ и никогда не говорите мнѣ объ... этомъ человѣкѣ, прибавила она горячо и съ сильною настойчивостью.— Но довольно; пора. (Она встала, чтобъ уходить). Что-жь, прощаете вы меня или нѣтъ? проговорила она, ясно смотря на меня.

— Мнѣ... васъ... простить! Послушайте, Катерина Николаевна, и не разсердитесь: правда, что вы выходите замужъ?

— Это еще совсѣмъ не рѣшено, проговорила она, какъ-бы испугавшись чего-то, въ смущеніи.

— Хорошій онъ человѣкъ? Простите, простите мнѣ этотъ вопросъ!

— Да, очень хорошій...

— Не отвѣчайте больше, не удостоивай-

те меня отвѣтомъ! Я вѣдь знаю, что такіе вопросы отъ меня невозможны! Я хотѣлъ лишь знать, достоинъ онъ или нѣтъ, но я про него узнаю самъ.

— Ахъ, послушайте! съ испугомъ проговорила она.

— Нѣтъ, не буду, не буду. Я пройду мимо... Но вотъ что только скажу: дай вамъ Богъ всякаго счастія, всякаго, какое сами выберете... за то, что вы сами дали мнѣ теперь столько счастья, въ одинъ этотъ часъ! Вы теперь отпечатались въ душѣ моей вѣчно. Я пріобрѣлъ сокровище: мысль о вашемъ совершенствѣ. Я подозрѣвалъ коварство, грубое кокетство и былъ несчастенъ... потому что не могъ съ вами соединить эту мысль... въ послѣдніе дни я думалъ день и ночь, и вдругъ все становится ясно какъ день! Входя сюда, я подумалъ, что унесу іезуитство, хитрость, вывѣдывающую змѣю, а нашелъ честь, славу, студента! Вы смѣетесь? Пусть, пусть! Вѣдь вы — святая, вы не можете смѣяться надъ тѣмъ, что священно...

— О, нѣтъ, я тому только, что у васъ такія ужасныя слова... Ну, что такое «вывѣдывающая змѣя»? засмѣялась она.

— У васъ вырвалось сегодня одно драгоцѣнное слово, продолжалъ я въ восторгѣ.— Какъ могли вы только выговорить предо мной: «что разсчитывали на мою пылкость?» Ну, пусть вы святая и признаетесь даже въ этомъ, потому что вообразили въ себѣ какую-то вину и хотѣли себя казнить... Хотя, впрочемъ, никакой вины не было, потому что, если и было что, то отъ васъ все свято! Но всетаки вы могли не сказать именно этого слова, этого выраженія!.. Такое неестественное даже чистосердечіе показываетъ лишь высшее ваше цѣломудріе, уваженіе ко мнѣ, вѣру въ меня, безсвязно восклицалъ я.—О, не краснѣйте, не краснѣйте!.. И кто, кто могъ клеветать и говорить, что вы — страстная женщина? О, простите: я вижу мучительное выраженіе на вашемъ лицѣ; простите изступленному подростку его неуклюжія слова! Да и въ словахъ-ли, въ выраженіяхъ-ли теперь дѣло? Не выше-ли вы всѣхъ выраженій?.. Версиловъ разъ говорилъ, что Отелло не для того убилъ Дездемону, а потомъ убилъ себя, что ревновалъ, а потому, что у него отняли его идеалъ... Я это понялъ, потому что и мнѣ сегодня возвратили мой идеалъ!

— Вы меня слишкомъ хвалите: я не стою того, — произнесла она съ чувствомъ. — Помните, что я говорила вамъ про ваши глаза? прибавила она шутливо.

— Что у меня не глаза, а вмѣсто глазъ два микроскопа, и что я каждую муху преувеличиваю въ верблюда! Нѣтъ-съ, тутъ не верблюдъ!.. Какъ, вы уходите?

Она стояла среди комнаты, съ муфтой и съ шалью въ рукѣ.

— Нѣтъ, я подожду, когда вы выйдете, а сама выйду потомъ. Я еще напишу два слова Татьянѣ Павловнѣ.

— Я сейчасъ уйду, сейчасъ, но еще разъ: будьте счастливы, однѣ или съ тѣмъ, кого выберете, и дай вамъ Богъ! А мнѣ— мнѣ нуженъ лишь идеалъ!

— Милый, добрый Аркадій Макаровичъ, повѣрьте, что я объ васъ... Про васъ отецъ мой говоритъ всегда: «милый, добрый мальчикъ!» Повѣрьте, я буду помнить всегда ваши разсказы о бѣдномъ мальчикѣ, оставленномъ въ чужихъ людяхъ, и объ уединенныхъ его мечтахъ... Я слишкомъ понимаю, какъ сложилась душа ваша... Но теперь, хоть мы и студенты, прибавила она съ просящей и стыдливой улыбкой, пожимая руку мою: — но намъ нельзя уже болѣе видѣться какъ прежде и, и... вѣрно вы это понимаете?

— Нельзя?

— Нельзя, долго нельзя... въ этомъ ужь я виновата... Я вижу, что это теперь совсѣмъ невозможно... Мы будемъ встрѣчаться, иногда, у раръ...

— Вы боитесь «пылкости» моихъ чувствъ, вы не вѣрите мнѣ? хотѣлъ-было я вскричать; но она вдругъ такъ предо мной застыдилась, что слова мои сами не выговорились.

— Скажите, вдругъ остановила она меня уже совсѣмъ у дверей,—вы сами видѣли, что... то письмо... разорвано? Вы хорошо это запомнили? Почему вы тогда узнали, что это было то самое письмо къ Андроникову?

— Крафтъ мнѣ разсказалъ его содержа-

ніе и даже показалъ мнѣ его... Прощайте! Когда я бывалъ у васъ въ кабинетѣ, то робѣлъ при васъ, а когда вы уходили, я готовъ былъ броситься и цѣловать то мѣсто на полу, гдѣ стояла ваша нога... проговорилъ я вдругъ безотчетно, самъ не зная какъ и для чего, и, не взглянувъ на нее, быстро вышелъ.

Я пустился домой; въ моей душѣ былъ восторгъ. Все мелькало въ умѣ какъ вихрь, а сердце было полно. Подъѣзжая къ дому мамы, я вспомнилъ вдругъ о Лизиной неблагодарности къ Аннѣ Андреевнѣ, объ ея жестокомъ, чудовищномъ словѣ давеча, и у меня вдругъ заныло за нихъ всѣхъ сердце! «Какъ у нихъ у всѣхъ жестко на сердцѣ! Да и Лиза, что̀ съ ней?» подумалъ я, ставъ на крыльцо.

Я отпустилъ Матвѣя и велѣлъ пріѣхать за мной, ко мнѣ на квартиру, въ девять часовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Къ обѣду я опоздалъ, но они еще не садились и ждали меня. Можетъ быть, потому, что я вообще у нихъ рѣдко обѣдалъ, сдѣланы были даже кой-какія особыя прибавленія: явились на закуску сардины и проч. Но, къ удивленію моему и къ горю, я засталъ всѣхъ чѣмъ-то какъ-бы озабоченными, нахмуренными: Лиза едва улыбнулась, меня завидя, а мама видимо безпокоилась; Версиловъ улыбался, но съ натуги. «Ужь не поссорились-ли?» подумалось мнѣ. Впрочемъ, сначала все шло хорошо: Версиловъ только поморщился немного на супъ съ клецками и очень сгримасничалъ, когда подали зразы:

— Стоитъ только предупредить, что желудокъ мой такого-то кушанья не выноситъ, чтобъ оно на другой-же день и явилось, вырвалось у него въ досадѣ.

— Да вѣдь что-жь, Андрей Петровичъ, придумать-то? Никакъ не придумаешь новаго-то кушанья никакого, робко отвѣтила мама.

— Твоя мать—совершенная противоположность инымъ нашимъ газетамъ, у которыхъ что̀ ново, то и хорошо, хотѣлъ было съострить Версиловъ поигривѣе и подружелюбнѣе; но у него какъ-то не вышло, и онъ только пуще испугалъ маму, которая, разумѣется, ничего не поняла въ сравненіи ея съ газетами и озиралась съ недоумѣніемъ. Въ эту минуту вошла Татьяна Павловна и, объявивъ, что ужь отобѣдала, усѣлась подлѣ мамы на диванѣ.

Я все еще не успѣлъ пріобрѣсти расположенія этой особы; даже, напротивъ, она еще пуще стала на меня нападать за все про все. Особенно усилилось ея неудовольствіе на меня за послѣднее время: она видѣть не могла моего франтовскаго платья, а Лиза передавала мнѣ, что съ ней почти случился припадокъ, когда она узнала, что у меня лихачъ извощикъ. Я кончилъ тѣмъ, что по возможности сталъ избѣгать съ ней встрѣчи. Два мѣсяца назадъ, послѣ отдачи наслѣдства, я было забѣжалъ къ ней поболтать о поступкѣ Версилова, но не встрѣтилъ ни малѣйшаго сочувствія; напротивъ, она была страшно обозлена: ей очень не понравилось, что отдано все, а не половина; мнѣ-же она рѣзко тогда замѣтила:

— Бьюсь объ закладъ, ты увѣренъ, что онъ и деньги отдалъ и на дуэль вызывалъ единственно, чтобъ поправиться въ мнѣніи Аркадія Макаровича.

И вѣдь почти она угадала: въ сущности, я что-то въ этомъ родѣ тогда дѣйствительно чувствовалъ.

Я тотчасъ понялъ, только что она вошла, что она непремѣнно на меня накинется; даже былъ немножко увѣренъ, что она собственно для этого и пришла, а потому я сталъ вдругъ необыкновенно развязенъ; да и ничего мнѣ это не стоило, потому что я все еще, съ давешняго, продолжалъ быть въ радости и въ сіяніи. Замѣчу разъ навсегда, что развязность никогда въ жизни не шла ко мнѣ, то есть не была мнѣ къ лицу, а, напротивъ, всегда покрывала меня позоромъ. Такъ случилось и теперь: я мигомъ проврался; безъ всякаго дурнаго чувства, а чисто изъ легкомыслія, замѣтивъ, что Лиза ужасно скучна, я вдругъ брякнулъ, даже и не подумавъ о томъ, что̀ говорю:

— Въ кои-то вѣки я здѣсь обѣдаю, и вотъ ты, Лиза, какъ нарочно, такая скучная!

— У меня голова болитъ, отвѣтила Лиза.

— Ахъ, Боже мой, вцѣпилась Татьяна Павловна: — что-жь что больна? Аркадій Макаровичъ изволилъ пріѣхать обѣдать, должна плясать и веселиться.

— Вы рѣшительно — несчастье моей жизни, Татьяна Павловна: никогда не буду при васъ сюда ѣздить! и я съ искренней досадой хлопнулъ ладонью по столу; мама вздрогнула, а Версиловъ странно посмотрѣлъ на меня. Я вдругъ разсмѣялся и попросилъ у нихъ прощенія.

— Татьяна Павловна, беру слово о несчастьи назадъ, обратился я къ ней, продолжая развязничать.

— Нѣтъ, нѣтъ, отрѣзала она:—мнѣ гораздо лестнѣе быть твоимъ несчастіемъ, чѣмъ наоборотъ, будь увѣренъ.

— Милый мой, надо умѣть переносить маленькія несчастія жизни, промямлилъ, улыбаясь, Версиловъ,—безъ несчастій и жить не стоитъ.

— Знаете, вы—страшный иногда ретроградъ, воскликнулъ я, нервно смѣясь.

— Другъ мой, это наплевать.

— Нѣтъ, не наплевать! Зачѣмъ вы ослу не говорите прямо, когда онъ—оселъ?

— Ужь ты не про себя-ли? Я, во первыхъ, судить никого не хочу и не могу.

— Почему не хотите, почему не можете?

— И лѣнь, и претитъ. Одна умная женщина мнѣ сказала однажды, что я не имѣю права другихъ судить потому, что «страдать не умѣю», чтобы стать судьей другихъ, надо выстрадать себѣ право на судъ. Немного высокопарно, но въ примѣненіи ко мнѣ, можетъ, и правда, такъ что я даже съ охотой покорился сужденію.

— Да неужто-жь это Татьяна Павловна вамъ сказала? воскликнулъ я.

— А ты почему узналъ? съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ Версиловъ.

— Да я по лицу Татьяны Павловны угадалъ: она вдругъ такъ дернулась.

Я угадалъ случайно. Фраза эта, дѣйствительно, какъ оказалось потомъ, высказана была Татьяной Павловной Версилову наканунѣ въ горячемъ разговорѣ. Да и вообще, повторяю, я съ моими радостями и экспансивностями налетѣлъ на нихъ всѣхъ вовсе не во время: у каждаго изъ нихъ было свое и очень тяжелое.

— Ничего я не понимаю, потому что все это такъ отвлеченно; и вотъ черта: ужасно какъ вы любите отвлеченно говорить, Андрей Петровичъ; это—эгоистическая черта: отвлеченно любятъ говорить одни только эгоисты.

— Не глупо сказано, но ты не приставай.

— Нѣтъ, позвольте, лѣзъ я съ экспансивностями: что̀ значитъ «выстрадать право на судъ?» Кто честенъ, тотъ и судья—вотъ моя мысль.

— Немного-же ты, въ такомъ случаѣ, наберешь судей.

— Одного ужь я знаю.

— Кого это!

— Онъ теперь сидитъ и говоритъ со мной.

Версиловъ странно усмѣхнулся, нагнулся къ самому моему уху и, взявъ меня за плечо, прошепталъ мнѣ: «Онъ тебѣ все лжетъ».

Я до сихъ поръ не понимаю, что̀ у него тогда была за мысль, но, очевидно, онъ въ ту минуту былъ въ какой-то чрезвычайной тревогѣ (вслѣдствіе одного извѣстія, какъ сообразилъ я послѣ). Но это слово: «онъ тебѣ все лжетъ», было такъ неожиданно и такъ серіозно сказано, и съ такимъ страннымъ, вовсе не шутливымъ выраженіемъ, что я весь какъ-то нервно вздрогнулъ, почти испугался и дико поглядѣлъ на него; но Версиловъ поспѣшилъ разсмѣяться.

— Ну, и слава Богу! сказала мама, испугавшись тому, что онъ шепталъ мнѣ на ухо,—а то я было подумала... Ты, Аркаша, на насъ не сердись; умные-то люди и безъ насъ съ тобой будутъ, а вотъ кто тебя любить-то станетъ, коли насъ другъ у дружки не будетъ?

— Тѣмъ-то и безнравственна родственная любовь, мама, что она—не заслуженная. Любовь надо заслужить.

— Пока-то еще заслужишь, а здѣсь тебя и ни за что̀ любятъ.

Всѣ вдругъ разсмѣялись.

— Ну, мама, вы, можетъ, и не хотѣли выстрѣлить, а птицу убили! вскричалъ я, тоже разсмѣявшись.

— А ты ужь и въ самомъ дѣлѣ вообразилъ, что тебя есть за что̀ любить, набросилась опять Татьяна Павловна: — мало того, что даромъ тебя любятъ, тебя сквозь отвращенье они любятъ!

— Ахъ, вотъ нѣтъ! весело вскричалъ я: — знаете-ли, кто, можетъ быть, сказалъ мнѣ сегодня, что меня любитъ?

— Хохоча надъ тобой, сказалъ! вдругъ какъ-то неестественно злобно подхватила Татьяна Павловна, какъ будто именно отъ меня и ждала этихъ словъ. — Да, деликатный человѣкъ, а особенно женщина, изъ-за одной только душевной грязи твоей въ омерзеніе придетъ. У тебя проборъ на головѣ, бѣлье тонкое, платье у француза сшито, а вѣдь все это — грязь! Тебя кто обшилъ, тебя кто кормилъ, тебѣ кто деньги, чтобъ на рулеткахъ играть, даетъ? Вспомни, у кого ты брать не стыдишься?

Мама до того вся вспыхнула, что я никогда еще не видалъ такого стыда на ея лицѣ. Меня всего передернуло:

— Если я трачу, то трачу свои деньги, и отчетомъ никому не обязанъ, отрѣзалъ было я, весь покраснѣвъ.

— Чьи свои? Какія свои?

— Не мои, такъ Андрей Петровичевы. Онъ мнѣ не откажетъ... Я бралъ у князя въ зачетъ его долга Андрею Петровичу...

— Другъ мой, проговорилъ вдругъ твердо Версиловъ, — тамъ моихъ денегъ ни копѣйки нѣтъ.

Фраза была ужасно значительна. Я осѣкся на мѣстѣ. О, разумѣется, припоминая все тогдашнее, парадоксальное и безшабашное настроеніе мое, я, конечно-бы, вывернулся какимъ нибудь «благороднѣйшимъ» порывомъ, или трескучимъ словечкомъ, или чѣмъ нибудь, но вдругъ я замѣтилъ въ нахмуренномъ лицѣ Лизы какое-то злобное, обвиняющее выраженіе, несправедливое выраженіе, почти насмѣшку, и точно бѣсъ меня дернулъ.

— Вы, сударыня, обратился я вдругъ къ ней, — кажется, часто посѣщаете въ квартирѣ князя Дарью Онисимовну? Такъ не угодно-ли вамъ передать ей самой вотъ эти триста рублей, за которые вы меня сегодня ужь такъ пилили!

Я вынулъ деньги и протянулъ ей. Ну, повѣрятъ-ли, что низкія слова эти были сказаны тогда безъ всякой цѣли, то есть безъ малѣйшаго намека на что нибудь. Да и намека такого не могло быть, потому что въ ту минуту я ровнешенько ничего не зналъ. Можетъ быть, у меня было лишь желаніе чѣмъ нибудь кольнуть ее, сравнительно ужасно невиннымъ, въ родѣ того, что вотъ, дескать, барышня, а не въ свое дѣло мѣшается, такъ вотъ не угодно-ли, если ужь непремѣнно вмѣшаться хотите, самой встрѣтиться съ этимъ княземъ, съ молодымъ человѣкомъ, съ петербургскимъ офицеромъ, и ему передать, «если ужь такъ захотѣли ввязываться въ дѣла молодыхъ людей». — Но каково-же было мое изумленіе, когда вдругъ встала мама и, поднявъ передо мной палецъ и грозя мнѣ, крикнула:

— Не смѣй! Не смѣй!

Ничего подобнаго этому я не могъ отъ нея представить и самъ вскочилъ съ мѣста, не то что въ испугѣ, а съ какимъ-то страданіемъ, съ какой-то мучительной раной на сердцѣ, вдругъ догадавшись, что случилось что-то тяжелое. Но мама не долго выдержала: закрывъ руками лицо, она быстро вышла изъ комнаты. Лива, даже не глянувъ въ мою сторону, вышла вслѣдъ за нею. Татьяна Павловна съ полминуты смотрѣла на меня молча:

— Да неужто ты въ самомъ дѣлѣ что нибудь хотѣлъ сморозить? загадочно воскликнула она, съ глубочайшимъ удивленіемъ смотря на меня, но, не дождавшись моего отвѣта, тоже побѣжала къ нимъ. Версиловъ съ непріязненнымъ, почти злобнымъ видомъ всталъ изъ-за стола и взялъ въ углу свою шляпу.

— Я полагаю, что ты вовсе не такъ глупъ, а только невиненъ, промямлилъ онъ мнѣ насмѣшливо. — Если придутъ, скажи, чтобъ меня не ждали къ пирожному: я немножко пройдусь.

Я остался одинъ; сначала мнѣ было странно, потомъ обидно, а потомъ я ясно увидѣлъ, что я виноватъ. Впрочемъ, я не зналъ, въ чемъ собственно я виноватъ, а

только что-то почувствовалъ. Я сидѣлъ у окна и ждалъ. Прождавъ минутъ десять, я тоже взялъ шляпу и пошелъ на верхъ, въ мою бывшую свѣтелку. Я зналъ, что онѣ тамъ, то есть мама и Лиза, и что Татьяна Павловна уже ушла. Такъ я ихъ и нашелъ обѣихъ вмѣстѣ на моемъ диванѣ, объ чемъ-то шептавшихся. При моемъ появленіи, обѣ тотчасъ-же перестали шептаться. Къ удивленію моему, онѣ на меня не сердились; мама, по крайней мѣрѣ, мнѣ улыбнулась.

— Я, мама, виноватъ, началъ было я...

— Ну, ну, ничего, перебила мама: — а вотъ любите только другъ дружку и никогда не ссорьтесь, то и Богъ счастья пошлетъ.

— Онъ, мама, никогда меня не обидитъ, я вамъ это говорю! убѣжденно и съ чувствомъ проговорила Лиза.

— Если-бъ не эта только Татьяна Павловна, ничего-бы не вышло, вскричалъ я:— скверная она!

— Видите, мама? Слышите? указала ей на меня Лиза.

— Я вотъ что̀ вамъ скажу обѣимъ, провозгласилъ я: — если въ свѣтѣ гадко, то гадокъ только я, а все остальное — прелесть!

— Аркаша, не разсердись, милый, а кабы ты въ самомъ дѣлѣ пересталъ...

— Это играть? Играть? Перестану, мама: сегодня въ послѣдній разъ ѣду, особенно послѣ того, какъ Андрей Петровичъ самъ и вслухъ объявилъ, что его денегъ тамъ нѣтъ ни копѣйки. Вы не повѣрите какъ я краснѣю... Я, впрочемъ, долженъ съ нимъ объясниться... Мама, милая, въ прошлый разъ я здѣсь сказалъ... неловкое слово... Мамочка, я вралъ: я хочу искренно вѣровать, я только фанфаронилъ, и очень люблю Христа...

У насъ въ прошлый разъ дѣйствительно вышелъ разговоръ въ этомъ родѣ; мама была очень огорчена и встревожена. Выслушавъ меня теперь, она улыбнулась мнѣ какъ ребенку:

— Христосъ, Аркаша, все проститъ, и хулу твою проститъ, и хуже твоего проститъ. Христосъ — отецъ, Христосъ не нуждается и сіять будетъ даже въ самой глубокой тьмѣ...

Я съ ними простился и вышелъ, подумывая о шансахъ увидѣться сегодня съ Версиловымъ; мнѣ очень надо было переговорить съ нимъ, а давеча нельзя было. Я сильно подозрѣвалъ, что онъ дожидается у меня на квартирѣ. Пошелъ я пѣшкомъ; съ тепла принялось слегка морозить, и пройдтись было очень пріятно.

II.

Я жилъ близь Вознесенскаго моста, въ огромномъ домѣ, на дворѣ. Почти входя въ ворота, я столкнулся съ выходившимъ отъ меня Версиловымъ.

— По моему обычаю, дошелъ, гуляя, до твоей квартиры, и даже подождалъ тебя у Петра Ипполитовича, но соскучился. Они тамъ у тебя вѣчно ссорятся, а сегодня жена у него даже слегла и плачетъ. Посмотрѣлъ и пошелъ.

Мнѣ почему-то стало досадно.

— Вы вѣрно только ко мнѣ одному и ходите, и кромѣ меня да Петра Ипполитовича у васъ никого нѣтъ во всемъ Петербургѣ?

— Другъ мой... да вѣдь все равно.

— Куда-же теперь-то?

— Нѣтъ, ужь я къ тебѣ не вернусь. Если хочешь — пройдемся, славный вечеръ.

— Если-бъ вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій, вы говорили со мной по человѣчески и, напримѣръ, хоть намекнули мнѣ только объ этой проклятой игрѣ, я-бы, можетъ, не втянулся какъ дуракъ, сказалъ я вдругъ.

— Ты раскаяваешься? Это хорошо, отвѣтилъ онъ, цѣдя слова: — я и всегда подозрѣвалъ, что у тебя игра—не главное дѣло, а лишь вре-мен-ное уклоненіе... Ты правъ, мой другъ, игра—свинство, и къ тому-же можно проиграться.

— И чужія деньги проигрывать.

— А ты проигралъ и чужія?

— Ваши проигралъ. Я бралъ у князя за вашъ счетъ. Конечно, это — страшная нелѣпость и глупость съ моей стороны... считать ваши деньги своими, но я все хотѣлъ отыграться.

— Предупреждаю тебя еще разъ, мой милый, что тамъ моихъ денегъ нѣтъ. Я знаю, этотъ молодой человѣкъ самъ въ тискахъ, и я на немъ ничего не считаю, не смотря на его обѣщанія.

— Въ такомъ случаѣ, я вдвое въ худшемъ положеніи... я въ комическомъ положеніи! И съ какой стати ему мнѣ давать, а мнѣ у него брать послѣ этого?

— Это ужь твое дѣло... А дѣйствительно нѣтъ ни малѣйшей стати тебѣ брать у него, а?

— Кромѣ товарищества...

— Нѣтъ, кромѣ товарищества? Нѣтъ-ли чего такого, изъ-за чего-бы ты находилъ возможнымъ брать у него, а? Ну, тамъ по какимъ-бы то ни было соображеніямъ?

— По какимъ это соображеніямъ? Я не понимаю.

— И тѣмъ лучше, что не понимаешь, и признаюсь, мой другъ, я былъ въ этомъ увѣренъ. Brisons-là, mon cher, и постарайся какъ нибудь не играть.

— Если-бъ вы мнѣ зараньше сказали! Вы и теперь мнѣ говорите точно мямлите.

— Если-бъ я зараньше сказалъ, то мы-бы съ тобой только разссорились, и ты меня не съ такой-бы охотою пускалъ къ себѣ по вечерамъ. И знай, мой милый, что всѣ эти спасительные заранѣе совѣты—все это есть только вторженіе на чужой счетъ въ чужую совѣсть. Я достаточно вскакивалъ въ совѣсть другихъ и, въ концѣ концовъ, вынесъ одни щелчки и насмѣшки. На щелчки и насмѣшки, конечно, наплевать, но главное въ томъ, что этимъ манеромъ ничего и не достигнешь: никто тебя не послушается, какъ ни вторгайся... и всѣ тебя разлюбятъ.

— Я радъ, что вы со мной начали говорить не объ отвлеченностяхъ. Я васъ еще объ одномъ хочу спросить, давно хочу, но все какъ-то съ вами нельзя было. Хорошо что мы на улицѣ. Помните, въ тотъ вечеръ у васъ, въ послѣдній вечеръ, два мѣсяца назадъ, какъ мы сидѣли съ вами у меня «въ гробѣ», и я разспрашивалъ васъ о мамѣ и о Макарѣ Ивановичѣ, — помните-ли, какъ я былъ съ вами тогда «развязенъ»? Можно-ли было позволить пащенку сыну въ такихъ терминахъ говорить про мать? И что-жь? Вы ни однимъ словечкомъ не подали виду: напротивъ, сами «распахнулись», а тѣмъ и меня еще пуще развязали.

— Другъ ты мой, мнѣ слишкомъ пріятно отъ тебя слышать... такія чувства... Да, я помню очень, я дѣйствительно ждалъ тогда появленія краски въ твоемъ лицѣ, и если самъ поддавалъ, то, можетъ быть, именно, чтобъ довести тебя до предѣла...

— И только обманули меня тогда и еще пуще замутили чистый источникъ въ душѣ моей! Да, я—жалкій подростокъ и самъ не знаю поминутно, что̀ зло, что̀ добро. Покажи вы мнѣ тогда хоть капельку дороги, и я-бы догадался и тотчасъ вскочилъ на правый путь. Но вы только меня тогда разозлили.

— Cher enfant, я всегда предчувствовалъ, что мы, такъ или иначе, а съ тобой сойдемся: эта «краска» въ твоемъ лицѣ пришла-же теперь къ тебѣ сама собой и безъ моихъ указаній, а это, клянусь, для тебя-же лучше... Ты, мой милый, я замѣчаю, въ послѣднее время много пріобрѣлъ... неужто въ обществѣ этого князька?

— Не хвалите меня, я этого не люблю. Не оставляйте въ моемъ сердцѣ тяжелаго подозрѣнія, что вы хвалите изъ іезуитства, во вредъ истинѣ, чтобъ не переставать нравиться. А въ послѣднее время... видите-ли... я къ женщинамъ ѣздилъ. Я очень хорошо принятъ, напримѣръ, у Анны Андреевны, вы знаете!

— Я это знаю отъ нея-же, мой другъ. Да, она — премилая и умная. Mais brisons-là, mon cher. Мнѣ сегодня какъ-то до странности гадко,— хандра, что̀-ли? Приписываю геморою. Что̀ дома? Ничего? Ты тамъ, разумѣется, примирился и были объятія? Celà va sans dire. Грустно какъ-то къ нимъ иногда бываетъ возвращаться, даже послѣ самой скверной прогулки. Право, иной разъ лишній крюкъ по дождю сдѣлаю, чтобъ только подольше не возвращаться въ эти нѣдра... И скучища-же, скучища, о, Боже!

— Мама...

— Твоя мать — совершеннѣйшее и прелестнѣйшее существо, mais... Однимъ сло-

вомъ, я ихъ вѣроятно не стою. Кстати, что у нихъ тамъ сегодня? Онѣ за послѣдніе дни всѣ до единой какія-то такія... Я, знаешь, всегда стараюсь игнорировать, но тамъ что-то у нихъ сегодня завязалось... Ты ничего не замѣтилъ?

— Ничего не знаю рѣшительно, и даже не замѣтилъ-бы совсѣмъ, если-бъ не эта проклятая Татьяна Павловна, которая не можетъ не полѣзть кусаться. Вы правы: тамъ что-то есть. Давеча я Лизу засталъ у Анны Андреевны, она и тамъ еще была какая-то... даже удивила меня. Вѣдь вы знаете, что она принята у Анны Андреевны?

— Знаю, мой другъ. А ты... ты когда-же былъ давеча у Анны Андреевны, въ которомъ именно часу, то есть? Это мнѣ надо для одного факта.

— Отъ двухъ до трехъ. И представьте, когда я выходилъ, пріѣзжалъ князь...

Тутъ я разсказалъ ему весь мой визитъ до чрезвычайной подробности. Онъ все выслушалъ молча; о возможности сватовства князя къ Аннѣ Андреевнѣ не промолвилъ ни слова; на восторженныя похвалы мои Аннѣ Андреевнѣ промямлилъ опять, что «она — милая».

— Я ее чрезвычайно успѣлъ удивить сегодня, сообщивъ ей самую свѣжеиспеченную свѣтскую новость о томъ, что Катерина Николаевна Ахмакова выходитъ за барона Бьоринга, сказалъ я вдругъ, какъ будто вдругъ что-то сорвалось у меня.

— Да? Представь-же себѣ, она мнѣ эту самую «новость» сообщила еще давеча, раньше полудня, то есть гораздо раньше, чѣмъ ты могъ удивить ее?

— Что вы? такъ и остановился я на мѣстѣ: — а откуда-жь она узнать могла? А, впрочемъ, что-жь я? Разумѣется, она могла узнать раньше моего, но вѣдь представьте себѣ: она выслушала отъ меня какъ совершенную новость! Впрочемъ... впрочемъ, что-жь я? Да здравствуетъ широкость! Надо широко допускать характеры, такъ-ли? Я-бы, напримѣръ, тотчасъ все разболталъ, а она запретъ въ табакерку... И пусть, и пусть, тѣмъ не менѣе она—прелестнѣйшее существо и превосходнѣйшій характеръ!

— О, безъ сомнѣнія, каждый по своему! И что оригинальнѣе всего: эти превосходные характеры умѣютъ иногда чрезвычайно своеобразно озадачивать; вообрази, Анна Андреевна вдругъ огорошиваетъ меня сегодня вопросомъ: «Люблю-ли я Катерину Николаевну Ахмакову или нѣтъ?»

— Какой дикій и невѣроятный вопросъ! вскричалъ я, опять ошеломленный. У меня даже замутилось въ глазахъ. Никогда еще я не заговаривалъ съ нимъ объ этой темѣ, и — вотъ онъ самъ...

— Чѣмъ-же она формулировала?

— Ничѣмъ, мой другъ, совершенно ничѣмъ; табакерка заперлась тотчасъ-же и еще пуще, и, главное, замѣть, ни я не допускалъ никогда даже возможности подобныхъ со мной разговоровъ, ни она... Впрочемъ, ты самъ говоришь, что ее знаешь, а потому можешь представить, какъ къ ней идетъ подобный вопросъ... Ужь не знаешь-ли ты чего?

— Я такъ-же озадаченъ, какъ и вы. Любопытство какое нибудь, можетъ быть, шутка?

— О, напротивъ, самый серіозный вопросъ, и не вопросъ, а почти, такъ сказать, запросъ, и, очевидно, для самыхъ чрезвычайныхъ и категорическихъ причинъ. Не будешь-ли у ней? Не узнаешь-ли чего? Я-бы тебя даже просилъ, видишь-ли...

— Но возможность, главное — возможность только предположить вашу любовь къ Катеринѣ Николаевнѣ! Простите, я все еще не выхожу изъ остолбенѣнія. Я никогда, никогда не дозволялъ себѣ говорить съ вами на эту или на подобную тему...

— И благоразумно дѣлалъ, мой милый.

— Ваши бывшія интриги и ваши сношенія, — ужь конечно, эта тема между нами неприлична, и даже было-бы глупо съ моей стороны; но я, именно за послѣднее время, за послѣдніе дни, нѣсколько разъ восклицалъ про себя: что, если-бъ вы любили хоть когда нибудь эту женщину, хоть минутку? — о, никогда-бы вы не сдѣлали такой страшной ошибки на ея счетъ, въ вашемъ мнѣніи о ней, какъ та, которая потомъ вышла! О томъ, что вышло — про то я знаю: о вашей обоюдной враждѣ и о

вашемъ отвращеніи, такъ сказать, обоюдномъ другъ отъ друга, я знаю, слышалъ, слишкомъ слышалъ, еще въ Москвѣ слышалъ; но вѣдь именно тутъ прежде всего выпрыгиваетъ наружу фактъ ожесточеннаго отвращенія, ожесточенность непріязни, именно *нелюбви*, а Анна Андреевна вдругъ задаетъ вамъ: «любите-ли?» Неужели она такъ плохо рансеньирована? Дикое что-то! Она смѣялась, увѣряю васъ, смѣялась!

— Но я замѣчаю, мой милый, послышалось вдругъ что-то нервное и задушевное въ его голосѣ, до сердца проницающее, что̀ ужасно рѣдко бывало съ нимъ: — я замѣчаю, что ты и самъ слишкомъ горячо говоришь объ этомъ. Ты сказалъ сейчасъ, что ѣздишь къ женщинамъ... мнѣ, конечно, тебя разспрашивать какъ-то... на эту тему, какъ ты выразился... Но и «эта женщина» не состоитъ-ли тоже въ спискѣ недавнихъ друзей твоихъ?

— Эта женщина... задрожалъ вдругъ мой голосъ: — слушайте, Андрей Петровичъ, слушайте: эта женщина есть то̀, что̀ вы давеча у этого князя говорили про «живую жизнь», — помните? Вы говорили, что эта живая жизнь есть нѣчто до того прямое и простое, до того прямо на васъ смотрящее, что именно изъ-за этой-то прямоты и ясности и невозможно повѣрить, чтобъ это было именно то самое, чего мы всю жизнь съ такимъ трудомъ ищемъ... Ну, вотъ съ такимъ взглядомъ вы встрѣтили и женщину — идеалъ и въ совершенствѣ, въ идеалѣ признали — «всѣ пороки!» Вотъ вамъ!

Читатель можетъ судить, въ какомъ я былъ изступленіи.

— «Всѣ пороки»! Ого! Эту фразу я знаю! воскликнулъ Версиловъ: — и, если ужь до того дошло, что тебѣ сообщена такая фраза, то ужь не поздравить-ли тебя съ чѣмъ? Это означаетъ такую интимность между вами, что, можетъ быть, придется даже похвалить тебя за скромность и тайну, къ которой способенъ рѣдкій молодой человѣкъ...

Въ его голосѣ сверкалъ милый, дружественный, ласкающій смѣхъ... что-то вызывающее и милое было въ его словахъ, въ его свѣтломъ лицѣ, насколько я могъ замѣтить ночью. Онъ былъ въ удивительномъ возбужденіи. Я весь засверкалъ поневолѣ.

— Скромность, тайна! О, нѣтъ, нѣтъ! восклицалъ я, краснѣя и въ тоже время сжимая его руку, которую какъ-то успѣлъ схватить и, не замѣчая того, не выпускалъ ее. — Нѣтъ, ни за что̀!.. Однимъ словомъ, меня поздравлять не съ чѣмъ, и тутъ никогда, никогда не можетъ ничего случиться, задыхался я и летѣлъ, и мнѣ такъ хотѣлось летѣть, мнѣ такъ было это пріятно: — знаете... ну ужь пусть будетъ такъ однажды, одинъ маленькій разочекъ! Видите, голубчикъ, славный мой папа, — вы позволите мнѣ васъ назвать папой, — не только отцу съ сыномъ, но и всякому нельзя говорить съ третьимъ лицомъ о своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, даже самыхъ чистѣйшихъ! Даже чѣмъ чище, тѣмъ тутъ больше должно положить запрету! Это претитъ, это грубо, однимъ словомъ — конфидентъ невозможенъ! Но вѣдь если нѣтъ ничего, ничего совершенно, то вѣдь тогда можно говорить, можно?

— Какъ сердце велитъ.

— Нескромный, очень нескромный вопросъ: вѣдь вы, въ вашу жизнь, знавали женщинъ, имѣли связи?.. Я вообще, вообще, я не въ частности! краснѣлъ я и захлебывался отъ восторга.

— Положимъ, бывали грѣхи.

— Такъ вотъ что̀ — случай, а вы мнѣ его разъясните какъ болѣе опытный человѣкъ: вдругъ женщина говоритъ, прощаясь съ вами, этакъ нечаянно, сама смотритъ въ сторону: «я завтра въ три часа буду тамъ-то»... ну, положимъ у Татьяны Павловны, — сорвался я и полетѣлъ окончательно. Сердце у меня стукнуло и остановилось; я даже говорить пріостановился, не могъ. Онъ ужасно слушалъ. — И вотъ, завтра я въ три часа у Татьяны Павловны, вхожу и разсуждаю такъ: «отворитъ кухарка, — вы знаете ея кухарку? — я и спрошу первымъ словомъ: дома Татьяна Павловна? И, если кухарка скажетъ, что̀ нѣтъ дома Татьяны Павловны, а что ее какая-го гостья ждетъ, — что̀ я тогда долженъ заключить, скажите, если вы... Однимъ словомъ, если вы...

— Просто за просто, что тебѣ назначено было свиданіе. Но, стало быть, это было? И было сегодня? Да?

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ничего, ничего! Это было, но было не то; свиданіе, но не для того, и я это прежде всего заявляю, чтобъ не быть подлецомъ, было, но...

— Другъ мой, все это начинаетъ становиться до того любопытнымъ, что я предлагаю...

— Самъ давалъ по десяти и по двадцати пяти просителямъ. На крючокъ! Только нѣсколько копѣекъ, умоляетъ поручикъ, проситъ бывшій поручикъ! загородила намъ вдругъ дорогу высокая фигура просителя, можетъ быть, дѣйствительно отставнаго поручика. Любопытнѣе всего, что онъ весьма даже хорошо былъ одѣтъ для своей профессіи, а между тѣмъ протягивалъ руку.

III.

Этотъ мизернѣйшій анекдотъ о ничтожномъ поручикѣ я нарочно не хочу пропустить, такъ какъ весь Версиловъ вспоминается мнѣ теперь не иначе, какъ со всѣми мельчайшими подробностями обстановки тогдашней роковой для него минуты. Роковой, а я и не зналъ того!

— Если вы, сударь, не отстанете, то я немедленно позову полицію, вдругъ какъ-то неестественно возвысилъ голосъ Версиловъ, останавливаясь передъ поручикомъ. Я-бы никогда не могъ вообразить такого гнѣва отъ такого философа и изъ-за такой ничтожной причины. И замѣтьте, что мы прервали разговоръ на самомъ интереснѣйшемъ для него мѣстѣ, о чемъ онъ и самъ заявилъ.

— Такъ неужто у васъ и пятелтышки нѣтъ? грубо прокричалъ поручикъ, махнувъ рукой: — да у какой-же теперь канальи есть пятелтынный! Ракальи! Подлецы! Самъ въ бобрахъ, а изъ-за пятелтынаго государственный вопросъ дѣлаетъ!

— Городовой! крикнулъ Версиловъ.

Но кричать и не надо было: городовой какъ разъ стоялъ на углу и самъ слышалъ брань поручика.

— Я васъ прошу быть свидѣтелемъ оскорбленія, я васъ прошу пожаловать въ участокъ, проговорилъ Версиловъ.

— Э-э, мнѣ все равно, рѣшительно ничего не докажете! Преимущественно ума не докажете!

— Не упускайте, городовой, и проводите насъ, настоятельно заключилъ Версиловъ.

— Да неужто мы въ участокъ? Чортъ съ нимъ! прошепталъ я ему.

— Непремѣнно, мой милый. Эта безшабашность на нашихъ улицахъ начинаетъ надоѣдать до безобразія, и если-бъ каждый исполнялъ свой долгъ, то вышло-бы всѣмъ полезнѣе. C'est comique, mais c'est ce que nous ferons.

Шаговъ сотню поручикъ очень горячился, бодрился и храбрился; онъ увѣрялъ, что «такъ нельзя», что тутъ «изъ пятелтышки» и проч., и проч. Но, наконецъ, началъ что-то шептать городовому. Городовой, человѣкъ разсудительный и видимо врагъ уличныхъ нервностей, кажется, былъ на его сторонѣ, но лишь въ извѣстномъ смыслѣ. Онъ бормоталъ ему вполголоса на его вопросы, что «теперь ужь нельзя», что «дѣло вышло», и что «если-бъ, напримѣръ, вы извинились, а господинъ согласился принять извиненіе, то тогда развѣ»...

— Ну, па-а-слушайте, милостивый государь, ну, куда мы идемъ? Я васъ спрашиваю: куда мы стремимся и въ чемъ тутъ остроуміе? громко прокричалъ поручикъ:— если человѣкъ несчастный въ своихъ неудачахъ соглашается принесть извиненіе... если, наконецъ, вамъ надо его униженіе... Чортъ возьми, да не въ гостиной-же мы, а на улицѣ! Для улицы и этого извиненія достаточно...

Версиловъ остановился и вдругъ расхохотался; я даже было подумалъ, что всю эту исторію онъ велъ для забавы, но это было не такъ.

— Совершенно васъ извиняю, господинъ офицеръ, и увѣряю васъ, что вы со способностями. Дѣйствуйте такъ и въ гостиной, — скоро и для гостиной этого будетъ совершенно достаточно, а пока вотъ вамъ два двугривенныхъ, выпейте и закусите; извините, городовой, за безпокойство, поблагодарилъ-бы и васъ за трудъ, но вы теперь на такой благородной ногѣ... Милый мой, обратился онъ ко мнѣ: — тутъ есть

одна харчевня, въ сущности страшный клоакъ, но тамъ можно чаю напиться, и я-бъ тебѣ предложилъ... вотъ тутъ, сейчасъ, пойдемъ-же.

Повторяю, я еще не видалъ его въ такомъ возбужденіи, хоть лицо его было весело и сіяло свѣтомъ; но я замѣтилъ, что когда онъ вынималъ изъ портмоне два двугривенныхъ, чтобъ отдать офицеру, то у него дрожали руки, а пальцы совсѣмъ не слушались, такъ что онъ, наконецъ, попросилъ меня вынуть и дать поручику; я забыть этого не могу.

Привелъ онъ меня въ маленькій трактиръ на канавѣ, внизу. Публики было мало. Игралъ разстроенный сиплый органчикъ, пахло засаленными салфетками; мы усѣлись въ углу.

— Ты, можетъ быть, не знаешь? Я люблю иногда отъ скуки... отъ ужасной душевной скуки... заходить въ разные вотъ эти клоаки. Эта обстановка, эта заикающаяся арія изъ Лючіи, эти половые въ русскихъ до неприличія костюмахъ, этотъ табачище, эти крики изъ билліардной — все это до того пошло и прозаично, что граничитъ почти съ фантастическимъ. Ну, такъ что-жь, мой милый? Этотъ сынъ Марса остановилъ насъ на самомъ, кажется, интересномъ мѣстѣ... А вотъ и чай; я люблю здѣсь чай... Представь, Петръ Ипполитовичъ вдругъ сейчасъ сталъ тамъ увѣрять этого другаго рябаго постояльца, что въ англійскомъ парламентѣ, въ прошломъ столѣтіи, нарочно назначена была коммисія изъ юристовъ, чтобъ разсмотрѣть весь процессъ Христа передъ первосвященникомъ и Пилатомъ, единственно чтобъ узнать, какъ теперь это будетъ по нашимъ законамъ, и что все было произведено со всею торжественностью, съ адвокатами-прокурорами и съ прочимъ... ну, и что присяжные принуждены были вынести обвинительный приговоръ... Удивительно что̀ такое! Тотъ дуракъ-жилецъ сталъ спорить, обозлился и разссорился и объявилъ, что завтра съѣзжаетъ... Хозяйка расплакалась, потому что теряетъ доходъ... Mais passons. Въ этихъ трактирахъ бываютъ иногда соловьи. Знаешь старый московскій анекдотъ à la Петръ Ипполитовичъ? Поетъ въ московскомъ трактирѣ соловей, входитъ купецъ «ндраву моему не препятствуй»: что̀ стоитъ соловей?— Сто рублей.— Зажарить и подать! Зажарили и подали. «Отрѣжъ на гривенникъ». Я Петру Ипполитовичу разсказывалъ разъ, но онъ не повѣрилъ и даже съ негодованіемъ.

Онъ много еще говорилъ. Привожу эти отрывки для обращика. Онъ безпрерывно меня перебивалъ, чуть лишь я раскрывалъ ротъ, чтобъ начать мой разсказъ, и начиналъ говорить совершенно какой нибудь особенный и не идущій вздоръ; говорилъ возбужденно, весело; смѣялся Богъ знаетъ чему и даже хихикалъ, чего я отъ него никогда не видывалъ. Онъ залпомъ выпилъ стаканъ чаю и налилъ новый. Теперь мнѣ понятно: онъ походилъ тогда на человѣка, получившаго дорогое, любопытное и долго ожидаемое письмо и которое тотъ положилъ передъ собой и нарочно не распечатываетъ, напротивъ, долго вертитъ въ рукахъ, осматриваетъ конвертъ, печать, идетъ распорядиться въ другую комнату, отдаляетъ, однимъ словомъ, интереснѣйшую минуту, зная, что она ни за что не уйдетъ отъ него, и все это для большей полноты наслажденія.

Я, разумѣется, все разсказалъ ему, все съ самаго начала, и разсказывалъ, можетъ быть, около часу. Да и какъ могло быть иначе; я жаждалъ говорить еще давеча. Я началъ съ самой первой нашей встрѣчи, тогда у князя, по ея пріѣздѣ изъ Москвы; потомъ разсказалъ, какъ все это шло постепенно. Я не пропустилъ ничего, да и не могъ пропустить: онъ самъ наводилъ, онъ угадывалъ, онъ подсказывалъ. Мгновеніями мнѣ казалось, что происходитъ что-то фантастическое, что онъ гдѣ нибудь тамъ сидѣлъ или стоялъ за дверьми, каждый разъ, во всѣ эти два мѣсяца: онъ зналъ впередъ каждый мой жестъ, каждое мое чувство. Я ощущалъ необъятное наслажденіе въ этой исповѣди ему, потому что видѣлъ въ немъ такую задушевную мягкость, такую глубокую психологическую тонкость, такую удивительную способность угадывать въ четверть слова. Онъ выслушивалъ нѣжно, какъ женщина. Главное, онъ съумѣлъ сдѣлать такъ, что я ни-

чего не стыдился; иногда онъ вдругъ останавливалъ меня на какой нибудь подробности; часто останавливалъ и нервно повторялъ: «не забывай мелочей, главное — не забывай мелочей: чѣмъ мельче черта, тѣмъ иногда она важнѣе». И въ этомъ родѣ онъ нѣсколько разъ перебивалъ меня. О, разумѣется, я началъ сначала свысока, къ ней свысока, но быстро свелъ на истину. Я искренно разсказалъ ему, что готовъ былъ бросаться цѣловать то мѣсто на полу, гдѣ стояла ея нога. Всего краше, всего свѣтлѣе было то, что онъ въ высшей степени понялъ, что «можно страдать страхомъ по документу» и въ тоже время оставаться чистымъ и безупречнымъ существомъ, какимъ она сегодня передо мной открылась. Онъ въ высшей степени понялъ слово «студентъ». Но когда я уже оканчивалъ, то замѣтилъ, что сквозь добрую улыбку его начало по временамъ проскакивать что-то ужь слишкомъ нетерпѣливое въ его взглядѣ, что-то какъ-бы разсѣянное и рѣзкое. Когда я дошелъ до «документа», то подумалъ про себя: «сказать ему настоящую правду или не сказать?» — и не сказалъ, не смотря на весь мой восторгъ. Это я отмѣчаю здѣсь для памяти на всю мою жизнь. Я ему объяснилъ дѣло такъ-же, какъ и ей, то есть Крафтомъ. Глаза его загорѣлись, странная складка мелькнула на лбу, очень мрачная складка.

— Ты твердо помнишь, мой милый, объ этомъ письмѣ, что Крафтъ его сжегъ на свѣчкѣ? Ты не ошибаешься?

— Не ошибаюсь, подтвердилъ я.

— Дѣло въ томъ, что эта грамотка слишкомъ важна для нея и, будь только она у тебя сегодня въ рукахъ, то ты-бы сегодняже могъ... Но что̀ «могъ» — онъ не договорилъ. — А что̀, у тебя нѣтъ ея теперь въ рукахъ?

Я весь вздрогнулъ внутри, но не снаружи. Снаружи я ничѣмъ не выдалъ себя, не смигнулъ; но я все еще не хотѣлъ вѣрить вопросу:

— Какъ нѣтъ въ рукахъ? *Теперь* въ рукахъ? Да вѣдь если Крафтъ ее тогда сжегъ?

— Да? устремилъ онъ на меня огневой, неподвижный взглядъ, памятный мнѣ взглядъ. Впрочемъ, онъ улыбался, но все добродушіе его, вся женственность выраженія, бывшая доселѣ, вдругъ исчезли. Настало что-то неопредѣленное и разстроенное; онъ все болѣе и болѣе становился разсѣянъ. Владѣй онъ тогда собой болѣе, именно такъ, какъ до той минуты владѣлъ, онъ не сдѣлалъ-бы мнѣ этого вопроса о документѣ; если-же сдѣлалъ, то навѣрно потому, что самъ былъ въ изступленіи. Впрочемъ, я говорю лишь теперь; но тогда я не такъ скоро вникнулъ въ перемѣну, происшедшую съ нимъ; я все еще продолжалъ летѣть, а въ душѣ была все та-же музыка. Но разсказъ былъ конченъ; я смотрѣлъ на него.

— Удивительное дѣло, проговорилъ онъ вдругъ, когда я уже высказалъ все до послѣдней запятой: — престранное дѣло, мой другъ: ты говоришь, что былъ тамъ отъ трехъ до четырехъ и что Татьяны Павловны не было дома?

— Ровно отъ трехъ до половины пятаго.

— Ну, представь-же себѣ, я заходилъ къ Татьянѣ Павловнѣ ровнешенько въ половину четвертаго, минута въ минуту, и она встрѣтила меня въ кухнѣ: я вѣдь почти всегда къ ней хожу черезъ черный ходъ.

— Какъ, она васъ встрѣтила въ кухнѣ? вскричалъ я, отшатнувшись отъ изумленія.

— Да, и объявила мнѣ, что не можетъ принять меня; я у ней пробылъ минуты двѣ, а заходилъ лишь позвать ее обѣдать.

— Можетъ быть, она только что откуда нибудь воротилась?

— Не знаю, впрочемъ — конечно, нѣтъ. Она была въ своей распашной кофтѣ. Это было ровнешенько въ половинѣ четвертаго.

— Но... Татьяна Павловна не сказала вамъ, что я тутъ.

— Нѣтъ, она мнѣ не сказала, что ты тутъ... Иначе я-бы зналъ и тебя объ этомъ не спрашивалъ.

— Послушайте, это очень важно...

— Да... съ какой точки судя; и ты даже поблѣднѣлъ, мой милый; а, впрочемъ, что̀-же такъ ужь важно-то?

— Меня осмѣяли какъ ребенка!

— Просто «побоялась твоей пылкости»,

какъ сама она тебѣ выразилась — ну, и заручилась Татьяной Павловной.

— Но Боже, какая это была продѣлка! Послушайте, она дала мнѣ все это высказать при третьемъ лицѣ, при Татьянѣ Павловнѣ; та, стало быть, все слышала, что̀ я давеча говорилъ! Это... это ужасно даже вообразить!

— C'est selon, mon cher. И притомъ-же ты самъ давеча упомянулъ о «широкости» взгляда на женщину вообще и воскликнулъ: «Да здравствуетъ широкость!»

— Если-бъ я былъ Отелло, а вы — Яго, то вы не могли-бы лучше... впрочемъ, я хохочу! Не можетъ быть никакого Отелло, потому что нѣтъ никакихъ подобныхъ отношеній. Да и какъ не хохотать! Пусть! Я всетаки вѣрю въ то, что̀ безконечно меня выше, и не теряю моего идеала!.. Если это — шутка съ ея стороны, то я прощаю. Шутка съ жалкимъ подросткомъ — пусть! Да вѣдь и не рядилъ-же я себя ни во что̀, а студентъ — студентъ всетаки былъ и остался, не смотря ни на что̀, въ душѣ ея былъ, въ сердцѣ ея былъ, существуетъ и будетъ существовать! Довольно! Послушайте, какъ вы думаете: поѣхать мнѣ къ ней сейчасъ, чтобы всю правду узнать, или нѣтъ?

Я говорилъ «хохочу», а у меня были слезы на глазахъ.

— Что-жь? Съѣзди, мой другъ, если хочешь.

— Я какъ будто измарался душой, что вамъ все это пересказалъ. Не сердитесь, голубчикъ, но объ женщинѣ, я повторяю это — объ женщинѣ нельзя сообщать третьему лицу; конфидентъ не пойметъ. Ангелъ и тотъ не пойметъ. Если женщину уважаешь — не бери конфидента! Если себя уважаешь — не бери конфидента. Я теперь не уважаю себя. До свиданья; не прощу себѣ...

— Полно, мой милый, ты преувеличиваешь. Самъ-же ты говоришь, что «ничего не было».

Мы вышли на канаву и стали прощаться.

— Да неужто ты никогда меня не поцѣлуешь задушевно, по дѣтски, какъ сынъ отца? проговорилъ онъ съ странною дрожью въ голосѣ. Я горячо поцѣловалъ его.

— Милый... будь всегда такъ-же чистъ душой, какъ теперь.

Никогда въ жизни я еще не цѣловалъ его, никогда-бы я не могъ вообразить, что онъ самъ захочетъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

«Разумѣется, ѣхать!» рѣшилъ было я, поспѣшая домой: — «сейчасъ-же ѣхать. Весьма вѣроятно, что застану ее дома одну: одну или съ кѣмъ нибудь — все равно: можно вызвать. Она меня приметъ; удивится, но приметъ. А не приметъ, то я настою, чтобъ приняла, пошлю сказать, что крайне нужно. Она подумаетъ что нибудь о документѣ, и приметъ. И узнаю все объ Татьянѣ. А тамъ... а тамъ что-жь? Если я не правъ, я ей заслужу, а если я правъ, а она виновата, то вѣдь тогда ужь конецъ всему! Во всякомъ случаѣ — конецъ всему! Что-жь я проигрываю? Ничего не проигрываю. Ѣхать! Ѣхать!»

И вотъ, никогда не забуду и съ гордостью вспомяну, что я *не* поѣхалъ! Это никому не будетъ извѣстно, такъ и умретъ, но довольно и того, что это мнѣ извѣстно и что я въ такую минуту былъ способенъ на благороднѣйшее мгновеніе! «Это искушеніе, а я пройду мимо его», рѣшилъ я, наконецъ, одумавшись: — меня пугали фактомъ, а я не повѣрилъ и не потерялъ вѣру въ ея чистоту! И зачѣмъ ѣхать, о чемъ справляться? Почему она такъ непремѣнно должна была вѣрить въ меня, какъ я въ нее, въ мою «чистоту», не побояться «пылкости» и не заручиться Татьяной? Я еще не заслужилъ этого въ ея глазахъ. Пусть, пусть она не знаетъ, что заслуживаю, что я не соблазняюсь «искушеніями», что я не вѣрю злымъ на нее навѣтамъ: зато я самъ это знаю и буду себя уважать за это. Уважать свое чувство. О, да, она допустила меня высказаться при Татьянѣ, она допустила Татьяну, она знала, что тутъ сидитъ и подслушиваетъ Татьяна (потому что та не могла не подслушивать), она знала, что та надо мной смѣется, — это ужас-

но, ужасно! Но... но вѣдь—если невозможно было этого избѣжать? Что-жь она могла сдѣлать въ давешнемъ положеніи и какъ-же ее за это винить? Вѣдь налгалъ-же я ей давеча самъ про Крафта, вѣдь обманулъ-же и я ее, потому что невозможно было тоже этого избѣжать, и я невольно, невинно налгалъ. Боже мой! воскликнулъ я вдругъ мучительно краснѣя:—а самъ-то, самъ-то что я сейчасъ сдѣлалъ; развѣ я не потащилъ ее передъ ту-же Татьяну, развѣ я не разсказалъ-же сейчасъ все Версилову? Впрочемъ, что-жь я? Тутъ—разница. Тутъ было только о документѣ; я, въ сущности, сообщилъ Версилову лишь о документѣ, потому что и не было больше о чемъ сообщать, и не могло быть. Не я-ли первый предувѣдомилъ его и кричалъ, что «не могло быть»? Это—человѣкъ понимающій. Гм! Но какая-же, однако, ненависть въ его сердцѣ къ этой женщинѣ даже доселѣ! И какая-же, должно быть, драма произошла тогда между ними, и изъ-за чего? Конечно, изъ самолюбія! *Версиловъ ни къ какому чувству, кромѣ безграничнаго самолюбія, и не можетъ быть способенъ!*

Да, эта послѣдняя мысль вырвалась у меня тогда, и я даже не замѣтилъ ея. Вотъ какія мысли, послѣдовательно одна за другой, пронеслись тогда въ моей головѣ и я былъ чистосердеченъ тогда съ собой: я не лукавилъ, не обманывалъ самъ себя; и если чего не осмыслилъ тогда въ ту минуту, то потому лишь, что ума не достало, а не изъ іезуитства предъ самимъ собой.

Я воротился домой въ ужасно веселомъ состояніи духа, хотя въ очень смутномъ. Но я боялся анализировать и всѣми силами старался развлечься. Тотчасъ-же я пошелъ къ хозяйкѣ: дѣйствительно, между мужемъ и ею шелъ страшный разрывъ. Это была очень чахоточная чиновница, можетъ быть, и добрая, но, какъ всѣ чахоточныя, чрезвычайно капризная. Я тотчасъ ихъ началъ мирить, сходилъ къ жильцу, очень грубому, рябому дураку, чрезвычайно самолюбивому чиновнику, служившему въ одномъ банкѣ, Червякову, котораго я очень самъ не любилъ, но съ которымъ жилъ, однако-же, ладно, потому что имѣлъ низость часто подтрунивать вмѣстѣ съ нимъ надъ Петромъ Ипполитовичемъ. Я тотчасъ уговорилъ его не переѣзжать, да онъ и самъ не рѣшился-бы, въ самомъ-то дѣлѣ, переѣхать. Кончилось тѣмъ, что хозяйку я успокоилъ окончательно и, сверхъ того, съумѣлъ отлично поправить ей подъ головой подушку: «Никогда-то вотъ не съумѣлъ этакъ Петръ Ипполитовичъ», злорадно заключила она. Затѣмъ возился въ кухнѣ съ ея горчишниками и собственноручно изготовилъ ей два превосходныхъ горчишника. Бѣдный Петръ Ипполитовичъ только смотрѣлъ на меня и завидовалъ, но я ему не далъ и прикоснуться и былъ награжденъ буквально слезами ея благодарности. И вотъ, помню, мнѣ вдругъ это все надоѣло, и я вдругъ догадался, что я вовсе не по добротѣ души ухаживалъ за больной, а такъ, по чему-то, по чему-то совсѣмъ другому.

Я нервно ждалъ Матвѣя: въ этотъ вечеръ я рѣшилъ въ послѣдній разъ испытать счастье и... и, кромѣ счастья, ощущалъ ужасную потребность играть; иначебы было невыносимо. Если-бъ никуда не ѣхать, я-бы, можетъ быть, не утерпѣлъ и поѣхалъ къ ней. Матвѣй долженъ былъ скоро явиться, но вдругъ отворилась дверь и вошла неожиданная гостья, Дарья Онисимовна. Я поморщился и удивился. Она знала мою квартиру потому, что разъ когда-то, по порученію мамы, заходила ко мнѣ. Я ее посадилъ и сталъ глядѣть на нее вопросительно. Она ничего не говорила, смотрѣла мнѣ только прямо въ глаза и приниженно улыбалась.

— Вы не отъ Лизы-ли? вздумалось мнѣ спросить.

— Нѣтъ, я такъ-съ.

Я предупредилъ ее, что сейчасъ уѣду; она опять отвѣтила, что «она такъ» и сейчасъ сама уйдетъ. Мнѣ стало почему-то вдругъ ее жалко. Замѣчу, что отъ всѣхъ насъ, отъ мамы и особенно отъ Татьяны Павловны, она видѣла много участья, но, пристроивъ ее у Столбѣевой, всѣ наши какъ-то стали ее забывать, кромѣ развѣ Лизы, часто навѣщавшей ее. Причиной тому, кажется, была она сама, потому что обладала способностью отдаляться и стушевываться, не смотря на всю свою при-

ниженность и заискивающія улыбки. Мнѣ же лично очень не нравились эти улыбки ея и то, что она всегда видимо поддѣлывала лицо, и я даже подумалъ объ ней однажды, что недолго-же она погрустила о своей Олѣ. Но въ этотъ разъ мнѣ почему-то стало жалко ее.

И вотъ, вдругъ она, ни слова не говоря, нагнулась, потупилась и вдругъ, бросивъ обѣ руки впередъ, обхватила меня за талію, а лицомъ наклонилась къ моимъ колѣнямъ. Она схватила мою руку, я думалъ было что цѣловать, но она приложила ее къ глазамъ, и горячія слезы струей полились на нее. Она вся тряслась отъ рыданій, но плакала тихо. У меня защемило сердце, не смотря на то, что мнѣ стало какъ-бы и досадно. Но она совершенно довѣрчиво обнимала меня, нисколько не боясь, что я разсержусь, не смотря на то, что сейчасъ-же предъ симъ такъ боязливо и раболѣпно мнѣ улыбалась. Я ее началъ просить успокоиться.

— Батюшка, голубчикъ, не знаю что̀ дѣлать съ собой. Какъ сумерки, такъ я и не выношу; какъ сумерки, такъ и перестаю выносить, такъ меня и потянетъ на улицу, въ мракъ. И тянетъ, главное, мечтаніе. Мечта такая зародилась въ умѣ, что — вотъ-вотъ я какъ выйду, такъ вдругъ и встрѣчу ее на улицѣ. Хожу и какъ будто вижу ее. То есть, это другіе ходятъ, а я сзади нарочно иду, да и думаю: не она-ли, вотъ-вотъ, думаю, это Оля моя и есть? И думаю, и думаю. Одурѣла подъ конецъ, только о народъ толкаюсь, тошно. Точно пьяная толкаюсь, иные бранятся. Я ужь таю про себя и ни къ кому не хожу. Да и куда придешь — еще тошнѣй. Проходила сейчасъ мимо васъ, подумала: «Дай зайду къ нему; онъ всѣхъ добрѣе, и тогда былъ при томъ». Батюшка, простите вы меня безполезную; я уйду сейчасъ и пойду...

Она вдругъ поднялась и заторопилась. Тутъ какъ разъ прибылъ Матвѣй; я посадилъ ее съ собой въ сани и по дорогѣ завезъ ее къ ней домой, на квартиру Столбѣевой.

II.

Въ самое послѣднее время я сталъ ѣздить на рулетку Зерщикова. До того-же времени ѣздилъ дома въ три, все съ княземъ, который «вводилъ» меня въ эти мѣста. Въ одномъ изъ этихъ домовъ преимущественно шелъ банкъ и играли на очень значительныя деньги. Но тамъ я не полюбилъ: я видѣлъ, что тамъ хорошо при большихъ деньгахъ и, кромѣ того, туда слишкомъ много пріѣзжало нахальныхъ людей и «гремящей» молодежи изъ высшаго свѣта. Этото князь и любилъ; любилъ онъ и играть, но любилъ и якшаться съ этими сорванцами. Я замѣтилъ, что на этихъ вечерахъ онъ, хоть и входилъ иногда со мной вмѣстѣ рядомъ, но отъ меня какъ-то, въ теченіе вечера, отдалялся и ни съ кѣмъ «изъ своихъ» меня не знакомилъ. Я-же смотрѣлъ совершеннымъ дикаремъ и даже иногда до того, что, случалось, обращалъ на себя тѣмъ вниманіе. За игорнымъ столомъ приходилось даже иногда говорить кой съ кѣмъ; но разъ я попробовалъ на другой день, тутъ-же въ комнатахъ, раскланяться съ однимъ господчикомъ, съ которымъ не только говорилъ, но даже и смѣялся наканунѣ, сидя рядомъ, и даже двѣ карты ему угадалъ, и что-жь — онъ совершенно не узналъ меня. То есть хуже: посмотрѣлъ какъ-бы съ выдѣланнымъ недоумѣніемъ и прошелъ мимо, улыбнувшись. Такимъ образомъ, я скоро тамъ бросилъ и пристрастился ѣздить въ одинъ клоакъ—иначе не умѣю назвать. Это была рулетка, довольно ничтожная, мелкая, содержимая одной содержанкой, хотя та въ залу сама и не являлась. Тамъ было ужасно на распашку, и хотя бывали и офицеры, и богачи купцы, но все происходило съ грязнотцой, что̀ многихъ, впрочемъ, и привлекало. Кромѣ того, тамъ мнѣ часто везло. Но я и тутъ бросилъ послѣ одной омерзительной исторіи, случившейся разъ въ самомъ разгарѣ игры и окончившейся дракой какихъ-то двухъ игроковъ, и сталъ ѣздить къ Зерщикову, къ которому опять таки ввелъ меня князь. Это былъ отставной штабсъ-ротмистръ, и тонъ на его вечерахъ былъ весьма сносный, военный, щекотливо-раздражитель-

ный къ соблюденію формъ чести, краткій и дѣловой. Шутниковъ, напримѣръ, и большихъ кутилъ тамъ не появлялось. Кромѣ того, отвѣтный банкъ былъ очень даже не шуточный. Играли-же въ банкъ и въ рулетку. До сего вечера, пятнадцатаго ноября, я побывалъ тамъ всего раза два, и Зерщиковъ, кажется, уже зналъ меня въ лицо; но знакомыхъ я еще никого не имѣлъ. Какъ нарочно, и князь съ Дарзаномъ явились въ этотъ вечеръ уже около полуночи, воротясь съ того банка свѣтскихъ сорванцовъ, который я бросилъ: такимъ образомъ, въ этотъ вечеръ я былъ какъ незнакомый въ чужой толпѣ.

Если-бъ у меня былъ читатель и прочелъ все то, что̀ я уже написалъ о моихъ приключеніяхъ, то, нѣтъ сомнѣнія, ему нечего было-бы объяснять, что я рѣшительно не созданъ для какого-бы то ни было общества. Главное, я никакъ не умѣю держать себя въ обществѣ. Когда я куда вхожу, гдѣ много народу, мнѣ всегда чувствуется, что всѣ взгляды меня электризуютъ. Меня рѣшительно начинаетъ коробить, коробить физически, даже въ такихъ мѣстахъ, какъ въ театрѣ, а ужь не говорю въ частныхъ домахъ. На всѣхъ этихъ рулеткахъ и сборищахъ я рѣшительно не умѣлъ пріобрѣсти себѣ никакой осанки: то сижу и упрекаю себя за излишнюю мягкость и вѣжливость, то вдругъ встану и сдѣлаю какую нибудь грубость. А, между тѣмъ, какіе негодяи, сравнительно со мной, умѣли тамъ держать себя съ удивительной осанкой — и вотъ это-то и бѣсило меня пуще всего, такъ что я все больше и больше терялъ хладнокровіе. Скажу прямо, не только теперь, но и тогда уже мнѣ все это общество, да и самый выигрышъ, если ужь все говорить,—стало, наконецъ, отвратительно и мучительно. Рѣшительно—мучительно. Я, конечно, испытывалъ наслажденіе чрезвычайное, но наслажденіе это проходило чрезъ мученіе; все это, то есть эти люди, игра, и, главное, я самъ вмѣстѣ съ ними, казалось мнѣ страшно грязнымъ. «Только что выиграю и тотчасъ на все плюну!» каждый разъ говорилъ я себѣ, засыпая на развѣтѣ у себя на квартирѣ послѣ ночной игры. И опять таки этотъ выигрышъ: взять ужь то, что я вовсе не любилъ деньги. То есть, я не стану повторять гнусной казенщины, обыкновенной въ этихъ объясненіяхъ, что я игралъ, дескать, для игры, для ощущеній, для наслажденій, риска, азарта и проч., а вовсе не для барыша. Мнѣ деньги были нужны ужасно, и, хоть это былъ и не мой путь, не моя идея, но такъ или этакъ, а я тогда все-таки рѣшилъ попробовать, въ видѣ опыта, и этимъ путемъ. Тутъ все сбивала меня одна сильная мысль: «Вѣдь ужь ты вывелъ, что милліонщикомъ можешь стать непремѣнно, лишь имѣя соотвѣтственно сильный характеръ; вѣдь ужь ты пробы дѣлалъ характеру; такъ покажи себя и здѣсь: неужели у рулетки нужно больше характеру, чѣмъ для твоей идеи?— вотъ что̀ я повторялъ себѣ. А такъ какъ я и до сихъ поръ держусь убѣжденія, что въ азартной игрѣ, при полномъ спокойствіи характера, при которомъ сохранилась-бы вся тонкость ума и разсчета, невозможно не одолѣть грубость слѣпаго случая и не выиграть — то естественно, я долженъ былъ тогда все болѣе и болѣе раздражаться, видя что поминутно не выдерживаю характера и увлекаюсь какъ совершенный мальчишка. «Я, могшій выдержать голодъ, я не могу выдержать себя на такой глупости!» — вотъ что̀ дразнило меня. Къ тому-же, сознаніе, что у меня, во мнѣ, какъ-бы я ни казался смѣшонъ и униженъ, лежитъ то сокровище силы, которое заставитъ ихъ всѣхъ когда нибудь измѣнить обо мнѣ мнѣніе, это сознаніе — уже съ самихъ почти дѣтскихъ униженныхъ лѣтъ моихъ — составляло тогда единственный источникъ жизни моей, мой свѣтъ и мое достоинство, мое оружіе и мое утѣшеніе, иначе я-бы, можетъ быть, убилъ себя еще ребенкомъ. А потому, могъ-ли я не быть раздраженъ на себя, видя въ какое жалкое существо обращаюсь я за игорнымъ столомъ? Вотъ почему я ужь и не могъ отстать отъ игры: теперь я все это ясно вижу. Кромѣ этого, главнаго, страдало и мелочное самолюбіе: проигрышъ унижалъ меня передъ княземъ, передъ Версиловымъ, хотя тотъ ничего не удостоивалъ говорить, передъ всѣми, даже передъ Татьяной,—такъ мнѣ казалось, чувствовалось. Наконецъ, сдѣлаю и еще признаніе: я уже

тогда развратился; мнѣ уже трудно было отказаться отъ обѣда въ семь блюдъ въ ресторанѣ, отъ Матвѣя, отъ англійскаго магазина, отъ мнѣнія моего парфюмера, ну и отъ всего этого. Я сознавалъ это и тогда, но только отмахивался рукой; теперь-же, записывая, краснѣю.

III.

Прибывъ одинъ и очутившись въ незнакомой толпѣ, я сначала пристроился въ уголкѣ стола и началъ ставить мелкими кушами и такъ просидѣлъ часа два, не шевельнувшись. Въ эти два часа шла страшная бурда — ни то ни се. Я пропускалъ удивительные шансы и старался не злиться, а взять хладнокровіемъ и увѣренностью. Кончилось тѣмъ, что за всѣ два часа я не проигралъ и не выигралъ: изъ трехсотъ рублей проигралъ рублей десять—пятнадцать. Этотъ ничтожный результатъ обозлилъ меня, и къ тому-же случилась пренепріятная гадость. Я знаю, что за этими рулетками случаются иногда воры, то есть не то что съ улицы, а просто изъ извѣстныхъ игроковъ. Я, напримѣръ, увѣренъ, что извѣстный игрокъ Афердовъ — воръ; онъ и теперь фигурируетъ по городу: я еще недавно встрѣтилъ его на парѣ собственныхъ пони, но онъ воръ и укралъ у меня. Но объ этомъ исторія еще впереди; въ этотъ-же вечеръ случилась лишь прелюдія: я сидѣлъ всѣ эти два часа на углу стола, а подлѣ меня, слѣва, помѣщался все время одинъ гниленькій франтикъ, я думаю, изъ жидковъ; онъ, впрочемъ, гдѣ-то участвуетъ, что-то даже пишетъ и печатаетъ. Въ самую послѣднюю минуту я вдругъ выигралъ двадцать рублей. Двѣ красныя кредитки лежали передо мной, и вдругъ, я вижу, этотъ жиденокъ протягиваетъ руку и преспокойно тащитъ одну мою кредитку. Я было остановилъ его, но онъ съ самымъ наглымъ видомъ, и нисколько не возвышая голоса, вдругъ объявляетъ мнѣ, что это — его выигрышъ, что онъ сейчасъ самъ поставилъ и взялъ; онъ даже не захотѣлъ и продолжать разговора и отвернулся. Какъ нарочно, я былъ въ ту секунду въ преглупомъ состояніи духа: я замыслилъ большую идею и, плюнувъ, быстро всталъ и отошелъ, не захотѣвъ даже спорить и подаривъ ему красненькую. Да ужь и трудно было-бы вести эту исторію съ наглымъ воришкой, потому что было упущено время; игра уже шла впередъ. И вотъ это-то и было моей огромной ошибкой, которая и отразилась въ послѣдствіяхъ: три—четыре игрока подлѣ насъ замѣтили наше препинаніе, и увидя, что я такъ легко отступился, вѣроятно, приняли меня самого за такого. Было ровно двѣнадцать часовъ; я прошелъ въ слѣдующую комнату, подумалъ, сообразилъ о новомъ планѣ и, воротясь, размѣнялъ у банка мои кредитки на полуимперіалы. У меня очутилось ихъ сорокъ слишкомъ штукъ. Я раздѣлилъ ихъ на десять частей и рѣшилъ поставить десять ставокъ сряду на zéro, каждую въ четыре полуимперіала, одну за другой. «Выиграю — мое счастье, проставлю — тѣмъ лучше; никогда уже болѣе не буду играть». Замѣчу, что во всѣ эти два часа zéro ни разу не выходило, такъ что подъ конецъ никто уже на zéro и не ставилъ.

Я ставилъ стоя, молча нахмурясь и стиснувъ зубы. На третьей-же ставкѣ Зерщиковъ громко объявилъ zéro, не выходившее весь день. Мнѣ отсчитали сто сорокъ полуимперіаловъ золотомъ. У меня оставалось еще семь ставокъ, и я сталъ продолжать, а, между тѣмъ, все кругомъ меня завертѣлось и заплясало.

— Переходите сюда! крикнулъ я черезъ весь столъ одному игроку, съ которымъ давеча сидѣлъ рядомъ, одному сѣдому усачу, съ багровымъ лицомъ и во фракѣ, который уже нѣсколько часовъ съ невыразимымъ терпѣніемъ ставилъ маленькими кушами и проигрывалъ ставку за ставкой: переходите сюда! Здѣсь счастье!

— Вы это мнѣ? съ какимъ-то угрожающимъ удивленіемъ откликнулся усачъ съ конца стола.

— Да, вамъ! Тамъ до тла проиграетесь!

— Не ваше это дѣло и прошу мнѣ не мѣшать!

Но я уже никакъ не могъ выдержать. Напротивъ меня, черезъ столъ, сидѣлъ

одинъ пожилой офицеръ. Глядя на мой кушъ, онъ пробормоталъ своему сосѣду:

— Странно, zéro. Нѣтъ, я на zéro не рѣшусь.

— Рѣшайтесь, полковникъ! крикнулъ я, ставя новый кушъ.

— Прошу оставить и меня въ покоѣ-съ, безъ вашихъ совѣтовъ, рѣзко отрѣзалъ онъ мнѣ.—Вы очень здѣсь кричите.

— Я вамъ добрый-же совѣтъ подаю; ну, хотите пари, что сейчасъ-же выйдетъ опять zéro: десять золотыхъ — вотъ, я ставлю, угодно?

И я выставилъ десять полуимперіаловъ.

— Десять золотыхъ, пари? Это я могу, промолвилъ онъ сухо и строго. — Держу противъ васъ, что не выйдетъ zéro.

— Десять луидоровъ, полковникъ.

— Какихъ-же десять луидоровъ?

— Десять полуимперіаловъ, полковникъ, а въ высокомъ слогѣ — луидоровъ.

— Такъ вы такъ и говорите, что полуимперіаловъ, и не извольте шутить со мной.

Я, разумѣется, не надѣялся выиграть пари; было тридцать шесть шансовъ противъ одного, что zéro не выйдетъ; но я предложилъ, во первыхъ, потому, что форсилъ, а во вторыхъ, потому, что хотѣлось чѣмъ-то всѣхъ привлечь къ себѣ. Я слишкомъ видѣлъ, что меня никто здѣсь почему-то не любитъ и что мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ даютъ это знать. Рулетка завертѣлась,— и каково-же было всеобщее изумленіе, когда вышло опять zéro! Даже всеобщій крикъ раздался. Тутъ слава выигрыша совершенно меня отуманила. Мнѣ опять отсчитали сто сорокъ полуимперіаловъ. Зерщиковъ спросилъ меня, не хочу-ли я получить часть кредитками, но я что-то промычалъ ему, потому что буквально уже не могъ спокойно и обстоятельно изъясняться. Голова у меня кружилась и ноги слабѣли. Я вдругъ почувствовалъ, что страшно сейчасъ пойду рисковать; кромѣ того, мнѣ хотѣлось еще что нибудь предпринять, предложить еще какое нибудь пари, отсчитать кому нибудь нѣсколько тысячъ. Машинально сгребалъ я ладонью мою кучку кредитокъ и золотыхъ и не могъ собраться ихъ сосчитать. Въ эту минуту я вдругъ замѣтилъ сзади меня князя и Дарзана: они только что вернулись съ своего банка и, какъ узналъ я послѣ, проигравшись тамъ въ пухъ.

— А, Дарзанъ, крикнулъ я ему: — вотъ гдѣ счастье! Ставьте на zéro!

— Проигрался, нѣтъ денегъ, отвѣтилъ онъ сухо; князь-же рѣшительно какъ будто не замѣтилъ и не узналъ меня.

— Вотъ деньги! — крикнулъ я, показывая на свою золотую кучу: — сколько надо?

— Чортъ возьми! крикнулъ Дарзанъ, весь покраснѣвъ:—я, кажется, не просилъ у васъ денегъ.

— Васъ зовутъ, дернулъ меня за рукавъ Зерщиковъ.

Звалъ меня уже нѣсколько разъ и почти съ бранью полковникъ, проигравшій мнѣ пари десять полуимперіаловъ.

— Извольте принять! крикнулъ онъ весь багровый отъ гнѣва:—я не обязанъ стоять надъ вами: а то послѣ скажете, что не получили. Сосчитайте.

— Вѣрю, вѣрю, полковникъ, вѣрю безъ счету; только, пожалуйста, такъ на меня не кричите и не сердитесь, и я сгребъ кучку его золота рукой.

— Милостивый государь, я васъ прошу, суйтесь съ вашими восторгами къ кому другому, а не ко мнѣ, рѣзко закричалъ полковникъ.—Я съ вами вмѣстѣ свиней не пасъ!

— Странно пускать такихъ, — кто такой?— юноша какой-то, — раздавались въ полголоса восклицанія.

Но я не слушалъ, я ставилъ зря и уже не на zéro. Я поставилъ цѣлую пачку радужныхъ на восемнадцать первыхъ.

— Ѣдемъ, Дарзанъ, послышался сзади голосъ князя.

— Домой? обернулся я къ нимъ. — Постойте меня: вмѣстѣ выйдемъ, я — шабашъ.

Моя ставка выиграла; это былъ крупный выигрышъ.—Баста! крикнулъ я, и дрожащими руками началъ загребать и сыпать золото въ карманы, не считая и какъ-то нелѣпо уминая пальцами кучки кредитокъ, которыя всѣ вмѣстѣ хотѣлъ засунуть въ боковой карманъ. Вдругъ пухлая рука съ перстнемъ Афердова, сидѣвшаго сейчасъ

отъ меня направо и тоже ставившаго на большіе куши, легла на три радужныхъ мои кредитки и накрыла ихъ ладонью.

— Позвольте-съ, это—не ваше, строго и раздѣльно отчеканилъ онъ, довольно, впрочемъ, мягкимъ голосомъ.

Вотъ это-то и была та прелюдія, которой потомъ, черезъ нѣсколько дней, суждено было имѣть такія послѣдствія. Теперь-же, честью клянусь, что эти три сторублевыя были мои, но, къ моей злой судьбѣ, тогда, я хоть и былъ увѣренъ въ томъ что онѣ мои, но все-же у меня оставалась одна десятая доля и сомнѣнія, а для честнаго человѣка это — все; а я — честный человѣкъ. Главное, я тогда еще не зналъ навѣрно, что Афердовъ — воръ: я тогда еще и фамилію его не зналъ, такъ что въ ту минуту дѣйствительно могъ подумать, что я ошибся и что эти три сторублевыя не были въ числѣ тѣхъ, которыя мнѣ сейчасъ отсчитали. Я все время не считалъ мою кучу денегъ и только пригребалъ руками, а передъ Афердовымъ тоже все время лежали деньги, и какъ разъ сейчасъ подлѣ моихъ, но въ порядкѣ, и сосчитанныя. Наконецъ, Афердова здѣсь знали, его считали за богача, къ нему обращались съ уваженіемъ: все это и на меня повліяло, и я опять не протестовалъ. Ужасная ошибка! Главное свинство заключалось въ томъ, что я былъ въ восторгѣ.

— Чрезвычайно жаль, что я навѣрно не помню; но мнѣ ужасно кажется, что это — мои, проговорилъ я съ дрожащими отъ негодованія губами. Слова эти тотчасъ-же вызвали ропотъ.

— Чтобъ говорить такія вещи, то надо *навѣрно* помнить, а вы сами изволили провозгласить, что помните *не* навѣрно, проговорилъ нестерпимо свысока Афердовъ.

— Да кто такой? — Да какъ позволить это? — раздалось было нѣсколько восклицаній.

— Это съ ними не въ первый разъ; давеча тамъ съ Рехбергомъ вышла тоже исторія изъ-за десятирублевой, раздался подлѣ чей-то подленькій голосъ.

— Ну, довольно-же, довольно! воскликалъ я:—я не протестую, берите! Князь... гдѣ-же князь и Дарзанъ? Ушли? Господа, вы не видали, куда ушли князь и Дарзанъ? И, подхвативъ, наконецъ, всѣ мои деньги, а нѣсколько полуимперіаловъ такъ и не успѣвъ засунуть въ карманъ и держа въ горсти, я пустился догонять князя и Дарзана. Читатель, кажется, видитъ, что я не щажу себя и припоминаю въ эту минуту всего себя тогдашняго, до послѣдней гадости, чтобъ было понятно, что потомъ могло выйдти.

Князь и Дарзанъ уже спустились съ лѣстницы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мой зовъ и крики. Я уже догналъ ихъ, но остановился на секунду передъ швейцаромъ и сунулъ ему въ руку три полуимпёріала, чортъ знаетъ зачѣмъ; онъ поглядѣлъ на меня съ недоумѣніемъ и даже не поблагодарилъ. Но мнѣ было все равно, и, еслибы тутъ былъ и Матвѣй, то я навѣрно-бы отвалилъ ему цѣлую горсть золотыхъ; да такъ и хотѣлъ, кажется, сдѣлать, но, выбѣжавъ на крыльцо, вдругъ вспомнилъ, что я его еще давеча отпустилъ домой. Въ эту минуту князю подали его рысака, и онъ сѣлъ въ сани.

— Я съ вами, князь, и къ вамъ! крикнулъ я, схватилъ полость и отмахнулъ ее, чтобъ влѣзть въ его сани; но вдругъ, мимо меня, въ сани вскочилъ Дарзанъ, и кучеръ, вырвавъ у меня полость, запахнулъ господъ.

— Чортъ возьми! крикнулъ я въ изступленіи. Выходило, что будто-бы я для Дарзана и отстегивалъ полость, какъ лакей.

— Домой! крикнулъ князь.

— Стой! заревѣлъ я, хватаясь за сани, но лошадь дернула и я покатился въ снѣгъ. Мнѣ показалось даже, что они засмѣялись. Вскочивъ, я мигомъ схватилъ подвернувшагося извощика и полетѣлъ къ князю, понукая каждую секунду мою клячу.

IV.

Какъ нарочно, кляча тащила неестественно долго, хоть и обѣщалъ цѣлый рубль. Извощикъ только стегалъ и, конечно, настегалъ ее на рубль. Сердце мое замирало: я начиналъ что-то заговаривать съ извощикомъ, но у меня даже не выговаривались

слова, и я бормоталъ какой-то вздоръ. Вотъ въ какомъ положеніи я вбѣжалъ къ князю! Онъ только что воротился; онъ завезъ Дарзана и былъ одинъ. Блѣдный и злой шагалъ онъ по кабинету. Повторяю еще разъ: онъ страшно проигрался. На меня онъ посмотрѣлъ съ какимъ-то разсѣяннымъ недоумѣніемъ.

— Вы опять! проговорилъ онъ, нахмурившись.

— А чтобъ съ вами покончить, сударь! проговорилъ я, задыхаясь. — Какъ вы смѣли со мной такъ поступить?

Онъ глядѣлъ вопросительно.

— Если вы ѣхали съ Дарзаномъ, то могли мнѣ такъ и отвѣтить, что ѣдете съ Дарзаномъ, а вы дернули лошадь, и я...

— Ахъ да, вы, кажется, упали въ снѣгъ, и онъ засмѣялся мнѣ въ глаза.

— На это отвѣчаютъ вызовомъ, а потому мы сначала кончимъ счеты...

И я дрожащею рукой пустился вынимать мои деньги и класть ихъ на диванъ, на мраморный столикъ и даже въ какую-то раскрытую книгу, кучками, пригоршнями, пачками; нѣсколько монетъ покатилось на коверъ.

— Ахъ, да, вы, кажется, выиграли?.. То-то и замѣтно по вашему тону.

Никогда еще не говорилъ онъ со мной такъ дерзко. Я былъ очень блѣденъ.

— Тутъ... я не знаю сколько... надо-бы сосчитать. Я вамъ долженъ до трехъ тысячъ... или сколько?.. Больше или меньше?

— Я васъ, кажется, не вынуждаю платить.

— Нѣтъ-съ, я самъ хочу заплатить, и вы должны знать почему. Я знаю, что въ этой пачкѣ радужныхъ — тысяча рублей, вотъ! И я сталъ было дрожащими руками считать, но бросилъ. — Все равно, я знаю, что тысяча. Ну, такъ вотъ эту тысячу я беру себѣ, а все остальное, вотъ эти кучи, возьмите за долгъ, за часть долга: тутъ, я думаю, до двухъ тысячъ, или, пожалуй, больше!

— А тысячу-то всетаки себѣ оставляете? оскалился князь.

— А вамъ надо? Въ такомъ случаѣ... я хотѣлъ было... я думалъ было, что вы не захотите... но, если надо — то вотъ...

— Нѣтъ, не надо, презрительно отвернулся онъ отъ меня и опять зашагалъ по комнатѣ.

— И чортъ знаетъ, что вамъ вздумалось отдавать? повернулся онъ вдругъ ко мнѣ съ страшнымъ вызовомъ въ лицѣ.

— Я отдаю, чтобъ потребовать у васъ отчета! завопилъ я въ свою очередь.

— Убирайтесь вы прочь съ вашими вѣчными словами и жестами! затопалъ онъ вдругъ на меня, какъ-бы въ изступленіи.— Я васъ обоихъ давно хотѣлъ выгнать: васъ и вашего Версилова.

— Вы съума сошли! крикнулъ я. Да и было похоже на то.

— Вы меня измучили оба трескучими вашими фразами, и все фразами, фразами, фразами! Объ чести, напримѣръ! Тьфу! Я давно хотѣлъ порвать... Я радъ, радъ, что пришла минута. Я считалъ себя связаннымъ и краснѣлъ, что принужденъ принимать васъ... обоихъ! А теперь не считаю себя связаннымъ ничѣмъ, ничѣмъ, знайте это! Вашъ Версиловъ подбивалъ меня напасть на Ахмакову и осрамить ее... Не смѣйте-же послѣ того говорить у меня о чести. Потому что вы — люди безчестные... оба, оба; а вы развѣ не стыдились у меня брать мои деньги?

Въ глазахъ моихъ потемнѣло.

— Я бралъ у васъ, какъ товарищъ, началъ я ужасно тихо: — вы предлагали сами, и я повѣрилъ вашему расположенію...

— Я вамъ — не товарищъ! Я вамъ давалъ, да не для того, а вы сами знаете для чего.

— Я бралъ въ зачетъ Версиловскихъ; конечно, это глупо, но я...

— Вы не могли брать въ зачетъ Версиловскихъ безъ позволенія, и я не могъ вамъ давать его деньги безъ его позволенія... Я вамъ свои давалъ; и вы знали; знали и брали; а я терпѣлъ ненавистную комедію въ своемъ домѣ!

— Что̀ такое я зналъ? Какая комедія? За что̀-же вы мнѣ давали?

— Pour vos beaux yeux, mon cousin! захохоталъ онъ мнѣ прямо въ глаза.

— Къ чорту! завопилъ я: — возьмите все, вотъ вамъ и эта тысяча! Теперь — квиты, и завтра...

И я бросилъ въ него этой пачкой радужныхъ, которую оставилъ было себѣ для разживы. Пачка попала ему прямо въ жилетъ и шлепнулась на полъ. Онъ быстро, огромными тремя шагами, подступилъ ко мнѣ въ упоръ:

— Посмѣете-ли вы сказать, свирѣпо и раздѣльно, какъ по складамъ, проговорилъ онъ: — что, бравъ мои деньги весь мѣсяцъ, вы не знали, что ваша сестра отъ меня беременна?

— Что? Какъ! вскричалъ я, и вдругъ мои ноги ослабѣли, и я безсильно опустился на диванъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ потомъ, что я поблѣднѣлъ буквально какъ платокъ. Умъ замѣшался во мнѣ. Помню, мы все смотрѣли молча другъ другу въ лицо. Какъ будто испугъ прошелъ по его лицу; онъ вдругъ наклонился, схватилъ меня за плечи и сталъ меня поддерживать. Я слишкомъ помню его неподвижную улыбку; въ ней была недовѣрчивость и удивленіе. Да, онъ никакъ не ожидалъ такого эффекта своихъ словъ, потому что былъ убѣжденъ въ моей виновности.

Кончилось обморокомъ, но на одну лишь минуту; я опомнился; приподнялся на ноги, глядѣлъ на него и соображалъ, — и вдругъ вся истина открылась столь долго спавшему уму моему! Если-бъ мнѣ сказали заранѣе и спросили: «что-бы я сдѣлалъ съ нимъ въ ту минуту», я-бы навѣрно отвѣтилъ, что растерзалъ-бы его на части. Но вышло совсѣмъ иное и совсѣмъ не по моей волѣ: я вдругъ закрылъ лицо обѣими руками и горько, навзрыдъ, заплакалъ. Само такъ вышло! Въ молодомъ человѣкѣ сказался вдругъ маленькій ребенокъ. Маленькій ребенокъ, значитъ, жилъ еще тогда въ душѣ моей на цѣлую половину. Я упалъ на диванъ и всхлипывалъ. «Лиза! Лиза! Бѣдная, несчастная!» Князь вдругъ и совершенно повѣрилъ.

— Боже, какъ я виноватъ передъ вами! вскричалъ онъ съ глубокою горестью. О, какъ гнусно я думалъ объ васъ въ моей мнительности... Простите меня, Аркадій Макаровичъ!

Я вдругъ вскочилъ, хотѣлъ ему что-то сказать, сталъ передъ нимъ, но, не сказавъ ничего, выбѣжалъ изъ комнаты и изъ квартиры. Я прибрелъ домой пѣшкомъ и едва помню путь. Я бросился на мою кровать лицомъ въ подушку, въ темнотѣ и думалъ-думалъ. Въ такія минуты стройно и послѣдовательно никогда не думается. Умъ и воображеніе мое какъ-бы срывались съ нитки, и, помню, я начиналъ даже мечтать о совершенно постороннемъ и даже Богъ знаетъ объ чемъ. Но горе и бѣда вдругъ опять припоминались съ болью и съ нытьемъ, и я опять ломалъ руки и восклицалъ: «Лиза, Лиза!» и опять плакалъ. Не помню какъ заснулъ, но спалъ крѣпко, сладко.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Я проснулся утромъ часовъ въ восемь, мигомъ заперъ мою дверь, сѣлъ къ окну и сталъ думать. Такъ просидѣлъ до десяти часовъ. Служанка два раза стучалась ко мнѣ, но я прогналъ ее. Наконецъ, уже въ одиннадцатомъ часу, опять постучались. Я было закричалъ опять, но это была Лиза. Съ нею вошла и служанка, принесла мнѣ кофей и расположилась затоплять печку. Прогнать служанку было невозможно, и все время, пока Ѳекла накладывала дровъ и раздувала огонь, я все ходилъ большими шагами по моей маленькой комнатѣ, не начиная разговора и даже стараясь не глядѣть на Лизу. Служанка дѣйствовала съ невыразимою медленностью, и это нарочно, какъ всѣ служанки въ такихъ случаяхъ, когда примѣтятъ, что они господамъ мѣшаютъ при нихъ говорить. Лиза сѣла на стулъ у окна и слѣдила за мною.

— У тебя кофей простынетъ, сказала она вдругъ.

Я поглядѣлъ на нее: ни малѣйшаго смущенія, полное спокойствіе, а на губахъ такъ даже улыбка.

— Вотъ женщины! не вытерпѣлъ я и вскинулъ плечами. Наконецъ, служанка затопила печку и принялась было прибирать, но я съ жаромъ выгналъ ее и, наконецъ-то, заперъ дверь.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ ты опять заперъ дверь? спросила Лиза.

Я сталъ передъ нею:

— Лиза, могъ-ли я подумать, что ты такъ обманешь меня! воскликнулъ я вдругъ, совсѣмъ даже не думая, что такъ начну, и не слезы на этотъ разъ, а почти злобное какое-то чувство укололо вдругъ мое сердце, такъ что я даже не ожидалъ того самъ. Лиза покраснѣла, но не отвѣтила, только продолжала смотрѣть мнѣ прямо въ глаза.

— Постой, Лиза, постой, о, какъ я былъ глупъ! Но глупъ-ли? Всѣ намеки сошлись только вчера въ одну кучу, а до тѣхъ поръ откуда я могъ узнать? Изъ того, что ты ходила къ Столбѣевой и къ этой... Дарьѣ Онисимовнѣ? Но я тебя за солнце считалъ, Лиза, и какъ могло-бы мнѣ придти что нибудь въ голову? Помнишь, какъ я тебя встрѣтилъ тогда, два мѣсяца назадъ, у *него* на квартирѣ, и какъ мы съ тобой шли тогда по солнцу и радовались... тогда уже было? Было?

Она отвѣтила утвердительнымъ наклоненіемъ головы.

— Такъ ты ужь и тогда меня обманывала! Тутъ не отъ глупости моей, Лиза, тутъ скорѣе мой эгоизмъ, а не глупость причиною, мой эгоизмъ сердца и... и пожалуй увѣренность въ святость. О, я всегда былъ увѣренъ, что всѣ вы безконечно выше меня и — вотъ! Наконецъ, вчера, въ одинъ день сроку, я не успѣлъ и сообразить, не смотря на всѣ намеки... Да и не тѣмъ совсѣмъ я былъ вчера занятъ!

Тутъ я вдругъ вспомнилъ о Катеринѣ Николаевнѣ, и что-то опять мучительно, какъ булавкой, кольнуло меня въ сердце, и я весь покраснѣлъ. Я естественно не могъ быть въ ту минуту добрымъ.

— Да въ чемъ ты оправдываешься? Ты, Аркадій, кажется, въ чемъ-то спѣшишь оправдаться, такъ въ чемъ-же? тихо и кротко спросила Лиза, но очень твердымъ и убѣжденнымъ голосомъ.

— Какъ въ чемъ? Да мнѣ что теперь дѣлать? — вотъ хоть-бы этотъ вопросъ! А ты говоришь: «въ чемъ-же?» Я не знаю, какъ поступить! Я не знаю, какъ въ этихъ случаяхъ поступаютъ братья... Я знаю, что заставляютъ жениться съ пистолетомъ въ рукѣ... Поступлю, какъ надо честному человѣку! А я вотъ и не знаю, какъ тутъ надо поступить честному человѣку!.. Почему? Потому что мы — не дворяне, а онъ — князь и дѣлаетъ тамъ свою карьеру: онъ насъ, честныхъ-то людей, и слушать не станетъ. Мы — даже и не братья съ тобой, а незаконнорожденные какіе-то, безъ фамиліи, дѣти двороваго; а князья развѣ женятся на дворовыхъ? О, гадость! И, сверхъ того, ты сидишь и на меня теперь удивляешься.

— Я вѣрю, что ты мучаешься, покраснѣла опять Лиза: — но ты торопишься и самъ себя мучаешь.

— Торопишься? Да неужели-же я недостаточно опоздалъ по твоему! Тебѣ-ли, тебѣ-ли, Лиза, мнѣ такъ говорить? увлекся я, наконецъ, полнымъ негодованіемъ. — А сколько я вынесъ позору, и какъ этотъ князь долженъ былъ меня презирать! О, мнѣ теперь все ясно и вся эта картина передо мной: онъ вполнѣ вообразилъ, что я уже давно догадался о его связи съ тобой, но молчу или даже подымаю носъ и похваляюсь «честью» — вотъ что онъ даже могъ обо мнѣ подумать! И за сестру, за позоръ сестры беру деньги! Вотъ что ему было омерзительно видѣть, и я его оправдываю вполнѣ; каждый день видать и принимать подлеца, потому что онъ — ей братъ, да еще говоритъ о чести... это сердце изсохнетъ, хоть-бы и его сердце! И ты все это допустила, ты не предупредила меня! Онъ до того презиралъ меня, что говорилъ обо мнѣ Стебелькову и самъ сказалъ мнѣ вчера, что хотѣлъ насъ обоихъ съ Версиловымъ выгнать. А Стебельковъ-то! «Анна Андреевна вѣдь — такая-же вамъ сестрица, какъ и Лизавета Макаровна», да еще кричитъ мнѣ вслѣдъ: «Мои деньги лучше». А я-то, я-то нахально разваливался у *него* на диванахъ и лѣзъ, какъ ровня, къ его знакомымъ, чортъ-бы ихъ взялъ! И ты все это допустила! Пожалуй, и Дарзанъ теперь знаетъ, судя, по крайней мѣрѣ, по тону его вчера вечеромъ... Всѣ, всѣ знаютъ, кромѣ меня!

— Никто ничего не знаетъ, никому изъ знакомыхъ онъ не говорилъ и *не могъ* сказать, прервала меня Лиза, — а про Стебелькова этого я знаю только, что Стебельковъ его мучаетъ и что Стебельковъ этотъ могъ развѣ лишь догадаться... А о тебѣ я ему нѣсколько разъ говорила, и онъ вполнѣ мнѣ

вѣрилъ, что тебѣ ничего неизвѣстно, и вотъ только не знаю, почему и какъ это у васъ вчера вышло.

— О, по крайней мѣрѣ, я съ нимъ вчера расплатился и хоть это съ сердца долой! Лиза, знаетъ мама? Да какъ не знать: вчера-то, вчера-то она поднялась на меня!.. Ахъ, Лиза! Да неужто ты рѣшительно во всемъ себя считаешь правой, такъ таки ни капли не винишь себя? Я не знаю, какъ это судятъ по теперешнему и какихъ ты мыслей, то есть на счетъ меня, мамы, брата, отца... Знаетъ Версиловъ?

— Мама ему ничего не говорила: онъ не спрашиваетъ, вѣрно не хочетъ спрашивать.

— Знаетъ, да не хочетъ знать, это — такъ, это на него похоже! Ну, пусть ты осмѣиваешь роль брата, глупаго брата, когда онъ говоритъ о пистолетахъ, но мать, мать? Неужели ты не подумала, Лиза, что это — мамѣ укоръ? Я всю ночь объ этомъ промучился; первая мысль мамы теперь «это—потому, что я тоже была виновата, а какова мать—такова и дочь!»

— О, какъ это злобно и жестоко ты сказалъ! вскричала Лиза съ прорвавшимися изъ глазъ слезами, встала и быстро пошла къ двери.

— Стой, стой! обхватилъ я ее, посадилъ опять и сѣлъ подлѣ нея, не отнимая руки.

— Я такъ и думала, что все такъ и будетъ, когда шла сюда, и тебѣ непремѣнно понадобится, чтобъ я непремѣнно сама повинилась. Изволь, винюсь. Я только изъ гордости сейчасъ молчала, не говорила, а васъ и маму мнѣ гораздо больше чѣмъ себя самое жаль... Она не договорила и вдругъ горячо заплакала.

— Полно, Лиза, не надо, ничего не надо. Я — тебѣ не судья. Лиза, что̀ мама? Скажи, давно она знаетъ?

— Я думаю, что давно; но я сама сказала ей недавно, когда *это* случилось, тихо проговорила она, опустивъ глаза.

— Что-жь она?

— Она сказала: «носи!» еще тише проговорила Лиза.

— Ахъ, Лиза, да, «носи!» Не сдѣлай чего надъ собой, упаси тебя Боже!

— Не сдѣлаю, твердо отвѣтила она и вновь подняла на меня глаза. — Будь спокоенъ, прибавила она,—тутъ совсѣмъ не то.

— Лиза, милая, я вижу только, что я тутъ ничего не знаю, но зато теперь только узналъ, какъ тебя люблю. Одного только не понимаю, Лиза: все мнѣ тутъ ясно, одного только совсѣмъ не пойму: за что̀ ты его полюбила? Какъ ты могла такого полюбить? Вотъ вопросъ!

— И, вѣрно, тоже объ этомъ мучился ночью? тихо улыбнулась Лиза.

— Стой, Лиза, это — глупый вопросъ, и ты смѣешься; смѣйся, но вѣдь невозможноже не удивляться: ты и *онъ*—вы такія противоположности! Онъ — я его изучилъ — онъ мрачный, мнительный, можетъ быть, онъ очень добрый, пусть его, но зато въ высшей степени склонный прежде всего во всемъ видѣть злое (въ этомъ, впрочемъ, совершенно какъ я!). Онъ страстно уважаетъ благородство — это я допускаю, это вижу, но только, кажется, въ идеалѣ. О, онъ склоненъ къ раскаянью, онъ всю жизнь безпрерывно клянетъ себя и раскаявается, но зато никогда и не исправляется, впрочемъ, это тоже, можетъ быть, какъ я. Тысяча предразсудковъ и ложныхъ мыслей и — никакихъ мыслей! Ищетъ большаго подвига и пакоститъ по мелочамъ. Прости, Лиза, я, впрочемъ — дуракъ: говоря это, я тебя обижаю и знаю это; я это понимаю...

— Портретъ-бы вѣренъ, улыбнулась Лиза,—но ты слишкомъ на него золъ за меня, а потому и ничего не вѣрно. Онъ съ самаго начала былъ къ тебѣ недовѣрчивъ и ты не могъ его видѣть, а со мной еще съ Луги... Онъ только и видѣлъ одну меня, съ самой Луги. Да, онъ мнительный и болѣзненный, и безъ меня съ ума-бы сошелъ; и, если меня оставитъ, то сойдетъ съ ума или застрѣлится; кажется, онъ это понялъ и знаетъ, прибавила Лиза какъ-бы про себя и задумчиво.—Да, онъ слабъ безпрерывно, но этакіе-то слабые способны когда нибудь и на чрезвычайно сильное дѣло... Какъ ты странно сказалъ про пистолетъ, Аркадій: ничего тутъ этого не надо, и я знаю сама, что̀ будетъ. Не я за нимъ хожу, а онъ за мною ходитъ. Мама плачетъ, говоритъ: «если за него выйдешь, несчастна будешь, любить перестанетъ». Я этому не вѣрю; несчаст-

на, можетъ, буду, а любить онъ не перестанетъ. Я не потому все не давала ему согласія, а по другой причинѣ. Я ему уже два мѣсяца не даю согласія, но сегодня я сказала ему: *да*, выйду за тебя. Аркаша, знаешь, онъ вчера — (глаза ея сіяли и она вдругъ обхватила мнѣ обѣими руками шею) — онъ вчера пріѣхалъ къ Аннѣ Андреевнѣ и прямо, со всей откровенностью сказалъ ей, что не можетъ любить ее... Да, онъ объяснился совсѣмъ, и эта мысль теперь кончена! Онъ никогда въ этой мысли не участвовалъ, это все намечталъ князь Николай Ивановичъ, да напирали на него эти мучители, Стебельковъ и другой одинъ... Вотъ я и сказала ему за это сегодня: *да*. Милый Аркадій, онъ очень зоветъ тебя, и не обижайся послѣ вчерашняго: онъ сегодня не такъ здоровъ и весь день дома. Онъ взаправду нездоровъ, Аркадій: не подумай, что отговорка. Онъ меня нарочно прислалъ и просилъ передать, что «нуждается» въ тебѣ, что ему много надо сказать тебѣ, а у тебя здѣсь, на этой квартирѣ, будетъ неловко. Ну, прощай! Ахъ, Аркадій, стыдно мнѣ только говорить, а я шла сюда и ужасно боялась, что ты меня разлюбилъ, все крестилась дорогою, а ты — такой добрый, милый! Не забуду тебѣ этого никогда! Я къ мамѣ. А ты его полюби хоть немножко, а?

Я горячо ее обнялъ и сказалъ ей:

— Я, Лиза, думаю, что ты — крѣпкій характеръ. Да, я вѣрю, что не ты за нимъ ходишь, а онъ за тобой ходитъ, только все-таки...

— Только все-таки «за что ты его полюбила — вотъ вопросъ!» подхватила, вдругъ усмѣхнувшись шаловливо, какъ прежде, Лиза и ужасно похоже на меня произнесла: «вотъ вопросъ!» И при этомъ, совершенно какъ я дѣлаю при этой фразѣ, подняла указательный палецъ передъ глазами. Мы расцѣловались, но, когда она вышла, у меня опять защемило сердце.

II.

Замѣчу здѣсь лишь для себя: были, напримѣръ, мгновенія, по уходѣ Лизы, когда самыя неожиданныя мысли цѣлой толпой приходили мнѣ въ голову, и я даже былъ ими очень доволенъ. «Ну, что я хлопочу, думалъ я: мнѣ-то что? У всѣхъ такъ или почти. Что-жь такое, что съ Лизой это случилось? Что я, «честь семейства», что-ли, долженъ спасти?» Отмѣчаю всѣ эти подробности, чтобъ показать, до какой степени я еще не укрѣпленъ былъ въ разумѣніи зла и добра. Спасало лишь чувство: я зналъ, что Лиза несчастна, что мама несчастна, и зналъ это чувствомъ, когда вспоминалъ про нихъ, а потому и чувствовалъ, что все, что случилось, должно быть — не хорошо.

Теперь предупрежу, что событія съ этого дня до самой катастрофы моей болѣзни, пустились съ такою быстротой, что мнѣ, припоминая теперь, даже самому удивительно, какъ могъ я устоять передъ ними, какъ не задавила меня судьба. Они обезсилили мой умъ и даже чувства, и если-бъ я подъ конецъ, не устоявъ, совершилъ преступленіе — (а преступленіе чуть-чуть не совершилось), то присяжные, весьма можетъ быть, оправдали-бы меня. Но постараюсь описать въ строгомъ порядкѣ, хотя предупреждаю, что тогда въ мысляхъ моихъ мало было порядка. Событія налегли какъ вѣтеръ, и мысли мои закрутились въ умѣ, какъ осенніе сухіе листья. Такъ какъ я весь состоялъ изъ чужихъ мыслей, то гдѣ мнѣ было взять своихъ, когда онѣ потребовались для самостоятельнаго рѣшенія? Руководителя-же совсѣмъ не было.

Къ князю я рѣшилъ пойдти вечеромъ, чтобы обо всемъ переговорить на полной свободѣ, а до вечера оставался дома. Но въ сумерки получилъ по городской почтѣ опять записку отъ Стебелькова, въ три строки, съ настоятельною и «убѣдительнѣйшею» просьбою посѣтить его завтра утромъ, часовъ въ одиннадцать, для «самоважнѣйшихъ дѣлъ, и сами увидите, что за дѣломъ». Обдумавъ, я рѣшилъ поступить, судя по обстоятельствамъ, такъ какъ до завтра было еще далеко.

Было уже восемь часовъ; я-бы давно пошелъ, но все поджидалъ Версилова: хотѣлось ему многое выразить, и сердце у меня горѣло. Но Версиловъ не приходилъ и не пришелъ. Къ мамѣ и къ Лизѣ мнѣ показываться пока нельзя было, да и Верси-

лова, чувствовалось мнѣ, навѣрно весь день тамъ не было. Я пошелъ пѣшкомъ, и мнѣ уже на пути пришло въ голову заглянуть во вчерашній трактиръ на канавѣ. Какъ разъ Версиловъ сидѣлъ на вчерашнемъ своемъ мѣстѣ.

— Я такъ и думалъ, что ты сюда придешь, странно улыбнувшись и странно посмотрѣвъ на меня, сказалъ онъ. Улыбка его была недобрая, и такой я уже давно не видалъ на его лицѣ.

Я присѣлъ къ столику и разсказалъ ему сначала все фактами о князѣ и о Лизѣ, и о вчерашней сценѣ моей у князя послѣ рулетки; не забылъ и о выигрышѣ на рулеткѣ. Онъ выслушалъ очень внимательно и переспросилъ о рѣшеніи князя жениться на Лизѣ.

— Pauvre enfant, можетъ быть, она ничего тѣмъ не выиграетъ. Но, вѣроятно, не состоится... хотя онъ способенъ...

— Скажите мнѣ, какъ другу: вѣдь вы это знали, предчувствовали?

— Другъ мой, что я тутъ могъ? Все это — дѣло чувства и чужой совѣсти, хотя-бы и со стороны этой бѣдненькой дѣвочки. Повторю тебѣ: я достаточно въ оно время вскакивалъ въ совѣсть другихъ — самый неудобный маневръ! Въ несчастьи помочь не откажусь,на сколько силъ хватитъ и если самъ разберу, а ты, мой милый, ты таки все время ничего и не подозрѣвалъ?

— Но какъ могли вы, вскричалъ я, весь вспыхнувъ: — какъ могли вы, подозрѣвая даже хоть на каплю, что я знаю о связи Лизы съ княземъ, и видя, что я въ тоже время беру у князя деньги, — какъ могли вы говорить со мной, сидѣть со мной, протягивать мнѣ руку, — мнѣ, котораго вы-же должны были считать за подлеца, потому, что, бьюсь объ закладъ, вы навѣрно подозрѣвали, что я знаю все и беру у князя за сестру деньги зазнамо!

— Опять таки — дѣло совѣсти, усмѣхнулся онъ. — И почему ты знаешь, съ какимъ-то загадочнымъ чувствомъ внятно прибавилъ онъ, — почему ты знаешь, не боялся-ли и я, какъ ты вчера при другомъ случаѣ, свой «идеалъ» потерять и, вмѣсто моего пылкаго и честнаго мальчика, негодяя встрѣтить? Опасаясь, отдалялъ минуту. Почему не предположить во мнѣ, вмѣсто лѣности или коварства, чего нибудь болѣе невиннаго, ну, хоть глупаго, но по благороднѣе. Que diable! Я слишкомъ часто бываю глупъ и безъ благородства. Что-бы пользы мнѣ въ тебѣ, если-бъ у тебя ужь такія наклонности были? Уговаривать и исправлять въ такихъ случаяхъ низко; ты-бы потерялъ въ моихъ глазахъ всякую цѣну, хотя-бы и исправленный...

— А Лизу жалѣете, жалѣете?

— Очень жалѣю, мой милый. Съ чего ты взялъ, что я такъ безчувственъ?... Напротивъ, постараюсь всѣми силами... Ну, а ты *какъ*, какъ *твои* дѣла?

— Оставимъ мои дѣла; у меня теперь нѣтъ *моихъ* дѣлъ. Слушайте, почему вы сомнѣваетесь, что онъ женится? Онъ вчера былъ у Анны Андреевны и положительно отказался... ну, то есть отъ той глупой мысли... вотъ что зародилась у князя Николая Ивановича — сосватать ихъ. Онъ отказался положительно.

— Да? Когда-же это было? И отъ кого ты именно слышалъ? съ любопытствомъ освѣдомился онъ. Я разсказалъ все, что зналъ.

— Гм... произнесъ онъ раздумчиво и какъ-бы соображая про себя: — стало быть, это происходило ровно за какой нибудь часъ... до одного другаго объясненія. Гм... ну, да, конечно, подобное объясненіе могло у нихъ произойдти... хотя мнѣ, однако, извѣстно, что тамъ до сихъ поръ ничего никогда не было сказано или сдѣлано ни съ той, ни съ другой стороны... Да, конечно, достаточно двухъ словъ, чтобъ объясниться. Но, вотъ что, странно усмѣхнулся онъ вдругъ: — я тебя, конечно, заинтересую сейчасъ однимъ чрезвычайнымъ даже извѣстіемъ: если-бъ твой князь и сдѣлалъ вчера свое предложеніе Аннѣ Андреевнѣ (чего я, подозрѣвая о Лизѣ, всѣми-бы силами моими не допустилъ, entre nous soit dit), то Анна Андреевна навѣрно и во всякомъ случаѣ ему тотчасъ-бы отказала. Ты, кажется, очень любишь Анну Андреевну, уважаешь и цѣнишь ее? Это очень мило съ твоей стороны, а потому, вѣроятно, и порадуешься за нее: она, мой милый, выходитъ замужъ, и, судя по ея характеру,

кажется, выйдетъ навѣрно, а я — ну, я, ужь конечно, благословлю.

— Замужъ выходитъ? За кого-же? вскричалъ я, ужасно удивленный.

— А угадай. Мучить не буду: за князя Николая Ивановича, за твоего милаго старичка.

Я глядѣлъ во всѣ глаза.

— Должно быть, она давно эту идею питала; и, ужь конечно, художественно обработала ее со всѣхъ сторонъ, лѣниво и раздѣльно продолжалъ онъ. — Я полагаю, это произошло ровно часъ спустя послѣ посѣщенія «князя Сережи». (Вотъ вѣдь некстати-то расплакался!) Она просто пришла къ князю Николаю Ивановичу и сдѣлала ему предложеніе.

— Какъ «сдѣлала ему предложеніе»? То есть онъ сдѣлалъ ей предложеніе?

— Ну, гдѣ ему! Она, она сама, то-то и есть, что онъ въ полномъ восторгѣ. Онъ, говорятъ, теперь все сидитъ и удивляется, какъ это ему самому не пришло въ голову. Я слышалъ, онъ даже прихворнулъ... тоже отъ восторга, должно быть.

— Послушайте, вы такъ насмѣшливо говорите... Я почти не могу повѣрить. Да и какъ она могла предложить? Что она сказала?

— Будь увѣренъ, мой другъ, что я искренно радуюсь, отвѣтилъ онъ, вдругъ принявъ удивительно серіозную мину, — онъ старъ, конечно, но жениться можетъ, по всѣмъ законамъ и обычаямъ, а она — тутъ опять таки дѣло чужой совѣсти, то, что уже я тебѣ повторилъ, мой другъ. Впрочемъ, она слишкомъ компетентна, чтобъ имѣть свой взглядъ и свое рѣшеніе. А собственно о подробностяхъ и какими словами она выражалась, то не съумѣю тебѣ передать, мой другъ. Но, ужь конечно, она-то съумѣла, да такъ, можетъ быть, какъ мы съ тобою и не придумали-бы. Лучше всего во всемъ этомъ то, что тутъ никакого скандала, все très comme il faut въ глазахъ свѣта. Конечно, слишкомъ ясно, что она захотѣла себѣ положенія въ свѣтѣ, но вѣдь она-же и стоитъ того. Все это, другъ мой, — совершенно свѣтская вещь. А предложила она, должно быть, великолѣпно и изящно. Это — строгій типъ, мой другъ, дѣвушка-монашенка, какъ ты ее разъ опредѣлилъ; «спокойная дѣвица», какъ я ее давно уже называю. Она вѣдь — почти что его воспитанница, ты знаешь, и уже не разъ видѣла его доброту къ себѣ. Она увѣряла меня уже давно, что его «такъ уважаетъ и такъ цѣнитъ, такъ жалѣетъ и симпатизируетъ ему», ну, и все прочее, такъ что я даже отчасти былъ подготовленъ. Мнѣ о всемъ этомъ сообщилъ сегодня утромъ, отъ ея лица и по ея просьбѣ, сынъ мой, а ея братъ Андрей Андреевичъ, съ которымъ ты, кажется, не знакомъ и съ которымъ я вижусь аккуратно разъ въ полгода. Онъ почтительно апробуетъ шагъ ея.

— Такъ это уже гласно? Боже, какъ я изумленъ!

— Нѣтъ, это совсѣмъ еще не гласно, до нѣкотораго времени... я тамъ не знаю, вообще я въ сторонѣ совершенно. Но все это вѣрно.

— Но теперь Катерина Николаевна... Какъ вы думаете, эта закуска Бьорингу не понравится?

— Этого я ужь не знаю... что собственно тутъ ему не понравится; но, повѣрь, что Анна Андреевна и въ этомъ смыслѣ — въ высшей степени порядочный человѣкъ. А каково, однако, Анна-то Андреевна. Какъ разъ справилась передъ тѣмъ у меня вчера утромъ: «люблю-ли я или нѣтъ госпожу вдову Ахмакову?» Помнишь, я тебѣ съ удивленіемъ вчера передавалъ: нельзя-жебы ей выйдти за отца, если-бъ я женился на дочери? Понимаешь теперь?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ я. — Но неужто-же, въ самомъ дѣлѣ, Анна Андреевна могла предположить, что вы... могли-бы желать жениться на Катеринѣ Николаевнѣ?

— Видно, что такъ, мой другъ, а, впрочемъ... а, впрочемъ, тебѣ, кажется, пора туда, куда ты идешь. У меня, видишь-ли, все голова болитъ. Прикажу Лючію. Я люблю торжественность скуки, а, впрочемъ, я уже говорилъ тебѣ это... Повторяюсь непростительно... Впрочемъ, можетъ быть, и уйду отсюда. Я люблю тебя, мой милый, но прощай; когда у меня голова болитъ или зубы, я всегда жажду уединенія.

На лицѣ его показалась какая-то мучи-

тельная складка; вѣрю теперь, что у него болѣла тогда голова, особенно голова...

— До завтра, сказалъ я.

— Что̀ такое до завтра и что̀ будетъ завтра? криво усмѣхнулся онъ.

— Приду къ вамъ, или вы ко мнѣ.

— Нѣтъ, я къ тебѣ не приду, а ты ко мнѣ прибѣжишь...

Въ лицѣ его было что-то слишкомъ ужь недоброе, но мнѣ было даже не до него: такое происшествіе!

III.

Князь былъ дѣйствительно нездоровъ и сидѣлъ дома одинъ съ обвязанной мокрымъ полотенцемъ головой. Онъ очень ждалъ меня; но не голова одна у него болѣла, а скорѣе онъ весь былъ боленъ нравственно. Предупреждаю опять: во все это послѣднее время, и вплоть до катастрофы, мнѣ какъ-то пришлось встрѣчаться сплошь съ людьми, до того возбужденными, что всѣ они были чуть не помѣшанные, такъ что я самъ по неволѣ долженъ былъ какъ-бы заразиться. Я, признаюсь, пришелъ съ дурными чувствами, да и стыдно мнѣ было очень того, что я вчера передъ нимъ расплакался. Да и всетаки они такъ ловко съ Лизой съумѣли меня обмануть, что я не могъ-же не видѣть въ себѣ глупца. Словомъ, когда я вошелъ къ нему, въ душѣ моей звучали фальшивыя струны. Но все это напускное и фальшивое соскочило быстро. Я долженъ отдать ему справедливость: какъ скоро падала и разбивалась его мнительность, то онъ уже отдавался окончательно; въ немъ сказывались черты почти младенческой ласковости, довѣрчивости и любви. Онъ со слезами поцѣловалъ меня и тотчасъ-же началъ говорить о дѣлѣ... Да, я дѣйствительно былъ ему очень нуженъ: въ словахъ его и въ теченіи идей было чрезвычайно много безпорядка.

Онъ совершенно твердо заявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи жениться на Лизѣ и какъ можно скорѣй. «То, что она не дворянка, повѣрьте, не смущало меня ни минуты, сказалъ онъ мнѣ: — мой дѣдъ женатъ былъ на дворовой дѣвушкѣ, пѣвицѣ на собственномъ крѣпостномъ театрѣ одного сосѣда-помѣщика. Конечно, мое семейство питало на счетъ меня своего рода надежды, но имъ придется теперь уступить, да и борьбы никакой не будетъ. Я хочу разорвать, разорвать со всѣмъ теперешнимъ окончательно! Все другое, все по новому! Я не понимаю, за что̀ меня полюбила ваша сестра; но, ужь конечно, я безъ нея, можетъ быть, не жилъ-бы теперь на свѣтѣ. Клянусь вамъ отъ глубины души, что я смотрю теперь на встрѣчу мою съ ней въ Лугѣ какъ на перстъ Провидѣнія. Я думаю, она полюбила меня за «безпредѣльность моего паденія»... впрочемъ, поймете-ли вы это, Аркадій Макаровичъ?

— Совершенно! произнесъ я, въ высшей степени убѣжденнымъ голосомъ. Я сидѣлъ въ креслахъ передъ столомъ, а онъ ходилъ по комнатѣ.

— Я долженъ вамъ разсказать весь этотъ фактъ нашей встрѣчи, безъ утайки. Началось съ моей душевной тайны, которую она одна только и узнала, потому что одной только ей я и рѣшился повѣрить. И никто до сихъ поръ не знаетъ. Въ Лугу тогда я попалъ съ отчаяніемъ въ душѣ, и жилъ у Столбѣевой, не знаю зачѣмъ, можетъ быть, искалъ полнѣйшаго уединенія. Я тогда только что оставилъ службу въ —мъ полку. Въ полкъ этотъ я поступилъ, воротясь изъ-за границы, послѣ той встрѣчи за границей съ Андреемъ Петровичемъ. У меня были тогда деньги, я въ полку моталъ, жилъ открыто; но офицеры-товарищи меня не любили, хотя я старался не оскорблять. И, признаюсь вамъ, что меня никто никогда не любилъ. Тамъ былъ одинъ корнетъ, Степановъ какой-то, признаюсь вамъ, чрезвычайно пустой, ничтожный и даже какъ-бы забитый, однимъ словомъ, ничѣмъ не отличавшійся. Безспорно, впрочемъ, честный. Онъ ко мнѣ повадился, я съ нимъ не церемонился, онъ просиживалъ у меня въ углу молча по цѣлымъ днямъ, но съ достоинствомъ, хотя не мѣшалъ мнѣ вовсе. Разъ я разсказалъ ему одинъ текущій анекдотъ, въ который приплелъ много вздору, о томъ, что дочь полковника ко мнѣ неравнодушна и что полковникъ, разсчитывая на меня, конечно, сдѣлаетъ все, что̀

я пожелаю... Однимъ словомъ, я опускаю подробности, но изъ всего этого вышла потомъ пресложная и прегнусная сплетня. Вышла не отъ Степанова, а отъ моего деньщика, который все подслушалъ и запомнилъ, потому что тутъ былъ одинъ смѣшной анекдотъ, компрометтировавшій молодую особу. Вотъ этотъ деньщикъ и указалъ на допросѣ у офицеровъ, когда вышла сплетня, на Степанова: то есть, что я этому Степанову разсказывалъ. Степановъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что никакъ не могъ отречься, что слышалъ; это было дѣломъ чести. А такъ какъ я на двѣ трети въ анекдотѣ этомъ налгалъ, то офицеры были возмущены, а полковой командиръ, собравъ насъ къ себѣ, вынужденъ былъ объясниться. Вотъ тутъ-то и былъ заданъ при всѣхъ Степанову вопросъ: слышалъ онъ или нѣтъ? И тотъ показалъ всю правду. Ну-съ, что-же я тогда сдѣлалъ, я, тысячелѣтній князь? Я отрекся и въ глаза Степанову сказалъ, что онъ солгалъ, учтивымъ образомъ, то есть, въ томъ смыслѣ, что онъ «не такъ понялъ», и проч... Я опять-таки опускаю подробности, но выгода моего положенія была та, что, такъ какъ Степановъ ко мнѣ учащалъ, то я, не безъ нѣкотораго вѣроятія, могъ выставить дѣло въ такомъ видѣ, что онъ, будто-бы, стакнулся съ моимъ деньщикомъ изъ нѣкоторыхъ выгодъ. Степановъ только молча поглядѣлъ на меня и пожалъ плечами. Я помню его взглядъ и никогда его не забуду. Затѣмъ онъ немедленно подалъ было въ отставку, но какъ вы думаете, что вышло? Офицеры, всѣ до единаго, разомъ, сдѣлали ему визитъ и уговорили его не подавать. Черезъ двѣ недѣли вышелъ и я изъ полка: меня никто не выгонялъ, никто не приглашалъ выйдти, я выставилъ семейный предлогъ для отставки. Тѣмъ дѣло и кончилось. Сначала я былъ совершенно ничего и даже на нихъ сердился; жилъ въ Лугѣ, познакомился съ Лизаветой Макаровной, но потомъ, еще мѣсяцъ спустя, я уже смотрѣлъ на мой револьверъ и подумывалъ о смерти. Я смотрю на каждое дѣло мрачно, Аркадій Макаровичъ. Я приготовилъ письмо въ полкъ командиру и товарищамъ, съ полнымъ сознаніемъ во лжи моей, возстановляя честь Степанова. Написавъ письмо, я задалъ себѣ задачу: «послать и жить, или послать и умереть?» Я-бы не разрѣшилъ этого вопроса. Случай, слѣпой случай, послѣ одного быстраго и страннаго разговора съ Лизаветой Макаровной, вдругъ сблизилъ меня съ нею. А до того она ходила къ Столбѣевой; мы встрѣчались, раскланивались и даже рѣдко говорили. Я вдругъ все открылъ ей. Вотъ тогда-то она и подала мнѣ руку.

— Какъ-же она рѣшила вопросъ?

— Я не послалъ письма. Она рѣшила не посылать. Она мотивировала такъ: если пошлю письмо, то, конечно, сдѣлаю благородный поступокъ, достаточный, чтобъ смыть всю грязь и даже гораздо больше, но вынесу-ли его самъ? Ея мнѣніе было то, что и никто-бы не вынесъ, потому что будущность тогда погибла и уже воскресеніе къ новой жизни невозможно. И къ тому-же, добро-бы пострадалъ Степановъ; но вѣдь онъ-же былъ оправданъ обществомъ офицеровъ и безъ того. Однимъ словомъ— парадоксъ; но она удержала меня, и я ей отдался вполнѣ.

— Она рѣшила по іезуитски, но по женски! вскричалъ я: — она уже тогда васъ любила!

— Это-то и возродило меня къ новой жизни. Я далъ себѣ слово передѣлать себя, переломить жизнь, заслужить передъ собой и передъ нею, и — вотъ у насъ чѣмъ кончилось! Кончилось тѣмъ, что мы съ вами ѣздили здѣсь на рулетки, играли въ банкъ; я не выдержалъ передъ наслѣдствомъ, обрадовался карьерѣ, всѣмъ этимъ людямъ, рысакамъ... я мучилъ Лизу — позоръ!

Онъ потеръ себѣ лобъ рукой и прошелся по комнатѣ.

— Насъ съ вами постигла обоюдная русская судьба, Аркадій Макаровичъ: вы не знаете что дѣлать и я не знаю что дѣлать? Выскочи русскій человѣкъ чуть-чуть изъ казенной, узаконенной для него обычаемъ, колеи — и онъ сейчасъ-же не знаетъ что дѣлать. Въ колеѣ все ясно: доходъ, чинъ, положеніе въ свѣтѣ, экипажъ, визиты, служба, жена,—а чуть что и—что я такое? листъ, гонимый вѣтромъ. Я не знаю что дѣ-

лать! Эти два мѣсяца я стремился удержаться въ колеѣ, полюбилъ колею, втянулся въ колею. Вы еще не знаете глубины моего здѣшняго паденія: я любилъ Лизу, искренно любилъ и въ тоже время думалъ объ Ахмаковой!

— Неужели? съ болью вскричалъ я.— Кстати, князь, что̀ вы сказали мнѣ вчера про Версилова, что онъ подбивалъ васъ на какую-то подлость противъ Катерины Николаевны.

— Я, можетъ быть, преувеличилъ и такъ же виноватъ въ моей мнительности передъ нимъ, какъ и передъ вами. Оставьте это. Что̀, неужели вы думаете, что во все это время, съ самой Луги, можетъ быть, я не питалъ высокаго идеала жизни? Клянусь вамъ, онъ не покидалъ меня и былъ передо мной постоянно, не потерявъ нисколько въ душѣ моей своей красоты. Я помнилъ клятву, данную Лизаветѣ Макаровнѣ, возродиться. Андрей Петровичъ, говоря вчера здѣсь о дворянствѣ, не сказалъ мнѣ ничего новаго, будьте увѣрены. Мой идеалъ поставленъ твердо: нѣсколько десятковъ десятинъ земли (и только нѣсколько десятковъ, потому что у меня не остается уже почти ничего отъ наслѣдства); затѣмъ полный, полнѣйшій разрывъ со свѣтомъ и съ карьерой; сельскій домъ, семья и самъ — пахарь или въ родѣ того. О, въ нашемъ родѣ это — не новость: братъ моего отца пахалъ собственноручно, дѣдъ тоже. Мы — всего только тысячелѣтіе князья и благородны какъ Роганы, но мы — нищіе. И вотъ этому я-бы и научилъ и моихъ дѣтей: «Помни всегда всю жизнь, что ты — дворянинъ, что въ жилахъ твоихъ течетъ святая кровь русскихъ князей, но не стыдись того, что отецъ твой самъ пахалъ землю: это онъ дѣлалъ *по княжески*». Я-бы не оставилъ имъ состоянія, кромѣ этого клочка земли, но за то-бы далъ высшее образованіе, это ужь взялъ-бы обязанностью. О, тутъ помоглабы Лиза, дѣти, работа, о, какъ мы мечтали обо всемъ этомъ съ нею, здѣсь мечтали, вотъ тутъ въ этихъ комнатахъ, и что̀-же? Я въ тоже время думалъ объ Ахмаковой, не любя этой особы вовсе, и о возможности свѣтскаго, богатаго брака! И только послѣ извѣстія, привезеннаго вчера Нащокинымъ, объ этомъ Бьорингѣ, я и рѣшилъ отправиться къ Аннѣ Андреевнѣ.

— Но вѣдь вы-же ѣздили отказаться? Вѣдь вотъ уже честный поступокъ, я думаю?

— Вы думаете? остановился онъ передо мной:—нѣтъ, вы еще не знаете моей природы! Или... или я тутъ самъ не знаю чего нибудь: потому что тутъ, должно быть, не одна природа. Я васъ искренно люблю, Аркадій Макаровичъ, и, кромѣ того, я глубоко виноватъ передъ вами за всѣ эти два мѣсяца, а потому я хочу, чтобы вы, какъ братъ Лизы, все это узнали: я ѣздилъ къ Аннѣ Андреевнѣ съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ей предложеніе, а не отказываться.

— Можетъ-ли быть? Но Лиза говорила...

— Я обманулъ Лизу.

— Позвольте: вы сдѣлали формальное предложеніе, и Анна Андреевна отказала вамъ? Такъ-ли? Такъ-ли? Подробности для меня чрезвычайно важны, князь.

— Нѣтъ, я предложенія не дѣлалъ совсѣмъ, но лишь потому, что не успѣлъ; она сама предупредила меня,—не въ прямыхъ, конечно, словахъ, но, однако-же, въ слишкомъ прозрачныхъ и ясныхъ дала мнѣ «деликатно» понять, что идея эта впредь невозможна.

— Значитъ, все равно что не дѣлали предложенія, и гордость ваша не пострадала!

— Неужели вы можете такъ разсуждать! А судъ собственной совѣсти, а Лиза, которую я обманулъ и... хотѣлъ бросить, стало быть? А обѣтъ, данный себѣ и всему роду моихъ предковъ—возродиться и выкупить всѣ прежнія подлости! Умоляю васъ, не говорите ей про это. Можетъ быть, она этого одного не въ состояніи была-бы простить мнѣ! Я со вчерашняго боленъ. А главное, кажется, теперь уже все кончено, и послѣдній изъ князей Сокольскихъ отправится въ каторгу. Бѣдная Лиза! Я очень ждалъ васъ весь день, Аркадій Макаровичъ, чтобъ открыть вамъ, какъ брату Лизы, то, чего она еще не знаетъ. Я—уголовный преступникъ и участвую въ поддѣлкѣ фальшивыхъ акцій —ской желѣзной дороги.

— Это что̀ еще! Какъ въ каторгу? вскочилъ я, въ ужасѣ смотря на него. Лицо его

выражало глубочайшую, мрачную, безъисходную горесть.

— Сядьте, сказалъ онъ, и самъ сѣлъ въ кресла напротивъ. — Во первыхъ, узнайте фактъ: годъ слишкомъ назадъ, вотъ въ то самое лѣто Эмса, Лидіи и Катерины Николаевны, и потомъ Парижа, именно въ то время, когда я отправился на два мѣсяца въ Парижъ, въ Парижѣ мнѣ недостало, разумѣется, денегъ. Тутъ какъ разъ подвернулся Стебельковъ, котораго я, впрочемъ, и прежде зналъ. Онъ далъ мнѣ денегъ и обѣщалъ еще дать, но просилъ и съ своей стороны помочь ему: ему нуженъ былъ артистъ, рисовальщикъ, граверъ, литографъ и прочее, химикъ и техникъ, и — съ извѣстными цѣлями. О цѣляхъ онъ высказался даже съ перваго раза довольно прозрачно. И что-жь? Онъ зналъ мой характеръ,— меня все это только разсмѣшило. Дѣло въ томъ, что мнѣ еще со школьной скамьи былъ знакомъ одинъ, въ настоящее время русскій эмигрантъ, не русскаго, впрочемъ, происхожденія и проживающій гдѣ-то въ Гамбургѣ. Въ Россіи онъ разъ уже былъ замѣшанъ въ одной исторіи по поддѣлкѣ бумагъ. Вотъ на этого-то человѣка и разсчитывалъ Стебельковъ, но потребовалась къ нему рекомендація, и онъ обратился ко мнѣ. Я далъ ему двѣ строки и тотчасъ забылъ о нихъ. Потомъ онъ еще и еще разъ встрѣчался со мной, и я получилъ отъ него тогда всего до трехъ тысячъ. Обо всемъ этомъ дѣлѣ я буквально забылъ. Здѣсь я бралъ все время у него деньги подъ векселя и залоги, и онъ извивался передо мною какъ рабъ, и вдругъ вчера я узнаю отъ него въ первый разъ, что я — уголовный преступникъ.

— Когда, вчера?

— А вотъ вчера, когда мы утромъ кричали съ нимъ въ кабинетѣ передъ пріѣздомъ Нащокина. Онъ въ первый разъ и совершенно уже ясно осмѣлился заговорить со мной объ Аннѣ Андреевнѣ. Я поднялъ руку, чтобъ ударить его, но онъ вдругъ всталъ и объявилъ мнѣ, что я съ нимъ солидаренъ, и чтобъ я помнилъ, что я — его участникъ и такой-же мошенникъ, какъ онъ,—однимъ словомъ, хоть не эти слова, но эта мысль.

— Вздоръ какой, но вѣдь это мечта?

— Нѣтъ, это — не мечта. Онъ былъ у меня сегодня и объяснилъ подробнѣе. Акціи эти давно въ ходу и еще будутъ пущены въ ходъ, но, кажется, гдѣ-то ужь начали попадаться. Конечно, я въ сторонѣ, но «вѣдь, однако-же, вы тогда изволили дать это письмецо-съ»,—вотъ что мнѣ сказалъ Стебельковъ.

— Такъ вѣдь вы-же не знали для чего, или знали?

— Зналъ, отвѣчалъ тихо князь и потупилъ глаза.—То есть, видите-ли, и зналъ, и не зналъ. Я смѣялся, мнѣ было весело. Я ни о чемъ тогда не думалъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ было совсѣмъ не надо фальшивыхъ акцій и что не я собирался ихъ дѣлать. Но, однако-же, эти три тысячи, которыя онъ мнѣ тогда далъ, онъ даже ихъ и на счетъ потомъ не поставилъ, а я допустилъ это. А, впрочемъ, почемъ вы знаете, можетъ быть, и я былъ фальшивый монетчикъ? Я не могъ не знать, я — не маленькій; я зналъ, но мнѣ было весело, и я помогъ подлецамъ каторжникамъ... и помогъ за деньги! Стало быть, и я фальшивый монетчикъ!

—О, вы преувеличиваете; вы виноваты, но вы преувеличиваете!

— Тутъ, главное, есть одинъ Жибельскій, еще молодой человѣкъ, по судейской части, нѣчто въ родѣ помощника аблакатишки. Въ этихъ акціяхъ онъ тутъ — тоже какой-то участникъ, ѣздилъ потомъ отъ того господина въ Гамбургѣ ко мнѣ, съ пустяками, разумѣется, и я даже самъ не зналъ для чего,— объ акціяхъ и помину не было... Но, однако-же, у него уцѣлѣло моей руки два документа,— все записки по двѣ строчки,— и, ужь конечно, онѣ тоже свидѣтельствуютъ; это я сегодня хорошо понялъ. Стебельковъ объясняетъ, что этотъ Жибельскій мѣшаетъ всему: онъ что-то тамъ укралъ, чьи-то деньги, казенныя, кажется, но намѣренъ еще украсть и затѣмъ эмигрировать; такъ вотъ ему надобно восемь тысячъ не меньше въ видѣ вспомоществованія на эмиграцію. Моя часть изъ наслѣдства удовлетворяетъ Стебелькова, но Стебельковъ говоритъ, что надо удовлетворить и Жибельскаго... Однимъ словомъ, от-

казаться отъ моей части въ наслѣдствѣ и еще десять тысячъ,— вотъ ихъ послѣднее слово. И тогда мнѣ воротятъ мои двѣ записки. Они — сообща, это ясно.

— Явная нелѣпость! Вѣдь если они донесутъ на васъ, то себя предадутъ! Они ни за что̀ не донесутъ.

— Понимаю. Они совсѣмъ и не грозятъ донести; они говорятъ только: «мы, конечно, не донесемъ, но, въ случаѣ если дѣло откроется, то»... вотъ что̀ они говорятъ, и все, но я думаю что этого довольно! Дѣло не въ томъ: что̀-бы тамъ ни вышло, и хотябы эти записки были у меня теперь-же въ карманѣ, но быть солидарнымъ съ этими мошенниками, быть ихъ товарищемъ вѣчно, вѣчно! Лгать Россіи, лгать дѣтямъ, лгать Лизѣ, лгать своей совѣсти!...

— Лиза знаетъ?

— Нѣтъ, всего она не знаетъ. Она не перенесла-бы въ своемъ положеніи. Я теперь ношу мундиръ моего полка и при встрѣчѣ съ каждымъ солдатомъ моего полка, каждую секунду, сознаю въ себѣ, что я не смѣю носить этотъ мундиръ.

— Слушайте, вскричалъ я вдругъ: — тутъ нечего разговаривать; у васъ одинъ, единственный путь спасенія; идите къ князю Николаю Ивановичу, возьмите у него десять тысячъ, попросите, не открывая ничего, призовите потомъ этихъ двухъ мошенниковъ, раздѣлайтесь окончательно и выкупите назадъ ваши записки... и дѣло съ концомъ! Все дѣло съ концомъ, и ступайте пахать! Прочь фантазія и довѣрьтесь жизни!

— Я объ этомъ думалъ, сказалъ онъ твердо.— Я весь день сегодня рѣшался и, наконецъ, рѣшилъ. Я ждалъ только васъ; я поѣду. Знаете-ли, что я никогда въ моей жизни не бралъ ни копѣйки у князя Николая Ивановича. Онъ добръ къ нашему семейству и даже... принималъ участіе, но собственно я, я лично, я никогда не бралъ денегъ. Но теперь я рѣшился. Замѣтьте, нашъ родъ Сокольскихъ старше чѣмъ родъ князя Николая Ивановича; они — младшая линія, даже побочная, почти спорная... Наши предки были въ враждѣ. Въ началѣ петровской реформы мой прапрадѣдъ, тоже Петръ, былъ и остался раскольникомъ и скитался въ костромскихъ лѣсахъ. Этотъ князь Петръ во второй разъ тоже на не-дворянкѣ былъ женатъ... Вотъ тогда-то и выдвинулись эти другіе Сокольскіе, но я... о чемъ-же я это говорю...

Онъ былъ очень утомленъ, почти какъ-бы заговаривался.

— Успокойтесь-же, всталъ я, захватывая шляпу: — лягьте спать, это — первое. А князь Николай Ивановичъ ни за что̀ не откажетъ, особенно теперь, на радостяхъ. Вы знаете тамошнюю-то исторію? Неужто нѣтъ? Я слышалъ дикую вещь, что онъ женится; это — секретъ, но не отъ васъ, разумѣется.

И я все разсказалъ ему, уже стоя со шляпой въ рукѣ. Онъ ничего не зналъ. Онъ быстро освѣдомился о подробностяхъ, преимущественно времени, мѣста и о степени достовѣрности. Я, конечно, не скрылъ, что это, по разсказамъ, произошло тотчасъ вслѣдъ за его вчерашнимъ визитомъ къ Аннѣ Андреевнѣ. Не могу выразить, какое болѣзненное впечатлѣніе произвело на него это извѣстіе; лицо его исказилось, какъ-бы перекосилось, кривая улыбка судорожно стянула губы; подъ конецъ онъ ужасно поблѣднѣлъ и глубоко задумался, потупивъ глаза. Я вдругъ слишкомъ ясно увидѣлъ, что самолюбіе его было страшно поражено вчерашнимъ отказомъ Анны Андреевны. Можетъ быть, ему слишкомъ ужь ярко, при болѣзненномъ настроеніи его, представилась въ эту минуту вчерашняя смѣшная и унизительная роль его передъ этой дѣвицей, въ согласіи которой, какъ оказывалось теперь, онъ былъ все время такъ спокойно увѣренъ. И, наконецъ, можетъ быть, мысль, что сдѣлалъ такую подлость передъ Лизой и такъ за-даромъ! Любопытно то, за кого эти свѣтскіе франты почитаютъ другъ друга и на какихъ это основаніяхъ могутъ они уважать другъ друга; вѣдь этотъ князь могъ-же предположить, что Анна Андреевна уже знаетъ о связи его съ Лизой, въ сущности съ ея сестрой, а если не знаетъ, то когда нибудь ужь навѣрно узнаетъ; и вотъ онъ «не сомнѣвался въ ея рѣшеніи»!

— И неужели-же вы могли подумать, гордо и заносчиво вскинулъ онъ вдругъ на

меня глаза: — что я, я способенъ ѣхать теперь, послѣ такого сообщенія, къ князю Николаю Ивановичу и у него просить денегъ! У него, жениха той невѣсты, которая мнѣ только что отказала, — какое нищенство, какое лакейство! Нѣтъ, теперь все погибло, и, если помощь этого старика была моей послѣдней надеждой, то пусть гибнетъ и эта надежда!

Я съ нимъ про себя въ душѣ моей согласился; но на дѣйствительность надо было смотрѣть всетаки шире: старичокъ-князь развѣ былъ человѣкъ, женихъ? У меня закипѣло нѣсколько идей въ головѣ. Я и безъ того, впрочемъ, рѣшилъ давеча, что завтра непремѣнно навѣщу старика. Теперь-же я постарался смягчить впечатлѣніе и уложить бѣднаго князя спать! «Выспитесь, и идеи будутъ свѣтлѣе, сами увидите!» Онъ горячо пожалъ мою руку, но уже не цѣловался. Я далъ ему слово, что приду къ нему завтра вечеромъ, и «поговоримъ, поговоримъ: слишкомъ много накопилось о чемъ говорить». На эти слова мои онъ какъ-то фатально улыбнулся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Всю ту ночь снилась мнѣ рулетка, игра, золото, разсчеты. Я все что-то разсчитывалъ, будто-бы за игорнымъ столомъ, какую-то ставку, какой-то шансъ, и это давило меня какъ кошмаръ всю ночь. Скажу правду, что и весь предыдущій день, не смотря на всѣ чрезвычайныя впечатлѣнія мои, я поминутно вспоминалъ о выигрышѣ у Зерщикова. Я подавлялъ мысль, но впечатлѣніе не могъ подавить и вздрагивалъ при одномъ воспоминаніи. Этотъ выигрышъ укусилъ мое сердце. Неужели я рожденъ игрокомъ? По крайней мѣрѣ — навѣрное, что съ качествами игрока. Даже и теперь, когда все это пишу, я минутами люблю думать объ игрѣ! Мнѣ случается цѣлые часы проводить иногда, сидя молча, въ игорныхъ разсчетахъ въ умѣ и въ мечтахъ о томъ, какъ это все идетъ, какъ я ставлю и беру. Да, во мнѣ много разныхъ «качествъ» и душа у меня не спокойная.

Въ десять часовъ я намѣревался отправиться къ Стебелькову и пѣшкомъ. Матвѣя я отправилъ домой, только что тотъ явился. Пока пилъ кофе, старался обдуматься. Почему-то я былъ доволенъ; вникнувъ мгновенно въ себя, догадался, что доволенъ, главное, тѣмъ, что «буду сегодня въ домѣ князя Николая Ивановича». Но день этотъ въ жизни моей былъ роковой и неожиданный и какъ разъ начался сюрпризомъ.

Ровно въ десять часовъ отворилась на отмашь моя дверь, и влетѣла — Татьяна Павловна. Я всего могъ ожидать, только не ея посѣщенія, и вскочилъ передъ ней въ испугѣ. Лицо ея было свирѣпо, жесты безпорядочны и, спросить ее, она-бы сама, можетъ, не сказала: зачѣмъ вбѣжала ко мнѣ? Предупрежу заранѣе: она только что получила одно чрезвычайное, подавившее ее извѣстіе и была подъ самымъ первымъ впечатлѣніемъ его. А извѣстіе задѣвало и меня. Впрочемъ, она пробыла у меня полминуты, ну, положимъ, всю минуту, только ужь не болѣе. Она такъ и вцѣпилась въ меня.

— Такъ ты вотъ какъ! стала она передо мной, вся изогнувшись впередъ. — Ахъ ты, пащенокъ! Что ты это надѣлалъ? Аль еще не знаешь? Кофей пьетъ! Ахъ ты, болтушка, ахъ ты, мельница, ахъ ты, любовникъ изъ бумажки... да такихъ розгами сѣкутъ, розгами, розгами!

— Татьяна Павловна, что случилось? Что сдѣлалось? Мама?..

— Узнаешь! грозно вскричала она и выбѣжала изъ комнаты, — только я ее и видѣлъ. Я, конечно-бы, погнался за ней, но меня остановила одна мысль, и не мысль, а какое-то темное безпокойство: я предчувствовалъ, что «любовникъ изъ бумажки» было въ крикахъ ея главнымъ словомъ. Конечно, я-бы не угадалъ самъ, но я быстро вышелъ, чтобъ, поскорѣе кончивъ съ Стебельковымъ, направиться къ князю Николаю Ивановичу. «Тамъ — всему ключъ!» подумалъ я инстинктивно.

Удивительно какимъ образомъ, но Стебельковъ уже все зналъ объ Аннѣ Андреевнѣ и даже въ подробностяхъ; не описы-

ваю его разговоровъ и жестовъ, но онъ былъ въ восторгѣ, въ изступленіи восторга отъ «художественности подвига».

— Вотъ это — особа-съ! Нѣтъ-съ, вотъ это такъ особа! восклицалъ онъ. — Нѣтъ-съ, это не по нашему; мы вотъ сидимъ да и ничего, а тутъ захотѣлось испить водицы въ настоящемъ источникѣ — и испила. Это... это — древняя статуя! Это — древняя статуя Минервы-съ, только ходитъ и современное платье носитъ!

Я попросилъ его перейдти къ дѣлу; все дѣло, какъ я и предугадалъ вполнѣ, заключалось лишь въ томъ, чтобы склонить и уговорить князя ѣхать просить окончательной помощи у князя Николая Ивановича. «Не то вѣдь ему очень, очень плохо можетъ быть, и не по моей ужь волѣ; такъ иль не такъ?»

Онъ заглядывалъ мнѣ въ глаза, но, кажется, не предполагалъ, что мнѣ что нибудь болѣе вчерашняго извѣстно. Да и не могъ предположить: само собою разумѣется, что я ни словомъ, ни намекомъ не выдалъ, что знаю «объ акціяхъ». Объяснялись мы не долго, онъ тотчасъ-же сталъ обѣщать мнѣ денегъ, «и значительно-съ, значительно-съ, только способствуйте, чтобъ князь поѣхалъ. Дѣло спѣшное, очень спѣшное, въ томъ-то и сила, что слишкомъ ужь спѣшное!»

Спорить и пререкаться съ нимъ, какъ вчера, я не захотѣлъ и всталъ выходить, на всякій случай бросивъ ему, что я «постараюсь». Но вдругъ онъ меня удивилъ невыразимо: я уже направился къ двери, какъ онъ, внезапно, ласково обхвативъ мою талію рукой, началъ говорить мнѣ... самыя непонятныя вещи.

Опускаю подробности и не привожу всю нить разговора, чтобъ не утомлять. Смыслъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе «познакомить его съ господиномъ Дергачевымъ, такъ какъ вы тамъ бываете!»

Я мгновенно притихъ, всѣми силами стараясь не выдать себя какимъ нибудь жестомъ. Тотчасъ, впрочемъ, отвѣтилъ, что вовсе тамъ незнакомъ, а если былъ, то всего одинъ разъ случайно.

— Но если были *допущены* разъ, то уже можете придти и въ другой, такъ или не такъ?

Я прямо, но очень хладнокровно спросилъ его, для чего ему это нужно? И вотъ до сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ до такой степени можетъ доходить наивность инаго человѣка, повидимому не глупаго и «дѣловаго», какъ опредѣлилъ его Васинъ? Онъ совершенно прямо объяснилъ мнѣ, что у Дергачева, по подозрѣніямъ его, «навѣрно, что нибудь изъ запрещеннаго, изъ запрещеннаго строго, а потому, изслѣдовавъ, я-бы могъ составить тѣмъ для себя нѣкоторую выгоду». И онъ, улыбаясь, подмигнулъ мнѣ лѣвымъ глазомъ.

Я ничего ровно не отвѣтилъ утвердительно, но прикинулся, что обдумываю и «обѣщалъ подумать», а затѣмъ поскорѣе ушелъ. Дѣла усложнялись: я полетѣлъ къ Васину и какъ разъ засталъ его дома.

— А, и вы — тоже! загадочно проговорилъ онъ, завидѣвъ меня.

Не подымая его фразы, я прямо приступилъ къ дѣлу и разсказалъ. Онъ былъ видимо пораженъ, хотя нисколько не потерялъ хладнокровія. Онъ все подробно переспросилъ.

— Очень могло быть, что вы не такъ поняли?

— Нѣтъ, ужь понялъ вѣрно, смыслъ совершенно прямой.

— Во всякомъ случаѣ, я вамъ чрезвычайно благодаренъ, прибавилъ онъ искренно. — Да, дѣйствительно, если такъ все было, то онъ полагалъ, что вы не можете устоять противъ извѣстной суммы.

— И къ тому-же ему слишкомъ извѣстно мое положеніе: я все игралъ, я велъ себя дурно, Васинъ.

— Я объ этомъ слышалъ.

— Всего загадочнѣе для меня то, что онъ знаетъ-же про васъ, что и вы тамъ бываете, рискнулъ я спросить.

— Онъ слишкомъ знаетъ, совершенно просто отвѣтилъ Васинъ: — что я тамъ не при чемъ. Да и вся эта молодежь больше болтуны — и ничего больше; вы, впрочемъ, сами лучше всѣхъ это можете помнить.

Мнѣ показалось, что онъ какъ будто мнѣ въ чемъ-то недовѣрялъ.

— Во всякомъ случаѣ, я вамъ чрезвычайно благодаренъ.

— Я слышалъ, что дѣла г. Стебелькова

нѣсколько поразстроились, попробовалъ я еще спросить: — по крайней мѣрѣ, я слышалъ про одни акціи...

— Про какія акціи вы слышали?

Я нарочно замѣтилъ объ «акціяхъ», но ужь, разумѣется, не для того, чтобъ разсказать ему вчерашній секретъ князя. Мнѣ только захотѣлось сдѣлать намекъ и посмотрѣть по лицу, по глазамъ, знаетъ-ли онъ что нибудь про акціи? Я достигъ цѣли: по неуловимому и мгновенному движенію въ лицѣ его, я догадался, что ему, можетъ быть, и тутъ кое-что извѣстно. Я не отвѣтилъ на его вопросъ: «какія акціи», а промолчалъ; а онъ, любопытно это, такъ и не продолжалъ объ этомъ.

— Какъ здоровье Лизаветы Макаровны? освѣдомился онъ съ участіемъ.

— Она здорова. Сестра моя всегда васъ уважала...

Удовольствіе блеснуло въ его глазахъ: я давно уже угадалъ, что онъ неравнодушенъ къ Лизѣ.

— У меня на дняхъ былъ князь Сергѣй Петровичъ, вдругъ сообщилъ онъ.

— Когда? вскричалъ я.

— Ровно четыре дня тому.

— Не вчера?

— Нѣтъ, не вчера. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Потомъ я, можетъ быть, вамъ сообщу подробнѣе объ этой нашей встрѣчѣ, но теперь нахожу нужнымъ предупредить васъ (загадочно проговорилъ Васинъ),— что онъ показался мнѣ тогда какъ-бы въ ненормальномъ состояніи духа и... ума даже. Впрочемъ, я и еще имѣлъ одинъ визитъ, вдругъ улыбнулся онъ: — сейчасъ передъ вами, и тоже принужденъ былъ заключить объ не совсѣмъ нормальномъ состояніи посѣтителя.

— Князь былъ сейчасъ?

— Нѣтъ, не князь, я теперь не про князя. У меня былъ сейчасъ Андрей Петровичъ Версиловъ и... вы ничего не знаете? Не случилось съ нимъ ничего такого?

— Можетъ быть, и случилось, но что̀ именно у васъ-то съ нимъ произошло? торопливо спросилъ я.

— Конечно, я долженъ-бы былъ тутъ сохранить секретъ... Мы какъ-то странно разговариваемъ съ вами, слишкомъ секретно, опять улыбнулся онъ.—Андрей Петровичъ, впрочемъ, не заказывалъ мнѣ секрета. Но вы — сынъ его, и, такъ какъ я знаю ваши къ нему чувства, то на этотъ разъ даже кажется хорошо сдѣлаю, если васъ предупрежу. Вообразите, онъ приходилъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Если на случай, на дняхъ, очень скоро, ему-бы потребовалось драться на дуэли, то согласился-ль-бы я взять роль его секунданта?» Я, разумѣется, вполнѣ отказалъ ему.

Я былъ безконечно изумленъ; эта новость была всѣхъ безпокойнѣе: что-то вышло, что-то произошло, что-то непремѣнно случилось, чего я еще не знаю! Я вдругъ мелькомъ вспомнилъ, какъ Версиловъ промолвилъ мнѣ вчера: «Не я къ тебѣ приду, а ты ко мнѣ прибѣжишь». Я полетѣлъ къ князю Николаю Ивановичу, еще болѣе предчувствуя, что тамъ разгадка. Васинъ, прощаясь, еще разъ поблагодарилъ меня.

II.

Старикъ князь сидѣлъ передъ каминомъ, окутавъ пледомъ свои ноги. Онъ встрѣтилъ меня какимъ-то даже вопросительнымъ взглядомъ, точно удивившись, что я пришелъ, а между тѣмъ самъ-же, чуть не каждый день, присылалъ звать меня. Впрочемъ, поздоровался ласково, но на первые вопросы мои отвѣчалъ какъ-бы нѣсколько брезгливо и ужасно какъ-то разсѣянно. По временамъ, какъ-бы что-то соображалъ и пристально вглядывался въ меня, какъ-бы что-то забывъ и припоминая нѣчто такое, что̀ несомнѣнно долженствовало относиться ко мнѣ. Я прямо сказалъ, что слышалъ уже все, и очень радъ. Привѣтливая и добрая улыбка тотчасъ показалась на губахъ его и онъ оживился; осторожность и недовѣрчивость его разомъ соскочили, точно онъ и забылъ о нихъ. Да и, конечно, забылъ.

— Другъ ты мой милый, я такъ и зналъ, что первый придешь, и, знаешь, я вчера еще это про тебя подумалъ: «Кто обрадуется? Онъ обрадуется». Ну, а больше-то и никто; но это ничего. Люди — злые языки, но это ничтожно... Cher enfant, все это

такъ возвышенно и такъ прелестно... Но вѣдь ты ее знаешь самъ слишкомъ хорошо. А объ тебѣ Анна Андреевна даже высокихъ мыслей. Это, это строгое и прелестное лицо изъ англійскаго кипсека. Это — прелестнѣйшая англійская гравюра, какая только можетъ быть... Третьяго года у меня была цѣлая коллекція этихъ гравюръ... Я всегда, всегда имѣлъ это намѣреніе, всегда: я удивляюсь только, какъ я объ этомъ никогда не думалъ.

— Вы, сколько я помню, всегда такъ любили и отличали Анну Андреевну.

— Другъ мой, мы никому не хотимъ вредить. Жизнь съ друзьями, съ родными, съ милыми сердцу — это рай. Всѣ — поэты... Однимъ словомъ, еще съ доисторическихъ временъ это извѣстно. Знаешь, мы лѣтомъ сначала въ Соденъ, а потомъ въ Бад-Гаштейнъ. Но какъ ты давно, однако-же, не былъ, мой другъ; да что̀ съ тобой? Я тебя ожидалъ. И, не правда-ли, какъ много-много прошло съ тѣхъ поръ. Жаль только, что я не спокоенъ: какъ только остаюсь одинъ, то и не спокоенъ. Вотъ потому-то мнѣ и нельзя одному оставаться, не правда-ли? Это — вѣдь дважды-два. Я это тотчасъ-же понялъ съ первыхъ-же словъ ея. О, другъ мой, она сказала всего только два слова, но это... это было въ родѣ великолѣпнѣйшаго стихотворенія. А, впрочемъ, вѣдь ты ей — братъ, почти братъ, не правда-ли? Мой милый, не даромъ-же я такъ любилъ тебя! Клянусь, я все это предчувствовалъ. Я поцѣловалъ у нея ручку и заплакалъ.

Онъ вынулъ платокъ, какъ-бы опять собираясь заплакать. Онъ былъ сильно потрясенъ и, кажется, въ одномъ изъ самыхъ своихъ дурныхъ «состояній», въ какихъ я могъ его запомнить за все время нашего знакомства. Обыкновенно и даже почти всегда онъ бывалъ несравненно свѣжѣе и добрѣе.

— Я-бы всѣхъ простилъ, другъ мой, лепеталъ онъ далѣе. — Мнѣ хочется всѣхъ простить, и я давно уже ни на кого не сержусь. Искусство, la poésie dans la vie, вспоможеніе несчастнымъ и она, библейская красота. Quelle charmante personne, a? Les chants de Salomon... non, ce n'est pas Salomon, c'est David, qui mettait une jeune belle dans son lit pour se chauffer dans sa vieillesse. Enfin David, Salomon, все это кружится у меня въ головѣ — кавардакъ какой-то. Всякая вещь, cher enfant, можетъ быть и величественна, и въ то же время смѣшна. Cette jeune belle de la vieillesse de David — c'est tout un poème, а у Поль-де-Кока вышла-бы изъ этого какая нибудь scène de bassinoire, и мы-бы всѣ смѣялись. У Поль-де-Кока нѣтъ ни мѣры, ни вкуса, хотя онъ съ талантомъ... Катерина Николаевна улыбается... Я сказалъ, что мы не будемъ мѣшать. Мы начали нашъ романъ и пусть намъ дадутъ его докончить. Пусть это — мечта, но пусть не отымаютъ у насъ эту мечту.

— То есть какъ-же мечта, князь?

— Мечта? Какъ мечта? Ну, пусть мечта, только пусть дадутъ умереть съ этой мечтой.

— О, князь, къ чему умирать? Жить, теперь только и жить!

— А я что̀-же говорю? Я только это и твержу. Я рѣшительно не знаю, для чего жизнь такъ коротка. Чтобъ не наскучить, конечно, ибо жизнь есть тоже художественное произведеніе самого Творца, въ окончательной и безукоризненной формѣ Пушкинскаго стихотворенія. Краткость есть первое условіе художественности. Но если кому не скучно, тѣмъ-бы и дать пожить подольше.

— Скажите, князь, это уже гласно?

— Нѣтъ, мой милый, отнюдь нѣтъ! Мы всѣ такъ и уговорились. Это семейно, семейно и семейно. Пока, я лишь открылся вполнѣ Катеринѣ Николаевнѣ, потому что считаю себя передъ нею виновнымъ. О, Катерина Николаевна — ангелъ, она ангелъ!

— Да, да!

— Да! И ты да? А я думалъ, что ты-то ей и врагъ. Ахъ, да, кстати, она вѣдь просила не принимать тебя болѣе. И представь себѣ, когда ты вошелъ, я это вдругъ позабылъ.

— Что̀ вы говорите? вскочилъ я: — за что̀? Когда?

(Предчувствіе не обмануло меня; да, я именно въ этомъ родѣ предчувствовалъ съ самой Татьяны!).

— Вчера, мой милый, вчера, я даже не

понимаю, какъ ты теперь прошелъ, ибо приняты мѣры. Какъ ты вошелъ?

— Я просто вошелъ.

— Вѣроятнѣе всего. Если-бъ ты съ хитростью вошелъ, они-бы, навѣрно, тебя изловили, а такъ какъ ты просто вошелъ, то они тебя и пропустили. Простота, mon cher, это въ сущности высочайшая хитрость.

— Я ничего не понимаю: стало быть, и вы рѣшили не принимать меня?

— Нѣтъ, мой другъ, я сказалъ, что я въ сторонѣ... То есть я далъ полное согласіе. И будь увѣренъ, мой милый мальчикъ, что я тебя слишкомъ люблю. Но Катерина Николаевна слишкомъ-слишкомъ настоятельно потребовала... А, да вотъ!

Въ эту минуту вдругъ показалась въ дверяхъ Катерина Николаевна. Она была одѣта какъ для выѣзда, и, какъ и прежде это бывало, зашла къ отцу поцаловать его. Увидя меня, она остановилась, смутилась, быстро повернулась и вышла.

— Voilà! вскричалъ пораженный и ужасно взволнованный князь.

— Это недоразумѣніе! вскричалъ я:— это какая-то одна минута... Я... я сейчасъ къ вамъ, князь!

И я выбѣжалъ вслѣдъ за Катериной Николаевной.

Затѣмъ все, что̀ послѣдовало, совершилось такъ быстро, что я не только не могъ сообразиться, но даже и чуть-чуть приготовиться какъ вести себя. Если-бъ я могъ приготовиться, я-бы, конечно, велъ себя иначе! Но я потерялся какъ маленькій мальчикъ. Я было бросился въ ея комнаты, но лакей на дорогѣ сказалъ мнѣ, что Катерина Николаевна уже вышла и садится въ карету. Я бросился, сломя голову, на парадную лѣстницу. Катерина Николаевна сходила внизъ, въ своей шубѣ, и рядомъ съ ней шелъ, или лучше сказать велъ ее высокій стройный офицеръ, въ формѣ, безъ шинели, съ саблей; шинель несъ за нимъ лакей. Это былъ баронъ, полковникъ, лѣтъ тридцати пяти, щеголеватый типъ офицера, сухощавый, съ немного слишкомъ продолговатымъ лицомъ, съ рыжеватыми усами и даже рѣсницами. Лицо его было хоть и совсѣмъ некрасиво, но съ рѣзкой и вызывающей физіономіей. Я описываю наскоро, какъ замѣтилъ въ ту минуту. Передъ тѣмъ-же я его никогда не видалъ. Я бѣжалъ за ними по лѣстницѣ безъ шляпы и безъ шубы. Катерина Николаевна меня замѣтила первая и быстро прошептала ему что-то. Онъ повернулъ было голову, но тотчасъ-же кивнулъ слугѣ и швейцару. Слуга шагнулъ было ко мнѣ у самой уже выходной двери, но я отвелъ его рукой и выскочилъ вслѣдъ за ними на крыльцо. Бьорингъ усаживалъ Катерину Николаевну въ карету.

— Катерина Николаевна! Катерина Николаевна! восклицалъ я безсмысленно (какъ дуракъ! Какъ дуракъ! О, я все припоминаю; я былъ безъ шляпы!)

Бьорингъ свирѣпо повернулся было опять къ слугѣ и что-то крикнулъ ему громко, одно или два слова, я не разобралъ. Я почувствовалъ, что кто-то схватилъ было меня за локоть. Въ эту минуту карета тронулась; я крикнулъ было опять и бросился за каретой. Катерина Николаевна, я видѣлъ это, выглядывала въ окно кареты, и, кажется, была въ большомъ безпокойствѣ. Но въ быстромъ движеніи моемъ, когда я бросился, я вдругъ сильно толкнулъ, совсѣмъ о томъ не думая, Бьоринга и, кажется, очень больно наступилъ ему на ногу. Онъ слегка вскрикнулъ, скрежетнулъ зубами, и сильною рукою схвативъ меня за плечо, злобно оттолкнулъ, такъ что я отлетѣлъ шага на три. Въ это мгновеніе ему подали шинель, онъ накинулъ, сѣлъ въ сани и изъ саней еще разъ грозно крикнулъ, указывая на меня лакеямъ и швейцару. Тутъ они схватили и удержали: одинъ слуга набросилъ на меня шубу, другой подалъ шляпу и—я ужь не помню, что̀ они тутъ говорили; они что-то говорили, а я стоялъ и ихъ слушалъ, ничего не понимая. Но вдругъ бросилъ ихъ и побѣжалъ.

III.

Ничего не разбирая и наталкиваясь на народъ, добѣжалъ я, наконецъ, до квартиры Татьяны Павловны, даже не догадавшись нанять дорогой извощика. Бьорингъ оттолкнулъ меня при ней! Конечно, я отдавилъ ему ногу и онъ инстинктивно оттолкнулъ

меня, какъ человѣкъ, которому наступили на мозоль (а, можетъ, я и впрямь раздавилъ ему мозоль!) Но она видѣла, и видѣла, что меня хватаютъ слуги, и это все при ней, при ней! Когда я вбѣжалъ къ Татьянѣ Павловнѣ, то въ первую минуту не могъ ничего говорить и нижняя челюсть моя тряслась, какъ въ лихорадкѣ. Да, я и былъ въ лихорадкѣ и, сверхъ того, плакалъ... О, я былъ такъ оскорбленъ!

— А! Чтò? Вытолкали? И по дѣломъ, и по дѣломъ! проговорила Татьяна Павловна; я молча опустился на диванъ и глядѣлъ на нее.

— Да чтò съ нимъ? оглядѣла она меня пристально. — На, выпей стаканъ, выпей воду, выпей! Говори, чтò ты еще тамъ накуралесилъ?

Я пробормоталъ, что меня выгнали, а Бьорингъ толкнулъ на улицѣ.

— Понимать-то можешь что нибудь, али еще нѣтъ? На, вотъ прочти, полюбуйся. И, взявъ со стола записку, она подала ее мнѣ, а сама стала передо мной въ ожиданіи. Я сейчасъ узналъ руку Версилова, было всего нѣсколько строкъ: это была записка къ Катеринѣ Николаевнѣ. Я вздрогнулъ и пониманіе мгновенно воротилось ко мнѣ во всей силѣ. Вотъ содержаніе этой ужасной, безобразной, нелѣпой, разбойнической записки слово въ слово:

«Милостивая государыня,

«Катерина Николаевна.

«Какъ вы ни развратны, по природѣ вашей и по искусству вашему, но все-же я думалъ, что вы сдержите ваши страсти и не посягнете, по крайней мѣрѣ, на дѣтей. Но вы и этого не устыдились. Увѣдомляю васъ, что извѣстный вамъ документъ навѣрно не сожженъ на свѣчкѣ и никогда не былъ у Крафта, такъ что вы ничего тутъ не выиграете. А потому и не развращайте напрасно юношу. Пощадите его, онъ еще несовершеннолѣтній, почти мальчикъ, не развитъ и умственно, и физически, чтò-жь вамъ въ немъ проку? Я беру въ немъ участіе, а потому и рискнулъ написать вамъ, хоть и не надѣюсь на успѣхъ. Честь имѣю предупредить, что копію съ сего одновременно посылаю къ барону Бьорингу.

«А. Версиловъ».

Я блѣднѣлъ, читая, но потомъ вдругъ вспыхнулъ, и губы мои затряслись отъ негодованія.

— Это онъ про меня! Это про то, что я открылъ ему третьяго дня! вскричалъ я въ ярости.

— То-то и есть, что открылъ! вырвала у меня записку Татьяна Павловна.

— Но... я не то, совсѣмъ не то говорилъ! О, Боже, чтò она можетъ обо мнѣ теперь подумать! Но вѣдь это съумасшедшій? Вѣдь онъ съумасшедшій... Я вчера его видѣлъ. Когда письмо было послано?

— Вчера днемъ послано, вечеромъ пришло, а сегодня она мнѣ передала лично.

— Но я его видѣлъ вчера самъ, онъ съумасшедшій! Такъ не могъ написать Версиловъ, это писалъ съумасшедшій! Кто можетъ написать такъ женщинѣ?

— А вотъ такіе съумасшедшіе въ ярости и пишутъ, когда отъ ревности да отъ злобы ослѣпнутъ и оглохнутъ, а кровь въ ядъ-мышьякъ обратится... А ты еще не зналъ про него, каковъ онъ есть! Вотъ его и прихлопнутъ теперь за это, такъ что только мокренько будетъ. Самъ подъ сѣкиру лѣзетъ! Да лучше поди ночью на Николаевскую дорогу, положи голову на рельсы, вотъ и оттяпали-бы ее ему, коли тяжело стало носить! Тебя-то чтò дернуло говорить ему! Тебя-то чтò дергало его дразнить? Похвалиться вздумалъ?

— Но какая-же ненависть! Какая ненависть! хлопнулъ я себя по головѣ рукой: — и за чтò, за чтò? Къ женщинѣ! Чтò она ему такое сдѣлала? Чтò такое у нихъ за сношенія были, что такія письма можно писать?

— Не-на-висть! съ яростной насмѣшкой передразнила меня Татьяна Павловна.

Кровь ударила мнѣ опять въ лицо: я вдругъ какъ-бы что-то понялъ совсѣмъ уже новое; я глядѣлъ на нее вопросительно изо всѣхъ силъ.

— Убирайся ты отъ меня! взвизгнула она, быстро отвернувшись и махнувъ на меня рукой.—Довольно я съ вами со всѣми возилась! Полно теперь! Хоть провалитесь вы всѣ сквозь землю!.. Только твою мать одну еще жалко...

Я, разумѣется, побѣжалъ къ Версилову. Но такое коварство! Такое коварство!

IV.

Версиловъ былъ не одинъ. Объясню заранѣе: отославъ вчера такое письмо къ Катеринѣ Николаевнѣ, и дѣйствительно (одинъ только Богъ знаетъ зачѣмъ), послалъ копію съ него барону Бьорингу, онъ естественно сегодня-же въ теченіи дня, долженъ былъ ожидать и извѣстныхъ «послѣдствій» своего поступка, а потому и принялъ своего рода мѣры; съ утра еще онъ перевелъ маму и Лизу (которая, какъ я узналъ потомъ, воротившись еще утромъ, расхворалась и лежала въ постели), на верхъ, «въ гробъ», а комнаты, и особенно наша «гостиная», были усиленно прибраны и выметены. И дѣйствительно, въ два часа по полудни пожаловалъ къ нему одинъ баронъ Р., полковникъ, военный, господинъ лѣтъ сорока, нѣмецкаго происхожденія, высокій, сухой и съ виду очень сильный физически человѣкъ, тоже рыжеватый, какъ и Бьорингъ, и немного только плѣшивый. Это былъ одинъ изъ тѣхъ бароновъ Р., которыхъ очень много въ русской военной службѣ, все людей съ сильнѣйшимъ баронскимъ гоноромъ, совершенно безъ состоянія, живущихъ однимъ жалованьемъ и чрезвычайныхъ служакъ и фрунтовиковъ. Я не засталъ начала ихъ объясненія; оба были очень оживлены, да и какъ не быть. Версиловъ сидѣлъ на диванѣ передъ столомъ, а баронъ въ креслахъ сбоку. Версиловъ былъ блѣденъ, но говорилъ сдержанно и цѣдя слова, баронъ-же возвышалъ голосъ и видимо наклоненъ былъ къ порывистымъ жестамъ, сдерживался черезъ силу, но смотрѣлъ строго, высокомѣрно и даже презрительно, хотя и не безъ нѣкотораго удивленія. Завидѣвъ меня, онъ нахмурился, но Версиловъ почти мнѣ обрадовался:

— Здравствуй, мой милый. Баронъ, это вотъ и есть тотъ самый очень молодой человѣкъ, объ которомъ упомянуто было въ запискѣ, и повѣрьте, онъ не помѣшаетъ, а даже можетъ понадобиться. (Баронъ презрительно оглядѣлъ меня). — Милый мой, прибавилъ мнѣ Версиловъ: — я даже радъ, что ты пришелъ, а потому посиди въ углу, прошу тебя, пока мы кончимъ съ барономъ. Не безпокойтесь, баронъ, онъ только посидитъ въ углу.

Мнѣ было все равно, потому что я рѣшился, и кромѣ того, все это меня поражало; я сѣлъ молча въ уголъ, какъ можно болѣе въ уголъ, и просидѣлъ, не смигнувъ и не пошевельнувшись до конца объясненія...

— Еще разъ вамъ повторяю, баронъ, твердо отчеканивая слова, говорилъ Версиловъ, — что Катерину Николаевну Ахмакову, которой я написалъ это недостойное и болѣзненное письмо, я считаю не только наиблагороднѣйшимъ существомъ, но и верхомъ всѣхъ совершенствъ!

— Такое опроверженіе своихъ-же словъ, какъ я уже вамъ замѣтилъ, похоже на подтвержденіе ихъ вновь, промычалъ баронъ. — Ваши слова рѣшительно непочтительны.

— И, однако, всего будетъ вѣрнѣе, если вы ихъ примете въ точномъ смыслѣ. Я, видите-ли, страдаю припадками и... разными разстройствами, и даже лечусь, а потому и случилось, что въ одну изъ подобныхъ минутъ...

— Эти объясненія никакъ не могутъ входить. Еще и еще разъ говорю вамъ, что вы упорно продолжаете ошибаться, можетъ быть, хотите нарочно ошибаться. Я уже предупредилъ васъ съ самаго начала, что весь вопросъ относительно этой дамы, то есть о письмѣ вашемъ собственно къ генеральшѣ Ахмаковой, долженствуетъ, при нашемъ теперешнемъ объясненіи, быть устраненъ окончательно; вы-же все возвращаетесь. Баронъ Бьорингъ просилъ меня и поручилъ мнѣ особенно привести въ ясность собственно лишь то, что̀ тутъ до одного лишь его касается, то есть ваше дерзкое сообщеніе этой «копіи», а потомъ вашу приписку, что «вы готовы отвѣчать за это чѣмъ и какъ угодно».

— Но, кажется, послѣднее уже ясно безъ разъясненій.

— Понимаю, слышалъ. Вы даже не просите извиненія, а продолжаете лишь настаивать, что̀ «готовы отвѣчать чѣмъ и какъ угодно». Но это слишкомъ будетъ дешево. А потому я уже теперь нахожу себя въ правѣ, въ видахъ оборота, который вы упорно хотите придать объясненію, высказать вамъ съ своей стороны все уже безъ

стѣсненія, то есть я пришелъ къ заключенію, что барону Бьорингу ни-ка-кимъ образомъ нельзя имѣть съ вами дѣла... на равныхъ основаніяхъ.

— Такое рѣшеніе, конечно, одно изъ самыхъ выгодныхъ для друга вашего, барона Бьоринга, и, признаюсь, вы меня нисколько не удивили: я ожидалъ того.

Замѣчу въ скобкахъ: мнѣ слишкомъ было видно съ первыхъ словъ, съ перваго взгляда, что Версиловъ даже ищетъ взрыва, вызываетъ и дразнитъ этого раздражительнаго барона и слишкомъ, можетъ быть, испытываетъ его терпѣніе. Барона покоробило.

— Я слышалъ, что вы можете быть остроумнымъ, но остроуміе еще не умъ.

— Чрезвычайно глубокое замѣчаніе, полковникъ.

— Я не спрашивалъ похвалъ вашихъ, вскрикнулъ баронъ,—и не переливать изъ пустаго пріѣхалъ! Извольте выслушать: баронъ Бьорингъ былъ въ большомъ сомнѣніи, получивъ письмо ваше, потому что оно свидѣтельствовало о съумасшедшемъ домѣ. И, конечно, могли быть тотчасъ-же найдены средства, чтобъ васъ... успокоить. Но для васъ, по нѣкоторымъ особымъ соображеніямъ, было сдѣлано снисхожденіе и объ васъ были наведены справки: оказалось, что хотя вы и принадлежали къ хорошему обществу и когда-то служили въ гвардіи, но изъ общества исключены и репутація ваша болѣе чѣмъ сомнительна. Однако, не смотря и на это, я прибылъ сюда, чтобъ удостовѣриться лично, и вотъ, сверхъ всего, вы еще позволяете себѣ играть словами и сами засвидѣтельствовали о себѣ, что подвержены припадкамъ. Довольно! Положеніе барона Бьоринга и его репутація не могутъ снисходить въ этомъ дѣлѣ... Однимъ словомъ, милостивый государь, я уполномоченъ вамъ объявить, что если за симъ послѣдуетъ повтореніе или хоть что нибудь похожее на прежній поступокъ, то найдены будутъ немедленно средства васъ усмирить, весьма скорыя и вѣрныя, могу васъ увѣрить. Мы живемъ не въ лѣсу, а въ благоустроенномъ государствѣ!

— Вы такъ въ этомъ увѣрены, мой добрый баронъ Р.?

— Чортъ возьми, вдругъ всталъ баронъ: — вы меня слишкомъ испытываете доказать вамъ сейчасъ, что я не очень-то «добрый вашъ баронъ Р.».

— Ахъ, еще разъ, предупреждаю васъ, поднялся и Версиловъ: — что здѣсь недалеко моя жена и дочь... а потому я-бы васъ просилъ говорить не столь громко, потому что ваши крики до нихъ долетаютъ.

— Ваша жена... чортъ... Если я сидѣлъ и говорилъ теперь съ вами, то единственно съ цѣлью разъяснить это гнусное дѣло, съ прежнимъ гнѣвомъ и нисколько не понижая голоса продолжалъ баронъ.— Довольно! вскричалъ онъ яростно:—вы не только исключены изъ круга порядочныхъ людей, но вы—маньякъ, настоящій помѣшанный маньякъ и такъ васъ аттестовали! Вы снисхожденія недостойны, и объявляю вамъ, что сегодня-же на счетъ васъ будутъ приняты мѣры и васъ позовутъ въ одно такое мѣсто, гдѣ вамъ съумѣютъ возвратить разсудокъ... и вывезутъ изъ города!

Онъ быстрыми и большими шагами вышелъ изъ комнаты. Версиловъ не провожалъ его. Онъ стоялъ, глядѣлъ на меня разсѣянно и какъ-бы меня не замѣчая; вдругъ онъ улыбнулся, тряхнулъ волосами и, взявъ шляпу, направился тоже къ дверямъ. Я схватилъ его за руку.

— Ахъ, да, и ты тутъ? Ты... слышалъ? остановился онъ предо мной.

— Какъ могли вы это сдѣлать! Какъ могли вы такъ исказить, такъ опозорить!.. Съ такимъ коварствомъ!

Онъ смотрѣлъ пристально, но улыбка его раздвигалась все болѣе и болѣе, и рѣшительно переходила въ смѣхъ.

— Да вѣдь меня-же опозорили... при ней! При ней! Меня осмѣяли въ ея глазахъ, а онъ... толкнулъ меня! вскричалъ я внѣ себя.

— Неужели? Ахъ, бѣдный мальчикъ, какъ мнѣ тебя жаль... Такъ тебя тамъ ос-мѣ-яли!

— Вы смѣетесь, вы смѣетесь надо мной! Вамъ смѣшно!

Онъ быстро вырвалъ изъ моей руки свою руку, надѣлъ шляпу и, смѣясь, смѣясь уже настоящимъ смѣхомъ, вышелъ изъ квартиры. Что мнѣ было догонять его, зачѣмъ? Я все понялъ и — все потерялъ въ одну ми-

нуту! Вдругъ я увидѣлъ маму; она сошла сверху и робко оглядывалась.

— Ушелъ?

Я молча обнялъ ее, а она меня крѣпко-крѣпко, такъ и прижалась ко мнѣ.

— Мама, родная, неужто вамъ можно оставаться? Пойдемте сейчасъ, я васъ укрою, я буду работать для васъ, какъ каторжный, для васъ и для Лизы... Бросимте ихъ всѣхъ, всѣхъ и уйдемъ. Будемъ одни. Мама, помните, какъ вы ко мнѣ къ Тушару приходили и какъ я васъ признать не хотѣлъ?

— Помню, родной; я всю жизнь передъ тобой виновата, я тебя родила, а тебя не знала.

— Онъ виноватъ въ этомъ, мама, это онъ во всемъ виноватъ; онъ насъ никогда не любилъ.

— Нѣтъ, любилъ.

— Пойдемте, мама.

— Куда я отъ него пойду, что онъ счастливъ, что-ли?

— Гдѣ Лиза?

— Лежитъ; пришла — прихворнула; боюсь я. Что они очень на него тамъ сердятся? Что съ нимъ теперь сдѣлаютъ? Куда онъ пошелъ? Что этотъ офицеръ тутъ грозилъ?

— Ничего ему не будетъ, мама, никогда ему ничего не бываетъ, никогда ничего съ нимъ не случится и не можетъ случиться. Это такой человѣкъ! Вотъ Татьяна Павловна, ее спросите, коли не вѣрите, вотъ она. (Татьяна Павловна вдругъ вошла въ комнату). Прощайте, мама. Я къ вамъ сейчасъ, и когда приду, опять спрошу тоже самое...

Я выбѣжалъ; я не могъ видѣть кого-бы то ни было, не только Татьяну Павловну, а мама меня мучила. Я хотѣлъ быть одинъ, одинъ.

V.

Но я не прошелъ и улицы, какъ почувствовалъ, что не могу ходить, безсмысленно наталкиваясь на этотъ народъ, чужой и безучастный; но куда-же дѣться? Кому я нуженъ и — что мнѣ теперь нужно? Я машинально прибрелъ къ князю Сергѣю Петровичу, вовсе о немъ не думая. Его не было дома. Я сказалъ Петру (человѣку его), что буду ждать въ кабинетѣ (какъ и множество разъ это дѣлалось). Кабинетъ его была большая, очень высокая комната, загроможденная мебелью. Я забрелъ въ самый темный уголъ, сѣлъ на диванъ и, положивъ локти на столъ, подперъ обѣими руками голову. Да, вотъ вопросъ: «что мнѣ теперь нужно?» Если я и могъ тогда формулировать этотъ вопросъ, то всего менѣе могъ на него отвѣтить.

Но я не могъ ни думать толкомъ, ни спрашивать. Я уже предувѣдомилъ выше, что, подъ конецъ этихъ дней, я былъ «раздавленъ событіями»; я теперь сидѣлъ и все какъ хаосъ вертѣлось въ умѣ моемъ. «Да, я въ немъ все проглядѣлъ и ничего не уразумѣлъ», мерещилось мнѣ минутами. «Онъ засмѣялся сейчасъ мнѣ въ глаза: это не надо мной: тутъ все Бьорингъ, а не я. Третьяго дня за обѣдомъ ужь онъ все зналъ и былъ мраченъ. Онъ подхватилъ у меня мою глупую исповѣдь въ трактирѣ и исказилъ все на счетъ всякой правды, только зачѣмъ ему было правды? Онъ ни послову самъ не вѣритъ изъ того, что ей написалъ. Ему надо было только оскорбить, безсмысленно оскорбить, не зная даже для чего, придравшись къ предлогу, а предлогъ далъ я... Поступокъ бѣшеной собаки! Убить, что-ли, онъ теперь хочетъ Бьоринга? Для чего? Его сердце знаетъ для чего! А я ничего не знаю, что въ его сердцѣ... Нѣтъ, нѣтъ, и теперь не знаю. Неужели до такой страсти ее любитъ? Или до такой страсти ее ненавидитъ? Я не знаю, а знаетъ-ли онъ самъ-то? Что это я сказалъ мамѣ, что съ нимъ «ничего не можетъ сдѣлаться; что я этимъ хотѣлъ сказать? Потерялъ я его или не потерялъ?»

...«Она видѣла, какъ меня толкали... Она тоже смѣялась или нѣтъ? Я-бы смѣялся! Шпіона били, шпіона!..»

«Что значитъ (мелькнуло мнѣ вдругъ), что значитъ, что онъ включилъ въ это гадкое письмо, что документъ вовсе не сожженъ, а существуетъ?..»

«Онъ не убьетъ Бьоринга, а навѣрно теперь въ трактирѣ сидитъ и слушаетъ Лючію! А, можетъ, послѣ Лючіи пойдетъ и

убьетъ Бьоринга. Бьорингъ толкнулъ меня, вѣдь почти ударилъ; ударилъ-ли? Бьорингъ даже и съ Версиловымъ драться брезгаетъ, такъ развѣ пойдетъ со мной? «Можетъ быть, мнѣ надо будетъ убить его завтра изъ револьвера, выждавъ на улицѣ»... И вотъ эту мысль провелъ я въ умѣ совсѣмъ машинально, не останавливаясь на ней нисколько.

Минутами мнѣ какъ-бы мечталось, что вотъ сейчасъ отворится дверь, войдетъ Катерина Николаевна, подастъ мнѣ руку и мы оба разсмѣемся... О, студентъ, мой милый! Это мнѣ мерещилось, то есть, желалось, ужь когда очень стемнѣло въ комнатѣ. «Да давно-ли это было, что я стоялъ передъ ней, прощался съ ней, а она подавала мнѣ руку и смѣялась? Какъ могло случиться, что въ такое короткое время вышло такое ужасное разстояніе! Просто пойдти къ ней и объясниться сейчасъ-же, сію минуту, просто, просто! Господи, какъ это такъ вдругъ совсѣмъ новый міръ начался! Да, новый міръ, совсѣмъ, совсѣмъ новый... А Лиза, а князь, это еще старые... Вотъ я здѣсь теперь у князя. И мама,— какъ могла она жить съ нимъ, коли такъ? Я-бы могъ, я все смогу, но она? Теперь что-же будетъ? И вотъ, какъ въ вихрѣ, фигуры Лизы, Анны Андреевны, Стебелькова, князя, Афердова, всѣхъ, безслѣдно замелькали въ моемъ больномъ мозгу. Но мысли становились все безформеннѣе и неуловимѣе; я радъ былъ, когда удавалось осмыслить какую нибудь и ухватиться за нее.

«У меня есть «идея»! подумалъ было я вдругъ: — да такъ-ли? Не наизусть-ли я затвердилъ? Моя идея — это мракъ и уединеніе, а развѣ теперь ужь возможно уползти назадъ въ прежній мракъ? Ахъ, Боже мой, я вѣдь не сжегъ «документъ»? Я такъ и забылъ его сжечь третьяго дня. Ворочусь и сожгу на свѣчкѣ, именно на свѣчкѣ; не знаю только, то-ли я теперь думаю»...

Давно смерклось и Петръ принесъ свѣчи. Онъ постоялъ надо мной и спросилъ: Кушалъ-ли я? Я только махнулъ рукой. Однако, спустя часъ онъ принесъ мнѣ чаю и я съ жадностью выпилъ большую чашку. Потомъ я освѣдомился который часъ? Было половина девятаго, и я даже не удивился, что сижу уже пять часовъ.

— Я къ вамъ уже раза три входилъ, сказалъ Петръ,—да вы, кажется, спали.

Я-же не помнилъ, что онъ входилъ. Не знаю почему, но вдругъ ужасно испугавшись, что я «спалъ», я всталъ и началъ ходить по комнатѣ, чтобъ опять не «заснуть». Наконецъ, сильно начала болѣть голова. Ровно въ десять часовъ вошелъ князь и я удивился тому, что я ждалъ его: я о немъ совсѣмъ забылъ, совсѣмъ.

— Вы здѣсь, а я заѣзжалъ къ вамъ, за вами, сказалъ онъ мнѣ. Лицо его было мрачно и строго, ни малѣйшей улыбки. Въ глазахъ неподвижная идея.

— Я бился весь день и употребилъ всѣ мѣры, продолжалъ онъ сосредоточенно:— все рушилось, а въ будущемъ ужасъ... (NB онъ такъ и не былъ у князя Николая Ивановича). Я видѣлъ Жибельскаго, это человѣкъ невозможный. Видите: сначала надо имѣть деньги, а потомъ мы увидимъ. А если и съ деньгами не удастся, тогда... Но я сегодня рѣшился объ этомъ не думать. Добудемъ сегодня только деньги, а завтра все увидимъ. Вашъ третьеводнишній выигрышъ еще цѣлъ до копѣйки. Тамъ безъ трехъ рублей три тысячи. За вычетомъ вашего долга, вамъ остается сдачи триста сорокъ рублей. Возьмите ихъ и еще семьсотъ, чтобъ была тысяча, а я возьму остальныя двѣ. Затѣмъ сядемъ у Зерщикова на двухъ разныхъ концахъ и попробуемъ выиграть десять тысячъ,—можетъ, что нибудь сдѣлаемъ, не выиграемъ — тогда... Впрочемъ, только это и остается.

Онъ фатально посмотрѣлъ на меня.

— Да, да! вскричалъ я вдругъ, точно воскресая:—ѣдемъ. Я только васъ и ждалъ...

Замѣчу, что я ни одного мгновенія не думалъ въ эти часы о рулеткѣ.

— А подлость? А низость поступка? спросилъ вдругъ князь.

— Это, что мы на рулетку-то! Да это все! вскричалъ я: — деньги все! Это только мы съ вами святые, а Бьорингъ продалъ-же себя. Анна Андреевна продала-же себя, а Версиловъ—слышали вы, что Версиловъ маньякъ? Маньякъ! Маньякъ!

— Вы здоровы, Аркадій Макаровичъ? У васъ какіе-то странные глаза.

— Это вы, чтобъ безъ меня уѣхать? Да я отъ васъ теперь не отстану. Не даромъ мнѣ всю ночь игра снилась. Ѣдемъ, ѣдемъ! вскрикивалъ я, точно вдругъ нашелъ всему разгадку.

— Ну, такъ ѣдемъ, хоть вы и въ лихорадкѣ, а тамъ...

Онъ не договорилъ. Тяжелое, ужасное было у него лицо. Мы уже выходили.

— Знаете-ли, сказалъ онъ вдругъ, пріостановившись въ дверяхъ: — что есть и еще одинъ выходъ изъ бѣды, кромѣ игры?

— Какой?

— Княжескій!

— Что-же? Что-же?

— Потомъ узнаете что. Знайте только, что я уже его недостоинъ, потому что опоздалъ. Ѣдемъ, а вы попомните мое слово. Попробуемъ выходъ лакейскій... И развѣ я не знаю, что я сознательно, съ полной волей ѣду и дѣйствую, какъ лакей!

VI.

Я полетѣлъ на рулетку, какъ будто въ ней сосредоточилось все мое спасеніе, весь выходъ, а, между тѣмъ, какъ сказалъ уже, до пріѣзда князя я объ ней и не думалъ. Да и играть ѣхалъ я не для себя, а на деньги князя для князя-же; осмыслить не могу, что влекло меня, но влекло непреоборимо. О, никогда эти люди, эти лица, эти круперы, эти игорные крики, вся эта подлая зала у Зерщикова, никогда не казалось мнѣ все это такъ омерзительно, такъ мрачно, такъ грубо и грустно, какъ въ этотъ разъ! Я слишкомъ помню скорбь и грусть, по временамъ хватавшую меня за сердце во всѣ эти часы у стола. Но для чего я не уѣзжалъ? Для чего выносилъ, точно принялъ на себя жребій, жертву, подвигъ. Скажу лишь одно: врядъ-ли я могу сказать про себя тогдашняго, что былъ въ здравомъ разсудкѣ. А между тѣмъ, никогда еще не игралъ я такъ разумно, какъ въ этотъ вечеръ. Я былъ молчаливъ и сосредоточенъ, внимателенъ и разсчетливъ ужасно; я былъ терпѣливъ и скупъ и въ тоже время рѣшителенъ въ рѣшительныя минуты. Я помѣстился опять у zéro, то есть, опять между Зерщиковымъ и Афердовымъ, который всегда усаживался подлѣ Зерщикова справа; мнѣ претило это мѣсто, но мнѣ непремѣнно хотѣлось ставить на zéro, а всѣ остальныя мѣста у zéro были заняты. Мы играли уже слишкомъ часъ; наконецъ, я увидѣлъ съ своего мѣста, что князь вдругъ всталъ и, блѣдный, перешелъ къ намъ и остановился передо мной напротивъ, черезъ столъ: онъ все проигралъ и молча смотрѣлъ на мою игру, впрочемъ, вѣроятно, ничего въ ней не понимая и даже не думая уже объ игрѣ. Къ этому времени я только что сталъ выигрывать и Зерщиковъ отсчиталъ мнѣ деньги. Вдругъ Афердовъ, молча, въ моихъ глазахъ, самымъ наглымъ образомъ взялъ и присоединилъ къ своей, лежавшей передъ нимъ кучѣ денегъ, одну изъ моихъ сторублевыхъ. Я вскрикнулъ и схватилъ его за руку. Тутъ со мной произошло нѣчто мною неожиданное: я точно сорвался съ цѣпи; точно всѣ ужасы и обиды этого дня вдругъ сосредоточились въ этомъ одномъ мгновеніи, въ этомъ исчезновеніи сторублевой. Точно все накопившееся и сдавленное во мнѣ ждало только этого мига, чтобы прорваться.

— Это — воръ: онъ укралъ у меня сейчасъ сторублевую! восклицалъ я, озираясь кругомъ внѣ себя.

Не описываю поднявшейся суматохи; такая исторія была здѣсь совершенною новостью. У Зерщикова вели себя пристойно, и игра у него тѣмъ славилась. Но я не помнилъ себя. Среди шума и криковъ вдругъ послышался голосъ Зерщикова:

— И, однако-же, денегъ нѣтъ, а они здѣсь лежали! Четыреста рублей!

Разомъ вышла и другая исторія: пропали деньги въ банкѣ, подъ носомъ у Зерщикова, пачка въ четыреста рублей. Зерщиковъ указывалъ мѣсто, гдѣ онѣ лежали, «сейчасъ только лежали», и это мѣсто оказывалось прямо подлѣ меня, соприкасалось со мной, съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежали мои деньги, то есть гораздо, значитъ, ближе ко мнѣ, чѣмъ къ Афердову.

— Воръ здѣсь! Это онъ опять укралъ,

обыщите его! восклицалъ я, указывая на Афердова.

— Это — все потому, раздался чей-то громовый и внушительный голосъ среди общихъ криковъ,—что входятъ неизвѣстно какіе. Пускаютъ нерекомендованныхъ! Кто его ввелъ? Кто онъ такой?

— Долгорукій какой-то.

— Князь Долгорукій?

— Его князь Сокольскій ввелъ, закричалъ кто-то.

— Слышите, князь, вопилъ я ему черезъ столъ въ изступленіи: — они меня-же воромъ считаютъ, тогда какъ меня-же здѣсь сейчасъ обокрали! Скажите-же имъ, скажите имъ обо мнѣ!

И вотъ тутъ произошло нѣчто самое ужасное изо всего, что случилось во весь день... даже изъ всей моей жизни; князь отрекся. Я видѣлъ, какъ онъ пожалъ плечами и въ отвѣтъ на сыпавшіеся вопросы рѣзко и ясно выговорилъ:

— Я ни за кого не отвѣчаю. Прошу оставить меня въ покоѣ.

Между тѣмъ, Афердовъ стоялъ среди толпы и громко требовалъ, чтобъ его обыскали. Онъ выворачивалъ самъ свои карманы. Но на требованіе его отвѣчали криками: «Нѣтъ, нѣтъ, воръ извѣстенъ!» Два призванные лакея схватили меня сзади за руки.

— Я не дамъ себя обыскивать, не позволю! кричалъ я, вырываясь.

Но меня увлекли въ сосѣднюю комнату, тамъ, среди толпы, меня обыскали всего до послѣдней складки. Я кричалъ и рвался.

— Сбросилъ, должно быть, надо на полу искать, рѣшилъ кто-то.

— Гдѣ-жь теперь искать на полу?

— Подъ столъ, должно быть, какъ нибудь успѣлъ забросить!

— Конечно, слѣдъ простылъ...

Меня вывели, но я какъ-то успѣлъ стать въ дверяхъ и съ безсмысленной яростію прокричалъ на всю залу:

— Рулетка запрещена полиціей. Сегодня-же донесу на всѣхъ васъ!

Меня свели внизъ, одѣли и... отворили передо мной дверь на улицу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

День закончился катастрофой, но оставалась ночь, и вотъ что я запомнилъ изъ этой ночи.

Я думаю, былъ первый часъ въ началѣ, когда я очутился на улицѣ. Ночь была ясная, тихая и морозная. Я почти бѣжалъ, страшно торопился, но — совсѣмъ не домой. «Зачѣмъ домой? Развѣ теперь можетъ быть домъ? Въ домѣ живутъ, я завтра проснусь, чтобъ жить, — а развѣ это теперь возможно? Жизнь кончена, жить теперь уже совсѣмъ нельзя». И вотъ, я брелъ по по улицамъ, совсѣмъ не разбирая куда иду, да и не знаю, хотѣлъ-ли куда добѣжать? Мнѣ было очень жарко и я поминутно распахивалъ тяжелую енотовую мою шубу. «Теперь уже никакое дѣйствіе, казалось мнѣ въ ту минуту, не можетъ имѣть никакой цѣли». И странно: мнѣ все казалось, что все кругомъ, даже воздухъ, которымъ я дышу, былъ какъ будто съ иной планеты, точно я вдругъ очутился на лунѣ. Все это — городъ, прохожіе, тротуаръ, по которому я бѣжалъ — все это было уже *не мое*. «Вотъ это — Дворцовая площадь, вотъ это — Исаакій», мерещилось мнѣ, «но теперь мнѣ до нихъ никакого дѣла»; все какъ-то отчудилось, все это стало вдругъ *не мое*. «У меня мама, Лиза — ну, что-жь, что мнѣ теперь Лиза и мать? Все кончилось, все разомъ кончилось, кромѣ одного: того, что я — воръ навѣчно.

«Чѣмъ доказать, что я—не воръ? Развѣ это теперь возможно? Уѣхать въ Америку? Ну, что-жь этимъ докажешь? Версиловъ первый повѣритъ, что я укралъ! «Идея»? Какая «идея»? Что теперь «идея»? Черезъ пятьдесятъ лѣтъ, черезъ сто лѣтъ, я буду идти, и всегда найдется человѣкъ, который скажетъ, указывая на меня: «вотъ это — воръ. Онъ началъ съ того «свою идею», что укралъ деньги съ рулетки»...

Была-ли во мнѣ злоба? Не знаю, можетъ быть, была. Странно, во мнѣ всегда была и, можетъ быть, съ самаго перваго дѣтства, такая черта: коли ужь мнѣ сдѣлали зло, восполнили его окончательно, ос-

корбили до послѣднихъ предѣловъ, то всегда тутъ-же являлось у меня неутолимое желаніе пассивно подчиниться оскорбленію и даже пойдти впередъ желаніямъ обидчика: «На-те, вы унизили меня, такъ я еще пуще самъ унижусь, вотъ смотрите, любуйтесь!» Тушаръ билъ меня и хотѣлъ показать, что я — лакей, а не сенаторскій сынъ, и вотъ я тотчасъ-же самъ вошелъ тогда въ роль лакея. Я не только подавалъ ему одѣваться, но я самъ схватывалъ щетку и начиналъ счищать съ него послѣднія пылинки, вовсе уже безъ его просьбы или приказанія, самъ гнался иногда за нимъ со щеткой, въ пылу лакейскаго усердія, чтобъ смахнуть какую нибудь послѣднюю соринку съ его фрака, такъ что онъ самъ уже останавливалъ меня иногда: «Довольно, довольно, Аркадій, довольно». Онъ придетъ, бывало, сниметъ верхнее платье,— а я его вычищу, бережно сложу и накрою клѣтчатымъ шелковымъ платочкомъ. Я знаю, что товарищи смѣются и презираютъ меня за это, отлично знаю, но мнѣ это-то и любо: «Коли захотѣли, чтобъ я былъ лакей — ну, такъ вотъ я и лакей, хамъ — такъ хамъ и есть». Пассивную ненависть и подпольную злобу въ этомъ родѣ я могъ продолжать годами. И что-же? У Зерщикова я крикнулъ на всю залу, въ совершенномъ изступленіи: «Донесу на всѣхъ, рулетка запрещена полиціей!» И вотъ клянусь, что и тутъ было нѣчто какъ-бы подобное: меня унизили, обыскали, огласили воромъ, убили, — «ну, такъ знайте-же всѣ, что вы угадали, я — не только воръ, но я и доносчикъ!» Припоминая теперь, я именно такъ подвожу и объясняю; тогда-же было вовсе не до анализа; крикнулъ я тогда безъ намѣренія, даже за секунду не зналъ, что такъ крикну: само крикнулось, — ужь *черта* такая въ душѣ была.

Когда я бѣжалъ, несомнѣнно начинался уже бредъ, но я очень вспоминаю, что дѣйствовалъ сознательно. А, между тѣмъ, твердо говорю, что цѣлый циклъ идей и заключеній былъ для меня тогда уже невозможенъ; я даже и въ тѣ минуты чувствовалъ про себя самъ, что «однѣ мысли я могу имѣть, а другихъ я уже никакъ не могу имѣть». Равно и нѣкоторыя рѣшенія мои, хотя и при ясномъ сознаніи, могли не имѣть въ себѣ тогда ни малѣйшей логики. Мало того, я очень хорошо помню, что я могъ въ иныя минуты вполнѣ сознавать нелѣпость иного рѣшенія и въ тоже время съ полнымъ сознаніемъ тутъ-же приступить къ его исполненію. Да, преступленіе навертывалось въ ту ночь, и только случайно не совершилось.

Мнѣ мелькнуло вдругъ тогда словцо Татьяны Павловны о Версиловѣ: «Пошелъ-бы на Николаевскую дорогу и положилъ-бы голову на рельсы: тамъ-бы ему ее и оттяпали». Эта мысль на мгновеніе овладѣла всѣми моими чувствами, но я мигомъ и съ болью прогналъ ее: «Положить голову на рельсы и умереть, а завтра скажутъ: это оттого онъ сдѣлалъ, что укралъ, сдѣлалъ отъ стыда,—нѣтъ, ни за что!» И вотъ, въ это мгновеніе, помню, я ощутилъ вдругъ одинъ мигъ страшной злобы. «Что-жь? — пронеслось въ умѣ моемъ, — оправдаться ужь никакъ нельзя, начать новую жизнь тоже невозможно, а потому — покориться, стать лакеемъ, собакой, козявкой, доносчикомъ, настоящимъ уже доносчикомъ, а самому потихоньку приготовляться и когда нибудь — все вдругъ взорвать на воздухъ, все уничтожить, всѣхъ, и виноватыхъ и невиноватыхъ, и тутъ вдругъ всѣ узнаютъ, что это — тотъ самый, котораго назвали воромъ... а тамъ ужь и убить себя.

Не помню, какъ я забѣжалъ въ переулокъ, гдѣ-то близко отъ Конногвардейскаго бульвара. Въ переулкѣ этомъ съ обѣихъ сторонъ, почти на сотню шаговъ, шли высокія каменныя стѣны, — заборы задннхъ дворовъ. За одной стѣной слѣва я увидѣлъ огромный складъ дровъ, длинный складъ, точно на дровяномъ дворѣ, и слишкомъ на сажень превышавшій стѣну. Я вдругъ остановился и началъ обдумывать. Въ карманѣ со мной были восковыя спички въ маленькой серебряной спичечницѣ. Повторяю, я вполнѣ отчетливо сознавалъ тогда то, что обдумывалъ и что хотѣлъ сдѣлать, и такъ припоминаю и теперь, но для чего я хотѣлъ это сдѣлать — не знаю, совсѣмъ не знаю. Помню только, что мнѣ очень вдругъ захотѣлось. «Взлѣзть на за-

боръ очень можно», разсуждалъ я; какъ разъ тутъ въ двухъ шагахъ очутились въ стѣнѣ ворота, должно быть, наглухо запертыя по цѣлымъ мѣсяцамъ. «Ставъ на уступъ внизу, раздумывалъ я далѣе, можно, схватившись за верхъ воротъ, взлѣзть на самую стѣну — и никто не примѣтитъ, никого нѣтъ, тишина! А тамъ я усядусь на верху стѣны, и отлично зажгу дрова, даже не сходя внизъ можно, потому что дрова почти соприкасаются со стѣной. Отъ холода еще сильнѣе будутъ горѣть, стоитъ только рукой достать одно березовое полѣно... да и незачѣмъ совсѣмъ доставать полѣно: можно прямо, сидя на стѣнѣ, содрать рукой съ березоваго полѣна бересту и на спичкѣ зажечь ее, зажечь и пропихнуть въ дрова — вотъ и пожаръ. А я соскочу внизъ и уйду; даже и бѣжать не надо, потому что долго еще не замѣтятъ»... Такъ я это все разсудилъ и — вдругъ совсѣмъ рѣшился. Я ощутилъ чрезвычайное удовольствіе, наслажденіе и полѣзъ. Я лазить умѣлъ отлично: гимнастика была моею спеціальностью еще въ гимназіи, но я былъ въ калошахъ и дѣло оказалось труднѣе. Однако-жь, я успѣлъ таки уцѣпиться рукой за одинъ, едва ощущаемый, выступъ вверху и приподнялся, другую руку замахнулъ было, чтобъ ухватиться уже за верхъ стѣны, но тутъ вдругъ оборвался и навзничь полетѣлъ внизъ. Полагаю, что я стукнулся о землю затылкомъ, и, должно быть, минуту или двѣ пролежалъ безъ сознанія. Очнувшись, я машинально запахнулъ на себѣ шубу, вдругъ ощутивъ нестерпимый холодъ, и, еще плохо сознавая, что̀ дѣлаю, поползъ въ уголъ воротъ и тамъ присѣлъ, съежившись и скорчившись, въ углубленіи между воротами и выступомъ стѣны. Мысли мои мѣшались, и, вѣроятно, я очень быстро задремалъ. Какъ сквозь сонъ теперь вспоминаю, что вдругъ раздался въ ушахъ моихъ густой, тяжелый, колокольный звонъ, и я съ наслажденіемъ сталъ къ нему прислушиваться.

II.

Колоколъ ударялъ твердо и опредѣленно по одному разу въ двѣ или даже въ три секунды, но это былъ не набатъ, а какой-то пріятный, плавный звонъ, и я вдругъ различилъ, что это вѣдь звонъ знакомый, что звонятъ у Николы, въ красной церкви напротивъ Тушара,— въ старинной московской церкви, которую я помню, выстроенной еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, узорчатой, многоглавой и «въ столпахъ»,— и что теперь только что минула Святая Недѣля и на тощихъ березкахъ въ палисадникѣ Тушаровскаго дома уже трепещутъ новорожденные зелененькіе листочки. Яркое предвечернее солнце льетъ косые свои лучи въ нашу классную комнату, а у меня, въ моей маленькой комнаткѣ налѣво, куда Тушаръ отвелъ меня еще годъ назадъ отъ «графскихъ и сенаторскихъ дѣтей», сидитъ гостья. Да, у меня, безроднаго, вдругъ очутилась гостья, — въ первый разъ съ того времени, какъ я у Тушара. Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама, хотя съ того времени, какъ она меня причащала въ деревенскомъ храмѣ, а голубокъ пролетѣлъ черезъ куполъ, я не видалъ ужь ее ни разу. Мы сидѣли вдвоемъ и я странно къ ней приглядывался. Потомъ, уже спустя много лѣтъ, я узналъ, что она тогда, оставшись безъ Версилова, уѣхавшаго вдругъ за границу, прибыла въ Москву на свои жалкія средства *самовольно*, почти украдкой отъ тѣхъ, которымъ поручено было тогда о ней попеченіе, и это единственно чтобъ со мной повидаться. Странно было и то, что войдя и поговоривъ съ Тушаромъ, она ни слова не сказала мнѣ самому, что она — моя мать. Она сидѣла подлѣ меня и, помню, я даже удивлялся, что̀ она мало такъ говоритъ. Съ ней былъ узелокъ, и она развязала его: въ немъ оказалось шесть апельсиновъ, нѣсколько пряниковъ и два обыкновенныхъ французскихъ хлѣба. Я обидѣлся на французскіе хлѣбы и съ ущемленнымъ видомъ отвѣтилъ, что здѣсь у насъ «пища» очень хорошая и намъ каждый день даютъ къ чаю по цѣлой французской булкѣ.

— Все равно, голубчикъ, я вѣдь такъ по простотѣ подумала: «можетъ, ихъ тамъ, въ школѣ-то, худо кормятъ», не взыщи, родной.

— И Антонинѣ Васильевнѣ (женѣ Ту-

шара) обидно станетъ-съ. Товарищи тоже будутъ надо мною смѣяться...

— Не примешь, что-ли; можетъ, и скушаешь?

— Пожалуй, оставьте-съ...

А къ гостинцамъ я даже не притронулся; апельсины и пряники лежали передо мной на столикѣ, а я сидѣлъ, потупивъ глаза, но съ большимъ видомъ собственнаго достоинства. Кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ очень хотѣлось тоже не скрыть отъ нея, что визитъ ея меня даже передъ товарищами стыдитъ; хоть капельку показать ей это, чтобъ поняла: «Вотъ, дескать, ты меня срамишь и даже сама не понимаешь того». О, я уже тогда бѣгалъ со щеткой за Тушаромъ смахивать съ него пылинки! Представлялъ я тоже себѣ, сколько перенесу я отъ мальчишекъ насмѣшекъ, только что она уйдетъ, а, можетъ, и отъ самого Тушара,—и ни малѣйшаго добраго чувства не было къ ней въ моемъ сердцѣ. Искоса только я оглядывалъ ея темненькое, старенькое платьице, довольно грубыя, почти рабочія руки, совсѣмъ ужь грубые ея башмаки и сильно похудѣвшее лицо; морщинки уже прорѣзывались у нея на лбу, хотя Антонина Васильевна и сказала мнѣ потомъ вечеромъ, по ея уходѣ: «должно быть, ваша maman была когда-то очень недурна собой».

Такъ мы сидѣли, и вдругъ Агафья вошла съ подносомъ, на которомъ была чашка кофею. Было время послѣобѣденное и Тушары всегда въ этотъ часъ пили у себя въ своей гостиной кофей. Но мама поблагодарила и чашку не взяла: какъ узналъ я послѣ, она совсѣмъ тогда не пила кофею, производившаго у ней сердцебіеніе. Дѣло въ томъ, что визитъ ея и дозволеніе ей меня видѣть Тушары внутри себя видимо считали чрезвычайнымъ съ ихъ стороны снисхожденіемъ, такъ что посланная мамѣ чашка кофею была, такъ сказать, уже подвигомъ гуманности, сравнительно говоря, приносившимъ чрезвычайную честь ихъ цивилизованнымъ чувствамъ и европейскимъ понятіямъ. А мама-то, какъ нарочно, и отказалась.

Меня позвали къ Тушару, и онъ велѣлъ мнѣ взять всѣ мои тетрадки и книги и показать мамѣ: «чтобъ она видѣла, сколько успѣли вы пріобрѣсти въ моемъ заведеніи». Тутъ, Антонина Васильевна, съежившись губки обидчиво и насмѣшливо процѣдила мнѣ съ своей стороны:

— Кажется, вашей maman не понравился нашъ кофей.

Я набралъ тетрадокъ и понесъ ихъ къ дожидавшейся мамѣ, мимо столпившихся въ классной и оглядывавшихъ насъ съ мамой «графскихъ и сенаторскихъ дѣтей». И вотъ, мнѣ даже понравилось исполнить приказаніе Тушара въ буквальной точности. «Вотъ это — уроки изъ французской грамматики, вотъ это — упражненіе подъ диктантъ, вотъ тутъ спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ avoir и être, вотъ тутъ по географіи, описаніе главныхъ городовъ Европы и всѣхъ частей свѣта», и т. д., и т. д. Я съ полчаса или больше объяснялъ ровнымъ маленькимъ голоскомъ, благонравно потупивъ глазки. Я зналъ, что мама ничего не понимаетъ въ наукахъ, можетъ быть, даже писать не умѣетъ, но тутъ-то моя роль мнѣ и нравилась. Но утомить ее я не смогъ: она все слушала, не прерывая меня, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и даже съ благоговѣніемъ, такъ что мнѣ самому, наконецъ, наскучило, и я пересталъ; взглядъ ея былъ, впрочемъ, грустный и что-то жалкое было въ ея лицѣ.

Она поднялась, наконецъ, уходить; вдругъ вошелъ самъ Тушаръ и съ дурацки-важнымъ видомъ спросилъ ее: «довольна-ли она успѣхами своего сына?» Мама начала безсвязно бормотать и благодарить; подошла и Антонина Васильевна. Мама стала просить ихъ обоихъ «не оставить сиротки, все равно онъ что сиротка теперь, окажите благодѣяніе ваше»... и она со слезами на глазахъ поклонилась имъ обоимъ, каждому раздѣльно, каждому глубокимъ поклономъ, именно какъ кланяются «изъ простыхъ», когда приходятъ просить о чемъ нибудь важныхъ господъ. Тушары этого даже не ожидали, а Антонина Васильевна видимо была смягчена и, конечно, тутъ-же измѣнила свое заключеніе на счетъ чашки кофею. Тушаръ, съ усиленною важностію, гуманно отвѣтилъ, что онъ «дѣтей не рознитъ, что всѣ здѣсь — его дѣти,

а онъ—ихъ отецъ, что я у него почти на одной ногѣ съ сенаторскими и графскими дѣтьми, и что это надо цѣнить», и проч., и проч. Мама только кланялась, но, впрочемъ, конфузилась, наконецъ, обернулась ко мнѣ и со слезами, блеснувшими на глазахъ, проговорила: «прощай, голубчикъ!»

И поцаловала меня, то есть я позволилъ себя поцаловать. Ей видимо хотѣлось-бы еще и еще поцаловать меня, обнять, прижать, но совѣстно-ли стало ей самой при людяхъ, али отъ чего-то другого горько, али ужь догадалась она, что я ее устыдился, но только она поспѣшно, поклонившись еще разъ Тушарамъ, направилась выходить. Я стоялъ.

— Mais suivez donc votre mère, проговорила Антонина Васильевна:—il n'a pas de cœur cet enfant!

Тушаръ въ отвѣтъ ей пожалъ плечами, что̀, конечно, означало: «не даромъ-же, дескать, я третирую его какъ лакея».

Я послушно спустился за мамой; мы вышли на крыльцо. Я зналъ, что они всѣ тамъ смотрятъ теперь изъ окошка. Мама повернулась къ церкви и три раза глубоко на нее перекрестилась, губы ея вздрагивали, густой колоколъ звучно и мѣрно гудѣлъ съ колокольни. Она повернулась ко мнѣ и — не выдержала, положила мнѣ обѣ руки на голову и заплакала надъ моей головой.

— Маменька, полноте-съ... стыдно... вѣдь они изъ окошка теперь это видятъ-съ...

Она вскинулась и заторопилась:

— Ну, Господи... ну, Господь съ тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, Пречестная Мать, Николай угодникъ... Господи, Господи! скороговоркой повторяла она, все крестя меня, все стараясь чаще и побольше положить крестовъ: — голубчикъ ты мой, милый ты мой! Да постой, голубчикъ...

Онъ поспѣшно сунула руку въ карманъ и вынула платочекъ, синенькій клѣтчатый, платочекъ съ крѣпко завязаннымъ на кончикѣ узелочкомъ и стала развязывать узелокъ... но онъ не развязывался...

— Ну, все равно, возьми и съ платочкомъ: чистенькій, пригодится, можетъ, четыре двугривенныхъ тутъ, можетъ, понадобятся, прости, голубчикъ, больше-то какъ разъ сама не имѣю... прости, голубчикъ.

Я принялъ платочекъ, хотѣлъ было замѣтить, что намъ отъ господина Тушара и Антонины Васильевны очень хорошее положено содержаніе и мы ни въ чемъ не нуждаемся, но удержался и взялъ платочекъ.

Еще разъ перекрестила, еще разъ прошептала какую-то молитву и вдругъ — и вдругъ поклонилась и мнѣ точно такъ-же, какъ наверху Тушарамъ,—глубокимъ, медленнымъ, длиннымъ поклономъ,—никогда не забуду я этого! Такъ я и вздрогнулъ и самъ не зналъ отчего. Что̀ она хотѣла сказать этимъ поклономъ: «вину-ли свою передо мной признала?» какъ придумалось мнѣ разъ уже очень долго спустя—не знаю. Но тогда мнѣ тотчасъ-же еще пуще стало стыдно, что «сверху они оттудова смотрятъ, а Ламбертъ такъ, пожалуй, и бить начнетъ».

Она, наконецъ, ушла. Апельсины и пряники поѣли еще до моего прихода сенаторскія и графскія дѣти, а четыре двугривенныхъ у меня тотчасъ-же отнялъ Ламбертъ; на нихъ накупили они въ кондитерской пирожковъ и шоколаду и даже меня не подподчивали.

Прошли цѣлые полгода и наступилъ уже вѣтряный и ненастный октябрь. Я про маму совсѣмъ забылъ. О, тогда ненависть, глухая ненависть ко всему уже проникла въ мое сердце, совсѣмъ напитала его; я хоть и обчищалъ щеткой Тушара по прежнему, но уже ненавидѣлъ его изъ всѣхъ силъ, и каждый день все больше и больше. И вотъ, тогда какъ-то разъ въ грустныя вечернія сумерки, сталъ я, однажды, перебирать для чего-то въ моемъ ящикѣ и вдругъ, въ уголку, увидалъ синенькій, батистовый платочекъ ея; онъ такъ и лежалъ съ тѣхъ поръ, какъ я его тогда сунулъ. Я вынулъ его и осмотрѣлъ даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ; кончикъ платка сохранялъ еще вполнѣ слѣдъ бывшаго узелка и даже ясно отпечатавшійся кругленькій оттискъ монетки; я, впрочемъ, положилъ платокъ на мѣсто и задвинулъ ящикъ. Это было подъ праздникъ и загу-

дѣлъ колоколъ ко всенощной. Воспитанники уже съ послѣ обѣда разъѣхались по домамъ, но на этотъ разъ Ламбертъ остался на воскресенье, не знаю почему за нимъ не прислали. Онъ хоть и продолжалъ меня тогда бить, какъ и прежде, но уже очень много мнѣ сообщалъ и во мнѣ нуждался. Мы проговорили весь вечеръ о лепажевскихъ пистолетахъ, которыхъ ни тотъ, ни другой изъ насъ не видалъ, о черкесскихъ шапкахъ и о томъ, какъ они рубятъ, о томъ, какъ хорошо было-бы завести шайку разбойниковъ, и подъ конецъ Ламбертъ перешелъ къ любимымъ своимъ разговорамъ на извѣстную гадкую тему, и, хоть я и дивился про себя, но очень любилъ слушать. Этотъ-же разъ мнѣ стало вдругъ нестерпимо, и я сказалъ ему, что у меня болитъ голова. Въ десять часовъ мы легли спать; я завернулся съ головой въ одѣяло и изъ-подъ подушки вытянулъ синенькій платочекъ: я для чего-то опять сходилъ, часъ тому назадъ, за нимъ въ ящикъ и, только что постлали наши постели, сунулъ его подъ подушку. Я тотчасъ прижалъ его къ моему лицу и вдругъ сталъ его цаловать: «Мама, мама», шепталъ я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, какъ въ тискахъ. Я закрылъ глаза и видѣлъ ея лицо съ дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потомъ меня, а я говорилъ ей: «стыдно, смотрятъ». «Мамочка, мама, разъ-то въ жизни была ты у меня... Мамочка, гдѣ ты теперь, гостья ты моя далекая? Помнишь-ли ты теперь своего бѣднаго мальчика, къ которому приходила... Покажись ты мнѣ хоть разочекъ теперь, приснись ты мнѣ хоть во снѣ только, чтобъ только я сказалъ тебѣ, какъ люблю тебя, только обнять мнѣ тебя и поцаловать твои синенькіе глазки, сказать тебѣ, что я совсѣмъ тебя ужь теперь не стыжусь, и что я тебя и тогда любилъ, и что сердце мое ныло тогда, а я только сидѣлъ какъ лакей. Не узнаешь ты, мама, никогда, какъ я тебя тогда любилъ! Мамочка, гдѣ ты теперь? Слышишь-ли ты меня? Мама, мама, а помнишь голубочка, въ деревнѣ?..»

— Ахъ, чортъ... Чего онъ! ворчитъ съ своей кровати Ламбертъ: — постой, я тебѣ! Спать не даетъ... Онъ вскакиваетъ, наконецъ, съ постели, подбѣгаетъ ко мнѣ и начинаетъ рвать съ меня одѣяло, но я крѣпко-крѣпко держусь за одѣяло, въ которое укутался съ головой.

— Хнычешь, чего ты хнычешь, дуракъ, духгакъ! Вотъ тебѣ! — и онъ бьетъ меня, онъ больно ударяетъ меня кулакомъ въ спину, въ бокъ, все больнѣй и больнѣй и... и я вдругъ открываю глаза...

Уже сильно разсвѣтаетъ, иглистый морозъ сверкаетъ на снѣгу, на стѣнѣ... Я сижу, скорчившись, еле живой, окоченѣвъ въ моей шубѣ, а кто-то стоитъ надо мной, будитъ меня, громко ругая и больно ударяя въ бокъ носкомъ правой ноги. Приподымаюсь, смотрю: человѣкъ въ богатой медвѣжьей шубѣ, въ собольей шапкѣ, съ черными глазами, съ черными какъ смоль щегольскими бакенами, съ горбатымъ носомъ, съ бѣлыми оскаленными на меня зубами, бѣлый, румяный, лицо какъ маска... Онъ очень близко наклонился ко мнѣ, и морозный паръ вылетаетъ изъ его рта съ каждымъ его дыханіемъ:

— Замерзла; пьяная харя, духгакъ! Какъ собака замерзнешь, вставай! Вставай!

— Ламбертъ! кричу я.

— Кто ты такой?

— Долгорукій!

— Какой такой чортъ Долгорукій?

— *Просто* Долгорукій!.. Тушаръ... Вотъ тотъ, которому ты вилку въ бокъ въ трактирѣ всадилъ!..

— Га-а-а! вскрикиваетъ онъ, улыбаясь какой-то длинной, вспоминающей улыбкой (да неужто-же онъ позабылъ меня!). Га! Такъ это ты, ты!

Онъ поднимаетъ меня, ставитъ на ноги; я еле стою, еле двигаюсь, онъ ведетъ меня, придерживая рукой. Онъ заглядываетъ мнѣ въ глаза, какъ-бы соображая и припоминая и слушая меня изо всѣхъ силъ, а я лепечу тоже изо всѣхъ силъ, безпрерывно, безъ умолку, и такъ радъ, такъ радъ, что говорю, и радъ тому, что это — Ламбертъ. Показался-ли онъ почему нибудь мнѣ «спасеніемъ» моимъ, или потому я бросился къ нему въ ту минуту, что принялъ его за человѣка совсѣмъ изъ другаго міра, — не знаю, — не разсуждалъ я тогда — но я бросился къ нему не разсуждая. Что гово-

рилъ я тогда, я совсѣмъ не помню, и врядъ-ли складно хоть сколько нибудь, врядъ-ли даже слова выговаривалъ ясно; но онъ очень слушалъ. Онъ схватилъ перваго попавшагося извощика, и черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ уже въ теплѣ, въ его комнатѣ.

III.

У всякаго человѣка, кто-бы онъ ни былъ, навѣрно сохраняется какое нибудь воспоминаніе о чемъ нибудь такомъ, съ нимъ случившемся, на что̀ онъ смотритъ или наклоненъ смотрѣть, какъ на нѣчто фантастическое, необычайное, выходящее изъ ряда, почти чудесное, будетъ-ли то сонъ, встрѣча, гаданіе, предчувствіе или что нибудь въ этомъ родѣ. Я до сихъ поръ наклоненъ смотрѣть на эту встрѣчу мою съ Ламбертомъ, какъ на нѣчто даже пророческое... судя, по крайней мѣрѣ, по обстоятельствамъ и послѣдствіямъ встрѣчи. Все это произошло, впрочемъ, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны, въ высшей степени натурально: онъ просто возвращался съ одного ночнаго своего занятія (какого—объяснится потомъ) полупьяный, и въ переулкѣ, остановясь у воротъ на одну минуту, увидѣлъ меня. Былъ-же онъ въ Петербургѣ всего только еще нѣсколько дней.

Комната, въ которой я очутился, была небольшой, весьма нехитро меблированный нумеръ обыкновеннаго петербургскаго шамбръ-гарни средней руки. Самъ Ламбертъ былъ, впрочемъ, превосходно и богато одѣтъ. На полу валялись два чемодана, на половину лишь разобранные. Уголъ комнаты былъ загороженъ ширмами, закрывавшими кровать.

— Alphonsine! крикнулъ Ламбертъ.

— Présente! откликнулся изъ-за ширмъ дребезжащій женскій голосъ съ парижскимъ акцентомъ, и не болѣе какъ чрезъ двѣ минуты, выскочила m-lle Alphonsine, наскоро одѣтая, въ распашонкѣ, только что съ постели,—странное какое-то существо, высокаго роста и сухощавая, какъ щепка, дѣвица, брюнетка, съ длинной таліей, съ длиннымъ лицомъ, съ прыгающими глазами и съ ввалившимися щеками,—страшно износившееся существо!

— Скорѣй! (Я перевожу, а онъ ей говорилъ по французски), — у нихъ тамъ ужь долженъ быть самоваръ; живо кипятку, краснаго вина и сахару, стаканъ сюда, скорѣй, онъ замерзъ, это—мой пріятель... проспалъ ночь на снѣгу...

— Malheureux! вскричала было она, съ театральнымъ жестомъ всплеснувъ руками.

— Но-но! прикрикнулъ на нее Ламбертъ словно на собаченку и пригрозилъ пальцемъ; она тотчасъ остановила жесты и побѣжала исполнять приказаніе.

Онъ меня осмотрѣлъ и ощупалъ; попробовалъ мой пульсъ, пощупалъ лобъ, виски.—«Странно, ворчалъ онъ:—какъ ты не замерзъ... Впрочемъ, ты весь былъ закрытъ шубой, съ головой, какъ въ мѣховой норѣ сидѣлъ...

Горячій стаканъ явился, я выхлебнулъ его съ жадностью, и онъ оживилъ меня тотчасъ-же; я опять залепеталъ; я полулежалъ въ углу на диванѣ и все говорилъ,—я захлебывался говоря,— но что̀ именно и какъ я разсказывалъ опять таки совсѣмъ почти не помню, мгновеніями и даже цѣлыми промежутками совсѣмъ забылъ. Повторю: понялъ-ли онъ что̀ тогда изъ моихъ разсказовъ—не знаю; но объ одномъ я догадался потомъ уже ясно, а именно: онъ успѣлъ понять меня ровно настолько, чтобъ вывести заключеніе, что со встрѣчей со мной ему пренебрегать не слѣдуетъ... Потомъ объясню въ своемъ мѣстѣ, какой онъ могъ имѣть тутъ разсчетъ.

Я не только былъ оживленъ ужасно, но, минутами, кажется, веселъ. Припоминаю солнце, вдругъ освѣтившее комнату, когда подняли шторы, и затрещавшую печку, которую кто-то затопилъ, кто и какъ—не запомню. Памятна мнѣ тоже черная крошечная болонка, которую держала m-lle Alphonsine въ рукахъ, кокетливо прижимая ее къ своему сердцу. Эта болонка какъ-то ужь очень меня развлекала, такъ даже, что я переставалъ разсказывать и раза два потянулся къ ней, но Ламбертъ махнулъ рукой, и Альфонсина съ своей болонкой мигомъ стушевалась за ширмы.

Самъ онъ очень молчалъ, сидѣлъ напротивъ меня и, сильно наклонившись ко мнѣ, слушалъ, не отрываясь; порой улыбался длинной, долгой улыбкой, скалилъ зубы и прищуривалъ глаза, какъ-бы усиленно соображая и желая угадать. Я сохранилъ ясно воспоминаніе лишь о томъ, что когда разсказывалъ ему о «документѣ», то никакъ не могъ понятливо выразиться и толкомъ связать разсказъ, и по лицу его слишкомъ видѣлъ, что онъ никакъ не можетъ понять меня, но что ему очень-бы хотѣлось понять, такъ что даже онъ рискнулъ остановить меня вопросомъ, что̀ было опасно, потому что я тотчасъ, чуть перебивали меня, самъ перебивалъ тему и забывалъ, о чемъ говорилъ. Сколько времени мы просидѣли и проговорили такъ — я не знаю и даже сообразить не могу. Онъ вдругъ всталъ и позвалъ Альфонсину.

— Ему надо покой; можетъ, надо будетъ доктора. Что̀ спроситъ — все исполнять, то есть... vous comprenez, ma fille? Vous avez l'argent, нѣтъ? Вотъ! И онъ вынулъ ей десятирублевую. Онъ сталъ съ ней шептаться: vous comprenez! Vous comprenez! повторялъ онъ ей, грозя пальцемъ и строго хмуря брови. Я видѣлъ, что она страшно передъ нимъ трепетала.

— Я приду, а ты всего лучше выспись, улыбнулся онъ мнѣ и взялъ шапку.

— Mais vous n'avez pas dormi du tout, Maurice! патетически прокричала было Альфонсина.

— Taisez vous, je dormirai après,— и онъ вышелъ.

— Sauvée! патетически прошептала она, показавъ мнѣ вслѣдъ ему рукой.

— M-r, m-r! задекламировала она тотчасъ-же, ставъ въ позу среди комнаты:— jamais homme ne fut si cruel, si Bismark que cet être, qui regarde une femme comme une saleté de hazard. Une femme, qu'est-ce que ça dans notre époque? «Tue la!» voilà le dernier mot de l'Académie française!..

Я выпучилъ на нее глаза; у меня въ глазахъ двоилось, мнѣ мерещились уже двѣ Альфонсины... Вдругъ я замѣтилъ, что она плачетъ, вздрогнулъ и сообразилъ, что она уже очень давно мнѣ говоритъ, а я, стало быть, въ это время спалъ или былъ безъ памяти.

— ...Hélàs! de quoi m'aurait servi de le découvrir plutôt, восклицала она:— et n'aurais-je pas autant gagné à tenir ma honte cachée toute ma vie? Peut-être, n'est il pas honnête à une demoiselle de s'expliquer si librement devant m-r, mais enfin je vous avoue que s'il m'était permis de vouloir quelque chose, oh, ce serait de lui plonger au coeur mon couteau, mais en détournant les yeux, de peur que son regard execrable ne fit trembler mon bras et ne glaçât mon courage! Il a assassiné ce pope russe, m-r, il lui arracha sa barbe rousse pour la vendre à un artiste en cheveux au pont des Maréchaux, tout près de la Maison de m-r Andrieux— hautes nouveautés, articles de Paris, linge, chemises, vous savez, n'est-ce-pas?.. Oh, m-r, quand l'amitié rassemble à table épouse, enfants, soeurs, amis, quand une vive allegresse enflamme mon coeur, je vous le demande, m-r: est-il bonheur préférable à celui dont tout jouit? Mais il rit, m-r, ce monstre execrable et inconcévable et si ce n'était pas par l'entremise de m-r Andrieux, jamais, oh, jamais je ne serais... Mais quoi, m-r, qu'avez vous, m-r?

Она бросилась ко мнѣ: со мной, кажется, былъ ознобъ, а, можетъ, и обморокъ. Не могу выразить, какое тяжелое, болѣзненное впечатлѣніе производило на меня это полусъумасшедшее существо. Можетъ быть, она вообразила, что ей велѣно развлекать меня: по крайней мѣрѣ, она не отходила отъ меня ни на мигъ. Можетъ быть, она когда нибудь была на сценѣ; она страшно декламировала, вертѣлась, говорила безъ умолку, а я уже давно молчалъ. Все, что я могъ понять изъ ея разсказовъ, было то, что она какъ-то тѣсно связана съ какимъ-то «la Maison de m-r Andrieux — hautes nouveautés, articles de Paris etc.», и даже произошла, можетъ быть, изъ la Maison de m-r Andrieux; но она была какъ-то отторгнута на вѣки отъ m-r Andrieux par ce monstre furieux et inconcévable, и вотъ въ томъ-то и заключалась трагедія... Она рыдала, но мнѣ казалось, что это только такъ, для порядка, и что она вовсе не плачетъ; порой мнѣ чудилось, что она вдругъ вся,

какъ скелетъ, разсыплется; она выговаривала слова какимъ-то раздавленнымъ, дребезжащимъ голосомъ; слово préférable, напримѣръ, она произносила préfér-a-able и на слогѣ *а* словно блеяла какъ овца. Разъ очнувшись, я увидѣлъ, что она дѣлаетъ среди комнаты пируэтъ, но она не танцовала, а относился этотъ пируэтъ какъ-то тоже къ разсказу, а она только изображала въ лицахъ. Вдругъ она бросилась и раскрыла маленькое, старенькое разстроенное фортепьянце, бывшее въ комнатѣ, забренчала и запѣла. Кажется, я минутъ на десять или болѣе забылся совсѣмъ, заснулъ, но взвизгнула болонка, и я очнулся: сознаніе вдругъ на мгновеніе воротилось ко мнѣ вполнѣ и освѣтило меня всѣмъ своимъ свѣтомъ; я вскочилъ въ ужасѣ:

— «Ламбертъ, я у Ламберта!» подумалъ я и, схвативъ шапку, бросился къ моей шубѣ.

— Où allez-vous, m-r? прокричала зоркая Альфонсина.

— Я хочу прочь, я хочу выйдти! Пустите меня, не держите меня...

— Oui, m-r! изо всѣхъ силъ подтвердила Альфонсина, и бросилась сама отворить мнѣ дверь въ корридоръ. — Mais ce n'est pas loin, m-r, c'est pas loin du tout, ça ne vaut pas la peine de mettre votre choubà, c'est-ici près, m-r! восклицала она на весь корридоръ. Выбѣжавъ изъ комнаты, я повернулъ направо.

— Par ici, m-r, c'est par ici! восклицала она изо всѣхъ силъ, уцѣпившись за мою шубу своими длинными, костлявыми пальцами, а другой рукой указывая мнѣ налѣво по корридору куда-то, куда я вовсе не хотѣлъ идти. Я вырвался и побѣжалъ къ выходнымъ дверямъ на лѣстницу.

— Il s'en va, il s'en va! гналась за мною Альфонсина, крича своимъ разорваннымъ голосомъ: — mais il me tuera, m-r, il me tuera! Но я уже выскочилъ на лѣстницу и, не смотря на то, что она даже и по лѣстницѣ гналась за мной, успѣлъ таки отворить выходную дверь, выскочить на улицу и броситься на перваго извощика. Я далъ адресъ мамы...

IV.

Но сознаніе, блеснувъ на мигъ, быстро потухло. Я еще помню чуть-чуть, какъ довезли меня и ввели къ мамѣ, но тамъ я почти тотчасъ-же впалъ въ совершенное уже безпамятство. На другой день, какъ разсказывали мнѣ потомъ (да и самъ я это, впрочемъ, запомнилъ), разсудокъ мой опять было на мгновеніе прояснился. Я запомнилъ себя въ комнатѣ Версилова, на его диванѣ; помню вокругъ меня лица Версилова, мамы, Лизы, помню очень, какъ Версиловъ говорилъ мнѣ о Зерщиковѣ, о князѣ, показывалъ мнѣ какое-то письмо, успокоивалъ меня. Они разсказывали потомъ, что я съ ужасомъ все спрашивалъ про какого-то Ламберта и все слышалъ лай какой-то болонки. Но слабый свѣтъ сознанія скоро померкъ: къ вечеру этого втораго дня я уже былъ въ полной горячкѣ. Но предупрежу событія и объясню впередъ:

Когда я въ тотъ вечеръ выбѣжалъ отъ Зерщикова и когда тамъ все нѣсколько успокоилось, Зерщиковъ, приступивъ къ игрѣ, вдругъ заявилъ громогласно, что произошла печальная ошибка: пропавшія деньги, четыреста рублей, отыскались въ кучѣ другихъ денегъ и счеты банка оказались совершенно вѣрными. Тогда князь, остававшійся въ залѣ, приступилъ къ Зерщикову и потребовалъ настоятельно, чтобъ тотъ заявилъ публично о моей невинности и, кромѣ того, принесъ-бы мнѣ извиненіе въ формѣ письма. Зерщиковъ, съ своей стороны, нашелъ требованіе достойнымъ уваженія и далъ слово, при всѣхъ, завтра-же отправить мнѣ объяснительное и извинительное письмо. Князь сообщилъ ему адресъ Версилова, и дѣйствительно Версиловъ на другой-же день получилъ лично отъ Зерщикова письмо на мое имя и слишкомъ тысячу триста рублей, принадлежавшихъ мнѣ и забытыхъ мною на рулеткѣ денегъ. Такимъ образомъ, дѣло у Зерщикова было покончено; радостное это извѣстіе сильно способствовало моему выздоровленію, когда я очнулся отъ безпамятства.

Князь, воротившись съ игры, написалъ въ ту-же ночь два письма: — одно мнѣ, а другое въ тотъ прежній его полкъ, въ кото-

ромъ была у него исторія съ корнетомъ Степановымъ. Оба письма онъ отправилъ въ слѣдующее-же утро. Засимъ написалъ рапортъ по начальству и съ этимъ рапортомъ въ рукахъ, рано утромъ, явился самъ къ командиру своего полка и заявилъ ему, что онъ, «уголовный преступникъ, участникъ въ поддѣлкѣ —хъ акцій, отдается въ руки правосудія и проситъ надъ собою суда». Присемъ вручилъ и рапортъ, въ которомъ все это изложено было письменно. Его арестовали.

Вотъ то письмо его ко мнѣ, которое онъ написалъ въ ту ночь, слово въ слово:

«Безцѣнный Аркадій Макаровичъ!

«Испробовавъ «выходъ» лакейскій, я потерялъ тѣмъ самымъ право утѣшить хоть сколько нибудь мою душу мыслью, что смогъ и я, наконецъ, рѣшиться на подвигъ справедливый. Я виновенъ передъ отечествомъ и передъ родомъ моимъ и за это самъ, послѣдній въ родѣ, казню себя. Не понимаю, какъ могъ я схватиться за низкую мысль о самосохраненіи и нѣкоторое время мечтать откупиться отъ нихъ деньгами? Все-же самъ, передъ своею совѣстью, я оставался-бы на вѣки преступникомъ. Люди-же эти, если-бъ и возвратили мнѣ компрометтирующія меня записки, не оставили-бы меня ни за что на всю жизнь! Что же оставалось; жить съ ними, быть съ ними за одно во всю жизнь — вотъ участь меня ожидавшая! Я не могъ принять ея и нашелъ въ себѣ, наконецъ, на столько твердости или, можетъ быть, лишь отчаянія, чтобы поступить такъ, какъ поступаю теперь.

«Я написалъ письмо въ прежній полкъ къ прежнимъ товарищамъ и оправдалъ Степанова. Въ поступкѣ этомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого искупительнаго подвига: это — все лишь предсмертное завѣщаніе завтрашняго мертвеца. Такъ надо смотрѣть.

«Простите мнѣ, что я отвернулся отъ васъ въ игорномъ домѣ; это — потому, что въ ту минуту я былъ въ васъ не увѣренъ. Теперь, когда я — уже человѣкъ мертвый, я могу дѣлать даже такія признанія... съ того свѣта.

«Бѣдная Лиза! Она ничего не знала объ этомъ рѣшеніи; пусть не клянетъ меня, а обсудитъ сама. Я-же не могу оправдываться и даже не нахожу словъ, чтобъ объяснить ей хоть что нибудь. Узнайте тоже, Аркадій Макаровичъ, что вчера, по утру, когда она приходила ко мнѣ въ послѣдній разъ, я открылъ ей мой обманъ и признался, что ѣздилъ къ Аннѣ Андреевнѣ съ намѣреніемъ сдѣлать той предложеніе. Я не могъ оставить это на моей совѣсти передъ послѣднимъ, задуманнымъ уже рѣшеніемъ, видя ея любовь, и открылъ ей. Она простила, все простила, но я не повѣрилъ ей; это — не прощеніе; на ея мѣстѣ я-бы не могъ простить.

«Попомните меня.

«Вашъ несчастный послѣдній
князь Сокольскій».

Я пролежалъ въ безпамятствѣ ровно девять дней.

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Теперь — совсѣмъ о другомъ.

Я все возвѣщаю: «о другомъ, о другомъ», а самъ все продолжаю строчить объ одномъ себѣ. Между тѣмъ, я уже тысячу разъ объявлялъ, что вовсе не хочу себя описывать; да и твердо не хотѣлъ, начиная записки: я слишкомъ понимаю, что я нисколько ненадобенъ читателю. Я описываю и хочу описать другихъ, а не себя, а если все самъ подвертываюсь, то это — только грустная ошибка, потому что никакъ нельзя миновать, какъ-бы я ни желалъ того. Главное, мнѣ то досадно, что описывая съ такимъ жаромъ свои собственныя приключенія, я тѣмъ самымъ даю поводъ думать, что я и теперь такой-же, какимъ былъ тогда. Читатель помнитъ, впрочемъ, что я уже не разъ восклицалъ: «О, если-бъ можно было перемѣнить прежнее и начать совершенно вновь!» Не могъ-бы я такъ восклицать, если-бъ не перемѣнился теперь радикально и не сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Это слишкомъ очевидно; и если-бъ только представить кто могъ, какъ надоѣли мнѣ всѣ эти извиненія и предисловія, которыя я вынужденъ втискивать поминутно даже въ самую средину моихъ записокъ!

Къ дѣлу.

Послѣ девятидневнаго безпамятства, я очнулся тогда возрожденный, но не исправленный; возрожденіе мое было, впрочемъ, глупое, разумѣется, если брать въ обширномъ смыслѣ, и, можетъ быть, если-бъ это теперь, то было-бы не такъ. Идея, то есть чувство, состояло опять лишь въ томъ (какъ и тысячу разъ прежде), чтобъ уйдти отъ нихъ совсѣмъ, но уже непремѣнно уйдти, а не такъ какъ прежде, когда я тысячу разъ задавалъ себѣ эту-же тэму и все не могъ исполнить. Мстить я не хотѣлъ никому, и даю въ томъ честное слово, — хотя былъ всѣми обиженъ. Уходить я собирался безъ отвращенія, безъ проклятій, но я хотѣлъ собственной силы, и уже настоящей, независимой ни отъ кого изъ нихъ и въ цѣломъ мірѣ; а я-то уже чуть было не примирился со всѣмъ на свѣтѣ! Записываю эту тогдашнюю грезу мою не какъ мысль, а какъ неотразимое тогдашнее ощущеніе. Я его еще не хотѣлъ формулировать, пока былъ въ постели. Больной и безъ силъ, лежа въ Версиловской комнатѣ, которую они отвели для меня, я съ болью сознавалъ, на какой низкой степени безсилія я находился: валялась на постели какая-то соломенка, а не человѣкъ, и не по болѣзни только, — и какъ мнѣ это было обидно! И вотъ, изъ самой глубины существа моего, изъ всѣхъ силъ сталъ подыматься протестъ, и я задыхался отъ какого-то чувства безконечно преувеличенной надменности и вызова. Я не помню даже времени въ цѣлой

жизни моей, когда-бы я былъ полонъ болѣе надменныхъ ощущеній, какъ въ тѣ первые дни моего выздоровленія, то есть когда валялась соломенка на постели.

Но пока я молчалъ и даже рѣшился ничего не обдумывать! Я все заглядывалъ въ ихъ лица, стараясь по нимъ угадать все что̀ мнѣ надо было. Видно было, что и они не желали ни разспрашивать, ни любопытствовать, а говорили со мной совсѣмъ о постороннемъ. Мнѣ это нравилось и, въ тоже время, огорчало меня; не буду объяснять это противорѣчіе. Лизу я видѣлъ рѣже чѣмъ маму, хотя она заходила ко мнѣ каждый день, даже по два раза. Изъ отрывковъ ихъ разговора и изъ всего ихъ вида я заключилъ, что у Лизы накопилось страшно много хлопотъ и что она даже часто дома не бываетъ изъ-за своихъ дѣлъ: уже въ одной этой идеѣ о возможности «своихъ дѣлъ», какъ-бы заключалось для меня нѣчто обидное; впрочемъ, все это были лишь больныя, чисто физіологическія ощущенія, которыя не стоитъ описывать. Татьяна Павловна тоже приходила ко мнѣ чуть не ежедневно, и хоть была вовсе не нѣжна со мной, но, по крайней мѣрѣ, не ругалась по прежнему, что до крайности меня раздосадовало, такъ что я ей просто высказывалъ: «Вы, Татьяна Павловна, когда не ругаетесь — прескучная». — «Ну, такъ и не приду къ тебѣ», оторвала она и ушла. А я былъ радъ, что хоть одну прогналъ.

Всего больше я мучилъ маму и на нее раздражался. У меня явился страшный аппетитъ, и я очень ворчалъ, что опаздывало кушанье (а оно никогда не опаздывало). Мама не знала какъ угодить. Разъ она принесла мнѣ супу и стала, по обыкновенію, сама кормить меня, а я все ворчалъ, пока ѣлъ. И вдругъ мнѣ стало досадно, что я ворчу: «ее-то одну, можетъ быть, я и люблю, а ее-же и мучаю». Но злость не унималась, и я отъ злости вдругъ расплакался, а она, бѣдненькая, подумала, что я отъ умиленія заплакалъ, нагнулась ко мнѣ и стала цаловать. Я скрѣпился и кое-какъ вытерпѣлъ и, дѣйствительно, въ ту секунду ее ненавидѣлъ. Но маму я всегда любилъ, и тогда любилъ, и вовсе не ненавидѣлъ, а было то, что̀ всегда бываетъ: кого больше любишь, того перваго и оскорбляешь.

Ненавидѣлъ-же я въ тѣ первые дни только одного доктора. Докторъ этотъ былъ молодой человѣкъ и съ заносчивымъ видомъ говорившій рѣзко и даже невѣжливо. Точно они всѣ въ наукѣ, вчера только и вдругъ — узнали что-то особенное, тогда какъ вчера ничего особеннаго не случилось: но такова всегда «средина» и «улица». Я долго терпѣлъ, но, наконецъ, вдругъ прорвался и заявилъ ему при всѣхъ нашихъ, что онъ напрасно таскается, что я вылечусь совсѣмъ безъ него, что онъ, имѣя видъ реалиста, самъ весь исполненъ однихъ предразсудковъ и не понимаетъ, что медицина еще никогда никого не вылечила; — что, наконецъ, по всей вѣроятности, онъ грубо необразованъ, «какъ и всѣ теперь у насъ техники и спеціалисты, которые въ послѣднее время такъ подняли у насъ носъ». Докторъ очень обидѣлся (ужь этимъ однимъ доказалъ, что̀ онъ такое), однако-же продолжалъ бывать. Я заявилъ, наконецъ, Версилову, что если докторъ не перестанетъ ходить, то я наговорю ему что нибудь уже въ десять разъ непріятнѣе. Версиловъ замѣтилъ только, что и вдвое непріятнѣе нельзя уже было сказать противъ того, что̀ было высказано, а не то что въ десять разъ. Я былъ радъ, что онъ это замѣтилъ.

Вотъ человѣкъ, однако! Я говорю про Версилова. Онъ, онъ только и былъ всему причиной — и что-же: на него одного я тогда не злился. Не одна его манера со мной меня подкупила. Я думаю, мы тогда взаимно почувствовали, что обязаны другъ другу многими объясненіями... и что именно потому всего лучше никогда не объясняться. Чрезвычайно пріятно, когда въ подобныхъ положеніяхъ жизни натолкнешься на умнаго человѣка! Я уже сообщалъ во второй части моего разсказа, забѣгая впередъ, что онъ очень кратко и ясно передалъ мнѣ о письмѣ ко мнѣ арестованнаго князя, о Зерщиковѣ, о его объясненіи въ мою пользу и проч., и проч. Такъ какъ я рѣшился молчать, то сдѣлалъ ему, со всею сухостью, лишь два — три самыхъ краткихъ вопроса; онъ отвѣтилъ на нихъ ясно и точно, но совершенно безъ лишнихъ словъ и,

что всего лучше, безъ лишнихъ чувствъ. Лишнихъ-то чувствъ я тогда и боялся.

О Ламбертѣ я молчу, но читатель, конечно, догадался, что я о немъ слишкомъ думалъ. Въ бреду я нѣсколько разъ говорилъ о Ламбертѣ; но очнувшись отъ бреда и приглядываясь, я скоро сообразилъ, что о Ламбертѣ все осталось въ тайнѣ и что они ничего не знаютъ, не исключая и Версилова. Тогда я обрадовался, и страхъ мой прошелъ, но я ошибался, какъ и узналъ потомъ, къ моему удивленію: онъ, во время моей болѣзни уже заходилъ, но Версиловъ умолчалъ мнѣ объ этомъ и я заключилъ, что для Ламберта я уже канулъ въ вѣчность. Тѣмъ не менѣе, я часто думалъ о немъ, мало того: думалъ не только безъ отвращенія, не только съ любопытствомъ, но даже съ участіемъ, какъ-бы предчувствуя тутъ что-то новое и выходное, соотвѣтствующее зарождавшимся во мнѣ новымъ чувствамъ и планамъ. Однимъ словомъ, я положилъ обдумать Ламберта прежде всего, когда рѣшусь начать думать. Внесу одну странность; я совершенно забылъ, гдѣ онъ живетъ и въ какой все это улицѣ тогда происходило. Комнату, Альфонсину, собаченку, корридоръ — все запомнилъ; хоть сейчасъ нарисовать; а гдѣ это все происходило, то есть въ какой улицѣ и въ какомъ домѣ — совершенно забылъ. И что страннѣе всего, догадался о томъ лишь на третій или на четвертый день моего полнаго сознанія, когда давно уже началъ заботиться о Ламбертѣ.

Итакъ, вотъ каковы были мои первыя ощущенія по воскресеніи моемъ. Я отмѣтилъ лишь самое поверхностное, и вѣроятнѣе всего, что не умѣлъ отмѣтить главнаго. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, все главное именно тогда-то и опредѣлилось и сформулировалось въ моемъ сердцѣ; вѣдь не все же я досадовалъ и злился за то только, что мнѣ не несутъ бульону. О, я помню, какъ бывало мнѣ тогда грустно и какъ я тосковалъ иногда въ тѣ минуты, особенно когда оставался подолгу одинъ. Они-же, какъ нарочно, скоро поняли, что мнѣ тяжело съ ними, и что ихъ участіе меня раздражаетъ, и стали оставлять меня все чаще и чаще одного: излишняя тонкость догадливости.

II.

На четвертый день моего сознанія, я лежалъ, въ третьемъ часу пополудни, на моей постели и никого со мной не было. День былъ ясный и я зналъ, что въ четвертомъ часу, когда солнце будетъ закатываться, то косой, красный лучъ его ударитъ прямо въ уголъ моей стѣны и яркимъ пятномъ освѣтитъ это мѣсто. Я зналъ это по прежнимъ днямъ, и то, что это непремѣнно сбудется черезъ часъ, а, главное то, что я зналъ объ этомъ впередъ, какъ дважды—два, разозлило меня до злобы. Я судорожно повернулся всѣмъ тѣломъ и вдругъ, среди глубокой тишины, ясно услышалъ слова: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ». Слова произнеслись полушопотомъ, за ними слѣдовалъ глубокій вздохъ всею грудью, и затѣмъ все опять совершенно стихло. Я быстро приподнялъ голову.

Я уже и прежде, то есть наканунѣ, и даже еще съ третьяго дня, сталъ замѣчать что-то такое особенное въ этихъ нашихъ трехъ комнатахъ внизу. Въ той комнаткѣ, черезъ залу, гдѣ прежде помѣщались мама и Лиза, очевидно, былъ теперь кто-то другой. Я уже не разъ слышалъ какіе-то звуки, и днемъ, и по ночамъ, но все лишь мгновеніями, самыми краткими, и тишина возстановлялась тотчасъ-же полная, на нѣсколько часовъ, такъ что я и не обращалъ вниманія. Наканунѣ мнѣ пришла было мысль, что тамъ Версиловъ, тѣмъ болѣе, что онъ скоро затѣмъ вошелъ ко мнѣ, хотя я зналъ притомъ навѣрно, изъ ихъ-же разговоровъ, что Версиловъ, на время моей болѣзни, переѣхалъ куда-то въ другую квартиру, въ которой и ночуетъ. Про маму-же съ Лизой мнѣ давно уже стало извѣстно, что онѣ обѣ (для моего-же спокойствія, думалъ я) перебрались на верхъ, въ бывшій мой «гробъ», и даже подумалъ разъ про себя: «какъ это могли онѣ тамъ вдвоемъ помѣститься?» И вдругъ теперь оказывается, что въ ихней прежней комнатѣ живетъ какой-то человѣкъ и что человѣкъ этотъ — совсѣмъ не Версиловъ. Съ легкостью, которую я и не предполагалъ въ себѣ (воображая до сихъ поръ, что я совершенно безсиленъ), спустилъ я съ постели ноги, сунулъ ихъ въ туфли, наки-

нулъ сѣрый, мерлушечій халатъ, лежавшій подлѣ (и пожертвованный для меня Версиловымъ) и отправился черезъ нашу гостиную въ бывшую спальню мамы. То, что я тамъ увидѣлъ, сбило меня совсѣмъ съ толку: я никакъ не предполагалъ ничего подобнаго и остановился какъ вкопанный на порогѣ.

Тамъ сидѣлъ сѣдой-пресѣдой старикъ, съ большой, ужасно бѣлой бородой, и ясно было, что онъ давно уже тамъ сидитъ. Онъ сидѣлъ не на постели, а на маминой скамеечкѣ и только спиной опирался на кровать. Впрочемъ, онъ до того дѳржалъ себя прямо, что, казалось, ему и не надо совсѣмъ никакой опоры, хотя, очевидно, былъ боленъ. На немъ былъ, сверхъ рубашки, крытый мѣховой тулупчикъ, колѣна-же его были прикрыты маминымъ пледомъ, а ноги въ туфляхъ. Росту онъ, какъ угадывалось, былъ большаго, широкоплечъ, очень бодраго вида, не смотря на болѣзнь, хотя нѣсколько блѣденъ и худъ, съ продолговатымъ лицомъ, съ густѣйшими волосами, но не очень длинными, лѣтъ-же ему казалось за семьдесятъ. Подлѣ него на столикѣ, рукой достать, лежали три или четыре книги и серебряные очки. У меня хоть и ни малѣйшей мысли не было его встрѣтить, но я въ тотъ-же мигъ угадалъ, кто онъ такой, только все еще сообразить не могъ, какимъ это образомъ онъ просидѣлъ эти всѣ дни, почти рядомъ со мной, такъ тихо, что я до сихъ поръ ничего не разслышалъ.

Онъ не шевельнулся, меня увидѣвъ, но пристально и молча глядѣлъ на меня, такъже, какъ я на него, съ тою разницею, что я глядѣлъ съ непомѣрнымъ удивленіемъ, а онъ безъ малѣйшаго. Напротивъ, какъ-бы разсмотрѣвъ меня всего, до послѣдней черты, въ эти пять или десять секундъ молчанія, онъ вдругъ улыбнулся и даже тихо и неслышно засмѣялся, и хоть смѣхъ прошелъ скоро, но свѣтлый, веселый слѣдъ его остался въ его лицѣ и, главное, въ глазахъ, очень голубыхъ, лучистыхъ, большихъ, но съ опустившимися и припухшими отъ старости вѣками, и окруженныхъ безчисленными крошечными морщинками. Этотъ смѣхъ его всего болѣе на меня подѣйствовалъ.

Я такъ думаю, что когда смѣется человѣкъ, то, въ большинствѣ случаевъ, на него становится противно смотрѣть. Чаще всего въ смѣхѣ людей обнаруживается нѣчто пошлое, нѣчто какъ-бы унижающее смѣющагося, хотя самъ смѣющійся почти всегда ничего не знаетъ о впечатлѣніи, которое производитъ. Точно такъ-же не знаетъ, какъ и вообще всѣ не знаютъ, каково у нихъ лицо, когда они спятъ. У иного спящаго лицо и во снѣ умное, а у другаго, даже и умнаго, во снѣ лицо становится очень глупымъ и потому смѣшнымъ. Я не знаю, отчего это происходитъ: я хочу только сказать, что смѣющійся, какъ и спящій, большею частью ничего не знаетъ про свое лицо. Чрезвычайное множество людей не умѣютъ совсѣмъ смѣяться. Впрочемъ, тутъ умѣть нечего: это—даръ и его не выдѣлаешь. Выдѣлаешь развѣ лишь тѣмъ, что перевоспитаешь себя, разовьешь себя къ лучшему и поборешь дурные инстинкты своего характера: тогда и смѣхъ такого человѣка, весьма вѣроятно, могъ-бы перемѣниться къ лучшему. Смѣхомъ иной человѣкъ себя совсѣмъ выдаетъ, и вы вдругъ узнаете всю его подноготную. Даже безспорно умный смѣхъ бываетъ иногда отвратителенъ. Смѣхъ требуетъ прежде всего искренности, а гдѣ въ людяхъ искренность? Смѣхъ требуетъ беззлобія, а люди всего чаще смѣются злобно. Искренній и беззлобный смѣхъ это—веселость, а гдѣ въ людяхъ въ нашъ вѣкъ веселость и умѣютъ-ли люди веселиться? (О веселости въ нашъ вѣкъ — это замѣчаніе Версилова и я его запомнилъ). Веселость человѣка, это—самая выдающая человѣка черта, съ ногами и руками. Иной характеръ долго не раскусите, а разсмѣется человѣкъ какъ нибудь очень искренно, и весь характеръ его вдругъ окажется, какъ на ладони. Только съ самымъ высшимъ и съ самымъ счастливымъ развитіемъ человѣкъ умѣетъ веселиться сообщительно, то есть неотразимо и добродушно. Я не про умственное его развитіе говорю, а про характеръ, про цѣлое человѣка. Итакъ, если захотите разсмотрѣть человѣка и узнать его душу, то вникайте не въ то, какъ онъ молчитъ, или какъ онъ говоритъ, или какъ онъ плачетъ, или даже какъ онъ волнуется благороднѣй-

шими идеями, а вы смотрите его лучше, когда онъ смѣется. Хорошо смѣется человѣкъ—значитъ, хорошій человѣкъ. Примѣчайте притомъ всѣ оттѣнки: надо, напримѣръ, чтобы смѣхъ человѣка ни въ какомъ случаѣ не показался вамъ глупымъ, какъ-бы ни былъ онъ веселъ и простодушенъ. Чуть замѣтите малѣйшую черту глуповатости въ смѣхѣ, значитъ, несомнѣнно, тотъ человѣкъ ограниченъ умомъ, хотя-бы только и дѣлалъ, что сыпалъ идеями. Если и не глупъ его смѣхъ, но самъ человѣкъ, разсмѣявшись, сталъ вдругъ почему-то для васъ смѣшнымъ, хотя-бы даже немного,—то знайте, что въ человѣкѣ томъ нѣтъ настоящаго собственнаго достоинства, по крайней мѣрѣ, вполнѣ. Или, наконецъ, если смѣхъ этотъ, хоть и сообщителенъ, а все-таки почему-то вамъ покажется пошловатымъ, то знайте, что и натура того человѣка пошловата, и все благородное и возвышенное, что вы замѣтили въ немъ прежде—или съ умысломъ напускное, или безсознательно заимствованное, и что этотъ человѣкъ непремѣнно впослѣдствіи измѣнится къ худшему, займется «полезнымъ», а благородныя идеи отброситъ безъ сожалѣнія, какъ заблужденія и увлеченія молодости.

Эту длинную тираду о смѣхѣ я помѣщаю здѣсь съ умысломъ, даже жертвуя теченіемъ разсказа, ибо считаю ее однимъ изъ серіознѣйшихъ выводовъ моихъ изъ жизни. И особенно рекомендую ее тѣмъ дѣвушкамъ-невѣстамъ, которыя ужь и готовы выйдти за избраннаго человѣка, но все еще приглядываются къ нему съ раздумьемъ и недовѣрчивостью, и не рѣшаются окончательно. И пусть не смѣются надъ жалкимъ подросткомъ за то, что онъ суется съ своими нравоученіями въ брачное дѣло, въ которомъ ни строчки не понимаетъ. Но я понимаю лишь то, что смѣхъ есть самая вѣрная проба души. Взгляните на ребенка: одни дѣти умѣютъ смѣяться въ совершенствѣ хорошо — оттого-то они и обольстительны. Плачущій ребенокъ для меня отвратителенъ, а смѣющійся и веселящійся, это—лучъ изъ рая, это—откровеніе изъ будущаго, когда человѣкъ станетъ, наконецъ, такъ-же чистъ и простодушенъ, какъ дитя. И вотъ что-то дѣтское и до невѣроятности привлекательное мелькнуло и въ мимолетномъ смѣхѣ этого старика. Я тотчасъ-же подошелъ къ нему.

III.

— Садись, присядь, ноги-то, небось, не стоятъ еще, привѣтливо пригласилъ онъ меня, указавъ мнѣ на мѣсто подлѣ себя и все продолжая смотрѣть мнѣ въ лицо тѣмъ-же лучистымъ взглядомъ. Я сѣлъ подлѣ него и сказалъ:

— Я васъ знаю, вы — Макаръ Ивановичъ.

— Такъ, голубчикъ. Вотъ и прекрасно, что всталъ. Ты — юноша, прекрасно тебѣ. Старцу къ могилѣ, а юношѣ жить.

— А вы больны?

— Боленъ, другъ, ногами пуще; до порога еще донесли ноженьки, а какъ вотъ тутъ сѣлъ и распухли. Это у меня съ прошлаго самаго четверга, какъ стали градусы (NB то есть сталъ морозъ). Мазалъ я ихъ доселѣ мазью, видишь: третьяго года мнѣ Лихтенъ, докторъ, Едмундъ Карлычъ, въ Москвѣ прописалъ, и помогала мазь, ухъ помогала; ну, а вотъ теперь помогать перестала. Да и грудь тоже заложило. А вотъ со вчерашняго и спина, ажно собаки ѣдятъ... По ночамъ-то и не сплю.

— Какъ это васъ здѣсь совсѣмъ не слышно? перебилъ я. Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ-бы что-то соображая.

— Только ты мать не буди, прибавилъ онъ, какъ-бы вдругъ что-то припомнивъ.— Она тутъ всю ночь подлѣ суетилась, да не слышно такъ, словно муха; а теперь, я знаю, прилегла. Охъ, худо больному старцу, вздохнулъ онъ;—за что, кажись, только душа зацѣпилась, а все держится, а все свѣту рада; и, кажись, если-бъ всю-то жизнь опять съизнова начинать, и того-бы, пожалуй, не убоялась душа; хотя, можетъ, и грѣховна такая мысль.

— Почему грѣховна?

— Мечта она, эта мысль, а старцу надо отходить благолѣпно. Опять, оно если съ ропотомъ, али съ недовольствомъ встрѣчаешь смерть, то сіе есть великій грѣхъ. Ну, а если отъ веселія духовнаго жизнь

возлюбилъ, то, полагаю, и Богъ проститъ, хоша-бы и старцу. Трудно человѣку знать про всякій грѣхъ, что̀ грѣшно, а что̀ нѣтъ: тайна тутъ, превосходящая умъ человѣческій. Старецъ-же долженъ быть доволенъ во всякое время, а умирать долженъ въ полномъ цвѣтѣ ума своего, блаженно и благолѣпно, насытившись днями, воздыхая на послѣдній часъ свой и радуясь, отходя какъ колосъ къ снопу и восполнивши тайну свою.

— Вы все говорите «тайну»; что такое «восполнивши тайну свою?» спросилъ я и оглянулся на дверь. Я радъ былъ, что мы одни и что кругомъ стояла невозмутимая тишина. Солнце ярко свѣтило въ окно передъ закатомъ. Онъ говорилъ нѣсколько высокопарно и неточно, но очень искренно и съ какимъ-то сильнымъ возбужденіемъ, точно и въ самомъ дѣлѣ былъ такъ радъ моему приходу. Но я замѣтилъ въ немъ несомнѣнно лихорадочное состояніе и даже сильное. Я тоже былъ больной, тоже въ лихорадкѣ, съ той минуты, какъ вошелъ къ нему.

— Тайна что̀? Все есть тайна, другъ, во всемъ тайна Божія. Въ каждомъ деревѣ, въ каждой былинкѣ эта самая тайна заключена. Птичка-ли малая поетъ, али звѣзды всѣмъ сонмомъ на небѣ блещутъ въ ночи — все одна эта тайна, одинаковая. А всѣхъ бо̀льшая тайна — въ томъ, что̀ душу человѣка на томъ свѣтѣ ожидаетъ. Вотъ такъ-то, другъ!

— Я не знаю, въ какомъ вы смыслѣ... Я, конечно, не для того, чтобъ васъ дразнить, и повѣрьте, что въ Бога вѣрую; но всѣ эти тайны давно открыты умомъ, а что еще не открыто, то будетъ открыто все, совершенно навѣрно и, можетъ быть, въ самый короткій срокъ. Ботаника совершенно знаетъ, какъ ростетъ дерево, физіологъ и анатомъ знаютъ даже, почему поетъ птица или скоро узнаютъ, а что до звѣздъ, то онѣ не только всѣ сосчитаны, но всякое движеніе ихъ вычислено съ самою минутною точностью, такъ что можно предсказать, даже за тысячу лѣтъ впередъ, минута въ минуту, появленіе какой нибудь кометы... а теперь такъ даже и составъ отдаленнѣйшихъ звѣздъ сталъ извѣстенъ. Вы возьмите микроскопъ, это — такое стекло увеличительное, что увеличиваетъ предметы въ милліонъ разъ — и разсмотрите въ него каплю воды, и вы увидите тамъ цѣлый новый міръ, цѣлую жизнь живыхъ существъ, а, между тѣмъ, это тоже была тайна, а вотъ открыли-же.

— Слышалъ я про это, голубчикъ, неоднократно слышалъ отъ людей. Что̀ говорить, дѣло великое и славное; все предано человѣку волею Божіею; не даромъ Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни: «Живи и познай».

— Ну, это — общія мѣста. Однако, вы — не врагъ науки, не клерикалъ? То есть, я не знаю, поймете-ли вы...

— Нѣтъ, голубчикъ, съ измлада науку почиталъ, и хоть самъ не смысленъ, но на то не ропщу: не мнѣ, такъ другому досталось. Оно тѣмъ, можетъ, и лучше, потому что всякому свое. Потому, другъ милый, что не всякому и наука въ прокъ. Всѣ-то невоздержаны, всякій-то хочетъ всю вселенну удивить, а я-то, можетъ, и пуще всѣхъ, коли-бъ былъ искусенъ. А будучи теперь весьма не искусенъ, какъ могу превозноситься, когда самъ ничего не знаю? Ты-же младъ и востеръ, и таковъ удѣлъ тебѣ вышелъ, ты и учись. Все познай, чтобы, когда повстрѣчаешь безбожника, али озорника, чтобъ ты могъ передъ нимъ отвѣтить, а онъ, чтобъ тебя неистовыми словесами не забросалъ и мысли твои незрѣлыя чтобы не смутилъ. А стекло это я еще и не такъ давно видѣлъ.

Онъ перевелъ духъ и вздохнулъ. Рѣшительно я доставилъ ему чрезвычайное удовольствіе моимъ приходомъ. Жажда сообщительности была болѣзненная. Кромѣ того, я рѣшительно не ошибусь, утверждая, что онъ смотрѣлъ на меня минутами съ какою-то необыкновенною даже любовью: онъ ласкательно клалъ ладонь на мою руку, гладилъ меня по плечу... ну, а минутами, надо признаться, совсѣмъ какъ-бы забывалъ обо мнѣ, точно одинъ сидѣлъ, и хотя съ жаромъ продолжалъ говорить, но какъ-бы куда-то на воздухъ.

— Есть, другъ, продолжалъ онъ: — въ Геннадіевой Пустыни одинъ великаго ума человѣкъ. Роду онъ благороднаго и чиномъ

подполковникъ, и великое богатство имѣетъ. Въ мірѣ живши, обязаться бракомъ не захотѣлъ; заключился-же отъ свѣту вотъ уже десятый годъ, возлюбивъ тихія и безмолвныя пристанища и чувства свои отъ мірскихъ суетъ успокоивъ. Соблюдаетъ весь уставъ монастырскій, а постричься не хочетъ. И книгъ, другъ мой, у него столько, что я и не видывалъ еще столько ни у кого,— самъ говорилъ мнѣ, что на восемь тысячъ рублей. Петромъ Валерьянычемъ звать. Много онъ меня въ разное время поучалъ, а любилъ я его слушать чрезмѣрно. Говорю это я ему разъ: «Какъ это вы, сударь, да при такомъ великомъ вашемъ умѣ, и проживая вотъ уже десять лѣтъ въ монастырскомъ послушаніи и въ совершенномъ отсѣченіи воли своей,—какъ это вы честнаго постриженія не примете, чтобъ ужь быть еще совершеннѣе?» А онъ мнѣ на то:—«Что̀ ты, старикъ, объ умѣ моемъ говоришь; а, можетъ, умъ мой меня-же заполонилъ, а не я его остепенилъ. И что о послушаніи моемъ разсуждаешь: можетъ, я давно уже мѣру себѣ потерялъ. И что объ отсѣченіи воли моей толкуешь? Я вотъ денегъ моихъ сей-же часъ рѣшусь, и чины отдамъ, и кавалерію всю сей-же часъ на столъ сложу, а отъ трубки табаку, вотъ уже десятый годъ бьюсь, отстать не могу. Какой-же я послѣ этого инокъ, и какое-же отсѣченіе воли во мнѣ прославляешь?» И удивился я тогда смиренію сему. Ну, такъ вотъ прошлаго лѣта, въ Петровки, зашелъ я опять въ ту пустынь,—привелъ Господь,— и вижу въ келіи его стоитъ эта самая вещь — микроскопъ,— за большія деньги изъ-за границы выписалъ. «Постой, говоритъ, старикъ, покажу я тебѣ дѣло удивительное, потому ты сего еще никогда не видывалъ. Видишь каплю воды, какъ слеза чиста: ну, такъ посмотри, что въ ней есть, и увидишь, что механики скоро всѣ тайны Божіи розыщутъ, ни одной намъ съ тобой не оставятъ — такъ и сказалъ это, запомнилъ я. А я въ этотъ микроскопъ еще тридцать пять лѣтъ передъ тѣмъ смотрѣлъ у Александра Владиміровича Малгасова, господина нашего, дядюшки Андрея Петровичева по матери, отъ котораго вотчина и отошла потомъ, по смерти его, къ Андрею Петровичу. Баринъ былъ важный, большой генералъ, и большую псовую охоту содержалъ, и я многіе годы при немъ выжилъ тогда въ ловчихъ. Вотъ тогда и поставилъ онъ тоже этотъ микроскопъ, тоже привезъ съ собой, и повелѣлъ всей дворнѣ одному за другимъ подходить, какъ мужскому, такъ и женскому полу, и смотрѣть, и тоже показывали блоху и вошь, и конецъ иголки, и волосокъ, и каплю воды. И ужь потѣха была: подходить боятся, да и барина боятся — вспыльчивъ былъ. Одни такъ и смотрѣть-то не умѣютъ, щурятъ глазъ, а ничего не видятъ; другіе страшатся и кричатъ, а староста Савинъ Макаровъ глаза обѣими руками закрылъ, да и кричитъ: «что хошь со мной дѣлайте — нейду!» Пустаго смѣху тутъ много вышло. Петру Валерьянычу я, однако, не признался, что еще допрежъ сего, слишкомъ тридцать пять лѣтъ тому, это самое чудо видѣлъ, потому вижу отъ великаго удовольствія показываетъ человѣкъ, и сталъ я, напротивъ, дивиться и ужасаться. Далъ онъ мнѣ срокъ и спрашиваетъ: «Ну, что, старикъ, теперь скажешь?» А я воскликнулся и говорю ему: «Рече Господь: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ, а онъ вдругъ мнѣ на то: «А не бысть-ли тьма?» И такъ странно сказалъ сіе, даже не усмѣхнулся. Удивился я на него тогда, а онъ словно даже осердился, примолкъ.

— Просто-за-просто, вашъ Петръ Валерьянычъ въ монастырѣ ѣстъ кутью и кладетъ поклоны, а въ Бога не вѣруетъ, и вы подъ такую минуту попали — вотъ и все, сказалъ я: — и, сверхъ того, человѣкъ довольно смѣшной: вѣдь, ужь навѣрно онъ разъ десять прежде того микроскопъ видѣлъ, что-жь онъ такъ съ ума сошелъ въ одиннадцатый-то разъ? Впечатлительность какая-то нервная... въ монастырѣ выработалъ.

— Человѣкъ чистый и ума высокаго, внушительно произнесъ старикъ, — и не безбожникъ онъ. Въ ёмъ ума гущина, а сердце неспокойное. Таковыхъ людей очень много теперь пошло изъ господскаго и изъ ученаго званія. И вотъ что̀ еще скажу, самъ казнитъ себя человѣкъ. А ты ихъ обходи и имъ не досаждай, а передъ ночнымъ сномъ

ихъ поминай на молитвѣ, ибо таковые Бога ищутъ. Ты молишься-ли передъ сномъ-то?

— Нѣтъ, считаю это пустою обрядностью. Я долженъ вамъ, впрочемъ, признаться, что мнѣ вашъ Петръ Валерьянычъ нравится: не сѣно, по крайней мѣрѣ, а все-же человѣкъ, нѣсколько похожій на одного близкаго намъ обоимъ человѣчка, котораго мы оба знаемъ.

Старикъ обратилъ вниманіе лишь на первую фразу моего отвѣта:

— Напрасно, другъ, не молишься; хорошо оно, сердцу весело, и предъ сномъ, и возставъ отъ сна, и пробудясь въ ночи. Это я тебѣ скажу. Лѣтомъ-же, въ іюлѣ мѣсяцѣ, поспѣшали мы въ Богородскій монастырь къ празднику. Чѣмъ ближе подходили къ мѣсту, тѣмъ пуще приставалъ народъ, и сошлось, наконецъ, насъ чуть не два ста человѣкъ, все спѣшившихъ лобызать святыя и цѣлокупныя мощи великихъ обоихъ чудотворцевъ Аникія и Григорія. Заночевали, брате, мы въ полѣ, и проснулся я за утра рано, еще всѣ спали и даже солнышко изъ-за лѣса не выглянуло. Восклонился я, милый, главой, обвелъ кругомъ взоръ и вздохнулъ! Красота вездѣ неизрѣченная! Тихо все, воздухъ легкій; травка ростетъ — рости травка Божія, птичка поетъ — пой птичка Божія, ребеночекъ у женщины на рукахъ пискнулъ — Господь съ тобой, маленькій человѣчекъ, рости на счастье, младенчикъ! И вотъ точно я въ первый разъ тогда, въ самой жизни моей, все сіе въ себѣ заключилъ... Склонился я опять, заснулъ таково легко. Хорошо на свѣтѣ, милый! Я вотъ, кабы полегчало, опять-бы по веснѣ пошелъ. А что тайна, то оно тѣмъ даже и лучше: страшно оно сердцу и дивно; и страхъ сей къ веселію сердца: «Все въ тебѣ, Господи, и я самъ въ Тебѣ, и пріими меня!» Не ропщи, вьюношъ: тѣмъ еще прекраснѣй оно, что тайна, прибавилъ онъ умиленно.

— «Тѣмъ даже прекраснѣй оно, что тайна»... Это я запомню, эти слова. Вы ужасно неточно выражаетесь, но я понимаю... Меня поражаетъ, что вы гораздо болѣе знаете и понимаете чѣмъ можете выразить; только вы какъ будто въ бреду... вырвалось у меня, смотря на его лихорадочные глаза и на поблѣднѣвшее лицо. Но онъ, кажется, и не слышалъ моихъ словъ.

— Знаешь-ли ты, милый вьюношъ, началъ онъ опять, какъ-бы продолжая прежнюю рѣчь: — знаешь-ли ты, что есть предѣлъ памяти человѣка на сей землѣ? Предѣлъ памяти человѣку положенъ лишь во сто лѣтъ. Сто лѣтъ по смерти его еще могутъ запомнить дѣти его, али внуки его, еще видѣвшіе лицо его, а затѣмъ хоть и можетъ продолжаться память его, но лишь устная, мысленная, ибо прейдутъ всѣ видѣвшіе живой ликъ его. И заростетъ его могилка на кладбищѣ травкой, облупится на ней бѣлъ-камушекъ и забудутъ его всѣ люди и самое потомство его, забудутъ потомъ самое имя его, ибо лишь немногіе въ памяти людей остаются — ну и пусть! И пусть забудутъ, милые, а я васъ и изъ могилки люблю. Слышу, дѣточки, голоса ваши веселые, слышу шаги ваши на родныхъ отчихъ могилкахъ въ родительскій день; живите пока на солнышкѣ, радуйтесь, а я за васъ Бога помолю, въ сонномъ видѣніи къ вамъ сойду... все равно — и по смерти любовь!..

Главное, я самъ былъ въ такой-же, какъ и онъ, лихорадкѣ; вмѣсто того, чтобъ уйдти или уговорить его успокоиться, а, можетъ, и положить его на кровать, потому что онъ былъ совсѣмъ какъ въ бреду, я вдругъ схватилъ его за руку и, нагнувшись къ нему и сжимая его руку, проговорилъ взволнованнымъ шепотомъ и со слезами въ душѣ:

— Я вамъ радъ. Я, можетъ быть, васъ давно ожидалъ. Я ихъ никого не люблю: у нихъ нѣтъ благообразія... Я за ними не пойду, я не знаю, куда я пойду, я съ вами пойду...

Но, къ счастію, вдругъ вошла мама, а то-бы я не знаю чѣмъ кончилъ. Она вошла съ только что проснувшимся и встревоженнымъ лицомъ; въ рукахъ у ней была стклянка и столовая ложка; увидя насъ, она воскликнула:

— Такъ и знала! Хинное-то лекарство и опоздала дать во-время, весь въ лихорадкѣ! Проспала я, Макаръ Ивановичъ, голубчикъ!

Я всталъ и вышелъ. Она всетаки дала ему лекарство и уложила въ постель. Я то-

же улегся въ свою, но въ большомъ волненіи. Я воротился съ великимъ любопытствомъ и изо всѣхъ силъ думалъ объ этой встрѣчѣ. Чего я тогда ждалъ отъ нея — не знаю. Конечно, я разсуждалъ безсвязно, и въ умѣ моемъ мелькали не мысли, а лишь обрывки мыслей. Я лежалъ лицомъ къ стѣнѣ и вдругъ въ углу увидѣлъ яркое свѣтлое пятно, которое я съ такимъ проклятіемъ ожидалъ давеча, и вотъ, помню, вся душа моя какъ-бы взыграла и какъ-бы новый свѣтъ проникъ въ мое сердце. Помню эту сладкую минуту и не хочу забыть. Это былъ лишь мигъ новой надежды и новой силы... Я тогда выздоравливалъ, а, стало быть, такіе порывы могли быть неминуемымъ слѣдствіемъ состоянія моихъ нервовъ; но въ ту самую свѣтлую надежду я вѣрю и теперь, — вотъ что я хотѣлъ теперь записать и припомнить. Конечно, я и тогда твердо зналъ, что не пойду странствовать съ Макаромъ Ивановичемъ и что самъ не знаю, въ чемъ состояло это новое стремленіе, меня захватившее, но одно слово я уже произнесъ, хотя и въ бреду: «Въ нихъ нѣтъ благообразія!» «Конечно, думалъ я въ изступленіи, съ этой минуты, я ищу «благообразія», а у нихъ его нѣтъ, и за то я оставлю ихъ».

Что-то зашелестило сзади меня, я обернулся: стояла мама, склонясь надо мной и съ робкимъ любопытствомъ заглядывая мнѣ въ глаза. Я вдругъ взялъ ее за руку:

— А что-же вы, мама, мнѣ про нашего дорогаго гостя ничего не сказали? спросилъ я вдругъ, самъ почти не ожидая, что такъ скажу. Все безпокойство разомъ исчезло съ лица ея и на немъ вспыхнула какъ-бы радость, но она мнѣ ничего не отвѣтила, кромѣ одного только слова:

— Лизу тоже не забудь, Лизу; ты Лизу забылъ.

Она выговорила это скороговоркой, покраснѣвъ, и хотѣла было поскорѣе уйдти, потому что тоже страхъ какъ не любила размазывать чувства, и на этотъ счетъ была вся въ меня, то есть застѣнчива и цѣломудренна; къ тому-же, разумѣется, не хотѣла-бы начинать со мной на тему о Макарѣ Ивановичѣ; довольно было и того, что мы могли сказать, обмѣнявшись взглядами. Но я, именно ненавидѣвшій всякую размазню чувствъ, я-то и остановилъ ее насильно за руку: я сладко глядѣлъ ей въ глаза, тихо и нѣжно смѣялся, а другой ладонью гладилъ ея милое лицо, ея впалыя щеки. Она пригнулась и прижалась своимъ лбомъ къ моему:

— Ну, Христосъ съ тобой, сказала она вдругъ, восклонившись и вся сіяя: — выздоравливай. Зачту это тебѣ. Боленъ онъ, очень боленъ. Въ жизни воленъ Богъ... Ахъ, что это я сказала, да быть-же того не можетъ!..

Она ушла. Очень ужь почитала она всю жизнь свою, во страхѣ и трепетѣ, и благоговѣніи, законнаго мужа своего и странника Макара Ивановича, великодушно и разъ навсегда ее простившаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

А Лизу я не «забылъ», мама ошиблась. Чуткая мать видѣла, что между братомъ и сестрой какъ-бы охлажденіе, но дѣло было не въ нелюбви, а скорѣе въ ревности. Объясню, въ виду дальнѣйшаго, въ двухъ словахъ.

Въ бѣдной Лизѣ, съ самаго ареста князя, явилась какая-то заносчивая гордость, какое-то недоступное высокомѣріе, почти нестерпимое; но всякій въ домѣ понялъ истину и то, какъ она страдала, а если дулся и хмурился въ началѣ я на ея манеру съ нами, то единственно по моей мелочной раздражительности, въ десять разъ усиленной болѣзнію,—вотъ какъ я думаю объ этомъ теперь. Любить-же Лизу я не переставалъ вовсе, а, напротивъ, любилъ еще болѣе, только не хотѣлъ подходить первый, понимая, впрочемъ, что и сама она не подойдетъ первая ни за что.

Дѣло въ томъ, что, какъ только обнаружилось все о князѣ, тотчасъ послѣ его ареста, то Лиза первымъ дѣломъ поспѣшила стать въ такое положеніе относительно насъ и всѣхъ, кого угодно, что какъ будто и мысли не хотѣла допустить, что ее можно сожалѣть или въ чемъ нибудь утѣ-

шать, а князя оправдывать. Напротивъ,— стараясь нисколько не объясняться и ни съ кѣмъ не спорить, — она какъ будто безпрерывно гордилась поступкомъ своего несчастнаго жениха, какъ высшимъ геройствомъ. Она какъ будто говорила всѣмъ намъ поминутно (повторяю: не произнося ни слова): «вѣдь вы никто такъ не сдѣлаете,— вѣдь вы не предадите себя изъ-за требованій чести и долга, вѣдь у васъ ни у кого нѣтъ такой чуткой и чистой совѣсти? А что до его поступковъ, то у кого нѣтъ дурныхъ поступковъ на душѣ? Только всѣ ихъ прячутъ, а этотъ человѣкъ пожелалъ скорѣе погубить себя, чѣмъ оставаться недостойнымъ въ собственныхъ глазахъ своихъ». Вотъ что выражалъ, повидимому, каждый жестъ ея. Не знаю, но я точно-бы такъ-же поступилъ на ея мѣстѣ. Не знаю тоже, тѣ-ли-же мысли были у нея на душѣ, то есть про себя; подозрѣваю, что нѣтъ. Другой, ясной половиной своего разсудка она непремѣнно должна была прозрѣвать всю ничтожность своего «героя», ибо кто-жь не согласится теперь, что этотъ несчастный и даже великодушный человѣкъ въ своемъ родѣ былъ въ тоже время въ высшей степени ничтожнымъ человѣкомъ? Даже самая эта заносчивость и какъ-бы накидчивость ея на всѣхъ насъ, эта безпрерывная подозрительность ея, что мы думаемъ объ немъ иначе — давала отчасти угадывать, что въ тайникахъ ея сердца могло сложиться и другое сужденіе о несчастномъ ея другѣ. Но спѣшу прибавить, однако-же, отъ себя, что на мой взглядъ она была хоть на половину да права; ей даже было простительнѣе всѣхъ насъ колебаться въ окончательномъ выводѣ. Я самъ признаюсь отъ всей души моей, что и до сихъ поръ, когда уже все прошло, совершенно не знаю, какъ и во что окончательно оцѣнить этого несчастнаго, задавшаго намъ всѣмъ такую задачу.

Тѣмъ не менѣе, въ домѣ отъ нея начался было чуть не маленькій адъ. Лиза, столь сильно любившая, должна была очень страдать. По характеру своему она предпочла страдать молча. Характеръ ея былъ похожъ на мой, то есть самовластный и гордый, и я всегда думалъ, и тогда, и теперь, что она полюбила князя изъ самовластія, именно за то, что въ немъ не было характера и что онъ вполнѣ, съ перваго слова и часа, подчинился ей. Это какъ-то само собою въ сердцѣ дѣлается, безъ всякаго предварительнаго разсчета; но такая любовь, сильная къ слабому, бываетъ иногда несравненно сильнѣе и мучительнѣе, чѣмъ любовь равныхъ характеровъ, потому что невольно берешь на себя отвѣтственность за своего слабаго друга. Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю. Всѣ наши, съ самаго начала, окружили ее самыми нѣжными заботами, особенно мама; но она не смягчилась, не откликнулась на участіе и какъ-бы отвергла всякую помощь. Съ мамой еще говорила вначалѣ, но съ каждымъ днемъ становилась скупѣе на слова, отрывистѣе и даже жестче. Съ Версиловымъ сначала совѣтовалась, но вскорѣ избрала въ совѣтники и помощники Васина, какъ съ удивленіемъ узналъ я послѣ... Она ходила къ Васину каждый день, ходила тоже по судамъ, по начальству князя, ходила къ адвокатамъ, къ прокурору; подъ конецъ ее почти совсѣмъ не бывало по цѣлымъ днямъ дома. Разумѣется, каждый день, раза по два, посѣщала и князя, который былъ заключенъ въ тюрьмѣ, въ дворянскомъ отдѣленіи, но свиданія эти, какъ я вполнѣ убѣдился впослѣдствіи, бывали очень для Лизы тягостны. Разумѣется, кто-жь третій можетъ вполнѣ узнать дѣла двухъ любящихся? Но мнѣ извѣстно, что князь глубоко оскорблялъ ее поминутно и чѣмъ, напримѣръ? Странное дѣло: безпрерывною ревностью. Впрочемъ, объ этомъ впослѣдствіи; но прибавлю къ этому одну мысль: трудно рѣшить, кто изъ нихъ кого мучилъ болѣе? Гордившаяся между нами своимъ героемъ, Лиза относилась, можетъ быть, совершенно иначе къ нему глазъ на глазъ, какъ я подозрѣваю твердо, по нѣкоторымъ даннымъ о которыхъ, впрочемъ, тоже впослѣдствіи.

И такъ, что до чувствъ и отношеній моихъ къ Лизѣ, то все, что было наружу, была лишь напускная, ревнивая ложь съ обѣихъ сторонъ, но никогда мы оба не любили другъ друга сильнѣе, какъ въ то время. Прибавлю еще, что къ Макару Ивановичу,

съ самаго появленія его у насъ, Лиза, послѣ перваго удивленія и любопытства, стала почему-то относиться почти пренебрежительно, даже высокомѣрно. Она какъ-бы нарочно не обращала на него ни малѣйшаго вниманія.

Давъ себѣ слово «молчать», какъ объяснилъ я въ предъидущей главѣ я, конечно, въ теоріи, то есть въ мечтахъ моихъ, думалъ сдержать мое слово. О, съ Версиловымъ я, напримѣръ, скорѣе-бы заговорилъ о зоологіи или о римскихъ императорахъ, чѣмъ, напримѣръ, объ *ней* или объ той, напримѣръ, важнѣйшей строчкѣ въ письмѣ его къ ней, гдѣ онъ увѣдомлялъ ее, что «документъ не сожженъ, а живъ и явится», — строчкѣ, о которой я немедленно началъ про себя опять думать, только что успѣлъ опомниться и прійдти въ разсудокъ послѣ горячки. Но увы! Съ первыхъ шаговъ на практикѣ, и почти еще до шаговъ, я догадался, до какой степени трудно и невозможно удерживать себя въ подобныхъ предрѣшеніяхъ: на другой-же день послѣ перваго знакомства моего съ Макаромъ Ивановичемъ, я былъ страшно взволнованъ однимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ.

II.

Взволнованъ я былъ неожиданнымъ посѣщеніемъ Дарьи Онисимовны, матери покойной Оли. Отъ мамы я уже слышалъ, что она раза два заходила во время моей болѣзни и что очень интересовалась моимъ здоровьемъ. Для меня-ли собственно заходила эта «добрая женщина», какъ выражалась всегда о ней мама, или просто посѣщала маму, по заведенному прежде порядку,— я не спросилъ. Мама разсказывала мнѣ всегда обо всемъ домашнемъ, обыкновенно когда приходила съ супомъ кормить меня (когда я еще не могъ самъ ѣсть)— чтобы развлечь меня: я-же при этомъ упорно старался показать каждый разъ, что мало интересуюсь всѣми этими свѣдѣніями, а потому и про Дарью Онисимовну не разспросилъ подробнѣе, даже промолчалъ совсѣмъ.

Это было часовъ около одиннадцати; я только что хотѣлъ было встать съ кровати и перейдти въ кресло къ столу, какъ она вошла. Я нарочно остался въ постели. Мама чѣмъ-то очень была занята на верху и не сошла при ея приходѣ, такъ что мы вдругъ очутились съ нею наединѣ. Она усѣлась противъ меня, у стѣнки на стулѣ, улыбаясь и не говоря ни слова. Я предчувствовалъ молчанку; да и вообще приходъ ея произвелъ на меня самое раздражительное впечатлѣніе. Я даже не кивнулъ ей головой и прямо смотрѣлъ ей въ глаза; но она тоже прямо смотрѣла на меня.

— Вамъ теперь на квартирѣ, послѣ князя, одной-то скучно? спросилъ я вдругъ, потерявъ терпѣніе.

— Нѣтъ-съ, я теперь не на той квартирѣ. Я теперь черезъ Анну Андреевну за ребеночкомъ ихнимъ надзираю.

— За чьимъ ребеночкомъ?

— За Андреемъ Петровичевымъ, произнесла она конфиденціальнымъ шепотомъ, оглянувшись на дверь.

— Да вѣдь тамъ Татьяна Павловна...

— И Татьяна Павловна, и Анна Андреевна, онѣ обѣ-съ, и Лизавета Макаровна тоже, и маменька ваша... всѣ-съ. Всѣ принимаютъ участіе. Татьяна Павловна и Анна Андреевна въ большой теперь дружбѣ къ другъ дружкѣ-съ.

Новость. Она очень оживилась говоря. Я съ ненавистью глядѣлъ на нее.

— Вы очень оживились послѣ послѣдняго разу, какъ ко мнѣ приходили.

— Ахъ, да-съ.

— Потолстѣли, кажется?

Она поглядѣла странно:

— Я ихъ очень полюбила-съ, очень-съ.

— Кого это?

— Да Анну Андреевну. Очень-съ. Такая благородная дѣвица и при такомъ разсудкѣ...

— Вотъ какъ. Что-жь она, какъ теперь?

— Онѣ очень спокойны-съ, очень.

— Она и всегда была спокойна.

— Всегда-съ.

— Если вы съ сплетнями, вскричалъ я вдругъ, не вытерпѣвъ,— то знайте, что я ни во что̀ не мѣшаюсь, я рѣшился бросить... все, всѣхъ, мнѣ все равно,— я уйду!..

Я замолчалъ, потому что опомнился.

Мнѣ унизительно стало какъ-бы объяснять ей мои новыя цѣли. Она-же выслушала меня безъ удивленія и безъ волненія, но послѣдовалъ опять молчокъ. Вдругъ она встала, подошла къ дверямъ и выглянула въ сосѣднюю комнату. Убѣдившись, что тамъ нѣтъ никого и что мы одни, она преспокойно воротилась и сѣла на прежнее мѣсто.

— Это вы хорошо! засмѣялся я вдругъ.

— Вы вашу-то квартиру, у чиновниковъ, за собой оставите-съ? спросила она вдругъ, немного ко мнѣ нагнувшись и понизивъ голосъ, точно это былъ самый главный вопросъ, за которымъ она и пришла.

— Квартиру? Не знаю. Можетъ и съѣду... Почемъ я знаю.

— А хозяева такъ очень ждутъ васъ; чиновникъ тотъ въ большомъ нетерпѣніи и супруга его. Андрей Петровичъ удостовѣрилъ ихъ, что вы навѣрно воротитесь.

— Да вамъ зачѣмъ?

— Анна Андреевна тоже желала узнать; очень были довольны узнавши, что вы остаетесь.

— А она почему такъ навѣрно знаетъ, что я на той квартирѣ непремѣнно останусь?

Я хотѣлъ было прибавить: «И зачѣмъ это ей?» — но удержался разспрашивать изъ гордости!

— Да и господинъ Ламбертъ тоже самое имъ подтвердили.

— Что-о-о?

— Господинъ Ламбертъ-съ. Они Андрею Петровичу тоже изо всѣхъ силъ подтверждали, что вы останетесь, и Анну Андреевну въ томъ удостовѣрили.

Меня какъ-бы всего сотрясло. Что̀ за чудеса! Такъ Ламбертъ уже знаетъ Версилова, Ламбертъ проникъ до Версилова,— Ламбертъ и Анна Андреевна,— онъ проникъ и до нея! Жаръ охватилъ меня, но я промолчалъ. Страшный приливъ гордости залилъ всю мою душу,—гордости или не знаю чего. Но я какъ-бы сказалъ себѣ вдругъ въ ту минуту: «Если спрошу хоть одно слово въ объясненіе, то опять ввяжусь въ этотъ міръ и никогда не порѣшу съ нимъ». Ненависть загорѣлась въ моемъ сердцѣ. Я изо всѣхъ силъ рѣшился молчать и лежалъ неподвижно; она тоже примолкла на цѣлую минуту.

— Что̀ князь Николай Ивановичъ? спросилъ я вдругъ, какъ-бы потерявъ разсудокъ. Дѣло въ томъ, что я спросилъ рѣшительно, чтобы перебить тему, и вновь, нечаянно, сдѣлалъ самый капитальный вопросъ, самъ какъ съумасшедшій возвращаясь опять въ тотъ міръ, изъ котораго съ такою судорогой только что рѣшился бѣжать.

— Они въ Царскомъ Селѣ-съ. Захворали немного, а въ городѣ эти теперешнія горячки пошли; всѣ и посовѣтовали имъ переѣхать въ Царское, въ собственный ихній тамошній домъ, для хорошаго воздуху-съ.

Я не отвѣтилъ.

— Анна Андреевна и генеральша ихъ каждые три дня навѣщаютъ, вмѣстѣ и ѣздятъ-съ.

Анна Андреевна и генеральша (то есть *она*) — пріятельницы! Вмѣстѣ ѣздятъ! Я молчалъ.

— Такъ дружны они обѣ стали-съ, и Анна Андреевна о Катеринѣ Николаевнѣ до того хорошо отзываются...

Я все молчалъ.

— А Катерина Николаевна опять въ свѣтъ «ударилась», праздникъ за праздникомъ, совсѣмъ блистаетъ; говорятъ, всѣ даже придворные влюблены въ нее... а съ господиномъ Бьорингомъ все совсѣмъ оставили, и не бывать свадьбѣ; всѣ про то утверждаютъ... съ того самаго будто-бы разу.

То есть съ письма Версилова. Я весь задрожалъ, но не проговорилъ ни слова.

— Анна Андреевна ужь такъ сожалѣютъ про князя Сергѣя Петровича, и Катерина Николаевна тоже-съ, и всѣ про него говорятъ, что его оправдаютъ, а того, Стебелькова, осудятъ...

Я ненавистно поглядѣлъ на нее. Она встала и вдругъ нагнулась ко мнѣ:

— Анна Андреевна особенно приказала узнать про ваше здоровье, проговорила она совсѣмъ шепотомъ:—и очень приказали просить побывать къ ней, только что вы выходить начнете. Прощайте-съ. Выздоравливайте-съ, а я такъ и скажу...

Она ушла. Я присѣлъ на кровати, холод-

ный потъ выступилъ у меня на лбу, но я чувствовалъ не испугъ: непостижимое для меня и безобразное извѣстіе о Ламбертѣ и его происках вовсе, напримѣръ, не наполнило меня ужасомъ, судя по страху, можетъ быть, безотчетному, съ которымъ я вспоминалъ и въ болѣзни, и въ первые дни выздоровленія, о моей съ нимъ встрѣчѣ въ тогдашнюю ночь. Напротивъ, въ то смутное первое мгновеніе на кровати, сейчасъ по уходѣ Дарьи Онисимовны, я даже и не останавливался на Ламбертѣ, но... меня захватила пуще всего вѣсть о *ней*, о разрывѣ ея съ Бьорингомъ, и о счастьѣ ея въ свѣтѣ, о праздникахъ, объ успѣхѣ, «о блескѣ». «Блестятъ-съ», слышалось мнѣ словцо Дарьи Онисимовны. И я вдругъ почувствовалъ, что не могъ съ моими силами отбиться отъ этого круговорота; вотъ и я съумѣлъ скрѣпиться, молчать и не разспрашивать Дарью Онисимовну послѣ ея чудныхъ разсказовъ! Непомѣрная жажда этой жизни, *ихъ* жизнь захватила весь мой духъ и... и еще какая-то другая сладостная жажда, которую я ощущалъ до счастья и до мучительной боли. Мысли-же мои какъ-то вертѣлись; но я давалъ имъ вертѣться. «Что тутъ разсуждать!» чувствовалось мнѣ. «Однако, даже мама смолчала мнѣ, что Ламбертъ приходилъ», думалъ я безсвязными отрывками, «это Версиловъ велѣлъ молчать... Умру а не спрошу Версилова о Ламбертѣ!» — «Версиловъ», мелькало у меня опять, «Версиловъ и Ламбертъ, о сколько у нихъ новаго! Молодецъ Версиловъ! Напугалъ нѣмца-Бьоринга тѣмъ письмомъ; онъ оклеветалъ ее, la calomnie... il en reste toujours quelque chose, и придворный нѣмецъ испугался скандала — ха-ха, вотъ ей и урокъ!» — «Ламбертъ... ужь не проникъли и къ ней Ламбертъ? Еще-бы! Отчего-жь ей и съ нимъ не «связаться?»

Тутъ вдругъ я бросилъ думать всю эту безсмыслицу и въ отчаяніи упалъ головой на подушку. «Да не будетъ-же!» воскликнулъ я съ внезапною рѣшимостью, вскочилъ съ постели, надѣлъ туфли, халатъ и прямо отправился въ комнату Макара Ивановича, точно тамъ былъ отводъ всѣмъ навожденіямъ, спасеніе, якорь, на которомъ я удержусь.

Въ самомъ дѣлѣ, могло быть, что я эту мысль тогда почувствовалъ всѣми силами моей души; для чего-же иначе было мнѣ тогда такъ неудержимо и вдругъ вскочить съ мѣста и въ такомъ нравственномъ состояніи кинуться къ Макару Ивановичу?

III.

Но у Макара Ивановича я, совсѣмъ не ожидая того, засталъ людей,—маму и доктора. Такъ какъ я почему-то непремѣнно представилъ себѣ идя, что застану старика одного, какъ и вчера, то и остановился на порогѣ въ тупомъ недоумѣніи. Но не успѣлъ я нахмуриться, какъ тотчасъ-же подошелъ и Версиловъ, а за нимъ вдругъ и Лиза... Всѣ, значитъ, собирались зачѣмъ-то у Макара Ивановича и «какъ разъ когда не надо!»

— О здоровьи вашемъ пришелъ узнать, проговорилъ я, прямо подходя къ Макару Ивановичу:

— Спасибо, милый, ждалъ тебя: зналъ, что придешь! Ночкой-то о тебѣ думалъ.

Онъ ласково смотрѣлъ мнѣ въ глаза, и мнѣ видимо было, что онъ меня чуть не лучше всѣхъ любитъ, но я мигомъ и невольно замѣтилъ, что лицо его хоть и было веселое, но что болѣзнь сдѣлала таки въ ночь успѣхи. Докторъ передъ тѣмъ только что весьма серіозно осмотрѣлъ его. Я узналъ потомъ, что этотъ докторъ (вотъ тотъ самый молодой человѣкъ, съ которымъ я поссорился и который съ самаго прибытія Макара Ивановича лечилъ его) весьма внимательно относился къ паціенту и,—не умѣю я только говорить ихъ медицинскимъ языкомъ, — предполагалъ въ немъ цѣлое осложненіе разныхъ болѣзней. Макаръ Ивановичъ, какъ я съ перваго взгляда замѣтилъ, состоялъ уже съ нимъ въ тѣснѣйшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ; мнѣ это въ тотъ-же мигъ не понравилось; а впрочемъ, и я, конечно, былъ очень скверенъ въ ту минуту.

— Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Семеновичъ, какъ сегодня нашъ дорогой больной? освѣдомился Версиловъ. Если-бъ я не былъ такъ потрясенъ, то мнѣ первымъ дѣ-

ломъ было-бы ужасно любопытно прослѣдить и за отношеніемъ Версилова къ этому старику, о чемъ я уже вчера думалъ. Меня всего болѣе поразило теперь чрезвычайно мягкое и пріятное выраженіе въ лицѣ Версилова; въ немъ было что-то совершенно искреннее. Я какъ-то ужь замѣтилъ, кажется, что у Версилова лицо становилось удивительно прекраснымъ, когда онъ чуть-чуть только становился простодушнымъ.

— Да вотъ мы все ссоримся, отвѣтилъ докторъ.

— Съ Макаромъ-то Ивановичемъ? Не повѣрю: съ нимъ нельзя ссориться.

— Да не слушается: по ночамъ не спитъ...

— Да перестань ужь ты, Александръ Семеновичъ, полно браниться, разсмѣялся Макаръ Ивановичъ. Ну, что, батюшка, Андрей Петровичъ, какъ съ нашей барышней поступили? Вотъ она цѣлое утро клокчетъ, безпокоится, прибавилъ онъ, показывая на маму.

— Ахъ, Андрей Петровичъ, воскликнула дѣйствительно съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ мама,—разскажи ужь поскорѣй, не томи: чѣмъ ее бѣдную порѣшили?

— Осудили нашу барышню!

— Ахъ! вскрикнула мама.

— Да не въ Сибирь, успокойся — къ пятнадцати рублямъ штрафу всего; комедія вышла!

Онъ сѣлъ, сѣлъ и докторъ. Это они говорили про Татьяну Павловну, и я еще совсѣмъ не зналъ ничего объ этой исторіи. Я сидѣлъ налѣво отъ Макара Ивановича, а Лиза усѣлась напротивъ меня направо; у ней видимо было какое-то свое, особое, сегодняшнее горе, съ которымъ она и пришла къ мамѣ; выраженіе лица ея было безпокойное и раздраженное. Въ ту минуту мы какъ-то переглянулись, и я вдругъ подумалъ про себя: «Оба мы опозоренные, и мнѣ надо сдѣлать къ ней первый шагъ». Сердце мое вдругъ къ ней смягчилось. Версиловъ, между тѣмъ, началъ разсказывать объ утреннемъ приключеніи.

Дѣло въ томъ, что у Татьяны Павловны былъ въ то утро въ мировомъ судѣ процессъ съ ея кухаркою. Дѣло въ высшей степени пустое; я упоминалъ уже о томъ, что злобная чухонка иногда, озлясь, молчала даже по недѣлямъ, не отвѣчала ни слова своей барынѣ на ея вопросы: упоминалъ тоже и о слабости къ ней Татьяны Павловны, все отъ нея переносившей и ни за что не хотѣвшей прогнать ее разъ навсегда. Всѣ эти психологическіе капризы старыхъ дѣвъ и барынь на мои глаза въ высшей степени достойны презрѣнія, а отнюдь не вниманія, и если я рѣшаюсь упоминать здѣсь объ исторіи, то единственно потому, что этой кухаркѣ потомъ, въ дальнѣйшемъ теченіи моего разсказа, суждено съиграть нѣкоторую немалую и роковую роль. И вотъ, выйдя, наконецъ, изъ терпѣнія передъ упрямой чухонкой, не отвѣчавшей ей ничего уже нѣсколько дней, Татьяна Павловна вдругъ ее, наконецъ, ударила, чего прежде никогда не случалось. Чухонка и тутъ не произнесла даже ни малѣйшаго звука, но въ тотъ-же день вошла въ сообщеніе съ жившимъ по той-же черной лѣстницѣ, гдѣ-то въ углу внизу, отставнымъ мичманомъ Осетровымъ, занимавшимся хожденіемъ по разнаго рода дѣламъ и, разумѣется, возбужденіемъ подобнаго рода дѣлъ въ судахъ, изъ борьбы за существованіе. Кончилось тѣмъ, что Татьяну Павловну позвали къ мировому судьѣ, а Версилову пришлось почему-то показывать при разбирательствѣ дѣла въ качествѣ свидѣтеля.

Разсказалъ все это Версиловъ необыкновенно весело и шутливо, такъ что даже мама разсмѣялась; онъ представилъ въ лицахъ и Татьяну Павловну, и мичмана, и кухарку. Кухарка съ самаго начала объявила суду, что хочетъ штрафъ деньгами, «а то барыню какъ посадятъ, кому-жь я готовить-то буду?» На вопросы судьи Татьяна Павловна отвѣчала съ великимъ высокомѣріемъ, не удостоивая даже оправдываться; напротивъ, заключила словами: «Прибила и еще прибью», за что немедленно была оштрафована за дерзкіе отвѣты суду тремя рублями. Мичманъ, долговязый и худощавый молодой человѣкъ, началъ было длинную рѣчь въ защиту своей кліентки, но позорно сбился и насмѣшилъ всю залу. Разбирательство кончилось ско-

ро, и Татьяну Павловну присудили заплатить обиженной Марьѣ пятнадцать рублей. Та, не откладывая, тутъ-же вынула портмоне и стала отдавать деньги, причемъ тотчасъ подвернулся мичманъ и протянулъ было руку получить, но Татьяна Павловна почти ударомъ отбила его руку въ сторону и обратилась къ Марьѣ. «Полноте, барыня, стоитъ безпокоиться, припишите-съ къ счету, а я ужь съ этимъ сама расплачусь». — «Видишь, Марья, какого долговязаго взяла себѣ!» показала Татьяна Павловна на мичмана, страшно обрадовавшись, что Марья, наконецъ, заговорила. «А ужь и впрямь долговязый, барыня, лукаво отвѣтила Марья:—котлетки-то съ горошкомъ сегодня приказывали, давеча не дослышала, сюда торопилась?» — «Ахъ нѣтъ, съ капустой, Марья, да пожалуйста не сожги, какъ вчера». — «Да ужь постараюсь сегодня особо, сударыня; пожалуйте ручку-съ» — и поцѣловала въ знакъ примиренія барынѣ ручку. Однимъ словомъ, развеселила всю залу.

— Экая вѣдь какая! покачала головой мама, очень довольная и свѣдѣніемъ, и разсказомъ Андрея Петровича, но украдкой, съ безпокойствомъ поглядывая на Лизу.

— Характерная барышня съ измлада была, усмѣхнулся Макаръ Ивановичъ.

— Жолчь и праздность, отозвался докторъ.

— Это я-то характерная, это я-то жолчь и праздность? вошла вдругъ къ намъ Татьяна Павловна, повидимому, очень довольная собой:—ужь тебѣ-то, Александръ Семеновичъ, не говорить-бы вздору; еще десяти лѣтъ отъ роду былъ, меня зналъ, какова я праздная, а отъ жолчи самъ цѣлый годъ лечишь, вылечить не можешь, такъ это тебѣ-же въ стыдъ. Ну, довольно вамъ надо мной издѣваться; спасибо, Андрей Петровичъ, что потрудился въ судъ придти. Ну, что ты, Макарушка, тебя только и зашла провѣдать, не этого (она указала на меня, но тутъ-же дружелюбно ударила меня по плечу рукой; я никогда еще не видывалъ ее въ такомъ веселѣйшемъ расположеніи духа). — Ну, что? заключила она, вдругъ обратившись къ доктору и озабоченно нахмурившись.

— Да вотъ не хочетъ лечь въ постель, а такъ, сидя, только себя изнуряетъ.

— Да я только такъ посижу маненько, съ людьми-то, пробормоталъ Макаръ Ивановичъ съ просящимъ, какъ у ребенка, лицомъ.

— Да ужь любимъ мы это, любимъ; любимъ въ кружкѣ поболтать, когда около насъ соберутся; знаю Макарушку, сказала Татьяна Павловна.

— Да и прыткій, ухъ какой, улыбнулся опять старикъ, обращаясь къ доктору;—и въ рѣчь не даешься; ты погоди, дай сказать: лягу, голубчикъ, слышалъ, а по нашему это вотъ что: «Коли ляжешь, такъ, пожалуй, ужь и не встанешь»,—вотъ что, другъ, у меня за хребтомъ стоитъ.

— Ну да, такъ я и зналъ, народные предразсудки: «лягу, дескать, да, чего добраго, ужь и не встану»,—вотъ чего очень часто боятся въ народѣ и предпочитаютъ лучше проходить болѣзнь на ногахъ, чѣмъ лечь въ больницу. А васъ, Макаръ Ивановичъ, просто тоска беретъ, тоска по волюшкѣ, да по большой дорожкѣ — вотъ и вся болѣзнь; отвыкли по долгу на мѣстѣ жить. Вѣдь вы — такъ называемый странникъ? Ну, а бродяжество въ нашемъ народѣ почти обращается въ страсть. Это я не разъ замѣтилъ за народомъ. Нашъ народъ — бродяга по преимуществу.

— Такъ Макаръ — бродяга, по твоему? подхватила Татьяна Павловна.

— О, я не въ томъ смыслѣ; я употребилъ слово въ его общемъ смыслѣ. Ну, тамъ религіозный бродяга, ну, набожный, а все-таки бродяга. Въ хорошемъ, почтенномъ смыслѣ, но бродяга... Я съ медицинской точки...

— Увѣряю васъ, обратился я вдругъ къ доктору: — что бродяги — скорѣе мы съ вами, и всѣ, сколько здѣсь ни есть, а не этотъ старикъ, у котораго намъ съ вами еще поучиться, потому что у него есть твердое въ жизни, а у насъ, сколько насъ ни есть, ничего твердаго въ жизни... Впрочемъ, гдѣ вамъ это понять.

Я, видно, рѣзко проговорилъ, но я съ тѣмъ и пришелъ. Я собственно не знаю для чего продолжалъ сидѣть и былъ какъ въ безумiи.

— Ты чего? подозрительно глянула на меня Татьяна Павловна: — что, ты какъ его нашелъ, Макаръ Ивановичъ? указала она на меня пальцемъ.

— Благослови его Богъ, востеръ, проговорилъ старикъ съ серіознымъ видомъ,— но при словѣ «востеръ» почти всѣ разсмѣялись. Я кое-какъ скрѣпился; всѣхъ-же пуще смѣялся докторъ. Довольно худо было то, что я не зналъ тогда объ ихъ предварительномъ уговорѣ. Версиловъ, докторъ и Татьяна Павловна еще дня за три уговорились всѣми силами отвлекать маму отъ дурныхъ предчувствій и опасеній за Макара Ивановича, который былъ гораздо больнѣе и безнадежнѣе, чѣмъ я тогда подозрѣвалъ. Вотъ почему всѣ шутили и старались смѣяться. Только докторъ былъ глупъ и, естественно, не умѣлъ шутить: отъ того все потомъ и вышло. Если-бъ я тоже зналъ объ ихъ уговорѣ, то не надѣлалъ-бы того, что вышло. Лиза тоже ничего не знала.

Я сидѣлъ и слушалъ краемъ уха; они говорили и смѣялись, а у меня въ головѣ была Дарья Онисимовна съ ея извѣстіями, и я не могъ отъ нея отмахнуться; мнѣ все представлялось, какъ она сидитъ и смотритъ, осторожно встаетъ и заглядываетъ въ другую комнату. Наконецъ, они всѣ вдругъ разсмѣялись: Татьяна Павловна, совсѣмъ не знаю по какому поводу, вдругъ назвала доктора безбожникомъ: «Ну, ужь всѣ вы, докторишки — безбожники!..

— Макаръ Ивановичъ! вскричалъ докторъ, преглупо притворяясь, что обиженъ и ищетъ суда: — безбожникъ я или нѣтъ?

— Ты-то безбожникъ? Нѣтъ, ты — не безбожникъ, степенно отвѣчалъ старикъ, пристально посмотрѣвъ на него: — нѣтъ, слава Богу! покачалъ онъ головой: — ты — человѣкъ веселый.

— А кто веселый, тотъ ужь не безбожникъ? иронически замѣтилъ докторъ.

— Это въ своемъ родѣ — мысль, замѣтилъ Версиловъ, но совсѣмъ не смѣясь.

— Это сильная мысль! воскликнулъ я невольно, поразившись идеей. Докторъ-же оглядывался вопросительно.

— Ученыхъ людей этихъ, профессоровъ этихъ самыхъ (вѣроятно, передъ тѣмъ говорили что нибудь о профессорахъ), началъ Макаръ Ивановичъ, слегка потупившись: — я сначала, ухъ, боялся: не смѣлъ я предъ ними, ибо паче всего опасался безбожника. Душа во мнѣ, мыслю, едина; ежели ее погублю, то сыскать другой не могу; ну, а потомъ ободрился: «Что-же, думаю, не боги-же они, а такіе, какъ и мы, подобострастные намъ человѣки». Да и любопытство было большое: «Узнаю, что, молъ, есть такое безбожіе? Только, другъ, потомъ и самое любопытство это прошло.

Онъ примолкъ, но намѣреваясь продолжать все съ тою-же тихою и степенною улыбкой. Есть простодушіе, которое довѣряется всѣмъ и каждому, не подозрѣвая насмѣшки. Такіе люди всегда ограничены, ибо готовы выложить изъ сердца все самое драгоцѣнное предъ первымъ встрѣчнымъ. Но въ Макарѣ Ивановичѣ, мнѣ казалось, было что-то другое и что-то другое движетъ его говорить, а не одна только невинность простодушія: какъ-бы выглядывалъ пропагандистъ. Я съ удовольствіемъ поймалъ нѣкоторую, какъ-бы даже лукавую усмѣшку, обращенную имъ къ доктору, а, можетъ быть, и къ Версилову. Разговоръ, былъ, очевидно, продолженіемъ ихъ прежнихъ споровъ за недѣлю, но въ немъ, къ несчастью, проскочило опять то самое роковое словцо, которое такъ наэлектризовало меня вчера и свело меня на одну выходку, о которой я до сихъ поръ сожалѣю.

— Безбожника-человѣка, сосредоточенно продолжалъ старикъ: — я, можетъ, и теперь побоюсь; только вотъ что, другъ Александръ Семеновичъ: безбожника-то я совсѣмъ не стрѣчалъ ни разу, а стрѣчалъ замѣсто его суетливаго — вотъ какъ лучше объявить его надо. Всякіе это люди; не сообразишь какіе люди; и большіе и малые, и глупые и ученые, и даже изъ самаго простаго званія бываютъ, и все суета. Ибо читаютъ и толкуютъ весь свой вѣкъ, насытившись сладости книжной, а сами все въ недоумѣнія пребываютъ и ничего разрѣшить не могутъ. Иной весь раскидался, самого себя пересталъ замѣчать. Иной паче камене ожесточенъ, а въ сердцѣ его бродятъ мечты; а другой — безчувственъ и легкомысленъ и лишь-бы ему насмѣшку

свою отсмѣять. Иной изъ книгъ выбралъ одни лишь цвѣточки, да и то по своему мнѣнію; самъ-же суетливъ и въ немъ предрѣшенія нѣтъ. Вотъ что̀ скажу опять: скуки много. Малый человѣкъ и нуждается, хлѣбца нѣтъ, ребятокъ сохранить нечѣмъ, на вострой соломкѣ спитъ, а все въ немъ сердце веселое, легкое; и грѣшитъ, и грубитъ, а все сердце легкое. А большой человѣкъ опивается, объѣдается, на золотой кучѣ сидитъ, а все въ сердцѣ у него одна тоска. Иной всѣ науки прошелъ — и все тоска. И мыслю такъ, что чѣмъ больше ума прибываетъ, тѣмъ больше и скуки. Да и то взять: учатъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, а чему-же они научили доброму, чтобы міръ былъ самое прекрасное и веселое и всякой радости преисполненное жилище? И еще скажу: благообразія не имѣютъ, даже не хотятъ сего; всѣ погибли, только каждый хвалитъ свою погибель, а обратиться къ единой Истинѣ не помыслитъ; а жить безъ Бога — одна лишь мука. И выходитъ, что чѣмъ освѣщаемся, то̀ самое и проклинаемъ, а и сами того не вѣдаемъ. Да и что толку: невозможно и быть человѣку, чтобы не преклониться; не снесетъ себя такой человѣкъ, да и никакой человѣкъ. И Бога отвергнетъ, такъ идолу поклонится — деревянному, али златому, аль мысленному. Идолопоклонники это все, а не безбожники, вотъ какъ объявить ихъ слѣдуетъ.— Ну, а и безбожнику ка̀къ не быть? Есть такіе, что и впрямь безбожники, только тѣ много пострашнѣй этихъ будутъ, потому что съ именемъ Божіимъ на устахъ приходятъ. Слышалъ неоднократно, но не стрѣчалъ я ихъ вовсе. Есть, другъ, такіе, и такъ думаю, что и должны быть они.

— Есть, Макаръ Ивановичъ, вдругъ подтвердилъ Версиловъ: — есть такіе и «должны быть они».

— Непремѣнно есть и «должны быть они!» вырвалось у меня неудержимо и съ жаромъ, не знаю почему; но меня увлекъ тонъ Версилова и плѣнила какъ-бы какая-то идея въ словѣ: «должны быть они». Разговоръ этотъ былъ для меня совсѣмъ неожиданностью. Но въ эту минуту вдругъ случилось нѣчто тоже совсѣмъ неожиданное.

IV.

День былъ чрезвычайно ясный; стору у Макара Ивановича не поднимали обыкновенно во весь день, по приказанію доктора; но на окнѣ была не стора, а занавѣска, такъ что самый верхъ окна былъ всетаки не закрытъ; это потому, что старикъ тяготился, не видя совсѣмъ, при прежней сторѣ, солнца. И вотъ какъ разъ мы досидѣли до того момента, когда солнечный лучъ вдругъ прямо ударилъ въ лицо Макара Ивановича. За разговоромъ онъ не обратилъ сначала вниманія, но машинально, во время рѣчи, нѣсколько разъ отклонялъ въ сторону голову, потому что яркій лучъ сильно безпокоилъ и раздражалъ его больные глаза. Мама, стоявшая подлѣ него, уже нѣсколько разъ взглядывала на окно съ безпокойствомъ; просто надо-бы было чѣмъ нибудь заслонить окно совсѣмъ, но, чтобъ не помѣшать разговору, она вздумала попробовать оттащить скамеечку, на которой сидѣлъ Макаръ Ивановичъ, вправо въ сторону: всего-то надо было подвинуть вершка на три, много на четверть. Она уже нѣсколько разъ наклонялась и схватывалась за скамейку, но оттащить не могла; скамейка, съ сидящимъ на ней Макаромъ Ивановичемъ, не трогалась. Чувствуя ея усилія, но въ жару разговора, совсѣмъ безсознательно, Макаръ Ивановичъ нѣсколько разъ пробовалъ было приподняться, но ноги его не слушались. Мама, однако, всетаки продолжала напрягаться и дергать, и вотъ, наконецъ, все это ужасно озлило Лизу. Мнѣ запомнилось нѣсколько ея сверкающихъ, раздраженныхъ взглядовъ, но только я, въ первое мгновеніе, не зналъ чему приписать ихъ, да вдобавокъ былъ отвлеченъ разговоромъ. И вотъ вдругъ рѣзко послышался ея почти окрикъ на Макара Ивановича:

— Да приподымитесь хоть немножко: видите, какъ трудно мамѣ!

Старикъ быстро взглянулъ на нее, разомъ вникнулъ и мигомъ поспѣшилъ было приподняться, но ничего не вышло; приподнялся вершка на два и опять упалъ на скамейку.

— Не могу, голубчикъ, отвѣтилъ онъ

какъ-бы жалобно Лизѣ и какъ-то весь послушно смотря на нее.

— Разсказывать по цѣлой книгѣ можете, а пошевелиться не въ силахъ?

— Лиза! крикнула было Татьяна Павловна. Макаръ Ивановичъ опять сдѣлалъ чрезвычайное усиліе.

— Возьмите костыль, подлѣ лежитъ, съ костылемъ приподымитесь! еще разъ отрѣзала Лиза.

— А и впрямь, сказалъ старикъ, и тотчасъ-же поспѣшно схватился за костыль.

— Просто надо приподнять его! всталъ Версиловъ; двинулся и докторъ, вскочила и Татьяна Павловна, но они не успѣли и подойдти, какъ Макаръ Ивановичъ, изо всѣхъ силъ опершись на костыль, вдругъ приподнялся и съ радостнымъ торжествомъ сталъ на мѣстѣ, озираясь кругомъ:

— А и поднялся! проговорилъ онъ чуть не съ гордостью, радостно усмѣхаясь:— вотъ и спасибо, милая, научила уму, а я-то думалъ, что совсѣмъ ужь не служатъ ноженки...

Но онъ простоялъ не долго, не успѣлъ и проговорить, какъ вдругъ костыль его, на который онъ упирался всею тяжестью тѣла, какъ-то скользнулъ по ковру, и такъ какъ «ноженки» почти совсѣмъ не держали его, то и грохнулся онъ со всей высоты на полъ. Это почти ужасно было видѣть, я помню. Всѣ ахнули и бросились его поднимать, но, слава Богу, онъ не разбился; онъ только грузно, со звукомъ, стукнулся объ полъ обоими колѣнями, но успѣлъ таки уставить передъ собою правую руку и на ней удержаться. Его подняли и посадили на кровать. Онъ очень поблѣднѣлъ, не отъ испуга, а отъ сотрясенія. (Докторъ находилъ въ немъ, сверхъ всего другаго, и болѣзнь сердца). Мама-же была внѣ себя отъ испуга. И вдругъ Макаръ Ивановичъ, все еще блѣдный, съ трясущимся тѣломъ и какъ-бы еще не опомнившись, повернулся къ Лизѣ и почти нѣжнымъ, тихимъ голосомъ проговорилъ ей:

— Нѣтъ, милая, знать и впрямь не стоятъ ноженки!

Не могу выразить моего тогдашняго впечатлѣнія. Дѣло въ томъ, что въ словахъ бѣднаго старика не прозвучало ни малѣйшей жалобы или укора; напротивъ, прямо видно было, что онъ рѣшительно не замѣтилъ, съ самаго начала, ничего злобнаго въ словахъ Лизы, а окрикъ ея на себя принялъ какъ за нѣчто должное, то есть, что такъ и слѣдовало его «распечь» за вину его. Все это ужасно подѣйствовало и на Лизу. Въ минуту паденія, она вскочила какъ и всѣ, и стояла вся помертвѣвъ и, конечно, страдая потому, что была всему причиною, но, услышавъ такія слова, она вдругъ, почти въ мгновеніе, вся вспыхнула краской стыда и раскаянія.

— Довольно! скомандовала вдругъ Татьяна Павловна: — все отъ разговоровъ! Пора по мѣстамъ; чему быть доброму, когда самъ докторъ болтовню завелъ!

— Именно, подхватилъ Александръ Семеновичъ, суетившійся около больнаго.— Виноватъ, Татьяна Павловна, ему надо покой!

Но Татьяна Павловна не слушала: она съ полминуты молча и въ упоръ наблюдала Лизу.

— Поди сюда, Лиза, и поцалуй меня, старую дуру, если только хочешь, проговорила она неожиданно.

И она поцаловала ее, не знаю за что, но именно такъ надо было сдѣлать; такъ что я чуть не бросился самъ цаловать Татьяну Павловну. Именно не давить надо было Лизу укоромъ, а встрѣтить радостью и поздравленіемъ новое прекрасное чувство, которое несомнѣнно должно было въ ней зародиться. Но вмѣсто всѣхъ этихъ чувствъ, я вдругъ всталъ и началъ, твердо отчеканивая слова:

— Макаръ Ивановичъ, вы опять употребили слово: «благообразіе», а я, какъ разъ вчера и всѣ дни этимъ словомъ мучился... да и всю жизнь мою мучился, только прежде не зналъ о чемъ. Это совпаденіе словъ я считаю роковымъ, почти чудеснымъ... Объявляю это въ вашемъ присутствіи...

Но меня мигомъ остановили. Повторяю: я не зналъ объ ихъ уговорѣ на счетъ мамы и Макара Ивановича; меня-же, по прежнимъ дѣламъ, ужь конечно, они считали способнымъ на всякій скандалъ въ этомъ родѣ.

— Унять, унять его! озвѣрѣла совсѣмъ

Татьяна Павловна. Мама затрепетала. Макаръ Ивановичъ, видя всеобщій испугъ, тоже испугался.

— Аркадій, полно! строго крикнулъ Версиловъ.

— Для меня, господа, возвысилъ я еще пуще голосъ: — для меня видѣть васъ всѣхъ подлѣ этого младенца (я указалъ на Макара) — есть безобразіе. Тутъ одна лишь святая — это мама, но и она...

— Вы его испугаете! настойчиво проговорилъ докторъ.

— Я знаю, что я — врагъ всему міру, пролепеталъ было я (или что-то въ этомъ родѣ), но, оглянувшись еще разъ, я съ вызовомъ посмотрѣлъ на Версилова.

— Аркадій! крикнулъ онъ опять: — такая-же точно сцена уже была однажды здѣсь между нами. Умоляю тебя, воздержись теперь!

Не могу выразить того, съ какимъ сильнымъ чувствомъ онъ выговорилъ это. Чрезвычайная грусть, искренняя, полнѣйшая, выразилась въ чертахъ его. Удивительнѣе всего было то, что онъ смотрѣлъ какъ виноватый: я былъ судья, а онъ — преступникъ. Все это доканало меня.

— Да! вскричалъ я ему въ отвѣтъ: — такая-же точно сцена уже была, когда я хоронилъ Версилова и вырвалъ его изъ сердца... Но затѣмъ послѣдовало воскресенье изъ мертвыхъ, а теперь... теперь уже безъ разсвѣта! Но... но вы увидите всѣ здѣсь, на что я способенъ: даже и не ожидаете того, что я могу доказать!

Сказавъ это, я бросился въ мою комнату. Версиловъ побѣжалъ за мной...

V.

Со мной случился рецидивъ болѣзни; произошелъ сильнѣйшій лихорадочный припадокъ, а къ ночи бредъ. Но не все былъ бредъ: были безчисленные сны, цѣлой вереницей и безъ мѣры, изъ которыхъ одинъ сонъ или отрывокъ сна я на всю жизнь запомнилъ. Сообщаю безъ всякихъ объясненій; это было пророчество и пропустить не могу.

Я вдругъ очутился, съ какимъ-то великимъ и гордымъ намѣреніемъ въ сердцѣ, въ большой и высокой комнатѣ, но не у Татьяны Павловны: я очень хорошо помню комнату; замѣчаю это, забѣгая впередъ. Но хотя я и одинъ, но безпрерывно чувствую, съ безпокойствомъ и мукой, что я совсѣмъ не одинъ, что меня ждутъ и что ждутъ отъ меня чего-то. Гдѣ-то за дверями сидятъ люди и ждутъ того, что я сдѣлаю. Ощущеніе нестерпимое: «о, если-бъ я былъ одинъ!» И вдругъ входитъ *она*. Она смотритъ робко, она ужасно боится, она засматриваетъ въ мои глаза. *Въ рукахъ моихъ документъ.* Она улыбается, чтобъ плѣнить меня, она ластится ко мнѣ; мнѣ жалко, но я начинаю чувствовать отвращеніе. Вдругъ она закрываетъ лицо руками. Я бросаю документъ на столъ въ невыразимомъ презрѣніи: «Не просите, на-те, мнѣ отъ васъ ничего не надо! Мщу за все мое поруганіе презрѣніемъ!» Я выхожу изъ комнаты, захлебываясь отъ непомѣрной гордости. Но въ дверяхъ, въ темнотѣ, схватываетъ меня Ламбертъ! «Духгакъ, духгакъ!» шепчетъ онъ изо всѣхъ силъ, удерживая меня за руку, — «она на Васильевскомъ островѣ благородный пансіонъ для дѣвчонокъ должна открывать (NB то есть, чтобъ прокормиться, если отецъ, узнавъ отъ меня про документъ, лишитъ ее наслѣдства и прогонитъ изъ дому. Я вписываю слова Ламберта буквально, какъ приснились).

— Аркадій Макаровичъ ищетъ «благообразія», слышится голосокъ Анны Андреевны, гдѣ-то подлѣ, тутъ-же на лѣстницѣ; но не похвала, а нестерпимая насмѣшка прозвучала въ ея словахъ. Я возвращаюсь въ комнату съ Ламбертомъ. Но, увидѣвъ Ламберта, *она* вдругъ начинаетъ хохотать. Первое впечатлѣніе мое — страшный испугъ, такой испугъ, что я останавливаюсь и не хочу подходить. Я смотрю на нее и не вѣрю; точно она вдругъ сняла маску съ лица: тѣ-же черты, но какъ будто каждая черточка лица исказилась непомѣрною наглостью. «Выкупъ, барыня, выкупъ!» кричитъ Ламбертъ, и оба еще пуще хохочутъ, а сердце мое замираетъ: «О, неужели эта безстыжая женщина — та самая, отъ одного взгляда которой кипѣло добродѣтелью мое сердце?»

— Вотъ на что̀ они способны, эти гордецы, въ ихнемъ высшемъ свѣтѣ, за деньги! восклицаетъ Ламбертъ. Но безстыдница не смущается даже этимъ; она хохочетъ именно надъ тѣмъ, что я такъ испуганъ. О, она готова на выкупъ, это я вижу и... и что̀ со мной? Я уже не чувствую ни жалости, ни омерзенія; я дрожу какъ никогда... Меня охватываетъ новое чувство, невыразимое, котораго я еще вовсе не зналъ никогда, и сильное какъ весь міръ... О, я уже не въ силахъ уйдти теперь ни за что̀! О, какъ мнѣ нравится, что это такъ безстыдно! Я схватываю ее за руки, прикосновеніе рукъ ея мучительно сотрясаетъ меня, и я приближаю мои губы къ ея наглымъ, алымъ, дрожащимъ отъ смѣха и зовущимъ меня губамъ.

О, прочь это низкое воспоминаніе! Проклятый сонъ! Клянусь, что до этого мерзостнаго сна не было въ моемъ умѣ даже хоть чего нибудь похожаго на эту позорную мысль. Даже невольной какой нибудь въ этомъ родѣ мечты не было (хотя я и хранилъ «документъ» зашитый въ карманѣ и хватался иногда за карманъ съ странной усмѣшкой). Откудова-же это все явилось совсѣмъ готовое? Это оттого, что во мнѣ была душа паука! Это значитъ, что все уже давно зародилось и лежало въ развратномъ сердцѣ моемъ, въ *желаніи* моемъ лежало, но сердце еще стыдилось на яву и умъ не смѣлъ еще представить что нибудь подобное сознательно. А во снѣ душа сама все представила и выложила, что было въ сердцѣ, въ совершенной точности и въ самой полной картинѣ и — въ пророческой формѣ. И неужели *это* я имъ хотѣлъ *доказать*, выбѣгая по утру отъ Макара Ивановича? Но довольно: до времени ничего объ этомъ! Этотъ сонъ, мнѣ приснившійся, есть одно изъ самыхъ странныхъ приключеній моей жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Черезъ три дня я всталъ по утру съ постели и вдругъ почувствовалъ, ступивъ на ноги, что больше не слягу. Я всецѣло ощутилъ близость выздоровленія. Всѣ эти маленькія подробности, можетъ быть, и не стоило-бы вписывать, но тогда наступило нѣсколько дней, въ которые, хотя и не произошло ничего особеннаго, но которые всѣ остались въ моей памяти, какъ нѣчто отрадное и спокойное, а это — рѣдкость въ моихъ воспоминаніяхъ. Душевнаго состоянія моего не буду пока формулировать; если-бъ читатель узналъ, въ чемъ оно состояло, то, конечно-бы, не повѣрилъ. Лучше потомъ все объяснится изъ фактовъ. А пока лишь скажу одно: пусть читатель помнитъ *душу паука*. И это у того, который хотѣлъ уйдти отъ нихъ и отъ всего свѣта во имя «благообразія!» Жажда благообразія была въ высшей мѣрѣ, и ужь, конечно, такъ, но какимъ образомъ она могла сочетаться съ другими, ужь Богъ знаетъ какими, жаждами — это для меня тайна. Да и всегда была тайною, и я тысячу разъ дивился на эту способность человѣка (и, кажется, русскаго человѣка по преимуществу (лелѣять въ душѣ своей высочайшій идеалъ рядомъ съ величайшею подлостью, и все совершенно искренно. Широкость-ли это особенная въ русскомъ человѣкѣ, которая его далеко поведетъ, или просто подлость, — вотъ вопросъ!

Но оставимъ. Такъ или этакъ, а наступило затишье. Я просто понялъ, что выздоровѣть надо во что̀-бы не стало и какъ можно скорѣе, чтобы какъ можно скорѣе начать дѣйствовать, а потому рѣшился жить гигіенически и слушаясь доктора (кто-бы онъ ни былъ), а бурныя намѣренія, съ чрезвычайнымъ благоразуміемъ (подъ широкости), отложилъ до дня выхода, то есть до выздоровленія. Какимъ образомъ могли сочетаться всѣ мирныя впечатлѣнія и наслажденія затишьемъ съ мучительно-сладкими и тревожными біеніями сердца, при предчувствіи близкихъ бурныхъ рѣшеній, — не знаю, но все опять отношу къ «широкости». Но прежняго недавняго безпокойства во мнѣ уже не было; я отложилъ все до срока, уже не трепеща передъ будущимъ, какъ еще недавно, но какъ богачъ, увѣренный въ своихъ средствахъ и силахъ. Надменности и вызова ожидавшей меня судьбѣ прибывало все больше и боль-

ше, и отчасти, полагаю, отъ дѣйствительнаго уже выздоровленія и отъ быстро возвращавшихся жизненныхъ силъ. Вотъ этито нѣсколько дней окончательнаго и даже дѣйствительнаго выздоровленія я и вспоминаю теперь съ полнымъ удовольствіемъ.

О, они мнѣ все простили, то есть выходку, и это—тѣ самые люди, которыхъ я въ глаза обозвалъ безобразными! Это я люблю въ людяхъ, это я называю умомъ сердца; по крайней мѣрѣ, это меня тотчасъ-же привлекало, разумѣется, до извѣстной мѣры. Съ Версиловымъ, напримѣръ, мы продолжали говорить, какъ самые добрые знакомые, но до извѣстной мѣры: чуть слишкомъ проскакивала экспансивность (а она проскакивала), и мы тотчасъ-же сдерживались оба, какъ-бы капельку стыдясь чего-то. Есть случаи, въ которыхъ побѣдитель не можетъ не стыдиться своего побѣжденнаго, а именно за то, что одержалъ надъ нимъ верхъ. Побѣдитель былъ очевидно—я; я и стыдился.

Въ то утро, то есть, когда я всталъ съ постели послѣ рецидива болѣзни, онъ зашелъ ко мнѣ, и тутъ я въ первый разъ узналъ отъ него объ ихъ общемъ тогдашнемъ соглашеніи на счетъ мамы и Макара Ивановича; при чемъ онъ замѣтилъ, что хоть старику и легче, но докторъ за него положительно не отвѣчаетъ. Я отъ всего сердца далъ ему и мое обѣщаніе вести себя впредь осторожнѣе. Когда Версиловъ передавалъ мнѣ все это, я, въ первый разъ тогда, вдругъ замѣтилъ, что онъ и самъ чрезвычайно искренно занятъ этимъ старикомъ, то есть гораздо болѣе, чѣмъ я-бы могъ ожидать отъ человѣка, какъ онъ, и что онъ смотритъ на него, какъ на существо ему и самому почему-то особенно дорогое, а не изъ-за одной только мамы. Меня это сразу заинтересовало, почти удивило, и, признаюсь, безъ Версилова я-бы многое пропустилъ безъ вниманія и не оцѣнилъ въ этомъ старикѣ, оставившемъ одно изъ самыхъ прочныхъ и оригинальныхъ воспоминаній въ моемъ сердцѣ.

Версиловъ какъ-бы боялся за мои отношенія къ Макару Ивановичу, то есть, не довѣрялъ ни моему уму, ни такту, а потому чрезвычайно былъ доволенъ потомъ, когда разглядѣлъ, что и я умѣю иногда понять, какъ надо отнестись къ человѣку совершенно иныхъ понятій и воззрѣній, однимъ словомъ, умѣю быть, когда надо, и уступчивымъ, и широкимъ. Признаюсь тоже (не унижая себя, я думаю), что въ этомъ существѣ изъ народа я нашелъ и нѣчто совершенно для меня новое относительно иныхъ чувствъ и воззрѣній, нѣчто мнѣ неизвѣстное, нѣчто гораздо болѣе ясное и утѣшительное, чѣмъ какъ я самъ понималъ эти вещи прежде. Тѣмъ не менѣе, возможности не было не выходить иногда просто изъ себя отъ иныхъ рѣшительныхъ предразсудковъ, которымъ онъ вѣровалъ съ самымъ возмутительнымъ спокойствіемъ и непоколебимостью. Но тутъ, конечно, виною была лишь его необразованность; душа-же его была довольно хорошо организована, и такъ даже, что я не встрѣчалъ еще въ людяхъ ничего лучшаго въ этомъ родѣ.

II.

Прежде всего, привлекало въ немъ, какъ я уже и замѣтилъ выше, его чрезвычайное чистосердечіе и отсутствіе малѣйшаго самолюбія; предчувствовалось почти безгрѣшное сердце. Было «веселіе» сердца, а потому и «благообразіе». Словцо «веселіе» онъ очень любилъ и часто употреблялъ. Правда, находила иногда на него какая-то, какъ-бы болѣзненная восторженность, какая-то, какъ-бы болѣзненность умиленія, — отчасти, полагаю, и оттого, что лихорадка, по настоящему говоря, не покидала его во все время; но благообразію это не мѣшало. Были и контрасты: рядомъ съ удивительнымъ простодушіемъ, иногда совершенно не примѣчавшимъ ироніи (часто къ досадѣ моей), уживалась въ немъ и какая-то хитрая тонкость, всего чаще въ полемическихъ сшибкахъ. А полемику онъ любилъ, но иногда лишь и своеобразно. Видно было, что онъ много исходилъ по Россіи, много переслушалъ, но, повторяю, больше всего онъ любилъ умиленіе, а потому и все на него наводящее, да и самъ любилъ разсказывать умилительныя вещи. Вообще, разсказывать очень любилъ. Мно-

го я отъ него переслушалъ и о собственныхъ его странствіяхъ, и разныхъ легендъ изъ жизни самыхъ древнѣйшихъ «подвижниковъ». Незнакомъ я съ этимъ, но, думаю, что онъ много перевиралъ изъ этихъ легендъ, усвоивъ ихъ, бо̀льшею частью, изъ изустныхъ-же разсказовъ простонародья. Просто невозможно было допустить иныхъ вещей. Но рядомъ съ очевидными передѣлками или просто съ враньемъ, всегда мелькало какое-то удивительное цѣлое, полное народнаго чувства и всегда умилительное... Я запомнилъ, напримѣръ, изъ этихъ разсказовъ, одинъ длинный разсказъ — житіе «Маріи Египетской». Объ «житіи» этомъ, да почти и о всѣхъ подобныхъ, я не имѣлъ до того времени, никакого понятія. Я прямо говорю: это почти нельзя было вынести безъ слезъ, и не отъ умиленія, а отъ какого-то страннаго восторга: чувствовалось что-то необычайное и горячее, какъ та раскаленная песчаная степь со львами, въ которой скиталась святая. Впрочемъ, объ этомъ я не хочу говорить, да и не компетентенъ.

Кромѣ умиленія, нравились мнѣ въ немъ и нѣкоторыя чрезвычайно оригинальныя иногда воззрѣнія на нѣкоторыя весьма еще спорныя вещи, въ современной дѣйствительности. Разсказывалъ онъ разъ, напримѣръ, одну недавнюю исторію объ одномъ отпускномъ солдатѣ; этого происшествія онъ почти былъ свидѣтелемъ. Воротился одинъ солдатъ на родину со службы, опять къ мужикамъ, и не понравилось ему жить опять съ мужиками, да и самъ онъ мужикамъ не понравился. Сбился человѣкъ, запилъ и ограбилъ гдѣ-то и кого-то; уликъ крѣпкихъ не было, но схватили, однако, и стали судить. Въ судѣ адвокатъ совсѣмъ уже было его оправдалъ — нѣтъ уликъ да и только, какъ вдругъ тотъ, слушалъ-слушалъ, да вдругъ всталъ и перервалъ адвоката: «Нѣтъ, ты постой говорить», да все и разсказалъ, «до послѣдней соринки»; повинился во всемъ, съ плачемъ и съ раскаяньемъ. Присяжные пошли, заперлись судить, да вдругъ всѣ и выходятъ: «Нѣтъ, не виновенъ». Всѣ закричали, зарадовались, а солдатъ, какъ стоялъ, такъ ни съ мѣста, точно въ столбъ обратился, не понимаетъ ничего; не понялъ ничего и изъ того, что предсѣдатель сказалъ ему въ увѣщаніе, отпуская на волю. Пошелъ солдатъ опять на волю и все не вѣритъ себѣ. Сталъ тосковать, задумался, не ѣстъ, не пьетъ, съ людьми не говоритъ, а на пятый день взялъ да и повѣсился. «Вотъ каково съ грѣхомъ-то на душѣ жить!» заключилъ Макаръ Ивановичъ. Разсказъ этотъ, конечно, пустой и такихъ бездна теперь во всѣхъ газетахъ, но мнѣ понравился въ немъ тонъ, а пуще всего иныя словечки, рѣшительно съ новою мыслью. Говоря, напримѣръ, о томъ, какъ солдатъ, возвратясь въ деревню, не понравился мужикамъ, Макаръ Ивановичъ выразился: «А солдатъ извѣстно что̀: солдатъ — «*мужикъ порченый*». Говоря потомъ объ адвокатѣ, чуть не выигравшемъ дѣло, онъ тоже выразился: «А адвокатъ извѣстно что̀: адвокатъ — «*нанятая совѣсть*». Оба эти выраженія онъ высказалъ, совсѣмъ не трудясь надъ ними и себѣ непримѣтно, а межъ тѣмъ, въ этихъ двухъ выраженіяхъ — цѣлое особое воззрѣніе на оба предмета, и хоть, ужь конечно, не всего народа, такъ всетаки Макаръ Ивановичево, собственное и не заимствованное! Эти предрѣшенія въ народѣ на счетъ иныхъ темъ по истинѣ иногда чудесны по своей оригинальности.

— А какъ вы, Макаръ Ивановичъ, смотрите на грѣхъ самоубійства? спросилъ я его по тому-же поводу.

— Самоубійство есть самый великій грѣхъ человѣческій, отвѣтилъ онъ, вздохнувъ: — но судья тутъ — единъ Господь, ибо Ему лишь извѣстно все, всякій предѣлъ и всякая мѣра. Намъ-же безпремѣнно надо молиться о таковомъ грѣшникѣ. Каждый разъ, какъ услышишь о такомъ грѣхѣ, то, отходя ко сну, помолись за сего грѣшника умиленно; хотя-бы только вздохни о немъ къ Богу, даже хотя-бы ты и не зналъ его вовсе, — тѣмъ доходнѣе твоя молитва будетъ о немъ.

— А поможетъ ему молитва моя, коли онъ уже осужденъ?

— А почемъ ты знаешь? Многіе, охъ, многіе не вѣруютъ и оглушаютъ симъ людей не свѣдующихъ; ты-же не слушай, ибо сами не знаютъ куда бредутъ. Молитва за

осужденнаго отъ живущаго еще человѣка во истину доходитъ. Такъ каково-же тому, за кого совсѣмъ некому помолиться? Потому, когда станешь на молитву, ко сну отходя, то по окончаніи и прибавь: «Помилуй, Господи Іисусе, и всѣхъ тѣхъ, за кого некому помолиться». Вельми доходна молитва сія и пріятна. Тоже и о всѣхъ грѣшникахъ еще живущихъ: «Господи, ими-же Самъ вѣси судьбами спаси всѣхъ нераскаянныхъ»,— это тоже молитва хорошая.

Я обѣщалъ ему, что помолюсь, чувствуя, что обѣщаніемъ этимъ доставлю ему чрезмѣрное удовольствіе. И дѣйствительно, радость засіяла въ его лицѣ; но спѣшу прибавить, что въ подобныхъ случаяхъ онъ никогда не относился ко мнѣ свысока, то есть, въ родѣ какъ-бы старецъ къ какому нибудь подростку; напротивъ, весьма часто любилъ самого меня слушать, даже заслушивался, на разныя темы, полагая, что имѣетъ дѣло, хоть и съ «вьюношемъ», какъ онъ выражался въ высокомъ слогѣ (онъ очень хорошо зналъ, что надо выговаривать «юноша», а не «вьюношъ»), но понимая вмѣстѣ и то, что этотъ «вьюношъ» безмѣрно выше его по образованію. Любилъ онъ, напримѣръ, очень часто говорить о пустынножительствѣ и ставилъ «пустыню» несравненно выше «странствій». Я горячо возражалъ ему, напирая на эгоизмъ этихъ людей, бросающихъ міръ и пользу, которую-бы могли принести человѣчеству, единственно для эгоистической идеи своего спасенія. Онъ сначала не понималъ, подозрѣваю даже, что и совсѣмъ не понялъ; но пустыню очень защищалъ: «Сначала жалко себя, конечно (то есть, когда поселишься въ пустынѣ) — ну, а потомъ каждый день все больше радуешься, а потомъ уже и Бога узришь».—Тутъ я развилъ передъ нимъ полную картину полезной дѣятельности ученаго, медика, или вообще друга человѣчества въ мірѣ, и привелъ его въ сущій восторгъ, потому что и самъ говорилъ горячо; онъ поминутно поддакивалъ мнѣ: «такъ милый, такъ, благослови тебя Богъ, по истинѣ мыслишь»; но когда я кончилъ, онъ всетаки не совсѣмъ согласился: «такъ-то оно такъ, вздохнулъ онъ глубоко:— да много-ли такихъ, что выдержатъ и не развлекутся? Деньги хоть не Богъ, а все-жь полбога — великое искушеніе; а тутъ и женскій полъ, а тутъ и сомнѣніе, и зависть. Вотъ дѣло-то великое и забудутъ, а займутся маленькимъ. То-ли въ пустынѣ? Въ пустынѣ человѣкъ укрѣпляетъ себя даже на всякій подвигъ. Другъ! Да и что въ мірѣ? воскликнулъ онъ съ чрезмѣрнымъ чувствомъ: «Не одна-ли токмо мечта? Возьми песочку, да посѣй на камушкѣ; когда желтъ песочикъ у тебя на камушкѣ томъ взойдетъ, тогда и мечта твоя въ мірѣ сбудется,— вотъ какъ у насъ говорится. То-ли у Христа: «Поди и раздай твое богатство и стань всѣмъ слуга». И станешь богатъ паче прежняго въ безсчетно разъ; ибо не пищею только, не платьями цѣнными, не гордостью и не завистью счастливъ будешь, а умножившеюся безсчетно любовью. Ужь не малое богатство, не сто тысячъ, не милліонъ, а цѣлый міръ пріобрѣтешь! Нынѣ безъ сытости собираемъ и съ безуміемъ расточаемъ, а тогда не будетъ ни сиротъ, ни нищихъ, ибо всѣ мои, всѣ родные, всѣхъ пріобрѣлъ, всѣхъ до единаго купилъ! Нынѣ не въ рѣдкость, что и самый богатый и знатный къ числу дней своихъ равнодушенъ, и самъ ужь не знаетъ, какую забаву выдумать; тогда-же дни и часы твои умножатся какъ-бы въ тысячу разъ, ибо ни единой минутки потерять не захочешь, а каждую въ веселіи сердца ощутишь. Тогда и премудрость пріобрѣтешь не изъ единыхъ книгъ токмо, а будешь съ самимъ Богомъ лицомъ къ лицу; и возсіяетъ земля паче солнца, и не будетъ ни печали, ни воздыханія, а лишь единый безцѣнный рай»...

Вотъ эти-то восторженныя выходки чрезвычайно, кажется, любилъ Версиловъ. Въ этотъ разъ онъ тутъ-же былъ въ комнатѣ.

— Макаръ Ивановичъ! прервалъ я его вдругъ, самъ разгорячась безъ всякой мѣры (я помню тотъ вечеръ): — да вѣдь вы коммунизмъ, рѣшительный коммунизмъ, коли такъ, проповѣдуете!

И такъ какъ онъ рѣшительно ничего не зналъ про коммунистическое ученіе, да и самое слово въ первый разъ услыхалъ, то

я тутъ-же сталъ ему излагать все, что̀ зналъ на эту тему. Признаюсь, я зналъ мало и сбивчиво, да и теперь не совсѣмъ компетентенъ; но что̀ зналъ, то изложилъ съ величайшимъ жаромъ, не смотря ни на что̀. До сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ о чрезвычайномъ впечатлѣніи, которое я произвелъ на старика. Это было даже не впечатлѣніе, а почти потрясеніе. При семъ онъ страшно интересовался историческими подробностями: «Гдѣ? Какъ? Кто устроилъ? Кто сказалъ?» Кстати, я замѣтилъ, что это—вообще свойство простонародья: онъ не удовольствуется общей идеей, если очень заинтересуется, но непремѣнно начнетъ требовать самыхъ твердыхъ и точныхъ подробностей. Я таки въ подробностяхъ сбивался, и такъ какъ тутъ былъ Версиловъ, то немного стыдился его, а оттого еще пуще горячился. Кончилось тѣмъ, что Макаръ Ивановичъ, въ умиленіи, подъ конецъ только повторялъ къ каждому слову: «Такъ, такъ!» но уже видимо не понимая и потерявъ нитку. Мнѣ стало досадно, но Версиловъ вдругъ прервалъ разговоръ, всталъ и объявилъ, что пора идти спать. Мы тогда всѣ были въ сборѣ и было поздно. Когда онъ черезъ нѣсколько минутъ заглянулъ въ мою комнату, я тотчасъ спросилъ его: какъ онъ глядитъ на Макара Ивановича вообще и что̀ онъ объ немъ думаетъ? Версиловъ весело усмѣхнулся (но вовсе не надъ моими ошибками въ коммунизмѣ,—напротивъ, объ нихъ не упомянулъ). Повторяю опять: онъ рѣшительно какъ-бы прилѣпился къ Макару Ивановичу, и я часто ловилъ на лицѣ его чрезвычайно привлекательную улыбку, когда онъ слушалъ старика. Впрочемъ, улыбка вовсе не помѣшала критикѣ.

— Макаръ Ивановичъ прежде всего — не мужикъ, а дворовый человѣкъ, произнесъ онъ съ большою охотою: — бывшій дворовый человѣкъ и бывшій слуга, родившійся слугою и отъ слуги. Дворовые и слуги чрезвычайно много раздѣляли интересовъ частной, духовной и умственной жизни своихъ господъ въ былое время. Замѣть, что Макаръ Ивановичъ до сихъ поръ всего больше интересуется событіями изъ господской и высшей жизни. Ты еще не знаешь, до какой степени интересуется онъ иными событіями въ Россіи за послѣднее время. Знаешь-ли, что онъ великій политикъ? Его медомъ не корми, а разскажи гдѣ кто воюетъ и будемъ-ли мы воевать. Въ прежнее время я доводилъ его подобными разговорами до блаженства. Науку уважаетъ очень, и изъ всѣхъ наукъ любитъ больше астрономію. При всемъ томъ выработалъ въ себѣ нѣчто столь независимое, чего уже ни за что̀ въ немъ не передвинешь. Убѣжденія есть, и твердыя, и довольно ясныя... и истинныя. При совершенномъ невѣжествѣ, онъ вдругъ способенъ изумить неожиданнымъ знакомствомъ съ иными понятіями, которыхъ-бы въ немъ и не предполагалъ. Хвалитъ пустыню съ восторгомъ, но ни въ пустыню, ни въ монастырь ни за что̀ не пойдетъ, потому что въ высшей степени «бродяга», какъ мило назвалъ его Александръ Семеновичъ, на котораго ты напрасно, мимоходомъ сказать, сердишься. Ну, что-жь еще, наконецъ: нѣсколько художникъ, много своихъ словъ, но есть и не свои. Нѣсколько хромъ въ логическомъ изложеніи, подчасъ очень отвлеченъ; съ порывами сентиментальности, но совершенно народной или, лучше сказать, съ порывами того самаго общенароднаго умиленія, которое такъ широко вноситъ народъ нашъ въ свое религіозное чувство. Про чистосердечіе и незлобивость его опускаю: не намъ съ тобой начинать на эту тему...

III.

Чтобы закончить съ характеристикой Макара Ивановича, передамъ какой нибудь изъ его разсказовъ, собственно уже изъ частной жизни. Характеръ этихъ разсказовъ былъ странный: вѣрнѣе то, что не было въ нихъ никакого общаго характера; нравоученія какого нибудь или общаго направленія нельзя было выжать, развѣ то, что всѣ болѣе или менѣе были умилительны. Но были и не умилительные, были даже совсѣмъ веселые, были даже насмѣшки надъ иными монахами изъ безпутныхъ, такъ что онъ прямо вредилъ своей идеѣ разсказывая, — о чемъ я и замѣтилъ ему;

но онъ не понялъ, что̀ я хотѣлъ сказать. Иногда трудно было сообразить, что̀ его такъ побуждаетъ разсказывать, такъ что я подчасъ даже дивился на такое многоглаголаніе и приписывалъ отчасти старчеству и болѣзненному состоянію.

— Онъ — не то что̀ прежде, шепнулъ мнѣ разъ Версиловъ: — онъ прежде былъ не совсѣмъ таковъ. Онъ скоро умретъ, гораздо скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, и надо быть готовымъ.

Я забылъ сказать, что у насъ установилось нѣчто въ родѣ «вечеровъ». Кромѣ мамы, не отходившей отъ Макара Ивановича, всегда по вечерамъ въ его комнатку приходилъ Версиловъ; всегда приходилъ я, да и негдѣ мнѣ было и быть; въ послѣдніе дни почти всегда заходила Лиза, хоть и по позже другихъ, и всегда почти сидѣла молча. Бывала и Татьяна Павловна, и, хоть рѣдко, да бывалъ и докторъ. Съ докторомъ я, какъ-то вдругъ такъ вышло, сошелся; не очень, но по крайней мѣрѣ, прежнихъ выходокъ не было. Мнѣ нравилась его какъ-бы простоватость, которую я, наконецъ, разглядѣлъ въ немъ, и нѣкоторая привязанность его къ нашему семейству, такъ что я рѣшился, наконецъ, ему простить его медицинское высокомѣріе и, сверхъ того, научилъ его мыть себѣ руки и чистить ногти, если ужь онъ не можетъ носить чистаго бѣлья. Я прямо растолковалъ ему, что это вовсе не для франтовства и не для какихъ нибудь тамъ изящныхъ искусствъ, но что чистоплотность естественно входитъ въ ремесло доктора, и доказалъ ему это.— Подходила, наконецъ, часто къ дверямъ изъ своей кухни Лукерья и, стоя за дверью, слушала, какъ разсказываетъ Макаръ Ивановичъ. Версиловъ вызвалъ ее разъ изъ-за дверей и пригласилъ сѣсть вмѣстѣ съ нами. Мнѣ это понравилось; но съ этого разу она уже перестала подходить къ дверямъ. Свои нравы!

Помѣщаю одинъ изъ разсказовъ, безъ выбору, единственно потому, что онъ мнѣ полнѣе запомнился. Это — одна исторія объ одномъ купцѣ, и я думаю, что такихъ исторій въ нашихъ городахъ и городишкахъ случается тысячами, лишь-бы умѣть смотрѣть. Желающіе могутъ обойдти разсказъ, тѣмъ болѣе, что я разсказываю его слогомъ.

IV.

А было у насъ въ городѣ Афимьевскомъ, скажу теперь, вотъ како чудо. Жилъ купецъ, Скотобойниковъ прозывался, Максимъ Ивановичъ, и не было его богаче по всей округѣ. Ситцевую фабрику построилъ и рабочихъ нѣсколько сотъ содержалъ; и возмнилъ о себѣ безмѣрно. И надо такъ сказать, что уже все ходило по его знаку, и само начальство ни въ чемъ не препятствовало, и архимандритъ за ревность благодарилъ: много на монастырь жертвовалъ и, когда стихъ находилъ, очень о душѣ своей воздыхалъ и о будущемъ вѣкѣ озабоченъ былъ не мало. Вдовъ былъ и бездѣтенъ; про супругу-то его былъ слухъ, что усахарилъ онъ ее будто еще на первомъ году и что съ молоду ручкамъ любилъ волю давать: только давно ужь передъ тѣмъ это было; снова-же обязаться бракомъ не захотѣлъ. Слабъ былъ тоже и выпить, и когда наступалъ ему срокъ, то хмѣльной по городу бѣжитъ нагишомъ и вопитъ; городъ не знатный, а все зазорно. Когда-же переставалъ срокъ, становился сердитъ, и все, что онъ разсудитъ, то и хорошо, и все, что повелитъ, то и прекрасно. А народъ разсчитывалъ произвольно; возьметъ счеты, надѣнетъ очки: «Тебѣ, Ѳома, сколько?» — Съ Рождества не бралъ, Максимъ Ивановичъ, тридцать девять рублевъ моихъ есть. — «Ухъ, сколько денегъ! Это много тебѣ; ты и весь такихъ денегъ не стоишь; совсѣмъ не къ лицу тебѣ будетъ: десять рублей съ костей долой, а двадцать девять получай». И молчитъ человѣкъ; да и никто не смѣетъ пикнуть, всѣ — молчатъ.

— Я, говоритъ, знаю, сколько ему слѣдуетъ дать. Съ здѣшнимъ народомъ по другому нельзя. Здѣшній народъ развратенъ; безъ меня-бъ они всѣ здѣсь съ голоду перемерли, сколько ихъ тутъ ни есть. Опять сказать, народъ здѣшній — воръ, на что̀ взглянетъ, то и тянетъ, никакого въ немъ мужества нѣтъ. Опять взять и то, что онъ — пьяница; разочти его, онъ въ кабакъ сне-

сетъ, и сидитъ въ кабакѣ нагъ — ни ниточки, выходитъ голешенекъ. Опять-же онъ — и подлецъ: сядетъ супротивъ кабака на камушекъ и пошелъ причитать: «матушка моя родимая, и зачѣмъ-же ты меня такого горькаго пьяницу на свѣтъ произвела? А и лучше-бъ ты меня, такого горькаго пьяницу, на роду придавила!» Такъ развѣ это — человѣкъ? Это — звѣрь, а не человѣкъ; его, перво-на-перво, образить слѣдуетъ, а потомъ ужь ему деньги давать. Я знаю, когда ему дать.

Вотъ такъ говорилъ Максимъ Ивановичъ объ народѣ Афимьевскомъ; хоть худо онъ это говорилъ, а все-жь и правда была: народъ былъ стомчивый, не выдерживалъ.

Жилъ въ этомъ-же городѣ и другой купецъ, да и померъ; человѣкъ былъ молодой и легкомысленный, прогорѣлъ и всего капиталу рѣшился. Бился въ послѣдній годъ, какъ рыба на пескѣ, да урокъ житію его приспѣлъ. Съ Максимъ Ивановичемъ все время не ладилъ и кругомъ ему долженъ остался. Въ послѣдній часъ еще Максима Ивановича проклиналъ. И оставилъ по себѣ вдову еще молодую, да съ ней вмѣстѣ и пятерыхъ дѣтей. И одинокой-то вдовицѣ оставаться послѣ супруга, подобно какъ безпріютной ластовицѣ, —не малое испытаніе, а не то что съ пятерыми младенцами, которыхъ пропитать нечѣмъ: послѣднее имѣньишко, домъ деревянный, Максимъ Ивановичъ за долгъ отбиралъ. И поставила она ихъ всѣхъ рядкомъ у церковной паперти: старшему мальчику восемь годковъ, а остальныя всѣ дѣвочки погодки, всѣмалъмалой меньше; старшенькая четырехъ годковъ, а младшая еще на рукахъ грудь сосетъ. Кончилась обѣдня, вышелъ Максимъ Ивановичъ, и всѣ дѣточки, всѣ-то рядкомъ, стали передъ нимъ на колѣни, — научила она ихъ передъ тѣмъ, и ручки передъ собой ладошками какъ одинъ сложили, а сама за ними, съ пятымъ ребенкомъ на рукахъ, земно при всѣхъ людяхъ ему поклонилась: «Батюшка, Максимъ Ивановичъ, помилуй сиротъ, не отымай послѣдняго куска, не выгоняй изъ роднаго гнѣзда!» И всѣ, кто тутъ ни былъ, всѣ прослезились— такъ ужь хорошо она ихъ научила. Думала: «при людяхъ-то возгордится и простить, отдастъ домъ сиротамъ», только не такъ оно вышло. Сталъ Максимъ Ивановичъ: «Ты, говоритъ, молодая вдова, мужа хочешь, а не о сиротахъ плачешь. Покойникъ-то меня на смертномъ одрѣ проклиналъ», и прошелъ мимо и не отдалъ домъ. «Чего ихнимъ дурачествамъ подражать (то есть поблажать)? Окажи благодѣяніе, еще пуще станутъ костить; все сіе ничтоже успѣваетъ, а лишь паче молва бываетъ». А молва-то ходила и впрямь, что будто онъ къ сей вдовицѣ, еще къ дѣвицѣ, лѣтъ десять передъ тѣмъ подсылалъ и большимъ капиталомъ жертвовалъ (красива ужь очень была), забывая, что грѣхъ сей, все едино, что храмъ Божій разорить; да ничего тогда не успѣлъ. А мерзостей этихъ самыхъ, и по городу, и по всей даже губерніи, производилъ не мало, и даже всякую мѣру въ семъ случаѣ потерялъ.

Возопила мать со птенцами, выгналъ сиротъ изъ дому, и не по злобѣ токмо, а и самъ не знаетъ иной разъ человѣкъ по какому побужденію стоитъ на своемъ. Ну, помогали сперва, а потомъ пошла наниматься въ работу. Да только какой у насъ, окромя фабрики, заработокъ; тамъ полы вымоетъ, тамъ въ огородѣ выполетъ, тамъ баньку вытопитъ, да съ ребеночкомъ-то на рукахъ и взвоетъ; а четверо прочихъ тутъже по улицѣ въ рубашонкахъ бѣгаютъ. Когда на колѣнки ихъ у паперти ставила, все еще въ башмачонкахъ были, какихъ ни есть, да въ салопчикахъ, все какъ ни есть, а купецкія дѣти; а тутъ ужь пошли бѣгать и босенькія: на ребенкѣ одежонка горитъ, извѣстно. Ну, а дѣткамъ что: было-бы солнышко, радуются, гибели не чувствуютъ, словно птички, голосочки ихъ что колокольчики. Думаетъ вдова: «Станетъ зима, и куда я васъ тогда подѣваю; хоть-бы васъ къ тому сроку Богъ прибралъ!» Только не дождалась зимы. Есть по нашему мѣсту такой на дѣтей кашель, коклюшъ, что съ одного на другого переходитъ. Перво-наперво, померла грудная дѣвочка, а за ней заболѣли и прочія, и всѣхъ-то четырехъ дѣвочекъ, въ ту-же осень, одну за другой снесла. Одну-то, правда, на улицѣ лошади раздавили. Что-же ты думаешь? Похоронила, да и взвыла; то проклинала, а какъ

Богъ прибралъ, жалко стало. Материнское сердце!

Остался у ней въ живыхъ одинъ лишь старшенькій мальчикъ, и ужь не надышетъ она надъ нимъ, трепещетъ. Слабенькій былъ и нѣжный, и личикомъ миловидный, какъ дѣвочка. И свела она его на фабрику, къ крестному его отцу, управляющему, а сама въ нянюшки къ чиновнику нанялась. Только бѣгаетъ мальчикъ разъ на дворѣ, а тутъ вдругъ и подъѣхалъ на парѣ Максимъ Ивановичъ, да какъ разъ выпимши; а мальчикъ-то съ лѣстницы прямо на него, невзначай, то есть поскользнулся, да прямо объ него стукнулся, какъ онъ съ дрожекъ сходилъ, и обѣими руками ему прямо въ животъ. Схватилъ онъ его за волосенки, завопилъ: «Чей такой? Лозы. Высѣчь его, говоритъ, тотъ-же часъ при мнѣ». Помертвѣлъ мальчикъ! Стали сѣчь, закричалъ. «Такъ ты еще и кричишь? Сѣки-жь его, пока кричать перестанетъ!» Мало-ли, много-ли сѣкли—не пересталъ кричать, пока не омертвѣлъ вовсе. Тутъ и бросили сѣчь, испугались, не дышетъ мальчикъ, лежитъ въ безчувствіи. Сказывали потомъ, что немного и сѣкли, да ужь пугливъ былъ очень. Испугался было и Максимъ Ивановичъ! «Чей такой?» спросилъ; сказали ему; «ишь вѣдь! Снести его къ матери: чего онъ тутъ на фабрикѣ шлялся?» Два дня потомъ молчалъ и опять спросилъ: «А что мальчикъ?» А съ мальчикомъ вышло худо: заболѣлъ, у матери въ углѣ лежитъ, та и мѣсто по тому случаю у чиновниковъ бросила, и вышло у него воспаленіе въ легкихъ. «Ишь вѣдь! произнесъ, и съ чего, кажись? Диви-бъ его больно сѣкли: самое лишь малое пристрастіе произвели. Я и надъ всѣми прочими такіе точно побои произносилъ; сходило безъ всякихъ такихъ пустяковъ». Ждалъ было онъ, что мать пойдетъ жаловаться и, возгордясь, молчалъ. Только гдѣ ужь, не посмѣла мать жаловаться. И послалъ онъ ей тогда отъ себя пятнадцать рублей и лѣкаря отъ себя; и не то чтобъ побоявшись чего, а такъ, задумался. А тутъ скоро и срокъ ему подошелъ, запилъ недѣли на три.

Миновала зима, и на самое Свѣтло-Христово Воскресенье, въ самый великій день, спрашиваетъ Максимъ Ивановичъ опять: «А что тотъ самый мальчикъ?» А всю зиму молчалъ, не спрашивалъ. И говорятъ ему: «выздоровѣлъ, у матери, а та все поденно уходитъ». И поѣхалъ Максимъ Ивановичъ того-же дня ко вдовѣ, въ домъ не вошелъ, а вызвалъ къ воротамъ; самъ на дрожкахъ сидитъ: «Вотъ что, говоритъ, честная вдова, хочу я твоему сыну, чтобы истиннымъ благодѣтелемъ быть и безпредѣльныя милости ему оказать: беру его отселѣ къ себѣ, въ самый мой домъ. И ежели вмалѣ мнѣ угодитъ, то достаточный капиталъ ему отпишу: а совсѣмъ ежели угодитъ, то и всего состоянія нашего могу его, по смерти, пріемникомъ утвердить, равно какъ роднаго-бы сына, съ тѣмъ, однако, чтобы ваша милость, окромя великихъ праздниковъ, въ домъ не жаловали. Коли складно по вашему, такъ завтра утромъ приводи мальчика, не все ему въ бабки играть». И, сказавъ, уѣхалъ, мать оставивъ какъ-бы въ безуміи. Прослышали люди, говорятъ ей: «Возрастетъ малый, самъ попрекать тебя станетъ, что лишила его такой судьбы». Ночь-то надъ нимъ поплакала, а по утру отвела дитя. А мальчикъ ни живъ, ни мертвъ.

Одѣлъ его Максимъ Ивановичъ какъ барченка и учителя нанялъ, и съ того самаго часу за книгу засадилъ; и такъ дошло, что и съ глазъ его не спускаетъ, все при себѣ. Чуть мальчикъ зазѣвается, онъ ужь и кричитъ: «За книгу! Учись: я тебя человѣкомъ сдѣлать хочу». А мальчикъ хилый, съ того самаго разу, послѣ побоевъ-то, кашлять сталъ. «У меня-ль не житье!—дивится Максимъ Ивановичъ: — у матери босой бѣгалъ, корки жевалъ, съ чего-жь онъ еще пуще прежняго хилъ?» А учитель и говоритъ: «Всякому мальчику, говоритъ, надо и порѣзвиться, не все учиться; ему моціонъ необходимъ», и вывелъ ему все резономъ. Максимъ Ивановичъ подумалъ: «это ты правду говоришь». А былъ тотъ учитель Петръ Степановичъ, царство ему небесное, какъ-бы словно юродивый, пилъ ужь оченно, такъ даже, что и слишкомъ, и потому самому его давно уже отъ всякаго мѣста отставили и жилъ по горо-

ду все одно, что милостыней, а ума былъ великаго и въ наукахъ твердъ. «Мнѣ-бы не здѣсь быть,—самъ говорилъ про себя:—мнѣ въ университетѣ профессоромъ только быть, а здѣсь я въ грязь погруженъ и «самыя одежды мои возгнушались мною». Сѣлъ Максимъ Ивановичъ и кричитъ мальчику: «рѣзвись!»— а тотъ передъ нимъ еле дышетъ. И до того дошло, что самаго голосу его ребенокъ не могъ снести,— такъ весь и затрепещется. А Максимъ-то Ивановичъ все пуще удивляется: «Ни онъ такой, ни онъ этакой; я его изъ грязи взялъ, въ прадедамъ одѣлъ; на немъ полсапожки матерчатые, рубашка съ вышивкой, какъ генеральскаго сына держу, чего-жь онъ ко мнѣ не приверженъ? Чего какъ волченокъ молчитъ?» И хоть давно ужь всѣ перестали удивляться на Максима Ивановича, но тутъ опять задивились: изъ себя вышелъ человѣкъ; къ этакому малому ребенку пристадъ, отступиться не можетъ. «Живъ не желаю быть, а характеръ въ немъ искореню. Меня отецъ его, на смертномъ одрѣ, уже святаго причастья вкусивъ, проклиналъ; это у него отцовскій характеръ». И вѣдь даже ни разу лозы не употребилъ (съ того разу боялся). Запугалъ онъ его, вотъ что. Безъ лозы запугалъ.

И случилось дѣло. Только онъ разъ вышелъ, а мальчикъ вскочилъ изъ-за книги да на стулъ: передъ тѣмъ на шифонерку мячъ забросилъ, такъ чтобъ мячикъ ему достать, да объ фарфоровую лампу на шифонеркѣ рукавомъ и зацѣпилъ; лампа-то грохнулась, да на полъ, да въ дребезги, ажно по всему дому зазвенѣло, а вещь дорогая — фарфоръ саксонскій. А тутъ вдругъ Максимъ Ивановичъ изъ третьей комнаты услышалъ и завопилъ. Бросился ребенокъ бѣжать, куда глаза глядятъ съ перепугу, выбѣжалъ на террасу, да черезъ садъ да задней калиткой прямо на набережную. А по набережной тамъ бульваръ идетъ, старыя ракиты стоятъ, мѣсто веселое. Сбѣжалъ онъ внизъ къ водѣ, люди видѣли, всплеснулъ руками, у самаго того мѣста, гдѣ паромъ пристаетъ, да ужаснулся, что-ли, передъ водой — сталъ какъ вкопанный. А мѣсто это широкое, рѣка быстрая, барки проходятъ; на той сторонѣ лавки, площадь, храмъ Божій златыми главами сіяетъ. И какъ разъ тутъ на перевозъ поспѣшала съ дочкой полковница Ферзингъ — полкъ стоялъ пѣхотный. Дочка, тоже ребеночекъ лѣтъ восьми, идетъ въ бѣленькомъ платьицѣ, смотритъ на мальчика и смѣется, а въ рукахъ таку малую кошолочку деревенскую несетъ, а въ колошочкѣ ежика.— «Смотрите, говоритъ, маменька, какъ мальчикъ смотритъ на моего ежика». — «Нѣтъ, говоритъ полковница, а онъ испугался чего-то. — Чего вы такъ испугались, хорошенькій мальчикъ?» (такъ все это потомъ и разсказывали). «И какой, говоритъ, это хорошенькій мальчикъ, и какъ хорошо одѣтъ; чей вы, говоритъ, мальчикъ?» А онъ никогда еще ежика не видывалъ, подступилъ и смотритъ, и уже забылъ — дѣтскій возрастъ! «Что это, говоритъ, у васъ такое?» — «А это, говоритъ барышня, у насъ ежикъ, мы сейчасъ у деревенскаго мужика купили: онъ въ лѣсу нашелъ». — «Какъ-же это, говоритъ, такой ежикъ?» и ужь смѣется, и сталъ онъ его тыкать пальчикомъ, а ежикъ-то щетинится, а дѣвочка-то рада на мальчика: «мы, говоритъ, его домой несемъ и хотимъ пріучать». — «Ахъ, говоритъ, подарите мнѣ вашего ежика!» И такъ онъ это ее умильно попросилъ, и только что выговоритъ, какъ вдругъ Максимъ-то Ивановичъ надъ нимъ сверху: «А! Вотъ ты гдѣ! Держи его!» (до того озвѣрѣлъ, что самъ безъ шапки изъ дому погнался за нимъ). Мальчикъ, какъ вспомнилъ про все, вскрикнулъ, бросился къ водѣ, прижалъ себѣ къ обѣимъ грудкамъ по кулачку, посмотрѣлъ въ небеса (видѣли, видѣли!) — да бухъ въ воду! Ну, закричали, бросились съ парома, стали ловить, да водой отнесло, рѣка быстрая, а какъ вытащили, ужь и захлебнулся,— мертвенькій. Грудкой-то слабъ былъ, не стерпѣлъ воды, да и много-ль такому надо? И вотъ на памяти людской еще не было въ тѣхъ мѣстахъ, чтобы такой малый ребеночекъ на свою жизнь посягнулъ! Такой грѣхъ! И что можетъ сія малая душка на томъ свѣтѣ Господу Богу сказать!

Надъ тѣмъ самымъ, съ тѣхъ поръ, Максимъ Ивановичъ и задумался. И перемѣнился человѣкъ, что узнать нельзя. Больно ужь тогда опечалился. Сталъ было пить,

много пилъ, да бросилъ — не помогло. Бросилъ и на фабрику ѣздить, никого не слушаетъ. Говорятъ ему что̀, — молчитъ, али рукой махнетъ. Такъ проводилъ онъ мѣсяца съ два, а потомъ сталъ самъ съ собой говорить. Ходитъ и самъ съ собой говоритъ. Сгорѣла подгородная деревнюшка Васькова, выгорѣло девять домовъ; поѣхалъ Максимъ Ивановичъ взглянуть. Обступили его погорѣльцы, взвыли, — обѣщалъ помочь и приказъ отдалъ, а потомъ призвалъ управляющаго и все отмѣнилъ: «Не надо-ть, говоритъ, ничего давать», и не сказалъ за что̀. «Въ попраніе меня, говоритъ, отдалъ Господь всѣмъ людямъ, яко-же нѣкоего изверга, то ужь пусть такъ и будетъ. Какъ вѣтеръ, говоритъ, развѣялась слава моя». Пріѣхалъ къ нему самъ архимандритъ, старецъ былъ строгій и въ монастырѣ общежитіе ввелъ. — «Ты чего?» говоритъ, строго такъ. — «А я вотъ чего», — и раскрылъ ему Максимъ Ивановичъ и указалъ мѣсто:

«А иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ оселскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй» (Матѳ. 18, 6).

— Да, сказалъ архимандритъ: — хоть и не о томъ сіе прямо сказано, а все-же соприкасается. Бѣда, коли мѣрку свою потеряетъ человѣкъ — пропадетъ тотъ человѣкъ. А ты возмнилъ.

А Максимъ Ивановичъ сидитъ, словно столбнякъ на него нашелъ. Архимандритъ глядѣлъ-глядѣлъ.

— Слушай, говоритъ, — и запомни. Сказано: «Слова отчаяннаго летятъ на вѣтеръ». И еще то вспомни, что и ангелы Божіи несовершенны, а совершенъ и безгрѣшенъ токмо единъ Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, Ему-же ангелы служатъ. Да и не хотѣлъ-же ты смерти сего младенца, а только былъ безразсуденъ. Только вотъ что, говоритъ, мнѣ даже чудесно, мало-ль ты, говоритъ, еще горшихъ безчинствъ произносилъ, мало-ль по міру людей пустилъ, мало-ль растлилъ, мало-ль погубилъ — все одно какъ-бы убіеніемъ? И не его-ли сестры еще прежде того всѣ перемерли, всѣ четыре младенчика, почти что на глазахъ твоихъ? Чего-жь тебя такъ сей единый смутилъ? Вѣдь о прежнихъ всѣхъ, полагаю, не то что сожалѣлъ, а и думать забылъ? Почему-же такъ устрашился младенца сего, въ коемъ и не весьма повиненъ?

— Во снѣ мнѣ снится, изрекъ Максимъ Ивановичъ.

— И что̀-же?

Но ничего болѣе не открылъ, сидитъ-молчитъ. Удивился архимандритъ, да съ тѣмъ и отъѣхалъ: ничего ужь тутъ не подѣлаешь.

И послалъ Максимъ Ивановичъ за учителемъ, за Петромъ Степановичемъ; съ самаго того случая не видались. — Помнишь ты? говоритъ.

— Помню, говоритъ.

— Ты, говоритъ, здѣсь масляной краской въ трактиръ картины мазалъ и съ архиреева портрета копію снималъ. Можешь ты мнѣ написать краской картину одну?

— Я, говоритъ, все могу; я, говоритъ, всякій талантъ имѣю и все могу.

— Напиши-же ты мнѣ картину самую большую, во всю стѣну, и напиши на ней перво-на-перво рѣку, и спускъ, и перевозъ, и чтобъ всѣ люди, какіе были тогда, всѣ тутъ были. И чтобъ полковница и дѣвочка были, и тотъ самый ежикъ. Да и другой берегъ весь мнѣ спиши, чтобъ видѣнъ былъ, какъ есть: и церковь, и площадь, и лавки, и гдѣ извощики стоятъ, — все, какъ есть, спиши. И тутъ у перевоза мальчика, надъ самой рѣкой, на томъ самомъ мѣстѣ, и безпремѣнно, чтобы два кулачка вотъ такъ къ груди прижалъ, къ обоимъ сосочкамъ. Безпремѣнно это. И раскрой ты передъ нимъ съ той стороны, надъ церковью небо, и чтобы всѣ ангелы во свѣтѣ небесномъ летѣли стрѣчать его. Можешь потрафить, аль нѣтъ?

— Я все могу.

— Я не то, чтобъ такого Трифона, какъ ты, я и первѣйшаго живописца изъ Москвы могу выписать, али хоша-бы изъ самаго Лондона, да ты его ликъ помнишь. Если выйдетъ не схожъ, али мало схожъ, то дамъ тебѣ всего пятьдесятъ рублей, а если выйдетъ совсѣмъ похожъ, то дамъ двѣсти рублей. Помни, глазки голубенькіе... Да чтобы самая-самая большая картина вышла.

Изготовились; сталъ писать Петръ Степановичъ, да вдругъ и приходитъ:

— Нѣтъ, говоритъ, въ такомъ видѣ нельзя писать.

— Что такъ?

— Потому что грѣхъ сей, самоубивство, есть самый великій изъ всѣхъ грѣховъ. То какъ-же ангели его будутъ стрѣчать послѣ такого грѣха?

— Да вѣдь онъ — младенецъ, ему невмѣнимо.

— Нѣтъ, не младенецъ, а ужь отрокъ: восьми уже лѣтъ былъ, когда сіе совершилось. Все-же онъ хотя нѣкій отвѣтъ долженъ дать.

Еще пуще ужаснулся Максимъ Ивановичъ.

— А я, говоритъ Петръ Степановичъ, вотъ какъ придумалъ: небо открывать не станемъ и ангеловъ писать нечего; а спущу я съ неба, какъ-бы въ встрѣчу ему, лучъ, такой одинъ свѣтлый лучъ: все равно, какъ-бы нѣчто и выйдетъ.

Такъ и пустили лучъ. И видѣлъ я самъ потомъ, уже спустя, картину сію и этотъ лучъ самый, и рѣку—во всю стѣну вытянулъ, вся синяя, и отрокъ милый тутъ-же, обѣ ручки къ грудкамъ прижалъ, и маленькую барышню, и ежика—все потрафилъ. Только Максимъ Ивановичъ тогда никому картину не открылъ, а заперъ ее въ кабинетѣ на ключъ отъ всѣхъ глазъ. А ужь какъ рвались по городу, чтобъ повидать: всѣхъ гнать велѣлъ. Большой разговоръ пошелъ. А Петръ Степановичъ словно изъ себя тогда вышелъ: «я, говоритъ, теперь уже все могу; мнѣ, говоритъ, только въ Санктпетербургѣ при дворѣ состоять». Любезнѣйшій былъ человѣкъ, а превозноситься любилъ безпримѣрно. И постигла его участь: какъ получилъ всѣ двѣсти рублей, началъ тотчасъ-же пить и всѣмъ деньги показывать, похваляясь; и убилъ его пьянаго ночью нашъ мѣщанинъ, съ которымъ и пилъ, и деньги ограбилъ; все сіе на утро и объяснилось.

А кончилось все такъ, что и теперь тамъ напрежъ всего вспоминаютъ. Вдругъ пріѣзжаетъ Максимъ Ивановичъ къ той самой вдовѣ: нанимала на краю у мѣщанки въ избушкѣ. На сей разъ уже во дворъ вошелъ; сталъ предъ ней, да и поклонился въ землю. А та, съ тѣхъ разовъ больна была, еле двигалась. «Матушка, возопилъ, честная вдовица: выйди за меня, изверга, замужъ, дай жить на свѣтѣ!» Та глядитъ ни жива, ни мертва. «Хочу, говоритъ, чтобъ у насъ еще мальчикъ родился, и ежели родится онъ, тогда, значитъ, тотъ мальчикъ простилъ насъ обоихъ: и тебя, и меня. Мнѣ такъ мальчикъ велѣлъ». Видитъ она, что не въ умѣ человѣкъ, а какъ-бы въ изступленіи, да все-же не утерпѣла:

— Пустяки это все, отвѣчаетъ ему: — и одно малодушіе. Черезъ то самое малодушія я всѣхъ моихъ птенцовъ истеряла. Я и видѣть-то васъ передъ собой не могу, а не то, чтобы такую вѣковѣченскую муку принять.

Отъѣхалъ Максимъ Ивановичъ, да не унялся. Загрохоталъ весь городъ отъ такого чуда. А Максимъ Ивановичъ свахъ заслалъ. Выписалъ изъ губерніи двухъ своихъ тетокъ, по мѣщанству жили. Тетки не тетки, все-же родственницы, честь, значитъ: стали тѣ ее склонять, принялись улещать, изъ избы не выходятъ. Заслалъ и изъ городскихъ, и по купечеству, и протопопшу соборную, и изъ чиновницъ; обступили ее всѣмъ городомъ, а та даже гнушается: «Если-бъ, говоритъ, сироты мои ожили, а теперь на что? Да я передъ сиротками моими какой грѣхъ приму!» Склонилъ и архимандрита, подулъ и тотъ въ ухо: «Ты, говоритъ, въ немъ новаго человѣка воззвать можешь». Ужаснулась она. А люди-то на нее удивляются: «Ужь и какъ-же это можно, чтобъ отъ такого счастья отказываться!» И вотъ, чѣмъ-же онъ ее въ концѣ покорилъ: «Все-же онъ, говоритъ, самоубивецъ, и не младенецъ, а уже отрокъ, и по лѣтамъ ко святому причастью его уже прямо допустить нельзя было, а, стало быть, все-же онъ хотя-бы нѣкій отвѣтъ долженъ дать. Если-же вступишь со мной въ супружество, то великое обѣщаніе даю: выстрою новый храмъ токмо на вѣчный поминъ души его». Противъ сего не устояла и согласилась. Такъ и повѣнчались.

И вышло всѣмъ на удивленіе. Стали они жить съ самаго перваго дня, въ великомъ и нелицемѣрномъ согласіи, опасно соблюдая свое супружество, и какъ единая ду-

ша въ двухъ тѣлесахъ. Зачала она въ туже зиму, и стали они посѣщать храмы Божіи и трепетать гнѣва Господня. Были въ трехъ монастыряхъ и внимали пророчествамъ. Онъ-же соорудилъ обѣщанный храмъ, и выстроилъ въ городѣ больницу и богадѣльню. Отдѣлилъ капиталъ на вдовъ и сиротъ. И вспомнилъ всѣхъ, кого обидѣлъ, и возжелалъ возвратить; деньги-же сталъ выдавать безмѣрно, такъ что уже супруга и архимандритъ придержали за руки, ибо «довольно, говорятъ, и сего». Послушался Максимъ Ивановичъ: «Я, говоритъ, въ тотъ разъ Ѳому обсчиталъ». Ну, Ѳомѣ отдали. А Ѳома такъ даже заплакалъ: «Я, говоритъ, я и такъ... Многимъ и безъ того довольны и вѣчно обязаны Богу молить». Всѣхъ, стало быть, проникло оно, и значитъ правду говорятъ, что хорошимъ примѣромъ будетъ живъ человѣкъ. А народъ тамъ добрый.

Фабрикой сама супруга стала орудовать и такъ, что и теперь вспоминаютъ. Пить не пересталъ, но стала она его въ эти самые дни соблюдать, а потомъ и лечить. Рѣчь его стала степенная, и даже самый гласъ измѣнился. Сталъ жалостливъ безпримѣрно, даже къ скотамъ: увидалъ изъ окна, какъ мужикъ стегалъ лошадь по головѣ безобразно, и тотчасъ выслалъ и купилъ у него лошадь, за вдвое цѣны. И получилъ даръ слезный: кто-бы съ нимъ ни заговорилъ, такъ и зальется слезами. Когда-же приспѣло время ея, внялъ, наконецъ, Господь ихъ молитвамъ и послалъ имъ сына, и сталъ Максимъ Ивановичъ, еще въ первый разъ съ тѣхъ поръ, свѣтелъ; много милостыни роздалъ, много долговъ простилъ, на крестины созвалъ весь городъ. Созвалъ онъ это городъ, а на другой день, какъ ночь, вышелъ. Видитъ супруга, что съ нимъ нѣчто сталось, и поднесла къ нему новорожденнаго: «Простилъ, говоритъ, насъ отрокъ, внялъ слезамъ и молитвамъ за него нашимъ». А о семъ предметѣ, надо такъ сказать, они во весь годъ ни разу не сказали слова, а лишь оба про себя содержали. И поглядѣлъ на нее Максимъ Ивановичъ мрачно, какъ ночь: «Подожди, говоритъ: онъ, почитай, весь годъ не приходилъ, а въ сію ночь опять приснился».— «Тутъ-то въ первый разъ проникъ и въ мое сердце ужасъ, послѣ сихъ странныхъ словъ», — припоминала потомъ.

И не напрасно приснился отрокъ. Только что Максимъ Ивановичъ о семъ изрекъ, почти, такъ сказать, въ самую ту минуту приключилось съ новорожденнымъ нѣчто: вдругъ захворалъ. И болѣло дитя восемь дней, молились неустанно и докторовъ призывали, и выписали изъ Москвы самаго перваго доктора по чугункѣ. Прибылъ докторъ, разсердился: «Я, говоритъ — самый первый докторъ, меня вся Москва ожидаетъ». Прописалъ капель и уѣхалъ поспѣшно. Восемьсотъ рублей увезъ. А ребеночекъ къ вечеру померъ.

И что-же за симъ? Отписалъ Максимъ Ивановичъ все имущество любезной супругѣ, выдалъ ей всѣ капиталы и документы, завершилъ все правильно и законнымъ порядкомъ, а затѣмъ сталъ передъ ней и поклонился ей до земли: «Отпусти ты меня, безцѣнная супруга моя, душу мою спасти, пока можно. Ежели время мое безъ успѣха душѣ проведу, то назадъ уже не возвращусь. Былъ я твердъ и жестокъ, и тягости налагалъ, но мню, что за скорби и странствія предстоящія не оставитъ безъ воздаянія Господь, ибо оставить все сіе есть не малый крестъ и не малая скорбь». И унимала его супруга со многими слезами: «Ты мнѣ единъ теперь на землѣ, на кого-же останусь? Я, говоритъ, за годъ въ сердцѣ милость нажила». И увѣщевали всѣмъ городомъ цѣлый мѣсяцъ, и молили его, и положили силой стеречь. Но не послушалъ ихъ, и ночью скрытно вышелъ и болѣе уже не возвращался. А, слышно, подвизается въ странствіяхъ и терпѣніи даже до сегодня, а супругу милую извѣщаетъ ежегодно...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Теперь приступлю къ окончательной катастрофѣ, завершающей мои записки. Но чтобъ продолжать дальше, я долженъ предварительно забѣжать впередъ и объяснить нѣчто, о чемъ я совсѣмъ въ то время не

зналъ, когда дѣйствовалъ, но о чемъ узналъ и что разъяснилъ себѣ вполнѣ уже гораздо позже, то есть тогда, когда все уже кончилось. Иначе не съумѣю быть яснымъ, такъ какъ пришлось-бы все писать загадками. И потому сдѣлаю прямое и простое разъясненіе, жертвуя такъ называемою художественностью, и сдѣлаю такъ, какъ-бы и не я писалъ, безъ участія моего сердца, а въ родѣ какъ-бы entrefilet въ газетахъ.

Дѣло въ томъ, что товарищъ моего дѣтства Ламбертъ очень и даже прямо могъ-бы быть причисленъ къ тѣмъ мерзкимъ шайкамъ мелкихъ пройдохъ, которыя сообщаются взаимно ради того, что̀ называютъ теперь шантажемъ и на что̀ подыскиваютъ теперь въ сводѣ законовъ опредѣленія и наказанія. Шайка, въ которой участвовалъ Ламбертъ, завелась еще въ Москвѣ и уже надѣлала тамъ довольно проказъ (впослѣдствіи она была отчасти обнаружена). Я слышалъ потомъ, что въ Москвѣ у нихъ, нѣкоторое время, былъ чрезвычайно опытный и не глупый руководитель и уже пожилой человѣкъ. Пускались они въ свои предпріятія и всею шайкою, и по частямъ. Производили-же, рядомъ съ самыми грязненькими и нецензурными вещами (о которыхъ, впрочемъ, извѣстія уже являлись въ газетахъ) — и довольно сложныя и даже хитрыя предпріятія, подъ руководствомъ ихъ шефа. Объ нѣкоторыхъ я потомъ узналъ, но не буду передавать подробностей. Упомяну лишь, что главный характеръ ихъ пріемовъ состоялъ въ томъ, чтобъ разузнать кой-какіе секреты людей, иногда честнѣйшихъ и довольно высоко поставленныхъ; затѣмъ они являлись къ этимъ лицамъ и грозили обнаружить документы (которыхъ иногда совсѣмъ у нихъ не было) и за молчаніе требовали выкупъ. Есть вещи и негрѣшныя, и совсѣмъ непреступныя, но обнаруженія которыхъ испугается даже порядочный и твердый человѣкъ. Били они большею частію на семейныя тайны. Чтобъ указать, какъ ловко дѣйствовалъ иногда ихъ шефъ, разскажу, безо всякихъ подробностей и въ трехъ только строкахъ, объ одной ихъ продѣлкѣ. Въ одномъ весьма честномъ домѣ случилось дѣйствительно и грѣшное, и преступное дѣло; а именно, жена одного извѣстнаго и уважаемаго человѣка вошла въ тайную любовную связь съ однимъ молодымъ и богатымъ офицеромъ. Они это пронюхали и поступили такъ: прямо дали знать молодому человѣку, что увѣдомятъ мужа. Доказательствъ у нихъ не было ни малѣйшихъ, и молодой человѣкъ про это зналъ отлично, да и сами они отъ него не таились; но вся ловкость пріема и вся хитрость разсчета состояла въ этомъ случаѣ лишь въ томъ соображеніи, что увѣдомленный мужъ и безъ всякихъ доказательствъ поступитъ точно такъ-же и сдѣлаетъ тѣ-же самые шаги, какъ если-бъ получилъ самыя математическія доказательства. Они били тутъ на знаніе характера этого человѣка и на знаніе его семейныхъ обстоятельствъ. Главное то, что въ шайкѣ участвовалъ одинъ молодой человѣкъ изъ самаго порядочнаго круга и которому удалось предварительно достать свѣдѣнія. Съ любовника они содрали очень не дурную сумму и безо всякой для себя опасности, потому что жертва сама жаждала тайны.

Ламбертъ, хоть и участвовалъ, но всецѣло къ той московской шайкѣ не принадлежалъ; войдя-же во вкусъ, началъ по маленьку и въ видѣ пробы дѣйствовать отъ себя. Скажу заранѣе: онъ на это былъ не совсѣмъ способенъ. Былъ онъ весьма не глупъ и разсчетливъ, но горячъ и, сверхъ того, простодушенъ или, лучше сказать, наивенъ, то есть не зналъ ни людей, ни общества. Онъ, напримѣръ, вовсе, кажется, не понималъ значенія того московскаго шефа и полагалъ, что направлять и организировать такія предпріятія очень легко. Наконецъ, онъ предполагалъ чуть не всѣхъ такими-же подлецами, какъ самъ. Или, напримѣръ, разъ вообразивъ, что такой-то человѣкъ боится или долженъ бояться потому-то и потому-то, онъ уже и не сомнѣвался въ томъ, что тотъ дѣйствительно боится, какъ въ аксіомѣ. Не умѣю я это выразить; впослѣдствіи разъясню яснѣе фактами, но, по моему, онъ былъ довольно грубо развитъ, а въ иныя добрыя, благородныя чувства не то что не вѣрилъ, но даже, можетъ быть, не имѣлъ о нихъ и понятія.

Прибылъ онъ въ Петербургъ, потому что давно уже помышлялъ о Петербургѣ, какъ о поприщѣ болѣе широкомъ чѣмъ Москва, и еще потому, что въ Москвѣ онъ гдѣ-то и какъ-то попалъ въ просакъ и его кто-то розыскивалъ съ самыми дурными на его счетъ намѣреніями. Прибывъ въ Петербургъ, тотчасъ-же вошелъ въ сообщеніе съ однимъ прежнимъ товарищемъ, но поле нашелъ скудное, дѣла мелкія. Знакомство потомъ разрослось, но ничего не составлялось: «Народъ здѣсь дрянной, тутъ одни мальчишки», говорилъ онъ мнѣ самъ потомъ. И вотъ въ одно прекрасное утро, на разсвѣтѣ, онъ вдругъ находитъ меня замерзавшаго подъ заборомъ и прямо нападаетъ на слѣдъ «богатѣйшаго», по его мнѣнію, «дѣла».

Все дѣло оказалось въ моемъ враньѣ, когда я оттаялъ тогда у него на квартирѣ. О, я былъ тогда какъ въ бреду! Но изъ словъ моихъ всетаки выступило ясно, что я изъ всѣхъ моихъ обидъ того роковаго дня всего болѣе запомнилъ и держалъ на сердцѣ лишь обиду отъ Бьоринга и отъ *нея:* иначе я-бы не бредилъ объ этомъ однимъ у Ламберта; а бредилъ-бы, напримѣръ, и о Зерщиковѣ; между тѣмъ, оказалось лишь первое, какъ узналъ я впослѣдствіи отъ самого Ламберта. И къ этому-же я былъ въ восторгѣ, и на Ламберта, и на Альфонсину смотрѣлъ въ то ужасное утро, какъ на какихъ-то освободителей и спасителей. Когда потомъ, выздоравливая, я соображалъ, еще лежа въ постели: что-бы могъ узнать Ламбертъ изъ моего вранья и до какой именно степени я ему проврался? — то ни разу не приходило ко мнѣ даже подозрѣнія, что онъ могъ такъ много тогда узнать! О, конечно, судя по угрызеніямъ совѣсти, я уже и тогда подозрѣвалъ, что должно быть насказалъ много лишняго, но, повторяю, никакъ не могъ предположить, что до такой степени! Надѣялся тоже и разсчитывалъ на то, что я и выговаривать слова тогда у него не въ силахъ былъ ясно, объ чемъ у меня осталось твердое воспоминаніе, а между тѣмъ, оказалось на дѣлѣ, что я и выговаривалъ тогда гораздо яснѣе, чѣмъ потомъ предполагалъ и чѣмъ надѣялся. Но главное то, что все это обнаружилось лишь потомъ и долго спустя, а въ томъ-то и заключалась моя бѣда.

Изъ моего бреда, вранья, лепета, восторговъ и проч. онъ узналъ, во первыхъ: почти всѣ фамиліи въ точности, и даже иные адресы. Во вторыхъ, составилъ довольно приблизительное понятіе о значеніи этихъ лицъ (стараго князя, ея, Бьоринга, Анны Андреевны, и даже Версилова); третье: узналъ, что я оскорбленъ и грожусь отмстить и, наконецъ, четвертое, главнѣйшее: узналъ, что существуетъ такой документъ, таинственный и спрятанный, такое письмо, которое, если показать полусъумасшедшему старику-князю, то онъ, прочтя его и узнавъ, что собственная дочь считаетъ его съумасшедшимъ и уже «совѣтовалась съ юристами» о томъ, какъ-бы его засадить,— или сойдетъ съума окончательно, или прогонитъ ее изъ дому и лишитъ наслѣдства, или женится на одной m-lle Версиловой, на которой уже хочетъ жениться и чего ему не позволяютъ. Однимъ словомъ, Ламбертъ очень многое понялъ; безъ сомнѣнія, ужасно много оставалось темнаго, но шантажный искусникъ всетаки попалъ на вѣрный слѣдъ. Когда я убѣжалъ потомъ отъ Альфонсины, онъ немедленно розыскалъ мой адресъ (самымъ простымъ средствомъ— въ адресномъ столѣ); потомъ немедленно сдѣлалъ надлежащія справки, изъ коихъ узналъ, что всѣ эти лица, о которыхъ я ему вралъ, существуютъ дѣйствительно. Тогда онъ прямо приступилъ къ первому шагу.

Главнѣйшее состояло въ томъ, что существуетъ *документъ* и что обладатель его—я, и что этотъ документъ имѣетъ высокую цѣнность: въ этомъ Ламбертъ не сомнѣвался. Здѣсь опускаю одно обстоятельство, о которомъ лучше будетъ сказать впослѣдствіи и въ своемъ мѣстѣ, но упомяну лишь о томъ, что обстоятельство это наиглавнѣйше утвердило Ламберта въ убѣжденіи о дѣйствительномъ существованіи и, главное, о цѣнности документа. (Обстоятельство роковое, предупреждаю впередъ, котораго я-то ужь никакъ вообразить не могъ не только тогда, но даже до самаго конца всей исторіи, когда все вдругъ рушилось и разъяснилось само со-

бой). И такъ, убѣжденный въ главномъ, онъ, первымъ шагомъ, поѣхалъ къ Аннѣ Андреевнѣ.

А, между тѣмъ, для меня до сихъ поръ задача: какъ могъ онъ, Ламбертъ, профильтроваться и присосаться къ такой неприступной и высшей особѣ, какъ Анна Андреевна? Правда, онъ взялъ справки, но что-же изъ этого? Правда, онъ былъ одѣтъ прекрасно, говорилъ по парижски и носилъ французскую фамилію, но вѣдь не могла-же Анна Андреевна не разглядѣть въ немъ тотчасъ-же мошенника? Или предположить, что мошенника-то ей и надо было тогда. Но неужели такъ?

Я никогда не могъ узнать подробностей ихъ свиданія, но много разъ потомъ представлялъ себѣ въ воображеніи эту сцену. Вѣроятнѣе всего, что Ламбертъ, съ перваго слова и жеста розыгралъ передъ нею моего друга дѣтства, трепещущаго за любимаго и милаго товарища. Но, ужь конечно, въ это-же первое свиданіе съумѣлъ очень ясно намекнуть и на то, что у меня «документъ», дать знать, что это — тайна, что одинъ только онъ, Ламбертъ, обладаетъ этой тайной, и что я собираюсь отмстить этимъ документомъ генеральшѣ Ахмаковой, и проч., и проч. Главное, могъ разъяснить ей, какъ можно точнѣе, значеніе и цѣнность этой бумажки. Что-же до Анны Андреевны, то она именно находилась въ такомъ положеніи, что не могла не уцѣпиться за извѣстіе о чемъ нибудь въ этомъ родѣ, не могла не выслушать съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и... не могла не пойдти на удочку «изъ борьбы за существованіе». У ней именно, какъ разъ къ тому времени, сократили ея жениха и увезли подъ опеку въ Царское, да еще взяли и ее самое подъ опеку. И вдругъ такая находка: тутъ ужь пойдутъ не бабьи нашептыванія на ухо, не слезныя жалобы, не наговоры и сплетни, а тутъ письмо, манускриптъ, то есть математическое доказательство коварства намѣреній его дочки и всѣхъ тѣхъ, которые его отъ нея отнимаютъ, и что, стало быть, надо спасаться, хотя-бы бѣгствомъ, все къ ней-же, все къ той-же Аннѣ Андреевнѣ, и обвѣнчаться съ нею хоть въ двадцать четыре часа: не то какъ разъ конфискуютъ въ съумасшедшій домъ.

А, можетъ быть, и то, что Ламбертъ совсѣмъ не хитрилъ съ этою дѣвицею, даже ни минуты, а такъ-таки и брякнулъ съ перваго слова: «М-lle, или оставайтесь старой дѣвой, или становитесь княгиней-милліонщицей: вотъ документъ, а я его у подростка выкраду и вамъ передамъ... за вексель отъ васъ въ тридцать тысячъ». Я даже думаю, что именно такъ и было. О, онъ всѣхъ считалъ такими-же подлецами какъ самъ; повторяю, въ немъ было какое-то простодушіе подлеца, невинность подлеца... Такъ или этакъ, а весьма можетъ быть, что и Анна Андреевна, даже и при такомъ приступѣ, не смутилась ни на минуту, а отлично съумѣла сдержать себя и выслушать шантажника, говорившаго своимъ слогомъ — и все изъ «широкости». Ну, разумѣется, сперва покраснѣла немножко, а тамъ скрѣпилась и выслушала. И какъ воображу эту неприступную, гордую, дѣйствительно достойную дѣвушку и съ такимъ умомъ, рука въ руку съ Ламбертомъ, то... вотъ-то-съ умомъ! Русскій умъ, такихъ размѣровъ, до широкости охотникъ, — да еще женскій, да еще при такихъ обстоятельствахъ!

Теперь сдѣлаю резюме: ко дню и часу моего выхода послѣ болѣзни, Ламбертъ стоялъ на слѣдующихъ двухъ точкахъ (это-то ужь я теперь навѣрно знаю): первое, взять съ Анны Андреевны за документъ вексель не менѣе какъ въ тридцать тысячъ и затѣмъ помочь ей напугать князя, похитить его и съ нимъ вдругъ обвѣнчать ее — однимъ словомъ, въ этомъ родѣ. Тутъ даже составленъ былъ цѣлый планъ; ждали только моей помощи, то есть самаго документа.

Второй проэктъ: измѣнить Аннѣ Андреевнѣ, бросить ее и продать бумагу генеральшѣ Ахмаковой, если будетъ выгоднѣе. Тутъ разсчитывалось и на Бьоринга. Но къ генеральшѣ Ламбертъ еще не являлся, а только ее выслѣдилъ. Тоже ждалъ меня.

О, я ему былъ нуженъ, то есть не я, а документъ! На счетъ меня у него составились тоже два плана. Первый состоялъ въ

томъ, что если ужь нельзя иначе, то дѣйствовать со мной вмѣстѣ и взять меня въ половину, предварительно овладѣвъ мною и нравственно, и физически. Но второй планъ улыбался ему гораздо больше; онъ состоялъ въ томъ, чтобъ надуть меня, какъ мальчишку, и выкрасть у меня документъ или даже просто отнять его у меня силой. Этотъ планъ былъ излюбленъ и взлелѣянъ въ мечтахъ его. Повторяю: было одно такое обстоятельство, черезъ которое онъ почти не сомнѣвался въ успѣхѣ втораго плана, но, какъ сказалъ уже я, объясню это послѣ. Во всякомъ случаѣ, ждалъ меня съ судорожнымъ нетерпѣніемъ: все отъ меня зависѣло, всѣ шаги и на что рѣшиться.

И надо ему отдать справедливость: до времени онъ себя выдержалъ, не смотря на горячность. Онъ не являлся ко мнѣ на домъ во время болѣзни,—разъ только приходилъ и видѣлся съ Версиловымъ; онъ не тревожилъ, не пугалъ меня, сохранилъ передо мной ко дню и часу моего выхода видъ самой полной независимости. На счетъ-же того, что я могъ передать или сообщить, или уничтожить документъ, то въ этомъ онъ былъ спокоенъ. Изъ моихъ словъ у него онъ могъ заключить, какъ я самъ дорожу тайной и какъ боюсь, чтобы кто не узналъ про документъ. А что я приду къ нему первому, а не къ кому другому, въ первый-же день по выздоровленіи, то и въ этомъ онъ не сомнѣвался ни мало: Дарья Онисимовна приходила ко мнѣ отчасти по его приказанію, и онъ зналъ, что любопытство и страхъ уже возбуждены, что я не выдержу... Да къ тому-же онъ взялъ всѣ мѣры, могъ знать даже день моего выхода, такъ что я никакъ не могъ отъ него отвернуться, если-бъ даже захотѣлъ того.

Но если ждалъ меня Ламбертъ, то еще пуще, можетъ быть, ждала меня Анна Андреевна. Прямо скажу: Ламбертъ отчасти могъ быть и правъ, готовясь ей измѣнить, и вина была на ея сторонѣ. Не смотря на несомнѣнное ихъ соглашеніе (въ какой формѣ не знаю, но въ которомъ не сомнѣваюсь),— Анна Андреевна до самой послѣдней минуты была съ нимъ не вполнѣ откровенна. Не раскрылась на всю распашку. Она намекнула ему на всѣ согласія съ своей стороны и на всѣ обѣщанія,— но только лишь намекнула; выслушала, можетъ быть, весь его планъ до подробностей, но одобрила лишь молчаніемъ. Я имѣю твердыя данныя такъ заключить, а причина всему та, что — *ждала меня.* Она лучше хотѣла имѣть дѣло со мной, чѣмъ съ мерзавцемъ Ламбертомъ — вотъ несомнѣнный для меня фактъ! Это я понимаю; но ошибка ея состояла въ томъ, что это понялъ, наконецъ, и Ламбертъ. А ему слишкомъ было-бы невыгодно, если-бъ она, мимо его, выманила у меня документъ и вошла-бы со мной въ соглашеніе. Къ тому-же, въ то время онъ уже былъ увѣренъ въ крѣпости «дѣла». Другой-бы на его мѣстѣ трусилъ и все-бы еще сомнѣвался; но Ламбертъ былъ молодъ, дерзокъ, съ нетерпѣливѣйшей жаждой наживы, мало зналъ людей и несомнѣнно предполагалъ ихъ всѣхъ подлыми; такой усумниться не могъ, тѣмъ болѣе, что уже выпыталъ у Анны Андреевны всѣ главнѣйшія подтвержденія.

Послѣднее словечко и важнѣйшее: зналъ-ли что нибудь къ тому дню Версиловъ и участвовалъ-ли уже тогда въ какихъ нибудь хоть отдаленныхъ планахъ съ Ламбертомъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, *тогда* еще нѣтъ, хотя, можетъ быть, уже было закинуто роковое словцо... Но довольно, довольно, я слишкомъ забѣгаю впередъ.

Ну, а я-то что-же? Зналъ-ли я что нибудь, и что я зналъ ко дню выхода! Начиная это entre-filet, я увѣдомилъ, что ничего не зналъ ко дню выхода, что узналъ обо всемъ слишкомъ позже и даже тогда, когда уже все совершилось. Это правда, но такъ-ли вполнѣ? Нѣтъ, не такъ; я уже зналъ кое-что несомнѣнно, зналъ даже слишкомъ много, но какъ? Пусть читатель вспомнитъ про *сонъ!* Если ужь могъ быть такой сонъ, если ужь могъ онъ вырваться изъ моего сердца и такъ формулироваться, то, значитъ, я страшно много — не зналъ, а *предчувствовалъ* изъ того самаго, что сейчасъ разъяснилъ и что, въ самомъ дѣлѣ, узналъ лишь тогда, «когда уже все кончилось». Знанія не было, но сердце билось отъ предчувствій и злые духи уже овладѣли моими снами. И вотъ, къ этакому человѣку я рвался, вполнѣ зная, что это за человѣкъ и пред-

чувствуя даже подробности! И зачѣмъ я рвался? Представьте: мнѣ теперь, вотъ въ эту самую минуту, какъ я пишу, кажется, что я уже тогда зналъ во всѣхъ подробностяхъ, зачѣмъ я рвался къ нему, тогда какъ, опять таки, я еще ничего не зналъ. Можетъ быть, читатель это пойметъ. А теперь — къ дѣлу и фактъ за фактомъ.

II.

Началось съ того, что еще за два дня до моего выхода Лиза воротилась ввечеру вся въ тревогѣ. Она была страшно оскорблена; и дѣйствительно, съ нею случилось нѣчто нестерпимое.

Я упомянулъ уже о ея сношеніяхъ съ Васинымъ. Она пошла къ нему не потому лишь, чтобъ показать намъ, что въ насъ не нуждается, а и потому, что дѣйствительно цѣнила Васина. Знакомство ихъ началось еще съ Луги, и мнѣ всегда казалось, что Васинъ былъ къ ней неравнодушенъ. Въ несчастіи, ее поразившемъ, она естественно могла пожелать совѣта отъ ума твердаго, спокойнаго, всегда возвышеннаго, который предполагала въ Васинѣ. Къ тому-же, женщины небольшія мастерицы въ оцѣнкѣ мужскихъ умовъ, если человѣкъ имъ нравится, и парадоксы съ удовольствіемъ принимаютъ за строгіе выводы, если тѣ согласны съ ихъ собственными желаніями. Въ Васинѣ Лиза любила симпатію къ своему положенію и, какъ показалось ей съ первыхъ разовъ, — симпатію и къ князю. Подозрѣвая притомъ его чувства къ себѣ, она не могла не оцѣнить въ немъ симпатіи къ его сопернику? Князь-же, которому она сама передала, что ходитъ иногда совѣтоваться къ Васину, принялъ это извѣстіе съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ съ самаго перваго раза; онъ сталъ ревновать ее. Лиза была этимъ оскорблена, такъ что нарочно уже продолжала сношенія съ Васинымъ. Князь примолкъ, но былъ мраченъ. Лиза-же сама мнѣ потомъ призналась (очень долго спустя), что Васинъ даже очень скоро пересталъ ей тогда нравиться; онъ былъ спокоенъ, и именно это-то вѣчное ровное спокойствіе, столь понравившееся ей вначалѣ, показалось ей потомъ довольно неприглядным. Казалось-бы, онъ былъ дѣловитъ, и дѣйствительно далъ ей нѣсколько хорошихъ съ виду совѣтовъ, но всѣ эти совѣты, какъ нарочно, оказались неисполнимыми. Судилъ-же иногда слишкомъ свысока и нисколько передъ нею не конфузясь; — не конфузясь, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, — что̀ и приписала она возраставшему и невольному его пренебреженію къ ея положенію. Разъ она поблагодарила его за то, что онъ постоянно ко мнѣ благодушенъ и, будучи такъ выше меня по уму, разговариваетъ со мной какъ съ ровней (то есть, передала ему мои-же слова). Онъ ей отвѣтилъ:

— Это не такъ и не оттого. Это оттого, что я не вижу въ немъ никакой разницы съ другими. Я не считаю его ни глупѣе умныхъ, ни злѣе добрыхъ. Я ко всѣмъ одинаковъ, потому что въ моихъ глазахъ всѣ одинаковы.

— Какъ, неужели не видите различій?

— О, конечно, всѣ чѣмъ нибудь другъ отъ друга разнятся, но въ моихъ глазахъ различій не существуетъ, потому что различія людей до меня не касаются: для меня всѣ равны и все равно, а потому я со всѣми одинаково добръ.

— И вамъ такъ не скучно?

— Нѣтъ; я всегда доволенъ собой.

— И вы ничего не желаете?

— Какъ не желать? Но не очень. Мнѣ почти ничего не надо, ни рубля сверхъ. Я въ золотомъ платьѣ, и я какъ есть — это все равно; золотое платье ничего не прибавитъ Васину. Куски не соблазняютъ меня: могутъ-ли мѣста или почести стоить того мѣста, котораго я стою?

Лиза увѣряла меня честью, что онъ высказалъ это разъ буквально. Впрочемъ, тутъ нельзя такъ судить, а надо знать обстоятельства, при которыхъ высказано.

Мало по малу, Лиза пришла къ заключенію, что и къ князю онъ относится снисходительно, можетъ, потому лишь, что для него всѣ равны и «не существуетъ различій», а вовсе не изъ симпатіи къ ней; но подъ конецъ онъ какъ-то видимо сталъ терять свое равнодушіе, и къ князю началъ относиться не только съ осужденіемъ, но

и съ презрительной ироніей. Это разгорячило Лизу, но Васинъ не унялся. Главное, онъ всегда выражался такъ мягко, даже и осуждалъ безъ негодованія, а просто лишь логически выводилъ о всей ничтожности ея героя; но въ этой-то логичности и заключалась ирония. Наконецъ, почти прямо вывелъ передъ нею всю «неразумность» ея любви, всю упрямую насильственность этой любви. «Вы въ своихъ чувствахъ заблудились, а заблужденія, разъ сознанныя, должны быть непремѣнно исправлены».

Это было какъ разъ въ тотъ день; Лиза въ негодованіи встала съ мѣста, чтобъ уйдти, но что-же сдѣлалъ и чѣмъ кончилъ этотъ разумный человѣкъ? Съ самымъ благороднымъ видомъ, и даже съ чувствомъ, предложилъ ей свою руку. Лиза тутъ-же назвала его прямо въ глаза дуракомъ и вышла.

Предложить измѣну несчастному потому, что этотъ несчастный «не стоитъ» ея, и, главное, предложить это беременной отъ этого несчастнаго женщинѣ, — вотъ умъ этихъ людей! Я называю это страшною теоретичностью и совершеннымъ незнаніемъ жизни, происходящимъ отъ безмѣрнаго самолюбія. И вдобавокъ ко всему, Лиза самымъ яснымъ образомъ разглядѣла, что онъ даже гордился своимъ поступкомъ, хотя-бы потому, напримѣръ, что зналъ уже о ея беременности. Со слезами негодованія она поспѣшила къ князю, и тотъ, — тотъ даже перещеголялъ Васина: кажется-бы, могъ убѣдиться послѣ разсказа, что уже ревновать теперь нечего; но тутъ-то онъ и сошелъ съ ума. Впрочемъ, ревнивые всѣ таковы! Онъ сдѣлалъ ей страшную сцену и оскорбилъ ее такъ, что она было рѣшилась порвать съ нимъ тутъ-же всѣ отношенія.

Она пришла, однако-же, домой, еще сдерживаясь, но мамѣ не могла не признаться. О, въ тотъ вечеръ онѣ сошлись опять совершенно какъ прежде: ледъ былъ разбитъ; обѣ, разумѣется, наплакались, по ихъ обыкновенію, обнявшись, и Лиза, повидимому, успокоилась, хотя была очень мрачна. Вечеръ у Макара Ивановича она просидѣла, не говоря ни слова, но и не покидая комнаты. Она очень слушала, что онъ говорилъ. Съ того разу съ скамейкой она стала къ нему чрезвычайно и какъ-то робко почтительна, хотя все оставалась неразговорчивою.

Но въ этотъ разъ Макаръ Ивановичъ какъ-то неожиданно и удивительно повернулъ разговоръ; замѣчу, что Версиловъ и докторъ очень нахмуренно разговаривали по утру о его здоровьи. Замѣчу тоже, что у насъ въ домѣ уже нѣсколько дней, какъ приготовлялись справлять день рожденія мамы, приходившійся ровно черезъ пять дней, и часто говорили объ этомъ. Макаръ Ивановичъ по поводу этого дня, почему-то вдругъ ударился въ воспоминанія и припомнилъ дѣтство мамы и то время, когда она еще «на ножкахъ не стояла». «У меня съ рукъ не сходила, вспоминалъ старикъ: — бывало и ходить учу, поставлю въ уголокъ шага за три, да и зову ее, а она-то ко мнѣ колыхается черезъ комнату, и не боится, смѣется, а добѣжитъ до меня — бросится и за шею обыметъ. Сказки я тебѣ потомъ разсказывалъ, Софья Андреевна; до сказокъ ты у меня большая была охотница; часа по два на колѣняхъ у меня сидитъ — слушаетъ. Въ избѣ-то дивятся: «Ишь къ Макару какъ привязалась». А то унесу тебя въ лѣсъ, отыщу малиновый кустъ, посажу у малины, а самъ тебѣ свистульки изъ дерева рѣжу. Нагуляемся и назадъ домой на рукахъ несу — спитъ младенчикъ. А то разъ волка испугалась, бросилась ко мнѣ, вся трепещетъ, а и никакого волка не было».

— Это я помню, сказала мама.

— Неужто помнишь?

— Многое помню. Какъ только себя въ жизни запомнила, съ тѣхъ поръ любовь и милость вашу надъ собой увидѣла, проникнутымъ голосомъ проговорила она и вся вдругъ вспыхнула.

Макаръ Ивановичъ переждалъ немного.

— Простите, дѣтки, отхожу. Нынѣ урокъ житію моему приспѣлъ. Въ старости обрѣлъ утѣшеніе отъ всѣхъ скорбей; спасибо вамъ, милые.

— Полноте, Макаръ Ивановичъ, голубчикъ, воскликнулъ, нѣсколько встревожась, Версиловъ: — мнѣ докторъ давеча говорилъ, что вамъ несравненно легче...

Мама прислушивалась испуганно.

— Ну, что̀ онъ знаетъ, твой Александръ Семенычъ, улыбнулся Макаръ Ивановичъ: — милый онъ человѣкъ, а и не болѣе. Полноте, други, али думаете, что я помирать боюсь? Было у меня сегодня, послѣ утренней молитвы, такое въ сердцѣ чувство, что ужь болѣе отсюда не выйду; сказано было. Ну, и что̀-же, да будетъ благословенно имя Господне; только на васъ еще на всѣхъ наглядѣться хочется. И Іовъ многострадальный, глядя на новыхъ своихъ дѣтушекъ, утѣшался, а забылъ-ли прежнихъ, и могъ-ли забыть ихъ — невозможно сіе! Только съ годами печаль какъ-бы съ радостью вмѣстѣ смѣшивается, въ воздыханіе свѣтлое преобразуется. Такъ-то въ мірѣ: всякая душа и испытуема, и утѣшена. Положилъ я, дѣтки, вамъ словечко сказать одно, небольшое, продолжалъ онъ съ тихой, прекрасной улыбкой, которую я никогда не забуду, и обратился вдругъ ко мнѣ; — ты, милый, церкви святой ревнуй, и аще позоветъ время — и умри за нее; да подожди, не пугайся, не сейчасъ, усмѣхнулся онъ. — Теперь ты, можетъ быть, о семъ и не думаешь, потомъ, можетъ, подумаешь. Только вотъ что̀ еще: что̀ благое дѣлать замыслишь, то дѣлай для Бога, а не зависти ради. Дѣла-же своего твердо держись и не сдавай черезъ всякое малодушіе; дѣлай-же постепенно, не бросаясь и не кидаясь: ну, вотъ и все что̀ тебѣ надо. Развѣ, только молитву пріучайся творить ежедневно и неуклонно. Я это такъ только, авось когда припомнишь. Хотѣлъ было я и вамъ, Андрей Петровичъ, сударь, кой-что̀ сказать, да Богъ и безъ меня ваше сердце найдетъ. Да и давно ужь мы съ вами о семъ прекратили, съ тѣхъ поръ, какъ сія стрѣла сердце мое пронзила. Нынѣ-же, отходя, лишь напомню... о чемъ тогда пообѣщали...

Онъ почти прошепталъ послѣднія слова, потупившись.

— Макаръ Ивановичъ! смущенно проговорилъ Версиловъ и всталъ со стула.

— Ну, ну, не смущайтесь, сударь, я только такъ напомнилъ... А виновенъ въ семъ дѣлѣ Богу всѣхъ больше я; ибо хоть и господинъ мой были, но все-же не долженъ былъ я слабости сей попустить. Посему и ты, Софья, не смущай свою душу слишкомъ, ибо весь твой грѣхъ — мой, а въ тебѣ, такъ мыслю, и разумѣнье-то врядъ-ли тогда было, а, пожалуй, и въ васъ тоже, сударь, вкупѣ съ нею, улыбнулся онъ съ задрожавшими отъ какой-то боли губами: — и хоть могъ-бы я тогда поучить тебя, супруга моя, даже жезломъ, да и долженъ былъ, но жалко стало, какъ предо мной упала въ слезахъ и ничего не потаила... ноги мои цаловала. Не въ укоръ тебѣ вспомнилъ сіе, возлюбленная, а лишь въ напоминаніе Андрею Петровичу... ибо сами, сударь, помните дворянское обѣщаніе ваше, а вѣнцомъ все прикрывается... При дѣткахъ говорю, сударь-батюшка...

Онъ былъ чрезвычайно взволнованъ и смотрѣлъ на Версилова, какъ-бы ожидая отъ него подтвердительнаго слова. Повторяю, все это было такъ неожиданно, что я сидѣлъ безъ движенія. Версиловъ былъ взволнованъ даже не меньше его: онъ молча подошелъ къ мамѣ и крѣпко обнялъ ее; затѣмъ мама подошла, и тоже молча, къ Макару Ивановичу и поклонилась ему въ ноги.

Однимъ словомъ, сцена вышла потрясающая; въ комнатѣ на сей разъ были мы только всѣ свои. Даже Татьяны Павловны не было. Лиза какъ-то выпрямилась вся на мѣстѣ и молча слушала; вдругъ встала и твердо сказала Макару Ивановичу:

— Благословите и меня, Макаръ Ивановичъ, на большую муку. Завтра рѣшится вся судьба моя... а вы сегодня обо мнѣ помолитесь.

И вышла изъ комнаты. Я знаю, что Макару Ивановичу уже извѣстно было о ней все отъ мамы. Но я въ первый разъ еще въ этотъ вечеръ увидалъ Версилова и маму вмѣстѣ, до сихъ поръ я видѣлъ подлѣ него лишь рабу его. Страшно много еще не зналъ я и не примѣтилъ въ этомъ человѣкѣ, котораго уже осудилъ, а потому воротился къ себѣ смущенный. И надо такъ сказать, что именно къ этому времени сгустились всѣ недоумѣнія мои о немъ; никогда еще не представлялся онъ мнѣ столь таинственнымъ и неразгаданнымъ, какъ

въ то именно время; но объ этомъ-то и вся исторія, которую пишу; все въ свое время.

«Однако», подумалъ я тогда про себя, уже ложась спать, «выходитъ, что онъ далъ Макару Ивановичу свое «дворянское слово» обвѣнчаться съ мамой въ случаѣ ея вдовства. Онъ объ этомъ умолчалъ, когда разсказывалъ мнѣ прежде о Макарѣ Ивановичѣ».

На завтра Лиза не была весь день дома, а возвратясь уже довольно поздно, прошла прямо къ Макару Ивановичу. Я было не хотѣлъ входить, чтобъ не помѣшать имъ, но вскорѣ замѣтивъ, что тамъ ужь и мама, и Версиловъ, вошелъ. Лиза сидѣла подлѣ старика и плакала на его плечѣ, а тотъ, съ печальнымъ лицомъ, молча гладилъ ее по головкѣ.

Версиловъ объяснилъ мнѣ (уже потомъ у меня), что князь настоялъ на своемъ и положилъ обвѣнчаться съ Лизой при первой возможности, еще до рѣшенія суда. Лизѣ трудно было рѣшиться, хотя и не рѣшиться она уже почти не имѣла права. Да и Макаръ Ивановичъ «приказывалъ» вѣнчаться. Разумѣется, все-бы это обошлось потомъ само собой и обвѣнчалась-бы она несомнѣнно и сама безъ приказаній и колебаній, но въ настоящую минуту она такъ была оскорблена тѣмъ, кого любила, и такъ унижена была этою любовью даже въ собственныхъ глазахъ своихъ, что рѣшиться ей было трудно. Но, кромѣ оскорбленія, примѣшалось и новое обстоятельство, котораго я и подозрѣвать не могъ.

— Ты слышалъ, вся эта молодежь съ петербургской вчера арестована? прибавилъ вдругъ Версиловъ.

— Какъ? Дергачевъ? вскричалъ я.

— Да; и Васинъ тоже.

Я былъ пораженъ, особенно услышавъ о Васинѣ.

— Да развѣ онъ въ чемъ нибудь замѣшанъ? Боже мой, что съ ними теперь будетъ? И какъ нарочно въ то самое время, какъ Лиза такъ обвинила Васина!.. Какъ вы думаете, что съ ними можетъ быть? Тутъ Стебельковъ! Клянусь вамъ, тутъ Стебельковъ!

— Оставимъ, сказалъ Версиловъ, странно посмотрѣвъ на меня (именно такъ, какъ смотрятъ на человѣка непонимающаго и неугадывающаго):—кто знаетъ, что у нихъ тамъ есть и кто можетъ знать что съ ними будетъ? Я не про то: я слышалъ, ты завтра хотѣлъ-бы выйдти. Не зайдешь-ли къ князю Сергѣю Петровичу?

— Первымъ дѣломъ; хоть, признаюсь, мнѣ это очень тяжело. — А что, вамъ не надо-ли передать чего?

— Нѣтъ, ничего. Я самъ увижусь. Мнѣ жаль Лизу. И что можетъ посовѣтовать ей Макаръ Ивановичъ? Онъ самъ ничего не смыслитъ ни въ людяхъ, ни въ жизни. Вотъ что еще, мой милый (онъ меня давно не называлъ «мой милый»), тутъ есть тоже... нѣкоторые молодые люди... изъ которыхъ одинъ твой бывшій товарищъ, Ламбертъ... Мнѣ кажется, все это — большіе мерзавцы... Я только, чтобъ предупредить тебя... Впрочемъ, конечно, все это твое дѣло, и я понимаю, что не имѣю права...

— Андрей Петровичъ, схватилъ я его за руку, не подумавъ и почти въ вдохновеніи, какъ часто со мною случается (дѣло было почти въ темнотѣ):—Андрей Петровичъ, я молчалъ, — вѣдь вы видѣли это, я все молчалъ до сихъ поръ, знаете для чего? Для того, чтобъ избѣгнуть вашихъ тайнъ. Я прямо положилъ ихъ не знать никогда. Я—трусъ, я боюсь, что ваши тайны вырвутъ васъ изъ моего сердца уже совсѣмъ, а я не хочу этого. А коли такъ, то зачѣмъ-бы и вамъ знать мои секреты? Пусть-бы и вамъ все равно, куда-бы я ни пошелъ! Не такъ-ли?

— Ты правъ; но ни слова болѣе, умоляю тебя! проговорилъ онъ и вышелъ отъ меня. Такимъ образомъ, мы нечаянно и капельку объяснились. Но онъ только прибавилъ къ моему волненію передъ новымъ завтрашнимъ шагомъ въ жизни, такъ что я всю ночь спалъ, безпрерывно просыпаясь; но мнѣ было хорошо.

III.

На другой день я вышелъ изъ дому, хоть и въ десять часовъ дня, но изо всѣхъ силъ постарался уйдти потихоньку, не простив-

шись и не сказавшись, такъ сказать, ускользнулъ. Для чего такъ сдѣлалъ — не знаю; но, если-бъ даже мама подглядѣла, что я выхожу, и заговорила со мной, то я-бы отвѣтилъ ей какой нибудь злостью. Когда я очутился на улицѣ и дохнулъ уличнаго холоднаго воздуху, то такъ и вздрогнулъ отъ сильнѣйшаго ощущенія — почти животнаго и которое я назвалъ-бы *плотоядным*. Для чего я шелъ, куда я шелъ? Это было совершенно неопредѣленно и въ тоже время *плотоядно*. И страшно мнѣ было, и радостно, все вмѣстѣ.

— А опачкаюсь я или не опачкаюсь сегодня? молодцовато подумалъ я про себя, хотя слишкомъ зналъ, что разъ сдѣланный сегодняшній шагъ будетъ уже рѣшительнымъ и непоправимымъ на всю жизнь. Но нечего говорить загадками.

Я прямо пришелъ въ тюрьму князя. Я уже три дня какъ имѣлъ отъ Татьяны Павловны письмецо къ смотрителю, и тотъ принялъ меня прекрасно. Не знаю, хорошій-ли онъ человѣкъ, и это, я думаю, лишнее; но свиданіе мое съ княземъ онъ допустилъ и устроилъ въ своей комнатѣ, любезно уступивъ ее намъ. Комната была какъ комната,—обыкновенная комната на казенной квартирѣ у чиновника извѣстной руки,—это тоже, я думаю, лишнее описывать. Такимъ образомъ, съ княземъ мы остались одни.

Онъ вышелъ ко мнѣ въ какомъ-то полувоенномъ домашнемъ костюмѣ, но въ чистѣйшемъ бѣльѣ, въ щеголеватомъ галстукѣ, вымытый и причесанный, вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно похудѣвшій и пожелтѣвшій. Эту желтизну я замѣтилъ даже въ глазахъ его. Однимъ словомъ, онъ такъ перемѣнился на видъ, что я остановился даже въ недоумѣніи.

— Какъ вы измѣнились! вскричалъ я.

— Это ничего! Садитесь, голубчикъ, полуфатски показалъ онъ мнѣ на кресло, и самъ сѣлъ напротивъ.—Перейдемъ къ главному: видите, мой милый Алексѣй Макаровичъ...

— Аркадій, поправилъ я.

— Что? Ахъ, да; ну-ну, все равно. Ахъ да! сообразилъ онъ вдругъ,—извините, голубчикъ, перейдемъ къ главному...

Однимъ словомъ, онъ ужасно торопился къ чему-то перейдти. Онъ былъ весь чѣмъ-то проникнутъ, съ ногъ до головы, какою-то главнѣйшею идеей, которую желалъ формулировать и мнѣ изложить. Онъ говорилъ ужасно много и скоро, съ напряженіемъ и страданіемъ разъясняя и жестикулируя, но въ первыя минуты я рѣшительно ничего не понималъ.

— Короче сказать (онъ уже десять разъ передъ тѣмъ употребилъ слово «короче сказать») — короче сказать, заключилъ онъ, если я васъ, Аркадій Макаровичъ, потревожилъ и такъ настоятельно позвалъ вчера черезъ Лизу, то хоть это и пожаръ, но такъ какъ сущность рѣшенія должна быть чрезвычайная и окончательная, то мы...

— Позвольте, князь, перебилъ я: — вы звали меня вчера? Мнѣ Лиза ровно ничего не передавала.

— Какъ? вскричалъ онъ, вдругъ останавливаясь въ чрезвычайномъ недоумѣніи, даже почти въ испугѣ.

— Она мнѣ ровно ничего не передавала. Она вечеромъ вчера пришла такая разстроенная, что не успѣла даже сказать со мной слова.

Князь вскочилъ со стула.

— Неужели вы вправду, Аркадій Макаровичъ? Въ такомъ случаѣ это... это...

— Да что-жь тутъ, однако, такого? Чего вы такъ безпокоитесь? Просто забыла, или что нибудь...

Онъ сѣлъ, но на него нашелъ какъ-бы столбнякъ. Казалось, извѣстіе о томъ, что Лиза мнѣ ничего не передала, просто придавило его. Онъ быстро вдругъ заговорилъ и замахалъ руками, но опять ужасно трудно было понять.

— Постойте! проговорилъ онъ вдругъ, умолкая и подымая кверху палецъ: — постойте: это... это... если только не ошибусь... это—штуки-съ!.. пробормоталъ онъ съ улыбкою маньяка,—и значитъ, что...

— Это ровно ничего не значитъ! перебилъ я:—и не понимаю только, почему такое пустое обстоятельство васъ такъ мучаетъ... Ахъ, князь, съ тѣхъ поръ, съ той самой ночи,—помните...

— Съ какой ночи и что? капризно крикнулъ онъ, явно досадуя, что я перебилъ.

— У Зерщикова, гдѣ мы видѣлись въ послѣдній разъ, ну вотъ, передъ вашимъ письмомъ? Вы тогда тоже были въ ужасномъ волненіи, но тогда и теперь—это такая разница, что я даже ужасаюсь на васъ... Или вы не помните?

— Ахъ, да, произнесъ онъ голосомъ свѣтскаго человѣка, и какъ-бы вдругъ припомнивъ:— ахъ, да! Тотъ вечеръ... Я слышалъ... Ну, какъ ваше здоровье и какъ вы теперь сами послѣ всего этого, Аркадій Макаровичъ?.. Но, однако, перейдемъ къ главному. Я, видите-ли, собственно преслѣдую три цѣли; три задачи передо мной. и я...

Онъ быстро заговорилъ опять о своемъ «главномъ». Я понялъ, наконецъ, что вижу передъ собой человѣка, которому сейчасъ-же надо-бы приложить, по крайней мѣрѣ, полотенце съ уксусомъ къ головѣ, если не отворить кровь. Весь безсвязный разговоръ его, разумѣется, вертѣлся на счетъ процесса, на счетъ возможнаго исхода; на счетъ того еще, что навѣстилъ его самъ командиръ полка и что-то долго ему отсовѣтовалъ, но онъ не послушался,—на счетъ записки, имъ только что и куда-то поданной, на счетъ прокурора; о томъ, что его навѣрно сошлютъ, по лишеніи правъ, куда нибудь въ сѣверную полосу Россіи; о возможности колонизоваться и выслужиться въ Ташкентѣ, о томъ, что научитъ своего сына (будущаго, отъ Лизы) тому-то и передастъ ему то-то, «въ глуши, въ Архангельскѣ, въ Холмогорахъ». — «Если я пожелалъ вашего мнѣнія, Аркадій Макаровичъ, то, повѣрьте, я такъ дорожу чувствомъ... Если-бъ вы знали, если-бъ вы знали, Аркадій Макаровичъ, милый мой, братъ мой, что̀ значитъ мнѣ Лиза, что̀ значила она мнѣ здѣсь, теперь, все это время! вскричалъ онъ вдругъ, схватываясь обѣими руками за голову.

— Сергѣй Петровичъ, неужели вы ее погубите и увезете съ собой?.. Въ Холмогоры! вырвалось у меня вдругъ неудержимо. — Жребій Лизы съ этимъ маньякомъ на весь вѣкъ — вдругъ ясно и какъ-бы въ первый разъ предсталъ моему сознанію. Онъ поглядѣлъ на меня, снова всталъ, шагнулъ, повернулся и сѣлъ опять, все придерживая голову руками.

— Мнѣ все пауки снятся! сказалъ онъ вдругъ.

— Вы въ ужасномъ волненіи; я-бы вамъ совѣтовалъ, князь, лечь и сейчасъ-же потребовать доктора.

— Нѣтъ, позвольте, это потомъ. Я, главное, просилъ васъ къ себѣ, чтобъ разъяснить вамъ на счетъ вѣнчанія. Вѣнчаніе, вы знаете, произойдетъ здѣсь-же въ церкви, я уже говорилъ. На все это дано согласіе, и они даже поощряютъ... Что̀-же до Лизы, то...

— Князь, помилуйте Лизу, милый, вскричалъ я: не мучайте ее, по крайней мѣрѣ, хоть теперь, не ревнуйте!

— Какъ! вскричалъ онъ, смотря на меня почти вытаращенными глазами въ упоръ и скосивъ все лицо въ какую-то длинную, безсмысленно-вопросительную улыбку. Видно было, что слово «не ревнуйте» почему-то страшно его поразило.

— Простите, князь, я нечаянно. О, князь, въ послѣднее время я узналъ одного старика, моего названнаго отца... О, если-бъ вы его видѣли, вы-бы спокойнѣе... Лиза тоже такъ цѣнитъ его.

— Ахъ, да, Лиза... ахъ, да, это—вашъ отецъ? Или... pardon, mon cher, что-то такое... Я помню... она передавала... старичокъ... Я увѣренъ, я увѣренъ. Я тоже зналъ одного старичка... Mais passons, главное, чтобъ уяснить всю суть момента, надо...

Я всталъ, чтобъ уйдти. Мнѣ больно было смотрѣть на него.

— Я не понимаю! строго и важно произнесъ онъ, видя, что я встаю уходить.

— Мнѣ больно смотрѣть на васъ, сказалъ я.

— Аркадій Макаровичъ, одно слово, еще одно слово! ухватилъ онъ меня вдругъ за плечи, совсѣмъ съ другимъ видомъ и жестомъ и усадилъ въ кресло.—Вы слышали про этихъ, понимаете? наклонился онъ ко мнѣ.

— Ахъ, да, Дергачевъ. Тутъ навѣрно Стебельковъ! вскричалъ я, не удержавшись.

— Да, Стебельковъ, и... вы не знаете?

Онъ осѣкся и опять уставился въ меня съ тѣми-же вытаращенными глазами и съ

тою-же длинною, судорожною, безсмысленно-вопрошающей улыбкой, раздвигавшейся все болѣе и болѣе. Лицо его постепенно блѣднѣло. Что-то вдругъ какъ-бы сотрясло меня: я вспомнилъ вчерашній взглядъ Версилова, когда онъ передавалъ мнѣ объ арестѣ Васина.

— О, неужели? вскричалъ я испуганно.

— Видите, Аркадій Макаровичъ, я затѣмъ васъ и звалъ, чтобъ объяснить... я хотѣлъ... быстро зашепталъ было онъ.

— Это вы донесли на Васина? вскричалъ я.

— Нѣтъ; видите-ли, тамъ была рукопись. Васинъ передъ самымъ послѣднимъ днемъ передалъ Лизѣ... сохранить. А та оставила мнѣ здѣсь проглядѣть, а потомъ случилось, что они поссорились на другой день...

— Вы представили по начальству рукопись!

— Аркадій Макаровичъ, Аркадій Макаровичъ!

— И такъ, вы, вскричалъ я, вскакивая и отчеканивая слова: — вы, безъ всякаго инаго побужденія, безъ всякой другой цѣли, а единственно потому, что несчастный Васинъ — *вашъ соперникъ*, единственно только изъ ревности, вы передали *вверенную Лизѣ рукопись*... передали кому? Кому? Прокурору?

Но онъ не успѣлъ отвѣтить, да и врядъ-ли-бы что отвѣтилъ, потому что стоялъ передо мной какъ истуканъ все съ тою-же болѣзненною улыбкой и неподвижнымъ взглядомъ; но вдругъ отворилась дверь и вошла Лиза. Она почти обмерла, увидѣвъ насъ вмѣстѣ.

— Ты здѣсь? Такъ ты здѣсь? вскричала она съ исказившимся вдругъ лицомъ и хватая меня за руки, — такъ ты... *знаешь?*

Но она уже прочла въ лицѣ моемъ, что я «знаю». Я быстро и неудержимо обнялъ ее, крѣпко, крѣпко! И въ первый разъ только я постигъ въ ту минуту, во всей силѣ, какое безвыходное, безконечное горе безъ разсвѣта легло навѣкъ надъ всей судьбой этой... добровольной искательницы мученій.

— Да развѣ можно съ нимъ говорить теперь? оторвалась она вдругъ отъ меня.— Развѣ можно съ нимъ быть? Зачѣмъ ты здѣсь? Посмотри на него, посмотри! И развѣ можно, можно судить его?

Безконечное страданіе и состраданіе были въ лицѣ ея, когда она, восклицая, указывала на несчастнаго. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, закрывъ лицо руками. И она была права; это былъ человѣкъ въ бѣлой горячкѣ и безотвѣтственный. Его въ тоже утро положили въ больницу, а къ вечеру у него уже было воспаленіе въ мозгу.

IV.

Отъ князя, оставивъ его тогда съ Лизою, я, около часу пополудни, заѣхалъ на прежнюю мою квартиру. Я забылъ сказать, что день былъ сырой, тусклый, съ начинавшеюся оттепелью и съ теплымъ вѣтромъ, способнымъ разстроить нервы даже у слона. Хозяинъ встрѣтилъ меня обрадовавшись, заметавшись и закидавшись, чего я страхъ не люблю именно въ такія минуты. Я обошелся сухо и прямо прошелъ къ себѣ, но онъ послѣдовалъ за мной, и хоть не смѣлъ разспрашивать, но любопытство такъ и сіяло въ глазахъ его, притомъ смотрѣлъ какъ уже имѣющій даже какое-то право быть любопытнымъ. Я долженъ былъ обойдтись вѣжливо для своей-же выгоды: но хотя мнѣ слишкомъ необходимо было кое-что узнать (и я зналъ, что узнаю), но все-же было противно начать разспросы. Я освѣдомился о здоровьи жены его, и мы сходили къ ней. Та встрѣтила меня хоть и внимательно, но съ чрезвычайно дѣловымъ и неразговорчивымъ видомъ; это меня нѣсколько примирило. Короче, я узналъ въ тотъ разъ весьма чудныя вещи.

— Ну, разумѣется, былъ Ламбертъ, но потомъ онъ приходилъ еще два раза и «осмотрѣлъ всѣ комнаты», говоря, что, можетъ, найметъ. Приходила нѣсколько разъ Дарья Онисимовна, эта ужь Богъ знаетъ зачѣмъ: «очень тоже любопытствовала», — прибавилъ хозяинъ; — но я не утѣшилъ его, не спросилъ о чемъ она любопытствовала. Вообще, я не разспрашивалъ, а говорилъ лишь онъ, а я дѣлалъ

видъ, что роюсь въ моемъ чемоданѣ (въ которомъ почти ничего и не оставалось). Но всего досаднѣе было, что онъ тоже вздумалъ играть въ таинственность и, замѣтивъ, что я удерживаюсь отъ разспросовъ, почелъ тоже обязанностью стать отрывочнѣе, почти загадочнымъ.

— Барышня тоже бывала, прибавилъ онъ, странно смотря на меня.

— Какая барышня?

— Анна Андреевна; два раза была; съ моей женой познакомилась. Очень милая особа, очень пріятная. Такое знакомство даже слишкомъ можно оцѣнить, Аркадій Макаровичъ... И выговоривъ, онъ даже сдѣлалъ ко мнѣ шагъ: очень ужь ему хотѣлось, чтобъ я что-то понялъ.

— Неужели два раза? удивился я.

— Во второй разъ вмѣстѣ съ братцемъ пріѣзжала.

Это съ Ламбертомъ, подумалось мнѣ вдругъ невольно.

— Нѣтъ-съ, не съ господиномъ Ламбертомъ, такъ и угадалъ онъ сразу, точно впрыгнулъ въ мою душу своими глазами:— а съ ихнимъ братцемъ, дѣйствительнымъ, молодымъ господиномъ Версиловымъ. Камеръ-юнкеръ вѣдь, кажется?

Я былъ очень смущенъ; онъ смотрѣлъ, ужасно ласково улыбаясь.

— Ахъ, вотъ еще кто былъ, васъ спрашивалъ,—эта мамзель, француженка, мамзель Альфонсина де-Вердень. Ахъ, какъ поетъ хорошо и декламируетъ тоже прекрасно въ стихахъ! Потихоньку къ князю Николаю Ивановичу тогда проѣзжала, въ Царское, собачку, говоритъ, ему продать рѣдкую, черненькую, вся въ кулачекъ...

Я попросилъ его оставить меня одного, отговорившись головною болью. Онъ мигомъ удовлетворилъ меня, даже не докончивъ фразы, и не только безъ малѣйшей обидчивости, но почти съ удовольствіемъ, таинственно помахавъ рукой и какъ-бы выговаривая: «Понимаю-съ, понимаю-съ», и хоть не проговорилъ этого, но зато изъ комнаты вышелъ на цыпочкахъ, доставилъ себѣ это удовольствіе. Есть очень досадные люди на свѣтѣ.

Я просидѣлъ одинъ, обдумывая часа полтора; не обдумывая, впрочемъ, а лишь задумавшись. Хоть я былъ и смущенъ, но зато ни мало не удивленъ. Я даже ждалъ еще пуще чего нибудь, еще большихъ чудесъ. «Можетъ, они теперь ужь и натворили ихъ», подумалъ я. Я твердо и давно былъ увѣренъ, еще дома, что машина у нихъ заведена и въ полномъ ходу. «Меня только имъ не достаетъ», вотъ что̀ подумалъ я опять, съ какимъ-то раздражительнымъ и пріятнымъ самодовольствомъ. Что они ждутъ меня изо всѣхъ силъ и что-то въ моей квартирѣ затѣваютъ устроить — было ясно, какъ день. «Ужь не свадьбу-ли стараго князя? На него цѣлая облава. Только позволю-ли я, господа, вотъ что̀-съ?» заключилъ я опять съ надменнымъ удовольствіемъ.

— Разъ начну и тотчасъ опять въ водоворотъ затянусь, какъ щепка. Свободенъ-ли я теперь, сейчасъ, или ужь не свободенъ? Могу-ли я еще, воротясь сегодня вечеромъ къ мамѣ, сказать себѣ, какъ во всѣ эти дни: «Я самъ по себѣ»?

Вотъ эссенція моихъ вопросовъ, или, лучше сказать, біеній сердца моего, въ тѣ полтора часа, которые я просидѣлъ тогда въ углу на кровати, локтями въ колѣна, а ладонями подпирая голову. Но вѣдь я зналъ, я зналъ уже и тогда, что всѣ эти вопросы—совершенный вздоръ, а что влечетъ меня лишь *она*,—она и она одна! Наконецъ-то выговорилъ это прямо и прописалъ перомъ на бумагѣ, ибо даже теперь, когда пишу, годъ спустя, не знаю еще, какъ назвать тогдашнее чувство мое по имени!

О, мнѣ было жаль Лизу, и въ сердцѣ моемъ была самая нелицемѣрная боль! Ужь одно-бы это чувство боли за нее могло-бы, кажется, смирить или стереть во мнѣ, хоть на время, *плотоядность* (опять поминаю это слово). Но меня влекло безмѣрное любопытство и какой-то страхъ, и еще какое-то чувство, — не знаю какое; но знаю и зналъ уже и тогда, что оно было недоброе. Можетъ быть, я стремился пасть къ *ея* ногамъ, а, можетъ быть, хотѣлъ-бы предать ее на всѣ муки и что-то «поскорѣй, поскорѣй» доказать ей. Никакая боль и никакое состраданіе къ Лизѣ не могли уже остановить меня. Ну, могъ-ли я встать и уйдти домой... къ Макару Ивановичу?

— А развѣ нельзя только пойдти къ нимъ, разузнать отъ нихъ обо всемъ и вдругъ уйдти отъ нихъ навсегда, пройдя безвредно мимо чудесъ и чудовищъ?

Въ три часа, схватившись и сообразивъ, что почти опоздалъ, я поскорѣе вышелъ, схватилъ извощика и полетѣлъ къ Аннѣ Андреевнѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Анна Андреевна, лишь только обо мнѣ доложили, бросила свое шитье и поспѣшно вышла встрѣтить меня въ первую свою комнату, — чего прежде никогда не случалось. Она протянула мнѣ обѣ руки и быстро покраснѣла. Молча провела она меня къ себѣ, подсѣла опять къ своему рукодѣлію, меня посадила подлѣ; но за шитье уже не принималась, а все съ тѣмъ-же горячимъ участіемъ продолжала меня разглядывать, не говоря ни слова.

— Вы ко мнѣ присылали Дарью Онисимовну, началъ я прямо, нѣсколько тяготясь такимъ ужь слишкомъ эффектнымъ участіемъ, хотя оно мнѣ было пріятно.

Она вдругъ заговорила, не отвѣтивъ на мой вопросъ.

— Я все слышала, я все знаю. Эта ужасная ночь... О, сколько вы должны были выстрадать! Правда-ли, правда-ли, что васъ нашли ужь безъ чувствъ, на морозѣ?

— Это вамъ... Ламбертъ... пробормоталъ я, краснѣя.

— Я отъ него тогда-же все узнала; но я ждала васъ. О, онъ пришелъ ко мнѣ испуганный! На вашей квартирѣ... тамъ, гдѣ вы лежали больной, его не хотѣли къ вамъ допустить... и странно встрѣтили... Я, право, не знаю какъ это было, но онъ разсказалъ мнѣ все объ этой ночи: онъ говорилъ, что вы, даже едва очнувшись, упоминали уже ему обо мнѣ и... объ вашей преданности ко мнѣ. Я была тронута до слезъ, Аркадій Макаровичъ, и даже не знаю, чѣмъ заслужила такое горячее участіе съ вашей стороны, и еще въ такомъ положеніи, въ какомъ вы были сами! Скажите, господинъ Ламбертъ — вашъ товарищъ дѣтства?

— Да, но этотъ случай... я, признаюсь, былъ неосторожень и, можетъ быть, я насказалъ ему тогда слишкомъ много.

— О, объ этой черной, ужасной интригѣ я узнала-бы и безъ него! Я всегда, всегда предчувствовала, что они васъ доведутъ до этого. Скажите, правда-ли, что Бьорингъ осмѣлился поднять на васъ руку?

Она говорила такъ, какъ будто чрезъ одного Бьоринга и чрезъ *нея* я и очутился подъ заборомъ. А вѣдь она права, подумалось мнѣ, но я вспыхнулъ:

— Если-бъ онъ на меня поднялъ руку, то не ушелъ-бы ненаказанный, и я-бы не сидѣлъ теперь передъ вами не отмстивъ, отвѣтилъ я съ жаромъ. Главное, мнѣ показалось, что она хочетъ меня для чего-то раздразнить, противъ кого-то возбудить (впрочемъ, извѣстно — противъ кого); и все-таки я поддался.

— Если вы говорите, что вы предвидѣли, что меня доведутъ *до этого*, то со стороны Катерины Николаевны, разумѣется, было лишь недоумѣніе... хотя правда и то, что она слишкомъ ужь скоро промѣняла свои добрыя чувства ко мнѣ на это недоумѣніе...

— То-то и есть, что ужь слишкомъ скоро! подхватила Анна Андреевна съ какимъ-то даже восторгомъ сочувствія. — О, если-бъ вы знали какая тамъ теперь интрига! Конечно, Аркадій Макаровичъ, вамъ трудно теперь понять всю щекотливость моего положенія, произнесла она, покраснѣвъ и потупившись. — Съ тѣхъ поръ, въ то самое утро, какъ мы съ вами въ послѣдній разъ видѣлись, я сдѣлала тотъ шагъ, который не всякій способенъ понять и разобрать такъ, какъ-бы понялъ его человѣкъ съ вашимъ незараженнымъ еще умомъ, съ вашимъ любящимъ, неиспорченнымъ, свѣжимъ сердцемъ. Будьте увѣрены, другъ мой, что я способна оцѣнить вашу ко мнѣ преданность и заплачу вамъ вѣчною благодарностью. Въ свѣтѣ, конечно, подымутъ на меня камень и подняли уже. Но если-бъ даже они были правы, съ своей гнусной точки зрѣнія, то кто-бы могъ, кто-бы смѣлъ изъ нихъ даже и тогда осудить меня? Я

оставлена отцомъ моимъ съ дѣтства; мы, Версиловы — древній, высокій русскій родъ, мы — проходимцы, и я ѣмъ чужой хлѣбъ изъ милости. Не естественно-ли мнѣ было обратиться къ тому, кто еще съ дѣтства замѣнялъ мнѣ отца, чьи милости я видѣла на себѣ столько лѣтъ? Мои чувства къ нему видитъ и судитъ одинъ только Богъ, и я не допускаю свѣтскаго суда надъ собою въ сдѣланномъ мною шагѣ! Когда-же тутъ, сверхъ того, самая коварная, самая мрачная интрига и довѣрчиваго, великодушнаго отца сговорилась погубить его-же собственная дочь, то развѣ это можно снести? Нѣтъ, пусть сгублю даже репутацію мою, но спасу его! Я готова жить у него просто въ нянькахъ, быть его сторожемъ, сидѣлкой, но не дамъ восторжествовать холодному, свѣтскому, мерзкому разсчету!

Она говорила съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, очень можетъ быть, что на половину напускнымъ, но всетаки искреннимъ, потому что видно было, до какой степени затянулась она вся въ это дѣло. О, я чувствовалъ, что она лжетъ (хоть и искренно, потому что лгать можно и искренно) и что она теперь дурная; но удивительно, какъ бываетъ съ женщинами: этотъ видъ порядочности, эти высшія формы, эта недоступность свѣтской высоты и гордаго цѣломудрія — все это сбило меня съ толку, и я сталъ соглашаться съ нею во всемъ, то есть пока у ней сидѣлъ; по крайней мѣрѣ — не рѣшился противорѣчить. О, мужчина въ рѣшительномъ нравственномъ рабствѣ у женщины, особенно если великодушенъ! Такая женщина можетъ убѣдить въ чемъ угодно великодушнаго. «Она и Ламбертъ — Боже мой!» думалъ я, въ недоумѣніи смотря на нее. Впрочемъ, скажу все: я даже до сихъ поръ не умѣю судить ее; чувства ея дѣйствительно могъ видѣть одинъ только Богъ, а человѣкъ, къ тому-же — такая сложная машина, что ничего не разберешь въ иныхъ случаяхъ, и въ добавокъ къ тому-же, если этотъ человѣкъ — женщина.

— Анна Андреевна, чего именно вы отъ меня ждете? спросилъ я, однако, довольно рѣшительно.

— Какъ? Что значитъ вашъ вопросъ, Аркадій Макаровичъ?

— Мнѣ кажется по всему... и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ... разъяснилъ я, путаясь: — что вы присылали ко мнѣ, чего-то отъ меня ожидая; такъ чего-же именно?

Не отвѣчая на вопросъ, она мигомъ заговорила опять, такъ-же скоро и одушевленно:

— Но я не могу, я слишкомъ горда, чтобъ входить въ объясненія и сдѣлки съ неизвѣстными лицами, какъ господинъ Ламбертъ. Я ждала васъ, а не господина Ламберта. Мое положеніе — крайнее, ужасное, Аркадій Макаровичъ! Я обязана хитрить, окруженная происками этой женщины — а это мнѣ нестерпимо. Я унижаюсь почти до интриги и ждала васъ, какъ спасителя. Нельзя винить меня за то, что я жадно смотрю кругомъ себя, чтобъ отыскать хоть одного друга, а потому я и не могла не обрадоваться другу: тотъ, кто могъ даже въ ту ночь, почти замерзая, вспоминать обо мнѣ и повторять одно только мое имя — тотъ, ужь конечно, мнѣ преданъ. Такъ думала я все это время, а потому на васъ и надѣялась.

Она съ нетерпѣливымъ вопросомъ смотрѣла мнѣ въ глаза. И вотъ, у меня опять недостало духу разувѣрить ее и объяснить ей прямо, что Ламбертъ ее обманулъ и что я вовсе не говорилъ тогда ему, что ужь такъ ей особенно преданъ, и вовсе не вспоминалъ «одно только ея имя». Такимъ образомъ, молчаніемъ моимъ я какъ-бы подтвердилъ ложь Ламберта. О, она вѣдь и сама, я увѣренъ, слишкомъ хорошо понимала, что Ламбертъ преувеличилъ и даже просто налгалъ ей, единственно, чтобъ имѣть благовидный предлогъ явиться къ ней и завязать съ нею сношенія; если-же смотрѣла мнѣ въ глаза, какъ увѣренная въ истинѣ моихъ словъ и моей преданности, то, конечно, знала, что я не посмѣю отказаться, такъ сказать, изъ деликатности и по моей молодости. А, впрочемъ, правъ я въ этой догадкѣ или не правъ — не знаю. Можетъ быть, я ужасно развращенъ.

— За меня заступится братъ мой, произнесла она вдругъ съ жаромъ, видя, что я не хочу отвѣтить.

— Мнѣ сказали, что вы были съ нимъ у меня на квартирѣ, пробормоталъ я въ смущеніи.

— Да вѣдь несчастному князю Николаю Ивановичу почти и некуда спастись теперь отъ всей этой интриги или, лучше сказать, отъ родной своей дочери, кромѣ какъ на вашу квартиру, то есть на квартиру друга; вѣдь въ правѣ-же онъ считать васъ, по крайней мѣрѣ, хоть другомъ!.. И тогда, если вы только захотите что нибудь сдѣлать въ его пользу, то сдѣлайте это—если только можете, если только въ васъ есть великодушіе и смѣлость... и, наконецъ, если и вправду вы *что-то можете сдѣлать*. О, это не для меня, не для меня, а для несчастнаго старика, который одинъ только любилъ васъ искренно, который успѣлъ къ вамъ привязаться сердцемъ, какъ къ своему сыну, и тоскуетъ о васъдаже до сихъ поръ! Себѣ-же я ничего не жду, даже отъ васъ—если даже родной отецъ съигралъ со мной такую коварную, такую злобную выходку?

— Мнѣ кажется, Андрей Петровичъ... началъ было я.

— Андрей Петровичъ, прервала она съ горькой усмѣшкой: — Андрей Петровичъ на мой прямой вопросъ отвѣтилъ мнѣ тогда честнымъ словомъ, что никогда не имѣлъ ни малѣйшихъ намѣреній на Катерину Николаевну, чему я вполнѣ и повѣрила, дѣлая шагъ мой; а, между тѣмъ, оказалось, что онъ спокоенъ лишь до перваго извѣстія о какомъ нибудь господинѣ Бьорингѣ.

— Тутъ не то: вскричалъ я: — было мгновеніе, когда и я было повѣрилъ его любви къ этой женщинѣ, но это не то... Да, если-бъ даже и то, то вѣдь, кажется, теперь онъ уже могъ-бы быть совершенно спокоенъ... за отставкой этого господина.

— Какого господина?

— Бьоринга.

— Кто-же вамъ сказалъ объ отставкѣ? Можетъ быть, никогда этотъ господинъ не былъ въ такой силѣ, язвительно усмѣхнулась она; мнѣ даже показалось, что она посмотрѣла и на меня насмѣшливо.

— Мнѣ говорила Дарья Онисимовна, пробормоталъ я въ смущеніи, которое не въ силахъ былъ скрыть и которое она слишкомъ замѣтила.

— Дарья Онисимовна — очень милая особа, и, ужь конечно, я не могу ей запретить любить меня, но она не имѣетъ никакихъ средствъ знать о томъ, что̀ до нея не касается.

Сердце мое заныло; и такъ какъ она именно разсчитывала возжечь мое негодованіе, то негодованіе вскипѣло во мнѣ, но не къ *той* женщинѣ, а пока лишь къ самойА ннѣ Андреевнѣ. Я всталъ съ мѣста.

— Какъ честный человѣкъ, я долженъ предупредить васъ, Анна Андреевна, что ожиданія ваши... на счетъ меня... могутъ оказаться въ высшей степени напрасными...

— Я ожидаю, что вы за меня заступитесь, твердо поглядѣла она на меня: — за меня, всѣми оставленную... за вашу сестру, если хотите того, Аркадій Макаровичъ.

Еще мгновеніе, и она-бы заплакала.

— Ну, такъ лучше не ожидайте, потому что, «можетъ быть» ничего не будетъ, пролепеталъ я съ невыразимо тягостнымъ чувствомъ.

— Какъ понимать мнѣ ваши слова? проговорила она какъ-то слишкомъ ужь опасливо.

— А такъ, что я уйду отъ васъ всѣхъ, и—баста! вдругъ воскликнулъ я почти въ ярости, а *документъ*—разорву. Прощайте.

Я поклонился ей и вышелъ молча, въ то же время почти не смѣя взглянуть на нее; но не сошелъ еще съ лѣстницы, какъ догнала меня Дарья Онисимовна съ сложеннымъ вдвое полулистикомъ почтовой бумаги. Откуда взялась Дарья Онисимовна и гдѣ она сидѣла, когда я говорилъ съ Анной Андреевной — даже понять не могу. Она не сказала ни словечка, а только отдала бумажку и убѣжала назадъ. Я развернулъ листокъ: на немъ четко и ясно былъ написанъ адресъ Ламберта, а заготовленъ былъ, очевидно, еще за нѣсколько дней. Я вдругъ вспомнилъ, что когда была у меня тогда Дарья Онисимовна, то я проговорилъ ей, что не знаю, гдѣ живетъ Ламбертъ, но въ томъ только смыслѣ, что «не знаю и знать не хочу». Но адресъ Ламберта въ настоящую минуту я уже зналъ че-

резъ Лизу, которую нарочно попросилъ справиться въ адресномъ столѣ. Выходка Анны Андреевны показалась мнѣ слишкомъ ужь рѣшительною, даже циническою: не смотря на мой отказъ содѣйствовать ей, она, какъ-бы не вѣря мнѣ ни на грошъ, прямо посылала меня къ Ламберту. Мнѣ слишкомъ ясно стало, что она узнала уже все о документѣ — и отъ кого-же какъ не отъ Ламберта, къ которому потому и посылала меня сговариваться?

— Рѣшительно, они всѣ до единаго принимаютъ меня за мальчишку безъ воли и безъ характера, съ которымъ все можно сдѣлать! подумалъ я съ негодованіемъ.

II.

Тѣмъ не менѣе, я всетаки пошелъ къ Ламберту. Гдѣ-же было мнѣ справиться съ тогдашнимъ моимъ любопытствомъ? Ламбертъ, какъ оказалось, жилъ очень далеко, въ Косомъ переулкѣ, у Лѣтняго сада, впрочемъ, все въ тѣхъ-же нумерахъ; но тогда, какъ я бѣжалъ отъ него, я до того не замѣтилъ дороги и разстоянія, что, получивъ, дня четыре тому назадъ, его адресъ отъ Лизы, даже удивился и почти не повѣрилъ, что онъ тамъ живетъ. У дверей въ нумера, въ третьемъ этажѣ, еще подымаясь по лѣстницѣ, я замѣтилъ двухъ молодыхъ людей и подумалъ, что они позвонили раньше меня и ждали, когда отворятъ. Пока я подымался, они оба, обернувшись спиной къ дверямъ, тщательно меня разсматривали. «Тутъ нумера, и они, конечно, къ другимъ жильцамъ», нахмурился я, подходя къ нимъ. Мнѣ было-бы очень непріятно застать у Ламберта кого нибудь. Стараясь не глядѣть на нихъ, я протянулъ руку къ звонку.

— Атанде! крикнулъ мнѣ одинъ.

— Пожалуйста, подождите звонить,— звонкимъ и нѣжнымъ голоскомъ и нѣсколько протягивая слова, проговорилъ другой молодой человѣкъ. — Мы вотъ кончимъ и тогда позвонимъ всѣ вмѣстѣ, хотите?

Я остановился. Оба были еще очень молодые люди, такъ лѣтъ двадцати или двадцати двухъ; они дѣлали тутъ у дверей что-то странное, и я съ удивленіемъ старался вникнуть. Тотъ, кто крикнулъ «атанде», былъ малый очень высокаго роста, вершковъ десяти, не меньше, худощавый и испитой, но очень мускулистый, съ очень небольшой, по росту, головой и съ страннымъ, какимъ-то комически-мрачнымъ выраженіемъ въ нѣсколько рябомъ, но довольно неглупомъ и даже пріятномъ лицѣ. Глаза его смотрѣли какъ-то не въ мѣру пристально и съ какой-то совсѣмъ даже ненужной и излишней рѣшимостью. Онъ былъ одѣтъ очень скверно: въ старую шинель на ватѣ, съ вылѣзшимъ маленькимъ енотовымъ воротникомъ, и не по росту короткую,— очевидно, съ чужаго плеча; въ скверныхъ, почти мужицкихъ сапогахъ и въ ужасно смятомъ, порыжѣвшемъ цилиндрѣ на головѣ. Въ цѣломъ видно было неряху: руки, безъ перчатокъ, были грязныя, а длинные ногти—въ траурѣ. Напротивъ, товарищъ его былъ одѣтъ щегольски, судя по легкой ильковой шубѣ, по изящной шляпѣ и по свѣтлымъ свѣжимъ перчаткамъ на тоненькихъ его пальчикахъ; ростомъ онъ былъ съ меня, но съ чрезвычайно милымъ выраженіемъ на своемъ свѣжемъ и молоденькомъ личикѣ.

Длинный парень стаскивалъ съ себя галстукъ — совершенно истрепавшуюся и засаленную ленту или почти ужь тесемку, а миловидный мальчикъ, вынувъ изъ кармана другой новенькій черный галстучекъ, только что купленный, повязывалъ его на шею длинному парню, который послушно и съ ужасно серіознымъ лицомъ вытягивалъ свою шею, очень длинную, спустивъ шинель съ плечъ.

— Нѣтъ; это нельзя, если такая грязная рубашка, проговорилъ надѣвавшій; — не только не будетъ эффекта, но покажется еще грязнѣй. Вѣдь я тебѣ сказалъ, чтобъ ты воротнички надѣлъ. Я не умѣю... вы не съумѣете? обратился онъ вдругъ ко мнѣ.

— Чего? спросилъ я.

— А вотъ, знаете, повязать ему галстукъ. Видите-ли, надобно какъ нибудь такъ, чтобы не видно было его грязной рубашки, а то пропадетъ весь эффектъ, какъ хотите. Я нарочно ему галстукъ у Филиппа парикмахера сейчасъ купилъ, за рубль.

— Это ты — тотъ рубль? пробормоталъ длинный.

— Да, тотъ; у меня теперь ни копѣйки. Такъ не умѣете? Въ такомъ случаѣ, надо будетъ попросить Альфонсинку.

— Къ Ламберту? рѣзко спросилъ меня вдругъ длинный.

— Къ Ламберту, отвѣтилъ я съ неменьшею рѣшимостью, смотря ему въ глаза.

— Dolgorowky? повторилъ онъ тѣмъ-же тономъ и тѣмъ-же голосомъ.

— Нѣтъ, не Коровкинъ, также рѣзко отвѣтилъ я, разслышавъ ошибочно.

— Dolgorowky?! почти прокричалъ, повторяя, длинный и надвигаясь на меня почти съ угрозой. Товарищъ его расхохотался.

— Онъ говоритъ Dolgorowky, а не Коровкинъ, пояснилъ онъ мнѣ. — Знаете, французы въ «*Journal des Débats*» часто коверкаютъ русскія фамиліи...

— Въ «*Indépendance*», промычалъ длинный.

— ... Ну, все равно и въ «*Indépendance*». Долгорукаго, напримѣръ, пишутъ Dolgorowky — я самъ читалъ, а В—ва всегда comte Wallonieff.

— Doboyny! крикнулъ длинный.

— Да, вотъ тоже есть еще какой-то Doboyny; я самъ читалъ, и мы оба смѣялись: какая-то русская m-me Doboyny, за границей... только видишь-ли, чего-же всѣхъ-то поминать, обернулся онъ вдругъ къ длинному.

— Извините, вы—господинъ Долгорукій?

— Да, я — Долгорукій, а вы почему знаете?

Длинный вдругъ шепнулъ что-то миловидному мальчику, тотъ нахмурился и сдѣлалъ отрицательный жестъ; но длинный вдругъ обратился ко мнѣ:

— M-r le prince, vous n'avez pas de rouble d'argent pour nous, pas deux, mais un seul, voulez-vous?

— Ахъ, какой ты скверный, крикнулъ мальчикъ.

— Nous vous rendons, заключилъ длинный, грубо и неловко выговаривая французскія слова.

— Онъ, знаете — циникъ, усмѣхнулся мнѣ мальчикъ: — и вы думаете, что онъ не умѣетъ по французски? Онъ какъ парижанинъ говоритъ, а онъ только передразниваетъ русскихъ, которымъ въ обществѣ ужасно хочется вслухъ говорить между собою по французски, а сами не умѣютъ...

— Dans les wagons, пояснилъ длинный.

— Ну да, и въ вагонахъ: ахъ, какой ты скучный! Нечего пояснять-то. Вотъ тоже охота прикидываться дуракомъ.

Я между тѣмъ вынулъ рубль и протянулъ длинному.

— Nous vous rendons, проговорилъ тотъ, спряталъ рубль и, вдругъ повернувшись къ дверямъ, съ совершенно неподвижнымъ и серіознымъ лицомъ, принялся колотить въ нихъ концомъ своего огромнаго грубаго сапога и, главное, безъ малѣйшаго раздраженія...

— Ахъ, опять ты подерешься съ Ламбертомъ! съ безпокойствомъ замѣтилъ мальчикъ. — Позвоните ужь вы лучше!

Я позвонилъ, но длинный всетаки продолжалъ колотить сапогомъ.

— Ah, sacré... послышался вдругъ голосъ Ламберта изъ-за дверей, и онъ быстро отперъ.

— Dites donc, voulez-vous que je vous casse la tête, mon ami! крикнулъ онъ длинному.

— Mon ami, voilà Dolgorowky, l'autre mon ami, важно и серіозно проговорилъ длинный, въ упоръ смотря на покраснѣвшаго отъ злости Ламберта. Тотъ, лишь увидѣлъ меня, тотчасъ-же какъ-бы весь преобразился.

— Это — ты, Аркадій! Наконецъ-то! Ну, такъ ты здоровъ-же, здоровъ, наконецъ?

Онъ схватилъ меня за руки, крѣпко сжимая ихъ; однимъ словомъ, онъ былъ въ такомъ искреннемъ восхищеніи, что мнѣ мигомъ стало ужасно пріятно, и я даже полюбилъ его.

— Къ тебѣ первому!

— Alphonsine! закричалъ Ламбертъ.

Та мигомъ выпрыгнула изъ-за ширмъ.

— Le voilà!

— C'est lui! воскликнула Альфонсина, всплеснувъ руками и, вновь распахнувъ ихъ, бросилась было меня обнимать, но Ламбертъ меня защитилъ.

— Но-но-но; тубо! крикнулъ онъ на нее,

какъ на собаченку. — Видишь, Аркадій: насъ сегодня нѣсколько парней сговорились пообѣдать у татаръ. Я ужь тебя не выпущу, поѣзжай съ нами. Пообѣдаемъ; я этихъ тотчасъ-же въ шею — и тогда наболтаемся. Да входи, входи! Мы вѣдь сейчасъ и выходимъ, минутку только постоять...

Я вошелъ и сталъ посреди той комнаты, оглядываясь и припоминая. Ламбертъ за ширмами на-скоро переодѣвался. Длинный и его товарищъ прошли тоже вслѣдъ за нами, не смотря на слова Ламберта. Мы всѣ стояли.

— M-lle Alphonsine, voulez vous me baiser? промычалъ длинный.

— M-lle Alphonsine, подвинулся было младшій, показывая ей галстучекъ, но она свирѣпо накинулась на обоихъ:

— Ah le petit vilain! крикнула она младшему: — ne m'approchez pas, ne me salissez pas, et vous, le grand dadais, je vous flanque à la porte tous les deux, savez vous cela!

Младшій, не смотря на то, что она презрительно и брезгливо отъ него отмахивалась, какъ-бы, въ самомъ дѣлѣ, боясь объ него запачкаться (чего я никакъ не понималъ, потому что онъ былъ такой хорошенькій и оказался такъ хорошо одѣтъ, когда сбросилъ шубу) — младшій настойчиво сталъ просить ее повязать своему длинному другу галстукъ, а предварительно повязать ему чистые воротнички изъ Ламбертовыхъ. Та чуть не кинулась бить ихъ отъ негодованія при такомъ предложеніи, но Ламбертъ, вслушавшись, крикнулъ ей изъза ширмъ, чтобъ она не задерживала и сдѣлала что просятъ, «а то не отстанутъ», прибавилъ онъ, и Альфонсина мигомъ схватила воротничекъ и стала повязывать длинному галстукъ, безъ малѣйшей уже брезгливости. Тотъ, точно такъ-же, какъ на лѣстницѣ, вытянулъ передъ ней шею, пока та повязывала.

— M-lle Alphonsine, avez vous vendu votre bologne? спросилъ онъ.

— Qu'est que ça, ma bologne?

Младшій объяснилъ, что «ma bologne» означаетъ болонку.

— Tiens, quel est ce baragouin?

— Je parle comme une dame russe sur les eaux minérales, замѣтилъ le grand dadais, все еще съ протянутой шеей.

— Qu'est que ça qu'une dame russe sur les eaux minérales et... où est donc votre jolie montre, que Lambert vous a donné, — обратилась она вдругъ къ младшему.

— Какъ, опять нѣтъ часовъ? раздражительно отозвался Ламбертъ изъ-за ширмъ.

— Проѣли! промычалъ le grand dadais.

— Я ихъ продалъ за восемь рублей: вѣдь они — серебряные, позолоченые, а вы сказали, что золотые. Этакіе теперь и въ магазинѣ — только шестнадцать рублей, отвѣтилъ младшій Ламберту, оправдываясь съ неохотой.

— Этому надо положить конецъ! еще раздражительнѣе продолжалъ Ламбертъ. — Я вамъ, молодой мой другъ, не для того покупаю платье и даю прекрасныя вещи, чтобъ вы на вашего длиннаго друга тратили... Какой это галстукъ вы еще купили?

— Это — только рубль; это не на ваши. У него совсѣмъ не было галстука, и ему надо еще купить шляпу.

— Вздоръ! уже дѣйствительно озлился Ламбертъ: — я ему достаточно далъ и на шляпу, а онъ тотчасъ устрицъ и шампанскаго. Отъ него пахнетъ; онъ неряха; его нельзя брать никуда. Какъ я его повезу обѣдать?

— На извощикѣ, промычалъ dadais. — Nous avons un rouble d'argent que nous avons prêté chez notre nouvel ami.

— Не давай имъ, Аркадій, ничего! опять крикнулъ Ламбертъ.

— Позвольте, Ламбертъ; я прямо требую отъ васъ сейчасъ-же десять рублей, разсердился вдругъ мальчикъ такъ, что даже весь покраснѣлъ и оттого сталъ почти вдвое лучше: — и не смѣйте никогда говорить глупостей, какъ сейчасъ Долгорукому. Я требую десять рублей, чтобъ сейчасъ отдать рубль Долгорукому, а на остальные куплю Андрееву тотчасъ шляпу — вотъ сами увидите.

Ламбертъ вышелъ изъ-за ширмъ:

— Вотъ три желтыхъ бумажки, три рубля, и больше ничего до самаго вторника, и не смѣть... не то...

Le grand dadais такъ и вырвалъ у него деньги.

— Dolgorowky, вотъ рубль, nous vous rendons avec beaucoup de grâce. Петя, ѣхать! крикнулъ онъ товарищу, и затѣмъ вдругъ, поднявъ двѣ бумажки вверхъ и махая ими и въ упоръ смотря на Ламберта, завопилъ изъ всей силы:

— Ohé, Lambert! Où est Lambert, as-tu vu Lambert?

— Не смѣть, не смѣть! завопилъ и Ламбертъ въ ужаснѣйшемъ гнѣвѣ: я видѣлъ, что во всемъ этомъ было что-то прежнее, чего я не зналъ вовсе, и глядѣлъ съ удивленіемъ. Но длинный нисколько не испугался Ламбертова гнѣва; напротивъ, завопилъ еще сильнѣе: Ohé, Lambert! и т. д. Съ этимъ крикомъ вышли и на лѣстницу. Ламбертъ погнался было за ними, но, однако, воротился.

— Э, я ихъ скоро пр-рогоню въ шею! Больше стоютъ, чѣмъ даютъ... Пойдемъ, Аркадій! Я опоздалъ. Тамъ меня ждетъ одинъ тоже... нужный человѣкъ... Скотина тоже... Это всѣ — скоты! Шу-шехга, шушехга! прокричалъ онъ вновь и почти скрежетнулъ зубами; но вдругъ окончательно опомнился.

— Я радъ, что ты хоть, наконецъ, пришелъ. Alphonsine, ни шагу изъ дому! Идемъ.

У крыльца ждалъ его лихачъ-рысакъ. Мы сѣли; но даже и во весь путь онъ все-таки не могъ придти въ себя отъ какой-то ярости на этихъ молодыхъ людей и успокоиться. Я дивился, что это такъ серіозно, и тому еще, что они такъ къ Ламберту непочтительны, а онъ чуть-ли даже не труситъ передъ ними. Мнѣ, по въѣвшемуся въ меня старому впечатлѣнію съ дѣтства, все казалось, что всѣ должны бояться Ламберта, такъ что, не смотря на всю мою независимость, я навѣрно въ ту минуту и самъ трусилъ Ламберта.

— Я тебѣ говорю, это — все ужасная шушехга, не унимался Ламбертъ. — Вѣришь: этотъ высокій, мерзкій, мучилъ меня, три дня тому, въ хорошемъ обществѣ. Стоитъ передо мной и кричитъ: «Ohé, Lambert!» Въ хорошемъ обществѣ! Всѣ смѣются и знаютъ, что это чтобъ я денегъ далъ — можешь представить. Я далъ. О, это — мерзавцы! Вѣришь, онъ былъ юнкеръ въ полку и выгнанъ, и, можешь представить, онъ образованный: онъ получилъ воспитаніе въ хорошемъ домѣ, можешь представить! У него есть мысли, онъ-бы могъ... Э, чортъ! И онъ силенъ, какъ Еркулъ (Herkule). Онъ полезенъ, только мало. И можешь видѣть: онъ рукъ не моетъ. Я его рекомендовалъ одной госпожѣ, старой знатной барынѣ, что онъ раскаявается и хочетъ убить себя отъ совѣсти, а онъ пришелъ къ ней, сѣлъ и засвисталъ. А этотъ другой, хорошенькій — одинъ генеральскій сынъ; семейство стыдится его, я его изъ суда вытянулъ, я его спасъ, а онъ вотъ какъ платитъ. Здѣсь нѣтъ народу! Я ихъ въ шею, въ шею!

— Они знаютъ мое имя: ты имъ обо мнѣ говорилъ?

— Имѣлъ глупость. Пожалуйста, за обѣдомъ посиди, скрѣпи себя... Туда придетъ еще одна страшная каналья. Вотъ это — такъ ужь страшная каналья, и ужасно хитеръ; здѣсь всѣ ракальи; здѣсь нѣтъ ни одного честнаго человѣка! Ну, да мы кончимъ — и тогда... Что ты любишь кушать? Ну, да все равно, тамъ хорошо кормятъ. Я плачу, ты не безпокойся. Это хорошо, что ты хорошо одѣтъ. Я тебѣ могу дать денегъ. Всегда приходи. Представь, я ихъ здѣсь поилъ-кормилъ, каждый день кулебяка; эти часы, что онъ продалъ — это во второй разъ. Этотъ маленькій, Тришатовъ — ты видѣлъ, Альфонсина гнушается даже глядѣть на него и запрещаетъ ему подходить близко — и вдругъ онъ въ ресторанѣ, при офицерахъ: «хочу бекасовъ». Я далъ бекасовъ! Только я отмщу.

— Помнишь, Ламбертъ, какъ мы съ тобой въ Москвѣ ѣхали въ трактиръ и ты меня въ трактирѣ вилкой пырнулъ, и какъ у тебя были тогда пятьсотъ рублей?

— Да, помню! Э, чортъ, помню! Я тебя люблю... Ты этому вѣрь. Тебя никто не любитъ, а я люблю; только одинъ я, ты помни... Тотъ, что придетъ туда, рябой — это хитрѣйшая каналья; не отвѣчай ему, если заговоритъ, ничего, а коль начнетъ спрашивать, отвѣчай вздоръ, молчи...

По крайней мѣрѣ, онъ изъ-за своего волненія ни о чемъ меня дорогой не разспрашивалъ. Мнѣ стало даже оскорбительно, что онъ такъ увѣренъ во мнѣ и даже

не подозрѣваетъ во мнѣ недовѣрчивости; мнѣ казалось, что въ немъ глупая мысль, что онъ мнѣ смѣетъ по прежнему приказывать. «И къ тому-же, онъ ужасно необразованъ», подумалъ я, вступая въ ресторанъ.

III.

Въ этомъ ресторанѣ, въ Морской, я и прежде бывалъ, во время моего гнусненькаго паденія и разврата, а потому впечатлѣніе отъ этихъ комнатъ, отъ этихъ лакеевъ, приглядывавшихся ко мнѣ и узнавшихъ во мнѣ знакомаго посѣтителя, наконецъ, впечатлѣніе отъ этой загадочной компаніи друзей Ламберта, въ которой я такъ вдругъ очутился и какъ будто уже принадлежа къ ней нераздѣльно, а, главное, — темное предчувствіе, что я добровольно иду на какія-то гадости и несомнѣнно кончу дурнымъ дѣломъ,—все это какъ-бы вдругъ пронзило меня. Было мгновеніе, что я едва не ушелъ; но мгновеніе это прошло и я остался.

Тотъ «рябой», котораго почему-то такъ боялся Ламбертъ, уже ждалъ насъ. Это былъ человѣчекъ съ одной изъ тѣхъ глупо-дѣловыхъ наружностей, которыхъ типъ я такъ ненавижу чуть-ли не съ моего дѣтства; лѣтъ сорока пяти, средняго роста, съ просѣдью, съ выбритымъ до гадости лицомъ и съ маленькими правильными сѣденькими подстриженными бакенбардами, въ видѣ двухъ колбасокъ по обѣимъ щекамъ чрезвычайно плоскаго и злаго лица. Разумѣется, онъ былъ скученъ, серіозенъ, неразговорчивъ, и даже, по обыкновенію всѣхъ этихъ людишекъ, почему-то надменъ. Онъ оглядѣлъ меня очень внимательно, но не сказалъ ни слова, а Ламбертъ такъ былъ глупъ, что, сажая насъ за однимъ столомъ, не счелъ нужнымъ насъ перезнакомить, и, стало быть, тотъ меня могъ принять за одного изъ сопровождавшихъ Ламберта шантажниковъ. Съ молодыми этими людьми (прибывшими почти одновременно съ нами) онъ тоже не сказалъ ничего во весь обѣдъ, но видно было, однако, что зналъ ихъ коротко. Говорилъ онъ о чемъ-то лишь съ Ламбертомъ, да и то почти шепотомъ, да и то говорилъ почти одинъ Ламбертъ, а рябой лишь отдѣлывался отрывочными, сердитыми и ультиматными словами. Онъ держалъ себя высокомѣрно, былъ золъ и насмѣшливъ, тогда какъ Ламбертъ, напротивъ, былъ въ большомъ возбужденіи и видимо все его уговаривалъ, вѣроятно склоняя на какое-то предпріятіе. Разъ я протянулъ руку къ бутылкѣ съ краснымъ виномъ; рябой вдругъ взялъ бутылку хересу и подалъ мнѣ, до тѣхъ поръ не сказавъ со мною ни слова:

— Попробуйте этого, сказалъ онъ, протягивая мнѣ бутылку. Тутъ я вдругъ догадался, что и ему должно уже быть извѣстно обо мнѣ все на свѣтѣ — и исторія моя, и имя мое, и, можетъ быть, то, въ чемъ разсчитывалъ на меня Ламбертъ. Мысль, что онъ приметъ меня за служащаго у Ламберта, взбѣсила меня опять, а въ лицѣ Ламберта выразилось сильнѣйшее и глупѣйшее безпокойство, чуть только тотъ заговорилъ со мной. Рябой это замѣтилъ и засмѣялся. «Рѣшительно Ламбертъ отъ всѣхъ зависитъ», подумалъ я, ненавидя его въ ту минуту отъ всей души. Такимъ образомъ, мы хотя и просидѣли весь обѣдъ за однимъ столомъ, но были раздѣлены на двѣ группы: рябой съ Ламбертомъ, ближе къ окну, одинъ противъ другаго, и я рядомъ съ засаленнымъ Андреевымъ, а напротивъ меня — Тришатовъ. Ламбертъ спѣшилъ съ кушаньями, поминутно торопя слугу подавать. Когда подали шампанское, онъ вдругъ протянулъ ко мнѣ свой бокалъ:

— За твое здоровье, чокнемся! проговорилъ онъ, прерывая свой разговоръ съ рябымъ.

— А вы мнѣ позволите съ вами чокнуться? протянулъ мнѣ черезъ столъ свой бокалъ хорошенькій Тришатовъ. До шампанскаго онъ былъ какъ-то очень задумчивъ и молчаливъ. Dadais-же совсѣмъ ничего не говорилъ, но молчалъ и много ѣлъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ я Тришатову. Мы чокнулись и выпили.

— А я за ваше здоровье не стану пить, обернулся ко мнѣ вдругъ Dadais: — не потому, что желаю вашей смерти, а потому,

чтобъ вы здѣсь сегодня больше не пили. Онъ проговорилъ мрачно и вѣско. — Съ васъ довольно и трехъ бокаловъ. Вы, я вижу, смотрите на мой немытый кулакъ? продолжалъ онъ, выставляя свой кулакъ на столъ: — я его не мою и такъ немытымъ и отдаю въ наемъ Ламберту для раздробленія чужихъ головъ въ щекотливыхъ для Ламберта случаяхъ. И, проговоривъ это, онъ вдругъ стукнулъ кулакомъ объ столъ съ такой силой, что подскочили всѣ тарелки и рюмки. Кромѣ насъ обѣдали въ этой комнатѣ еще на четырехъ столахъ, все офицеры и разные осанистаго вида господа. Ресторанъ этотъ модный; всѣ на мгновеніе прервали разговоры и посмотрѣли въ нашъ уголъ: да, кажется, мы и давно уже возбуждали нѣкоторое любопытство. Ламбертъ весь покраснѣлъ.

— Га, онъ опять начинаетъ! Я васъ, кажется, просилъ, Николай Семеновичъ, вести себя, проговорилъ онъ яростнымъ шепотомъ Андрееву. Тотъ оглядѣлъ его длиннымъ и медленнымъ взглядомъ:

— Я не хочу, чтобъ мой новый другъ Dolgorowky пилъ здѣсь сегодня много вина.

Ламбертъ еще пуще вспыхнулъ. Рябой прислушивался молча, но съ видимымъ удовольствіемъ. Ему выходка Андреева почему-то понравилась. Я только одинъ не понималъ, для чего-бы это мнѣ не пить вина.

— Это онъ, чтобъ только получить деньги! Вы получите еще семь рублей, слышите, послѣ обѣда — только дайте пообѣдать, не срамите, проскрежеталъ ему Ламбертъ.

— Ага! побѣдоносно промычалъ dadais. Это уже совсѣмъ восхитило рябаго и онъ злобно захихикалъ.

— Послушай, ты ужь очень... съ безпокойствомъ и почти съ страданіемъ проговорилъ своему другу Тришатовъ, видимо желая сдержать его. Андреевъ замолкъ, но не надолго; не таковъ былъ разсчетъ его. Отъ насъ черезъ столъ, шагахъ въ пяти, обѣдали два господина и оживленно разговаривали. Оба были чрезвычайно щекотливаго вида среднихъ лѣтъ господа. Одинъ высокій и очень толстый, другой — тоже очень толстый, но маленькій. Говорили они по польски о теперешнихъ парижскихъ событіяхъ. Dadais уже давно на нихъ любопытно поглядывалъ и прислушивался. Маленькій полякъ, очевидно, показался ему фигурой комическою, и онъ тотчасъ возненавидѣлъ его по примѣру всѣхъ желчныхъ и печеночныхъ людей, у которыхъ это всегда вдругъ происходитъ безо всякаго даже повода. Вдругъ маленькій полякъ произнесъ имя депутата Мадьѐ де-Монжò, но по привычкѣ очень многихъ поляковъ, выговорилъ его по польски, то есть съ удареніемъ на предпослѣднемъ словѣ, и вышло не Мадьѐ де-Монжò, а Мàдье де-Мòнжо. Того только и надо было dadais. Онъ повернулся къ полякамъ и, важно выпрямившись, раздѣльно и громко, вдругъ произнесъ, какъ-бы обращаясь съ вопросомъ:

— Мадьѐ де-Монжò?

Поляки свирѣпо обернулись къ нему.

— Чтò вамъ надо? грозно крикнулъ большой толстый полякъ по русски. Dadais выждалъ:

— Мадьѐ де-Монжò? повторилъ онъ вдругъ опять на всю залу, не давая болѣе никакихъ объясненій, точно такъ-же какъ давеча глупо повторялъ мнѣ у двери, надвигаясь на меня: — Dolgorowky? Поляки вскочили съ мѣста, Ламбертъ выскочилъ изъ-за стола, бросился было къ Андрееву, но, оставивъ его, подскочилъ къ полякамъ и принялся униженно извиняться передъ ними.

— Это — шуты, пане, это — шуты! презрительно повторялъ маленькій полякъ, весь красный, какъ морковь, отъ негодованія. Скоро нельзя будетъ приходить! — Въ залѣ тоже зашевелились, тоже раздавался ропотъ, но больше смѣхъ.

— Выходите... пожалуйста... пойдемте! бормоталъ, совсѣмъ потерявшись, Ламбертъ, усиливаясь какъ нибудь вывести Андреева изъ комнаты. Тотъ, пытливо обозрѣвъ Ламберта и догадавшись, что онъ уже теперь дастъ денегъ, согласился за нимъ послѣдовать. Вѣроятно, онъ уже не разъ подобнымъ безстыднымъ пріемомъ выбивалъ изъ Ламберта деньги. Тришатовъ хотѣлъ было тоже побѣжать за ними, но посмотрѣлъ на меня и остался.

— Ахъ, какъ скверно! проговорилъ онъ, закрывая глаза своими тоненькими пальчиками.

— Скверно очень-съ, прошепталъ на этотъ разъ уже съ разозленнымъ видомъ рябой. Между тѣмъ, Ламбертъ возвратился почти совсѣмъ блѣдный и что-то оживленно жестикулируя, началъ шептать рябому. Тотъ, между тѣмъ, приказалъ лакею поскорѣй подавать кофе; онъ слушалъ брезгливо; ему, видимо, хотѣлось поскорѣй уйдти. И, однако, вся исторія была простымъ лишь школьничествомъ. Тришатовъ, съ чашкою кофе, перешелъ съ своего мѣста ко мнѣ и сѣлъ со мною рядомъ.

— Я его очень люблю, началъ онъ мнѣ съ такимъ откровеннымъ видомъ, какъ будто всегда со мной объ этомъ говорилъ.

— Вы не повѣрите, какъ Андреевъ несчастенъ. Онъ проѣлъ и пропилъ приданое своей сестры, да и все у нихъ проѣлъ и пропилъ въ тотъ годъ, какъ служилъ, и я вижу, что онъ теперь мучается. А что онъ не моется — это онъ съ отчаянія. И у него ужасно странныя мысли: онъ вамъ вдругъ говоритъ, что и подлецъ, и честный — это все одно и нѣтъ разницы: и что не надо ничего дѣлать, ни добраго, ни дурнаго, или все равно — можно дѣлать и доброе, и дурное, а что всего лучше лежать, не снимая платья по мѣсяцу, пить, да ѣсть, да спать — и только. Но повѣрьте, что это онъ — только такъ. И, знаете, я даже думаю, онъ это теперь потому накуралесилъ, что захотѣлъ совсѣмъ покончить съ Ламбертомъ. Онъ еще вчера говорилъ. Вѣрители, онъ иногда ночью или когда одинъ долго сидитъ, то начинаетъ плакать, и, знаете, когда онъ плачетъ, то какъ-то особенно, какъ никто не плачетъ; онъ зареветъ, ужасно зареветъ, и это, знаете, еще жальче... И къ тому-же, такой большой и сильный и вдругъ — такъ совсѣмъ зареветъ. Какой бѣдный, не правда-ли? Я его хочу спасти, а самъ я — такой скверный, потерянный мальчишка, вы не повѣрите! Пустите вы меня къ себѣ, Долгорукій, если я къ вамъ когда приду?

— О, приходите, я васъ даже люблю.

— За что-же? Ну, спасибо. Послушайте, выпьемте еще бокалъ. Впрочемъ, что-жь я? Вы лучше не пейте. Это онъ вамъ правду сказалъ, что вамъ нельзя больше пить, мигнулъ онъ мнѣ вдругъ значительно, — а я всетаки выпью. Мнѣ ужь теперь ничего, а я, вѣрите-ли, ни въ чемъ себя удержать не могу. Вотъ скажите мнѣ, что мнѣ ужь больше не обѣдать по ресторанамъ, и я на все готовъ, чтобы только обѣдать. О, мы искренно хотимъ быть честными, увѣряю васъ, но только мы все откладываемъ,

А годы идутъ — и все лучшіе годы!

А онъ, я ужасно боюсь, — повѣсится. Пойдетъ и никому не скажетъ. Онъ такой. Нынче всѣ вѣшаются; почемъ знать — можетъ, много такихъ какъ мы? Я, напримѣръ, никакъ не могу жить безъ лишнихъ денегъ. Мнѣ лишнія гораздо важнѣе, чѣмъ необходимыя. Послушайте, любите вы музыку? Я ужасно люблю. Я вамъ съиграю что нибудь, когда къ вамъ приду. Я очень хорошо играю на фортепіано и очень долго учился. Я серіозно учился. Если-бъ я сочинялъ оперу, то, знаете, я-бы взялъ сюжетъ изъ Фауста. Я очень люблю эту тему. Я все создаю сцену въ соборѣ, такъ, въ головѣ только воображаю. Готическій соборъ, внутренность, хоры, гимны, входитъ Гретхенъ, и, знаете — хоры средневѣковые, чтобъ такъ и слышался пятнадцатый вѣкъ. Гретхенъ въ тоскѣ, сначала речитативъ, тихій, но ужасный, мучительный, а хоры гремятъ мрачно, строго, безучастно

Dies irae, dies illa!

И вдругъ — голосъ дьявола, пѣсня дьявола. Онъ невидимъ, одна лишь пѣсня, рядомъ съ гимнами, вмѣстѣ съ гимнами, почти совпадаетъ съ ними, а между тѣмъ, совсѣмъ другое — какъ нибудь такъ это сдѣлать. Пѣсня длинная, неустанная, это — теноръ, непремѣнно теноръ. Начинаетъ тихо, нѣжно: «Помнишь, Гретхенъ, какъ ты, еще невинная, еще ребенкомъ, приходила съ твоей мамой въ этотъ соборъ и лепетала молитвы по старой книгѣ?» Но пѣсня все сильнѣе, все страстнѣе, стремительнѣе; ноты выше: въ нихъ слезы, тоска безустанная, безвыходная, и, наконецъ, отчаяніе: «Нѣтъ прощенія, Гретхенъ, нѣтъ здѣсь тебѣ прощенія!» Гретхенъ хочетъ молиться, но изъ груди ея рвутся лишь крики — знае-

те, когда судорога отъ слезъ въ груди — а пѣсня сатаны все не умолкаетъ, все глубже вонзается въ душу, какъ остріе, все выше — и вдругъ обрывается почти крикомъ: «Конецъ всему, проклята!» Гретхенъ падаетъ на колѣни, сжимаетъ передъ собой руки — и вотъ тутъ ея молитва, что нибудь очень краткое, полуречитативъ, но наивное, безо всякой отдѣлки, что нибудь въ высшей степени средневѣковое, четыре стиха, всего только четыре стиха — у Страделлы есть нѣсколько такихъ нотъ — и съ послѣдней нотой обморокъ! Смятеніе. Ее подымаютъ, несутъ — и тутъ вдругъ громовой хоръ. Это — какъ-бы ударъ голосовъ, хоръ вдохновенный, побѣдоносный, подавляющій, что нибудь въ родѣ нашего Дори-носи-ма чин-ми — такъ, чтобъ все потряслось на основаніяхъ, и все переходитъ въ восторженный, ликующій всеобщій возгласъ: Hossanna! — Какъ-бы крикъ всей вселенной, а ее несутъ-несутъ, и вотъ тутъ опустить занавѣсъ! Нѣтъ, знаете, если-бъ я могъ, я-бы что нибудь сдѣлалъ! Только я ничего ужъ теперь не могу, а только все мечтаю. Я все мечтаю, все мечтаю; вся моя жизнь обратилась въ одну мечту, я и ночью мечтаю. Ахъ, Долгорукій, читали вы Диккенса *Лавку Древностей?*

— Читалъ; что-же?

— Помните вы... Постойте, я еще бокалъ выпью, — помните вы тамъ одно мѣсто въ концѣ, когда они — съумасшедшій этотъ старикъ и эта прелестная тринадцатилѣтняя дѣвочка, внучка его, послѣ фантастическаго ихъ бѣгства и странствій, пріютились, наконецъ, гдѣ-то на краю Англіи, близъ какого-то готическаго средневѣковаго собора, и эта дѣвочка какую-то тутъ должность получила, соборъ посѣтителямъ показывала... И вотъ разъ закатывается солнце, и этотъ ребенокъ на паперти собора, вся облитая послѣдними лучами, стоитъ и смотритъ на закатъ съ тихимъ задумчивымъ созерцаніемъ въ дѣтской душѣ, удивленной душѣ, какъ будто передъ какой-то загадкой, потому что и то, и другое, вѣдь какъ загадка — солнце, какъ мысль Божія, а соборъ, какъ мысль человѣческая... не правда-ли? Охъ, я не умѣю это выразить, но только Богъ такія первыя мысли отъ дѣтей любитъ... А тутъ, подлѣ нея, на ступенькахъ, съумасшедшій этотъ старикъ-дѣдъ глядитъ на нее остановившимся взглядомъ... Знаете, тутъ нѣтъ ничего такого, въ этой картинкѣ у Диккенса, совершенно ничего, но этого вы въ вѣкъ не забудете, и это осталось во всей Европѣ — отчего? Вотъ прекрасное! Тутъ невинность! Э, я не знаю, что тутъ, только хорошо. Я все въ гимназіи романы читалъ. Знаете, у меня сестра въ деревнѣ, только годомъ старше меня... О, теперь тамъ уже все продано и уже нѣтъ деревни! Мы сидѣли съ ней на террасѣ, подъ нашими старыми липами, и читали этотъ романъ, и солнце тоже закатывалось, и вдругъ мы перестали читать и сказали другъ другу, что и мы будемъ также добрыми, что и мы будемъ прекрасными — я тогда въ университетъ готовился и... Ахъ, Долгорукій, знаете, у каждаго есть свои воспоминанія!..

И вдругъ онъ склонилъ свою хорошенькую головку мнѣ на плечо и — заплакалъ. Мнѣ стало очень-очень его жалко. Правда, онъ выпилъ много вина, но онъ такъ искренно и такъ братски со мной говорилъ и съ такимъ чувствомъ... Вдругъ, въ это мгновеніе, съ улицы раздался крикъ и сильные удары пальцами къ намъ въ окно (тутъ окна цѣльныя, большія и въ первомъ нижнемъ этажѣ, такъ что можно стучать пальцами съ улицы). Это былъ выведенный Андреевъ.

— Ohé, Lambert! Où est Lambert? As-tu vu Lambert? раздался дикій крикъ его съ улицы.

— Ахъ, да онъ вѣдь здѣсь! Такъ онъ не ушелъ? воскликнулъ, срываясь съ мѣста, мой мальчикъ.

— Счетъ! проскрежеталъ Ламбертъ прислугѣ. У него даже руки тряслись отъ злобы, когда онъ сталъ разсчитываться, но рябой не позволилъ ему за себя заплатить.

— Почему-же? Вѣдь я васъ приглашалъ, вы приняли приглашеніе?

— Нѣтъ, ужь позвольте,— вынулъ свой портмоне рябой и, разсчитавъ свою долю, уплатилъ особо.

— Вы меня обижаете, Семенъ Сидоровичъ!

— Такъ ужь я хочу-съ, отрѣзалъ Се-

менъ Сидоровичъ и, взявъ шляпу, не простившись ни съ кѣмъ, пошелъ одинъ изъ залы. Ламбертъ бросилъ деньги слугѣ и торопливо выбѣжалъ вслѣдъ за нимъ, даже позабывъ въ своемъ смущеніи обо мнѣ. Мы съ Тришатовымъ вышли послѣ всѣхъ. Андреевъ какъ верста стоялъ у подъѣзда и ждалъ Тришатова.

— Негодяй! не утерпѣлъ было Ламбертъ.

— Но-но! рыкнулъ на него Андреевъ и однимъ взмахомъ руки сбилъ съ него круглую шляпу, которая покатилась по тротуару. Ламбертъ унизительно бросился поднимать ее.

— Vingt cinq roubles! указалъ Андреевъ Тришатову на кредитку, которую еще давеча сорвалъ съ Ламберта.

— Полно, крикнулъ ему Тришатовъ.— Чего ты все буянишь... И за что ты содралъ съ него двадцать пять? Съ него только семь слѣдовало.

— За что содралъ? Онъ обѣщалъ обѣдать отдѣльно, съ аѳинскими женщинами, а вмѣсто женщинъ подалъ рябаго, и, кромѣ того, я не доѣлъ и промерзъ на морозѣ непремѣнно на восемнадцать рублей. Семь рублей за нимъ оставалось — вотъ тебѣ ровно и двадцать пять.

— Убир-райтесь къ чорту оба! завопилъ Ламбертъ: — я васъ прогоняю обоихъ, и я васъ въ бараній рогъ...

— Ламбертъ, я васъ прогоняю, и я васъ въ бараній рогъ! крикнулъ Андреевъ. — Adieu, mon prince, не пейте больше вина! Петя, маршъ! Ohé Lambert! Où est Lambert? As-tu vu Lambert? рявкнулъ онъ въ послѣдній разъ, удаляясь огромными шагами.

— Такъ я приду къ вамъ, можно? пролепеталъ мнѣ наскоро Тришатовъ, спѣша за своимъ другомъ.

Мы остались одни съ Ламбертомъ.

— Ну... пойдемъ! выговорилъ онъ, какъбы съ трудомъ переводя дыханіе и какъбы даже ошалѣвъ.

— Куда я пойду? Никуда я съ тобой не пойду! поспѣшилъ я крикнуть съ вызовомъ.

— Какъ не пойдешь? пугливо встрепенулся онъ, очнувшись разомъ.—Да я только и ждалъ, что мы одни останемся!

— Да куда идти-то?—Признаюсь, у меня тоже капельку звенѣло въ головѣ отъ трехъ бокаловъ и двухъ рюмокъ хересу.

— Сюда, вотъ сюда, видишь?

— Да тутъ свѣжія устрицы, видишь, написано. Тутъ такъ скверно пахнетъ...

— Это потому, что ты послѣ обѣда, а это—милютинская лавка; мы устрицъ ѣсть не будемъ, а я тебѣ дамъ шампанскаго...

— Не хочу! Ты меня опоить хочешь.

— Это тебѣ они сказали; они надъ тобой смѣялись. Ты вѣришь мерзавцамъ!

— Нѣтъ, Тришатовъ — не мерзавецъ. А я и самъ умѣю быть осторожнымъ — вотъ что!

— Что, у тебя есть свой характеръ?

— Да, у меня есть характеръ, побольше чѣмъ у тебя, потому что ты въ рабствѣ у перваго встрѣчнаго. Ты насъ осрамилъ, ты у поляковъ, какъ лакей, прощенія просилъ. Знать, тебя часто били въ трактирахъ?

— Да вѣдь намъ надо-же говорить, духгакъ! вскричалъ онъ съ тѣмъ презрительнымъ нетерпѣніемъ, которое чуть не говорило: «И ты туда-же?» — Да ты боишься, что-ли? Другъ ты мнѣ или нѣтъ?

— Я — тебѣ не другъ, а ты — мошенникъ. Пойдемъ, чтобъ только доказать тебѣ, что я тебя не боюсь. Ахъ, какъ скверно пахнетъ, сыромъ пахнетъ! Экая гадость!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Я еще разъ прошу вспомнить, что у меня нѣсколько звенѣло въ головѣ; если-бъ не это, я-бы говорилъ и поступалъ иначе. Въ этой лавкѣ, въ задней комнатѣ, дѣйствительно, можно было ѣсть устрицы, и мы усѣлись за накрытый скверной, грязной скатертью столикъ. Ламбертъ приказалъ подать шампанскаго; бокалъ съ холоднымъ золотаго цвѣта виномъ очутился предо мною и соблазнительно глядѣлъ на меня; но мнѣ было досадно.

— Видишь, Ламбертъ, мнѣ, главное, обидно, что ты думаешь, что можешь мнѣ

и теперь повелѣвать, какъ у Тушара, тогда какъ ты у всѣхъ здѣшнихъ самъ въ рабствѣ.

— Духгакъ! Э, чокнемся!

— Ты даже и притворяться не удостоиваешь передо мной; хоть-бы скрывалъ, что хочешь меня опоить.

— Ты врешь и ты пьянъ. Надо еще пить, и будешь веселѣе. Бери-же бокалъ, бери-же!

— Да что за бери-же? Я уйду, вотъ и кончено.

И я, дѣйствительно, было привсталъ. Онъ ужасно разсердился:

— Это тебѣ Тришатовъ нашепталъ на меня: я видѣлъ—вы тамъ шептались. Ты—духгакъ послѣ этого. Альфонсина такъ даже гнушается, что онъ къ ней подходитъ близко... Онъ мерзкій. Это я тебѣ разскажу какой онъ.

— Ты это ужь говорилъ. У тебя все—одна Альфонсина; ты ужасно узокъ.

— Узокъ? не понималъ онъ: — они теперь перешли къ рябому. Вотъ что! Вотъ почему я ихъ прогналъ.—Они безчестные. Этотъ рябой злодѣй и ихъ развратитъ. А я требовалъ, чтобы они всегда вели себя благородно.

Я сѣлъ, какъ-то машинально взялъ бокалъ и отпилъ глотокъ.

— Я несравненно выше тебя по образованію, сказалъ я. Но онъ ужь слишкомъ былъ радъ, что я сѣлъ, и тотчасъ подлилъ мнѣ еще вина.

— А вѣдь ты ихъ боишься? продолжалъ я дразнить его (и ужь навѣрно былъ тогда гаже его самого).—Андреевъ сбилъ съ тебя шляпу, а ты ему двадцать пять рублей за то далъ.

— Я далъ, но онъ мнѣ заплатитъ. Они бунтуются, но я ихъ сверну...

— Тебя очень волнуетъ рябой. А знаешь, мнѣ кажется, что я только одинъ у тебя теперь и остался. Всѣ твои надежды только во мнѣ одномъ теперь заключаются — а?

— Да, Аркаша, это — такъ: ты одинъ мнѣ другъ и остался; вотъ это хорошо ты сказалъ! хлопнулъ онъ меня по плечу.

Что было дѣлать съ такимъ грубымъ человѣкомъ; онъ былъ совершенно неразвитъ и насмѣшку принялъ за похвалу.

— Ты-бы могъ меня избавить отъ худыхъ вещей, если-бъ былъ добрый товарищъ, Аркадій, продолжалъ онъ, ласково смотря на меня.

— Чѣмъ-бы я могъ тебя избавить?

— Самъ знаешь—чѣмъ. Ты безъ меня, какъ духгакъ, и навѣрно будешь глупъ, а я-бы тебѣ далъ тридцать тысячъ, и мы-бы взяли пополамъ, и ты самъ знаешь—какъ. Ну, кто ты такой, посмотри: у тебя ничего нѣтъ—ни имени, ни фамиліи, а тутъ сразу кушъ; а имѣя такія деньги, можешь знаешь какъ начать карьеру!

Я просто удивился на такой пріемъ. Я рѣшительно предполагалъ, что онъ будетъ хитрить, а онъ со мной такъ прямо, такъ по мальчишнически прямо началъ. Я рѣшился слушать его изъ широкости и... изъ ужаснаго любопытства.

— Видишь, Ламбертъ: ты не поймешь этого, но я соглашаюсь слушать тебя, потому что я широкъ, твердо заявилъ я и опять хлебнулъ изъ бокала. Ламбертъ тотчасъ подлилъ.

— Вотъ что, Аркадій: если-бы мнѣ осмѣлился такой, какъ Бьорингъ, наговорить ругательствъ и ударить при дамѣ, которую я обожаю, то я-бъ и не знаю что сдѣлалъ! А ты стерпѣлъ и я гнушаюсь тобой: ты—тряпка!

— Какъ ты смѣешь сказать, что меня ударилъ Бьорингъ! вскричалъ я, краснѣя:—это я его скорѣе ударилъ, а не онъ меня.

— Нѣтъ, это онъ тебя ударилъ, а не ты его.

— Врешь, еще я ему ногу отдавилъ!

— Но онъ тебя отбилъ рукой и велѣлъ лакеямъ тащить... а она сидѣла и глядѣла изъ кареты и смѣялась на тебя, она знаетъ, что у тебя нѣтъ отца и что тебя можно обидѣть.

— Я не знаю, Ламбертъ, между нами мальчишническій разговоръ, котораго я стыжусь. Ты это чтобъ раздразнить меня, и такъ грубо и открыто, какъ съ шестнадцатилѣтнимъ какимъ-то. Ты сговорился съ Анной Андреевной! вскричалъ я, дрожа отъ злости и машинально все хлебая вино.

— Анна Андреевна — шельма! Она надуетъ и тебя, и меня, и весь свѣтъ! Я те-

бя ждалъ, потому что ты лучше можешь докончить съ той.

— Съ какой той?

— Съ m-me Ахмаковой. Я все знаю. Ты мнѣ самъ сказалъ, что она того письма, которое у тебя, боится...

— Какое письмо... врешь ты... Ты видѣлъ ее? бормоталъ я въ смущеніи.

— Я ее видѣлъ. Она хороша собой. Très belle; и у тебя вкусъ.

— Знаю, что ты видѣлъ; только ты съ нею не смѣлъ говорить, и я хочу, чтобы и объ ней ты не смѣлъ говорить.

— Ты еще маленькій, а она надъ тобою смѣется—вотъ что! У насъ была одна такая добродѣтель въ Москвѣ: ухъ, какъ носъ подымала! а затрепетала, когда пригрозили, что все разскажемъ, и тотчасъ послушалась; а мы взяли и то, и другое: и деньги, и то—понимаешь что? Теперь она опять въ свѣтѣ недоступная — фу, ты, чортъ, какъ высоко летаетъ, и карета какая, о коли-бъ ты видѣлъ, въ какомъ это было чуланѣ! Ты еще не жилъ; если-бъ ты зналъ, какихъ чулановъ онѣ не побоятся...

— Я это думалъ, пробормоталъ я неудержимо.

— Онѣ развращены до конца ногтей; ты не знаешь, на что онѣ способны! Альфонсина жила въ одномъ такомъ домѣ, такъ она гнушалась.

— Я объ этомъ думалъ, подтвердилъ я опять.

— А тебя бьютъ, а ты жалѣешь...

— Ламбертъ, ты — мерзавецъ, ты — проклятый! вскричалъ я, вдругъ какъ-то сообразивъ и затрепетавъ. — Я видѣлъ все это во снѣ, ты стоялъ и Анна Андреевна... О, ты — проклятый! Неужели ты думалъ, что я — такой подлецъ? Я вѣдь и видѣлъ потому во снѣ, что такъ и зналъ, что ты это скажешь. И, наконецъ, все это не можетъ быть такъ просто, чтобъ ты мнѣ про все это такъ прямо и просто говорилъ!

— Ишь разсердился! Те-те-те! протянулъ Ламбертъ, смѣясь и торжествуя.— Ну, братъ, Аркашка, теперь я все узналъ, что мнѣ надо. Для того-то и ждалъ тебя. Слушай, ты, стало быть, ее любишь, а Бьорингу отмстить хочешь — вотъ что мнѣ надо было узнать. Я все время это такъ и подозрѣвалъ, когда тебя здѣсь ждалъ. Ces posé, cela change la question. И тѣмъ лучше, потому что она сама тебя любитъ. Такъ ты и женись, ни мало не медля, это лучше. Да иначе и нельзя тебѣ, ты на самомъ вѣрномъ остановился. А затѣмъ знай, Аркадій, что у тебя есть другъ, это я, котораго ты можешь верхомъ осѣдлать. Вотъ этотъ другъ тебѣ и поможетъ, и женитъ тебя: изъ подъ земли все достану, Аркаша! А ты ужь подари за то потомъ старому товарищу тридцать тысячекъ за труды, а? А я помогу, не сомнѣвайся. Я во всѣхъ этихъ дѣлахъ всѣ тонкости знаю, и тебѣ все приданое дадутъ, и ты — богачъ съ карьерой!

У меня — хоть и кружилась голова, но я съ изумленіемъ смотрѣлъ на Ламберта. Онъ былъ серіозенъ, то есть, не то что серіозенъ, но въ возможность женить меня, я видѣлъ ясно, онъ и самъ совсѣмъ вѣрилъ и даже принималъ идею съ восторгомъ. Разумѣется, я видѣлъ тоже, что онъ ловитъ меня, какъ мальчишку (навѣрное—видѣлъ тогда-же); но мысль о бракѣ съ нею до того пронзила меня всего, что я, хоть и удивлялся на Ламберта, какъ это онъ можетъ вѣрить въ такую фантазію, но въ тоже время самъ стремительно въ нее увѣровалъ, ни на мигъ не утрачивая, однако, сознанія, что это, конечно, ни за что не можетъ осуществиться. Какъ-то все это уложилось вмѣстѣ.

— Да развѣ это возможно? пролепеталъ я.

— Зачѣмъ нѣтъ? Ты ей покажешь документъ — она струситъ и пойдетъ за тебя, чтобы не потерять деньги.

Я рѣшился не останавливать Ламберта на его подлостяхъ, потому что онъ до того простодушно выкладывалъ ихъ предо мной, что даже и не подозрѣвалъ, что я вдругъ могу возмутиться; но я промямлилъ, однако, что не хотѣлъ-бы жениться только силой.

— Я ни за что не захочу силой; какъ ты можешь быть такъ подлъ, чтобы предположить во мнѣ это?

— Эвона! Да она сама пойдетъ: это—не ты, а она сама испугается и пойдетъ. А пойдетъ она еще потому, что тебя любитъ, спохватился Ламбертъ.

— Ты это врешь. Ты надо мной смѣешься. Почему ты знаешь, что она меня любитъ?

— Непремѣнно. Я знаю. И Анна Андреевна это полагаетъ. Это я тебѣ серіозно и правду говорю, что Анна Андреевна полагаетъ. И потомъ еще я разскажу тебѣ, когда придешь ко мнѣ, одну вещь, и ты увидишь, что любитъ. Альфонсина была въ Царскомъ; она тамъ тоже узнавала...

— Что-жь она тамъ могла узнать?

— А вотъ пойдемъ ко мнѣ: она тебѣ разскажетъ сама, и тебѣ будетъ пріятно. Да и чѣмъ ты хуже кого? Ты красивъ, ты воспитанъ...

— Да, я воспитанъ, прошепталъ я, едва переводя духъ. Сердце мое колотилось и, конечно, не отъ одного вина.

— Ты красивъ, ты одѣтъ хорошо.

— Да, я одѣтъ хорошо.

— И ты добрый...

— Да, я добрый.

— Почему-же ей не согласиться? А Бьорингъ всетаки не возьметъ безъ денегъ, а ты можешь ее лишить денегъ — вотъ она и испугается, ты женишься и тѣмъ отмстишь Бьорингу. Вѣдь ты мнѣ самъ тогда въ ту ночь говорилъ, послѣ морозу, что она въ тебя влюблена.

— Я тебѣ это развѣ говорилъ? Я, вѣрно, не такъ говорилъ.

— Нѣтъ такъ.

— Это я въ бреду. Вѣрно, я тебѣ тогда и про документъ сказалъ?

— Да, ты сказалъ, что у тебя есть такое письмо; я и подумалъ: какъ-же онъ, коли есть такое письмо, свое теряетъ?

— Это все фантазія, и я вовсе не такъ глупъ, чтобы этому повѣрить, бормоталъ я. — Во первыхъ, разница въ лѣтахъ, а во вторыхъ, у меня нѣтъ никакой фамиліи.

— Да ужь пойдетъ; нельзя не пойдти, когда столько денегъ пропадетъ, — это я устрою. А къ тому-жь, тебя любитъ. Ты знаешь, этотъ старый князь къ тебѣ совсѣмъ расположенъ; ты чрезъ его покровительство знаешь какія связи можешь завязать; а что до того, что у тебя нѣтъ фамиліи, такъ нынче этого ничего не надо: разъ ты тяпнешь деньги — и пойдешь, и пойдешь и чрезъ десять лѣтъ будешь такимъ милліонеромъ, что вся Россія затрещитъ, такъ какое тебѣ тогда надо имя? Въ Австріи можно барона купить. А какъ женишься, тогда въ руки возьми. Надо ихъ хорошенько. Женщина, если полюбитъ, то любитъ, чтобы ее въ кулакѣ держать. Женщина любитъ въ мужчинѣ характеръ. А ты какъ испугаешь ее письмомъ, то съ того часа и покажешь ей характеръ. «А, скажетъ, онъ такой молодой, а у него есть характеръ».

Я сидѣлъ какъ ошалѣлый. Ни съ кѣмъ другимъ никогда я-бы не упалъ до такого глупаго разговора. Но тутъ какая-то сладостная жажда тянула вести его. Къ тому-же, Ламбертъ былъ такъ глупъ и подлъ, что стыдиться его нельзя было.

— Нѣтъ, знаешь, Ламбертъ, вдругъ сказалъ я: — какъ хочешь, а тутъ много вздору; я потому съ тобой говорилъ, что мы — товарищи и намъ нечего стыдиться; но съ другимъ я-бы ни за что не унизился. И, главное, почему ты такъ утверждаешь, что она меня любитъ? Это ты хорошо сейчасъ сказалъ про капиталъ; но видишь, Ламбертъ, ты не знаешь высшаго свѣта: у нихъ все это на самыхъ патріархальныхъ, родовыхъ, такъ сказать, отношеніяхъ, такъ что теперь, пока она еще не знаетъ моихъ способностей и до чего я въ жизни могу достигнуть — ей всетаки теперь будетъ стыдно. Но я не скрою отъ тебя, Ламбертъ, что тутъ, дѣйствительно, есть одинъ пунктъ, который можетъ подать надежду. Видишь: она можетъ за меня выдти изъ благодарности, потому что я ее избавлю тогда отъ ненависти одного человѣка. А она его боится, этого человѣка.

— Ахъ, ты это про твоего отца? А что, онъ очень ее любитъ? съ необыкновеннымъ любопытствомъ встрепенулся вдругъ Ламбертъ.

— О, нѣтъ! вскричалъ я: — и какъ ты страшенъ и въ тоже время глупъ, Ламбертъ! Ну могъ-ли-бы я, если-бъ онъ любилъ ее, хотѣть тутъ жениться? Вѣдь, всетаки — сынъ и отецъ, это вѣдь ужь стыдно будетъ. Онъ маму любитъ, маму, и я видѣлъ, какъ онъ обнималъ ее, и я прежде самъ думалъ, что онъ любитъ Катерину Николаевну, но теперь узналъ ясно, что онъ,

можетъ, ее когда-то любилъ, но теперь давно ненавидитъ... и хочетъ мстить, и она боится, потому что я тебѣ скажу, Ламбертъ, онъ ужасно страшенъ, когда начнетъ мстить. Онъ почти съумасшедшимъ становится. Онъ, когда на нее злится, то на все лѣзетъ. Это вражда въ старомъ родѣ изъ-за возвышенныхъ принциповъ. Въ наше время—наплевать на всѣ общіе принципы; въ наше время не общіе принципы, а одни только частные случаи. Ахъ, Ламбертъ, ты ничего не понимаешь: ты глупъ какъ палецъ; я говорю тебѣ теперь объ этихъ принципахъ, а ты вѣрно ничего не понимаешь. Ты ужасно необразованъ. Помнишь, ты меня билъ? Я теперь сильнѣе тебя,— знаешь ты это?

— Аркашка, пойдемъ ко мнѣ! Мы просидимъ вечеръ и выпьемъ еще одну бутылку, а Альфонсина споетъ съ гитарой.

— Нѣтъ, не пойду. Слушай, Ламбертъ, у меня есть «идея». Если не удастся и не женюсь, то я уйду въ идею; а у тебя нѣтъ идеи.

— Хорошо, хорошо, ты разскажешь, пойдемъ.

— Не пойду! всталъ я: — не хочу и не пойду. Я къ тебѣ приду, но ты — подлецъ. Я тебѣ дамъ тридцать тысячъ — пусть, но я тебя чище и выше... Я вѣдь вижу, что ты меня обмануть во всемъ хочешь. А объ ней я запрещаю тебѣ даже и думать: она выше всѣхъ, и твои планы—это такая низость, что я даже удивляюсь тебѣ, Ламбертъ. Я жениться хочу—это дѣло другое, но мнѣ не надобенъ капиталъ, я презираю капиталъ. Я самъ не возьму, если-бъ она давала мнѣ свой капиталъ на колѣняхъ... А жениться, жениться, это — дѣло другое. И знаешь, это ты хорошо сказалъ, чтобы въ кулакѣ держать. Любить, страстно любить, со всѣмъ великодушіемъ, какое въ мужчинѣ и какого никогда не можетъ быть въ женщинѣ, но и деспотировать—это хорошо. Потому что, знаешь что, Ламбертъ—женщина любитъ деспотизмъ. Ты, Ламбертъ, женщину знаешь. Но ты удивительно глупъ во всемъ остальномъ. И, знаешь, Ламбертъ, ты не совсѣмъ такой мерзкій, какъ кажешься, ты—простой. Я тебя люблю. Ахъ, Ламбертъ, зачѣмъ ты такой плутъ? Тогда-бы мы такъ весело стали жить! Знаешь, Тришатовъ — милый.

Всѣ эти послѣднія безсвязныя фразы я пролепеталъ уже на улицѣ. О, я все это припоминаю до мелочи, чтобъ читатель видѣлъ, что при всѣхъ восторгахъ и при всѣхъ клятвахъ и обѣщаніяхъ возродиться къ лучшему и искать благообразія, я могъ тогда такъ легко упасть и въ такую грязь! И клянусь, если-бъ я не увѣренъ былъ вполнѣ и совершенно, что теперь я уже совсѣмъ не тотъ, и что уже выработалъ себѣ характеръ практическою жизнью, то я-бы ни за что не признался во всемъ этомъ читателю.

Мы вышли изъ лавки, и Ламбертъ меня поддерживалъ, слегка обнявши рукой. Вдругъ я посмотрѣлъ на него и увидѣлъ почти тоже самое выраженіе его пристальнаго, разглядывающаго, страшно внимательнаго и въ высшей степени трезваго взгляда, какъ и тогда, въ то утро, когда я замерзалъ и когда онъ велъ меня, точно такъ-же обнявъ рукой, къ извощику и вслушивался, и ушами и глазами, въ мой безсвязный лепетъ. У пьянѣющихъ людей, но еще не опьянѣвшихъ совсѣмъ, бываютъ вдругъ мгновенія самаго полнаго отрезвленія.

— Ни за что къ тебѣ не пойду! твердо и связно проговорилъ я, насмѣшливо смотря на него и отстраняя его рукой.

— Ну, полно, я велю Альфонсинѣ чаю, полно!

Онъ ужасно былъ увѣренъ, что я не вырвусь; онъ обнималъ и придерживалъ меня съ наслажденіемъ, какъ жертвочку, а ужь я-то, конечно, былъ ему нуженъ, именно въ тотъ вечеръ и въ такомъ состояніи! Потомъ это все объяснится—зачѣмъ.

— Не пойду! повторилъ я:—извощикъ!

Какъ разъ подскочилъ извощикъ, и я прыгнулъ въ сани.

— Куда ты? Что ты! завопилъ Ламбертъ, въ ужаснѣйшемъ страхѣ, хватая меня за шубу.

— И не смѣй за мной! вскричалъ я:—не догоняй. Въ этотъ мигъ какъ-разъ тронулъ извощикъ, и шуба моя вырвалась изъ рукъ Ламберта.

— Все равно, придешь! закричалъ онъ мнѣ вслѣдъ злымъ голосомъ.

— Приду, коль захочу—моя воля! обернулся я къ нему изъ саней.

II.

Онъ не преслѣдовалъ, конечно, потому что подъ рукой не случилось другаго извощика, и я успѣлъ скрыться изъ глазъ его. Я-же доѣхалъ лишь до Сѣнной, а тамъ всталъ и отпустилъ сани. Мнѣ ужасно захотѣлось пройдтись пѣшкомъ. Ни усталости, ни большой опьянѣлости я не чувствовалъ, а была лишь одна только бодрость; былъ приливъ силъ, была необыкновенная способность на всякое предпріятіе и безчисленныя пріятныя мысли въ головѣ.

Сердце усиленно и вѣско билось—я слышалъ каждый ударъ. И все такъ мнѣ было мило, все такъ легко. Проходя мимо гауптвахты, на Сѣнной, мнѣ ужасно захотѣлось подойдти къ часовому и поцаловаться съ нимъ. Была оттепель, площадь почернѣла и запахла, но мнѣ очень нравилась и площадь.

«Я теперь на Обуховскій проспектъ, думалъ я, а потомъ поверну налѣво и выйду въ Семеновскій полкъ, сдѣлаю крюку, это прекрасно, все прекрасно. Шуба у меня на распашку,—а что-жь ее никто не снимаетъ, гдѣ-жь воры? На Сѣнной, говорятъ, воры; пусть подойдутъ, я, можетъ, и отдамъ имъ шубу. На что мнѣ шуба? Шуба—собственность. La propriété, c'est le vol. А, впрочемъ, какой вздоръ, и какъ все хорошо. Это хорошо, что оттепель. Зачѣмъ морозъ? Совсѣмъ не надо морозу. Хорошо и вздоръ нести. Что, бишь, я сказалъ Ламберту про принципы? Я сказалъ, что нѣтъ общихъ принциповъ, а есть только частные случаи; это я совралъ, архи-совралъ! И нарочно, чтобъ пофорсить. Стыдно немножко, а впрочемъ — ничего, заглажу. Не стыдитесь, не терзайте себя, Аркадій Макаровичъ. Аркадій Макаровичъ, вы мнѣ нравитесь. Вы мнѣ очень даже нравитесь, молодой мой другъ. Жаль, что вы—маленькій плутишка... и... и... ахъ да... ахъ!

Я вдругъ остановился, и все сердце мое опять заныло въ упоеніи:

«Господи! Что это онъ сказалъ? Онъ сказалъ, что она—меня любитъ. О, онъ—мошенникъ, онъ много тутъ налгалъ; это для того, чтобъ я къ нему поѣхалъ ночевать. А, можетъ, и нѣтъ. Онъ сказалъ, что и Анна Андреевна такъ думаетъ... Ба! Да ему могла и Дарья Онисимовна тутъ что нибудь разузнать: та вездѣ шныряетъ. И зачѣмъ я не поѣхалъ къ нему? Я-бы все узналъ! Гм! У него планъ, и я все это до послѣдней черты предчувствовалъ. Сонъ. Широко задумано, господинъ Ламбертъ, только врете вы, не такъ это будетъ. А, можетъ, и такъ! А, можетъ, и такъ! И развѣ онъ можетъ женить меня? А, можетъ, и можетъ. Онъ наивенъ и вѣритъ. Онъ глупъ и дерзокъ, какъ всѣ дѣловые люди. Глупость и дерзость, соединяясь вмѣстѣ—великая сила. А, признайтесь, что вы таки боялись Ламберта, Аркадій Макаровичъ! И на что ему честные люди? Такъ серіозно и говоритъ: ни одного здѣсь честнаго человѣка! Да ты-то самъ — кто? Э, что-жь я! Развѣ честные люди подлецамъ не нужны? Въ плутовствѣ честные люди еще пуще чѣмъ вездѣ нужны. Ха-ха! Этого только вы не знали до сихъ поръ, Аркадій Макаровичъ, съ вашей полной невинностью. Господи! Что если онъ вправду женитъ меня!»

Я опять пріостановился. Я долженъ здѣсь признаться въ одной глупости (такъ какъ это уже давно прошло), я долженъ признаться, что я уже давно предъ тѣмъ хотѣлъ жениться,—то есть не хотѣлъ и этого-бы никогда не случилось (да и не случится впредь, даю слово), но я уже не разъ и давно уже передъ тѣмъ мечталъ о томъ, какъ хорошо-бы жениться,—то есть ужасно много разъ, особенно засыпая каждый разъ на ночь. Это началось у меня еще по шестнадцатому году. У меня былъ въ гимназіи товарищъ, ровесникъ мнѣ, Лавровскій,—и такой милый, тихій, хорошенькій мальчикъ, впрочемъ, ничѣмъ другимъ не отличавшійся. Я съ нимъ никогда почти не разговаривалъ. Вдругъ мы какъ-то сидѣли рядомъ одни, и онъ былъ очень задумчивъ, и вдругъ онъ мнѣ: «Ахъ, Долгорукій, какъ вы думаете, вотъ-бы теперь жениться; право, когда-жь и жениться, какъ не теперь; теперь-бы самое лучшее время, и, однако, никакъ нельзя!» И такъ онъ откровенно

это сказалъ. И я вдругъ всѣмъ сердцемъ съ этимъ согласился, потому что самъ ужь грезилъ о чемъ-то. Потомъ мы нѣсколько дней сряду сходились и все объ этомъ говорили какъ-бы въ секретѣ, — впрочемъ, только объ этомъ. А потомъ, не знаю какъ это произошло, но мы разошлись и перестали говорить. Вотъ съ тѣхъ-то поръ я и сталъ мечтать. Объ этомъ, конечно, не стоило-бы вспоминать, но мнѣ хотѣлось только указать, какъ это издалека иногда идетъ...

«Тутъ одно только серіозное возраженіе», все мечталъ я, продолжая идти. «О, конечно, ничтожная разница въ нашихъ лѣтахъ не составитъ препятствія, но вотъ что: она — такая аристократка, а я — просто Долгорукій! Страшно скверно! Гм! Версиловъ развѣ не могъ-бы, женясь на мамѣ, просить правительство о позволеніи усыновить меня... за заслуги, такъ сказать, отца... Онъ вѣдь служилъ, стало быть, были и заслуги; онъ былъ мировымъ посредникомъ... О, чортъ возьми, какая гадость!»

Я вдругъ воскликнулъ это и вдругъ, въ третій разъ, остановился, но уже какъ-бы раздавленный на мѣстѣ. Все мучительное чувство униженія отъ сознанія, что я могъ пожелать такого позору, какъ перемѣна фамиліи усыновленіемъ, эта измѣна всему моему дѣтству — все это почти въ одинъ мигъ уничтожило все прежнее расположеніе, и вся радость моя разлетѣлась, какъ дымъ. «Нѣтъ, этого я никому не перескажу, подумалъ я, страшно покраснѣвъ: — это я потому такъ унизился, что я... влюбленъ и глупъ... Нѣтъ, если въ чемъ правъ Ламбертъ, такъ въ томъ, что нынче, въ нашъ вѣкъ, главное — самъ человѣкъ, а потомъ его деньги. То есть — не деньги, а его имущество. Съ такимъ капиталомъ я брошусь въ «идею», и вся Россія затрещитъ черезъ десять лѣтъ, и я всѣмъ отомщу. А съ ней церемониться нечего, тутъ опять правъ Ламбертъ. Струситъ и просто пойдетъ. Простѣйшимъ и пошлѣйшимъ образомъ согласится и пойдетъ. «Ты не знаешь, ты не знаешь въ какомъ это чуланѣ происходило!» припоминались мнѣ давешнія слова Ламберта. «И это такъ, подтверждалъ я:— Ламбертъ правъ во всемъ, въ тысячу разъ правѣе меня и Версилова, и всѣхъ идеалистовъ! Онъ — реалистъ. Она увидитъ, что у меня есть характеръ, и скажетъ: «А, у него есть характеръ!» Ламбертъ — подлецъ, и ему только-бы тридцать тысячъ съ меня сорвать, а всетаки онъ у меня одинъ только другъ и есть. Другой дружбы нѣтъ и не можетъ быть, это все выдумали непрактическіе люди. А ее я даже и не унижаю; развѣ я ее унижаю? Ничуть: всѣ женщины таковы! Женщина развѣ бываетъ безъ подлости? Потому-то надъ ней и нуженъ мужчина, потому-то она и создана существомъ подчиненнымъ. Женщина — порокъ и соблазнъ, а мужчина — благородство и великодушіе. Такъ и будетъ во вѣки вѣковъ. А что я собираюсь употребить «документъ» — такъ это ничего. Это не помѣшаетъ ни благородству, ни великодушію. Шиллеровъ въ чистомъ состояніи не бываетъ — ихъ выдумали. Ничего, коль съ грязнотой, если цѣль великолѣпна! Потомъ все омоется, все загладится. А теперь это — только широкость, это — только жизнь, это — только жизненная правда — вотъ какъ это теперь называется!»

О, опять повторю: да простятъ мнѣ, что я привожу весь этотъ тогдашній хмѣльной бредъ до послѣдней строчки. Конечно, это только эссенція тогдашнихъ мыслей, но, мнѣ кажется, я этими самыми словами и говорилъ. Я долженъ былъ привести ихъ, потому что я сѣлъ писать, чтобъ судить себя. А что-же судить, какъ не это? Развѣ въ жизни можетъ быть что нибудь серіознѣе? Вино-же не оправдывало. In vino veritas.

Такъ мечтая и весь закопавшись въ фантазію, я и не замѣтилъ, что дошелъ, наконецъ, до дому, то есть до маминой квартиры. Даже не замѣтилъ, какъ вошелъ въ квартиру; но только что я вступилъ въ нашу крошечную переднюю, какъ уже сразу понялъ, что у насъ произошло нѣчто необычайное. Въ комнатахъ говорили громко, вскрикивали, а мама, слышно было, плакала. Въ дверяхъ меня чуть не сбила съ ногъ Лукерья, стремительно пробѣжавшая изъ комнаты Макара Ивановича въ кухню. Я сбросилъ шубу и вошелъ къ Макару Ивановичу, потому что тамъ всѣ столпились.

Тамъ стояли Версиловъ и мама. Мама лежала у него въ объятіяхъ, а онъ крѣпко прижималъ ее къ сердцу. Макаръ Ивановичъ сидѣлъ, по обыкновенію, на своей скамеечкѣ, но какъ-бы въ какомъ-то безсиліи, такъ что Лиза съ усиліемъ придерживала его руками за плечо, чтобы онъ не упалъ; и даже ясно было, что онъ все клонится чтобы упасть. Я стремительно шагнулъ ближе, вздрогнулъ и догадался: старикъ былъ мертвъ.

Онъ только что умеръ, за минуту какую нибудь до моего прихода. За десять минутъ онъ еще чувствовалъ себя какъ всегда. Съ нимъ была тогда одна Лиза; она сидѣла у него и разсказывала ему о своемъ горѣ, а онъ, какъ вчера, гладилъ ее по головѣ. Вдругъ онъ весь затрепеталъ (разсказывала Лиза), хотѣлъ было привстать, хотѣлъ было вскрикнуть и молча сталъ падать на лѣвую сторону. «Разрывъ сердца!» говорилъ Версиловъ. Лиза закричала на весь домъ, и вотъ тутъ-то они всѣ и сбѣжались, — и все это за минуту какую нибудь до моего прихода.

— Аркадій! крикнулъ мнѣ Версиловъ:— мигомъ бѣги къ Татьянѣ Павловнѣ. Она непремѣнно должна быть дома. Проси немедленно. Возьми извощика. Скорѣй, умоляю тебя!

Его глаза сверкали — это я ясно помню. Въ лицѣ его я не замѣтилъ чего нибудь въ родѣ чистой жалости, слезъ,—плакали лишь мама, Лиза, да Лукерья. Напротивъ, и это я очень хорошо запомнилъ, въ лицѣ его поражало какое-то необыкновенное возбужденіе, почти восторгъ. Я побѣжалъ за Татьяной Павловной.

Путь, какъ извѣстно изъ прежняго, тутъ не длинный. Я извощика не взялъ, а пробѣжалъ всю дорогу не останавливаясь. Въ умѣ моемъ было смутно и даже тоже почти что-то восторженное. Я понималъ, что совершилось нѣчто радикальное. Опьяненіе-же совершенно исчезло во мнѣ, до послѣдней капли, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ неблагородныя мысли, когда я позвонилъ къ Татьянѣ Павловнѣ.

Чухонка отперла: «Нѣтъ дома!» — и хотѣла тотчасъ запереть.

— Какъ нѣтъ дома? ворвался я въ переднюю силой: — да быть-же не можетъ! Макаръ Ивановичъ умеръ!

— Что-о! раздался вдругъ крикъ Татьяны Павловны сквозь запертую дверь въ ея гостиную.

— Умеръ! Макаръ Ивановичъ умеръ! Андрей Петровичъ проситъ васъ сію минуту придти!

— Да ты врешь...

Задвижка щелкнула, но дверь отворилась только на вершокъ: «что такое, разсказывай!»...

— Я самъ не знаю, я только что пришелъ, а онъ уже мертвъ. Андрей Петровичъ говоритъ: разрывъ сердца!

— Сейчасъ, сію минуту. Бѣги, скажи, что буду: ступай-же, ступай-же, ступай! Ну, чего еще сталъ?

Но я ясно видѣлъ сквозь пріотворенную дверь, что кто-то вдругъ вышелъ изъ-за портьеры, за которой помѣщалась кровать Татьяны Павловны, и сталъ въ глубинѣ комнаты, за Татьяной Павловной. Машинально, инстинктивно я схватился за замокъ и уже не далъ затворить дверь.

— Аркадій Макаровичъ! Неужели правда, что онъ умеръ? раздался знакомый мнѣ тихій, плавный, металлическій голосъ, отъ котораго все такъ и задрожало въ душѣ моей разомъ: въ вопросѣ слышалось что-то проникнувшее и взволновавшее *ея* душу.

— А коли такъ, бросила вдругъ дверь Татьяна Павловна: — коли такъ, — такъ и улаживайтесь какъ хотите сами. Сами захотѣли!

Она стремительно выбѣжала изъ квартиры, накидывая на бѣгу платокъ и шубку, и пустилась по лѣстницѣ. Мы остались одни. Я сбросилъ шубу, шагнулъ и затворилъ за собою дверь. Она стояла предо мной какъ тогда, въ то свиданіе, съ свѣтлымъ взглядомъ, и, какъ тогда, протягивала мнѣ обѣ руки. Меня точно подкосило, и я буквально упалъ къ ея ногамъ.

III.

Я началъ было плакать, не знаю съ чего; не помню, какъ она усадила меня подлѣ себя, помню только, въ безцѣнномъ вос-

поминаніи моемъ, какъ мы сидѣли рядомъ, рука въ руку, и стремительно разговаривали: она разспрашивала про старика и про смерть его, а я ей объ немъ разсказывалъ— такъ что можно было подумать, что я плакалъ о Макарѣ Ивановичѣ, тогда какъ это было-бы верхъ нелѣпости; и я знаю, что она ни за что-бы не могла предположить во мнѣ такой совсѣмъ ужь малолѣтней пошлости. Наконецъ, я вдругъ спохватился, и мнѣ стало стыдно. Теперь я полагаю, что плакалъ тогда единственно отъ восторга, и думаю, что она это очень хорошо поняла сама, такъ что на счетъ этого воспоминанія я спокоенъ.

Мнѣ вдругъ показалось очень страннымъ, что она все такъ разспрашивала про Макара Ивановича.

— Да вы развѣ знали его? спросилъ я въ удивленіи.

— Давно. Я его никогда не видала, но въ жизни моей онъ тоже игралъ роль. Мнѣ много передавалъ о немъ въ свое время тотъ человѣкъ, котораго я боюсь. Вы знаете, какой человѣкъ.

— Я только знаю теперь, что «тотъ человѣкъ» гораздо былъ ближе къ душѣ вашей, чѣмъ вы это мнѣ прежде открыли, сказалъ я, самъ не зная, что хотѣлъ этимъ выразить, но какъ-бы съ укоризной и весь нахмурясь.

— Вы говорите, онъ цаловалъ сейчасъ вашу мать? Обнималъ ее? Вы это видѣли сами? не слушала она меня и продолжала разспрашивать.

— Да, видѣлъ; и повѣрьте, все это было въ высшей степени искренно и великодушно! поспѣшилъ я подтвердить, видя ея радость.

— Дай ему Богъ! перекрестилась она.— Теперь онъ развязанъ. Этотъ прекрасный старикъ только связывалъ его жизнь. Со смертью его въ немъ опять воскреснетъ долгъ и... достоинство, какъ оскресали уже разъ. О, онъ прежде всего — великодушный, онъ успокоитъ сердце вашей матери, которую любитъ больше всего на землѣ, и успокоится, наконецъ, самъ, да и слава Богу — пора.

— Онъ вамъ дорогъ?

— Да, очень дорогъ, хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ-бы онъ самъ желалъ и въ какомъ вы спрашиваете.

— Да вы теперь-то за него или за себя боитесь? спросилъ я вдругъ.

— Ну, это мудреные вопросы, оставимъ ихъ.

— Оставимъ, конечно; только ничего я этого не зналъ, слишкомъ многаго, можетъ быть; но пусть вы правы, теперь все по новому, и, если кто воскресъ, то я первый. Я передъ вами низокъ мыслями, Катерина Николаевна, и, можетъ быть, не болѣе часу назадъ, я совершилъ низость противъ васъ и дѣломъ, но знайте, я вотъ сижу подлѣ васъ и не чувствую никакого угрызенія. Потому что все теперь исчезло и все по новому, а того человѣка, который часъ назадъ замышлялъ противъ васъ низость, я не знаю и знать не хочу!

— Очнитесь, улыбнулась она:—вы какъ будто немножко въ бреду.

— И развѣ можно судить себя подлѣ васъ? продолжалъ я: — будь честный, будь низкій — вы все равно какъ солнце недосягаемы... Скажите, какъ это вы могли выйдти ко мнѣ, послѣ всего, что было? Да если-бъ вы знали, что было часъ тому назадъ, только часъ? И какой сонъ сбылся?

— Все, должно быть, знаю, тихо улыбнулась она: — вы только что хотѣли мнѣ въ чемъ нибудь отмстить, поклялись меня погубить и навѣрно убили-бы или прибили тутъ-же всякаго, который осмѣлился-бы сказать обо мнѣ при васъ хоть одно худое слово.

О, она улыбалась и шутила: но это лишь по чрезмѣрной ея добротѣ, потому что вся душа ея въ ту минуту была полна, какъ сообразилъ я послѣ, такой собственной огромной заботы и такого сильнаго и могущественнаго ощущенія, что разговаривать со мной и отвѣчать на мои пустенькіе, раздражительные вопросы она могла лишь въ родѣ, какъ когда отвѣчаютъ маленькому ребенку на какой нибудь его дѣтскій неотвязный вопросъ, чтобъ отвязаться. Я это вдругъ понялъ и мнѣ стало стыдно, но я уже не могъ отвязаться.

— Нѣтъ, вскричалъ я, не владѣя собой: — нѣтъ, я не убилъ того, который го-

ворилъ объ васъ худо, а, напротивъ, я-же его и поддержалъ!

— О, ради Бога, не надо, не нужно, не разсказывайте ничего, протянула она вдругъ руку, чтобы остановить меня, и даже съ какимъ-то состраданіемъ въ лицѣ, но я уже вскочилъ съ мѣста и сталъ передъ нею, чтобъ высказать все, и, если-бъ высказалъ, не случилось-бы того, что̀ вышло послѣ, потому что навѣрно кончилось-бы тѣмъ, что я-бы сознался во всемъ и возвратилъ ей документъ. Но она вдругъ засмѣялась:

— Не надо, не надо ничего, никакихъ подробностей! Всѣ ваши преступленія я сама знаю; бьюсь объ закладъ, вы хотѣли на мнѣ жениться или въ родѣ того, и только что сговаривались объ этомъ съ какимъ нибудь изъ вашихъ помощниковъ, вашихъ прежнихъ школьныхъ друзей... Ахъ, да вѣдь я, кажется, угадала! вскричала она, серіозно всматриваясь въ мое лицо.

— Какъ... какъ вы могли угадать? пролепеталъ было я, какъ дуракъ, страшно пораженный.

— Ну, вотъ еще! Но довольно, довольно! Я вамъ прощаю, только перестаньте объ этомъ, махнула она опять рукой, уже съ видимымъ нетерпѣніемъ. — Я — сама мечтательница, и если-бъ вы знали къ какимъ средствамъ въ мечтахъ прибѣгаю въ минуты, когда во мнѣ удержу нѣтъ! Довольно, вы меня сбиваете. Я очень рада, что Татьяна Павловна ушла; мнѣ очень хотѣлось васъ видѣть, а при ней нельзя было-бы такъ, какъ теперь, говорить. Мнѣ кажется, я передъ вами виновата въ томъ, что тогда случилось. Да? Вѣдь да?

— Вы виноваты? Но тогда я предалъ васъ *ему*, и — что̀ могли вы обо мнѣ подумать! Я объ этомъ думалъ все это время, всѣ эти дни, съ тѣхъ поръ, каждую минуту, думалъ и ощущалъ. (Я ей не солгалъ).

— Напрасно такъ себя мучили, я тогда-же слишкомъ поняла, какъ это все вышло; просто вы проговорились ему тогда въ радости, что въ меня влюблены и что я... ну, и что я васъ слушаю. На то вамъ и двадцать лѣтъ. Вѣдь вы его любите больше всего міра, ищете въ немъ друга, идеалъ? Я слишкомъ это поняла, но уже было поздно; о, да, я сама была тогда виновата: мнѣ надо было васъ позвать тогда-же и васъ успокоить, но мнѣ стало досадно; и я попросила не принимать васъ въ домъ; вотъ и вышла та сцена у подъѣзда, а потомъ та ночь. И знаете, я все это время, какъ и вы, мечтала съ вами увидѣться потихоньку, только не знала какъ-бы это устроить. И какъ вы думаете, чего я боялась больше всего? Того, что вы повѣрите его наговорамъ обо мнѣ.

— Никогда! вскричалъ я.

— Я цѣню наши бывшія встрѣчи; мнѣ въ васъ дорогъ юноша, и даже, можетъ быть, эта самая искренность... Я вѣдь пресеріозный характеръ. Я — самый серіозный и нахмуренный характеръ изъ всѣхъ современныхъ женщинъ, знайте это... ха-ха-ха! Мы еще наговоримся, а теперь я немного не по себѣ, я взволнована и... кажется, у меня истерика. Но, наконецъ-то, наконецъ-то, дастъ *онъ* и мнѣ жить на свѣтѣ!

Это восклицаніе вырвалось нечаянно; я это тотчасъ понялъ и не захотѣлъ подымать, но я весь задрожалъ.

— Онъ знаетъ, что я простила ему! воскликнула она вдругъ опять, какъ-бы сама съ собой.

— Неужели вы могли простить ему то письмо? И какъ онъ могъ-бы узнать про то, что вы ему простили? воскликнулъ я, уже не сдержавшись.

— Какъ онъ узналъ? О, онъ знаетъ, продолжала она отвѣчать мнѣ, но съ такимъ видомъ, какъ будто и забывъ про меня и точно говоря съ собою. — Онъ теперь очнулся. Да и какъ ему не знать, что я его простила, коли онъ знаетъ наизусть мою душу? Вѣдь знаетъ-же онъ, что я сама немножко въ его родѣ.

— Вы?

— Ну, да, это ему извѣстно. О, я — не страстная, я — спокойная: но я тоже хотѣла-бы, какъ и онъ, чтобъ всѣ были хороши... Вѣдь полюбилъ-же онъ меня за что нибудь.

— Какъ-же онъ говорилъ, что въ васъ всѣ пороки.

— Это онъ только говорилъ, у него про себя есть другой секретъ. А не правда-ли,

что письмо свое онъ ужасно смѣшно написалъ?

— Смѣшно! (Я слушалъ ее изъ всѣхъ силъ; полагаю, что дѣйствительно она была какъ въ истерикѣ и... высказывалась, можетъ быть, вовсе не для меня; но я не могъ удержаться чтобъ не разспрашивать).

— О, да, смѣшно, и, какъ-бы я смѣялась, если-бъ... если-бъ не боялась. Я, впрочемъ — не такая ужь трусиха, не подумайте; но отъ этого письма я ту ночь не спала, оно писано какъ-бы какою-то больною кровью... и послѣ такого письма, что̀-жь еще остается? Я жизнь люблю, я за жизнь мою ужасно боюсь, я ужасно въ этомъ малодушна... Ахъ, послушайте! вскинулась она вдругъ; — ступайте къ нему! Онъ теперь одинъ, онъ не можетъ быть все тамъ, и навѣрно ушелъ куда нибудь одинъ: отыщите его скорѣй, непремѣнно скорѣй, бѣгите къ нему, покажите, что вы — любящій сынъ его, докажите, что вы — милый, добрый мальчикъ, мой студентъ, котораго я... О, дай вамъ Богъ счастья! Я никого не люблю, да это и лучше; но я желаю всѣмъ счастья, всѣмъ, и ему первому, и пусть онъ узнаетъ про это... даже сейчасъ-же, мнѣ было-бы очень пріятно...

Она встала и вдругъ исчезла за портьеру; на лицѣ ея въ то мгновеніе блистали слезы (истерическія, послѣ смѣха). Я остался одинъ, взволнованный и смущенный. Положительно я не зналъ, чему приписать такое въ ней волненіе, котораго я никогда-бы въ ней и не предположилъ. Что-то какъ-бы сжалось въ моемъ сердцѣ.

Я прождалъ пять минутъ, наконецъ — десять; глубокая тишина вдругъ поразила меня, и я рѣшился выглянуть изъ дверей и окликнуть. На мой окликъ появилась Марья и объявила мнѣ самымъ спокойнымъ тономъ, что барыня давнымъ давно одѣлась и вышла черезъ черный ходъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Этого только не доставало. Я захватилъ мою шубу и, накидывая ее на ходу, побѣжалъ вонъ съ мыслью: «Она велѣла идти къ нему, а гдѣ я его достану?»

Но, мимо всего другого, я пораженъ былъ вопросомъ: «Почему она думаетъ, что теперь что-то настало и что *онъ* дастъ ей покой? Конечно — потому, что онъ женится на мамѣ, но что-жь она? Радуется-ли тому, что онъ женится на мамѣ, или, напротивъ, она отъ того и несчастна? Отъ того-то и въ истерикѣ? Почему я этого не могу разрѣшить?»

Отмѣчаю эту вторую мелькнувшую тогда мысль буквально, для памяти: она — важная. Этотъ вечеръ былъ роковой. И вотъ, пожалуй, по неволѣ повѣришь предопредѣленію: не прошелъ я и ста шаговъ по направленію къ маминой квартирѣ, какъ вдругъ столкнулся съ тѣмъ, кого искалъ. Онъ схватилъ меня за плечо и остановилъ.

— Это — ты! вскрикнулъ онъ радостно и, въ тоже время, какъ-бы въ величайшемъ удивленіи. — Вообрази, я былъ у тебя, быстро заговорилъ онъ: — искалъ тебя, спрашивалъ тебя — ты мнѣ нуженъ теперь одинъ только во всей вселенной! Твой чиновникъ вралъ мнѣ Богъ знаетъ что̀; но тебя не было, и я ушелъ, даже забывъ попросить передать тебѣ, чтобъ ты не медля ко мнѣ прибѣжалъ — и что̀-же? я всетаки шелъ въ непоколебимой увѣренности, что судьба не можетъ не послать тебя теперь, когда ты мнѣ всего нужнѣе, и вотъ ты первый и встрѣчаешься! Идемъ ко мнѣ: ты никогда не бывалъ у меня.

Однимъ словомъ, мы оба другъ друга искали, и съ нами, съ каждымъ, случилось какъ-бы нѣчто схожее. Мы пошли очень торопясь.

Дорогой онъ промолвилъ лишь нѣсколько коротенькихъ фразъ о томъ, что оставилъ маму съ Татьяной Павловной и проч. Онъ велъ меня держа за руку. Жилъ онъ отъ тѣхъ мѣстъ не далеко, и мы скоро пришли. Я дѣйствительно никогда еще у него не бывалъ. Это была небольшая квартира въ три комнаты, которую онъ нанималъ (или, вѣрнѣе, нанимала Татьяна Павловна) единственно для того «груднаго ребенка». Квартира эта и прежде всегда была подъ надзоромъ Татьяны Павловны, и въ ней помѣщалась нянька съ ребенкомъ

(а теперь и Дарья Онисимовна); но всегда была и комната для Версилова, именно — первая, входная, довольно просторная и довольно хорошо и мягко меблированная, въ родѣ кабинета для книжныхъ и письменныхъ занятій. Дѣйствительно, на столѣ, въ шкафу и на этажеркахъ было много книгъ (которыхъ въ маминой квартирѣ почти совсѣмъ не было); были исписанныя бумаги, были связанныя пачки съ письмами — однимъ словомъ, все глядѣло какъ давно уже обжитой уголъ, и я знаю, что Версиловъ и прежде (хотя и довольно рѣдко) переселялся по временамъ на эту квартиру совсѣмъ и оставался въ ней даже по цѣлымъ недѣлямъ. Первое, что̀ остановило мое вниманіе, былъ висѣвшій надъ письменнымъ столомъ, въ великолѣпной рѣзной дорогаго дерева рамѣ, маминъ портретъ — фотографія, снятая, конечно, за границей и, судя по необыкновенному размѣру ея, очень дорогая вещь. Я не зналъ и ничего не слыхалъ объ этомъ портретѣ прежде, и что̀, главное, поразило меня — то необыкновенное въ фотографіи сходство, такъ сказать, духовное сходство — однимъ словомъ, какъ будто это былъ настоящій портретъ изъ руки художника, а не механическій оттискъ. Я, какъ вошелъ, тотчасъ-же и невольно остановился передъ нимъ.

— Не правда-ли? Не правда-ли? повторилъ вдругъ надо мной Версиловъ.

То есть «не правда-ли, какъ похожъ?» Я оглянулся на него и былъ пораженъ выраженіемъ его лица. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ, но съ горячимъ, напряженнымъ взглядомъ, сіявшимъ какъ-бы счастіемъ и силой: такого выраженія я еще не зналъ у него вовсе.

— Я не зналъ, что вы такъ любите маму! отрѣзалъ я вдругъ, самъ въ восторгѣ.

Онъ блаженно улыбнулся, хотя въ улыбкѣ его и отразилось какъ-бы что-то страдальческое или, лучше сказать, что-то гуманное, высшее... не умѣю я этого высказать; но высокоразвитые люди, какъ мнѣ кажется, не могутъ имѣть торжественно и побѣдоносно счастливыхъ лицъ. Не отвѣтивъ мнѣ, онъ снялъ портретъ съ колецъ обѣими руками, приблизилъ къ себѣ, поцаловалъ его, затѣмъ тихо повѣсилъ опять на стѣну.

— Замѣть, сказалъ онъ: — фотографическіе снимки чрезвычайно рѣдко выходятъ похожими, и это понятно: самъ оригиналъ, то есть каждый изъ насъ, чрезвычайно рѣдко бываетъ похожъ на себя. Въ рѣдкія только мгновенія человѣческое лицо выражаетъ главную черту свою, свою самую характерную мысль. Художникъ изучаетъ лицо и угадываетъ эту главную мысль лица, хотя-бы въ тотъ моментъ, въ который онъ списываетъ, и не было ея вовсе въ лицѣ. Фотографія-же застаетъ человѣка какъ есть, и весьма возможно, что Наполеонъ, въ иную минуту, вышелъ-бы глупымъ, а Бисмаркъ — нѣжнымъ. Здѣсь-же, въ этомъ портретѣ, солнце, какъ нарочно, застало Соню въ ея главномъ мгновеніи — стыдливой, кроткой любви и нѣсколько дикаго, пугливаго ея цѣломудрія. Да и счастлива-же какъ была она тогда, когда, наконецъ, убѣдилась, что я такъ жажду имѣть ея портретъ! Этотъ снимокъ сдѣланъ хоть и не такъ давно, а все-же она была тогда моложе и лучше собою; а между тѣмъ, ужь и тогда были эти впалыя щеки, эти морщинки на лбу, эта пугливая робость взгляда, какъ-бы наростающая у ней теперь съ годами — чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Вѣришь-ли, милый? Я почти и представить теперь ее не могу съ другимъ лицомъ, а вѣдь была-же и она когда-то молода и прелестна! Русскія женщины дурнѣютъ быстро, красота ихъ только мелькнетъ, и, право, это не отъ однихъ только этнографическихъ особенностей типа, а и оттого еще, что онѣ умѣютъ любить безъ-завѣтно. Русская женщина все разомъ отдаетъ, коль полюбитъ, — и мгновенье, и судьбу, и настоящее, и будущее: экономничать не умѣютъ, про запасъ не прячутъ, и красота ихъ быстро уходитъ въ того, кого любятъ. Эти впалыя щеки — это тоже въ меня ушедшая красота, въ мою коротенькую потѣху. Ты радъ, что я любилъ твою маму, и даже не вѣрилъ, можетъ быть, что я любилъ ее? Да, другъ мой, я ее очень любилъ, но кромѣ зла ей ничего не сдѣлалъ... Вотъ тутъ еще есть и другой портретъ — посмотри и на него.

Онъ взялъ со стола и мнѣ подалъ. Это тоже была фотографія, несравненно меньшаго размѣра, въ тоненькомъ, овальномъ, деревянномъ ободочкѣ—лицо дѣвушки, худое и чахоточное и, при всемъ томъ, прекрасное; задумчивое и, въ тоже время, до странности лишенное мысли. Черты правильныя, выхоленнаго поколѣніями типа, но оставляющія болѣзненное впечатлѣніе: похоже было на то, что существомъ этимъ вдругъ овладѣла какая-то неподвижная мысль, мучительная именно тѣмъ, что была ему не подъ силу.

— Это... это та дѣвушка, на которой вы хотѣли тамъ жениться и которая умерла въ чахоткѣ... *ея* падчерица? проговорилъ я нѣсколько робко.

— Да, хотѣлъ жениться, умерла въ чахоткѣ, *ея* падчерица. Я зналъ, что ты знаешь... всѣ эти сплетни. Впрочемъ, кромѣ сплетень ты тутъ ничего и не могъ-бы узнать. Оставь портретъ, мой другъ, это бѣдная съумасшедшая и ничего больше.

— Совсѣмъ съумасшедшая?

— Или идіотка; впрочемъ, я думаю, что и съумасшедшая. У нея былъ ребенокъ отъ князя Сергѣя Петровича (по съумасшествію, а не по любви; это — одинъ изъ подлѣйшихъ поступковъ князя Сергѣя Петровича); ребенокъ теперь здѣсь, въ той комнатѣ, и я давно хотѣлъ тебѣ показать его. Князь Сергѣй Петровичъ не смѣлъ сюда приходить и смотрѣть на ребенка: это былъ мой съ нимъ уговоръ еще за границей. Я взялъ его къ себѣ, съ позволенія твоей мамы. Съ позволенія твоей мамы хотѣлъ тогда и жениться на этой... несчастной...

— Развѣ такое позволеніе возможно? промолвилъ я съ горячностью.

— О, да! Она мнѣ позволила: ревнуютъ къ женщинамъ, а это была не женщина.

— Не женщина для всѣхъ, кромѣ мамы! Въ жизнь не повѣрю, чтобъ мама не ревновала! вскричалъ я.

— И ты правъ. Я догадался о томъ, когда уже было все кончено, то есть, когда она дала позволеніе. Но оставь объ этомъ. Дѣло не сладилось за смертью Лидіи, да, можетъ, если-бъ и осталась въ живыхъ, то не сладилось-бы, а маму я и теперь не пускаю къ ребенку. Это — лишь эпизодъ. Милый мой, я давно тебя ждалъ сюда. Я давно мечталъ, какъ мы здѣсь сойдемся; знаешь-ли, какъ давно?—Уже два года мечталъ.

Онъ искренно и правдиво посмотрѣлъ на меня, съ беззавѣтною горячностью сердца. Я схватилъ его за руку:

— Зачѣмъ вы медлили, зачѣмъ давно не звали? Если-бъ вы знали, что̀ было... и чего-бы не было, если-бъ давно меня кликнули!..

Въ это мгновеніе внесли самоваръ, а Дарья Онисимовна вдругъ внесла ребенка, спящаго.

— Посмотри на него, сказалъ Версиловъ:—я его люблю и велѣлъ принести теперь нарочно, чтобъ ты тоже посмотрѣлъ на него. Ну, и унесите его опять, Дарья Онисимовна. Садись къ самовару. Я буду воображать, что мы вѣчно съ тобой такъ жили и каждый вечеръ сходились, не разлучаясь. Дай мнѣ посмотрѣть на тебя: сядь вотъ такъ, чтобъ я твое лицо видѣлъ. Какъ я его люблю, твое лицо. Какъ я воображалъ себѣ твое лицо, еще когда ждалъ тебя изъ Москвы! Ты спрашиваешь: зачѣмъ давно за тобой не послалъ? Подожди, это ты, можетъ быть, и поймешь теперь.

— Но неужели только смерть этого старика вамъ теперь развязала языкъ? Это странно...

Но если я и вымолвилъ это, то смотрѣлъ я съ любовью. Говорили мы какъ два друга, въ высшемъ и полномъ смыслѣ слова. Онъ привелъ меня сюда, чтобы что-то мнѣ выяснить, разсказать, оправдать; а между тѣмъ, уже все было раньше словъ разъяснено и оправдано. Что̀-бы я ни услышалъ отъ него теперь — результатъ уже былъ достигнутъ, и мы оба со счастіемъ знали про это и такъ и смотрѣли другъ на друга.

— Не то что смерть этого старика, отвѣтилъ онъ:— не одна смерть; есть и другое, что̀ попало теперь въ одну точку... Да благословитъ Богъ это мгновеніе и нашу жизнь впредь и надолго! Милый мой, поговоримъ. Я все разбиваюсь, развлекаюсь, хочу говорить объ одномъ, а ударяюсь въ

тысячу боковыхъ подробностей. Это всегда бываетъ, когда сердце полно... Но, поговоримъ; время пришло, а я давно влюбленъ въ тебя, мальчикъ...

Онъ откинулся въ своихъ креслахъ и еще разъ оглядѣлъ меня.

— Какъ это странно, какъ это странно слышать! повторялъ я, утопая въ восторгѣ.

И вотъ, помню, въ лицѣ его вдругъ мелькнула его обычная складка — какъ-бы грусти и насмѣшки вмѣстѣ, столь мнѣ знакомая. Онъ скрѣпился и, какъ-бы съ нѣкоторою натугою, началъ.

II.

— Вотъ что̀, Аркадій, если-бъ я и позвалъ тебя раньше, то что̀-бы сказалъ тебѣ? Въ этомъ вопросѣ весь мой отвѣтъ.

— То есть, вы хотите сказать, что вы теперь маминъ мужъ и мой отецъ, а тогда... Вы на счетъ соціальнаго положенія не знали-бы что̀ сказать мнѣ прежде? Такъ-ли?

— Не объ одномъ этомъ, милый, не зналъ-бы что̀ тебѣ сказать: тутъ о многомъ пришлось-бы молчать. Тутъ даже многое смѣшно и унизительно тѣмъ, что похоже на фокусъ; право, на самый балаганный фокусъ. Ну, гдѣ-же прежде намъ было-бы понять другъ друга, когда я и самъ-то понялъ себя самого лишь сегодня, въ пять часовъ по полудни, ровно за два часа до смерти Макара Ивановича. Ты глядишь на меня съ непріятнымъ недоумѣніемъ. Не безпокойся: я разъясню фактъ; но то, что я сказалъ, вполнѣ справедливо: вся жизнь въ странствіи и недоумѣніяхъ, и вдругъ разрѣшеніе ихъ такого-то числа, въ пять часовъ пополудни! Даже обидно, не правда-ли? Въ недавнюю еще старину, я и впрямь-бы обидѣлся.

Я слушалъ, дѣйствительно, съ болѣзненнымъ недоумѣніемъ; сильно выступала прежняя Версиловская складка, которую я не желалъ-бы встрѣтить въ тотъ вечеръ, послѣ такихъ уже сказанныхъ словъ. Вдругъ я воскликнулъ:

— Боже мой! Вы получили что нибудь отъ нея... въ пять часовъ, сегодня?

Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и, видимо, пораженный моимъ восклицаніемъ, а, можетъ, и выраженіемъ моимъ: «отъ нея».

— Ты все узнаешь, сказалъ онъ, съ задумчивою улыбкой: — и ужь, конечно, я, что̀ надо, не потаю отъ тебя, потому что затѣмъ тебя и привелъ; но теперь пока это все отложимъ. Видишь, другъ мой, я давно уже зналъ, что у насъ есть дѣти, уже съ дѣтства задумывающіяся надъ своей семьей, оскорбленные неблагообразіемъ отцовъ своихъ и среды своей. Я намѣтилъ этихъ задумывающихся еще съ моей школы и заключилъ тогда, что все это потому, что они слишкомъ рано завидуютъ. Затѣмъ, однако, что я и самъ былъ изъ задумывающихся дѣтей, но... извини, мой милый, я удивительно какъ разсѣянъ. Я хотѣлъ только выразить, какъ постоянно я боялся здѣсь за тебя почти все это время. Я всегда воображалъ тебя однимъ изъ тѣхъ маленькихъ, но сознающихъ свою даровитость и уединяющихся существъ. Я тоже, какъ и ты, никогда не любилъ товарищей. Бѣда этимъ существамъ, оставленнымъ на однѣ свои силы и грезы и съ страстной, слишкомъ ранней и почти мстительной жаждой благообразія, именно — «мстительной». Но довольно, милый: я опять уклонился... Я еще прежде чѣмъ началъ любить тебя, уже воображалъ тебя и твои уединенныя, одичавшія мечты... Но довольно; я, собственно, забылъ, о чемъ сталъ говорить. Впрочемъ, все-же надо было это высказать. А прежде, прежде, что̀-бы я могъ тебѣ сказать? Теперь я вижу твой взглядъ на мнѣ и знаю, что на меня смотритъ мой *сынъ;* а я вѣдь даже вчера еще не могъ повѣрить, что буду когда нибудь, какъ сегодня, сидѣть и говорить съ моимъ мальчикомъ.

Онъ, дѣйствительно, становился очень разсѣянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы чѣмъ-то растроганъ.

— Мнѣ теперь не нужно мечтать и грезить, мнѣ теперь довольно и васъ! Я пойду за вами! проговорилъ я, отдаваясь ему всей душой.

— За мной? А мои странствія какъ разъ кончились и какъ разъ сегодня: ты опоздалъ, мой милый. Сегодня — финалъ послѣдняго акта и занавѣсъ опускается. Этотъ послѣдній актъ долго длился. Начался онъ очень давно — тогда, когда я побѣжалъ въ послѣдній разъ за границу. Я тогда бросилъ все, и знай, мой милый, что я тогда разженился съ твоей мамой и ей самъ заявилъ про это. Это ты долженъ знать. Я объяснилъ ей тогда, что уѣзжаю на вѣкъ, что она меня больше никогда не увидитъ. Всего хуже, что я забылъ даже оставить ей тогда денегъ. Объ тебѣ тоже не подумалъ ни минуты. Я уѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ остаться въ Европѣ, мой милый, и не возвращаться домой никогда. Я эмигрировалъ.

— Къ Герцену? Участвовать въ заграничной пропагандѣ? Вы навѣрно всю жизнь участвовали въ какомъ нибудь заговорѣ? вскричалъ я, не сдерживаясь.

— Нѣтъ, мой другъ, я ни въ какомъ заговорѣ не участвовалъ. А у тебя такъ даже глаза засверкали; я люблю твои восклицанія, мой милый. Нѣтъ, я просто уѣхалъ тогда отъ тоски, отъ внезапной тоски. Это была тоска русскаго дворянина,— право, не умѣю лучше выразиться. Дворянская тоска — и ничего больше.

— Крѣпостное право... освобожденіе народа? пробормоталъ было я, задыхаясь.

— Крѣпостничество? Ты думаешь, я стосковался по крѣпостничеству? Не могъ вынести освобожденія народа? О, нѣтъ, мой другъ, да мы-то и были освободителями. Я эмигрировалъ безъ всякой злобы. Я только что былъ мировымъ посредникомъ и бился изъ всѣхъ силъ, бился безкорыстно и уѣхалъ даже не потому, что мало получилъ за мой либерализмъ. Мы и всѣ тогда ничего не получили, то есть опять таки такіе, какъ я. Я уѣхалъ скорѣе въ гордости, чѣмъ въ раскаяніи, и повѣрь тому, весьма далекій отъ мысли, что настало мнѣ время кончить жизнь скромнымъ сапожникомъ. Je suis gentilhomme avant tout et je mourrai gentilhomme! Но мнѣ всетаки было грустно. Насъ такихъ въ Россіи, можетъ быть, около тысячи человѣкъ; дѣйствительно, можетъ быть, не больше, но вѣдь этого очень довольно, чтобы не умирать идеѣ. Мы — носители идеи, мой милый!.. Другъ мой, я говорю въ какой-то странной надеждѣ, что ты поймешь всю эту билиберду. Я призвалъ тебя по капризу сердца: мнѣ уже давно мечталось, какъ я что нибудь скажу тебѣ... тебѣ, именно тебѣ! А, впрочемъ... впрочемъ...

— Нѣтъ, говорите, вскричалъ я: — я вижу на вашемъ лицѣ опять искренность... Что-же, Европа воскресила-ли васъ тогда? Да и что такое ваша «дворянская тоска»? Простите, голубчикъ, я еще не понимаю.

— Воскресила-ли меня Европа? Но я самъ тогда ѣхалъ ее хоронить!

— Хоронить? повторилъ я въ удивленіи.

Онъ улыбнулся.

— Другъ Аркадій, теперь душа моя утомилась, и я возмутился духомъ. Я никогда не забуду моихъ тогдашнихъ первыхъ мгновеній въ Европѣ. Я и прежде живалъ въ Европѣ, но тогда было время особенное, и никогда я не въѣзжалъ туда съ такою безотрадною грустью и... съ такою любовью, какъ въ то время. Я разскажу тебѣ одно изъ первыхъ тогдашнихъ впечатлѣній моихъ, одинъ мой тогдашній сонъ, дѣйствительный сонъ. Это — еще въ Германіи. Я только что выѣхалъ изъ Дрездена и въ разсѣянности проѣхалъ станцію, съ которой долженъ былъ поворотить на мою дорогу, и попалъ на другую вѣтвь. Меня тотчасъ высадили; былъ третій часъ пополудни, день ясный. Это былъ маленькій нѣмецкій городокъ. Мнѣ указали гостинницу. Надо было выждать: слѣдующій поѣздъ проходилъ въ одиннадцать часовъ ночи. Я даже былъ доволенъ приключеніемъ, потому что никуда особенно не спѣшилъ. Я скитался, другъ мой, я скитался. Гостинница оказалась дрянная и маленькая, но вся въ зелени и обставлена клумбами цвѣтовъ, какъ всегда у нихъ. Мнѣ дали тѣсную комнатку, и такъ какъ я всю ночь былъ въ дорогѣ, то и заснулъ послѣ обѣда, въ четыре часа пополудни.

Мнѣ приснился совершенно неожиданный для меня сонъ, потому что я никогда не видалъ такихъ. Въ Дрезденѣ, въ галлереѣ, есть картина Клода-Лоррена, по каталогу — «Асисъ и Галатея»; я-же называлъ ее всегда «Золотымъ вѣкомъ», самъ не знаю

почему. Я ужь и прежде ее видѣлъ, а теперь, дня три назадъ, еще разъ мимоѣздомъ замѣтилъ. Эта-то картина мнѣ и приснилась, но не какъ картина, а какъ будто какая-то быль. Я, впрочемъ, не знаю что̀ мнѣ именно снилось: точно такъ, какъ и въ картинѣ — уголокъ греческаго Архипелага, при чемъ и время какъ-бы перешло за три тысячи лѣтъ назадъ; голубыя, ласковыя волны, острова и скалы, цвѣтущее прибрежье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце — словами не передашь. Тутъ запомнило свою колыбель европейское человѣчество, и мысль о томъ какъ-бы наполнила и мою душу родною любовью. Здѣсь былъ земной рай человѣчества: боги сходили съ небесъ и роднились съ людьми... О, тутъ жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные, луга и рощи наполнялись ихъ пѣснями и веселыми криками; великій избытокъ непочатыхъ силъ уходилъ въ любовь и въ простодушную радость. Солнце обливало ихъ тепломъ и свѣтомъ, радуясь на своихъ прекрасныхъ дѣтей... Чудный сонъ, высокое заблужденіе человѣчества! Золотой вѣкъ — мечта самая невѣроятная изъ всѣхъ, какія были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и всѣ свои силы, для которой умирали и убивались пророки, безъ которой народы не хотятъ жить и не могутъ даже и умереть! И все это ощущеніе я какъ будто прожилъ въ этомъ снѣ; скалы и море, и косые лучи заходящаго солнца — все это я какъ будто еще видѣлъ, когда проснулся и раскрылъ глаза, буквально омоченные слезами. Помню, что я былъ радъ. Ощущеніе счастья, мнѣ еще неизвѣстнаго, прошло сквозь сердце мое, даже до боли; это была всечеловѣческая любовь. Былъ уже полный вечеръ; въ окно моей маленькой комнаты, сквозь зелень стоявшихъ на окнѣ цвѣтовъ, прорывался пукъ косыхъ лучей и обливалъ меня свѣтомъ. И вотъ, другъ мой, и вотъ — это заходящее солнце перваго дня европейскаго человѣчества, которое я видѣлъ во снѣ моемъ, обратилось для меня тотчасъ, какъ я проснулся, на яву, въ заходящее солнце послѣдняго дня европейскаго человѣчества! Тогда особенно слышался надъ Европой какъ-бы звонъ похороннаго колокола. Я не про войну лишь одну говорю и не про Тюильри; я и безъ того зналъ, что все пройдетъ, весь ликъ европейскаго стараго міра — рано-ли, поздно-ли; но я, какъ русскій европеецъ, не могъ допустить того. Да, они только что сожгли тогда Тюильри... О, не безпокойся, я знаю, что это было «логично», и слишкомъ понимаю неотразимость текущей идеи, но, какъ носитель высшей русской культурной мысли, я не могъ допустить того, ибо высшая русская мысль есть всепримиреніе идей. И кто-бы могъ понять тогда такую мысль во всемъ мірѣ: я скитался одинъ. Не про себя лично я говорю — я про русскую мысль говорю. Тамъ была брань и логика; тамъ французъ былъ всего только французомъ, а нѣмецъ — всего только нѣмцемъ, и это съ наибольшимъ напряженіемъ, чѣмъ во всю ихъ исторію; стало быть, никогда французъ не повредилъ столько Франціи, а нѣмецъ — своей Германіи, какъ въ то именно время! Тогда во всей Европѣ не было ни одного европейца! Только я одинъ, между всѣми петролейщиками, могъ сказать имъ въ глаза, что ихъ Тюильри — ошибка; и только я одинъ, между всѣми консерваторами-отмстителями могъ сказать отмстителямъ, что Тюильри — хоть и преступленіе, но все-же логика. И это потому, мой мальчикъ, что одинъ я, какъ русскій, былъ тогда въ Европѣ *единственнымъ европейцемъ*. Я не про себя говорю — я про всю русскую мысль говорю. Я скитался, мой другъ, я скитался и твердо зналъ, что мнѣ надо молчать и скитаться. Но все-же мнѣ было грустно. Я, мальчикъ мой, не могу не уважать моего дворянства. Ты, кажется, смѣешься?

— Нѣтъ, не смѣюсь, проговорилъ я проникнутымъ голосомъ, — вовсе не смѣюсь: вы потрясли мое сердце вашимъ видѣніемъ золотаго вѣка, и будьте увѣрены, что я начинаю васъ понимать. Но болѣе всего я радъ тому, что вы такъ себя уважаете. Я спѣшу вамъ заявить это. Никогда я не ожидалъ отъ васъ этого!

— Я уже сказалъ тебѣ, что люблю твои восклицанія, милый, улыбнулся онъ опять на мое наивное восклицаніе и, вставъ съ

кресла, началъ, не примѣчая того, ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Я тоже привсталъ. Онъ продолжалъ говорить своимъ страннымъ языкомъ, но съ глубочайшимъ проникновеніемъ мыслью.

III.

— Да, мальчикъ, повторю тебѣ, что я не могу не уважать моего дворянства. У насъ создался вѣками какой-то еще нигдѣ не виданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ—типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ. Это—типъ русскій, но такъ какъ онъ взятъ въ высшемъ культурномъ слоѣ народа русскаго, то, стало быть, я имѣю честь принадлежать къ нему. Онъ хранитъ въ себѣ будущее Россіи. Насъ, можетъ быть, всего только тысяча человѣкъ—можетъ, болѣе, можетъ, менѣе—но вся Россія жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу. Скажутъ—мало, вознегодуютъ, что на тысячу человѣкъ истрачено столько вѣковъ и столько милліоновъ народу. По моему, не мало.

Я слушалъ съ напряженіемъ. Выступало убѣжденіе, направленіе всей жизни. Эти «тысяча человѣкъ» такъ рельефно выдавали его! Я чувствовалъ, что экспансивность его со мной шла изъ какого-то внѣшняго потрясенія. Онъ говорилъ мнѣ всѣ эти горячія рѣчи—любя меня; но причина, почему онъ сталъ вдругъ говорить и почему такъ пожелалъ именно со мной говорить, мнѣ все еще оставалась неизвѣстною.

— Я эмигрировалъ, продолжалъ онъ:— и мнѣ ничего было не жаль назади. Все, что̀ было въ силахъ моихъ, я отслужилъ тогда Россіи, пока въ ней былъ; выѣхавъ, я тоже продолжалъ ей служить, но лишь расширивъ идею. Но, служа такъ, я служилъ ей гораздо больше, чѣмъ если-бъ я былъ всего только русскимъ, подобно тому, какъ французъ былъ тогда всего только французомъ, а нѣмецъ — нѣмцемъ. Въ Европѣ этого пока еще не поймутъ. Европа создала благородные типы француза, англичанина, нѣмца, но о будущемъ своемъ человѣкѣ она еще почти ничего не знаетъ. И, кажется, еще пока знать не хочетъ. И понятно: они несвободны, а мы свободны. Только я одинъ въ Европѣ, съ моей русской тоской, тогда былъ свободенъ...

Замѣть себѣ, другъ мой, странность: всякій французъ можетъ служить не только своей Франціи, но даже и человѣчеству, единственно подъ тѣмъ лишь условіемъ, что останется наиболѣе французомъ, равно — англичанинъ и нѣмецъ. Одинъ лишь русскій, даже въ наше время, то есть гораздо еще раньше, чѣмъ будетъ подведенъ всеобщій итогъ, получилъ уже способность становиться наиболѣе русскимъ, именно лишь тогда, когда онъ наиболѣе европеецъ. Это и есть самое существенное національное различіе наше отъ всѣхъ, и у насъ на этотъ счетъ—какъ нигдѣ. Я во Франціи—французъ, съ нѣмцемъ—нѣмецъ, съ древнимъ грекомъ—грекъ и, тѣмъ самымъ, наиболѣе русскій. Тѣмъ самымъ я — настоящій русскій и наиболѣе служу для Россіи, ибо выставляю ея главную мысль. Я — піонеръ этой мысли. Я тогда эмигрировалъ, но развѣ я покинулъ Россію? Нѣтъ, я продолжалъ ей служить. Пусть-бы я и ничего не сдѣлалъ въ Европѣ, пусть я ѣхалъ только скитаться (да я и зналъ, что ѣду только скитаться), но довольно и того, что я ѣхалъ съ моею мыслью и съ моимъ сознаніемъ. Я повезъ туда мою русскую тоску. О, не одна только тогдашняя кровь меня такъ испугала, и даже не Тюильри, а все, что̀ должно послѣдовать. Имъ еще долго суждено драться, потому что они — еще слишкомъ нѣмцы и слишкомъ французы и не кончили свое дѣло еще въ этихъ роляхъ. А до тѣхъ поръ мнѣ жаль разрушенія. Русскому Европа такъ-же драгоцѣнна, какъ Россія: каждый камень въ ней милъ и дорогъ. Европа такъ-же была отечествомъ нашимъ, какъ и Россія. О, болѣе! Нельзя болѣе любить Россію, чѣмъ люблю ее я, но я никогда не упрекалъ себя за то, что Венеція, Римъ, Парижъ, сокровища ихъ наукъ и искусствъ, вся исторія ихъ—мнѣ милѣй, чѣмъ Россія. О, русскимъ дороги эти старые чужіе камни, эти чудеса стараго Божьяго міра, эти осколки святыхъ чудесъ; и даже это намъ дороже чѣмъ имъ самимъ! У нихъ теперь другія мысли и другія чувства, и они перестали

дорожить старыми камнями... Тамъ консерваторъ всего только борется за существованіе; да и петролейщикъ лѣзетъ лишь изъ-за права на кусокъ. Одна Россія живетъ не для себя, а для мысли, и согласись, мой другъ, знаменательный фактъ, что вотъ уже почти столѣтіе, какъ Россія живетъ рѣшительно не для себя, а для одной лишь Европы! А имъ? О, имъ суждены страшныя муки прежде, чѣмъ достигнуть царствія Божія.

Признаюсь, я слушалъ въ большомъ смущеніи; даже тонъ его рѣчи пугалъ меня, хотя я не могъ не поразиться мыслями. Я болѣзненно боялся лжи. Вдругъ я замѣтилъ ему строгимъ голосомъ:

— Вы сказали сейчасъ: «Царствіе Божіе». Я слышалъ, вы проповѣдывали тамъ Бога, носили вериги?

— О веригахъ моихъ оставь, улыбнулся онъ:—это совсѣмъ другое. Я тогда еще ничего не проповѣдывалъ, но о Богѣ ихъ тосковалъ, это — правда. Они объявили тогда атеизмъ... одна кучка изъ нихъ, но это вѣдь все равно; это лишь первые скакуны, но это былъ первый *исполнительный* шагъ — вотъ что̀ важно. Тутъ опять ихъ логика; но вѣдь въ логикѣ и всегда тоска. Я былъ другой культуры, и сердце мое не допускало того. Эта неблагодарность, съ которою они разставались съ идеей, эти свистки и комки грязи мнѣ были невыносимы. Сапожность процесса пугала меня. Впрочемъ, дѣйствительность и всегда отзывается сапогомъ, даже при самомъ яркомъ стремленіи къ идеалу, и я, конечно, это долженъ былъ знать; но все-же я былъ другаго типа человѣкъ: я былъ свободенъ въ выборѣ, а они — нѣтъ, и я плакалъ, за нихъ плакалъ, плакалъ по старой идеѣ, и, можетъ быть, плакалъ настоящими слезами, безъ краснаго слова.

— Вы такъ сильно вѣровали въ Бога? спросилъ я недовѣрчиво.

— Другъ мой, это — вопросъ, можетъ быть, лишній. Положимъ, я и не очень вѣровалъ, но все-же я не могъ не тосковать по идеѣ. Я не могъ не представлять себѣ временами, какъ будетъ жить человѣкъ безъ Бога и возможно-ли это когда нибудь. Сердце мое рѣшало всегда, что невозможно; но нѣкоторый періодъ, пожалуй, возможенъ... Для меня даже сомнѣній нѣтъ, что онъ настанетъ; но тутъ я представлялъ себѣ всегда другую картину...

— Какую?

Правда, онъ уже прежде объявилъ, что онъ счастливъ; конечно, въ словахъ его было много восторженности; такъ я и принимаю многое изъ того, что̀ онъ тогда высказалъ. Всего, безъ сомнѣнія, не рѣшусь, уважая этого человѣка, передать теперь на бумагѣ изъ того, что мы тогда переговорили; но нѣсколько штриховъ странной картины, которую я успѣлъ таки отъ него выманить, я здѣсь приведу. Главное, меня всегда и все время прежде мучили эти «вериги», и я желалъ ихъ разъяснить— потому и настаивалъ. Нѣсколько фантастическихъ и чрезвычайно странныхъ идей, имъ тогда высказанныхъ, остались въ моемъ сердцѣ на вѣки.

— Я представляю себѣ, мой милый, началъ онъ съ задумчивою улыбкою: — что бой уже кончился и борьба улеглась. Послѣ проклятій, комьевъ грязи и свистковъ, настало затишье, и люди остались *одни,* какъ желали: великая прежняя идея оставила ихъ; великій источникъ силъ, до сихъ поръ питавшій и грѣвшій ихъ, отходилъ, какъ то величавое зовущее солнце въ картинѣ Клода Лоррена, но это былъ уже какъ-бы послѣдній день человѣчества. И люди вдругъ поняли, что они остались совсѣмъ одни, и разомъ почувствовали великое сиротство. Милый мой мальчикъ, я никогда не могъ вообразить себѣ людей неблагодарными и оглупѣвшими. Осиротѣвшіе люди тотчасъ-же стали-бы прижиматься другъ къ другу тѣснѣе и любовнѣе; они схватились-бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляютъ все другъ для друга! Исчезла-бы великая идея безсмертія, и приходилось-бы замѣнить ее; и весь великій избытокъ прежней любви къ Тому, который и былъ Безсмертіе, обратился-бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили-бы землю и жизнь неудержимо и въ той мѣрѣ, въ какой постепенно сознавали-бы свою преходимость и конечность, и уже особенною, уже не прежнею любовью. Они

стали-бы замѣчать и открыли-бы въ природѣ такія явленія и тайны, какихъ и не предполагали прежде, ибо смотрѣли-бы на природу новыми глазами, взглядомъ любовника на возлюбленную. Они просыпались-бы и спѣшили-бы цаловать другъ друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это—все, что̀ у нихъ остается. Они работали-бы другъ на друга, и каждый отдавалъ-бы всѣмъ все свое состояніе и тѣмъ однимъ былъ-бы счастливъ. Каждый ребенокъ зналъ-бы и чувствовалъ, что всякій на землѣ — ему какъ отецъ и мать. «Пусть—завтра послѣдній день мой, думалъ-бы каждый, смотря на заходящее солнце; но все равно, я умру, но останутся всѣ они, а послѣ нихъ дѣти ихъ» — и эта мысль, что они останутся, все такъ-же любя и трепеща другъ за друга, замѣнила-бы мысль о загробной встрѣчѣ. О, они торопились-бы любить, чтобъ затушить великую грусть въ своихъ сердцахъ. Они были-бы горды и смѣлы за себя, но сдѣлались-бы робкими другъ за друга; каждый трепеталъ-бы за жизнь и за счастіе каждаго. Они стали-бы нѣжны другъ къ другу и не стыдились-бы того, какъ теперь, и ласкали-бы другъ друга, какъ дѣти. Встрѣчаясь, смотрѣли-бы другъ на друга глубокимъ и осмысленнымъ взглядомъ, и во взглядахъ ихъ была-бы любовь и грусть...

Милый мой, прервалъ онъ вдругъ съ улыбкой: — все это фантазія, даже самая невѣроятная; но я слишкомъ ужь часто представлялъ ее себѣ, потому что всю жизнь мою не могъ жить безъ этого и не думать объ этомъ. Я не про вѣру мою говорю: вѣра моя велика, я—деистъ, философскій деистъ, какъ вся наша тысяча, такъ я полагаю, но... но замѣчательно, что я всегда кончалъ картинку мою видѣніемъ, какъ у Гейне, «Христа на Балтійскомъ морѣ». Я не могъ обойдтись безъ Него, не могъ не вообразить Его, наконецъ, посреди осиротѣвшихъ людей. Онъ приходилъ къ нимъ, простиралъ къ нимъ руки и говорилъ: «Какъ могли вы забыть Его?» И тутъ какъ-бы пелена упадала со всѣхъ глазъ и раздавался-бы великій восторженный гимнъ новаго и послѣдняго воскресенія...

Оставимъ это, другъ мой; а «вериги» мои — вздоръ; не безпокойся объ нихъ. Да еще вотъ что: ты знаешь, что я на языкъ стыдливъ и трезвъ; если разговорился теперь, то это... отъ разныхъ чувствъ и потому что—съ тобой; другому я никому и никогда не скажу. Это прибавляю, чтобы тебя успокоить.

Но я былъ даже растроганъ; лжи, которой я опасался, не было, и я особенно радъ былъ тому, что уже мнѣ ясно стало, что онъ дѣйствительно тосковалъ и страдалъ и дѣйствительно несомнѣнно, много любилъ,— а это было мнѣ дороже всего. Я съ увлеченіемъ ему высказалъ это.

— Но знаете, прибавилъ вдругъ я:—мнѣ, кажется, что всетаки, не смотря на всю вашу тоску, вы должны были быть чрезвычайно тогда счастливы?

Онъ весело разсмѣялся.

— Ты сегодня особенно мѣтокъ на замѣчанія, сказалъ онъ. — Ну, да, я былъ счастливъ, да и могъ-ли я быть несчастливъ съ такой тоской? Нѣтъ свободнѣе и счастливѣе русскаго европейскаго скитальца, изъ нашей тысячи. Это я, право, не смѣясь говорю, и тутъ много серіознаго. Да, я за тоску мою не взялъ-бы никакого другаго счастья. Въ этомъ смыслѣ я всегда былъ счастливъ, мой милый, всю жизнь мою. И отъ счастья полюбилъ тогда твою маму въ первый разъ въ моей жизни.

— Какъ въ первый разъ въ жизни?

— Именно — такъ. Скитаясь и тоскуя, я вдругъ полюбилъ ее, какъ никогда прежде, и тотчасъ послалъ за нею.

— О, разскажите мнѣ и про это, разскажите мнѣ про маму!

— Да я затѣмъ и призвалъ тебя, и знаешь, улыбнулся онъ весело:—я ужь боялся, что ты простилъ мнѣ маму за Герцена или за какой нибудь тамъ заговоришко...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Такъ какъ мы проговорили тогда весь вечеръ и просидѣли до ночи, то я и не привожу всѣхъ рѣчей, но передамъ лишь то,

что объяснило мнѣ, наконецъ, одинъ загадочный пунктъ въ его жизни.

Начну съ того, что для меня и сомнѣнія нѣтъ, что онъ любилъ маму, и если бросилъ ее и «разженился» съ ней, уѣзжая, то, конечно, потому, что слишкомъ заскучалъ или что нибудь въ этомъ родѣ, что впрочемъ, бываетъ и со всѣми на свѣтѣ, но что объяснить всегда трудно. За границей, послѣ долгаго, впрочемъ, времени, онъ вдругъ полюбилъ опять маму заочно, то есть, въ мысляхъ, и послалъ за нею. Скажутъ, пожалуй: «заблажилъ», но я скажу иное: по моему, тутъ было все, что только можетъ быть серіознаго въ жизни человѣческой, не смотря на видимое брандахлыстничанье, которое я, пожалуй, отчасти допускаю. Но клянусь, что европейскую тоску его я ставлю внѣ сомнѣнія и не только на ряду, но и несравненно выше какой нибудь современной практической дѣятельности по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Любовь его къ человѣчеству я признаю за самое искреннее и глубокое чувство, безъ всякихъ фокусовъ; а любовь его къ мамѣ за нѣчто совершенно неоспоримое, хотя, можетъ быть, немного и фантастическое. За границей, въ «тоскѣ и счастіи», и, прибавлю, въ самомъ строгомъ монашескомъ одиночествѣ (это особое свѣдѣніе я уже получилъ потомъ черезъ Татьяну Павловну), онъ вдругъ вспомнилъ о мамѣ—и именно вспомнилъ ея «впалыя щеки», и тотчасъ послалъ за нею.

— Другъ мой, вырвалось у него, между прочимъ: —я вдругъ созналъ, что мое служеніе идеѣ вовсе не освобождаетъ меня, какъ нравственно-разумное существо, отъ обязанности сдѣлать въ продолженіи моей жизни хоть одного человѣка счастливымъ практически.

— Неужели такая книжная мысль была всему причиной? спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Это — не книжная мысль. А, впрочемъ—пожалуй. Тутъ все, однако-же, вмѣстѣ: вѣдь я-же любилъ твою маму въ самомъ дѣлѣ, искренно, не книжно. Не любилъ-бы такъ — не послалъ-бы за нею, а «осчастливилъ»-бы какого нибудь подвернувшагося нѣмца или нѣмку, если ужь выдумалъ эту идею. А осчастливить непремѣнно и чѣмъ нибудь хоть одно существо въ своей жизни, но только практически, то есть въ самомъ дѣлѣ, я-бы поставилъ заповѣдью для всякаго развитаго человѣка; подобно тому, какъ я поставилъ-бы въ законъ или въ повинность каждому мужику посадить хоть одно дерево въ своей жизни въ виду обезлѣсенія Россіи; впрочемъ, одного-то дерева мало будетъ, можно-бы приказать сажать и каждый годъ по дереву. Высшій и развитой человѣкъ, преслѣдуя высшую мысль, отвлекается иногда совсѣмъ отъ насущнаго, становится смѣшонъ, капризенъ и холоденъ, даже просто скажу тебѣ—глупъ, и не только въ практической жизни, но, подъ конецъ, даже глупъ въ своихъ теоріяхъ. Такимъ образомъ, обязанность заняться практикой и осчастливить хоть одно насущное существо въ самомъ дѣлѣ всебы поправила и освѣжила-бы самого благотворителя. Какъ теорія, это—очень смѣшно; но, если-бъ это вошло въ практику и обратилось въ обычай, то было-бы вовсе не глупо. Я это испыталъ на себѣ: лишь только я началъ развивать эту идею о новой заповѣди,— и сначала, разумѣется, шутя,— я вдругъ началъ понимать всю степень моей, таившейся во мнѣ, любви къ твоей матери. До тѣхъ поръ я совсѣмъ не понималъ, что люблю ее. Пока жилъ съ нею, я только тѣшился ею, пока она была хороша, а потомъ капризничалъ. Я въ Германіи только понялъ, что люблю ее. Началось съ ея впалыхъ щекъ, которыхъ я никогда не могъ припоминать, а иногда такъ даже и видѣть безъ боли въ сердцѣ—буквально боли, настоящей, физической. Есть больныя воспоминанія, мой милый, причиняющія дѣйствительную боль; они есть почти у каждаго, но только люди ихъ забываютъ; но случается, что вдругъ потомъ припоминаютъ, даже только какую нибудь черту, и ужь потомъ отвязаться не могутъ. Я сталъ припоминать тысячу подробностей моей жизни съ Соней; подъ конецъ онѣ сами припоминались и лѣзли массами и чуть не замучили меня, пока я ее ждалъ. Пуще всего меня мучило воспоминаніе о ея вѣчной приниженности передо мной и о томъ, что она вѣчно считала себя безмѣрно ниже меня во всѣхъ отношеніяхъ—вообрази себѣ—даже

въ физическомъ. Она стыдилась и вспыхивала, когда я иногда смотрѣлъ на ея руки и пальцы, которые у ней совсѣмъ не аристократическіе. Да и не пальцевъ однихъ,— она всего стыдилась въ себѣ, не смотря на то, что я любилъ ея красоту. Она и всегда была со мной стыдлива до дикости, но то худо, что въ стыдливости этой всегда проскакивалъ какъ-бы какой-то испугъ. Однимъ словомъ, она считала себя предо мной за что̀-то ничтожное или даже почти неприличное. Право, иной разъ, вначалѣ, я иногда подумывалъ, что она все еще считаетъ меня за своего барина и боится, но это было совсѣмъ не то. А между тѣмъ, клянусь, она болѣе чѣмъ кто нибудь способна понимать мои недостатки, да и въ жизни моей я не встрѣчалъ съ такимъ тонкимъ и догадливымъ сердцемъ женщины. О, какъ она была несчастна, когда я требовалъ отъ нея вначалѣ, когда она еще была такъ хороша, чтобы она рядилась. Тутъ было и самолюбіе, и еще какое-то другое оскорблявшееся чувство: она понимала, что никогда ей не быть барыней и что въ чужомъ костюмѣ она будетъ только смѣшна. Она, какъ женщина, не хотѣла быть смѣшною въ своемъ платьѣ и поняла, что каждая женщина должна имѣть *свой* костюмъ, чего тысячи и сотни тысячъ женщинъ никогда не поймутъ,— только-бы одѣться по модѣ. Насмѣшливаго взгляда моего она боялась— вотъ что̀! Но особенно грустно мнѣ было припоминать ея глубоко удивленные взгляды, которые я часто заставалъ на себѣ во все наше время: въ нихъ сказывалось совершенное пониманіе своей судьбы и ожидавшаго ее будущаго, такъ что мнѣ самому даже бывало тяжело отъ этихъ взглядовъ, хотя, признаюсь, я въ разговоры съ ней тогда не пускался и третировалъ все это какъ-то свысока. И, знаешь, вѣдь она не всегда была такая пугливая и дикая, какъ теперь; и теперь случается, что вдругъ развеселится и похорошѣетъ, какъ двадцатилѣтняя; а тогда съ молоду она очень иногда любила поболтать и посмѣяться, конечно, въ своей компаніи—съ дѣвушками, съ приживалками; и какъ вздрагивала она, когда я внезапно заставалъ ее иногда смѣющеюся, какъ быстро краснѣла и пугливо смотрѣла на меня! Разъ, уже не задолго до отъѣзда моего за границу, то есть, почти наканунѣ того, какъ я съ ней разженился, я вошелъ въ ея комнату и засталъ ее одну, за столикомъ, безъ всякой работы, облокотившуюся на столикъ рукой и въ глубокой задумчивости. Съ ней никогда почти не случалось, чтобъ она такъ сидѣла безъ работы. Въ то время я уже давно пересталъ ласкать ее. Мнѣ удалось подойдти очень тихо, на цыпочкахъ, и вдругъ обнять и поцаловать ее... Она вскочила — и никогда не забуду этого восторга, этого счастья въ лицѣ ея, и вдругъ это все смѣнилось быстрой краской, и глаза ея сверкнули. Знаешь-ли, что̀ я прочелъ въ этомъ сверкнувшемъ взглядѣ? «Милостыню ты мнѣ подалъ — вотъ что̀!» Она истерически зарыдала подъ предлогомъ, что я ее испугалъ, но я даже тогда задумался. И, вообще, всѣ такія воспоминанія — претяжелая вещь, мой другъ. Это подобно какъ у великихъ художниковъ въ ихъ поэмахъ бываютъ иногда такія *больныя* сцены, которыя всю жизнь потомъ съ болью припоминаются, — напримѣръ, послѣдній монологъ Отелло у Шекспира, Евгеній у ногъ Татьяны, или встрѣча бѣглаго каторжника съ ребенкомъ, съ дѣвочкой, въ холодную ночь, у колодца, въ Misérables Виктора Гюго; это разъ пронзаетъ сердце и потомъ на вѣки остается рана. О, какъ я ждалъ Соню и какъ хотѣлось мнѣ поскорѣй обнять ее! Я съ судорожнымъ нетерпѣніемъ мечталъ о цѣлой новой программѣ жизни; я мечталъ постепенно, методическимъ усиліемъ, разрушить въ душѣ ея этотъ постоянный ея страхъ передо мной, растолковать ей ея собственную цѣну и все, чѣмъ она даже выше меня. О, я слишкомъ зналъ и тогда, что всегда начиналъ любить твою маму чуть только мы съ ней разлучались, и всегда вдругъ холодѣлъ къ ней, когда опять съ ней сходились; но тутъ было не то, тогда было не то.

Я былъ удивленъ: «А *она?*» мелькнулъ во мнѣ вопросъ.

— Ну, что-жь, какъ вы встрѣтились тогда съ мамой? спросилъ я осторожно.

— Тогда? Да я тогда съ ней вовсе и не встрѣтился. Она едва до Кенигсберга тогда доѣхала, да тамъ и осталась, а я былъ

на Рейнѣ. Я не поѣхалъ къ ней, а ей велѣлъ оставаться и ждать. Мы свидѣлись уже гораздо спустя, о, долго спустя, когда я поѣхалъ къ ней просить позволенія жениться...

II.

Здѣсь передамъ уже сущность дѣла, то есть, только то, что̀ самъ могъ усвоить; да и онъ мнѣ началъ передавать безсвязно. Рѣчь его вдругъ стала въ десять разъ безсвязнѣе и безпорядочнѣе, только что онъ дошелъ до этого мѣста.

Онъ встрѣтилъ Катерину Николаевну, внезапно, именно тогда, когда ждалъ маму, въ самую нетерпѣливую минуту ожиданія. Всѣ они были тогда на Рейнѣ, на водахъ, и всѣ лечились. Мужъ Катерины Николаевны уже почти умиралъ, по крайней мѣрѣ, уже обреченъ былъ на смерть докторами. Съ первой встрѣчи она поразила его, какъ-бы заколдовала чѣмъ-то. Это былъ фатумъ. Замѣчательно, что, записывая и припоминая теперь, я не вспомню, чтобъ онъ хоть разъ употребилъ тогда въ разсказѣ своемъ слово «любовь», и то, что онъ былъ «влюбленъ». Слово «фатумъ» я помню.

И, ужь конечно, это былъ фатумъ. Онъ *не захотѣлъ* его, «не захотѣлъ любить». Не знаю, смогу-ли передать это ясно; но только вся душа его была возмущена именно отъ факта, что съ нимъ это могло случиться. Все-де, что̀ было въ немъ свободнаго, разомъ уничтожилось предъ этой встрѣчей, и человѣкъ на вѣки приковывался къ женщинѣ, которой совсѣмъ до него не было дѣла. Онъ не пожелалъ этого рабства страсти. Скажу теперь прямо: Катерина Николаевна есть рѣдкій типъ свѣтской женщины — типъ, котораго въ этомъ кругу, можетъ быть, и не бываетъ. Это — типъ простой и прямодушной женщины въ высшей степени. Я слышалъ, то есть, я знаю навѣрно, что тѣмъ-то она и была неотразима въ свѣтѣ, когда въ немъ появлялась (она по часту удалялась изъ него совсѣмъ). Версиловъ, разумѣется, не повѣрилъ тогда, при первой встрѣчѣ съ нею, что она — такая, а именно повѣрилъ обратному, то есть, что она — притворщица и іезуитка. Здѣсь приведу, забѣгая впередъ, ея собственное сужденіе о немъ: она утверждала, что онъ и не могъ о ней подумать иначе, «потому что идеалистъ, стукнувшись лбомъ объ дѣйствительность, всегда, прежде другихъ, наклоненъ предположить всякую мерзость». Я не знаю, справедливо-ли это вообще объ идеалистахъ, но о немъ, конечно, было справедливо вполнѣ. Впишу здѣсь, пожалуй, и собственное мое сужденіе, мелькнувшее у меня въ умѣ, пока я тогда его слушалъ: я подумалъ, что любилъ онъ маму болѣе, такъ сказать, гуманною и общечеловѣческою любовью, чѣмъ простою любовью, которою вообще любятъ женщинъ, и чуть только встрѣтилъ женщину, которую полюбилъ этою простою любовью, то тотчасъ-же и не захотѣлъ этой любви — вѣроятнѣе всего съ непривычки. Впрочемъ, можетъ быть, это — мысль невѣрная; ему я, конечно, не высказалъ. Было-бы неделикатно; да и клянусь, онъ былъ въ такомъ состояніи, что его почти надо было щадить: онъ былъ взволнованъ: въ иныхъ мѣстахъ разсказа иногда просто обрывалъ и молчалъ по нѣскольку минутъ, расхаживая съ злымъ лицомъ по комнатѣ.

Она скоро проникла тогда въ его тайну; о, можетъ быть, и кокетничала съ нимъ нарочно: даже самыя свѣтлыя женщины бываютъ подлы въ этихъ случаяхъ, и это — ихъ непреоборимый инстинктъ. Кончилось у нихъ ожесточительнымъ разрывомъ, и онъ, кажется, хотѣлъ убить ее; онъ испугалъ ее и убилъ-бы, можетъ быть, «но все это обратилось въ ненависть». Потомъ наступилъ одинъ странный періодъ: онъ вдругъ задался одною странною мыслью: мучить себя дисциплиной, «вотъ той самой, которую употребляютъ монахи. Ты постепенно и методической практикой одолѣваешь свою волю, начиная съ самыхъ смѣшныхъ и мелкихъ вещей, а кончаешь совершеннымъ одолѣніемъ воли своей и становишься свободнымъ». Онъ прибавилъ, что у монаховъ это — дѣло серіозное, потому что тысячелѣтнимъ опытомъ возведено въ науку. Но всего замѣчательнѣе, что этой идеей о «дисциплинѣ» онъ задался

тогда вовсе не для того, чтобы избавиться отъ Катерины Николаевны, а въ самой полной увѣренности, что онъ не только уже не любитъ ея, но даже въ высшей степени ненавидитъ. Онъ до того повѣрилъ своей къ ней ненависти, что даже вдругъ задумалъ влюбиться и жениться на ея падчерицѣ, обманутой княземъ, совершенно увѣрилъ себя въ своей новой любви и неотразимо влюбилъ въ себя бѣдную идіотку, доставивъ ей этою любовью, въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни, совершенное счастье. Почему онъ, вмѣсто нея, не вспомнилъ тогда о мамѣ, все ждавшей его въ Кенигсбергѣ — осталось для меня невыясненнымъ... Напротивъ, объ мамѣ онъ вдругъ и совсѣмъ забылъ, даже денегъ не выслалъ на прожитокъ, такъ что спасла ее тогда Татьяна Павловна; и вдругъ, однако, поѣхалъ къ мамѣ «спросить ея позволенія жениться на той дѣвицѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «такая невѣста—не женщина». О, можетъ быть, все это—лишь портретъ «книжнаго человѣка», какъ выразилась про него потомъ Катерина Николаевна; но почему-же, однако, эти «бумажные люди» (если ужь правда, что они — бумажные) способны, однако, столь настоящимъ образомъ мучиться и доходить до трагедій? Впрочемъ, тогда, въ тотъ вечеръ, я думалъ нѣсколько иначе, и меня потрясла одна мысль:

— Вамъ все развитіе ваше, вся душа ваша досталась страданіемъ и боемъ всей жизни вашей — а ей все ея совершенство досталось даромъ. Тутъ неравенство... Женщина этимъ возмутительна. — Я проговорилъ вовсе не съ тѣмъ, чтобъ подольститься къ нему, а съ жаромъ и даже съ негодованіемъ.

— Совершенство? Ея совершенство? Да въ ней нѣтъ никакихъ совершенствъ! проговорилъ онъ вдругъ, чуть не въ удивленіи на мои слова: — это — самая ординарная женщина, это даже дрянная женщина... Но она обязана имѣть всѣ совершенства!

— Почему-же обязана?

— Потому что, имѣя такую власть, она обязана имѣть всѣ совершенства! — злобно вскрикнулъ онъ.

— Грустнѣе всего то, что вы и теперь такъ измучены! вырвалось у меня вдругъ невольно.

— Теперь? Измученъ? повторилъ онъ опять мои слова, останавливаясь передо мной, какъ-бы въ какомъ-то недоумѣніи. И вотъ вдругъ тихая, длинная, вдумчивая улыбка озарила его лицо, и онъ поднялъ передъ собой палецъ, какъ-бы соображая. Затѣмъ, уже совсѣмъ опомнившись, схватилъ со стола распечатанное письмо и бросилъ его передо мною.

— На, читай! Ты непремѣнно долженъ все узнать... и зачѣмъ ты такъ много далъ мнѣ перерыть въ этой старой дребедени?.. Я только осквернилъ и озлобилъ сердце!..

Не могу выразить моего удивленія. Письмо это было отъ *нея* къ нему, сегодняшнее, полученное имъ около пяти часовъ пополудни. Я прочелъ его, почти дрожа отъ волненія. Оно было невелико, но написано до того прямо и искренно, что я, читая, какъ будто видѣлъ ее самое передъ собою и слышалъ ея слова. Она въ высшей степени правдиво (а потому почти трогательно) признавалась ему въ своемъ страхѣ и затѣмъ просто умоляла его «оставить ее въ покоѣ». Въ заключеніе, увѣдомляла, что теперь положительно выходитъ за Бьоринга. До этого случая она никогда не писала къ нему.

И вотъ что я понялъ тогда изъ его объясненій:

Только что онъ, давеча, прочелъ это письмо, какъ вдругъ ощутилъ въ себѣ самое неожиданное явленіе: въ первый разъ, въ эти роковые два года, онъ не почувствовалъ ни малѣйшей къ ней ненависти и ни малѣйшаго сотрясенія, подобно тому, какъ недавно еще «сошелъ съ ума» при одномъ только слухѣ о Бьорингѣ. «Напротивъ, я ей послалъ благословеніе отъ всего сердца», проговорилъ онъ мнѣ съ глубокимъ чувствомъ. Я выслушалъ эти слова съ восхищеніемъ. Значитъ, все что было въ немъ страсти, муки—исчезло разомъ, само собою, какъ сонъ, какъ двухлѣтнее навожденіе. Еще не вѣря себѣ, онъ поспѣшилъ было давеча къ мамѣ — и что-же: онъ вошелъ именно въ ту минуту, когда она стала *свободною*, и завѣщавшій ее ему вчера ста-

рикъ умеръ. Вотъ эти-то два совпаденія и потрясли его душу. Немного спустя, онъ бросился искать меня, — и эту столь скорую мысль его обо мнѣ я никогда не забуду.

Да и не забуду окончанія того вечера. Этотъ человѣкъ весь и вдругъ преобразился опять. Мы просидѣли до глубокой ночи. О томъ, какъ подѣйствовало все это «извѣстіе» на меня — разскажу потомъ, въ своемъ мѣстѣ, а теперь — лишь нѣсколько заключительныхъ словъ о немъ. Соображая теперь, понимаю, что на меня всего обаятельнѣе подѣйствовало тогда его какъ-бы смиреніе передо мной, его такая правдивая искренность передо мной, такимъ мальчикомъ! «Это былъ чадъ, но благословеніе и ему! вскричалъ онъ: — безъ этого ослѣпленія я-бы, можетъ, никогда не отыскалъ въ моемъ сердцѣ такъ всецѣло и на вѣки единственную царицу мою, мою страдалицу — твою мать». Эти восторженныя слова его, вырвавшіяся неудержимо, особенно отмѣчаю въ виду дальнѣйшаго. Но тогда онъ захватилъ и побѣдилъ мою душу.

Помню, мы стали подъ конецъ ужасно веселы. Онъ велѣлъ принести шампанскаго, и мы выпили за маму и за «будущее». О, онъ такъ полонъ былъ жизнію и такъ собирался жить! Но веселы мы стали вдругъ ужасно не отъ вина: мы выпили всего по два бокала. Я не знаю отчего, но подъ конецъ мы смѣялись почти неудержимо. Мы стали говорить совсѣмъ о постороннемъ; онъ пустился разсказывать анекдоты, я ему тоже. И смѣхъ, и анекдоты наши были въ высшей степени не злобны и не насмѣшливы, но намъ было весело. Онъ все не хотѣлъ меня отпускать: «Посиди, посиди еще!» повторялъ онъ, и я оставался. Даже вышелъ провожать меня; вечеръ былъ прелестный, слегка подморозило.

— Скажите: вы *ей* уже послали отвѣтъ? спросилъ я вдругъ совсѣмъ нечаянно, въ послѣдній разъ пожимая его руку на перекресткѣ.

— Нѣтъ еще, нѣтъ, и это все равно. Приходи завтра, приходи раньше... Да вотъ что еще: брось Ламберта совсѣмъ, а «документъ» разорви, и скорѣй. Прощай!

Сказавъ это, онъ вдругъ ушелъ; я-же остался, стоя на мѣстѣ и до того въ смущеніи, что не рѣшился воротить его. Выраженіе «документъ» особенно потрясло меня: отъ кого-же-бы онъ узналъ, и въ такихъ точныхъ выраженіяхъ, какъ не отъ Ламберта? Я воротился домой въ большомъ смущеніи. Да и какъ-же могло случиться, мелькнуло во мнѣ вдругъ, чтобъ такое двухлѣтнее навожденіе исчезло какъ сонъ, какъ чадъ, какъ видѣніе?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Но проснулся я на утро свѣжѣе и душевнѣе. Я даже упрекнулъ себя, невольно и сердечно, за нѣкоторую легкость и какъ-бы высокомѣріе, съ которыми, какъ припоминалось мнѣ, выслушивалъ вчера нѣкоторыя мѣста его «исповѣди». Если отчасти она была въ безпорядкѣ, если нѣкоторыя откровенія были нѣсколько какъ-бы чадны и даже нескладны, то развѣ онъ готовился къ ораторской рѣчи, зазвавъ меня вчера къ себѣ? Онъ только сдѣлалъ мнѣ великую честь, обратившись ко мнѣ, какъ къ единственному другу въ такое мгновеніе, и этого я никогда ему не забуду. Напротивъ, его исповѣдь была «трогательна», какъ-бы ни смѣялись надо мной за это выраженіе, и, если мелькало иногда циническое или даже что-то какъ будто смѣшное, то я былъ слишкомъ широкъ, чтобъ не понять и не допустить реализма — не марая, впрочемъ, идеала. Главное, я, наконецъ, постигъ этого человѣка, и даже мнѣ было отчасти жаль и какъ-бы досадно, что все это оказалось такъ просто: этого человѣка я всегда ставилъ въ сердцѣ моемъ на чрезвычайную высоту, въ облака, и непремѣнно одѣвалъ его судьбу во что-то таинственное, такъ что естественно до сихъ поръ желалъ, чтобы ларчикъ открывался похитрѣе. Впрочемъ, въ встрѣчѣ его *съ нею* и въ двухлѣтнихъ страданіяхъ его было много и сложнаго; «онъ не захотѣлъ фатума жизни; ему нужна была свобода, а не рабство фатума; черезъ рабство фатума онъ принужденъ былъ оскорбить маму, которая

просидѣла въ Кенигсбергѣ»... Къ тому-же, этого человѣка, во всякомъ случаѣ, я считалъ проповѣдникомъ: онъ носилъ въ сердцѣ золотой вѣкъ и зналъ будущее объ атеизмѣ; и вотъ встрѣча съ нею все надломила, все извратила! О, я ей не измѣнилъ, но всетаки я взялъ его сторону. Мама, напримѣръ, разсуждалъ я, ничему-бы не помѣшала въ судьбѣ его, даже бракъ его съ мамой. Это я понималъ; это — совсѣмъ не то, что встрѣча съ *тою*. Правда, мама все равно не дала-бы ему спокойствія, но это даже тѣмъ-бы и лучше: такихъ людей надо судить иначе, и пусть такова и будетъ ихъ жизнь всегда; и это — вовсе не безобразіе; напротивъ, безобразіемъ было-бы то, если-бъ они успокоились, или, вообще, стали-бы похожими на всѣхъ среднихъ людей. Похвалы его дворянству и слова его: «je mourrai gentilhomme» ни мало меня не смущали: я осмыслилъ какой это былъ gentilhomme; это былъ типъ, отдающій все и становящійся провозвѣстникомъ всемірнаго гражданства и главной русской мысли «всесоединенія идей». И хотя-бы это все было даже и вздоромъ, то есть, «всесоединеніе идей» (что̀, конечно, немыслимо), то всетаки ужь одно то хорошо, что онъ всю жизнь поклонялся идеѣ, а не глупому золотому тельцу. Боже мой! Да, замысливъ мою «идею», я, я самъ — развѣ я поклонился золотому тельцу, развѣ мнѣ денегъ тогда надо было? Клянусь, мнѣ надо было лишь идею! Клянусь, что ни одного стула, ни одного дивана не обилъ-бы я себѣ бархатомъ и ѣлъ-бы, имѣя сто милліоновъ, ту-же тарелку супу съ говядиной, какъ и теперь!

Я одѣвался и спѣшилъ къ нему неудержимо. Прибавлю, на счетъ вчерашней выходки его о «документѣ» я тоже былъ впятеро спокойнѣе, чѣмъ вчера. Во первыхъ, я надѣялся съ нимъ объясниться, а, во вторыхъ, что̀-же въ томъ, что Ламбертъ профильтровался и къ нему, и объ чемъ-то тамъ поговорилъ съ нимъ? — Но главная радость моя была въ одномъ чрезвычайномъ ощущеніи: это была мысль, что онъ уже «не любилъ *ея*»; въ это я увѣровалъ ужасно и чувствовалъ, что съ сердца моего какъ-бы кто-то столкнулъ страшный камень. Помню даже промелькнувшую тогда одну догадку: именно безобразіе и безсмыслица той послѣдней яростной вспышки его при извѣстіи о Бьорингѣ и отсылка оскорбительнаго тогдашняго письма; именно эта крайность и могла служить какъ-бы пророчествомъ и предтечей самой радикальной перемѣны въ чувствахъ его и близкаго возвращенія его къ здравому смыслу; это должно было быть почти какъ въ болѣзни, думалъ я, и онъ именно долженъ былъ придти къ противоположной точкѣ — медицинскій эпизодъ и больше ничего! Мысль эта дѣлала меня счастливымъ.

«И пусть, пусть *она* располагаетъ какъ хочетъ судьбой своей, пусть выходитъ за своего Бьоринга, сколько хочетъ, но только пусть онъ, мой отецъ, мой другъ, болѣе не любитъ ея», восклицалъ я. Впрочемъ, тутъ была нѣкоторая тайна моихъ собственныхъ чувствъ, но о которыхъ я здѣсь, въ запискахъ моихъ, размазывать не желаю.

Вотъ и довольно. А теперь весь послѣдовавшій ужасъ и всю махинацію фактовъ передамъ уже безо всякихъ разсужденій.

II.

Въ десять часовъ, только что я собрался уходить, — къ нему, разумѣется, — появилась Дарья Онисимовна. Я радостно спросилъ ее: «не отъ него-ли?» и съ досадой услышалъ, что вовсе не отъ него, а отъ Анны Андреевны, и что она, Дарья Онисимовна, «чѣмъ свѣтъ ушла съ квартиры».

— Съ какой-же квартиры?

— Да съ той самой, съ вчерашней. Вѣдь квартира вчерашняя, при младенцѣ-то, на мое имя теперь взята, и платитъ Татьяна Павловна...

— Э, ну, мнѣ все равно! прервалъ я съ досадой: — онъ-то, по крайней мѣрѣ, дома? Застану я его?

И, къ удивленію моему, я услышалъ отъ нея, что онъ еще раньше ея со двора ушелъ; значитъ, она — «чѣмъ свѣтъ», а онъ еще раньше.

— Ну такъ теперь воротился?

— Нѣтъ-съ, ужь навѣрно не воротился, да и не воротится, можетъ, и совсѣмъ, про-

говорила она, смотря на меня тѣмъ самымъ вострымъ и вороватымъ глазомъ и точно такъ-же не спуская его съ меня, какъ въ то уже описанное мною посѣщеніе, когда я лежалъ больной. Меня главное взорвало, что тутъ опять выступали ихъ какія-то тайны и глупости и что эти люди, видимо, не могли обойдтись безъ тайнъ и безъ хитростей.

— Почему вы сказали: навѣрно не воротится? Что̀ вы подразумѣваете? Онъ къ мамѣ пошелъ — вотъ и все!

— Н-не знаю-съ.

— Да вы-то сами зачѣмъ пожаловали?

Она объявила мнѣ, что теперь она отъ Анны Андреевны и что та зоветъ меня и непремѣнно ждетъ меня сей-же часъ, а то «поздно будетъ». Это опять загадочное словцо вывело меня уже изъ себя:

— Почему поздно? Не хочу я идти и не пойду! Не дамъ я мной опять овладѣть! Наплевать на Ламберта — такъ и скажите ей, и что, если она пришлетъ ко мнѣ своего Ламберта, то я его выгоню въ толчки — такъ и передайте ей!

Дарья Онисимовна испугалась ужасно.

— Ахъ нѣтъ-съ, шагнула она ко мнѣ, складывая руки ладошками и какъ-бы умоляя меня: — вы ужь повремените такъ спѣшить. Тутъ дѣло важное, для васъ самихъ очень важное, для нихъ тоже, и для Андрея Петровича, и для маменьки вашей — для всѣхъ... Вы ужь посѣтите Анну Андреевну тотчасъ-же, потому что онѣ никакъ не могутъ болѣе дожидаться... ужь это я васъ увѣряю честью... а потомъ и рѣшеніе примете.

Я глядѣлъ на нее съ изумленіемъ и отвращеніемъ.

— Вздоръ, ничего не будетъ, не приду! вскричалъ я упрямо и съ злорадствомъ: теперь — все по новому! Да и можете-ли вы это понять? Прощайте, Дарья Онисимовна, нарочно не пойду, нарочно не буду васъ разспрашивать. Вы меня только сбиваете съ толку. Не хочу я проникать въ ваши загадки.

Но такъ какъ она не уходила и все стояла, то я, схвативъ шубу и шапку, вышелъ самъ, оставивъ ее среди комнаты. Въ комнатѣ-же моей не было никакихъ писемъ и бумагъ, да я и прежде никогда почти не запиралъ комнату, уходя. Но я не успѣлъ еще дойдти до выходной двери, какъ съ лѣстницы сбѣжалъ за мною, безъ шляпы и въ вицмундирѣ, хозяинъ мой, Петръ Ипполитовичъ.

— Аркадій Макаровичъ! Аркадій Макаровичъ!

— Вамъ что̀ еще?

— А вы ничего не прикажете, уходя?

— Ничего.

Онъ смотрѣлъ на меня вонзающимся взглядомъ и съ видимымъ безпокойствомъ:

— На счетъ квартиры, напримѣръ-съ?

— Что̀ такое на счетъ квартиры? Вѣдь я вамъ въ срокъ прислалъ деньги?

— Да нѣтъ-съ, я не про деньги, улыбнулся онъ вдругъ длинной улыбкой и все продолжая вонзаться въ меня взглядомъ.

— Да что̀ съ вами со всѣми? крикнулъ я, наконецъ, почти совсѣмъ озвѣрѣвъ: — вамъ-то еще чего?

Онъ подождалъ еще нѣсколько секундъ, все еще какъ-бы чего-то отъ меня ожидая.

— Ну, значитъ, послѣ прикажете... коли ужь теперь стихъ не таковъ, пробормоталъ онъ, еще длиннѣе ухмыляясь; — ступайте-съ, а я и самъ въ должность.

Онъ убѣжалъ къ себѣ по лѣстницѣ. Конечно, все это могло навести на размышленія. Я нарочно не опускаю ни малѣйшей черты изъ всей этой тогдашней мелкой безсмыслицы, потому что каждая черточка вошла потомъ въ окончательный букетъ, гдѣ и нашла свое мѣсто, въ чемъ и увѣрится читатель. А что тогда они дѣйствительно сбивали меня съ толку, то это — правда. Если я былъ такъ взволнованъ и раздраженъ, то именно заслышавъ опять въ ихъ словахъ этотъ столь надоѣвшій мнѣ тонъ интригъ и загадокъ и напомнившій мнѣ старое. Но продолжаю.

Дома Версилова не оказалось, и ушелъ онъ, дѣйствительно, чѣмъ свѣтъ. «Конечно — къ мамѣ», стоялъ я упорно на своемъ. Няньку, довольно глупую бабу, я не разспрашивалъ, а, кромѣ нея, въ квартирѣ никого не было. Я побѣжалъ къ мамѣ и, признаюсь, въ такомъ безпокойствѣ, что на полдорогѣ схватилъ извощика. *У мамы его со вчерашняго вечера не было.* Съ мамой были

лишь Татьяна Павловна и Лиза. Лиза, только что я вошелъ, стала собираться уходить.

Онѣ всѣ сидѣли на верху, въ моемъ «гробѣ». Въ гостиной-же нашей, внизу, лежалъ на столѣ Макаръ Ивановичъ, а надъ нимъ какой-то старикъ мѣрно читалъ псалтирь. Я теперь ничего уже не буду описывать изъ не прямо касающагося къ дѣлу, но замѣчу лишь, что гробъ, который уже успѣли сдѣлать, стоявшій тутъ-же въ комнатѣ, былъ не простой, хотя и черный, но обитый бархатомъ, а покровъ на покойникѣ былъ изъ дорогихъ — пышность не по старцу и не по убѣжденіямъ его; но таково было настоятельное желаніе мамы и Татьяны Павловны вкупѣ.

Разумѣется, я не ожидалъ ихъ встрѣтить веселыми; но та особенная давящая тоска, съ заботой и безпокойствомъ, которую я прочелъ въ ихъ глазахъ, сразу поразила меня, и я мигомъ заключилъ, что «тутъ вѣрно не одинъ покойникъ причиною». Все это, повторяю, я отлично запомнилъ.

Не смотря на все, я нѣжно обнялъ маму и тотчасъ спросилъ о *немъ*. Во взглядѣ мамы мигомъ сверкнуло тревожное любопытство. Я на-скоро упомянулъ, что мы съ нимъ вчера провели весь вечеръ до глубокой ночи, но что сегодня его нѣтъ дома, еще съ разсвѣта, тогда какъ онъ меня самъ пригласилъ еще вчера, разставаясь, придти сегодня какъ можно раньше. Мама ничего не отвѣтила, а Татьяна Павловна, улучивъ минуту, погрозила мнѣ пальцемъ.

— Прощай, братъ, вдругъ отрѣзала Лиза, быстро выходя изъ комнаты. Я, разумѣется, догналъ ее, но она остановилась у самой выходной двери.

— Я такъ и думала, что ты догадаешься сойдти, проговорила она быстрымъ шепотомъ.

— Лиза, что̀ тутъ такое?

— А я и сама не знаю, только много чего-то. Навѣрно, развязка «вѣчной исторіи». Онъ не приходилъ, а онѣ имѣютъ какія-то о немъ свѣдѣнія. Тебѣ не разскажутъ, не безпокойся, а ты не разспрашивай, коли уменъ; но мама убита. Я тоже ни о чемъ не разспрашивала. Прощай.

Она отворила дверь.

— Лиза, а у тебя у самой нѣтъ-ли чего? выскочилъ я за нею въ сѣни. Ея ужасно убитый, отчаянный видъ пронзилъ мое сердце. Она посмотрѣла не то что злобно, а даже почти какъ-то ожесточенно, желчно усмѣхнулась и махнула рукой.

— Кабы умеръ — такъ и слава-бы Богу! бросила она мнѣ съ лѣстницы и ушла. Это она сказала такъ про князя Сергѣя Петровича, а тотъ въ то время лежалъ въ горячкѣ и безпамятствѣ. Я воротился на верхъ грустный, но возбужденный. «Вѣчная исторія! Какая вѣчная исторія?» съ вызовомъ подумалъ я, и вотъ мнѣ вдругъ захотѣлось непремѣнно разсказать имъ хоть часть вчерашнихъ моихъ впечатлѣній отъ его ночной исповѣди, да и самую исповѣдь. «Онѣ что-то о немъ теперь думаютъ дурное — такъ пусть-же узнаютъ все!» пролетѣло въ моей головѣ.

Я помню, что мнѣ удалось какъ-то очень ловко начать разсказывать. Мигомъ на лицахъ ихъ обнаружилось страшное любопытство. На этотъ разъ и Татьяна Павловна такъ и впилась въ меня глазами; но мама была сдержаннѣе; она была очень серіозна, но легкая, прекрасная, хоть и совсѣмъ какая-то безнадежная улыбка промелькнула таки въ лицѣ ея и не сходила почти во все время разсказа. Я, конечно, говорилъ хорошо, хотя и зналъ, что для нихъ почти непонятно. Къ удивленію моему, Татьяна Павловна не придиралась, не настаивала на точности, не закидывала крючковъ, по своему обыкновенію, какъ всегда, когда я начиналъ что нибудь говорить. Она только сжимала изрѣдка губы и щурила глаза, какъ-бы вникая съ усиліемъ. По временамъ, мнѣ даже казалось, что онѣ все понимаютъ, но этого почти быть не могло. Я, напримѣръ, говорилъ объ его убѣжденіяхъ, но, главное, объ его вчерашнемъ восторгѣ, о восторгѣ къ мамѣ, о любви его къ мамѣ, о томъ, что онъ цаловалъ ея портретъ... Слушая это, онѣ быстро и молча переглядывались, мама вся вспыхнула, хотя обѣ продолжали молчать. Затѣмъ... затѣмъ я, конечно, не могъ, *при мамѣ*, коснуться до главнаго пункта, то есть до встрѣчи съ *нею* и всего прочаго, а, главное, до *ея* вчерашняго письма къ нему, и о нравственномъ «воскресеніи» его пос-

лѣ письма; а это-то и было главнымъ, такъ что всѣ его вчерашнія чувства, которыми я думалъ такъ обрадовать маму, естественно остались непонятными, хотя, конечно, не по моей винѣ, потому что я все, что̀ можно было разсказать, разсказалъ прекрасно. Кончилъ я совершенно въ недоумѣніи: ихъ молчаніе не прерывалось и мнѣ стало вдругъ очень тяжело съ ними.

— Вѣрно, онъ теперь воротился, а, можетъ, сидитъ у меня и ждетъ, сказалъ я и всталъ уходить.

— Сходи, сходи! твердо поддакнула Татьяна Павловна.

— Внизу-то былъ? полушепотомъ спросила меня мама, прощаясь.

— Былъ, поклонился ему и помолился о немъ. Какой спокойный, благообразный ликъ у него, мама! Спасибо вамъ, мама, что не пожалѣли ему на гробъ. Мнѣ сначала это странно показалось, но тотчасъ-же подумалъ, что и самъ тоже-бы сдѣлалъ.

— Въ церковь-то завтра придешь? спросила она — и у ней задрожали губы.

— Что̀ вы, мама? удивился я: — я и сегодня на панихиду приду и еще приду; и... къ тому-же, завтра — день вашего рожденія, мама, милый другъ мой! Не дожилъ онъ трехъ дней только!

Я вышелъ въ болѣзненномъ удивленіи: какъ-же это задавать такіе вопросы—приду я или нѣтъ на отпѣваніе въ церковь? И, значитъ, если такъ обо мнѣ—то что̀-же онѣ о *немъ* тогда думаютъ?

Я зналъ, что за мной погонится Татьяна Павловна, и нарочно пріостановился въ выходныхъ дверяхъ; но она догнавъ меня, протолкнула меня рукой на самую лѣстницу, вышла за мной и притворила за собою дверь.

— Татьяна Павловна, значитъ вы Андрея Петровича ни сегодня, ни завтра даже не ждете? Я испуганъ...

— Молчи. Много важности, что ты испуганъ. Говори: чего ты тамъ не договорилъ, когда про вчерашнюю ахинею разсказывалъ?

Я не нашелъ нужнымъ скрывать и, почти въ раздраженіи на Версилова, передалъ все о вчерашнемъ письмѣ къ нему Катерины Николаевны и объ эффектѣ письма, то есть о воскресеніи его въ новую жизнь. Къ удивленію моему, фактъ письма ее ни мало не удивилъ, и я догадался, что она уже о немъ знала.

— Да ты врешь?

— Нѣтъ, не вру.

— Ишь вѣдь, ядовито улыбнулась она, какъ-бы раздумывая: — воскресъ! Станется отъ него и это! А правда, что онъ портретъ цаловалъ?

— Правда, Татьяна Павловна.

— Съ чувствомъ цаловалъ, не притворялся?

— Притворялся? Развѣ онъ когда притворяется? Стыдно вамъ, Татьяна Павловна; грубая у васъ душа, женская.

Я проговорилъ это съ жаромъ; но она какъ-бы не слыхала меня; она что̀-то какъ-бы опять соображала, не смотря на сильный холодъ на лѣстницѣ. Я-то былъ въ шубѣ, а она въ одномъ платьѣ.

— Поручила-бы я тебѣ одно дѣло, да жаль, что ужь очень ты глупъ, проговорила она съ презрѣніемъ и какъ-бы досадой.— Слушай, сходи-ка ты къ Аннѣ Андреевнѣ и посмотри, что̀ у ней тамъ дѣлается... Да нѣтъ, не ходи; олухъ—такъ олухъ и есть! Ступай, маршъ, чего сталъ верстой?

— Анъ вотъ и не пойду къ Аннѣ Андреевнѣ! А Анна Андреевна и сама меня присылала звать.

— Сама? Дарью Онисимовну? быстро повернулась она ко мнѣ; она уже было уходила и отворила даже дверь, но опять захлопнула ее.

— Ни за что̀ не пойду къ Аннѣ Андреевнѣ! повторилъ я съ злобнымъ наслажденіемъ;— потому не пойду, что назвали меня сейчасъ олухомъ, тогда какъ я никогда еще не былъ такъ проницателенъ, какъ сегодня. Всѣ ваши дѣла на ладонкѣ вижу; а къ Аннѣ Андреевнѣ всетаки не пойду!

— Такъ я и знала! — воскликнула она, но опять таки вовсе не на мои слова, а продолжая обдумывать свое. — Оплетутъ теперь *ее* всю и мертвой петлей затянутъ!

— Анну Андреевну?

— Дуракъ!

— Такъ про кого-же вы? Такъ ужь не про Катерину-ли Николаевну? Какой мертвой петлей? Я ужасно испугался. Какая-

то смутная, но ужасная идея прошла черезъ всю душу мою. Татьяна Павловна пронзительно поглядѣла на меня.

— Ты-то чего тамъ? — спросила она вдругъ. Ты-то тамъ въ чемъ участвуешь? Слышала я что-то и про тебя—ой, смотри!

— Слушайте, Татьяна Павловна: я вамъ сообщу одну страшную тайну, но только не сейчасъ, теперь нѣтъ времени, а завтра наединѣ, но зато скажите мнѣ теперь всю правду, и что̀ это за мертвая петля... потому что я весь дрожу...

— А наплевать мнѣ на твою дрожь! воскликнула она. — Какую еще разсказать хочешь завтра тайну? Да ужь ты впрямь не знаешь-ли чего? впилась она въ меня вопросительнымъ взглядомъ.—Вѣдь самъ-же ей поклялся тогда, что письмо Крафтъ сжегъ.

— Татьяна Павловна, повторяю вамъ, не мучьте меня, продолжалъ я свое, въ свою очередь не отвѣчая ей на вопросъ, потому что былъ внѣ себя:—смотрите, Татьяна Павловна, черезъ то, что вы отъ меня скрываете, можетъ выйдти еще что нибудь хуже... вѣдь онъ вчера былъ въ полномъ, въ полнѣйшемъ воскресеніи!

— Э, убирайся, шутъ! Самъ-то, небось, тоже, какъ воробей влюбленъ, — отецъ съ сыномъ въ одинъ предметъ! Фу, безобразники!

Она скрылась, съ негодованіемъ хлопнувъ дверью. Въ бѣшенствѣ отъ наглаго, безстыднаго цинизма самыхъ послѣднихъ ея словъ,— цинизма, на который способна лишь женщина, я выбѣжалъ глубоко оскорбленный. Но не буду описывать смутныхъ ощущеній моихъ, какъ уже и далъ слово; буду продолжать лишь фактами, которые теперь все разрѣшатъ. Разумѣется, я пробѣжалъ мимоходомъ опять къ нему и опять отъ няньки услышалъ, что онъ не бывалъ вовсе.

— И совсѣмъ не придетъ?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ.

III.

Фактами, фактами!.. Но понимаетъ-ли что̀ нибудь читатель? Помню, какъ меня самого давили тогда эти-же самые факты и не давали мнѣ ничего осмыслить, такъ что, подъ конецъ того дня, у меня совсѣмъ голова сбилась съ толку. А потому двумя — тремя словами забѣгу впередъ.

Всѣ муки мои состояли вотъ въ чемъ: если вчера онъ воскресъ и *ее* разлюбилъ, то, въ такомъ случаѣ, гдѣ-бы онъ долженствовалъ быть сегодня? Отвѣтъ: прежде всего — у меня, съ которымъ вчера обнимался, а потомъ сейчасъ-же у мамы, которой портретъ онъ вчера цаловалъ. И вотъ, вмѣсто этихъ двухъ натуральныхъ шаговъ, его вдругъ «чѣмъ свѣтъ» нѣту дома и онъ куда-то пропалъ, а Дарья Онисимовна бредитъ почему-то, что «врядъ-ли и воротится». Мало того: Лиза увѣряетъ о какой-то развязкѣ «вѣчной исторіи» и о томъ, что у мамы о немъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія, и уже позднѣйшія; сверхъ того тамъ несомнѣнно знаютъ и про письмо Катерины Николаевны (это я самъ примѣтилъ), и всетаки не вѣрятъ его «воскресенію въ новую жизнь», хотя и выслушали меня внимательно. Мама убита, а Татьяна Павловна надъ словомъ «воскресеніе» ехидно острита̀. Но если все это такъ, то, значитъ, съ нимъ опять случился за ночь переворотъ, опять кризисъ, и это—послѣ вчерашняго-то восторга, умиленія, паѳоса! Значитъ, все это «воскресеніе» лопнуло, какъ надутый пузырь, и онъ, можетъ быть, теперь опять толчется гдѣ нибудь въ томъ-же бѣшенствѣ, какъ тогда, послѣ извѣстія о Бьорингѣ! Спрашивается, что̀-же будетъ съ мамой, со мной, со всѣми нами и... и что̀-же будетъ, наконецъ, съ *нею?* Про какую «мертвую петлю» проболталась Татьяна, посылая меня къ Аннѣ Андреевнѣ? Значитъ, тамъ-то и есть эта «мертвая петля» у Анны Андреевны! Почему-же у Анны Андреевны? Разумѣется, я побѣгу къ Аннѣ Андреевнѣ; это я нарочно, съ досады лишь сказалъ, что не пойду; я сейчасъ побѣгу. Но что такое говорила Татьяна про «документъ»? И не онъ-ли самъ сказалъ мнѣ вчера: «Сожги документъ»?

Вотъ были мысли мои, вотъ что̀ давило меня тоже мертвою петлей; но, главное, мнѣ надо было *его*. Съ нимъ-бы я тотчасъ-же все порѣшилъ — я это чувствовалъ; мы поняли-бы одинъ другаго съ двухъ словъ!

Я-бы схватилъ его за руки, сжалъ ихъ; я-бы нашелъ въ моемъ сердцѣ горячія слова, — мечталось мнѣ неотразимо. О, я-бы покорилъ безуміе!.. Но гдѣ онъ? Гдѣ онъ? И вотъ, нужно-же было въ такую минуту подвернуться Ламберту, когда я такъ былъ разгоряченъ! Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до моего дома, я вдругъ встрѣтилъ Ламберта; онъ радостно завопилъ, меня увидавъ, и схватилъ меня за руку:

— Я къ тебѣ уже тхэтій разъ... Enfin! Пойдемъ завтракать!

— Стой! Ты у меня былъ? Тамъ нѣтъ Андрея Петровича?

— Нѣтъ тамъ никого. Оставь ихъ всѣхъ! Ты, духгакъ, вчера разсердился; ты былъ пьянъ, а я имѣю тебѣ говорить важное; я сегодня слышалъ прелестныя вѣсти про то, что̀ мы вчера говорили...

— Ламбертъ, перебилъ я, задыхаясь и торопясь и по неволѣ нѣсколько декламируя: — если я остановился съ тобою, то единственно затѣмъ, чтобы навсегда съ тобою покончить. Я уже говорилъ тебѣ вчера, но ты все не понимаешь. Ламбертъ, ты—ребенокъ и глупъ, какъ французъ. Ты все думаешь, что ты какъ у Тушара, и что я такъ-же глупъ, какъ у Тушара... Но я не такъ-же глупъ, какъ у Тушара... Я вчера былъ пьянъ, но не отъ вина, а потому, что былъ и безъ того возбужденъ; а если я поддакивалъ тому, что ты мололъ, то потому, что я хитрилъ, чтобъ вывѣдать твои мысли. Я тебя обманывалъ, а ты обрадовался и повѣрилъ, и мололъ. — Знай, что жениться на ней, это — такой вздоръ, которому гимназистъ приготовительнаго класса не повѣритъ. Можно-ли подумать, чтобъ я повѣрилъ? А ты повѣрилъ! Ты потому повѣрилъ, что ты не принятъ въ высшемъ обществѣ и ничего не знаешь какъ у нихъ въ высшемъ свѣтѣ дѣлается. Это не такъ просто у нихъ въ высшемъ свѣтѣ дѣлается, и это невозможно, чтобъ такъ просто — взяла да и вышла замужъ... Теперь скажу тебѣ ясно, чего тебѣ хочется: тебѣ хочется зазвать меня, чтобъ опоить и чтобъ я выдалъ тебѣ документъ и пошелъ съ тобою на какое-то мошенничество противъ Катерины Николаевны! Такъ врешь-же! Не приду къ тебѣ никогда, и знай тоже, что завтра-же, или уже непремѣнно послѣ завтра, бумага эта будетъ въ ея собственныхъ рукахъ, потому что документъ этотъ принадлежитъ ей, потому что ею написанъ, и я самъ передамъ ей лично, и, если хочешь знать гдѣ, такъ знай, что черезъ Татьяну Павловну, ея знакомую, въ квартирѣ Татьяны Павловны, при Татьянѣ Павловнѣ — передамъ и за документъ не возьму съ нея ничего. А теперь отъ меня—маршъ навсегда, не то... не то, Ламбертъ, я обойдусь не столь учтиво...

Окончивъ это, я весь дрожалъ мелкою дрожью. Самое главное дѣло и самая скверная привычка въ жизни, вредящая всему въ каждомъ дѣлѣ, это... это если зарисуешься. Чортъ меня дернулъ разгорячиться передъ нимъ до того, что я, кончая рѣчь и съ наслажденіемъ отчеканивая слова и возвышая все болѣе и болѣе голосъ, вошелъ вдругъ въ такой жаръ, что всунулъ эту совсѣмъ не нужную подробность о томъ, что передамъ документъ черезъ Татьяну Павловну и у нея на квартирѣ! Но мнѣ такъ вдругъ захотѣлось тогда его огорошить! Когда я брякнулъ такъ прямо о документѣ и вдругъ увидѣлъ его глупый испугъ, мнѣ вдругъ захотѣлось еще пуще придавить его точностью подробностей. И вотъ эта-то бабья хвастливая болтовня и была потомъ причиною ужасныхъ несчастій, потому что эта подробность про Татьяну Павловну и ея квартиру тотчасъ-же засѣла въ умѣ его, какъ у мошенника и практическаго человѣка на малыя дѣла; въ высшихъ и важныхъ дѣлахъ онъ ничтоженъ и ничего не смыслитъ, но на эти мелочи у него всетаки есть чутье. Умолчи я про Татьяну Павловну — не случилось-бы большихъ бѣдъ. Однако, выслушавъ меня, онъ въ первую минуту потерялся ужасно.

— Слушай, пробормоталъ онъ: — Альфонсина... Альфонсина споетъ... Альфонсина была у *ней;* слушай: я имѣю письмо, почти письмо, гдѣ Ахмакова говоритъ про тебя, мнѣ рябой досталъ, помнишь рябаго — и вотъ увидишь, вотъ увидишь, пойдемъ!

— Лжешь, покажи письмо!

— Оно дома, у Альфонсины, пойдемъ!

Разумѣется, онъ вралъ и бредилъ, трепеща, чтобы я не убѣжалъ отъ него; но я вдругъ бросилъ его среди улицы, и, когда онъ хотѣлъ было за мной слѣдовать, то остановился и погрозилъ ему кулакомъ. Но онъ уже стоялъ въ раздумьи — и далъ мнѣ уйдти: у него уже, можетъ быть, замелькалъ въ головѣ новый планъ. Но для меня сюрпризы и встрѣчи не кончились... И какъ вспомню весь этотъ несчастный день, то все кажется, что всѣ эти сюрпризы и нечаянности точно тогда сговорились вмѣстѣ и такъ и посыпались разомъ на мою голову изъ какого-то проклятаго рога изобилія. Едва я отворилъ дверь въ квартиру, какъ столкнулся, еще въ передней, съ однимъ молодымъ человѣкомъ высокаго роста, съ продолговатымъ и блѣднымъ лицомъ, важной и «изящной» наружности и въ великолѣпной шубѣ. У него былъ на носу пенснэ; но онъ тотчасъ-же, какъ завидѣлъ меня, стянулъ его съ носа (очевидно, для учтивости) и, вѣжливо приподнявъ рукой свой цилиндръ, но, впрочемъ, не останавливаясь, проговорилъ мнѣ, изящно улыбаясь: «На, bonsoir», и прошелъ мимо на лѣстницу. Мы оба узнали другъ друга тотчасъ-же, хотя видѣлъ я его всего только мелькомъ одинъ разъ въ моей жизни, въ Москвѣ. Это былъ братъ Анны Андреевны: камеръ-юнкеръ, молодой Версиловъ, сынъ Версилова, а, стало быть, почти и мой братъ. Его провожала хозяйка (хозяинъ все еще не возвращался со службы). Когда онъ вышелъ, я такъ на нее и накинулся:

— Что онъ тутъ дѣлалъ? Онъ въ моей комнатѣ былъ?

— Совсѣмъ не въ вашей комнатѣ. Онъ проходилъ ко мнѣ... быстро и сухо отрѣзала она и повернулась къ себѣ.

— Нѣтъ, этакъ нельзя! закричалъ я:— извольте отвѣчать: зачѣмъ онъ приходилъ?

— Ахъ, Боже мой! Такъ вамъ все и разсказывать, зачѣмъ люди ходятъ. Мы, кажется, тоже свой разсчетъ можемъ имѣть. Молодой человѣкъ, можетъ, денегъ занять захотѣлъ, у меня адресъ узналъ. Можетъ, я ему еще съ прошлаго раза пообѣщала...

— Когда съ прошлаго раза?

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь не въ первой-же онъ приходитъ!

Она ушла. Главное, я понялъ, что тутъ тонъ измѣняется: они со мной начинали говорить грубо. Ясно было, что это — опять секретъ; секреты накоплялись съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ часомъ. Въ первый разъ молодой Версиловъ пріѣзжалъ съ сестрой, съ Анной Андреевной, когда я былъ боленъ; про это я слишкомъ хорошо помнилъ, равно и то, что Анна Андреевна уже закинула мнѣ вчера удивительное словечко, что, можетъ быть, старый князь остановится на моей квартирѣ... Но все это было такъ сбито и такъ уродливо, что я почти ничего не могъ на этотъ счетъ придумать. Хлопнувъ себя по лбу и даже не присѣвъ отдохнуть, я побѣжалъ къ Аннѣ Андреевнѣ: ея не оказалось дома, а отъ швейцара получилъ отвѣтъ, что «поѣхали въ Царское; завтра только развѣ около этого времени будутъ».

Она—въ Царское и ужь, разумѣется, къ старому князю, а братъ ея осматриваетъ мою квартиру! Нѣтъ, этого не будетъ! проскрежеталъ я,— а если тутъ, и въ самомъ дѣлѣ, какая нибудь мертвая петля, то я защищу «бѣдную женщину»!

Отъ Анны Андреевны я домой не вернулся, потому что въ воспаленной головѣ моей вдругъ промелькнуло воспоминаніе о трактирѣ на канавѣ, въ который Андрей Петровичъ имѣлъ обыкновеніе заходить въ иные мрачные свои часы. Обрадовавшись догадкѣ, я мигомъ побѣжалъ туда; былъ уже четвертый часъ и смеркалось. Въ трактирѣ извѣстили, что онъ приходилъ: «побывали немного и ушли, а, можетъ, и еще придутъ». Я вдругъ изъ всей силы рѣшился ожидать его и велѣлъ подать себѣ обѣдать; по крайней мѣрѣ, являлась надежда.

Я съѣлъ обѣдъ, съѣлъ даже лишнее, чтобы имѣть право какъ можно дольше оставаться, и просидѣлъ, я думаю, часа четыре. Не описываю мою грусть и лихорадочное нетерпѣніе; точно все во мнѣ внутри сотрясалось и дрожало. Этотъ органъ, эти посѣтители — о, вся эта тоска отпечатлѣлась въ душѣ моей, быть можетъ, на всю жизнь! Не описываю и мыслей, подымавшихся въ головѣ, какъ туча сухихъ листь-

евъ осенью, послѣ налетѣвшаго вихря; право, что-то было на это похоже и, признаюсь, я чувствовалъ, что, по временамъ, мнѣ начинаетъ измѣнять разсудокъ.

Но что мучило меня до боли (мимоходомъ, разумѣется, сбоку, мимо главнаго мученія) — это было одно неотвязчивое, ядовитое впечатлѣніе — неотвязчивое, какъ ядовитая, осенняя муха, о которой не думаешь, но которая вертится около васъ, мѣшаетъ вамъ и вдругъ пребольно укуситъ. Это было лишь воспоминаніе, одно происшествіе, о которомъ я еще никому на свѣтѣ не сказывалъ. Вотъ въ чемъ дѣло, ибо надобно-же и это гдѣ нибудь разсказать.

IV.

Когда въ Москвѣ уже было рѣшено, что я отправлюсь въ Петербургъ, то мнѣ дано было знать чрезъ Николая Семеновича, чтобы я ожидалъ присылки денегъ на выѣздъ. Отъ кого придутъ деньги—я не справлялся; я зналъ, что отъ Версилова, а такъ какъ я день и ночь мечталъ тогда, съ замираніемъ сердца и съ высокомѣрными планами, о встрѣчѣ съ Версиловымъ, то о немъ вслухъ совсѣмъ пересталъ говорить, даже съ Марьей Ивановной. Напомню, впрочемъ, что у меня были и свои деньги на выѣздъ; но я всетаки положилъ ждать; между прочимъ, предполагалъ, что деньги придутъ черезъ почту.

Вдругъ, однажды Николай Семеновичъ, возвратясь домой, объявилъ мнѣ (по своему обыкновенію, кратко и не размазывая), чтобы я сходилъ завтра на Мясницкую, въ одиннадцать часовъ утра, въ домъ и квартиру князя В—скаго, и что тамъ пріѣхавшій изъ Петербурга камеръ-юнкеръ Версиловъ, сынъ Андрея Петровича, и остановившійся у товарища своего по лицею, князя В—скаго, вручитъ мнѣ присланную для переѣзда сумму. Казалось-бы, дѣло весьма простое: Андрей Петровичъ весьма могъ поручить своему сыну эту коммиссію вмѣсто отсылки черезъ почту; но извѣстіе это меня какъ-то неестественно придавило и испугало. Сомнѣній не было, что Версиловъ хотѣлъ свести меня съ своимъ сыномъ, моимъ братомъ; такимъ образомъ, обрисовывались намѣренія и чувства человѣка, о которомъ мечталъ я; но представлялся громадный для меня вопросъ: какъ-же буду и какъ-же долженъ я вести себя въ этой совсѣмъ неожиданной встрѣчѣ, и не потеряетъ-ли въ чемъ нибудь собственное мое достоинство?

На другой день, ровно въ одиннадцать часовъ, я явился въ квартиру князя В—скаго, холостую, но, какъ угадывалось мнѣ, пышно меблированную, съ лакеями въ ливреяхъ. Я остановился въ передней. Изъ внутреннихъ комнатъ долетали звуки громкаго разговора и смѣха: у князя, кромѣ камеръ-юнкера гостя, были и еще посѣтители. Я велѣлъ лакею о себѣ доложить и, кажется, въ немного гордыхъ выраженіяхъ: по крайней мѣрѣ, уходя докладывать, онъ посмотрѣлъ на меня странно, мнѣ показалось даже не такъ почтительно, какъ-бы слѣдовало. Къ удивленію моему, онъ что-то ужь очень долго докладывалъ, минутъ съ пять, а между тѣмъ оттуда все раздавались тотъ-же смѣхъ и тѣ-же отзвуки разговора.

Я, разумѣется, ожидалъ стоя, очень хорошо зная, что мнѣ, какъ «такому-же барину», неприлично и невозможно сѣсть въ передней, гдѣ были лакеи. Самъ-же я, своей волей, безъ особаго приглашенія, ни за что не хотѣлъ шагнуть въ залу, изъ гордости; изъ утонченной гордости, можетъ быть, но такъ слѣдовало. Къ удивленію моему, оставшіеся лакеи (двое) осмѣлились при мнѣ сѣсть. Я отвернулся, чтобы не замѣтить этого, и, однако-жь, началъ дрожать всѣмъ тѣломъ, и вдругъ, обернувшись и шагнувъ къ одному лакею, *велѣлъ* ему «тотчасъ-же» пойдти доложить еще разъ. Не смотря на мой строгій взглядъ и чрезвычайное мое возбужденіе, лакей лѣниво посмотрѣлъ на меня, не вставая, и уже другой за него отвѣтилъ:

— Доложено, не безпокойтесь.

Я рѣшилъ прождать еще только одну минуту или, по возможности, даже менѣе минуты, а тамъ — *непремѣнно уйдти*. Главное, я былъ одѣтъ весьма прилично: платье и пальто всетаки были новыя, а бѣлье совершенно свѣжее, о чемъ позаботилась на-

рочно для этого случая сама Марья Ивановна. Но про этихъ лакеевъ я уже гораздо позже и уже въ Петербургѣ *навѣрно* узналъ, что они, чрезъ пріѣхавшаго съ Версиловымъ слугу, узнали еще наканунѣ, что «придетъ, дескать такой-то, побочный братъ и студентъ». Про это я теперь знаю навѣрно.

Минута прошла. Странное это ощущеніе, когда рѣшаешься и не можешь рѣшиться: «уйдти или нѣтъ, уйдти или нѣтъ?» повторялъ я каждую секунду почти въ ознобѣ; вдругъ показался уходившій докладывать слуга. Въ рукахъ у него, между пальцами, болтались четыре красныхъ кредитки, сорокъ рублей.

— Вотъ-съ, извольте получить сорокъ рублей!

Я вскипѣлъ. Это была такая обида! Я всю прошлую ночь мечталъ объ устроенной Версиловымъ встрѣчѣ двухъ братьевъ; я всю ночь грезилъ въ лихорадкѣ, какъ я долженъ держать себя и не уронить — не уронить всего цикла идей, которыя выжилъ въ уединеніи моемъ и которыми могъ гордиться даже въ какомъ угодно кругу. Я мечталъ, какъ я буду благороденъ, гордъ и грустенъ, можетъ быть, даже въ обществѣ князя В—скаго, и, такимъ образомъ, прямо буду введенъ въ этотъ свѣтъ—о, я не щажу себя, и пусть, и пусть: такъ и надо записать это въ такихъ точно подробностяхъ! И вдругъ сорокъ рублей черезъ лакея, въ переднюю, да еще послѣ десяти минутъ ожиданія, да еще прямо изъ рукъ, изъ лакейскихъ пальцевъ, а не на тарелкѣ, не въ конвертѣ!

Я до того закричалъ на лакея, что онъ вздрогнулъ и отшатнулся; я немедленно велѣлъ ему отнести деньги назадъ и чтобы «баринъ его самъ принесъ» — однимъ словомъ, требованіе мое было, конечно, безсвязное и, ужь конечно, непонятное для лакея. Однако-жь я такъ закричалъ, что онъ пошелъ. Вдобавокъ, въ залѣ, кажется, мой крикъ услышали—и говоръ, и смѣхъ вдругъ затихли.

Почти тотчасъ-же я заслышалъ шаги, важные, неспѣшные, мягкіе, и высокая фигура красиваго и надменнаго молодаго человѣка (тогда онъ мнѣ показался еще блѣднѣе и худощавѣе, чѣмъ въ сегодняшнюю встрѣчу) показалась на порогѣ въ переднюю—даже на аршинъ не доходя до порога. Онъ былъ въ великолѣпномъ красномъ шелковомъ халатѣ и въ туфляхъ, и съ пенснэ на носу. Не проговоривъ ни слова, онъ направилъ на меня пенснэ и сталъ разсматривать. Я, какъ звѣрь, шагнулъ къ нему одинъ шагъ и сталъ съ вызовомъ, смотря на него въ упоръ. Но разсматривалъ онъ меня лишь мгновеніе, всего секундъ десять; вдругъ самая непримѣтная усмѣшка показалась на губахъ его, и, однако-жь, самая язвительная, тѣмъ именно и язвительная, что почти непримѣтная: онъ молча повернулся и пошелъ опять въ комнаты, такъ-же не торопясь, такъ-же тихо и плавно, какъ и пришелъ. О, эти обидчики еще съ дѣтства, еще въ семействахъ своихъ, выучиваются матерями своими обижать! Разумѣется, я потерялся... О, зачѣмъ я тогда потерялся!

Почти въ тоже мгновеніе появился опять тотъ-же лакей съ тѣми-же кредитками въ рукахъ:

— Извольте получить, это — вамъ изъ Петербурга, а принять васъ самихъ не могутъ; «въ другое время развѣ какъ нибудь, когда имъ будетъ свободнѣе».— Я почувствовалъ, что эти послѣднія слова онъ уже отъ себя прибавилъ. Но потерянность моя все еще продолжалась. Я принялъ деньги и пошелъ къ дверямъ; именно отъ потерянности принялъ, потому что надо было не принять; но лакей, ужь конечно, желая уязвить меня, позволилъ себѣ одну самую лакейскую выходку: онъ вдругъ усиленно распахнулъ предо мною дверь и, держа ее настежъ, проговорилъ важно и съ удареніемъ, когда я проходилъ мимо:

— Пожалуйте-съ!

— Подлецъ! заревѣлъ я на него и вдругъ замахнулся, но не опустилъ руки: — и твой баринъ подлецъ! Доложи ему это сейчасъ, прибавилъ я и быстро вышелъ на лѣстницу.

— Это вы такъ не смѣете! Это если-бъ я барину тотчасъ доложилъ, то васъ сію-же минуту при запискѣ можно въ участокъ препроводить. А замахиваться руками не смѣете...

Я спускался съ лѣстницы. Лѣстница бы-

ла парадная, вся открытая, и сверху меня можно было видѣть всего, пока я спускался по красному ковру. Всѣ три лакея вышли и стали на верху, надъ перилами. Я, конечно, рѣшился молчать: браниться съ лакеями было невозможно. Я сошелъ всю лѣстницу, не прибавляя шагу и даже, кажется, замедливъ шагъ.

О, пусть есть философы (и позоръ на нихъ!), которые скажутъ, что все это—пустяки, раздраженіе молокососа — пусть, но для меня это была рана — рана, которая и до сихъ поръ не зажила, даже до самой теперешней минуты, когда я это пишу и когда уже все кончено и даже отмщено. О, клянусь! Я не злопамятенъ и не мстителенъ. Безъ сомнѣнія, я всегда, даже до болѣзни, желаю отмстить, когда меня обидятъ, но, клянусь — лишь однимъ великодушіемъ. Пусть я отплачу ему великодушіемъ, но съ тѣмъ, чтобы это онъ почувствовалъ, чтобы онъ это понялъ — и я отмщенъ! Кстати прибавлю: я не мстителенъ, но я злопамятенъ, хотя и великодушенъ— бываетъ-ли такъ съ другими? Тогда-же, о, тогда я пришелъ съ великодушными чувствами, можетъ быть, смѣшными, но пусть: лучше пусть смѣшными, да великодушными, чѣмъ не смѣшными, да подлыми, обыденными, серединными! Про эту встрѣчу съ «братомъ» я никому не открывалъ, даже Марьѣ Ивановнѣ, даже въ Петербургѣ Лизѣ; эта встрѣча была все равно что полученная позорно пощечина. И вотъ, вдругъ этотъ господинъ встрѣчается, когда я всего менѣе его ожидалъ встрѣтить; онъ улыбается мнѣ, снимаетъ шляпу и совершенно дружески говоритъ: «bonsoir». Конечно, было о чемъ подумать... Но рана открылась!

V.

Просидѣвъ часа четыре слишкомъ въ трактирѣ, я вдругъ выбѣжалъ, какъ въ припадкѣ, разумѣется, опять къ Версилову и, разумѣется, опять не засталъ дома, не приходилъ вовсе; нянька была скучна и вдругъ попросила меня прислать Дарью Онисимовну; о, до того-ли мнѣ было! Я забѣжалъ и къ мамѣ, но не вошелъ, а вызвалъ Лукерью въ сѣни; отъ нея узналъ, что онъ не былъ и что Лизы тоже нѣтъ дома. Я видѣлъ, что Лукерья тоже хотѣла-бы что-то спросить и, можетъ быть, тоже что нибудь мнѣ поручить; но до того-ли мнѣ было! Оставалась послѣдняя надежда, что онъ заходилъ ко мнѣ; но уже этому я не вѣрилъ.

Я уже предувѣдомилъ, что почти терялъ разсудокъ. И вотъ, въ моей комнатѣ я вдругъ застаю Альфонсинку и моего хозяина. Правда, они выходили, и у Петра Ипполитовича въ рукахъ была свѣча.

— Это — что! почти безсмысленно завопилъ я на хозяина: — какъ вы смѣли ввести эту шельму въ мою комнату?

— Tiens! вскричала Альфонсинка: — et les amis?

— Вонъ! заревѣлъ я.

— Mais c'est un ours! выпорхнула она въ корридоръ, притворяясь испуганною, и въ мигъ скрылась къ хозяйкѣ. Петръ Ипполитовичъ, все еще со свѣчей въ рукахъ, подошелъ ко мнѣ съ строгимъ видомъ:

— Позвольте вамъ замѣтить, Аркадій Макаровичъ, что вы слишкомъ разгорячились; какъ ни уважаемъ мы васъ, а мамзель Альфонсина не шельма, а даже совсѣмъ напротивъ, находится въ гостяхъ, и не у васъ, а у моей жены, съ которою уже нѣсколько времени какъ обоюдно знакомы.

— А какъ вы смѣли ввести ее въ мою комнату? повторилъ я, схвативъ себя за голову, которая почти вдругъ ужасно заболѣла.

— А случайно-съ. Это я входилъ, чтобъ затворить форточку, которую я-же и отворилъ для свѣжаго воздуха; а такъ какъ мы продолжали съ Альфонсиной Карловной прежній разговоръ, то среди разговора она и зашла въ вашу комнату, единственно сопровождая меня.

— Неправда, Альфонсинка — шпіонъ, Ламбертъ — шпіонъ! Можетъ быть, вы сами — тоже шпіонъ! А Альфонсинка приходила у меня что нибудь украсть.

— Это ужь какъ вамъ будетъ угодно. Сегодня вы одно изволите говорить, а завтра другое. А квартиру мою я сдалъ на нѣкоторое время, а самъ съ женой переберусь въ каморку, такъ что Альфонсина Карлов-

на теперь — почти такая-же здѣсь жилица, какъ и вы-съ.

— Вы Ламберту сдали квартиру? вскричалъ я въ испугѣ.

— Нѣтъ-съ, не Ламберту, улыбнулся онъ давешней длинной улыбкой, въ которой, впрочемъ, видна была уже твердость взамѣнъ утренняго недоумѣнія: — полагаю, что сами изволите знать кому, а только напрасно дѣлаете видъ, что не знаете, единственно для красы-съ, а потому и сердитесь. Покойной ночи-съ!

— Да, да, оставьте, оставьте меня въ покоѣ! замахалъ я руками, чуть не плача, такъ что онъ вдругъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня; однако-же, вышелъ. Я насадилъ на дверь крючокъ и повалился на мою кровать ничкомъ въ подушку. И вотъ такъ прошелъ для меня этотъ первый ужасный день изъ этихъ трехъ роковыхъ послѣднихъ дней, которыми завершаются мои записки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Но я опять, предупреждая ходъ событій, нахожу нужнымъ разъяснить читателю хотя-бы нѣчто впередъ, ибо тутъ къ логическому теченію этой исторіи примѣшалось такъ много случайностей, что, не разъяснивъ ихъ впередъ, нельзя разобрать. Тутъ дѣло состояло въ этой самой «мертвой петлѣ», о которой проговорилась Татьяна Павловна. Состояла-же эта петля въ томъ, что Анна Андреевна рискнула, наконецъ, на самый дерзкій шагъ, который только можно было представить въ ея положеніи. Подлинно—характеръ! Хотя старый князь, подъ предлогомъ здоровья, и былъ тогда своевременно конфискованъ въ Царское Село, такъ что извѣстіе о его бракѣ съ Анной Андреевной не могло распространиться въ свѣтѣ и было на время потушено, такъ сказать, въ самомъ зародышѣ, но, однако-же, слабый старичокъ, съ которымъ все можно было сдѣлать, ни за что на свѣтѣ не согласился-бы отстать отъ своей идеи и измѣнить Аннѣ Андреевнѣ, сдѣлавшей ему предложеніе. На этотъ счетъ онъ былъ рыцаремъ, такъ что рано или поздно, онъ вдругъ могъ встать и приступить къ исполненію своего намѣренія съ неудержимой силой, что весьма и весьма случается, именно съ слабыми характерами, ибо у нихъ есть такая черта, до которой не надобно доводить ихъ. Къ тому-же онъ совершенно сознавалъ всю щекотливость положенія Анны Андреевны, которую уважалъ безмѣрно, сознавалъ возможность свѣтскихъ слуховъ, насмѣшекъ, худой на ея счетъ молвы. Смиряло и останавливало его пока лишь то, что Катерина Николаевна ни разу, ни словомъ, ни намекомъ, не позволила себѣ заикнуться въ его присутствіи объ Аннѣ Андреевнѣ съ дурной стороны или обнаружить хоть что нибудь противъ намѣренія его вступить съ нею въ бракъ. Напротивъ, она высказывала чрезвычайное радушіе и вниманіе къ невѣстѣ отца своего. Такимъ образомъ, Анна Андреевна поставлена была въ чрезвычайно неловкое положеніе, тонко понимая своимъ женскимъ чутьемъ, что малѣйшимъ наговоромъ на Катерину Николаевну, передъ которой князь тоже благоговѣлъ, а теперь даже болѣе чѣмъ всегда, и именно потому, что она такъ благодушно и почтительно позволила ему жениться — малѣйшимъ наговоромъ на нее, она оскорбила-бы всѣ его нѣжныя чувства и возбудила-бы въ немъ къ себѣ недовѣріе и даже, пожалуй, негодованіе. Такимъ образомъ, на этомъ полѣ пока и шла битва: обѣ соперницы какъ-бы соперничали одна передъ другой въ деликатности и терпѣніи, и князь, въ концѣ концовъ, уже не зналъ, которой изъ нихъ болѣе удивляться, и, по обыкновенію всѣхъ слабыхъ, но нѣжныхъ сердцемъ людей, кончилъ тѣмъ, что началъ страдать и винить во всемъ одного себя. Тоска его, говорятъ, дошла до болѣзни; нервы его и впрямь разстроились, и вмѣсто поправки здоровья въ Царскомъ, онъ, какъ увѣряли, готовъ уже былъ слечь въ постель.

Здѣсь замѣчу въ скобкахъ о томъ, о чемъ узналъ очень долго спустя: будто-бы Бьорингъ прямо предлагалъ Катеринѣ Николаевнѣ отвезти старика за границу, склонивъ его къ тому какъ нибудь обманомъ,

объявивъ, между тѣмъ, негласно въ свѣтѣ, что онъ совершенно лишился разсудка, а за границей уже достать свидѣтельство объ этомъ врачей. Но этого-то и не захотѣла Катерина Николаевна ни за что̀; такъ, по крайней мѣрѣ, потомъ утверждали. Она будто-бы съ негодованіемъ отвергнула этотъ проэктъ. Все это — только самый отдаленный слухъ, но я ему вѣрю.

И вотъ, когда дѣло, такъ сказать, дошло до послѣдней безвыходности, Анна Андреевна вдругъ, черезъ Ламберта, узнаетъ, что существуетъ такое письмо, въ которомъ дочь уже совѣтовалась съ юристомъ о средствахъ объявить отца съумасшедшимъ. Мстительный и гордый умъ ея былъ возбужденъ въ высочайшей степени. Вспоминая прежніе разговоры со мной и сообразивъ множество мельчайшихъ обстоятельствъ, она не могла усомниться въ вѣрности извѣстія. Тогда въ этомъ твердомъ, непреклонномъ женскомъ сердцѣ неотразимо созрѣлъ планъ удара. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы вдругъ, безъ всякихъ подходовъ и наговоровъ, разомъ объявить все князю, испугать его, потрясти его, указать, что его неминуемо ожидаетъ съумасшедшій домъ, и, когда онъ упрется, придетъ въ негодованіе, станетъ не вѣрить — то показать ему письмо дочери: «дескать, ужь было разъ намѣреніе объявить съумасшедшимъ; такъ теперь, чтобъ помѣшать браку, и подавно можетъ быть». Затѣмъ, взять испуганнаго и убитаго старика и перевезти въ Петербургъ — *прямо на мою квартиру.*

Это былъ ужасный рискъ, но она твердо надѣялась на свое могущество. Здѣсь, отступая на мигъ отъ разсказа, сообщу, забѣгая очень впередъ, что она не обманулась въ эффектѣ удара; мало того, эффектъ превзошелъ всѣ ея ожиданія. Извѣстіе объ этомъ письмѣ подѣйствовало на стараго князя, можетъ быть, въ нѣсколько разъ сильнѣе, чѣмъ она сама и мы всѣ предполагали. Я и не зналъ никогда до этого времени, что князю уже было нѣчто извѣстно объ этомъ письмѣ еще прежде; но, по обычаю всѣхъ слабыхъ и робкихъ людей, онъ не повѣрилъ слуху и отмахивался отъ него изъ всѣхъ силъ, чтобы остаться спокойнымъ; мало того, винилъ себя въ неблагородствѣ своего легковѣрія. Прибавлю тоже, что фактъ существованія письма подѣйствовалъ также и на Катерину Николаевну несравненно сильнѣе, чѣмъ я самъ тогда ожидалъ... Однимъ словомъ, эта бумага оказалась гораздо важнѣе, чѣмъ я самъ, носившій ее въ карманѣ, предполагалъ. Но тутъ я уже слишкомъ забѣжалъ впередъ.

Но зачѣмъ-же, спросятъ, ко мнѣ на квартиру? Зачѣмъ перевозить князя въ жалкія наши каморки и, можетъ быть, испугать его нашею жалкою обстановкой? Если ужь нельзя было въ его домъ (такъ какъ тамъ разомъ могли всему помѣшать), то почему не на особую «богатую» квартиру, какъ предлагалъ Ламбертъ? Но тутъ-то и заключался весь рискъ чрезвычайнаго шага Анны Андреевны.

Главное состояло въ томъ, чтобы тотчасъ-же, по прибытіи князя, предъявить ему документъ; но я не выдавалъ документа ни за что̀. А такъ какъ времени терять уже было нельзя, то, надѣясь на свое могущество, Анна Андреевна и рѣшилась начать дѣло и безъ документа, но съ тѣмъ, чтобы князя прямо доставить ко мнѣ — для чего? А для того именно, чтобъ тѣмъ-же самымъ шагомъ накрыть и меня, такъ сказать, по пословицѣ, однимъ камнемъ убить двухъ воробьевъ. Она разсчитывала подѣйствовать и на меня толчкомъ, сотрясеніемъ, нечаянностью. Она размышляла, что, увидя у себя старика, увидя его испугъ, безпомощность и услышавъ ихъ общія просьбы, я сдамся и предъявлю документъ! Признаюсь—разсчетъ былъ хитрый и умный, психологическій, мало того — она чуть было не добилась успѣха... что̀-же до старика, то Анна Андреевна тѣмъ и увлекла его тогда, тѣмъ и заставила повѣрить себѣ, хотя-бы на слово, что прямо объявила ему, что везетъ его *ко мнѣ*. Все это я узналъ впослѣдствіи. Даже одно только извѣстіе о томъ, что документъ этотъ у меня, уничтожило въ робкомъ сердцѣ его послѣднія сомнѣнія въ достовѣрности факта — до такой степени онъ любилъ и уважалъ меня!

Замѣчу еще, что сама Анна Андреевна

ни на минуту не сомнѣвалась, что документъ еще у меня и что я его изъ рукъ еще не выпустилъ. Главное, она понимала превратно мой характеръ и цинически разсчитывала на мою невинность, простосердечіе, даже на чувствительность; а съ другой стороны, полагала, что я, если-бъ даже и рѣшился передать письмо, напримѣръ, Катеринѣ Николаевнѣ, то не иначе, какъ при особыхъ какихъ нибудь обстоятельствахъ, и вотъ эти-то обстоятельства она и спѣшила предупредить нечаянностью, наскокомъ, ударомъ.

А, наконецъ, во всемъ этомъ удостовѣрилъ ее и Ламбертъ. Я уже сказалъ, что положеніе Ламберта въ это время было самое критическое: ему, предателю, изъ всей силы желалось-бы сманить меня отъ Анны Андреевны, чтобы, вмѣстѣ съ нимъ, продать документъ Ахмаковой, что̀ онъ находилъ почему-то выгоднѣе. Но такъ какъ и я ни за что̀ не выдавалъ документа до послѣдней минуты, то онъ и рѣшилъ, въ крайнемъ случаѣ, содѣйствовать даже и Аннѣ Андреевнѣ, чтобъ не лишиться всякой выгоды, а потому изъ всѣхъ силъ лѣзъ къ ней съ своими услугами, до самаго послѣдняго часу, и я знаю, что предлагалъ даже достать, если понадобится, и священника... Но Анна Андреевна съ презрительной усмѣшкой попросила его не упоминать объ этомъ. Ламбертъ ей казался ужасно грубымъ и возбуждалъ въ ней полное отвращеніе; но изъ осторожности она всетаки принимала его услуги, которыя состояли, напримѣръ, въ шпіонствѣ. Кстати, не знаю навѣрно даже до сего дня, подкупили они Петра Ипполитовича, моего хозяина, или нѣтъ, и получилъ-ли онъ отъ нихъ хоть сколько нибудь тогда за услуги, или просто пошелъ въ ихъ общество для радостей интриги; но только и онъ былъ за мной шпіономъ, и жена его— это я знаю навѣрно.

Читатель пойметъ теперь, что я, хоть и былъ отчасти предувѣдомленъ, но ужь никакъ не могъ угадать, что завтра или послѣзавтра найду стараго князя у себя на квартирѣ и въ такой обстановкѣ. Да и не могъ-бы я никакъ вообразить такой дерзости отъ Анны Андреевны! На словахъ можно было говорить и намекать объ чемъ угодно, но рѣшиться, приступить и въ самомъ дѣлѣ исполнить — нѣтъ, это я вамъ скажу, характеръ!

II.

Продолжаю.

Проснулся я на утро поздно, а спалъ необыкновенно крѣпко и безъ сновъ, о чемъ припоминаю съ удивленіемъ, такъ что, проснувшись, почувствовалъ себя опять необыкновенно бодрымъ нравственно, точно и не было всего вчерашняго дня. Къ мамѣ я положилъ не заѣзжать, а прямо отправиться въ кладбищенскую церковь, съ тѣмъ, чтобы потомъ, послѣ церемоніи, возвратясь въ мамину квартиру, не отходить уже отъ нея во весь день. Я твердо былъ увѣренъ, что, во всякомъ случаѣ, встрѣчу его сегодня у мамы, рано-ли, поздно-ли—но непремѣнно.

Ни Альфонсинки, ни хозяина уже давно не было дома. Хозяйку я ни о чемъ не хотѣлъ разспрашивать, да и вообще положилъ прекратить съ ними всякія сношенія и даже съѣхать какъ можно скорѣй съ квартиры; а потому, только что принесли мнѣ кофей, я заперся опять на крючокъ. Но вдругъ постучали въ мою дверь; къ удивленію моему, оказался Тришатовъ.

Я тотчасъ отворилъ ему и, обрадовавшись, просилъ войдти, но онъ не хотѣлъ войдти.

— Я только два слова съ порогу... или ужь войдти, потому что, кажется, здѣсь надо говорить шепотомъ; только я у васъ не сяду. Вы смотрите на мое скверное пальто: это—Ламбертъ отобралъ шубу.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ въ дрянномъ, старомъ и не по росту длинномъ пальто. Онъ стоялъ передо мной какой-то сумрачный и грустный, руки въ карманахъ и не снимая шляпы.

— Я не сяду, я не сяду. Слушайте, Долгорукій, я не знаю ничего подробно, но знаю, что Ламбертъ готовитъ противъ васъ какое-то предательство, близкое и неминуемое — и это навѣрно. А потому берегитесь. Мнѣ проговорился рябой — помните

рябаго? Но ничего не сказалъ въ чемъ дѣло, такъ что болѣе я ничего не могу сказать. Я только пришелъ предувѣдомить— прощайте.

— Да сядьте-же, милый Тришатовъ! Я хоть и спѣшу, но я такъ радъ вамъ... вскричалъ было я.

— Не сяду, не сяду; а то, что вы рады мнѣ, буду помнить. Э, Долгорукій, что другихъ обманывать: я сознательно, своей волей согласился на всякую скверность и на такую низость, что стыдно и произнести у васъ. Мы теперь у рябаго... Прощайте. Я не стою чтобъ сѣсть у васъ.

— Полноте, Тришатовъ, милый...

— Нѣтъ, видите, Долгорукій: я передъ всѣми дерзокъ и начну теперь кутить. Мнѣ скоро сошьютъ шубу еще лучше, и я буду на рысакахъ ѣздить. Но я буду знать про себя, что я всетаки у васъ не сѣлъ, потому что самъ себя такъ осудилъ, потому что передъ вами низокъ. Это всетаки мнѣ будетъ пріятно припомнить, когда я буду безчестно кутить. Прощайте, ну, прощайте. И руки вамъ не даю; вѣдь Альфонсинка-же не беретъ моей руки. И, пожалуйста, не догоняйте меня, да и ко мнѣ не ходите; у насъ контрактъ.

Странный мальчикъ повернулся и вышелъ. Мнѣ только было некогда, но я положилъ непремѣнно розыскать его въ скорости, только что улажу наши дѣла.

Затѣмъ, не стану описывать всего этого утра, хотя и много-бы можно было припомнить. Версилова въ церкви на похоронахъ не было, да, кажется, по ихъ виду, можно было еще до выноса заключить, что въ церковь его и не ждали. Мама благоговѣйно молилась и, повидимому, вся отдалась молитвѣ. У гроба были только Татьяна Павловна и Лиза. Но ничего, ничего не описываю. Послѣ погребенія всѣ воротились и сѣли за столъ, и опять таки по виду ихъ я заключилъ, что и къ столу его, вѣроятно, не ждали. Когда встали изъ-за стола, я подошелъ къ мамѣ, горячо обнялъ ее и поздравилъ съ днемъ ея рожденія; за мной сдѣлала тоже самое Лиза.

— Слушай, братъ, шепнула мнѣ украдкой Лиза:—онѣ его ждутъ.

— Угадываю, Лиза, вижу.

— Онъ навѣрно придетъ.

— Значитъ, имѣютъ точныя свѣдѣнія, подумалъ я, но не разспрашивалъ. Хоть не описываю чувствъ моихъ, но вся эта загадка, не смотря на всю бодрость мою, вдругъ опять навалилась камнемъ на мое сердце. Мы всѣ усѣлись въ гостиной за круглымъ столомъ вокругъ мамы. О, какъ мнѣ нравилось тогда быть съ нею и смотрѣть на нее! Мама вдругъ попросила, чтобъ я прочелъ что нибудь изъ Евангелія. Я прочелъ главу отъ Луки. Она не плакала и даже была не очень печальна, но никогда лицо ея не казалось мнѣ столь осмысленнымъ духовно. Въ тихомъ взглядѣ ея свѣтилась идея, но никакъ я не могъ замѣтить, чтобъ она чего нибудь ждала въ тревогѣ. Разговоръ не умолкалъ; стали многое припоминать о покойномъ, много разсказала о немъ и Татьяна Павловна, чего я совершенно не зналъ прежде. И вообще, если-бъ записать, то нашлось-бы много любопытнаго. Даже Татьяна Павловна совсѣмъ какъ-бы измѣнила свой обычный видъ: была очень тиха, очень ласкова, а, главное, тоже очень спокойна, хотя и много говорила, чтобы развлечь маму. Но одну подробность я слишкомъ запомнилъ: мама сидѣла на диванѣ, а влѣво отъ дивана, на особомъ кругломъ столикѣ, лежалъ какъ-бы приготовленный къ чему-то образъ — древняя икона безъ ризы, но лишь съ вѣнчиками на главахъ святыхъ, которыхъ изображено было двое. Образъ этотъ принадлежалъ Макару Ивановичу — объ этомъ я зналъ и зналъ тоже, что покойникъ никогда не разставался съ этою иконой и считалъ ее чудотворною. Татьяна Павловна нѣсколько разъ на нее взглядывала.

— Слушай, Софья, сказала она вдругъ, перемѣняя разговоръ: — чѣмъ иконѣ лежать — не поставить-ли ее на столѣ-же, прислоня къ стѣнѣ, и не зажечь-ли предъ ней лампадку?

— Нѣтъ, лучше такъ, какъ теперь, сказала мама.

— А и впрямь. А то много торжества покажется...

Я тогда ничего не понялъ, но дѣло состояло въ томъ, что этотъ образъ давно уже завѣщанъ былъ Макаромъ Ивановичемъ, на

словахъ, Андрею Петровичу, и мама готовилась теперь передать его.

Было уже пять часовъ пополудни; нашъ разговоръ продолжался, и вдругъ я замѣтилъ въ лицѣ мамы какъ-бы содроганіе; она быстро выпрямилась и стала прислушиваться, тогда какъ говорившая въ то время Татьяна Павловна продолжала говорить, ничего не замѣчая. Я тотчасъ обернулся къ двери и, мигъ спустя, увидѣлъ въ дверяхъ Андрея Петровича. Онъ прошелъ не съ крыльца, а съ черной лѣстницы, черезъ кухню и корридоръ, и одна мама изъ всѣхъ насъ заслышала шаги его. Теперь опишу всю послѣдовавшую безумную сцену, жестъ за жестомъ, слово за словомъ; она была коротка.

Во первыхъ, въ лицѣ его я, съ перваго взгляда, по крайней мѣрѣ, не замѣтилъ ни малѣйшей перемѣны. Одѣтъ онъ былъ какъ всегда, то есть почти щеголевато. Въ рукахъ его былъ небольшой, но дорогой букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Онъ подошелъ и съ улыбкой подалъ его мамѣ; та было посмотрѣла съ пугливымъ недоумѣніемъ, но приняла букетъ, и вдругъ краска слегка оживила ея блѣдныя щеки, а въ глазахъ сверкнула радость.

— Я такъ и зналъ, что ты такъ примешь, Соня, проговорилъ онъ. Такъ какъ мы всѣ встали при входѣ его, то онъ, подойдя къ столу, взялъ кресло Лизы, стоявшее слѣва подлѣ мамы, и, не замѣчая, что занимаетъ чужое мѣсто, сѣлъ на него. Такимъ образомъ, прямо очутился подлѣ столика, на которомъ лежалъ образъ.

— Здравствуйте всѣ. Соня, я непремѣнно хотѣлъ принести тебѣ сегодня этотъ букетъ, въ день твоего рожденія, а потому и не явился на погребеніе, чтобъ не придти къ мертвому съ букетомъ; да ты и сама меня не ждала къ погребенію, я знаю. Старикъ вѣрно не посердится на эти цвѣты, потому что самъ-же завѣщалъ намъ радость, не правда-ли? Я думаю, онъ здѣсь гдѣ нибудь въ комнатѣ.

Мама странно поглядѣла на него; Татьяну Павловну какъ будто передернуло.

— Кто это здѣсь въ комнатѣ? спросила она.

— Покойникъ. Оставимъ. Вы знаете, что не вполнѣ вѣрующій человѣкъ во всѣ эти чудеса, всегда наиболѣе склоненъ къ предразсудкамъ... Но я лучше буду про букетъ: какъ я его донесъ — не понимаю. Мнѣ раза три дорогой хотѣлось бросить его на снѣгъ и растоптать ногой.

Мама вздрогнула.

— Ужасно хотѣлось. Пожалѣй меня, Соня, и мою бѣдную голову. А хотѣлось потому, что слишкомъ красивъ. Что красивѣе цвѣтка на свѣтѣ изъ предметовъ? Я его несу, а тутъ снѣгъ и морозъ. Нашъ морозъ и цвѣты — какая противоположность! Я, впрочемъ, не про то: просто хотѣлось измять его, потому что хорошъ. Соня, я хоть и исчезну теперь опять, но я очень скоро возвращусь, потому что, кажется, забоюсь. Забоюсь — такъ кто-же будетъ лечить меня отъ испуга, гдѣ-же взять ангела, какъ Соню?.. Что это у васъ за образъ? А, покойниковъ, помню. Онъ у него родовой, дѣдовскій; онъ весь вѣкъ съ нимъ не разставался; знаю, помню, онъ мнѣ его завѣщалъ; очень припоминаю... и, кажется, раскольничій... дайте-ка взглянуть.

Онъ взялъ икону въ руки, поднесъ къ свѣчѣ и пристально оглядѣлъ ее, но, продержавъ лишь нѣсколько секундъ, положилъ на столъ уже передъ собою. Я дивился, но всѣ эти странныя рѣчи его произнесены были такъ внезапно, что я не могъ еще ничего осмыслить. Помню только, что болѣзненный испугъ проникалъ въ мое сердце. Испугъ мамы переходилъ въ недоумѣніе и состраданіе; она, прежде всего, видѣла въ немъ лишь несчастнаго; случалось-же, что и прежде онъ говорилъ иногда почти такъ-же странно, какъ и теперь. Лиза стала вдругъ очень почему-то блѣдна и странно кивнула мнѣ на него головой. Но болѣе всѣхъ испугана была Татьяна Павловна.

— Да что съ вами, голубчикъ Андрей Петровичъ? выговорила она осторожно.

— Право, не знаю, милая Татьяна Павловна, что со мной. Не безпокойтесь, я еще помню, что вы — Татьяна Павловна и что вы — милая. Я, однако, зашелъ лишь на минуту; я хотѣлъ-бы сказать Сонѣ что нибудь хорошее и ищу такого слова, хотя сердце полно словъ, которыхъ не умѣю высказать; право, все такихъ какихъ-то стран-

ныхъ словъ. Знаете, мнѣ кажется, что я весь точно раздваиваюсь, — оглядѣлъ онъ насъ всѣхъ съ ужасно серіознымъ лицомъ и съ самою искреннею сообщительностью.— Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. Точно подлѣ васъ стоитъ вашъ двойникъ; вы сами умны и разумны, а тотъ непремѣнно хочетъ сдѣлать подлѣ васъ какую нибудь безсмыслицу, и иногда превеселую вещь; и вдругъ вы замѣчаете, что это вы сами хотите сдѣлать эту веселую вещь, и Богъ знаетъ зачѣмъ, то есть какъ-то нехотя хотите, сопротивляясь изъ всѣхъ силъ хотите. Я зналъ, однажды, одного доктора, который на похоронахъ своего отца, въ церкви, вдругъ засвисталъ. Право, я боялся придти сегодня на похороны, потому что мнѣ съ чего-то пришло въ голову непремѣнное убѣжденіе, что я вдругъ засвищу или захохочу, какъ этотъ несчастный докторъ, который довольно не хорошо кончилъ... И, право, не знаю, почему мнѣ все припоминается сегодня этотъ докторъ; до того припоминается, что не отвязаться. Знаешь, Соня, вотъ я взялъ опять образъ (онъ взялъ его и вертѣлъ въ рукахъ), и, знаешь, мнѣ ужасно хочется теперь, вотъ сію секунду, ударить его объ печку, объ этотъ самый уголъ. Я увѣренъ, что онъ разомъ расколется на двѣ половины — ни больше, ни меньше.

Главное, онъ проговорилъ все это безъ всякаго вида притворства или даже какой нибудь выходки; онъ совсѣмъ просто говорилъ, но это было тѣмъ ужаснѣе; и, кажется, онъ дѣйствительно ужасно чего-то боялся; я вдругъ замѣтилъ, что его руки слегка дрожатъ.

— Андрей Петровичъ! вскрикнула мама, всплеснувъ руками.

— Оставь, оставь образъ, Андрей Петровичъ, оставь, положи! вскочила Татьяна Павловна: — раздѣнься и лягъ. Аркадій, за докторомъ!

— Однако... однако, какъ вы засуетились? проговорилъ онъ тихо, обводя насъ всѣхъ пристальнымъ взглядомъ. Затѣмъ, вдругъ положилъ оба локтя на столъ и подперъ голову руками:

— Я васъ пугаю, но вотъ что, друзья мои: потѣшьте меня каплю, сядьте опять и станьте всѣ спокойнѣе — на одну хоть минуту! Соня, я вовсе не объ этомъ пришелъ говорить; я пришелъ что-то сообщить, но совсѣмъ другое. Прощай, Соня, я отправляюсь опять странствовать, какъ уже нѣсколько разъ отъ тебя отправлялся... Ну, конечно, когда нибудь приду къ тебѣ опять — въ этомъ смыслѣ ты неминуема. Къ кому-же мнѣ и придти, когда все кончится? Вѣрь, Соня, что я пришелъ къ тебѣ теперь, какъ къ ангелу, а вовсе не какъ къ врагу: какой ты мнѣ врагъ, какой ты мнѣ врагъ! Не подумай, что съ тѣмъ, чтобъ разбить этотъ образъ, потому что, знаешь-ли что, Соня, мнѣ всетаки вѣдь хочется разбить...

Когда Татьяна Павловна передъ тѣмъ вскрикнула: «Оставь образъ!» — то выхватила икону изъ его рукъ и держала въ своей рукѣ. Вдругъ онъ, съ послѣднимъ словомъ своимъ, стремительно вскочилъ, мгновенно выхватилъ образъ изъ рукъ Татьяны и, свирѣпо размахнувшись, изо всѣхъ силъ ударилъ его объ уголъ изразцовой печки. Образъ раскололся ровно на два куска... Онъ вдругъ обернулся къ намъ, и его блѣдное лицо вдругъ все покраснѣло, почти побагровѣло, и каждая черточка въ лицѣ его задрожала и заходила:

— Не прими за аллегорію. Соня, я не наслѣдство Макара разбилъ, я только такъ, чтобъ разбить... А всетаки къ тебѣ вернусь, къ послѣднему ангелу! А, впрочемъ, прими хоть и за аллегорію; вѣдь это непремѣнно было такъ!..

И онъ вдругъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, опять черезъ кухню (гдѣ оставалась его шуба и шапка). Я не описываю подробно, что сталось съ мамой: смертельно испуганная, она стояла, поднявъ и сложивъ надъ собой руки, и вдругъ закричала ему вслѣдъ:

— Андрей Петровичъ, воротись хоть проститься-то, милый!

— Придетъ, Софья, придетъ! Не безпокойся! вся дрожа въ ужасномъ припадкѣ злобы, злобы звѣрской, прокричала Татьяна. — Вѣдь слышала, самъ обѣщалъ воротиться! Дай ему, блажнику, еще разъ послѣдній погулять-то. Состарится — кто-жь его тогда, въ самомъ дѣлѣ, безногаго-то,

няньчить будетъ, кромѣ тебя, старой няньки? Такъ вѣдь прямо самъ и объявляетъ, не стыдится...

Что до насъ, то Лиза была въ обморокѣ. Я было хотѣлъ бѣжать за нимъ, но бросился къ мамѣ. Я обнялъ ее и держалъ въ своихъ объятіяхъ. Лукерья прибѣжала со стаканомъ воды для Лизы. Но мама скоро очнулась; она опустилась на диванъ, закрыла лицо руками и заплакала.

— Однако, однако... однако, догони-ка его! закричала вдругъ изо всей силы Татьяна Павловна, какъ-бы опомнившись.— Ступай... ступай... догони, не отставай отъ него ни шагу, ступай, ступай! отдергивала она меня изо всѣхъ силъ отъ мамы:—ахъ, да побѣгу-же я сама!

— Аркаша, ахъ, побѣги за нимъ поскорѣй! крикнула вдругъ и мама.

Я выбѣжалъ, сломя голову, тоже черезъ кухню и черезъ дворъ, но его уже нигдѣ не было. Вдали по тротуару чернѣлись въ темнотѣ прохожіе; я пустился догонять ихъ и, нагоняя, засматривалъ каждому въ лицо, пробѣгая мимо. Такъ добѣжалъ я до перекрестка.

«На съумасшедшихъ не сердятся, мелькнуло у меня вдругъ въ головѣ, а Татьяна озвѣрѣла на него отъ злости; значитъ, онъ — вовсе не съумасшедшій»... О, мнѣ все казалось, что это была *аллегорія* и что ему непремѣнно хотѣлось съ чѣмъ-то покончить, какъ съ этимъ образомъ, и показать это намъ, мамѣ, всѣмъ. Но и «двойникъ» былъ тоже несомнѣнно подлѣ него; въ этомъ не было никакого сомнѣнія...

III.

Его, однако, нигдѣ не оказывалось, и не къ нему-же было бѣжать; трудно было представить, чтобъ онъ такъ просто отправился домой. Вдругъ одна мысль заблестѣла предо мною, и я стремглавъ бросился къ Аннѣ Андреевнѣ.

Анна Андреевна уже воротилась, и меня тотчасъ-же допустили. Я пошелъ, сдерживая себя по возможности. Не садясь, я прямо разсказалъ ей сейчасъ происшедшую сцену, то есть именно о «двойникѣ». Никогда не забуду и не прощу ей того жаднаго, но безжалостно спокойнаго и самоувѣреннаго любопытства, съ которымъ она меня выслушала, тоже не садясь.

— Гдѣ онъ? Вы, можетъ быть, знаете? заключилъ я настойчиво.— Къ вамъ меня вчера посылала Татьяна Павловна...

— Я васъ призывала еще вчера. Вчера онъ былъ въ Царскомъ, былъ и у меня. А теперь (она взглянула на часы), теперь семь часовъ... Значитъ, навѣрно у себя дома.

— Я вижу, что вы все знаете—такъ говорите, говорите, вскричалъ я.

— Знаю многое, но всего не знаю. Конечно, отъ васъ скрывать нечего... обмѣрила она меня страннымъ взглядомъ, улыбаясь и какъ-бы соображая.— Вчера утромъ онъ сдѣлалъ Катеринѣ Николаевнѣ, въ отвѣтъ на письмо ея, формальное предложеніе выйдти за него замужъ.

— Это—неправда! вытаращилъ я глаза.

— Письмо прошло черезъ мои руки; я сама ей и отвезла его нераспечатанное. Въ этотъ разъ онъ поступилъ «по рыцарски», и отъ меня ничего не потаилъ.

— Анна Андреевна, я ничего не понимаю!

— Конечно, трудно понять, но это — въ родѣ игрока, который бросаетъ на столъ послѣдній червонецъ, а въ карманѣ держитъ уже приготовленный револьверъ — вотъ смыслъ его предложенія. Девять изъ десяти шансовъ, что она его предложеніе не приметъ; но на одну десятую шансовъ, стало быть, онъ все-же разсчитывалъ и, признаюсь, это очень любопытно, по моему, впрочемъ... впрочемъ, тутъ могло быть изступленіе, тотъ-же «двойникъ», какъ вы сейчасъ такъ хорошо сказали.

— И вы смѣетесь? И развѣ я могу повѣрить, что письмо было передано черезъ васъ? Вѣдь вы — невѣста отца ея? Пощадите меня, Анна Андреевна!

— Онъ просилъ меня пожертвовать своей судьбой его счастію, а, впрочемъ, не просилъ по настоящему: это все довольно молчаливо обдѣлалось, я только въ глазахъ его все прочитала. Ахъ, Боже мой, да чего-же больше: вѣдь ѣздилъ-же онъ въ Кенигсбергъ, къ вашей матушкѣ, проситься у ней жениться на падчерицѣ m-me Ахмако-

вой? Вѣдь это очень сходно съ тѣмъ, что онъ избралъ меня вчера своимъ уполномоченнымъ и конфидентомъ.

Она была нѣсколько блѣдна. Но ея спокойствіе было только усиленіемъ сарказма. О, я простилъ ей многое въ ту минуту, когда постепенно осмыслилъ дѣло. Съ минуту я обдумывалъ; она молчала и ждала.

— Знаете-ли, усмѣхнулся я вдругъ: — вы передали письмо потому, что для васъ не было никакого риску, потому что браку не бывать, но вѣдь онъ? Она, наконецъ? Разумѣется, она отвернется отъ его предложенія, и тогда... что тогда можетъ случиться? Гдѣ онъ теперь, Анна Андреевна? вскричалъ я: — тутъ каждая минута дорога, каждую минуту можетъ быть бѣда!

— Онъ у себя дома, я вамъ сказала. Въ своемъ вчерашнемъ письмѣ къ Катеринѣ Николаевнѣ, которое я передала, онъ просилъ у ней, *во всякомъ случаѣ*, свиданія у себя на квартирѣ, сегодня, ровно въ семь часовъ вечера. Та дала обѣщаніе.

— Она къ нему на квартиру? Какъ это можно?

— Почему-же? Квартира эта принадлежитъ Дарьѣ Онисимовнѣ: они оба очень могли у ней встрѣтиться, какъ ея гости...

— Но она боится его... онъ можетъ убить ее!

Анна Андреевна только улыбнулась.

— Катерина Николаевна, не смотря на весь свой страхъ, который я въ ней сама примѣтила, всегда питала, еще съ прежняго времени, нѣкоторое благоговѣніе и удивленіе къ благородству правилъ и къ возвышенности ума Андрея Петровича. На этотъ разъ она довѣрилась ему, чтобы покончить съ нимъ навсегда. Въ письмѣ-же своемъ онъ далъ ей самое торжественное, самое рыцарское слово, что опасаться ей нечего... Однимъ словомъ, я не помню выраженій письма, но она довѣрилась... такъ сказать, для послѣдняго разу... и, такъ сказать, отвѣчая самыми геройскими чувствами. Тутъ могла быть нѣкоторая рыцарская борьба съ обѣихъ сторонъ.

— А двойникъ, двойникъ! воскликнулъ я: — да вѣдь онъ съ ума сошелъ!

— Давая вчера свое слово явиться на свиданіе, Катерина Николаевна, вѣроятно, не предполагала возможности такого случая.

Я вдругъ повернулся и бросился бѣжать... Къ нему, къ нимъ, разумѣется! Но изъ залы еще воротился на одну секунду.

— Да вамъ, можетъ быть, того и надо, чтобы онъ убилъ ее! вскричалъ я и выбѣжалъ изъ дому.

Не смотря на то, что я весь дрожалъ, какъ въ припадкѣ, я вошелъ въ квартиру тихо, черезъ кухню, и шепотомъ попросилъ вызвать ко мнѣ Дарью Онисимовну, но та сама тотчасъ-же вышла и молча впилась въ меня ужасно вопросительнымъ взглядомъ.

— Они-съ... ихъ нѣтъ дома-съ.

Но я прямо и точно, быстрымъ шепотомъ, изложилъ, что все знаю отъ Анны Андреевны, да и самъ сейчасъ отъ Анны Андреевны.

— Дарья Онисимовна, гдѣ они?

— Они въ залѣ-съ, тамъ-же, гдѣ вы сидѣли третьяго дня, за столомъ...

— Дарья Онисимовна, пустите меня туда!

— Какъ это возможно-съ?

— Не туда, а въ комнату рядомъ. Дарья Онисимовна, Анна Андреевна, можетъ, сама того хочетъ. Кабы не хотѣла, не сказала-бы мнѣ, что они здѣсь. Они меня не услышатъ... она сама того хочетъ...

— А какъ не хочетъ? не спускала съ меня впившагося взгляда своего Дарья Онисимовна.

— Дарья Онисимовна, я вашу Олю помню... пропустите меня.

У нея вдругъ затряслись губы и подбородокъ:

— Голубчикъ, вотъ за Олю развѣ... за чувство твое... Не покинь ты Анну Андреевну, голубчикъ! Не покинешь, а? Не покинешь?

— Не покину!

— Дай-же мнѣ свое великое слово, что не вбѣжишь къ нимъ и не закричишь, коли я тебя тамъ поставлю?

— Честью моею клянусь, Дарья Онисимовна!

Она взяла меня за сюртукъ, провела въ темную комнату, смежную съ той, гдѣ они сидѣли, подвела чуть слышно по мягкому

ковру къ дверямъ, поставила у самыхъ спущенныхъ портьеръ и, поднявъ крошечный уголокъ портьеры, показала мнѣ ихъ обоихъ.

Я остался, она ушла. Разумѣется, остался. Я понималъ, что я подслушиваю, подслушиваю чужую тайну, но я остался. Еще-бы не остаться — а двойникъ? Вѣдь ужь онъ разбилъ въ моихъ глазахъ образъ!

IV.

Они сидѣли другъ противъ друга за тѣмъ-же столомъ, за которымъ мы съ нимъ вчера пили вино за его «воскресеніе»; я могъ вполнѣ видѣть ихъ лица. Она была въ простомъ черномъ платьѣ, прекрасная и, повидимому, спокойная, какъ всегда. Говорилъ онъ, а она съ чрезвычайнымъ и предупредительнымъ вниманіемъ его слушала. Можетъ быть, въ ней видна была и нѣкоторая робость. Онъ-же былъ страшно возбужденъ. Я пришелъ уже къ начатому разговору, а потому нѣкоторое время ничего не понималъ. Помню, она вдругъ спросила:

— И я была причиною?

— Нѣтъ, это я былъ причиною, отвѣтилъ онъ: — а вы только безъ вины виноваты. Вы знаете, что бываютъ безъ вины виноватыми? Это — самыя непростительныя вины и всегда почти несутъ наказаніе, прибавилъ онъ, странно засмѣявшись. А я и впрямь думалъ минуту, что васъ совсѣмъ забылъ и надъ глупой страстью моей совсѣмъ смѣюсь... но вы это знаете. А, однако-же, что̀ мнѣ до того человѣка, за котораго вы выходите? Я сдѣлалъ вамъ вчера предложеніе, простите за это, это — нелѣпость, а между тѣмъ, замѣнить ее совсѣмъ нечѣмъ... что-жь-бы я могъ сдѣлать, кромѣ этой нелѣпости? Я не знаю...

Онъ потерянно разсмѣялся при этомъ словѣ, вдругъ поднявъ на нее глаза; до того-же времени говорилъ, какъ-бы смотря въ сторону. Если-бъ я былъ на ея мѣстѣ, я-бы испугался этого смѣха, я это почувствовалъ. Онъ вдругъ всталъ со стула:

— Скажите, какъ могли вы согласиться придти сюда? спросилъ онъ вдругъ, какъ-бы вспомнивъ о главномъ:—мое приглашеніе и мое все письмо — нелѣпость... Постойте, я еще могу угадать, какимъ образомъ вышло, что вы согласились придти, но — зачѣмъ вы пришли — вотъ вопросъ? Неужто вы изъ одного только страху пришли?

— Я чтобъ видѣть васъ пришла, произнесла она, присматриваясь къ нему съ робкою осторожностью. Оба съ полминуты молчали. Версиловъ опустился опять на стулъ и кроткимъ, но проникнутымъ, почти дрожавшимъ голосомъ началъ:

— Я васъ ужасно давно не видалъ, Катерина Николаевна, такъ давно, что почти ужь и возможнымъ не считалъ когда нибудь сидѣть, какъ теперь, подлѣ васъ, вглядываться въ ваше лицо, и слушать вашъ голосъ... Два года мы не видались, два года не говорили. Говорить-то я съ вами ужь никогда не думалъ. Ну, пусть, что̀ прошло — то прошло, а что̀ есть — то завтра исчезнетъ, какъ дымъ — пусть это! Я согласенъ, потому что опять таки этого замѣнить нечѣмъ, но не уходите теперь даромъ, вдругъ прибавилъ онъ, почти умоляя: — если ужь подали милостыню — пришли, то не уходите даромъ: отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ!

— На какой вопросъ?

— Вѣдь мы никогда не увидимся и— что̀ вамъ? Скажите мнѣ правду разъ на вѣкъ, на одинъ вопросъ, который никогда не задаютъ умные люди: любили вы меня хоть когда нибудь, или я... ошибся?

Она вспыхнула.

— Любила, проговорила она.

Такъ я и ждалъ, что она это скажетъ:— о, правдивая, о, искренняя, о, честная!

— А теперь? продолжалъ онъ.

— Теперь не люблю.

— И смѣетесь?

— Нѣтъ, я потому сейчасъ усмѣхнулась, нечаянно, потому что я такъ и знала, что вы спросите: «А теперь?» А потому улыбнулась... потому что, когда что угадываешь, то всегда усмѣхнешься...

Мнѣ было даже странно; я еще никогда не видалъ ее такою осторожною, даже почти робкою и такъ конфузящеюся. Онъ пожиралъ ее глазами.

— Я знаю, что вы меня не любите... и — совсѣмъ не любите?

— Можетъ быть, совсѣмъ не люблю. Я васъ не люблю, прибавила она твердо и уже не улыбаясь и не краснѣя. — Да, я любила васъ, но недолго. Я очень скоро васъ тогда разлюбила...

— Я знаю, знаю, вы увидали, что тутъ не то, что̀ вамъ надо, но... что̀-же вамъ надо? Объясните мнѣ это еще разъ...

— Развѣ я это уже когда нибудь вамъ объясняла? Что̀ мнѣ надо? Да я — самая обыкновенная женщина; я — спокойная женщина, я люблю... я люблю веселыхъ людей.

— Веселыхъ?

— Видите, какъ я даже не умѣю говорить съ вами. Мнѣ кажется, если-бъ вы меня могли меньше любить, то я-бы васъ тогда полюбила, опять робко улыбнулась она. Самая полная искренность сверкнула въ ея отвѣтѣ, и неужели она не могла понять, что отвѣтъ ея есть самая окончательная формула ихъ отношеній, все объясняющая и разрѣшающая. О, какъ онъ долженъ былъ понять это! Но онъ смотрѣлъ на нее и странно улыбался.

— Бьорингъ — человѣкъ веселый? продолжалъ онъ спрашивать.

— Онъ не долженъ васъ безпокоить совсѣмъ, отвѣтила она съ нѣкоторою поспѣшностью. — Я выхожу за него потому только, что мнѣ за нимъ будетъ всего спокойнѣе. Вся душа моя останется при мнѣ.

— Вы, говорятъ, опять полюбили общество, свѣтъ?

— Не общество. Я знаю, что въ нашемъ обществѣ такой-же безпорядокъ, какъ и вездѣ; но снаружи формы еще красивы, такъ что, если жить чтобъ только проходить мимо, то ужь лучше тутъ, чѣмъ гдѣ нибудь.

— Я часто сталъ слышать слово «безпорядокъ»; вы тогда тоже испугались моего безпорядка, вериг, идей, глупостей?

— Нѣтъ, это было не совсѣмъ то...

— Что̀-же? Ради Бога говорите все прямо.

— Ну, я вамъ скажу это прямо, потому что считаю васъ за величайшій умъ... Мнѣ всегда казалось въ васъ что-то смѣшное.

Выговоривъ это, она вдругъ вспыхнула, какъ-бы сознавъ, что сдѣлала чрезвычайную неосторожность.

— Вотъ за то, что̀ вы мнѣ сказали, я васъ много могу простить, странно проговорилъ онъ.

— Я не договорила, заторопилась она, все краснѣя: — это я смѣшна... ужь тѣмъ, что говорю съ вами какъ дура.

— Нѣтъ, вы не смѣшны, а вы — только развратная свѣтская женщина! поблѣднѣлъ онъ ужасно. — Я давеча тоже не договорилъ, когда васъ спрашивалъ, зачѣмъ вы пришли. Хотите, договорю? Тутъ существуетъ одно письмо, одинъ документъ, и вы ужасно его боитесь, потому что отецъ вашъ, съ этимъ письмомъ въ рукахъ, можетъ васъ проклясть при жизни и законно лишить наслѣдства въ завѣщаніи. Вы боитесь этого письма и — вы пришли за этимъ письмомъ, проговорилъ онъ, почти весь дрожа и даже чуть не стуча зубами. Она выслушала его съ тоскливымъ и болѣзненнымъ выраженіемъ лица.

— Я знаю, что вы можете мнѣ сдѣлать множество непріятностей, проговорила она, какъ-бы отмахиваясь отъ его словъ: — но я пришла не столько за тѣмъ, чтобы уговорить васъ меня не преслѣдовать, сколько чтобъ васъ самого видѣть. Я даже очень желала васъ встрѣтить уже давно, сама. Но я встрѣтила васъ такого-же какъ и прежде, вдругъ прибавила она, какъ-бы увлеченная особенною и рѣшительною мыслью и даже какимъ-то страннымъ и внезапнымъ чувствомъ.

— А вы надѣялись увидѣть другаго? Это — послѣ письма-то моего о вашемъ развратѣ? Скажите, вы шли сюда безъ всякаго страху?

— Я пришла потому, что васъ прежде любила; но, знаете, прошу васъ, не угрожайте мнѣ, пожалуйста, ничѣмъ, пока мы теперь вмѣстѣ, не напоминайте мнѣ дурныхъ моихъ мыслей и чувствъ. Если-бъ вы могли заговорить со мной о чемъ нибудь другомъ, я-бы очень была рада. Пусть угрозы — потомъ, а теперь-бы другое... Я, право, пришла, чтобъ васъ минуту видѣть и слышать. Ну, а если не можете, то убейте меня прямо, но только не угрожайте и не терзайтесь передо мной сами, заключила

она, въ странномъ ожиданіи смотря на него, точно и впрямь предполагая, что онъ можетъ убить ее. Онъ всталъ опять со стула и, горячимъ взглядомъ смотря на нее, проговорилъ твердо:

— Вы уйдете отсюда безъ малѣйшаго оскорбленія.

— Ахъ да, ваше честное слово! улыбнулась она.

— Нѣтъ, не потому только, что дано честное слово въ письмѣ, а потому, что я хочу и буду думать о васъ всю ночь...

— Мучить себя?

— Я воображаю васъ, когда я одинъ, всегда. Я только и дѣлаю, что съ вами разговариваю. Я ухожу въ трущобы и берлоги — и, какъ контрастъ, вы сейчасъ являетесь предо мною. Но вы всегда смѣетесь надо мною, какъ и теперь... онъ проговорилъ это какъ-бы внѣ себя...

— Никогда, никогда не смѣялась я надъ вами! воскликнула она проникнутымъ голосомъ и какъ-бы съ величайшимъ состраданіемъ, изобразившемся на лицѣ ея: — если я пришла, то я изъ всѣхъ силъ старалась сдѣлать это такъ, чтобъ вамъ ни за что не было обидно, прибавила онъ вдругъ. — Я пришла сюда, чтобъ сказать вамъ, что я почти васъ люблю... Простите, я, можетъ, не такъ сказала, прибавила она торопливо.

Онъ засмѣялся:

— Зачѣмъ вы не умѣете притворяться? Зачѣмъ вы — такая простушка, зачѣмъ вы — не такая, какъ всѣ... Ну, какъ сказать человѣку, котораго прогоняешь: «почти люблю васъ?»

— Я только не умѣла выразиться, заторопилась она: — это я не такъ сказала; это потому, что я при васъ всегда стыдилась и не умѣла говорить, съ первой нашей встрѣчи. А если я не такъ сказала словами, что «почти васъ люблю», то вѣдь въ мысли это было почти такъ, — вотъ потому я и сказала, хотя и люблю я васъ такою... ну, такою *общею* любовью, которою всѣхъ любишь и въ которой всегда не стыдно признаться...

Онъ, молча, не спуская съ нее своего горячаго взгляда, прислушивался:

— Я, конечно, васъ обижаю, продолжалъ онъ какъ-бы внѣ себя. — Это, въ самомъ дѣлѣ, должно быть то, что называютъ страстью... Я одно знаю, что я при васъ конченъ, безъ васъ тоже. Все равно безъ васъ или при васъ, гдѣ-бы вы ни были, вы все при мнѣ. Знаю тоже, что я могу васъ очень ненавидѣть, больше, чѣмъ любить. Впрочемъ, я давно ни объ чемъ не думаю — мнѣ все равно. Мнѣ жаль только, что я полюбилъ такую, какъ вы...

Голосъ его прерывался; онъ продолжалъ, какъ-бы задыхаясь.

— Чего вамъ? Вамъ дико, что я такъ говорю? улыбнулся онъ блѣдною улыбкой. — Я думаю, что, если-бъ только это могло васъ прельстить, то я-бы простоялъ гдѣ нибудь тридцать лѣтъ столпникомъ на одной ногѣ... Я вижу, вамъ меня жаль; ваше лицо говоритъ: «я-бы полюбила тебя, если-бъ могла, но я не могу»... Да? Ничего, у меня нѣтъ гордости. Я готовъ, какъ нищій, принять отъ васъ всякую милостыню — слышите, всякую... У нищаго какая-же гордость?

Она встала и подошла къ нему:

— Другъ мой! проговорила она, прикасаясь рукой къ его плечу и съ невыразимымъ чувствомъ въ лицѣ: — я не могу слышать такихъ словъ! Я буду думать о васъ всю мою жизнь, какъ о драгоцѣннѣйшемъ человѣкѣ, какъ о величайшемъ сердцѣ, какъ о чемъ-то священномъ изъ всего, что могу уважать и любить. Андрей Петровичъ, поймите мои слова: вѣдь за что нибудь я пришла-же теперь, милый, и прежде и теперь милый человѣкъ! Я никогда не забуду, какъ вы потрясли мой умъ при первыхъ нашихъ встрѣчахъ. Разстанемтесь-же какъ друзья, и вы будете самою серіознѣйшею и самою милою моею мыслью во всю мою жизнь!

— «Разстанемтесь и тогда буду любить васъ»; буду любить — только разстанемтесь. Слушайте, произнесъ онъ, совсѣмъ блѣдный: — подайте мнѣ еще милостыню: не любите меня, не живите со мной, будемъ никогда не видаться; я буду вашъ рабъ — если позовете, и тотчасъ исчезну — если не захотите ни видѣть, ни слышать меня, только... *только не выходите ни за кого замужъ!*

У меня сердце сжалось до боли, когда я услышалъ такія слова. Эта наивно унизи-

тельная просьба была тѣмъ жальче, тѣмъ сильнѣе пронзала сердце, что была такъ обнаженна и невозможна. Да, конечно, онъ просилъ милостыню! Ну, могъ-ли онъ думать, что она согласится? Межъ тѣмъ онъ унижался до пробы; онъ попробовалъ попросить! Эту послѣднюю степень упадка духа было невыносимо видѣть. Всѣ черты лица ея какъ-бы вдругъ исказились отъ боли; но, прежде чѣмъ она успѣла сказать слово, онъ вдругъ опомнился:

— Я васъ *истреблю!* проговорилъ онъ вдругъ страннымъ, искаженнымъ, не своимъ какимъ-то голосомъ.

Но отвѣтила она ему тоже странно, тоже совсѣмъ какимъ-то не своимъ, неожиданнымъ голосомъ.

— Подай я вамъ милостыню, сказала она вдругъ твердо:—и вы отмстите мнѣ за нее потомъ еще пуще, чѣмъ теперь грозите, потому что никогда не забудете, что стояли передо мною такимъ нищимъ... Не могу я слышать отъ васъ угрозъ! заключила она почти съ негодованіемъ, чуть не съ вызовомъ посмотрѣвъ на него.

— «Отъ васъ угрозъ», то есть—отъ такого нищаго! Я пошутилъ, проговорилъ онъ тихо, улыбаясь.— Я вамъ ничего не сдѣлаю, не бойтесь, уходите... и тотъ документъ изъ всѣхъ силъ постараюсь прислать — только идите, идите! Я вамъ написалъ глупое письмо, а вы на глупое письмо отозвались и пришли—мы сквитались. Вамъ сюда, указалъ онъ на дверь (она хотѣла было пройдти черезъ ту комнату, въ которой я стоялъ за портьерой).

— Простите меня, если можете, остановилась она въ дверяхъ.

— Ну что, если мы встрѣтимся когда нибудь совсѣмъ друзьями и будемъ вспоминать и объ этой сценѣ съ свѣтлымъ смѣхомъ? проговорилъ онъ вдругъ; но всѣ черты лица его дрожали, какъ у человѣка, одержимаго припадкомъ.

— О, дай Богъ! вскричала она, сложивъ предъ собою руки, но пугливо всматриваясь въ его лицо и какъ-бы угадывая, что онъ хотѣлъ сказать.

— Ступайте. Много въ насъ ума-то въ обоихъ, но вы... О, вы — моего пошиба человѣкъ! Я написалъ съумасшедшее письмо, а вы согласились придти, чтобъ сказать, что «почти меня любите». Нѣтъ, мы съ вами — одного безумія люди! Будьте всегда такая безумная, не мѣняйтесь, и мы встрѣтимся друзьями—это я вамъ пророчу, клянусь вамъ!

— И вотъ тогда я васъ полюблю непремѣнно, потому что и теперь это чувствую! не утерпѣла въ ней женщина и бросила ему съ порога эти послѣднія слова.

Она вышла. Я поспѣшно и неслышно прошелъ въ кухню и, почти не взглянувъ на Дарью Онисимовну, ожидавшую меня, пустился черезъ черную лѣстницу и дворъ на улицу. Но я успѣлъ только увидать, какъ она сѣла въ извощичью карету, ожидавшую ее у крыльца. Я побѣжалъ по улицѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Я прибѣжалъ къ Ламберту. О, какъ ни желалъ-бы я придать логическій видъ и отыскать хоть малѣйшій здравый смыслъ въ моихъ поступкахъ въ тотъ вечеръ и во всю ту ночь, но даже и теперь, когда могу уже все сообразить, я никакъ не въ силахъ представить дѣло въ надлежащей и ясной связи. Тутъ было чувство или, лучше сказать, цѣлый хаосъ чувствъ, среди которыхъ я естественно долженъ былъ заблудиться. Правда, тутъ было одно главнѣйшее чувство, меня подавлявшее и надъ всѣмъ командовавшее, но... признаваться-ли въ немъ? Тѣмъ болѣе, что я не увѣренъ...

Вбѣжалъ я къ Ламберту, разумѣется, внѣ себя. Я даже испугалъ было его и Альфонсинку. Я всегда замѣчалъ, что даже самые забулдыжные, самые потерянные французы чрезмѣрно привержены въ своемъ домашнемъ быту къ нѣкотораго рода буржуазному порядку, къ нѣкотораго рода самому прозаическому, обыденно обрядному образу разъ навсегда заведенной жизни. Впрочемъ, Ламбертъ очень скоро понялъ, что нѣчто случилось, и пришелъ въ восторгъ, видя, наконецъ, меня у себя, *обладая*, наконецъ, мною. А онъ объ этомъ только и ду-

малъ, день и ночь, эти дни! О, какъ я ему былъ нуженъ! И вотъ, когда уже онъ потерялъ всю надежду, я вдругъ являюсь самъ, да еще въ такомъ безуміи—именно въ томъ видѣ, въ какомъ ему было надо.

— Ламбертъ, вина! закричалъ я: — давай пить, давай буянить. Альфонсина, гдѣ ваша гитара?

Сцену я не описываю—лишнее. Мы пили, и я все ему разсказалъ, все. Онъ выслушалъ жадно. Я прямо, и самъ первый, предложилъ ему заговоръ, пожаръ. Во первыхъ, мы должны были зазвать Катерину Николаевну къ намъ письмомъ...

— Это можно, поддакивалъ Ламбертъ, схватывая каждое мое слово.

Во вторыхъ, для убѣдительности послать въ письмѣ всю копію съ ея «документа», такъ, чтобы она могла прямо видѣть, что ее не обманываютъ.

— Такъ и должно, такъ и надо! поддакивалъ Ламбертъ, безпрерывно переглядываясь съ Альфонсинкой.

Въ третьихъ, зазвать ее долженъ былъ самъ Ламбертъ, отъ себя, въ родѣ какъ-бы отъ неизвѣстнаго, пріѣхавшаго изъ Москвы, а я долженъ былъ привезти Версилова.

— И Версилова можно, поддакивалъ Ламбертъ.

— Должно, а не можно! вскричалъ я:— необходимо! Для него-то все и дѣлается! объяснялъ я, прихлебывая изъ стакана глотокъ за глоткомъ. (Мы пили всѣ трое, и, кажется, я одинъ выпилъ всю бутылку шампанскаго, а они только дѣлали видъ). Мы будемъ сидѣть съ Версиловымъ въ другой комнатѣ—(Ламбертъ, надо достать другую комнату!)—и когда вдругъ она согласится на все—и на выкупъ деньгами, и на *другой* выкупъ, потому что онѣ всѣ—подлыя, тогда мы съ Версиловымъ выйдемъ и уличимъ ее въ томъ, какая она подлая, а Версиловъ, увидавъ, какая она мерзкая, разомъ вылечится, а ее выгонитъ пинками. Но тутъ надо еще Бьоринга, чтобы и тотъ посмотрѣлъ на нее! прибавилъ я въ изступленіи.

— Нѣтъ, Бьоринга не надо, замѣтилъ было Ламбертъ.

— Надо, надо! завопилъ я опять: — ты ничего не понимаешь, Ламбертъ, потому что ты глупъ! Напротивъ, пусть пойдетъ скандалъ въ высшемъ свѣтѣ — этимъ мы отмстимъ и высшему свѣту, и ей, и пусть она будетъ наказана! Ламбертъ, она дастъ тебѣ вексель... Мнѣ денегъ не надо—я на деньги наплюю, а ты нагнешься и подберешь ихъ къ себѣ въ карманъ съ моими плевками, но зато я ее сокрушу!

— Да, да, все поддакивалъ Ламбертъ:— это ты—такъ... Онъ все переглядывался съ Альфонсинкой.

— Ламбертъ! Она страшно благоговѣетъ передъ Версиловымъ: я сейчасъ убѣдился, лепеталъ я ему.

— Это хорошо, что ты все подсмотрѣлъ: я никогда не предполагалъ, что ты—такой шпіонъ и что въ тебѣ столько ума! Онъ сказалъ это, чтобы ко мнѣ подольститься.

— Врешь, французъ, я—не шпіонъ, но во мнѣ много ума! А знаешь, Ламбертъ, она вѣдь его любитъ! продолжалъ я, стараясь изъ всѣхъ силъ высказаться.— Но она за него не выйдетъ, потому что Бьорингъ—гвардеецъ, а Версиловъ — всего только великодушный человѣкъ и другъ человѣчества, по-ихнему, лицо комическое и — ничего больше! О, она понимаетъ эту страсть и наслаждается ею, кокетничаетъ, завлекаетъ, но не выйдетъ! Это—женщина, это—змѣя! Всякая женщина — змѣя и всякая змѣя—женщина! Его надо излечить; съ него надо сорвать пелену: пусть увидитъ, какова она, и излечится. Я его приведу къ тебѣ, Ламбертъ!

— Такъ и надо, все подтверждалъ Ламбертъ, подливая мнѣ каждую минуту.

Главное, онъ такъ и трепеталъ, чтобы чѣмъ нибудь не разсердить меня, чтобы не противорѣчить мнѣ и чтобы я больше пилъ. Это было такъ грубо и очевидно, что даже я тогда не могъ не замѣтить. Но я и самъ ни за что уже не могъ уйдти; я все пилъ и говорилъ, и мнѣ страшно хотѣлось окончательно высказаться. Когда Ламбертъ пошелъ за другою бутылкой, Альфонсинка съиграла на гитарѣ какой-то испанскій мотивъ; я чуть не расплакался.

— Ламбертъ; знаешь-ли ты все! воскликалъ я въ глубокомъ чувствѣ.— Этого человѣка надо непремѣнно спасти, потому что кругомъ его... колдовство. Если-бы она вы-

шла за него, онъ-бы на утро, послѣ первой ночи, прогналъ-бы ее пинками... потому что это бываетъ. Потому что этакая насильственная, дикая любовь дѣйствуетъ, какъ припадокъ, какъ мертвая петля, какъ болѣзнь, и — чуть достигъ удовлетворенія — тотчасъ-же упадаетъ пелена и является противоположное чувство — отвращеніе и ненависть, желаніе истребить, раздавить. Знаешь ты исторію Ависаги, Ламбертъ, читалъ ее?

— Нѣтъ, не помню; романъ? пробормоталъ Ламбертъ.

— О, ты ничего не знаешь, Ламбертъ! Ты страшно, страшно необразованъ... но я плюю. Все равно. О, онъ любитъ маму; онъ цаловалъ ея портретъ; онъ прогонитъ ту на другое утро, а самъ придетъ къ мамѣ; но уже будетъ поздно, а потому надо спасти теперь...

Подъ конецъ я сталъ горько плакать; но все продолжалъ говорить и ужасно много выпилъ. Характернѣйшая черта состояла въ томъ, что Ламбертъ, во весь вечеръ, ни разу не спросилъ про «документъ», то есть: гдѣ-же, дескать, онъ? То есть чтобы я его показалъ, выложилъ на столъ. Чего-бы, кажется, натуральнѣе спросить про это, уговариваясь дѣйствовать? Еще черта: мы только говорили, что надо это сдѣлать, что мы «это» непремѣнно сдѣлаемъ, но о томъ, гдѣ это будетъ, какъ и когда — объ этомъ мы не сказали тоже ни слова! Онъ только мнѣ поддакивалъ, да переглядывался съ Альфонсинкой — больше ничего! Конечно, я тогда ничего не могъ сообразить, но я все-таки это запомнилъ.

Кончилъ я тѣмъ, что заснулъ у него на диванѣ, не раздѣваясь. Проспалъ я очень долго и проснулся очень поздно. Вспоминаю, что, пробудясь, я нѣкоторое время лежалъ на диванѣ, какъ ошеломленный, стараясь сообразить и припомнить и притворяясь, что все еще сплю. Но въ комнатѣ Ламберта уже не оказалось: онъ ушелъ. Былъ уже десятый часъ; трещала затопленная печка, точь въ точь, какъ тогда, когда я, послѣ той ночи, очутился въ первый разъ у Ламберта. Но за ширмами сторожила меня Альфонсинка: я это тотчасъ замѣтилъ, потому что она раза два выглянула и приглядывалась, но я каждый разъ закрывалъ глаза и дѣлалъ видъ, что все еще сплю. Я дѣлалъ такъ оттого, что былъ придавленъ и что мнѣ надо было осмыслить мое положеніе. Я съ ужасомъ чувствовалъ всю нелѣпость и всю мерзость моей ночной исповѣди Ламберту, моего уговора съ нимъ, моей ошибки, что я прибѣжалъ къ нему! Но, слава Богу, документъ все еще оставался при мнѣ, все также зашитый въ моемъ боковомъ карманѣ; я ощупалъ его рукой — тамъ! Значитъ, стоило только сейчасъ вскочить и убѣжать, а стыдиться потомъ Ламберта нечего было: Ламбертъ того не стоилъ.

Но стыдился я самъ и себя самого! Я самъ былъ судьею себѣ, и — о, Боже, что было въ душѣ моей! Но не стану описывать этого адскаго, нестерпимаго чувства и этого сознанія грязи и мерзости. Но все-же я долженъ признаться, потому что, кажется, пришло тому время. Въ запискахъ моихъ это должно быть отмѣчено. Итакъ, пусть-же знаютъ, что не для того я хотѣлъ ее опозорить и собирался быть чуть не свидѣтелемъ того, какъ она дастъ выкупъ Ламберту (о, низость!) — не для того, чтобы спасти безумнаго Версилова и возвратить его мамѣ, а для того... что, можетъ быть, самъ былъ влюбленъ въ нее, влюбленъ и ревновалъ! Къ кому ревновалъ: къ Бьорингу, къ Версилову? Ко всѣмъ тѣмъ, на которыхъ она на балѣ будетъ смотрѣть и съ которыми будетъ говорить, тогда какъ я буду стоять въ углу, стыдясь самого себя?.. О, безобразіе!

Однимъ словомъ, я не знаю, къ кому я ее ревновалъ; но я чувствовалъ только и убѣдился въ вчерашній вечеръ, какъ дважды два, что она для меня пропала, что эта женщина меня оттолкнетъ и осмѣетъ за фальшь и за нелѣпость! Она — правдивая и честная, а я — я шпіонъ и съ документами!

Все это я таилъ съ тѣхъ самыхъ поръ въ моемъ сердцѣ, а теперь пришло время и — я подвожу итогъ. Но, опять таки и въ послѣдній разъ: я, можетъ быть, на цѣлую половину или даже на семьдесятъ пять процентовъ налгалъ на себя! Въ ту ночь, я ненавидѣлъ ее, какъ изступленный, а по-

томъ какъ разбушевавшійся пьяный. Я сказалъ уже, что это былъ хаосъ чувствъ и ощущеній, въ которомъ я самъ ничего разобрать не могъ. Но все равно, ихъ надо было высказать, потому что хоть часть этихъ чувствъ да была-же навѣрно.

Съ неудержимымъ отвращеніемъ и съ неудержимымъ намѣреніемъ все загладить, я вдругъ вскочилъ съ дивана; но только что я вскочилъ, мигомъ выскочила Альфонсинка. Я схватилъ шубу и шапку и велѣлъ ей передать Ламберту, что я вчера бредилъ, что я оклеветалъ женщину, что я нарочно шутилъ и чтобъ Ламбертъ не смѣлъ больше никогда приходить ко мнѣ... Все это я высказалъ кое-какъ, черезъ пень-колоду, торопясь, по французски, и, разумѣется, страшно неясно, но, къ удивленію моему, Альфонсинка все поняла ужасно; но что̀ всего удивительнѣе—даже чему-то какъ-бы обрадовалась.

— Oui, oui, поддакивала она мнѣ:—c'est une honte! Une dame... Oh, vous êtes généreux, vous! Soyez tranquil, je ferai voir raison à Lambert...

Такъ что я даже въ ту минуту долженъ былъ-бы стать въ недоумѣніи, видя такой неожиданный переворотъ въ ея чувствахъ, а, стало быть, пожалуй, и въ Лambертовыхъ. Я, однако-же, вышелъ молча; на душѣ моей было смутно и разсуждалъ я плохо. О, потомъ я все обсудилъ, но тогда уже было поздно! О, какая адская вышла тутъ махинація! Остановлюсь здѣсь и объясню ее всю впередъ, такъ какъ иначе читателю было-бы невозможно понять.

Дѣло состояло въ томъ, что еще въ первое свиданіе мое съ Ламбертомъ, вотъ тогда, какъ я оттаивалъ у него на квартирѣ, я пробормоталъ ему, какъ дуракъ, что документъ зашитъ у меня въ карманѣ. Тогда я вдругъ на нѣкоторое время заснулъ у него на диванѣ въ углу, и Ламбертъ тогда-же немедленно ощупалъ мнѣ карманъ и убѣдился, что въ немъ дѣйствительно зашита бумажка. Потомъ онъ нѣсколько разъ убѣждался, что бумажка еще тутъ: такъ, напримѣръ, во время нашего обѣда у татаръ, я помню, какъ онъ нарочно нѣсколько разъ обнималъ меня за талію. Понявъ, наконецъ, какой важности эта бумага, онъ составилъ свой совершенно особый планъ, котораго я вовсе и не предполагалъ у него. Я, какъ дуракъ, все время воображалъ, что онъ такъ упорно зоветъ меня къ себѣ единственно чтобъ склонить меня войдти съ нимъ въ компанію и дѣйствовать не иначе какъ вмѣстѣ. Но, увы! Онъ звалъ меня совсѣмъ для другаго! Онъ звалъ меня, чтобъ опоить меня замертво, и когда я растянусь безъ чувствъ и захраплю, то взрѣзать мой карманъ и овладѣть документомъ. Точь въ точь такимъ образомъ они съ Альфонсинкой въ ту ночь и поступили; Альфонсинка и взрѣзывала карманъ. Доставъ письмо, *ея письмо,* мой московскій документъ, они взяли такого-же размѣра простую почтовую бумажку и положили въ надрѣзанное мѣсто кармана и зашили снова, какъ ни въ чемъ ни бывало, такъ что я ничего не могъ замѣтить. Альфонсинка-же и зашивала. А я-то, я-то, до самаго почти конца, еще цѣлыхъ полтора дня — я все еще продолжалъ думать, что я — обладатель тайны и что участь Катерины Николаевны все еще въ моихъ рукахъ.

Послѣднее слово: эта кража документа была всему причиною, всѣмъ остальнымъ несчастіямъ!

II.

Наступили послѣднія сутки моихъ записокъ и я—на концѣ конца!

Было, я думаю, около половины одиннадцатаго, когда я, возбужденный и, сколько помню, какъ-то странно разсѣянный, но съ окончательнымъ рѣшеніемъ въ сердцѣ, добрелъ до своей квартиры. Я не торопился, я зналъ уже какъ поступлю. И вдругъ, едва только я вступилъ въ нашъ корридоръ, какъ тотчасъ-же понялъ, что стряслась новая бѣда и произошло необыкновенное усложненіе дѣла: старый князь, только что привезенный изъ Царскаго Села, находился въ нашей квартирѣ, а при немъ была Анна Андреевна!

Они помѣстили его не въ моей комнатѣ, а въ двухъ хозяйскихъ, рядомъ съ моей. Еще наканунѣ, какъ оказалось, произве-

дены были въ этихъ комнатахъ нѣкоторыя измѣненія и украшенія, впрочемъ, самыя легкія. Хозяинъ перешелъ съ своей женой въ каморку капризнаго рябаго жильца, о которомъ я уже упоминалъ прежде, а рябой жилецъ былъ на это время конфискованъ — ужь не знаю куда.

Меня встрѣтилъ хозяинъ, тотчасъ-же шмыгнувшій въ мою комнату. Онъ смотрѣлъ не такъ рѣшительно, какъ вчера, но былъ въ необыкновенно возбужденномъ состояніи, такъ сказать, на высотѣ событія. Я ничего не сказалъ ему, но, отойдя въ уголъ и взявшись за голову руками, такъ простоялъ съ минуту. Онъ сначала подумалъ было, что я «представляюсь», но подъ конецъ не вытерпѣлъ и испугался:

— Развѣ что̀ не такъ? пробормоталъ онъ:—я вотъ ждалъ васъ спросить, прибавилъ онъ, видя, что я не отвѣчаю:—не прикажете-ли растворить вотъ эту самую дверь, для прямаго сообщенія съ княжескими покоями... чѣмъ черезъ корридоръ? Онъ указывалъ боковую, всегда запертую, дверь, сообщавшуюся съ его хозяйскими комнатами, а теперь, стало быть, съ помѣщеніемъ князя.

— Вотъ что, Петръ Ипполитовичъ, обратился я къ нему съ строгимъ видомъ:—прошу васъ покорнѣйше пойдти и пригласить сейчасъ сюда ко мнѣ Анну Андреевну для переговоровъ. Давно они здѣсь?

— Да уже почти что часъ будетъ.

— Такъ сходите.

Онъ сходилъ и принесъ отвѣтъ странный, что Анна Андреевна и князь Николай Ивановичъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ меня къ себѣ; Анна Андреевна, значитъ, не захотѣла пожаловать. Я оправилъ и почистилъ мой смявшійся за ночь сюртукъ, умылся, причесался, все это не торопясь, и, понимая, какъ надобно быть осторожнымъ, отправился къ старику.

Князь сидѣлъ на диванѣ за круглымъ столомъ, а Анна Андреевна, въ другомъ углу, у другаго накрытаго скатертью стола, на которомъ кипѣлъ вычищенный, какъ никогда, хозяйскій самоваръ, приготовляла ему чай. Я вошелъ съ тѣмъ-же строгимъ видомъ въ лицѣ, и старичокъ, мигомъ замѣтивъ это, такъ и вздрогнулъ, и улыбка быстро смѣнилась въ лицѣ его рѣшительно испугомъ, но я тотчасъ-же не выдержалъ, засмѣялся и протянулъ ему руки; бѣдный такъ и бросился въ мои объятія.

Безъ сомнѣнія, я тотчасъ-же понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Во первыхъ, мнѣ стало ясно, какъ дважды два, что изъ старика, даже почти еще бодраго и всетаки хоть сколько нибудь разумнаго и хоть съ какимъ нибудь да характеромъ, они, за это время, пока мы съ нимъ не видѣлись, сдѣлали какую-то мумію, какого-то ребенка, пугливаго и недовѣрчиваго. Прибавлю: онъ совершенно зналъ, зачѣмъ его сюда привезли, и все случилось точно такъ, какъ я объяснилъ выше, забѣгая впередъ. Его прямо вдругъ поразили, разбили, раздавили извѣстіемъ о предательствѣ его дочери и о съумасшедшемъ домѣ. Онъ далъ себя увезти, едва сознавая отъ страха, что дѣлаетъ. Ему сказали, что я — обладатель тайны и что у меня ключъ къ окончательному рѣшенію. Скажу впередъ: вотъ этого-то окончательнаго рѣшенія и ключа онъ испугался пуще всего на свѣтѣ. Онъ ждалъ, что я такъ и войду къ нему съ какимъ-то приговоромъ на лбу и съ бумагой въ рукахъ, и страшно былъ радъ, что я покамѣстъ готовъ смѣяться и болтать совсѣмъ о другомъ. Когда мы обнялись, онъ заплакалъ. Признаюсь, капельку заплакалъ и я; но мнѣ вдругъ стало его очень жалко... Маленькая Альфонсинкина собачонка заливалась тоненькимъ, какъ колокольчикъ, лаемъ и рвалась на меня съ дивана. Съ этой крошечной собачкой онъ уже не разставался съ тѣхъ поръ, какъ пріобрѣлъ ее, даже спалъ вмѣстѣ съ нею.

— Oh, je disais, qu'il a du coeur! воскликнулъ онъ, указывая на меня Аннѣ Андреевнѣ.

— Но какъ-же вы поздоровѣли, князь, какой у васъ прекрасный, свѣжій, здоровый видъ! замѣтилъ я. Увы! Все было на оборотъ: это была мумія, а я такъ только сказалъ, чтобъ его ободрить.

— N'est-ce pas, n'est-ce pas? радостно повторялъ онъ.—О, я удивительно поправился здоровьемъ.

— Однако, кушайте вашъ чай, и, если дадите и мнѣ чашку, то и я выпью съ вами.

— И чудесно! «Будемъ пить и наслаждаться»... или какъ это тамъ, есть такіе стихи. Анна Андреевна, дайте ему чаю; il prend toujours par les sentiments... дайте намъ чаю, милая.

Анна Андреевна подала чаю, но вдругъ обратилась ко мнѣ и начала съ чрезвычайною торжественностью.

— Аркадій Макаровичъ, мы оба, я и благодѣтель мой, князь Николай Ивановичъ, пріютились у васъ. Я считаю, что мы пріѣхали къ вамъ, къ вамъ одному, и оба просимъ у васъ убѣжища. Вспомните, что почти вся судьба этого святаго, этого благороднѣйшаго и обиженнаго человѣка въ рукахъ вашихъ... Мы ждемъ рѣшенія отъ вашего правдиваго сердца!

Но она не могла докончить; князь пришелъ въ ужасъ и почти задрожалъ отъ испуга:

— Après, après, n'est-ce pas? Chère amie! повторялъ онъ, подымая къ ней руки.

Не могу выразить, какъ непріятно подѣйствовала и на меня ея выходка. Я ничего не отвѣтилъ и удовольствовался лишь холоднымъ и важнымъ поклономъ; затѣмъ сѣлъ за столъ и даже нарочно заговорилъ о другомъ, о какихъ-то глупостяхъ, началъ смѣяться и острить... Старикъ былъ видимо мнѣ благодаренъ и восторженно развеселился. Но его веселіе, хотя и восторженное, видимо было какое-то непрочное и моментально могло смѣниться совершеннымъ упадкомъ духа; это было ясно съ перваго взгляда.

— Cher enfant, я слышалъ, ты былъ боленъ... Ахъ, pardon! Ты, я слышалъ, все время занимался спиритизмомъ?

— И не думалъ, улыбнулся я.

— Нѣтъ? А кто-же мнѣ говорилъ про спи-ри-тизмъ?

— Это вамъ здѣшній чиновникъ, Петръ Ипполитовичъ, давеча говорилъ, объяснила Анна Андреевна:—онъ—очень веселый человѣкъ и знаетъ множество анекдотовъ; хотите, я позову?

— Oui, oui, il est charmant... знаетъ анекдоты, но лучше позовемъ потомъ. Мы позовемъ его и онъ намъ все разскажетъ; mais après. Представь, давеча столъ накрываютъ, а онъ и говоритъ: не безпокойтесь, не улетитъ, мы — не спириты. Неужто у спиритовъ столы летаютъ?

— Право, не знаю; говорятъ, подымаются на всѣхъ ножкахъ.

— Mais c'est terrible ce que tu dis, поглядѣлъ онъ на меня испуганно.

— О, не безпокойтесь, это вѣдь вздоръ.

— Я и самъ говорю. Настасья Степановна Саломеева... ты вѣдь знаешь ее... ахъ, да, ты не знаешь ея... представь себѣ, она тоже вѣритъ въ спиритизмъ и, представьте себѣ, chère enfant, повернулся онъ къ Аннѣ Андреевнѣ: я ей и говорю: въ министерствахъ вѣдь тоже столы стоятъ и на нихъ по восьми паръ чиновничьихъ рукъ лежатъ, все бумаги пишутъ — такъ отчего-жь тамъ столы-то не пляшутъ? Вообрази, вдругъ запляшутъ! Бунтъ столовъ въ министерствѣ финансовъ или народнаго просвѣщенія — этого не доставало?

— Какія вы, по прежнему, милыя вещи говорите, князь, воскликнулъ я, стараясь искреннѣе разсмѣяться.

— N'est-ce pas? Je ne parle pas trop, mais je dis bien.

— Я приведу Петра Ипполитовича, — встала Анна Андреевна. Удовольствіе засіяло въ лицѣ ея: судя по тому, что я такъ ласковъ къ старику, она обрадовалась. Но лишь только она вышла, вдругъ все лицо старика измѣнилось мгновенно. Онъ торопливо взглянулъ на дверь, оглядѣлся кругомъ и, нагнувшись ко мнѣ съ дивана, зашепталъ мнѣ испуганнымъ голосомъ:

— Cher ami! О, если-бъ я могъ видѣть ихъ обѣихъ здѣсь вмѣстѣ! О, cher enfant!

— Князь, успокойтесь...

— Да, да, но... мы ихъ помиримъ, n'est-ce pas? Тутъ пустая мелкая ссора двухъ достойнѣйшихъ женщинъ, n'est-ce pas? Я только на тебя одного и надѣюсь... Мы это здѣсь все приведемъ въ порядокъ; и какая здѣсь странная квартира, оглядывался онъ почти боязливо; и, знаешь, этотъ хозяинъ... у него такое лицо... Скажи! Онъ не опасенъ?

— Хозяинъ? О, нѣтъ, чѣмъ-же онъ можетъ быть опасенъ?

— C'est ça. Тѣмъ лучше. Il semble qu'il est bête, ce gentilhomme. Cher enfant, ради Христа, не говори Аннѣ Андреевнѣ, что я здѣсь всего боюсь; я все здѣсь похвалилъ съ перваго шагу, и хозяина похвалилъ. Послушай, ты знаешь исторію о фонъ-Зонѣ — помнишь?

— Такъ что-же?

— Rien, rien du tout... Mais je suis libre ici, n'est-ce pas? Какъ ты думаешь, здѣсь ничего не можетъ со мной случиться... въ такомъ-же родѣ?

— Но увѣряю-же васъ, голубчикъ... помилуйте!

— Mon ami! Mon enfant! воскликнулъ онъ вдругъ, складывая передъ собой руки и уже вполнѣ не скрывая своего испуга:— если у тебя въ самомъ дѣлѣ что-то есть... документы... однимъ словомъ — если у тебя есть что мнѣ сказать, то не говори; ради Бога ничего не говори совсѣмъ... какъ можно дольше не говори...

Онъ хотѣлъ броситься обнимать меня; слезы текли по его лицу; не могу выразить, какъ сжалось у меня сердце: бѣдный старикъ былъ похожъ на жалкаго, слабаго, испуганнаго ребенка, котораго выкрали изъ роднаго гнѣзда какіе-то цыгане и увели къ чужимъ людямъ. Но обняться намъ не дали: отворилась дверь и вошла Анна Андреевна, но не съ хозяиномъ, а съ братомъ своимъ, камеръ-юнкеромъ. Эта новость ошеломила меня; я всталъ и направился къ двери.

— Аркадій Макаровичъ, позвольте васъ познакомить, громко проговорила Анна Андреевна, такъ что я невольно долженъ былъ остановиться.

— Я *слишкомъ* знакомъ уже съ вашимъ братцемъ, отчеканилъ я, особенно ударяя на слово слишкомъ.

— Ахъ, тутъ ужасная ошибка! И я такъ ви-но-ватъ, милый Анд... Андрей Макаровичъ, началъ мямлить молодой человѣкъ, подходя ко мнѣ съ необыкновенно развязнымъ видомъ и захвативъ мою руку, которую я не въ состояніи былъ отнять: — во всемъ виноватъ мой Степанъ; онъ такъ глупо тогда доложилъ, что я принялъ васъ за другого,— это въ Москвѣ, пояснилъ онъ сестрѣ: — потомъ я стремился къ вамъ изо всей силы, чтобъ розыскать и разъяснить, но заболѣлъ, вотъ спросите ее. Cher prince, nous devons être amis même par droit de naissance...

И дерзкій молодой человѣкъ осмѣлился даже обхватить меня одной рукой за плечо, что было уже верхомъ фамильярности. Я отстранился, но, сконфузившись, предпочелъ скорѣе уйдти, не сказавъ ни слова. Войдя къ себѣ, я сѣлъ на кровать въ раздумьи и въ волненіи. Интрига душила меня, но не могъ-же я такъ прямо огорошить и подкосить Анну Андреевну. Я вдругъ почувствовалъ, что и она мнѣ тоже дорога и что положеніе ея ужасно.

III.

Какъ я и ожидалъ того, она сама вошла въ мою комнату, оставивъ князя съ братомъ, который началъ пересказывать князю какія-то свѣтскія сплетни, самыя свѣжія и новоиспеченныя, чѣмъ мигомъ увлекъ и развеселилъ впечатлительнаго старичка. Я молча и съ вопросительнымъ видомъ приподнялся съ кровати.

— Я вамъ сказала все, Аркадій Макаровичъ, прямо начала она: — наша судьба въ вашихъ рукахъ.

— Но вѣдь и я васъ предупредилъ, что не могу... Самыя святыя обязанности мѣшаютъ мнѣ исполнить то, на что вы разсчитываете...

— Да? Это — вашъ отвѣтъ? Ну, пусть я погибну, а старикъ? Какъ вы разсчитываете: вѣдь онъ къ вечеру сойдетъ съ ума!

— Нѣтъ, онъ сойдетъ съ ума, если я ему покажу письмо дочери, въ которомъ та совѣтуется съ адвокатомъ о томъ какъ объявить отца съумасшедшимъ! воскликнулъ я съ жаромъ. — Вотъ чего онъ не вынесетъ. Знайте, что онъ не вѣритъ письму этому, онъ мнѣ уже говорилъ!

Я прилгнулъ, что онъ мнѣ говорилъ; но это было кстати.

— Говорилъ уже? Такъ я и думала! Въ такомъ случаѣ, я погибла; онъ о сю пору ужъ плакалъ и просился домой.

— Сообщите мнѣ, въ чемъ собственно заключается вашъ планъ? спросилъ я настойчиво. Она покраснѣла, такъ сказать,

отъ уязвленной надменности, однако, скрѣпилась:

— Съ этимъ письмомъ его дочери въ рукахъ мы оправданы въ глазахъ свѣта. Я тотчасъ-же пошлю къ князю В—му и къ Борису Михайловичу Пелищеву, его друзьямъ съ дѣтства; оба — почтенныя вліятельныя въ свѣтѣ лица, и, я знаю это, они уже два года назадъ съ негодованіемъ отнеслись къ нѣкоторымъ поступкамъ его безжалостной и жадной дочери. Они, конечно, помирятъ его съ дочерью, по моей-же просьбѣ, и я сама на томъ настою; но зато положеніе дѣлъ совершенно измѣнится. Кромѣ того, тогда и родственники мои, Фанаріотовы, какъ я разсчитываю, рѣшатся поддержать мои права. Но для меня прежде всего — его счастіе; пусть онъ пойметъ, наконецъ, и оцѣнитъ: кто дѣйствительно ему преданъ? Безъ сомнѣнія, я всего болѣе разсчитываю на ваше вліяніе, Аркадій Макаровичъ: вы такъ его любите... Да кто его и любитъ-то, кромѣ насъ съ вами? Онъ только и говорилъ что̀ объ васъ въ послѣдніе дни; онъ тосковалъ объ васъ, вы — «молодой его другъ»... Само собою, что всю жизнь потомъ благодарность моя не будетъ имѣть границъ...

Это ужь она сулила мнѣ награду,—денегъ, можетъ быть.

Я рѣзко прервалъ ее:

— Что̀-бы вы ни говорили, я не могу, произнесъ я съ видомъ непоколебимаго рѣшенія: — я могу только заплатить вамъ такою-же искренностью и объяснить вамъ мои послѣднія намѣренія: я передамъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, это роковое письмо Катеринѣ Николаевнѣ въ руки, но съ тѣмъ, чтобъ изъ всего, теперь случившагося, не дѣлать скандала и чтобъ она дала заранѣе слово, что не помѣшаетъ вашему счастью. Вотъ все, что̀ я могу сдѣлать.

— Это невозможно! проговорила она, вся покраснѣвъ. Одна мысль о томъ, что Катерина Николаевна будетъ ее *щадить*, привела ее въ негодованіе.

— Я не перемѣню рѣшенія, Анна Андреевна.

— Можетъ быть, перемѣните.

— Обратитесь къ Ламберту!

— Аркадій Макаровичъ, вы не знаете, какія могутъ выйдти несчастія черезъ ваше упрямство, проговорила она сурово и ожесточенно.

— Несчастія выйдутъ — это навѣрно... у меня кружится голова. Довольно мнѣ съ вами: я рѣшился — и кончено. Только, ради Бога прошу васъ — не приводите ко мнѣ вашего брата.

— Но онъ именно желаетъ загладить...

— Ничего не надо заглаживать! Не нуждаюсь, не хочу, не хочу! восклицалъ я, схвативъ себя за голову. (О, можетъ быть, я поступилъ тогда съ нею слишкомъ свысока!) Скажите, однако, гдѣ будетъ ночевать сегодня князь? Неужели здѣсь?

— Онъ будетъ ночевать здѣсь, у васъ и съ вами.

— Къ вечеру-же я съѣду на другую квартиру.

И, вслѣдъ за этими безпощадными словами, я схватилъ шапку и сталъ надѣвать шубу. Анна Андреевна молча и сурово наблюдала меня. Мнѣ жаль было,— о, мнѣ жаль было эту гордую дѣвушку! Но я выбѣжалъ изъ квартиры, не оставивъ ей ни слова въ надежду.

IV.

Постараюсь сократить. Рѣшеніе мое было принято неизмѣнно, и я прямо отправился къ Татьянѣ Павловнѣ. Увы! Могло-бы быть предупреждено большое несчастіе, если-бъ я ее засталъ тогда дома; но, какъ нарочно, въ этотъ день меня особенно преслѣдовала неудача. Я, конечно, зашелъ и къ мамѣ, во первыхъ, чтобъ провѣдать бѣдную маму, а во вторыхъ, разсчитывая почти навѣрно встрѣтить тамъ Татьяну Павловну: но и тамъ ея не было; она только что куда-то ушла, а мама лежала больная и съ ней оставалась одна Лиза. Лиза попросила меня не входить и не будить мамы: «всю ночь не спала, мучилась; слава Богу, что хоть теперь заснула». Я обнялъ Лизу и сказалъ ей только два слова о томъ, что принялъ огромное и роковое рѣшеніе и сейчасъ его исполню. Она выслушала безъ особаго удив-

ленія, какъ самыя обыкновенныя слова. О, они всѣ привыкли тогда къ моимъ безпрерывнымъ «послѣднимъ рѣшеніямъ» и потомъ къ малодушнымъ отмѣнамъ ихъ. Но теперь — теперь было дѣло другое! Я зашелъ, однако-же, въ трактиръ на канавѣ и посидѣлъ тамъ, чтобъ выждать и чтобъ ужь навѣрно застать Татьяну Павловну. Впрочемъ, объясню, зачѣмъ мнѣ такъ вдругъ понадобилась эта женщина. Дѣло въ томъ, что я хотѣлъ ее тотчасъ послать къ Катеринѣ Николаевнѣ, чтобы попросить ту въ ея квартиру и при Татьянѣ-же Павловнѣ возвратить документъ, объяснивъ все и разъ навсегда... Однимъ словомъ, я хотѣлъ только должнаго; я хотѣлъ оправдать себя разъ навсегда. Порѣшивъ съ этимъ пунктомъ, я непремѣнно и уже настоятельно положилъ замолвить тутъ-же нѣсколько словъ въ пользу Анны Андреевны и, если возможно, взявъ Катерину Николаевну и Татьяну Павловну (какъ свидѣтельницу), привезти ихъ ко мнѣ, то есть къ князю, тамъ помирить враждующихъ женщинъ, воскресить князя и... и... однимъ словомъ, по крайней мѣрѣ, тутъ, въ этой кучкѣ, сегодня-же, сдѣлать всѣхъ счастливыми, такъ что оставались-бы лишь одинъ Версиловъ и мама. Я не могъ сомнѣваться въ успѣхѣ: Катерина Николаевна, изъ благодарности за возвращеніе письма, за которое я не спросилъ-бы съ нея ничего, не могла мнѣ отказать въ такой просьбѣ. Увы! Я все еще воображалъ, что обладаю документомъ. О, въ какомъ глупомъ и недостойномъ былъ я положеніи, самъ того не вѣдая!

Уже сильно смерклось и было уже около четырехъ часовъ, когда я опять навѣдался къ Татьянѣ Павловнѣ. Марья отвѣтила грубо, что «не приходила». Я очень припоминаю теперь странный взглядъ изъ-подлобья Марьи; но, разумѣется, тогда мнѣ еще ничего не могло зайдти въ голову. Напротивъ, меня вдругъ кольнула другая мысль: въ досадѣ и въ нѣкоторомъ унынiи спускаясь съ лѣстницы отъ Татьяны Павловны, я вспомнилъ бѣднаго князя, простиравшаго ко мнѣ давеча руки — и я вдругъ больно укорилъ себя за то, что я его бросилъ, можетъ быть, даже изъ личной досады. Я съ безпокойствомъ началъ представлять себѣ, что въ мое отсутствіе могло произойдти у нихъ даже что нибудь очень нехорошее, и поспѣшно направился домой. Дома, однако, произошли лишь слѣдующія обстоятельства.

Анна Андреевна, выйдя давеча отъ меня во гнѣвѣ, еще не потеряла духа. Надобно передать, что она еще съ утра посылала къ Ламберту, затѣмъ послала къ нему еще разъ и такъ какъ Ламберта все не оказывалось дома, то послала, наконецъ, своего брата искать его. Бѣдная, видя мое сопротивленіе, возложила на Ламберта и на вліяніе его на меня свою послѣднюю надежду. Она ждала Ламберта съ нетерпѣніемъ и только дивилась, что онъ, не отходившій отъ нея и юлившій около нея досегодня, вдругъ ее совсѣмъ бросилъ и самъ исчезъ. Увы! Ей и въ голову не могло зайдти, что Ламбертъ, обладая теперь документомъ, принялъ уже теперь совсѣмъ другія рѣшенія, а потому, конечно, скрывается и даже нарочно отъ нея прячется.

Такимъ образомъ, въ безпокойствѣ и съ возраставшей тревогой въ душѣ, Анна Андреевна почти не въ силахъ была развлекать старика; а, между тѣмъ, безпокойство его возрасло до угрожающихъ размѣровъ. Онъ задавалъ странные и пугливые вопросы, сталъ даже на нее посматривать подозрительно и нѣсколько разъ начиналъ плакать. Молодой Версиловъ просидѣлъ тогда не долго. Послѣ него, Анна Андреевна привела, наконецъ, Петра Ипполитовича, на котораго такъ надѣялась, но этотъ совсѣмъ не понравился, даже произвелъ отвращеніе. Вообще, на Петра Ипполитовича князь почему-то смотрѣлъ все съ болѣе и болѣе возраставшею недовѣрчивостью и подозрительностью. А хозяинъ, какъ нарочно, пустился опять толковать о спиритизмѣ и о какихъ-то фокусахъ, которые будто-бы самъ видѣлъ въ представленіи, а именно, какъ одинъ пріѣзжій шарлатанъ, будто-бы, при всей публикѣ, отрѣзывалъ человѣческія головы, такъ что кровь лилась и всѣ видѣли, и потомъ приставлялъ ихъ опять къ шеѣ и что, будто-бы, онѣ приростали, тоже при всей публикѣ, и что, будто-бы, все это произошло въ пятьдесятъ девятомъ году. Князь такъ испугался, а,

вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ почему-то въ такое негодованіе, что Анна Андреевна принуждена была немедленно удалить разскащика. Къ счастью, прибылъ обѣдъ, нарочно заказанный наканунѣ гдѣ-то по близости (чрезъ Ламберта и Альфонсинку) у одного замѣчательнаго француза повара, жившаго безъ мѣста и искавшаго помѣститься въ аристократическомъ домѣ или въ клубѣ. Обѣдъ съ шампанскимъ чрезвычайно развеселилъ старика; онъ кушалъ много и очень шутилъ. Послѣ обѣда, конечно, отяжелѣлъ и ему захотѣлось спать, а такъ какъ онъ всегда спалъ послѣ обѣда, то Анна Андреевна и приготовила ему постель. Засыпая, онъ все цаловалъ у ней руки, говорилъ, что она—его рай, надежда, Гурія, «Золотой цвѣтокъ» — однимъ словомъ, пустился было въ самыя восточныя выраженія. Наконецъ, заснулъ, и вотъ тутъ-то я и вернулся.

Анна Андреевна торопливо вошла ко мнѣ, сложила предо мной руки и сказала, что «уже не для нея, а для князя, умоляетъ меня не уходить и когда онъ проснется, пойдти къ нему. Безъ васъ онъ погибнетъ, съ нимъ случится нервный ударъ; я боюсь, что онъ не вынесетъ еще до ночи»... Она прибавила, что самой ей непремѣнно надо будетъ отлучиться, «можетъ быть, даже на два часа, и что князя, стало быть, она оставляетъ на одного меня». Я съ жаромъ далъ ей слово, что останусь до вечера и что, когда онъ проснется, употреблю всѣ усилія, чтобъ развлечь его.

— А я исполню свой долгъ! заключила она энергически.

Она ушла. Прибавлю, забѣгая впередъ: она сама поѣхала отыскивать Ламберта; это была послѣдняя надежда ея; сверхъ того, побывала у брата и у родныхъ Фанаріотовыхъ; понятно, въ какомъ состояніи духа должна была она вернуться.

Князь проснулся, примѣрно, черезъ часъ по ея уходѣ. Я услышалъ черезъ стѣну его стонъ и тотчасъ побѣжалъ къ нему; засталъ-же его сидящимъ на кровати, въ халатѣ, но до того испуганнаго уединеніемъ, свѣтомъ одинокой лампы и чужой комнатой, что, когда я вошелъ, онъ вздрогнулъ, привскочилъ и закричалъ. Я бросился къ нему, и когда онъ разглядѣлъ, что это я, то со слезами радости началъ меня обнимать.

— А мнѣ сказали, что ты куда-то переѣхалъ на другую квартиру, испугался и убѣжалъ.

— Кто вамъ могъ сказать это?

— Кто могъ? Видишь, я, можетъ быть, это самъ выдумалъ, а, можетъ быть, кто и сказалъ. Представь, я сейчасъ сонъ видѣлъ: входитъ старикъ съ бородой и съ образомъ, съ расколотымъ на-двое образомъ, и вдругъ говоритъ: «Такъ расколется жизнь твоя!»

— Ахъ, Боже мой, вы навѣрно уже слышали отъ кого нибудь, что Версиловъ разбилъ вчера образъ?

— N'est-ce pas? Слышалъ, слышалъ! Я отъ Дарьи Онисимовны еще давеча утромъ слышалъ. Она сюда перевозила мой чемоданъ и собачку.

— Ну, вотъ и приснилось.

— Ну, все равно; и, представь, этотъ старикъ все мнѣ грозилъ пальцемъ. Гдѣже Анна Андреевна?

— Она сейчасъ воротится.

— Откуда? Она тоже уѣхала? болѣзненно воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, она сейчасъ тутъ будетъ и просила меня у васъ посидѣть.

— Oui, придти. Итакъ, нашъ Андрей Петровичъ съума спятилъ, «какъ невзначай и какъ проворно!» Я всегда предрекалъ ему, что онъ этимъ самымъ кончитъ. Другъ мой, постой...

Онъ вдругъ схватилъ меня рукой за сюртукъ и притянулъ къ себѣ.

— Хозяинъ давеча, зашепталъ онъ: — приноситъ вдругъ фотографіи, гадкія женскія фотографіи, все голыхъ женщинъ въ разныхъ восточныхъ видахъ, и начинаетъ вдругъ показывать мнѣ въ стекло... Я, видишь-ли, хвалилъ, скрѣпя сердце, но такъ вѣдь точно они гадкихъ женщинъ приводили къ тому несчастному съ тѣмъ, чтобъ потомъ тѣмъ удобнѣе опоить его...

— Это вы все о фонъ-Зонѣ, да полноте-же, князь! Хозяинъ дуракъ и ничего больше!

— Дуракъ и ничего больше! C'est mon opinion! Другъ мой, если можешь, то спаси

меня отсюдова! сложилъ онъ вдругъ предо мною руки.

— Князь, все, что только могу! Я весь вашъ... Милый князь, подождите, и я, можетъ быть, все улажу!

— N'est-ce pas? Мы возьмемъ да и убѣжимъ, а чемоданъ тутъ оставимъ для виду, такъ что онъ и подумаетъ, что мы воротимся.

— Куда убѣжимъ! А Анна Андреевна?

— Нѣтъ, нѣтъ, вмѣстѣ съ Анной Андреевной... Oh, mon cher, у меня въ головѣ какая-то каша... Постой: тамъ, въ сакѣ направо, портретъ Кати; я сунулъ его давеча потихоньку, чтобъ Анна Андреевна и, особенно, чтобъ эта Дарья Онисимовна не примѣтили; вынь, ради Бога, поскорѣе, поосторожнѣе, смотри, чтобъ насъ не застали... Да нельзя-ли насадить на дверь крючокъ?

Дѣйствительно, я отыскалъ въ сакѣ фотографическій, въ овальной рамкѣ, портретъ Катерины Николаевны. Онъ взялъ его въ руку, поднесъ къ свѣту, и слезы вдругъ потекли по его желтымъ, худымъ щекамъ:

— C'est un ange, c'est un ange du ciel! восклицалъ онъ:— всю жизнь я былъ передъ ней виноватъ... и вотъ теперь! Chère enfant, я не вѣрю ничему, ничему не вѣрю! Другъ мой, скажи мнѣ: ну, можно-ли представить, что меня хотятъ засадить въ съумасшедшій домъ? Je dis des choses charmantes et tout le monde rit... и вдругъ этого-то человѣка — везутъ въ съумасшедшій домъ!

— Никогда этого не было! вскричалъ я.— Это ошибка. Я знаю ея чувства.

— И ты тоже знаешь ея чувства? Ну, и прекрасно! Другъ мой, ты воскресилъ меня. Что-же они мнѣ про тебя наговорили? Другъ мой, позови сюда Катю, и пусть онѣ обѣ при мнѣ поцалуются, и я повезу ихъ домой, а хозяина мы прогонимъ!

Онъ всталъ, сложилъ предо мною руки и вдругъ всталъ предо мной на колѣни:

— Cher, зашепталъ онъ въ какомъ-то безумномъ уже страхѣ, весь дрожа какъ листъ: — другъ мой, скажи мнѣ всю правду: куда меня теперь дѣнутъ?

— Боже! вскричалъ я, подымая его и сажая на кровать: — да вы и мнѣ, наконецъ, не вѣрите; вы думаете, что и я въ заговорѣ? Да я васъ здѣсь никому тронуть пальцемъ не дамъ!

— C'est ça, не давай, пролепеталъ онъ, крѣпко ухвативъ меня за локти обѣими руками и продолжая дрожать.—Не давай меня никому! И не лги мнѣ самъ ничего... потому что неужто-же меня отсюда отвезутъ? Послушай, этотъ хозяинъ, Ипполитъ, или какъ его, онъ... не докторъ?

— Какой докторъ?

— Это... это не съумасшедшій домъ, вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ?

Но въ это мгновеніе вдругъ отворилась дверь и вошла Анна Андреевна. Должно быть, она подслушивала у двери и, не вытерпѣвъ, отворила слишкомъ внезапно — и князь, вздрагивавшій при каждомъ скрипѣ, вскрикнулъ и бросился ничкомъ въ подушку. Съ нимъ произошло, наконецъ, что-то въ родѣ припадка, разрѣшившагося рыданіями.

— Вотъ — плоды вашего дѣла, проговорилъ я ей, указывая на старика.

— Нѣтъ, это—плоды вашего дѣла! рѣзко возвысила она голосъ.— Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, Аркадій Макаровичъ: хотите-ли вы обнаружить адскую интригу противъ беззащитнаго старика и пожертвовать «безумными и дѣтскими любовными мечтами вашими», чтобъ спасти *родную* вашу сестру?

— Я спасу васъ всѣхъ, но только такъ, какъ я вамъ сказалъ давеча! Я бѣгу опять, и можетъ быть, черезъ часъ здѣсь будетъ сама Катерина Николаевна! Я всѣхъ примирю и всѣ будутъ счастливы! воскликнулъ я почти въ вдохновеніи.

— Приведи, приведи ее сюда, встрепенулся князь.— Поведите меня къ ней! Я хочу видѣть Катю и благословить ее, восклицалъ онъ, воздымая руки и порываясь съ постели.

— Видите, указалъ я на него Аннѣ Андреевнѣ: — слышите, что онъ говоритъ: теперь ужь, во всякомъ случаѣ, никакой «документъ» вамъ не поможетъ.

— Вижу, но онъ еще помогъ-бы оправдать мой поступокъ во мнѣніи свѣта, а теперь — я опозорена! Довольно; совѣсть моя чиста. Я оставлена всѣми, даже роднымъ братомъ моимъ, испугавшимся неуспѣха...

Но я исполню свой долгъ и останусь подлѣ этого несчастнаго, его нянькой, сидѣлкой!

Но времени терять было нечего, я выбѣжалъ изъ комнаты:

— Я возвращусь черезъ часъ и возвращусь не одинъ! прокричалъ я съ порога.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I.

Наконецъ-то я засталъ Татьяну Павловну! Я разомъ изложилъ ей все — все о документѣ и все, до послѣдней нитки, о томъ, что у насъ теперь на квартирѣ. Хотя она и сама слишкомъ понимала эти событія и могла-бы съ двухъ словъ схватить дѣло, однако, изложеніе заняло у насъ, я думаю, минутъ десять. Говорилъ я одинъ, говорилъ всю правду и не стыдился. Она молча и неподвижно, выпрямившись какъ спица, сидѣла на своемъ стулѣ, сжавъ губы, не спуская съ меня глазъ и слушая изъ всѣхъ силъ. Но когда я кончилъ, вдругъ вскочила со стула и до того стремительно, что вскочилъ и я.

— Ахъ, пащенокъ! Такъ это письмо въ самомъ дѣлѣ у тебя было зашито и зашивала дура Марья Ивановна! Ахъ, вы мерзавцы-безобразники! Такъ ты съ тѣмъ, чтобъ покорять сердца, сюда ѣхалъ, высшій свѣтъ побѣждать. Чорту Ивановичу отмстить за то, что побочный сынъ, захотѣлъ?

— Татьяна Павловна, вскричалъ я: — не смѣйте браниться! Можетъ быть, вы-то, съ вашею бранью, съ самаго начала и были причиною моего здѣшняго ожесточенія. Да, я — побочный сынъ и, можетъ быть, дѣйствительно хотѣлъ отмстить за то, что побочный сынъ, и дѣйствительно, можетъ быть, какому-то Чорту Ивановичу, потому что самъ чортъ тутъ не найдетъ виноватаго; но вспомните, что я отвергъ союзъ съ мерзавцами и побѣдилъ свои страсти. Я молча положу передъ нею документъ и уйду, даже не дождавшись отъ нея слова; вы будете сами свидѣтельницей!

— Давай, давай письмо сейчасъ, клади сейчасъ сюда письмо на столъ! Да ты лжешь, можетъ быть?

— Оно въ моемъ карманѣ зашито; сама Марья Ивановна зашивала; а здѣсь, какъ сшили новый сюртукъ, я вынулъ изъ стараго и самъ перешилъ въ этотъ новый сюртукъ; вотъ оно здѣсь, пощупайте, не лгу-съ!

— Давай его, вынимай его! буянила Татьяна Павловна.

— Ни за что-съ, это повторяю вамъ; я положу его передъ нею при васъ и уйду, не дождавшись единаго слова; но надобно, чтобъ она знала и видѣла своими глазами, что это я, я самъ передаю ей, добровольно, безъ принужденія и безъ награды.

— Опять красоваться? Влюбленъ, пащенокъ?

— Говорите пакости сколько вамъ угодно; пусть, я заслужилъ, но я не обижаюсь. О, пусть я покажусь ей мелкимъ мальчишкой, который стерегъ ее и замышлялъ заговоръ; но пусть она сознается, что я покорилъ самого себя, а счастье ея поставилъ выше всего на свѣтѣ! Ничего, Татьяна Павловна, ничего! Я кричу себѣ: куражъ и надежда! Пусть это — первый мой шагъ вступленія на поприще, но зато онъ хорошо кончился, благородно кончился! И что-жь, что я ее люблю, продолжалъ я вдохновенно и сверкая глазами: — я не стыжусь этого: мама — ангелъ небесный, а она — царица земная! Версиловъ вернется къ мамѣ, а передъ нею мнѣ стыдиться нечего; вѣдь я слышалъ-же, что они тамъ съ Версиловымъ говорили, я стоялъ за портьерой... О, мы всѣ трое — «одного безумія люди!» Да вы знаете-ли, чье это словечко: «одного безумія люди»? Это — его словечко, Андрей Петровичево! Да знаете-ли, что насъ здѣсь, можетъ быть, и больше, чѣмъ трое, одного-то безумія? Да бьюсь-же объ закладъ, что и вы, четвертая — этого-же безумія человѣкъ! Хотите скажу: бьюсь объ закладъ, что вы сами были влюблены всю жизнь въ Андрея Петровича, а, можетъ быть, и теперь продолжаете...

Повторяю, я былъ въ вдохновеніи и въ какомъ-то счастьи, но я не успѣлъ договорить: она вдругъ, какъ-то неестественно быстро схватила меня рукой за волосы и раза два качнула меня изо всей силы кни-

зу... потомъ вдругъ бросила и ушла въ уголъ, стала лицомъ къ углу и закрыла лицо платкомъ:

— Пащенокъ! Не смѣй мнѣ больше этого никогда говорить! проговорила она, плача.

Это все было такъ неожиданно, что я былъ естественно ошеломленъ. Я стоялъ и смотрѣлъ на нее, не зная еще что̀ сдѣлаю.

— Фу, дуракъ! Поди сюда, поцалуй меня, дуру! проговорила она вдругъ, плача и смѣясь:— и не смѣй, не смѣй никогда мнѣ это повторить... А я тебя люблю и всю жизнь любила... дурака.

Я ее поцаловалъ. Скажу въ скобкахъ: съ этихъ-то поръ я съ Татьяной Павловной и сталъ другомъ.

— Ахъ, да! Да что-жь это я! воскликнула она вдругъ, ударяя себя по лбу; — да что̀ ты говоришь: старикъ князь у васъ на квартирѣ? Да правда-ли?

— Увѣряю васъ.

— Ахъ, Боже мой! Охъ, тошно мнѣ! закружилась и заметалась она по комнатѣ:— и они тамъ съ нимъ распоряжаются! Эхъ, грозы-то нѣтъ на дураковъ! И съ самаго съ утра? Ай да Анна Андреевна! Ай да монашенка! А вѣдь та-то, Милитриса-то, ничего-то вѣдь и не вѣдаетъ!

— Какая Милитриса?

— Да царица-то земная, идеалъ-то! Эхъ, да что̀-жь теперь дѣлать?

— Татьяна Павловна! вскричалъ я, опомнившись: — мы говорили глупости, а забыли главное: я именно прибѣжалъ за Катериной Николаевной, и меня всѣ опять тамъ ждутъ.

И я объяснилъ, что я передамъ документъ лишь съ тѣмъ, что она дастъ слово немедленно примириться съ Анной Андреевной и даже согласиться на бракъ ея...

— И прекрасно, перебила Татьяна Павловна: — и я тоже ей сто разъ повторяла. Вѣдь онъ умретъ-же до брака-то—все равно не женится, а если денегъ оставитъ ей въ завѣщаніи, Аннѣ-то, такъ вѣдь они-же и безъ того уже вписаны туда и оставлены...

— Неужели Катеринѣ Николаевнѣ только денегъ жаль?

— Нѣтъ, она все боялась, что документъ у ней, у Анны-то, и я тоже. Мы ее и сторожили. Дочери-то не хотѣлось старика потрясти, а нѣмчуркѣ, Бьорингу, правда, и денегъ жалко было.

— И послѣ этого она можетъ выходить за Бьоринга?

— Да что-жь съ дурой подѣлаешь? Сказано — дура, такъ дура и будетъ на-вѣки. Спокойствіе, видишь, какое-то онъ ей доставитъ: «надо вѣдь, говоритъ, за кого нибудь выходить, такъ за него, будто, всего ей способнѣе будетъ»; а вотъ и увидимъ, какъ тамъ ей будетъ способнѣе. Хватитъ себя потомъ по бокамъ руками, а ужь поздно будетъ.

— Такъ вы-то чего-же допускаете? Вѣдь вы любите-же ее; вѣдь вы въ глаза-же ей говорили, что влюблены въ нее!

— И влюблена, и больше чѣмъ васъ всѣхъ люблю, вмѣстѣ взятыхъ, а всетаки она — дура безсмысленная.

— Да сбѣгайте-же за ней теперь, и мы все порѣшимъ и сами повеземъ ее къ отцу.

— Да нельзя, нельзя, дурачокъ! То-то вотъ и есть! Ахъ, что̀ дѣлать! Ахъ, тошно мнѣ! заметалась она опять, захвативъ, однако, рукою пледъ.— Э-эхъ, кабы ты раньше четырьмя часами пришелъ, а теперь — восьмой, и она еще давеча къ Пелищевымъ обѣдать отправилась, а потомъ съ ними въ оперу.

— Господи, такъ въ оперу нельзя-ли сбѣгать... да нѣтъ, нельзя! Такъ что-жь теперь съ старикомъ будетъ? Вѣдь онъ, пожалуй, ночью помретъ!

— Слушай, не ходи туда, ступай къ мамѣ, ночуй тамъ, а завтра рано...

— Нѣтъ, ни за что̀ старика не оставлю, что̀-бы ни вышло.

— И не оставляй; это—ты хорошо. А я, знаешь... побѣгу-ка я, однако, къ ней и оставлю записку... знаешь, я напишу нашими словами (она пойметъ!), что документъ тутъ, и чтобъ она завтра ровно въ десять часовъ утра была у меня — ровнешенько! Не безпокойся, явится, меня-то ужь послушается; тутъ все разомъ и сладимъ. А ты бѣги туда и финти предъ старикомъ что есть мочи, уложи его спать, авось вытянетъ до утра-то! Анну тоже не пугай; люблю вѣдь я и ее; ты къ ней несправедливъ, потому что понимать тутъ не

можешь: она обижена, она съ дѣтства была обижена; охъ, навалились вы всѣ на меня! Да не забудь, скажи ей отъ меня, что за это дѣло я сама взялась, сама, и отъ всего моего сердца, и чтобъ она была спокойна, и что гордости ея ущербу не будетъ... Вѣдь мы съ ней въ послѣдніе-то дни совсѣмъ разбранились, расплевались — изругались! Ну, бѣги... Да постой, покажи-ка опять карманъ... да правда-ли, правда-ли? Охъ, правда-ли?! Да отдай ты мнѣ это письмо хоть на ночь, чего тебѣ? Оставь, не съѣмъ. Вѣдь, пожалуй, за ночь-то изъ рукъ выпустишь... мнѣнье перемѣнишь?

— Ни за что! вскрикнулъ я: — нате, щупайте, смотрите, а ни за что вамъ не оставлю!

— Вижу, что бумажка, щупала она пальцами.— Э-эхъ, ну, хорошо, ступай, а я къ ней, можетъ, и въ театръ махну, это ты хорошо сказалъ! Да бѣги-же, бѣги!

— Татьяна Павловна, постойте: что мама?

— Жива.

— А Андрей Петровичъ?

Она махнула рукой.

— Очнется!

Я побѣжалъ ободренный, обнадеженный, хоть удалось и не такъ, какъ я разсчитывалъ. Но увы, судьба опредѣлила иначе, и меня ожидало другое, — подлинно есть фатумъ на свѣтѣ!

II.

Еще съ лѣстницы я заслышалъ въ нашей квартирѣ шумъ, и дверь въ нее оказалась отпертою. Въ корридорѣ стоялъ незнакомый лакей въ ливреѣ. Петръ Ипполитовичъ и жена его, оба чѣмъ-то перепуганные, находились тоже въ корридорѣ и чего-то ждали. Дверь къ князю была отворена, и тамъ раздавался громовый голосъ, который я тотчасъ призналъ — голосъ Бьоринга. Я не успѣлъ еще шагнуть двухъ шаговъ, какъ вдругъ увидалъ, что князя, заплаканнаго, трепещущаго, выводили въ корридоръ Бьорингъ и спутникъ его, баронъ Р. — тотъ самый, который являлся къ Версилову для переговоровъ. Князь рыдалъ въ голосъ, обнималъ и цаловалъ Бьоринга. Кричалъ-же Бьорингъ на Анну Андреевну, которая вышла было тоже въ корридоръ за княземъ; онъ ей грозилъ и, кажется, топалъ ногами — однимъ словомъ, сказался грубый солдатъ-нѣмецъ, не смотря на весь «свой высшій свѣтъ». Потомъ обнаружилось, что ему почему-то взбрело тогда въ голову, что ужь Анна Андреевна виновата въ чемъ-то даже уголовномъ, и теперь, несомнѣнно, должна отвѣчать за свой поступокъ даже передъ судомъ. По незнанію дѣла, онъ его преувеличилъ, какъ бываетъ со многими, а потому уже сталъ считать себя въ правѣ быть въ высшей степени безцеремоннымъ. Главное, онъ не успѣлъ еще вникнуть: извѣстили его обо всемъ анонимно, какъ оказалось послѣ (и объ чемъ я упомяну потомъ), и онъ налетѣлъ еще въ томъ состояніи взбѣсившагося господина, въ которомъ даже и остроумнѣйшіе люди этой національности готовы иногда драться, какъ сапожники. Анна Андреевна встрѣтила весь этотъ наскокъ въ высшей степени съ достоинствомъ, но я не засталъ того. Я видѣлъ только, что, выведя старика въ корридоръ, Бьорингъ вдругъ оставилъ его на рукахъ барона Р. и, стремительно обернувшись къ Аннѣ Андреевнѣ, прокричалъ, вѣроятно отвѣчая на какое нибудь ея замѣчаніе:

— Вы интригантка! Вамъ нужны его деньги! Съ этой минуты вы опозорили себя въ обществѣ и будете отвѣчать передъ судомъ!..

— Это вы эксплоатируете несчастнаго больнаго и довели его до безумія... а кричите на меня потому, что я — женщина и меня некому защитить...

— Ахъ, да! Вы — невѣста его, невѣста! злобно и неистово захохоталъ Бьорингъ.

— Баронъ, баронъ... Chère enfant, je vous aime, проплакнулъ князь, простирая руки къ Аннѣ Андреевнѣ.

— Идите, князь, идите, противъ васъ былъ заговоръ и, можетъ быть, даже на жизнь вашу! прокричалъ Бьорингъ.

— Oui, oui, je comprends, j'ai compris au commencement...

— Князь, возвысила было голосъ Анна Андреевна: — вы меня оскорбляете и допускаете меня оскорблять!

— Прочь! крикнулъ вдругъ на нее Бьорингъ.

Этого я не могъ снести:

— Мерзавецъ! завопилъ я на него: — Анна Андреевна, я — вашъ защитникъ!

Тутъ я подробно не стану и не могу описывать. Сцена вышла ужасная и низкая, а я вдругъ какъ-бы потерялъ разсудокъ. Кажется, я подскочилъ и ударилъ его, по крайней мѣрѣ, сильно толкнулъ. Онъ тоже ударилъ меня изо всей силы по головѣ, такъ что я упалъ на полъ. Опомнившись, я пустился уже за ними на лѣстницу; помню, что у меня изъ носу текла кровь. У подъѣзда ихъ ждала карета, и пока князя сажали, я подбѣжалъ къ каретѣ и, не смотря на отталкивавшаго меня лакея, опять бросился на Бьоринга. Тутъ, не помню какъ, очутилась полиція. Бьорингъ схватилъ меня за шиворотъ и грозно велѣлъ городовому отвести меня въ участокъ. Я кричалъ, что и онъ долженъ идти вмѣстѣ, чтобъ вмѣстѣ составить актъ, и что меня не смѣютъ взять почти что съ моей квартиры. Но такъ какъ дѣло было на улицѣ, а не въ квартирѣ, и такъ какъ я кричалъ, бранился и дрался, какъ пьяный, и такъ какъ Бьорингъ былъ въ своемъ мундирѣ, то городовой и взялъ меня. Но тутъ ужь я пришелъ въ полное изступленіе и, сопротивляясь изъ всѣхъ силъ, кажется, ударилъ и городоваго. Затѣмъ, помню, ихъ вдругъ явилось двое и меня повели. Едва помню, какъ привели меня въ какую-то дымную, закуренную комнату, со множествомъ разныхъ людей, стоявшихъ и сидѣвшихъ, ждавшихъ и писавшихъ; я продолжалъ и здѣсь кричать, я требовалъ акта. Но дѣло уже состояло не въ одномъ актѣ, а усложнилось буйствомъ и бунтомъ противъ полицейской власти. Да и былъ я въ слишкомъ безобразномъ видѣ. Кто-то вдругъ грозно закричалъ на меня. Городовой, межъ тѣмъ, обвиняя меня въ дракѣ, разсказалъ о полковникѣ...

— Какъ фамилія? крикнулъ мнѣ кто-то.

— Долгорукій, проревѣлъ я.

— Князь Долгорукій?

Внѣ себя, я отвѣтилъ какимъ-то весьма сквернымъ ругательствомъ, а затѣмъ... затѣмъ помню, что меня потащили въ какую-то темную каморку «для вытрезвленія». О, я не протестую. Вся публика прочла еще какъ-то недавно въ газетахъ жалобу какого-то господина, просидѣвшаго всю ночь подъ арестомъ, связаннаго, и тоже въ комнатѣ для вытрезвленія, но тотъ, кажется, былъ даже и не виноватъ, я-же былъ виновенъ. Я повалился на нары въ сообществѣ какихъ-то двухъ безчувственно спавшихъ людей. У меня болѣла голова, стучало въ вискахъ, стучало сердце. Должно быть, я обезпамятѣлъ и, кажется, бредилъ. Помню только, что проснулся среди глубокой ночи и присѣлъ на нарахъ. Я разомъ припомнилъ все и все осмыслилъ и, положивъ локти въ колѣни, руками подперевъ голову, погрузился въ глубокое размышленіе.

О, я не стану описывать мои чувства, да и некогда мнѣ, но отмѣчу лишь одно: можетъ быть, никогда не переживалъ я болѣе отрадныхъ мгновеній въ душѣ моей, какъ въ тѣ минуты раздумья среди глубокой ночи, на нарахъ, подъ арестомъ. Это можетъ показаться страннымъ читателю, нѣкоторымъ щелкоперствомъ, желаніемъ блеснуть оригинальностью — и, однако-же, это все было такъ, какъ я говорю. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, которыя, можетъ быть, случаются и у каждаго, но приходятъ лишь разъ какой нибудь въ жизни. Въ такую минуту рѣшаютъ судьбу свою, опредѣляютъ воззрѣніе и говорятъ себѣ разъ на всю жизнь: «Вотъ гдѣ правда и вотъ куда идти, чтобъ достать ее». Да, тѣ мгновенія были свѣтомъ души моей. Оскорбленный надменнымъ Бьорингомъ и завтра-же надѣясь быть оскорбленнымъ тою великосвѣтскою женщиною, я слишкомъ зналъ, что могу имъ ужасно отмстить, но я рѣшилъ, что не буду мстить. Я рѣшилъ, не смотря на все искушеніе, что не обнаружу документа, не сдѣлаю его извѣстнымъ уже цѣлому свѣту (какъ уже и вертѣлось въ умѣ моемъ); я повторялъ себѣ, что завтра-же положу передъ нею это письмо и, если надо, вмѣсто благодарности, вынесу даже насмѣшливую ея улыбку, но всетаки не скажу ни слова и уйду отъ нея навсегда... Впрочемъ, нечего распространяться. Обо всемъ-же томъ, что произойдетъ со мной завтра

здѣсь, какъ меня поставятъ передъ начальствомъ, и что̀ со мной сдѣлаютъ — я почти и думать забылъ. Я перекрестился съ любовью, легъ на нары и заснулъ яснымъ, дѣтскимъ сномъ.

Проснулся я поздно, когда уже разсвѣло. Въ комнатѣ я уже былъ одинъ. Я сѣлъ и сталъ молча дожидаться, долго, около часу; должно быть, было уже около девяти часовъ, когда меня вдругъ позвали. Я-бы могъ войдти въ болѣе глубокія подробности, но не стоитъ, ибо все это теперь постороннее; мнѣ-же только-бы досказать главное. Отмѣчу лишь, что, къ величайшему моему удивленію, со мной обошлись неожиданно вѣжливо: меня что̀-то спросили, я имъ что̀-то отвѣтилъ, и мнѣ тотчасъ-же позволили уйдти. Я вышелъ молча, и во взглядахъ ихъ съ удовольствіемъ прочелъ даже нѣкоторое удивленіе къ человѣку, умѣвшему даже въ такомъ положеніи не потерять своего достоинства. Если-бъ я не замѣтилъ этого, то я-бы не записалъ. У выхода ждала меня Татьяна Павловна. Въ двухъ словахъ объясню, почему это такъ легко мнѣ тогда сошло съ рукъ.

Рано утромъ, еще, можетъ быть, въ восемь часовъ, Татьяна Павловна прилетѣла въ мою квартиру, то есть къ Петру Ипполитовичу, все еще надѣясь застать тамъ князя, и вдругъ узнала о всѣхъ вчерашнихъ ужасахъ, а, главное, о томъ, что я былъ арестованъ. Мигомъ бросилась она къ Катеринѣ Николаевнѣ (которая еще вчера, возвратясь изъ театра, свидѣлась съ привезеннымъ къ ней отцомъ ея), разбудила ее, напугала и потребовала, чтобъ меня немедленно освободили. Съ запиской отъ нея она тотчасъ-же полетѣла къ Бьорингу и немедленно вытребовала отъ него другую записку, къ «кому слѣдуетъ», съ убѣдительнѣйшею просьбою самого Бьоринга немедленно освободить меня, «арестованнаго по недоразумѣнію». Съ этой запиской она и прибыла въ участокъ, и просьба ея была уважена.

III.

Затѣмъ продолжаю о главномъ.

Татьяна Павловна, подхвативъ меня, посадила на извощика и привезла къ себѣ, немедленно приказала самоваръ и сама отмыла и отчистила меня у себя въ кухнѣ. Въ кухнѣ-же громко сказала мнѣ, что въ половинѣ двѣнадцатаго къ ней будетъ сама Катерина Николаевна — какъ еще давеча онѣ условились обѣ — для свиданія со мной. Вотъ тутъ-то это и услышала Марья. Черезъ нѣсколько минутъ она подала самоваръ, а еще черезъ двѣ минуты, когда Татьяна Павловна вдругъ ее кликнула, она не отозвалась: оказалось, что она зачѣмъ-то вышла. Это я прошу очень замѣтить читателя; было-же тогда, я полагаю, безъ четверти десять часовъ. Хоть Татьяна Павловна и разсердилась на ея исчезновеніе безъ спросу, но подумала лишь, что она вышла въ лавочку, и тутъ-же пока забыла объ этомъ. Да и не до того намъ было; мы говорили безъ умолку, потому что было о чемъ, такъ что я, напримѣръ, на исчезновеніе Марьи совсѣмъ почти и не обратилъ вниманія; прошу читателя и это запомнить.

Само собою, я былъ какъ въ чаду; я излагалъ свои чувства, а главное — мы ждали Катерину Николаевну и мысль, что черезъ часъ я съ нею, наконецъ, встрѣчусь, и еще въ такое рѣшительное мгновеніе въ моей жизни, приводила меня въ трепетъ и дрожь. Наконецъ, когда я выпилъ двѣ чашки, Татьяна Павловна вдругъ встала, взяла со стола ножницы и сказала:

— Подавай карманъ, надо вынуть письмо — не при ней-же взрѣзывать.

— Да! воскликнулъ я и разстегнулъ сюртукъ.

— Что̀ это у тебя тутъ напутано? Кто зашивалъ?

— Самъ, самъ, Татьяна Павловна.

— Ну и видно, что самъ. Ну, вотъ оно...

Письмо вынули; старый пакетъ былъ тотъ-же самый, а въ немъ торчала пустая бумажка.

— Это — что-жь? воскликнула Татьяна Павловна, перевертывая ее... Что̀ съ тобой?

Но я стоялъ уже безъ языка, блѣдный... и вдругъ въ безсиліи опустился на стулъ; право, со мной чуть не случился обморокъ.

— Да что̀ тутъ еще! завопила Татьяна Павловна. — Гдѣ-жь твоя записка?

— Ламбертъ! вскочилъ я вдругъ, догадавшись и ударивъ себя по лбу.

Торопясь и задыхаясь, я ей все объяснилъ — и ночь у Ламберта, и нашъ тогдашній заговоръ; впрочемъ, я ей еще вчера признался объ этомъ заговорѣ.

— Украли! Украли! кричалъ я, топоча по полу и схвативъ себя за волосы.

— Бѣда! рѣшила вдругъ Татьяна Павловна, понявъ въ чемъ дѣло. — Который часъ?

Было около одиннадцати.

— Эхъ, нѣту Марьи!.. Марья, Марья!

— Что вамъ, барыня? вдругъ отозвалась Марья изъ кухни.

— Ты здѣсь? Да что-жь теперь дѣлать! Полечу я къ ней... Эхъ ты, рохля, рохля!

— А я — къ Ламберту! завопилъ я: — и задушу его, если надо!

— Барыня! пропищала вдругъ изъ кухни Марья: — тутъ какая-то васъ очень спрашиваетъ...

Но она еще не успѣла договорить, какъ «какая-то» стремительно, съ крикомъ и воплемъ, ворвалась сама изъ кухни. Это была Альфонсинка. Не стану описывать сцены въ полной подробности; сцена была — обманъ и поддѣлка, но должно замѣтить, что съиграла ее Альфонсинка великолѣпно. Съ плачемъ раскаянія и съ неистовыми жестами, она затрещала (по французски, разумѣется), что письмо она тогда взрѣзала сама, что оно теперь у Ламберта и что Ламбертъ, вмѣстѣ съ «этимъ разбойникомъ», cet homme noir, хотятъ зазвать m-me la générale и застрѣлить ее, сейчасъ, черезъ часъ... что она узнала все это отъ нихъ и что вдругъ ужасно испугалась, потому что у нихъ увидѣла пистолетъ, le pistolet, и теперь бросилась сюда къ намъ, чтобъ мы шли, спасли, предупредили... Cet homme noir...

Однимъ словомъ, все это было чрезвычайно правдоподобно, даже самая глупость нѣкоторыхъ альфонсинкиныхъ разъясненій усиливала правдоподобіе.

— Какой homme noir? прокричала Татьяна Павловна.

— Tiens, j'ai oublié son nom... Un homme affreux... Tiens, Versiloff.

— Версиловъ, быть не можетъ! завопилъ я.

— Ахъ, нѣтъ, можетъ! взвизгнула Татьяна Павловна: — да говори ты, матушка, не прыгая, руками-то не махай; что-жь они тамъ хотятъ? Растолкуй, матушка, толкомъ: не повѣрю-же я, что они стрѣлять въ нее хотятъ?

«Матушка» растолковала такъ (NB: все была ложь, предупреждаю опять): Versiloff будетъ сидѣть за дверью, а Ламбертъ, какъ она войдетъ, покажетъ ей cette lettre, тутъ Versiloff выскочитъ, и они ее... Oh! ils feront leur vengeance! Что она, Альфонсинка, боится бѣды, потому что сама участвовала, а cette dame, la générale, непремѣнно пріѣдетъ, «сейчасъ, сейчасъ», потому что они послали ей съ письма копію и та тотчасъ увидитъ, что у нихъ въ самомъ дѣлѣ есть это письмо и поѣдетъ къ нимъ, а написалъ ей письмо одинъ Ламбертъ, а про Версилова она не знаетъ; а Ламбертъ рекомендовался, какъ пріѣхавшій изъ Москвы, отъ одной московской дамы, une dame de Moscou (NB — Марья Ивановна!).

— Ахъ, тошно мнѣ! Ахъ, тошно мнѣ! восклицала Татьяна Павловна.

— Sauvez la, sauvez la! кричала Альфонсинка.

Ужь конечно, въ этомъ съумасшедшемъ извѣстіи даже съ перваго взгляда заключалось нѣчто несообразное, но обдумывать было некогда, потому что, въ сущности, все было ужасно правдоподобно. Можно еще было предположить, и съ чрезвычайною вѣроятностью, что Катерина Николаевна, получивъ приглашеніе Ламберта, заѣдетъ сначала къ намъ, къ Татьянѣ Павловнѣ, чтобъ разъяснить дѣло; но зато вѣдь могло и не случиться и она прямо могла проѣхать къ нимъ, а ужь тогда — она пропала! Трудно было тоже повѣрить, чтобъ она такъ и бросилась къ неизвѣстному ей Ламберту по первому зову; но опять и это могло по чему нибудь такъ случиться, напримѣръ, увидя копію и удостовѣрившись, что у нихъ въ самомъ дѣлѣ письмо ея, а тогда — все та-же бѣда! Главное, времени у насъ не оставалось ни капли, даже чтобъ разсудить.

— А Версиловъ ее зарѣжетъ! Если онъ унизилъ себя до Ламберта, то онъ ее зарѣжетъ! Тутъ двойникъ! вскричалъ я.

— Ахъ, этотъ «двойникъ!» ломала руки

Татьяна Павловна. — Ну, нечего тутъ, рѣшилась она вдругъ: — бери шапку, шубу и вмѣстѣ маршъ! Вези насъ, матушка, прямо къ нимъ. Ахъ, далеко! Марья, Марья, если Катерина Николаевна пріѣдетъ, то скажи, что я сейчасъ буду и чтобъ сѣла и ждала меня, а если не захочетъ ждать, то запри дверь и не выпускай ее силой. Скажи, что я такъ велѣла! Сто рублей тебѣ, Марья, если сослужишь службу.

Мы выбѣжали на лѣстницу. Безъ сомнѣнія, лучше нельзя было и придумать, потому что, во всякомъ случаѣ, главная бѣда была въ квартирѣ Ламберта, а если въ самомъ дѣлѣ Катерина Николаевна пріѣхала-бы раньше къ Татьянѣ Павловнѣ, то Марья всегда могла ее задержать. И, однако, Татьяна Павловна, уже подозвавъ извощика, вдругъ перемѣнила рѣшеніе.

— Ступай ты съ ней! велѣла она мнѣ, оставляя меня съ Альфонсинкой:—и тамъ умри, если надо, понимаешь? А я сейчасъ за тобой, а прежде махну-ка я къ ней, авось застану, потому что, какъ хочешь, а мнѣ подозрительно!

И она полетѣла къ Катеринѣ Николаевнѣ. Мы-же съ Альфонсинкой пустились къ Ламберту. Я погонялъ извощика и на лету продолжалъ разспрашивать Альфонсинку, но Альфонсинка больше отдѣлывалась восклицаніями, а, наконецъ, и слезами. Но насъ всѣхъ хранилъ Богъ и уберегъ, когда все уже висѣло на ниточкѣ. Мы не проѣхали еще и четверти дороги, какъ вдругъ я услышалъ за собой крикъ: меня звали по имени. Я оглянулся — насъ на извощикѣ догонялъ Тришатовъ.

— Куда? кричалъ онъ испуганно:—и съ ней, съ Альфонсинкой!

— Тришатовъ! крикнулъ я ему:—правду вы сказали — бѣда! Ѣду къ подлецу Ламберту! Поѣдемъ вмѣстѣ, все больше людей!

— Воротитесь, воротитесь сейчасъ! прокричалъ Тришатовъ: — Ламбертъ обманываетъ и Альфонсинка обманываетъ. Меня рябой послалъ; ихъ дома нѣтъ: я встрѣтилъ сейчасъ Версилова и Ламберта; они проѣхали къ Татьянѣ Павловнѣ... они теперь тамъ...

Я остановилъ извощика и перескочилъ къ Тришатову. До сихъ поръ не понимаю, какимъ образомъ я могъ такъ вдругъ рѣшиться, но я вдругъ повѣрилъ и рѣшился. Альфонсинка завопила ужасно, но мы ее бросили, и ужь не знаю, поворотила-ли она за нами или отправилась домой, но ужь я ее больше не видалъ.

На извощикѣ Тришатовъ, кое-какъ и задыхаясь, сообщилъ мнѣ, что есть какая-то махинація, что Ламбертъ согласился было съ рябымъ, но что рябой измѣнилъ ему въ послѣднее мгновеніе и самъ послалъ сейчасъ Тришатова къ Татьянѣ Павловнѣ увѣдомить ее, чтобъ Ламберту и Альфонсинкѣ не вѣрить. Тришатовъ прибавилъ, что больше онъ ничего не знаетъ, потому что рябой ему ничего больше не сообщилъ, потому что не успѣлъ, что онъ самъ торопился куда-то и что все было на-скоро. «Я увидѣлъ, продолжалъ Тришатовъ:—что вы ѣдете, и погнался за вами». Конечно, было ясно, что этотъ рябой тоже знаетъ все, потому что послалъ Тришатова прямо къ Татьянѣ Павловнѣ; но это ужь была новая загадка.

Но чтобъ не вышло путаницы, я, прежде чѣмъ описывать катастрофу, объясню всю настоящую правду и уже въ послѣдній разъ забѣгу впередъ.

IV.

Укравъ тогда письмо, Ламбертъ тотчасъ-же соединился къ Версиловымъ. О томъ, какъ могъ Версиловъ совокупиться съ Ламбертомъ — я пока и говорить не буду; это потомъ; главное — тутъ былъ «двойникъ»! Но, совокупившись съ Версиловымъ, Ламберту предстояло какъ можно хитрѣе заманить Катерину Николаевну. Версиловъ прямо утверждалъ ему, что она не придетъ. Но у Ламберта еще съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я тогда, третьяго дня вечеромъ, встрѣтилъ его на улицѣ и, зарисовавшись, объявилъ ему, что возвращу ей письмо въ квартирѣ Татьяны Павловны и при Татьянѣ Павловнѣ — у Ламберта, съ той самой минуты, надъ квартирой Татьяны Павловны устроилось нѣчто въ родѣ шпіонства, а именно — подкуплена была Марья.

Марьѣ онъ подарилъ двадцать рублей, и потомъ, черезъ день, когда совершилась кража документа, вторично посѣтилъ Марью и уже тутъ договорился съ нею радикально и обѣщалъ ей за услугу двѣсти рублей.

Вотъ почему Марья, какъ услышала давеча, что въ половинѣ двѣнадцатаго Катерина Николаевна будетъ у Татьяны Павловны и что буду тутъ и я, тотчасъ-же бросилась изъ дому и на извощикѣ прискакала съ этимъ извѣстіемъ къ Ламберту. Именно про это-то она и должна была сообщить Ламберту — въ томъ и заключалась услуга. Какъ разъ у Ламберта въ ту минуту находился и Версиловъ. Въ одинъ мигъ Версиловъ выдумалъ эту адскую комбинацію. Говорятъ, что съумасшедшіе въ иныя минуты ужасно бываютъ хитры.

Комбинація состояла въ томъ, чтобъ выманить насъ обоихъ, Татьяну и меня, изъ квартиры, во что-бы ни стало, хоть на четверть только часа, но до пріѣзда Катерины Николаевны. Затѣмъ ждать на улицѣ, и только что мы съ Татьяной Павловной выйдемъ, вбѣжать въ квартиру, которую отворитъ имъ Марья, и ждать Катерину Николаевну. Альфонсинка-же той порой должна была изъ всѣхъ силъ задерживать насъ гдѣ хочетъ и какъ хочетъ. Катерина-же Николаевна должна была прибыть, какъ обѣщала, въ половинѣ двѣнадцатаго, — стало быть, непремѣнно вдвое раньше, чѣмъ мы могли воротиться. (Само собою, что Катерина Николаевна никакого приглашенія отъ Ламберта не получала и что Альфонсинка налгала, и вотъ эту-то штуку и выдумалъ Версиловъ, во всѣхъ подробностяхъ, а Альфонсинка только разиграла роль испуганной предательницы). Разумѣется, они рисковали, но разсудили они вѣрно: «Сойдется — хорошо, не сойдется — еще ничего не потеряно, потому что документъ всетаки въ рукахъ». Но оно сошлось, да и не могло не сойдтись, потому что мы никакъ не могли не побѣжать за Альфонсинкой уже по одному только предположенію: «А ну, какъ это все правда!» Опять повторяю: разсудить было некогда.

V.

Мы вбѣжали съ Тришатовымъ въ кухню и застали Марью въ испугѣ. Она была поражена тѣмъ, что когда пропустила Ламберта и Версилова, то вдругъ какъ-то примѣтила въ рукахъ у Ламберта — револьверъ. Хоть она и взяла деньги, но револьверъ вовсе не входилъ въ ея разсчеты. Она была въ недоумѣніи и, чуть завидѣла меня, такъ ко мнѣ и бросилась:

— Генеральша пришла, а у нихъ пистолетъ!

— Тришатовъ, постойте здѣсь въ кухнѣ, распорядился я: — а чуть я крикну, бѣгите изъ всѣхъ силъ ко мнѣ на помощь.

Марья отворила мнѣ дверь въ корридорчикъ, и я скользнулъ въ спальню Татьяны Павловны — въ ту самую каморку, въ которой могла помѣститься одна лишь только кровать Татьяны Павловны и въ которой я уже разъ нечаянно подслушивалъ. Я сѣлъ на кровать и тотчасъ отыскалъ себѣ щелку въ портьерѣ.

Но въ комнатѣ уже былъ шумъ и говорили громко; замѣчу, что Катерина Николаевна вошла въ квартиру ровно минуту спустя послѣ нихъ. Шумъ и говоръ я заслышалъ еще изъ кухни: кричалъ Ламбертъ. Она сидѣла на диванѣ, а онъ стоялъ передъ ней и кричалъ, какъ дуракъ. Теперь я знаю, почему онъ такъ глупо потерялся: онъ торопился и боялся, чтобъ ихъ не накрыли; потомъ я объясню, кого именно онъ боялся. Письмо было у него въ рукахъ. Но Версилова въ комнатѣ не было: я приготовился броситься при первой опасности. Передаю лишь смыслъ рѣчей, можетъ быть, многое и не такъ припоминаю, но тогда я былъ въ слишкомъ большомъ волненіи, чтобы запомнить до послѣдней точности.

— Это письмо стоитъ тридцать тысячъ рублей, а вы удивляетесь! Оно сто тысячъ стоитъ, а я только тридцать прошу! громко и страшно горячась проговорилъ Ламбертъ.

Катерина Николаевна, хоть и видимо была испугана, но смотрѣла на него съ какимъ-то презрительнымъ удивленіемъ.

— Я вижу, что здѣсь устроена какая-то западня и ничего не понимаю, сказала

она: — но если только это письмо, въ самомъ дѣлѣ, у васъ...

— Да вотъ оно, сами видите! Развѣ не то? Въ тридцать тысячъ вексель и — ни копѣйки меньше! перебилъ ее Ламбертъ.

— У меня нѣтъ денегъ.

— Напишите вексель — вотъ бумага. Затѣмъ, пойдете и достанете денегъ, а я буду ждать, но недѣлю — не больше. Деньги принесете — отдамъ вексель и тогда и письмо отдамъ.

— Вы говорите со мной такимъ страннымъ тономъ. Вы ошибаетесь. У васъ сегодня-же отберутъ этотъ документъ, если я поѣду и пожалуюсь.

— Кому? Ха-ха-ха! А скандалъ, а письмо покажемъ князю! Гдѣ отберутъ? Я не держу документовъ въ квартирѣ. Я покажу князю черезъ третье лицо. Не упрямтесь, барыня, благодарите, что я еще не много прошу, другой-бы, кромѣ того, попросилъ еще услугъ... знаете какихъ... въ которыхъ ни одна хорошенькая женщина не отказываетъ, при стѣснительныхъ обстоятельствахъ, вотъ какихъ... Хе-хе-хе! Vous êtes belle, vous!

Катерина Николаевна стремительно встала съ мѣста, вся покраснѣла и — плюнула ему въ лицо. Затѣмъ быстро направилась было къ двери. Вотъ тутъ-то дуракъ Ламбертъ и выхватилъ револьверъ. Онъ слѣпо, какъ ограниченный дуракъ, вѣрилъ въ эффектъ документа, то есть — главное — не разглядѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, именно потому, какъ я сказалъ уже, что считалъ всѣхъ съ такими-же подлыми чувствами, какъ и онъ самъ. Онъ съ перваго слова раздражилъ ее грубостью, тогда какъ она, можетъ быть, и не уклонилась-бы войдти въ денежную сдѣлку.

— Ни съ мѣста! завопилъ онъ, разсвирѣпѣвъ отъ плевка, схвативъ ее за плечо и показывая револьверъ, — разумѣется, для одной лишь острастки. Она вскрикнула и опустилась на диванъ. Я ринулся въ комнату; но, въ ту-же минуту, изъ двери въ корридоръ выбѣжалъ и Версиловъ. (Онъ тамъ стоялъ и выжидалъ). Не успѣлъ я мигнуть, какъ онъ выхватилъ револьверъ у Ламберта и изо всей силы ударилъ его револьверомъ по головѣ. Ламбертъ зашатался и упалъ безъ чувствъ; кровь хлынула изъ его головы на коверъ.

Она-же, увидя Версилова, поблѣднѣла вдругъ, какъ полотно; нѣсколько мгновеній смотрѣла на него неподвижно, въ невыразимомъ ужасѣ, и вдругъ упала въ обморокъ. Онъ бросился къ ней. Все это теперь передо мной какъ-бы мелькаетъ. Я помню, какъ съ испугомъ увидѣлъ я тогда его красное, почти багровое лицо и налившіеся кровью глаза. Думаю, что онъ, хоть и замѣтилъ меня въ комнатѣ, но меня какъ-бы не узналъ. Онъ схватилъ ее, безчувственную, съ неимовѣрною силою поднялъ ее къ себѣ на руки, какъ перышко, и безсмысленно сталъ носить ее по комнатѣ, какъ ребенка. Комната была крошечная, но онъ слонялся изъ угла въ уголъ, видимо не понимая, зачѣмъ это дѣлаетъ. Въ одинъ какой нибудь мигъ онъ лишился тогда разсудка. Онъ все смотрѣлъ на нее, на ея лицо. Я бѣжалъ за нимъ, и, главное, боялся револьвера, который онъ такъ и забылъ въ своей правой рукѣ и держалъ его возлѣ самой ея головы. Но онъ оттолкнулъ меня разъ локтемъ, другой разъ ногой. Я хотѣлъ было крикнуть Тришатову, но боялся раздражить съумасшедшаго. Наконецъ, я вдругъ раздвинулъ портьеру и сталъ умолять его положить ее на кровать. Онъ подошелъ и положилъ, а самъ сталъ надъ нею, пристально, съ минуту смотрѣлъ ей въ лицо и вдругъ, нагнувшись, поцаловалъ ее два раза въ ея блѣдныя губы. О, я понялъ, наконецъ, что это былъ человѣкъ уже совершенно внѣ себя. Вдругъ онъ замахнулся на нее револьвером, но, какъ-бы догадавшись, обернулъ револьверъ и навелъ его ей въ лицо. Я мгновенно, изо всей силы, схватилъ его за руку и закричалъ Тришатову. Помню, мы оба боролись съ нимъ, но онъ успѣлъ вырвать свою руку и выстрѣлить въ себя. Онъ хотѣлъ застрѣлить ее, а потомъ себя. Но, когда мы не дали ея, то уткнулъ револьверъ себѣ прямо въ сердце, но я успѣлъ оттолкнуть его руку кверху и пуля попала ему въ плечо. Въ это мгновеніе съ крикомъ ворвалась Татьяна Павловна; но онъ уже лежалъ на коврѣ безъ чувствъ, рядомъ съ Ламбертомъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Заключеніе.

I.

Теперь этой сценѣ минуло почти уже полгода, и многое утекло съ тѣхъ поръ, многое совсѣмъ измѣнилось, а для меня давно уже наступила новая жизнь... Но развяжу и я читателя.

Для меня, по крайней мѣрѣ, первымъ вопросомъ, и тогда, и еще долго спустя, было: какъ могъ Версиловъ соединиться съ такимъ, какъ Ламбертъ, и какую именно цѣль онъ имѣлъ тогда въ виду? Мало по малу, я пришелъ къ нѣкоторому разъясненію: по моему, Версиловъ, въ тѣ мгновенія, то есть въ тотъ весь послѣдній день и наканунѣ, не могъ имѣть ровно никакой твердой цѣли и даже, я думаю, совсѣмъ тутъ и не разсуждалъ, а былъ подъ вліяніемъ какого-то вихря чувствъ. Впрочемъ, настоящаго съумасшествія я не допускаю вовсе, тѣмъ болѣе, что онъ — и теперь вовсе не съумасшедшій. Но «двойника» допускаю несомнѣнно. Что такое, собственно, двойникъ? Двойникъ, по крайней мѣрѣ, по одной медицинской книгѣ одного эксперта, которую я потомъ нарочно прочелъ, двойникъ, это есть ни что иное, какъ первая ступень нѣкотораго серіознаго уже разстройства души, которое можетъ повести къ довольно худому концу. Да и самъ Версиловъ, въ сценѣ у мамы, разъяснилъ намъ это тогдашнее «раздвоеніе» его чувствъ и воли съ страшною искренностью. Но, опять таки повторю: та сцена у мамы, тотъ расколотый образъ, хоть безспорно произошли подъ вліяніемъ настоящаго двойника, но мнѣ всегда съ тѣхъ поръ мерещилось, что отчасти тутъ примѣшалась и нѣкоторая злорадная аллегорія, нѣкоторая какъ-бы ненависть къ ожиданіямъ этихъ женщинъ, нѣкоторая злоба къ ихъ правамъ и къ ихъ суду, и вотъ онъ, пополамъ съ двойникомъ, и разбилъ этотъ образъ! «Такъ, дескать, расколются и ваши ожиданія!» Однимъ словомъ, если и былъ двойникъ, то была и просто блажь... Но все это — только моя догадка; рѣшить-же навѣрно — трудно.

Правда, не смотря на обожаніе Катерины Николаевны, въ немъ всегда коренилось самое искреннее и глубочайшее невѣріе въ ея нравственныя достоинства. Я навѣрно думаю, что онъ такъ и ждалъ тогда за дверью ея униженія передъ Ламбертомъ. Но хотѣлъ-ли онъ того, если даже и ждалъ? Опять таки повторяю: я твердо вѣрю, что онъ ничего тогда не хотѣлъ и даже не разсуждалъ. Ему просто хотѣлось быть тутъ, выскочить потомъ, сказать ей что нибудь, а можетъ быть — можетъ быть, и оскорбить, можетъ быть, и убить ее... Все могло случиться тогда; но только, придя съ Ламбертомъ, онъ ничего не зналъ изъ того, что случится. Прибавлю, что револьверъ былъ Ламбертовъ, а самъ онъ пришелъ безоружный. Увидя-же ея гордое достоинство, а, главное, не стерпѣвъ подлеца Ламберта, грозившаго ей, онъ выскочилъ — и ужь затѣмъ потерялъ разсудокъ. Хотѣлъ-ли онъ ее застрѣлить въ то мгновеніе? По моему, самъ не зналъ того, но навѣрно-бы застрѣлилъ, если-бъ мы не оттолкнули его руку.

Рана его оказалась не смертельною и зажила, но пролежалъ онъ довольно долго — у мамы, разумѣется. Теперь, когда я пишу эти строки — на дворѣ весна, половина мая, день прелестный и у насъ отворены окна. Мама сидитъ около него; онъ гладитъ рукой ея щеки и волосы, и съ умиленіемъ засматриваетъ ей въ глаза. О, это — только половина прежняго Версилова; отъ мамы онъ уже не отходитъ и ужь никогда не отойдетъ болѣе. Онъ даже получилъ «даръ слезный», какъ выразился незабвенный Макаръ Ивановичъ въ своей повѣсти о купцѣ; впрочемъ, мнѣ кажется, что Версиловъ проживетъ долго. Съ нами онъ теперь совсѣмъ простодушенъ и искрененъ, какъ дитя, не теряя, впрочемъ, ни мѣры, ни сдержанности, и не говоря лишняго. Весь умъ его и весь нравственный складъ его остались при немъ, хотя все, что было въ немъ идеальнаго, еще сильнѣе выступило впередъ. Я прямо скажу, что никогда столько не любилъ его, какъ теперь, и мнѣ жаль, что не имѣю ни времени, ни мѣста, чтобы поболѣе поговорить о немъ. Впрочемъ, разскажу одинъ недавній анекдотъ, (а ихъ много): къ великому посту онъ уже

выздоровѣлъ и на шестой недѣлѣ объявилъ, что будетъ говѣть. Не говѣлъ онъ лѣтъ тридцать, я думаю, или болѣе. Мама была рада; стали готовить постное кушанье, довольно, однако, дорогое и утонченное. Я слышалъ изъ другой комнаты, какъ онъ, въ понедѣльникъ и во вторникъ напѣвалъ про себя: «Се женихъ грядетъ» и восторгался и напѣвомъ, и стихомъ. Въ эти два дня онъ нѣсколько разъ прекрасно говорилъ о религіи; но въ среду говѣнье вдругъ прекратилось. Что-то его вдругъ раздражило, какой-то «забавный контрастъ», какъ онъ выразился смѣясь. Что-то не понравилось ему въ наружности священника, въ обстановкѣ; но только онъ воротился и вдругъ сказалъ съ тихою улыбкою: «Друзья мои, я очень люблю Бога, но — я къ этому неспособенъ». Въ тотъ-же день за обѣдомъ уже подали ростбифъ. Но я знаю, что мама часто и теперь садится подлѣ него и тихимъ голосомъ, съ тихой улыбкой, начинаетъ съ нимъ заговаривать иногда о самыхъ отвлеченныхъ вещахъ: теперь она вдругъ какъ-то *осмѣлилась* передъ нимъ, но какъ это случилось — не знаю. Она садится около него и говоритъ ему, всего чаще шепотомъ. Онъ слушаетъ съ улыбкою, гладитъ ея волосы, цалуетъ ея руки, и самое полное счастье свѣтится на лицѣ его. Съ нимъ бываютъ иногда и припадки, почти истерическіе. Онъ беретъ тогда ея фотографію, ту самую, которую онъ въ тотъ вечеръ цаловалъ, смотритъ на нее со слезами, цалуетъ, вспоминаетъ, подзываетъ насъ всѣхъ къ себѣ, но говоритъ въ такія минуты мало... О Катеринѣ Николаевнѣ онъ какъ будто совершенно забылъ и имени ея ни разу не упомянулъ. О бракѣ съ мамой тоже еще ничего у насъ не сказано. Хотѣли было на лѣто везти его за границу; но Татьяна Павловна настояла, чтобъ не возить, да и онъ самъ не захотѣлъ. Лѣтомъ они проживутъ на дачѣ, гдѣ-то въ деревнѣ, въ Петербургскомъ уѣздѣ. Кстати, мы всѣ пока живемъ на средства Татьяны Павловны. Одно прибавлю: мнѣ страшно грустно, что, въ теченіи этихъ записокъ, я часто позволялъ себѣ относиться объ этомъ человѣкѣ непочтительно и свысока. Но я писалъ, слишкомъ воображая себя такимъ именно, какимъ былъ въ каждую изъ тѣхъ минутъ, которыя описывалъ. Кончивъ-же записки и дописавъ послѣднюю строчку, я вдругъ почувствовалъ, что перевоспиталъ себя самого, именно процессомъ припоминанія и записыванія. Отъ многаго отрекаюсь, что̀ написалъ, особенно отъ тона нѣкоторыхъ фразъ и страницъ, но не вычеркну и не поправлю ни единаго слова.

Я сказалъ, что о Катеринѣ Николаевнѣ онъ не говоритъ ни единаго слова; но я даже думаю, что, можетъ быть, и совсѣмъ излѣчился. О Катеринѣ Николаевнѣ говоримъ иногда лишь я да Татьяна Павловна, да и то по секрету. Теперь Катерина Николаевна за границей; я видѣлся съ нею передъ отъѣздомъ и былъ у ней нѣсколько разъ. Изъ-за границы я уже получилъ отъ нея два письма и отвѣчалъ на нихъ. Но о содержаніи нашихъ писемъ и о томъ, о чемъ мы переговорили, прощаясь передъ отъѣздомъ, я умолчу: это — уже другая исторія, совсѣмъ *новая* исторія и даже, можетъ быть, вся она еще въ будущемъ. Я даже и съ Татьяной Павловной о нѣкоторыхъ вещахъ умалчиваю; но довольно. Прибавлю лишь, что Катерина Николаевна не замужемъ и путешествуетъ съ Пелищевыми. Отецъ ея скончался, и она — богатѣйшая изъ вдовъ. Въ настоящую минуту она въ Парижѣ. Разрывъ ея съ Бьорингомъ произошелъ быстро и какъ-бы самъ собой, то есть въ высшей степени натурально. Впрочемъ, разскажу объ этомъ.

Въ утро той страшной сцены, рябой, тотъ самый, къ которому перешли Тришатовъ и другъ его, успѣлъ извѣстить Бьоринга о предстоящемъ злоумышленіи. Это случилось такимъ образомъ: Ламбертъ все таки склонилъ его къ участію вмѣстѣ и, овладѣвъ тогда документомъ, сообщилъ ему всѣ подробности и всѣ обстоятельства предпріятія, а, наконецъ, и самый послѣдній моментъ ихъ плана, то есть когда Версиловъ выдумалъ комбинацію объ обманѣ Татьяны Павловны. Но въ рѣшительное мгновеніе рябой предпочелъ измѣнить Ламберту, будучи благоразумнѣе ихъ всѣхъ и предвидя въ проэктахъ ихъ возможность уголовщины. Главное-же: онъ почиталъ благодарность Бьоринга гораздо вѣрнѣе

фантастическаго плана неумѣлаго, но горячаго Ламберта и почти помѣшаннаго отъ страсти Версилова. Все это я узналъ потомъ отъ Тришатова. Кстати, я не знаю и не понимаю отношеній Ламберта къ рябому и почему Ламбертъ не могъ безъ него обойдтись. Но гораздо любопытнѣе для меня вопросъ: зачѣмъ нуженъ былъ Ламберту Версиловъ, тогда какъ Ламбертъ, имѣя уже въ рукахъ документъ, совершенно-бы могъ обойдтись безъ его помощи? Отвѣтъ мнѣ теперь ясенъ. Версиловъ нуженъ былъ ему, во первыхъ, по знанію обстоятельствъ, а, главное, Версиловъ былъ нуженъ ему, въ случаѣ переполоха или какой бѣды, чтобы свалить на него всю отвѣтственность. А такъ какъ денегъ Версилову было не надо, то Ламбертъ и почелъ его помощь даже весьма не лишнею. Но Бьорингъ не поспѣлъ тогда во-время. Онъ прибылъ уже черезъ часъ послѣ выстрѣла, когда квартира Татьяны Павловны представляла уже совсѣмъ другой видъ. А именно: минутъ пять спустя послѣ того, какъ Версиловъ упалъ на коверъ окровавленный, приподнялся и всталъ Ламбертъ, котораго мы всѣ считали убитымъ. Онъ съ удивленіемъ осмотрѣлся, вдругъ быстро сообразилъ и вышелъ въ кухню, не говоря ни слова, тамъ надѣлъ свою шубу и исчезъ навсегда. «Документъ» онъ оставилъ на столѣ. Я слышалъ, что онъ даже не былъ и боленъ, а лишь немного похворалъ: ударъ револьверомъ ошеломилъ его и вызвалъ кровь, не произведя болѣе никакой бѣды. Межъ тѣмъ, Тришатовъ уже убѣжалъ за докторомъ; но еще до доктора очнулся и Версиловъ, а еще до Версилова Татьяна Павловна, приведя въ чувство Катерину Николаевну, успѣла отвезти ее къ ней домой. Такимъ образомъ, когда вбѣжалъ къ намъ Бьорингъ, то въ квартирѣ Татьяны Павловны находились лишь я, докторъ, больной Версиловъ и мама, еще больная, но прибывшая къ нему внѣ себя и за которой сбѣгалъ тотъ-же Тришатовъ. Бьорингъ посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ, и какъ только узналъ, что Катерина Николаевна уже уѣхала, тотчасъ отправился къ ней, не сказавъ у насъ ни слова.

Онъ былъ смущенъ; онъ ясно видѣлъ, что теперь скандалъ и огласка почти неминуемы. Большаго скандала, однако-же, не произошло, а вышли лишь слухи. Скрыть выстрѣла не удалось — это правда; но вся главная исторія, въ главной сущности своей, осталась почти неизвѣстною; слѣдствіе опредѣлило только, что нѣкто В., влюбленный человѣкъ, притомъ семейный и почти пятидесятилѣтній, въ изступленіи страсти и объясняя свою страсть особѣ, достойной высшаго уваженія, но совсѣмъ не раздѣлявшей его чувствъ, сдѣлалъ, въ припадкѣ безумія, въ себя выстрѣлъ. Ничего больше не вышло наружу и въ такомъ видѣ извѣстіе проникло темными слухами и въ газеты, безъ собственныхъ именъ, съ начальными лишь буквами фамилій. По крайней мѣрѣ, я знаю, что Ламберта, напримѣръ, совсѣмъ не обезпокоили. Тѣмъ не менѣе, Бьорингъ, знавшій истину, испугался. Вотъ тутъ-то, какъ нарочно, ему вдругъ удалось узнать о происходившемъ свиданіи, глазъ на глазъ, Катерины Николаевны съ влюбленнымъ въ нее Версиловымъ, еще за два дня до той катастрофы. Это его взорвало, и онъ довольно неосторожно позволилъ себѣ замѣтить Катеринѣ Николаевнѣ, что послѣ этого его уже не удивляетъ, что съ ней могутъ происходить такія фантастическія исторіи. Катерина Николаевна тутъ-же и отказала ему, безъ гнѣва, но и безъ колебаній. Все предразсудочное мнѣніе ея о какомъ-то благоразуміи брака съ этимъ человѣкомъ исчезло какъ дымъ. Можетъ быть, она уже и давно передъ тѣмъ его разгадала, а, можетъ быть, послѣ испытаннаго потрясенія, вдругъ измѣнились нѣкоторые ея взгляды и чувства. Но тутъ я опять умолкаю. Прибавлю только, что Ламбертъ исчезъ въ Москву, и я слышалъ, что тамъ въ чемъ-то попался. А Тришатова я давно уже, почти съ тѣхъ самыхъ поръ, выпустилъ изъ виду, какъ ни стараюсь отыскать его слѣдъ даже и теперь. Онъ исчезъ послѣ смерти своего друга «le grand dadais»: тотъ застрѣлился.

II.

Я упомянулъ о смерти стараго князя Николая Ивановича. Добрый, симпатичный старикъ этотъ умеръ скоро послѣ проис-

шествія, впрочемъ, однако, цѣлый мѣсяцъ спустя — умеръ ночью, въ постели, отъ нервнаго удара. Я, съ того самаго дня, который онъ прожилъ на моей квартирѣ, не видалъ его болѣе. Разсказывали про него, что будто-бы онъ сталъ въ этотъ мѣсяцъ несравненно разумнѣе, даже суровѣе, не пугался болѣе, не плакалъ и даже совсѣмъ ни разу не произнесъ во все это время ни единаго слова объ Аннѣ Андреевнѣ. Вся любовь его обратилась къ дочери. Катерина Николаевна какъ-то разъ, за недѣлю до его смерти, предложила было ему призвать меня для развлеченія, но онъ даже нахмурился: фактъ этотъ сообщаю безъ всякихъ объясненій. Имѣніе его оказалось въ порядкѣ и, кромѣ того оказался весьма значительный капиталъ. До трети этого капитала пришлось, по завѣщанію старика, раздѣлить безчисленнымъ его крестницамъ; но чрезвычайно странно показалось для всѣхъ, что объ Аннѣ Андреевнѣ въ завѣщаніи этомъ не упоминалось вовсе: ея имя было пропущено. Но вотъ что, однако-же, мнѣ извѣстно, какъ достовѣрнѣйшій фактъ: за нѣсколько лишь дней до смерти, старикъ, призвавъ дочь и друзей своихъ, Пелищева и князя В — го, велѣлъ Катеринѣ Николаевнѣ, въ возможномъ случаѣ близкой кончины его, непремѣнно выдѣлить изъ этого капитала Аннѣ Андреевнѣ шестьдесятъ тысячъ рублей. Высказалъ онъ свою волю точно, ясно и кратко, не позволивъ себѣ ни единаго восклицанія и ни единаго поясненія. По смерти его и когда уже выяснились дѣла, Катерина Николаевна увѣдомила Анну Андреевну, черезъ своего повѣреннаго, о томъ, что та можетъ получить эти шестьдесятъ тысячъ когда захочетъ; но Анна Андреевна сухо и безъ лишнихъ словъ, отклонила предложеніе: она отказалась получить деньги, не смотря на всѣ увѣренія, что такова была, дѣйствительно, воля князя. Деньги и теперь еще лежатъ, ее ожидая, и теперь еще Катерина Николаевна надѣется, что она перемѣнитъ рѣшеніе; но этого не случится, и я знаю про то навѣрно, потому что я теперь одинъ изъ самыхъ близкихъ знакомыхъ и друзей Анны Андреевны. Отказъ ея надѣлалъ нѣкотораго шуму, и объ этомъ заговорили. Тетка ея, Фанаріотова, раздосадованная было сначала ея скандаломъ съ старымъ княземъ, вдругъ перемѣнила мнѣніе и, послѣ отказа ея отъ денегъ, торжественно заявила ей свое уваженіе. Зато братъ ея разссорился съ нею за это окончательно. Но хоть я и часто бываю у Анны Андреевны, но не скажу, чтобъ мы пускались въ большія интимности; о старомъ не упоминаемъ вовсе; она принимаетъ меня къ себѣ очень охотно; но говоритъ со мной какъ-то отвлеченно. Между прочимъ, она твердо заявила мнѣ, что непремѣнно пойдетъ въ монастырь; это было недавно; но я ей не вѣрю и считаю лишь за горькое слово.

Но горькое, настоящее горькое слово предстоитъ мнѣ сказать въ особенности о сестрѣ моей Лизѣ. Вотъ тутъ — такъ несчастье, да и что̀ такое всѣ мои неудачи передъ ея горькой судьбой! Началось съ того, что князь Сергѣй Петровичъ не выздоровѣлъ и, не дождавшись суда, умеръ въ больницѣ. Скончался онъ еще раньше князя Николая Ивановича. Лиза осталась одна, съ будущимъ своимъ ребенкомъ. Она не плакала и съ виду была даже спокойна; сдѣлалась кротка, смиренна; но вся прежняя горячность ея сердца какъ будто разомъ куда-то въ ней схоронилась. Она смиренно помогала мамѣ, ходила за больнымъ Андреемъ Петровичемъ, но стала ужасно неразговорчива, ни на кого и ни на что̀ даже не взглядывала, какъ будто ей все равно, какъ будто она лишь проходитъ мимо. Когда Версилову сдѣлалось легче, она начала много спать. Я приносилъ было ей книги, но она не читала ихъ; она стала страшно худѣть. Я какъ-то не осмѣливался начать утѣшать ее, хотя часто приходилъ именно съ этимъ намѣреніемъ; но въ присутствіи ея мнѣ какъ-то не подходилось къ ней, да и словъ такихъ не оказывалось у меня, чтобъ заговорить объ этомъ. Такъ продолжалось до одного страшнаго случая: она упала съ нашей лѣстницы, не высоко, всего съ трехъ ступенекъ, но она выкинула, и болѣзнь ея продолжалась почти всю зиму. Теперь она уже встала съ постели, но здоровью ея надолго нанесенъ ударъ. Она, по прежнему, молчалива съ

нами и задумчива, но съ мамой начала понемногу говорить. Всѣ эти послѣдніе дни стояло яркое, высокое, весеннее солнце, и я все припоминалъ про себя то солнечное утро, когда мы, прошлою осенью, шли съ нею по улицѣ, оба радуясь и надѣясь и любя другъ друга. Увы, что̀ сталось послѣ того? Я не жалуюсь, для меня наступила новая жизнь, но она? Ея будущее—загадка, а теперь я и взглянуть на нее не могу безъ боли.

Недѣли три назадъ, я, однако-жь, успѣлъ заинтересовать ее извѣстіемъ о Васинѣ. Онъ былъ, наконецъ, освобожденъ и выпущенъ совсѣмъ на свободу. Этотъ благоразумный человѣкъ далъ, говорятъ, самыя точныя изъясненія и самыя интересныя сообщенія, которыя вполнѣ оправдали его во мнѣніи людей, отъ которыхъ зависѣла его участь. Да и пресловутая рукопись его оказалась не болѣе, какъ переводомъ съ французскаго, такъ сказать, матеріаломъ, который онъ собиралъ единственно для себя, намѣреваясь составить потомъ изъ него одну полезную статью для журнала. Онъ отправился теперь въ —ю губернію, а отчимъ его, Стебельковъ, и доселѣ продолжаетъ сидѣть въ тюрьмѣ по своему дѣлу, которое, какъ я слышалъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разростается и усложняется. Лиза выслушала объ Васинѣ съ странною улыбкою и замѣтила даже, что съ нимъ непремѣнно должно было такъ случиться. Но она была, видимо, довольна — конечно, тѣмъ, что вмѣшательство покойнаго князя Сергѣя Петровича не повредило Васину. Про Дергачева-же и другихъ я здѣсь ничего не имѣю сообщить.

Я кончилъ. Можетъ быть, иному читателю захотѣлось-бы узнать: куда-жь это дѣвалась моя «идея» и что̀ такое та новая, начавшаяся для меня теперь жизнь, о которой я такъ загадочно возвѣщаю? Но эта новая жизнь, этотъ новый, открывшійся передо мною путь и есть моя-же «идея», та самая, что̀ и прежде, но уже совершенно въ иномъ видѣ, такъ что ее уже и узнать нельзя. Но въ «Записки» мои все это войдти уже не можетъ, потому что это — уже совсѣмъ другое. Старая жизнь отошла совсѣмъ, а новая едва начинается. Но, прибавлю, однако, необходимое: Татьяна Павловна, искренній и любимый другъ мой, пристаетъ ко мнѣ чуть не каждый день съ увѣщаніями непремѣнно и какъ можно скорѣе поступить въ университетъ: «Потомъ, какъ кончишь ученіе, тогда и выдумывай, а теперь доучись». Признаюсь, я задумываюсь о ея предложеніи, но совершенно не знаю, чѣмъ рѣшу. Между прочимъ, я возразилъ ей, что я даже и не имѣю теперь права учиться, потому что долженъ трудиться, чтобы содержать маму и Лизу; но она предлагаетъ на то свои деньги и увѣряетъ, что ихъ достанетъ на все время моего университета. Я рѣшился, наконецъ, спросить совѣта у одного человѣка. Разсмотрѣвъ кругомъ меня, я выбралъ этого человѣка тщательно и критически. Это — Николай Семеновичъ, бывшій мой воспитатель въ Москвѣ, мужъ Марьи Ивановны. Не то чтобы я такъ нуждался въ чьемъ нибудь совѣтѣ; но мнѣ просто и неудержимо захотѣлось услышать мнѣніе этого совершенно посторонняго и даже нѣсколько холоднаго эгоиста, но безспорно умнаго человѣка. Я послалъ ему всю мою рукопись, прося секрета, потому что я не показывалъ еще ее никому, и, въ особенности, Татьянѣ Павловнѣ. Посланная рукопись прибыла ко мнѣ обратно черезъ двѣ недѣли и при довольно длинномъ письмѣ. Изъ письма этого сдѣлаю лишь нѣсколько выдержекъ, находя въ нихъ нѣкоторый общій взглядъ и какъ-бы нѣчто разъяснительное. Вотъ эти выдержки.

III.

«...И никогда не могли вы, незабвенный Аркадій Макаровичъ, употребить съ бо̀льшею пользою вашъ временный досугъ, какъ теперь, написавъ эти ваши «Записки»! Вы дали себѣ, такъ сказать, сознательный отчетъ о первыхъ, бурныхъ и рискованныхъ шагахъ вашихъ на жизненномъ поприщѣ. Твердо вѣрю, что симъ изложеніемъ вы, дѣйствительно, могли во многомъ «перевоспитать себя», какъ выразились сами. Собственно критическихъ замѣтокъ, разу-

мѣется, не позволю себѣ ни малѣйшихъ: хотя каждая страница наводитъ на размышленія... напримѣръ, то обстоятельство, что вы такъ долго и такъ упорно держали у себя «документъ» — въ высшей степени характеристично... Но это—лишь одна замѣтка изъ сотенъ, которую я разрѣшилъ себѣ. Весьма цѣню тоже, что вы рѣшились мнѣ сообщить, и, повидимому, мнѣ одному, «тайну вашей идеи», по собственному вашему выраженію. Но въ просьбѣ вашей сообщить мое мнѣніе собственно объ этой «идеѣ» долженъ вамъ рѣшительно отказать: во первыхъ, на письмѣ не умѣстится, а, во вторыхъ—и самъ не готовъ къ отвѣту, и мнѣ надо еще это переварить. Замѣчу лишь, что «идея» ваша отличается оригинальностью, тогда какъ молодые люди текущаго поколѣнія набрасываются, бо́льшею частію, на идеи невыдуманныя, а предварительно данныя, и запасъ ихъ весьма не великъ, а часто и опасенъ. Ваша, напримѣръ, «идея» уберегла васъ, по крайней мѣрѣ, на время, отъ идей гг. Дергачева и комп., безъ сомнѣнія, не столь оригинальныхъ, какъ ваша. А, наконецъ, я въ высшей степени согласенъ съ мнѣніемъ многоуважаемѣйшей Татьяны Павловны, которую, хотя и знавалъ лично, но не въ состояніи былъ доселѣ оцѣнить въ той мѣрѣ, какъ она того заслуживаетъ. Мысль ея о поступленіи вашемъ въ университетъ въ высшей степени для насъ благотворна. Наука и жизнь несомнѣнно раскроютъ, въ три — четыре года, еще шире горизонты мыслей и стремленій вашихъ, а, если и послѣ университета пожелаете снова обратиться къ вашей «идеѣ», то ничто не помѣшаетъ тому.

«Теперь позвольте мнѣ самому, и уже безъ вашей просьбы, изложить вамъ откровенно нѣсколько мыслей и впечатлѣній, пришедшихъ мнѣ въ умъ и душу при чтеніи столь откровенныхъ «Записокъ» вашихъ. Да, я согласенъ съ Андреемъ Петровичемъ, что за васъ и за *уединенную* юность вашу, дѣйствительно, можно было опасаться. И такихъ, какъ вы, юношей не мало, и способности ихъ, дѣйствительно, всегда угрожаютъ развиться къ худшему — или въ молчалинское подобострастіе, или въ затаенное желаніе безпорядка. Но это желаніе безпорядка—и даже чаще всего—происходитъ, можетъ быть, отъ затаенной жажды порядка и «благообразія»—(употребляю ваше слово). Юность чиста уже потому, что она — юность. Можетъ быть, въ этихъ, столь раннихъ порывахъ безумія, заключается именно эта жажда порядка и это исканіе истины, и кто-жь виноватъ, что нѣкоторые современные молодые люди видятъ эту истину и этотъ порядокъ въ такихъ глупенькихъ и смѣшныхъ вещахъ, что не понимаешь даже, какъ могли они имъ повѣрить! Замѣчу кстати, что прежде, въ довольно недавнее прошлое, всего лишь поколѣніе назадъ, этихъ интересныхъ юношей можно было и не столь жалѣть, ибо въ тѣ времена они почти всегда кончали тѣмъ, что съ успѣхомъ примыкали, впослѣдствіи, къ нашему высшему культурному слою и сливались съ нимъ въ одно цѣлое. И если, напримѣръ, и сознавали, въ началѣ дороги, всю безпорядочность и случайность свою, все отсутствіе благороднаго въ ихъ хотябы семейной обстановкѣ, отсутствіе родоваго преданія и красивыхъ законченныхъ формъ, то тѣмъ даже и лучше было, ибо уже сознательно добивались того потомъ сами и тѣмъ самымъ пріучались его цѣнить. Нынѣ уже нѣсколько иначе—именно потому, что примкнуть почти не къ чему.

«Разъясню сравненіемъ или, такъ сказать, уподобленіемъ. Если-бы я былъ русскимъ романистомъ и имѣлъ талантъ, то непремѣнно бралъ-бы героевъ моихъ изъ русскаго родоваго дворянства, потому, что лишь въ одномъ этомъ типѣ культурныхъ русскихъ людей возможенъ хоть видъ красиваго порядка и красиваго впечатлѣнія, столь необходимаго въ романѣ для изящнаго воздѣйствія на читателя. Говоря такъ, вовсе не шучу, хотя самъ я — совершенно не дворянинъ, что, впрочемъ, вамъ и самимъ извѣстно. Еще Пушкинъ намѣтилъ сюжеты будущихъ романовъ своихъ въ «Преданіяхъ русскаго семейства», и, повѣрьте, что тутъ, дѣйствительно, все, что́ у насъ было доселѣ красиваго. По крайней мѣрѣ, тутъ все, что́ было у насъ хотя сколько нибудь завершеннаго. Я не потому

говорю, что такъ уже безусловно согласенъ съ правильностью и правдивостью красоты этой; но тутъ, напримѣръ, уже были законченныя формы чести и долга, чего, кромѣ дворянства, нигдѣ на Руси не только нѣтъ законченнаго, но даже нигдѣ и не начато. Я говорю, какъ человѣкъ спокойный и ищущій спокойствія.

«Тамъ хороша-ли эта честь и вѣренъ-ли долгъ — это вопросъ второй; но важнѣе для меня именно законченность формъ и хоть какой нибудь да порядокъ, и уже не предписанный, а самими, наконецъ-то, выжитый. Боже, да у насъ именно важнѣе всего хоть какой нибудь, да свой, наконецъ, порядокъ! Въ томъ заключалась надежда и, такъ сказать, отдыхъ глазу: хоть что нибудь, наконецъ, построенное, а не вѣчная эта ломка, не летающія повсюду щепки, не мусоръ и соръ, изъ которыхъ вотъ уже двѣсти лѣтъ все ничего не выходитъ.

«Не обвините въ славянофильствѣ; это — я лишь такъ, отъ мизантропіи, ибо тяжело на сердцѣ! Нынѣ, съ недавняго времени, происходитъ у насъ нѣчто совсѣмъ обратное изображенному выше. Уже не соръ приростаетъ къ высшему слою людей, а, напротивъ, отъ красиваго типа отрываются, съ веселою торопливостью, куски и комки и сбиваются въ одну кучу съ безпорядствующими и завидующими. И далеко не единичный случай, что самые отцы и родоначальники бывшихъ культурныхъ семействъ смѣются уже надъ тѣмъ, во что, можетъ быть, еще хотѣли-бы вѣрить ихъ дѣти. Мало того, съ увлеченіемъ не скрываютъ отъ дѣтей своихъ свою алчную радость о внезапномъ правѣ на безчестье, которое они вдругъ изъ чего-то вывели цѣлою массой. Не про истинныхъ прогрессистовъ я говорю, милѣйшій Аркадій Макаровичъ, а про тотъ лишь сбродъ, оказавшійся безчисленнымъ, про который сказано: Grattez le russe et vous verrez le tartare. И повѣрьте, что истинныхъ либераловъ, истинныхъ и великодушныхъ друзей человѣчества, у насъ вовсе не такъ много, какъ это намъ вдругъ показалось.

«Но все это — философія; воротимся къ воображаемому романисту. Положеніе нашего романиста, въ такомъ случаѣ, было-бы совершенно опредѣленное: онъ не могъ-бы писать въ другомъ родѣ, какъ въ историческомъ, ибо красиваго типа уже нѣтъ въ наше время, а, если и остались остатки, то, по владычествующему теперь мнѣнію, не удержали красоты за собою. О, и въ историческомъ родѣ возможно изобразить множество еще чрезвычайно пріятныхъ и отрадныхъ подробностей! Можно даже до того увлечь читателя, что онъ приметъ историческую картину за возможную еще и въ настоящемъ. Такое произведеніе, при великомъ талантѣ, уже принадлежало-бы не столько къ русской литературѣ, сколько къ русской исторіи. Это была-бы картина, художественно законченная, русскаго миража, но существовавшаго дѣйствительно, пока не догадались, что это — миражъ. Внукъ тѣхъ героевъ, которые были изображены въ картинѣ, изображавшей русское семейство средне-высшаго культурнаго круга въ теченіи трехъ поколѣній сряду и въ связи съ исторіей русской — этотъ потомокъ предковъ своихъ уже не могъ-бы быть изображенъ въ современномъ типѣ своемъ иначе, какъ въ нѣсколько мизантропическомъ, уединенномъ и несомнѣнно грустномъ видѣ. Даже долженъ явиться какимъ нибудь чудакомъ, котораго читатель, съ перваго взгляда, могъ-бы признать, какъ за сошедшаго съ поля, и убѣдиться, что не за нимъ осталось поле. Еще далѣе — и исчезнетъ даже и этотъ внукъ-мизантропъ; явятся новыя лица, еще неизвѣстныя, и новый миражъ; но какіяже лица? Если некрасивыя, то невозможенъ дальнѣйшій русскій романъ. Но увы! романъ-ли только окажется тогда невозможнымъ?

«Чѣмъ далеко ходить, прибѣгну къ вашей-же рукописи. Взгляните, напримѣръ, на оба семейства господина Версилова (на сей разъ позвольте ужь мнѣ быть вполнѣ откровеннымъ). Во первыхъ, про самого Андрея Петровича я не распространяюсь; но, однако, онъ — все-же изъ родоначальниковъ. Это — дворянинъ древнѣйшаго рода и, въ тоже время, парижскій коммунаръ. Онъ истинный поэтъ и любитъ Россію, но зато и отрицаетъ ее вполнѣ. Онъ безъ всякой религіи, но готовъ почти уме-

реть за что-то неопредѣленное, чего и назвать не умѣетъ, но во что̀ страстно вѣруетъ, по примѣру множества русскихъ европейскихъ цивилизаторовъ петербургскаго періода русской исторіи. Но довольно о немъ самомъ; вотъ, однако-же, его родовое семейство: про сына его и говорить не стану, да и не сто̀итъ онъ этой чести. Тѣ, у кого есть глаза, знаютъ заранѣе, до чего дойдутъ у насъ подобные сорванцы, а кстати и другихъ доведутъ. Но вотъ его дочь, Анна Андреевна — и чѣмъ-же не съ характеромъ дѣвица? Лицо въ размѣрахъ матушки игуменьи Митрофаніи, — разумѣется, не предрекая ничего уголовнаго, что̀ было-бы уже несправедливымъ съ моей стороны. Скажите мнѣ теперь, Аркадій Макаровичъ, что семейство это — явленіе случайное, и я возрадуюсь духомъ. Но, напротивъ, не будетъ-ли справедливѣе выводъ, что уже множество такихъ несомнѣнно родовыхъ семействъ русскихъ съ неудержимою силою переходятъ массами въ семейства *случайныя* и сливаются съ ними въ общемъ безпорядкѣ и хаосѣ. Типъ этого случайнаго семейства указываете отчасти и вы въ вашей рукописи. Да, Аркадій Макаровичъ, вы—*членъ случайнаго семейства,* въ противоположность еще недавнимъ родовымъ нашимъ типамъ, имѣвшимъ столь различныя отъ вашихъ дѣтство и отрочество.

«Признаюсь, не желалъ-бы я быть романистомъ героя изъ случайнаго семейства!

«Работа неблагодарная и безъ красивыхъ формъ. Да и типы эти, во всякомъ случаѣ—еще дѣло текущее, а потому и не могутъ быть художественно-законченными. Возможны важныя ошибки, возможны преувеличенія, недосмотры. Во всякомъ случаѣ, предстояло-бы слишкомъ много угадывать. Но что̀ дѣлать, однако-жь, писателю, не желающему писать лишь въ одномъ историческомъ родѣ и одержимому тоской по текущему? Угадывать и... ошибаться.

«Но такія «Записки», какъ ваши, могли-бы, кажется мнѣ, послужить матеріаломъ для будущаго художественнаго произведенія, для будущей картины, безпорядочной, но уже прошедшей эпохи. О, когда минетъ злоба дня и настанетъ будущее, тогда будущій художникъ отыщетъ прекрасныя формы даже для изображенія минувшаго безпорядка и хаоса. Вотъ тогда-то и понадобятся подобныя «Записки», какъ ваши, и дадутъ матеріалъ—были-бы искренни, не смотря даже на всю ихъ хаотичность и случайность... Уцѣлѣютъ, по крайней мѣрѣ, хотя нѣкоторыя вѣрныя черты, чтобъ угадать по нимъ, что̀ могло таиться въ душѣ иного подростка тогдашняго смутнаго времени — дознаніе, не совсѣмъ ничтожное, ибо изъ подростковъ созидаются поколѣнія»...

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.